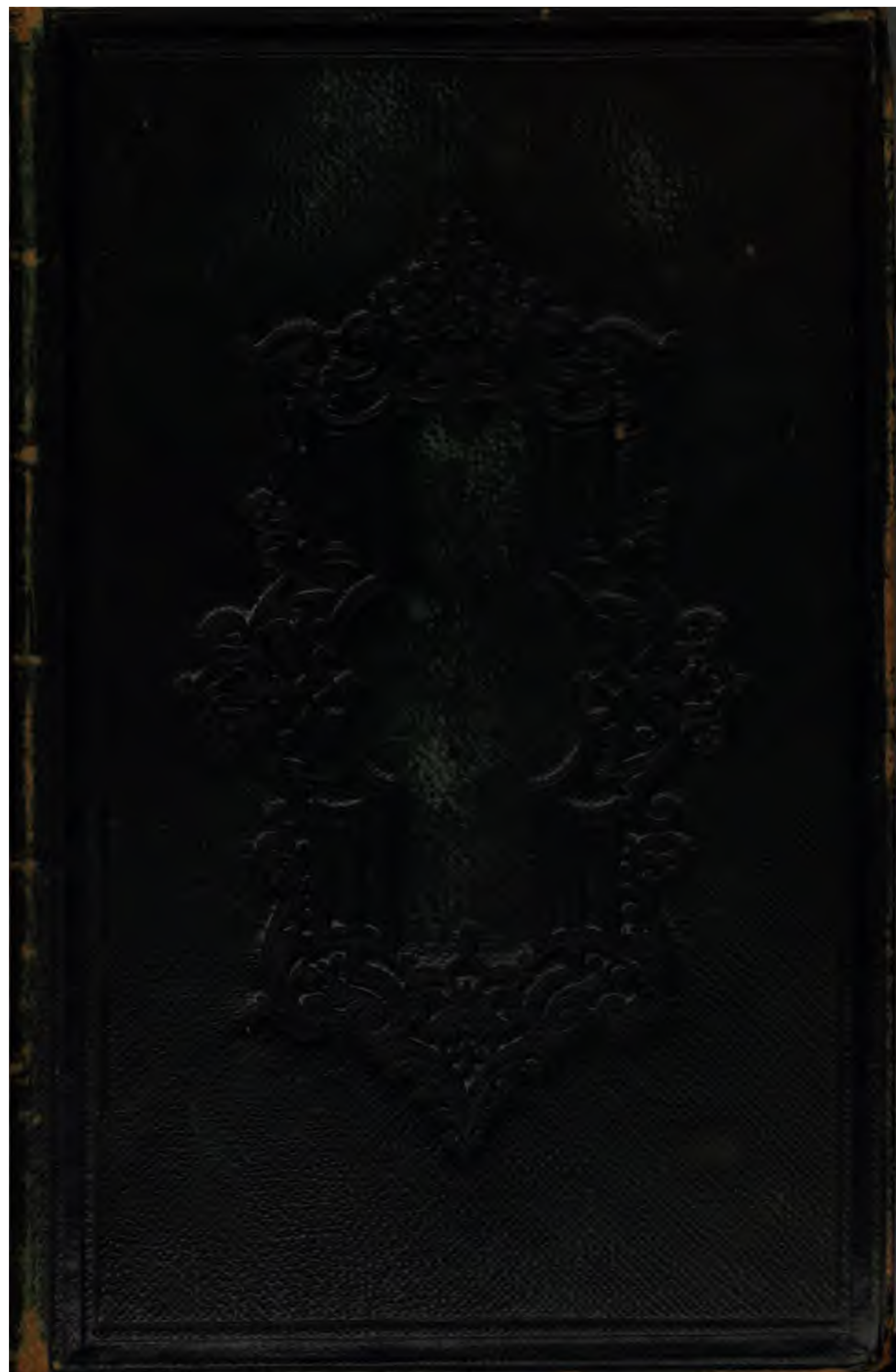

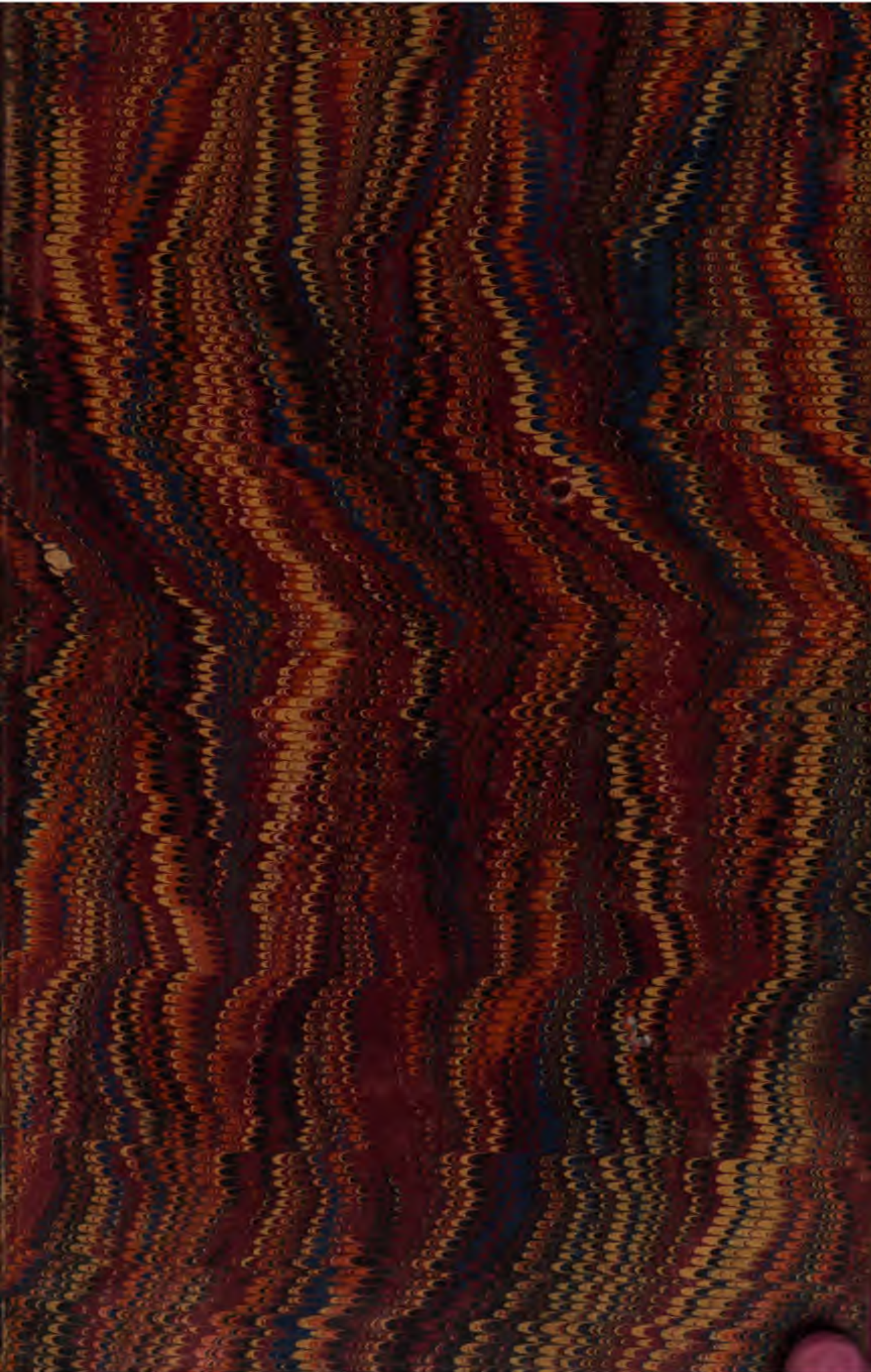

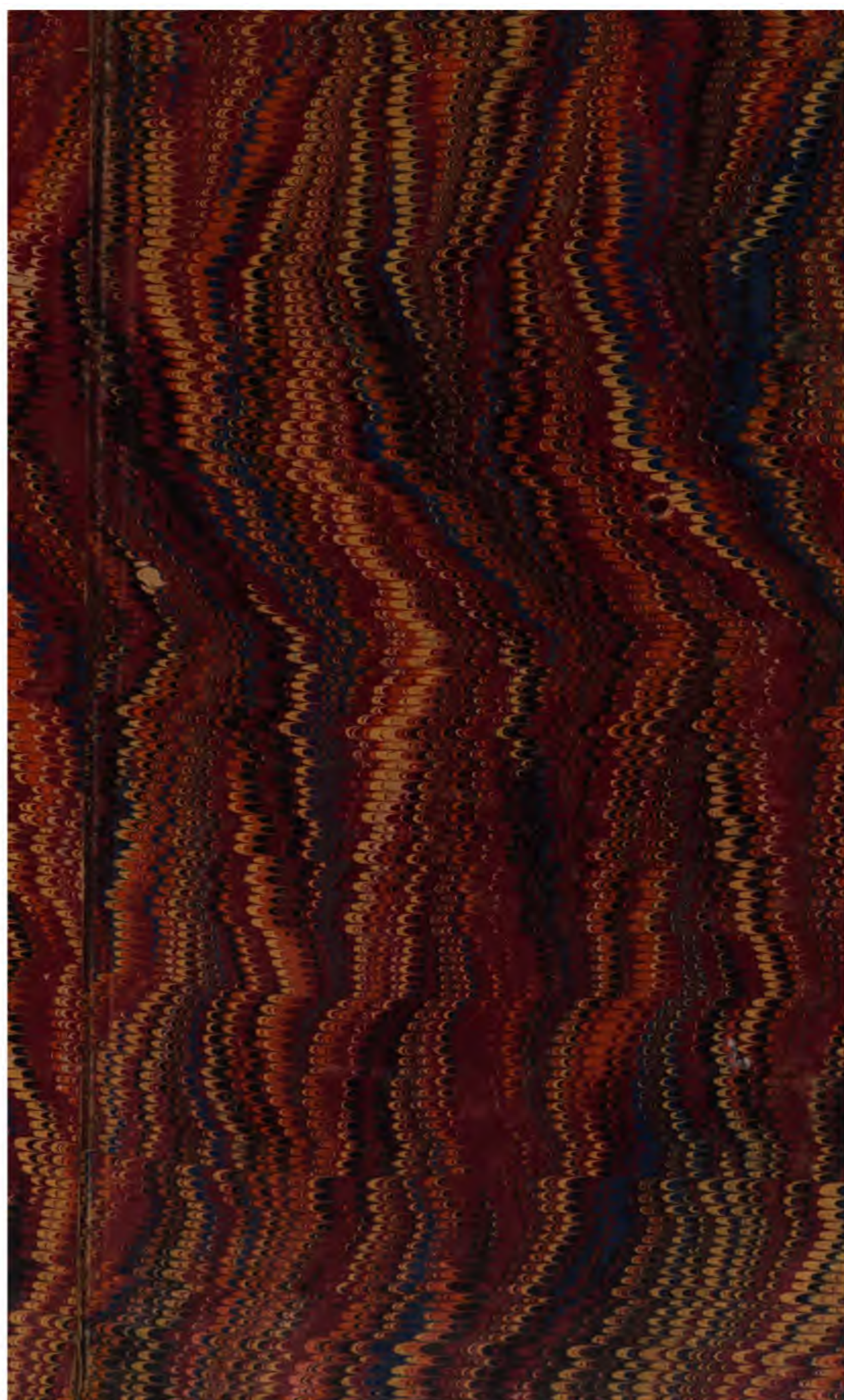

ИСТОРІЯ

МАЛОРОССІИ.

Николая Маркевича.

Pulchrum est benefacere reipublicæ: etiam bene dicere haud absurdum est.

Sallust. bellum Catilinarium.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе книгопродавца О. И. Хрусталева.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1842.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАЛОРОССІЯ

от древнихъ временъ до Лянцкоронскаго,
по 1500 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЛЯНЦКОРОНСКАГО, ПО 1500 ГОДЪ.

ГЛАВА I.

Стран.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

отъ Лянцкоронскаго до уніи, 1500 — 1592.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ НАЧАЛА УНІИ ДО БОГДАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО, 1592—1646.

ГЛАВА V.

Ѳедоръ Косинскій.

ГЛАВА VI.

Павелъ Наливайко.

ГЛАВА VII.

Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

Стран.

ГЛАВА VIII.

МЕЖДО-ГЕТМАНСТВО.

Не всѣми Козаками признанные Гетманы: Олиферъ Стеблевецъ, Богданъ Конга, Жара, Максимъ Григорьевичъ, Михаилъ Дорошенко и Грицько Чорный.

ГЛАВА IX.

Тарасъ Трясило, Семенъ Перевязка и Павлюга.

ГЛАВА X.

Стефанъ Остряница, Савалтовичъ, Карпъ Полтора-Кожуха и Максимъ Гулакъ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТЪ ПОГОЛОВНАГО ВОЗСТАНІЯ ПО СМЕРТЬ ХМѢЛЬНИЦКАГО,

1646—1657.

ГЛАВА XI.

Барабашъ.

Стран.

ГЛАВА XII.

Богданъ Хмѣльницкій.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIV.

Стран.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

Стран.

ГЛАВА XVIII.

ГЛАВА XIX.

Стран.

ГЛАВА XX.

ГЛАВА XXI.

ГЛАВА XXII.

ГЛАВА I.

Границы. Описаніе страны. Аборигены. Раздѣленіе исторіи на періоды. Начало Малороссіи. Аскольдъ и Диръ. Олегъ. Кіевъ. Русь. Христіанство. Разореніе Кіева. Междоусобія Калка. Батый. Гибель Кіева и Чернигова. Глуховъ. Моръ. Кн. Симеонъ Михайловичъ. Олтава. Торки. Черные Клобуки. Черкасы. Происхожденіе Малороссійскихъ козаковъ. Первые Запорожцы. Митрополитъ Максимъ, Грекъ. Митрополія по Владимірѣ. Левъ Даниловичъ, король Русскій. Гедиминъ. Литовцы. Полковники и Воеводы. Битва надъ Ирпенью. Миндовгъ. Епископъ Генрихъ. Языкъ и письмена. Статутъ. Пакты и Привилегіи. Георгій Андреевичъ. Малороссія. Война съ Прусаками и Ливонцами. Синія воды. Война съ Поляками. Присоединеніе Литвы и Малороссіи къ Польшѣ. Пакта Конвента. Права трехъ союзныхъ народовъ. Витовтъ. Владиміръ Ольгердовичъ. Убійство Скиригайлы. Тохтамышъ. Битва надъ Ворсклою. Гетманъ Вѣнцеславъ. Динабургская битва. Битва Таненбергская. Привилегіи Малороссіянъ. Эдигей. Новая привилегія. Война съ Портою. Іоаннъ и Андрей Гольшанскіе. Олелько Владиміровичъ. Битва подъ Варною. Симеонъ Олельковичъ. Гастольдъ. Раздѣленіе Малороссіи на воеводства. Крымцы въ Кіевѣ. Отпаденіе къ Россіи Чернигова, Новагорода Сѣверскаго и другихъ городовъ. Заключеніе.

Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣстра, отъ Клевени до Орели и отъ обѣихъ Галицій до сѣвернаго Донца, по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, ее посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Евро-

пы; богатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностью плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣняетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію; климатъ въ ней благорастворенный, растительность изумительная, и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее колыбелью народовъ послѣ потопа. Сія страна издревле была обитаема народами Славянскаго поколѣнія: Полянами по Днѣпру, Суличами по Сулѣ, Сѣверянами по Деснѣ, Древлянами по Словечнѣ и Припети, Бужанами и Дулѣбами по Бугу западному, Тиверцами по Бугу южному и по Днѣстру.

Жизнь Малороссіи представляетъ шесть картинъ разительныхъ, рѣзкими чертами одна отъ другой отдѣленныхъ. Это шесть періодовъ ея Исторіи. Въ первомъ мы видимъ ее Русью, несущею тягость рабства подъ игомъ Татаръ, вмѣстѣ съ своими единоплеменниками, сѣверными Руссами. Вскорѣ отдѣлилась она отъ младшихъ братьевъ своихъ, обитателей сѣвера; избавясь отъ угнѣтенія Татарскаго, назвалась Малою Россіею, присоединилась къ Литвѣ, а съ нею и къ Польшѣ, но управляема была своими удѣльными Князьями, потомками Рюрика, и воеводами, назначенными Литвою или Королемъ Польскимъ. Во второмъ періодѣ мы видимъ ее подъ управленіемъ Гетмановъ, избранныхъ народомъ изъ среды себя. Здѣсь жизнь ея въ полномъ разгулѣ страстей; Запорожцы заставляютъ трепетать и Хана Крымскаго, и Султана Турецкаго; отъ нихъ нерѣдко призадумывается самъ Польскій Король. Въ третьемъ отдѣлѣ является Унія;

Малороссія претерпѣваетъ неисчислимыя бѣдствія; уже не вѣрны ни жизнь, ни собственность народа въ его борьбѣ за Православіе; храмы Христіанскіе у Жидовъ на откупѣ; Духовенство поругано; Гетманы мученически гибнутъ отъ рукъ Варшавскихъ палачей. Въ четвертомъ является избавитель Малороссіи: она поставлена на высочайшую степень силы и славы своей, соединяется съ младшими братьями своими, сѣверными Россіянами, добровольно и на условіяхъ. Въ пятомъ мы видимъ шаткость этихъ условій: Гетманы, природные Поляки, колеблются отступить отъ Россіи; Гетманщина клонится къ паденію; Малороссія быстро подвигается къ жизни общей; отдѣльность ея почти уже потеряна. Въ шестомъ она исчезаетъ, сливается съ Россіею безъ борьбы, безъ ропота.

Первый періодъ Малороссійской Исторіи мы видимъ въ бытописаніяхъ Россіи, Польши и Литвы. Эта часть жизни нашей описана уже тамошними лѣтописями, и описывать подробно, что тогда было съ Малороссіею, значило бы повторять Исторію Россіи, Польши и Литвы, что отдалило бы меня отъ цѣли, мною предполагаемой; и такъ въ этомъ періодѣ я упомяну о тѣхъ только происшествіяхъ, которыя относятся прямо или косвенно къ Малороссіи; ихъ немного осталось отъ того времени въ памяти народной. Мы начали свою Русскую жизнь появленіемъ Руссовъ изъ Скандинавіи. Аскольдъ и Диръ завоевали Полянъ и древній ихъ городъ Кіевъ. Олегъ пришелъ и назвалъ его Матерью городовъ Русскихъ. Покоривъ Дулѣбовъ, Тиверцевъ, Суличей и Сѣверянъ, обложивъ Древлянъ данью, онъ собралъ во едино поч- 882.

ти всѣхъ Славянъ, воздвигнулъ города, и всей землѣ своей далъ имя—Русь.

Мимо Кіева прошли Угры; начались войны съ Печенѣгами; города продолжали строиться; Святославъ утвердилъ владычество надъ Древлянами; Владиміръ
988. просвѣтилъ Полянъ Христіанствомъ. Мало по малу Полянамъ послѣдовали всѣ единоплеменники; на поприщѣ бытописаній явился новый, многочисленный, Крестомъ озаренный народъ. Окрестности Кіева наполнились селами, держава была нераздѣльна; но съ
1015. смертію Владиміра она распалась на части, водвори-
1055. лись междоусобія, Половцы стали тревожить Государство безпрерывными набѣгами. А между тѣмъ оно
982. 1114. 1147. 1182. расширялось, все подвигаясь къ востоку и сѣверу. Суздаль и Владиміръ, Москва и Тверь и другіе города, въ послѣдствіи столь знаменитые, воздвигались одинъ за другимъ. Но, не признавая ихъ Русью, народъ этимъ именемъ величалъ только древнія владѣнія Олега и Святослава, въ которыхъ сердцемъ былъ Кіевъ, и гдѣ присутствовали глава Церкви и глава Князей. Такъ Кіевъ удерживалъ за собою имя Руси даже и тогда, когда престолъ великокняжескій былъ перенесенъ уже изъ него, разореннаго и разграблен-
1169. наго Андреемъ Боголюбскимъ, во Владиміръ. Съ тѣхъ поръ быстрыми шагами подвигался къ паденію первопрестольный градъ. Онъ терпѣлъ разореніе и отъ соотечественниковъ и отъ иноплеменниковъ. Рюрикъ
1204. Ростиславичъ и Князья Черниговскіе вторично взяли его приступомъ, сожгли Подолъ, а церкви и монастыри предали на разграбленіе.

Годъ отъ году междоусобная борьба усиливалась, и первое нашествіе Монголовъ не надолго примири-

ло Князей на степяхъ Калки, гдѣ изъ однихъ Кiев-
лянъ легло десять тысячь воиновъ, а съ ними шесть
Князей и семьдесятъ богатырей. Съ удаленiемъ кро- 1224.
вожадныхъ враговъ, борьба домашняя возобновилась
и снова была остановлена вторичнымъ ихъ нашествi-
емъ, нашествiемъ разрушительнымъ, испепелившимъ
до основанiя почти всѣ города Южной Руси, а въ
томъ числѣ и Кiевъ. Церкви Св. Василiя, Десятин-
ная и Кiево-Печерскiй монастырь разорены были до 1240.
основанiя; на ихъ развалинахъ умерщвленъ Митро-
политъ Iосифъ. Та-же участь постигла монастыри
Успенскiй-Елецкiй и Троицкiй-Ильинскiй въ Черни-
говѣ и соборъ Спаса Преображенiя, тамъ же Вели-
кимъ Ярославомъ воздвигнутый. Въ удѣлъ всему на-
роду и Князьямъ достались властвованiе надъ развали-
нами городовъ и долговременное рабство у потом-
ковъ Чингисхановыхъ.

Уцѣлѣлъ только Глуховъ, чтобы черезъ столѣтiе испытать почти столь же ужасное бѣдствiе: въ половинѣ XIV столѣтiя въ немъ не осталось ни одного человѣка отъ моровой язвы. Несчастiе, конечно, неравняющееся съ Кiевскимъ опустошенiемъ: ибо, если умирать, то лучше умирать зная, что наше добро врагамъ не досталось. Во время нашествiя Татаръ, Глуховымъ владѣлъ Кн. Симеонъ Михайловичъ, сынъ Черниговскаго; уже въ то время существовали Лодижинъ, Сосница и на рѣкѣ Ворсколъ извѣстно было урочище Олтава.

За нѣсколько лѣтъ передъ гибелью Руси, исчезло 1206.
не многочисленное, но знаменитое войско наше, со-
ставленное изъ иновѣрцевъ и пришельцевъ, поселен-
ное не на островахъ Днѣпра, гдѣ потомъ прослави-

лись Запорожцы, но въ городахъ по Днѣпру и по Роси. Оно называлось Черкасами и Козаками, т. е. людьми вольными, и служило конницею Князьямъ Кіевскимъ предпочтительно. Я говорю о Торкахъ, бѣдномъ остаткѣ цѣлаго народа, извѣстнаго въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, загнаннаго въ Россію Половцами и построившаго надъ Днѣпромъ городъ людей вольныхъ, Черкасы, славившіяся древностію еще при Бопланѣ и при Герберштейнѣ. Въ 1120 году, этотъ народъ, за страсть къ грабежамъ, былъ изгнанъ обратно Мономахомъ въ Азійскія степи, и остатки его были слугами Князей въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія.

Съ разрушеніемъ Монголами Кіева, Чернигова, Галича и множества другихъ селъ и городовъ, знаменитѣйшія фамиліи съ немногими княжескими семействами удалились въ Княжество Литовское, и вступили въ родство съ тамошними владѣтельными князьями и вельможами; простой народъ остался подъ игомъ завоевателей, и только горсть скитальцевъ безпріютныхъ, но неподдавшихся подъ власть Ханскую, удалилась съ пепелищъ своей родины на Днѣпровскіе острова, защищенные непроходимыми тростниками и никѣмъ ненаселенные, и въ землю Древлянскую, именуемую нынѣ Полѣсьемъ. Тамъ, безъ женъ и дѣтей, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, тревожа набѣгами враговъ вѣры и отечества, они приняли имя исчезнувшаго, но знаменитаго войска Козаковъ и Черкасъ. Эти имена напоминали имъ набѣги, удальство и безпріютность ихъ предшественниковъ. И когда нѣкоторые изъ нихъ, устарѣвшіе въ шумѣ тревогъ, возвращались въ родныя села свои, возникав-

нія изъ развалинъ, тогда, не снимая съ себя званія козацкаго, они пріучали сыновей своихъ къ такой же жизни свободной и боевой, и передавали имъ свое козачество. Такъ составилось славное въ послѣдствіи войско наше. Оно въ то время не могло быть замѣтно, но чрезъ восемдесятъ лѣтъ имѣло уже своихъ полководцевъ.

Въ продолженіе этого времени Кіевъ претерпѣлъ новое бѣдствіе: туда пріѣхалъ Митрополитъ Максимъ, Грекъ изъ Константинополя; но видя столицу малолюдную, область, набѣгами ордъ опустошаемую, жителей разбѣгающихся, Князей обезсиленныхъ, переѣхалъ во Владиміръ на Клязьму, и хотя продолжалъ именоваться Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи, но престолъ свой утвердилъ во Владимірѣ. Между тѣмъ Князья Галицкіе присвоивали себѣ титулъ Великихъ Князей Кіевскихъ; Левъ Даніиловичъ, прадѣдъ Георгія Андреевича, подписывался В. Кн. Владимірско-Волынскимъ, Кіевскимъ, Галицкимъ, Луцкимъ, Дрогочинскимъ и Королемъ Русскимъ. Утративъ присутствіе главы Церкви и главы Князей, первоначальная Русь по истинѣ стала малою Русью, а чрезъ двадцать пять лѣтъ такъ была названа и отъ Князя своего Георгія Андреевича.

1283.

129.

Вскорѣ явился новый завоеватель, которому суждено было, исторгнувъ южную Русь у Татаръ, разлучить ее на три съ лишкомъ столѣтія съ ея младшею сестрою, Русью сѣверною. То былъ Гедиминъ; прежде конюшій Литовскаго князя Витена, потомъ убійца своего Государя, потомъ счастливый и мужественный завоеватель княжества Пинскаго, всей Крив-

ской области, и наконецъ Великій Князь Литовскій и Русскій, властитель мудрый и дальновидный.

1320. Онъ явился въ Малороссію съ Литовскимъ и Русскимъ воинствами. Въ его рядахъ мы видимъ нашихъ полковниковъ: Громвала, Турнала, Перунада, Ладима, и воеводъ: Прейдеслава, Свѣтольда и Блудича. Поразивъ Татаръ въ двухъ битвахъ, онъ въ третій разъ сразился съ ними надъ Ирпенью. Побѣда осталась на его сторонѣ. Два князя Татарскіе, Тимуръ и Дивастъ погибли въ этой битвѣ. Напрасно баскаки Ханскіе усиливались удерживать власть свою въ Кіевѣ: съ 1331 года, они удалились въ южныя провинціи, и Миндовгъ, князь Гольшанскій, христіанинъ греко-католическаго исповѣданія, былъ съ 1321 года уже Гедиминовымъ намѣстникомъ. Правленіе было возстановлено Русское. Хотя Митрополитъ Кіевскій не возвращался уже въ свою первобытную столицу, но, продолжая по прежнему именоваться Кіевскимъ и Всероссійскимъ, онъ и, по его примѣру, всѣ его преемники продолжали присылать туда своихъ намѣстниковъ. А между тѣмъ тогда же въ Кіевѣ открылась римско-католическая Епископія, въ угожденіе
1321. Папѣ; по волѣ Гедимина, первымъ Епископомъ поставленъ былъ Генрихъ, изъ ордена Доминиканскаго.

Такъ прекратилось Татарское владычество въ южной Россіи. Съ отпаденіемъ Кіева, многія княжества и по сю сторону Днѣпра отпали отъ Россіи сѣверной; Гедиминъ не только не препятствовалъ новымъ своимъ подданнымъ исповѣдывать вѣру Христіанскую, но даже ей покровительствовалъ, и женивъ сыновей своихъ, Ольгерда на княжнѣ Витебской, а Любарта на Владимірской, даже позволилъ имъ принять вѣру

женъ своихъ. Подтвердивъ права и обычаи во всемъ ихъ пространствѣ въ краяхъ присоединенныхъ, онъ съ законами Малороссіи ввелъ и языкъ и письмо Русское въ свое отечество, гдѣ ихъ употребленіе, какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, продолжалось до XVI вѣка. Коренное право Русское, называемое Судными статьями, собралъ онъ въ одну книгу, назвалъ ее *Статутомъ княжества Литовскаго*, и уже въ послѣдствіи перевели ее на Литовскій и Польскій языки. Это присоединеніе Малороссіи къ Литвѣ было добровольное; слова мои вполнѣ подтверждаются трактатами, пактами и привилегіями: по нимъ оба народа названы другъ къ другу пріобщившимися, «яко равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ»—и это же служитъ доказательствомъ, что если Русскіе Князья были въ Татарскихъ войскахъ противъ Гедимина, то не иначе, какъ по принужденію.

Чрезъ четыре года послѣ соединенія Литвы съ Малороссіею, вступилъ на Русскій княжескій престолъ Кн. Георгій Андреевичъ, Галицкій и Владимірскій, правнукъ Короля Льва Русскаго и Князя Кіевскаго, по нисходящей линіи 16-й Князь отъ Рюрика, и онъ первый, сколько извѣстно намъ, началъ именоваться Княземъ Малороссіи. Онъ скончался, вѣроятно, безъ наслѣдниковъ и прежде 1339 года; ибо Казимиръ Великій завладѣлъ безпрепятственно въ этомъ году городомъ Львовымъ, построеннымъ Львомъ Даниловичемъ, присоединилъ Галицію къ Польшѣ и, раздѣливъ ее на воеводства, далъ ей Марта 17 дня, въ томъ же году, привилегію, въ которой объявилъ, что такъ какъ Князья Русскіе *извелись* въ Галиціи, то, 1324.

избавляя отъ притязаній со стороны Венгріи, онъ ее присоединяетъ къ Польшѣ; что онъ самъ происходитъ отъ Княжны Галицкой; что народъ въ той странѣ единоплемененъ съ Сарматами; что и рыцарству и народу Галиційскимъ онъ даетъ права и вольности народа и рыцарства Польскихъ; вѣроисповѣданіе объявлено у насъ тою же привилегіею свободнымъ. И такъ одна часть Малороссіи соединилась въ
1340. 1320 году съ Литвою, а другая въ 1339 съ Польшею; та и другая безъ кровопролитія, добровольно, съ сохраненіемъ своихъ правъ и обычаевъ.

Гедиминъ умеръ язычникомъ, надѣливъ сыновей своихъ удѣлами, въ числѣ которыхъ не поименовалъ онъ городовъ Русскихъ, гдѣ были свои Князья удѣльные, потомки Рюриковы. Изъ благодарности за освобожденіе отъ ига Татарскаго, Малороссіяне во всѣхъ войнахъ Литвы за нее ополчались, въ особенности противъ Прусаковъ, Ливонцевъ и Нѣмецкихъ кавалеровъ, во время Ольгерда. Вѣроятно, они участвовали и въ походѣ его, въ 1363 году, къ Синимъ водамъ и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три орды Татарскія. Далѣе, въ княженіе Ольгердова сына Ягайлы, мы видимъ Малороссіянъ въ походѣ Литвы противъ Поляковъ и участниками во взятіи Люблина и воеводства Сандомирскаго, когда до рѣки Сана все было предано огню и мечу. Въ то время земли Сѣверскія были обращены въ помѣстья Князей Литовскихъ, а Черниговъ подчиненъ Кіевскимъ Намѣстникамъ; но онъ былъ тогда въ столь дурномъ положеніи, что Князья жили въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ. Когда же Ягайло женился на наслѣдницѣ престола Польскаго Ядвигѣ, принялъ святое крещеніе, былъ при-

знанъ Польскимъ Королемъ и окрестилъ своихъ подданныхъ, тогда Литва присоединилась къ Польшѣ, а вмѣстѣ съ нею, подъ именемъ Руси, и Малороссія, на условіяхъ, которыя названы были *Пакта Конвента*, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Тогда учреждены были у всѣхъ трехъ народовъ три равныхъ Гетмана: *Коронный Польскій, Литовскій* и *Русскій*, съ правами Королевскихъ намѣстниковъ; имъ были даны на ихъ содержаніе деревни, названныя ранговыми. Малороссійскому Гетману назначенъ былъ мѣстопребываніемъ городъ Черкасы на Днѣпрѣ. Съ учрежденіемъ Гетманской столицы въ этомъ городѣ древнихъ козаковъ, Малороссійское войско получило еще болѣе права на названіе козаками. Галиція впрочемъ не вошла въ составъ тройственнаго союза. Тамъ, по занятіи сѣверной ея части Поляками, еще за сорокъ лѣтъ прежде учреждено было Воеводство 1342.
Русское.

Гетманы и всѣ Чины правительственные были избираемы во всѣхъ трехъ народахъ изъ собственнаго рыцарства, голосами вольными; ихъ утверждали Король и Сенатъ. Сенатъ состоялъ изъ лицъ, избранныхъ Сеймомъ, т. е. общимъ собраніемъ; а Сеймъ составляли Депутаты, отъ всѣхъ трехъ союзныхъ народовъ присланные и назначенные изъ каждаго народнаго класса: изъ *Шляхетства,* изъ *Духовенства* и изъ *Посполитства*. Шляхетствомъ именовались потомки Князей, бояре, простые воины и козаки съ своими урядниками; бояре и козаки передавали свое боярство и козачество дѣтямъ своимъ; урядники избирались изъ козаковъ и по окончаніи уряда возвращались въ свое первобытное званіе. Все шляхет-

ство называлось рыцарствомъ, имѣло земли собственныя, а посполитствомъ владѣло по чинамъ. Духовенство, занимаясь единственно богослуженіемъ, имѣло права шляхетныя. Посполитствомъ же назывались по городамъ купцы и мѣщане, а по селамъ крестьяне. Крестьяне были двухъ родовъ: одни свободные, войсковые, платящіе оклады въ *скарбъ войсковой;* другіе— подданные бояръ и урядниковъ. Всѣ они подчинены были Магистратамъ и Ратушамъ, въ которыхъ засѣдали выбранные отъ нихъ Войты и Лавники, и всѣ судились по праву *Магдебургскому*.

Иные изъ Историковъ говорятъ, что принятіе Ягайломъ вѣры Римско-Католической послужило Малороссіянамъ во вредъ; что немедленно были запрещены браки между двумя вѣроисповѣданіями, права Греко-Католиковъ стѣснены; что даже Ягайло мучительски казнилъ двухъ вельможъ своихъ, нехотѣвшихъ измѣнить Православію. Едва ли это не выдумка монаха, лѣтописца Ростовскаго, который не могъ любить Короля, оказавшаго предпочтеніе вѣроисповѣданію Римскому передъ Греческимъ. Грамота, изданная Ягайломъ въ охраненіе правъ и вѣры Малороссіянъ, весьма тому противурѣчитъ.

Въ это время Король уступилъ Витовту Литву, Волынію, Брестъ и Малороссію. Новый Великій Ли-
1393. товскій и Русскій Князь изгналъ изъ Кіева тамошняго намѣстника, преемника Миндовгова, Владиміра Ольгердовича, и поставилъ на мѣсто его Скиригайла; но увидѣвъ непокорность Скиригайлову и узнавъ, что тотъ собираетъ на него сильное войско, онъ съ помощію Архимандрита Печерскаго отравилъ его. Архимандритомъ былъ тогда Авраамій. Впрочемъ дру-

гой историкъ, ближайшій къ тому времени, говоритъ, что Скиригайло былъ убитъ Малороссіянами за тиранство въ Вышгородскомъ замкѣ. Въ 1432 году Іоаннъ Гольшанскій заступилъ его мѣсто въ Кіевѣ. Тогда же Витовтъ взялъ въ плѣнъ и отвезъ въ Литву Корибута, владѣвшаго въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ.

Въ концѣ сего столѣтія Ханъ Тохтамышъ, изгнанный изъ Сарая, бѣжалъ въ Кіевъ. Тимуръ-Кутлукъ требовалъ его у Витовта. Витовтъ отказалъ. Война съ Татарами загорѣлась; Малороссіяне участвовали въ битвѣ съ ними надъ Ворсклою; послѣдствіемъ войны было новое разореніе Кіева Татарами. Тимуръ-Кутлукъ взялъ 3000 рублей серебра съ города и 30 рублей съ монастыря Печерскаго. Въ томъ же году скончалась Королева Ядвига. Полагая себя лишеннымъ права на престолъ, Ягайло бѣжалъ въ Малороссію и потомъ, женясь на племянницѣ Казимира Великаго, Принцессѣ Аннѣ, графинѣ Циллей, возвратился, чтобъ снова принять бразды правленія.

Тогдашнихъ Гетмановъ Малороссійскихъ можно полагать только военачальниками, а не правителями края, ибо мы видимъ всю послѣдовательность Князей-намѣстниковъ. О Гетманахъ хотя въ лѣтописяхъ нашихъ и упоминается, съ замѣчаніемъ, что до пресѣченія княжеской Русской линіи они всегда были избираемы изъ потомства Свѣтольдовъ, Ольговичей и Острожскихъ; но потомъ Лянцкоронскій былъ названъ первымъ Гетманомъ—правителемъ Малороссіи. Изъ прежнихъ же Гетмановъ лишь имя одного осталось у насъ въ памяти, и мы его видимъ только военачальникомъ; это былъ Вѣнцеславъ Свѣтольдовичъ.

Онъ оказалъ великія услуги Ягайлѣ и Витовту въ двухъ войнахъ противъ Крестоносцевъ. Въ одну изъ нихъ, которой послѣдствіемъ было возвращеніе Польшѣ земли Добринской и отдача рыцарямъ Жмудь-
1401. ской, Вѣнцеславъ привелъ 37,000 козаковъ подъ Динабургъ. Воеводами были Острогетъ и Ольговичъ, а Полковниками Рогдай, Полеличъ, Громвалъ, Колядичъ и Купальдій. Пѣхота Малороссійская подъ начальствомъ Рогдая обошла къ низменному берегу Двины и ударила на Крестоносцевъ съ боковъ и съ тылу. Это было началомъ побѣды, и если только число убитыхъ и плѣнныхъ не преувеличено побѣдителями, то ихъ было сочтено до 50,000. Награды и подарки отъ Короля Малороссіянамъ были соразмѣр-
1410. ны заслугѣ ихъ. Въ другой войнѣ съ Крестоносцами они снова находились подъ главнымъ предводительствомъ Витовта. Въ битвѣ между Таненбергомъ и Гриневальдомъ, составляя вмѣстѣ съ Литовцами правое крыло арміи, они первые двинулись на лѣвое крыло кавалеровъ, и чуть было, по медленности центра союзниковъ, не погибли въ битвѣ: уже они въ безпорядкѣ стали отступать съ Литовцами, когда Поляки загладили ошибку свою быстрымъ нападеніемъ на правое крыло непріятельское, обезсиленное взятіемъ оттуда конницы, и его опрокинули. Корпусъ кавалеровъ вспомогательный еще разъ удержалъ въ равновѣсіи битву; Малороссіяне и Литовцы снова были разсѣяны; первыхъ Витовтъ остановилъ, но вторыхъ не возвратилъ изъ бѣгства, и уже безъ нихъ наконецъ одержалъ блистательную побѣду. Четырнадцать тысячъ кавалеровъ были взяты въ плѣнъ и закованы въ цѣпи, ими же для Поляковъ приготовленныя;

50,000 осталось на полѣ сраженія, а въ томъ числѣ множество Командоровъ и самъ Магистръ Юнгингенъ.

Въ промежуткѣ между двумя войнами, Вѣнцеславъ Свѣтольдовичъ исходатайствовалъ для Малороссіянъ новую *подтвердительную* грамоту, къ прежнимъ привилегіямъ. Она была необходима по случаю притязаній Литовцевъ на права и владѣнія Чиновъ Малороссійскихъ, и вотѣ ея содержаніе: 1409, Апрѣля 13.

«Промысломъ Божіимъ и доброю волею Cтановъ «нашихъ народныхъ, соединившихъ дѣдовское Кня-«жество наше Литовское и, по своей волѣ отдав-«шіеся ему, Княжества Русскія съ народомъ и ко-«ролевствомъ Польскимъ, постановили мы и подписа-«ли для того пакты соединенія, и казалось бы до-«вольно того; но нѣкоторые Чины Литовскіе, на ко-«торыхъ доноситъ намъ Гетманъ Русскій, не уни-«маются отрицать полнаго единства съ ними Чи-«новъ Русскихъ и тамошней шляхты, по поводу осво-«божденія ихъ отъ Татаръ. И потому поставляемъ «и повторительно утверждаемъ *основные* и утверж-«денные пакты соединенія народа Русскаго съ на-«родомъ Польскимъ и Литовскимъ, и быть имъ: *какъ* «*равный съ равными и вольный съ вольными,* вѣчно и «непреложно; и права свои Русскія имѣть имъ безъ «нарушенія, ибо онѣ хороши, и потому приняты въ «Княжествѣ нашемъ Литовскомъ, вмѣстѣ съ пись-«момъ Русскимъ или Славянскимъ. И по нимъ имѣть «всѣ суды и содержать расправы, и владѣніями сво-«ими наслѣдными и нажитыми обладать имъ, и какъ «хотятъ употреблять безпрекословно и безъ нару-«шенія иными правами. Такъ же и Рыцарству Рус-«скому съ Рыцарствомъ Польскимъ и Литовскимъ быть

«въ согласіи, какъ равнымъ съ равными, на всѣхъ «расправахъ и урядахъ, безъ всякихъ противорѣчій «и помѣшательства. А претензіи и укоризны о давнемъ освобожденіи народа Русскаго отъ ярма Татарскаго сильно запрещаемъ и уничтожаемъ, ибо «это дѣло значительно заплачено и отслужено рыцарствомъ Русскимъ противъ враговъ Литовскихъ, «измѣнниковъ Ливонцевъ, неустойчивыхъ Крыжаковъ «и иныхъ наступателей на отечество, отъ которыхъ «Руснаки насъ обороняли и головы свои на мѣстѣ «положили, и за укоризны имъ строгія наказанія виновникамъ постановляемъ.»

Но вскорѣ съ другой стороны Малороссія испыта-
1408. ла новыя бѣдствія: кромѣ сожженія Стародуба Свидригайломъ, Эдигей, разоривъ многія владѣнія Витов-
1446. та, разграбилъ и выжегъ церкви, окрестности Кіева и Лавру Печерскую. Одинъ только укрѣпленный замокъ Кіевскій устоялъ противъ Орды. Черниговъ между тѣмъ началъ обстроиваться; Полтава и Глинскъ въ Роменскомъ уѣздѣ уже существовали и принадлежали Князю Лексадѣ, родоначальнику Князей Глинскихъ.

1434. Вскорѣ учреждено было Воеводство Подольское и въ томъ же году скончался Ягайло, оставивъ престолъ Польскій сыну своему Владиславу Варнинскому. Къ концу царствованія Ягайлы Малороссія снова была угнетена Поляками. Охраняя въ мирное время границы, занимаясь крѣпостною работою, платя подати, козаки въ военное время служили на своемъ иждивеніи. Наставнику молодаго Короля Збигнѣву Олесницкому обязанъ былъ народъ возвращеніемъ

прежнихъ правъ, и новая привилегія была издана въ слѣдующихъ словахъ: 1435. Марта 7.

«Воеводства Русскія съ рыцарствомъ тамошнимъ, «постановляемъ и утверждаемъ на тѣхъ правахъ, при-«вилегіяхъ и вольностяхъ, которыя утверждены и «поставлены имъ были отцемъ Нашимъ при добро-«вольномъ соединеніи Руси и Литвы съ державою «Польскою; и да не осмѣлится никто въ другихъ «Воеводствахъ нашихъ тѣхъ правъ и привилегій от-«рицать. Въ дѣлахъ земскихъ и рыцарскихъ, такъ «же и въ вѣрѣ, отъ отцовъ наслѣдованной, добрая «воля и свобода да не отъемлется; да не входятъ «въ распри рыцарство благородное Русское съ бла-«городнымъ рыцарствомъ Польскимъ и Литовскимъ; «и тѣ народы да будутъ соединены, какъ равный съ «равными, и свободный съ свободными; ибо они «единоплеменные и по доброй волѣ соединились, и «освободились отъ ига Татарскаго общею ратію Рус-«скою и Литовскою. И такъ во владѣніяхъ своихъ «и пріобрѣтеніяхъ да имѣютъ Руснаки свободу и «волю непреслѣдуемую и ненасилуемую, и да судят-«ся сами межъ собой, а въ суды земскіе и город-«скіе да избираютъ судей и урядниковъ голосами «вольными по правамъ и статутамъ, которые утверж-«даемъ и отдаемъ подъ сохраненіе, ручаясь и за на-«слѣдниковъ нашихъ, на времена вѣчныя.»

Тогда же братъ Короля, Казимиръ IV, и сыны его Янъ, Албертъ и Александръ присягнули въ ненарушимости этой хартіи. Въ слѣдующемъ году Малороссіяне участвовали въ войнѣ Сигизмунда Кейстутовича, Великаго Князя Литовскаго, съ Свидригайломъ, 1435.

и потомъ открыто было въ Малороссіи воеводство
1436. Бельзское.

1439. Въ 1439 году Король, взявъ сторону Венгріи, объявилъ войну Портѣ, и прежде два раза въ Трансильваніи, а потомъ на третьемъ сраженіи, въ которомъ самъ Султанъ участвовалъ, разбилъ Турокъ на берегахъ Дуная. Въ этихъ битвахъ находилось 43,700 Малороссіянъ, подъ предводительствомъ воеводъ: Кіевскаго Свѣтольдовича и Сѣверскаго Ольговича. Перваго можно полагать Гетманомъ Вѣнцеславомъ; ибо въ это время, кажется, былъ Намѣстникомъ Кіевскимъ сынъ Іоанна Алгимунтовича Гольшанскаго Андрей. Объ отцѣ я упоминалъ подъ 1396 годомъ. Полковники тогдашніе были. Блудичъ, Дулепа, Претичъ, Станай, Бурлій и Артазій. Король въ награду за мужество, оказанное ими въ битвахъ съ Магометанами, роздалъ имъ гербы и аксельбанды.

По окончаніи войны съ Турками, мѣсто Андрея, сына Іоанна Алгимунтовича, занялъ въ Кіевѣ Олелько Владиміровичъ, освобожденный тогда же изъ темницы, куда заключенъ былъ Великимъ Княземъ Литовскимъ Сигизмундомъ. Такъ Литовцы, не смотря ни на грамоты, ни на привилегіи королевскія, продолжали самовольную управу надъ Князьями Малороссіи. Олелько былъ зять Князя Московскаго Василія Темнаго, и, по словамъ Литовскихъ Историковъ, былъ Князь умный, справедливый и дѣятельный. Въ его время была та война, столь гибельная для Поляковъ, въ которой, имѣя 21 годъ отъ роду, ихъ
1444. знаменитый Король палъ въ битвѣ подъ Варною. Здѣсь и Малороссіяне понесли общее несчастіе: едва ли половина ихъ, отъ битвы уцѣлѣвъ, бѣжала въ Бул-

гарію, откуда своими единовѣрцами, тамошними жителями, проведена была скрытными путями за Дунай. Нашимъ Воеводою подъ Варною былъ Ольговичъ, а Полковниками: Бурлій, Станай, Претичъ, Гудима и Тризна.

По смерти Олелька, осталось отъ него два сына: 1455.
Симеонъ и Михаилъ. Они намѣревались раздѣлить между собою земли Кіевскія. Казимиръ, бывшій прежде Великимъ Княземъ Литовскимъ, а съ 1447 года и Королемъ Польскимъ, имъ въ этомъ воспрепятствовалъ. Онъ отдалъ Копыль и Слуцкъ Михаилу, а Симеона утвердилъ Правителемъ въ Кіевѣ. Любовь къ нему и уваженіе не только Малороссіянъ, но и Литовцевъ, простирались до того, что когда Казимиръ воевалъ въ Пруссіи, то Симеону предложили въ Литвѣ великокняжеское достоинство. Однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ дѣлъ его было отраженіе Волжскихъ Татаръ; онъ обновилъ Печерскую церковь Пресвятыя 1467.
Богородицы, бывшую, послѣ Батыева нашествія, 230 1470.
лѣтъ въ развалинахъ, и лѣтописцы говорили о Симеонѣ, что онъ правилъ Кіевомъ подобно древнимъ Князьямъ Владимірова племени. Находясь на смертномъ одрѣ, онъ отправилъ Казимиру въ подарокъ свой лукъ и коня своего, и поручилъ ему сына Ва- 1471.
силія и дочь Олельку.

Мы видимъ сына и брата Симеоновыхъ еще въ живыхъ; но мстя Малороссіянамъ за ихъ приверженность къ покойному правителю, Король не призналъ ни того, ни другаго въ этомъ званіи. Мѣсто Симеона заступилъ Литовецъ Мартынъ Гастольдъ. Тщетно просилъ народъ Михаила Олельковича. Права народныя были снова нарушены.

1472. Съ возведеніемъ Гастольда въ должность правителя, княженіе Кіевское было обращено въ воеводство, Стародубъ и Мглинъ причислены къ воеводству Смоленскому. Въ первомъ было староство судовое, во второмъ не судовое; и такъ Малороссія была раздѣлена уже на четыре воеводства: Подольское, Бельзское, Русское и Кіевское. Послѣ измѣнились онѣ на Брацлавское, Кіевское, Волынское и, совмѣстно съ Сѣверіею, Черниговское, названное *Сѣверія Дукатусъ*, т. е. Герцогство Сѣверія.

Но до скорой и счастливой перемѣны въ положе-
1482. ніи Малороссіи, ей суждено было еще извѣдать бѣдствія. Опять сожженъ былъ монастырь Печеркій, Кіевъ опустошенъ, его посады и ближнія села обращены въ
1493. пепелъ Ханомъ Крымскимъ Менгли-Гиреемъ; тѣ же
1496. Крымцы выжгли окрестности Чернигова; а пять лѣтъ спустя, и самый городъ разграбили они вмѣстѣ съ Молдаванами.

Новгородъ Сѣверскій между тѣмъ обстроивался Поляками. Въ немъ воздвигнуты были два монастыря, одинъ на мѣстѣ, которое и донынѣ называется *Кляшторомъ;* другой, Доминиканскій, тамъ, гдѣ нынѣ слободка *Домотканова.* Граждане Кіевскіе были Александромъ увольнены отъ воинскихъ повинностей. Полтава существовала уже и находилась во владѣніи Князей Глинскихъ. Около того же времени удалившіеся въ Литву Князья Иванъ Андреевичъ Можайскій и Иванъ Дмитріевичъ Шемякинъ получили отъ Короля: первый — Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Любечъ; второй — Новгородъ Сѣверскій и Рыльскъ; но когда Александръ началъ обращать Князей и народъ въ вѣру Католическую, то сынъ, оставшійся послѣ Можай-

скаго, Симеонъ, и внукъ стараго Шемяки Василій Іоанновичъ предложили обладателю Россіи избавить ихъ отъ ига Литовскаго, и Великій Князь Іоаннъ послалъ къ зятю своему объявить, что вотчины обоихъ Князей добровольно къ Москвѣ присоединяются. 1500.

Такъ оканчивается этотъ періодъ существованія Малороссіи; въ немъ видимъ мы опустошенія городовъ нашихъ, борьбу съ иноплеменниками и шаткость народныхъ правъ. Княженія смѣнялись воеводствами, Князья воеводами, Литовскіе повелители даже присвоивали себѣ право заключать въ темницы повелителей Кіевскихъ. Безпрестанно необходимы были для насъ подтвержденія пактъ и привилегій, и безпрестанно онѣ были нарушаемы, не смотря на королевскія повелѣнія. Вѣра была объявлена свободною, и нерѣдко была угнѣтаема. Вопреки универсалу королевскому, въ которомъ сказано, что Малороссіяне сами отбились отъ Татаръ, и что, за помощь, Литовцами имъ оказанную, заплатили сторицею въ битвахъ за Польшу и Литву, самолюбіе народное было оскорбляемо безпрестанными попреками объ освобожденіи Малороссіянъ Литовцами отъ ига Татарскаго; а назначеніе Гастольда воеводою, противъ народнаго желанія, все довершило.

Вдругъ три замѣчательныхъ явленія обновили всю старую жизнь Малороссіи; то были: Предславъ Лянцкоронскій, Евстафій Дашковичъ и Сѣчь Запорожская.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ,

МАЛОРОССІЯ

отъ Лянцкоронскаго до Уніи, 1500 — 1592.

ГЛАВА III.

ПРЕДСЛАВЪ ЛЯНЦКОРОНСКІЙ, ДИМИТРІЙ ВИШНЕВЕЦКІЙ И ЕВСТАФІЙ РОЖИНСКІЙ.

Лянцкоронскій. Дашковичъ. Битва на Митьковѣ полѣ. Планъ Острожскаго. Кошевой. Запорожье. Битва подъ Вишневцомъ. Димитрій Вишневецкій. Малороссіяне въ Бѣлградѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Дашковичъ съ Татарами идетъ на Россію. Рязань. Планъ Дашковича. Возвращеніе. Битва подъ Кіевомъ. Битва подъ Черкасами и Каневымъ. Рожинскій. Устройство войска Малороссійскаго. Гибель Татаръ. Кодима. Смерть Рожинскаго.

Начало шестнадцатаго вѣка ознаменовано важною 1500.
для Малороссіянъ перемѣною. Зять Князя Острожскаго, свойственникъ Короля Александра, Предславъ Лянцкоронскій, изъ фамиліи Сенаторской, былъ избранъ первымъ Гетманомъ, и отъ него началась наша Гетманщина; ея послѣдовательность уже не прерывается. Здѣсь же мы впервые встрѣчаемъ имя законодателя Сѣчи Запорожской, ея перваго Кошеваго, Евстафія Дашковича. Онъ сталъ извѣстенъ въ войнѣ
Іоанна Державнаго съ зятемъ своимъ Королемъ Алек- 1501.
сандромъ, когда Князья Симеонъ Черниговскій и Василій Шемякинъ возстали за вѣру противу Короля, и когда, соединясь съ Бояриномъ Воронцовымъ

и Александромъ Ростовскимъ, они разбили подъ Мстиславлемъ Князя Михаила Ижеславскаго и Евста-
1502. фія Дашковича, тогдашняго только еще Воеводу въ войскѣ козацкомъ и старосту Черкасскаго. Война кончилась сожженіемъ Великороссіянами предмѣстія Кіевскаго и всѣхъ селъ до Мстиславля и Полоцка. Мировой сдѣлки, хотя посредникомъ былъ Папа, не могло быть между Великимъ Княземъ и Королемъ. Зять требовалъ городовъ, завоеванныхъ Россіею, а державный тесть не такого былъ нрава, чтобъ отдавать завоеванное. «Своего не уступлю», говорилъ онъ, и требовалъ Смоленска и Кіева; къ тому же Дашковичъ былъ новымъ предлогомъ къ войнѣ: онъ выѣхалъ въ Москву со всѣми богатствами и многочисленнымъ дворянствомъ. Король требовалъ выдачи его; Іоаннъ отвѣчалъ, что по грамотѣ перемирной опредѣлено выдавать воровъ, злодѣевъ, должниковъ и холопей, а Дашковичъ не уличенъ ни въ какомъ преступленіи, былъ у Короля Воеводою и добровольно вступилъ въ Русскую службу. Не извѣстно, какія причины были поводомъ къ побѣгу Дашковича; но зная взаимныя связи знаменитыхъ людей того времени, можно полагать, что преданность его къ Князю Острожскому его къ тому побудила; бѣгство его съ Острожскимъ изъ Москвы оправдываетъ предположеніе.

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, Воевода Троцкій, Кастелланъ Виленскій, Великій Гетманъ Литовскій, былъ Грекороссійскаго вѣроисповѣданія, человѣкъ щедрый, благосклонный къ каждому, милосердый къ плѣнникамъ и великій полководецъ: уже достаточно, чтобы сподвижники славы его были ему

вполнѣ преданы; но онъ еще былъ женатъ на дочери Симеона Олельковича, послѣдняго, чтимаго и любимаго, Кіевскаго Князя-Намѣстника, на Олелькѣ, которую, какъ сироту, умирающій отецъ оставилъ на рукахъ Короля Казимира, отдавъ ему и сына и лукъ свой и любимаго коня. И такъ могли ли соотечественники видѣть равнодушно плѣнъ Острожскаго? Вѣроятно, и Король не зналъ причины побѣга Дашковича, и потому требовалъ его у своего тестя. Но когда онъ добровольно возвратился изъ побѣга, то Король возвысилъ его и вполнѣ осыпалъ всѣми почестями; да и что другое могло бы заставить его уйти изъ родины, гдѣ онъ имѣлъ сильныя связи, дружбу и родство; Воевода Кіевскій Андрей Немировичъ былъ женатъ на его сестрѣ Богданѣ; а Гетманъ Малороссійскій Предславъ Лянцкоронскій былъ его другъ.

Близъ Дорогобужа, на Митьковѣ полѣ, на берегахъ 1500, Іюля 14.
Ведроши, было въ 1500 году большое сраженіе у Острожскаго съ Юріемъ и Щенею, Іоанновыми полководцами; Острожскій былъ разбитъ. Изъ тридцати пяти битвъ двѣ только въ жизни своей онъ потерялъ. Но за то, какъ онъ потерялъ эту: Намѣстникъ Смоленскій Станиславъ, Маршалки: Остюковичъ и Хребтовичъ, Князья Друцкіе и Мосальскіе, и онъ самъ, Константинъ Острожскій, были взяты въ плѣнъ; ихъ всѣхъ привезли въ Москву, окованныхъ цѣпями. Угрожаемый темницею, Князь Острожскій присягнулъ въ вѣрности Державному.

Четыре года онъ жилъ уже въ Россіи, когда явил- 1504.
ся въ Москву знаменитый бѣглецъ изъ родины — Дашковичъ.

И едва только Острожскій, подъ предлогомъ осмотра войскъ, приблизясь къ границамъ Литвы, оставилъ Россію, Дашковичъ по его слѣдамъ ушелъ къ Сигизмунду. Ляндкоронскій, Немировичъ, и, вѣроятно, болѣе всѣхъ Острожскій помогли ему при Королѣ; онъ пришелъ на острова Днѣпровскіе къ тамошнимъ разсѣяннымъ воинамъ и засталъ ихъ неустроенными: они переходили съ мѣста на мѣсто и не имѣли никакого постояннаго образованія; едва онъ къ нимъ появился, его избрали Кошевымъ, и онъ сталъ для Татаръ опаснѣйшимъ врагомъ и истребителемъ. Тотчасъ раздѣлилъ своихъ воиновъ на сотни и полки; но козаковъ было тогда весьма немного: въ 1532 году ихъ считалось не болѣе 2,000, въ 1535 до 3,000. Вооруживъ каждаго ружьемъ и саблею, Дашковичъ избралъ изъ нихъ начальниковъ, и ввелъ подчиненность, сходную съ древнею Римскою. Презрѣніе къ жизни, перенесеніе всѣхъ трудностей, слѣпое повиновеніе начальству во время войны, равный дѣлежъ добычи и свободный выборъ начальниковъ были главные законы въ этомъ новоустроенномъ войскѣ. А между тѣмъ Сигизмундъ позволилъ имъ устроивать хутора выше пороговъ, и далъ Дашковичу во владѣніе Каневъ и Черкасы. Иные Историки говорятъ, что Сигизмундъ позволилъ имъ построить городъ Черкасы; но это ошибка. Бопланъ жилъ сто лѣтъ послѣ Дашковича и называлъ этотъ городъ весьма древнимъ; вѣроятно, его Дашковичъ только оправилъ. Кромѣ того, козакамъ даны были земли и угодья по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и между рѣкъ: Конской, Самары, Кальміуса, Ташлыка и Буга.

Такъ, по ходатайству Гетмана Малороссійскаго и

по волѣ Короля, составилась и образовалась эта, столь незначительная въ своемъ началѣ, пограничная стража, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи войскомъ многочисленнымъ и бурнымъ. По ничтожному ихъ числу при Дашковичѣ, мы видимъ, что они не могли быть родоначальниками всѣхъ Малороссіянъ, не могли быть также ни остатками Торковъ, ни выходцами изъ горъ Кавказскихъ; но были скитальцы изъ тѣхъ-же Малороссіянъ, усиленные приданными къ нимъ отъ Короля и Гетмана городовыми и земскими Козаками.

Прежде смѣнялись они другими, изъ жилищъ назначаемыми; потомъ стали принимать приходящихъ охотниковъ изъ холостыхъ козаковъ; занимаясь звѣриною и рыбною ловлею, ища добычи у Турокъ и Татаръ, составили многолюдное общество, вѣчно готовое на всѣ предпріятія; привыкли къ своимъ островамъ, устроили укрѣпленія и засѣки, и рѣшились навсегда оставаться холостыми. Такъ произошла знаменитая наша Запорожская Сѣчь. Она была отдана Королемъ во власть Гетмана Малороссійскаго, у котораго всегда по доброй волѣ оставалась въ большемъ или меньшемъ повиновеніи; а Гетманы, не мѣшая набѣгамъ ихъ на враговъ Малороссіи, говаривали только, улыбаясь на жалобы: «А щожъ! треба хлопцямъ погуляты.»

И подвиги Запорожцевъ съ первой минуты ихъ существованія были знамениты. Только появились они, и уже сосѣди Малороссіи примѣтили ихъ.

Не знаю, о какой войнѣ Лянцкоронскаго съ Валахами, Татарами и Турками говоритъ Преосвященный Конисскій. Было нападеніе этихъ трехъ народовъ въ 1498 году и потомъ однихъ Турокъ въ 1499. Въ 1498.

1499. первый разъ они взяли въ плѣнъ болѣе ста тысячъ
1502. жителей, во второй дошли до Галича. Въ 1502 году Шахъ Ахметъ, Ханъ Татаръ Заволжскихъ, надѣясь на пособіе отъ Короля, вышелъ противъ Крымцевъ, былъ разбитъ Менгли-Гиреемъ и бѣжалъ въ Кіевъ. Тамъ былъ онъ задержанъ Воеводою и отправленъ на Сеймъ Литовскій. Подлымъ образомъ обманувъ Шаха, Польскій Король и Чины осудили его на вѣчное заточеніе въ Ковно. Они страшились Менгли-Гирея и желали такимъ поступкомъ угодить ему, а себѣ до-
1506. ставить миръ. Но Крымцы въ 1506 году опять дважды вторгались въ Литву и Малороссію; тогда назначена была дань Хану отъ Польши въ 15,000 червонныхъ. По всему видно, что въ этихъ битвахъ не участвовали, ни Лянцкоронскій, ни Дашковичъ. Вскорѣ эта дань оказалась безполезною, и потому созванъ
1511. былъ Сеймъ въ Піотрковѣ. На Сеймѣ находился и Дашковичъ, но еще не престарѣлый воинъ, и не Кошевой: это можно видѣть изъ словъ его къ собранію. Описавъ, какъ постыдно для Польши платить дань Татарамъ, когда она легко можетъ преградить имъ путь чрезъ Днѣпръ весьма легкими средствами, онъ заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ мнѣніемъ: «Необ-«ходимо для сего учредить дѣятельную стражу толь-«ко изъ двухъ тысячъ воиновъ. Они могли бы разъ-«ѣзжать на малыхъ судахъ и лодкахъ между Днѣ-«провскими островами и порогами, препятствуя пере-«правѣ Татарской. Для прикрытія сей стражи, ост-«рова слѣдуетъ укрѣпить; а для доставленія ей жиз-«ненныхъ припасовъ, нужно не болѣе 500 всадни-«ковъ.» Итакъ до Піотрковскаго Сейма не было еще Запорожцевъ. Но здѣсь положено было содер-

жать 4,000 человѣкъ коннаго войска, и на его содержаніе собрать съ десятины въ первый годъ по 18, а въ другой по 12 грошей. И это войско должно было охранять Подолію. Ясно, что двѣ тысячи смѣнялись, какъ говоритъ Кониссkій, другими двумя тысячами, пока не привыкли жить постоянно на своихъ островахъ. Это объясняютъ слова Бѣльскаго, Окольскаго, Энгеля, Бандтке и Коха, говорящихъ, что въ это время впервые появились козаки въ Польшѣ. Они были и прежде, но неизвѣстны и неустроены; съ увеличеніемъ ихъ изъ Малороссійскихъ козаковъ и съ назначеніемъ ихъ должности, они не появлялись, но учреждались.

И на другой же годъ послѣ того, Гетманъ Малороссійскій, Староста Каменецкій, Предславъ Лянцкоронскій съ Княземъ Константиномъ Острожскимъ разбилъ Татаръ подъ Вишневцомъ, гдѣ ихъ погибло 24,000, и тогда же оставилъ Гетманство; скучая четырехлѣтнею однообразною жизнію, онъ пригласилъ Кошеваго съ 1200 Запорожцами и простыми козаками, и рѣшился заплатить Магометанамъ за прежніе набѣги. Вдвоёмъ они прошли до Бѣлграда, занятаго Турками, разбили нѣсколько Татарскихъ отрядовъ и угнали въ Сѣчу 500 лошадей и 3,000 скота. Послѣ такого отважнаго похода, друзья не переставали истреблять отдѣльные отряды Крымцевъ. Плодомъ совмѣстныхъ набѣговъ на земли непріятельскія и дружбы Гетмана съ Кошевымъ было возвращеніе земель надъ Днѣстромъ и при устьи Днѣпра, удержанныхъ Татарами со времени нашествія Батыева. Чрезъ три года счастіе Крымцевъ перемѣнилось. Сынъ Магмета Гирея, Богатырь, пришелъ въ Литву, опустошилъ весь

1512. 1516.

край почти до Кракова, разбилъ Кн. Острожскаго подъ Сокалемъ на Бугѣ, угналъ въ рабство 60,000 жителей, и убилъ еще болѣе. Въ то же время Русскіе выжгли предмѣстія Витебска и Полоцка, и дошли до самой Вильны. Заключивъ съ Россіею перемиріе на шесть мѣсяцевъ, Король обратилъ всѣ свои силы противъ Крестоносцевъ, и Малороссійскій Гетманъ участвовалъ въ завоеваніи Голланда и Маріенвердера.

Въ тѣ времена не было вѣрныхъ условій; на мирные договоры и на союзы нельзя было надѣяться, особенно съ Крымцами. Мы увидимъ въ короткое время Кошеваго и въ союзѣ съ Ханомъ и въ плѣну у него. Неожиданно взбунтовавъ Казанцевъ, поставивъ надъ ними Царемъ брата своего Саипъ Гирея, Ханъ
1521. возобновилъ дружбу съ Сигизмундомъ и, соединясь съ Дашковичемъ, двинулся войною на Россію. Отъ Нижняго Новагорода и Воронежа до Москвы рѣки, всѣ села были выжжены и народъ увлеченъ въ рабство. Москву спасла грамота, въ которой Великій Князь обязывался платить Хану дань. Крымцы отступили къ Рязани; Дашковичъ совѣтовалъ Хану взять хитростью тамошнюю крѣпость. Неудача послѣдовала отъ догадливости тамошняго Окольничаго Хабара Симскаго. Въ станѣ Крымскомъ завелась торговля добычею и невольниками, но число Литовцевъ и Крымцевъ такъ подозрительно стало умножаться подъ стѣнами Рязани, что Окольничій рѣшился ихъ разогнать; пушкарь Рязанскій Іорданъ однимъ выстрѣломъ положилъ множество на мѣстѣ, остальные разсѣялись; Ханъ готовился было отомстить за это, но впаденіе Астраханцевъ въ его государство заставило

его поспѣшить въ Крымъ. Дашковичъ, въ награду за помощь Хану, получилъ отъ Сигизмунда воеводство Троцкое, а Ханъ изъ благодарности къ Кошевому 1522.
разбилъ его на голову надъ Днѣпромъ, взялъ въ плѣнъ и увезъ съ собою. Въ скоромъ времени Ногаи убили Хана и, почитавшійся погибшимъ, Кошевой неожиданно явился въ Черкасы; неизвѣстно, какой случай 1523.
доставилъ ему средство бѣжать изъ плѣна; но едва прибылъ онъ, тотъ-же часъ собралъ своихъ Запорожцевъ, двинулся на Очаковъ, сжегъ тамошнія укрѣпленія и, соединясь съ Ногаями, причинилъ ужаснѣйшія опустошенія на полуостровѣ.

Когда Султанъ Солиманъ II-й съ 300 тысячъ войска явился въ Венгрію, то страшась соединенія Поляковъ съ Венгерцами, онъ приказалъ Хану опустошать Литву. Кн. Острожскій, Немировичъ и Дашковичъ встрѣтили Хана подъ Кіевомъ, разбили его, 1526.
прогнали отъ города за сорокъ миль, заставили 7000 Крымцевъ положить оружіе, и освободили изъ плѣна нѣсколько тысячъ Христіанъ. Потомъ, разсѣявъ Крымцевъ при Черкасахъ и при Каневѣ, Дашковичъ явился въ Краковъ, гдѣ былъ принятъ Королемъ съ великою честію. Чрезъ два года Гетманъ, другъ и сподвижникъ своего Кошеваго, опять захотѣлъ попробовать счастья въ набѣгѣ на Татаръ. Онъ соединился съ Дашковичемъ, и съ 1300 козаковъ отправились они къ Очакову. Три раза били враговъ, пригнали оттуда множество лошадей и рогатаго скота, и это былъ послѣдній походъ Гетмана: вскорѣ онъ скончалъ жизнь, славную и полезную для Малороссіи.

Въ его гетманство, сходно съ привилегіями своихъ 1511.
предшественниковъ, Сигизмундъ запретилъ вмѣши-

ваться властямъ свѣтскимъ въ дѣла духовныя. Кіев-
1516. скіе мѣщане получили право Магдебургское, и Черни-
говъ, сожженный Литовцами въ 1506 году, обнесенъ
былъ валомъ съ деревянными башнями.

Мы видѣли, что, оставя гетманство еще съ 1512
1513,1514. года, Лянцкоронскій тѣшился походами на Крымцевъ, а на мѣсто его былъ избранъ въ Гетманы Князь Дмитрій Вишневецкій, славный гражданскими добродѣтелями. Тогда было время мирное. Новый Гетманъ поправлялъ разоренные города и общественныя зданія, наблюдалъ за правосудіемъ городскихъ и земскихъ урядниковъ, покровительствовалъ трудолюбію, сельскому хозяйству и торговлѣ. Народъ, отдыхая и оправляясь отъ разорительныхъ войнъ, почтилъ его именемъ *отца народа*.

Однакожъ и въ его правленіе былъ набѣгъ Татаръ; здѣсь они погибли безъ войны, безъ отраженія. Они пробились сквозь пограничную стражу въ нижнюю Подолію, называемую *Набережьемъ;* во время ярмарки разграбили нѣсколько мѣстечекъ и угнали много скота; но на возвратномъ пути были застигнуты снѣгомъ и вьюгою; похода нельзя было продолжать; они остановились по шею въ снѣгу; послѣ вьюги насталъ жестокій морозъ съ вѣтромъ. Хищники, перерѣзавъ похищенный ими скотъ и лошадей, влѣзали къ нимъ во внутренности, желая хоть тамъ отогрѣться, и весною найдено было болѣе четырехъ тысячъ труповъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія Вишневецкій оставилъ гетманство, и Князь Евстафій Рожинскій былъ избранъ ему въ преемники.

Съ молодыхъ лѣтъ путешествуя по Германіи и Франціи, и занимаясь науками, Рожинскій пріобрѣлъ раз-

нообразныя свѣденія; въ особенности же имѣлъ глубокія познанія въ наукѣ военной. Первымъ его стараніемъ было преобразовать Малороссійское войско. По старинному заведенію, козаки считались, одни по околицамъ изъ одного селенія въ жилищахъ своихъ, другіе по куренямъ изъ нѣсколькихъ селеній, и назывались или *Куренною*, или *Околичною Шляхтою;* старики, служившіе и уже отставные, *товариствомъ;* а молодые *козаками.* Курени и околицы управлялись избранными изъ нихъ же атаманами и товарищами, которые разбирали ссоры маловажныя и мирили тяжущихся; а по спорамъ о земляхъ, по тяжбамъ и процессамъ важнымъ, судили суды Повѣтовые и Гражданскіе; что касается до службы, по ней зависѣли они отъ Хоружихъ повѣтовыхъ; эти урядники дѣлали смотры и составляли описи вооруженію; у Хоружихъ сохранялись повѣтовыя знамена подъ стражею товариства; на знаменахъ были гербы: съ одной стороны повѣтовый, а съ другой народный. Когда же должно было собираться войску въ походъ, то отъ Хоружихъ давалась *повѣстка* по куренямъ, указывалось сборное мѣсто, которое обыкновенно бывало или въ Бѣлыхъ Межахъ, гдѣ нынѣ Нѣмецкія колоніи, между Борзною, Конотопомъ и Нѣжиномъ, или въ Крыловѣ, за Днѣпромъ. Изъ собравшихся козаковъ и товариства составлялись полки и сотни; въ нихъ избираніе было вольными голосами; всѣ чиновники низшіе и высшіе считались въ своихъ чинахъ до окончанія похода, а по возвращеніи принимали первобытное состояніе, съ названіемъ товарищей, и съ преимуществами въ голосѣ противъ другихъ козаковъ.

Такое учрежденіе было поводомъ къ многимъ зло-

употребленіямъ. Часто козаки, безъ повѣстокъ отъ Хоружихъ, выбирали старшинъ. Наиболѣе случалось это въ мѣстахъ пограничныхъ, и тогда вдругъ являлись полки, которые, называясь *Охотекомонными*, нападали на Турцію, на Крымъ, на Молдавію; говорили, что хотятъ освободить плѣнниковъ, и добывали добычу.

Такія неустройства и своеволія уничтожилъ Гетманъ Рожинскій. Онъ учредилъ 20 полковъ, въ 2000 козаковъ каждый, и назвалъ ихъ по городамъ; изъ нихъ былъ Кіевскій первый; полки раздѣлилъ на сотни, названныя по городамъ и мѣстечкамъ; во всякомъ полку опредѣлилъ быть Полковникамъ и Сотникамъ, которые, будучи выбраны товариствомъ и козаками, оставались на всю жизнь въ своихъ чинахъ. Съ тѣхъ поръ заведено въ Малороссіи наслѣдное барство. Полки были набраны, и укомплектовывались молодыми козаками, выбранными изъ куреней и околицъ шляхетскихъ, и записанными въ военный регистръ, до выслуги положеннаго срока; отъ чего и названы они *регистровыми козаками*. Половина ихъ, конная, содержалась всегда въ полѣ; а другая, пѣшая, составляла въ городахъ гарнизоны; въ случаѣ надобности послѣдняя помогала коннымъ и комплектовала ихъ. Одежда и вооруженіе были положены у нихъ одинаковыя, и заготовлялись въ мирное время, изъ собственнаго кошта, по даннымъ образцамъ; пропитаніе имѣли они отъ домовъ своихъ. На случай похода, положено жалованье изъ скарба Малороссійскаго, каждому козаку въ годъ по червонному, въ два года, по кафтану тузинковому, а въ случаѣ нужды и по кожуху; старшинамъ сотеннымъ вдвое противъ про-

стаго козака; Полковники, Старшины Генеральные, Обозные и Старшины полковые имѣли ранговыя деревни. Артиллерія, обозы и вьюки съ запасами, провіантомъ и фуражемъ снаряжались отъ *Скарба* и Посполитства; оружіемъ конница имѣла штуцеры, пистолеты, сабли и копья; пѣхота—ружья, копья и кинжалы. Все это выписывалось изъ Турціи и изъ Швеціи. Экзерциція, съ нѣкоторою поправкой, осталась прежняя; маршъ колонною назывался *итти соганою;* въ опасности строился вмѣсто каре треугольникъ; строиться во фрунтъ называлось: *становиться въ лаву,* и наконецъ строй въ три шеренги: *батова.*

Для поощренія охотниковъ, устроено было пять полковъ охочекомонныхъ, и назывались они именами своихъ Полковниковъ, производимыхъ Гетманомъ; общее имя имъ было *гультяи.* Имъ выдавалось незначительное жалованье, а больше довольствовались они рыбною и звѣриною ловлею, и были содержаны надъ рѣками Самарой, Бугомъ и Днѣстромъ.

Всѣ сіи перемѣны были утверждены Королемъ Сигизмундомъ I-мъ, и пользу ихъ онъ увидѣлъ въ весьма скоромъ времени.

Ханъ Крымскій въ 1516 году поднялся на Польшу 1516.
и на Малороссію; Гетманъ выступилъ къ нему навстрѣчу, нашелъ его на нашихъ границахъ, у Бѣлгорода надъ Донцомъ, и позволилъ атаковать себя. Ханъ тотчасъ окружилъ насъ съ трехъ сторонъ, по-Азіатски, и съ ужаснымъ гикомъ, пустивъ тучи стрѣлъ, бросился въ атаку. Войска Гетманскія были примкнуты къ рѣкѣ и къ обозу тыломъ. Конница спѣшилась, и съ пѣхотою выстроилась въ боевой порядокъ; натискъ Татаръ былъ встрѣченъ сильнымъ

ружейнымъ огнемъ и безпрерывною пушечною пальбою. Татары, видя страшное пораженіе въ толпахъ своихъ, начали отступать. Показывая, что мы только въ силахъ обороняться, но наступать не можемъ, Гетманъ не велѣлъ трогаться войскамъ своимъ. Татары возобновляли свои натиски въ продолженіе цѣлаго дня. Къ ночи отступили они въ степь, на нѣсколько верстъ, и тамъ расположились обширнымъ станомъ со всею Азіятскою безпечностью. Въ полночь выступилъ Гетманъ съ козаками и тихо придвигался къ стану Татарскому. Онъ прибылъ къ нимъ на разсвѣтѣ, когда лошади у нихъ бываютъ не у коновязей, а на подножномъ корму, заарканенныя на рукѣ всадника. Гетманъ выслалъ отрядъ конницы съ ракетами, дающими по шести выстрѣловъ и перепрыгивающими съ мѣста на мѣсто, называемыми шутихами большаго калибра. Наскакавъ на станъ Татаръ, козаки пустили ракеты межъ лошадей; испуганныя, онѣ поскакали во весь опоръ по табору; волоча своихъ всадниковъ, били и топтали ихъ; а между тѣмъ подошли всѣ войска Гетманскія съ артиллеріею и прошли насквозь весь станъ, поразивъ Татаръ на-голову; весь багажъ достался побѣдителямъ.

Возвращаясь изъ Бѣлгорода Русскаго, Гетманъ былъ встрѣченъ Татарами и Турками, вышедшими изъ Бѣлгорода Татарскаго; узнавъ о пораженіи Хана, они надѣялись отнять у Гетмана добычу нападеніемъ въ расплохъ; но Рожинскій, узнавъ уже объ ихъ предпріятіи, отправилъ всѣ тяжести въ Уманьщину, а самъ, переправясь чрезъ Бугъ, засѣлъ въ оврагахъ и тростникахъ у рѣки Кадимы, и едва явились Турки и Татары, внезапно окруживъ, разгромилъ ихъ совер-

шенно, и остатки загнавъ въ Аккерманъ, умножилъ добычу, взятую въ станѣ Ханскомъ.

Съ тѣхъ поръ, уважая храбрость Малороссіянъ и склонность ихъ къ войнѣ, многіе Поляки стали служить въ полкахъ Малороссійскихъ, и съ гордостью называть себя козаками.

Между тѣмъ Дашковичъ былъ еще живъ и, отъ времени до времени, имя его звучало на военномъ поприщѣ. Кн. Димитрій Вишневецкій тоже собирался выступить къ славѣ, и къ мученическому концу.

Исламъ, сынъ Магмета Гирея, два раза низвергавшій Сайдетъ Гирея съ престола Крымскаго, бѣжалъ 1523. въ Черкасы. Мстительный Сайдетъ съ 50 пушками подступилъ къ городу, и тринадцать дней держалъ его въ осадѣ; потерявъ терпѣніе, онъ рѣшился вступить въ переговоры и пригласилъ Дашковича въ лагерь; оставивъ нѣсколько заложниковъ Татарскихъ въ своей крѣпости, Дашковичъ поѣхалъ ко врагу по-рыцарски, пировалъ съ Ханомъ, пилъ съ нимъ медъ и изъ врага сдѣлалъ его другомъ Сигизмунда.

Въ скоромъ времени Рожинскій скончался, и Венжикъ Хмельницкій былъ избранъ въ Гетманы. 1534.

ГЛАВА III.

ВѢНЦЕСЛАВЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ, КН. МИХАЙЛО ВИШНЕВЕЦКІЙ И ГРИГОРІЙ СВИРГОВСКІЙ.

Набѣгъ Орды. Битва подъ Заславлемъ. Осада Стародуба. Немировичъ. Осада Чернигова. Новая осада и разореніе Стародуба. Сожженіе Копыса, Орши, Дубровны и Почепа. Послѣдніе подвиги Дашковича. Бѣгство Немировича. Князь Дмитрій Вишневецкій у Царя. Подвиги его. Возвращеніе на родину. Страшная смерть его въ Царѣградѣ. Двѣ привилегіи Малороссіянамъ. Кн. Михаилъ Вишневецкій подъ Астраханью. Бѣгство Турокъ и Татаръ. Запорожцы на Дону. Черкаскъ. Свирговскій. Война съ Турціею. Пріемъ Гетмана Господаремъ Молдавскимъ. Слава Гетмана и козаковъ его. Многочисленныя побѣды. Измѣна. Заключеніе.

1534. Получивъ отъ Сигизмунда повелѣніе отражать Великую Орду, изъ Крыма и Бессарабіи пробравшуюся чрезъ Волынь въ Польшу, новый Гетманъ выступилъ съ войскомъ регистровымъ; а въ Волынь, для прикрытія границы съ той стороны, по которой шли Татары, послалъ Запорожцевъ. Послѣднихъ и полки охочекомонные онъ раздѣлилъ на многія партіи, велѣлъ имъ безпрестанно нападать на Татаръ во время ихъ походовъ и ночлеговъ и, въ слѣдъ за нападеніемъ удаляясь, подаваться къ главному войску. Этотъ родъ войны партизанской обманулъ Ордынцевъ: они почли наши нападенія малозначущими, считали весьма

легкимъ дѣломъ опрокинуть и прогнать козачьи отряды и, безпечно подвигаясь впередъ, насунулись на станъ Гетманскій близъ Заславля. Гетманъ укрѣпилъ уже лагерь свой вагенбургомъ; оставивъ въ немъ нѣсколько пѣхоты съ тяжелою артиллеріею, онъ съ главнымъ войскомъ укрылся за рощи и пасики городскія, и едва лишь, по своему обычаю, Татары окружили козацкій обозъ, подняли крикъ, начали перестрѣлку, Гетманъ выступилъ, ударилъ имъ въ тылъ и въ бока, и сдѣлавъ одинъ только выстрѣлъ изъ пушекъ и ружей, поднялъ ихъ на копья и на сабли. Сбитые залпомъ, съ трехъ сторонъ окруженные козаками, изумленные неожиданностію, Татары оробѣли и разсыпались. Тогда, пославъ особенный отрядъ, Гетманъ велѣлъ гнать непріятеля и продолжать начатое пораженіе. Зная, что Крымцы искусно на бѣгу соединяются и, оборачиваясь, нападаютъ на преслѣдующихъ, онъ приказалъ козакамъ отнюдь не разсыпаться, но придерживаться *кишеевъ*, т. е. взводовъ и плотонгъ. Самъ же съ главнымъ корпусомъ пошелъ серединою, отбилъ непріятельскіе вьюки съ запасами. И догадливость Гетмана оправдалась: Татары часто соединялись; но всегда для отраженія готова была сильная батова съ артиллеріею. Такъ разогнавъ и поразивъ хищниковъ, съ большою добычею и со славою, Гетманъ возвратился къ Заславлю. Поляки вездѣ встрѣчали его съ тріумфомъ, а Король прислалъ ему похвальный листъ съ благодарностію.

Во время подвиговъ его съ Татарами, въ другой сторонѣ Малороссіи происходили тоже движенія нашихъ войскъ, но далеко не столь удачныя. Кіевскій 1538.
Воевода Андрей Немировичъ съ многочисленнымъ

войскомъ вступилъ въ Сѣверію, осадилъ Стародубъ; Левинъ сдѣлалъ вылазку, и Немировичъ отступилъ отъ города. Знатный чиновникъ Суходольскій былъ взятъ въ плѣнъ и, съ 40 пушками Литовскими, былъ отправленъ въ Москву Стародубскимъ Намѣстникомъ Кн. Кашинымъ. Немировичъ сжегъ Радогощь, въ которомъ сгорѣлъ Воевода Московскій Лыковъ, взялъ въ плѣнъ многихъ жителей, обступилъ Черниговъ; но тамошній Воевода, Князь Мезецкій, ночью выслалъ Черниговцевъ на станъ Немировича, и онъ, будучи разбитъ, бѣжалъ въ Кіевъ и покинулъ осажденнымъ обозъ и пушки. Такъ въ то время, когда
1534. южная Малороссія обстроивалась, сѣверная часть ея отдалась Москвѣ, и была разоряема Малороссіянами же. Но эти неудачи были скоро заглажены.

1535. На будущій годъ, Сигизмундъ, давъ волю Россіянамъ свирѣпствовать въ Литвѣ, отрядилъ 40,000 войска къ Стародубу; предвѣстникомъ этого войска явился знаменитый Дашковичъ съ Булгакомъ и началъ опустошенія; потомъ пришли Немировичъ, Юрій Радзивилъ, Янъ Тарновскій и Князь Илія Острожскій, взяли Гомель, осадили Телепнево, въ Стародубѣ взорвали стѣну, вломились въ городъ, перерѣзали 13,000 жителей, сожгли всѣ окрестности Княжичей, Шклова, Копыса, Орши и Дубровны, и отступили къ Смоленску, а Русскіе отплатили сожженіемъ Почепа.

Въ 1536 году война съ Москвой возобновилась. Сигизмундъ далъ повелѣніе Немировичу взять крѣпость Ивангородъ на Себежѣ, построенную Бутур-
1536. 27 Февраля. линымъ; ее осадили 20,000 войска. Неискуство нашихъ пушкарей и распорядительность воеводъ, Кн.

Засѣкина и Тушина, были причиною неудачи Воеводы Кіевскаго. Козаки бросились на озеро, ледъ обломился, Русскіе довершили гибель ихъ, а Воевода бѣжалъ опять въ Кіевъ, и опять оставилъ знамена и пушки.

Но со взятія Стародуба въ 1535 году имя Дашковича замолкло: уже онъ не являлся на поприщѣ историческомъ и вскорѣ окончилъ жизнь, оставя Па- 1540.
волочь и прочія свои имѣнія сестрѣ своей Богданѣ Немировичевой.

Гдѣ и что дѣлалъ во все это время Князь Димитрій Вишневецкій, о томъ молчатъ лѣтописи; но въ гетманство Вѣнцеслава мы наконецъ видимъ его на островѣ Хортицкомъ. Онъ, кажется, взялъ только 1556.
одниxъ охотниковъ изъ Запорожцевъ, отдѣлился отъ Малороссіи и поддался Іоанну Грозному. Не извѣстны причины измѣны столь знаменитаго человѣка. Согласно съ нашими лѣтописями, Исторіографъ Россіи говоритъ, что, вышедъ изъ Литвы со многими усердными козаками, онъ занялъ островъ Хортицу близъ устья Днѣпровскаго, противъ Конскихъ водъ, построилъ тамъ крѣпость и писалъ къ Царю, что не требуетъ войска, а Хана въ Тавридѣ запретъ, лишь бы Царь принялъ его въ число подданныхъ; тутъ сжегъ онъ Исламъ Кермень и вывезъ оттуда пушки въ свою крѣпость; напрасно въ продолженіе двадцати четырехъ дней потомъ осаждалъ ее Ханъ. 1557.

Тогда между прочимъ Вишневецкій сдѣлалъ весьма значительное въ Сѣчѣ нововведеніе. Онъ первый приказалъ устроивать чолны изъ буйволовыхъ кожъ, чтобы легче было, въ случаѣ нужды, переносить ихъ по

сухому пути, и кромѣ того укрѣпилъ островъ Томаковку.

Однакожъ онъ не могъ удержаться на своемъ островѣ; когда явились присланные на помощь Хану Турки и Волохи отъ Султана, и когда истощились его и силы и запасы, онъ вышелъ изъ крѣпости, занялъ Черкасы и Каневъ и писалъ къ Царю, что можетъ покорить ему всѣ южныя области Днѣпровскія; но Іоаннъ, возвративъ оба города Королю, призвалъ къ себѣ въ Москву Вишневецкаго и, одаривъ Бѣлевымъ и другими богатыми волостями, сталъ держать его на страхъ Королю и Хану.

Не одинъ Вишневецкій отсталъ тогда отъ соотечественниковъ:
1556. 300 козаковъ съ атаманами Есковичемъ и Млынскимъ пристали къ Царскому Дьяку Ржевскому, шесть дней бились подъ Исламъ Керменемъ и Очаковымъ, перебили множество Турковъ и Татаръ и принудили Девлетъ Гирея удалиться отъ Конскихъ водъ на свой полуостровъ.

1558. Въ 1558 году Іоаннъ, какъ союзникъ Короля, позвалъ Вишневецкаго, далъ ему 5000 жильцовъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ и приказалъ, соединясь съ Князьями Черкесскими, итти войною на Крымъ. Бывшій Гетманъ доходилъ до устья Днѣпровскаго и не встрѣтилъ въ полѣ никого. Девлетъ Гирей ожидалъ его на полуостровѣ, и Вишневецкій возвратился въ Москву, оставя Дьяка Ржевскаго съ
1559. козаками. На другой годъ онъ съ пятью тысячами легкихъ воиновъ ходилъ на Донъ, чтобы и съ той стороны потревожить Тавриду. Тамъ построилъ суда и поплылъ къ Азову, но только могъ истребить на Ипсарѣ нѣсколько сотъ Крымцевъ, пробиравшихся

въ Казань. Когда же наконецъ Князья Черкесскіе просили у Царя полководца противъ Хана Крымскаго, Царь опять къ нимъ отправилъ Князя Вишневецкаго. 1560.

Вскорѣ по кончинѣ Царицы Анастасіи характеръ Царя измѣнился; его жестокость извѣстна всѣмъ; одинъ изъ первыхъ его бѣглецовъ былъ бѣглецъ Литовскій Кн. Дмитрій Вишневецкій. Страшась, вѣроятно, попасть въ какую нибудь эпоху казней, онъ ушелъ изъ южной Россіи, изъ Русскаго стана, и навсегда покинулъ Москву. Въ это время братъ его Князь Михаилъ Вишневецкій, тогдашній ротмистръ, съ козаками Каневскими опустошалъ Черниговскія и Стародубскія окрестности, и когда онъ былъ разбитъ 1563.
Княземъ Щербатовымъ, Воеводою Сѣверскимъ, въ то самое время знаменитый воинъ, бывшій Гетманъ Малороссійскій, явился къ Королю и былъ принятъ милостиво. И не только Король далъ ему медика своего для излѣченія болѣзни, произведеной отравою, но еще освѣдомлялся у Царя о причинѣ бѣгства Вишневецкаго изъ Россіи. Іоаннъ отвѣчалъ: «*пришелъ онъ* «*какъ собака и потекъ какъ собака; а мнѣ, Государю,* «*и землѣ убытка никакого не пригинилъ.*» Дряхлый Князь былъ старъ уже, отъ лѣтъ и слабости не могъ ни ѣздить на конѣ, ни ходить; но славы и честолюбія въ немъ годы не уменьшили. Молдавскіе Бояре 1564.
на мѣсто Стефана IX призывали его быть Господаремъ у нихъ; это былъ обманъ: съ небольшимъ войскомъ Князь поѣхалъ, былъ схваченъ Стефаномъ и отправленъ въ Константинополь. Султанъ приказалъ съ высокаго жилья сбросить его на колья; зацѣпясь ребромъ, онъ трое сутокъ висѣлъ и трое сутокъ

славилъ Христа и проклиналъ Магомета. Одинъ Турокъ, услыша эти проклятія, пришелъ въ изступленіе, и жизнь страдальца окончилъ стрѣлой. Повѣствуютъ, что передъ казнью ему предлагали отказаться отъ Православія, обѣщая отдать и жизнь и свободу; но Князь отвергнулъ предложеніе, Турки ему разрѣзали грудь, и надѣясь получить мужество знаменитаго Гетмана, вынули сердце оттуда, подѣлились и съѣли его.

Стараніемъ Гетмана на главномъ Сеймѣ Варшавскомъ были уравнены права шляхетныхъ рыцарствъ Литовскаго и Русскаго съ правами шляхетнаго рыцарства Польскаго. Всѣ пакты, привилегіи и законо-
1563 Іюля 7 дня. положенія были вновь подтверждены; въ новой привилегіи Сигизмундъ сказалъ: «Дозволяемъ рыцарству «Литовскому и Русскому привилегіи правъ и вольностей земскихъ внести и вписать въ новосоставляемый Статутъ такимъ образомъ, какъ и въ коронѣ Польской онѣ вписаны, и равномѣрно употреблять и вольностями своими пользоваться имѣютъ «такъ, какъ и прежде сего чинъ рыцарскій и шляхетскій народовъ Литовскаго и Русскаго то употреблялъ и пользовался.»

Этотъ новосоставленный Статутъ былъ Статутъ Гедимина, Великаго Князя Литовскаго, исправленный Сигизмундомъ I, писанный по-Русски и только въ
1529. исходѣ XVI вѣка переведенный на Польскій языкъ.

1568 Іюля 30. На Гродненскомъ Сеймѣ Малороссіяне получили права на чины Сенаторскіе и другіе, какими могли пользоваться только Римско-Католики.

1569 Іюня 5. Наконецъ на Люблинскомъ, когда отъ Малороссійскихъ Депутатовъ были поданы представленія о при-

тязаніи нѣкоторыми чинами Литовскими, въ особенности же служившими въ Малороссіи по выборамъ на урядахъ, посполитства Малороссійскаго въ свое вѣчное подданство, тогда Сигизмундъ Августъ узаконилъ: «Землю Русскую и Княженіе Кіевское и всѣхъ «оныя жителей, вообще и каждаго особливо, отъ по-«слушанія, владѣнія, должностей и повелѣній Вели-«каго Княжества Литовскаго на вѣчное время изъем-«лемъ, освобождаемъ и къ Польскому Королевству, «какъ равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свобод-«нымъ, къ первому и собственному тѣлу, и со всѣ-«ми вообще и съ каждымъ особливо, и съ ея горо-«дами, мѣстечками, селами, повѣтами и всѣми ихъ, «каковы-бъ ни были, имѣніями, оную землю и Кня-«женіе Кіевское присоединяемъ, обѣщая равно какъ «Римскаго, такъ и Русскаго исповѣданія людямъ про-«изводства сенаторскія и прочія всѣ достоинства.»

Воеводство Кіевское осталось при Великомъ Княженіи Литовскомъ; тамошній Воевода получилъ право засѣдать въ Сенатѣ, жители освобождены отъ всѣхъ тягостей и налоговъ; земельные платили по два гроша Польскихъ съ десятины; безземельные по грошу съ трубы; подтверждено свободное вѣроисповѣданіе; городамъ разнымъ даровано право Магдебургское; Воеводы Кіевскіе были Кіевскими Старостами; воеводство высылало двухъ депутатовъ къ трибуналу и четырехъ посланниковъ къ Сейму. Мы увидимъ, каково повиновались магнаты Королю, и каково держало обѣты свои Польское Правительство. Но такія улучшенія для края были сдѣланы при Вѣнцеславѣ Хмельницкомъ. Онъ скончался въ томъ же году, и на 1569.
его мѣсто былъ выбранъ Кн. Михаилъ Вишневецкій.

1569, 16—26 Сентября. Шестнадцатаго Сентября Турки и Крымцы обступили Астрахань, 26 того же мѣсяца зажгли они свои укрѣпленія и удалились отъ города. Карамзинъ не описываетъ участія козаковъ въ этомъ дѣлѣ, но лѣтопись наша подробно говоритъ о Гетманѣ Кн. Вишневецкомъ и о козацкихъ подвигахъ подъ Астраханью.

1569. Гетманъ Кн. Михаилъ Вишневецкій былъ избранъ изъ Воеводъ и, въ томъ же году, посланъ Королемъ на помощь Царю подъ Астрахань, къ которой шли Турки и Татары. Выступивъ изъ Черкасъ, на дорогѣ присоединилъ онъ къ себѣ полки охочекомонные и часть Запорожцевъ, и когда пришелъ къ Астрахани, Паша и Ханъ уже были подъ ея стѣнами. Онъ расположилъ свой станъ надъ Волгою повыше непріятельскихъ, стоявшихъ порознь; укрѣпивъ его окопами и артиллеріею, приказалъ наѣздникамъ тревожить враговъ частыми перестрѣлками или, говоря по тогдашнему, *шермицерами*. Самъ же съ сильнымъ корпусомъ конницы ежедневно нѣсколько дней съ ряду наѣзжалъ на станъ Турецкій и, побезпоковвъ его ружейнымъ огнемъ, возвращался къ своему стану. Наконецъ въ одну ночь послалъ надежнаго старшину въ городъ съ требованіемъ, чтобы гарнизонъ, въ назначенный день, сдѣлалъ вылазку и повелъ фальшивую аттаку на Турецкіе шанцы. Старшина проползъ въ оба пути ночью и объявилъ о готовности гарнизона. Уговорясь и со вспомогательнымъ Русскимъ войскомъ, окопавшимся на одной Волжской косѣ, Гетманъ взялъ съ Воеводы слово, что тотъ подступитъ подъ станъ Татарскій спѣшась, и займетъ его своимъ нападеніемъ. Такъ распорядясь, въ первое утро, на

разсвѣтѣ, онъ построилъ конницу въ лаву, позади этого длиннаго фрунта поставилъ 15,000 пѣхоты въ согану и выступилъ изъ стана своего; едва въ городѣ замѣтили придвигающихся козаковъ, тотчасъ же граждане сдѣлали вылазку, а гарнизонъ разсыпался вокругъ шанцевъ Турецкихъ. Видя вблизи стана своего Гетмана одного съ конницею безъ пѣхоты, Турки почли его разъѣзжающимъ по-прежнему и не обращали на это вниманія; они бросились толпами изъ стану къ своимъ укрѣпленіямъ на помощь противъ Астраханцевъ. Ставъ въ ближайшей дистанціи къ непріятельскому лагерю, Гетманская конница мгновенно раздалась въ обѣ стороны и съ необычайною стремительностію пѣхота кинулась на станъ, вломалась и овладѣла артиллеріею. Остальные въ стану Турки, не ожидавъ такой нечаянности, бросились къ шанцамъ звать другихъ на помощь, но пока тѣ подоспѣли, козаки уже обратили ихъ собственную артиллерію противъ нихъ и встрѣтили ихъ ужаснымъ огнемъ. Турки бѣжали, Гетманъ поражалъ ихъ, нагонялъ конницею и преслѣдовалъ до стана Татарскаго. А между тѣмъ Астраханцы заняли Турецкія укрѣпленія; дождавшись ночи, Паша бѣжалъ подъ прикрытіемъ Хана, и Астрахань была освобождена.

Тогда «Гетманъ Вишневецкій», говоритъ Лѣтопись, «получивъ при Астрахани въ станѣ непріятельскомъ «великую добычу, раздѣлилъ ее между войсками своими и Московскими, отдавъ послѣднимъ и всю тяжелую артиллерію Турецкую; но отдѣлилъ притомъ «и часть добычи на скарбъ Малороссійскій. Симъ поступкомъ войска Малороссійскія, а паче охочекомонныя и козаки Запорожскіе, крайне огорчились и

«явно роптали на Гетмана; а въ одну ночь, отдѣ-
«лившись ихъ *болѣе* 5000, ушли изъ стану Гетман-
«скаго и, проходя внизъ по рѣкѣ Дону, останови-
«лись въ устьѣ на одной косѣ, выше города Азова,
«на противоположномъ берегу, и построили тамъ го-
1570. «родъ Черкаскъ, на имя своего города Черкасъ; тамъ
«оставшись они навсегда, жили прежде безъ женъ,
«по примѣру Запорожцевъ; потомъ, приглася къ себѣ
«Донскихъ козаковъ, въ маломъ числѣ жившихъ въ
«своемъ городкѣ, называвшемся Донскимъ, на мѣстѣ
«нынѣшняго Донскаго монастыря бывшемъ, соедини-
«лись съ ними и переженились, принявъ всѣ обычаи
«тѣхъ козаковъ и сдѣлавъ городъ свой главнымъ все-
«му войску Донскому, отъ нихъ и отъ приходящихъ
«къ нимъ единоземцовъ умножившемуся.»

Въ 1570 году военачальникомъ у Запорожцевъ былъ уже Свирговскій. Козаки подъ его начальствомъ не переставали безпокоить Татаръ и грабить Турецкихъ купцовъ. Султанъ жаловался на Свирговскаго, но Король не удовлетворилъ жалобы его. Свирговскій
1571. былъ избранъ Генеральнымъ Обознымъ, и, на другой
годъ, надъ Днѣпромъ была заложена крѣпость противу Татаръ, что нынѣ Кременчугъ.

1573. По кончинѣ Короля, на новомъ Сеймѣ были под-
тверждены права Малороссійскія, и потомъ Гетманъ
1574. былъ посланъ отъ короны посломъ въ чужіе края; на
мѣсто его поступилъ, извѣстный уже намъ, Григорій Свирговскій, избранный въ Гетманы изъ Генеральныхъ Обозныхъ.

Немедленно по вступленіи его въ управленіе Малороссіянами, явились къ нему Молдавскіе Посланники отъ Іоанна, по прозванію Армянина, Господаря Мол-

давіи, съ просьбою о помощи противъ Волошскаго Воеводы Александра и Султана Турецкаго. Они уже пріѣзжали въ Польшу, и Король Генрихъ Валуа отказалъ имъ; на этотъ разъ, пользуясь отъѣздомъ Генриха во Францію, Гетманъ отнесся къ Рѣчи Посполитой и, съ согласія Польскаго Правительства, выступилъ съ своими козаками.

Узнавъ о его приближеніи, Молдавскій Господарь выѣхалъ къ нему съ Боярами и встрѣтилъ его съ пушечной пальбой: за обѣдомъ, вмѣсто десерта, Молдаване поднесли блюды съ червонцами и сказали, подавая предводителямъ: «Они доставятъ вамъ от«дыхъ отъ путевыхъ трудовъ и смоютъ съ васъ пыль «дорожную.» Но козаки съ гордостью отвѣчали Господарю, что «пришли къ нему не за золотомъ, а за «славою, чтобъ сразиться съ врагомъ Христіанства.» Они объявили, что съ радостью примутъ въ подарокъ вино и забудутъ съ нимъ объ водѣ Днѣпровской; имъ выкатили шесть бочекъ Венгерскаго.

Первая битва съ Турками была у города Сороки на Днѣстрѣ, противъ Цехиновки. Разбивъ на голову Турковъ, Свирговскій взялъ въ плѣнъ главнаго Пашу ихъ Кара-Мустафу, и многихъ съ нимъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ въ Польшу съ добычею. 1575. Апрѣля 23.

Здѣсь присоединилось 6000 Молдаванъ къ Свирговскому, и онъ подошелъ къ Браилову; подъ городомъ былъ расположенъ станъ Турецкій. Оставивъ въ лагерѣ своемъ одинъ огонь караульный, Гетманъ заманилъ къ себѣ Турковъ, окружилъ ихъ, опрокинулъ и овладѣлъ обозомъ ихъ. Но Браиловъ, не смотря на четырехдневный приступъ, устоялъ, и тогда къ козакамъ прибавилось еще 3000 Молдаванъ.

Шестнадцать тысячь Турковъ шло на помощь войскамъ уже разбитымъ; имъ перерѣзалъ путь Свирговскій и, положивъ ихъ 7000 на мѣстѣ, обратился къ Бѣлграду, что на Днѣстрѣ; здѣсь онъ испепелилъ половину предмѣстія, вырѣзалъ часть гарнизона, вышедшаго къ нему на-встрѣчу, и возвратился въ Молда-
1576. вію, гдѣ раздѣлилъ на два отряда войско свое: одинъ подъ начальствомъ Саввы Ганжи, бывшаго Полковникомъ, выступилъ къ Букаресту; другой, подъ начальствомъ самого Гетмана, отправился къ Галацамъ. Въ Сѣчь Запорожскую былъ посланъ къ Кошевому Ѳеську Покотылу нарочный съ повелѣніемъ, чтобы онъ отрядилъ пѣхоту свою въ ладьяхъ на Черное море и не допускалъ бы Турковъ къ дессантамъ въ Дунай и Днѣстръ. Это было весьма важное распоряженіе. Запорожцы, разъѣзжая по морю и въ устьяхъ обѣихъ рѣкъ, перехватали множество непріятельскихъ судовъ съ войскомъ и запасами и, войдя въ Дунай, укрѣпленія и жилища прибережныя выжгли и разорили. А Гетманъ и Ганжа ходили то по Молдавіи, то по Валахіи, и гдѣ ни встрѣчали отряды Турецкихъ войскъ, всегда ихъ разгоняли счастливо.

Но счастье Гетмана и Господаря измѣнилось; не оружіе, но обманъ и предательство погубили ихъ. Іоаннъ послалъ Молдавскаго Боярина Чарневича съ 12,000-нымъ отрядомъ, чтобъ наблюдалъ онъ движенія непріятельскія; Чарневичъ былъ подкупленъ за 30,000 цехиновъ, пропустилъ чрезъ рѣку двухсотъ-тысячное войско Турецкое безъ всякаго сопротивленія и увѣрилъ Господаря, что Турковъ только до 30,000. Началась битва и Чарневичъ немедленно перешелъ съ своею конницею на сторону непріятеля:

Господарь былъ окруженъ, взятъ въ плѣнъ, привязанъ къ двумъ верблюдамъ и разорванъ на-двое.

Миллеръ и Энгель говорятъ, что изъ козаковъ послѣ этой битвы осталось только 250 человѣкъ въ живыхъ, что, обороняясь отчаянно, они дошли до изнеможенія, и что наконецъ послѣдніе 16 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и Гетмана, отдались въ плѣнъ и окончили жизнь въ оковахъ. Турки, продолжаетъ Миллеръ, требовали столь высокую цѣну за Свирговскаго и его товарищей, что не явилось охотниковъ истощить за нихъ свое состояніе.

Но Кониескаго лѣтопись совершенно иначе разсказываетъ намъ конецъ Гетмана. Вотъ ея слова: «Когда поворотился Гетманъ оттуда къ Бессарабіи, подъ городъ Килію, то тутъ, предательскимъ образомъ, извѣщенъ былъ отъ одного Армянина, что въ городѣ томъ хранятся безчисленныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и Валахіи, и сложенныя въ городъ, подъ стражу небольшаго гарнизона, въ ожиданіи пока суда Запорожскія изъ моря и отъ Дуная удалятся, и пока ихъ въ Турцію перевезть будетъ можно. Гетманъ, привыкнувъ побѣждать несравненно большія силы и укрѣпленія Турецкія, рѣшился тотчасъ осадить Килію и взять ее приступомъ; распорядивши войска на приступъ и не оставивъ въ станѣ своемъ обыкновеннаго резерва и укрѣпленія, онъ началъ скоропостижную атаку съ трехъ сторонъ; но взорванныя Турками въ двухъ мѣстахъ, мины подняли его и множество съ нимъ козаковъ на воздухъ и сдѣлали совершенную разстройку и гибель; напавшіе за тѣмъ Турки въ тылъ многихъ перерѣзали, а остальныхъ разо-

« гнали; и сіи скитаясь долго по Молдавіи, нашли « корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ воротились « въ свои границы. »

Пользуясь междуцарствіемъ въ Польшѣ и отсутствіемъ страшнаго Гетмана Малороссійскаго, Татары причинили ужасное опустошеніе въ Волыніи. Въ исходѣ 1575 года, предупрежденные о приближеніи Татаръ крикомъ дикихъ птицъ, Запорожцы дали знать о томъ Воеводѣ Кіевскому, Князю Острожскому; Воевода, сколько могъ, собралъ козаковъ въ Кіе-
1575. вѣ, Каневѣ, Черкасахъ и соединилъ съ Запорожцами. Крымцы стояли уже надъ Днѣпромъ; подползши къ нимъ сквозь тростники и кустарники, козаки привели ихъ въ величайшее замѣшательство; но потомъ, увидѣвъ какъ малочисленно войско козацкое, они прогнали его, вторгнулись въ Волынію и увели оттуда 55,340 плѣнниковъ, способныхъ къ работѣ, 150,000 лошадей, 200,000 овецъ и 500,000 скота рогатаго.

Такъ кончилось счастливо начатое Гетманство Свирговскаго.

ГЛАВА IV.

ѲЕДОРЪ БОГДАНЪ. ПАВЕЛЪ ПОДКОВА. ЯКОВЪ ШАХЪ И ДЕМЬЯНЪ СКАЛОЗУБЪ.

Ѳедоръ Богданъ. Нечай. Походъ въ Черное море. Взятіе Кафы. Миръ съ Крымцами. Походъ на Кавказъ. Сожженіе Синопа и Трапезонта. Взятіе Киліи. Счастіе Малороссіи при Королѣ Батори. Привилегія. Новый регламентъ. Число полковъ. Сожженіе Стародуба. Подкова. Сила его тѣлесная. Букарестъ. Предательство Бояръ Валахскихъ. Смерть Гетмана. Шахъ. Месть на Валахію. Осужденъ и заточенъ. Постригается въ монахи. Скалозубъ. Богуславецъ. Перебиносъ. Война съ Крымцами. Сигизмундъ III. Угнѣтенія Малороссіянамъ. Уничтоженіе правъ. Заключеніе.

Знаменитый по преданіямъ и лѣтописямъ, новый Гетманъ, Ѳедоръ Богданъ, собравъ и пополнивъ войска, разсыпавшіяся послѣ погибели Свирговскаго, началъ, въ слѣдствіе повелѣнія тогдашняго Короля Стефана Батори, преслѣдованіемъ Крымцевъ: въ отсутствіе Свирговскаго они нападали на Волынь. Выступивъ съ войскомъ, Гетманъ отправилъ въ лодкахъ 5000 пѣшихъ Запорожцевъ, подъ начальствомъ Войсковаго Асаула Нечая. По его повелѣнію Нечай выплылъ въ Черное море, присталъ къ Козлову и Кафѣ и, ожидая прибытія Гетманскаго, заперъ тамошнія

гавани; при переходѣ чрезъ Крымскую степь, Гетманъ встрѣчалъ и разгонялъ многіе полки Татарскіе; онъ, впрочемъ, предвидѣлъ, что эти стычки окончатся дѣйствительнымъ сраженіемъ; и при поворотѣ отъ лимана Днѣпровскаго къ Орской или Перекопской крѣпости, былъ атакованъ между Кучугурами Кинбургскими и Даріевымъ мостомъ. Всѣ орды Татарскія подъ начальствомъ Девлетъ-Гирея были въ дѣлѣ; армія Гетманская шла четырьмя батовами; обозъ и резервъ были въ серединѣ; артиллерія, разставленная по всѣмъ флангамъ, могла вездѣ вредить непріятелю. Едва подступили Крымцы, открылась пальба изо всѣхъ орудій и продолжалась болѣе часа; панцырные всадники и наѣздники наваливались на фрунтъ нашъ и были поражаемы копьями. Между тѣмъ вѣтеръ разнесъ дымъ, и страшныя кучи Татарскихъ труповъ явились козакамъ по всей окрестности, гдѣ была ихъ армія. Примѣтя, что отступая къ лиману, Татары растянулись по обѣимъ сторонамъ моста, соединяющаго Кинбурнскую косу съ Перекопскою степью, Гетманъ двинулся къ мосту и къ вершинѣ залива и, отрѣзавъ значительную часть Татаръ отъ ихъ арміи, выслалъ на нихъ конный резервъ, подкрѣпленный одною батовою; этотъ отрядъ пригналъ Татаръ къ заливу, перебилъ ихъ и перетопилъ. Оставшіеся на другой сторонѣ, сколько ни порывались имъ помочь, но вода и козачья пальба ихъ до того не допустили. Войска наши пришли къ линіи безъ всякаго препятствія. Разсудя, что штурмовать ее будетъ и медленно и убыточно, ночью Гетманъ переправилъ часть конницы въ бродъ и въ плавь чрезъ Сивашъ; эта конница, дошедши къ первымъ воротамъ съ той стороны, отби-

ла ихъ и виустила цѣлую армію; тогда козаки, напавъ на городъ Оръ или Перекопъ, взяли его штурмомъ, гарнизонъ вырѣзали, укрѣпленія разорили и городъ сожгли.

Отъ Перекопа они пошли въ боевомъ порядкѣ до города Кафы, застали его осажденнымъ отъ горъ и отъ моря Запорожцами, и произвели генеральный приступъ; въ короткое время Кафа досталась Гетману, была разграблена и жители вырѣзаны, кромѣ 500 обоего пола плѣнниковъ.

Тогда Гетманъ сталъ обходить горы, чтобы напасть на Бахчисарай и Козловъ; но надъ рѣкой Салгирью встрѣтили его послы отъ Хана, съ дорогими подарками и просьбою о мирѣ. Получивъ 713 плѣнниковъ, освободивъ всѣхъ Христіанъ, какіе были въ неволѣ у Татаръ, Гетманъ взявъ 15 мурзъ въ аманаты и возвратился въ Малороссію съ величайшею добычею. Морскимъ войскамъ своимъ велѣлъ онъ навѣстить тѣ города Турецкіе, гдѣ производилась торговля Русскими плѣнниками, напасть на Синопъ и на Трапезонтъ и освободить оттуда своихъ единовѣрцевъ.

Въ это время Турки безпрестанно тревожили Дунайскихъ Христіанъ; ихъ правительство просило у Короля помощи; и онъ далъ Гетману повелѣніе, сдѣлать сильный набѣгъ на земли Турецкія, отъ Польши отдаленныя. Гетманъ отправилъ въ Черное море Нечая, Асаула Запорожскаго, и съ нимъ козаковъ 3000, самъ пошелъ съ войсками въ степи Крымскія, перешелъ ихъ въ виду Татаръ близъ Орской линіи, и никто ему въ этомъ дѣлѣ не противился. Онъ вступилъ въ землю Донскихъ казаковъ, былъ дружелюбно

ими принятъ: ему оказали всѣ походныя вспоможенія, особенно же при переправѣ чрезъ Донъ и потомъ за Кубань; проходя земли Черкесовъ, Гетманъ не предпринималъ противъ нихъ ничего непріятельскаго; удивляясь войскамъ его, они ихъ мирно пропускали и, вступая съ ними въ торгъ, продавали дружелюбно скотъ и съѣстные припасы.

За Кубанью Гетманъ открылъ военныя дѣйствія противъ народовъ, Туркамъ подвластныхъ, и началъ предавать огню и мечу всю страну. Запорожцы, между тѣмъ, крейсируя близъ ея береговъ, разоряли прибрежныя селенія. Не ожидая этихъ нападеній и не приготовясь къ оборонѣ, народъ разбѣгался. Такимъ образомъ Гетманъ, проходя всю Анатолію, пришелъ къ Синопу и Трапезонту, выжегъ и ограбилъ ихъ предмѣстія; потомъ двинулся къ Царюграду и подошелъ къ проливу Константинопольскому. Турки спасались въ городъ чрезъ проливъ; разграбивъ берегъ Азіатскій у Чернаго моря, козаки переправились въ Европейскую Турцію и вступили въ Булгарію, увѣривъ Болгаръ, что, какъ единовѣрцы, они имъ вредить не станутъ. Гетманъ воспользовался всѣми возможными пособіями отъ жителей, былъ ими провожаемъ до Дуная, и тутъ же получилъ отъ нихъ извѣстіе, что Турки, нападавшіе на Сербію и другія христіанскія Банатства, возвратились скоропостижно и направили путь свой къ Адріанополю.

На Запорожскихъ и добытыхъ судахъ переплывъ Дунай, между Варною и Силистріею Гетманъ вступилъ въ Молдавію, напалъ на Килію на разсвѣтѣ, неожидано взялъ ее приступомъ, вырѣзалъ Турковъ и Армянъ и, мстя за гибель Свирговскаго, городъ раз-

грабилъ, сжегъ до основанія и возвратился въ отечество. Только тогда, говоритъ Преосвященный Кониссkій, только въ его Гетманство, былъ золотой вѣкъ для Малороссіи. Король Баторій любилъ нашъ народъ и войско наше. Въ трехъ соединенныхъ народахъ былъ духъ единства и братскаго согласія. Не слышно было споровъ ни о породѣ, ни о религіяхъ. Вѣра и Римская, Вѣра и Русская были ограждаемы Королемъ одинаково; нерѣдко случалось, что когда отлучался изъ своей Епархіи Епископъ Римскій, Русскій Епископъ занималъ его мѣсто до его возвращенія; или за отсутствіемъ Епископа Русскаго, дѣлами его Епархіи управлялъ Римскій, и паства не роптала.

Заслуги Гетмана были награждены почестями, подарками, преимуществами. Мы видимъ изъ Королевской превилегіи, какъ пользовалась его милостію Малороссія: «Взглядомъ и увагою велыкихъ працъ рыцарства и войскъ Русскихъ, якіи воны показалы, и завше оказують въ обороню и розширеніи общей отчизны отъ супостатовъ и извыклыхъ претендаторовъ зарубежныхъ, и найбарзій отъ тыхъ преклятыхъ иноплеменныхъ магометанцивъ и бусурманывъ, плюндруючихъ отчызну и завертаючыхъ въ неволю людъ христіанскій, яко ся недавно за Королевство наше учынылося; але, мылостію Божескою, звоевательствомъ вирного Гетмана нашого Русского Богдана и войсками козацкими знатне одвернуто и одлючено; уставуемъ и подтверждаемъ вси права, вольности и привилегіи войска того и всего народа Русского, антецессорамы нашымы постановленныя и утвержденныи и, якъ изъ виковъ бувало, тако да пребу-

« детъ на вичныи времена , и да не важить ни хто
« одминяты и нарушаты правъ и свободъ въ добрахъ
« вичистыхъ и набытыхъ и во всякихъ маеткахъ ; а
« властны шафовать имы по своїй воли и судытысь
« объ нихъ имиютъ въ своихъ земскихъ и гродскихъ
« судахъ, въ якихъ и засидаты выбранымъ отъ ры-
« царства особамъ , и судыты по своимъ правамъ и
« статутамъ Русскимъ; а належыть до рыцарства вой-
« скового тымъ судытыся въ обозахъ и табурахъ сво-
« ихъ, отъ судей же войсковыхъ, якихъ мы въ каж-
« дому полку учредыты повеливаемъ. Еднакъ справа
« до ныхъ належыть о бремени воина и маетку его
« двыжымого , донели же хто казакуе и впысанъ въ
« реестры войсковыи ; а за повроченьемъ въ повиты
« и околыци, судытыся воны учнуть въ судахъ пови-
« товыхъ и гродскихъ, яко станъ шляхетный; шля-
« хетство Русское въ чынахъ, урядахъ и реестровомъ
« козацтви знайдуючоесь, едность и равенство имуть
« съ шляхетствомъ Польскимъ и Лытевскимъ , якоже
« зьедноченье Руси съ Польшою и Лытвою улажено
« есть и утверждено, и мы то подтверждаемъ и захо-
« вуемъ Трыбуналу Русскому. Отправовать дила свои
« по прылычности въ новосозданномъ гроди нашомъ
« *Батурыни*, а якъ потреба укажетъ, то и въ Черка-
« сахъ; тежъ и Гетманови Русскому резыдовать въ
« тымъ городи , а въ Черкассахъ мыты намистныка
« своего изъ Генералытета войскового, якій мы знач-
« не розшырылы и заоздобылы , умножывъ и классы
« товарыства Бунчукового, Войскового и Значкового,
« якимъ помищатысь подъ бунчукомъ и пры полко-
« выхъ хоругвахъ ; а бунчукъ мы жалуемъ Гетману,
« на знакъ звытяжства его зъ войскомъ своимъ надъ

« народомъ Азіатычнымъ, отъ кого и клейнодъ сей « добутъ працею Гетманскою и кровію козацкою. »

Пожаловавъ Богдана бунчукомъ, Король далъ ему булаву и знамя съ гербомъ бѣлаго Орла. Въ Генералитетѣ, который былъ увеличенъ, измѣненія были слѣдующія: прибавлены были два Генеральные Асаула и Генеральный Бунчужный; въ полки опредѣлено было по одному судьѣ и по одному писарю; повелѣно козакамъ судиться по службѣ и во всѣхъ дѣлахъ, до служивой особы касающихся, а только по дѣламъ великимъ разбираться, подобно шляхтѣ, въ судахъ повѣтовыхъ, по прежнему; и такъ права раздѣлились на воинскія и шляхетскія; по нимъ назвались и суды; послѣдніе, во время гоненій за вѣру, перешли въ полки и сотни; но права оставались одни и тѣже.

Трибуналъ Малороссійскій былъ составленъ изъ семи департаментовъ: 1. Генеральная канцелярія, съ верховною аппелляціею; судилище верховное, откуда выходили Гетманскія резолюціи, универсалы и повелѣнія. 2. Генеральный судъ градскій. 3. Генеральный судъ земскій. 4. Комиссаріатъ, ревизовавшій дѣла подкоморскія, управлявшій и надзиравшій надъ публичными зданіями, дорогами и переправами. 5. Скарбовая канцелярія, вѣдавшая доходы и расходы національные. 6. Военный регментъ, управлявшій дѣлами войсковыми и 7. Ревизіонный комитетъ, ревизовавшій всѣ счеты скарбовые и войсковые и отъ котораго зависѣло фискальство надъ чинами и адвокатами.

Для награды товарищей, въ полкахъ и сотняхъ невмѣстимыхъ, Король учредилъ три степени войсковыхъ товарищей: 1. *Товарища Бунчуковаго;* чинъ его равнялся *Полковому Обозному;* въ военное время на-

ходился онъ при клейнодахъ, подъ бунчукомъ и знаменами; въ мирное время определялся въ знатныя коммиссіи по повеленію Гетманскому. 2. *Товарища Войсковаго;* чинъ его равнялся чину *Сотника;* обыкновенно при повышеніи онъ производился въ сотники, находился по большей части въ штатѣ Гетмана и у клейнодовъ во время военное; а въ мирное занимался порученіями отъ генеральной канцеляріи и ея департаментовъ. Послѣдній: *Знаковый Товарищъ,* изъ котораго производились въ войсковые; онъ имѣлъ мѣсто при полку у полковаго знамени.

Всѣ они имѣли *универсалы* на чины свои отъ Гетмана, служили на своемъ иждивеніи, и отъ него же были награждаемы деревнями, хуторами и другими наградами за отличіе.

Полки были изъ 20 сведены въ 10; это были области; не то что повѣты, но что Губерніи; въ нихъ судились по двумъ правамъ: по воинскимъ и по гражданскимъ, какъ мы сказали выше, хотя обоихъ судовъ главный начальникъ былъ Полковникъ со временъ Уніи. Донынѣ большая часть архивовъ земскихъ лежитъ въ городахъ полковыхъ. Архивы же воинскіе большею частію свезены въ Кіево-братскій монастырь.

1579. Въ томъ же году Малороссіяне участвовали въ войнѣ Поляковъ съ Русскими, сожгли Стародубъ, находились при завоеваніи Великихъ Лукъ и обратили въ пепелъ Русу. Они такъ распотѣшились надъ Тавридою, что наконецъ Батори поручилъ Іоанну Оришевскому обуздать Запорожцевъ и удержать ихъ отъ нападеній на Ханскія владѣнія. Константинъ Константиновичъ Острожскій и Михаилъ Вишневецкій

покушались овладѣть Черниговымъ и зажгли его со всѣхъ сторонъ.

Скоро послѣ похода своего умеръ Богданъ, и родственникъ Господарей Волошскихъ, Павелъ Подкова былъ избранъ Гетманомъ изъ Полковниковъ. Подковой прозвали его за силу Малороссіяне, у которыхъ онъ въ войскѣ долго служилъ и ознаменовалъ себя отличными подвигами. Онъ конскія подковы ломалъ одной рукой, и росту былъ необыкновеннаго. Въ то время, будучи низложенъ своими подданными, Господарь Петръ Подкова бѣжалъ изъ Валахіи къ Гетману; этотъ былъ ему племянникъ. Снарядивъ семь полковъ регистровыхъ и два охочекомонныхъ, Гетманъ выступилъ, разбилъ Волоховъ въ двухъ сраженіяхъ и подступилъ къ Букаресту; но изъ города вышли духовенство, чины и народъ, начали просить Гетмана на Господарство; съ согласія дяди, съ убѣжденія всеобщаго, наконецъ Гетманъ принялъ достоинство и вступилъ въ Букарестъ. По окончаніи обрядовъ и пировъ, онъ, удержавъ при себѣ не болѣе 20 человѣкъ, отправилъ войска въ Малороссію; но едва они выступили изъ города, какъ получили извѣстіе о смерти Гетмана. Возвратившіеся съ тѣломъ его козаки разсказали, что онъ убитъ предательски: одинъ вельможа зазвалъ его въ свой загородный домъ крестить младенца; тутъ напавъ на него, предатели повалили его на порогъ и отрубили ему голову. Бывшіе при немъ старшина и два козака умерщвлены тоже. Другіе историки описываютъ это произшествіе иначе: они говорятъ, что Подкова съ 1400 козаками вторгнулся въ Молдавію, что, видя свое безсиліе, козаки побѣдили Молдавско-Турецкое войско хитро-

стію: при первомъ залпѣ частію разсѣялись, частію попадали на землю; непріятели бросились на мнимые трупы, которые, вскочивъ на ноги, разбили ихъ и вступили въ Яссы. Тамошній Господарь Петръ VI Хромый, бѣжалъ изъ города. Подкова принялъ правленіе, но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Польшу, былъ закованъ Каменецъ-Подольскимъ Комендантомъ Синявскимъ, отвезенъ въ Львовъ, и, въ присутствіи посла Султанскаго, ему отсѣкли голову. Какъ бы то ни было, всѣ историки согласны, что Подкова былъ обезглавленъ и что онъ погребенъ въ монастырѣ Каневскомъ съ честію. Съ его смертію получилъ булаву Гетманскую другъ и мститель за него, Генеральный Асаулъ Шахъ или Шехъ.

1582. Первымъ его стараніемъ было отомстить Волохамъ и Молдаванамъ за смерть друга и любезнаго козакамъ своего предшественника. Онъ донесъ Королю, что Турки, покровительствуя Молдавіи и Валахіи, приближаются къ границамъ Польскимъ и Малороссійскимъ. Король далъ повелѣніе беречь границы, умножить войско и разъѣзды. Умножа войска, Гетманъ послалъ иныя съ разъѣздами внизъ Днѣпра; а самъ, съ многочисленными силами, отправился вверхъ по Днѣпру. Поймавъ нѣсколько военныхъ Турковъ у границъ своихъ, отослалъ ихъ къ Королю въ доказательство своей правоты; потомъ, ворвавшись неожиданно въ Валахію, напалъ на Букарестъ, избилъ и выжегъ предмѣстья, осадилъ замокъ и потребовалъ у гражданъ виновниковъ смерти Гетмана и Господаря Подковы, грозясь, въ противномъ случаѣ, все превратить въ груду камней и въ пепелъ. Боярпнъ и 17 чиновниковъ были выданы. Обрѣзавъ имъ уши

и ноги, ихъ повѣсили предъ Никольскою церковью, съ надписью, прибитою на церквѣ: «тако караются «вироломци и зрадци, проливающіи кровь христіан-«скую неповинную.» Немедленно Султанъ потребовалъ удовлетворенія за это нападеніе, и велѣлъ арестовать всѣхъ купцовъ Польскихъ и Малороссійскихъ, въ обоихъ Княжествахъ и въ Крыму. Король предалъ суду Гетмана въ силу универсала, присланнаго имъ въ войсковой Малороссійскій Трибуналъ. Гетманъ былъ судимъ Генеральными Старшинами и войскомъ, отрѣшенъ отъ Гетманства и отосланъ въ Каневскій монастырь на вѣчное заточеніе. Тамъ, по доброй волѣ, постригся въ монахи и спокойно окончилъ жизнь, у могилы друга своего и предшественника. Въ его время скончался Князь Михаилъ Вишневецкій, бывшій Гетманомъ Малороссійскимъ и передъ смертію именовавшійся Кастелланомъ Кіевскимъ, Старостою Черкасскимъ, Любецкимъ и Каневскимъ; онъ погребенъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

Послѣ него вступилъ на Гетманство изъ Полковниковъ Демьянъ Скалозубъ. При этомъ новомъ Гетманѣ, Крымцы, напавъ на границы Малороссійскія, взяли въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ близъ мѣстечекъ Котельвы и Опочиннаго. Получивъ о томъ извѣстіе, Скалозубъ отправился съ конницею, чтобы въ степи Крымской перенять Татаръ; но хищники перешли уже за Перекопъ, и на день пути до Перекопа, всю степь выжгли. Гетманъ писалъ о томъ въ Варшаву донесеніе; ему было повелѣно освободить плѣнниковъ хитростію, не открывая войны явной. Король боялся, чтобы Турки, ничѣмъ тогда незанятые, не вмѣшались въ дѣло. Не зная другихъ хитро-

стей, кромѣ военныхъ, Гетманъ приказалъ Нечаю, Кошевому Запорожскому, умножить лодки и приготовить войско къ тайной экспедиціи; а вскорѣ и самъ прибылъ къ Сѣчѣ съ конницею; тутъ онъ спѣшилъ три полка и, съ равнымъ числомъ Запорожцевъ, посадилъ ихъ въ лодки; они отправились въ море, подъ командою войсковаго Запорожскаго писаря, Ивана Богуславца, и Полковника Малороссійскаго, Карпа Перебыноса. Охочекомоннымъ приказалъ Гетманъ идти лиманомъ и морскимъ берегомъ до Крымскаго приморья, запереть тамошнія гавани, осматривать всѣ суда, изъ нихъ выходящіе, и отбирать Русскихъ плѣнниковъ, если найдутся въ нихъ. Тогда-же отправя одинъ отрядъ судовъ въ вершину Перекопскаго залива, повыше Сербулатской крѣпости, Гетманъ, съ значительною пѣхотою и конницею, подошедъ къ Орской линіи, заперъ ея вороты и показалъ видъ, что хочетъ перебираться чрезъ нее. Между тѣмъ приплылъ въ заливъ Перекопскій отрядъ судовъ Запорожскихъ. Не извѣщая о томъ войска, Гетманъ велѣлъ Обозному Генеральному, Якову Сурмылѣ, продолжать покушенія за линію, чтобъ тѣмъ заставить Крымцевъ отвезти плѣнниковъ въ приморскіе города; а самъ перебрался ночью на Запорожскія лодки и, отплывъ въ море, соединился съ своею флотиліею. Тутъ назначилъ онъ ей разныя гавани и поплылъ въ заливъ Керченскій, гдѣ надѣялся застать самую значительную переправу плѣнниковъ. Но, какъ только онъ вошелъ въ заливъ, Турецкія суда, вышедши изъ морей Чернаго и Азовскаго, окружили его и, по долгомъ сраженіи, взяли въ плѣнъ со всѣми пережившими битву. Гетманъ былъ отвезенъ въ Царьградъ и уморенъ

голодомъ. Въ тоже время писарь Богуславецъ былъ схваченъ у Козлова Турками; но съ помощію Запорожцевъ и Семиры, жены Паши Турецкаго, былъ выручень, возвратился въ Малороссію и женился на своей избавительницѣ. Сурмыло и Перебыносъ возвратились такъ-же въ границы съ войсками.

Здѣсь времена измѣняются: любезный своимъ подданнымъ Батори скончался 12 Декабря, въ 1586 году. Годъ продолжалось междуцарствіе, и наконецъ корону Польскую принялъ сынъ Короля Шведскаго Іоанна III-го и Екатерины, дочери Сигизмуда I-го, Король Сигизмундъ III-й. Это тотъ счастливецъ, который нѣсколько разъ могъ соединить съ Польшею, Литвою и Малороссіею—Россію и Швецію, и который заложилъ основаніе гибели Польши. Историки Польскіе говорятъ объ немъ, что кто не умѣлъ льстить ему, тотъ былъ ему противенъ, что при самомъ въѣздѣ его въ Краковъ онъ показалъ неспособность къ правленію; «высокомѣріе и гордость, свойственныя низ«кимъ душамъ, владычествовали надъ нимъ и управ«ляли всѣми его дѣйствіями. Сигизмундъ, потворствуя «однимъ только льстецамъ по врожденной малоум«нымъ людямъ самонадѣянности, хотѣлъ самъ во «всемъ распоряжаться.» Въ довершеніе этого описанія вспомнимъ, что Король былъ покорный поклонникъ Папы, ученикъ Іезуита Петра Скарге, и страстный Алхимикъ. Въ его-то время открылась Унія, т. е. соединеніе Греческаго исповѣданія съ Римскимъ. Эта Унія отняла у него наслѣдство его—Швецію, не допустила сына его Владислава быть Царемъ Русскимъ и заставила Малороссію, бывшую триста лѣтъ въ соединеніи съ Литвою и Польшею, отложиться отъ Ко-

1586, 12 Декабря.

1587, 12 Декабря.

ролевства. Такъ этотъ Миссіонеръ Папы, на Польскомъ престолѣ почти полвѣка царствовавшій, основалъ разореніе Государства, которое призвало его на престолъ.

Онъ началъ угнѣтеніемъ своей тѣлохранительницы, Малороссіи; бывало Король Стефанъ оправдывался независимостью Запорожцевъ, когда Турки, случалось, изъявляли на козаковъ неудовольствія; онъ не мѣшалъ Туркамъ и Татарамъ преслѣдовать и брать козаковъ даже на порогахъ, не входя впрочемъ въ области Польскія. Сигизмундъ поступилъ иначе.

Мартъ 1589. Татаре вторгнулись въ Литву въ 1589 году; за вторженіе козаки должны были тѣмъ же заплатить; но Король немедленно сдѣлалъ всѣ возможныя на то время утѣсненія; козакамъ, его постановленіемъ объявлено было слѣдующее: козаки должны находиться подъ начальствомъ *Короннаго* Гетмана, отъ котораго должны быть поставлены начальники ихъ. Они дадутъ присягу, что безъ воли того Гетмана не будутъ воевать ни на морѣ ни на сушѣ, и не примутъ никого въ свое товарищество. У Гетмана долженъ храниться казачій реестръ. Осужденные на казнь не могутъ быть приняты въ козаки. Козаки не могутъ отлучаться никуда безъ воли Старшинъ. Управители частныхъ владѣній должны удерживать крестьянъ отъ бѣгства на острова Днѣпровскіе, наказывать тѣхъ, кто съ добычею возвращается, или кто продаетъ козаку порохъ, селитру, оружіе и даже жизненные припасы. За преступленіе противъ сихъ обязанностей владѣльцы могутъ казнить смертію управителей. Сокрыватели награбленныхъ козаками вещей и владѣльцы, поступающіе противъ сихъ постановленій, пре-

даются военному суду. Крестьянамъ запрещено отлучаться изъ селеній; права владѣльцевъ оставались неограниченными; кромѣ десятины съ конскихъ и прочихъ стадъ и съ ульевъ, положены налоги звѣриными шкурами, подати съ рыболовства и отяготительные штрафы.

Малороссіяне прежде роптали, потомъ начали перебѣгать къ Запорожцамъ, скрывались въ непроходимыхъ мѣстахъ, мѣняли послѣднее имущество на личную свободу. Въ томъ же году разорили и сожгли 1590.
вмѣстѣ съ Донцами Воронежъ, убили воеводу тамошняго, Князя Долгорукаго-Шабановскаго, ограбили нѣсколько Турецкихъ купеческихъ кораблей, пристали къ берегамъ Малой Азіи и снова выжгли Синопъ и Трапезонтъ.

Наконецъ число козаковъ Запорожскихъ дошло до 20,000 и, не внимая постановленію, по которому должны были они повиноваться Гетману Коронному, — они избрали изъ Генеральныхъ Асауловъ Гетманомъ Өе- 1592.
дора Косинскаго.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

МАЛОРОССІЯ

ОТЪ НАЧАЛА УНІИ ДО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.
1592 — 1646.

ГЛАВА V.

ѲЕДОРЪ КОСИНСКІЙ.

Обвиненіе историками Косинскаго. Унія. Причины отпаденія отъ Церкви нѣкоторыхъ Епископовъ. Михаилъ Рогаза. Соборъ Кіевскій. Прошеніе къ Папѣ. Медаль. Балабанъ. Сеймъ въ Брестѣ. Насиліе Духовенству. Представленія отъ Гетмана. Вѣроломство Поляковъ. Смерть Косинскаго. Битва подъ Пяткою. Походъ подъ Бѣлградъ. Угнѣтеніе цѣлому народу. Посланіе къ народу отъ отступниковъ. Заключеніе.

Есть историки, которые желаютъ покрыть стыдомъ имя Косинскаго, единовѣрца Малороссіянъ и слугу Украйны. Уроженецъ Подляхскій, природный шляхтичь, онъ не долженъ былъ, по ихъ словамъ, вступаясь за вѣру и за Малороссію, итти на Поляковъ; или негодуя на Правительство, или желая удовлетворить своему властолюбію, онъ возставилъ, говорятъ они, козаковъ противъ своей родины. Но откуда, изъ какихъ лѣтописцевъ почерпнули они свое подозрѣніе? Козаки и шляхтичи были одно и тоже. Малороссія, Литва и Польша были три элемента одного своднаго государства. Нѣтъ ли и нынѣ Малороссіянъ по фамиліи Косинскихъ? Возставалъ ли Косинскій

противъ отечества, или только шелъ на гонителей вѣры своей? Мы увидимъ далѣе несправедливость такого обвиненія.

1592. На мѣсто Скалозуба въ 1592 году избранъ изъ Генеральныхъ Асауловъ заслуженный въ войскѣ Малороссійскомъ Польскій Шляхтичь Косинскій.

Въ его время началась Унія, изобрѣтеніе Папы Климента VIII. Унія была вѣра Римскокатолическая съ Греко-католическими обрядами. Со всею тягостію полудикаго варварства среднихъ вѣковъ, со всѣмъ безуміемъ, всею кровожадностію Испанской инквизиціи, она упала на Польшу и на Малороссію, раздробила на части государство и наконецъ безвозвратно погубила и магнатовъ и Короля.

Это измѣненіе религіи, подобно многимъ перемѣнамъ вѣръ, было предпринято изъ выгодъ частныхъ. Папы всегда имѣли въ виду уничтоженіе Греко-Россійской вѣры; имъ пріятно было бы, властвуя умами и совѣстью всей Европы, владѣть всѣми богатствами и всѣмъ оружіемъ ея. Но какъ совѣсть и страхъ гнѣва Божія не допускали Православныхъ Греко-каѳоликовъ оставить религіозныхъ мнѣній праотцевъ своихъ, то для успокоенія умовъ и совѣсти, а вмѣстѣ и для достиженія цѣли, Климентъ VIII изобрѣлъ средство, не уничтожая ни одной изъ вѣръ, соединить обѣ воедино; ихъ соединеніе назвалъ онъ Уніею, и эту Унію, это бѣдствіе, одинъ изъ Прелатовъ, родомъ Полякъ, Михаилъ Кунискій вынесъ изъ Рима въ Польшу.

Съ другой стороны, духовенство Малороссійское было недовольно нѣкоторыми Патріархами Константинопольскими. Они продавали свой судъ, и виновный

нерѣдко могъ быть ими оправданъ, если онъ хорошо удовлетворялъ ихъ сребролюбію. За то Епископы, не имѣвшіе средствъ къ уплатѣ подарковъ Патріархамъ, хотя бы они были и правы, часто бывали обвиняемы. Такая алчность къ деньгамъ внушила недовѣрчивость къ Греческимъ Патріархамъ, и Епископъ Луцкій Кириллъ Терлецкій, двоеженецъ, человѣкъ поведенія развратнаго, получившій тогдаже достоинство Экзарха или Намѣстника Митрополитскаго въ Кіевѣ, первый подалъ мысль о принятіи догматовъ Римскаго исповѣданія.

Тогда былъ у насъ Митрополитомъ Михаилъ Рогаза, возведенный въ этотъ санъ въ 1588 году Па- 1588.
тріархомъ Іереміею. Онъ заступилъ мѣсто отрѣшеннаго Онисифора, и съ Экзархомъ за-одно открылъ въ Кіевѣ соборъ для совѣщаній о принятіи догматовъ
Римскаго исповѣданія. Туда является Владимірскій 1595.
Епископъ Прототроній—Ипатій Поцей, Полоцкій—Гермогенъ, Хелмскій—Діонисій Збируйскій, и Пинскій—Леонтій Пельчицкій. Михаилъ Рогаза одобрилъ ихъ мнѣнія и склонился на Унію; не соглашались одни только Епископы: Львовскій—Гедеонъ Балабанъ, и Перемышльскій—Михаилъ Копыстенскій; однакожъ, вѣроятно обманомъ, они подписали два бланкета для непредвидимыхъ обстоятельствъ; на одномъ изъ тѣхъ бланкетовъ было написано отступниками прошеніе къ Папѣ о желаніи присоединиться къ Римской церкви, а на другомъ посланіе къ Королю. Поцей и Терлецкій, подавъ его Сигизмунду, отправились въ Римъ, куда прибыли 23 Декабря, облобызали ногу Климента, вручили ему грамоту, приняли догматы вѣры, присягнули въ вѣрности и получили право засѣдать въ

Польскомъ Сенатѣ съ Римскимъ Духовенствомъ. Въ Римѣ была выбита медаль во славу «присоединенія Россіянъ». Но возвратясь въ Кіевъ, Поцей и Терлецкій въ большей части Русскаго Духовенства и въ свѣтскихъ чинахъ встрѣтили отвращеніе къ Уніи. Балабанъ обнародовалъ 1 Іюля жалобу, объясняя народу, что Епископы отступники приняли во всемъ вѣру Римскую, оставя только для вида обряды Греческіе. Народъ роптал, Кіевскій воевода Кн. Константинъ Острожскій обнародовалъ, что Унія принята безъ его согласія и что онъ отвергаетъ ее.

И такъ назначенъ былъ Сеймъ въ городѣ Брестѣ, и восемь Епископовъ, приверженныхъ къ Уніи, прибыли туда съ немногими благочестивыми 6 Октября 1596 года.

6 Октября 1596.

Сторону Уніи держали: Ипатій Епископъ Владимірскій и Бресткій, Прототроній Константинопольскій, Кириллъ Терлецкій, Епископъ Луцкій и Острожскій, Экзархъ Патріаршій Гермогенъ, Епископъ Полоцкій и Витебскій, Іоаннъ Гоголь, Епископъ Пинскій и Туровскій, Діонисій Епископъ Хелмскій и Бѣльскій, Инокентій Борковскій, Епископъ Черниговскій и Остерскій, Ираклій Шеверницкій, Епископъ Волынскій и Почаевскій, и Ѳеоктистъ, Епископъ Галицкій.

Поборниками Православія были: потомокъ Князей Сѣверскихъ Іоаннъ Леокайскій, Епископъ Сѣверскій, Сильвестръ Яворскій, Епископъ Переяславскій, Инокентій Туптало, Епископъ Подольскій, и Протоіерей Новгородскій Симеонъ Пашинскій. Они торжественно объявили и предъ цѣлымъ свѣтомъ протестовали, что будучи Чинами Церкви Греческой и Іерусалим-

ской и не имѣя отъ вселенскихъ Патріарховъ согласія на новости, вводимыя въ ихъ вѣру, не признаютъ въ ней никакихъ измѣненій, и отъ нововводителей, какъ отъ заблудшихъ самозванцевъ, отрекаются. Михаилъ Лукарій, Ректоръ училища Острожскаго, бывшій потомъ Патріархомъ Константинопольскимъ, Епископы: Львовскій Гедеонъ Балабанъ, Перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, множество Бояръ, Князей, Сенаторовъ и нижнихъ чиновъ присоединились къ проповѣдникамъ Православія. Острожскій взялъ сторону своихъ единовѣрцевъ, увѣрилъ, что все произойдетъ мирно и тихо, и начались Богословскія пренія.

9-го Октября благочестивые духовные и міряне подали собранію письменное засвидѣтельствованіе въ томъ, что «они старались увѣщаніями отклонить Ми-«трополита Кіевскаго Михаила отъ самопроизволь-«ныхъ нововведеній въ нашу вѣру, но что, такъ «какъ Михаилъ съ гнѣвомъ и яростію отвергнулъ ихъ «увѣщанія, то они лишаютъ всѣхъ достоинствъ от-«ступниковъ отъ Православія и полагаютъ неизмѣн-«нымъ закономъ руководствоваться волею Патріарха «Константинопольскаго.» 9 Октября.

Тогда, по словамъ лѣтописи, послѣ угрозъ и словопреній, видя непоколебимость сихъ столбовъ Церкви, Католики изгнали ихъ изъ собора, отрѣзали имъ бороды, осудили на лишеніе сана и должностей и, собравшись въ храмѣ Св. Николая, по прочтеніи въ слухъ Гермогеномъ, Епископомъ Полоцкимъ, грамоты, подписанной отступниками, провозгласили соединеніе Грековъ съ Римскою Церковью. Не смотря на усилія Сигизмунда, котораго именемъ отступники дѣйствовали, Грекокатолики подписали слѣдующій при-

говоръ: «Митрополита Михайла Рогазу со всѣми вла-«дыками, отступившими отъ Православной Грековос-«точной вѣры, лишить сана, и мірянамъ ни въ чемъ «ихъ не слушать, яко пастырей порочныхъ, лживыхъ «пророковъ, слѣпыхъ вождей, упорствующихъ въ вѣ-«рѣ христіанской, квасомъ неправеднаго ученія на-«поенныхъ, противниковъ слова Божія и правилъ Св. «Отцевъ.»

Тутъ обѣ стороны предались взаимно анаѳемѣ; родились наименованія Унитовъ и Неунитовъ; первые называли вторыхъ Схизматиками, а Неуниты себя прозвали благочестивыми.

Какъ скоро Косинскій свѣдалъ о Брестскихъ произшествіяхъ, то послалъ представленія, одно къ Королю и Сенату, другое въ Брестское собраніе.

Какъ Намѣстникъ Королевскій, и какъ Гетманъ Малороссіи, онъ писалъ въ первомъ слѣдующее:

«..... Перемѣна въ вѣрѣ и обычаяхъ народныхъ въ «Брестѣ, вводимая безъ согласія народнаго духовен-«ствомъ, есть дѣло весьма опасное и неудобоиспол-«нимое. Согласить умы человѣческіе и совѣсть ихъ, «есть дѣло не человѣческое, но Божіе. Удержать на-«родъ въ слѣпомъ повиновеніи духовенству и пра-«виламъ, своевольно въ Церковь нововводимымъ, нѣтъ «возможности; и потому да отвратитъ Правитель-«ство оное зло, или пусть оно дастъ народу время «на размышленіе.»

А въ Брестское собраніе Гетманъ писалъ, что «собравшееся туда Духовенство не имѣетъ ни отъ «чиновъ, ни отъ народа никакого полномочія на но-«вовведенія въ ихъ вѣру и обряды; итакъ ни силы, «ни власти нѣтъ у нихъ обременять народъ своеволь-

«ными правилами и вымыслами. Духовенство сіе, «бывъ избрано въ свои должности отъ чиновъ и на-«рода и содержимо на счетъ націи, можетъ лишить-«ся и званій и содержанія, волею тѣхъ же чиновъ и «тогоже народа. Онъ же, Гетманъ, ни за что не ру-«чается и совѣтуетъ собранію приостановить свои «постановленія до общаго размышленія и посужденія»

Согласясь притворно съ Гетманомъ, Правительство звало его въ Брестъ на совѣтъ, а коль скоро онъ прибылъ туда, взяли его подъ стражу, судили Римскимъ и Русскимъ Духовенствомъ, объявили богоотступникомъ, приговорили къ смертной казни, поставили въ столбъ каменный, построенный въ монастырѣ и называемый клѣткою, и заложили камнемъ. Такъ погибъ Гетманъ Косинскій, лишась пищи, свѣта и воздуха.

Козаки, не замедливши свѣдать о заключеніи въ темницу ихъ предводителя, немедленно собрались въ числѣ 7000 и отправились въ Брестъ, чтобъ освободить его; подъ мѣстечкомъ Пяткою встрѣтились съ войсками Польскими, разбили ихъ наголову и разогнали; но Гетмана уже не нашли въ живыхъ. Тогда подъ предводительствомъ Полковника Лободы часть дружины козацкой отправилась подъ Бѣлградъ и ограбила въ мѣстечкѣ Юрьевкѣ богатую ярмарку. Но это дѣло было мимоходомъ. Малороссія взволновалась изъ конца въ конецъ. Смерть Косинскаго была набатомъ въ общей брани.

Коронный Гетманъ вступилъ съ войскомъ въ Малороссію; въ городахъ и мѣстечкахъ разставлены были гарнизоны; они препятствовали народу и козакамъ собираться для постановленія Старшинъ, и на-

родъ и чины ссылались на Пакта-Конвента, на присоединеніе наше къ Польшѣ и Литвѣ, яко народа равнаго къ равнымъ и вольнаго къ вольнымъ, на свободное по законамъ отправленіе вѣры православной въ Польшѣ и въ Украинахъ; но просьбы ихъ къ Королю объ изгнаніи Епископовъ, принявшихъ Унію, не были выполнены. Сигизмундъ употреблялъ всѣ мѣры къ защитѣ отступниковъ, не допускалъ въ Малороссію пословъ Патріарха Константинопольскаго, и запретилъ строить православные храмы. Покровители Уніи присвоивали себѣ знатнѣйшіе монастыри и церкви приходскія, остальныя запечатывали, ловили и мучили священниковъ; народъ собирался на молитву, въ шалаши, на выгонахъ построенные, но и оттуда его разгоняли. Только Епископы Львовскій и Перемышльскій снабжали ихъ требами церковными, и, тайно пріѣзжавшіе чрезъ Молдавію въ Малороссію, Епископы Греческіе, участвовали иногда въ рукоположеніи православныхъ священниковъ.

Тогдаже отступники написали слѣдующее софистическое окружное посланіе:

« Ревнующіе о правовѣріи, мы, отцы Церкви Русскія, « изволеніемъ Св. Духа въ Брестѣ собравшіеся, судя « и разсудя смутное состояніе нынѣ Іерархшества « Греческаго, съ нами единовѣрнаго, и на трудное « наше въ требахъ церковныхъ съ онымъ сношеніе, « пресѣкаемое дальностію и злыми навѣтами варва- « ровъ, ту водворившихся, якоже извѣстно цѣлому « свѣту, какъ всѣ Греческіе и Іерусалимскіе Патрі- « архи, народы и церкви подпали съ давнихъ лѣтъ « подъ иго невѣрныхъ басурманъ Турковъ, и отъ « нихъ вводятся въ невольный тотъ народъ Агарян-

« скіе обычаи, христіанству противные, да и самое « Богослуженіе и обряды христіанскіе насилуются отъ « тѣхъ проклятыхъ иноплеменниковъ частыми прещеніями и озлобленіями, отъ чего не слышно уже у « нихъ трезвоновъ церковныхъ, воззывающихъ христіанъ на молитву, не совершаются торжественныя « шествія; украшающія обряды и служеніе христіанства. А московское христіанство, бывши намъ тежъ « единовѣрными, заразилось съ давнихъ лѣтъ расколомъ стригольщины, отъ жидовъ произшедшимъ, и « ересью, недавно внесенною отъ Армянскаго мниха « Мартина, въ Константинополѣ осужденнаго и въ « Кіевѣ всенародно сожженнаго; а по сему недовлѣетъ намъ православнымъ сущимъ и общенія съ таковыми косными народами имѣти. Итакъ изволеніемъ « Святаго Духа и нашимъ, святыхъ отцевъ, послѣдуя « многимъ нашей религіи христіанамъ Италіанскимъ, « Венеціанскимъ, Иллирическимъ и Греческимъ соединиться *по прежнему* (*) съ церковью Римскою « Католическою.... съ которою наша религія и была « чрезъ многіе вѣки въ совершенномъ единствѣ и согласіи, но отторгнута навѣтомъ строптиваго Константинопольскаго Патріарха Фотія безъ слушныхъ « причинъ, але по его тщеславію и за то видимы « *суть кары Божіи на Греки и на ихъ Церковь.* (**) Чрезъ то воззываемъ васъ всѣхъ, отцевъ Церкви Рус-

(*) Но ктожъ былъ причиною разъединенія церкви? Не честолюбіе ли Римскаго Папы?

(**) Какъ виденъ здѣсь хитрый духъ тогдашняго Іезуитизма, диктовавшій эти строки для обаянія толпы!

Пр. Сочин.

«ской, возлюбленную братію нашу о Христѣ, и васъ, «чада духовныя, православныхъ міранъ, соединиться «къ нашему единомыслію и приложиться къ церкви «прежней нашей Вселенской Римской, идѣже всѣ «Апостолы, главнѣйшій изъ нихъ, Петръ Святый, жи-«вотъ свой за нее положили. А преемникъ его, Свя-«тѣйшій Папа, нынѣ со славою владычествуетъ, его-«же чтутъ вси Царіе и Владыки, и всѣ единодушно «ему раболѣпствуютъ. И его Святѣйшее благословеніе «и на васъ, православные Христіане, буди и буди.»

Это посланіе было обнародовано во всѣхъ церквахъ и селеніяхъ, напечатаны были особыя воззванія къ народу, склонявшія его къ послушанію властямъ, дѣйствующимъ будто бы по волѣ Божіей, на пользу народу тѣлесную и душевную. Анаѳемы гремѣли на ослушниковъ. Россійское Духовенство перемѣнило антиминсы и требники, выдумывались новые обряды на прославленіе Папы. Польскія войска, по повелѣніямъ Короля и Магнатовъ, принуждали народъ преклонять колѣна и бить себя въ грудь, а при чтеніи Сvмвола вѣры произносить извѣстное реченіе о Св. Духѣ, угрожая рубить саблями неповиновавшихся. «Но сія,» говоритъ лѣтопись, «но сія вся только начало болѣзнемъ бѣ.»

ГЛАВА VI.

ПАВЕЛЪ НАЛИВАЙКО.

Избраніе Гетмана. Грамота къ Сигизмунду. Коварство Сигизмундово. Гетманскій Универсалъ. Война съ Поляками. Битва подъ Чигириномъ. Очищеніе Малороссіи отъ Уніатовъ. Сожженіе Слуцка и Могилева. Миръ при Лубнахъ на Солоницѣ. Депутація къ Королю. Гетманъ ѣдетъ въ Варшаву. Вѣроломство Поляковъ. Казнь Гетмана и Депутатовъ. Приговоръ цѣлому народу. Ужасныя бѣдствія Малороссіянъ. Заключеніе.

Напрасно Польскіе Магнаты желали не допустить Малороссіянъ къ избранію предводителя; видя, что Черкаскъ занятъ гарнизономъ и штатами Гетмана Коронннаго, чины и козаки собрались въ Чигиринѣ; основываясь на правахъ и привиллегіяхъ Королевскихъ и на договорныхъ статьяхъ, и по долгихъ посужденіяхъ единогласно избрали въ Гетманы изъ Генеральныхъ Асауловъ Павла Наливайку. 1596.

Депутаты и Полковникъ Лобода повезли отъ него къ Королю слѣдующую грамоту:

«Народъ Русскій, соединенный прежде съ Княже«ствомъ Литовскимъ а потомъ съ Королевствомъ «Польскимъ, не былъ никогда ими завоеванъ и не

«рабствовалъ; но какъ союзный и единоплеменный, «отъ единаго корня Славянскаго или Сарматскаго «произшедшій, добровольно соединился на одинакихъ «и равныхъ съ нимъ правахъ и преимуществахъ, до-«говорами и пактами торжественно утвержденныхъ, «а протекція и храненіе тѣхъ договоровъ и пактовъ «и самое состояніе народа ввѣрены Вамъ Помазан-«никамъ Божіимъ, Свѣтлѣйшимъ Королямъ Польскимъ, «якоже и Вашему Королевскому Величеству, клявшим-«ся въ томъ при коронаціи предъ самымъ Богомъ, «держащимъ въ десницѣ вселенную и ея Царей и цар-«ства. Сей народъ въ нуждахъ и пособіяхъ общихъ «соединенной націи ознаменовалъ себя всемѣрною «помощію и единомисліемъ союзнымъ и братерскимъ, «а воинство Русское прославило Польшу и удивило «вселенную мужественными подвигами въ браняхъ, «въ оборонѣ и разширеніи державы Польской; и кто «устоялъ изъ сосѣдствующихъ державъ противу рат-«никовъ Русскихъ и ихъ ополченія? Загляни, найяс-«нѣйшій Король, въ хроники отечественныя; и они «досвѣдчутъ тое. Вопроси старцевъ своихъ, и ре-«кутъ тебѣ, колико потоковъ пролито крови ратни-«ковъ Русскихъ и коликія тысячи и тьмы воиновъ «Русскихъ пали подъ остріемъ меча на ратныхъ по-«ляхъ за интересы ея. Но врагъ ненавидяй добра, «отъ ада изшедшій, возмутилъ священную оную на-«родовъ едность на погибель обоюдную. Вельможи «Польскія, сіи Магнаты правленія, завиствуя маеткамъ «нашимъ, потомъ и кровію стежаннымъ; и наущаемы «духовенствомъ, завше мѣшающимся въ дѣла мірскія, «до нихъ неналежныя, подвели Найяснѣйшаго Ко-«роля нашего Пана и отца милостиваго, лишить насъ

«выбора Гетмана на мѣсто покойнаго Косинскаго, «недавно истраченнаго самымъ неправеднымъ, по«стыднымъ и варварскимъ образомъ, а народъ сму«тили начальнымъ обращеніемъ его къ Уніи; при «таковыхъ отъ Магнатства и Духовенства чинимыхъ «намъ и народу утискахъ и фрасункахъ не поступили «еднакъ мы ни на что законопреступное и враждеб«ное, а избравши себѣ Гетьмана по правамъ и при«виллегіямъ нашимъ, повергаемъ его и самыхъ себя «Милостивѣйшему покрову и просимъ найуниженнѣй«ше Монаршаго респекту и подтвержденія правъ на«шихъ и выбора, а мы завше готовы есьмы проливать «кровь нашу за честь и славу Вашего Величества и «всей націи.»

По прочтеніи этой грамоты Король изъявилъ удивленіе: онъ показывалъ полное невѣденіе о такихъ поступкахъ Польскаго министерства, обѣщалъ Лободѣ на первомъ Сейму стараться уничтожить замыслы Магнатовъ и Духовенства. Впрочемъ не отвѣчалъ письменно на Гетманское представленіе, а только словесно приказалъ Гетману и козакамъ вести себя съ войсками Польскими мирно и дружелюбно.

Гетманъ универсаломъ объявилъ во всѣхъ городахъ и повѣтахъ, что онъ отъ народа и по Королевскому соизволенію избранъ въ Гетманы, принялъ булаву и повелѣваетъ чинамъ, войску и народу, не предпринимать ничего враждебнаго противъ Польскихъ войскъ, по городамъ расположенныхъ, пока придетъ наконецъ Королевское повелѣніе о ихъ выводѣ. Чтоже касается до Уніи, чтобъ каждый велъ себя спокойно, слѣдуя своей совѣсти. Въ тоже время

извѣстилъ онъ о своемъ Гетманствѣ и Гетмана Короннаго.

Но буйные Магнаты не разсудили продолжать мирнаго времени, и едва Гетманскіе чиновники отправились для обнародованія универсала, какъ начали приходить изъ городовъ и повѣтовъ извѣстія, что товарищество поругано и избито Поляками, что въ Черкассахъ и въ Бѣлой церквѣ собираются войска Польскія.

Наливайко созвалъ и свои войска въ Чигиринъ, расположился надъ Тясминемъ и укрѣпилъ лагерь окопами и артиллеріею и сталъ ждать, чтобъ Поляки первые вступили въ бой. Вскорѣ они появились подъ начальствомъ Короннаго Гетмана Жолкѣвскаго. Наливайко выставилъ на возвышеніи три бѣлыя хоругви съ крестами и съ вышитыми надписями «миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и Его крестъ.» Поляки насупротивъ тѣхъ знаменъ выставили три висѣлицы съ повѣшенными на нихъ Малороссійскими старшинами: Богуномъ Войновичемъ и Сутыгою, а надъ нимъ надпись: «Кара Бунтовцовъ.» Поляки начали приступъ къ стану козацкому. Малороссійскій Гетманъ отобралъ часть лучшаго войска своего и учредилъ засаду; во время пальбы изъ ружей и пушекъ онъ воспользовался густотою дыма, вывелъ изъ засады отборную дружину свою, вступилъ съ нею въ центръ Польской арміи; въ тоже время козаки двинулись изъ стану, непріятели были поставлены между двухъ огней: они смѣшались; началось страшное между ними пораженіе; оно продолжалось болѣе семи часовъ. Малороссіяне сражались вокругъ висящихъ на висѣлицахъ единоземцевъ своихъ, до того ожесто-

чились и разсвирѣпѣли, что, не внимая о пощадѣ, добивали раненыхъ; бросавшихся въ рѣку вытаскивали арканами и дорѣзывали; спасались изъ Поляковъ только тѣ, у которыхъ были лучшіе кони, говоритъ лѣтопись, и козаки, по словамъ ея, накарбовали на карбахъ своихъ 17,330 убитыхъ Поляковъ; стащивъ къ висѣлицамъ эту огромную груду мертвецовъ, они тамъ ихъ прикидали землею, и потомъ, снявъ тѣла Старшинъ своихъ, съ торжествомъ погребли ихъ въ Чигиринскомъ Преображенскомъ соборѣ; на сихъ гробницахъ Гетманъ вырѣзалъ надпись о ихъ неповинномъ страданіи и мученической смерти за вѣру и родину.

Тогда Наливайко раздѣлилъ свои войска; одну часть отправилъ въ города Днѣпровскіе подъ начальствомъ Полковника Лободы, и далъ повелѣніе выгнать оттуда всѣхъ Поляковъ и все Уніатское Духовенство до единаго, съ другою частію пошелъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ; дорогою побѣждая Поляковъ во всѣхъ стычкахъ, разбивая наголову и разгоняя ихъ, получая въ добычу ихъ обозы и военные снаряды, онъ очистилъ Малороссію отъ враговъ и Уніатства, сжегъ Могилевъ на Днѣстрѣ и Слуцкъ, оба города Малороссійскіе, но которыхъ очистить отъ непріятеля онъ не могъ иначе; Поляки въ нихъ были выбиты до послѣдняго, и весь подвигъ совершенъ былъ въ три мѣсяца съ половиною.

Наконецъ Гетманъ соединился съ Лободою надъ рѣкою Случью, при Лубнахъ, на Солоницѣ; Гетманы Коронный и Польскій тамъ уже стояли станомъ, укрѣпленнымъ окопами и полисадами; козаки начали приступъ, который продолжался четыре дня, и уже

переднія укрѣпленія были опрокинуты, когда Королевскій гонецъ явился къ сражающимся. Король велѣлъ прекратить вражду и брань, всѣмъ тремъ Гетманамъ составить трактатъ на вѣчный миръ и утвержденіе правъ Малороссійскихъ, и въ лицѣ обоихъ войскъ подписаться и утвердить присягою. Самъ же Король съ Сеймомъ, даруя войску и народу Русскимъ всепрощеніе, и забывая все прошедшее, подтверждалъ на времена вѣчныя всѣ пакты и привиллегіи. Повелѣніе было исполнено, война была кончена, войска съ взаимною, но тайною злобою разошлись.

Возвратясь въ Чигиринъ, Гетманъ занялся устройствомъ и порядкомъ въ повѣтахъ и возобновленіемъ городовъ и селъ, войною разрушенныхъ, и поправкою церквей; прихожане отдохнули отъ рабства и угнѣтеній священниковъ полукатолическихъ. Ими порабощенные 15 домовъ, съ которыми обращались они какъ съ рабами, освобождены были отъ невольничества. Платежи за сорокоусты, суботники и вѣнчаніе были облегчены, сднанье поповъ ослабѣло, многіе изъ духовныхъ отстали дѣйствительно отъ Уніатской ереси, другіе притворились православными, народъ сталъ отдыхать.

Во времена прежняго благоустройства Малороссіи всегда посыланы бывали Депутаты въ Варшаву на Главный Сеймъ. Ихъ отправлялось четыре отъ Воеводствъ, три отъ войска и уряда Гетманскаго, да отъ городовъ и посполитсва пять. Время таковой Депутаціи приближилось, и быть войсковыми Депутатами жребій выпалъ Полковнику Лободѣ, Судьѣ Пол-
1597. ковому Ѳедору Мазепѣ и Сотнику Кіевскому Якову Кизиму; между тѣмъ и самъ Гетманъ вздумалъ ѣхать

съ ними, чтобъ засвидѣтельствовать передъ Королемъ покорность вѣрноподданническую. Но едва они явились въ Варшаву, какъ въ первуюжъ ночь ихъ схватили подъ стражу и ввергли въ подземную темницу. Ни днемъ ни ночью не давая отдыха Гетману, стража пробуждала его обухомъ сѣкиры, а на третій день и онъ и три Депутата его были выведены на площадь, посажены въ мѣднаго быка и сожжены малымъ огнемъ. Нѣсколько часовъ были слышны вопль и стонъ страдальцевъ, говоритъ наша лѣтопись.

Это неслыханное злодѣяніе, которымъ уставъ природы и долгъ чести, и законы разсудка и политики, были потрясены и варварски опрокинуты; это злодѣяніе, въ которомъ безчеловѣчіе и вѣроломство перешагнуло за послѣднюю грань, какую могло когда либо указать себѣ воображеніе человѣка, омерзительно безчестнаго; это злодѣяніе не могло быть оправдано даже и современными соотечественниками гонителей; наша лѣтопись приводитъ намъ слѣдующее сужденіе тогдашнихъ Польскихъ историковъ: «Миссія духо-«венства Римскаго, змысливъ произвесть въ Русской «землѣ реформу религіи для единства съ своею, слиш-«комъ поспѣшила совершить ее такъ нагло и такъ «отважно въ народѣ грубомъ и всегда воинствующемъ, «а Министерство правительственное, стремясь на «Старосства и маентки урядниковъ Русскихъ, и того «больше ошибокъ надѣлало; оно давши Амнистію «первому затяжци Козацкому Наливайку и его со-«общникамъ, въ торжественныхъ съ ними трактатахъ, «клятвами утвержденныхъ и духовенствомъ не право «разрѣшенныхъ, наконецъ забравши фортельно на «Сеймѣ національномъ, всѣми народами за святость

«чтимымъ, потратило ихъ самомъ варварскимъ об-«разомъ, противъ чести, совѣсти и всѣхъ правъ на-«родныхъ, и вмѣсто того, чтобы врачевать болѣзнь «народную, больше ея язвы растравили.»

Король былъ безсиленъ противу буйства, кровожадности и сребролюбія Магнатовъ и Римскаго Духовенства; онъ не могъ остановить беззаконныхъ порывовъ шляхетства своего; и эти гоненія за вѣру, эти насилія отторгнули наконецъ отъ Государства Польскаго народъ сильный, непобѣжденный, а добровольно къ Королевству присоединившійся; они сами погубили и себя и свое отечество и съ смертію Наливайки начались неслыханныя бѣдствія Малороссіи.

Вельможи Польскіе объявили на Сеймѣ приговоръ на всю Малороссію; въ немъ весь народъ Русскій провозглашенъ: отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтующимъ, осужденнымъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе.

«Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора», говоритъ краснорѣчивая наша лѣтопись, «было отлу-«ченіе навсегда Депутатовъ Русскихъ отъ Сейма «народнаго, всего рыцарства отъ выборовъ и долж-«ностей Правительственныхъ и судебныхъ; отборъ «Старостствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній «отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и «самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское на-«звано Хлопами; народъ, отвергавшій Унію, Схизма-«тиками; во всѣ Правительственные и судебные уряды «Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными «штатами. Города заняты Польскими гарнизонами, «селенія—ихъ же войсками; имъ дана власть все тое «дѣлать народу Русскому, что сами схотятъ и при-

«думаютъ, а они исполняли наказъ сей съ лихвою. «И что только смыслить можетъ самовольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти. «Грабительство, насилованіе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства прѣвзошли «мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, не «почитая, а называя народъ невольниками или *ясиромъ* «Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ; со«бравшихся же вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ для обык«новенныхъ хозяйственныхъ работъ или празденства, «тотчасъ съ боями разгоняли и о разговорахъ ихъ «пытками истязывали, запрещая всегда собираться и «разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою или «гвалтомъ всегда обращали на Унію. Духовенство «Римское, разъѣзжавши съ тріумфомъ по Малорос«сіи для подсмотру и понужденія къ Уніатству, во«жено было отъ церкви до церкви людьми, запря«женными въ ихъ длинныя повозки по двадцати чело«вѣкъ и болѣе въ цугъ; на прислуги сему Духо«венству выбираемы были Поляками самыя краснѣйшія «изъ дѣвицъ Русскихъ. Церкви несогласившихся «на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и «положена въ оныхъ за всякую отправу денежная «плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе «младенцевъ и за похороны мертвыхъ отъ одного до «пяти злотыхъ; жиды, яко непримиримые враги хри«стіанства, сіи вселенскіе побродяги, и притчи въ «человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такъ на«дежное для нихъ скверноприбыточество и тотчасъ «ключи церковные и веревки колокольныя отобрали «къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ Христіан-

«ской идти къ жиду, торжиться съ нимъ, и по важ-
«ности отправы заплатить за нее и выпросить ключи;
«а жидъ притомъ насмѣявшись довольно Богослуже-
«нію Христіанскому и перехуливши все христіанами
«чинимое, называя его языческимъ или Гойскимъ, при-
«казывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клят-
«вою, что ничего въ запасъ не отправлено.»

Такъ говоритъ Лѣтопись наша о страдальчествѣ Малороссіи. Слабѣйшіе духомъ, пристрастные болѣе къ собственности и къ удобствамъ жизненнымъ, нежели къ вѣрѣ и отечеству, многіе наши чиновники земскіе и военные побоялись лишиться мѣстъ, а еще болѣе своихъ ранговыхъ имѣній; этотъ страхъ заставилъ ихъ измѣнить вѣрѣ и родинѣ, и дѣйствуя подлогами, происками и подкупомъ на Вельможъ Польскихъ и на Духовенство Римское, они пріобрѣли пріязнь враговъ нашихъ, соединились родствомъ и узами брачными съ Дворянствомъ Польскимъ, отреклись отъ имени Русскаго, изуродовали свои древнія фамиліи, приняли Унію, а наконецъ и Римско-католичество. Такъ приводитъ въ примѣръ Преосвященный Кониській Чаплину, Ходуна, Бурку, «начавшихъ пришикивать» и превратившихся въ Чаплинскаго, Ходпевскаго, Бурковскаго.

Войско Малороссійское было ослаблено; полки козаковъ регистровыхъ разрушились въ послѣднюю борьбу съ Поляками; претерпѣвъ значительную убыль въ людяхъ, они не были дополняемы: всякое имъ вспомоществованіе отъ скарбу и куреней было запрещено; безъ военной дисциплины и безъ устава явились въ полки Малороссійскіе чиновники Запорожскіе; въ Запорожскую Сѣчь удалились почти всѣ наши Охочекомонные,

въ особенности неженатые. Пограничные съ Польшею курени, иные обрадовались ласкательствомъ отъ Поляковъ, иные, съ отчаянія, взяли примѣръ съ Чайлинскихъ и Ходневскихъ, съ Черницкихъ, Киселей и Комаровъ, превратились въ Поляковъ и составили околицы шляхетскія. Регистровые козаки остались безъ вождей, безъ начальниковъ. Гетманщина была на краю гибели.

Такъ сильная, могущественная въ то время Польша шла быстрыми шагами къ разрушенію своей самобытности; такъ Сигизмундъ, имѣя уже за собою Малороссію и Литву, могъ бы еще болѣе усилить державу, но буйствомъ Вельможъ, собственною слабостью, пронырствомъ и алчностію Римскаго духовенства, наконецъ не добросовѣстною политикою и нескончаемымъ вѣроломствомъ, погубилъ народъ свой и бурныхъ, на Сеймахъ хвастливыхъ, не всегда готовыхъ къ битвамъ, но всегда готовыхъ къ возстаніямъ и предательствамъ, Магнатовъ своихъ.

Извѣстно каждому, какъ, не открытою и благородною бранью, но коварно подкапывая Россію, тогдашняя, едва не безначальственная Польша надѣлила ее Самозванцами; какъ нахальство ея вождей и войска, преступивъ всѣ границы возможныя, открылось въ полной и безобразной наготѣ своей, когда разстригѣ продавъ дочь свою одинъ изъ знатнѣйшихъ Польскихъ сановниковъ, отправилъ ее въ Москву на вполнѣ заслуженное поруганіе, когда другіе вожди, набравъ не храбрыхъ воиновъ, но толпы бродягъ и отверженцевъ, нахлынули на Русь не воевать, а бражничать, неистовствовать и юродствовать.

Въ продолженіи такого гоненія Запорожцы были

оставлены въ покоѣ Поляками, подъ предводительствомъ Кушки. Они воевали съ Валахскимъ Княземъ Михаиломъ и помогли Королю доставить Польскому подданному Могилѣ, изгнанному Михаиломъ, Государство Молдавское; участвовали въ войнѣ Поляковъ противъ Шведовъ, разъѣздами, набѣгами и грабежемъ въ Лифляндіи. Будучи полезны Польшѣ, они получили за то отъ Сигизмунда прощеніе и подтвержденіе преимуществъ.

Однакожъ Малороссія недолго оставалась безъ Вождя, собственно у себя дома избраннаго. Хотя нѣкоторые полки и согласились повиноватся Гетману Коронному, но большая часть изъ нихъ, согласно съ Запорожьемъ, избрала Гетманомъ человѣка, великаго духомъ, храбраго, пылкаго, малорѣчиваго, врага роскоши, иногда жестокаго и неистоваго, иногда неумѣреннаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ, но страшнаго для враговъ Малороссіи, страшнаго для Турковъ, страшнаго для Поляковъ и страшнаго для Русскихъ. Таковъ былъ Генеральный Обозный Петръ Конашевичь Сагайдачный «що проминявъ жинку на тютюнъ и люльку, необачный.»

ГЛАВА VII.

ПЕТРЪ КОНАШЕВИЧЪ-САГАЙДАЧНЫЙ.

Новый титулъ Гетманскій. Русскіе Самозванцы. Истребленіе Новгорода-Сѣверска. Гибель Прилукъ. Козаки въ Россіи. Отважность Запорожца въ Тулѣ. Постановленіе Сейма противъ Козаковъ. Сагайдачный въ Крыму. Кушка и Бородавка. Законъ объ искорененіи Козаковъ. Война съ Турціею. Битва надъ Днѣстромъ. Битва при Галацѣ. Кошевый Дурдыло. Набѣгъ Крымцевъ. Битва на Самарѣ. Сагайдачный подъ Москвою. Разбитіе Татаръ у Перекопа. Атаманъ Одынецъ Посломъ къ Царю. Битва у Хотина. Вѣроломство Поляковъ. Ропотъ между Козаками. Сагайдачный устроиваетъ церкви и монастыри. Постригается. Кончина его. Малороссійскіе города. Кн. Острожскій. Заключеніе.

Принявъ булаву изъ рукъ народа и войска и чиновъ, Сагайдачный назвалъ себя Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска Запорожскаго; его примѣру послѣдовали Полковники и Сотники, и козаки Малороссійскіе стали безъ разбора называться Запорожцами. Это названіе какъ бы отличало полки, преданные Гетману и отечеству, отъ преданныхъ Магнатамъ и Польшѣ. Онъ сблизилъ Запорожье съ Гетманщиною; отдаленные отъ селеній и городовъ, эти вольные сыны Малороссіи, укрываясь за Днѣпровскими порогами, были чужды выбору Гетмана, котораго од-

накожъ чтили «Батькомъ.» Но нынѣ сблизились они съ своими старшими братьями, избрали для всѣхъ одного Главу, и это было благомъ для нашей родины въ ея бѣдствіяхъ: защищенные отъ Польскаго насилія рѣкою, тростниками и неприступностью островов своихъ, Запорожцы могли вѣрнѣе и легче оберегать права и свободу общаго отечества.

Въ его-то Гетманство Король Сигизмундъ и Магнаты его наводнили Россію самозванцами. Эта борьба подлога съ правотою имѣла сильное вліяніе и на Малороссію. Первымъ поприщемъ ея были Кіевъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій и весь сѣверъ Малороссіи.

1602. Самозванецъ еще въ 1602 году, проживъ нѣсколько времени въ Новгородъ-Сѣверскомъ Спаскомъ монастырѣ, уѣхалъ въ Кіевъ, оставя въ Архимандричьей кельѣ записку слѣдующаго содержанія: «Азъ есмь «Царевичь Димитрій, сынъ Царя Іоанна; и какъ буду «на престолѣ отца моего, и я тебя пожалую за то, что «покоилъ меня у себя въ обители.»

Въ Кіевѣ Воевода Князь Василій Острожскій принялъ его ласкаво, но когда по жалобамъ монаховъ, Острожскій велѣлъ отправить его въ Спасскій Древлянскій монастырь, онъ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ съ помощію Вишневецкаго, Мнишка и другихъ Магнатовъ
1603. былъ принятъ Королемъ Сигизмундомъ какъ Царевичь, обѣщалъ возвратить Польшѣ Смоленскъ и всю Сѣверную Малороссію, получилъ войско и выступилъ
15 Августа 1604. въ походъ. Въ Кіевѣ присоединились къ нему Козаки Малороссійскіе, и армія раздѣлилась на два отряда, изъ которыхъ одинъ пошелъ по Деснѣ, другой
26 Ноября. къ Бѣлугороду. Черниговцы выдали ему безъ бою

воеводъ своихъ: Кн. Ив. Андр. Татева, Кн. Петра Мих. Шаховскаго и Гаврилу Коркодинова.

Еще не вовсе отторгшись отъ Польши, чистосердечно принимая Лжедимитрія за Царя истиннаго, козаки по всему должны были возстать на Россію: то была воля Королевская и дѣло, какъ имъ оно казалось, справедливое. Итакъ отряды нашихъ Малороссіянъ, по желанію Отрепьева, двинулись къ Путивлю; дорогою встрѣтили они троюроднаго Царскаго брата, Окольничаго Степана Степановича Годунова, побили почти всю свиту его, остальныхъ взяли въ плѣнъ и лишь нѣсколькихъ плѣнниковъ отправили въ Москву къ Борису съ вѣстію, что они скоро придутъ къ нему сами съ лжецаревичемъ Димитріемъ, а Окольничій едва могъ спастись бѣгствомъ.

Безъ всякаго препятствія дошелъ Самозванецъ до Новгорода-Сѣверскаго, но уже увидѣлъ на горахъ Новгородскихъ, по дорогѣ Черниговской, Русскій станъ, подъ предводительствомъ Князей Мстиславскаго и Телятевскаго. Въ Новгородѣ были воеводами Князь Никита Романовичь Трубецкой и Петръ Ѳедоровичь Басмановъ. Отъ временъ Епископа Лежайскаго и Протопопа Тишинскаго, поруганныхъ за православіе въ Брестѣ, на соборѣ, граждане Новгородскіе и всѣ тамошніе жители питали ненависть къ уніятству. Здѣсь они были оскорблены Поляками: у нихъ были отняты два монастыря противу замка: мужескій Успенскій, и на Ярославлѣ горѣ, дѣвичій Покровскій; первый обращенъ былъ въ кляшторъ Базиліанскій, второй въ кляшторъ Доминиканскій; оттуда-то происходятъ и нынѣшнія имена урочищъ: Кляшторъ и Слободы Домоткановой. Итакъ граждане не только не мѣшали

Русскимъ войскамъ придвинуться къ городу, но оказывали имъ всякія пособія въ продовольствіи.

Калиновскій начальствовалъ надъ Поляками, Полковникъ Сѣверскій Заруцкій былъ отъ Короля назначенъ Наказнымъ Гетманомъ надъ войсками козацкими. Приблизясь къ Новгороду, они стали при соленомъ озерѣ, у вершинъ глубокихъ, обширныхъ и лѣсистыхъ рвовъ, проведенныхъ вокругъ Новгорода и нѣкогда водою наполненныхъ. Правый изъ нихъ назывался Ладійскою пристанью, по ладьямъ, которыя вплывали въ него, покуда онъ не осушился; лѣвый, Ярославскимъ потокомъ, по протяженію его у горы Ярославли. Въ первые дни были перепалки и попытки съ обѣихъ сторонъ. Увлеченный хитростью въ городъ, въ его улицахъ Лжедимитрій потерялъ 4000 человѣкъ, но это
Декабря 21. его не отвратило отъ осады, и наконецъ онъ рѣшился вступить въ открытый бой.

Малороссійская пѣхота скрылась во рвахъ, и на разсвѣтѣ Поляки ударили на станъ Московскій; Самозванецъ одѣлъ передовыя войска свои въ медвѣжьи и бараньи кожи, наизворотъ, и прикрылъ ими же коней своихъ. Русская конница начала торопиться и биться, завязался бой: Поляки вломились въ Русскій станъ, и по долговременномъ съ обѣихъ сторонъ кровопролитіи, выбили войска Московскія изъ стану и погнали ихъ по скату горъ къ Деснѣ; тутъ, пользуясь оврагами и зарослями, часть бѣгущаго войска ушла вверхъ по теченію, до мѣстечка Гремяча, а тамъ переправилась чрезъ Десну; другая же часть вбѣжала въ Новгородъ и заперла за собою ворота; Кн. Мстиславскій былъ раненъ, Кн. Дмитрій Ивановичь Шуйскій былъ убитъ.

Поляки приступили къ городу и начали осаду, а Малороссіяне отступили съ Заруцкимъ къ монастырю Преображенскому, и послали къ градоначальнику Березовскому и къ гражданамъ, уговаривая ихъ объявить военноплѣнными Москвитянъ, ворвавшихся въ городъ, а ворота отворить; но во время этихъ переговоровъ Москвитяне вышли къ рѣкѣ, въ Нижнія ворота, и переправились на луговую сторону.

Тогда выбивъ ворота, Поляки вломились въ городъ; отыскивая Русскихъ, начали убивать всѣхъ имъ встрѣчавшихся; свѣдавъ, что Русскіе вышли изъ города, всю злобу свою обратили на гражданъ. Убійство было всеобщее: не щадили ни возраста, ни пола; граждане, обезоруженные, крестились только передъ смертію неминуемою; напрасны были мольбы ихъ къ убійцамъ; безъ угрызеній совѣсти, и безъ пощады насилуя женъ и дѣвъ, Поляки рѣзали ихъ; младенцевъ, ползавшихъ въ крови матерей своихъ, подымали на копья, или схвативъ за ноги, разбивали имъ головы объ стѣны. Нѣсколько гражданъ убѣжало въ замокъ, стоявшій на горѣ, окруженный рвами самородными; онъ считался неприступнымъ. Но какъ онъ былъ не въ оборонительномъ состояніи, то Поляки вошли въ него безъ сопротивленія, и спасавшихся въ немъ вырѣзали до послѣдняго. Наконецъ разграбили церкви, домы, и зажгли городъ со всѣхъ сторонъ; послѣ того много лѣтъ оставался Новгородъ въ запустѣніи, а окрестный народъ съ тѣхъ поръ ѣздилъ на торги обыкновенно въ Путивль; почему и нынѣ нѣкоторыя дороги и перевозъ близъ Новгорода называются Путивльскими.

Если, по ненависти къ Русскимъ, жилецъ того вре-

мени Паэрле, приписываетъ Москвитянамъ такое разореніе, то здравый смыслъ увѣряетъ насъ въ томъ, что защищенные гражданами Рускіе не могли и не имѣли нужды мстить имъ за благодѣяніе, но что закоснѣлые враги Малороссіи были одни дѣйствователями въ этомъ страшномъ душегубствѣ; къ тому жъ, не находясь на мѣстѣ битвы и произшествія, онъ описываетъ только слышанное имъ отъ его любимцевъ, утѣснителей Россіи и Малороссіи. Въ тоже время Борисово войско разорило городъ Прилуки, принадлежавшій Князю Вишневецкому, и жителей онаго, числомъ до 300, старыхъ, и малыхъ дѣтей и женщинъ, умертвило безъ пощады, по словамъ Мискевича.

Козаковъ подъ Новгородомъ было, по счету Паэрле, 8000 конныхъ, 4000 пѣшихъ; отъ Новогорода
1605. пошли они въ глубь Россіи; 500 были отправлены Дмитріемъ изъ Путивля подъ Кромы, гдѣ войско Царя Бориса стояло около трехъ мѣсяцевъ и держало городъ въ осадѣ; онъ не сдавался, но уже началъ нуждаться въ продовольствіи: козаки, среди бѣлаго дня, провезли къ осажденнымъ съѣстные припасы на 100 подводахъ. Они умѣли пробраться чрезъ одинъ Русскій лагерь, такъ, что другой того не замѣтилъ.

1605. А между тѣмъ ихъ товарищи въ томъ же году пугали Турцію набѣгами на ея города, и наконецъ сожгли и разграбили Варну.

1606. Въ тысяча шесть сотъ шестомъ году, въ то время, когда одни козаки сражались въ Путивлѣ за мнимаго Русскаго Царя, другіе овладѣли на Черномъ морѣ десятью кораблями Турецкими, и смѣлость, обозначающая такъ рѣзко ихъ характеръ, вездѣ являлась въ полномъ блескѣ своемъ. Болотникову и Заруцкому,

осажденнымъ Русскими въ Тулѣ, нуженъ былъ гонецъ въ Польшу. Козакъ переплылъ Упу, проѣхалъ чрезъ 1607.
станъ и съѣздилъ туда. Пришли вѣсти изъ Орды въ Варшаву о приготовленіяхъ Татаръ къ новому набѣгу. Король немедлено отправилъ войско въ Украину; пока оно расположилось станомъ между Винницею и Немеровымъ, подъ Ободнею, Запорожцы ворвались уже въ Орду, въ-конецъ разорили Очаковъ и Перекопъ, и успѣли возвратиться съ добычею, преслѣдуемые только жалобами Султанскими. И за то, въ знакъ благодарности къ нимъ, Правительство Польское приняло новыя мѣры къ ихъ угнѣтенію. Оно особеннымъ 1609.
постановленіемъ запретило, исключая чрезвычайной крайности, набирать козаковъ въ службу Королевскую.

Однакожъ такія строгія постановленія Сеймовъ не имѣли никакого дѣйствія на Сагайдачнаго. Въ то время, какъ подъ предводительствомъ Кн. Романа Рожинскаго, часть Малороссійскихъ козаковъ участвовала въ осадѣ Смоленска, въ обложеніи Москвы, во взятіи Бѣлой, Сагайдачный дѣйствовалъ противу Магометанъ.

Свѣдавъ, что Крымцы, пользуясь замѣшательствами въ Малороссіи, сдѣлали набѣгъ въ пограничныя селенія и угнали на полуостровъ множество плѣнниковъ, онъ съ пѣшимъ войскомъ отправился на Запорожскихъ лодкахъ въ Черное море; тамъ одна половина войска поплыла къ Кафѣ, а другая съ Гетманомъ вышла на берегъ, въ пристани Сербулатской; мимо Кафскихъ горъ, она прошла къ тому же городу и, приступивъ отъ горъ и отъ моря, Гетманъ взялъ его штурмомъ. 1612
Плѣнники, въ немъ найденные, были освобождены и

забраны войскомъ; жители выбиты до послѣдняго и городъ разграбленъ и сожженъ. Гетманъ прошелъ горами къ Козлову, сжегъ и его предмѣстья; жители, скрывавшіеся въ крѣпости, просили пощады и привели къ Гетману всѣхъ Христіанъ, содержимыхъ въ неволѣ, съ великими дарами. Окончивъ такъ счастливо походъ, Сагайдачный возвратился въ Малороссію съ множествомъ плѣнниковъ и съ богатою добычею.

Въ опровerженіе Гетманства его, и чтобъ вселить вражду и междоусобіе въ войско Малороссійское, Поляки, съ приверженными къ нимъ полками, выбрали Гетманомъ Демьяна Кушку. Прославившій себя, какъ мы видѣли, еще во времена Наливайки, онъ вздумалъ заслужить общее уваженіе походомъ въ Бессарабію, для освобожденія невольниковъ Христіанъ, уведенныхъ Татарами отъ границъ Подоліи; но приблизясь къ Аккерману, былъ атакованъ Турками и Татарами, взятъ въ плѣнъ и убитъ. На мѣсто его Поляки избрали нашего Старшину Бородавку; Сагайдачный поймалъ его, разъѣзжающаго по Малороссіи для возмущеній, предалъ военному суду и, какъ самозванца и народнаго возмутителя, разстрѣлялъ.

1613. Поляки издали законъ объ искорененіи козаковъ, съ предоставленіемъ Коронныимъ Гетманамъ правъ, поступать съ ними, «яко» государственными злодѣями.

Гетманъ со славою пріѣхалъ въ столицу, а козаки, не внимая угрозамъ Поляковъ, продолжали свою борь-
1614. бу съ Магометанами; они продолжали опустошать берега Чернаго моря, истребили Турецкую флотилію,
16 состоявшую изъ 6 галеръ и 20 легкихъ судовъ, сожгли арсеналъ Требизондскій, Синопъ превратили въ

пепелъ, и въ то время, когда Головченко воевалъ въ Великой Россіи, Голубъ наводилъ ужасъ на малую Азію.

Подвиги Сагайдачнаго заставили Поляковъ образумиться. Скиндеръ Паша явился на границахъ Польши съ 80,000 Турковъ; Правительство перестало не признавать его Гетманомъ.

Забравъ въ команду свою всѣ войска Малороссійскія, и имѣя отъ Сигизмунда повелѣніе, Сагайдачный отправился вмѣстѣ съ войсками Польскими противъ Турковъ, въ Буковину, и встрѣтилъ ихъ надъ Днѣстромъ. Тутъ повелъ онъ на нихъ фальшивую атаку съ 1616. одними легкими войсками, пѣхоту построилъ, со всею конницею и артиллеріею, на двухъ возвышенностяхъ, закрытыхъ зарослями. Турки, запалчиво, въ полномъ жару и разстройствѣ, погнали; легкія войска эти подавались назадъ, отдѣлывались перестрѣлками и кружили передъ ними обыкновенными маяками, наконецъ завели ихъ въ свою средину, между возвышенностей и кустарниковъ : тогда сдѣлавъ съ двухъ сторонъ пушечные и ружейные залпы, положили Турковъ цѣлыми тысячами; конница обхватила враговъ съ боковъ и съ тылу, смѣшала ихъ и разстроила такъ, что метаясь въ безпамятствѣ то въ ту , то въ другую сторону, они были перебиты и переколоты, а спаслись одни бросавшіе оружіе свое и знамена на землю, и пустившіеся въ оврагъ, гдѣ, легши на землю, просили пощады. Побѣдителямъ достались въ добычу: вся Турецкая артиллерія, весь ихъ обозъ съ запасами, все вооруженіе, обобранное съ живыхъ и мертвыхъ; мертвецовъ Турецкихъ сочтено 9715 человѣкъ, въ плѣнъ взято болѣе тысячи, а въ томъ числѣ семь Пашей и семнад-

цать чиновниковъ, да убѣжало изъ обозу, въ овраги и заросли, болѣе тысячи.

Гетманъ отправилъ плѣнниковъ и тягости въ Каменецъ Подольскій, для препровожденія въ дальнѣйшее оттоль назначеніе, потомъ продолжалъ свой походъ между Молдавіи и Валахіи, преслѣдуя Турковъ, которыхъ встрѣтивъ нѣсколько отрядовъ, разбилъ на походѣ и обратилъ въ бѣгство съ великими потерями. Наконецъ, при Галацѣ, сблизился съ главною Турецкою арміею, подъ командою Сераскира Паши Силистрійскаго Тапалъ-Ислама. Обозрѣвъ позицію, укрѣпивъ свой станъ артиллеріею и окопами, онъ ожидалъ нападенія со стороны Турковъ; но видя, что Дунаемъ приходятъ на судахъ свѣжія войска къ Туркамъ на подкрѣпленіе, рѣшился немедленно атаковать станъ Турецкій, и въ одно утро, на зарѣ, выступивъ изъ окоповъ, построилъ пѣхоту въ двѣ колонны, прикрылъ ее конницею и повелъ на непріятеля, примыкавшаго тыломъ и однимъ флангомъ къ рѣкѣ и къ предмѣстію.

Первый Турецкій залпъ былъ направленъ на конницу Гетманскую, которая и потерпѣла отъ него значительную потерю въ лошадяхъ; но вслѣдъ за тѣмъ выстрѣломъ, конница раздѣлилась въ стороны, а пѣхота колонною спустилась къ рѣкѣ, и обошедъ у самаго берега фланговую батарею Турецкую, ввалилась въ станъ Турецкій и въ предмѣстіе, не давъ Туркамъ зарядить снова пушки.

Сдѣлавъ выстрѣлъ, эта колонна вступила въ рукопашный бой, а другая между тѣмъ проползла ползкомъ на окопы Турецкіе и, произведя ружейный залпъ на Турковъ, ихъ защищавшихъ, устремилась на нихъ съ копьями. Конница въ это время дѣлала натиски съ

другихъ сторонъ стана Турецкаго, развлекая силы ихъ во всѣ стороны.

По долгомъ кровопролитіи, Турки были наконецъ опрокинуты и побѣжали въ городъ. Обстрѣлявшись ружьями и пистолетами, они не могли ихъ на-скоро вновь заряжать, а козаки поражали ихъ пиками, противъ которыхъ не возможно было обороняться саблями и кинжалами.

Погоня за Турками запрещена была козакамъ далѣе замка и рѣки, но они получили въ добычу все, что было въ станѣ Турецкомъ, со множествомъ богатствъ, орудій и запасовъ. Наконецъ подвезена была къ замку тяжелая артиллерія, начата была пальба, Турки бросились на суда, переправились чрезъ Дунай и оставили городъ съ одними жителями, которымъ, какъ Христіанамъ, козаки не причинили никакого зла.

Оставя Галацы, Сагайдачный направилъ было путь свой въ Бессарабію, но подоспѣвшій къ нему гонецъ, изъ Варшавы, привезъ отъ Короля повелѣніе, чтобъ онъ возвратился въ свои границы, а Турковъ оставилъ бы въ покоѣ, потому что ихъ Правительство учинило съ Польшею перемиріе и соглашается на вѣчный миръ.

Приближаясь къ границамъ, Гетманъ отпустилъ отъ себя войска Польскія и, продолжая походъ въ Малороссію, встрѣтилъ при рѣкѣ Бугѣ другаго гонца изъ Сѣчи Запорожской. Кошевой Дурдило увѣдомлялъ чрезъ него, что Татары Крымскіе, пользуясь заграничною отлучкою Гетмана, прошли своими станами за рѣку Самару, на грабежъ, въ восточную Малороссію. Тогда Гетманъ оставилъ пѣхоту свою слѣдовать обыкновеннымъ путемъ въ ея жилища, а къ Днѣтру по-

спѣшилъ ускореннымъ маршемъ; сдѣлавъ переправу, онъ расположился въ лугахъ Днѣпровскихъ, близъ устья Конскихъ водъ; оттуда посылалъ онъ къ Самарѣ частые разъѣзды, для развѣдыванія о возвращеніи Татаръ изъ Малороссіи.

Чрезъ нѣсколько дней прискакали къ нему разъѣзжіе козаки, и увѣдомили, что Татаре съ «Ясыромъ превеликимъ» уже перебираются чрезъ Самару; при ней будутъ имѣть они ночлегъ; а за ними гонятъ множество всякаго скота. Гетманъ съ своимъ войскомъ на всю ночь отправился къ Самарѣ, на зарѣ напалъ на таборъ Татарскій, обширно расположенный по теченію рѣки, и первый козачій крикъ, первый выстрѣлъ, произведенный изъ ружьевъ и пушекъ, разогналъ верховыхъ Татарскихъ лошадей, а самихъ Татаръ привелъ въ робость и обезоружилъ. Они шатались по табору, не зная что дѣлать. Козаки, проходя лавою чрезъ весь лагерь, кололи и рубили ихъ почти безъ всякой обороны. Обоего пола плѣнники, увидя неожиданную помощь, одинъ другаго развязывали и принимались въ свою очередь рѣзать хищниковъ съ самою злобною жестокостію. Копья и сабли Татарскія, уставленныя на ночь въ кучи, были для нихъ готовымъ оружіемъ, и Татары отъ собственнаго оружія погибали тысячами. Такъ были истреблены они до послѣдняго, и ни одного не осталось изъ нихъ, кто-бъ возвѣстилъ въ Крыму о ихъ гибели. Весь таборъ Татарскій, со всѣмъ тѣмъ, что они ни имѣли, достался въ добычу побѣдителямъ, и нѣсколько тысячъ обоего пола плѣнниковъ Малороссійскихъ не только были освобождены, но надѣлены лошадьми и вещами Татарскими.

Поляки, для успокоенія обиженной Порты, возвра-

тили ей Хотинъ и разорили построенные вновь на 1617.
Днѣстрѣ два города козацкіе.

И въ то время, когда отряды наши тревожили Порту, тѣшась надъ ея городами и селами, вдругъ Сагайдачный, страшный умомъ, силою и храбростію, обратилъ месть свою на Россію. 1618.

Тщетно, ложно преданные отечеству, люди хотятъ опозорить имя человѣка великаго, за ужасъ, имъ наведенный на Москвитянъ; они забываютъ, что Конашевичь Сагайдачный былъ Гетманъ независимый и союзникъ Польши. Коль скоро Король отдалъ Малороссіи права, отъ вѣка утвержденныя и равныя Литовскимъ и Польскимъ, тогда уже Малороссія обязана была идти за Литву и Польшу противъ Россіи, справедливали, или беззаконна была эта война. Присылку литавровъ и знаменъ козакамъ, а Гетману булавы отъ Польскаго Правительства, Сагайдачный не могъ считать необходимостью: безъ этого подтвержденія его на Гетманствѣ, онъ носилъ булаву свою двадцать лѣтъ; а уплата Поляками 20,000 гульденовъ козакамъ, не есть подкупъ. Польша обязана была платить козакамъ, такъ какъ и всей шляхтѣ въ походахъ, а Гетманъ, называясь и будучи отцомъ козаковъ своихъ, конечно долженъ былъ истребовать отъ Правительства жалованье. Но онъ по условіямъ и по совѣсти обязанъ былъ идти за Польшу на Россію.

И такъ Сагайдачный съ 20,000 козаковъ двинулся къ Москвѣ, взялъ городъ Ливны. Воевода тамошній Кн. Никита Черкасскій былъ полоненъ, товарищъ его Петръ Даниловъ убитъ въ сраженіи. Отъ Ливенъ Гетманъ подошелъ къ Ельцу; Воевода Андрей Полевъ храбро защищалъ городъ, ему ввѣренный, но, пона-

дѣясь на силы свои, вышелъ изъ города со всѣмъ войскомъ своимъ и вступилъ въ бой съ Гетманомъ. Гетманъ разгромилъ это войско; самого Воеводу и находившихся въ Ельцѣ Посланниковъ Царскихъ къ Хану Крымскому, Степана Хрущова и Бредихина, взялъ въ плѣнъ; Татаръ, найденныхъ въ городѣ, вырѣзалъ, и Русскіе подарки къ Хану, цѣною въ 10,000 рублей, взялъ на козаковъ. Изъ Ельца, со всѣми плѣнными Боярами, выступилъ далѣе въ походъ.

Царь велѣлъ Кн. Пожарскому идти противъ Гетмана. Знаменитый Полководецъ и спаситель отечества пришелъ въ Серпуховъ; укрѣпивъ его, готовился уже сразиться съ Гетманомъ, но впалъ въ тяжкую болѣзнь; можетъ быть сама судьба оберегла главу добродѣтельнаго героя и любимца своего; не знаемъ, что бъ случилось, если-бъ Сагайдачный и Кн. Дмитрій Михайловичъ увидѣлись на открытомъ полѣ; но извѣстно, что вмѣсто Кн. Пожарскаго принялъ начальство надъ войскомъ Кн. Волконскій, и не могъ противустоять Гетману; въ виду всего войска, Сагайдачный перешелъ чрезъ Оку, и въ то время, когда Кн. Волконскій отступилъ къ Коломнѣ, будто бы для охраненія ея отъ непріятеля, Гетманъ поворотилъ на дорогу Каширскую и сталъ у Донскаго монастыря.

Войско, бывшее въ Москвѣ, испуганное приходомъ Гетмана, взволновалось: «воины приходяху къ Бояромъ съ большимъ шумомъ, и указываху, чего сами «не знаху; едва Богъ утоли толико волненіе безъ «крови.» Когда утихло такое смятеніе въ войскѣ, Царь приказалъ военачальникамъ вступить въ бой съ козаками. Сагайдачный выѣхалъ изъ стана, Гетман-

скою булавою сбилъ съ коня Полководца Русскаго, Бутурлина, и тутъ же добилъ.

Войско объялось страхомъ, обратилось въ бѣгство, а Гетманъ пошелъ мимо Москвы къ лагерю Королевича Владислава, расположенному по дорогѣ Звенигородской; 23 Сентября они соединились и опредѣлили осадить Москву. 1618. Сентября 23.

Планъ, ими составленный для взятія города, на канунѣ Покрова, былъ весьма вѣрный. « Хотя Царь и « Бояре приняли всѣ возможныя мѣры противъ столь « сильныхъ и опасныхъ враговъ, но вѣроятно не ус- « пѣли бы въ этомъ, если бы провидѣніе не поколебало « умъ двухъ Французскихъ Инженеровъ, находившихся въ тайномъ совѣтѣ. Они ушли въ Москву и пере- « дали Царю весь планъ атаки. » Это подлинныя слова одного изъ Русскихъ историковъ.

Прикрѣпя петарду къ Арбатскимъ воротамъ, осаждающіе взорвали ихъ и рванулись въ городъ, но Окольничій Никита Годуновъ отстоялъ Москву; Гетманъ и Владиславъ отступили съ значительною потерею, а Царь во славу этой битвы и въ возблагодареніе Богу построилъ въ селѣ Рубцовѣ церковь Покрова Богородицы, и село переименовалъ Покровскимъ.

Тогда Сагайдачный раззорилъ уѣздъ Серпуховскій и сталъ подъ Калугою; но какъ Польша заключила миръ съ Россіею, то Гетманъ оттуда возвратился въ Малороссію и, какъ бы въ знакъ примиренія, отпустилъ 300 козаковъ своихъ служить Царю. 1619.

Въ слѣдующемъ году Сагайдачный отправилъ на помощь къ Полякамъ шесть полковъ съ Генеральнымъ Асауломъ Потребичемъ противъ Турковъ; неудачное сраженіе при мѣстечкѣ Цецорѣ, надъ Прутомъ, до- 1620. 7 Октября.

казывало, что повелитель козаковъ съ ними не присутствовалъ. Въ этой битвѣ былъ убитъ Чигиринскій Сотникъ Михаило Хмѣльницкій. Знаменитый сынъ его Богданъ, при видѣ отца своего, плававшаго въ крови, ворвался въ ряды Турецкіе, но былъ окруженъ, взятъ въ плѣнъ и два года томился въ неволѣ. Поляки лишились при Цецорѣ Канцлера Короннаго, великаго Гетмана Станислава Жолкѣвскаго: голову его, воткнутую на копье, съ торжествомъ носили по Константинополю; потомъ она была выкуплена Поляками и вмѣстѣ съ тѣломъ погребена въ Жолкевѣ въ Галиціи.

1620. Въ тоже время, Запорожцы разбили Татаръ подъ Перекопомъ; козаковъ было въ дѣлѣ 5000, Крымцевъ
Маршъ. 8000. Гетманъ отправилъ къ Царю Атамана Петра Одинца съ извѣстіемъ объ освобожденіи изъ оковъ многихъ Христіанъ, томившихся въ Ордѣ. Атаманъ не видѣлъ Царя: его принималъ и угощалъ Бояринъ, Намѣстникъ Коломенскій, освободитель Россіи, Кн. Пожарскій «Не оскорбляйтесь», сказалъ Бояринъ Атаману и козакамъ его, «что не видѣли очей Его Цар«скаго Величества. Вы пришли къ Москвѣ передъ «постомъ, и въ постъ у Великаго Государя нашего «никакіе послы и иноземцы не бываютъ; а нынѣ Цар«ское Величество ѣдетъ молиться по святымъ мѣстамъ, «и велѣлъ васъ отпустить.» Но послы одарены были деньгами, сукнами, лисьими шапками, тафтою; къ Гетману была отправлена похвальная грамота, а на войско 300 рублей.

Желая отомстить Туркамъ за пораженіе Жолкѣвскаго, Поляки начали ласкать козаковъ и Гетмана. Сеймъ опредѣлилъ войску нашему жалованье и обна-

родовалъ Конституцію въ пользу угнѣтаемаго Уніатами духовенства Грекороссійскаго, и потребовалъ отъ Козаковъ присоединенія къ Коронному Гетману Ходкевичу, для войны съ Турками.

Напрасно Диванъ старался подкупить Сагайдачнаго; онъ не прельстился цѣхинами и вывелъ 30,000 козаковъ съ 28 пушками; у Ходкевича было 34,000 Поляковъ. Они окопались на ровномъ мѣстѣ близъ Хотина, двумя отдѣльными станами, козацкимъ и Польскимъ. Явилось Турецкое войско, состоявшее изъ 400,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ, однихъ Татаръ 100,000. Началась пальба съ обѣихъ сторонъ; сильнѣйшія нападенія были на станъ козацкій: они продолжались нѣсколько часовъ. Наконецъ Турки отступили, козаки вышли изъ шанцовъ и начали ихъ преслѣдовать; пользуясь темнотою ночи, Сагайдачный ворвался въ Турецкій станъ, и неминуемо овладѣлъ бы имъ, если-бъ Ходкевичъ не отказалъ ему въ помощи. 1621. 6 Сентября.

Этотъ отказъ козаки сочли обидою; недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ, охладилъ ихъ еще болѣе; сталъ слышанъ ропотъ. Гетманъ извѣстилъ Польскихъ военачальниковъ о близкомъ возмущеніи; три депутата были отправлены въ станъ Сагайдачнаго; въ числѣ ихъ находился Историкъ Яковъ Собѣскій. Начались уговоры, депутаты старались льстить самолюбію войска Запорожскаго, обнадеживали его награжденіемъ за убытки. Такъ какъ Ходкевичъ умеръ въ Хотинѣ, то вѣроятно депутаты свалили на него всю вину; наконецъ именемъ Королевича Владислава, который находился въ лагерѣ и котораго козаки любили, а болѣе стараніемъ и уговорами Сагайдачнаго и Стар- 24 Сентября.

шинъ, спокойствіе было возстановлено и козаки остались въ лагерѣ.

Турки до того были раздражены козаками, что за каждую козачью голову платили по 50 червонцевъ, и Татары нерѣдко, выбривъ мертвую голову Польскую по-козацки, продавали ее за козачью. Съ такою ненавистью они требовали отъ Поляковъ казни всѣхъ нашихъ Старшинъ и Сагайдачнаго! Какое же было удивленіе Гетмана, когда, во время начавшихся переговоровъ, Поляки одною изъ статей обязались передъ Турками «обуздать самовольство Запорожцевъ и « прекратить ихъ морскіе разбои.» Видя въ статьяхъ новаго мирнаго договора это новое доказательство вѣроломства Поляковъ, Гетманъ могъ предполагать что нибудь еще хуже; онъ поднялся со всѣмъ станомъ своимъ, и, переправясь чрезъ Днѣстръ, выступилъ въ Малороссію.

Тогда соскучивъ тяжкими трудами, понесенными на защиту и во славу своей родины, и устарѣвъ уже на Гетманствѣ, Сагайдачный сдалъ начальство надъ войсками Наказному Гетману своему, Петру Жицкому. Въ случаяхъ набѣговъ и пограничныхъ безпокойствъ, поручалъ Генеральнымъ Старшинамъ и Полковникамъ исполнять данныя отъ него распоряженія, а самъ остался спокойнымъ правителемъ Малороссіи: исправлялъ внутренніе безпорядки Правительства, запрещалъ уніатство, возвращалъ православнымъ церкви, Поляками у нихъ отнятыя, въ томъ числѣ Кіевобратскій монастырь, который возобновилъ онъ своимъ иждивеніемъ; постройки поручалъ онъ свѣдущему въ Архитектурѣ Гетману Жицкому, далъ монастырю селы и возобновилъ, хотя не явно, школу, послѣ на-

шествія Татаръ скрывавшуюся по монастырямъ и пещерамъ; пожертвовалъ ей всѣмъ своимъ имѣніемъ, наконецъ вступилъ въ иночество и послѣ двадцати четырехлѣтняго Гетманства окончилъ знаменитую жизнь. Онъ погребенъ въ монастырѣ Кіевобратскомъ. 1622.

Въ его Гетманство возстановлена была Кирилловская мужеская обитель, построенная въ XII вѣкѣ 1609.
дочерью Всеволода I-го Ярославича Маріею и раззоренная Батыемъ; учрежденъ былъ на Илоской слободѣ монастырь дѣвичій Іорданскій. Основана была 1616. 1621.
другая женская обитель Іоанна Богослова, на лѣвой сторонѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Стародубъ, Переяславль и Новгородъ-Сѣверскій получили отъ Короля право Магдебургское и гербы: 1620.
на Стародубскомъ былъ изображенъ старый дубъ съ орлинымъ гнѣздомъ; на Переяславскомъ, въ серебряномъ полѣ башня о трехъ уступахъ, съ церковной главой и зубчатою короною; на Новгородъ-Сѣверскомъ, стѣна съ башнею, на которой звѣзда, а по сторонамъ копье и сабля золотыя.

Козелецъ имѣлъ уже крѣпость. Остеръ былъ обведенъ землянымъ валомъ и имѣлъ каменные костелы. Умань, Борзна, Сосница, Пирятинъ, Миргородъ и Золотоноша были значительными городами. Прилуки и Роменъ принадлежали Князьямъ Вишневецкимъ; но Лохвица, Конотопъ и Зѣньковъ на картѣ Боплана означены еще деревнями. Черниговъ, покорившійся въ 1604 году Отрепьеву, а въ 1611 году сожженный Полководцемъ Польскимъ, Горностаемъ, уступ- 1604.
ленъ былъ Польшѣ Россіею. При сожженіи города 1611. 1618.
Горностаемъ, верхи и стѣны церковныя Елецкой обители разрушились отъ пожара, и чудотворный образъ

Божіей Матери, хранившійся тамъ съ одиннадцатаго вѣка, послѣ не былъ отыскан.

Марта 21, 1608. Въ его же Гетманство умеръ защитникъ и единовѣрецъ Малороссіянъ Кн. Острожскій, другъ просвѣщенія, усердный церкви вельможа.

Кн. Константинъ Константиновичь Острожскій, Воевода Кіевскій, Маршалокъ Волынскій, Староста Владимирскій, былъ сынъ Гетмана, Князя Константина

1555. Ивановича; онъ основалъ школу въ Острогѣ для Неуніатовъ, завелъ Типографію, съ помощію Московскаго Типографщика, изъ Россіи изгнаннаго, Ивана Өедорова, діакона церкви Св. Николая Голстунскаго; напечаталъ Библію, и подарилъ Печерскому монастырю все, необходимое къ дѣлу типографическому; жилъ пышно, всегда содержалъ при себѣ отъ одной до двухъ тысячь дворянъ, доходу имѣлъ милліонъ двѣсти тысячь злотыхъ, дворецкимъ былъ у него Воевода, и получалъ за то, что два раза въ годъ являлся передъ Князя, 7000 злотыхъ жалованья; прославивъ себя на ратномъ полѣ, Острожскій былъ щедръ для убогихъ и для воиновъ, остался вѣренъ до конца Православію, соорудилъ нѣсколько церквей, монастырей и въ Острогѣ богадѣльню; скончался, имѣя безъ малаго сто лѣтъ.

О дѣлахъ церковныхъ мы здѣсь умолчимъ, поставляя себѣ въ обязанность разсказать о нихъ подробнѣе въ свое время.

Въ Гетманство Конашевича, Кіевскіе мѣщане получили привиллегію: чтобъ Жиды въ Кіевѣ не жили, торговъ бы не имѣли, ни у кого ни мѣстъ, ни дворовъ бы не покупали, на ярмаркахъ не оставались

бы долѣе одной недѣли, и не у жителей, но на Гостинномъ бы дворѣ останавливались. Въ пользу Духовенства Греческаго были обнародованы Конституціи въ 1607, 1609, 1618 и 1620 годахъ, т. е. тогда, когда Поляки нуждались въ помощи Сагайдачнаго. 1607, 1609, 1618, 1620.

ГЛАВА VIII.

МЕЖДО - ГЕТМАНСТВО.

НИ ВСѢМИ КОЗАКАМИ ПРИЗНАННЫЕ ГЕТМАНЫ: ОЛИФЕРЪ СТЕБЛЕВЕЦЪ, БОГДАНЪ КОНГА, ЖАРА МАКСИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, МИХАИЛЪ ДОРОШЕНКО И ГРИЦЬКО ЧОРНЫЙ.

Новыя гоненія. Убійство Купцевича и Грековича. Индукта Эвекта. Пасочный сборъ. Стеблевецъ. Конга. Жара. Максимъ. Экспедиція козаковъ къ Константинополю. Заступленіе за Малороссіянъ Владислава и Густава Адольфа. Посольство отъ Іова Борецкаго къ Царю. Михаилъ Дорошенко. Походъ въ Крымъ. Положеніе крестьянъ. Заключеніе.

Послѣ Сагайдачнаго, шесть лѣтъ томилась Малороссія, не имѣя Гетмановъ; избирались начальники не всѣмъ народомъ признанные, и немедленно были смѣняемы; присылали Гетманами Поляки и своихъ негодяевъ, но расправа козачья съ ними была не долгая.

При жизни покойнаго Гетмана, Поляки не смѣли явно производить угнѣтенія Малороссіянамъ; случались непріятности, но то были минутныя попытки, какъ
1621. напримѣръ: въ воеводство Ѳомы Займовскаго, вдругъ

отъ Уніатовъ начались было въ Кіевѣ грабежи церквей и монастырей, когда самъ Сагайдачный едва успѣлъ спасти остатки училища Кіевобратскаго; однако же, говоритъ лѣтопись, «и сія самая любимая ихъ Унія »нѣсколько поутихла и простыла; а что знатнѣйшее «Малороссійское шляхетство обратилось къ нимъ въ «Католичество, и осталось въ Русской религіи одно «среднее и низкое состояніе, то дали они новый ти-«тулъ Уніатству, назвавъ его *Хлопска вѣра.*»

Но коль скоро не стало Сагайдачнаго, то гоненія на народъ возобновились съ новымъ неистовствомъ: Софійскій соборъ и другія церкви въ Кіевѣ были опустошены; Выдубицкій монастырь былъ ограбленъ; въ Луцкѣ Православныя церкви были обращены въ питейныя конторы; въ Хельмѣ и Львовѣ запрещалось ходить явно со Святыми Тайнами къ больнымъ, и открыто погребать тѣла Православныхъ; въ Вильнѣ, ихъ церкви заняты шинками, кухнями и гостинницами; люди чиновные и цеховые были лишаемы званій начальственныхъ, засѣданій въ собраніяхъ, и запираемы были въ темницы подземныя; если кто духовными завѣщаніями обрекъ что нибудь по усердію своему въ православную церковь, то принимать не позволялось; не допускаемо было строить на шляхетной землѣ каменныхъ церквей; въ Минскѣ, церковная земля отдана подъ постройку Татарскихъ мечетей; не желавшихъ присоединиться къ Уніи заключали въ оковы или выгоняли изъ города; православныхъ священниковъ сажали въ бочки и мучили; церкви запечатывали; даже въ шалашахъ загородныхъ благочестивымъ запрещалась литургія, и кто не шелъ въ костелъ за крестнымъ ходомъ Уніатскимъ, того казнили смертію.

Правда, что иногда и ксензы не оставались безъ
12 Ноября 1623. наказанія: въ Витебскѣ народъ православный убилъ Архіепископа Іосафата Кунцевича, а въ Кіевѣ Запорожцы утопили въ Днѣпрѣ Выдубецкаго Игумена Анатолія Грековича, бывшаго Генеральнымъ Намѣстникомъ въ Кіевѣ и шпіономъ Уніатскаго Митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго. Но такія возстанія были наказываемы весьма строго; одна только Запорожская Сѣчь была безопаснѣйшимъ убѣжищемъ для православныхъ: страхъ козаковъ укрощалъ фанатизмъ Уніи, и имъ-то, по словамъ Митрополита Евгенія, обязанъ утвержденіемъ своимъ престолъ Кіевской епархіи.

Но Выборъ въ Гетманы Малороссійскіе былъ запрещенъ; ранговые Гетманскіе были разобраны и раздѣлены между Магнатами. Кромѣ обыкновенныхъ подымныхъ и поземельныхъ податей, были наложены на народъ Индукта и Евекта, т. е. пошлинный сборъ съ покупки и продажи всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, и со всѣхъ другихъ вещей и животныхъ, покупныхъ и продажныхъ; и эти сборы были со всѣхъ жителей Малороссіи.

Для православныхъ, говоритъ лѣтопись, особая сверхъ того положена подать, «похожая на дань Апокалипси-«ческую, во дни Антихристовы описиваемую; и для «того, предъ праздникомъ Воскресенія Христова по «всѣмъ городамъ и торжищамъ продаваемые мірянамъ «обыкновенные на Пасху хлѣбы были подъ стражею «Польскихъ урядниковъ. Покупающій пасху Уніатъ «долженъ былъ имѣть на груди лоскутъ съ надписью: «Уніатъ, и таковые свободно покупали; не имѣющіе «такой надписи, платили по тинфѣ и по полухлѣбу, «смотря по величинѣ и по цѣнамъ тѣхъ хлѣбовъ.» Въ

многолюднѣйшихъ городахъ и мѣстечкахъ торгъ пасхами былъ отданъ Жидамъ на откупъ, за триста рублей; откупщики не только брали дань эту безъ пощады, но еще разсчитывали, кто сколько пасокъ долженъ былъ купить, по числу душъ въ семействѣ, и силою накидывали большее количество. Хозяева, которые сами пекли пасхи, были подъ надзоромъ; ихъ пасхи были оцѣняемы при церквахъ, во время освященія, и потомъ, какъ на покупныхъ, такъ и на домашнихъ, клали знаки мѣломъ и углемъ, чтобъ не ускользнулъ никто отъ подати.

«И такъ, производя Жидовство надъ Христіанами, «заключаетъ наша лѣтопись, въ ихъ собственной зем«лѣ, такую тяжкую наругу (поруганіе), сами между «тѣмъ пейсахи свои отправляли свободно, и проклинали Христіанъ и вѣру ихъ въ Синагогахъ своихъ, «на Русской землѣ устроенныхъ, невозбранно; а По«ляки тѣмъ утѣшались, всѣ пособія и потачки Жи«дамъ дѣлая.»

Не смотря на препятствія въ выборѣ Гетмановъ, иные козаки избрали преемникомъ Сагайдачному Олифера Стеблевца; какъ онъ, такъ и его преемники, Богданъ Конга и Жара кончили жизнь свою въ безвѣстности. Послѣдняго замѣстилъ Максимъ Григорьевичъ, какъ кажется, преданный Королю. Запорожцы убили его за то, что онъ удерживалъ ихъ отъ морскихъ экспедицій на Турковъ; потомъ пустились въ ладьяхъ въ Черное море, вышли на берегъ, за одну милю отъ Константинополя, сожгли нѣсколько селеній, и навели ужасъ не только на десять галеръ, но и на столицу Турціи.

1622, 1623.

1 Октября 1624.

Налоги, утѣсненія, гоненія на Малороссію до того усилились, что наконецъ Воевода Кіевскій нашелся принужденнымъ принесть Королю и Сенату убѣдительнѣйшую жалобу о горестномъ состояніи народа Русскаго, доведеннаго до крайности урядниками и войсками Польскими, управлявшими Малороссіею; онъ представлялъ, что мѣра своевольства ихъ и безчестія превосходитъ всякое терпѣніе. Королевичь Владиславъ, нѣсколько разъ командовавшій войсками Малороссійскими, уважалъ отличныя заслуги козаковъ въ ихъ походахъ на Ливонцевъ, въ Померанію и Данцигъ, когда Польша была въ союзѣ съ Швеціею; другъ Владислава, Король Шведскій, Густавъ Адольфъ тоже принялъ сторону Малороссіи. Королевичь ходатайствовалъ за нее предъ Сигизмундомъ, Густавъ писалъ чрезъ Министра своего, бывшаго въ Варшавѣ, что предпріятія и подвиги обоихъ союзныхъ Королевствъ, Польскаго и Шведскаго, на пользу обоюдную, всегда усовершенствованы были постоянною храбростію и мужествомъ войскъ Русскихъ, составлявшихъ центръ Польской арміи; а безпримѣрное послушаніе ихъ къ начальству и терпѣніе въ нуждахъ и тягостяхъ воинскихъ всегда удивляло и восхищало его, какъ самовидца и соучастника ихъ подвиговъ; и потому не можетъ онъ никогда смотрѣть хладнокровно на чинимыя войску тому и народу безчеловѣчныя насилія и варварства отъ своеволія Поляковъ, весьма худо повинующихся своему Правительству, и дошедшихъ до безначалія. Наконецъ заключилъ онъ, что съ Польскимъ Правительствомъ, допустившимъ войска свои и шляхту до анархіи, а владѣльцевъ и вельможъ—до деспотизма неограниченнаго, до деспотизма, презирающаго

права частныя и народныя,—что съ такимъ правительствомъ не можно надѣяться на сохраненіе союзовъ и договоровъ, заключенныхъ съ сосѣдственными державами, и только обезпечиваемыхъ благоустроеннымъ и надежнымъ правленіемъ.

Заступничество Короля Шведскаго заставило Сигизмунда опомниться; тогдашніе Магнаты обнадежили Малороссіянъ скорымъ пособіемъ и исполнили свое обѣщаніе «по-Польски» говоритъ лѣтописецъ, «то «есть, до перваго Сейма, состоявшагося изъ пьянства «и чванства.»

Малороссія вышла изъ терпѣнія; Митрополитъ Іовъ Борецкій отправилъ изъ Кіева въ Москву Исаакія 1625.
Епископа Луцкаго съ просьбою къ Царю и Патріарху, принять Малороссію и Запорожье подъ свое покровительство: «у Малороссіянъ одна только дума» говорилъ Исаакій Грамматину и Черкасскому, «какъ бы «поступить подъ Государеву руку.» — Если бы Сигизмундъ былъ на мѣстѣ Михаила, онъ воспольвовался бы случаемъ, отторгнуть отъ Польши столь значительную часть Государства и войско столь значительное; но Михаилъ не хотѣлъ поступить противъ чести и правъ народныхъ, нарушеніемъ мира съ Польшею.

Онъ велѣлъ удостовѣрить Малороссіянъ въ желаніи быть имъ полезнымъ; Митрополиту Іову послалъ въ подарокъ образъ Пресвятыя Богородицы да пять сороковъ соболей; Исаакію три сорока соболей въ сто рублей, сорокъ соболей въ тридцать рублей, и сорокъ куницъ.

Запорожцы избрали Гетманомъ Михаила Дорошенка; то былъ дѣдъ знаменитаго Дорошенка—Петра. 1625.

1626. Онъ водилъ 4000 козаковъ своихъ на Крымцевъ; а въ слѣдующемъ году ходили они на Турковъ, но походъ былъ неудаченъ: онъ кончился потопленіемъ 15 или 20 Запорожскихъ лодокъ и мучительною смертію десяти козаковъ, захваченныхъ въ плѣнъ.

Желая занять чѣмъ нибудь козаковъ, чтобъ тѣмъ ихъ содержать въ повиновеніи, Сеймъ указалъ имъ охранять границы, а часть отправилъ противъ Шведовъ. Крестьяне находились въ самомъ жалкомъ положеніи: «они принуждены» говоритъ Бопланъ «давать господину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ «каплуновъ, куръ, цыплятъ, гусей. Оброкъ сей собирается около Пасхи, Духова дня и Рождества; «сверхъ того они возятъ дрова на господскій дворъ «и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о десятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; «по прошествіи же трехлѣтія, они отдаютъ третьяго «вола; однимъ словомъ, все, что только ни понравится господамъ ихъ, крестьяне принуждены уступать; «а потому и не удивительно, что сіи несчастные не «имѣютъ у себя, какъ говорится, ни кола, ни двора. «Но это еще не все: помѣщики, отнимая имѣніе у «крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнію ихъ. «Такъ неограничены вольности Дворянства Польскаго!»

И это былъ народъ свободный, какъ равный къ равному и вольный къ вольному присоединившійся.

Польское войско было увеличено въ Малороссіи, на
1628. Запорожьи поставленъ былъ Гетманомъ, преданный

Полякамъ, Грицько. Такимъ образомъ отнято было у козаковъ послѣднее средство къ существованію. Они взбунтовались, убили Грицька и вольными голосами избрали въ Гетманы Полковника Корсунскаго, Тараса Трясилу.

ГЛАВА IX.

ТАРАСЪ ТРЯСИЛО. СЕМЕНЪ ПЕРЕВЯЗКА И ПАВЛЮГА.

30,000 у Переяславля. Тарасова ночь. Очищеніе Малороссіи отъ Поляковъ. Бѣдствіе Жидовъ. Осада Переясловля Конецпольскимъ. Арандаренко. Жицкій. Сирко. Козаки въ Константинопольскомъ проливѣ. Предложеніе отъ Шведовъ соединиться съ Малороссіею. Гавриловичъ. Перевязка. Измѣна. Гетмана судятъ Козаки. Павлюга. Покореніе и разореніе Койдака. Казнь Сулимы. Владиславъ IV на престолѣ. Постановленія въ пользу Малороссіянъ. Новыя угнѣтенія. Битва подъ Кумейками. Боцланъ. Вѣроломство Потоцкаго. Боровица. Казнь Павлюги и Старшинъ. Постановленіе Сейма противъ всего народа. Малороссія наводнена Поляками. Состояніе городовъ и страны. Заключеніе.

1628. Тарасъ Трясило, послѣ извѣстный просто подъ именемъ Тараса, безъ приложенія фамиліи, собралъ войско и значительное число пушекъ и выступилъ къ Переясловлю. Дорогою число козаковъ увеличилось до 30,000; у Переясловля Гетманъ сталъ лагеремъ между Трубежемъ и Альтою: укрѣпя станъ свой, ждалъ нападенія отъ Поляковъ.

Поляки, которые только могли поднять оружіе, сходились изо всей Малороссіи; а частію пришли войска и изъ Польши, и подъ начальствомъ Короннаго Гет-

мана Конецпольскаго расположились въ виду стана Козачьяго.

Ежедневно нападали они на станъ нашего Гетмана; но укрѣпленія, обозы и артиллерія недопускали ихъ ворваться въ ряды наши; ежедневно они были отбиваемы. Козаки рѣшились освободиться или умереть. Отчаяніе угнѣтенныхъ было равносильно искуству знаменитаго Конецпольскаго и многочисленности притѣснителей; а Тарасъ имѣлъ планъ обдуманный.

Насталъ Польскій праздникъ «Панске тяло»; начались постройки переносныхъ алтарей, убранныхъ цвѣтами; начались увеселенія въ станѣ Польскомъ; привѣтствовали праздникъ громомъ орудій: козаки не двигались, пока былъ день.

Въ сумерки, часть Тарасова войска проползла ползкомъ въ одну изъ лощинъ, окружавшихъ Польскій станъ; тамъ дожидались они условленнаго знака. Наступила ночь, козаки построились и на разсвѣтѣ ударили съ двухъ сторонъ на Поляковъ: многіе изъ нихъ были еще полунагіе, не успѣвъ даже и опохмѣлиться послѣ вчерашняго пированья. Перетоптавъ, переколовъ и перерѣзавъ часть войска, остальныхъ козаки утопили въ рѣкѣ и разогнали; обозъ и артиллерія достались побѣдителямъ; однихъ Дворянъ у Конецпольскаго погибло въ этомъ дѣлѣ до 300 человѣкъ.

Битва Переясловская названа козаками Тарасовой ночью.

Гетманъ раздѣлилъ войско на многіе отряды и партіи, отправилъ ихъ для очищенія селъ Малороссійскихъ отъ Поляковъ и Жидовъ. «Себѣ же взялъ Та«расъ удѣлъ, на работу сію, самый пространнѣйшій.»

Тогда месть Козацкая пала на враговъ Христіанства всею тягостію временъ необузданности. Арендаторы гибли цѣлыми тысячами; готовясь рѣзать жида, козакъ припѣвалъ ругательства жидовскія на христіанъ, разсказывалъ ему объ арендѣ пасочной, напоминалъ ему значки уголькомъ и мѣлкомъ на пасхахъ, и потомъ безъ пощады зарѣзывалъ.

Поляки скоро узнали объ истребленіи своихъ единоземцевъ во всей Малороссіи и что «жиды прожек«танты и лазутчики съ талмудами своими такъ же «не забыты и получили за мытничество свое доволь«ное возмездіе.»

Но правительство Польское не смѣло ничего предпринимать противъ козаковъ; Король Шведскій, обиженный неуваженіемъ къ его предстательствамъ за Малороссію, и по другимъ политическимъ причинамъ, для насъ посторонним, объявилъ войну Сигизмунду. Къ тому же и Россія заботилась о возвращеніи Смоленска, которымъ Польша завладѣла во время Московскихъ смутъ.

Былъ ли при войскѣ Тарасъ во время трехнедѣльной осады Переясловля Конецпольскимъ, или находился въ отлучкѣ, не извѣстно. Но козаки, имѣя частыя битвы съ Поляками подъ Переясловлемъ, наконецъ овладѣли обозомъ Конецпольскаго, отняли перевозы чрезъ Днѣпръ и пожгли пороми. Отступивъ отъ города и наружно примирясь съ козаками, Польскій военачальникъ назначилъ имъ въ Гетманы, уроженца Коневскаго, Тимоѳея Арандаренка, который съѣхавшись съ Митрополитомъ Іовомъ въ Черкасахъ, на радѣ, положилъ отправить къ Королю двухъ представителей съ жалобою на разоренія, причиненныя вой-

ною въ Украйнѣ. Король отвѣчалъ или нѣтъ, не извѣстно; но бывшій при Сагайдачномъ Наказнымъ Гетманомъ Петръ Жицкій заступилъ мѣсто Арандаренки. 1631.

Кошевый Атаманъ Сирко писалъ къ Хану Крымскому Мурату: «Братья наши, Запорожцы року 1629 1629.
«*съ вождемъ своимъ* воюючи въ човнахъ по Эвксиионту, «коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ и оныя довольно окуривали дымомъ «мушкетнымъ при Великомъ Султанѣ, и всѣмъ мѣщанцамъ Цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе; а нѣкоторыя отлеглѣйшія селенія Константинопольскія запаливши , толь щастливо и зъ многими «добычами до Коша повернули.»

Исторія не знаетъ, кто былъ этотъ вождь. Можетъ быть, Тарасъ булаву свою сдалъ другому кому нибудь; козаки ночью вошли въ проливъ Константинопольскій, овладѣли двумя галерами, и спокойно возвратились въ свою неприступную Сѣчь.

Густавъ Адольфъ предложилъ козакамъ, чрезъ Рижскаго Губернатора Руселя, отдаться къ нему въ подданство, обѣщая имъ ненарушимое сохраненіе вольностей и вѣры ихъ, какъ «Благороднымъ Рыцарямъ, «храбрымъ воинамъ, обладателямъ Днѣпра и Моря «Чернаго, защитникамъ вѣры Греческой.» Но смерть Густава прекратила на этотъ счетъ всѣ намѣренія Старшинъ Малороссійскихъ, если были какіе нибудь; къ тому же, Малороссія поставила бы противъ себя и Россію, ссылаясь на Деулинскій договоръ съ Польшею. Царь не позволилъ Посламъ Короля Шведскаго проѣхать въ Украйну чрезъ Россію; онъ самъ вѣроятно надѣялся овладѣть со временемъ богатою Малороссіею

въ пользу Царства своего; вѣроятно, онъ предвидѣлъ, что, если не при немъ, такъ въ царствованіе сына его, можно будетъ воспользоваться многократными предложеніями Гетмановъ о подданствѣ. Какъ бы то ни было, смерть Густава Адольфа остановила даже и помыслъ о присоединеніи Малороссіи къ Швеціи. Тогда же явился другой Гетманъ, на правой сторонѣ Днѣпра, Гавриловичь: хитрость Польская, произведшая въ Украйнѣ междоусобіе, которое погубило и Гавриловича и Петра Жицкаго.

1632. Тогда Малороссіяне избрали Гетманомъ изъ полковыхъ Обозныхъ, предателя отчизны, Семена Перевязку. Обдаренный, подкупленный Польскими Магнатами, присвоившими многія ранговыя, Гетманскія и урядническія имѣнія, онъ началъ тайно помогать ихъ предпріятіямъ и, благодаря измѣнѣ,—на Украйнѣ дотолѣ едвали понимали возможность измѣнить Украйнѣ,—благодаря измѣнѣ, Поляки мало по малу учредили все, что уничтожилъ «Тарасъ покойникъ.» Для своего подкрѣпленія ввели они войска. Козаки, отрѣшивъ Перевязку отъ Гетманства, предали его военному суду. Жидъ Крамаръ Лейбовичь продалъ часовымъ усыпительнаго табаку, и тѣмъ спасъ Перевязку отъ позорной казни.

1633. Генеральный Хорунжій Павлюга заступилъ его мѣсто.

1633. 1634. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, Русскіе, подъ начальствомъ Боярина Шеина, имѣя войну съ Поляками, очищали отъ нихъ Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Суражъ, Батуринъ, Роменъ, Иванъ-Городъ, Мену, Миргородъ и Борзну. Запорожцы продолжали

грабить земли Ханскія и Султанскія. Въ тысяча шесть 1632.
сотъ тридцать второмъ году, Кошевымъ былъ Арламъ;
въ 1633, Сулима. Однажды, возвращаясь изъ морской 1633.
экспедиціи, Сулима увидѣлъ новую крѣпость Койдакъ,
заложенную Бопланомъ въ Іюлѣ 1635 году надъ Верхнимъ Днѣпровскимъ; видя, что крѣпость эта заграж- Августъ.
даетъ ему путь, напалъ на нее, изрубилъ гарнизонъ, состоявшій изъ 200 человѣкъ, подъ начальствомъ Француза, Полковника Марсона, а крѣпость разграбилъ и присвоилъ. Вскорѣ, по приказанію Конецпольскаго, онъ былъ осажденъ, взятъ и отвезенъ въ Варшаву, и тамъ четвертованъ.

Королемъ былъ уже Владиславъ, сынъ Сигизмунда; 1 Ноября 1632.
еще до вступленія на престолъ, на сеймѣ 1-го Ноября 1632, онъ предпринялъ примиреніе между благочестивыми и Уніатами: тогда положено было быть двумъ Митрополитамъ, Уніатскому и Неуніатскому; въ Полоцкой Епархіи быть такъ же двумъ Архіереямъ; въ Епархіяхъ Перемышльской и Львовской всегда быть Епископамъ благочестивымъ, Луцкую тоже уступить Неунитамъ, и возвратить имъ нѣсколько церквей и монастырей.

По вступленіи на престолъ Владислава Ноября 15, 15 Ноября.
онъ присягнулъ на пактахъ конвентахъ.

На Сеймѣ Коронаціональномъ снова присягнулъ въ 18 Февраля 1633.
сохраненіи всѣхъ правъ и вольностей Диссидентовъ, и въ ненарушимости привилегій, данныхъ церквамъ Греческимъ; тутъ цѣлая посполитая рѣчь подтвердила дипломъ, данный Королемъ въ пользу Грекокатоликовъ духовныхъ и свѣтскихъ; а въ жалованной грамотѣ Епископу Мстиславскому Бобриновичу, Король объявилъ, что всякъ, не желающій быть въ Уніи, можетъ

свободно относиться къ Епископу не-Унитскому, по
1635 силѣ статей примиренія. Наконецъ на Варшавскомъ Сеймѣ состоялась конституція, по которой утверждались статьи примиренія, и рѣчь посполитая опредѣлила всегда защищать Уніатовъ и Неунитовъ.

Не взирая однакожъ на всѣ эти постановленія, насилія Поляковъ снова до того достигли, что Гетманъ началъ собирать войска свои. По повелѣнію Конецпольскаго, Гетманъ Напольный, Потоцкій, выступилъ
1637 Декабря 16. противъ козаковъ. Оба войска сошлись возлѣ Корсуня; подъ селомъ Кумейками, напавъ въ расплохъ на козаковъ, Гетманъ разбилъ ихъ на-голову; Бопланъ былъ въ сраженіи, описалъ его, и считаетъ козаковъ до 18000 человѣкъ, изъ которыхъ убито было до 6000. Не вѣроятно, чтобъ 6000 козаковъ, защищая жизнь свою до послѣдняго издыханія, убили только 100 Поляковъ, какъ говоритъ этотъ очевидецъ, преданный Конецпольскому. Французы, Подполковникъ Морвиль и Поручикъ Лакродатъ заплатили жизнію за побѣду; но весь козачій обозъ достался побѣдителямъ; битва продолжалась до полуночи.

Пользуясь темнотою ночи, Павлюга отступилъ къ мѣстечку Боровицѣ, куда собралось множество козаковъ. Потоцкій окружилъ станъ Козацкій и предложилъ Малороссіи миръ, обѣщая именемъ Короля не только прощеніе, но и подтвержденіе правъ и привиллегій войсковыхъ и народныхъ, на томъ условіи однакожъ, чтобъ изгнанный Гетманъ Перевязка былъ Гетманомъ, а Павлюга остался бы спокойно въ имѣніи своемъ. Миръ былъ подписанъ и утвержденъ присягою.

Но едва Козаки вышли изъ стану и начали въ без-

порядкѣ расходиться, Поляки напали на нихъ со всѣхъ сторонъ, многихъ изрубили, перестрѣляли, перерѣзали, остальныхъ ограбили и обрѣзали у нихъ усы и чуприны. Гетмана Павлюгу, Обознаго Гремича, Асауловъ Побидсила Летягу, Шкурая и Путилу заковали въ желѣзы и отправили въ Варшаву съ донесеніемъ, что они взяты въ плѣнъ во время сраженія, безъ всякаго разслѣдованія, безъ всякихъ справокъ. Малороссійскіе старшины были приговорены къ смерти.

Павлюгѣ, живому содрали съ головы кожу, и набили ее гречневою половою; остальнымъ отрубивъ головы цѣликомъ, оныя отослали на позоръ въ города Малороссійскіе. Въ Нѣжинѣ, Уманѣ, Батуринѣ и Черкасахъ были выставлены головы Старшинъ, а Гетманская въ Чигиринѣ, на сваяхъ; потомъ сожжены всенародно во время ярмарокъ.

Немедленно Сеймъ обнародовалъ слѣдующее постановленіе:

«Всѣ преимущества и избирательства Козаковъ, за «учиненное ими возмущеніе, уничтожаются, и съ сего «времени Козакъ долженъ быть равнымъ каждому «крестьянину. Хотя регистровые Козаки и остаются, «счетомъ 6000, но не будутъ уже имѣть собственнаго «предводителя, ими самими избираемаго, а поступятъ «подъ начальство Коммисара, назначеннаго изъ Поль«скихъ Дворянъ, который обязанъ присягнуть Ко«ролю и республикѣ, что будетъ имъ вѣренъ; который «не допуститъ ихъ къ своеволію, принудитъ повино«ваться Коронному Гетману, заставитъ вознаградить «всякій понесенный Поляками убытокъ. Коммисару «этому должно жить въ Трахтемировѣ, Козакамъ «близъ Черкасъ, Канева и Корсуня, гдѣ Коммисаръ

ГЛАВА X.

СТЕФАНЪ ОСТРЯНИЦА, САВАЛТОВИЧЪ. КАРПЪ ПОЛТОРА-КОЖУХА И МАКСИМЪ ГУЛАКЪ.

Избраніе Остряницы. Грабежи Потоцкаго. Козаки собираются у Переясловля. Битва подъ Старицею. Осада Полоннаго. Духовенство умоляетъ Гетмана прекратить войну. Обоюдная присяга. Миръ. Поѣздка Гетмана въ Каневъ. Окруженъ и схваченъ Поляками. Отвезенъ въ Варшаву. Казни. Жиды и жидовки въ церковныхъ ризахъ. Савалтовичъ. Полтора-Кожуха. Битва на Мерлѣ. Гробъ Гетмана. Гулакъ. Битва подъ Тясьминомъ. Подвиги Гулака. Состояніе Малороссіи. Заключеніе.

Предательскій поступокъ Напольнаго Гетмана Потоцкаго съ Малороссійскимъ Гетманомъ Павлюгою, ужасающія варварства надъ козацкими Старшинами, не могли быть полезны для Поляковъ: они остервенили народъ; вражда сдѣлалась непримиримою, но вольныя избранія не прекратились, и козаки избрали
1638. Стефана Остряницу, Нѣжинскаго полковника въ Гетманы въ совѣтники; придали ему воина стараго и заслуженнаго, Леона Гуню, изъ товарищества: опытность и благоразуміе ихъ были извѣстны цѣлому войску.

Напольный Гетманъ не преставалъ нападать на города и селенія Малороссійскіе и на отряды Козаковъ,

для ихъ защиты вблизи расположенныхъ: его нападенія всегда сопровождались грабежами и контрибуціями, убійствами, безчинствами и насиліями.

Трудно было нашему Гетману собрать войска, разсѣянныя по всей Малороссіи; наконецъ они собрались, пробираясь по ночамъ и проселками къ Переясловлю. Ихъ первымъ предпріятіемъ было очистить отъ Поляковъ города при-Днѣпровскіе, по обѣимъ сторонамъ рѣки, и возстановить сообщеніе между войсками и жителями обоихъ береговъ. Успѣхъ былъ удаченъ. Польскія войска надѣялись, что Козаки устрашены ихъ лютостью съ Павлюгою и Старшинами; не предполагая, а тѣмъ болѣе не ожидая отъ Малороссіянъ никакихъ предпріятій, они пировали въ совершенной безпечности, вездѣ были разбиты, истреблены, вездѣ теряли военные припасы и артиллерію.

Наконецъ, отлично вооруженные оружіемъ враговъ, козаки собрались, пошли искать Польскаго Военачальника и увидѣли его станъ, укрѣпленный надъ рѣкою Старицею.

Тотчасъ Гетманъ приступилъ къ аттакѣ. Поляки знали, какова будетъ месть за ихъ вѣроломство; они защищались до отчаянія, козаки бились съ остервененіемъ чудовищнымъ; сдѣлавъ залпъ изъ всѣхъ ружей и пушекъ, произведя дымъ почти непроницаемый, по трупамъ товарищей, съ нечеловѣческою яростію они побѣжали на укрѣпленія, ударили въ сабли и пики и завязался рукопашный бой. «Крикъ и стонъ людей, «трескъ и звукъ орудій уподобились грозной тучѣ, «все ниспровергающей» говоритъ лѣтопись. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстное и самое губительное. Обороняясь одними саблями, не успѣвая за-

ряжать ружей и пистолетовъ, не оборачивая тылу, они пятились да Старицы и, падая въ нее въ безпамятствѣ, цѣлыми полками, перетопились. Потоцкій съ малымъ числомъ лучшей конницы спасся чрезъ рѣку вплавь.

Польскій станъ достался побѣдителямъ со всѣмъ, что въ немъ было, съ артиллеріею и запасами всякаго рода; тогда козаки отправили благодарственный молебенъ, и приступили къ погребенію погибшихъ, и соотечественниковъ и враговъ.

Сочтено было убитыхъ Поляковъ 11317; Козачьихъ труповъ похоронено было 4727, а въ томъ числѣ и Гуня.

Управясь съ мертвецами, козаки погнались за Потоцкимъ, и настигли его въ мѣстечкѣ Полонномъ. Ожидая помощи изъ Польши, онъ заперся въ замкѣ. Немедленно Остряница приступилъ къ штурму. Тогда Потоцкій выслалъ на встрѣчу къ нему церковную процессію, съ крестами хоругвями и Русскимъ Духовенствомъ, которое начало заклинать Гетмана и его войско, чтобъ они преклонились на мирныя предложенія.

Долго совѣтывались въ нашемъ войскѣ; наконецъ послѣ взаимныхъ клятвъ собрались въ церковь Чиновники отъ обоихъ Гетмановъ; составили условія вѣчнаго мира, дали обѣтъ предать все прошедшее полному забвенію, и присягнули на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ ими статей, правъ и привиллегій. Войска разошлись.

Остряница съ Генеральнымъ Старшиною и съ Полковниками поѣхалъ въ Каневъ, чтобъ въ тамошнемъ

Монастырѣ принести Всевышнему благодареніе за ратный успѣхъ.

Поляки, которые уцѣлѣли отъ битвы надъ Старицею и присягнули въ Половномъ, обратились немедленно къ своему духовенству; оно, какъ давно уже извѣстно каждому, по власти, усвоенной ему Папою, разрѣшать отъ клятвъ и грѣховъ, оно объявило имъ, что сохраненіе клятвъ свято только между Католиками, но съ тѣми, которыхъ они почитали Схизматиками, клятвы и присяги разрѣшаются и отмѣняются яко съ нечестивыми.

Остряница съ Старшинами Козацкими, повторяемъ, ѣхалъ на богомолье въ Каневъ; онъ не взялъ съ собою стражи: то было уже время мирное. Поляки, провѣдавъ о поѣздкѣ его, по ночамъ, оврагами и проселками прошли къ монастырю и окружили его многолюдною толпою. Гетманъ узналъ о предательствѣ тогда уже, когда весь монастырь наполненъ былъ Поляками. Сопротивляться было не къ чему; онъ сдался со всѣми своими сопутниками въ числѣ 37 человѣкъ: ихъ кинули въ телѣги, и съ величайшею поспѣшностію, путями потаенными, боясь нападенія, повезли въ Варшаву, а монастырь Каневскій и церкви разграбили и со всѣхъ сторонъ зажгли.

По приближеніи къ Варшавѣ, узники были связаны по два въ рядъ; накинувъ имъ петли на шеи, всадники тащили ихъ пѣшихъ веревками, съ торжествомъ, при барабанномъ боѣ, и провозглашали, что Схизматики взяты въ плѣнъ во время побѣды, надъ ними одержанной надъ Старицею; потомъ ихъ заковали въ желѣза и ввергли въ преисподнія.

Жены захваченныхъ Чиновниковъ, забравъ съ собою

грудныхъ младенцевъ и малолѣтныхъ дѣтей, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостивить и подвигнуть на жалость тамошнихъ Вельможъ. Трогательно заставляли онѣ дѣтей предстательствовать за отцовъ; но это никого въ Варшавѣ не умилостивило: это умножило только ярость и радость тогдашнихъ кровожадныхъ Магнатовъ.

Безъ разбирательствъ, безъ допросовъ, узники чрезъ нѣсколько дней повлечены были на казнь.

« Казнь оная » говоритъ лѣтопись « еще была въ « мірѣ въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣче« ствѣ по лютости своей и варварству, и потомство « едва ли повѣритъ сему событію; ибо никакому и « самому свирѣпому Японцу не придетъ въ голову изо« брѣтеніе, а произведеніе въ дѣйство устрашило бы « самыхъ звѣрей и чудовищъ. Оное открывала про« цессія Римская съ множествомъ Ксензовъ ея, кото« рые уговаривали везенныхъ на жертву Малороссіянъ, « чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое « въ чистилищѣ; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, моли« лись Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено « было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ ору« діями. »

Гетманъ Остряница, Обозный Генеральный Сурмило и Полковники Недругайло, Баюкъ и Рындичь были колесованы; имъ переломаны руки и ноги, и по колесу тянули изъ нихъ жилы, пока они скончались.

Полковники Гейдеровскій, Бутримъ и Запалый, Обозные Кизимъ и Сучевскій, пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи.

Асаулы полковые: Постыличъ, Гарунъ, Супыга, Подобай Харкевичь, Чудакъ и Чурай, Сотники: Чупри-

на, Окуловичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ, гвоздями прибиты, стоячіе, къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленнымъ огнемъ.

Хоружіе: Могилянскій, Зигреба, Скребыло, Ахтырка Потурай, Бурлій и Загныбѣда растерзаны желѣзными когтями, похожими на лапу медвѣжью.

Старшины: Мантей, Дунаевскій, Скубрій, Глянскій, Завезунъ, Косыръ, Гуртовый, Тумаръ и Тугай четвертованы по частямъ.

Жены и дѣти страдальцевъ, увидя первыя казни, наполнили площадь воплями и рыданіями, но скоро замолкли.

Женамъ обрѣзали груди и перерубили ихъ до одной, а сосцами били мужей, живыхъ еще, по лицамъ.

Дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около окровавленныхъ матерей, пережгли, въ виду отцевъ ихъ, на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ которыя подкладываемы были уголья и раздуваемы метелками и шапками.

Головы, руки и ноги чиновниковъ Малороссійскихъ развезены были по всей Малороссіи и развѣшены на столбахъ по городскимъ площадямъ. Польскіе чиновники, разъѣзжавшіе съ войсками по всей Малороссіи, дѣлали все, что хотѣли, съ ея жителями; насилія, грабежи, безчинство и неистовства превосходятъ всякое описаніе. Звѣрство Варшавское повторялось во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Украинскихъ.

Нѣсколько разъ, въ глазахъ родителей, сожигали дѣтей на угольяхъ и варили въ котлахъ, а потомъ и матерей предавали мучительнѣйшей смерти.

Ограбивъ Россійскія церкви, Поляки отдали ихъ въ аренду жидамъ; потиры, дискосы, ризы и стихари распродали и пропили; жиды церковное серебро пе-

редѣлали для себя на посуду и на убранство; жидовки изъ ризъ и стихарей шили себѣ нагрудники, оставляя на нихъ, въ насмѣшку Христіанамъ, знаки крестовъ, которые прежде были тамъ нашиты.

1638. Эти ужасы возмутили всю Малороссію. Тотчасъ по совершеніи казней, козаки избрали Гетманомъ Савалтовича, но подозрѣвая въ измѣнѣ, изрубили его.

1639. На мѣсто его вступилъ на Гетманство изъ Асауловъ Полковыхъ Карпо Полтора-Кожуха. Всѣми силами старался онъ умножить войска свои и воскресить свободу Малороссійскую; итакъ еще разъ собрались козаки съ Запорожцами при рѣкѣ Мерлѣ, Слободко-Украинской Губерніи; но новый Гетманъ не былъ счастливъ на полѣ битвы: Князь Іеремій Вишневецкій разбилъ и разсѣялъ войска его. Тогда всѣ пути были пресѣчены къ сообщенію Гетмана съ войсками за-Днѣпровскими и за-Десенскими; ими повелѣвали Гетманы Литовскій и Коронный. Малороссія была управляема Польскими Воеводами Каштелянами, Старостами, Коммиссарами, которые для народа были, говоритъ лѣтопись, « совершенно волки хищные, « а не пастыри. »

Поляки покушались истребить и Полтора-Кожуха съ войскомъ, но онъ придерживался границъ, отдѣляющихъ Украйну отъ степей Крымскихъ и отъ Запорожья; удачно отражая наѣзды Польскіе, онъ часто хваталъ ихъ Начальниковъ, потомъ дарилъ и продовалъ ихъ Татарамъ въ Крымъ; иногда мѣнялъ ихъ на рогатый скотъ и на барановъ, для прокормленія Козаковъ своихъ. Будучи приглашенъ Ханомъ для отраженія Калмыцкихъ ордъ, напавшихъ на предѣлы Хан-

скіе, онъ побѣдилъ ихъ въ нѣсколькихъ схваткахъ, и прогналъ за Волгу.

Такъ проскитавшись три года, онъ кончилъ свою странническую жизнь въ войсковомъ таборѣ, на голой степи, гдѣ не было и двухъ досокъ, чтобъ сбить гробъ для Малороссійскаго Гетмана. Его похоронили въ горѣлочной бочкѣ. 1642.

Полковый Обозный Максимъ Гулакъ вольными голосами былъ избранъ ему въ преемники.

Напрасно порывался онъ умножить число козаковъ своихъ и избавить родину отъ ига Польскаго. Чарнецкій, Староста Чигиринскій, разбилъ и разсѣялъ малочисленное войско, приведенное къ Тясминѣ для поисковъ надъ Поляками; обозъ съ запасами и артиллеріею достались побѣдителямъ.

Тогда, имѣя только 7000 человѣкъ регистровыхъ, Гетманъ началъ придерживаться границъ Малороссіи и ходить на помощь, кому нужна она. И когда зазывалъ ихъ Ханъ Крымскій, то воевалъ онъ на Ханскомъ иждивеніи съ Татарами Волжскими, съ Черкесами и Калмыками; когда нужна была его помощь Царямъ Московскимъ, то воевалъ за нихъ съ Заволжцами. Случилось наконецъ ему побывать, по просьбѣ Султана Турецкаго, въ войнѣ и съ Шахомъ Персидскимъ; и на счетъ Турецкій ходилъ онъ тогда съ своими козаками за Кубань и въ Анатолію, съ Пашею Джезаромъ, довелъ войско свое до Эривани, и Султанъ прислалъ ему въ награду Бунчукъ и перначъ, осыпанные жемчугомъ и каменьями.

Такъ пять лѣтъ влачилъ онъ безродно, и безотрадно жизнь свою. По смерти его, умаленное во время походовъ войско присоединилось къ Запорожцамъ

и осталось жить въ неприступныхъ куреняхъ, на островахъ Днѣпровскихъ.

А Малороссія доведена была до послѣдняго изнеможенія. Вельможи превратили Козаковъ въ наемное войско, раздѣлили между собою помѣстья; для одного Конецпольскаго Бопланъ завелъ пятдесятъ деревень, изъ которыхъ, какъ онъ самъ говоритъ въ посвященіи книги своей Іоанну Казимиру, составилось чрезъ нѣсколько лѣтъ деревень до тысячи. Потоцкіе, Вишневецкіе выводили въ степи жителей Малороссіи, Коммисары разоряли ихъ; изъ звѣриной и рыбной ловли отнимали у козаковъ лучшую добычу, разсылали ихъ съ письмами, поручали имъ присмотръ за собаками, чистить лошадей; приказывали вымѣтать соръ изъ дворовъ, топить печи; удерживали ежегодное жалованье, присыланное для нихъ Королемъ и рѣчью посполитою; медъ, горѣлку, пиво и брагу вовсе запрещали; сыновей козацкихъ употребляли на панщину; чрезъ дикія степи въ отдаленнѣйшіе города, ходили козаки отъ пана къ пану съ подарочнымъ орломъ, ястребомъ или собакою. Ихъ Полковниками были Шляхтичи, а Вельможи Польскіе, будучи отдалены отъ безчисленныхъ своихъ помѣстьевъ Украинскихъ, не знали, что подарки, имъ приносимые отъ старостъ и жидовъ арендаторовъ, сопряжены съ разореніемъ ихъ подданныхъ, и не чувствовали того, говоритъ одинъ лѣтописецъ, «что имъ кожу мажутъ ихъ собственнымъ «саломъ». Никто изъ жителей не зналъ, кому принадлежитъ не только его собственность, но даже жена и дѣти его. Вотъ до чего доведена была Малороссія!

Но гроза уже созрѣла и повисла надъ вѣроломны-

ми губителями народа благороднаго и долготерпѣливаго, надъ губителями того народа, который, былъ свободенъ какъ и они, который дружелюбно соединясь съ ними за нѣсколько вѣковъ, столько крови пролилъ за ихъ отечество. Клятвопреступники, варварски тѣшившіеся надъ присягою и человѣчествомъ, душегубцы, умерщвлявшіе безпощадно младенцевъ и женъ неповинныхъ, изувѣры, издѣвавшіеся надъ людскими мнѣніями и вѣрою, грабители чуждой собственности, насилователи дѣвъ, опьянѣлые кровію, одѣвшись въ ризы священническія, послѣ плясокъ и пѣнія на площадяхъ, гдѣ совершались казни чудовищныя — они какъ будто обезумѣли, и, проводя дни и ночи въ самохвальствахъ, буйствѣ, юродствѣ и бражничаньѣ, заснули умомъ и чувствами..... Проснулись — лицемъ къ лицу предъ ними стоялъ Богданъ Хмѣльницкій!

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАЛОРОССІЯ

ОТЪ ПОГОЛОВНАГО ВОЗСТАНІЯ ПО СМЕРТЬ ХМѢЛЬНИЦ-
КАГО. 1646 — 1657.

ГЛАВА XI.

БАРАБАШЪ.

Предки Хмѣльницкаго. Отецъ и мать его. Суботовъ. Воспитаніе Хмѣльницкаго. Смерть отца его. Дума народная. Онъ въ плѣну. Выкупленъ Королемъ. Въ Королевской Гвардіи. Посѣщеніе Койдака. Отвѣтъ Чаплинскому. Арестованъ. Обрѣзанный усъ у Поляка. Женитьба Хмѣльницкаго. Дѣти. Зацвилиховскій. Петръ Жицкій. Барабашъ. Чаплинскій подкупаетъ оруженосца Хмѣльницкаго. Отнимаетъ Суботовъ. Процессъ Хмѣльницкаго. Пристрастный судъ. Обиды, терпимыя отъ Чаплинскаго. Похищенная любовница. Насиѣшка Сенаторовъ. Разговоръ съ Королемъ. Хмѣльницкій Генеральнымъ писаремъ. Барабашъ и Личчаевцы. Новыя угнѣтенія Малороссіи. Судъ надъ Барабашемъ. Представленіе къ Королю. Неповиновеніе Магнатовъ. Отвѣтъ Короля Барабашу. Полежай. Картель Хмельницкаго Чаплинскому. Хмѣльницкій въ темницѣ. Ходатайства Чаплинской. Освобожденъ. Овладѣлъ важными бумагами. Дума народная. Пріѣхалъ въ Сѣчу. Прикрытъ шапками. Взятіе Койдака. Благословеніе Митрополита. Окружные листы и воззванія. Койдаки. Сборное мѣсто. Барабашъ дѣйствительный Гетманъ. Переписка Хмѣльницкаго съ Ханомъ Крымскимъ. Возстаніе всей Малороссіи. Битва съ Стефаномъ Потоцкимъ у Койдака. Флотилія Барабашева. Рѣчь къ Барабашевцамъ. Барабашъ отданъ «Днѣпровскимъ глубинамъ.» Пропалъ жизнь и смерть проспалъ.»

Чтобы потомство поняло Зиновія Богдана Хмѣльницкаго, судьба спасла отъ забвенія нѣсколько свѣдѣній о рожденіи, предкахъ и юныхъ лѣтахъ его. Въ

описаніи битвы Цецорской, гдѣ въпервые встрѣчается имя избавителя Малороссіи, мы только мимоходомъ сказали объ немъ, но это для того, чтобъ послѣ заняться имъ единственно.

Его предокъ по отцу, былъ потомокъ Вѣнцеслава, который гетманствовалъ съ 1534 по 1569 годъ. Родной его дѣдъ по матери, былъ Ѳедоръ Богданъ, бывшій Гетманъ съ 1576 по 1579 годъ. Одинъ изъ Историковъ нашихъ, основываясь на томъ единственно, что для славы имени своего Хмельницкій не имѣетъ надобности въ знатномъ происхожденіи, отвергаетъ эту родословную. Но какъ такое опроверженіе слишкомъ слабо и самопроизвольно, то мы должны придерживаться Гетманской Лѣтописи, и не изъ честолюбія за Хмельницкаго, но отъ желанія быть справедливыми, не отдалимся въ этомъ случаѣ отъ Кониского.

Отецъ Зиновія, Михаилъ, родился въ мѣстечкѣ Лысянкѣ; сперва служилъ онъ при Коронномъ Гетманѣ Жолкѣвскомъ, потомъ былъ сборщикомъ податей и счетчикомъ въ Чигиринѣ. Янъ Даниловичь, тамошній Староста, въ награду за усердную службу, утвердилъ за нимъ родовое помѣстье предковъ его, село Субботовъ, съ хуторами и угодьями, съ церковью каменною и съ монастыремъ, построеннымъ Хмѣльницкими.

Тогда Михаилъ, какъ въ то время звали его, Хмѣльникъ, женился на Анастасіи, дочери Ѳеодора Богдана, и сталъ Сотникомъ въ Реестровомъ Черкаскомъ полку. «По характеру, вспомогаемому хорошимъ до-«статкомъ, онъ значилъ Вельможу здѣшняго края.» У него родился сынъ, при крещеніи получилъ два имени: одно Зиновій, а другое, по обычаю того вре-

мени, придаточное, дѣдовское по матери, имя Богданъ. Князь Сангушка былъ воспріемнымъ отцомъ его.

Съ молодыхъ лѣтъ поступилъ онъ въ школу Кіевскую, потомъ къ Іезуитамъ въ Польскій Ярославецъ, наконецъ въ Варшавѣ окончилъ науку свою.

« Сей Зиновій », говоритъ лѣтопись, « яко единственный сынъ у отца, воспитанъ имъ въ Варшавѣ « попеченіемъ прямо отеческимъ и иждивеніемъ Вельможскимъ. Всѣ классы тогдашніе изящныхъ наукъ « прошелъ онъ подъ руководствомъ наилучшихъ учителей, щедротою пріобрѣтенныхъ. »

« Природная острота и дарованія оправдали старанія отеческія и учительскія : при другихъ его занятіяхъ, особливо искусенъ онъ былъ въ первѣйшихъ « Европейскихъ языкахъ, а паче въ Латинскомъ и « Греческомъ. »

За то Римское Духовенство и Вельможи Польскіе любили и уважали Зиновія еще въ молодыхъ лѣтахъ его, и Сигизмундъ отличалъ его между сверстниками.

Въ 1620 году Октября 7 происходило сраженіе при Цецорѣ, сраженіе неудачное и знаменитое; тамъ отецъ Зиновія, Михаилъ, лишился жизни, какъ помнитъ Дума народная.

« Видкиль ѣдешь? Отъ Дунаю.
« А що чувавъ про Михайлу?
« Еге чувавъ! я самъ видавъ :
И шлы Ляхи въ тры шляхи,
Козаченьки на чотыры,
А Татаре поле крылы.
А въ тымъ виську Козацькому

Йихавъ возокъ, дай покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою Козацькою.
А въ шымъ возку було тило
Порубне, и почернило;
За шымъ возкомъ конь Лыцарьскій:
Веде коня хлопъ Козацькій,
Держишь ву руци спысь довгенькій,
А у другій мечь ясненькій, —
Ой ще зъ меча и кровъ шече.
По Мыхайли машы плаче.
Не дуже сынъ порубаный,
Головонька на шры части,
Виле шило на чошыры.

Видя отца, въ крови плавающаго, Зиновій, который служилъ при немъ въ охотникахъ, врубился въ ряды враговъ, былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Турки продали его Мурзѣ Крымскому Ярусу. Два года томился онъ въ чужой землѣ и неволѣ, узналъ нравы татарскіе, завелъ дружбу съ тамошними вельможами, научился языкамъ Татарскому и Турецкому, и наконецъ былъ выкупленъ Сигизмундомъ.

Тогда поступилъ онъ въ Королевскую гвардію. Въ 1629 году, въ сраженіи въ Валахами и Венгерцами, взялъ въ плѣнъ двухъ Князей Кантемировъ и привелъ ихъ къ Королю.

Но любовь къ родинѣ не угасала въ великомъ человѣкѣ, не смотря на мѣлкія почести, которыми хотѣли его приманить къ себѣ враги Малороссіи. Бопланъ заложилъ и построилъ крѣпость Койдакъ; Хмѣльницкій пріѣхалъ въ отпускъ на родину. Тогдашній Ца-

мѣстникъ, или Дозорца, Чигиринскій, Панъ Чаплинскій, подъ распоряженіемъ котораго производились постройки крѣпостныя, ѣхалъ осматривать работы Инженерскія, и пригласилъ съ собою Хмѣльницкаго.

Койдакъ не могъ веселить Зиновія; будучи построенъ надъ Днѣпромъ, онъ имѣлъ цѣлью, уничтожить сообщеніе козаковъ Городскихъ и Земскихъ съ Запорожцами. Это была черта, раздѣлявшая родныхъ братьевъ.

Хвастливый Панъ спросилъ будущаго Гетмана по-Латыни, подтвердитъ ли онъ мнѣніе всѣхъ знатоковъ, что это будетъ крѣпость непобѣдимая. Зиновій отвѣчалъ на томъ же языкѣ: «Еще не слыхалъ я и нигдѣ «не начитывалъ, чтобъ что либо созданное руками «человѣческими не могло быть ими же и разрушено.»

Изтолковавъ отвѣтъ возмутительнымъ, Чаплинскій отправилъ Хмѣльницкаго въ Чигиринъ подъ стражею, но онъ бѣжалъ въ В[illegible]ву, освобожденный дочерью старосты, Ан[illegible] и [illegible]далъ Королю жалобу за своевольный и оск[illegible]бительный поступокъ съ офицеромъ Королевской Гвардіи. Король приговорилъ обрѣзать одинъ усъ Чаплинскому, и стражникъ Скобкѣвскій, присланный для исполненія приговора, обрѣзалъ усъ Поляку.

Тогда дочь Чаплинскаго, противъ воли отцовской, вышла замужъ за Хмѣльницкаго. Первый сынъ ея Тимоѳей, по словамъ Архидіакона Алепскаго Павла, имѣлъ уже восемь лѣтъ во время послѣдняго возстанія Линчаевцевъ на Барабаша; но если мы вникнемъ, что онъ былъ уже въ 1648 году Главнокомандующимъ въ Молдавіи, что въ 1650 женился на Липулиной, то женидьбу Хмѣльницкаго мы не можемъ иначе отнести

какъ къ годамъ 1630—1632, т. е. во время возстанія Линчаевцевъ Тимоөей могъ имѣть отъ 13 до 16 лѣтъ. Отъ нея Хмѣльницкій имѣлъ и другаго сына, Юрія, съ отцемъ ни въ чемъ не сходнаго.

Вражда Чаплинскаго съ Зиновіемъ была неугасима; обрѣзанный усъ, похищеніе дочери, и желаніе овладѣть богатымъ Суботовымъ, разжигали эту ненависть.
1646. Зиновій между тѣмъ жилъ на покоѣ, въ помѣстьи своемъ; занимался хозяйствомъ; онъ въ тайнѣ горевалъ объ участи Малороссіи. Николай Ялмужна Зацвилиховскій былъ избранъ Поляками въ Наказные Гетманы; онъ прославился въ битвахъ съ Татарами, его полюбили козаки и Запорожцы. Мимо Магнатовъ и Короля, послалъ онъ Асаула Макѣева и Станичнаго Атамата Данилу Александровича къ Царю Алексѣю Михайловичу. За чѣмъ ихъ посылалъ, что писалъ, какой былъ отвѣтъ—не извѣстно. Извѣстно только, что въ Іюнѣ мѣсяцѣ привезли он[illegible] Москву Гетманскій листъ и двухъ плѣнныхъ Т[illegible]ръ, [illegible]Царь имъ далъ жалованье: Асаулу камку, коөтерь, [illegible]укно лундышъ да двѣнадцать рублей; Атаману сукно лундышъ, тафту и десять рублей, да на обоихъ въ добавокъ двѣ пары соболей по челобитью.

Зацвилиховскаго нестало; онъ схваченъ, отвезенъ въ Варшаву и уже не возвращался; его мѣсто заступилъ Иванъ Барабашъ, Асаулъ Генеральный, и Полковникъ Чигиринскій.

Кто былъ Барабашъ, о томъ потомство забыло; говорятъ, будто бы и современники не знали о томъ. Въ 1628 году пришелъ онъ въ Запорожье, чрезъ четырнадцать лѣтъ разбогатѣвъ, сталъ войсковымъ Асау-
1642. ломъ, а тамъ Полковникомъ и Гетманомъ Наказнымъ.

И Чаплинскій продолжалъ быть Подстаростою, гналъ Хмѣльницкаго, да заботился о присоединеніи помѣстья его къ обширнымъ своимъ владѣніямъ. Однажды, пославъ Зиновія противъ ворвавшихся въ Украйну Татаръ, онъ подкупилъ его оруженосца, и предатель, во время битвы, нанесъ вождю своему въ голову такой ударъ, который былъ бы смертельнымъ, еслибъ не защитилъ его желѣзный шлемъ; дѣло было проиграно. Упрекая оглушеннаго ударомъ Зиновія въ малодушіи и небрежности, Чаплинскій арестовалъ его.

Наконецъ, притязатель чуждой собственности донесъ своему Старостѣ Конецпольскому, что Хмѣльницкій не имѣетъ права владѣть Суботовымъ, что это помѣстье принадлежитъ къ Староству: получивъ позволеніе отъ Старосты, онъ вооруженною рукою выгналъ Хмѣльницкаго изъ Суботова, и овладѣлъ всѣмъ его достояніемъ.

Зиновій началъ искъ, показывалъ бумагу Даниловича; ему приказали судиться порядкомъ законнымъ и вмѣсто деревни присудили единовременное вознагражденіе пятьюдесятью флоринами. «И еще не вмерла Казацька мать,» сказалъ Хмельницкій въ негодованіи. «Чаплинскій съ Ляхами не все ще у мене забравъ: ище е сабля въ рукахъ.»

Съ этими угрозами поѣхалъ онъ въ Варшаву; Сенатъ объявилъ ему, что относительно помѣстья, заведенный порядокъ судопроизводства не можетъ быть измѣненъ въ пользу одного человѣка.

У Зиновія уже не было жены; онъ имѣлъ любовницу и думалъ жениться на ней. Во время отлучки его, Чаплинскій сжегъ его мельницы и винокурни, увелъ его

любовницу, а сына Тимоѳея, малолѣтнаго, высѣкъ плѣтьми.

Зиновій снова жаловался. Сенатъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ искалъ другую между красавицами, которыхъ на свѣтѣ много. Но эта поѣздка, эти жалобы доставили ему случай увидѣть Владислава: онъ былъ представленъ ко двору Короннымъ Канцлеромъ Юріемъ Осолинскимъ. Владиславъ носилъ тогда одно названье Короля, желалъ укротить буйство Магнатовъ, и видѣлъ одно къ тому средство: привлечь Козаковъ на свою сторону. Онъ ласково принялъ Хмѣльницкаго. « Ты въ правѣ употребить противу Чаплинскаго « одинаковыя мѣры насильственныя, и для всѣхъ Ко« заковъ, подобныхъ тебѣ, это одно есть средство « избавиться отъ притѣсненія», такъ сказалъ ему Король. И Хмѣльницкій возвратился въ Малороссію Генеральнымъ Писаремъ.

Барабашъ въ то время искалъ уже дѣйствительнаго Гетманства. Поляки его любили: « къ Ляхамъ прили« ченъ былъ », говоритъ одна изъ нашихъ лѣтописей, « и своей корысти только ищущи, изволилъ самъ въ « счастіи жити, а о войску нерадѣлъ, ниже о обидѣ « людской.» И такъ Малороссіяне ненавидѣли его. Мятежъ вспыхнулъ; одна изъ сильнѣйшихъ частей Запорожскаго войска, Линчаевцы избрали себѣ своего Гетмана, ушли на Никитинъ рогъ; къ нимъ стали подходить другіе козаки. Въ Запорожьи началась война междоусобная; тщетно Зиновій и Митрополитъ Могила старались прекратить ея ужасы; козаки дрались съ козаками. Линчаевцы были усмирены.

Тогда открылось предательство Барабаша. Поляки, Жиды, Уніаты, Іезуиты, налегли съ помощію Наказнаго

Гетмана на Малоросеію, и козаки всѣ вдругъ взбунтовались. Рада, подъ начальствомъ Судьи, Антона Полежая, стала допрашивать Барабаша объ его намѣреніяхъ: Барабашъ поклялся дѣйствовать въ пользу войскъ; Хмѣльницкій воспользовался этимъ случаемъ, уговорилъ предателя написать къ Королю жалобу на Жидовъ и Униатовъ. Барабашъ написалъ ее и отправили.

Владиславъ всегда любилъ Козаковъ; онъ и прежде, вмѣстѣ съ Шведскимъ Королемъ, передъ отцомъ своимъ за нихъ предстательствовалъ. Посланіе отъ Барабаша было имъ принято благосклонно и передано Сенату и чинамъ на разсмотрѣніе.

Король въ отзывѣ къ Магнатамъ такъ выражался: «Всякое правленіе насильственное и тиранское никогда не было прочно и долговременно, но яко нѣчто вынужденное и взаимными интересами и согласіемъ не укрѣпленное, всегда оно разрушалось и съ трескомъ падало. А что народъ Русскій, съ городами, селеніями и землями своими соединился съ Польшею добровольно, на одинакія и равныя съ нею права и преимущества, сего опровергнуть мы ничѣмъ не можемъ, яко утвержденнаго торжественными договорами и пактами, въ привиллегіяхъ и архивахъ хранящимися. Ежели же на опроверженіе того поставлять причиною народныя возмущенія, то справедливость требуетъ противоставить имъ и гоненія на нихъ, нарушающія права и свободы народныя.»

Но Король издавна былъ обезсиленъ уже Вельможами; они не согласились съ его мнѣніемъ: напрасно толковалъ онъ съ своимъ бурнымъ Сеймомъ; уговоры не дѣйствовали на эти необузданныя головы. Король

отвѣчалъ Наказному Гетману чрезъ Малороссійскихъ депутатовъ, и этотъ отвѣтъ послужилъ весьма не въ пользу для Поляковъ.

Барабашъ извѣстилъ Сеймъ объ опасности поголовнаго возстанія, тайно убилъ Полежая, и скрылъ отъ всѣхъ, кромѣ Генеральнаго Писаря, отвѣтъ Королевскій; въ немъ было сказано: «Поневажъ вы « воины е те, то что вамъ возбраняетъ стать за себя « и за свою свободу? Ибо видно жребій вашъ таковъ, « чтобъ имѣть все отъ меча, и даже самую свободу; « а я помогать вамъ не въ силахъ, будучи обурева- « емъ партизанствомъ и ихъ факціями.»

Еслибъ Хмѣльницкій не былъ Генеральнымъ Писаремъ, то и онъ не зналъ бы этихъ слогъ достопамятныхъ, гдѣ вся ничтожность Короля, вся горесть его, все буйство скопища Магнатскаго и наконецъ вся гибель Польши заключаются.

Нѣсколько разъ Хмѣльницкій уговаривалъ Барабаша объявить чинамъ, народу и войску слово Королевское. Онъ доказывалъ, что этимъ благоволеніемъ ободрена будетъ Малороссія. Онъ совѣтовалъ дать знать изъ подъ руки Полякамъ о мысляхъ Королевскихъ, и тѣмъ укротить ихъ гоненія и насилія; не будутъ ли образумлены, думалъ онъ, по крайней мѣрѣ страхомъ всеобщаго возстанія, позволеннаго самимъ Королемъ. Всѣ эти старанія Хмѣльницкаго были напрасны.

Барабашъ былъ слишкомъ задаренъ Панами; онъ переписывался съ Магнатами, совѣтовалъ поголовное истребленіе Запорожцевъ, а Поляки съ боязни думали о свободѣ Малороссіянъ; съ нею сопряжена была потеря помѣстьевъ Украинскихъ, и свою предатель-

скую переписку, вмѣстѣ съ Королевскимъ универсаломъ, измѣнникъ хранилъ въ сундукѣ, подъ воротами.

Сынъ Полежая Иванъ былъ избранъ въ Запорожьи Атаманомъ. Конецпольскій далъ вспоможеніе Наказному Гетману. Асаулъ Темиря съ 500 человѣкъ Земской Польской стражи, и съ 3000 козаковъ, былъ отправленъ противъ Полежая. У каменнаго затона, Темиря разбилъ Линтаевцевъ, которые не ожидали нападенія; Никитинская Сѣча сдалась Полякамъ, Полежай былъ убитъ на сраженіи. Барабашъ въ это время успѣлъ съѣздить въ Польшу и возвратиться въ Украйну.

Зиновій между тѣмъ вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ, и за такой отчаянный поступокъ едва было не заплатилъ собою и родиною: шлемъ и латы спасли его отъ убійцъ, подосланныхъ трусливымъ Подстаростою. Уже грозила ему голодная смерть въ тюрмѣ, куда заключилъ его Александръ Конецпольскій, по доносу Чаплинскаго; но къ счастію, жена доносчика Подстаросты, любовница Хмѣльницкаго, изходатайствовала свободу для прежняго своего любовника. «На «нашу бѣду, говорятъ Поляки, Хмѣльницкій ускользнулъ изъ рукъ Конецпольскаго.»

Тогда, видя невозможность преклонить Барабаша къ объявленію въ народѣ слова Королевскаго, онъ рѣшился хитростью овладѣть универсаломъ и объявить его; пѣсня народная лучше исторіи намъ о томъ разсказываетъ.

Хмѣльницкій попросилъ, говоритъ она, въ кумовья къ себѣ Барабаша, въ городъ Чигиринъ, и когда Барабашъ подпилъ, Хмѣльницкій сказалъ ему: «Годи « тоби, пане куме, лысты Королевскія держаты! Дай

« мини хоть прочытаты. » — На что тебѣ, кумъ, знать ихъ? отвѣчалъ Барабашъ. Намъ лучше быть въ дружбѣ съ Поляками, « нижъ шиломъ комаровъ годувать. » Тогда Хмѣльницкій далъ еще лучшаго вина, Барабашъ напился пьянъ и уснулъ, а Хмѣльницкій вынулъ у него ключи и послалъ въ Черкасы, къ женѣ Барабаша, слугу своего, который объявилъ, что мужъ требуетъ листы Королевскіе. « Десь то мому Пану лыхомъ знудылось », сказала, жена, « що съ Хмѣльныцкимъ гуляты зхотилось», и указала сундукъ подъ воротами. Слуга досталъ бумаги, и привезъ къ Хмѣльницкому. Поутру Барабашъ проснулся : нѣтъ ни ключей, ни Хмѣльницкаго ; онъ разбудилъ Старосту Кричевскаго и поѣхалъ въ погоню за кумомъ.

1647, Августа 7. Но было поздно. 7 Августа въ 1647 году Хмѣльницкій прибылъ въ Сѣчь Запорожскую.

Онъ явился прямо на островъ Бучый къ Линчаевцамъ, оттуда съ ними онъ прибылъ въ Никитинъ Рогъ. Тамъ нашелъ онъ только триста человѣкъ, готовыхъ къ войнѣ, и способныхъ подъ ружье; прочіе были разсѣяны, находясь иные на рыбной и звѣриной ловлѣ, другіе по Дону и по Донцу разъѣзжая и грабя купечество.

Къ нимъ призвалъ Хмѣльницкій козаковъ реестровыхъ, которые оставались отъ командованія Гулака и проживали въ зимовьяхъ Запорожскихъ, три тысячи сто пятнадцать человѣкъ.

Онъ созвалъ Раду, прочелъ ей письма Барабаша и универсалъ Королевскій. «Выбирайте любое» сказалъ онъ: « гибель со славою, или гибель со стыдомъ. » Козаки, не дождавшись окончанія рѣчи, единогласно объявили готовность на предпріятіе въ пользу отечества

и прикрыли его шапками, въ знакъ выбора его въ Гетманы. Но онъ отвергнулъ это предложеніе до общаго согласія всего народа и войска, а вызвался предводительствовать ими въ прежнемъ чинѣ своемъ и объявилъ, что необходимо взять Койдакъ.

Крѣпость была наполнена войсками Польскими, недопускавшими соединенія городскихъ козаковъ съ Запорожскими. Хмѣльницкій пошелъ на приступъ неожиданно. Козаки спѣшились, и сдѣлавъ фальшивый приступъ къ Койдаку со степной стороны, крикомъ и пальбою обратили на себя вниманіе осажденныхъ. Въ то время, другой отрядъ Хмѣльницкаго проползъ Днѣпровскимъ берегомъ къ самой крѣпости, и водными воротами вошелъ въ нее почти безъ сопротивленія. Внутри крѣпости козаки ударили рѣшительно на Польское войско, и произвели въ немъ страшное пораженіе. Козаки, дѣйствующіе со степной стороны, увидѣвъ товарищей своихъ внутри крѣпости, пошли на приступъ дѣйствительный; а какъ войско непріятельское было занято работою со стороны рѣки, то они вломились въ ворота немедленно, и окончили пораженіе такъ, что ни одного Поляка не осталось, который бы могъ извѣстить о истребленіи товарищей. Амуниція, артиллерія и всякаго рода запасы, хранившіеся въ Койдакѣ, достались въ добычу Хмѣльницкому, и помогли ему вооружить войско. Койдакъ назначенъ былъ сборнымъ мѣстомъ для войска Малороссійскаго.

Митрополитъ первый получилъ отъ Хмѣльницкаго извѣстіе о королевскомъ дозволеніи козакамъ достигнуть свободы оружіемъ. Онъ не только одобрилъ предпріятіе Хмѣльницкаго, но наложилъ проклятіе на всѣхъ,

кто не станетъ подъ его знамена; одна изъ послѣднихъ молитвъ въ жизни нашего Первосвятителя была объ успѣхѣ оружія, подъятаго козаками за Малороссію.

Изъ Койдака были разосланы окружныя грамоты въ города и селенія; прописывая письменное соизволеніе Королевское на поголовное возстаніе Козаковъ, и объявляя свое предпріятіе освободить Малороссію, Хмѣльницкій въ этихъ листахъ уговаривалъ войска, чтобъ отложились отъ наказнаго Гетмана Барабаша, отъ «сего дознаннаго зрадцы и предателя «отечественнаго, какшактующаго тайно и явно съ «Поляками на пагубу народную.»

Онъ предлагалъ всѣмъ и каждому, собраться къ нему въ Койдакъ для дальнѣйшихъ совѣщаній. Скоро послѣ оповѣщенія пришли 3000 регистровыхъ козаковъ: Полтавскій, Миргородскій, Гадячскій и части другихъ полковъ.

Они удалились отъ Барабаша въ то время, когда онъ отбиралъ отъ Поляковъ новую присягу въ вѣрности къ службѣ Королевской, при поискахъ надъ Хмѣльницкимъ и его сообщниками.

Поляки взволновались отъ возстанія Козаковъ; на одного Барабаша была у нихъ надежда, а Барабашъ объ одномъ лишь и мыслилъ—о дѣйствительномъ Гетманствѣ—ему жало душу слово: Наказный. И Сеймъ утвердилъ его Русскимъ Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Войска Запорожскаго. Онъ достигъ двухъ цѣлей, одной обѣтованной, другой вовсе неожиданной—булавы и смерти.

Съ величайшею поспѣшностію извѣстилъ онъ Короннаго Гетмана Потоцкаго о дѣйствіяхъ Зиновія

Богдана. Потоцкій, стольже поспѣшно, отправилъ къ нему сына своего съ 9000 коронныхъ войскъ. Барабашъ и сынъ Короннаго Гетмана соединились въ городѣ Черкасахъ; тутъ они сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія къ нападенію на Хмѣльницкаго: при новомъ Гетманѣ было 5000 войска регистроваго, присягнувшаго въ вѣрности. Эти козаки сѣли съ нимъ въ лодки, и отправились внизъ по Днѣпру съ тѣмъ, чтобъ осадить Койдакъ, и отъ рѣки сдѣлать въ крѣпость высадку. А Потоцкій долженъ былъ обложить крѣпость отъ степной стороны, и преградить осажденнымъ отступленіе.

Между тѣмъ Хмѣльницкій успѣлъ уже списаться съ Ханомъ Крымскимъ, и склонилъ его на свою сторону. Въ этомъ дѣлѣ помогли ему не столько дары и обѣщанія, сколько разрывъ Орды съ Королевствомъ. Поляки посылали ежегодныя дары Хану Крымскому, а теперь Оссолинскій написалъ къ нему: «Да будетъ «Вашему Ханскому Высочеству вѣдомо, что вы имѣе«те дѣло съ Королемъ, который умѣетъ охранять «свой народъ, а не платить дани», и Ханъ вступилъ въ союзъ съ Хмѣльницкимъ.

Народъ во всей Малороссіи уже не тайно роапталъ, но громогласно говорилъ дерзкія противъ Польши рѣчи; уже Украйна изъ конца въ конецъ волновалась. Барабашъ съ войскомъ плылъ Днѣпромъ, Потоцкій двинулся къ Койдаку степью.

Хмѣльницкій узналъ о намѣреніи Барабаша; онъ приготовился принять и его, и Стефана Потоцкаго. Для флотиліи Барабашевой, на одной изъ Днѣпровскихъ косъ, далеко въ рѣку вдавшейся, построилъ онъ сильную батарею, снабдилъ ее тяжелою артиллеріею и

пѣхотою съ длинными копьями; все это прикрылъ онъ, насадивъ вокругъ батарей тростнику и кустарниковъ. Въ Койдакѣ оставилъ небольшое число пѣхоты, и приказалъ ей безпрестанно появляться на городскихъ валахъ, обманчиво увеличивая число осажденныхъ передъ осаждающими. Самъ онъ со всѣмъ остальнымъ войскомъ скрылся въ оврагахъ, въ нѣскольких верстахъ отъ Койдака. Войско Стефана Потоцкаго шло степью въ уровень съ ладьями Барабаша. Коль скоро съ батареею поровнялась эта флотилія, батарея дала залпъ изъ пушекъ, столь удачный, что многія суда были разбиты и потоплены, другія отяжелѣли отъ людей, вскочившихъ въ нихъ изъ потопающихъ, и Барабашцы начали въ безпорядкѣ приступать къ берегу. Въ тоже время Хмѣльницкій вышелъ изъ овраговъ, и ударилъ Потоцкому во флангъ и въ тылъ. Такого нападенія Поляки вовсе не ожидали; сраженіе было губительное; войско наше врѣзалось въ средину враговъ, и отняло у нихъ всю артиллерію. Выстрѣлы и пики, столь для Поляковъ ненавистныя, довершили истребленіе. Драгуны, рабы Польскаго шляхетства, недовольные своею одеждою, передались Хмѣльницкому; жолнеры были перерѣзаны, а козаки реестровые положили оружіе. Изъ чиновниковъ осталось въ плѣну сорокъ три человѣка; въ числѣ ихъ и Стефанъ Потоцкій, брошенный въ полѣ потому, что за ранами нельзя было его везти: тамъ и скончался несчастный, двадцатичетырехлѣтній сынъ Короннаго Гетмана.

Истребивъ войско Польское, Хмѣльницкій обратился къ регистровымъ козакамъ, приплывшимъ съ Барабашемъ. Они дрались уже съ Линчаевцами.. Хмѣль-

ницкій выставилъ передъ ними бѣлое знамя, съ крестомъ и надписью: «Миръ Христіанству!» — Битва прекратилась. Урядники войска Барабашевскаго, и многіе козаки, положившіе оружіе, стали подъ священнымъ для нихъ знаменемъ, и Хмѣльницкій произнесъ къ нимъ слѣдующую рѣчь:

«Помыслите, братія и други, помыслите и разсу-«дите: противъ кого вы вооружились, и за кого хо-«тите брань съ нами имѣть, и кровь нашу и свою «туне проливать? Я и окружающее меня товарищество, «есть единокровная и единовѣрная ваша братія; ин-«тересы и пользы наши одни суть съ пользами и «нуждами вашими; мы подняли оружіе не для коры-«сти какой или пустаго тщеславія, а единственно на «оборону отечества нашего, жизни нашей, и жизни «чадъ нашихъ, а равно и вашихъ. Всѣ народы, живу-«щіе во вселенной, всегда защищали и будутъ защи-«щать бытіе свое, свободу и собственность; самыя «даже пресмыкающіяся по земли животныя, каковы «суть звѣри, скоты и птицы, защищаютъ становища «свои и гнѣзда до изнеможенія, и природа, по намѣ-«ренію Творца всѣхъ и Господа, снабдила всѣхъ ихъ «разными къ тому орудіями, въ самыхъ членахъ ихъ. «Почтоже, братія, быть нечувствительными, и влачить «тяжкія оковы рабства въ дремотѣ и постыдномъ не-«вольничествѣ въ собственной землѣ? Поляки, васъ «вооружившіе на насъ, суть общіе враги и непрія-«тели наши. Они все уже отъ насъ отняли: честь, «права, собственность, и самую свободу разговора, «и вѣроисповѣданія нашего; остается при насъ одна «жизнь, но и та ненадежна и несносна самимъ намъ; «да и что за жизнь такая, когда она преисполнена

«горестей, страховъ и всегдашняго отчаянія? Предки «наши, извѣстные всему свѣту, Словене или Савро-«маты и Руссы, соединясь съ Литовцами и Поляками «добровольно и ради защиты отъ иноплеменниковъ, «пришли къ нимъ съ собственною своею природною «землею, съ своими городами и селеніями, съ своими «даже законами, и со всѣмъ, въ жизни нужнымъ, а По-«ляки ничего имъ, ни намъ не давали ни на одинъ «пенязь! А заслуги наши и предковъ нашихъ Поля-«камъ въ оборонѣ и расширеніи Королевства ихъ, «извѣстны суть всей Европѣ и Азіи. Да и самые «Поляки хрониками своими очевидно то доказываютъ. «Но пролитая за нихъ кровь наша и избіенные на «ратныхъ поляхъ тысячи и тьмы воевъ нашихъ наг-«раждаются отъ Поляковъ однимъ презорствомъ и «насиліемъ и всѣхъ родовъ тиранствами; а когда вы, «братія наши и други, когда не видите уничиженія «своего отъ Поляковъ, и не слышите презрительныхъ «титуловъ, наданныхъ вамъ отъ нихъ, то есть, титу-«ловъ хлопа, схизматика, то вспомните по крайней «мѣрѣ недавнія жертвы предковъ вашихъ и братіи «вашей, преданныхъ коварствомъ и измѣною, и за-«мученныхъ Поляками самимъ неслыханнымъ варвар-«ствомъ; вспомните, говорю, о сожженныхъ живыми въ «мѣдномъ быку: Гетманѣ Наливайкѣ, Полковникѣ Ло-«бодѣ и другихъ! Воззрите на ободранныя и отруб-«ленныя головы Гетмана Павлюги, Обознаго Гремича «и другихъ! Вспомните наконецъ Гетмана Остря-«ницу, Обознаго Сурмилу, Полковниковъ Недри-«гайлу, Баюка и Рындича, коихъ колесовали и жи-«вымъ жилы тягли! А премногихъ съ ними Чиновни-«ковъ вашихъ живыхъ же на спицы воткнули и дру-

«гими лютѣйшими мухами жизни лишали! Не забы-«вайте, братія, и тѣхъ неповинныхъ младенцевъ ва-«шихъ, коихъ Поляки на рѣшеткахъ жарили и въ «котлахъ варили. Всѣ оные страстотерпцы замучены «за отечество свое, за свободу и за вѣру отцевъ сво-«ихъ, презираемую и ругаемую Поляками въ глазахъ «вашихъ; и сіи мученники, неповинно пострадавшіе, «вопіютъ къ вамъ изъ гробовъ своихъ, требуя за кровь «ихъ отмщенія, и вызываютъ васъ на оборону самихъ «себя и отечества своего.»

Хмѣльницкій кончилъ рѣчь. Войско взволновалось, поднялся шумъ; козаки стали бросать оружіе и кричали: «Повелѣвай нами, Хмѣльницкій! повелѣвай! «веди, куда честь и польза наша требуетъ; отомстимъ «за страдальцевъ нашихъ и за поруганіе вѣры на-«шей! Да не увидимъ болѣе поношеній нашихъ, не «услышимъ стону потомства нашего. Одно теперь «смущаетъ насъ: мы клялись предъ Богомъ, и учинили «присягу на Евангеліи въ вѣрномъ послушаніи Ба-«рабашу, сему врагу отечества и предателю нашему.» Хмѣльницкій отвѣчалъ: «Богъ свѣдущъ; обратитъ клят-«вы сіи на главу того, кто ихъ вынудилъ и призывалъ «имя Его всуе. Законы божественные и гражданскіе «всегда таковыя клятвы уничтожаютъ, и вы отъ нихъ «свободны; а больше всѣхъ клятвъ, вы обязаны отече-«ству своему самою природою, и вѣрѣ святой, сим-«воломъ ея, вами исповѣдуемымъ; имъ поборайте, и за «нихъ стойте; а болѣе сихъ жертвъ ничего отъ васъ «не требуется.»

Ободренные рѣчью великаго человѣка, Козаки бросились искать Барабаша, чтобы предать его на судъ войска.

Историки спорятъ о родѣ смерти предателя, но всѣ знаютъ, что онъ погибъ насильственно. Одни говорятъ, что онъ найденъ въ ладьѣ, и не смотря на мольбы о пощадѣ, Джеджеля закололъ его; другіе разсказываютъ, что его изъ ладьи вытащили, и повели на берегъ, но онъ вырвался и бросился въ Днѣпръ, откуда уже не выплылъ. Истина, словами Гетмана Хмѣльницкаго, въ его универсалѣ подъ Бѣлою церковью, повѣствуетъ, что Барабашъ былъ преданъ Днѣпровскимъ глубинамъ; а преданіе говоритъ, будто онъ пьяный спалъ въ ладьѣ своей, и его сонняго Запорожцы кинули въ волны Днѣпровскія. Одинъ изъ сыновъ Украйны сказалъ о немъ: «Онъ пропилъ жизнь, а смерть проспалъ.» Козаки тогдашніе воскликнули: «Погибъ «нечестивый! да погибнетъ и память его съ шумомъ!»

ГЛАВА XII.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Провозглашенъ Гетманомъ. Устроеніе полковъ. Переговоры съ Исламъ-Гереемъ. Голова Гетмана оцѣнена. Отвѣтъ Ислама. Очищеніе Малороссіи отъ Поляковъ. Количество войска Гетманскаго. Битва при Желтой водѣ. Битва подъ Каменцомъ. Лагерь подъ Бѣлою церковью. Гетманскій универсалъ.

Увѣнчанный побѣдою, собиратель Малороссіи былъ единогласно провозглашенъ Малороссійскимъ Гетманомъ, Октября 15-го, 1647 г. 1647 Октября 15.

Первымъ его занятіемъ было возстановить и устроить полки регистровые, и въ этомъ онъ придерживался плановъ Гетмана Рожинскаго. Поляки заблаговременно ушли изъ Черкасъ, Чигирина и Уманя. Гетманъ разставилъ въ этихъ городахъ свои полки, на постоянныя квартиры; туда ежедневно собирались новыя войска изъ Малороссіи: тамъ они вооружались и формировались.

А между тѣмъ приступилъ онъ къ рѣшительнымъ переговорамъ съ Исламъ-Гереемъ*, Ханомъ Крымскимъ. Въ подарокъ отправилъ ему плѣнную Шляхту, напоминалъ объ услугахъ и о союзѣ съ Крымцами

Гетмановъ Полтора-Кожуха и Гулака; писалъ, что Поляковъ и войскъ ихъ не боится, но считаетъ для себя опасными коварство и подкупы, которыми Поляки, предательски захвативъ, замучили многихъ Гетмановъ, «да и теперь» прибавлялъ Гетманъ «мнѣ грозятъ такимъ же оружіемъ.»

И дѣйствительно, Сеймъ объявилъ значительную сумму червонцевъ за голову Хмѣльницкаго.

Исламъ благодарилъ Гетмана за подарокъ; но отъ союза отказывался. Миръ Султана съ Королемъ, ссора Порты съ сильными сосѣдними державами, готовящаяся война, въ которой безъ сомнѣнія должны участвовать и Татарскія войска — таковы были причины, Ханомъ изложенныя, по которымъ онъ не могъ пособить Гетману оружіемъ. Но совѣтовалъ принять вмѣсто гвардіи Мурзу Тугай Бея, и то не иначе, какъ подъ видомъ найма. Этотъ Мирза мнѣ другъ, говорилъ Ханъ; онъ имѣетъ исключительное право вести войну съ кѣмъ хочетъ, и войска у него въ Ордѣ четыре тысячи. Въ заключеніе, ручаясь и отвѣчая за вѣрность Тугай Бея, обѣщалъ во всемъ и неизмѣнно быть несомнительнымъ пріятелемъ Хмѣльницкому. «Я» заключалъ Исламъ «испыталъ многократно непосто-«янство Поляковъ, знаю ихъ коварный нравъ, и за-«клялъ себя быть вѣчнымъ ихъ врагомъ.»

Того только и хотѣлось Хмѣльницкому. Онъ хотѣлъ вывѣдать Исламовы чувства къ Полякамъ. Онъ желалъ предупредить Поляковъ; ему извѣстно было, что они употребятъ всѣ возможныя усилія и подкупы, а и того болѣе, обѣщанія, и могутъ наконецъ уговорить Хана, чтобъ тотъ сдѣлалъ набѣгъ на Малороссію. И такъ, желая предварительно отклонить его

отъ Королевства, онъ для того и завелъ съ нимъ переписку. Теперь согласился на Ханскія предложенія, отправилъ сына Тимоѳея для договора съ Тугай-Беемъ, и безъ сомнѣнія тайно, приказалъ наблюдать за поступками и намѣреніями Ханскими.

Цѣлую осень и начало зимы, Хмѣльницкій посылалъ отряды войскъ въ Малороссійскія селенія, которыя остались назади за нимъ. Такъ весь край по Каневъ и по Кіевъ отъ Жидовъ и отъ Поляковъ очистился. Арендаторы и коммиссары были избиты до послѣдняго; ихъ имущество и оружіе взято на козаковъ. Нѣсколько Магнатовъ и знатнѣйшей шляхты жили тогда по городамъ и мѣстечкамъ Малороссійскимъ. Эти помѣстья принадлежали прежде Гатманамъ и Урядникамъ, и назывались ранговыми. Своевольно захвативъ ихъ и присвоивъ себѣ въ вѣчность, Магнаты и Шляхта увѣряли, что онѣ дарованы имъ отъ Сената и рѣчи Посполитой. Въ числѣ тѣхъ помѣстьевъ были: Лубны, Золотоноша, Прилука, Трахтимировъ; ими владѣли: Князь Вишневецкій, Князь Яблонскій, Воевода Кисель и множество другихъ. Изъ снизхожденія къ однимъ за то, что они были Русской породы, и только отъ нестерпимыхъ гоненій обратились въ Католичество и Полячество; изъ уваженія къ другимъ за то, что, будучи въ должностяхъ и чинахъ Малороссійскихъ, управляли народомъ и должностями съ благоразуміемъ и кротостію, — Хмѣльницкій не сдѣлалъ имъ никакого зла: ихъ выпроводили честно за границу, и только за неправильное провладѣніе Малороссійскими помѣстьями взыскали съ нихъ контрибуцію, деньгами, лошадьми, военными снарядами и хлѣбомъ, въ пользу войска. Жиды, признанные отъ

народа безвредными и хорошаго поведенія, выкупались деньгами, цѣнными вещами, и отпускаемы были въ Польшу.

Уже въ началѣ тысяча шесть сотъ сорокъ осьмаго года у Гетмана было козаковъ регистровыхъ тридцать пять тысячь, охочекомонныхъ четыре тысячи девять сотъ, да Запорожскихъ три тысячи семь сотъ двадцать человѣкъ. А всего войска сорокъ три тысячи семь сотъ двадцать человѣкъ.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля пришло въ его главную квартиру извѣстіе, что Коронный Гетманъ Потоцкій собрался у Каменца Подольскаго со многочисленною арміею, идетъ внизъ по Днѣстру и приближается къ Уманщинѣ.

Хмѣльницкій, оставя надъ Бугомъ резервный корпусъ, выступилъ противъ Поляковъ съ двадцати-пяти-тысячнымъ войскомъ. Идучи внизъ по рѣкѣ Егорлыку, выслалъ противъ Потоцкаго нѣсколько партій легкихъ войскъ, приказалъ имъ тревожить непріятельскій авангардъ, нападать на него скоропостижно, отъ него удаляться, показывать боязнь, и такимъ образомъ обманывать Поляковъ мнимымъ отступленіемъ всего нашего войска къ границамъ Татарскимъ. Самъ поворотилъ между тѣмъ въ степь къ Желтымъ водамъ, гдѣ на возвышенности укрѣпилъ обозъ свой окопами и тяжелою артиллеріею; оставилъ въ немъ нѣсколько пѣхоты съ подъемными лошадьми, построенными въ ряды вмѣсто конницы, и скрылся въ сторонѣ отъ обоза, въ оврагахъ и тростникѣ.

Потоцкій гналъ партіи козаковъ, которые безпокоили авангардъ; козаки манили его къ Желтымъ водамъ, и вдругъ онъ насунулся на обозъ Гетман-

скій; партіи скрылись за обозомъ. Безъ дальняго разсмотрѣнія, не приготовясь ни мало, не укрѣпивъ обоза своего, Потоцкій атаковалъ обозъ Хмѣльницкаго. Началась съ обѣихъ сторонъ пальба изъ пушекъ и ружей; Хмѣльницкій выступилъ изъ овраговъ. Громъ пальбы не давалъ Полякамъ слышать, дымъ мѣшалъ видѣть, а Гетманъ чрезъ ихъ же обозъ подходилъ къ ихъ тылу. Быстро на нихъ ударя, онъ далъ залпъ и вступилъ въ бой холоднымъ оружіемъ. Поляки не успѣли еще обратиться назадъ, а уже увидѣли себя разбитыми и побѣжденными. Убійство было жестокое, повсемѣстное. Послѣ выстрѣла по обозу Гетманскому, они не успѣли еще зарядить ни ружей ни пистолетовъ: начали обороняться однѣми саблями, противъ козачьихъ пикъ почти не дѣйствительными, и наша лѣтопись считаетъ убитыхъ Поляковъ 20,000, въ томъ числѣ и сынъ Сенаторскій Шембекъ. Тогда, оставя обозъ свой со всѣми запасами, со всѣми снарядами на расхищеніе козакамъ, непріятель пустился въ разсыпную: побѣжали, куда кто могъ. Погоня схватила изъ нихъ сорокъ девять плѣнниковъ, немедленно Гетманомъ отправленныхъ къ Хану. Исламъ благодарилъ его, увѣрялъ въ непремѣнной къ нему и къ Малороссіи дружбѣ, и обнадеживалъ помощію въ случаѣ нужды и возможности. Хмѣльницкій отправилъ благодарственный молебенъ на мѣстѣ битвы, похоронилъ убитыхъ, своихъ и враговъ, и тронулся отъ Желтыхъ водъ къ Каменцу.

КаменецъП-одольскъ почитался наравнѣ съ Койдакомъ непобѣдимою крѣпостью. Онъ былъ гнѣздомъ или сборнымъ мѣстомъ для Польскихъ войскъ, назначенныхъ противъ Малороссіи. Нашъ резервъ, подъ

начальствомъ Генеральнаго Писаря Максима Кривоноса, слѣдовалъ съ правой стороны арміи, надъ Бугомъ. Приблизясь къ Каменцу, Хмѣльницкій засталъ тамъ Польскаго Гетмана Калиновскаго съ свѣжими Польскими войсками, расположенными лагеремъ подъ крѣпостными батареями. Устроивъ станъ въ виду непріятеля, сначала каждый день нашъ Гетманъ объѣзжалъ и осматривалъ войска непріятельскія, и каждый день оканчивался легкою съ обѣихъ сторонъ перепалкою.

1648, Маія 16. Мая 16-го, на зарѣ, Хмѣльницкій повелъ атаку на Польскій станъ, съ боку крѣпости, подъ которую съ полуночи проползла значительная часть нашей пѣхоты, съ ружьями и съ копьями. Козаки произвели сильную пальбу изъ ружей и орудій и, наступая на станъ непріятельскій, подняли оглушительный крикъ. Между тѣмъ пѣхота наша отыскала ворота отъ воды, отперла ихъ и тихо вошла въ крѣпость. Гарнизонъ считалъ эту сторону неприступною; самая природа укрѣпила ее каменною скалою. Часовые, спиной оборотясь къ рѣкѣ, внимательно смотрѣли на сраженіе, которое происходило между двумя лагерями. Въ это время крѣпость неожиданно была занята; козаки уже вырѣзали часть гарнизона, остальные схватились за оружіе, спѣшили защищаться, но не во время: ихъ истребили до единаго. Увидя крѣпость очищенною отъ Поляковъ, козаки обратили крѣпостныя пушки на станъ Калиновскаго: ядра и картечи произвели въ немъ ужасное опустошеніе. Поляки ужаснулись; видя, что крѣпость, имъ принадлежащая, на защиту отъ которой они такъ полагались, наноситъ имъ гибель, они бросились изъ стана опрометью; Хмѣльницкій,

пользуясь удачнымъ дѣйствіемъ пѣхоты и побѣгомъ людей изъ стана непріятельскаго, пустилъ конницу въ погоню за Поляками, которыхъ уцѣлѣло весьма немного. Станъ, съ запасами и артиллеріею, достался въ добычу побѣдителямъ.

Изъ Каменца были откомандированы многіе отряды во всю Малороссію, съ Литвою и Польшею пограничную; имъ дано было повелѣніе: изгонять и истреблять Жидовъ и Поляковъ вездѣ, гдѣ они будутъ найдены, примѣчать движенія войскъ Польскихъ и Литовскихъ, отражать ихъ отъ границъ своихъ, и въ случаѣ нужды въ помощи, давать знать о томъ Гетману. Начальниками тѣхъ отрядовъ были: Обозный Генеральный Носачь и Полковникъ Дорошенко, отправленные въ Галицію и Княжество Острожское; Генеральный Писарь Кривоносъ, Лукашъ и Шаблюка черезъ Кіевъ къ Слуцку и Случи; Генеральный Асаулъ Родакъ съ Полковниками Остапомъ, Нестемемъ и Ѳедоромъ Богуномъ, къ Припети и въ Литву; Генеральный Хоружій Буйносъ, и Полковники Охочекомонные, Яковъ Гладкій и Кондратъ Худорбай, за Черниговъ и Полѣсье въ Сѣверію; а самъ Хмѣльницкій, оставя въ Каменцѣ сильный гарнизонъ, пошелъ срединою Малороссіи, остановился при Бѣлой церквѣ, и разослалъ повсюду слѣдующій универсалъ:

« Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, Гетманъ славнаго « войска Реестроваго, Запорожскаго, и всего по обѣ- « имъ сторонамъ Днѣпра, сущей Украйны Малорос- « сійской!

« Вамъ всѣмъ Малороссійскимъ, по обѣимъ сторо- « намъ рѣки Днѣпра, шляхетнымъ и посполитнымъ, « большаго и меньшаго чина людемъ, а особливо

« шляхетноурожденнымъ козакамъ и всей братіи на-
« шей, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ:

« Ижъ не безъ причинъ слушныхъ мусылысьмо за-
« чаты войну и подняты оружіе наше на Поляковъ,
« черезъ которое що ся, при всесильной помощи Бо-
« жеской на Жолтой води Апреля 8, а потомъ подъ
« Каменцемъ Мая 16, надъ ними Поляками стало, и
« то всимъ вамъ уже совершенно видимо. Теперъ-же,
« по двоихъ надъ Поляками неровныхъ битвахъ на-
« шихъ, скоро получили вѣдомо, же оны тымъ не-
« щастіемъ своимъ разгниваны и разъярены будучи,
« не только сами Панове и Княжата около Вислы и
« за Вислою многіе на насъ стягаютъ и совокупля-
« ютъ войски; але и самого Найяснійшаго Короля
« своего Владислава, Пана нашего милостивого, и
« отца ласкового, на насъ же подмовляють и возбуж-
« дають, абы зо всими сылами своими пришедши въ
« Украину нашу Малороссійскую, огнемъ и мечемъ
« насъ завоевали, и мешканье наше сплюндровавши,
« разориты и въ прахъ и пепелъ обернуты, а самыхъ
« выбиты, другихъ же въ немилосердную неволю за-
» браты, и на иншіи далечайшіи за Вислою миста
« выпровадивши, славу нашу, не только въ части
« свѣта Европейскаго прославленную, но и въ облег-
« лыхъ за Моремъ Чорнымъ странахъ Азіатскихъ
« довольно народомъ тамошнимъ вѣдомую, моглы ис-
« праздныты и поглотыты. Постановылысьмо въ на-
« мѣреніи нашемъ не противъ Короля Пана нашего
« милостиваго, но противъ Поляковъ гордыхъ, за
« ни защо міючихъ Его Королевско-высокоповажныя
« привилегіи намъ козакамъ и всѣмъ обще Малорос-
« сіянамъ данные права и вольности наши древнія

« при насъ заховуючіе и укрипляю мужественнымъ и
« небоязненнымъ при помощи Божіей стянуты серд-
« цемъ и оружіемъ. Для чего притянувши отъ Каме-
« нецка и станувши обозомъ нашимъ войсковымъ
« тутъ подъ Бѣлою церковью, пишемъ до васъ сей
« Универсалъ, чрезъ который созываючи и заѳхочую-
« чи васъ всѣхъ Малороссіянъ братію нашу до ком-
« паніи военной. А тое прекладуемъ и извѣствуемъ,
« ижъ они Поляки ведлугъ ихъ-же Кроникаровъ Поль-
« скихъ свидѣтельства отъ насъ Савроматовъ и Рус-
« совъ уродившись, изшедши и заедино съ початку
« съ самовластною братіею нашею Савроматами и
« Руссами бувши, а не сытой славы и богатства
« душевреднаго себѣ ищучи отъ сопребыванія съ пред-
« ками нашими древнихъ оныхъ вѣковъ, отдѣлилось и
« иное именованіе, еже есть Ляхи и Поляки, себѣ учи-
« нивши и за Вислу заволокшися на чужихъ грун-
« тахъ и земляхъ, тамъ между знаменитыми рѣками,
« между Одрою и Вислою засѣли! Многимъ околич-
« нымъ землямъ и Панствамъ Нѣмецкимъ и инымъ
« западнымъ и полуночнымъ сшкодывши и державы
« ихъ съ людскими населеніями звоевавши и разбой-
« ническимъ образомъ прошлыхъ оныхъ древнихъ
« вѣковъ утрутавши и укравши себѣ завладѣли. По-
« томъ за прошествіемъ многихъ временъ, въ селе-
« ніяхъ своихъ по надъ Вислою, въ пространныхъ
« тамошнихъ чуждыхъ земляхъ расплодывшись и ум-
« ножившися, а прореченными людскими шкодами и
« издырствами недовольны будучи, повстали напрасно
« и безсовѣстно, якоже иногда Каинъ на Авеля, на
« Руссовъ, альбо Савроматовъ, властную съ древности
« природную братію свою, и за предводительствомъ

«Короля своего Казиміра Великаго, уже имъ сего «имени III, року отъ Рождества Христова 1333 «альбо 1339, звлаща умалывшимся и оскудѣвшимъ «тогда Кіевскимъ и Острожскимъ и инымъ истин-«нымъ Русскимъ Княземъ нашимъ, завоевавши ихъ «своей несытости, привлащалы и подчинылы истинныя »съ древнихъ вѣковъ земли и провинціи Сарматскія, «альбо Козацкія наши Русскія отъ Подоля Волыня «и Волохъ до самаго Выльня и Смоленска, довгыя «и обширныя границы свои имущія; а именно: Кіев-«скую, Галицкую, Львовскую, Хелмскую, Бельзскую, «Подольскую, Волынскую, Премышльскую, Мстислав-«скую, Витебскую и Полоцкую, и не только въ упо-«мянутыхъ земляхъ и провинціяхъ нашихъ Русскихъ «славное имя наше Козацкое изпраздныли, але що «найгирше и найжалостнійше, всихъ оныхъ братію «нашу Роксоляновъ въ невольническое подданское «ярмо, отъ виры отеческія православныя, душеспаси-«тельныя Грекороссійскія отторгнулы и до пагуб-«ной Уніи и Римскаго заблужденія сылою, гвалтомъ «и многими надъ совистью Христіанскою мученіями «и тыранствомъ привлеклы и приневолылы всихъ «первыхъ Князей и Королей своихъ Польскихъ, бла-«гополучіе наше хранившихъ и утвердившихъ, при-«виллегіи и Мондаты презрѣвши, уничтоживши и ца-«ле противъ полытыки Шляхетства и доброй совѣ-«сти ихъ сказывалы. Но гды и того душевреднаго, «въ погибель влекущаго Схизматыческаго ихъ несы-«таго учинку, еже благочестіе святое на Унію обер-«нули и честь козацкую въ нечестіе и незнаніе пре-«вратили, заздрость ихъ и гордость мало быты по-«казывала, то наконецъ положились було мыло волю

«Королевскую, Пана нашого милостываго и самыхъ
«крайнихъ и остатнихъ отъ послѣднихъ будучи, яко
«то Чигирина, Трактомирова, Переяслова, Полтавы
«и иныхъ многихъ другихъ городовъ и селъ, по
«обѣимъ сторонамъ рики Днипра состоящихъ Ук-
«раины Малороссійскія власной, предковѣчной от-
«чизны нашей отъ Святаго равноапостольнаго Князя
«Кіевскаго, святымъ крещеніемъ Русь просвѣтившаго,
«благочестіемъ и истиннымъ и непоколебимымъ сіяю-
«щимъ, знатнѣйшихъ людей и козаковъ выгубиты
«и выкорениты; а самымъ поспольствомъ альбо по-
«сполитымъ народомъ нашимъ завладѣвши и не толь-
«ко въ ярмо невольничее ихъ запрягаты, но и по
«своей воли безбожной и въ душевредную правиламъ
«священнымъ и Святыхъ отецъ нашихъ противную
«врынуты Унію, чего уже певные были знаки и до-
«кументы, когда не только многихъ козаковъ и мѣ-
«щанъ, братію нашу, псы, дозорцы людкіе поѣли и
«люда пліотками фальшиве Попамъ своимъ оскаржо-
«вали и въ потеряніе головъ ихъ приправыли, и доб-
«рамы и иминыями ихъ завладилы, що и мини Хмиль-
«ницкому отъ нецлотлываго сына и брехуна Чап-
«лынскаго дозорцы Чигириньскаго пришлось було
«терпить и головы позбуты, але и виру нашу право-
«славную завжде ругалы и безчестылы, Священныковъ
«нашихъ благочестывыхъ де кольвекъ изъ якой хотя
«найменьшой причины безчествуючы, ругаючи, раз-
«кровавляючи волосы и бороды выдыралы и уризовалы.
«Якіижъ вамъ самымъ усимъ Малороссіянамъ отъ
«ныхъ Поляковъ и Жидовъ, ихъ арендаторовъ и лю-
«бымыхъ факторовъ по сіе время являлыся обиды, тя-
«жести, озлобленія и разоренія; тутъ мы тыхо неви-

«кусемъ, поневажъ вы самы объ ныхъ видасте и памя-
«туете, тое тутъ тылько припомынаемъ, ижъ до та-
«кои пришлы було есте неволи у Поляковъ, же двомъ
«або тромъ на мисти въ улыци альбо въ дому сво-
«емъ спедшимся заказано и невольно було съ собою
«поговорыты, и о потребахъ своихъ господарскихъ
«побесидоваты, безъ чего акты христіанскіи и ве-
«сильный буть не могуть, и. що Богъ Творецъ давъ
«чоловику уста на глаголаніе, тыи Поляки строгымы
«указами заграждалы и нимствовать надъ полытыку
«и всёгосвитніи звычаи вамъ булы приказалы. Якое
«несносное бремя и устъ заключеніе поневажъ мы-
«лость Божія всемогущая благословила и помогла
«намъ оружіемъ нашимъ военнымъ отсикты и докк-
«нуты побижденіемъ знаменитымъ о двухъ выше-
«реченныхъ побидахъ Поляковъ супостатовъ нашихъ.
«Теды да будетъ о томъ прыснохвалымо и превоз-
«носымо имя Его божественное, я непрезрѣ безуст-
«ныковъ воздыханія и слезъ вашихъ, чрезъ Поляковъ
«пролытыхъ и пролываемыхъ; а що мы нынишнюю
«зачинылы войну безъ видомо и совита вашего все-
«народнаго, за тое вы насъ не ужасайтеся! дежъ мы
«такъ для лучшой пользы вашой и нашой научыв-
«шыся, осторожносты и лучшаго воинского управле-
«нія съ прикладу прежнихъ братій нашихъ подъ
«Кумейками и на усть рѣки Тясьминя съ Поляками
«недавно прошлыхъ временъ войну имившихъ, ко-
«торые поневажъ прежде войны своей универсалами
«своими до васъ во всю Украину заслынными увѣ-
«домили Поляковъ о своемъ противномъ ихъ намѣ-
«реніи. Теды тымъ увѣдомленіемъ перестереженные
«полки, яко надлежало запогибты злу своему, приго-

« товылысь и на побидженіе ихъ войскъ козацкихъ
« приспособились. И мы теперъ таковаго нещастлы-
« ваго случая удержались мовъ ажъ по се время съ
« симъ универсаломъ о начатомъ съ Поляками дѣлу
« военномъ увѣдомленіемъ нашимъ. А теперь, якъ ви-
« даты вамъ обще всимъ Малороссіянамъ, о томъ до-
« носымъ, такъ и до компаніи военной на предлежа-
« щее съ нымыжъ Поляками дило военное васъ вызы-
« ваемъ и заохочуемъ, кому мыла вира благочестивая,
« отъ Поляковъ на Унію претворенная, кому изъ васъ
« любыма цилость отчизны нашей Украины Малорос-
« сійской и честь ваша шляхетская, отъ Поляковъ ру-
« гаемая, уничтожаемая, весьма помиваемая, попирае-
« мая и поругаемая, тотъ всякъ не якъ отродокъ, но
« якъ зычлывый и любезный сынъ отчизны своей, по
« выслушанію сего универсальнаго ознаменья нашого
« и къ намъ въ обозъ подъ Билую Церковъ на доб-
« рыхъ коняхъ и съ исправнымъ оружіемъ неот-
« кладне прибуваты и испяе зъ нашимъ прикладомъ
« старовычныхъ валечныхъ и многимъ народамъ и
« околычныхъ странахъ славныхъ предковъ своихъ
« статуты мужественно и небоязнено, при всемогущей
« помощи Божіей, протывъ Поляковъ своихъ граби-
« телей, злобытелей и супостатовъ. Ибо еслы незво-
« лыте допомогты намъ въ настоящой воинной ком-
« паніи, а якъ Поляки насъ отоліють, то видайте
« певнеже и васъ всихъ Малороссіянъ безъ жаднаго
« браку и решпекту подлугъ давняго злого намиренія
« своего огнемъ и мечемъ зруйнуютъ и спустошаютъ.
« Але и всяконечнымъ виры нашея благочестивыя и
« святыя оскорбленіемъ и поруганіемъ остатки ваши
« и чадъ вашихъ въ пливъ загорнуть и въ нерушимую

«всегдашней воли облекуть одежду. Лучше теды и «благополизнійше намъ за виру святую православ-«ную и за цилость отчизны на плацу военномъ отъ «оружія браннаго погыбты, нижъ въ домахъ своихъ «яко невштюхамъ побіеннымъ буты; гды же естли «умремъ за благочестывую виру нашу, то не только «слава и отвага наша Рыцарская во всихъ Европей-«скихъ и иныхъ странахъ, дальныхъ земляхъ, славно «провозгласытся, але и упованіе наше, еже за благо-«честіе умрети, будетъ безсмертіемъ исполнено и «стральческими винцами отъ Бога винчано. Не бой-«тесь теды васъмосцы, братія наша, шляхетно уро-«жоная Малороссійская, Поляковъ, хотя бы и найболь-«шіи ихъ булы войска. Але прикладомъ славныхъ и «велыкыхъ Руссовъ, предковъ своихъ, при своей прав-«ди за благочестіе святое, за цилость отчизны и за «поломаніе прежнихъ правъ и вольностей своихъ «сполно съ намы про тыхъ ихъ своихъ обыдытелей «и разорытелей съ несумнинною надеждою своею отъ «бидъ настоящихъ освобожденія и всемочныя благо-«дати Божіей въ наступаючомъ случаи военномъ на «супостатовъ нашихъ помощь намъ совершить го-«товыя, якой то благодати Божественной уже и «суть знаки: первые двукратная вышепоименованная «побида Поляковъ, второе щырая прихылность всёго «войска низового Запорожского, на помощъ нашу «въ готовносты зостоящаго, кроми того, що уже и «есть при насъ тысячъ тры зъ лышкомъ; третое-же, «Найяснійшій Ханъ Крымскій зо всими Ордами по-«могты намъ пры нужды готовъ есть на Поляковъ, «при которомъ для лучшой пекности и сына стар-«шого Тымоша резыдоватъ мы оставылы, и теперъ

« готовы отъ его Ханской мылосты, доброй и военной Орды Крымской идеть до насъ тысячь съ чо« тыры съ Паномъ Тугай-Беемъ значнымъ; четвертое « же, и козаковъ реестровыхъ, братіи нашей пятнад« цать тысячь, що отъ Гетьмана Короннаго съ Бара« башомъ Полковникомъ и изъ Нимцямы при Геть« манычу выправлены булы въ суднахъ водныхъ и ру« момъ протывнымъ, и у Кодака отдавши Барабаша, « недруга отчизного и поглибцю Лядского, Днипров« скимъ глыбынамъ, къ намъ пристало и военной въ « обоихъ разахъ экспедиціи значне допомоглы намъ, « слушне тую присягу зломавшы, которую за вир« ность Гетьманамъ Коронnымъ у Черкасахъ предъ « сиданіемъ въ судны водныи подъ ружьемъ Лядь« скимъ, яко невольныки и плинныки, булы принуждены « выконать, когда самы Поляки до зломанія тоей « присяги суть выною и початкомъ, самы первые по« ломавшы, мыло волю, права и вольносты Козацкіи « и Малороссійскіи, присягу свою на пріязнь пры не« нарушимой цилосты давнихъ правъ и вольностей « Козакамъ и усимъ Малороссіянамъ учиненную; пя« тое, що изъ власныхъ людей тры тысячи драгунывъ, « предъ Койдацкою битвою въ прежней стражи був« шіи, вирность и присягу свою зломалы и Гетьмановъ « Коронныхъ оставылы, къ намъ добровольне пры« совокупылыся, такъ для того, ижъ було управленными « въ своихъ заслугахъ, якожъ и для того имъ разу« мылы ненависть и злобу Гетмановъ своихъ Ко« ронныхъ и всѣхъ Пановъ Польскихъ, ко всимъ намъ « Малороссіянамъ бувшую и на всеконечное нашое « и виры нашой православной искорененіе и потреб« леніе велыкимъ гнивомъ устремывшуюся, изволылы

« лучше послидовать намъ Малороссіянамъ, при правди
« и истыни сущимъ, за права и вольносты свои стоя-
« щымъ, нижъ своимъ Полякамъ неправедне на иско-
« рененіе наше повставшимъ и гордостною яростію
« воспаляемымъ; шестое, и для того ласка Божія и
« помощъ Его всесильная при насъ буты может; не
« пры обыдахъ нашихъ зачалы войну сію съ Поля-
« ками, не безъ видома и позволенія Пана нашого
« найяснійшаго Корелевскаго Велычества Владислава
« IV, который року 1633 во время щастлывой своей
« коронаціи бувалымъ и намъ при оной и иными
« значными войска Малороссійскаго товарищами при-
« кладомъ прежнихъ найяснійшихъ Князей и Королей
« Польскихъ антыцессоровъ своихъ вси нащи вой-
« сковыи и Малороссійскіи давніи права и волносты
« при особливомъ утвержденіи виры нашой православ-
« ной новымъ своимъ на пергаменти красноиысаннымъ
« Королевскимъ подписаніемъ властной руки и при за-
« вичистой Коронной печати ствердывщы, прывыліемъ
« отправивъ насъ яко отецъ ласковый, ударовавши
« каждого начальными подарками, а при отправки
« нашой, на едини бувшей устне, ёго Велычество до
« насъ мовывъ:—Абысьмо по прежнёму Гетьмана соби
« поставылы и при своихъ правахъ и вольностяхъ
« крипко столы неподдаючись онымъ Полякамъ въ по-
« праные щитятыся ёго Королевскымы и иными пры-
« выліямы. А естлыбъ Панове Польскіи, або дозорцы,
« тыхъ прывыліевъ не слухалы, то маете, мовыть Его
« Королевское Велычество, мушкетъ и шаблю пры
« боку: тымо про то можете бороныты свои одъ По-
« ляковъ поврежденныи права и вольносты. — После
« чого въ кильки литъ гди непрестанно діялысь одъ

« Поляковъ биды и крайніи разоренія , тогда знову
« мы вси зъ Барабашемъ суплыковалысьмо , о томъ
« черезъ нарошныхъ пословъ нашыхъ до ёго Коро-
« лев●аго Велычества Владыслава Пана своего мыло-
« стываго , который пры отправи ихъ , яко словесно
« тако и прыватнымъ лыстомъ своимъ Королевскимъ
« до Барабаша и до всихъ насъ козаковъ тежъ свое
« Королевское прежде намъ слово мовленое : же на
« оборону правъ міемъ мушкеты и шаблю—подтвер-
« дывъ и повторывъ слово. Поневажъ Полковныкъ Ба-
« рабашъ не другъ и нежелатель добра отчизны на-
« шой, яко такое мылостывее слово и позволеніе такъ
« и прывылегію Королевскую таивъ , и безъ жадной
« пользы Малороссійской крывъ у себе, не стараючись
« о неизбраніи Гатмана Козацкаго а ни о уволненіи
« отъ бидъ людскихъ усёго народа Малороссійскаго,
« теды я Хмильницкій , взявши Господа Бога на по-
« мощъ и отыбравши шнучнымъ образомъ у Барабаша
« прывылегіи Королевскіи , мусылемъ сіе военно съ
« Поляками зачаты дило, на которое ёго Королев-
« скаго Велычества самой превелыкой особы, войною
« на насъ порушенія ни где не чаемъ, такъ для того,
« же зачалысьмо сію войну съ Поляками за позво-
« леніемъ ёго Королевскимъ, яко и для того, же По-
« ляки леще ёго Королевскую превысокую персону
« у себе важаты Мандатовъ и прыказовъ ёго не слу-
« халы и непрестанныи Малороссіи утисненія нала-
« галы. А еслы Король, ижъ есть войску всёму глава,
« самъ въ войску Польскому протывъ насъ не пойдетъ,
« то мы Пановъ Польскихъ и ихъ много собран-
« наго войска яко тила альбо ока безъ главного ни
« мнійше устрашытыся нехотилы. Бо еслы ветхый

«Рымъ, иже всихъ Европейскихъ градовъ матерію «нарещися можетъ, многими паньствами и монархіямы «владивый и о шесты стахъ чотыридесяты и пяты «тысячь войска гордывыйся, зъ давнихъ оныхъ ви-«ковъ далеко меньшихъ противъ помянутой воин-«ственной силы Рымской Валечныхъ Руссовъ съ Рос-«сіи, отъ поморія Балтыйського альбо Нимецького «собранныхъ, за предводительствомъ Князя ихъ и «іонъ бувъ взятый и чотырнадцять литъ обладаемый: «то намъ теперъ Кшталътомъ оныхъ древнихъ Рус-«совъ, предковъ нашыхъ, кто можетъ возбраныты «дильносты и уменшыты отвагы Лыцарской? Що вамъ «братіи нашой обще велелъ предложившы и до раз-«сужденія здраваго подавши, оспихъ вашъ гъ намъ «въ обозъ подъ Билую церковъ прылижно и пылно «жыдаемъ и имъ же зычимъ отъ Господа Бога здо-«ровья и благополучнаго увсіому узнаты поваженія.»

«Данъ въ обози нашому подъ Билою церковью, «року 1648, мисяца Маія 28 дня.»

Мы не смѣли потомкамъ Хмѣльницкаго предложить слова нашего Гетмана на его языкѣ; покланяясь мысли генія, мы слѣпо списывали эту рѣчь, исполненную политики, отваги и краснорѣчія. Здѣсь проявляется вся дальновидность спасителя Украйны, все умѣнье властвовать надъ умами пылкими и благородными народа и войска, почитавшихъ его Булавою Гетманскою.

Переводъ какъ этого манифеста, такъ и всего того, что находится въ сей Исторіи на языкѣ Малороссійскомъ, помѣщенъ въ приложеніяхъ.

ГЛАВА XIII.

Бой подъ Каменцемъ. Подвиги Родака и Худорбая. Битва Корсунская. Взятіе Бара. Вронскій. Взятіе Новгорода-Сѣверскаго. Харкевичь. Мирныя предложенія. Битва подъ Пилявцами. Представленіе отъ Хмѣльницкаго къ чинамъ республики. Смерть Владислава. Письмо Киселя. Печаль Гетмана по Королѣ. Письмо къ Царю. Контрибуція съ Бродъ: Просьба отъ Лиипулы. Осада Львова. Осада Замостья. Очищеніе страны отъ Поляковъ. Приходъ Тимоѳея съ Тугай-Беемъ. Коварство Хана Костати. Письмо отъ Силистрійскаго Паши. Хмѣльницкій отдѣлывается отъ Тугай Бея. Походъ Тимоѳея въ Молдавію. Дорошенко. Станай. Артазій. Носачь. Гетманъ въ Кіевѣ. Отецъ и избавитель отечества. Рѣчь Гетмана. Посольство въ Москву. Гуляницкій. Отвѣтъ Царя. Бутурлинъ. Запорожцы на Сейму въ Варшавѣ.

Хмѣльницкій получилъ вѣсти отъ Кривоноса, что Гетманъ Калиновскій бѣжалъ съ бою подъ Каменцемъ, пробирается съ свѣжимъ Польско-Литовскимъ корпусомъ въ Подолію, и что, по словамъ обывателей, уже переправился чрезъ Случь; отъ Родака, что на рѣкѣ Припети свѣдалъ онъ о походѣ Радзивила въ Сѣверію, отправился за нимъ въ погоню съ своимъ отрядомъ, и засталъ его близъ Городни. Радзивилъ торжествовалъ тогда, какъ видно изъ Родакова донесенія, побѣду свою, одержанную надъ Хоружимъ

Буйносомъ и Полковниками Гладкимъ и Худорбаемъ: въ той битвѣ мы лишились Буйноса, Гладкаго и Полковаго Асаула Подобая; вьюки наши съ запасами и съ артиллеріею достались въ добычу непріятелю. Худорбай съ остальными козаками присоединился къ Родаку; они сошлись въ Гомельщинѣ. Родакъ съ крайнею поспѣшностью приблизился къ табору Радзивила. Тутъ онъ провѣдалъ, что войска Польскія, обрадованныя побѣдою, безпечно покоятся въ лагерѣ, а иные пируютъ и пьютъ вино. Тогда онъ напалъ на нихъ изъ за лѣсу всѣми силами, угналъ непріятельскихъ лошадей, которыя паслись, и, давъ залпъ изъ ружей и орудій по Польскому табору, устремился туда съ копьями. Воины Радзивила, невооруженные, полунагіе, кидались взадъ и впередъ, не знали что хватать, одежду или оружіе, и были истреблены козаками; небольшая только часть ихъ разбѣжались; самъ военачальникъ едва успѣлъ перебраться вплавь чрезъ рѣчку и скрыться въ лѣсу съ лучшею конницею. Его великолѣпные буфеты, сервизы, экипажи и весь обозъ войсковой съ запасами и артиллеріею, все досталось козакамъ. Драгоцѣннѣйшимъ оружіемъ и дорогими конями надѣлены были многія тысячи новыхъ воиновъ; и корпусъ Родака съ Худорбаемъ пошелъ на Новгородъ-Сѣверскій для дальнѣйшихъ поисковъ надъ Жидами и Поляками.

По донесенію Кривоноса, Гетманъ предписалъ ему возвратиться съ своимъ корпусомъ въ Подолію, и на пути держаться въ сторонѣ праваго фланга непріятельской арміи. По тому жъ повелѣнію, Кривоносъ писалъ къ Обозному, Носачу, чтобъ тотъ съ нимъ сблизился и поспѣшилъ изъ Галиціи.

Гетманъ выступилъ отъ Бѣлой церкви, и пошелъ по дорогѣ Корсунской. Пройдя черезъ Корсунъ, онъ получилъ извѣстіе, что армія Польская приближается. Дѣйствительно, Поляки стояли уже между Стебловымъ и Корсуномъ. Хмѣльницкій оставилъ обозъ свой подъ городомъ, а пѣхоту и артиллерію расположилъ въ садахъ и городскихъ пасекахъ; ночью была отправлена легкая партія къ Кривоносу съ повелѣніемъ, чтобъ, сближась съ Польскою арміею, онъ ничего не начиналъ, но дождался бы первой пальбы изъ пушекъ, направленной изъ города, и наступилъ бы тогда въ тылъ непріятелю. Такъ распорядился Гетманъ и 27 Іюня, въ Пятницу, двинулся въ бой. Поляковъ извѣстили, что войска Хмѣльницкаго раздѣлились на многіе отряды и разошлись въ разныя стороны. Они надѣялись застать Гетмана съ малыми силами, укрывающимися въ Корсунѣ, и предположили напасть на него. Онъ встрѣтилъ ихъ конницею, началъ ихъ забавлять ничтожною перестрѣлкою, кружилъ передъ ними и съ видомъ нерѣшимости подавался назадъ, ближе къ городу; но Поляки наступали часъ отъ часу съ большимъ жаромъ: не осматриваясь ни назадъ, ни въ стороны, шли центромъ впередъ и впередъ, прямо на пѣхоту, закрытую садами и рвами огородовъ. 27 Іюня.

Нечаянный и весьма близкій залпъ изъ всѣхъ орудій вывалилъ у нихъ цѣлые ряды. Это было первымъ дѣйствіемъ пѣхоты. Нѣсколько выстрѣловъ, повторенныхъ, вовсе смѣшали и опрокинули Поляковъ; копья все дѣло довершили. Бросивъ пушки, непріятель кинулся назадъ въ безпорядкѣ; тутъ явился Кривоносъ и началъ пальбу по немъ изъ пушекъ и ружей прямо въ лицо; а самъ Гетманъ, оборотя коней отъ города,

нагналъ ихъ, чтобъ окончить истребленіе. Тогда, не зная куда бѣжать, бросаясь во всѣ стороны, они покинули все имущество, всѣ запасы, всѣ орудія на полѣ сраженія; и погребено ихъ было болѣе одиннадцати тысячь.

Графъ Синявскій, Донгофъ Прзіемскій были взяты въ плѣнъ, и Хмѣльницкій подарилъ ихъ Тугай-Бею, который за одного Синявскаго взялъ окупу двадцать тысячь черевонныхъ; а Гетманъ Калиновскій успѣлъ спастись тѣмъ только, что когда козакъ догоняя началъ его трогать пикою, то онъ бросилъ ему кошелекъ съ червонцами и золотые часы.

Кривоносъ пошелъ отъ Корсуня къ городу Бару, куда, какъ было слышно, собрались Поляки изъ Волыніи и Подоліи. Будучи побитъ Вишневецкимъ близъ Константинова, онъ подошелъ къ Бару, и засталъ его въ оборонительномъ положеніи, съ достаточнымъ гарнизономъ. Первая попытка его была неудачна и сопряжена съ значительною потерею; недостатокъ въ осадной артиллеріи заставилъ его прибѣгнуть къ хитрости. Навязавъ множество сѣна и соломы въ снопы, ночью набросалъ ихъ во рвы городскіе и поутру зажегъ; дымъ отъ мокрой соломы, густой и удушливый, покрылъ ту сторону валовъ и города, которая была подъ вѣтромъ. Пѣхота, выигрывая время, приготовила лѣсницы для того, чтобъ взобраться за дымомъ на валы; народъ и гарнизонъ кинулись защищать отъ огня строенія, началась пальба по городу, а пѣхота козацкая подъ громъ орудій, и пользуясь дымнымъ мракомъ, всползла на городской валъ. Вошедши въ городъ, козаки отбили ворота и впустили остальное войско съ артиллеріею. Силы осаждающихъ внезапно и

пылко кинулись рѣзать гарнизонъ; не долго сопротивлялись осажденные и побѣжали въ замокъ, но и тамъ не спаслись: погоня ворвалась туда по ихъ пятамъ, и въ замкѣ ужь началось ужасное истребленіе, въ особенности Жидовъ и семействъ Жидовскихъ. Изъ нихъ ни одного въ живыхъ не осталось. Около 15,000 труповъ было выкинуто въ оврагъ изъ города. Поляки, найденные съ оружіемъ, были выбиты; остальныхъ отпустили въ Польшу. Между плѣнниками былъ Гетманъ Потоцкій. Городъ былъ разграбленъ, и, отдавъ его подъ начальство тамошнихъ Малороссіянъ, Гетманъ оставилъ въ немъ козацкій гарнизонъ.

Кровожадный Князь Іеремій Вишневецкій такъ былъ озлобленъ взятіемъ Бара, что всѣхъ козаковъ, ему попадавшихся, велѣлъ вѣшать безъ разбора; въ Немировѣ сажалъ ихъ на колъ, вырывалъ глаза, присутствовалъ самъ при казняхъ, кричалъ палачу: «дѣ« лай такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ» и кажется оправдалъ прозваніе Кючюкъ Шейтана, которое дали ему Магометане.

За то, Полковники Остапъ и Ганжа, вооруживъ толпу крестьянъ на Пановъ и Уніатовъ, отдавали тѣла убитыхъ дворянъ, жидовъ и духовенства собакамъ на съѣденіе; Князю Янушу Четвертинскому отрубилъ голову, подъ Тульчинымъ, Малороссіянинъ, его собственный мельникъ, а женою его завладѣлъ Остапъ.

13 Іюля получено было Гетманомъ донесеніе отъ Родака изъ Сѣверіи: онъ очистилъ отъ Жидовъ и Поляковъ Черниговъ, съ окрестностями, и Стародубъ съ Стародубщиною. Теперь онъ спѣшилъ къ Новгороду-Сѣверскому, куда, какъ слышно было, собралось

много Поляковъ, и пришли войска ихъ, отрѣзанныя отъ Литвы, Смоленска и Бѣлоруссіи.

На пути встрѣтилъ его, близъ Гремяча, Новгородскаго повѣта Хоружій Ѳесько Харкевичь. Онъ привелъ къ нему сто десять старыхъ отставныхъ регистровыхъ Новгородскихъ козаковъ, и разсказалъ о состояніи и числѣ Польскихъ войскъ, затворившихся съ Шляхтою въ Новѣгородѣ, въ замкѣ. Тамъ начальствовалъ Воевода Сѣверскій Янъ Вронскій.

Гражданъ было въ городѣ немного, послѣ убійства и разрушенія, въ немъ произведеннаго толпами Поляковъ, таскавшихся съ Самозванцами. Новгородъ-Сѣверскій не успѣлъ ни населиться, ни обстроиться. И такъ граждане не сопротивлялись Родаку; онъ подошелъ къ городу спокойно, ни кѣмъ нетревожимый, расположился у потоковъ Ярославскихъ и началъ приступъ изъ Зубровскаго рва, гдѣ нѣкогда былъ звѣринецъ и содержались Княжескіе зубры. Городъ былъ занятъ безъ обороны, но замокъ былъ въ лучшемъ оборонительномъ положеніи, и Родакъ нашелъ его неприступнымъ: искуственныя укрѣпленія, глубокіе овраги, высокія горы, пушки одна возлѣ другой разставленныя, огромныя бревна, которыя висѣли на покатахъ горъ и которыя, будучи опущены, могли бы передавить множество осаждающихъ, — все это заставило Родака задуматься. Нѣсколько разъ однакожъ покушался онъ на приступъ, нѣсколько разъ начиналъ перестрѣлку: успѣха не было. По счастью, узнавъ, что изъ замка есть подземный ходъ въ самую Десну, велѣлъ онъ вырыть поперечный прокопъ, который привелъ бы въ бокъ того подземнаго хода; и когда земляная работа была кончена, то въ условленный часъ, ночью,

осаждающіе бросились на замокъ. Нѣсколько сотъ отборныхъ козаковъ въ тоже время пошли подземельнымъ ходомъ; шумъ, который могъ произойти отъ ихъ приближенія, былъ заглушенъ пальбою и крикомъ наступателей; они взошли въ замокъ, и ударивъ нечаянно Полякамъ въ тылъ, пустили ракету за извѣстіе. Поляки стали защищаться внутри крѣпости; а въ то время Родакъ бросился къ воротамъ, вышибъ ихъ и вломился туда съ цѣлымъ войскомъ. Гарнизонъ Вронскаго потерялъ всю бодрость: начали прятаться въ строенія, подъ пушечные лафеты; но козаки вездѣ ихъ находили и почти всѣхъ перерѣзали. Воевода Вронскій, видя неизбѣжную смерть, обѣщалъ козакамъ показать запасы и сокровища, зарытыя въ землю, и тѣмъ вымолилъ пощаду себѣ, и не многимъ другимъ товарищамъ. Но когда вели ихъ по городу, и противъ собора Воскресенскаго встрѣтилъ онъ Хоружаго Харкевича, то пришелъ въ неистовство, выругалъ его «Зрадцею и Схизматикомъ» и далъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета, который былъ у него спрятанъ въ рукавѣ. Харкевичъ отвѣчалъ тѣмъ же. Раненный Вронскій упалъ; козаки, остервенясь, добили его и изрубили въ мѣлкіе куски. Таже участь постигла и всѣхъ остальныхъ плѣнниковъ, что впрочемъ не спасло Харкевича.

Гетманъ и его Старшины были вездѣ побѣдителями. Казалось бы́, пора настала Полякамъ просить мира. И дѣйствительно, слухъ распространчился, то ѣдутъ коммиссары Польскіе съ мирными предложеніями; война притихла. Коммиссары явились; главою ихъ былъ Адамъ Кисель; съ ними были статьи, по которымъ Поляки съ Хмѣльницкимъ соглашались мириться.

По содержанію можно было полагать, что ихъ писали побѣдители къ побѣжденному.

«1. Козаки должны освободить немедленно всѣхъ «плѣнныхъ Польскихъ дворянъ.

«2. Должны отстать отъ Татаръ и снова присягнуть республикѣ въ вѣрности.

«3. Койдаку оставаться въ его прежнемъ положеніи.

«4. Виновниковъ бунта немедленно выдать для от-«сылки въ Варшаву.

«5. Выдать письмо Владислава IV къ Барабашу.

«6. Привиллегіи козаковъ и права ихъ должны быть «опредѣлены особою для того Коммиссіею.

Хмѣльницкій выгналъ пословъ, и выступилъ изъ подъ Корсуня, а съ нимъ и Генеральный Обозный Носачь, возвратившійся изъ Галиціи. Они пошли къ Случи. На пути пришло увѣдомленіе, что армія, состоящая изъ Польскихъ войскъ и наемныхъ Нѣмцовъ, по тогдашнему—изъ регментовъ чужеземныхъ, идетъ козакамъ на встрѣчу, и расположилась при мѣстечкѣ Пилявицахъ.

Это войско, казалось, шло на пиръ, или, какъ говорятъ наши лѣтописи, не къ битвѣ, а къ свадьбѣ приготовилось. Латы солдатъ были въ позолотѣ; на шлемахъ драгоцѣнныя перья; шитые золотомъ ковры служили попонами, збруя горѣла какъ въ огнѣ, отдѣлка сѣделъ превосходная. Старшины и рядовые горстями кидали золото, и слѣдовательно, кидая однимъ, грабили другихъ. Толкуя о козакахъ Хмѣльницкаго, они говорили что « для укрощенія этой мужицкой сволочи «нужно не оружіе, а плети и кнуты.» Но наконецъ хвастуны достигли до такой наглости, что читали

особеннаго содержанія молитву, а именно: «Боже «благій! не помогай ни намъ, ни козакамъ; будь толь«ко зрителемъ; и Ты съ удовольствіемъ увидишь, какъ «мы ихъ оптотчуемъ.»

Главнокомандующимъ былъ тогда въ войскѣ Владиславъ Доминикъ Князь Заславскій, человѣкъ вовсе невоинственный, а его помощниками Александръ Конецпольскій, не весьма опытный, и Николай Остроропъ, ученый того времени.

Едва Поляки начали располагаться станомъ и готовить укрѣпленія, Хмѣльницкій набѣжалъ уже на нихъ. Это было въ праздникъ Преображенія, 6 Августа, во 6 Августа. вторникъ. Былъ разсвѣтъ. Сраженіе началось жаркое съ обѣихъ сторонъ. Драгуны Нѣмецкіе, построенные весьма правильно, шли фрунтомъ на козаковъ. Допустивъ на карабинный выстрѣлъ, козаки дали по нихъ залпъ изъ винтовокъ, разсыпались и, надѣясь на ихъ непроворность, заскакали въ тылъ. Пока тѣ успѣли поворотиться назадъ цѣлымъ фрунтомъ, часть ихъ уже была переколота; а другой нашъ отрядъ сталъ докалывать ихъ и сзади; вскорѣ драгуны разстроились. Нѣмецкая пѣхота сражалась отчаянно; храбрость ея была равна искуству и опытности; быстрая въ движеніяхъ и опытная ихъ артиллерія была губительна для нашей пѣхоты. Примѣтивъ это, Гетманъ прикрылъ ее конницею, и занимая Нѣмцевъ наѣздами, началъ кружить. А между тѣмъ козацкая пѣхота обогнула непріятелей, прошла непримѣтно въ мѣстечко, оттуда садами и жилищами на средину Польской арміи, и давши всеобщій залпъ, кинулась, по обыкновенію, подымать Поляковъ на копья; тѣ не устояли, бросились въ бѣгство и смяли пѣхоту Нѣмецкую. Увидя

ея тылъ, Гетманская конница наскакала, смѣшала ряды, разстроила линіи и захватила артиллерію. Тогда вся Польская армія, въ торопяхъ, и смѣшенная, прежде попятилась назадъ, потомъ оборотилась спиной, разбѣжалась врознь, и, если бъ не ночь, весьма темная, то не много бъ спаслось отъ истребленія, хотя впрочемъ и такъ Поляковъ и Нѣмцовъ сочтено убитыхъ болѣе десяти тысячъ, а въ томъ числѣ и множество офицеровъ. Хмѣльницкій съ приличною почестью похоронилъ послѣднихъ въ Польскомъ Костелѣ.

Обозъ, состоявшій изъ 100,000 подводъ, достался козакамъ. Богатства эти были случайно для козаковъ увеличены свадьбою одного изъ Магнатовъ въ Пилявцахъ; къ нему съѣхалось множество знатныхъ Поляковъ съ семействами. Но Гетманъ велѣлъ всѣхъ ихъ отпустить, а забрать только у нихъ серебро, золото и всѣ драгоцѣнности.

Изъ взятыхъ подъ Пилявцами плѣнныхъ, Хмѣльницкій отпустилъ одиннадцать офицеровъ, иностранцевъ, только взялъ съ нихъ честное слово не воевать противъ козаковъ, а тринадцать плѣнниковъ переслалъ къ сыну своему Тимоѳею для отдачи въ подарокъ Хану. Потомъ написалъ представленіе ко всѣмъ чинамъ республики. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Свидѣтельствуюсь небомъ и землею и самымъ Богомъ Всемогущимъ, что подъятое мною оружіе и «пролитая имъ многая кровь Христіанская есть дѣло «рукъ нѣкоторыхъ Магнатовъ Польскихъ, противящихся власти наияснѣйшаго Короля, сего помазанника Божія, и милостиваго отца нашего, и слѣдующихъ тиранскимъ своимъ склонностямъ и вымысламъ «на пагубу народа Русскаго. Они-то жаждали крови

«человѣческой, они искали жертвы сей законопре-
«ступной и варварской, и пусть ею да насытятся, а я
«умываю руки предъ народомъ и всѣмъ свѣтомъ, что
«ни мало неповиненъ есмь въ крови сей Христіан-
«ской и единоплеменничей. Извѣстны всѣ чины, извѣ-
«стенъ и самъ нашъ Король, да и самые архивы
«Государственные засвидѣтельствуютъ, сколько было
«представленій, сколько было жалобъ и просьбъ, са-
«мыхъ горчайшихъ и убѣдительнѣйшихъ, отъ чиновъ
«и народа Русскаго, о чинимыхъ имъ, отъ распут-
«ныхъ и своевольныхъ Поляковъ и ихъ пьянаго воин-
«ства, самыхъ несносныхъ насиліяхъ, грабежахъ, убій-
«ствахъ и всѣхъ родовъ тиранствахъ, многочислен-
«ныхъ и разнообразныхъ, и въ самыхъ дикихъ наро-
«дахъ едва ли извѣстныхъ. Но никто по тѣмъ жало-
«бамъ не внялъ ни мало, никто не сдѣлалъ по нихъ
«хотя обыкновеннаго разбора и удовлетворенія; са-
«мыя жалобы сочтены наконецъ преступленіемъ и зло-
«умышленіемъ. Оставленъ и брошенъ несчастный на-
«родъ сей на произволъ одного своевольнаго жолнир-
«ства и хищнаго жидовства, и поверженъ въ самое
«неключимое рабство и поношеніе. Все ему было
«преграждено и воспящено, и доведенъ до того, что
«никто въ немъ болѣе не проречетъ, ни возопіетъ.
«И такъ, единоплеменные ему, Поляки ни только не
«познавали уже единокровной братіи своей Савроша-
«товъ, но не признавали его даже и за созданіе Бо-
«жіе, и всемѣрно презирали и поносили, наддавъ ему
«презрительные титулы хлопа и Схизматика. Заслуги
«воевъ Русскихъ, тяжкія брани ихъ съ иноплеменни-
«ками, подъятыя для обороны и разширенія предѣловъ
«Польскихъ, забыты и безстыдно попраны и презрѣны

«Поляками. Пролитая за нихъ кровь Русская и пад-
«шіе на поляхъ ратныхъ тысячи и тьмы воевъ Рус-
«скихъ награждены отъ нихѣ висѣлицами, сожига-
«тельствомъ въ мѣдныхъ быкахъ, спицами и всѣхъ
«родовъ мученіями и варварствами. Но правосудіе
«Божіе, назирающее дѣла человѣческія, престало тер-
«пѣть таковыя лютости и безчеловѣчія, и подвигло на-
«родъ къ оборонѣ собственнаго бытія своего, а меня
«избрало слабымъ орудіемъ воли Его. Сей промыслъ
«Божій явно доказанъ пораженіемъ Поляковъ, весьма
«неравными имъ, силами козацкими на семи главныхъ
«сраженіяхъ и на многихъ штурмахъ и битвахъ.
«Арміи Польскія избиты иразсѣяны; многіе вожди ихъ
«и начальство истреблены, также немало предано ихъ
«въ плѣнъ Татарскій, да тоею мѣрою, ею же мѣрили,
«возмѣрится и имъ! Остается руиновать жилища
«Польскія, истреблять семейства ихъ, во отмщеніе
«Русскимъ, сіе претерпѣвшимъ! Но я судъ Божій на
«душу мою призываю, что не желаю и не ищу мести,
«постыдной Христіанству и человѣчеству, и подлежа-
«щей единому Богу и Его правосудію въ день онъ,
«во онь же истязаны будутъ Царіе земстіи и предер-
«жащіи власти міра сего, о всемъ погибшемъ отъ
«нихъ и чрезъ нихъ въ человѣчествѣ и о невинной
«пролитой ими крови, отъ самыхъ временъ, братомъ
«убитаго, Авеля. И такъ отзываюсь о тебѣ, найяснѣй-
«шій Король, справедливый и любимый Монархъ
«нашъ, отзываюсь и къ вамъ, Совѣтникамъ его, и
«всѣмъ Вельможамъ Польскимъ. Убойтеся Бога мило-
«сердаго, потребите вражду и отриньте злобу ея, гу-
«бительную собственнымъ своимъ народамъ; возста-
«новите въ нихъ миръ и тишину, да поживутъ, и васъ

«прославятъ! Сіе единственно отъ васъ зависитъ, а «я всегда готовъ исполнить то, чего долгъ мой и обя«занность къ Богу и народу отъ меня требуютъ.»

Посылалъ ли Хмѣльницкій къ Хану Крымскому представленіе на показъ, о томъ не извѣстно. Но Энпяъ говоритъ, будто бы Ханъ приложилъ свою записку къ Королю и Магнатамъ: «Помыслите сами, до чего до«вело васъ высокомѣріе. Прощайте и ожидайте насъ «скоро въ Варшавѣ и Краковѣ.»

Плѣнники, Косяковскій, Червинскій и Оссолинскій взялись доставить Королю и Магнатамъ представленіе, и Гетманъ отпустилъ ихъ на честное слово, что чрезъ двѣ недѣли доставятъ ему отвѣтъ, а въ противномъ случаѣ сами явятся и перескажутъ мнѣніе Правительства. Но отвѣта и возвращенія этихъ трехъ плѣнниковъ Гетманъ ждалъ напрасно. Это было только честное слово, и рыцарскіе подвиги Поляковъ прежнихъ временъ вышли тогда въ Польшѣ изъ употребленія.

Владислава уже не было въ живыхъ. Отъ каменной болѣзни и отъ лихорадки, онъ скончался въ Меречи. Извѣщая о томъ Хмѣльницкаго, Воевода Адамъ Кисель писалъ къ нему слѣдующее: «Тебѣ и сподвиж«никамъ твоимъ не безъизвѣстно, что я одинъ изъ «Сенаторовъ покровительствуя вѣрѣ, церквамъ, пра«вамъ Россійскимъ, состарѣлся въ семъ попеченіи и «желаю умереть въ немъ. Послѣ битвы подъ Кумейками «никогда не обагрялъ рукъ въ крови своихъ едино«вѣрцевъ и непричастенъ постигшимъ ихъ бѣдствіямъ: «онѣ послѣдовали вопреки воли и моихъ представле«ній. И такъ, я имѣю право на твою довѣренность. «Прошедшее предадимъ забвенію; война и изчадія

« ея, голодъ, язва , суть наказанія, посылаемыя свыше,
« и рѣчь посполитая почувствовала ихъ въ полной мѣ-
« рѣ. Желать продолженія оныхъ на гибель отечества,
« есть дѣло беззаконное ; мщеніе Божеское слѣдуетъ
« отклонять молитвами; свое укрощать раскаяніемъ и
« пещись о заживленіи, а не о растравленіи ранъ. Въ
« междоусобной брани, славнѣе для побѣдителя вла-
« гать въ ножны мечь свой , нежели обнажать его на
« новое пораженіе. Хмѣльницкій ! Не оскорбляй вели-
« чія Божія, не нарушай спокойствія общаго; отошли
« Татаръ въ ихъ улусы, распусти козаковъ, отправь по-
« сланниковъ своихъ въ Варшаву съ изъясненіемъ ис-
« тинныхъ причинъ возмущенія вашего и обидъ, нане-
« сенныхъ войску и тебѣ самому. Удостовѣрь рѣчь по-
« сполитую въ вѣрности, впредъ никогда неизмѣняе-
« мой. А я клянусь Святою Церковью, общею матерью
« нашею, клянусь всѣми священными правами древня-
« го родства съ народомъ Русскимъ: что буду спо-
« спѣшествовать дѣлу вашему со всякою готовностію ,
« со всевозможнымъ тщаніемъ. Единственное желаніе
« мое—доставить праведное успокоеніе землѣ и оте-
« чественной вѣрѣ отъ тѣхъ золъ , въ которыхъ онѣ
« толь долгое время стенаютъ. »

Такъ, движимый любовію къ отечеству , единовѣрецъ Хмѣльницкаго, Брацлавскій Воевода и Сенаторъ Адамъ Кисель увѣщавалъ Гетмана и надѣялся примирить обѣ стороны. Въ душѣ своей самъ Гетманъ желалъ прекращенія кровопролитій; его трогательное представленіе доказываетъ его чувства : но предшественники его испытали на себѣ честь Поляковъ временъ Сигизмунда и Владислава, и онъ былъ дальновиднѣе Косинскаго, Наливайки, Павлюги, Остряницы.

Получивъ извѣстіе о смерти Короля, Хмѣльницкій еще болѣе озлобился на Поляковъ. Король Польскій Владиславъ IV, по словамъ нашей лѣтописи, имѣвшій всегда патріотическія мысли о народѣ Русскомъ, намѣренъ былъ окончить борьбу козаковъ съ Поляками, утвердить древнія права народныя, объявить Малороссіянъ народомъ вольнымъ, какимъ всегда были они, присоединившимся какъ равный къ равнымъ, отнюдь не завоеваннымъ. Таковы были намѣренія Владислава. Но Примасъ Іеремій Вишневецкій и другіе Мигнаты не хотѣли слышать о мирѣ. Бурно волновался Сеймъ, пословъ Хмѣльницкаго выгнали. Опечаленный такимъ поступкомъ—такъ сказано было Гетману—Король, не видя способовъ наказать бунтующихъ Пановъ, впалъ въ задумчивость, въ печаль, и скончался. Еще хуже было подозрѣніе Хмѣльницкаго на Примаса, который, будто бы злобясь на Короля за письмо къ Барабашу, чрезъ духовника Урабана отравилъ его. Но какъ бы то ни было, Хмѣльницкій горько заплакалъ, велѣлъ по всѣмъ церквамъ во всей Малороссіи править о душѣ Королевской сорокоусты и панихиды, и вписать его въ церковные поминальные субботники, приписавъ къ имени Владислава: «пострадавшаго правды ради за народъ благочестивый». Между тѣмъ возобновилъ войну.

Въ это время козаки перехватили за Кіевомъ Стародубца Григорія Климова, отправленнаго отъ Сѣвскаго Воеводы Леонтьева къ Адаму Киселю. Гетманъ велѣлъ отобрать отъ него бумаги и увѣдомилъ Воеводу, что «посланецъ его, хотя и не къ нему Гетману «отправленный, принятъ и препровожденъ обратно съ честью; письмо къ Киселю будетъ отослано, а Кли-

« мову вручена на имя Царя, Свѣтила Русскаго, гра-
« мота, которая была бы вѣрно доставлена. » Хмѣльницкій извѣщалъ Государя объ одержанныхъ побѣдахъ надъ врагами вѣры и свободы, о взятыхъ въ плѣнъ Польскихъ военачальникахъ, о желаніи видѣть надъ своею землею Самодержца, подобнаго ему, Христіанскаго, православнаго; совѣтовалъ немедленно обратить оружіе на Поляковъ, и удостовѣрялъ въ готовности своей, и войска козацкаго, оказать Россіи возможныя услуги. На словахъ, поручилъ гонцу донесть Воеводамъ Сѣвскимъ, чтобъ Государь снабдилъ Запорожское войско денежнымъ жалованьемъ, воспользовался бы удобностью отобрать отъ Поляковъ Смоленскъ, и надѣялся бъ на помощь Козаковъ и Хана, который обязался три года воевать за Малороссію противъ Польши и Литвы. Гетманъ подозрѣвалъ Царя на этотъ счетъ еще въ Маѣ, но успокоилъ его Путивльскій Воевода Плещеевъ, объявивъ, что находящіяся на границѣ Русскія войска собраны противъ Крымцевъ, а не Козаковъ; не смотря на то, Гетманъ продолжалъ не довѣрять, и укорялъ Плещеева въ тайныхъ сношеніяхъ съ Поляками.

29 Августа войска наши выступили отъ Пилявцевъ въ Галицію. На походѣ, Гетманъ отрядилъ въ обѣ стороны надъ дорогою по нѣскольку партій, приказавъ имъ очищать города и села отъ Жидовъ и Поляковъ, возстановлять прежнее Русское правленіе, возвращать права, свободу и обычаи; въ тѣхъ же занятіяхъ и самъ проводилъ время на походѣ. Поляки и Жиды, которые, не повелѣвая народомъ, занимались торговлею и промыслами, были ремесленниками—остались на мѣстахъ безъ всякаго притѣсненія.

Броды, городъ обширный и торговый, наполненный почти одними Жидами, оставленъ былъ свободнымъ, и признанъ Малороссіянами полезнымъ для нихъ самихъ, по оборотамъ и заработкамъ, въ немъ производимымъ окрестными жителями. И только взята была съ Жидовъ весьма умѣренная контрибуція суконами, холстомъ и кожею, для пошитія мундировъ и обуви на войско регистровое, да незначительный провіантъ для продовольствія.

На походѣ, къ Гетману прибыли Бояре Молдавскіе: Ваница, Каруза, и двое другихъ. Они подали отъ Господаря Липулы письмо, въ которомъ была жалоба, что Господарь Валахскій, соединясь съ Ракочіемъ, Княземъ Венгерскимъ, безъ объявленія войны, безъ всякихъ претензій напалъ на Молдавію, разорилъ страну, и самаго Липулу согналъ съ правленія. Съ согласія Султанскаго, просилъ онъ помощи у Хмѣльницкаго, «по близости отъ Молдавіи на сей разъ «побѣдоносныхъ войскъ Козацкихъ, имъ Хмѣльниц-«кимъ командуемыхъ съ такою громкою славою, ка-«ковая во всѣ стороны распространилась, а особливо «Турковъ восхищаетъ, яко гнушающихся всегда вѣ-«роломствомъ и нестоянствомъ народа и Правитель-«ства Польскаго; но сами Турки помогать ни кому «теперь не въ состояніи, по причинѣ ненадежнаго «положенія ихъ съ сосѣдними державами, а паче съ «Венатами и Египетскими Беями.»

Хмѣльницкій принялъ благосклонно посланниковъ, и отвѣчалъ Господарю письменно, а Боярамъ на словахъ, чтобъ доставили ему письменное завѣреніе отъ Порты о испрашиваемомъ отъ страны, находящейся подъ Султанскимъ покровительствомъ; а безъ того

никакія правила политики, никакіе законы народнаго права не позволяютъ ему входить въ чужую землю съ вооруженною силою. Когдаже получитъ онъ завѣреніе письменное, тогда готовъ защищать праваго противъ враговъ, столь безсовѣстныхъ и вѣроломныхъ, а до того времени предлагаетъ Господарю пріѣхать съ штатомъ своимъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ, и жить тамъ какъ гостю, подъ охраненіемъ тамошняго гарнизона.

Достигнувъ города Львова, недавно оставленнаго Польскими Военачальниками, Гетманъ осадилъ его со всѣхъ сторонъ. Престарѣлый Христофоръ Арциссевскій, искусный въ военномъ ремеслѣ, служившій прежде въ артиллеріи, былъ начальникомъ гарнизона. Но городъ былъ укрѣпленъ посредственно, войска въ немъ было мало; запасовъ съѣстныхъ не было. Нельзя было устоять осажденнымъ. А Гетманъ имѣлъ уже у себя достаточное число инженеровъ и артиллерійстовъ: многіе плѣнные иностранцы вступили къ нему въ службу; они открыли траншеи противъ замка и города. Пальба оттуда была слаба; нѣсколько сотъ бомбъ и ядеръ, туда брошенныхъ, причинили многія разоренія: жидовская синагога вспыхнула; отъ нея загорѣлись купеческія лавки; граждане выслали депутатовъ съ просьбою къ Гетману о пощадѣ города. Они объявили, что никогда не хотѣли запирать воротъ, что одни войска оказывали сопротивленіе, что эти войска не въ городѣ, а въ замкѣ, и что граждане не только съ ними не согласны, но терпятъ отъ нихъ великое угнѣтеніе и безпрестанныя своевольства. Согласясь насчетъ контрибуціи, которую должно было потребовать въ пользу войска, Гетманъ взялъ у нихъ

сорокъ девять заложниковъ, и занявъ городъ, приступилъ къ замку. Арциссевскій упорно защищался; козаки встащили на костелъ нѣсколько пушекъ, и начали ядрами громить внутренность замка. Бомбы летали туда изъ траншей. Наконецъ Арциссевскій выставилъ бѣлое знамя; выслалъ депутатовъ, и просилъ пощады, отдавая замокъ и всѣ запасы на волю побѣдителя. Капитуляція была подписана, и гарнизонъ отпущенъ въ Польшу обезоруженный, и на договорѣ, не служить никому изъ нихъ, ни рядовымъ, ни чиновникамъ, противу Козаковъ. Въ противномъ случаѣ, кто будетъ взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, казнь безчестная, то есть висѣлица, тому будетъ наградою. Городъ по условію выдалъ Гетману и Хану сто тысячь битыхъ талеровъ, суконъ семдесятъ пять поставовъ, много съѣстныхъ припасовъ и другихъ мѣлочей для войска.

Оставивъ городъ подъ управленіемъ граждань, Гетманъ далъ имъ гарнизонъ, а изъ урядниковъ своихъ— Коменданта, и продолжалъ путь къ Замостью. Вездѣ на пути съ Жидами и Уніатами была одинаковая расправа, называемая очищеніемъ селеній Русскихъ. Приближась къ городу, козаки были встрѣчены у предмѣстья сильною ружейною пальбою изъ садовыхъ и огородныхъ рвовъ, гдѣ засѣла Польская пѣхота. Но отряды, посланные Хмѣльницкимъ, скоро выгнали Поляковъ изъ засады; часть ихъ перебили, часть взяли въ плѣнъ; другіе ушли въ замокъ. Лишь только началась осада, городскія ворота отворились, и въ нихъ показались толпы обывателей. Хмѣльницкій послалъ провѣдать, кто эти люди, и для чего они вышли? Донесено было, что эти люди суть граждане, и про-

сятъ позволенія явиться къ Гетману съ просьбами и съ мирными предложеніями. Онъ ихъ принялъ : то были Жиды и Полячки, купцы, ремесленники и промышленники. Ставъ на колѣни передъ Гетманомъ, умоляя, чтобъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, они объявили, что замокъ и гарнизонъ не имѣетъ съ съ ними не только согласія, но и сообщенія, а зависитъ отъ особеннаго Коменданта , который , какъ и все войско его, угнѣтаетъ ихъ своевольствомъ и требованіями.

Комендантомъ замка былъ Элбингскій Кастелланъ Лудовикъ Вейгеръ. Въ замкѣ заперлось многочисленное дворянство : взять его было пріятно Хмѣльницкому. Обѣщавъ гражданамъ не дѣлать имъ ни какого зла, если сами не подадутъ къ тому повода, занялъ городъ, и началъ распоряженія къ штурму замка. Изъ обывательскихъ домовъ , были взяты всѣ лѣсницы , всѣ такъ называемыя *драбины* возовыя. Три недѣли готовился Гетманъ къ осадѣ, требовалъ скупу 200,000 червонныхъ. Но Замостскій замокъ освободился 20,000 злотыхъ, которые, по словамъ Польскихъ историковъ, тогдаже возвратились и вознаградились дворянству десятерицею; ибо оно тутъ же начало покупать у козаковъ за безцѣнокъ разныя драгоцѣнности. Едва ли впрочемъ это заключеніе Польскихъ историковъ справедливо; не утѣшаютъ ли они себя въ небольшой неудачѣ? Не опасно ли было Польскому дворянству торговаться съ козаками, да и Гетману ли дѣло позволить такую торговлю? Совершенно иначе разсказываютъ Малороссійскія лѣтописи это произшествіе. На разсвѣтѣ, наша пѣхота вползла на валы , и спустилась въ замокъ. Тамъ никого не было; часовые по

батареямъ изрѣдка перекликались ночными обыкновенными сигналами; они оробѣли, увидя приближенie козаковъ, стали на колѣни, и отъ имени «Святѣйшей Панны Марiи» просили пощады. Во славу столь великаго имени, пощада была имъ дарована, и они разсказали войску, что Польскiй гарнизонъ ночью, скрытными воротами, вышелъ изъ замка, оставивъ больныхъ и раненныхъ да нѣсколько часовыхъ. Замокъ былъ занятъ: военныхъ запасовъ въ немъ было найдено довольно; но ни хлѣба, ни другихъ вещей не нашли. Оставя гарнизонъ въ замкѣ, а въ городѣ прежнее Начальство, и взыскавъ съ гражданъ легкую контрибуцiю, Гетманъ продолжалъ путь.

Онъ направилъ его къ мѣстечку Полонному. По дорогѣ посѣтилъ Владимiръ, Острогъ, и другiе Русскiе города. Отовсюду выгонялъ Поляковъ, вездѣ возстановлялъ прежнее, Русское устройство, а съ владѣльцовъ и управителей Польскихъ, взявъ съ каждаго изрядную контрибуцiю, отправлялъ ихъ за Случь. Отъ чего, говоритъ лѣтопись, тогда вошло въ пословицу: «Знай, Ляше, що по Случь наше.»

Замѣчательно, что Польскiе историки вездѣ въ этомъ походѣ Хмѣльницкаго видѣли Татаръ. Пасторiй увѣряетъ, что подъ Корсуномъ было ихъ сорокъ тысячъ; Бандкте говоритъ, что подъ Пилявцами было ихъ шесть тысячъ, и такъ далѣе.

Приближась къ мѣстечку Полонному, Хмѣльницкiй встрѣтилъ сына своего Тимоѳея, идущаго изъ Крыма съ тамошнимъ Мурзою Тугай Беемъ, и съ четырьмя тысячами Татаръ, по Ханскому обѣщанiю. Исламъ писалъ къ Гетману, что медленность въ присылкѣ войскъ происходила отъ нерѣшимости Порты въ ея

военныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ и онъ долженъ былъ участвовать.

Тимоѳей разсказалъ отцу наединѣ, что Ханъ никогда и не былъ намѣренъ помогать Малороссіи, а манилъ и очевидно обманывалъ его, и думалъ, по сосѣдству, во время замѣшательствъ и изнеможенія, чѣмъ нибудь попользоваться отъ нашего отечества. Для этого имѣлъ онъ сношенія съ Княземъ Іеремією Вишневецкимъ. Армянинъ Джержій, человѣкъ богатый, Крымскій купецъ, торгующій въ Польшѣ, возилъ отъ Хана къ Князю, и обратно, письма чрезъ Молдавію и Валахію. Когда же, въ прошломъ году, онъ, Бостанджи, пріѣхалъ въ Крымъ отъ Султана съ тайными бумагами, то Ханъ началъ оказывать Тимоѳею необыкновенныя и до того не бывалыя почести, и наконецъ велѣлъ Тугай-Бею собираться въ Малороссію съ 4000 корпусомъ. Между тѣмъ, помощію подарковъ, молодой Хмѣльницкій успѣлъ вывѣдать отъ Ханскихъ придворныхъ содержаніе бумагъ, привезенныхъ изъ Царяграда.

Султанъ писалъ о великихъ успѣхахъ Гетмана, о изнеможеніи Польши, и приказывалъ Хану, чтобъ онъ старался преклонить Хмѣльницкаго къ подданству Портѣ, на правахъ Молдавіи, Валахіи, и самаго Крыма; чтобъ Ханъ ничего не щадилъ въ угожденіе и услуги Гетману и народу Русскому. Не смотря на это, одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ, при отправкѣ Тугай-Бея, подслушалъ разговоръ Ханскій, и пересказалъ его сыну Хмѣльницкаго. Прощаясь съ своимъ Мурзою, Исламъ сказалъ: «помни всегда и не забывай, что хитонъ ближе къ тѣлу, нежели чекмень».

Такова-то помощь Татарская подъ Корсунемъ,

подъ Пилявцами, подъ Львовымъ, Замостьемъ, и во всей войнѣ Хмѣльницкаго, въ эти два первые года Гетманства его. Увидимъ ихъ помощь и въ остальные.

Тутъ же у Полоннаго, чрезъ Молдавскаго Боярина Костати, Гетманъ получилъ письмо отъ Узукъ-Алія Паши Силистрійскаго. Изъявляя волю Султанскую въ фирманѣ, имъ полученномъ, онъ просилъ Хмѣльницкаго о вспоможеніи Молдавскому Государю Липулѣ на его непріятелей. Войска Турецкія не могутъ, писалъ онъ, дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, по важнымъ политическимъ обстоятельствамъ; но Султанъ много одолженъ будетъ Гетманомъ, и постарается отблагодарить его взаимною услугою. Хмѣльницкій обрадовался неожиданному случаю отдѣлаться отъ Тугай-Бея приличнымъ образомъ. Татары, отъ рожденія склонные къ хищничеству и коварствамъ всѣхъ родовъ, безпокоили его. Онъ два года обходился безъ нихъ. Нынѣ, когда война должна была затихнуть, онъ вовсе не имѣлъ въ нихъ надобности. И такъ, пріемъ его Тугай-Бею былъ обольстительный; пріязнь, дружба, благодарность были расточены передъ Мурзою; наконецъ, мало по малу, онъ согласилъ Татарина отправиться въ Молдавію съ Тимоѳеемъ. Восемь тысячь охочекомонныхъ и регистровыхъ козаковъ и четыре тысячи Татаръ пошли къ Господарю на помощь. Главнокомандующимъ былъ объявленъ Тимоѳей, подъ руководствомъ Обозного Генеральнаго Носача. Полковниками были Дорошенко, Станай и Артазій. Корпусъ выступилъ въ походъ Сентября 17.

Хмѣльницкій распустилъ войска свои на зимнія квартиры; а самъ отъ Полоннаго, съ своею гвардіею, состоящею изъ Чигиринскаго полка и трехъ сотъ

волонтеровъ, пошелъ въ Кіевъ для принесенія благодарственныхъ моленій Богу за освобожденіе Мало-
1 Октября. россіи отъ ига Польскаго. 1-го Октября, въ воскресенье, вступилъ онъ въ городъ. Чины, козаки, знатнѣйшіе граждане заблаговременно туда съѣхались. Они, и съ ними все народонаселеніе, встрѣтили великаго мужа и благодѣтеля отчизны за городомъ, изъявляли ему невыразимую благодарность за безпримѣрные подвиги и труды, понесенные на благо Малороссіи, и поднесли ему наименованіе «отца и избавителя народа и отечества.» Онъ отвѣчалъ краткою рѣчью, изъявилъ признательность за почести, ему оказываемыя, и въ особенности за воиновъ, которыхъ каждое семейство присылало къ нему, и которые съ такимъ мужествомъ во бранахъ подвизались.

Вступивъ въ городъ, онъ прямо пошелъ въ соборную Софійскую церковь. Тамъ, по окончаніи Литургіи и благодарственнаго молебствія, обратяеь къ чинамъ и народу, увѣщавалъ ихъ, всегда пребыть къ Богу благодарными, къ отечеству усердными и ревностными, между собой дружелюбными, и напоминалъ имъ, чтобъ не забывали обязанностей своихъ въ отношеніи къ Малороссіи и къ своей свободѣ; «а безъ того, «продолжалъ онъ, вы можете опять быть низринуты «въ рабство: непримиримые враги наши Поляки «только избиты, только изнеможены, но не уничтожены. Примѣтивъ нашу слабость и несогласіе, они могутъ снова собраться и ратоборствовать съ нами. «Самъ Спаситель провѣщавалъ въ мірѣ, и мы видимъ «всегдашнее событіе того, что всякій народъ и царство на ся раздѣлившееся не устоитъ, и всякъ домъ «на ся раздѣлившійся запустѣетъ.»

Тогда-то въ первый разъ былъ посланъ Гетманскій Судья Гуляницкій въ Москву, къ Царю Алексѣю Михайловичу, съ представленіемъ, что теперь удобнѣе, чѣмъ когда либо, отнять у Поляковъ Смоленскъ съ его уѣздами и со всею Бѣлоруссіею, что мы готовы помочь въ этомъ Царю, что Поляки вездѣ уже разбиты и разсѣяны, что Польша въ крайнемъ изнеможеніи, и что собственныя наши войска, будучи въ цвѣтущемъ состояніи, остаются почти безъ дѣла. 9 Октября.

Царь по осторожности не отвѣчалъ письменно, а прислалъ съ Гуляницкимъ Бутурлина, и благодарилъ за усердіе къ нему и его Державѣ. Московское Царство, говорилъ Царь устами Боярина, единовѣрно и единоплеменно съ Малороссіею; оно понесло страшныя убыли и разоренія во время неслыханныхъ междоусобныхъ войнъ и въ годы междоцарствія. Держава моя, будучи нѣсколько разъ потрясена до основанія, нынѣ отдыхаетъ; но за отдыхъ свой заплатила вѣроломнымъ и завистливымъ сосѣдамъ своимъ великими уступками. Она не можетъ возстать на новыя войны безъ сильныхъ и побудительныхъ къ тому причинъ. Но если бы Гетманъ и Малороссія соединились навсегда съ царствомъ Московскимъ, тогда бы могли они вмѣстѣ предпринять что либо для пользы общей. Совѣтую помыслить о томъ, и открыться мнѣ чистосердечно. Я же съ моей стороны, такъ заключилъ Царь, честію и совѣстію Христіанскою и Царскою обнадеживаю принять васъ какъ своихъ кровныхъ, и установить все по уговору и обычаю народовъ и Думныхъ людей.

«Эти переговоры и сношенія съ Царемъ, говоритъ

лѣтопись, были Хмѣльницкому въ послѣдствіи горчайшею пилюлею, приправившею его даже къ смерти.»

На зло Казиміру, Князь Іеремій Вишневецкій былъ избранъ Главнокомандующимъ Польской арміи. Ненавидя, такъ же какъ и Король, Князя Іеремію, Гетманъ послалъ пословъ Запорожскихъ на избирательный Сеймъ. Онъ угрожалъ Полякамъ непримиримою войною, если Казиміръ будетъ на престолѣ. Изъ Іезуитовъ и Кардиналовъ, Янъ Казиміръ II поступилъ

7 Ноября. въ Короли. 7 Ноября былъ коронованъ и тотчасъ женился на вдовѣ брата своего Владислава IV, а Малороссійскій Гетманъ уѣхалъ изъ Кіева въ Переяславль, и тамъ, по вступленіи во второе супружество, о которомъ мы скажемъ въ свое время, занялся дѣлами политическими.

ГЛАВА XIV.

Гетманъ въ Переяславлѣ. Бракосочетаніе. Послы отъ сосѣднихъ дворовъ. Польскіе Коммиссары. Встрѣча имъ. Обѣдъ у Гетмана. Булава и знамя Королевскія. Церемонія. Рѣчь Воеводы. Возваніе одного Полковника. Первая аудіенція. Отвѣтъ Хмѣльницкаго. Кармелитъ Лентовскій. Полковникъ Весиякъ. Обѣдъ у Воеводы. Вторая аудіенція. Скорый отпускъ. «Заутра справа и росправа». Третья аудіенція. Слезы Коммиссаровъ. Увѣщанія Хмѣльницкому. «Шкода говорыты». Сильная рѣчь Гетмана. Дополненіе къ рѣчи отъ Полковниковъ. Вторая рѣчь Гетмана. Восторгъ его при воспоминаніи о войнѣ. Испугъ Коммиссаровъ. Просьба объ уменьшеніи регистровыхъ. Отвѣтъ. Разговоры о Кіевѣ. Четвертая аудіенція. Десять Гетманскихъ статей. Приказъ Коммиссарамъ ѣхать съ объявленіемъ о войнѣ. Уступчивость Чарнота. Послѣдняя аудіенція. Слова Гетмана къ Потоцкому. Русскіе Послы. Отвѣтъ Хмѣльницкаго. Слухи о войнѣ. Посполитое рушенье на Козаковъ.

Въ Переяславлѣ встрѣченный съ тѣми же, что и въ Кіевѣ, почестями, Гетманъ приступилъ къ своему бракосочетанію. Та красавица, за которую нѣкогда онъ жаловался Польскому Сенату и получилъ въ отвѣтъ насмѣшку, его прежняя любовница, у него похищенная Чаплинскимъ, нѣсколько лѣтъ уже была женою похитителя. Теперь, вооруженною рукою, Хмѣльниц-

кій отнялъ у врага всѣ его обширныя владѣнія и жену.
31 Октября 1648. Коринескій Митрополитъ Іосафатъ, сопутствовавшій Гетману во всѣхъ походахъ, обвѣнчалъ его съ Чаплинскою.

Многіе Татарскіе владѣльцы, Молдавія, Валахія и Венгрія, Турецкій Султанъ, Австрійскій Императоръ и Царь Московскій прислали къ нему пословъ съ поздравленіями. Наконецъ и благородные Паны разсудили отправить въ Переяславль не пословъ, а *Коммиссаровъ*.

Въ 1 день Января 1649 года выѣхали изъ Варшавы къ Гетману: Брацлавскій Воевода Адамъ Кисель, Львовскій Подкоморій Мясковскій, Новогрудскій Хоружій Николай Кисель, Брацлавскій Подчашій Яковъ Зеленскій и Секретарь Коммисіи Смяровскій.

Они везли Булаву и знамя, «пожалованныя», по словамъ ихъ, «Его Величествомъ Хмѣльницкому». Въ карманахъ у нихъ были статьи, по которымъ вѣроисповѣданіе объявлялось свободнымъ, Гетманъ долженъ имѣть верховное начальство надъ козаками, регистровому войску состоять не болѣе какъ изъ 12 или 15 тысячъ человѣкъ, остальнымъ взяться за плугъ; короче сказать: въ карманахъ у нихъ было желаніе припилить орлу носъ и когти, обрѣзать ему крылья.

Полковникъ Тыша съ 400 козаковъ встрѣтилъ Коммиссаровъ при переправѣ чрезъ Случь. Конечно тогда необходимы были въ Малороссіи для Поляковъ тѣлохранители. Крестьяне, принадлежащіе Адаму Киселю, не уважая присутствія своего Пана, въ Новоселкахъ, въ собственномъ его имѣніи, дѣлали ему и его со-

путникамъ неприятности. Въ Годонущи, заступили дорогу Воеводѣ, и онъ принужденъ былъ выкупиться.

Наконецъ Февраля девятнадцатаго они приѣхали въ Переяславль. Пановъ встрѣтили залпомъ изъ двадцати пушекъ, пригласили въ Гетманскій дворецъ и угостили обѣдомъ съ приправой колкостей на счетъ Вишневецкаго, Чаплинскаго и всѣхъ Ляховъ. 19 Февраля 1649.

На другой день у нихъ былъ совѣтъ: прежде ли заключенія условій, или послѣ, должно вручить Гетману драгоцѣнныя, Королемъ присланныя, булаву и знамя. Рѣшили, что должно вручить ихъ немедленно. Для церемоніи назначили широкую улицу, гдѣ жили Московскій и Венгерскій Посланники. Ловчій Кржелевскій и Скарбникъ Кульчинскій понесли булаву; впереди гремѣли литавры и барабаны; короче сказать: въ этомъ театральномъ представленіи, которое конечно не могло плѣнять Хмѣльницкаго, и которое мы опишемъ словами самого Смяровскаго, вполнѣ изображалась низость тогдашняго національнаго Сейма.

Гетманъ стоялъ въ красной собольей шубѣ, прикрытый бунчукомъ, въ кругу своихъ Старшинъ и Полковниковъ. Воевода началъ рѣчь, въ которой вздумалъ объяснять Королевскую милость и благосклонность къ нему и войску; но одинъ изъ Полковниковъ не далъ ему на тотъ счетъ долго распространяться: онъ выступилъ и началъ свою рѣчь:

«Король! якъ Король? але вы Королевсвята бро-«ите много и наброилисте! И ты, Кисилю, кисть «одъ кистей нашихъ, отдилывся одъ насъ и живешь «съ Ляхами'»

Атаманъ, говорятъ Коммиссары, умѣрилъ бурное краснорѣчіе Полковника, который, махнувъ булавою, отошелъ въ сторону.

Тогда Воевода отдалъ Хмѣльницкому Королевскія письма, предъявилъ рескриптъ и подалъ булаву; а Николай Кисель поднесъ Гетманское знамя съ бѣлымъ орломъ и надписью: Ioannes Kazimirus Rex. Хмѣльницкій, по словамъ Коммиссаровъ, принялъ все это довольно приличнымъ образомъ, и приказалъ прочитать бумаги въ слухъ, потомъ пригласилъ Пановъ къ себѣ.

Краснорѣчиво и выразительно Воевода говорилъ съ Гетманомъ. Онъ показывалъ ему, сколь великой милости сегодня удостоилъ его Король, удовлетворивъ его желаніямъ, даровавъ его прошлымъ проступкамъ всепрощеніе, ознаменовавъ свободу Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія, согласясь на умноженіе постояннаго козачьяго войска, соизволивъ возстановить по прежнему всѣ давнія права и привиллегіи Запорожцевъ, наконецъ предоставя ему полновластное управленіе Малороссіею. Объ одномъ только онъ не напомнилъ, что всѣ эти милости свои Король далъ Гетману на Желтой водѣ, у Каменца, у Корсуня, Бара, Львова, Замостья и у Пилявцовъ, по доброй волѣ. Воевода забылъ напомнить Хмѣльницкому, что плата за Гетманскую голову, объявленная Сеймомъ, еще не отмѣнена.

Хмѣльницкій однакожъ не забылъ этого и отвѣчалъ на Польскомъ языкѣ слѣдующей рѣчью:

«За столь великія милости, которыми жалуетъ ме-«ня Его Величество, равно какъ за признанную мнѣ «полную власть въ управленіи войскомъ, я покорнѣйше

«благодарю; но что касается до Коммиссіи, то от-«крыть оную едва ли будетъ возможно. Войска не «собраны въ одно мѣсто, Полковники и Старшины «далеко; я же безъ нихъ ничего рѣшить не могу и «не смѣю, ибо въ противномъ случаѣ подвергъ бы «жизнь свою опасенію. Притомъ, не сдѣлано еще ни-«какого взысканія съ Чаплинскаго и Вишневецкаго; «первый долженъ быть непремѣнно мнѣ выданъ, а «второй прилично наказанъ. Ибо они первые подали «поводъ къ смятенію и кровопролитію. Виноватъ и «господинъ Воевода Краковскій, который силою на-«ступилъ на меня и преслѣдовалъ меня, когда я «принужденъ былъ спасать жизнь мою въ Днѣпров-«скихъ пещерахъ. Но онъ имѣетъ уже довольно за «свое: нашелъ то, чего искалъ. Господинъ Хоружій «Конецпольскій такъ же виноватъ; ибо отнялъ у меня «мою вотчину, и Украйну раздавалъ Лисовчикамъ, «которые молодцевъ, заслуженныхъ республикѣ, пре-«вращали въ мужиковъ. Ничего изъ этого не будетъ, «если одного изъ нихъ не накажутъ, а другаго не «пришлютъ сюда ко мнѣ. Въ противномъ случаѣ, или «мнѣ съ цѣлымъ Запорожскимъ войскомъ погибнуть, «или пропасть Ляхской землѣ, Сенаторамъ, Дукамъ, «всѣмъ вашимъ Королькамъ и Шляхтичамъ. Не до-«вольно ли того, что ваши перерѣзали весь Мозырь «и Туровъ, гдѣ Радзивилъ велѣлъ одного нашего на «колъ посадить? Я послалъ туда нѣсколько полковъ, «а къ Радзивилу написалъ письмо, что если онъ «смѣлъ поступить такимъ образомъ съ однимъ хри-«стіаниномъ, то я тоже самое сдѣлаю съ 400 Лях-«скихъ плѣнниковъ, которыхъ имѣю въ моей власти, «и отплачу вамъ за свое.»

Рѣчь эта, какъ видно изъ статейнаго Посольскаго списка, не весьма понравилась ясновельможнымъ. Кармелитъ Лентовскій желалъ укротить Гетманскую пылкость, и началъ доказывать, что это Литовскія извѣстія; что о Мозырѣ и Туровѣ надобно имѣть еще подтвержденія. Здѣсь, вѣроятно, Кармелитъ сказалъ что нибудь не по сердцу Полковникамъ, и вдругъ Черкасскій Полковникъ Ѳедоръ Весьнякъ схватилъ булаву и закричалъ на Лентовскаго:

«Мовчи, Попе! а твое то дило намъ задаваты? вы-«ходы но, попе, на двиръ; научу я тебе Запорож-«скихъ Полковникывъ шановаты.

Первая аудіенція была окончена. На другой день Коммиссары осматривали достопамятности города и горевали надъ могилой Луки Жолкѣвскаго, гдѣ памятникъ былъ разбитъ и «драгоцѣнный перстень былъ снятъ съ пальца сего почтеннаго мужа». Мы увидимъ со временемъ поступокъ Пановъ съ могилою Хмѣльницкаго.

Гетманъ былъ приглашенъ къ обѣду Воеводою. «Умъ, веселость и вѣжливость», говоритъ Коммиссаръ, «не произвели на него никакого впечатлѣнія.» — Хмѣльницкій уговаривалъ Киселя и жену его отречься отъ Ляховъ, и объявилъ Посовскому, что повѣситъ его, если онъ осмѣлится въ другой разъ явиться къ нему на глаза.

На другой день Коммиссары пріѣхали во дворецъ, застали Гетмана за завтракомъ въ кругу товарищей. Тутъ было вздумали толковать, но получили слѣдующій отвѣтъ:

« Заутра буде справа и росправа! Бо я теперь на
« весели! Треба Венгерьскаго и Ракусського пословъ
« отправляты. Коротко молвлю: въ той комисіи ни
« чого не буде, и война довжна буты въ сихъ трохъ
« або чотырохъ недиляхъ. Я васъ усихъ Ляхивъ вы-
« верну уверхъ ногами, усихъ потопчу и продамъ
« васъ въ неволю царю Турецькому. Король Королемъ
« буде: щобъ Король ризавъ Шляхту! бувъ бы вол-
« ный! Погришыть Князь? урызаты іому шыю! По-
« гришыть козакъ? тожъ само зъ нымъ учиныты!
« Правда, я чоловикъ лыхый и малый; але мени Богъ
« давъ такъ, що я едыновладный Панъ Руськый! Ко-
« роль не схоче волнымъ Королемъ буты? то якъ се
« іому выде! Скажить тее Пану Боеводи и Коммисса-
« рамъ! Грозить мени Шведами? и ты мои будуть!
« А хочь бы ихъ було пять сотъ, шесть сотъ тысячь,
« не здужаты ымъ Руссьской Запорожской сылы.
« Идить же зъ тымъ! Заутра буде справа и росправа.»

Съ горестью пошли Коммиссары отъ Хмѣльницкаго: печальное, по ихъ собственному сознанію, было у нихъ совѣщаніе. Они положили требовать письменнаго отвѣта на рескриптъ и не раздражать болѣе « сего полудикаго Героя ».

Въ третье засѣданіе Воевода « умильно и со слезами » увѣщавалъ Хмѣльницкаго. Мы, которые пишемъ это, отсылаемъ нашихъ читателей къ повѣркѣ нашихъ словъ; столь низкой подлости мы не повѣрилибъ сами, не прочитавъ ее въ подлинникѣ. Для насъ непостижимо такое униженіе послѣ самохвальствъ у Пилявцевъ, послѣ безчеловѣчій въ Варшавѣ. Но это слова тѣхъ же Поляковъ, которые видѣли своими глазами, какъ набивали Павлюгѣ голову половою, какъ жгли

Наливайку въ мѣдномъ быкѣ, какъ у Острявицы тянули жилы по колесу. Они то танцовали мазурку передъ дѣтьми, жарившимися на угольяхъ; они же говорятъ потомству, что «умильно и со слезами» Воевода ихъ толковалъ съ Хмѣльницкимъ, съ *Атаманомъ*, какъ они называютъ его заглазно, называя въ глаза ясновельможнымъ Гетманомъ, плача и стеная предъ этимъ Атаманомъ. Воевода уговаривалъ его не прилѣпляться къ Портѣ. Онъ предлагалъ ему держать козаковъ не болѣе 12 или 15 тысячь, которые будутъ на жалованьи республики. «Столь храброму «полководцу, какъ Хмѣльницкій», прибавилъ Воевода, «приличнѣе обратить свое оружіе противъ вра«говъ христіанскаго имени и распространить пламя «войны за предѣлы отечества, нежели проливать «братнюю кровь, кровь своихъ согражданъ, и заслу«жить у потомства гнусныя имена бунтовщика и «возмутителя.»

«Шкода говорыты!» отвѣчалъ Хмѣльницкій. «Було «время зо мною трахтоваты, якъ Потоцкіи преслидо«вали мене за Днипромъ; було-время посли Жолто«водьскои и Корсуньскои бытвы, при Пылявцяхъ, «при Константынови, при Замостьи, и якъ шесть не«диль я тягався отъ Замостья до Кіева. Теперъ не «пора! Я зробывъ то, о чому не смивъ я подуматы. «Изроблю то, що думаю. Освободжу весь Русській на«родъ отъ Ляхской неволи. Я прежде воевавъ за «свою обыду; а теперъ за виру нашу православную. «Увесь народъ по Люблынъ и по Краковъ у тому «поможе мини. Я не покину моихъ одновирцевъ, а «то вы, Ляхи, загорнете ихъ противъ козаковъ. У «мене буде двисти, трыста тысячь регистровыхъ. Орда

« прыде на помочь до мене. Мій братъ, душа моя, « мій соколъ ясный зробить усе, що я захочу, и « нихто не зруинуить нашеи козацькои виры. Не пой- « ду я ни на Турковъ, ни на Татаръ; доволно буде « з мене Волыня и Подоля, обшырныхъ и обыльныхъ « провинцій. Усе займу по Лембергъ, по Кульмъ и « по Галычь, и зъ надъ Вислы скажу Ляхамъ: Сыдить, « Ляхи! Мовчить, Ляхи! Туды я загоню усихъ Князей « и Дуковъ; а колы заворушаться за Вислою, я и тамъ « ихъ знайду. На всій Украини не зостанеться ни « едного Князя, або Шляхтыча; а колы хто зь ихъ « схоче йисты з намы хлибъ, нехай послухаеться вой- « ску Запорызьскому и нехай не бронить.»

Едва Гетманъ окончилъ рѣчь, какъ зашумѣли Полковники: «Се вже не тее, що насъ сидлалы Ляхи, « що лякалысь мы драгунывъ. Се вже не тее! теперь « инше дило! При Пылявцахъ бачылы мы тее, що се « не тыи Ляхи, що былы есте Турковъ, Нимцевъ и Та- « таръ. Се не Жолкевьски, не Хмилецьки! Се Трусовь- « ски, Заіончковски! Не смилый народъ! воны помер- « лы зъ переляку, хочь не було Татаръ: у середу насъ « було тылькы три тысячи; якъ бы вы подождали до « суботы, ни едного изъ Ляховъ не пошлобъ у Лем- « бергъ.»

Хмѣльницкій продолжалъ: «Такъ какъ Преосвя- « щенный Патріархъ благословилъ уже меня на сію « войну, вѣнчалъ меня съ моею супругою и приказалъ « мнѣ окончательное истребленіе Ляховъ, то какъ же « мнѣ не повиноваться великому, Святому Владыкѣ, « главѣ нашей, любезнѣйшему гостю? Я послалъ уже « приказъ кормить лошадей, и готовиться къ походу,

« безъ пушекъ и безъ повозокъ: я это найду у Ля-
« ховъ. А еслибъ кто изъ козаковъ осмѣлился взять
« хотя одну повозку, я велю отрѣзать ему голову.
« Я самъ кромѣ вьюковъ и мѣшковъ ничего съ собою
« не возьму. »

Тутъ, по разсказу Коммиссаровъ, Гетманъ началъ говорить о войнѣ съ такимъ жаромъ, что пришелъ почти въ изступленіе. Бросаясь съ скамьи на скамью, онъ рвалъ на себѣ волосы, началъ топать и неистовствовать такъ, что всѣ пришли въ ужасъ. Если справедливо преданіе о необыкновенномъ ростѣ и полнотѣ Гетмана, и о голосѣ его, который съ горы Чигиринской былъ слышенъ за двѣ версты въ лѣсу Чутскомъ, то дѣйствительно было отъ чего придти въ ужасъ. Въ отмщеніе за перепугъ, Коммиссары описываютъ, какъ Хмѣльницкій гордъ, и какъ онъ окруженъ льстецами. Вотъ ихъ разсказъ:

Хвала и столь неожиданныя почести имѣли самое несчастное вліяніе на Хмѣльницкаго. Будучи и безъ того высокомѣренъ, онъ не умѣлъ удержаться на высотѣ, на которую вознесло его счастье, лесть и восторгъ его согражданъ. Когда Хмѣльницкій пріобщался Св. Таинъ, въ городѣ стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ, и народъ въ восхищеніяхъ радости бѣгалъ по всему городу, восклицая: избавитель нашъ, Господарь Великій Гетманъ пріобщается.

Въ тотъ же день опять предложили они Хмѣльницкому имѣть не болѣе двѣнадцати или пятнадцати тысячь козаковъ регистровыхъ; Хмѣльницкій молчалъ; казалось, согласился; его просили подписать эту статью. «На що пысаты? Насъ стане и сто тысячь; стыльки

а ихъ буде, скильки я захочу», отвѣчалъ Гетманъ. Тогда стали просить выдачи плѣнныхъ, въ томъ числѣ и Потоцкаго; говорили, что это слуги Королевскіе, что Король желаетъ ихъ освобожденія. Гетманъ отвѣчалъ хладнокровно и коротко, по Спартански: «се «военная добоча! Нехай Король не думае!»

Львовскій Подкоморій началъ увѣщаніе: «и невѣрные въ знакъ дружбы дарують свободу плѣнникамъ. За десять лѣтъ передъ симъ, Турецкій Султанъ Ибрагимъ возвратилъ Королю чрезъ меня нѣсколько сотъ невольниковъ изъ галеръ и изъ собственнаго сераля. Вы же, господинъ Гетманъ, вы, подданный и слуга Его Величества, получивъ булаву и знамя Государя своего, не хотите выпустить слугъ Государевыхъ; вы не хотите отослать ихъ съ Коммиссарами Его Величества, но содержите въ жестокой неволѣ и голодомъ. Что же мы должны думать на будущее время о вашей вѣрности, преданности и повиновеніи?»— «Шкода «говорыты!» отвѣчалъ Хмѣльницкій. «Богъ мини давъ «сее! Потоцкій пусть подождетъ здѣсь своего бра- «та, Каменецкаго Старосту, который завладѣлъ мо- «имъ городомъ Баромъ. Кровь христіанская тамъ «льется; я отправилъ туда нѣсколько полковъ и при- «казалъ привести его живымъ.»

Въ отвѣтъ на Барскія кровопролитія Коммиссары начали указывать на Кіевъ, гдѣ Полковникъ Нитижай, говоря, что дѣйствуетъ по Гетманскому повелѣнію— разрушаетъ костелы и монастыри Римско-Католическіе, Ляховъ топитъ въ рѣкѣ, ксёнзовъ мучитъ, шляхту обоего пола жестоко сѣчетъ, отыскивая несчастныхъ и подъ землею. «Я могу управлять симъ

«краемъ, якъ мини завгодно. Кіевъ мый городъ, и «Панъ и Воевода Кіевскій! Богъ мини давъ сее вла«диніе, позволывши пріобрисгы ёго саблею! Шкода «говориты!»

Когда уѣхалъ Русскій посланникъ, Воевода Кисель явился опять къ Гетману и упросилъ его дать письменный отвѣтъ на статьи, присланныя Сеймомъ. Хмѣльницкій склонился наконецъ и написалъ слѣдующіе пункты:

1. Въ Кіевскомъ Воеводствѣ, Уніатскаго вѣроисповѣданія и даже имени Уніи не будетъ.

2. Кіевскій Митрополитъ имѣетъ быть допущенъ къ засѣданію въ Польскомъ Сенатѣ.

3. Воевода и Кастелянъ должны быть избираемы изъ Вельможъ Греко-Россійской вѣры.

4. Римскокатолическіе костелы, которые козаки разграбили, имѣютъ быть возстановлены и оставаться in Statu quo ad præteritum, за исключеніемъ Іезуитовъ, подавшихъ поводъ ко всему замѣшательству.

5. Отъ Князя Вишневецкаго, какъ виновника второй войны, отнято будетъ званіе Короннаго Гетмана. Иначе козаки ни жить съ нимъ вмѣстѣ, ни пустить въ Украйну, не могутъ.

6. Приведеніе Коммисіи къ окончанію и составленіе регистра постоянному Козачьему войску отлагается до весны, на Духовъ день, такъ какъ его теперь, по причинѣ недостатка предметовъ продовольствія, совершенно быть не можетъ.

7. Коммиссія будетъ составлена изъ двухъ только Коммиссаровъ.

8. Во время оной, Чаплинскій имѣетъ быть выданъ Хмѣльницкому, который съ симъ непремѣннымъ условіемъ обѣщается возвратить свободу плѣнникамъ.

9. До того времени Коронныя и Литовскія войска не будутъ вступать въ предѣлы Кіевскаго Воеводства, съ одной стороны по Горинь и Припеть, а со стороны Воеводствъ Подольскаго и Брацлавскаго по Каменецъ-Подольскъ.

10. Запорожскія войска такъ же не будутъ переходить означенныхъ рѣкъ.

Коммиссары не хотѣли принять пунктовъ; они требовали, чтобъ коронныя войска могли подвинуться по Барь, по Брацлавъ и по Винницу. Долго Николай Кисель, Зелинскій и Смяровскій уговаривали Хмѣльницкаго дать согласіе. Хмѣльницкій, выхвативъ статьи, привезенныя изъ Варшавы, перечеркнулъ разомъ всѣ, и объявилъ Панамъ, чтобъ они ѣхали въ Варшаву съ донесеніемъ Сейму о немедленномъ начатіи непріятельскихъ дѣйствій. Послы принуждены были уступить его требованіямъ.

Теперь имъ хотѣлось выручить плѣнниковъ. Николай Кисель, Смяровкій и ксендзъ Лентовскій пошли къ Обозному Чарнотѣ, предлагали ему подарки, чтобъ походатайствовалъ у Гетмана. Чарнота отвѣчалъ: «не пойду, потому что я боленъ. Гетманъ «придетъ сюда ко мнѣ. Но я не совѣтовалъ и не со-«вѣтую ему выпускать птицъ изъ клѣтки; и еслибъ «я былъ здоровъ, то не знаю, какимъ образомъ и вы «сами вышли бы отсюда.»

Воевода предлагалъ Гетману 24000 злотыхъ (50,000 руб) окупу за плѣнныхъ. Гетманъ отказалъ. 27 чи-

сла Коммиссары начали приготовляться въ обратный путь; они просили Гетмана пріѣхать къ нимъ проститься; но онъ не пріѣхалъ, а пригласилъ ихъ къ себѣ. У Воеводы случился припадокъ подагры, соединенный съ хирагрою; не смотря на это, его привезли въ саняхъ. Хмѣльницкій отдалъ имъ пункты, имъ подписанные, и два письма, къ Королю и Канцлеру; послѣднему коня своего въ подарокъ. Уже онъ хотѣлъ проститься съ Комиссарами, когда имъ вздумалось еще сдѣлать попытку объ освобожденіи плѣнниковъ. Конецпольскій, Гроздицкій, Чарнецкій, Лончинскій и Потоцкій стояли въ цѣпяхъ. Гетманъ обратился къ послѣднему и сказалъ: «я хочу тебя «удержать здѣсь для того, что если посланные мною «козаки завладѣютъ Баромъ, то посадить тебя на «колъ передъ городомъ, а брата твоего на другой «колъ, въ самомъ городѣ, и чтобъ вы смотрѣли другъ «на друга.» Полковники провели Комиссаровъ къ повозкамъ, и они отправились почти безъ слугъ, которые всѣ, а между ними даже и Польки Панны перешли къ козакамъ.

Угощенье Посламъ было однакожъ блестящее. Сама Гетманша, по словамъ лѣтописей, и Польскихъ и нашихъ, набивала для нихъ и для Гетмана трубки, украшенныя драгоцѣнными каменьями, а горѣлку пили изъ золотыхъ чашъ.

Другихъ переговоровъ съ Поляками впрочемъ и не должно было ожидать отъ Хмѣльницкаго; дерзкія статьи, присланныя Сеймомъ, были приличнѣе побѣдителямъ, нежели побѣжденнымъ; въ особенности въ ту минуту, когда Послы всѣхъ сосѣднихъ державъ привезли ему дары и поздравленія.

Не извѣстно, съ какими бумагами были Послы Царскіе: Василій Михайловъ и Григорій Унковскій. Они привезли Гетману шесть сороковъ соболей, Полковникамъ тридцать паръ. Съ ними поѣхалъ извѣстный намъ уже въ переговорахъ съ Поляками Полковникъ Ѳедоръ Веснякъ. Онъ представилъ Царю въ даръ отъ Гетмана коня и Турецкій лукъ, и привезъ изъ Москвы Гетману еще три сорока соболей. Тогдаже возвращались изъ Польши послы Царскіе. Кн. Трубецкой и бояринъ Пушкинъ заѣхали къ Хмѣльницкому, и пересказали ему, что Король, выслушавъ требованія Царскія на-счетъ Смоленска, и схватясь за саблю рукой, сказалъ: «я саблею буду отвѣчать на «требованія Царя вашего»— а между тѣмъ они говорили, что пріятно былобъ видѣть соединеніе Малороссіи съ Россіею, что Царь готовъ бы признать его владѣтельнымъ, наслѣдственнымъ Князсмъ Малороссіи; что тогдабъ онъ объявилъ войну Польшѣ за Смоленскъ и Бѣлоруссію. Гетманъ отвѣчалъ, что народъ, имъ предводимый, есть народъ вольный, всегда готовый умереть за свою вольность: характеръ этотъ въ козакахъ врожденный и неудобный къ насилованію; не смотря на наружную простоту, Малороссіяне разборчивы и проницательны, и умѣютъ цѣнить свободу державы и народовъ; и потому Царю должно немедленно объявить войну Польшѣ, по двумъ причинамъ, самымъ политическимъ: 1. чтобъ народъ Малороссійскій узналъ и увѣрился въ усердіи къ нему народа Московскаго; 2. чтобъ Козаки увидѣли мужество Москвитянъ, и перемѣнили бъ мысли, которыя получили объ немъ во времена самозванцевъ, смутъ и нашествія Поляковъ; а безъ того, заключилъ Хмѣль-

ницкій, хотя бы я и согласился соединиться съ Москвою, со стороны народа надежда будетъ тщетная.

Между тѣмъ Коммиссары Польскіе пріѣхали въ Варшаву. Они въ Брусиловѣ уже слышали, что Татары идутъ отъ Бѣлой церкви, что козаки взяли направленіе къ Звялу: почти у нихъ въ глазахъ 3000 козаковъ, подъ комадою Тыши, разграбили острогъ, и перерѣзали всю шляхту и Евреевъ. Бояновскій, Боровицкій и Суходольскій уже имѣли стычку съ нашими отрядами.

Король объявилъ посполитое рушенье на Козаковъ.

ГЛАВА XV.

Число войска Польскаго. Сборныя мѣста. Корпуса козацкіе. Небольшая неудача козаковъ. Книга Пасторія. Зборажъ. Битва подъ Збораженъ. Обложеніе Збоража. Солоненная армія. Лжи Пасторія. Семдесятъ пять вылазокъ. Подвиги Небабы, Богуна. Король подъ Зборовымъ. Распоряженія Гетмана. Рѣчь его. Битва Зборовская. Лжи Польскихъ историковъ. Бѣгство Поляковъ. Голодъ въ Збораже. Сдача Збоража. Миръ. Условія. Прѣіздъ. Тимоѳея. Признаніе въ любви. Пріемъ Гетмана въ Кіевѣ. Гетманъ въ Чигиринѣ.

Мѣстами сборными были назначены для Поляковъ Лоевъ, Слуцкъ и Зборажъ. Войска считали у нихъ иные сто, иные триста тысячь. Хмѣльницкій умножилъ свое до семидесяти. Въ городахъ учреждена была милиція изъ старыхъ козаковъ или товаришества и изъ молодыхъ, которые должны были поступать на укомплектованіе полковъ регистровыхъ. Мы отправились за Двину Марта перваго; а одинъ корпусъ подъ начальствомъ Полковниковъ Мартына Небабы и Антона Горкуши отправился къ городу Лоеву, на Припети, чтобъ удержать или по крайней мѣрѣ затруднить походъ войскъ Литовскихъ; другой подъ командою

Асаула Генеральнаго Богуна и Полковниковъ Данилы Нечая и Осипа Глуха отправился къ Слуцку. Гетманъ далъ имъ наставленія удерживать и пріятеля въ его позиціяхъ, покуда возможно, а потомъ затруднять его въ переправахъ чрезъ рѣки и въ тѣснинахъ, и всегда отступать къ главной арміи, которая шла на Збораж.

У Острополья, при Звячелѣ, при Барѣ козаки были побиты; наконецъ самъ Хмѣльницкій придвинулся къ Зборажу. Его армія, по словамъ Польскихъ лѣтописцевъ, напоминала Гунновъ и Темерлана. Пасторій насчиталъ въ ней тридцать Полковниковъ и 300,000 воиновъ. Польскимъ же войскомъ, которое тотъ же Пасторій ставитъ только въ девять тысячь рядовыхъ, командовали: Фирлей, Конецпольскій, Вишневецкій, Ланцкоронскій и другіе. Столько Магнатовъ на девять тысячь войска! Очевидно, что лѣтописецъ Польскій крѣпко уменьшилъ количество своихъ разбитыхъ единоземцевъ.

Лѣтописи не сходны на-счетъ описанія и даже на-счетъ дней, въ которые произошли знаменитыя битвы Зборажская и Зборовская. Приближеніе Хмѣльницкаго къ Зборажу Кониcскій ставитъ Марта 25, битву Зборовскую Іюня семнадцатаго. Пасторій считаетъ битву Зборажскую Іюля 13. Но предпологая, что лѣтопись Кониcскаго есть дѣйствительно лѣтопись Гетманская, что такое показаніе Преосвященнаго Георгія справедливо, и что достойный уваженія ученый мужъ, примѣрный гражданинъ и Архипастырь благочестивый не увѣрялъ бы напрасно и не давалъ бы своего Архипастырскаго слова въ томъ, что изъ собственныхъ записокъ Богдана и Юрія Хмѣльницкихъ со-

ставлена его лѣтопись,—и такъ, предполагая все это, мы необходимо должны вѣрить на-счетъ чиселъ и произшествій болѣе Гетману, нежели историкамъ, которые въ битвахъ тѣхъ не были. Къ тому же, Пасторій назвалъ книгу свою: «Война Скиѳокозацкая, «или о заговорѣ Татаръ, Козаковъ и Русской черни «противъ Королевства Польскаго, разрушенномъ «Яномъ Казиміромъ.» Этого названія достаточно, чтобъ не ссылаться на его книгу.

И такъ Гетманъ выступилъ перваго марта; на разсвѣтѣ двадцать пятаго приблизился къ Збаражу и засталъ уже подъ городомъ войска Польскія, не девять тысячь, но до ста, ибо это было посполитое рушенье. Вишневецкій былъ Главнокомандующимъ; остальные Военачальники были люди молодые, созванные со всего Королевства. Мы ихъ наименовали. Войска стояли уже въ боевомъ порядкѣ. По счастью Хмѣльницкаго и по ошибкѣ Вишневецкаго, люди новые, неопытные, непривычные, набранные въ нынѣшнее посполитое рушенье, были выставлены впередъ: они едва умѣли стоять и держать ружье; а старые солдаты стояли у нихъ за спиною, вѣроятно для того, чтобъ удерживать бѣгство. 1 Марта 1649. 25 Марта.

У Хмѣльницкаго было семьдесятъ тысячь козаковъ, кромѣ Татаръ, и семдесятъ пушекъ. Раздѣливъ армію на три колонны, составленныя изъ пѣхоты и спѣшенной кавалеріи, приказалъ онъ двумъ коннымъ отрядамъ идти по флангамъ, а резервному корпусу по слѣдамъ его, не отставая. Тотчасъ одинъ изъ конныхъ отрядовъ занялъ высоты, оставленныя Поляками на одномъ крылѣ. Тихо шли наши колоны, не смотря на непріятельскую канонаду; но когда приблизились

они къ передовымъ линіямъ на пистолетный выстрѣлъ, тогда, въ свою очередь, открыли сильную пальбу изъ пушекъ и ружей. Линіи подались, крикъ войска еще болѣе испугалъ молодыхъ Поляковъ; прежде начали они отступать спиною, а потомъ, оборотясь, бросились на ветерановъ, которыхъ немедленно смяли. Козацкая пѣхота удвоила шаги, напала на вторую линію. Не давъ ей выстроиться и выбиться изъ толпы бѣгущихъ, ударила въ копья, и началось продолжительное убійство, которое тянулось нѣсколько часовъ. Все непріятельское войско ударилось въ бѣгство. Пользуясь замѣшательствомъ, козацкая конница кинулась на фланги бѣглецовъ, и ей былъ одинъ лишь трудъ рубить и колоть; наконецъ все войско вбѣжало въ Збражъ и захлопнуло ворота. На полѣ сраженія осталось отъ Поляковъ пятьдесятъ семь пушекъ со всею принадлежностью, весь обозъ и огромныя кучи мертвецовъ, которыхъ нѣсколько дней таскали козаки, далѣе отъ своего стану. По счету, можетъ быть нѣсколько преувеличенному, похоронено ихъ было 19373, въ томъ числѣ и множество шляхты. Вишневецкій былъ раненъ въ лядвею и отнесенъ въ городъ на жолнерскомъ плащѣ.

Зная, что въ городѣ нѣтъ ни запасовъ, ни артиллеріи, что провіанту не будетъ тамъ достаточно на такое многолюдство, Хмѣльницкій рѣшился не начинать приступа, но обложить и взять врага голодомъ. И такъ, онъ велѣлъ выжечь предмѣстья, заперъ въѣзды, окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ, построилъ укрѣпленія и поставилъ вокругъ сильную стражу. Осада длилась три мѣсяца. Въ это продолжительное время нерѣдко, соскучась бездѣйствіемъ, козаки кидались на

городскіе валы, въ особенности на ту часть города, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ стояла ставка Фирлея. Однажды они уже приближались къ ней, какъ вдругъ Вишневецкій, чтобъ ободрить ослабѣвшее войско, черезъ трубача запретилъ стрѣлять въ Татаръ, которые будто бы вступили съ нимъ въ переговоры; этимъ воспламенилъ своихъ соотечественниковъ, и они отбили козацкій натискъ. Такихъ нападеній, безъ всякой необходимости, было шестнадцать.

Пасторій, много вымышляющій во славу Яна Казиміра, Магнатовъ и шляхетства, разсказываетъ, что къ силѣ оружія Хмѣльницкій прибавилъ «коварство». Желая устрашить Поляковъ появленіемъ вспомогательнаго войска, онъ на обширномъ пространствѣ выставилъ шатры Турецкіе, велѣлъ наставить лошадей; на нихъ укрѣпилъ множество сноповъ соломенныхъ, покрытыхъ чалмами, и поручилъ нѣсколькимъ козакамъ, одѣтымъ по-Турецки, предводительствовать этою конницею. Самъ же онъ говоритъ, что эта хитрость была безвредна для Польскихъ военачальниковъ, которые посредствомъ зрительныхъ трубъ могли различить всѣ предметы. Но мы спросимъ, гдѣ онъ нашелъ новое поле, гдѣ явилось у него это обширное пространство, чтобъ, кромѣ Козаковъ и Крымцевъ, которыхъ онъ считаетъ до 300,000, — помѣстить еще новую армію, соломенную? И не понялъ ли бы Хмѣльницкій, что такой шутовской поступокъ могъ бы унизить его въ глазахъ Козаковъ. Онъ разсказываетъ, что въ это время отряды войскъ Малороссійскихъ вездѣ были разбиты: Губернаторъ Слуцкій, Сосновскій, отразилъ ихъ отъ Слуцка; въ Чериковѣ они потеряли полторы тысячи рядовыхъ; въ

Быховѣ понесли пораженіе; въ Пинскѣ былъ убитъ Полковникъ Гладкій; самый Пинскъ былъ сожжёнъ Мирскимъ, какъ главное убѣжище козаковъ; Радзивилъ очистилъ отъ Малороссіянъ Турово и Гродно, взялъ приступомъ Мозырь, казнилъ предводителя козаковъ, Михненка, подступилъ къ Бобруйску, требовалъ выдачи тамошнихъ жителей, помогавшихъ Малороссіянамъ; но они заперлись въ одной деревянной башнѣ и сами себя сожгли. Пацъ, Воловичъ и Кн. Янушъ Радзивилъ разбили десятитысячный нашъ корпусъ, который причинялъ разоренія около Виспици, Бреста и Кобрина; другой корпусъ, отряженный въ Литву Хмѣльницкимъ, тоже десятитысячный, подъ начальствомъ Головача, былъ тоже разбитъ въ Загальи, близъ Мозыря, Радзивиломъ, и самъ Полковникъ Илья Головачь лишился тамъ жизни. Стефанъ Подобайло, получившій приказаніе укрѣпиться между Днѣпромъ и Сожью, хотя и сжегъ Лоевъ, для воспрепятствованія Полякамъ занять этотъ городъ; но за то онъ былъ разбитъ Радзивиломъ у Рѣчицы, а съ нимъ и Кричевскій, который, въ заключеніе, былъ смертельно раненъ и умеръ въ Литовскомъ лагерѣ. Короче сказать, Янъ Казиміръ дѣйствительно разрушилъ заговоръ, если вѣрить Пасторію; однакожъ — какъ случилось, что подписанъ былъ Поляками Зборовскій миръ?

Осада Збоража продолжалась. Хмѣльницкій вознамѣрился овладѣть валомъ и подкопаться подъ самыя постройки. Осаждающіе трудились день и ночь. Поляки, занимавшіе передовые посты, могли уже явственно слышать голоса работниковъ, ихъ угрозы и ропотъ. Они оставили внѣшній валъ и заняли внутренній. Тщетно ожидали прибытія Яна Казиміра съ

свѣжимъ войскомъ. Король и Оссолинскій медлили, по словамъ иныхъ лѣтописцевъ, нарочно, чтобъ мучить Вишневецкаго, котораго ненавидѣли; шли не ближайшею дорогою, но изъ Львова на Топоровъ и Бѣлый Камень, гдѣ подъ предлогомъ собиранія войскъ простояли еще четверо сутокъ. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ увеличивался; отъ Гетманской артиллеріи число Поляковъ уменьшалось. Семьдесять пять вылазокъ не помогли осажденнымъ.

Съ перваго Іюня начали возвращаться къ нашей арміи отдѣльные корпуса. Небаба доносилъ Гетману, что Кн. Радзивилъ съ войсками Литовскими переправился черезъ рѣку Припеть, въ числѣ восьмидесяти тысячь, около города Лоева, заблаговременно разореннаго и имъ, Небабою, сожженнаго, и, что совершенно противорѣчитъ извѣстіямъ Пасторія, четыре раза нападалъ на него съ своими авангардами, но былъ всегда отражаемъ; обозъ непріятельскій потонулъ въ Припети; наконецъ, что Радзивилъ осадилъ Кіевъ и выжегъ Подолъ. Богунъ прибылъ съ корпусомъ изъ Слуцка, донесъ о себѣ, что прошелъ до Бреста, разорилъ Брестъ, Вишніовецъ, Бобръ и другія мѣста, и послѣ многихъ битвъ съ Поляками, возвратился къ Слуцку, засталъ въ немъ и въ окрестостяхъ значительныя толпы Поляковъ, собранныя посполитымъ рушеньемъ; перебилъ ихъ нѣсколько тысячь, а остальныхъ загналъ, отнявъ у нихъ обозы, запасы и множество верховыхъ и подъемныхъ лошадей; что наконецъ онъ хотѣлъ осадить Слуцкъ, но приближеніе Короля, поспѣшавшаго къ Зборажу, заставило его отказаться отъ такого намѣренія.

Дѣйствительно, Король уже приближался; осада

Збоража длилась, положеніе осажденныхъ ежедневно становилось затруднительнѣе, порохъ почти весь вышелъ, лошади издыхали отъ недостатка въ фуражѣ; смрадъ заражалъ воздухъ; люди питались лошадьми и собаками. Вѣроятно, они скоро бы сдались, но какой-то Полякъ, служившій въ нашемъ войскѣ, послалъ къ нимъ на стрѣлѣ увѣдомленіе: чтобъ не поддавались, и что Король близко.

Съ Королемъ была армія, по однимъ извѣстіямъ въ двадцать, по другимъ почти во сто тысячь. Немедленно Гетманъ выступилъ къ нему на встрѣчу съ одною частью войска, другую же подъ начальствомъ Кривоноса оставилъ при Зборажѣ, и осада не была снята. Чрезъ два дни, проведенныхъ въ походѣ, Хмѣльницкій узналъ, что уже близко армія Королевская. Онъ приступилъ къ Зборову. Оплошность Казиміра, который не принялъ мѣръ заблаговременно открыть непріятеля, и густой туманъ помогли въ дѣлѣ Гетману. Еще Король переправлялся по двумъ мостамъ чрезъ непроходимыя болота, часть конницы и шесть тысячь пѣхоты только что перешли, военные снаряды и обозъ слѣдовали за ними: ихъ прикрывалъ аріергардъ; а часть войска Гетманскаго была уже въ городѣ и былъ указанъ къ битвѣ условленный знакъ: звонъ во всѣ колокола въ мѣстечкѣ.

Съ главнымъ войскомъ Гетманъ распорядился такимъ образомъ: избралъ для построенія удобное мѣсто близъ Зборова, умножилъ пѣхоту спѣшенными козаками, растянулъ ее въ обширную линію, раздѣлилъ на три отдѣленія; на флангахъ каждаго построилъ батареи, обведенныя глубокими и широкими рвами. Фланги всей линіи примкнулись, правый къ

болоту и каналу, въ немъ проведенному, лѣвый къ лѣсу, такъ же окопанному на большое разстояніе. Видно, что непріятель былъ весьма многолюденъ, когда Хмѣльницкій для того такъ раздвинулъ линію, чтобъ не могли окружить его многолюдствомъ. Позади линіи поставленъ былъ резервъ изъ пѣхоты и кавалерія, за лѣсомъ; впереди линіи была значительная часть лучшей конницы. Начальнику ея приказано было ожидать, чтобъ непріятель миновалъ ихъ, подходя къ казацкой пѣхотѣ: тогда они должны были ударить ему во флангъ и въ тылъ. Такое дѣйствіе имѣло цѣлью—развлечь вниманіе непріятеля, испугать мыслію, что окруженъ, и не допустить прорваться за линію. Устроивъ войско, Гетманъ сдѣлалъ замѣчаніе, чтобъ во время сраженія никто не смѣлъ поднять руки на Короля, какъ на «Помазанника Божія», и потомъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Отъ нынѣшняго сраженія зависитъ все счастіе «наше и нашего отечества, въ которомъ отцы, бра-«тія, дѣти наши простираютъ къ намъ руки, прося «освобожденія своего изъ постыднаго тиранскаго «невольничества Польскаго; мертвецы наши, убитые, «измученные Поляками, заклиная насъ самимъ Бо-«гомъ и вѣрою въ Него, отъ Поляковъ поруганною, «требуютъ праведнаго мщенія за кровь ихъ, невинно «Поляками пролитую и всегда попираемую.»

Едва Польскій обозъ, во время перехода арміи по мосту, за нею послѣдовалъ, вдругъ въ Зборовѣ ударили во всѣ колокола. Козаки бросились на него, единовѣрцы наши разрыли плотину, чтобъ облегчить намъ переправу черезъ прудъ. Татары перешли чрезъ него и стали въ тылу Королевскаго войска. Пе-

ремышльское шляхетство и конница Князя Доминика Заславскаго, предводительствуемая Княземъ Корецкимъ, не устояла подъ Татарскимъ натискомъ, но Станиславъ Витовскій и Подканцлеръ Левъ Сапѣга поддержали ихъ. Татары отступили, и въ туже минуту опять кинулись съ новою яростію. Сендомирскій Кастелянъ и Балдвинъ Оссолинскій подоспѣли на помощь и удержали Татаръ. Староста Стобницкій, Балдвинъ Оссолинскій былъ убитъ.

Въ то время, какъ битва началась въ тылу и на флангахъ непріятельскихъ, Хмѣльницкій напалъ на Поляковъ съ лица.

17 Іюня. «Іюня 17, въ среду, 1649 года, есть тотъ пресло-«вутый день, который долженъ быть всегда досто-«памятнымъ въ исторіи Малороссійской:» такъ говоритъ краснорѣчивая наша лѣтопись: «онъ есть «рѣшитель освобожденія народа Русскаго отъ ига «Польскаго, и въ немъ положенъ камень основанія «новой эпохи того народа. Предъ восходомъ солнца «стала многочисленная Польская армія въ виду арміи «козацкой, многолюдствомъ своимъ подобная грозной «тучѣ, закрывающей горизонтъ и помрачающей солнце. «Всадники ея, блестящіе своею сбруею и богатымъ «убранствомъ, представляли молнію, сверкающую въ «ночной темнотѣ; а отъ множественной конницы по-«дымающаяся пыль возносилась вихрями своими до «облаковъ и помрачала зрѣніе человѣческое, опуская-«ся на землю. Гетманъ, разъѣзжая безпрерывно по «своимъ флангамъ, приказывалъ не спѣшить выстрѣ-«лами, а допускать непріятеля въ самую ближай-«шую дистанцію, не смотря на его пальбу и порыв-«чивость. Но какъ только онъ сблизился къ линіямъ

«козацкимъ, то открыта была вдругъ пальба изъ «пушекъ и ружей, и отъ скрытой конницы произ«ведена разсыпная атака во флангъ и въ тылъ не«пріятельскій. Громъ и пальба, съ обѣихъ сторонъ «производимыя, и кружепіе дыма, сдѣлавшись отъ «безпрерывныхъ выстрѣловъ, закрывали на долгое «время рѣшимость сраженія; наконецъ поднявшійся «крикъ въ срединѣ арміи Польской, далъ знать, что «то дѣлается для вспящепія ухода новыхъ войскъ «изъ ихъ линій, которые во многихъ мѣстахъ ра«зорвали свой фронтъ и подѣлали въ немъ пре«страшные интервалы, перемѣшавъ и разстроивъ ста«рыхъ своихъ воиновъ. Гетманъ, то примѣтивши, «выслалъ на слабыя мѣста непріятельскія одну фа«лангу пѣхоты своей съ частію конницы, взятой изъ «резерва; а пѣхота сія, ударивъ на разстроеннаго «непріятеля копьями, тотчасъ обратила его въ бѣгъ. «Непріятель, покушавшійся окружить высланную пѣ«хоту, бывъ встрѣченъ резервомъ козацкимъ, обра«щенъ также въ бѣгство, а за тѣмъ и вся армія «Польская, первѣе подаваясь понемногу назадъ, на«конецъ совсѣмъ побѣжала въ разстройствѣ; а Гет«манъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія для осторожности «одну только фалангу, велѣлъ всѣмъ прочимъ вой«скамъ гнать и поражать непріятеля. Убійство при «семъ надъ Поляками было страшное и повсемѣст«ное; конница, прежде дѣлавшая разсыпную атаку, «нападала уже на бѣгущаго непріятеля цѣлою лавою «или фронтомъ, и онъ, бывши въ разстройствѣ, не могъ «стоять и обороняться противъ копьевъ, а спасался «бѣгствомъ. Самъ Король нѣсколько разъ былъ окру«женъ козаками, но къ нему никто не прикасался,

«и даже ничѣмъ на него не мѣтилъ, а пропускалъ его «съ почтеніемъ : и онъ бросилъ отъ себя въ одну «партію кошелекъ съ деньгами , а въ другую партію «далъ часы золотые, ея командиру, который принялъ «ихъ, снявши съ себя шапку, съ великимъ почтеніемъ, «увѣривъ притомъ Короля, что онъ можетъ ѣхать «спокойно и ни чѣмъ не тревожась, ибо его ни кто «нетронетъ, а всякъ чтитъ съ благоговѣніемъ, яко «особу священную. Король, вздохнувъ и приподнявъ «руки, говорилъ Старшинѣ козацкому : «какъ я об- «манутъ отъ льстецовъ своихъ, называвшихъ васъ «козаковъ грубіянами и варварами! Напротивъ вижу «я въ васъ благородныхъ воиновъ и великодушныхъ «Христіанъ». — Погоня и убійство надъ Поляками «продолжилось до захожденія солнца; дорога и поле «покрыты были мертвыми и умирающими Поляками «на 15 верстъ разстоянія. На мѣстѣ сраженія со- «чтено и погребено до двадцати тысячъ, а въ томъ «числѣ много вельможъ и знатныхъ чиновниковъ, кои «погребены въ одной каплицѣ Католической ; а въ «добычу достался обширный станъ арміи Польской «со всѣми запасами и обозами, вся артиллерія съ ея «парками и весь станъ Королевскій и Вельможскій «съ богатыми палатками, сервизами и экипажами. «Словомъ сказать, обогатили и обременили добычею «сею всю армію козацкую.»

Такъ разсказываетъ объ этой рѣшительной битвѣ наша лѣтопись. Польскіе писатели хвалятся намъ подвигами своихъ военачальниковъ. Ихъ армія была расположена въ слѣдующемъ порядкѣ : Великій Канцлеръ Оссолинскій командовалъ правымъ крыломъ, которое состояло изъ конницъ : Королевской, Воеводъ

Бельжскаго и Подольскаго, Донгофа, и нѣсколькихъ пѣхотныхъ полковъ. Князь Корецкій и Юрій Любомирскій начальствовали на лѣвомъ крылѣ, къ нимъ присоединился Пузовскій и другіе Полковники. Центръ, гдѣ находился и самъ Король, былъ подъ командою Генералъ-Маіора Гувальда и Краковскаго Губернатора Вольфа; тутъ находились полки Нѣмецкіе, и шесть сотъ человѣкъ пѣхоты, нанятыхъ иждивеніемъ Подканцлера Сапѣги.

Татары растянулись на большое пространство и бросились потомъ на правое крыло. Отбитые оттуда, они сдѣлали натискъ на лѣвое, и смѣшали его. Подъ Корецкимъ была убита лошадь; стрѣла проскочила сквозь обѣ щеки у Пузовскаго. Онъ послалъ къ Королю донесть, что Крымцы одерживаютъ верхъ на ихъ флангѣ; самъ Король повелъ туда помощь; но Крымцы уже врѣзались въ конницу и опрокинули ее. Ночь прекратила битву. Въ Польскомъ станѣ разнесся слухъ, что Король хочетъ бѣжать съ вельможами. Король, чтобъ успокоить волнующееся войско, объѣхалъ весь станъ, при свѣтѣ факеловъ. Поутру, одинъ изъ плѣнныхъ Татаръ былъ отправленъ къ Хану съ переговорами. Но тогдаже Татары устремились на обозы; на валу развѣвалось уже козацкое знамя. Полководцы принуждены были употребить въ дѣло, своихъ слугъ; около полудня полученъ отвѣтъ Ханскій; битва прекратилась. Ханъ требовалъ возобновленія ежегодной дани ему отъ Поляковъ по девяносту тысячь злотыхъ и 180,000 за два года, въ которые ничег[illegible]сылали ему: съ тѣмъ только обѣщалъ прекло[illegible]ницкаго къ миру, а Гетманъ писалъ къ Королю, [illegible] «готовъ сложить съ себя Гетманское

«достоинство въ пользу вновь опредѣленнаго Гет-«мана Забусскаго, съ тѣмъ, чтобъ подъ покровитель-«ствомъ Его Величества дозволено было ему жить «безбѣдно и безопасно.»

Все это показаніе историковъ Польскихъ есть явная нелѣпость. Въ описаніи битвы мы видимъ чудеса Польской храбрости; дѣйствуютъ съ нашей стороны одни Крымцы, козаковъ какъ будто бы не было. И такъ, когда Ханъ склонился на сторону Королевства, могло ли оно заключить немедленно такой для себя невыгодный миръ? Сходно ли съ характеромъ, пылкимъ и непреклоннымъ, Хмѣльницкаго, его письмо къ Королю? Оно очевидно вымышленное. Кто говорилъ: «але мини Богъ такъ давъ, що я единовладный «Панъ Руській»? — Кто требовалъ выдачи Чаплинскаго и Вишневецкаго, а объ отпускѣ плѣнныхъ и слушать не хотѣлъ, прибавляя къ тому свое «нехай Король не думае»? — Этотъ самый человѣкъ, который былъ до побѣды такъ неуступчивъ, послѣ побѣды отказывается отъ Булавы? Кто манифестомъ объявилъ, что онъ примѣрами своихъ предшественниковъ наученъ понимать клятвопреступничество Поляковъ, тотъ неужели ввѣрился бы позволенію жить безбѣдно и безопасно какъ частный человѣкъ? и неужели Поляки не воспользовались бы этимъ? Тутъ очевидно ложь; тутъ ясно, что Полякамъ хотѣлось бы видѣть Гетманомъ не Хмѣльницкаго, а какого-то Забусскаго, котораго вѣроятно Хмѣльницкій посадилъ бы на колъ, еслибъ онъ явился къ нему.

Поляки бѣжали съ поля сраженія; Гетм[illegible]озвратился къ Зборажу; нѣсколько плѣнныхъ [illegible]иковъ и одинъ родственникъ Вишневецкаго, взятые подъ

Зборовымъ, были посланы въ городъ съ предложеніемъ о немедленной сдачѣ. Вскорѣ Вишневецкій прислалъ чиновниковъ; тамъ осажденные были въ горестномъ положеніи: болѣе мѣсяца, они питались лошадьми, собаками, кошками, мышами; теперь ужъ не стало у нихъ и этой пищи. Они начали ѣсть кожи, ремни и свою собственную обувь; трупы лошадей, помершихъ отъ голода, валялись на улицахъ, остальныя порывались ѣсть другъ друга; Вишневецкій, пользуясь отъ ранъ, ѣлъ супъ съ вареными мышами. Обезсиленному, престарѣлому Фирлею едва могли находить скудную пищу. Когда городъ былъ отпертъ, на носилкахъ вынесли Графа Синявскаго, и онъ не прожилъ шести мѣсяцевъ послѣ Збораждскаго страданія. Таково было положеніе осажденныхъ.

Наконецъ они сдались. Хмѣльницкій перемѣстилъ Вишневецкаго и всю шляхту подъ стражу, въ замокъ до разсмотрѣнія. Войско, выходя изъ воротъ, изнеможенное, высохшее какъ скелеты, шаталось и падало, прося у козаковъ пищи; ихъ накормили, но предостерегали, чтобъ не объѣлись послѣ голода, и потомъ распустили, обезоруженныхъ. Вишневецкій, по волѣ Гетмана, послалъ къ Королю Депутатовъ съ убѣдительнѣйшею просьбою о заключеніи съ Козаками вѣчнаго и прочнаго мира, и войско наше осталось въ городѣ и въ станѣ, ожидая, что скажетъ Гетманъ: миръ или войну.

Скоро получилъ Вишневецкій Королевское письмо: оно повелѣвало немедленно просить мира у Хмѣльницкаго, и извѣщало, что со стороны республики уже пріѣхали въ Зборово Коммиссарами Воеводы: Адамъ Кисель и Горбовскій. Со стороны Малороссіи

были высланы: Генеральный Писарь Кривонос, Генеральный Асаулъ Демьянъ Многогрѣшный, и Гетманскій Секретарь Иванъ Виговскій. Августа 20 написаны были, а Сентября 7 скрѣплены статьи договора.

«1.) Народъ Русскій со всѣми его областями, го-«родами, селеніями и всякою къ нимъ народною «и національною принадлежностію увольняется, осво-«бождается и изъемлется отъ всѣхъ притязаній, «претензій и должностей Польскихъ и Литовскихъ, «на вѣчныя времена, яко изъ вѣковъ вольный, само-«бытный и не завоеванный, а по однимъ доброволь-«нымъ договорамъ и пактамъ въ едность Польскую «и Литовскую принадлежавшій.

«2) Обоюдная вражда, и все непріятельское между «сими народами бывшее, прекращается и уничто-«жается, и предается вѣчному забвенію, и амнистія «всему тому дается и утверждается полная и совер-«шенная, служащая взаимно всѣмъ тремъ народамъ. «Тежъ и бытки альбо потери, войною и незлагод-«ствомъ починенные и понесенные каждою націею и «каждою особою, да зостаютъ безъ новроченья по-«иску и упомонки на вѣчные часы.

«3.) Народъ Русскій отъ сего часу есть и ма «быть не отъ кого, кромѣ отъ самого себя и Пра-«вительства своего, независимъ, а Правительство тое «избирается и установляется общею порадою, добро-«вольно отъ всѣхъ становъ, и приговоромъ чиновъ «съ товаришества, по стародавнимъ правамъ своимъ «и обычаямъ Русскимъ, и ни кто имъ въ томъ да «не мѣшаетъ, ни посредствуетъ, ни якимъ кольвекъ

«способомъ ни тайнымъ, ни явнымъ, а найборзѣ усиль-
«ствомъ.

«4) Религія Католическая Русская альбо Грече-
«ская маетъ зупильно равенство съ религіею Като-
«лическою Польскою альбо Римскою, и въ правахъ
«церковныхъ, и засѣданіяхъ, гдѣ кольвекъ Митро-
«политъ Русскій Кіевскій ма первое мѣсто по При-
«масу Польскому, а Епископы Польскіе съ Еписко-
«пами Русскими за ровно засѣдаютъ, и такъ ся ла-
«годятъ, якъ издавна бывало за Круля Баторія и
«инишхъ до начатку Уніи, которую въ землѣ Рус-
«ской до фундаменту кассуемъ, и на вѣчность, яко
«смутившую народы, породившую въ нихъ вражду
«и окипѣлую безмѣрною кровію Христіанскою. А
«въ иныхъ народахъ альбо земляхъ Польскихъ и
«Литовскихъ ме они подлеглость доброй воли мі-
«рянъ и ихъ шацунку, а безъ того сіи да не при-
«мутъ и держаты не мусятъ.

«5.) Границы Русскія установляются и утвержда-
«ются отъ Чернаго моря и Лиману Днѣпровскаго,
«въ гору, на полдень, по рѣкѣ Днѣстру, а отъ вер-
«шины его до рѣки Горыни, и отъ рѣки Горыни до
«рѣки Припети, и оттуда рѣкою Днѣпромъ до го-
«рода Быхова, и оттуда въ рѣку Сожь и Сожью
«до уѣзда Смоленскаго. А границы между рѣкъ, по
«твердой землѣ, указываются по гранямъ сельскимъ
«альбо войсковымъ, и яко селеніе куда отходъ,
«тутъ и грань принадлежитъ, и тѣ грани разберутся
«и поновятся Великими Судами Подкоморскимъ и
«Коммиссарскими.»

«6.) Верховный начальникъ и Господарь земли
«Русской ма буты Гетманъ, избираемый чинами и

«войскомъ, изъ среды себя, вольными голосами, а
«постаннему альбо инако повставшему не буты ни
«въ яку пору. Достоинство Гетмана Русскаго ма
«равенство зупельное съ Гетманами Коронными и
«Литевскими, а войска повольно имѣти въ полкахъ,
«наполняемыхъ отъ товаришества, сорокъ тысячь, а
«охочекомонного и Запорожского килько наберется;
«и козаки регистровые судомъ и послушествомъ
«повинны полкамъ и командамъ ихъ, донележе ко-
«закуютъ и состоятъ въ реестрахъ войсковыхъ; а
«по выслузѣ ворочаются подъ право свое шляхетское,
«и тому повиноватися учнутъ, якъ и все поспо-
«литство мае судитись, и розбыратись, каждый
«станъ по своимъ стародавнимъ правамъ и арти-
«куламъ, и никто ихъ ни въ чемъ да не неволитъ,
«не привлащаетъ, опричь долегливостей, правами
«установленныхъ.

«7.) Миръ и тишину въ народѣ Польскомъ съ
«народомъ Русскимъ уставуемъ вѣчные и незрадливые,
«подъ клятвою анаѳема и анаѳема нарушителя и
«зрадцу людскаго; а оборона отчизны каждому народу
«есть повольна, и каждый изъ нихъ самъ за себе ра-
«туетъ, а другаго не приневолюетъ; помочь между
«державами не лежитъ до згоды правленія народ-
«наго его по общей порадѣ; а инаково, повольно
«будетъ каждому воевать, альбо неутраль держать, и ни
«кто за то не пеняетъ, ни памятствуетъ подъ клятвами
«вышереченными; союзъ альбо протекція народа Рус-
«скаго съ народомъ Польскимъ и инымъ подлежитъ
«до порады и приговору зупельнаго отъ народа, яко
«въ рѣчи посполитой считатись третіею республикою.» —

Вторыя статьи были слѣдующія:

1.) Войску Запорожскому состоять въ 40,000.

2.) Въ списокъ козацкій вносить имена свои людямъ, въ городахъ Королевскихъ и шляхетскихъ живущимъ, исключая селъ и деревень. Города же оные, съ одной стороны Днѣпра, суть слѣдующіе: Димеръ, Горностайполь, Коростышевъ, Паволочь, Погребище, Прилука, Винница, Брацлавъ, а отъ Брацлава, даже до Ямполя къ Днѣстру; а съ другой стороны: Нѣжинъ, Остеръ, Черниговъ, Роменъ, даже до границъ Россійскихъ. По инымъ же шляхетскимъ городамъ не быть козакамъ, развѣ который будетъ принятъ въ козацкій списокъ по волѣ козацкаго Гетмана: такому позволяется переселиться со всѣмъ своимъ имѣніемъ, и тамъ, козацкую отправляя службу, пользоваться и вольностями козацкими.

3.) Городу Чигирину всегда оставаться при булавѣ войска Запорожскаго.

4.) Никто изъ Вельможъ не долженъ мстить подданнымъ своимъ, бывшимъ въ тѣ времена въ козакахъ.

5.) Войско Польское никогда не будетъ располагаться по квартирамъ въ городахъ и селахъ козацкихъ.

6.) Жиды также ни подъ какимъ видомъ не имѣютъ жительствовать въ селеніяхъ козачьихъ, для смущенія.

7.) Въ Коронѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, православнымъ церквамъ оставаться при своихъ древнихъ вольностяхъ и мастностяхъ какъ было изначала.

8.) Митрополиту Кіевскому имѣть мѣсто въ Сенатѣ съ иными Сенаторами.

9.) Въ Воеводствѣ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и

Черниговскомъ имѣютъ быть раздаваемы достоинства и чины только Русской шляхтѣ.

10.) Iезуитскія училища, какъ въ Кіевѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и селеніямъ козацкимъ, не должны оставаться, но да перенесутся на иныя мѣста; а которыя училища отъ давнихъ временъ основаны, тѣ да пребываютъ въ цѣлости.

11.) Вина не вольно продавать козакамъ квартою, а развѣ который пожелаетъ бочкою или котломъ.

12.) Всѣ сіи статьи имѣютъ быть утверждены вскорѣ на будущемъ сеймѣ.

Коль скоро статьи были получены Гетманомъ, онъ очистилъ всѣ Польскіе города и селенія отъ Малороссійскихъ войскъ. Козаковъ распустилъ по жилищамъ.

Во время пребыванія его при Зборажѣ, прибыли туда изъ Молдавіи Тимоѳей съ Тугай-Беемъ. Непріятели Липулы были разбиты на многихъ сраженіяхъ, въ особенности при Яссахъ и при Букарестѣ; Ракочи бѣжалъ съ Венгерцами въ Венгрію, Липула принялъ Господарство. Наединѣ, Тимоѳей признался отцу въ любви къ Иринѣ Липулиной, хвалился взаимностію и согласіемъ матери; но какъ одинъ изъ Потоцкихъ, будучи влюбленъ въ Ирину, также ищетъ ея супружества, то Господарь хочетъ выдать дочь не за него, а за Потоцкаго, котораго она ненавидитъ. Хмѣльницкій одарилъ и отправилъ въ Крымъ Тугай-Бея, и приложилъ къ Хану благодарственное письмо и подарки. Къ Пашѣ Силистрійскому писалъ, что по волѣ Султана и по его прозьбѣ нынѣ успокоенъ и утвержденъ Липула на Господарствѣ; но между тѣмъ показалъ, что оскорбленъ Господаремъ,

который, запрещая дочери своей выходить замужъ за Тимоѳея, насильно выдаетъ ее за ненавистнаго для нея Потоцкаго. Гетманъ заключилъ письмо просьбою къ Пашѣ объ его ходатайствѣ за Тимоѳея. Паша обѣщалъ не только стараться лично, но и увѣдомить о томъ Султана, и завѣрялъ, что Султанское предстательство будетъ успѣшнѣе.

Изъ подъ Збоража, Гетманъ, окруженный Старшинами и гвардіею, отправился въ Лавру, на богомолье. 1-го Октября, съ тріумфомъ, при пушечной пальбѣ, при колокольномъ звонѣ вступилъ въ Кіевъ; оттуда повелѣлъ по всей Малороссіи отправить молебствіе о счастливомъ освобожденіи народа отъ ига Польскаго. Черезъ двѣ недѣли поѣхалъ на отдыхъ въ Чигиринъ. 1 Октября.

ГЛАВА XVI.

Пріѣздъ Пословъ отъ трехъ державъ. Дары отъ Царя, Короля и Султана. Торговый договоръ съ Турками. Предложеніе онаслѣдственномъ гетманствѣ. Сеймъ въ Чигиринѣ. Посужденіе о покровительствѣ. Рѣчь Гетмана. Рѣчь Протопопа Гурскаго. Ропотъ народный. Сеймъ распущенъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ, пріѣхали въ Чигиринъ посланники трехъ державъ: отъ Султана, Османъ Ага и Узунь-Али, Паша Силистрійскій; отъ Царя, Василій Бутурлинъ и Князь Прозоровскій; отъ Короля и рѣчи посполитой, Канцлеръ Князь Любомирскій съ Воеводою Киселемъ.

Отъ Султана, получилъ Гетманъ поздравленіе и подарки: булатную саблю, кафтанъ, похожій на мантію, съ горностайными опушками, булаву, осыпанную жемчугами и драгоцѣнными каменьями; для козаковъ, сорокъ мѣшковъ съ серебряными Турецкими левами: все это было покрыто шелковою матеріею съ золотыми и серебряными цвѣтами. Съ Посланникомъ привезено повелѣніе къ Хану Крымскому и Пашѣ Силистрійскому, помогать Хмѣльницкому войсками.

Въ боченкахъ, обернутыхъ рогожами, привезъ Бутурлинъ казну для войска; а для Гетмана и Урядниковъ дорогіе мѣха, косяки парчей и другихъ матерій, сложенные въ кули и покрытые рогожами. Посолъ поздравилъ Хмѣльницкаго съ Зборовскимъ миромъ.

Кн. Любомирскій охотно или неохотно также поздравилъ его съ успѣшнымъ окончаніемъ предпріятій, и поднесъ тонкія сукна, нѣсколько десятковъ драгоцѣнныхъ ковровъ и поясовъ,—все покрытое дорогимъ ковромъ, подъ которымъ была казна для войска.

Три Посла предложили Хмѣльницкому наслѣдственное гетманство, и покровительство отъ своихъ властителей.

Бутурлинъ и Князь Прозоровскій желали удостовѣриться въ мирныхъ расположеніяхъ Гетмана, предпріимчиваго, дальновиднаго, сильнаго войскомъ и союзниками: Царь безпокоился и опасался мести, отвергнувши его подданство. «На Московское Госу-«дарство», отвѣчалъ Гетманъ, «я лиха никакого не «мыслилъ и впредь не умыслю.»

Осману Агѣ, Посланнику Турецкому, отвѣчалъ: «я «не отказываюся отъ союза и дружбы съ Импера-«торомъ, готовъ содержать съ нимъ миръ, яко даръ «Божественный и человѣку полезный, но не могу по-«ступить подъ его покровительство безъ предвари-«тельнаго совѣщанія о томъ съ народомъ, и обще-«ственнаго приговора. Потомственное достоинство «меня не льститъ; оно противно правамъ и обычаямъ «нашимъ, возстановленнымъ мною въ отчизнѣ съ по-«жертвованіемъ великаго числа воиновъ.» И такъ онъ оставилъ, такимъ отвѣтомъ, Османа въ надеждѣ, что желаніе Султанское исполнится. А между тѣмъ

былъ поставленъ торговый договоръ съ Турціею въ слѣдующихъ тринадцати статьяхъ.

1.) Султанъ позволяетъ козакамъ и народу Малороссійскому свободное плаваніе по всѣмъ морямъ своимъ и рѣкамъ, для торговъ и мѣнъ.

2) На сто лѣтъ избавляетъ купцовъ Украинскихъ отъ подати, мыта, и пошлинъ на товары.

3) Позволяетъ на сто лѣтъ заводить во всѣхъ городахъ и портахъ домы и складочные магазины.

4.) Резидентъ Малороссійскій будетъ имѣть пребываніе въ Константинополѣ.

5.) Для удержанія своевольныхъ людей отъ морскихъ разбоевъ, войско Запорожское заложитъ нѣсколько городовъ ниже пороговъ, до устья Буга въ Днѣпръ.

6.) Если бы кто изъ козаковъ самовольно началъ морской грабежъ, такихъ судить при Султанскомъ Резидентѣ; но свободная торговля тѣмъ не уничтожается.

7.) Еслибы кто изъ Донскихъ козаковъ началъ своевольствовать на морѣ, то взаимно вспомоществовать другъ другу для того, чтобъ очистить море.

8.) Если какая галера преступила права Султанскія, начальника той галеры наказать; но самая галера и работники остаются свободными.

9.) Если козацкій корабль будетъ разбитъ у береговъ Султанскихъ, всѣ вещи, спасенныя, должны быть отданы владѣльцу или его наслѣдникамъ.

10.) Взысканія по долгамъ должны быть обоюдны и немедленны.

11.) Галеръ козацкихъ употреблять ни на какую службу Султанъ не имѣетъ права.

12.) Когда козакъ умретъ въ Турціи, то хотя бы онъ и отписалъ кому нибудь не козаку свое имѣніе, оно должно быть возвращено наслѣдникамъ.

13) Выкупъ невольниковъ разрѣшается обоюдно; выдача бѣглыхъ невольниковъ также должна быть исполняема обоюдно.

Хмѣльницкій Любомирскому совѣтовалъ уговорить Короля и Сеймъ, чтобъ Магнаты и рѣчь посполитая не измѣняли чести и совѣсти и не нарушали бы статей Зборовскаго договора.

Тогда разослалъ онъ предписанія во всѣ города и мѣста Правительственные, чтобъ прибыли къ нему въ Чигиринъ депутаты отъ чиновъ и народа, на Сеймъ Генеральный, по примѣру Сейма Варшавскаго; кромѣ тѣхъ депутатовъ, изъ каждаго полка потребовалъ по четыре козака и по три Старшины. На съѣздѣ онъ объявилъ грамоты всѣхъ трехъ Государей, подарки и предложенія вступить въ ихъ покровительство.

Противъ покровительства Турецкаго стояли сердце и вѣра: музульманство и Христіанство такъ несходны. Единовѣрцы наши, Греки, нерѣдко угнѣтаемы и всегда презираемы.

Противъ Поляковъ говорила неугасимая народная ненависть, хвастовство и чванство Магнатовъ и шляхты, безчеловѣчіе и гордость ихъ въ счастьи, низость въ неудачахъ, 210 лѣтъ всегдашнихъ придирокъ, 58 лѣтъ непрестаннаго гоненія, грабежей, насилій, кровопролитія и Уніи. Противъ Поляковъ говорилъ Малороссіянамъ безтолковый Варшавскій Сеймъ, гдѣ нѣтъ законовъ, гдѣ за « недозволямъ! » одного выскочки—шляхтича, нельзя добиться правды, и цѣлое Государство должно страдать.

Что говорило Малороссіянамъ противъ Москвы? Отъ слова до слова мы выпишемъ разсказъ нашей лѣтописи:

«Чины и народъ Малороссійскіе, побывши двѣсти «шестьдесятъ восемь лѣтъ въ соединеніи съ Польшею, «шестьдесятъ шесть лѣтъ за одно съ Литвою, вку-«сили и напитались слишкомъ вольностей и свое-«вольствъ тамошнихъ, т. е. добраго и худаго на-«выку, а урядники и чиновники здѣшніе и того «болѣе заразились властолюбіемъ и присвоеніемъ «себѣ начальства и неподчиненности. Посему, первымъ «было несогласіе на всякую подчиненность и про-«текцію иностранную, а того больше, видѣть у себя «наслѣднее гетманство, порученное Хмѣльницкому. «Гетманъ съ клятвою принужденъ увѣрять ихъ, что «предложенное ему наслѣдственное правленіе тогда «же имъ отвергнуто, и онъ на него никогда не согла-«сится, яко на самый опасный камѣнь пр тыканія, «на который всѣ падшіе сокрушаются и возстать не «могутъ, и что онъ больше ихъ знаетъ, яко соста-«рѣвшійся въ дѣлахъ политическихъ, каковому пра-«вительству въ сей землѣ надлежитъ быть; а что «принадлежитъ до протекціи, то она не токмо намъ «полезна, но почти неизбѣжна, а здравомыслящій «человѣкъ или совершенный политикъ съ перваго «взгляда примѣтитъ, что самое положеніе земли нашей, «открытой со всѣхъ сторонъ, и неудобной къ укрѣ-«пленію, дѣлаетъ насъ игралищемъ неизвѣстной судьбы «и слѣпыхъ случаевъ. Ежели же обольстили и воз-«гордили васъ многія и великія побѣды наши надъ «непріятелемъ, и пріобрѣтенная черезъ то слава, по-«чти всегосвѣтная, то значитъ, друзья и братія, что

« это работала болѣе восторженность народная, под-
« вигнутая крайнею жестокостью Польскою, и крайнимъ огорченіемъ и изступленіемъ народнымъ; и « сколько при томъ пріобрѣли мы славы, столькô же « нажили тѣмъ и завистниковъ, которые при всѣхъ « случаяхъ, а иногда и нарочито, для собственной безопасности и осторожности своей, не преминутъ « всѣвать между нами плевелы, и испытывать насъ, « какъ лѣкари испытуютъ больныхъ своихъ, щупая за « пульсъ. И мы вѣрно навсегда таковы будемъ, каковы были и есмы, то есть, непобѣдимыми, чего ни « одинъ народъ присвоить себѣ не осмѣлится, не отвергнувъ промысла Божія, который одинъ всѣмъ « движетъ и—сего крѣпитъ и возводитъ, а сего разслабляетъ и низводитъ, а замѣчательнѣй въ поражевьяхъ Его есть гордость и высокомѣріе народовъ.»

Справедливость и убѣдительность, краткой, но краснорѣчивой, гетманской рѣчи успокоили депутатовъ и урядниковъ. Въ его словахъ дѣйствительно видны были: дальновидность великаго политика, опытность старика, познаніе народа и земли своей. Въ этой рѣчи ясно свѣтилась душа генія, который былъ избавителемъ своего отечества. Оставалось труднѣйшее: что избрать?

Чигиринскій Сеймъ, не разсуждая, съ перваго разу, единогласно отвергнулъ Польское покровительство. Оставались Москва и Царьградъ. Голоса раздѣлились: старики, и съ ними самъ Гетманъ, предпочитали Москву, единовѣрную, единоплеменную. Генеральный Асаулъ Богунъ и съ нимъ всѣ молодые не рѣшались на Москву, но въ тоже время имѣли непреоборимое отвращеніе къ покровительству Магометанъ. Чтоже

мѣпало имъ въ Москвѣ? Они не предвидѣли того, что козаки, мѣщане и всѣ классы свободные, черезъ два вѣка ихъ толкованій на Чигиринскомъ Сеймѣ, остаются свободными; они не могли понять, что посполитству, указанному на ранги, пріятнѣе и полезнѣе доставаться по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, а не переходить отъ одного урядника къ другому вмѣстѣ съ рангомъ; они не раздумали, что владѣлецъ ранговаго имѣнія имѣетъ надъ посполитствомъ того имѣнія, если не туже самую, то еще большую власть, нежели помѣщикъ наслѣдственный. Посполитство было испугано Боярами Московскими и властію ихъ: они боялись попасть въ руки новыхъ Магнатовъ и арендаторовъ; шляхетство боялось уничтоженія правъ своихъ; оно не могло предвидѣть, что современемъ, когда сольются оба народа воедино, это шляхетство ихъ станетъ Дворянствомъ Великороссійскимъ, и что они наравнѣ съ Московскими Боярами, съ Остзейскими Баронами, займутъ въ Совѣтахъ Государственныхъ и въ войнѣ первыя мѣста, что изъ нихъ наконецъ будутъ Первосвятители, Государственные Канцлеры и Главнокомандующіе.

Они не поняли этого, и въ тогдашнее собраніе народное Хмѣльницкій ни на что не могъ ихъ преклонить.

Турки ненавидятъ Христіанства: у нихъ наше богослуженіе въ омерзѣніи; крестныхъ ходовъ тамъ не можетъ быть; ужасно казалось Христіанамъ, чтобъ Христіанинъ отдалъ себя въ покровительство Магометанину, или, какъ выражались они, Бесерменину.

Поляки дали имъ знать себя; о посполитой рѣчи вспоминать не хотѣли.

Оставалась Москва; но она не защитила народа Русскаго, когда онъ былъ въ гоненіи; она не помогала ему въ борьбѣ съ Ляшествомъ и съ Уніею за православіе. Ихъ пугали раскольники: «одни погру-«женцы, другіе обливанцы», говорили простодушные и необразованные козаки и урядники; «у однихъ «попы, у другихъ безпоповщина; на Московщинѣ «столько вѣръ, сколько слободъ, а въ слободахъ — «иногда сколько домовъ; насъ никто въ домъ къ «себѣ не пуститъ съ трубками: у нихъ вся вѣра въ «томъ, чтобъ бороды не брить и табаку не курить «и не нюхать.» Такъ толковалъ простой народъ, когда выступилъ впередъ Черкасскій Протопопъ Ѳедоръ Гурскій; въ народѣ онъ слылъ великимъ Богословомъ и проповѣдникомъ. Все смолкло; онъ началъ:

«Отъ трехъ царей или волхвовъ поднесены были «младенчествовавшему Христу Спасителю дары: зо-«лото, ливанъ и смирна; дары сіи предзнаменовали «бытіе, страданіе и возвращеніе въ небо. Злато «предрекало царствованіе, ладанъ — погребеніе, «смирна — Божественность. Такъ и сіи дары, под-«носимые тремя царями младенчествующему народу, «знаменуютъ участь его: чѣмъ покрыты или одѣяны «дары сіи, тѣмъ покроется и народъ, ими прельстив-«шійся. Дары Польскіе покрыты ковромъ, то и на-«родъ съ Поляками будетъ имѣть ковры; дары Ту-«рецкіе покрыты тканію шелковою, то и народъ «облечется въ шелкъ; дары Московскіе покрыты ро-«гожками, то и народъ, соединившійся съ Москви-«тянами, одѣнется въ рогожки и подъ рогожки. И «сіи предзнаменованія вѣрнѣе и превосходнѣе всѣхъ «оракуловъ на свѣтѣ!»

Хмѣльницкій, славою, опытностію,краснорѣчіемъ не подѣйствовалъ на народъ. Гурскій забавною выходкою и неожиданнымъ примѣненіемъ поразилъ умы простодушные. Не было того, кто коверъ Польскій могъ бы примѣнить къ застилкѣ гробовой, кто изъ шелку Турецкаго свилъ бы Визирскій снурокъ, кто рогожкой и мѣхами Московскими напомнилъ бы богатую шубу соболью въ зимней кибиткѣ. Можетъ быть, онъ остановилъ бы народное волненіе; но въ собраніи тогда поднялся ропотъ и шумъ на Хмѣльницкаго; его называли измѣнникомъ и предателемъ отечества, подкупленнымъ отъ Русскихъ Пословъ.

А между тѣмъ послѣдствія оказали, что Хмѣльницкій былъ истиннымъ благодѣтелемъ своего народа, и что только сліяніе Малороссіянъ съ Москвою могло упрочить общее благосостояніе Россіи.

Послы разъѣхались по городу.

Гетманъ началъ успокоивать: повторялъ свои клятвы, увѣрялъ, что никогда не имѣлъ въ мысляхъ намѣренія приневоливать ихъ, принуждать къ поврежденію правъ и свободы; что это былъ только совѣтъ; что и теперь находитъ онъ необходимостью для Малороссіи утвердиться союзомъ съ какимъ нибудь другимъ народомъ. Таковыхъ союзовъ, говорилъ онъ, ищутъ всѣ благоустроенныя державы, и тѣмъ болѣе должна объ нихъ позаботиться Малороссія и по положенію земли и по новости состоянія.

Ропотъ затихъ. Гетманъ распустилъ Депутатовъ и одарилъ чужеземныхъ Пословъ. Описавъ въ отвѣтныхъ грамотахъ послѣдствія перваго Сейма Чигиринскаго, увѣрялъ каждаго изъ Пословъ, что будетъ увѣщавать народъ и войско въ пользу его Госу-

даря, что теперь они имѣютъ отвращеніе отъ покровительства, но что со временемъ оно пройдетъ, и тогда онъ будетъ имѣть надежду на успѣхъ. Послы были отпущены съ почестями и благодарностію.

Такъ окончилось первое предпріятіе Хмѣльницкаго соединить съ Москвою Малороссію.

ГЛАВА XVII.

Варшавскій Сеймъ. Пасквили. Непріятности Митрополиту. Обиды Киселю отъ Козаковъ. Казнь Гладкого. Рыбинскій полкъ. Число полковъ и козаковъ. Движеніе войскъ Королевскихъ. Жестокости Потоцкаго съ Малороссіянами. Увеличеніе войска Козацкаго. Полкъ Изюмскій. Нобилитація. Нападеніе Поляковъ на Нечая. Битва подъ Винницею. Посольство къ Хану. Посольство отъ Султана. Хитрости рѣчи Посполитой. Посольство Гетмана въ Москву. Новый Сеймъ Варшавскій. Послы Хмѣльницкаго въ Варшаву. Соборъ въ Москвѣ и толкованіе о Козакахъ. Побѣды Хмѣльницкаго. Битва подъ Вознесенскимъ монастыремъ. Битва у Житомира. Земли Булавинскія. Полки Сумскій, Ахтырскій и Харьковскій. Посполитое рушенье. Ханъ приходитъ на помощь Гетману. Битва Берестечская. Измѣна Хана. Бѣгство Козаковъ. Переговоры съ Потоцкимъ. Добыча Поляковъ. Гибель послѣднихъ остатковъ нашего войска.

Янъ Казиміръ пріѣхалъ въ Варшаву; былъ созванъ Сеймъ; статьи Зборовскія были предложены Магнатамъ и Сенаторамъ. Они не приняли въ оправданіе необходимость, въ которой находились Король и Оссолинскій; она не была уважена; ихъ забросали пасквилями, и хотя Сеймъ утвердилъ миръ, но статей его не включилъ въ общія государственныя узаконенія. Киселя сдѣлали Кіевскимъ Воеводою и опять послали къ Хмѣльницкому; приказали ему расписать и учредить сорокатысячное войско Запорожское,

какъ должно для выгоды республики; шляхетство Польское ввести въ помѣстья Украинскія.

Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ пріѣхалъ въ Варшаву на Сеймъ. По Зборовскому договору, ему 1659.
должно было занять въ Сенатѣ мѣсто. Ксензы, члены Сената, осыпали его оскорбленіями и объявили, что оставятъ мѣста свои, и выйдутъ изъ собранія, коль скоро вступитъ туда врагъ Папы. Люди опытные, свѣдущіе въ политикѣ, любящіе отечество, говорили, что это раздражитъ Хмѣльницкаго, что Митрополитъ будетъ у нихъ въ видѣ заложника, что Адамъ Кисель, не смотря на свое Греческое вѣроисповѣданіе, засѣдаетъ въ Сенатѣ и оказываетъ весьма важныя услуги Королевству. Изувѣры остались при своемъ мнѣніи; ни что не могло преклонить ихъ къ разсудительности; они кричали, что Король не имѣетъ права вносить въ мирныя соглашенія статьи вредныя, предосудительныя, противорѣчащія древнимъ уставамъ церкви. Неожиданно Кіевляне увидѣли возвращеніе Митрополита въ Кіевъ.

Адамъ Кисель въ свою очередь извѣдалъ отъ Козаковъ непріятности. Потомокъ Свѣнтольдовъ, онъ, и съ нимъ Русскіе же уроженцы, повѣтовый судья Проскура и многіе другіе прибыли въ Кіевъ. Уже Зборовскій договоръ былъ опубликованъ; Воевода и его товарищи начали искательства передъ Гетманомъ; доказывали, что ни по какимъ законамъ, за свою службу въ Польшѣ, не могутъ они терять родовыхъ имѣній въ Малороссіи; что они въ силахъ нести службу и въ Украйнѣ, какъ несли ее у рѣчи посполитой. Гетманъ передалъ ихъ дѣло Трубуналу, и просителямъ позволено было вступить во владѣніе

помѣстьями Украинскими, присягнувъ напередъ въ вѣрности своему отечеству Малороссійскому. Но Кіевскіе, Переяславльскіе и Бѣлоцерковскіе козаки взбунтовались; ихъ поджигали судья Гуляницкій, и Миргородскій полковникъ, Гладкій. Воеводу съ товарищами выгнали, многихъ ограбили и перебили; Кисель убѣжалъ. Гетманъ подосадовалъ, нашелъ дѣло важнымъ, передалъ его въ уголовный Трибуналъ; къ Трибуналу присоединилъ военную Коммиссію; розыскали виновниковъ; судили ихъ по законамъ, и приговорили къ смертной казни; Гладкому отрубили голову, а Гуляницкій съ тремя войсковыми Старшинами скрылся въ Молдавіи; многіе изъ товарищества Козаковъ и Старшинъ были наказаны палками, тюрьмою, а другіе были прикованы къ пушкамъ. При розыскѣ, большая часть имущества Поляковъ была возвращена владѣльцамъ; войско явно роптало на Хмѣльницкаго: говорили, что Полякамъ похлѣбствуетъ, гонитъ безвинно единоземцевъ, и тогда же многіе вышли съ семействами, прошли вооруженною рукою внизъ по Донцу, и тамъ поселясь, составили Рыбинскій полкъ.

Сеймъ взволновался; Польскіе владѣльцы возобновили жестокости съ своими крѣпостными Малороссіянами; народъ негодовалъ на Хмѣльницкаго за то, что онъ предалъ тяжкому рабству: въ особенности пили горькую чашу подданные Конецпольскаго и Вишневецкаго. Хмѣльницкій предвидѣлъ это, и даже во время Зборовскаго договора громко сказалъ всѣмъ присутствовавшимъ: «Король — государь доб«рый, но Паны, якъ собаки, будутъ на іого брехаты «до тыхъ поръ, покуда миръ не кончится.» Чтобъ

прекратить это, Гетманъ предоставилъ Малороссіянамъ свободу— селиться на прежнихъ мѣстахъ, или поступать въ охотное войско, подъ именемъ добровольныхъ козаковъ , и тогда же раздѣлилъ Малороссію на пятнадцать полковъ, которые по инымъ составляли тридцать семь тысячь пять сотъ сорокъ девять, по инымъ тридцать пять тысячь девять сотъ тридцать пять, а по инымъ пятьдесятъ семь тысячь восемь сотъ восемдесятъ девять человѣкъ войска регистроваго, а *охочекомонного безъ числа*.

Янъ Казиміръ приказалъ возвращенному изъ плѣна Николаю Потоцкому, выставить войско въ Каменцѣ Подольскомъ, для наблюденія Малороссіянъ. Магнаты, какъ предвидѣлъ Хмѣльницкій, первые подвигнули Короля на столь непріятное дѣйствіе. Оссолинскій умеръ; его мѣсто заступилъ Радзіевскій, который не имѣлъ миролюбныхъ мнѣній своего предшественника: гроза готова была разразиться.

Хмѣльницкій принималъ Польскихъ депутатовъ и жалобы отъ Поляковъ помѣщиковъ на Малороссійскихъ крестьянъ. Въ это время донесли ему о движеніи Королевскаго войска, подъ начальствомъ Потоцкаго. Будучи на-веселѣ, онъ вскипѣлъ, и въ первомъ порывѣ гнѣва велѣлъ утопить Депутатовъ; къ счастію, Виговскій не исполнилъ приказанія, которое на другой день было отмѣнено. Отправленъ былъ Кравченко къ Потоцкому съ вопросомъ: для чего онъ въ мирное время расположилъ лагерь свой у Каменца Подольскаго? — Этотъ отвѣчалъ, что « по древнему обычаю Поляки всегда содержатъ гото« вое войско на границахъ. » — Королевство не нуждается въ стражѣ: оно ограждено козаками, говорилъ

Кравченко. — «Какіе это защитники, когда допуска-«ютъ они крестьянъ оскорблять помѣщиковъ? Къ «томужъ, по какому праву Хмѣльницкій, не увѣдо-«мивъ Короля, отправилъ войско въ Молдавію?»— Отклоняя послѣдній вопросъ, Кравченко рѣшительно требовалъ, чтобъ ему сказали — для чего собрано войско у Каменца Подольскаго? — «Я расположился здѣсь», отвѣчалъ Потоцкій, «по повелѣнію Короля, и «безъ его повелѣнія не сниму лагеря.» — Кравченко уѣхалъ; а Польскій полководецъ занялся четвертованіемъ Малороссіянъ, началъ ихъ сажать на колъ, изливалъ ярость за удачи козаковъ въ Молдавіи: это было во время походовъ молодаго Хмѣльницкаго. Жители окрестностей Каменца, которые могли избѣгнуть смертной казни, являлись къ Гетману безъ ушей и безъ носовъ. Онъ началъ заботиться объ увеличеніи войска: устроено было восемнадцать полковъ изъ 37600 регистровыхъ; корпусъ, подъ предводительствомъ Вице-Обознаго Генеральнаго, иностранца Фридегайла, въ 4550 человѣкъ; при немъ иностранцевъ мастеровъ 47 волонтеровъ; 15 полковъ охочекомонныхъ, состоявшихъ изъ 14500, и Запорожцевъ 12000, а всего войска составилось 68,697 человѣкъ: въ томъ числѣ 20000 пѣхоты, обученной всѣмъ движеніямъ и построеніямъ; она умножалась, въ случаѣ надобности, спѣшенными козаками.

Предвидя новую грозу и боясь разореній, всегда сопряженныхъ съ войною, пограничные съ Польшею козаки, въ особенности тѣ, которые жили околицами и куренями надъ Стыремъ, Случью, Сожемъ и Припетью, выбрались изъ жилищъ подъ предлогомъ удаленія внутрь Малороссіи; но прошли далѣе къ Дон-

цу, и недалеко отъ Рыбинска основали новый полкъ— Изюмскій. Выходъ этотъ случился во время укомплектованія регистровыхъ козаковъ. Тогда Гетманъ произвелъ во всей Малороссіи нобилитацію — подъ этимъ словомъ разумѣлъ онъ производство въ козаки: нобилированы были свободные жители, войсковые и городовые, которые въ прежнія времена служили волонтерами, Запорожцами и въ полкахъ охочекомонныхъ; для этого было необходимо достаточное свидѣтельство; другихъ жителей не нобилировали; это производство разбиралось строго: только природное происхожденіе или доказательства на заслуги допускали къ титлу Козака, потому что козацство всегда почиталось шляхетствомъ. И такъ, новыхъ козаковъ, нынѣ произведенныхъ въ это званіе, или получившихъ, по тогдашнему выраженію, нобилитацію, повелѣно было вписать въ Козацкіе компуты, привесть къ присягѣ и считать на ряду съ другими козаками, и въ одномъ съ ними достоинствѣ шляхетскомъ. Конисскій, имѣя въ рукахъ списки козацкіе и компуты, говоритъ, что были видны при нѣкоторыхъ фамиліяхъ отмѣтки о недавней ихъ нобилитаціи, и потому, прибавляетъ онъ въ своей лѣтописи, весьма несправедливо иные заключаютъ, что въ Малороссіи можно было свободно переходить изъ козаковъ въ крестьяне и изъ крестьянъ въ козаки.

И такъ войско наше было увеличено, собрано и готово. Но Хмѣльницкій былъ слишкомъ благороденъ, чтобъ начать войну, хотя безчеловѣчіе Потоцкаго и приближеніе Польской арміи къ Каменцу давали ему полное на то право. Поляки сами нарушили миръ, и — подлымъ, безстыднымъ образомъ. Они не объявили

формальной войны, не объявили причинъ къ начатію непріязненныхъ дѣйствій: вдругъ, нечаянно, ночью, напали на отрядъ Черкаскаго Полковника Нечая, который лагеремъ стоялъ близъ мѣстечка Краснополья, и разбили его на-голову. Пасторій говоритъ, будто бы къ этой битвѣ подалъ поводъ самъ Нечай, опустошивъ Польскую Подолію и умертвивъ Депутатовъ Конецпольскаго, въ присутствіи Турецкаго посланника; но этого извѣстія нигдѣ, кромѣ Пасторія, мы не читали. Наши лѣтописи говорятъ напротивъ, что Нечай спокойно праздновалъ дни мясопустные и пилъ вино, когда Калиновскій напалъ на него. Генеральный Асаулъ Богунъ, услышавъ о пораженіи Малороссіянъ, переправился чрезъ Бугъ, и тамъ узналъ о смерти Нечая, который былъ убитъ, во время битвы, шляхтичемъ Байдузою; тогда Богунъ взрубилъ ледъ на рѣкѣ, и давъ ему въ двѣ ночи подмерзнуть, забросалъ соломою. Поляки торжествовали побѣду надъ Нечаемъ, заковали своихъ плѣнниковъ: то было подъ Винницею. Въ это время набѣжалъ на нихъ Богунъ, и убійство началось страшное; напрасно Поляки просили «згоды», т. е. пощады; козаки, отвѣчая, что «згода воинамъ, а зрад-«цамъ кара!», рѣзали ихъ безъ милосердія. Поляки бросились въ бѣгство, и поскакали въ Винницу, черезъ Бугъ; некрѣпкій ледъ обломился, и множество ихъ перетонуло. Оба лагеря, и Польскій и Нечаевъ, со всѣми обозами, досталися Богуну; 3716 Поляковъ, и въ томъ числѣ Полковникъ Казиміръ Каневскій, были похоронены, кромѣ погибшихъ въ волнахъ Буга.

Калиновскій отступилъ къ Бару въ безпорядкѣ,

успѣлъ снабдить Каменецъ сильнымъ гарнизономъ; отбиваясь отъ Малороссіянъ, пошелъ изъ Каменца къ Соколу. Асаулъ Демко и писарь Тетеря остались осаждать Каменецъ; Богунъ преслѣдовалъ Калиновскаго, и далъ знать Хмѣльницкому о началѣ дѣйствительной войны. Къ Хану Крымскому поѣхалъ вѣстникъ съ извѣстіемъ о вѣроломномъ нарушеніи мира Поляками, и съ просьбою о присылкѣ вспомогательнаго войска. Ханъ отвѣчалъ, что Крымцы готовы къ его услугамъ, что онъ ужъ далъ знать о томъ Султану и не замедлитъ прислать войско, а можетъ быть и самъ приведетъ его, если не помѣшаютъ ему Москвитяне, которые строютъ укрѣпленія на границахъ Орды.

Тогда пріѣхалъ къ Гетману Ага Турецкій Нурадинъ, съ предложеніемъ отъ Султана, чтобъ Малороссія присоединилась къ Портѣ; самыя выгодныя условія предложены были со стороны Турціи. Дружелюбно принявъ Агу и угощая его пышно, Гетманъ отклонилъ до времени покровительство Султана; онъ сказалъ, что народъ, избравшій его предводителемъ и главою своимъ, не расположенъ еще къ протекціямъ; что такимъ предложеніемъ, столь неудачнымъ уже на Сеймѣ Чигиринскомъ, онъ можетъ нажить себѣ ненавистниковъ; но будетъ мало помалу преклонять къ тому народъ и войско. Тогда предложено было Гетману идти съ Султаномъ войною на царство Московское, для исторженія царства Астраханскаго, съ тѣмъ, что часть земель, отвоеванныхъ Султаномъ отъ Москвы, будетъ удѣлена для Малороссіи. Гетманъ при послѣднемъ предложеніи показалъ удовольствіе. Этимъ чувствомъ, изъявленнымъ не

отъ души, но изъ видовъ политическихъ, онъ завлекъ Хана въ войну съ Польшею, и между тѣмъ извинялся невозможностію въ это время приступить къ дѣлу, указывая на войну съ Польшею, которая началась уже. Если Султанъ разрѣшитъ Хану, говорилъ онъ, придти на помощь Малороссіянамъ, то война скоро окончится, и тогда козаки готовы будутъ на всѣ предпріятія Султана: тогда уже не будетъ имъ противурѣчить ни совѣсть, ни единовѣріе Москвитянъ, ни народные предразсудки; тогда, по долгу чести, они будутъ обязаны вступиться за союзника и наблюдать его пользы и выгоды.

Видя сдѣлки съ Ордою и Портою, и пугаясь соединенія Малороссіянъ съ царствомъ Московскимъ, Поляки вздумали прибѣгнуть къ хитростямъ. Они знали наклонность Хмѣльницкаго къ Царю Алексѣю Михайловичу, прослышали, о чемъ толковалъ онъ съ Нурадиномъ; случай представился поссорить Царя съ Гетманомъ: Албертъ Пражмовскій поспѣшилъ въ Москву; тамъ объявилъ онъ Боярамъ, что « Король *по* « *дружбѣ и любви къ Государю* предостерегаетъ его « въ умыслѣ Хмѣльницкаго, готовящагося, по наущенію Турецкаго двора, не только соединить свои « войска съ Татарами, но и напасть на предѣлы Россійскіе, что козацкіе послы тщетно увѣряли Короля въ Варшавѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ, о вспомогательномъ войскѣ, и что, въ случаѣ непріязненныхъ « дѣйствій самовольныхъ козаковъ на Россію, Король « предвидитъ невозможность удержать ихъ стремленіе, а потому опасается, чтобъ Государь не возимѣлъ на него неудовольствія. »

Эта шутка Полякамъ не удалась: Хмѣльницкій

былъ дальновиденъ, и предупредилъ уже Царя о переговорахъ съ Нурадиномъ. Едва Турецкіе посланники выѣхали, довольные, щедро одаренные, съ полною надеждою на Гетмана, какъ извѣстіе о томъ явилось уже въ Москву. Между прочимъ Царь узналъ изъ письма Гетманова о началѣ новой войны съ Поляками; Хмѣльницкій просилъ убѣдительно о пособіи, или, по крайней мѣрѣ, диверсіи на область Смоленкую и на Бѣлоруссію. Это движеніе должно было отвлечь въ другую сторону часть Поляковъ, а Малороссіянамъ такой поступокъ показалъ бы и пріязнь и готовность Царя къ защитѣ народа единоплеменнаго и къ Москвѣ приверженнаго. Гетманъ бралъ на свою совѣсть, на свой отчетъ, возможность преклонить наконецъ всѣхъ и каждаго къ присоединенію двухъ Россій во-едино. Царь благодарилъ Гетмана за извѣщеніе и за усердіе, обѣщалъ прислать помощь, отправить войско подъ Смоленскъ и Бѣлоруссію, однакожь безъ объявленія Полякамъ войны. Онъ не хотѣлъ прослыть нарушителемъ мира, и высылку войскъ былъ намѣренъ сдѣлать подъ видомъ союзныхъ обстоятельствъ, если не помѣшаютъ тому непріятные слухи, приходящіе изъ Астрахани и другихъ мѣстъ, въ которыхъ съ недавнихъ временъ « на« чало шевелиться что-то неладное ».

И такъ Полякамъ хитрость не удалась. Бояре отвѣчали Пражмовскому, что « какъ козаки подданные « Поляковъ, то ихъ нападеніе на Россію почтется на« рушеніемъ, со стороны республики, мирнаго дого« вора, и для того Король, не допуская до такого « самовольства, долженъ непремѣнно унимать ихъ;

«нападеніе же Крымцевъ не страшно и рать на «нихъ готова.»

Война уже началась, но не была объявлена. Янъ Казиміръ отправилъ еще письмо къ Хмѣльницкому; его убѣждали писать — Вишневецкій, лишенный почти всѣхъ своихъ доходовъ, и другіе Магнаты; въ этомъ отзывѣ были укоризны Гетману въ самовольномъ его вторженіи въ Молдавію, и въ неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ, и кромѣ укоризнъ, повелѣніе ввести дворянъ въ ихъ владѣнія, а козаковъ распустить по зимнимъ квартирамъ. Гетманъ не заблагоразсудилъ исполнить повелѣній. Въ концѣ года былъ созванъ въ Варшаву Государственный Сеймъ; чинамъ было представлено презрѣніе Хмѣльницкаго къ республикѣ, неуваженіе къ Королевскимъ предписаніямъ; вычисляли убытки, понесенные панами; толковали объ ограниченіи Малороссійскаго войска; находили, что Украйна можетъ выставить восемьдесятъ тысячь козаковъ, а Хмѣльницкій увеличиваетъ еще армію свою Турками и Татарами; заботились о томъ, что Гетманъ хочетъ отложиться, хочетъ составить независимую, отдѣльную провинцію, подъ покровительствомъ Султана. Мнѣнія пановъ раздѣлились: одни, припоминая Баръ, Желтыя воды, Зборовъ, Зборажъ, требовали, чтобъ не нарушали Зборовскихъ статей; другіе, похрабрѣе, требовали поголовнаго истребленія Козаковъ, доказывая, что безъ того рѣчь посполитая, знаменитая республика, погибнетъ; что вскорѣ козаки составятъ народъ независимый и погубятъ Польшу; что Королевство имѣетъ еще довольно силъ для погашенія мятежа въ его началѣ, для низложенія могущества, еще находящагося во младенчествѣ. Ко-

роче сказать, премудрость Сейма была явственна въ этихъ спорахъ и толкованіяхъ.

Узнавъ о съѣздѣ чиновъ въ Варшаву, Хмѣльницкій пригласилъ Пословъ съ слѣдующими предложеніями:

1. Для отвращенія общей недовѣрчивости, четыремъ знатнѣйшимъ чиновникамъ подтвердить присягою статьи Зборовскія.

2. Прислать аманатовъ, Іеремію Вишневецкаго, Конецпольскаго, Калиновскаго и Любомирскаго, которые будутъ жить въ своихъ помѣстьяхъ Украинскихъ, безъ тѣлохранителей.

3. Возвратить благочестивымъ тридцать восемь церквей, отнятыхъ Уніатами.

Тщетно доказывали благомыслящіе люди своимъ бурнымъ соотечественникамъ умѣренность требованій; статьи были опровергнуты; духовенство не отдавало церквей, Магнаты ругали Гетмана за недовѣрчивость къ республикѣ и къ слову Королевскому. Кажется, впрочемъ, и цѣлыя столѣтія доказывали, что Панамъ, Посполитству и Королямъ не слѣдовало ни въ чемъ довѣрять. Наконецъ рѣшили, что должно примѣрнымъ образомъ «*наказать рабовъ, неповинующихся своимъ* «*властелинамъ*», и объявлено посполитое рушенье.

Опредѣлено было начать военныя дѣйствія до весны: въ зимнюю пору козаки не могутъ прикрываться рѣками и болотами; Крымцы не имѣютъ фуража, а Турки, непривыкшіе къ стужѣ, откажутся идти на помощь къ Хмѣльницкому. Толковали, горячились, налагали новыя подати, назначали новыхъ военачальниковъ, переписывались. Увидимъ, что сдѣлали.

А Царь въ это время созвалъ соборъ — и Патріарха, и Духовенство, и Бояръ, и всѣ чины. 19 Фев- 19 Февр.

раля, въ столовой Государевой палатѣ, въ присутствіи самого Царя, было разсужденіе. Обиды отъ Польскихъ порубежныхъ градоначальниковъ, порчи Царскаго титула, частыя сношенія Короля съ Крымцами — все это гнѣвало Царя; тогда же представлены были собору просьбы Гетмана Хмѣльницкаго о принятіи его съ народомъ и Запорожьемъ въ покровительство, и наконецъ Гетманскія угрозы, что если Царь откажетъ ему, то онъ присоединится къ Портѣ. Государь требовалъ отъ собора мнѣнія и спрашивалъ, что̀ дѣлать, если Польша не удовлетворитъ Москвѣ и не накажетъ виновныхъ.

Іосифъ, съ Духовенствомъ, отвѣчалъ: «буде Король въ показанныхъ винахъ не исправится и виновныхъ по договору не накажетъ, то Святая Соборная Церковь можетъ подать разрѣшеніе ему, Государю, Алексѣю Михайловичу, на принятіе въ подданство Запорожскаго Гетмана; а ежели Король во всемъ исправится, то о Запорожскомъ Гетманѣ съ Черкесы, отдаются они въ волю Государя, какъ ему Богъ о томъ извѣститъ.» Бояре и чины подтвердили мнѣніе Патріарха.

Нарядили въ Польшу чиновника съ требованіями; хотѣли уже отправлять его, когда прибылъ отъ Короля Юрій Замойскій, съ извѣстіемъ объ отправленіи въ Россію полномочныхъ Пословъ. Кастелянъ Сендомирскій Станиславъ Витовскій, писарь Литовскій Филиппъ Казиміръ Обуховичь, и Секретарь Королевскій Христофоръ Антоній Обринскій явились въ Москву и начали нелѣпою и подлою ложью: они просили отъ Государя «помощи противъ Гетмана Хмѣльницкаго и Запорожцевъ, *которые присягнули*

« *Хану Крымскому.* » Бояре отвѣчали; « ежели Король « постарается прежде посредствомъ Его Величества « примириться съ Запорожцами, и отлучить ихъ отъ « Крымцевъ, тогда чрезъ сношеніе пословъ заклю- « ченъ будетъ договоръ о наступленіи общими си- « лами на Крымъ.

Между тѣмъ Хмѣльницкій укрѣплялъ города, дополнялъ полки, переписывался съ Ханомъ и съ Россіею, съ Портою и съ Баномъ Трансильванскимъ, Ракочи; получилъ соболей въ подарокъ чрезъ Лопухина и Портомоина, выгналъ Молдаванина, который отъ своего Государя, въ видѣ посла, пріѣхалъ шпіонить; и отвергнулъ всѣ условія съ Поляками, кромѣ Зборовскихъ.

Ракочи заботился, какъ бы добыть себѣ корону Польскую; обѣщалъ Гетману привести въ Польшу шестьдесятъ тысячъ войска, и открыть военныя дѣйствія между Краковымъ и Львовымъ. Гетманъ обнадеживалъ его въ томъ, что доставитъ Польскій престолъ меньшому брату его, ежели онъ приметъ вѣру Греческую, замѣнитъ ею всѣ прочія въ своихъ владѣніяхъ, и изгонитъ жидовъ изъ Польши и Литвы.

Вдругъ получено было отъ Богуна извѣстіе о битвахъ близъ Краснополя и Винницы, и о началѣ дѣйствительной войны. Тогда Гетманъ откомандировалъ къ Богуну Полковника Глуха въ подкрѣпленіе, призвалъ Ногайцевъ, кочевавшихъ надъ Орелью и Самарою, присоединилъ ихъ къ полкамъ Кіевскому, Черниговскому и Нѣжинскому, велѣлъ наблюдать за движеніями Радзивила, а самъ, съ стотысячнымъ войскомъ двинулся къ Збаражу. Баръ, Меджибожъ, Зиньковъ, Соколъ, Сатуновъ, оба Константинова, обратилъ въ

пепелъ. Грекокатолики, жители этихъ городовъ, отправились за Днѣпръ; Поляки и Жиды были перерѣзаны.

Богунъ, подкрѣпленный Глухомъ, отправился въ погоню за Поляками; лагерь ихъ открылся у Купчанцевъ, близъ Вознесенскаго монастыря; ими командовалъ Потоцкій, и молодой Собѣскій былъ тамъ во-
20 Іюля. лонтеромъ. Лѣтопись говоритъ, что они по уши окопались; тщетно Богунъ старался выманить въ поле, вызвать врага въ открытый бой: никто не являлся изъ окоповъ. Богунъ рѣшился на приступъ; нашъ корпусъ былъ раздѣленъ на три части; на зарѣ, двѣ изъ нихъ произвели фальшивую атаку, третья должна была подползти подъ монастырь и, во что бы ни стало, овладѣть имъ. Во время крику и пальбы двухъ первыхъ колоннъ, третья пробилась въ монастырь; тогда и тѣ обѣ къ ней приблизились, встянули орудія на монастырскія постройки, и начали громить Польскій станъ убійственною канонадою. Лагерный валъ мѣшалъ Полякамъ отстрѣливаться; съ карабинами и саблями, они бросились къ монастырю, но встрѣченные ружьями и копьями были опрокинуты; имъ оставалось опять прятаться въ окопахъ: отступленіе было для нихъ истребительно. Козаки начали колоть ихъ въ тылъ. Видя погибель вездѣ, оставшіеся отъ избіенія кинули все, что было въ станѣ, и черезъ рвы, черезъ валъ пустились въ бѣгство. 1715 козаковъ были погребены въ монастырѣ; 9674 Поляка схоронены въ ихъ же окопахъ.

Донося о битвѣ Купчанской, Богунъ извѣщалъ Гетмана, что Польскія войска идутъ изъ внутренности Польши къ Слуцку, подъ командою Князя

Четвертинскаго, и объявилъ, что у него въ козацкомъ корпусѣ, и артиллеріи и запасовъ довольно, но что онъ нуждается въ людяхъ. На донесеніе получилъ приказъ, не нападать на непріятеля, но ожидать, въ выгодномъ мѣстѣ присоединенія къ нему Гетмана. Предостерегая Богуна, что онъ, иначе, можетъ быть опрокинутъ, и непріятели тѣмъ возгордятся, Хмѣльницкій заключилъ повелѣніе слѣдующими словами: «говорятъ, окураженный Полякъ заносчивѣй «всѣхъ дикихъ лошадей Татарскихъ.» Четвертинскій между тѣмъ впалъ въ границы Малороссіи, жегъ селенія, истреблялъ жителей изъ одной забавы, и за собой оставлялъ нагую пустыню. Гетманъ поспѣшалъ съ главнымъ войскомъ противъ Четвертинскаго; близъ Житомира сошелся съ Богуномъ, и приказалъ ему— проходя передъ Польскою арміею, разглашать по селамъ, что корпусъ его идетъ одинъ, для поисковъ надъ непріятелемъ, и такъ, распустивъ эти слухи, удаляться въ сторону, какъ будто бы не былъ онъ въ силахъ устоять противъ Поляковъ. И дѣйствительно, своротя съ прямой дороги, Богунъ избралъ близъ Житоміра выгодное мѣсто, расположился станомъ, укрѣпилъ его, и, исполняя Гетманскій наказъ, не открывая битвы, ждалъ нападенія отъ непріятеля. «Вопль народа, ревъ скота, бѣгущаго въ лѣса» говоритъ лѣтопись «и поднявшіеся пожары и дымъ въ «селеніяхъ, возвѣстили о приближеніи арміи Чет«вертинскаго». Богунъ немедленно отправилъ конный отрядъ къ ней навстрѣчу съ повелѣніемъ, не нападать, но заманивать къ главному корпусу. Увидя станъ Богуна, Четвертинскій разсчиталъ малочисленность козаковъ, окружилъ насъ и напалъ безъ

замедленія. Гетманъ подождалъ, пока дымъ не затмилъ поле битвы, и ударилъ въ тылъ и въ оба фланга. Неожиданность смѣшала Четвертинскаго. Замѣтивъ начало разстройства въ непріятельскихъ рядахъ, Богунъ вывелъ пѣхоту съ копьями и не допустилъ Поляковъ вновь построиться. Гетманская пѣхота начала тоже дѣйствіе, въ свою очередь. Тогда въ полномъ безпорядкѣ, собираясь въ густыя толпы, Поляки начали отступать задомъ; не видя возможности защищать пѣхоту, конница поскакала съ поля битвы; за нею въ погоню пустилась наша конница; а пѣхота Польская, оставленная и конницею и начальниками, побросала оружіе, кинулась на колѣни, и молила о пощадѣ во имя Святой Дѣвы Маріи. Убійство прекратилось; Польская пѣхота объявлена военноплѣнною; въ ней насчитали 7346 человѣкъ, въ томъ числѣ 32 офицера, и одинъ изъ Магнатовъ, Корибутъ. Это была не битва, а бойня; покуда еще Поляки не смѣшались, они не могли защищаться, и 2113 козаковъ съ Старшинами погибло въ сраженіи; но когда обезоруженные Поляки въ безпорядкѣ кидались во всѣ стороны, искали, не защиты, а спасенія, тогда козаки вознаградили потерю свою, и месть ихъ за товарищей была ужасная: 17139 Поляковъ было погребено на полѣ битвы, 63 пушки досталось побѣдителямъ. Важнѣйшихъ плѣнниковъ Гетманъ отправилъ въ подарокъ Хану и въ отвѣтъ получилъ извѣстіе, что Ханъ самъ придетъ будущею весною на помощь.

13 Сентября 1650.

Эта война, эти пожары разорили всю окрестную страну; семейства Козацкія скитались вокругъ нашей арміи, безъ хлѣба и безъ пріюта. Гетманъ роздалъ имъ лошадей, воловъ, съѣстныхъ припасовъ,

денегъ, и отправилъ на зиму въ селенія полковъ, Полтавскаго и Гадячскаго; по веснѣ же, приказалъ имъ селиться вверхъ по Пслу, по Сулѣ, и на Ворклѣ —на земляхъ Булавинскихъ: такъ назывались земли, которыя принадлежали Гетманской Булавѣ; тамъ паслиςь стада и табуны Гетманскіе, тамъ же содержались быки и кони главной Малороссійской артиллеріи, и полковыхъ артиллерій Полтавской, Гадячской и другихъ ближайшихъ полковъ. Для надзору за скотомъ и лошадьми были заведены хутора, причисленные съ жителями къ тѣмъ же полкамъ.

Выходцы изъ за Днѣпра поселились на Булавинскихъ земляхъ многими обширными слободами и составили полки Сумскій, Ахтырскій и Харьковскій; и вотъ истинное происхожденіе полковъ Слободско-Украинскихъ. Они были всегда въ непосредственномъ вѣденіи Гетмановъ и Малороссійскихъ Правительственныхъ мѣстъ; права ихъ и преимущества всегда были одинаковы съ правами и преимуществами другихъ нашихъ полковъ; но послѣ Самойловича, тамошніе Полковники вздумали отдѣлиться отъ Гетманщины, сдѣлаться небольшими особенными Гетманами, и происками у Князя Голицына они успѣли въ своихъ намѣреніяхъ: получили каждый права особенные, и независимость отъ Великихъ Гетмановъ.

Король ужаснулся, узнавъ о пораженіи Четвертинскаго подъ Житомиромъ. Это былъ цвѣтъ Польской арміи по всему Королевству; была объявлена необходимость вторичнаго посполитаго рушенья. Польша изъ края въ край волновалась; Маркграфъ Брандербургскій прислалъ корпусъ войскъ подъ командою Полковника Дештофа; къ Герцогу Курляндскому Ко-

роль писалъ письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ его о вспомоществованіи, по просьбѣ Польши и по усердію къ ней Курляндіи, а не изъ обязанности.

Гетманъ, съ своей стороны, готовился на войну рѣшительную; мѣста убылые въ полкахъ дополнялъ новыми воинами; укрѣплялъ и снабжалъ крѣпости гарнизонами, орудіями и запасами, и наша армія расположилась между Днѣстромъ и Припетью, имѣя подъ ружьемъ семьдесятъ три тысячи.

Главная Польская квартира переведена была изъ Владиміра Волынскаго въ Соколъ, что на Бугѣ. Король съѣздилъ въ Журавичи, на поклоніе Божіей Матери. Папскій Посолъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ поднесъ ему
14 Мая 1651. Священное знамя и мечъ; 14 Маія пріѣхалъ онъ въ станъ Потоцкаго.

Равнина близъ Сокола была тѣсна и неудобна къ построеніямъ; Король собралъ совѣтъ, который продолжался цѣлую ночь. Иные предлагали ему остаться съ резервомъ при Соколѣ, а противъ Козаковъ послать только полки наемные; на раздробленіе силъ Король не согласился, и былъ поддержанъ большинствомъ голосовъ: рѣшительно идти на встрѣчу къ Хмѣльницкому цѣлымъ войскомъ, ближайшею дорогою,
15 Іюня. по обширнымъ полямъ, по обильнымъ лугамъ. 15 Іюня Польскій лагерь снялся и выступилъ. Поляки твердили, что это брань за вѣру; Козаки называли ее борьбою противъ насилія. Когда минули мѣста лѣсныя и болотистыя, затруднявшія походъ обозовъ и артиллеріи, тогда Король раздѣлилъ армію на десять корпусовъ, самъ принялъ начальство надъ первымъ, остальные по порядку поступили подъ начальство: Великаго Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго, Напольнаго

Гетмана и Черниговскаго Воеводы Мартина Калиновскаго, Воеводы Брестскаго Яна Симеона Щавинскаго, Русскаго Воеводы Іереміи Михаила Князя Вишневецкаго, Подольскаго Воеводы Станислава Потоцкаго, Великаго Маршалка Короннаго Юрія Любомирскаго, Брацлавскаго Воеводы Станислава Ланцкоронскаго, Литовскаго Подканцлера Льва Казиміра Сапѣги, и Великаго Короннаго Хорунжаго Александра Конецпольскаго. 16 Іюня Поляки пришли въ Вишнянку; тамъ получивши извѣстіе, что Хмѣльницкій изъ лагеря, между Збоража и Вишневца, поднялся и пошелъ на встрѣчу къ Исламу Гирею, Король поспѣшалъ къ Берестечку, нѣсколько дней переправлялся черезъ Стырь, и послалъ трехтысячный отрядъ легкой кавалеріи, подъ камандою Стемпковскаго и Чарнецкаго, для открытія непріятеля. Они увѣдомили, что многочисленное Ханское войско соединилось уже съ Козаками, и Хмѣльницкій разсылаетъ разъѣзды для обозрѣнія Королевской арміи.

Дѣйствительно, и по несчастію, Ханъ Крымскій съ двадцатью тысячами Татаръ сошелся съ Гетманомъ, за день пути отъ рѣки Стыря. Свиданіе ихъ было примѣчательно; оно не предвѣщало ничего добраго: Ханъ принялъ Гетмана съ притворною ласкою, требовалъ клятвъ въ подтвержденіе обѣщаній его Нурадину на-счетъ Царства Астраханскаго, и не спускалъ съ него глазъ, замѣчая каждый взглядъ, каждое движеніе. Хмѣльницкій, предчувствуя непріятности, прибѣгнулъ къ изворотамъ: отвѣты его были двусмыслены и неудовлетворительны. Онъ обѣщалъ объ этомъ потолковать обстоятельнѣе на просторѣ. Разстались съ примѣтною холодностію; взаимныя обнадеживанія были съ обоюд-

ною недовѣрчивостію; но мѣсто для союзнаго стана было назначено тоже, подъ Стырью, между болотами, близъ Берестечка, чтобъ не разрознить войскъ. Гетманъ окружилъ себя обозами, окопался и укрѣпилъ валы артиллеріею: позади Татарскихъ войскъ Ханъ поставилъ свои вьюки.

Въ это время, когда Козаки и Татары приближались къ Стыри, у Поляковъ былъ опять военный совѣтъ: опредѣлено было перенесть лагерь въ Дубно. Армія поднялась, обозы тронулись. Вдругъ Вишневецкій, начальникъ авангарда, донесъ Королю, что Гетманъ и Ханъ идутъ прямо на него. Немедленно обозамъ велѣно возвратиться, и когда слухъ распространился, что наши войска уже у Перепятина, Поляки тотчасъ построились въ боевой порядокъ, лѣса и кустарники заняли пѣхотою, а крыломъ уперлися въ Стырь.

Вечеромъ, Іюля 27, отрядъ Татарскій, десятитысячный, такъ приблизился къ ихъ передовымъ полкамъ, что Александръ Конецпольскій и Юрій Любомирскій испросили у Потоцкаго позволеніе — наказать невѣрныхъ за ихъ дерзость; съ ожесточеніемъ напали они на Крымцевъ; Вишневецкій привелъ подкрѣпленіе, и Татары были обращены въ бѣгство.

29 Іюня битва возобновилась; Ханъ со всѣми своими толпами сталъ на высотахъ, передъ Берестечкомъ; Королю хотѣлось согнать его. Князь Богуславъ Радзивилъ, Янъ Сапѣга, кавалерія Перемышльская и Волынская, подъ начальствомъ Князя Чарторійскаго, пошли на Татаръ; Татары устремились на приближающихся; Ханъ издали смотрѣлъ въ зрительную трубу на нападеніе. Сигизмундъ Ланцкоронскій, братъ

Воеводы Брацлавскаго, былъ убитъ. Поляки стояли, Крымцы ожесточались, начинали окружать уже враговъ, но подоспѣли полки Потоцкаго, Калиновскаго, Вишневецкаго и Любомирскаго. Битва возрастала, ярость усиливалась, полки Потоцкаго пробирались далеко въ ряды Крымцевъ; надъ ними началось жестокое пораженіе; отрядъ Подканцлера Сапѣги освободилъ ихъ. Янъ Козаковскій, Юрій Оссолинскій, Стадницкій были убиты; Францискъ Дубравскій былъ раненъ, Секретарь Ханъ былъ взятъ въ плѣнъ; до тысячи Крымцевъ легло на мѣстѣ. Поляки возвратились; Крымцы остались на высотахъ.

Вечеромъ у Короля былъ въ третій разъ совѣтъ; разсуждали: продолжать ли битвы отдѣльныя, или дать общую. Рѣшили дать общую, на другой же день.

Число Козаковъ и Крымцевъ состояло изъ девяноста трехъ тысячь: 73,000 Гетманцевъ и 20,000 Ханскихъ войскъ. Въ видѣ неполной луны стояли Татары на покатѣ горы, и на ближайшихъ возвышеніяхъ; на правомъ крылѣ у нихъ выстроилъ свою армію Гетманъ; онъ укрѣпилъ ее спѣшенными козаками, и построивъ въ густую колону, уставилъ орудія по крыльямъ и въ центрѣ; правый флангъ нашъ былъ прикрытъ конницею.

Королевская армія, предъ разсвѣтомъ, стала въ боевой порядокъ; правымъ крыломъ командовалъ Великій Коронный Гетманъ Потоцкій, лѣвымъ Напольный Гетманъ Калиновскій, центромъ Король; на правомъ флангѣ были Воеводы: Познанскій Христофоръ Опалинскій, Брацлавскій Станиславъ Лянцкоронскій, Великій Коронный Маршалокъ Юрій Любомирскій, Литовскій Подканцлеръ Левъ Сапѣга, Ве-

ликій Коронный Хоружій Александръ Конецпольскій, Познанскій Подкоморій Графъ Владиславъ Лезненскій, и двое Собѣскихъ; у Гетмана Калиновскаго на лѣвомъ крылѣ были: Краковскій Воевода Доминикъ Князь Заславскій, Воевода Брестскій Янъ Щавинскій, Воевода Русскій Князь Іеремій Михаилъ Вишневецкій съ двумя другими Вишневецкими, Воевода Подольскій Станиславъ Потоцкій, Янъ Замойскій и Генералъ Донгофъ. Центръ составляли пѣхоты: Польская и Нѣмецкая, тамъ вождями были: Яковъ Вейгеръ, Шафючь, Христофоръ Гувальдъ, Яковъ Донгофъ, Сигизмундъ Донгофъ и Полковникъ Майдель. Первую линію прикрывала артиллерія подъ начальствомъ Сигизмунда Пржзіемскаго; придворнымъ пятисотеннымъ эскадрономъ командовалъ Казиміръ Тышкевичь; 1,800 Королевскихъ тѣлохранителей было у Фромольда Вольфея. Рѣка и городъ съ одной стороны, ретраншаменты съ другой, прикрывали станъ; его охранялъ гарнизонъ пѣхоты; гусарскіе красные значки развѣвались на валу, на всемъ его протяженіи.

30 Іюня, съ утра, былъ густой туманъ; обѣ арміи были задавлены мглою; въ девять часовъ она разсѣялась; открылось зрѣлище, которое заняло душу и неустрашимыхъ: блескъ оружія, стонъ земли подъ конницею приводили въ изумленіе; началась сшибка. Поляки хотѣли окружить насъ, но болота не допустили ихъ къ этому движенію. Король между тѣмъ велѣлъ уничтожить всѣ мосты на рѣкѣ, чтобъ тѣмъ тнять средство къ побѣгу у своихъ Поляковъ; всякой бой, всякое нападеніе безъ приказанія, было воспрещено имъ подъ смертною казнію.

Пржзіемскій повелъ артиллерію; онъ медленно при-

ближался къ высотамъ; Козаки вытѣснили пѣхоту изъ лѣсу и хотѣли ударить во флангъ непріятеля; съ праваго крыла началась по нимъ пальба изъ орудій; перестрѣлка продолжалась до полудня; были мнѣнія отложить битву до другаго дня. Вишневецкій требовалъ немедленнаго выступленія въ бой. Въ два часа пополудни двѣнадцать отборныхъ ротъ, подъ командою Вишневецкаго и Потоцкаго, быстро пошли на Козаковъ. Хмѣльницкій принялъ ихъ рѣшительно; настала сѣча на цѣлый часъ; пылъ и дымъ сливались; не видно было смертной борьбы; слышны были крикъ людей, громъ орудій, ржаніе коней. Поляковъ отбили; Вишневецкій подкрѣпилъ ихъ: битва разгорѣлась; козаки были прогнаны въ укрѣпленія. Король, между тѣмъ, приближился къ высотамъ, занятымъ Крымцами; Крымцы налетали на Короля и удалялись; они ужъ были атакованы и на высотахъ своихъ. Король вездѣ присутствовалъ; четыре ядра мимо его пролетѣло; одно изъ нихъ упало у его ногъ. Битва была шаткая, клонилась на обѣ стороны, когда Отвиновскій, переводчикъ языковъ Татарскаго и Турецкаго, завидѣлъ и указалъ на Ханское знамя. Огромность его и бѣлизна служили вѣрною цѣлью, и первый выстрѣлъ туда наведеннаго орудія повалилъ одного изъ Ханскихъ Мурзъ.

Съ другой стороны, на полѣ битвы пѣхота Хмѣльницкаго уже смѣшала Нѣмецкую, и загнала ее въ середину Польской арміи, когда увидѣли, что вся Татарская армія пошевелилась, оставила высоты, снялась съ мѣста, и открыла нашъ лѣвый флангъ; немедленно Поляки окружили и смѣшали пѣхоту козацкую; Гетманъ поскакалъ туда на помощь съ конни-

цею, но уже было поздно: уже не возможно было туда пробиться. Поворотивъ назадъ, Гетманъ кинулся въ слѣдъ за Татарами, чтобъ остановить ихъ; наша конница увидѣла, что онъ скачетъ къ Татарской арміи, понеслась по его слѣдамъ: пѣхоту со всѣхъ сторонъ окружили непріятели; она рѣшилась прорваться къ болотамъ и тамъ найти гибель. Нѣмцы требовала отъ нея пардона, Поляки згоды; она отвѣчала, что ей нужна свобода или смерть, сомкнулась, вступила въ рукопашный бой, пробилась въ лозы и укрѣпилась въ нихъ. Поляки, считая погибель ея неизбѣжною, оставили ее выбивать изъ кочекъ и трясинъ, а сами, раздѣлясь, кинулись—одни на наши обозы, и захватили весь вагенбургъ съ подъѣздками, подъемными лошадьми и артиллеріею; другіе пустились въ погоню за Татарами, и забрали у нихъ конскую сбрую, сабли, повозки, Ханскій шатеръ, знамя и барабанъ его, серебряный вызолоченный; Татары на бѣгу начали рубить головы плѣнникамъ; часть изъ нихъ была освобождена.

Такъ измѣною Хана была вырвана побѣда изъ рукъ Хмѣльницкаго, который началъ уже было одолѣвать Князя Вишневецкаго. Между тѣмъ, какъ Поляки торжествовали побѣду и праздновали ее козацкими запасами, наша пѣхота, сидѣвшая въ лозахъ, не знала своей участи, и почти рѣшилась на гибель: съ одной стороны было у нихъ болото, вовсе непроходимое, съ другихъ сторонъ массы Поляковъ, сквозь которыхъ не возможно было пробиться. Составили совѣтъ, и геніальная мысль родилась у старыхъ воиновъ: они дождались ночи, разложили пики свои по болоту, на шесть вершокъ одна отъ другой, концами ров-

но; потомъ легли и покатились по нимъ: такъ, съ боку на бокъ переворачиваясь, перекатились на твердую землю; послѣдніе переволокли пики за собою, и не отдыхая ни мало, пошли искать Гетмана съ конницею. Она пасла лошадей, и горевала о гибели товарищей. Можно судить, какъ всѣ наши были обрадованы неожиданною встрѣчею! Здѣсь, вмѣсто обѣда, котораго никто не имѣлъ съ собою, пѣхота утолила голодъ стеблями травы котрана и холодника, что зовутъ у насъ въ Малороссіи «опуцьки и козельцы».

Гетманъ между тѣмъ гнался за Татарами и достигъ ихъ у Ямполя. Напрасны были увѣщанія и просьбы къ Хану. Ханъ выговаривалъ Гетману за то, что будто бы онъ умышленно скрылъ число Польской арміи; грозилъ послать его къ Королю въ обмѣнъ плѣнныхъ Мурзъ; требовалъ денегъ за издержки, сдѣланныя въ походѣ; наконецъ выругавъ гьяуромъ Гетманомъ Христіанскимъ и измѣнникомъ, объявилъ ему, что видѣлся съ Гуляницкимъ на границахъ Буковины, который пересказалъ обо всѣхъ перепискахъ и переговорахъ между Царемъ и Гетманомъ; что эта протекція сдѣлаетъ рѣшительную и невозвратную гибель всей Малороссіи; что если сбудется желаніе Гетмана и Царь приметъ ихъ въ покровительство, то онъ, Ханъ, приведетъ въ Малороссію всѣ войска Крымскія, Польскія и Турецкія; наконецъ требовалъ, чтобъ козаки немедлено были отправлены противъ Москвы за Турцію. Гетманъ отговаварился непріятностію своего положенія, потерею битвы Берестечской, невозможностію помышлять о новой войнѣ, когда одна еще не кончена и когда по ошибкѣ Татаръ она столь несчастлива. Всѣ

эти доводы были напрасны. Гетманъ и Ханъ разстались съ угрозами и яростью.

Дѣйствительно, Судья Гуляницкій, будучи приговоренъ къ смерти, бѣжалъ, пробрался изъ Молдавіи въ Польшу; оттуда Король послалъ его съ Сенаторомъ Лянцкоронскимъ навстрѣчу къ Исламу; на границахъ Буковины, Гуляницкій объявилъ Хану всѣ тайны Гетмана, и эта помощь, приведенная подъ Берестечко, была не что иное, какъ ужаснѣйшее предательство. Одинъ Хмѣльницкій, не надѣясь на помощь 20,000 Крымцевъ, можетъ быть, съ своими 73,000 одержалъ бы побѣду надъ Поляками. Когда же Ханъ, возвращаясь на полуостровъ, приблизился къ своимъ границамъ, то захватилъ и увелъ въ плѣнъ множество Малороссіянъ обоего пола: тѣмъ удачнѣе онъ могъ это сдѣлать, что Малороссіяне полагали его союзникомъ и безпечно смотрѣли на его приближеніе.

Во время переговоровъ Хмѣльницкаго съ Ханомъ, во время догони нашей конницы за Гетманомъ, когда пѣхота, дѣлала свою, единственную въ лѣтописяхъ, геніальную переправу черезъ болота Берестечкія, еще остался на полѣ битвы нашъ одинъ отрядъ; Кропивенскій Полковникъ Джелеля принялъ надъ нимъ начальство; не смотря на усталость и на проливной дождь, козаки всю ночь трудились; къ утру окопались широкимъ и глубокимъ рвомъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой примкнули къ обширному болоту. Въ ихъ станѣ было мрачное молчаніе, въ станѣ Королевскомъ правили благодарственное молебствіе.

Разсвѣтало. Поляки облегли Козацкій таборъ; сорокъ орудій неумолкно гремѣли изъ табора, Польская артиллерія отвѣчала тѣмъ же. Хотѣли запрудить

Стырь и потопить Козаковъ, устроивали укрѣпленія, чтобъ отражать наши вылазки. 4 Іюля Козаки подошли къ одному изъ этихъ укрѣпленій, убили восемдесятъ человѣкъ, отняли двѣ пушки, но Гувальдъ отразилъ ихъ. Въ тотъ же день завладѣли однимъ холмомъ, но были вытѣснены Александромъ Конецпольскимъ. 5 Числа битва возобновилась; вылазка была отражена; орудія гремѣли безъ умолку; пораженіе было ужасное и обоюдное; Козаки рѣшились всѣми силами напасть на осаждающихъ; свѣтъ мѣсяца, а потомъ проливной дождь не допустили ихъ къ исполненію намѣренія. Поляки стѣсняли таборъ ближе и ближе.

У Козаковъ была надежда на дорогу черезъ болото; но она была тѣсна; тысячный Польскій отрядъ сторожилъ ее. Составили раду въ таборѣ, обороняться ли, примириться ли съ Королемъ, или пробиться сквозь Поляковъ. Полковникъ Крыса перебѣжалъ къ врагамъ, и пересказалъ о тѣсныхъ обстоятельствахъ; гордость побѣдителей увеличилась. Король прислалъ къ осажденнымъ листъ, въ которомъ требовалъ выдачи Гетмана, Тимоѳея, Виговскаго, всѣхъ Полковниковъ, пушекъ и знаменъ; если же Гетмана, Тимоѳея и Виговскаго нѣтъ, Козаки должны присягнуть, что выдадутъ ихъ по возвращеніи въ Украйну; и между тѣмъ также объявилъ, что ограничиваетъ, какъ побѣдитель, число регистровыхъ, и уничтожаетъ ихъ превилегіи навсегда.

Видно, что Казиміръ былъ характера тогдашняго національнаго: первая удача только—а заносчивость стала такъ велика! Гетманъ, выигравъ болѣе битвъ, менѣе гордился.

Козаки также выдержали свою народность; они отвѣчали, что «Гетмана, сына его и Писаря, въ обозѣ «нѣтъ, и гдѣ они, о томъ не знаютъ; Полковниковъ «не выдадутъ Его Королевскому Величеству; мирить-«ся же согласны, но не иначе, какъ по Зборовскому «договору».

Козацкаго посланца не представили къ Королю; его отвели къ Потоцкому, Великому Коронному Гетману, который сердился, ругался, хватался за саблю свою, наконецъ сказалъ: «Король не того требуетъ, о «чемъ вы, холопство, пишете; Москвитяне не хуже васъ, «а выдали Владиславу и пушки и знамена подъ Смолен-«скомъ, и Владиславъ явилъ надъ ними милосердіе. Даю «вамъ нѣсколько часовъ на размышленіе; повинуйтесь, «если дорожите жизнію».—Съ тѣмъ выгналъ посланца.

Не принявъ и нѣсколькихъ часовъ размышленія, которые Магнатъ давалъ Козакамъ, они немедленно отвѣчали пальбою изъ орудій и истребительными вылазками. Джелелю замѣнилъ Богунъ; козаки столь близко прокрадывались къ стану Польскому, что слышали лозунги и распоряженія; принуждали перемѣнять и то и другое, и хватали Пановъ въ плѣнъ. Пасторій, ссылаясь на очевидцевъ, расказываетъ, что они содрали съ нѣсколькихъ живыхъ Поляковъ кожу, а подсотника жгли, пробили ему сквозь колѣна гвозди, и потомъ своротили голову. — Но не подали ли къ тому повода Поляки первые; судя по угрозамъ ихъ Короннаго Гетмана, и по ихъ давней привычкѣ такъ обращаться съ Малороссіянами, мы увѣрены, что начало было сдѣлано съ ихъ стороны, и тогда можетъ быть нельзя осуждать Козаковъ.

10 Іюля Богунъ отобралъ лучшихъ воиновъ, взялъ

двѣ пушки и пошелъ противъ Брацлавскаго Воеводы Станислава Лянцкоронскаго, чтобъ отразить его отъ дорогъ, проложенныхъ осажденными черезъ болота. Въ таборѣ разнесся слухъ, что Богунъ и старые Козаки ушли и не возвратятся. Начался ропотъ: «Старцы «насъ покинули на жертву врагамъ; Хмѣльницкаго «съ нами нѣтъ; Татары разоряютъ Украйну: они «побрали нашихъ женъ и дѣтей.» Таборъ взволновался и всѣ пустились въ бѣгство.

Дороги были тѣсны; бѣгущіе давили другъ друга, тонули въ болотахъ и зализняхъ; старые козаки хотѣли остановить ихъ, и сами были увлечены толпою.

Оставалось назади еще триста человѣкъ; ихъ окружили Поляки; но они свирѣпо дрались, Потоцкій объявилъ имъ воспрещеніе; они высыпали деньги въ воду, туда же побросали всѣ драгоцѣнныя вещи, разсѣялись между Поляками, вступили въ рукопашный бой и погибли до единаго. Послѣдній изъ нихъ вскочилъ въ лодку; три часа защищался изъ лодки косою; ему предлагали пощаду, онъ отвѣчалъ: «я не боюсь смерти, и умру козакомъ.» — Шляхтичь Цехановскій взошелъ въ воду по горло, и убилъ его. Этотъ случай описываютъ Шевалье и—самъ Пасторій.

По сказаніямъ тѣхъ же историковъ, Поляки воспользовались въ нашемъ станѣ великою добычею, и мы вѣримъ; пораженіе Берестечское было ужасное. Побѣдители взяли: осьмнадцать орудій большаго калибера, двадцать два меньшаго, множество знаменъ, фузей и пороху; знамя, присланное Гетману Яномъ Казиміромъ въ Переясловль, съ Коммиссарами, штандартъ, подаренный Козакамъ отъ Владислава, Гетманскій мечь, даръ Греческаго Патріарха—Архіерей-

скую шапку, трикиріи и другія регаліи Коринѳскаго Митрополита Іоасафа, ларчикъ Хмѣльницкаго съ письмами отъ Бана Трансильванскаго, Султана Турецкаго и Царя Московскаго, дорогіе платья и мѣха; множество съѣстныхъ припасовъ и тридцать тысячь рейхсталеровъ. Митрополитъ Іоасафъ былъ раненъ стрѣлою, тридцать тысячь козаковъ погибло на полѣ битвы, въ лѣсахъ и въ болотѣ.

Калиновскій, Кн. Іеремій Вишневецкій и Конецпольскій, съ семью полками устремились за бѣгущими Козаками и настигли въ лѣсахъ. Питаясь корою древесною, несчастные до того ослабѣли, что не могли продолжать пути; не взявъ никого изъ нихъ въ плѣнъ, Поляки всѣхъ ихъ перерѣзали, и кромѣ того трехтысячный отрядъ разбили въ тѣснинахъ при Дубнѣ. Король хотѣлъ было идти на Кіевъ съ цѣлою арміею, но, къ нашему счастію, Шляхетство воспротивилось. И такъ, Дворянству давъ отпускъ, самъ онъ отправился въ Варшаву.

Удача не надолго, слава Богу; потѣшили утѣснителей.

ГЛАВА XVIII.

Хмѣльницкій въ Малороссіи. Успокоеніе народа. Отдѣльныя побѣды Поляковъ. Разореніе Кіева Радзивиломъ. Взятіе Трилѣсовъ. У Хмѣльницкаго новое войско. Битва подъ Хвастовымъ. Битва подъ Масловымъ прудищемъ и подъ Бѣлою церковью. Осада Каменца Подольскаго. Бѣлоцерковскій миръ. Новыя угнѣтенія Малороссіянамъ. Переговоры съ Царемъ. Новая война съ Поляками. Битва съ Чернецкимъ. Смерть Киселя. Царь вступается за Малороссію. Послы Царскіе въ Польшу. Отвѣтъ Поляковъ Царю. Соборъ въ Грановитой палатѣ. Царскіе посланцы къ Гетману. Походъ въ Молдавію. Битва Жванецкая. Измѣна и набѣгъ Хана. Миръ съ Поляками. Послы Султанскіе и Ханскіе.

Польская армія была раздѣлена на двѣ части: одна пошла на Кіевъ, другая къ Каменцу. Король намѣревался зимовать въ Кіевѣ. Магнаты полагали, что Хмѣльницкій съ остаткомъ войска укрывается гдѣ нибудь близъ границъ, что онъ не посмѣетъ предъ ними появиться; они чванились побѣдою другъ предъ другомъ, хвастались, впередъ располагали пирами, обѣдами, утопали въ Кіевскомъ изобиліи, ласкали Кіевлянокъ.

Въ это время Хмѣльницкій явился на родину; появленіемъ своимъ онъ разсѣялъ страхъ, утишилъ народное волненіе. Универсалы летали изъ края въ

край Малороссіи; а чтобъ успокоить тревогу соотечественниковъ и вселить въ нихъ новыя надежды, онъ распустилъ слухи о бунтахъ въ Польшѣ, о нападеніи на Поляковъ Бана Трансильванскаго; насмѣхался надъ Потоцкимъ, припоминая его плѣнъ, и утѣшалъ своихъ единоземцевъ. Войско собиралось.

Еще нѣсколько небольшихъ удачъ имѣлъ Радзивилъ:
5 Іюля. 5 Іюля онъ разбилъ Полковника Небабу подъ Лоевымъ; четыре Полковника, Капуста, Кравченко и самъ Небаба были убиты въ томъ сраженіи; Подобайло былъ осажденъ въ Черниговѣ, Антонъ Адамовичъ и Горкума были разбиты и прогнаты къ Кіеву; Любечь и Чернобиль сдались главному начальнику артиллеріи Госевскому. Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, Архимандритъ Печерскій Іосифъ Тризна, и все Кіевское духовенство, вмѣстѣ съ Магистратомъ, узнавъ о приближеніи Радзивила къ городу, вышли къ нему навстрѣчу, умоляли пощадить невинныхъ гражданъ, и невредить святымъ храмамъ Божіимъ. Радзивилъ обѣщалъ, и вступилъ въ Кіевъ.
16 и 17 Августа. 16 Августа сгорѣло шестдесятъ домовъ; 17 Августа опять сгорѣло болѣе двухъ сотъ домовъ шляхетскихъ, церковь Св. Василія, церковь Св. Власія, соборная Богородицы, Ратуша, лавки, пивоварни, хлѣбни, важня, гостиный дворъ и множество другихъ зданій; неизвѣстно, какъ уцѣлѣли Доминиканскій костелъ и соборъ католическій. Правдивый и благородный въ своихъ показаніяхъ, Пасторій увѣряетъ, что этимъ пожарамъ не Поляки были виною, а произошли они неизвѣстно и отъ кого, и по какому случаю.

Потоцкій, приближаясь къ Радзивилу для облегченія продовольствія, не стѣснялъ арміи на одинъ путь;

онъ пошелъ разными дорогами къ Любару, и вступилъ въ Паволочь; тамъ болѣзнь одного изъ знатнѣйшихъ людей того времени остановила Коронпаго Гетмана. То былъ непримиримый врагъ Хмѣльницкаго, кровожадный кючюкъ-шейтанъ, какъ его называли Турки и Крымцы, Іеремій Михаилъ Корибутъ Кн. Вишневецкій; здѣсь онъ и скончался. Чтобъ утѣшиться въ печали, Коронный Гетманъ выступилъ 26 Августа къ Трилѣсамъ; козаки не сдавались; начальникъ артиллеріи Пржзіемскій, Подполковники Бергъ и Князь Богуславъ Радзивилъ отряжены были для взятія города приступомъ. Граждане и войско защищались отчаянно. Одна Малороссіянка скосила косою Капитана Страуса. Но городъ былъ сожженъ, и всѣ обыватели вырѣзаны. 26 Августа.

До сихъ поръ мы видимъ только подвиги и побѣды Поляковъ; но это мы почерпнули все изъ Польскихъ историковъ, которые никогда не говорятъ о подвигахъ враговъ своихъ. Обратимся теперь къ нашимъ лѣтописямъ, и взглянемъ на Хмѣльницкаго Мы уже сказали, что онъ успокоилъ народъ, что войско собиралось новое, значительное; и снова Геній Малороссіи явился на поприщѣ славы съ пятьюдесятью тысячами воиновъ.

Близъ мѣстечка Хвастова, беззаботно стоялъ съ огромнымъ корпусомъ Князь Четвертинскій; безпечно Поляки пировали вшествіе Князя Радзивила въ Кіевъ, тамошніе пожары, буйство и разоренія, а уже въ садахъ Хвастовскихъ, обнесенныхъ рвами, засѣла, какъ за укрѣпленіями, значительная часть пѣхоты Хмѣльницкаго, и на зарѣ, съ остальнымъ войскомъ, самъ Гетманъ двинулся на непріятельскій станъ; быстро передвигаясь, не останавливаясь на ходу, гремѣла 27 Августа четвергъ.

наша артиллерія, и ружья разряжались смертію для цѣлыхъ тысячей; полунагіе, хватая первое, какое попадалось въ руки, оружіе, Поляки сбивались въ толпы, и подавались къ садамъ и огородамъ, чтобъ тамъ выстроиться; пѣхота наша хранила мертвое молчаніе: враги приблизились ко рвамъ гораздо ближе выстрѣла ружейнаго; залпъ въ спину повалилъ ихъ тысячами; они хотѣли кинуться назадъ, пробиться къ себѣ въ станъ, но Хмѣльницкій встрѣтилъ ихъ, и кончилъ пораженіе почти безъ потери въ рядахъ козачьихъ. Четвертинскій и свита его бѣжали, говоритъ лѣтопись, въ однихъ шлафрокахъ; Польская конница была смята, опрокинута, и поскакала догонять военачальника. Курляндское войско, которое было при этомъ корпусѣ, вбѣжало въ мѣстечко, и прислало отъ себя офицеровъ депутатами къ Гетману; оно просило пощады; было обезоружено, и отпущено подъ честнымъ словомъ и подъ клятвою, никогда не сражаться противъ Малороссіянъ. Часть Польской добычи, взятой у насъ подъ Берестечкомъ, вознаграждена артиллеріею, запасами, обозомъ, и ставкою Четвертинскаго; Поляковъ было погребено тринадцать тысячь девять сотъ семдесятъ два.

Радзивилъ выступилъ изъ Кіева; иные полагали, что онъ пошелъ въ Литву, обремененный добычею,— другіе, что онъ намѣренъ былъ соединиться съ Коронньмъ Гетманомъ; идучи правымъ берегомъ Днѣпра, онъ грабилъ и жегъ селенія. Когда получилъ извѣстіе о истребленіи войскъ Четвертинскаго при Хвастовѣ, козаки, которые во время его пребыванія въ Кіевѣ разъѣзжали у самыхъ Златыхъ вратъ, теперь тревожили его съ боковъ и съ тылу. Полковникъ Польде

имѣлъ довольно удачную стычку съ ними; два Полковника, Горкума и Иванъ Золотаренко, съ восьмью тысячами войска, пятью сухимъ путемъ, тремя въ ладьяхъ, подошли къ Кіеву, и хотѣли отнять его у Поляковъ; но Калиновскій отразилъ ихъ; девять ладей козацкихъ потонуло близъ монастыря Николаевскаго. Пасторій говоритъ, что это дѣло стоило Калиновскому только пятнадцати человѣкъ и одного Сотника.

Услышавъ о разбитіи Четвертинскаго, Радзивилъ, который дѣйствительно шелъ къ Потоцкому, воротился въ Литву. Хмѣльницкій, узнавъ о его направленіи, обошелъ его съ легкою конницею и засѣлъ у Маслова прудища. Едва поровнялся Радзивилъ, нашъ Гетманъ ударилъ во флангъ, разгромилъ, и отнялъ всю добычу, награбленную въ Кіевѣ и по селамъ. Возвращаясь отъ Маслова, встрѣтилъ подъ Бѣлою Церковью отряды, которые шли къ Королевской арміи, и они остались жертвою неожиданной втрѣчи.

Король въ это время осаждалъ Каменецъ Подольскій. Армія въ стопятдесятъ тысячь стояла подъ стѣнами города. Девять недѣль осажденные, подъ начальствомъ Глуха, не сдавались; наконецъ малочисленность гарнизона, изнуренія гражданъ заставили ихъ преклонить оружіе, 29 Сентября. 312 Козаковъ и Полковникъ Глухъ отправлены были въ Желудь военноплѣнными. 29 Сентября.

За двадцать шесть дней предъ тѣмъ, Потоцкій и Радзивилъ соединились близъ Василькова. Въ частныхъ битвахъ, войско Хмѣльницкаго уменьшалось; а войско Короннаго Гетмана увеличилось девятью тысячами. Хмѣльницкій видѣлъ это; понялъ трудность борьбы, и началъ предложенія о мирѣ; сперва загово-

рилъ о Зборовскихъ статьяхъ, потомъ о непостоянствѣ счастія, далѣе о измѣнчивости войны, наконецъ сталъ учтивѣе и объявилъ, что войско Запорожское готово покориться Королю; Поляки не вѣрили ему и полагали, что онъ хочетъ выиграть время. Убѣжденія людей благонамѣренныхъ, потери, понесенныя Королевствомъ въ болѣзняхъ и битвахъ, страхъ, что скоро придутъ Крымцы,—все это породило желаніе мира и въ Польскихъ Военачальникахъ. Капитанъ Маховскій поѣхалъ въ Козацкій станъ, на совѣтъ къ Виговскому. Потоцкій писалъ письмо, въ которомъ не называлъ Хмѣльницкаго Гетманомъ. Онъ и его товарищъ Радзивилъ требовали, чтобъ Татары были немедленно отосланы, чтобъ дружба съ ними была прекращена, чтобъ Гетманъ явился въ станъ Польскій. Козаки отвергнули гордыя требованія. Паны стали уступчивѣе; назначили для съѣзда замокъ Бѣлоцерковскій. Адамъ Кисель, Юрій Глѣбовичъ, Корвинъ Госевскій и Михаилъ Коссаковскій, съ пятью стами всадниковъ въѣхали въ городъ. Чернь взволновалась. Козаки кричали, что Гетманъ только думаетъ о себѣ и о Старшинахъ, что онъ хочетъ предать ихъ прежнему рабству, отдалить союзниковъ, Татаръ, что ни онъ, ни депутаты въ живыхъ не останутся. Виговскій ораторствовалъ. Адамъ Кисель увѣрялъ, что «происходитъ отъ ихъ ребръ».—«Твои рускія ребра давно заросли Польскимъ мясомъ»—отвѣчали Козаки. Хмѣльницкій собственноручно казнилъ нѣсколькихъ мятежниковъ. Татары убѣжали изъ города; Коммиссары спасались бѣгствомъ; растеряли большую часть своихъ обозовъ; Крымцы грабили ихъ, и увѣряли, что «Ляхи имъ «братья, но лошади и платье Ляхскія имъ не съ родни.»—

Не смотря на ропотъ, на смятеніе, на непріятности, наконецъ обѣ стороны согласились. Польская армія стояла станомъ у Германовки. Она выступила въ боевомъ порядкѣ, съ музыкою, съ барабанами, и приблизилась къ Бѣлой церкви,—вдругъ, противъ воли Гетмана, явилось отъ Козаковъ двѣнадцать депутатовъ. Они пришли къ Коронному Гетману, и требовали утвержденія Зборовскихъ статей. Все изготовилось къ бою; Радзивилъ построился направо, Калиновскій налѣво, Потоцкій въ срединѣ; въ центрѣ Пржзіемскій съ артиллеріею. Напрасно думалъ Кисель быть примирителемъ. Битва началась. 20 Сентября.
Поляки говорятъ, что Радзивилъ прогналъ въ лагери и Татаръ и Козаковъ; но, по ихъ же словамъ, битва и стычка продолжались трои сутокъ; Козаки тревожили фланги непріятеля, какъ наконецъ явились новые депутаты съ требованіемъ, чтобы Козакамъ было позволено имѣть пребываніе въ Воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ; чтобъ Польское войско было независимо въ Украйнѣ; чтобъ Хмѣльницкому отданы были въ собственное владѣніе Черкасы и Боровица. Потоцкій отговаривался, и приглашалъ къ себѣ Гетмана и Полковниковъ. Хмѣльницкій вытребовалъ аманатами: сына Короннаго Гетмана, и Собѣскаго; потомъ явился въ Польскій станъ. Пасторій и Шевалье пишутъ, что онъ предъ Потоцкимъ плакалъ, извиняясь въ преступленіи.—Въ такихъ случаяхъ, говоритъ Шевалье, онъ всегда отдѣлывался слезами; потомъ, говоритъ Пасторій, онъ поклонился Радзивилу, и *получилъ приказаніе слушать условія мирнаго договора.*—Гетманъ, который обѣщалъ въ Барѣ посадить на колъ Потоцкаго, получилъ такое приказаніе! Это не политическій

поступокъ приказывающаго. Содержаніе статей было слѣдующее :

Вмѣсто сорока тысячь регистровыхъ, будетъ только 20000, и будутъ они жить въ Воеводствѣ Кіевскомъ; Жиды будутъ имѣть право пребыванія и аренды во всѣхъ Королевскихъ и шляхетскихъ владѣніяхъ; Татары должны быть высланы; Гетманъ склонитъ ихъ на сторону республики; онъ откажется отъ сношеній съ прочими Государями; Чигиринъ будетъ оставленъ при немъ.

Обѣ стороны присягнули на сихъ статьяхъ; потомъ Гетманы Литовскій и Коронный пригласили Малороссійскаго къ себѣ на обѣдъ. Онъ, подгулявъ, ругалъ Липулу. Радзивилъ поссорился съ нимъ за тестя; но Виґовскій примирилъ ихъ. Рудивскій признается, что его соотечественники хотѣли предательски убить Хмѣльницкаго; но какъ-то имъ не удалось это благородное намѣреніе.

Народъ роптал на договоръ Бѣлоцерковскій: помѣщики стали угнѣтать своихъ крестьянъ, безчестили Козацкихъ женъ , сажали козаковъ на колъ. Малороссіяне сбѣгались въ Воеводство Кіевское; ихъ негдѣ было помѣстить; они были отправляемы въ новые полки , о которыхъ мы уже говорили,—въ Острогожскій, Ахтырскій, Харьковскій, Сумскій и Изюмскій. Царь принялъ ихъ милостиво и далъ имъ превиллегіи Козаковъ Малороссійскихъ. Это возобновило сношенія Гетмана съ Царемъ.

Передъ сраженіемъ Берестечскимъ, Хмѣльницкій досадовалъ на политику Царя, который, лаская его, приглашалъ къ подданству и между тѣмъ не рѣшался принять Козаковъ въ покровительство. Наконецъ

громогласно Гетманъ погрозился стать врагомъ Москвы: подошедши къ образу Спасителя, онъ сказалъ: «пойду на Москву и разорю ее пуще Литвы! «Я посылаю отъ всего сердца моего, а они моему «лицу насмѣхаются!» Теперь былъ посланъ къ Царю Семенъ Савичъ. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, поѣхалъ Полковникъ Искра. Бояре отвѣчали: «Московское Государство обильно великими и про«странными землями: есть гдѣ въ немъ селиться. «Когда Черкасы будутъ снова утѣснены Поляками, «Его Царское Величество дозволитъ имъ перейти къ «рѣкамъ Дону и Медвѣдицѣ, на мѣста пространныя, «угожія.» Тогда поѣхали въ Москву Золотаренко и Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ. Наконецъ и самъ войсковый судья Самойло Богдановичъ явился къ Царю съ Гетманскимъ листомъ. Хмѣльницкій писалъ: «Все войско Запорожское жаждетъ «присоединиться къ Россіи.» Богдановичъ объявилъ словесно Гетманскую рѣчь: коль былъ бы онъ и не Гетманомъ, желалъ бы состоять подъ высокою рукою Его Царскаго Величества. А между тѣмъ Хмѣльницкій писалъ къ Путивльскому Воеводѣ, Князю Хилкову: «если насъ подъ крѣпкую свою руку Его «Царское Величество не пріиметъ, и отъ непріяте«лей тѣхъ вѣры православныя и Христіанъ не оборо«нитъ, тогда о себѣ инако, я, Гетманъ, и войско «промышляти будемъ». Царь еще медлилъ, еще боялся принять Малороссію въ покровительство, не хотѣлъ прослыть нарушителемъ мира съ Поляками. Виговскій увѣщавалъ Царя согласиться на предложеніе; «только мнѣ быть бы надежну на Государеву «милость», говорилъ онъ Адрабьеву и Унковскому;

«а до коихъ мѣстъ я буду, и въ томъ уповаю на «Бога, чаю удержать Гетмана и все войско Запорож«ское, и Царя Крымскаго и ближнихъ его людей и «всю Крымскую Орду, отъ похода на Его Царское «Величество. Крымскій Царь и Мурзы меня слушаютъ; «вѣдомо имъ, что за помощію Божіею, я въ войску «Запорожскомъ владѣтель по всякимъ; а Гетманъ и «Полковники и все войско Запорожское меня слу«шаютъ и почитаютъ. И Венгерскій Король зоветъ «меня къ себѣ, и власть мнѣ и жалованье велико «даетъ. Меня Венгерскій Король знаетъ, и я не «мышлю мимо Великаго Государя ни куда ѣхати, «памятуя къ себѣ Великаго Государя, Его Царскаго «Величества, милости».

Такъ поступалъ—прежде плѣнникъ, потомъ другъ и во всѣхъ дѣлахъ повѣренный Хмѣльницкаго, Виговскій, котораго золото было идоломъ, и который никому не былъ вѣренъ по смерть, какъ только золоту, и который никогда, ни въ душѣ, ни по рожденію, не былъ нашимъ соотечественникомъ.

Бездѣйствіе Царя въ нашей борьбѣ съ Поляками, медленность его въ присоединеніи Украйны къ Царству, принудили Гетмана искать наконецъ покровительства Султана. Можетъ быть, кромѣ того, что Царь боялся прослыть зачинщикомъ разрыва съ Польшею, онъ, оставляя Малороссіянъ бороться съ Королевствомъ, желалъ ослабить нѣсколько силы Хмѣльницкаго, чтобъ потомъ легче управлять Козаками, по обращеніе Гетмана къ Султану сильно потревожило Бояръ, и они начали заботиться о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ съ Малороссіею.

Между тѣмъ дѣла Тимоѳея Хмѣльницкаго въ Мол-

давіи, разбойническія нападенія Магнатовъ на свадебный поѣздъ Гетманскаго сына и дочери Господарской, избіеніе этихъ беззаконныхъ зачинщиковъ, нарушителей мира и правъ народныхъ,—все это сдѣлало разрывъ между Королевствомъ и Украйною. Гетманъ извинялся, Король не отвѣчалъ. Потомъ Король сверхъ Бѣлоцерковскихъ условій потребовалъ въ заложники Тимоѳея. Раздраженный Гетманъ обнажилъ мечь передъ Польскими посланниками и отвѣчалъ: «Объявите своему Королю: если онъ желалъ мира, «то долженъ клятвенно утвердить статьи Зборовскія, «которыя мы съ саблею въ рукѣ подписали вамъ «Полякамъ.» — Хмѣльницкій съ Ханомъ вошли въ Польскіе предѣлы; подъ Каменцомъ перебили Королевскія войска; Ханъ угналъ въ Крымъ безчисленное множество плѣнниковъ и плѣнницъ; шляхетство бѣжало въ Данцигъ; Малороссійскіе крестьяне вырѣзали своихъ мучителей, Польскихъ Пановъ, и война началась съ новымъ ожесточеніемъ.

Король велѣлъ Чернецкому ворваться въ Украйну. 1653.
Линци, Линовецъ и Погребище были сожжены. Уже приступили Поляки къ Монастырицу, какъ явились Козаки, переодѣтые въ Татарское платье, напали на Поляковъ съ крикомъ Орды; Богунъ набѣжалъ съ остальнымъ войскомъ. Чернецкій былъ раненъ, Поляки обратились въ бѣгство; обозъ достался Богуну; плѣнники были освобождены.

Въ это время нестало посредника между Козаками и Королевствомъ. Адамъ Кисель, Россійскій Периклъ, какъ его называютъ сами Поляки, Воевода Кіевскій, «идучій отъ древняго и славнаго рода Святольда, «бывшаго въ лѣтѣ 1128, Русскаго Князя, мужъ бла-

«гочестивъ, и вѣры Русской великій поборникъ, въ «словахъ сладокъ, Украйнѣ пріятель», Адамъ Свентольдичь Кисель. Костеланъ, Генералъ Кіевскій, какъ самъ онъ подписывался, удалясь въ свое имѣніе Гущу, что близъ Острога на Волыни, скончался въ 1653 году и погребенъ близъ Владиміра Волынскаго, въ церкви села Нисканичей.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ поѣхали отъ Гетмана къ Царю Кондратій Бырляй и Силуянъ Мужиловскій. Князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій, Окольничій Богданъ Матвѣевичь Хитровъ, и Дьяки Ларіонъ Лопухинъ и Алмазъ Ивановъ получили повелѣніе переговорить съ козацкими Старшинами. «Черкасы», говорили посланники Боярамъ, «не желаютъ мира съ «Поляками, испытавъ ихъ неправду; умоляютъ Вели«каго Государя о принятіи всего войска съ Гетма«номъ подъ высокую руку, о вспомоществованіи «ратными людьми. Напрасно Султанъ Турецкій «и Ханъ Крымскій стараются привлечь соотече«ственниковъ нашихъ въ подданство. Они мимо Хри«стіанскаго Царя, всея Россіи Самодержца, ни къ «кому не пойдутъ. Другая просьба: чтобъ Его Ве«личество пропустилъ насъ чрезъ свое Государство «въ Швецію: присылала Королева Христина къ Гет«ману и къ войску Запорожскому своихъ пословъ, «неизвѣстно съ какими дѣлами, и ихъ на дорогѣ «перехватили Поляки. Намъ поручено развѣдать «цѣль сего посольства; и, чтобъ Государь не усум«нился въ вѣрности нашей, мы готовы производить «переговоры съ Шведскимъ Министерствомъ въ «присутствіи уполномоченнаго Россійскаго.»

Этотъ Посолъ Шведскій хотѣлъ просить отъ имени

Королевы, чтобъ Гетманъ не мирился съ Поляками. Турки заняты были завоеваніемъ Крита. Москва готовилась къ разрыву съ Польшею. Наконецъ Гетманъ дождался желаемаго: послы Московскіе пріѣхали въ Варшаву съ настоятельными требованіями. Стольникъ Лихаревъ увѣдомилъ Гетмана, что Царь будетъ посредникомъ между нимъ и Королемъ.

Бояринъ Князь Борисъ Александровичъ Репнинъ Оболенскій, Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ, и Посольскаго Приказа Дьякъ Алмазъ Ивановъ отправились 30 Апрѣля въ Варшаву, подъ наименованіемъ Полномочнаго Великаго Посольства. Они требовали, въ силу договора, смертной казни за порчу титула Царскаго, и представили въ доказательство болѣе двухъ сотъ оригинальныхъ писемъ отъ пограничныхъ Воеводъ и Капитановъ. Настаивали, чтобъ шляхтичи Окунъ и Васька Ляпуновъ, съ презрѣніемъ отзывавшіеся о Государѣ, были также казнены смертію; искали удовлетворенія Московскимъ подданнымъ за обиды, нанесенныя пограничными Поляками и Литовцами; прилагали списки обидъ; домогались, чтобъ Польскіе купцы не ввозили въ Россію вина и табаку, какъ товаровъ запрещенныхъ.—Эти требованія были дѣльныя, снисходительныя; въ нарушеніи этихъ статей были нарушаемы права народныя, и только миролюбіе Царя Алексѣя Михайловича допустило Пановъ-раду до такихъ нахальствъ.

Но послѣднее требованіе Полномочныхъ Пословъ относилось прямо къ Украйнѣ и къ вѣрѣ Греческой. Государь приказалъ изъяснить обстоятельно: что пять лѣтъ сряду Гетманъ Хмѣльницкій и все войско Запорожское жалуются ему на нестерпимыя угнѣтенія отъ рѣчи

Посполитой, на гоненія и поруганія благочестивой вѣры Греческой, на разореніе церквей и монастырей, на введеніе Уніи, и на безчестіе Духовенству Русскому; что рѣчь Посполитая не исполняетъ своихъ договоровъ, утвержденыхъ съ Козаками подъ Зборовымъ и Бѣлою церковью; что наконецъ Поляки тайно замышляютъ напасть на Малороссію, истребить вѣру и Запорожцевъ; что Гетманъ просилъ Царя принять его подъ свое покровительство, но Царь неоднократно въ томъ отказывалъ, удержалъ Козаковъ отъ подданства Турецкаго, и желаетъ ихъ примирить съ Королевствомъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ Король истребилъ въ Малоросеіи Унію, возвратилъ благочестивыя церкви Малороссіянамъ, не утѣснялъ вѣры Греческой, принялъ Гетмана и войско Запорожское въ покровительство, и сохраняя всѣ козацкія вольности, допустилъ всенародность нашихъ Христіанскихъ обрядовъ, и подтвердилъ бы Зборовскій договоръ. Если Король исполнитъ эту статью, то Царь не будетъ требовать наказанія виновныхъ, портившихъ его титулы; въ противномъ случаѣ, всѣ окрестныя державы будутъ извѣщены о его поступкахъ.

20 Іюля Послы пріѣхали во Львовъ; 22 были у Короля; начались переговоры: ничто не подѣйствовало на Магнатовъ; они, казалось, возненавидѣли Польшу. Ни снисходительность Пословъ, ни угрозы войною не могли ихъ укротить; они мыслили, что Россія при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была тоже, что и при Шуйскомъ, что Польша Сигизмунда III и Польша Яна Казиміра одно и тоже. Однажды Царь жаловался на Іеремію Вишневецкаго, который хотѣлъ проложить дорогу, ближайшую, изъ Ромна въ

Россію; Владиславъ IV отвѣчалъ: «Князь Іеремій «имѣетъ болѣе права на Москву, нежели Царь «Московскій на Роменъ.» — Магнаты думали, что теперь тѣже времена; требовали казни дворянъ, которые пропустили Козаковъ чрезъ Брянскъ въ Польшу; настаивали, чтобъ Патріархъ не посвящалъ въ попы людей Грекороссійскаго исповѣданія, находящихся въ Польшѣ. Но они ошиблись въ разсчетѣ. Послы объявили громогласно, что Государь долѣе не станетъ терпѣть обидъ церкви и лицу его, что онъ охранитъ вѣру православную отъ насилованій Пановъ рады. Паны Рада не вняли и этимъ послѣднимъ убѣжденіямъ; садясь въ экипажи, и обратясь къ народу, который собрался на улицѣ, послы повторили угрозы свои. Сенаторы прислали слѣдующій отвѣтъ:

На-счетъ титуловъ, въ прошедшемъ году, Прончищевъ и Ивановъ уже говорили. Найдено, что это была ошибка, неосторожность, невѣденіе, а не злое намѣреніе; и потому обвиненіе было несправедливо; казнить за невѣденіе самый разсудокъ не допускаетъ, и повторять рѣчь о томъ не годится. Окуня и Ляпунова не накажутъ до тѣхъ поръ, пока Патріархъ будетъ посвящать въ Польшѣ Грекороссійскихъ поповъ; междоусобія и бунтъ Гетмана Хмѣльницкаго произошелъ *не отъ гоненій на вѣру, которыхъ никогда не бывало;* но за то, что запрещалъ имъ самовольствовать, соединяться съ Турками, и грабить сосѣднія Государства, безъ чего Гетманъ Хмѣльницкій жить не могъ. Онъ и Польшѣ и Молдавіи и Валахіи нанесъ ужасныя разоренія. Грабительства, убійства, поруганія храмовъ Божіихъ, упорство, клятвопреступничество, заставили Польшу лишить

его всѣхъ прежнихъ правъ. Зборовскія статьи уничтожены Королемъ за то, что Хмѣльницкій приходилъ съ Крымскимъ Ханомъ подъ Берестечко; Бѣлоцерковскія — за то, что сынъ его напалъ на Короннаго Гетмана Калиновскаго (мы увидимъ вскорѣ, кто былъ зачинщикомъ, Тимоѳей или Калиновскій). Унія Король не истребитъ: то было бы нарушеніемъ присяги; истрибить ее въ Польшѣ, значитъ тоже, что въ Россіи истребить вѣру Греческую: но въ Польшѣ утверждены права обоихъ духовенствъ, и Уніатскаго и Греческаго. Король съ удовольствіемъ принимаетъ посредничество Царя въ примиреніи съ непокорными его подданными, но желаетъ знать, будетъ ли Царь отвѣчать за Хмѣльницкаго; Королю извѣстно уже, что Гетманъ хочетъ вступить въ подданство Султана; онъ готовъ идти съ войскомъ въ Украйну; если положатъ Малороссіяне оружіе, и встрѣтятъ его съ покорностію, повсемѣстными универсалами онъ объявитъ имъ всепрощеніе; въ противномъ случаѣ, Царь долженъ обязаться въ помощи Королю, и вмѣстѣ наказать сего вѣроломнаго преступника. — Что же касается до торговли виномъ и табакомъ, до обидъ и порчи граней, все это давно запрещено.

Таковъ былъ правдивый отвѣтъ Короля и Магнатовъ; такъ увѣряли они, что гоненій за вѣру никогда у нихъ не бывало, что Тимоѳей напалъ на Калиновскаго!

7. Августа получили Московскіе Послы отпускную аудіенцію; восьмаго, Король со всѣмъ своимъ войскомъ выступилъ изъ Львова противъ Хмѣльницкаго.

Упорство Короля раздражило Москву; былъ созванъ соборъ въ Грановитой Палатѣ; самъ Царь при-

сутствовалъ. Предложено было поведеніе Короля, отказъ его примириться съ Запорожцами; покушенія Уніатовъ истребить огнемъ и мечемъ въ Малороссіи всѣхъ обывателей Греческаго исповѣданія; прошеніе Гетмана принять его подъ покровительство; наконецъ предложенъ вопросъ. принять ли Гетмана подъ протекцію? оказать ли ему помощь трехъ-тысячнымъ корпусомъ?

Бояре и духовенство приговорили: «присоединить «Гетмана Богдана Хмѣльницкаго къ Москвѣ со всѣмъ «войскомъ Запорожскимъ, съ городами и землями, «уважая не только единовѣріе Малороссіянъ, но и «опасность, предстоящую имъ отъ Литвы и отъ По«ляковъ, и угрожающее имъ иго Турецкое и Татар«ское.»

Къ Гетману въ разныя времена пріѣзжали между тѣмъ Царскіе посланцы: Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, Стольникъ Ѳедоръ Лодыжинскій, и Подъячій Иванъ Ѳоминъ. Въ Ромнѣ встрѣтилъ Ѳомина съ честью Атаманъ Клипаченко, увѣдомилъ, что Роменскіе козаки пошли къ Гетману съ Полковникомъ Миргородскимъ Сосновичемъ. Изъ Ромна поѣхалъ онъ на Лохвицу, въ Субботово, куда прибылъ Августа 15. Хмѣль- Августа 15.
ницкій, будучи въ отлучкѣ, прислалъ къ нему Виговскаго, которому Ѳоминъ поднесъ отъ имени Царя сорокъ соболей. На другой день обѣдалъ за столомъ Гетманскимъ, получилъ для себя и для сына своего двухъ осѣдланныхъ Турецкихъ жеребцовъ. Когда же понесли къ Гетману Государеву грамоту и козакамъ жалованье, Гетманъ встрѣтилъ грамоту на крыльцѣ; Ѳоминъ слѣзъ съ коня и поклонился Гетману. Августа 19 Гетманъ пріѣхалъ къ воротамъ Ѳомина; пе-

редъ нимъ вели двухъ коней съ попонами, трубачи трубили, и провожало его сто козаковъ. Ѳоминъ вышелъ за ворота и «билъ челомъ Гетману», чтобъ заѣхалъ къ нему въ домъ; Гетманъ, подгулявшій, всталъ съ коня, пошелъ въ комнаты, помолился передъ образомъ Спаса, сѣлъ за столъ, повторилъ просьбу о покровительствѣ, и заключилъ свиданіе слѣдующими словами: «Теперь я — Гетманъ — ѣду съ войскомъ на «службу; всего моего Гетманскаго войска козацкаго «будетъ со сто тысячь. Я заѣхалъ къ тебѣ, Государеву Посланнику, проститься.» Наконецъ пріѣхали Родіонъ Стрѣшневъ и Бредихинъ съ объявленіемъ, что Король отказалъ Царю во всѣхъ его требованіяхъ, и что Государь принимаетъ Козаковъ въ подданство; но эти послы не застали уже Гетмана въ Чигиринѣ. Сынъ его Юрій сказалъ имъ, что двѣ недѣли тому назадъ Гетманъ выступилъ съ войскомъ и съ Исламомъ противъ Короля. Хмѣльницкій съ похода писалъ къ Чигиринскому Наказному Полковнику Томиленку, и къ женѣ своей, чтобъ ихъ приняли съ честью, но удержали бы въ Чигиринѣ до его возвращенія. Сколько ни упрашивали они объ отправкѣ ихъ къ Гетману или въ Москву, но никакъ не могли преклонить Томиленка. Наконецъ принуждены были писать къ Царю: «И намъ, холопамъ, къ «Гетману ѣхать, промыслить было ни которыми мѣ«рами не льзя: опасны Полковникъ съ товарищи и «козаки отъ Гетмана, смертной казни.» А Гетманъ тогда былъ далеко, на полѣ чести, на полѣ битвъ и славы, гдѣ онъ былъ такъ великъ и счастливъ.

Онъ былъ уже обезпеченъ насчетъ Москвы и Крыма; предстоящая борьба съ Поляками не безпокоила

его. Радзивилъ думалъ съ помощію Липулы уговорить, чтобы онъ принялъ подъ покровительство Польскую Шляхту, чтобъ водворилъ ее въ селахъ Украинскихъ, прислалъ аманатомъ Юрія, и возвратилъ бы Лоевъ и Любечь ему, Радзивилу. «Не очищу Ляхамъ «дороги въ Украйну, не отдамъ ни Лоева, ни Лю-«беча» — хладнокровно отвѣчалъ Гетманъ. Тогда Король разослалъ универсалы: «Правдивый и вѣрный «Государь,» взывалъ онъ къ Украинцамъ, «я отправ-«ляюсь осмотрѣть свои города и земли; совѣтую ко-«закамъ и мѣщанамъ ждать меня безъ страха и безъ «измѣны, и надѣяться на меня». Народъ читалъ эти манифесты, какъ писаніе, достойное любопытства.

Между тѣмъ слухъ пронесся, что Хмѣльницкій идетъ на Молдавію. Дѣйствительно, онъ велъ за собою семдесятъ тысячь войска; въ томъ числѣ и триста Донцовъ; близъ Буга соединился съ Исламомъ, съ Бѣлогородцами, Крымцами и Татарами. Вмѣстѣ пошли они къ Жванцу, что между Хотиномъ и Каменцемъ Подольскимъ; тамъ станомъ роскошнымъ и обширнымъ стоялъ Король, надѣясь на свою силу и на многочисленность Польской арміи; съ презрѣніемъ вспоминая о геніальномъ врагѣ своемъ, онъ безпечно поджидалъ его. Гетманъ уже осмотрѣлъ расположеніе Королевскихъ войскъ, а Поляки все не знали, что онъ не далеко отъ нихъ. Еще было темно, чуть заря показалась, Король былъ атакованъ отъ мѣстечка малочисленною конницею и артиллеріею. Пѣхота наша засѣла въ садахъ; при первыхъ выстрѣлахъ, Польская армія стала въ боевой порядокъ, Пруская пѣхота двинулась противъ козаковъ; Гетманъ, кружа наѣздами, занялъ ее и весь правый флангъ. Вдругъ пѣхота ко-

зацкая появилась изъ засады, ударила тому же флангу въ тылъ, дала залпъ, и подняла его на копья; поворотясь лицемъ къ нашей пѣхотѣ, Прусаки обратились спиною къ нашей конницѣ; изъ за конницы выступила легкая пѣхота. Поляки смѣшались и отодвинулись къ срединѣ своей арміи: ихъ преслѣдовали, не дали имъ времени зарядить ружья и построиться; они принуждены были отдѣлываться штыками. Въ это время Гетманъ примкнулъ къ своей пѣхотѣ съ обоихъ ея фланговъ, и обхватилъ всю непріятельскую артиллерію праваго фаса; Поляки начали было строиться во фрунтъ противъ фрунта козацкаго, Хмѣльницкій наступилъ на нихъ всѣми силами и разорвалъ ихъ фрунтъ на-двое: одна часть, почти со всею конницею, начала отступать къ Каменцу: тамъ былъ и самъ Король; на нее повели фальшивую атаку; другую часть, которая спустилась въ низменныя мѣста, и гдѣ находилась Прусская пѣхота, онъ атаковалъ дѣйствительно, безъ артиллеріи, и, не видя никакихъ средствъ къ защитѣ, она сдалась, была обезоружена, и отправлена въ Корсунь, въ числѣ одиннадцати тысячь трехъ сотъ тринадцати человѣкъ. Между ними были Дашковъ и Оссолинскій, которымъ были отданы почести; экипажи и всѣ пожитки свои они получили обратно; весь лагерь, всѣ обозы достались козакамъ. Королевская палатка, всѣ его слуги и вещи были отправлены къ нему подъ прикрытіемъ козаковъ, и онъ былъ принужденъ сказать, что «грубые козаки «вѣжливѣй и великодушнѣй отъ Поляковъ, славящих-«ся эдукаціею:—вотъ второй разъ уже они одолжа-«ютъ меня, къ стыду нашей надменности.»

Ханъ, удалясь отъ Хмѣльницкаго, былъ подкупленъ

Королемъ, обѣщалъ порабощеніе Козаковъ Польшѣ, но обмануть Хмѣльницкаго не могъ. Возвращаясь въ Чигиринъ, Гетманъ приказалъ обывателямъ уводить женъ, дѣтей, скотъ и все имущество изъ селъ въ города. Со всѣми этими предосторожностями, Малороссія не совершенно спаслась отъ хищнаго союзника, да и Польша не мало потеряла: до Пины и до Припети вся страна потерпѣла отъ Татаръ; изъ однихъ шляхетскихъ домовъ въ неволю уведено было женщинъ и дѣвицъ до пяти тысячь.

Грозя Каменцу скорымъ появленіемъ, на другой день послѣ битвы, Гетманъ выступилъ съ войскомъ; Лянцкоронскій, Потоцкій и Собѣскій встрѣтили его и предложили ему миръ отъ имени Короля, съ утвержденіемъ, клятвами, всѣхъ статей Зборовскихъ, во всей ихъ силѣ. Покуда же миръ будетъ утвержденъ и ратификованъ, они предложили себя и плѣннаго Оссолинскаго аманатами. Король просилъ объ отпускѣ всѣхъ плѣнниковъ; Гетманъ исполнилъ просьбу Короля; возвратилъ шпаги войскамъ Прусскимъ, далъ имъ на дорогу все необходимое; плѣнные Малороссіяне тоже получили свободу. Ратификація была Королемъ подписана Сентября 27, а Октября 11 27 Сентяб.
опубликована по всей Малороссіи. Молебствія раздавались торжественно по всѣмъ церквамъ; войско было распущено. Аманаты, одаренные Гетманомъ, объявлены свободными, и съ торжествомъ отправились въ отечество. Только одинъ изъ нихъ, Сенаторъ Лянцкоронскій, имѣя отъ Короля тайныя повелѣнія, остался прожить нѣсколько времени въ Чигиринѣ, въ видѣ частнаго человѣка.

Вскорѣ прибыли къ Гетману Посланники Турецкіе,

Нурадинъ Ага и Эфенди Селимъ, да Крымскій Мурза Нагай Бекъ. Они, и съ ними Лянцкоронскій, уговаривали Гетмана итти на царство Московское вмѣстѣ съ Турціею и Польшею. Дѣло шло о томъ же, что и прежде—объ отторженіи отъ Москвы царства Астраханскаго. Ханъ писалъ, что онъ въ такомъ случаѣ охотно забудетъ всѣ заговоры Гетмана съ Московскимъ Царемъ противъ интересовъ Крымскихъ; что возвратитъ ему всѣхъ Малороссійскихъ плѣнниковъ, числомъ до трехъ тысячь, что отнынѣ онъ ихъ считаетъ только аманатами. Много нужно было изворотливости и искуства Хмѣльницкому; онъ изливалъ все свое краснорѣчіе, доказывалъ всю невозможность вступить въ новую войну, послѣ столь многихъ и разорительныхъ для Малороссіи; предлагалъ отложить это предпріятіе до времени, пока онъ оправится и посовѣтуется съ войскомъ и народомъ; и все это было напрасно. Посланники требовали отвѣта рѣшительнаго:—да или нѣтъ; давали выбирать ему вражду или союзъ съ ихъ Государями; предъявляли повелѣнія, объявить ему войну; въ случаѣ отказа грозили положить ему лукъ и мечь на столъ. Гетманъ просилъ быть признаннымъ за неутральнаго; съ этимъ условіемъ обѣщалъ помогать имъ суммами и запасами; но просьбу его отвергнули и требовали арміи. Наконецъ Гетманъ съ досадою началъ ссылаться на самихъ пословъ, просилъ ихъ посовѣтоваться съ собственнымъ благоразуміемъ: возможно ли ему, не укомплектовавъ козаковъ, вступить въ войну наступательную; не принесетъ ли онъ этимъ болѣе вреда, нежели пользы, своимъ союзникамъ? Испортивши начало войны, легко ли ее будетъ исправить? Наконецъ

Послы уважили причины, и отсрочили ему на десять мѣсяцевъ союзъ съ ихъ Государями, объявивъ, что этого времени будетъ достаточно для укомплектованія и устройства арміи. Ханъ возвратилъ ему всѣхъ плѣнниковъ, и послы отправились изъ Чигирина.

Едва отъ нихъ отдѣлался Гетманъ, какъ тайный гонецъ помчался въ Москву.

ГЛАВА XIX.

Жестокости Липулы въ Молдавіи. Развратъ его племянника. Липула согнанъ съ Господарства. Сынъ Гетмана, Тимоѳей, возвращаетъ ему Господарство. Влюбляется въ Ирину. Паша Силистрійскій и Султанъ сватаютъ его Иринѣ. Магнаты Польскіе тоже сватаются за нее. Любовь Ирины къ Тимоѳею. Липула отказываетъ Тимоѳею. Красота и ловкость Гетманскаго сына. Войско козацкое идетъ сватать дочь Господарскую. Битва съ Поляками у Батога. Согласіе Липулы на замужество Ирины съ Тимоѳеемъ. Свадебный поѣздъ жениха. Битва у Сороки. Тимоѳей обвѣнчанъ. Заговоръ Стефана Бурдуца на Липулу. Стефанъ объявленъ Господаремъ. Господарша бѣжитъ въ Сочаву. Тимоѳей бьетъ войско Стефана подъ Яссами. Липула снова Господаремъ. Война продолжается въ Валахіи. Разбитіе козаковъ подъ Терговистомъ. Новое войско приходитъ отъ Тимоѳея изъ Малороссіи. Оно разбито измѣною Молдаванъ. Тимоѳей идетъ къ тещѣ въ Сочаву. Храбрость его. Сочава обложена войскомъ Стефана и Поляками. Тимоѳей смертельно раненъ ядромъ. Узнаетъ о рожденіи двухъ сыновей. Пишетъ къ отцу. Умираетъ. Войско козацкое выходитъ изъ Сочавы съ тѣломъ Тимоѳея. Гетманъ, не зная о смерти сына, посылаетъ войско къ нему на помощь. Битва козаковъ, провожавшихъ тѣло Тимоѳея, съ Могильницкимъ. Встрѣча гроба въ Чигиринѣ. Погребеніе.

Здѣсь мы оставимъ нить произшествій. Отъ войнъ и совѣщаній политическихъ, отъ подвиговъ Гетмана, отъ войскъ и народа мы обратимся къ произшествію

съ Гетманскимъ сыномъ, разскажемъ о его любви къ дочери Господаря Молдавскаго. Столь увлекательному эпизоду въ нашей Исторіи нельзя не посвятить нѣсколькихъ страницъ исключительно; нельзя не посвятить Тимоѳею нѣсколькихъ воспоминаній; и потомъ не станемъ уже прерывать разсказа нашего объ отцѣ его и объ Украйнѣ.

Чтобъ быть болѣе понятными нашимъ читателямъ, мы должны описать подробнѣе представителей этой занимательной драмы.

Василій Липула, Молдавскій Господарь, былъ изувѣръ и тираннъ надъ подданными. Печатая книги церковныя, строя монастыри, обдаривая щедро духовенство, въ одно и тоже время онъ молился Богу и рѣзалъ уши Молдаванамъ и носы Молдаванкамъ. Въ двадцать три года своего управленія, онъ приговорилъ къ смертной казни болѣе четырнадцати тысячъ мужчинъ, и перетопилъ почти столько же женщинъ. Въ довершеніе народнаго бѣдствія, Господарь имѣлъ племянника, который обезчестилъ четыре тысячи дѣвицъ, если вѣрить Шаммасу-Булосу, Архидіакону Павлу, который странствовалъ съ Патріархомъ Макаріемъ въ Москву, и былъ очевидцемъ подвиговъ Липулы, и подвиговъ Тимоѳеевыхъ. Этотъ племянникъ Господарскій по ночамъ врывался въ домы для похищенія дѣвицъ. Семейства жаловались, Бояре и народъ роптали, наконецъ долготерпѣніе Молдаванъ прекратилось. Вельможи измѣнили; войско пришло въ неповиновеніе.

Матвѣй Радука, Волохскій Господарь, и Ракоча, Банъ Трансильванскій, воспользовались замѣшательствомъ и согнали Василія съ Господарства. Мы ви-

дѣли, какъ тогда онъ обратился къ Хмѣльницкому, какъ Гетманъ съ согласія Султана отправилъ на помощь Василію сына своего и Тугай Бея съ четырьмя тысячами Татаръ. При Тимоѳеѣ были преданные Гетману Старшины козацкіе, и восемь тысячь козаковъ регистровыхъ и охочекомонныхъ. То было въ 1648 году Сентября 17-го.

Тимоѳей возвратилъ Липулѣ Господарство; но изъ похода пришелъ въ Малороссію, влюбленный въ дочь его Ирину; заставъ Богдана подъ Збоisær, признался ему въ любви, и просилъ быть сватомъ. Гетманъ поручилъ все дѣло Пашѣ Силистрійскому, тотъ обѣщалъ и самъ ходатайствовать и просить Султана о предстательствѣ; но Липула, котораго старшая дочь была за Великимъ Литовскимъ Гетманомъ, Княземъ Янушемъ Радзивиломъ, по враждѣ ли зятя своего съ Хмѣльницкимъ, или изъ гордости, не хотѣлъ выдать Ирину за Тимоѳея. Въ нее былъ влюбленъ, одни говорятъ, Князь Дмитрій Вишневецкій, другіе, Потоцкій. Народная пѣсня говоритъ,—Потоцкій. Господарь принуждалъ дочь витти за Магната, котораго она ненавидѣла. Мать, Домна, держала сторону дочери, а Ирина была влюблена въ молодаго Хмѣльницкаго.

И впрочемъ, судя по достоинствамъ Тимоѳея, описаннымъ Архидіакономъ Алепскимъ, Павломъ, человѣкомъ, который былъ съ нимъ знакомъ, трудно было дѣвушкѣ не влюбиться въ него. «Никто не могъ про«тивустать ему; такъ онъ былъ храбръ и отличный «всадникъ! Дѣйствительно, онъ былъ самый храбрый «человѣкъ въ мірѣ: онъ стрѣлялъ изъ своего лука «сперва правою рукою, а потомъ лѣвою; рубилъ и «кололъ саблею; послѣ того стрѣлялъ изъ ружья;

«словомъ, онъ переберетъ бывало всѣ оружія, кото-«рыми всегда увѣшанъ, пока не истребитъ передъ «собою всѣхъ непріятелей. Ага Казначейства и Ка-«пиджи-Баши, которые прибыли изъ Константино-«поля, чтобы преклонить дѣло на сторону Султана, «и находились при новомъ Беѣ, были свидѣтелями «этихъ подвиговъ, и изумлялись искуству Тимоѳея «въ верховой ѣздѣ и храбрости. Никто не могъ въ «него попасть изъ ружья, или другимъ оружіемъ — «такъ онъ былъ искусенъ въ верховой ѣздѣ, и съ «быстротою молніи вертѣлся вокругъ туловища сво-«ей лошади.»

Но ничто не подѣйствовало на Василія; ни благодарность къ Тимоѳею за возведеніе на Господарство, ни храбрость его, ни предстательство Паши и Султана, ни желаніе жены, ни любовь дочери. Господарь предпочелъ Потоцкаго, отказалъ молодому Хмѣльницкому: это огорчило стараго Хмѣльницкаго.

И онъ съ согласія Султана обѣщалъ Господарю прислать сто тысячь сватовъ, которые волею или неволею высватаютъ Ирину за Тимоѳея. Молдаване испугались, приступили къ Господарю съ требованіемъ, чтобъ, для спасенія края, онъ выдалъ дочь. Липула попросилъ у Поляковъ помощи противъ Хмѣльницкаго. Десять тысячь войска, подъ предводительствомъ Гетмана Калиновскаго и другихъ Магнатовъ, явились близъ Ладыжина; они не хотѣли выдать невѣсты Тимоѳею. Старый Хмѣльницкій совѣтовалъ Калиновскому отойти оттуда, и предостерегалъ его, что свадебные гости, которые провожаютъ жениха, будучи на-веселѣ, по свадебному, могутъ ему нанести какое нибудь неудовольствіе; а между тѣмъ, тридцать шесть

тысячь козаковъ и Татаръ шли спрашивать у Липулы согласія.

За Днѣпромъ зимовала Польская армія; Бугъ былъ въ полноводіи. Однакожъ это не помѣшало ему, Калиновскому, соединиться съ нею. Хмѣльницкій обрѣзалъ хвостъ и гриву у коня, сплелъ веревку, надѣлъ коню на шею вмѣсто оброти, и послалъ его въ даръ Коронному Гетману.

Наконецъ появились Татары передъ Поляками; они напали на нихъ, и начали отступать. Тѣмъ показалось это бѣгствомъ; должно было преслѣдовать, и вдругъ Тимоѳей, достойный сынъ и ученикъ отца, ударилъ на обозы, вытѣснилъ стрѣлковъ изъ лѣсу, и Поляки были поставлены между двухъ огней. Три дни продолжалась сѣча, козаки и Татары врѣзались въ Польскіе ряды, и пощады никому не было. Голова Короннаго Гетмана Калиновскаго, голова Марка Собѣскаго, голова Пржзіемскаго принесены были Хмѣльницкому къ ногамъ. Мурзы избавили отъ смерти только десять Магнатовъ. Староста Черниговскій и Любечскій, Самуилъ, сынъ Калиновскаго, также погибъ отъ козаковъ въ селѣ Бубновкѣ. Татары разсѣялись по всему Королевству и такъ испугали жителей, что изъ Варшавы многіе бѣжали въ Данцигъ.

Липула, испуганный, писалъ къ Хмѣльницкому, что всегда былъ согласенъ на замужство Ирины съ Тимоѳеемъ, но препятствовала война Малороссіянъ съ Поляками. Нынѣ же, когда настало время мирное, когда ясно, что Потоцкихъ бояться не чего, нынѣ онъ дастъ дочери благословеніе тѣмъ охотнѣе, что и самъ Султанъ этого желаетъ: теперь остается только, говорилъ онъ, прислать Тимоѳея съ достаточнымъ кон-

воемъ, потому что на границахъ Буковины собралась порядочная партія Гультяевъ подъ начальствомъ молодаго Потоцкаго.

Гетманъ благодарилъ Василія за согласіе, доволенъ былъ, что сватовство такъ мирно кончилось, потребовалъ у свата двѣнадцать тысячь червонныхъ за сдѣланныя имъ предварительныя издержки на сватьбу, и отправилъ Тимоѳея въ Яссы съ 5000 корпусомъ подъ видомъ пограничнаго разъѣзда.

Молодой Хмѣльницкій переправился черезъ Днѣстръ у Могилева, и приблизился къ городу Сорокѣ. Тутъ, изъ овраговъ и садовъ вышелъ цѣлый корпусъ войска Польскаго, окружилъ его. Онъ и его стража, весьма малочисленная, вскочили въ ограду церковную; Поляки, полагая, что они уже не уйдутъ, начали грабить обозъ, а церковь окружили; вдругъ въ расплюхъ напалъ на нихъ отрядъ козацкій; послѣ выстрѣла, онъ, по обыкновенію, подцялъ зачинщиковъ на копья, и всѣхъ перекололь; только Потоцкій, съ десятью приближенными, пробился сквозь козаковъ, но, когда скакалъ черезъ мостъ, обвалился и утонулъ. Тимоѳей явился въ Яссы, и былъ обвѣнчанъ съ Ириною. Гетманъ жаловался Королю о злодѣйскомъ нападеніи на свадебный поѣздъ сына, на поруганіе Потоцкими столь великаго таинства, на смертоубійства, изъ того произшедшія; наконецъ писалъ, что если какая нибудь непріятность и случилась между сватами и нападателями, то это можно приписать тому, что поѣздъ былъ на-веселѣ; безъ чего на сватьбахъ не бываетъ. Король ничего не отвѣчалъ.

Счастіе Тимоѳея не было продолжительно; начались новыя смуты въ Молдавіи; Польша поджигала.

Одинъ изъ приближенныхъ Бояръ, Великій Лагоѳетъ, Стефанъ Бурдуцъ составилъ заговоръ на жизнь Василія, и конечно успѣлъ бы въ намѣреніи, если бъ одинъ изъ преданныхъ Василію священниковъ не предувѣдомилъ его.

Господарь бѣжалъ изъ Яссъ. Племянникъ его разломалъ мосты по дорогѣ, и только этимъ успѣли они спастись отъ преслѣдованія. Яссы наполнились бродягами и разбойниками. Купцы и достаточные граждане ввезли все имущество въ монастырь; укрѣпились въ нёмъ телегами, замолкли отправы церковныя, все было въ трепетѣ, когда Бояринъ Стефанъ явился въ городъ съ многочисленною арміею, и объявилъ себя Господаремъ Молдавіи.

Липула нѣсколько дней пробылъ въ Хотинѣ. Оттуда переправясь чрезъ рѣку, скрылся въ Каменцѣ Подольскомъ, и послалъ въ Константинополь донесеніе о произшествіи; а къ Хмѣльницкому и къ Хану Крымскому просьбу о помощи. Домна скрылась въ Сочавѣ.

Лагоѳетъ Стефанъ, неусыпно занимаясь дѣлами, привлекъ къ себѣ всѣхъ вельможъ, которые ненавидѣли Василія; но вдругъ вся Молдавія пришла въ ужасъ; служенія снова прекратились; получено было извѣстіе, что приближается Тимоѳей. Стефанъ едва отправилъ Волоховъ и Венгерцовъ, какъ опять послалъ просить у нихъ помощи; а самъ между тѣмъ приготовился къ отпору. Но авангардъ Тимоѳея, составленный изъ трехъ тысячь козаковъ, разбилъ всѣ отряды, посланные къ нему на встрѣчу. Сорокъ тысячь Молдаванъ, Венгерцовъ, Нѣмцовъ, Волоховъ и Сербовъ собралось вокругъ Стефана. На второй недѣлѣ

послѣ Пасхи, это войско выступило въ походъ; скоро встрѣтилось оно съ Тимоѳеемъ. Козаки стояли за полисадами, стѣнами и рвами; передъ рвами поставлены были телеги всѣхъ родовъ; въ центрѣ были люди и кони; тишина между ними была совершенная. Молдаване, говоритъ очевидецъ, думали, что это станъ мертвецовъ; они послали восемь сотъ драбантовъ для рекогносцировки: козаковъ нельзя было видѣть; они лежали ницъ. Стефанъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ шести пушекъ, драбанты изъ ружей; козаки встали, выпалили изъ одиннадцати пушекъ, дали залпъ изъ ружей, выхватили сабли и перерѣзали драбантовъ; тяжелыя орудія стрѣляли во всѣхъ направленіяхъ; бой длился съ середы на четвергъ, съ полудня до полудня. Стефанъ, разбитый на-голову, бѣжалъ; молодой Хмѣльницкій вступилъ въ Яссы.

Городъ былъ преданъ на разграбленіе; вырѣзали и Турковъ и Жидовъ, допросивъ прежде о богатствахъ. Во всемъ городѣ колокола звонили; Антіохійскій Патріархъ отслужилъ молебенъ о здравіи Василія, Богдана, Тимоѳея и супруги его. Липула возвратился изъ Каменца и козаки привѣтствовали его изъ одиннадцати своихъ и шести непріятельскихъ пушекъ; онъ снова началъ царствовать.

Тогда Тимоѳей съ тестемъ пошелъ искать непріятеля. Четыре раза разбивалъ онъ на-голову Волоховъ и Венгровъ; но счастіе измѣнилось. Въ Яссахъ разнесся слухъ, что козаки истреблены, и только часть спаслась бѣгствомъ. Безпокойство и ужасъ напали на жителей; городъ взволновался, граждане опять искали убѣжища въ монастыряхъ. Дѣйствительно, четыре раза разгромивъ враговъ, Тимоѳей

дошелъ было на одинъ день пути до Терговиста. Матвѣй, Господарь Волохскій, вышелъ на встрѣчу. Булгары, Турки, Арнауты, Греки, Венгры, Сербы и Волохи составляли войско непріятельское: козаки напали какъ львы, очистили путь до ставки Господарской. Матвѣй былъ раненъ въ ногу; онъ снялъ съ нея сапогъ; подъ нимъ убили коня; онъ пересѣлъ на другаго и храбро защищался. Уже вся армія готова была положить оружіе, вдругъ поднялась буря, гроза набѣжала съ громомъ и молніей, съ повторенными ударами, ливень пустился на козаковъ; градъ, какъ камни, началъ ихъ бить, вѣтеръ былъ прямо въ лице; козаки не могли стрѣлять, полки и порохъ замокли. Молдаване передались къ непріятелю; открыли ужасный огонь по нашему войску изъ ружей и орудій непріятельскихъ; козаки обратились въ бѣгство. Матвѣй преслѣдовалъ ихъ трои сутокъ: большая часть была перебита; многіе полонены, немногіе, избѣгнувъ этой участи, прибѣжали въ Яссы и разсказали о битвѣ. Она происходила въ среду вечеромъ, наканунѣ Вознесенія.

Василій съ зятемъ прибыли въ Яссы проселочными дорогами. Трои сутокъ оставался Тимоѳей въ городѣ, и потомъ уѣхалъ съ своими козаками въ Малороссію. Господарь остался одинъ, въ страхѣ, безъ всякой помощи.

Уже Стефанъ стоялъ съ Волохами и Венграми на границѣ Венгерской, уже писалъ къ Молдаванамъ прокламаціи. Смятенія въ Яссахъ возобновились; у Господаря войска не было; онъ посылалъ къ Татарамъ просить о помощи, но получилъ отказъ; приступили къ послѣднему средству: начали набирать

войско изъ окрестныхъ жителей. Вскорѣ пришла добрая вѣсть къ Яссамъ: приближилось нѣсколько тысячь козаковъ. Василій велѣлъ для нихъ разбить шатры вокругъ города, и угостилъ дорогихъ гостей виномъ и хлѣбомъ, одарилъ деньгами и одеждою.

Во вторникъ, пятаго Іюля, онъ выступилъ изъ Яссъ; съ нимъ вышли всѣ купцы и Греки. Все это съ козаками составило отрядъ въ четыре тысячи; къ нимъ присоединилось Молдаванъ тысячь одиннадцать; тогда они двинулись противъ непріятеля, у котораго было войска тысячь отъ двухъ до трехъ, не болѣе.

Когда обѣ арміи сошлись, говоритъ Архидіаконъ, войска Василія могли побить непріятеля палками, не только саблями; но онъ устоялъ. Но зналъ, что измѣна Молдаванъ неминуема; такъ и вышло: они передались на сторону Стефана, обратили оружіе противъ Василія, и большая часть козаковъ, купцовъ и Грековъ погибла подъ мечемъ. Покинувъ шатры, Господарь спасся съ немногими спутниками, благодаря быстротѣ коней. Богатства свои отправилъ въ Сочаву: тамъ была давно уже Господарша съ дѣтьми; а самъ поѣхалъ въ Чигиринъ, и когда Тимоѳей выступилъ съ войскомъ вспомогательнымъ, то его тесть уѣхалъ въ Рашковъ. 6 Іюля.

А Стефанъ занялъ Яссы и предалъ ихъ вторичному разграбленію. Вся тяжесть мщенія упала на Греческое народонаселеніе. Часть войска пошла на Сочаву, чтобы взять семейство и казну Липулы.

Въ концѣ Іюля Тимоѳей перешелъ черезъ Днѣстръ, разбилъ Венгерскіе и Молдавскіе отряды и пошелъ къ Сочавѣ. Тамъ приказалъ онъ сдѣлать окопы во-

кругъ замка, впустилъ въ нихъ изъ рѣки воду, и двадцать пушекъ уставилъ на валахъ.

Узнавъ о его приближеніи къ крѣпости, Стефанъ удалился отъ нея. Коль скоро вошелъ туда Тимоѳей, непріятели, въ числѣ сорока тысячь, облегли ее со всѣхъ сторонъ. У Тимоѳея было прежде съ Татарами тысячь четырнадцать войска, но теперь осталось только восемь: Татары отложились. Каждый день были вылазки; перепалки были безпрерывныя; каждый день Гетманскій сынъ выѣзжалъ на своемъ любимомъ бѣломъ конѣ, приближался къ стану осаждающихъ и убивалъ ихъ цѣлыя толпы. Между тѣмъ къ осаждающимъ пришли Поляки; они завидѣли Тимоѳея и выбрали его цѣлью. Разсказываютъ, что три Поляка, избавленные Тимоѳеемъ отъ смерти, бѣжали изъ Сочавы и указали Вишневецкому обыкновенное мѣсто, гдѣ находился ихъ избавитель: всѣ пушки были туда направлены; вблизи стояла телега; ее разорвало ядромъ, осколки сбили Тимоѳея съ ногъ. Наша лѣтопись говоритъ, что ему оторвало руку по плечо: онъ немедленно далъ знать отцу о своемъ несчастіи, получилъ вѣсть, что Ирина родила ему двухъ близнецовъ—мальчиковъ, и черезъ нѣсколько дней скончался.

«Съ той поры, говоритъ Архидіаконъ Павелъ, «дѣла осажденныхъ пришли въ упадокъ, по причинѣ «смерти ихъ Льва - хранителя.» Обстоятельства Липулы сдѣлались безнадежными; Домна и ея приближенные переходили отъ одной горести къ другой. Тимоѳея набальзамировали и положили въ гробъ, обитый бархатомъ внутри и снаружи.

Въ замкѣ начали въ пищу употреблять лошадей. Голодъ принудилъ осажденныхъ сдаться на капиту-

ляцію. Домна съ дѣтьми была выдана; богатства Липулы достались Стефану, а козаки взяли свои пушки, два боченка золота, жемчугъ и другія сокровища, награбленныя въ Сочавскомъ Армянскомъ монастырѣ и въ Яссахъ; наконецъ взяли гробъ своего Тимоѳея и пошли въ Малороссію.

Между тѣмъ пришло извѣстіе къ старому Хмѣльницкому, что сынъ лежитъ въ Сочавѣ, раненный, и проситъ его «умилосердиться надъ нимъ и поспѣ«шить къ нему на помощь». 20,000, или, какъ говоритъ Архидіаконъ, 40,000 козаковъ получили повелѣніе итти въ Молдавію, чтобъ освободить Тимоѳея. Полковники пришли къ Гетману и сказали: «не по«требно намъ чужую землю оборонять, а свою безъ «остереганья лишать; потребно намъ за себе стоять «и свою землю оборонять.» Гетманъ былъ на-веселѣ; выхватилъ саблю и разрубилъ руку у Черкаскаго Полковника Еська; но опомнясь пришелъ къ козакамъ, выкатилъ имъ меду, сдѣлалъ три поклона и сказалъ: «дитки мои! напыйтесь, и мене не поддайте!»— Козаки отвѣчали въ одинъ голосъ: «Пане Гетмане! «въ томъ воля твоя и буты, съ тобою мы уси го«товы.» — Войска пошли; на пути къ нимъ присоединилось двадцать восемь тысячь Татаръ, подъ начальствомъ Калгана, т. е. Ханскаго Намѣстника, Шерифъ Бея, свояка Липулы. Василій и Шерифъ Бей были женаты на родныхъ сестрахъ, Черкашенкахъ. Грозное ополченіе дошло до Прута; здѣсь встрѣтило гробъ Тимоѳея, и возвратилось.

Василій Липула лишился навсегда Господарства. Домна сослана въ отдаленную деревню на заточе-

ніе; сыну ея Василію Стефанъ приказалъ распороть носъ, чтобъ лишить навѣки Господарства.

Когда изъ козачьяго отряда, послѣ столь плачевно оконченной Сочавской экспедиціи, осталось только четыре тысячи человѣкъ, и когда они провожали гробъ своего Льва молодаго, — Польскій военачальникъ, Могильницкій, не уважая ни несчастія, ни бренныхъ остатковъ героя, который такъ славно погибъ на брани въ цвѣтѣ лѣтъ — напалъ на отрядъ нашъ; и это было въ мирное время. Казалось, присутствіе Тимоѳея, хотя уже мертваго, оживило это изнеможенное войско храбрыхъ; они разбили въ-пухъ Поляковъ и взяли въ плѣнъ Могильницкаго.

Скоро достигла вѣсть къ старику, что везутъ уже его сына; жена плакала и молчала; старикъ плакалъ и радовался, что сынъ не достался въ руки врагамъ. Октября 22 драгоцѣнные остатки явились въ Чигиринъ, въ сопровожденіи козацкаго Кіевскаго Полковника. Все духовенство, въ полномъ облаченіи, Гетманъ, Гетманша, сынъ ихъ Юрій, Черниговскій Полковникъ, и войско встрѣтили тѣло за городомъ; повсюду раздавался звонъ колоколовъ. Когда внесли гробъ храбраго въ церковь, загремѣлъ залпъ изъ ружей, и съ крѣпости отвѣтствовали залпомъ пушечнымъ. Гетманъ долженъ былъ уѣхать изъ Чигирина по дѣламъ народнымъ; гробъ оставался въ церкви до его возвращенія. А 27 Декабря похоронили Тимоѳея въ церкви, въ Субботовѣ. Невольно вспомнишь предразсудокъ народный, что небо отнимаетъ у людей лучшее, а худшее на земли остается.

ГЛАВА XX.

Послы къ Царю. Письмо Гетмана. Царскій отвѣтъ. Рада въ Чигиринѣ. Преклонность народа къ Турціи. Рѣчь Гетмана. Народъ согласенъ присоединиться къ Москвѣ. Присяга въ Чигиринѣ. Пріѣздъ Бояръ въ Переславль. Пріѣздъ Гетмана изъ Чигирина. Обрядъ присоединенія. Врученіе Клейнодовъ. Рѣчи Бояръ. Присяга городовъ Переговоры съ Митрополитомъ. Статьи присоединенія. Статья о Полякахъ. Неблагодарность ихъ. Истребленіе. Народная пѣсня. Послы къ Царю. Сравненіе чиновъ Малороссійскихъ съ Русскими. Обнародованіе грамотъ. Титулъ громовержца.

Въ концѣ 1653 года, Генеральный Судья Яковъ Гонзевскій привезъ отъ Гетмана письмо къ Царю; какъ оно, такъ и отвѣтъ Царя переданы потомству Конисскимъ. Макарій, Архимандритъ монастыря Старо-Каневскаго, въ которомъ проживалъ Юрій Хмѣльницкій, доставилъ въ каѳедральный Могилевскій монастырь копію письма и подлинникъ отвѣта. Гетманъ писалъ слѣдующее:

«Многократно и многообразно давалъ я знать Ва-
«шему Величеству о намѣреніи Султана Турецкаго и

« Хана Крымскаго , вмѣстѣ съ Королемъ Польскимъ, « объявить Вамъ войну за Царство Астраханское, « и другія претензіи, и что они меня къ тому при- « глашаютъ противъ воли моей и желанія, и я от- « говаривался отъ нихъ доселѣ разными предлогами, « а паче бывшими у меня съ Поляками всегдашними « войнами; Зборовскимъ и Жванскимъ трактатами; « что присланные отъ всѣхъ оныхъ державъ нарочные « Посланники требовали отъ меня настоятельно вое- « вать вмѣстѣ съ тѣми державами на Царство Ваше; « въ противномъ случаѣ объявлютъ они мнѣ войну и « введутъ для того въ Малороссію три свои арміи. « Я сколько ни отговаривался истязаніемъ силъ мо- « ихъ и народныхъ, частыми и тяжкими войнами и « крайнимъ моимъ несостояніемъ, требующимъ не « мало времени на поправку испорченнаго и на за- « веденіе оскудѣлаго; однако они ничему не внемлютъ, « и въ резоны не ставятъ, подозрѣвая меня особ- « ливо въ приверженности къ Вашему Величеству, « по пересказамъ имъ измѣнника моего, бывшаго отъ « меня въ посылкѣ въ Москву, но послѣ за злодѣянія « на смерть осужденнаго, судьи Гуляницкаго, кото- « рый убѣжавши отъ казни, кроется въ Крыму и въ « Польшѣ и на меня клевещетъ. И я насилу могъ « выпросить у Посланниковъ, съ великими имъ по- « жертвованіями, одной отсрочки на десять мѣсяцевъ, « для приведенія арміи моей въ надлежащій поря- « докъ; а всѣ другія просьбы, даже и самый не- « утралитетъ, остались тщетными. И такъ остается « теперь о семъ дѣлѣ Вашему Величеству избрать « средства полезнѣйшія и надежнѣйшія; а я призываю « на душу мою, что о войнѣ съ Вами и съ Цар-

«ствомъ Вашимъ и думать мнѣ несносно, и предаю «вѣчной анаѳемѣ и суду Божію всякаго, мыслящаго «непріятельски на единовѣрцевъ и однородцевъ, «послѣднихъ остатковъ свободнаго въ Греческой «церкви благочестія и древняго Апостолическаго пра- «вославія, угнетеннаго и искаженнаго во всемъ мірѣ «Магометанствомъ и Папежствомъ. Но ежели Ваше «Величество и теперь не рѣшитесь упредить не- «пріятелей, и попустите имъ войти въ Малорос- «сію съ своими арміями на Царство Ваше, то из- «вините меня и не осудите, что стану Вамъ по не- «волѣ непріятель, и на таковъ случай протестуюсь я «передъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ, что неповиненъ «буду въ крови единовѣрныхъ Христіанъ, проливае- «мой за интересы народовъ невѣрныхъ и недовѣрковъ. «Для отвращенія зла онаго, или по крайней мѣрѣ «ради его уменьшенія, есть средство не безнадеж- «ное: объявить Полякамъ войну и немедленно ввесть «въ ихъ земли двѣ арміи, или хорошіе корпуса: «одинъ въ Бѣлоруссію и на Смоленскъ, а другой въ «Литву. Поляки должны отвлечь туда всѣ силы свои, «а Турецкія и Татарскія войска, съ помощію Божіею, «надѣюсь тогда удержать въ ихъ границахъ, слѣдуя «системѣ оборонительной. Еслиже войска Вашего «Величества осчастливлены будутъ, такъ я и на даль- «нѣйшее поступить могу. Но всѣ сіи положенія на- «добно утвердить договорами и клятвами, чтобы «не было мысли объ измѣнѣ, и я всю мою душу об- «наружилъ передъ Вами, и свидѣтель мнѣ Богъ, что «говорю правду.»

Царь отвѣчалъ:

«Высокомощному и славному Малороссійскому и

«Козацкому Гетману, Зиновію Михайловичу Хмѣль-
«ницкому, наше Царское почтительное слово.

«Мы очень довольны и благодарны вамъ, предо-
«стойный Гетманъ, а войска наши давно стоятъ на
«границахъ въ добромъ порядкѣ и благонадежности;
«а выступать имъ границу безъ добраго пріятеля и
«надежнаго помощника сумнительно. А когда бы ты,
«Гетманушко, изволилъ съ нами соединиться, то бы
«всѣ сумнительства на-сторону, а мы поручилибъ
«вамъ всю свою армію, такъ какъ человѣку умному
«и воину славному; а что пишешь про договоры и
«обовязки, то готовы мы все исполнить вѣрою и
«правдою, какъ законъ Христіанскій и совѣсть по-
«велѣваютъ. Однако, чтобы впредь не было разно-
«думья и шалостей съ обѣихъ сторонъ, то хорошо
«бы соединитися и укрѣпитися, какъ единовѣрнымъ
«и единокровнымъ, и чтобы враги наши не посмѣ-
«вались о насъ. И договоры о томъ и уставы суть
«права и обычаи старые Малороссійскіе и Козацкіе,
«которые мы за ними укрѣпимъ и подпишемъ за
«себе и за наслѣдниковъ нашихъ; а не будутъ они
«нарушены вѣчно. А что ты придумаешь къ луч-
«шему съ нашими Боярами и своими думными
«людьми, мы на тое будемъ согласны. А коль скоро
«согласіе утвердимъ, такъ и войска выправимъ на
«непріятелей. А между себя воевать, сохрани насъ
«Боже! Самъ развѣ діаволъ на то попустить можетъ:
«а намъ православнымъ мыслити о таковомъ зломъ
«дѣлѣ, право, со грѣхомъ. А душа наша есть и будетъ,
«еже бы защищати и охраняти народъ православ-
«ный отъ врага и местника, чего мы отъ васъ ищемъ,
«и, видитъ Богъ, что въ правдѣ и истинѣ, и подъ

«Его святою рукою соединиться вѣчно съ вами и на-
«родомъ вашимъ желаемъ, и вамъ объ томъ почти-
«тельно пишемъ.»

Исполнилось желаніе Хмѣльницкаго. Чего не сдѣлали его многократныя просьбы и предложенія, въ томъ успѣли Ханъ, Король и Султанъ. Мудрый Царь зналъ, что соединеніе Гетмана съ однимъ изъ этихъ трехъ властителей не безопасно для царства Московскаго. Онъ ласкалъ главу народа храбраго дружелюбнымъ именемъ, *Гетманушка*, которое было пріятно получить отъ столь великаго Царя, отъ Царя единоплеменнаго и единовѣрнаго. Иные опровергаютъ подлинность отвѣта, говоря, что Царь не могъ писать къ Гетману слова почтительнаго; но самый разсудокъ доказываетъ намъ, что Архіепископъ Георгій былъ не способенъ къ подлогамъ. Вспомнимъ, что Гетманъ тогда еще не былъ Царскимъ подданнымъ, что то былъ побѣдоносный военачальникъ ста тысячь воиновъ, хитрый глава цѣлаго народа и имѣлъ всѣ средства присоединиться къ Крыму или къ Турціи. Какъ же иначе было писать, какъ не почтительно?

Письмо привезено было въ Чигиринъ; Гетманъ созвалъ чиновниковъ и именитѣйшихъ Козаковъ, объявилъ о семъ Царскомъ приглашеніи соединиться съ Государствомъ Московскимъ; не скрылъ и требованія Турецкихъ и Польскихъ Пословъ на-счетъ союза противъ единовѣрцевъ и войны за Царство Астраханское; потомъ предложилъ всему собранію обдумать и рѣшить единогласно, что полезнѣе на времена предбудущія, и чье избрать покровительство? «По обстоятельствамъ», говорилъ Гетманъ, «надобно «намъ быть на чьей нибудь сторонѣ, когда неутра-

«литетъ не пріемлется; да и на предбудущія времена зависть и интересы сосѣдей не оставятъ насъ «въ покоѣ и безъ попытокъ, какъ я и прежде вамъ о «томъ говорилъ, а теперь событіе и сами вы видите.»

Большая часть Козаковъ и почти всѣ молодые Старшины предпочли покровительство Султана. Мы видѣли изъ поступковъ Поляковъ съ нами, какъ у Христіанскихъ народовъ исполняются обѣты, клятвы и присяги. Политика и Министерія есть у нихъ искусный обманъ; и чѣмъ такой обманъ удачнѣе для нихъ и вреднѣе для сосѣдей, тѣмъ болѣе прославляются изобрѣтатели неправдъ, и всѣ Христіянскія державы называютъ ихъ людьми умными, великими Министрами, свѣдущими Политиками! А у Турковъ клятвы священны, не смотря на басурманство. Если Турокъ поклянется бородою, то никогда уже не преступитъ клятвы своей и никогда не измѣнитъ слову. Къ тому же, Магнаты Польскіе не будутъ обижать крестьянъ Малороссійскихъ, не будетъ евектъ и индуктовъ. «Въ Турціи нѣтъ евектъ и индуктовъ, «и Магнатовъ; мы—народъ привычный къ войнѣ, а «Турки любятъ и уважаютъ воинственность. Если «Гетманъ находитъ необходимость въ чьемъ-либо «покровительствѣ, то покровительство Турковъ намъ «кажется всѣхъ другихъ надежнѣе, выгоднѣе и предпочтительнѣе.» Такъ говорили Козаки. Гетманъ отвѣчалъ:

«Христіанамъ самопроизвольно отдаться во власть «невѣрныхъ, сдружиться и слиться съ ними, есть «грѣхъ смертельный, поступокъ позорный и предосудительный, есть почти тоже, что и самоубій«ство Имѣя съ невѣрными неразрывное сообщеніе,

« не возможно не совратиться съ пути Христіанскаго « и не заразиться басурманскими мерзостями. « Чтоже въ мірѣ важнѣе соблюденія отцовской вѣры, « божественной и единственной въ человѣчествѣ! « Святый Павелъ благодарилъ Бога наиусерднѣйше за « то, что « теченіе жительства скончахъ и вѣру соблю- « дохъ »; а когда той ревнитель Божій благодарилъ « Бога за соблюденіе вѣры въ Него, то намъ грѣш- « никамъ не должно ли имѣть всевозможное попеченіе « о томъ-же? Но то говорится только о собственной « вѣрѣ нашей, а когда мы ее разсмотримъ и въ дру- « гихъ народахъ, то есть когда, соединясь съ невѣр- « ными, ударимъ на Царство Московское, на един- « ственный свободный остатокъ Христіанства Гре- « ческаго, тогда не будетъ сомнѣнія въ его завое- « ваніи, и все православное Христіанство подпадетъ « подъ иго Магометанское, какое тяготѣетъ надъ « нашими единовѣрцами и надъ Іерархіями Кон- « стантинопольскою, Іерусалимскою, Антіохійскою « и Александрійскою. Чтоже мы будемъ тогда предъ « лицемъ цѣлаго свѣта? Притчи во языцѣхъ, посмѣя- « ніе въ людехъ! Окаяннѣе народовъ Содома и Го- « мора, да и сами останемся тогда какъ обломанное « судно въ пространномъ морѣ, обуреваемое со всѣхъ « сторонъ, и неимущее пристанища и надежды ко « спасенію, и будемъ тоже, что были послѣ нашествія « Батыя, подъ властію Татаръ, невольники, въ бого- « служеніи отступники и рабы, гибнущіе съ душею « и тѣломъ. »

Старики были мнѣнія Гетманскаго; многіе изъ молодыхъ заглушили рыданіями громогласную рѣчь Гетмана; изъ толпы раздавались восклицанія: « право

«судишь! правы пути твои! да будетъ по глаголу «твоему и мнѣнію!» — Тогда Хмѣльницкій успѣлъ въ намѣреніи: единогласно всѣ преклонились передъ могуществомъ слова, передъ умственною силою истины и генія. Судьѣ Богдановичу и Переяславльскому Полковнику Тетерѣ было поручено написать договорныя статьи съ Царемъ Московскимъ, представить ихъ на разсмотрѣніе Гетмана, а потомъ и всей Рады Малороссійской. Коль скоро Гетманъ и Рада подписали ихъ, посолъ, привезшій письмо Царское, присягнулъ отъ имени Царя въ ихъ сохраненіи и ненарушимости; Гетманъ и чины присягнули за себя и за народъ. А между тѣмъ полномочные Послы уже приближались къ границамъ Малороссіи; сборное мѣсто и общая присяга назначены были въ Переяславлѣ.

Девятаго Октября Послы выѣхали изъ Москвы, 31-го Декабря они пріѣхали къ Переяславлю. Начальникъ Посольства былъ Ближній Бояринъ, Тверскій Намѣстникъ Василій Васильевичь Бутурлинъ; Членами были: Окольничій, Намѣстникъ Муромскій Иванъ Васильевичь Алферьевъ, и Думный Дьякъ Иларіонъ Дмитріевичь Лопухинъ. При Бутурлинѣ было семь Стольниковъ, одинъ Стряпчій и три дворянина; при Алферьевѣ Стольникъ, Стряпчій и четыре дворянина; при Лопухинѣ Стольникъ; при Посольствѣ были: Голова Московскихъ Стрѣльцовъ, Артамонъ Матвѣевъ, три Сотника, два переводчика и двѣсти Стрѣльцовъ.

1653.

Шесть сотъ козаковъ съ Сотниками, Атаманами, подъ начальствомъ Полковника Павла Тетери, встрѣтили Пословъ за пять верстъ, у полковаго знамени. Старшины козацкіе и самъ Полковникъ сошли съ

лошадей, трубачи трубили, ударили въ литавры; при въѣздѣ пословъ въ городъ, ихъ привѣтствовали бѣглымъ огнемъ изъ ружей. Переяславскій протоіерей Григорій, съ духовенствомъ, встрѣтилъ ихъ во всемъ облаченіи, съ крестами, образами и хоругвями. Послы вышли изъ экипажей, приложились къ образамъ; протоіерей произнесъ къ нимъ рѣчь, окропилъ святою водою. Тогда началось шествіе Пословъ за образами при звонѣ колокольномъ по всему городу, потомъ отпѣто молебствіе о долгоденствіи и здравіи Царя и Царицы и всего Царскаго семейства; тутъ, сѣвъ въ экипажи, Послы отправились въ сопровожденіи войска и народа на свое подворье; орудія, разставленныя на площадяхъ, во время ихъ поѣзда не умолкали.

Гетманъ былъ въ Чигиринѣ. Ледъ на Днѣпрѣ былъ еще не крѣпокъ; и онъ только 6 Генваря вечеромъ могъ пріѣхать въ Переяславль. За нимъ явились Генеральный Писарь Виговскій, Полковники, Сотники и всѣ Старшины Малороссійскіе. 7 числа онъ навѣстилъ Пословъ за-просто. 8-го всѣ Старшины были созваны къ Гетману. При выходѣ изъ дворца начался барабанный бой и цѣлый часъ не умолкалъ; народъ собирался ко дворцу. Вскорѣ явился Гетманъ, прикрытый бунчукомъ; онъ началъ рѣчь о желаніи своемъ и общемъ — соединиться съ Царствомъ Московскимъ, и о невозможности ничего другаго предпринимать; «а кто съ нами не согласуетъ теперь — «куды хочетъ, вольная дорога!» Такъ заключилъ онъ рѣчь.

«Волимъ подъ Царя Восточнаго Православнаго!»

Хмѣльницкій съ Генеральнымъ Писаремъ, Обозные,

Судьи, Асаулы, Полковники, Сотники, Атаманы отправились къ Посламъ. Гетманъ принялъ Грамоту и приказалъ Виговскому прочитать ее въ слухъ при войскѣ Запорожскомъ. Бутурлинъ отъ имени Царя спросилъ Гетмана, Старшинъ и все войско о здоровьи и произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ согласіе Царя на присоединеніе Малороссіи, и его обѣщаніе вспомоществовать войскомъ.

Восьмаго Января былъ обрядъ присоединенія; Гетманъ и Старшины присягнули въ вѣрности Царю. Гетманъ сѣлъ въ карету съ Послами, и отправился въ Посольскій домъ. Тамъ началось отъ имени Царскаго врученіе Хмѣльницкому Гетманскихъ регалій.

Подано было знамя, и Бутурлинъ сказалъ: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій «Князь, всея Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ Государь и обладатель, велѣлъ тебѣ, Гетману Богдану Хмѣльницкому, говорити: извѣстно «есть и всѣмъ, яко ничтоже безъ Божія смотрѣнія «въ человѣцѣхъ дѣется; но вся Его смотрѣніемъ «строится. Усмотрѣ сіе и нашъ благовѣрный и Христолюбивый Царь Алексѣй Михайловичъ: яко же и «нынѣ дѣется въ вашей землѣ несмирной, Божіимъ «смотрѣніемъ дѣется и строится, Иже по велицѣй «милости о вѣрныхъ Своихъ въ земли сей, веліимъ «гоненіемъ отъ отступниковъ и иновѣрныхъ насилуемыхъ, промышляетъ: тебе, благочестивый Гетмане «войска Запорожскаго, со благохотнымъ воинствомъ «твоимъ, къ защищенію Церкве святыя и всѣхъ православныхъ, въ сей землѣ сущихъ, воздвиже, Его же «милостію всесильно ты помогаемь, покровомъ Пречистыя Богородицы покрываемь, и поборсніемъ Свя-

«тыхъ Рускихъ, отъ православныхъ укрѣпляемь, до «сего времени въ православіи крѣпко побораеши, «побѣду надъ насилующими православнымъ пріемля. «Поразумѣваетъ же и се Благовѣрный Государь «Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея «Руссіи Самодержецъ, яко всемилостивый Богъ, «хотяй воздвигнути рогъ Христіанскій, и сію землю, «скипетръ благовѣрнаго Государя нашего, Его Цар-«скаго Величества, якоже во времена Благовѣрнаго «Царя Владиміра и прочихъ его наслѣдниковъ, тако «и нынѣ, чрезъ Ваше тщаніе, соединити, смотрѣнію «Божіему таковому повинувся, по твоему и всего «воинства твоего желанію, Царскую свою милость «вамъ оказуетъ, и черезъ насъ, Его Пресвѣтлѣйшаго «Царскаго Величества, меня Болярина, съ товарищи, «сіе знаменіе тебѣ, Благочестивый Гетмане, даруетъ, «на семъ царскомъ своемъ знаменіи Царя Царству-«ющихъ всемилостива Спаса написаннаго въ побѣду «на враги, Пресвятую Богородицу въ покровъ, и «Преподобныхъ Печерскихъ, со Святою Варварою, «Русскихъ молитвенниковъ, въ ходатайство тебѣ «и всему твоему православному воинству подавая; «дабы всемилостивѣйшій Спасъ нашъ, якоже иногда, «яко повѣствуетъ исторія о происхожденіи чест-«наго Креста, православному Царю Русскому и «всѣмъ Христіанамъ даде на враги побѣду и миръ «дарова: тако и тебѣ, со благочестивымъ воинствомъ «на враговъ, Церковь святую озлобляющихъ, и пра-«вославныхъ утѣсняющихъ, даруетъ побѣду, да о «имени ихъ здѣ всяко колѣно гордыхъ падаетъ на «землю, и враги православныхъ прогонятся, а миръ «тѣмъ устроится сущимъ въ гоненіи православнымъ;

«и якоже Пречистая Богородица нѣкогда вѣрныхъ въ «Царѣградѣ покрывающи чюднымъ своимъ покровомъ, «враги, на вѣрныхъ вооружившіеся, всесильнымъ «своимъ заступленіемъ, отъ иконы Ея чудотворныя «бываемымъ, иныя чудотворно изби, другія же со «стыдомъ прогна: тако да и посредѣ полковъ ва«шихъ, въ Царскомъ семъ знаменіи написана, но«сима, васъ отъ иновѣрныхъ оружія покрываетъ, и «побѣду на нихъ даруя тебѣ, со всѣмъ православ«нымъ воинствомъ и со всѣми вѣрными соблюдетъ «невредимыхъ; и святіи же Божіи Угодницы Рустіи, «Антоній и Ѳеодосій со Святою Великомученицею «Варварою, еяже Святыя мощи, яко даръ многоцѣ«ненъ, ваша имать страна; якоже въ началѣ право«славія, въ Руской сей земли, сея мощи ониже самы «православне утверждаху, сице и нынѣ да будутъ «скори тебѣ и всѣмъ помощницы, утверждающе «миръ православія, и знаменіе се его Царскаго Ве«личества да будетъ всѣмъ врагомъ вашимъ побѣды «знаменіе страшное и ужасное во бранѣхъ.»

Подали булаву Гетманскую. «Гордящихся на «православіе, и непокоривыхъ да тою тебѣ сми«рити,» — сказалъ Посолъ. Рѣчи говорены были и при поднесеніи одежды и шапки Хмѣльницкому.

Облачась, Гетманъ началъ шествіе въ свой дворецъ; передъ нимъ несли царское знамя; весь городъ оглашался кликами восторга. И тогожъ дня присягнулъ Царю Переяславль. Потомъ Послы поднесли дары Старшинамъ, и разослали по всѣмъ городамъ Украинскимъ Дворянъ, Стряпчихъ и Стольниковъ, для приведенія къ присягѣ тамошнихъ обывателей. Кіевъ, Нѣжинъ и Черниговъ они предоставили себѣ.

Бояре, въ сопровожденіи Кіевскаго Наказнаго Полковника, отправились въ Кіевъ Генваря 14; 16-го девять знаменъ и тысяча козаковъ ихъ встрѣтили въ 10 верстахъ за городомъ; отъ Златыхъ вратъ за полторы версты выѣхали Митрополитъ, Епископъ Черниговскій, Архимандритъ Печерскій, Игумены и Намѣстники. Глава Церкви привѣтствовалъ Пословъ рѣчью; шествіе возобновилось. Митрополитъ въ возкѣ; а за нимъ Послы въ саняхъ. Въ Златыхъ воротахъ стояло Духовенство съ крестами, образами, хоругвями, и святою водою. Послы вышли изъ экипажей, отдали икону, Царемъ присланную, и пошли въ Софіевскій соборъ; послѣ молебствія провозглашено было многолѣтіе всему дому Царскому.

Бутурлинъ подошелъ къ Митрополиту, и спросилъ у него: почему онъ никогда не предлагалъ Царю о принятіи Малороссіи въ свое покровительство, когда столько разъ Гетманъ старался о томъ? Сильвестръ отвѣчалъ, что переписка Гетмана съ Царемъ ему не была извѣстна. Во время шествія изъ собора въ Посольскій домъ, пушечная пальба не умолкала.

На другой день и Кіевъ присягнулъ; Митрополитъ боялся, что Греческое духовенство, въ городахъ и селахъ Литовскихъ и Польскихъ находящееся, можетъ подвергнуться казнямъ и смерти мучительной, буде шляхта его присягнетъ Царю. Эта боязнь заставила его отказать посламъ въ присягѣ слугъ и шляхты Митрополитской; но угроза местью Гетманскою подѣйствовала на первосвященника, и присяга была довершена. 19-го Послы выѣхали въ Нѣжинъ, Генваря 22-го были встрѣчены за пять верстъ отъ города шуриномъ Гетманскимъ, Золотаренкомъ; 23

присягнулъ Нѣжинъ; 28 Черниговъ, и на двадцать четвертый день Послы выѣхали въ Москву; во всѣхъ селеніяхъ Малороссіи Священство встрѣчало ихъ въ облаченіи, съ хоругвями, образами и святою водою, а козаки съ знаменами, трубами и литаврами. Во всѣхъ городахъ, гдѣ только была артиллерія, ихъ привѣтствовала пушечная пальба.

Въ слѣдъ за Послами Царскими, выѣхали въ Москву Генеральный Судья, Самуилъ Богдановичь, и Переяславскій Полковникъ Павелъ Тетеря. Они привезли статьи договорныя Чигиринскія и Переяславскія, и условія, на которыхъ соединялись Малороссіяне съ Царствомъ, и которыхъ подтвержденіе необходимо было получить отъ Царя. Они состояли изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Козаки судятся своими правами; отъ козаковъ же никто изъ Бояръ, Воеводъ, или другихъ какихъ либо изъ Московскихъ чиновниковъ, не въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ расправу.

2) Войска Козацкаго быть 60,000 регистровыхъ.

3) Шляхетство Малороссійское остается при всѣхъ прежнихъ правахъ своихъ; оно избираетъ по прежнему урядниковъ изъ среды себя.

4) Въ городахъ урядники будутъ изъ Малороссіянъ. Они будутъ судить народъ, и доходы доставлять въ казну Царскую.

5) Староство Чигиринское остается на булаву Гетманскую.

6) Во случаѣ смерти Гетмана, Малороссіяне избираютъ новаго Гетмана изъ среды своей «и Его Царское Величество извѣщаютъ, чтобъ то Его Царско-

«му Величеству не въ кручину было, понеже тотъ «давный обычай войсковый.»

7) Имѣній козацкихъ никто да не отыметъ, и остаются изъ рода въ родъ.

8) Писарю Войсковому мельница, и тысяча злотыхъ въ жалованье.

Виговскій себя не забылъ.

9) Каждому Полковнику по мельницѣ.

10) Судьямъ войсковымъ по триста злотыхъ, и по мельницѣ; писарю судейскому по сту злотыхъ.

11) Асауламъ войсковымъ и полковымъ по мельницѣ.

12) Для войсковыхъ снарядовъ и на Обознаго четыреста злотыхъ.

13) Права, данныя Королями, должны быть ненарушимы.

14) Чужеземныхъ пословъ Гетманъ свободно принимаетъ, и только о томъ извѣщаетъ Его Величество.

15) Подати въ Царскую казну съ Малороссіи сбирать Малороссіянамъ.

16) Воеводы, при наѣздахъ, не могутъ лишать льготъ и правъ.

17) Привилегіи, данныя Королями, должны быть священны и предъ Царскими Величествами.

18) О Митрополитѣ и его мѣстностяхъ грамотою дать утвержденіе.

19) Войско на Смоленскъ Царь пошлетъ неотложно.

20) На границѣ Украйны и Польши должно быть три тысячи стражи.

21) На Полковника Царь даетъ жалованья по сту ефимковъ; на Асауловъ Войсковыхъ по четыреста

злотыхъ; на Асауловъ полковыхъ по двѣстѣ, на Сотковъ по сту, на Козаковъ по тридцати злотыхъ.

22) Малороссія, въ случаѣ нападенія отъ Татаръ, имѣетъ право и напасть, а Донцы имѣютъ долгъ явиться къ ней на помощь.

23) Въ Кодакѣ должно быть всегда четыреста человѣкъ гарнизона.

Государь всѣ эти статьи подписалъ.

Царское удовольствіе ясно было видимо изъ наградъ Боярамъ. Бутурлинъ сдѣланъ Дворецкимъ съ путемъ, получилъ шубу, бархатъ, золоченый кубокъ, четыре сорока соболей и 150 рублей оклада къ прежнему жалованью. Окольничій былъ награжденъ шубою, атласомъ, кубкомъ, двумя сорока соболями и 70 рублями придачи къ прежнему годовому окладу. Дьяку тоже съ придачею въ годъ по 50 рублей.

Изъ статей двѣ были особенныя — одна о правѣ Гетмана награждать за заслугу имѣніемъ недвижимымъ, другая объ утвержденіи правъ шляхетства Польскаго единовѣрнаго, и оставшагося добровольно въ Малороссіи.

«Но сія статья была громовымъ ударомъ для Пра«вительства, и горьчайшею пищею для тѣхъ, кои ее «допустили», — говоритъ нашъ Лѣтописецъ, «и въ «протекцію свою такихъ зловредныхъ людей при«няли. Они поблагодарили и воздали имъ точно такъ, «какъ древнія племена Хананейскія и Аморрейскія «воздали племенамъ Израильскимъ за то снисхожде«ніе, что сіи ихъ не истребили, а сжалившись, вмѣ«стили при себѣ.»

Это шляхетство въ Малороссіи и у козаковъ всегда занимало первѣйшія должности, носило на

себѣ главные чины, и подговаривало Малороссійское Правительство къ пользамъ Королевства. Мѣлочныя интриги, «Кокиіакты», такъ ихъ называютъ лѣтописи, открытыя тревожныя дѣйствія,—все было употреблено этою шляхтою для приведенія Малороссіянъ къ возстаніямъ на общее отечество. Верховное Правительство не могло сносить подобныхъ поступковъ, и жестокія послѣдствія бывали всегдашнею наградою Малороссіянамъ за повиновенія предательскимъ внушеніямъ. Подозрѣнія и недовѣрчивость къ Козакамъ и Украйнѣ не могли не вселяться въ душу верховныхъ Русскихъ сановниковъ. Замѣшательства, неустройства, кровопролитія, все было дѣломъ отогрѣтыхъ змѣй, пока наконецъ, не смотря на скрытность и коварства, народъ открылъ глаза, истребилъ виновниковъ, и сложилъ пѣсню на ихъ головы:

«Да не буде лучше,
«Да не буде краще,
«Якъ у нашой Украини:
«Нема панывъ
«Нема Ляхивъ:
«Не буде измины.

Остатки истребленной шляхты не преставали однако же втираться въ уряды и начальства; ихъ ненависть къ Украйнѣ и Козакамъ не угасала, но таилась; неудачи въ искушеніяхъ народа, безуспѣшность подлоговъ, унижали ихъ въ собственныхъ глазахъ. Вскорѣ опять втерлись они на мѣста правительственныя. Забывъ, что имъ покровительствуетъ Украйна, что они пришельцы въ землѣ чужой, начали прежнее чванство породою и эдукаціею предъ тѣми людьми,

которые, какъ говоритъ наша лѣтопись, «могли и «должны были изгнать и истребить ихъ во время ре-«волюцій.» Народъ терпѣлъ ихъ на нашей родинѣ; тому были причиною ихъ единовѣріе и снисхожденіе къ нимъ Гетмана Хмѣльницкаго.

Подлогомъ ихъ поверхности надъ природными чиновниками и шляхтою, продолжаетъ Архіепископъ Конисскій, было уничтоженіе оныхъ въ собственной землѣ, и паденье правъ и преимуществъ. Имъ позавидовавъ и поревновавъ многіе изъ природныхъ Малороссіянъ, а болѣе поповичи, вышедшіе въ чиновники, посредствомъ инспекторіи пристали къ ихъ системѣ, приладили фамиліи свои къ Польскимъ, и стали тщеславиться своимъ небывалымъ происхожденіемъ.

Какъ бы то ни было, желаніе Гетмана было утверждено согласіемъ Царскимъ; и эта статья была подписана Государемъ,. какъ всѣ другія, безъ прекословія.

Судья Гонзевскій и Полковникъ Тетеря поѣхали къ Царю съ благодарственнымъ адресомъ. Представивъ ему обо всемъ произшедшемъ въ Малороссіи, просили ратификаціи и подтвержденія статей особыми грамотами. Немедленно Государь выдалъ желанныя грамоты, и отправилъ ихъ къ Гетману. Утверждая все признанное договорами, властитель двухъ Россій сравнилъ чины и шляхетство Малороссійскія съ Боярами, Дворянами и людьми Степенными Московскими. Это было сверхъ обѣщаній. Такъ Государь, казалось, припомнилъ слова Гедимина и Батори, и соединилъ два народа единоплеменные «яко равные съ равными и вольные съ вольными». Такъ съ первыхъ дней власти своей надъ Малороссіянами, онъ мудро началъ прилѣп-

лять ихъ къ престолу и къ общему Отечеству, и указалъ народу, что не въ отдѣльныхъ правахъ, но въ общихъ законахъ, основа народнаго благоденствія.

Ратификованныя статьи и Царскія грамоты были торжественно обнародованы по всей Малороссіи, и положены въ архивъ Трибунала Малороссійскаго.

И Царь Алексѣй Михайловичь принялъ столь драгоцѣнный для всѣхъ насъ людей Русскихъ титулъ всея Великія и Малыя Россіи Самодержца.

ГЛАВА XXI.

Воззванія Королевскія. Присяга Богуна. Испугъ и угрозы сосѣднихъ державъ. Хмѣльницкій открываетъ войну Золотаренко осаждаетъ Смоленскъ. Пріѣздъ Царя. Неудачная вылазка. Взятіе Смоленска. Царская Грамота Козакамъ. Взятіе Гомеля, Н. Быхова. Соединеніе Золотаренка съ Хованскимъ. Битва на Березинѣ. Завоеваніе двухъ сотъ мѣстечекъ, замковъ и городовъ. Взятіе Вильно. Новый Титулъ Царскій. Смерть Золотаренка. Чудо.

Смерть Тимоѳея, союзъ съ Крымомъ, — Королю Польскому двѣ причины было радоваться! Но во время той радости пришло къ нему извѣстіе, что Украйна соединилась съ Москвою. Въ минуты восторговъ онъ былъ пораженъ; одно средство отторгнуть Украйну отъ Царя показалось ему вѣрнымъ: воззванья. И онъ сталъ уговаривать Малороссіянъ, чтобъ «расторгнули, учиненную на вѣчное тиранство, присягу Царю Московскому.» Милость, сохраненіе давнихъ правъ и вольностей, все обѣщалъ онъ народу. Радзивилъ уговаривалъ ихъ предаться Польшѣ. Малороссіяне читали прокламаціи Королевскія, и повиновались универсаламъ Хмѣльницкаго.

Полковникъ Винницкій, знаменитый военными подвигами, любимый Гетманомъ, уважаемый козаками, Иванъ Богунъ не поклялся въ вѣрности Царю. Глѣбовъ, будучи въ Винницѣ, забылъ или не успѣлъ пригласить его къ присягѣ. Король поручилъ Станиславу Потоцкому отклонить Богуна отъ Хмѣльницкаго. Послали Павла Олектича для переговоровъ; обѣщано было именемъ Короля Гетманство, Шляхетство, и любимое Староство въ Украйнѣ. Богунъ отправилъ письмо къ Хмѣльницкому, и присягнулъ Царю.

Вѣсть о присоединеніи Малороссіи къ Царству Московскому встревожила почти всѣ дворы Европейскіе: пугались потери равновѣсія державъ, какъ будто бы тамъ, гдѣ существуетъ Россія, можетъ существовать равновѣсіе. Разсчитывали, что лучше имѣть дѣло съ Польшею, нежели съ Россіею; что Царство Московское, ослабленное самозванцами и междоусобіями, нынѣ усилится, обновится, возмужаетъ; что Царь безъ издержекъ, безъ кровопролитія, пріобрѣтаетъ народъ могущественный, безбоязненный, многочисленный; что держава его однимъ этимъ присоединеніемъ становится на ряду первостепенныхъ: все это сосѣдей нашихъ волновало.

Отвсюду Хмѣльницкій получалъ угрозы и выговоры. Многіе изъ главъ коронованныхъ требовали его возвращенія къ неутралитету; Турки и Крымцы объявили ему войну. Гетманъ писалъ къ Царю: « тѣсно мнѣ отовсюду. » — Но рѣшимость, опытность превозмогли; онъ не упадалъ духомъ, не колебался, заготовлялъ средства къ новой войнѣ, извѣщалъ Царя о своихъ распоряженіяхъ, приводилъ ихъ въ дѣйствіе, по своему обычаю, безъ страха, съ глубокимъ

познанıемъ войны и политики, и Царь радовался своимъ Великимъ Гетманомъ.

Войска двухъ Россій раздѣлились на четыре корпуса. Съ весною начались дѣйствія. Гетманъ съ 30,000 выступивъ къ границамъ Турецкимъ и Польскимъ, сталъ у Заславля. Его приближеніе придавило всѣ покушенія Порты, и она отложила намѣреніе ворваться въ предѣлы Малороссіи. Тридцать тысячь Царскихъ войскъ и пять тысячь козаковъ стали близъ устья Ворсклы у Койдака, и подъ начальствомъ Боярина Бутурлина грозили Ордѣ, которая изготовилась тоже ко впаденію. Князь Хованскій съ тридцатью тысячами пошелъ на Бѣлоруссію къ рѣкѣ Сожу, для отраженія Поляковъ отъ Смоленска. Къ Смоленску пошелъ съ полками Нѣжинскимъ и Черниговскимъ Наказный нашъ Гетманъ, шуринъ Хмѣльницкаго, бывшій Полковникъ Нѣжинскій, Иванъ Золотаренко. Великій Гетманъ далъ ему меньшую булаву и меньшій бунчукъ, клейноды, принадлежащіе сану Польнаго Гетмана; Стародубскій полкъ, переименованный изъ Сѣверскаго, присоединился съ семью другими полками къ Золотаренку; Юрій Хмѣльницкій былъ отправленъ туда же для изученія опытомъ ремесла военнаго; братъ Золотаренка, Василій, находился тамъ же; 20,000 регистровыхъ и пять тысячь охочекомонныхъ составляли этотъ корпусъ. Царь и Хмѣльницкій приказали Наказному Атаману взять Смоленскъ.

Двадцать седмаго Мая Смоленскъ былъ осажденъ; перестрѣлки и вылазки изъ города были часты и жестоки; Золотаренко всегда ихъ отражалъ истребительными, кровопролитными отбоями. Онъ построилъ шанцы и редуты, и открылъ изъ нихъ пальбу по го-

роду: нѣсколько недѣль продолжалась она безпрерывно, и въ тоже время насыпи въ нашемъ станѣ возвышались такъ, что наконецъ онѣ уже были подняты выше городскихъ стѣнъ. Тогда открыта была пальба внутрь города чрезъ стѣны; магазины, казармы, домы ежедневно были обращаемы въ пепелъ; гарнизонъ очевидно умалялся отъ разрушительнаго огня нашихъ батарей.

Моровая язва заставила Царя выѣхать въ Вязму изъ столицы. Часто навѣдывался онъ объ осаждающихъ. На холмѣ у соборной церкви осажденные построили обсерваторію, и оттуда разглядывали все, что дѣлается въ укрѣпленіяхъ и въ станѣ у насъ. Увидя Царскій въѣздъ, ночью съ 26 на 27 Іюля, сдѣлали они сильную вылазку двумя отрядами. Одинъ напалъ на укрѣпленія, другой на станъ. Каждую ночь у Золотаренка позади шанцовъ стояли войска, которыхъ нельзя было видѣть изъ обсерваторіи. Эти запасные войска окружили оба непріятельскіе отряда, и послѣ перваго выстрѣла вступили въ рукопашный бой; непріятель былъ смятъ, побѣжалъ въ городъ толпами но уже не могъ туда пробиться; со всѣхъ сторонъ окруженные, положивъ оружіе, Поляки, просили о пощадѣ, были обезоружены, отогнаны за станъ, и оставались тамъ до разсвѣта На другой день поутру ихъ похоронено было 4623, а двѣ тысячи триста восемдесять девять приведено къ Царю плѣнниками.

Благоразуміе и мужество Золотаренка заслужили отъ Государя особенную благодарность. Онъ объявилъ желаніе взять Смоленскъ генеральнымъ приступомъ.

Но Наказный Гетманъ доказывалъ, что тогда только нужно употребить все напряженіе, когда нѣтъ

иныхъ средствъ къ побѣдѣ; что излишняя потеря людей простительна военачальнику въ томъ только случаѣ, когда къ тому понудитъ его крайность; наконецъ, что онъ надѣется взять Смоленскъ, не жертвуя народомъ съ излишествомъ. Государь съ удовольствіемъ согласился на мнѣніе Золотаренка, и предоставилъ ему свободу дѣйствовать по усмотрѣнію. Вскорѣ Золотаренко замѣтилъ, что городская стѣна не защищена отъ Днѣпра насыпями; съ низменнаго онъ не могъ ее разбить ядрами, и такъ приказалъ рыть подъ нее подкопъ. Въ среднихъ числахъ Августа, подкопъ былъ оконченъ и наполненъ порохомъ; тогда войско изготовилось къ генеральному приступу. Во
10 Сентяб. вторникъ, Сентября 10, на разсвѣтѣ, подкопъ былъ взорванъ. Съ ужаснымъ трескомъ, съ грозными подземными ударами, разнесло и раскидало землю и камни по городу; войска ворвались въ проломъ; открылась жаркая пальба по Полякамъ изъ Польскихъ же пушекъ. Росположенные врознь по валамъ и при бастіонахъ, они хотѣли соединиться и выстроиться, но ихъ не допустили до того; между ними цѣлые ряды уничтожались отъ выстрѣловъ и копьевъ; наконецъ, обращенные въ бѣгство, иные бѣжали за городъ, иные по домамъ. Золотаренко, щадя городъ и зданія, запретилъ грабежи и разоренія; тогда загремѣла музыка; войско громогласно провозгласило миръ и пощаду, при мирномъ кликѣ побѣдителей; Поляки бросились на колѣна и сдали оружіе. Смоленскъ былъ взятъ.

Очистивъ городъ отъ труповъ, поставивъ въ немъ Русское начальство и стражу, Царь Алексѣй Михайловичь приступилъ къ торжеству побѣдному: были отправлены въ соборной церквѣ благодарственныя

молебствія; чины и войска пировали.. Наказный Гетманъ, его братъ и войсковые Старшины два раза обѣдали за Царскимъ столомъ; Государь одарилъ всѣхъ военачальниковъ медалями, саблями, кубками, убранствами, а 16 Сентября пожаловалъ войско Малороссійское слудующею грамотою:

«По природному нашему человѣколюбію и велико«душію къ нашимъ вѣрноподданнымъ, особенно видя «Малороссійскій военный народъ отмѣнно къ намъ «усерднымъ, который какъ при взятіи города Смо«ленска не щадилъ своего живота, чему мы сами «свидѣтели, такъ мы въ разсужденіи таковаго онаго «подвига обнадеживши себя и впредь отъ него «таковою же вѣрностью, съ его Наказнымъ Гетманомъ «Золотаренкомъ, жалуемъ отнынѣ на будущіе времена, «онаго военнаго Малороссійскаго народа, отъ высшей «до низшей Старшины съ ихъ потомствомъ, которые «бывъ только въ семъ съ нами походѣ Смоленскомъ, «честію и достоинствомъ нашихъ Россійскихъ Дво«рянъ, и по сей нашей жалованной грамотѣ никто «не долженъ изъ нашихъ Россійскихъ Дворянъ во «всякомъ случаѣ ихъ противу себя понижать, какъ «оный животомъ своего здоровья и непорочною вѣр«ностію заслужилъ сіе въ нашемъ отечествѣ противъ «нашего неспокойнаго и лживаго непріятеля. А «таковою милостивою грамотою дозволили мы вездѣ «тѣшиться и веселиться, и, въ задогъ своей заслуги, «при себѣ каждому имѣть.»

Залотаренко выступилъ въ Литву и Бѣлоруссію; переправился черезъ Сожъ, и осадилъ Гомель. Этотъ городъ принадлежалъ прежде Малороссіянамъ; въ въ немъ находился нашъ отрядъ подъ начальствомъ

Сотника Аөанасія Зинченка. Поляки отняли городъ, казаковъ истребили до послѣдняго, и оставили тамъ сильный гарнизонъ; онъ упорно и храбро защищался отъ Золотаренка; но Гомель былъ взятъ приступомъ. Наказный нашъ Гетманъ подошелъ къ замку, который стоялъ на высокомъ холмѣ, почти неприступномъ, защищенномъ оврагомъ и рѣкою. Обложеніе нѣсколько дней было безуспѣшно; идти на приступъ казалось не только невозможностью, но вѣрною и безполезною гибелью. Должно было искать другихъ средствъ. Золотаренко встянулъ на Спасскую церковь нѣсколько мортиръ и пушекъ; бомбы и ядра полетѣли внутрь замка, строенія загорѣлись, замокъ наполнился пламенемъ, огня нельзя было угасить: препятствовала безпрестанная пальба. Поляки вздумали сдѣлать вылазку и зажечь Спасскую церковь, или, въ случаѣ неудачи, спастись бѣгствомъ. Ворота замка отворились; густою колонною двинулись осажденные оттуда на городъ. Когда отошли они подальше отъ стѣнъ, Золотаренко ударилъ на нихъ съ трехъ сторонъ: одинъ залпъ и потомъ битва холоднымъ оружіемъ превозмогла и истребила непріятеля; почти никого не осталось отъ избіенія. Городъ и замокъ достались побѣдителямъ.

Изъ Гомеля Золотаренко выступилъ къ Новому Быхову, также отнятому Поляками отъ Малороссіи. Размѣстивъ войска въ окрестныхъ селеніяхъ, онъ безпрестанно посылалъ отряды для нападенія на городъ. Ночью, на праздникъ *трехъ крулей*, когда Поляки послѣ молитвъ пировали, Золотаренко выступилъ къ замку Быховскому: оттепель ему помогла; намёты снѣговые подъ стѣнами облегчили возможность войти внутрь замка; овладѣвъ онымъ, Козаки открыли

пальбу по городу. Выгнанный изъ замка гарнизонъ соединился съ войсками, которыя находились въ городѣ; приступили къ замку и были отбиты съ значительною потерею. Тогда рѣшились они, оставя Быховъ, пробраться въ Литву, въ ближайшій городъ; пошли по Минской дорогѣ, были окружены козаками, расположенными по селеніямъ. Долго и храбро сопротивлялись, наконецъ принуждены были положить оружіе, и взяты въ плѣнъ. Быховскихъ и Гомельскихъ плѣнниковъ набралось до трехъ тысячь. Золотаренко, при донесеніи объ успѣхахъ, отправилъ ихъ къ Царю, и представилъ къ наградѣ Юрія Хмѣльницкаго. Объявивъ Юрію признательность, Государь прислалъ Наказному Гетману подарки и похвальный листъ.

До сихъ поръ Поляки вели войну оборонительную, держались городовъ; съ новымъ годомъ начали дѣйствовать наступательно. Собралась многочисленная Польская армія; надъ нею принялъ начальство Князь Радзивилъ, и пошелъ на Бѣлоруссію. Не долго тамъ скрывалось его намѣреніе отъ опытнаго Золотаренка. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, нашъ Полководецъ перешелъ Днѣпръ, соединился съ войсками Великороссійскаго Князя Хованскаго, и двинулся къ Березинѣ; надъ нею стояла Польская армія; онъ атаковалъ ее съ двухъ сторонъ. Долго длилось сраженіе; Поляки дрались упорно: Радзивилъ безпрестанно измѣнялъ позиціи, подкрѣплялъ свои линіи, всегда держался зарослей, всегда примыкалъ къ оврагамъ надъ рѣкой; наша артиллерія дѣйствовала на него слабо. Золотаренко уговорилъ Князя Хованскаго наступить пѣхотою на самый центръ непріятельскій. Онъ ударилъ въ него холоднымъ оружіемъ, опрокинулъ и погналъ. Непріятели

побѣжали къ мостамъ, устроеннымъ на Березинѣ; мосты были узки; Поляки, козаки и Русскіе столпились, и въ этой тѣснотѣ пораженіе бѣгущихъ было жесточайшее: одни другихъ сбрасывали въ воду; мосты были завалены мертвецами. Едва наконецъ непріятели могли пробиться на другой берегъ Березины; тогда они сожгли мосты, и въ безпорядкѣ ушли въ Польшу, оставя орудія, снаряды и весь станъ съ запасами Золотаренку и Хованскому.

Зная себѣ цѣну, имѣя благородную гордость, геній Малороссіи, отдавъ Рускому Царю Украйну и народъ Малоросійскій, не могъ не считать себя первымъ Вельможею Царства и благодѣтелемъ общаго отечества. Какъ глава цѣлаго народа, какъ военачальникъ ста тысячъ войска подъбоноснаго, и донынѣ одному ему покорявшагося, онъ не могъ быть подъ начальствомъ ни у какого Боярина, и не намѣренъ былъ повиноваться ни кому, кромѣ Царя. А между тѣмъ его присутствіе въ этой войнѣ обѣихъ Россій съ Польшею дало бы поводъ Боярамъ завидовать; они бы спорили о началѣ и, быть можетъ, даже потребовали бы повиновенія, чего не могъ Гетманъ допустить, ни по славѣ, ни по своему достоинству. Могло случиться еще хуже: съ его присутствіемъ въ войнѣ, могли бы явиться двѣ главы; и потому, рѣшась участвовать въ этой войнѣ не иначе, какъ чрезъ своихъ Наказныхъ и Полковниковъ, въ Ноябрѣ онъ выѣхалъ изъ Бердичева въ Чигиринъ. Бутурлинъ желалъ, чтобы онъ пошелъ къ Луцку, и соединился тамъ съ Княземъ Трубецкимъ. Тогда Хмѣльницкій показалъ свою находчивость и дальновидность; онъ не разсудилъ за благо повиноваться Бутурлину, но

выслалъ къ Луцку пять полковъ и писалъ къ Боярину Шереметеву: «Мы для того съѣхали до Чигирина, «что много козаковъ хотѣло удалиться на Запо-«рожье, которыхъ мы задержали, и велѣли смертію «казнить, если бы они безъ воли нашей на сіе от-«важились». Такъ удержано было достоинство Гетмана Малороссійскаго, не забыто приличіе въ отвѣтахъ, и доказаны къ Государю преданность и повиновеніе.

Разбивъ Польскую армію на Березинѣ, войска обѣихъ Россій раздѣлились на два корпуса, прошли остальную часть Бѣлоруссіи и вступили въ Литву: середины ея держался Золотаренко; Князь Хованскій шелъ границею Лифляндіи и Курляндіи. Войскъ Польскихъ они не находили въ полѣ: непріятели держались въ городахъ и укрѣпленіяхъ. Выгоняя гарнизоны, уничтожая засады, разбивая враговъ въ ихъ убѣжищахъ, наши полководцы завоевали большую часть Литвы и всю Бѣлоруссію: они взяли до двухъ сотъ городовъ, мѣстечекъ укрѣпленныхъ и замковъ. Витебскъ, Полоцкъ, Минскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Бѣлый, Рославль, Мстиславъ, Могилевъ, Чечерскъ, Шкловъ и Пропейскъ дали имъ контрибуцію; но грабежи были запрещаемы; всѣ жители остались въ жилищахъ. Дѣло шло не о томъ, чтобъ опустошить страну, но чтобъ прибавить Государю городовъ и подданныхъ.

Вскорѣ сошлись оба полководца, и стали подъ Вильно. Немедленно былъ учиненъ всеобщій приступъ. Всѣ Польскія войска у валовъ у бастіоновъ были опрокинуты; они скрылись внутрь города, на-

чали пальбу изъ строеній, бросали на осаждающихъ тяжести, обливали ихъ кипячею водою; наши гибли и не видѣли конца смертной битвѣ въ тѣсныхъ улицахъ. И такъ городъ былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ, началось ужасное разрушеніе домовъ и истребленіе народа. Граждане оставили пылающія стѣны своего города; спасшіеся отъ избіенія принуждены были скрыться въ сосѣднія села, а Вильно претерпѣлъ ударъ, котораго и самые осаждающіе не располагали ему нанести.

Государь получилъ донесеніе отъ Золотаренка и Хованскаго о покореніи всей Бѣлоруссіи, и принялъ титулъ: всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.

Такъ въ первый годъ присоединенія своего къ Царству, Малороссія показала Европѣ, что значитъ Россія, собранная воедино; а Царю явила свою вѣрноподданническую преданность и неустрашимость на полѣ битвъ.

Государь возвратился въ столицу. Колокольные звоны, пушечная пальба, благодарственныя молебствія раздавались по всей Москвѣ, грамоты летали изъ края въ край Россіи; тѣже колокольные звоны, таже пальба, тѣже молебствія гремѣли во всѣхъ провинціяхъ. Первые дары и благодарность были присланы къ Гетману, за его мудрыя распоряженія въ войнѣ, за его мужественное воинство; вторыя награды были Золотаренку и Хованскому, за ихъ великіе подвиги. Потомъ созваны были всѣ чины духовные и свѣтскіе. При нихъ, торжественно, въ своей палатѣ Царской,

отецъ Петра Великаго возсѣлъ на Царскій престолъ и торжественно повторилъ громозвучный титулъ « Всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца ».

Оставя гарнизоны въ крѣпостяхъ и при границахъ, оба полководца пошли на зимовье въ средину Бѣлоруссіи.

Золотаренко проходилъ чрезъ Старый-Быховъ. Органистъ Томашъ, засѣвъ на колокольнѣ какой-то церкви, далъ выстрѣлъ изъ ружья, и безбоязненный полководецъ козаковъ, любимецъ счастія и Хмѣльницкаго, упалъ, пораженный потаенною пулею врага: она была серебряная. Органиста схватили, взяли подъ допросъ; изувѣръ признался, что его подговорили ксензы католическіе; дали ему пулю изъ священной чаши, пулю освященную, носящую на себѣ слова и заклинанія, и посулили ему царство небесное, награду мученическую, а дѣтямъ его воспитаніе въ школѣ Іезуитской. Дѣйствительно, на пулѣ нашлись Латинскія слова.

Золотаренка повезли въ Корсунь, на его родину. Въ тамошней церкви, имъ же построенной, началось погребеніе. Но едва приступили къ послѣднему обряду, громовой ударъ зажегъ церковь; люди бросились къ выходамъ, духовенство за ними; всѣ столпились у дверей; множество посѣтителей задохнулись и погибли. Тѣло Наказнаго Гетмана, съ священствомъ и многочисленнымъ народомъ, осталось добычею пламени.

Преданіе, вселённое въ память народу Римкимъ духовенствомъ, говоритъ, что Золотаренко былъ

сопричастенъ аду, судя по его воинскимъ успѣхамъ; что онъ былъ «характерикъ», чародѣй, владѣлъ діаволами, имѣлъ на войнѣ силу необычайную, и за услуги, оказанныя ему отъ ада, взятъ адомъ съ полнымъ торжествомъ діавольскимъ.

ГЛАВА XXII.

Война Польши съ Швецiею. Союзъ Хана съ рѣчью Посполитою. Разбитiе Томиленка Ханомъ на Самарѣ. Вступленiе Хана въ Малороссiю. Разбитiе четырехъ полковниковъ Ханомъ. Хмѣльницкiй на Дрыжи-полѣ. Истребленiе Поляковъ. Хмѣльницкiй соединяется съ Бутурлинымъ, беретъ Львовъ, Броды и Замостье. Взятiе Люблина. Переправа черезъ Вислу. Побѣда при Слонигродекѣ. Появленiе Хана въ Малороссiи. Прiѣздъ Гетмана къ Хану. Переговоры его съ Ханомъ. Вражда ихъ. Помощь Шведамъ противъ Поляковъ. Посольство къ Гетману отъ Цесаря. Отвѣтъ Гетмана Цесарю. Движенiе войскъ Порты, Орды и Имперiи. Новые переговоры Державъ съ Гетманомъ. Миръ Россiи съ Польшею. Клеветы Польскаго Короля Царю на Гетмана. Письмо Гетмана къ Царю. Разграниченiе Польши съ Малороссiею. Отправка Бояръ изъ Москвы въ Чигиринъ. Болѣзнь Гетмана. Подозрѣнiе въ его болѣзни на Поляковъ. Сужденiе объ немъ Польскихъ и Малороссiйскихъ лѣтописцевъ. Дума народная. Прiѣздъ Бояръ въ Чигиринъ. Переговоры Гетмана съ Боярами. Съѣздъ въ Чигиринъ чиновъ Малороссiйскихъ. Рѣчь Гетмана къ народу. Выборъ Гетмана. Еще рѣчь Гетмана. Избранiе Юрiя Хмѣльницкаго. Пятнадцатое Августа тысяча шесть сотъ пятьдесятъ седьмаго года.

Между тѣмъ Карлъ X, въ свою очередь, не оставлялъ Польши въ покоѣ. Казимiръ удалился въ Силезiю. Исламъ Гирей не присылалъ къ нему на помощь обѣщаннаго войска. Посполитая рѣчь отправила

посольство въ Крымъ, но уже Хана не застали въ живыхъ. Затруднительныя обстоятельства двора Варшавскаго заставили Польшу прибѣгнуть къ подкупамъ; сто тысячь злотыхъ были отправлены къ новому владѣтелю Крыма, Магомеду, и съ нимъ возобновленъ былъ союзный договоръ.

Гетманъ съ арміею стоялъ близъ Заславля и Каменца Подольскаго, и защищалъ тамошнія границы отъ Польши и отъ Турціи. Польскіе охотники погибали въ покушеніяхъ; Бутурлинъ берегъ Польшу со стороны Крыма. Дѣйствія молодаго Хана были скоропостижны и необдуманны. Собравъ всю Орду, нечаянно напалъ онъ при рѣкѣ Самарѣ на корпусъ козацкій, и разбилъ его на-голову. Наказный, на мѣсто Золотаренка, Яковъ Томило былъ убитъ; остальная часть войска пробилась сквозь непріятеля, и соединилась съ Бутурлинымъ около Санжарова; другіе, подъ начальствомъ полковника Худорбая, скрылись въ луга Днѣпровскіе, и стояли до ночи въ тамошнихъ тростникахъ и кустарникахъ; а ночью, связавъ пучки изъ тростника, переправились на нихъ чрезъ рѣку, пробрались въ Уманщину, и соединились съ войсками козацкими.

Извѣстясь о пораженіи Томилы Татарами, Гетманъ послалъ другіе отряды изъ подъ Заславля къ Днѣпру, съ повелѣніемъ не перепускать Хана чрезъ рѣку. Но Ханъ уже переправился, соединился съ Поляками, пришедшими къ нему чрезъ Молдавію, и напалъ на корпусъ козацкій, вступившій въ Уманщину.

Тамъ начальствовали Полковники: Кропивянскій Джеджелій, Брацлавскій Зеленскій, Винницкій Богунъ и Поднѣстринскій Гоголь. До ночи козаки от-

бивались; ночью спѣшились, сомкнулись, пробились сквозь толпы Татаръ и ряды Поляковъ; обороняясь, добѣжали до Бѣлой церкви, и тамъ укрѣпились. Хмѣльницкій, обезсиленный отдѣленіемъ отъ себя многихъ отрядовъ, узнавъ о ихъ неудачахъ, поспѣшилъ изъ подъ Заславля къ Бѣлой церкви, имъ на подкрѣпленіе; но не успѣлъ дойти. Между Ставищами и Охматовымъ, въ урочищѣ, названномъ потомъ Дрыжи-полемъ, непріятели, обрадованные, что нашли Гетмана съ малымъ войскомъ, напали на него соединенными силами. Надѣясь на многолюдство, злобясь на Хмѣльницкаго до изступленія, они въ своемъ нападени не заботились о воинскихъ распоряженіяхъ. Гетманъ спѣшилъ войска заблаговременно, построилъ ихъ въ колонну, допустилъ непріятеля на ближайшую дистанцію, и далъ въ нихъ ружейный и пушечный залпъ, столь мѣткій и столь убійственный, что цѣлыя тысячи повалились въ густыхъ и толстыхъ рядахъ непріятельскихъ. Враги образумились, и хотя продолжали нападеніе, но уже не придвигались столь близко; а Хмѣльницкій велѣлъ собрать мертвецовъ, и сдѣлалъ изъ нихъ обширный и возвышенный валъ, изъ за котораго началъ безпрестанное пораженіе Татаръ и Поляковъ, коль скоро они къ нему приближались, и поджидалъ помощи отъ Бутурлина или отъ своихъ Полковниковъ. Но помощь не являлась; оказался недостатокъ въ фуражѣ и въ провіантѣ; Декабрская стужа сдѣлалась нестерпимою. Хмѣльницкій рѣшился силою пробиться сквозь непріятеля, и освободиться отъ осады и отъ гибельныхъ нападеній, которыя продолжались два дня, и прекращались только съ темнотою; въ одной первой

стычкѣ въ нашемъ войскѣ убыло до девяти тысячь человѣкъ. И такъ ночью козаки построились въ колонну, и тихо подошли съ легкою артиллеріею къ непріятелямъ: тѣ кучами грѣлись или спали вокругъ пылающихъ костровъ; огонь мѣшалъ, какъ обыкновенно, видѣть вдаль и въ стороны. Козаки, непримѣченные, подвигались ближе и ближе, и вдругъ всею силою ударили на станъ. Громъ орудій, крикъ напавшихъ оглушили враговъ; они бросились къ оружію, но уже козаки очистили для себя пространный путь, побивъ Татаръ и Поляковъ цѣлыми тысячами; не подкупомъ Татаръ, какъ повѣствуетъ Рудавскій, но удальствомъ и храбростію, они съ вождемъ своимъ прорвались сквозь войско союзниковъ, и прошли, въ порядкѣ и стройно, къ Бѣлой церкви. Въ отмщеніе Малороссіянамъ за неудачу, въ ярости за то, что Хмѣльницкій ускользнулъ отъ видимаго плѣна и вѣрной, неистовой какой нибудь, казни, Польскіе полководцы разрѣшили Татарамъ забирать въ неволю мирныхъ поселянъ.

Подъ Бѣлой церковью войска Гетманскія усилились. Хмѣльницкій выступилъ искать непріятеля. Они въ Смѣлянскомъ округѣ, по деревнямъ, какъ на постоѣ, по хуторамъ, въ домахъ и въ избахъ обывательскихъ, всѣ врознь укрывались отъ стужи. Началось жестокое и повсемѣстное ихъ истребленіе. Гетманъ раздѣлилъ войска свои на многіе отряды, придалъ имъ резервы и легкую артиллерію, разослалъ ихъ по сторонамъ, а самъ пошелъ съ главными силами серединою. Толпами бѣжали Поляки при видѣ приближающагося Гетмана; наконецъ сбѣжались они вмѣстѣ, стали у Меджибожа, и рѣшились дать битву;

но глубокій снѣгъ мѣшалъ дѣйствовать ихъ конницѣ: Татарскіе сагайдаки въ сильные морозы были вовсе недѣйствительны. Хмѣльницкій вывелъ пѣхоту, спѣшилъ конницу, опрокинулъ, разгромилъ ихъ ополченія, и въ нѣсколько часовъ вырѣзалъ ихъ до тринадцати тысячь. Они кинулись въ бѣгство и раздѣлились надвое: Поляки скрылись въ Молдавію, а оттуда въ Польшу и Галицію; Татары въ Крымскую степь. Тамъ, проходя обширными пустынями, по глубокимъ снѣговымъ сугробамъ, подернувшимся твердою корою отъ оттепели, они изрѣзали лошадямъ ноги, и принуждены были побросать ихъ. Множество замерзшихъ людей осталось по дорогѣ; остальные пѣшкомъ едва дотащились до своихъ ауловъ. Гетманъ не гнался за ними, боясь той же участи.

Весною соединился Хмѣльницкій съ Бутурлинымъ; они пошли внутрь Польши, чтобъ предупредить и отвлечь Поляковъ отъ сближенія съ войсками Турецкими и Татарскими. Цѣлью Гетмана были Львовъ, Броды и Замостье. По дорогѣ, города были побраны; непріятели не смѣли показываться въ полѣ, держались замковъ и крѣпостей; но первыя перестрѣлки, первыя нападенія разсѣевали ихъ, и всѣ снаряды, всѣ запасы доставались побѣдителямъ. Всегдашнее великодушіе Хмѣльницкаго къ горожанамъ было въ памяти у всѣхъ обывателей; вездѣ выходили изъ городовъ на встрѣчу къ Гетману; онъ ихъ успокоивалъ; притѣсненія и даже поиски были строго запрещены, и только то, что принадлежало казнѣ, скарбу и рѣчи Посполитой, было описано и взято на Государя. Львовъ, Броды и Замостье достались Хмѣльницкому.

Отъ Замостья козаки пошли къ Люблину. Этотъ городъ считался главнымъ въ провинціи; онъ былъ тщательно укрѣпленъ; тамъ хранились сокровища и богатство Магнатовъ Польши; тамъ было убѣжище ихъ самихъ. Хмѣльницкій и Бутурлинъ облегли его. Думая пощадить народъ и желая уменьшить кровопролитіе, они сдѣлали нѣсколько неудачныхъ попытокъ. Безуспѣшность раздражила ихъ; граждане сопротивлялись отчаянно: обнадеженные многочисленностію гарнизона, они привели въ ярость осаждающихъ. Гетманъ рѣшился взять городъ силою; начали готовить осадныя укрѣпленія; граждане соединенно съ гарнизономъ обратили все свое вниманіе на работы Русскихъ; сопротивленія и помѣшательства были ужасны; наконецъ сами они подали Гетману мысль ко взятію города хитростію: однажды, отдавая приказы, онъ, какъ будто по неосторожности, разгласилъ, что намѣренъ взять Люблинъ приступомъ, и велѣлъ къ тому изготовиться. Съ наступленіемъ ночи началась пушечная пальба изъ нашихъ укрѣпленій. Бомбандировка обезпокоила городъ, ружейные выстрѣлы раздавались по сторонамъ, крики осаждающихъ привлекли вниманіе осажденныхъ, ложныя нападенія повторялись на городскихъ валахъ, гарнизонъ и граждане собрались въ мѣстахъ, на которыя обращены были натиски козаковъ, въ мѣстахъ, гдѣ опасность была очевиднѣе, и въ то время тихо, съ мертвымъ молчаніемъ, сильный отрядъ нашего войска подошелъ къ стѣнамъ городскаго замка, лѣсницы были приставлены; по нимъ тихомолкомъ взбирались козаки; подъ шумъ фальшивыхъ атакъ, они ударили копьями въ стражу; ни кого въ живыхъ не

было оставлено. Замокъ достался намъ. Тогда ввезены были мортиры и тяжелая артиллерія; число войскъ было увеличено, а на разсвѣтѣ ядра и бомбы полетѣли изъ замка въ городъ. Граждане и гарнизонъ необъятными толпами налегли на наши батареи, наперлись на стѣны; но между ними не было устройства: ими руководствовало одно слѣпое ожесточеніе. Перекрестный огонь нашихъ орудій, близкое разстояніе, къ которому допущены были Поляки, мѣткая и непрерывая пальба изъ ружей не дали имъ исполнить намѣренія. Гетманскія войска вышли изъ замка, натиснули на гражданъ; всѣ обратились въ бѣгство; погоня поражала ихъ тѣмъ болѣе, что они были въ безпамятствѣ. Во время такого пораженія присоединились къ намъ новыя Русскія войска; они вломились въ городскія ворота, начались повсемѣстное убійство и всеобщій грабежъ. Люблинъ, упорный, ожесточенный, претерпѣлъ ужасное разрушеніе, котораго ни Гетманъ, ни Воевода ему не готовили. Неизчислимыя добычи и сокровища достались нашимъ войскамъ.

Литовскій и Коронный Гетманы намѣрены были переправиться черезъ Вислу. Хмѣльницкій узналъ о томъ, находясь въ Люблинѣ; онъ быстро двинулся съ Бутурлинымъ и предупредилъ Поляковъ. Ихъ военачальники были приведены въ ужасное замѣшательство; сами они были изумлены, видя, что Гетманъ уже переправился на сторону Варшавскую; но они успѣли укрѣпиться на берегу Вислы, и съ рѣшимостію ожидали нападенія. Осмотрѣвъ положеніе стана Польскаго, Гетманъ повелъ на него атаку; храбро наступили Малороссіяне и войско Боярина; не менѣе

храбро и Поляки отстаивали поле сраженія. Защита національнаго блага доводила непріятеля почти до отчаянія. Напрасно Гетманъ покушался опрокинуть враговъ; они бились безбоязненно; успѣха не было: не только нельзя было опрокинуть ихъ, но и разстроить первыхъ рядовъ. Они упорно стояли, промежутки изчезали, ряды вездѣ смыкались; свѣжія войска замѣщали мѣста убылыя; битва клонилась на обѣ стороны. Еще побѣда была неопредѣленна, когда Хмѣльницкій провелъ позади праваго крыла своего, примыкавшаго къ Вислѣ, сильный пѣхотный отрядъ, спустился къ рѣкѣ, невидимо прошелъ камышами и кустарниками, поровнялся съ Поляками около полустана Польскаго, взбѣжалъ на гору и ворвался во внутренность его. Выстрѣлъ и потомъ копья въ тылъ непріятелю, смѣшали его и разстроили; другая часть войска воспользовалась разстройствомъ и опрокинула весь лѣвый флангъ. Началась смертная борьба: выстрѣлы замолкли; одно холодное оружіе было въ дѣйствіи; копья козацкія были истребительны; но скоро увидѣли отступленіе непріятелей. Тогда началось преслѣдованіе; весь Польскій станъ поднялся и вскорѣ былъ разсѣянъ и разогнанъ во всѣ стороны. Конница наша гналась за врагами до темной ночи: она довершила пораженіе. Снаряды, запасы и весь станъ достался намъ.

Тогда наша армія выступила къ Польскимъ столицамъ; къ ней подоспѣлъ на помощь Князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій. Они встрѣтили и
18 Сентября 1655. разбили Польскую армію при Слонгродекѣ; Хмѣльницкій взялъ въ плѣнъ Короннаго Гетмана Станислава Потоцкаго, продержалъ два мѣсяца въ осадѣ

Львовъ, и взялъ Гродно. Въ это время явился гонецъ изъ Чигирина съ извѣстіемъ, что Ханъ выступилъ на помощь Полякамъ, и уже переправляется чрезъ Днѣпръ. Гетманъ, немедленно оставя всѣ предпріятія, перешелъ обратно чрезъ Вислу, и пошелъ къ Чигирину; Бутурлина же уговорилъ расположиться у Каменца Подольскаго. Въ Уманщинѣ, Гетманъ узналъ, что Ханъ стоитъ надъ рѣкою Озерною; отправилъ къ нему Полковаго Асаула Тугая и трехъ плѣнныхъ Польскихъ офицеровъ, и писалъ къ Хану, что не подалъ ни ему, ни его народу ни какихъ причинъ къ враждѣ и къ войнѣ; что всегда питалъ сосѣдскую дружбу къ Татарамъ и предкамъ Ханскимъ; всегда дѣлалъ имъ пособія, одолженія; и нынѣ проситъ его увѣдомить, какъ намъ считать ополченіе и нашествіе Татаръ на земли Малороссійскія? « Ежели это « значитъ непосредственную войну отъ самого Хана « и его Крыма народу Русскому, такъ я на сіе от- « вѣчаю и вдругъ наступлю на силы Татарскія; если « же войска его назначены съ постыднаго найма на « укомплектованіе или въ пособіе армій Польскихъ, « то даю знать, что Польскихъ войскъ уже на свѣтѣ « нѣтъ, и послѣднія изъ нихъ разбиты за Вислою, « вблизи самой столицы; въ чемъ могутъ завѣрить « Хана очевидцы и участники битвы — посылаемые « Польскіе офицеры».

Ханъ отвѣчалъ, что ни онъ, ни его Татары не имѣютъ вражды къ народу Русскому; но ему хотѣлось бы переговорить съ Гетманомъ о дѣлахъ, очень важныхъ, а потому проситъ его въ Татарскій станъ для объясненія. Гетманъ вытребовалъ отъ Хана двѣнадцать аманатовъ, и коль скоро они прибыли къ

нашему войску, выѣхалъ со свитою. Переговоры начались. Послѣ первыхъ привѣтствій, Ханъ съ жаромъ упрекалъ Гетмана за присоединеніе къ Россіи, за отдачу Царю себя и народа въ покровительство, доказывалъ, что такой союзъ навлечетъ на козаковъ вѣчную вражду всѣхъ сосѣднихъ державъ. «Малороссія», говорилъ онъ, «по своему естественному поло-«женію, есть площадь, удобная для дѣйствій воен-«ныхъ: ея равнина — сборное мѣсто для борьбы, для «побоищъ; нынѣ у всѣхъ народовъ неизбѣжны и без-«конечны войны съ Москвою, и Украйна всегда бу-«детъ разоряема».— Не предчувствовалъ Ханъ, что чрезъ сто пятдесятъ семь лѣтъ послѣ его разговоровъ съ Гетманомъ, всѣ народы, которые могли на этой площади бороться съ Россіею, будутъ ею же поглощены? По крайней мѣрѣ зналъ онъ, что Малороссія была для Крыма оплотомъ противъ Москвы, и что Царское войско на походѣ въ Крымъ должно было проходить Украинскія степи. А нынѣ, по волѣ Гетмана, Москва стала сосѣдкою хищнымъ Ханскимъ подданнымъ, и безъ сомнѣнія будетъ стараться обуздать ихъ набѣги и грабительства, «не смотря на то, что Москва недавно вышла «изъ владѣнія Татарскаго, продолжалъ Магомедъ, что «она и теперь ихъ данница, не смотря на безграмот-«ность всѣхъ (*) ея чиновъ и народа, на расколы, «на разновѣрства, не смотря на привязчивость къ «мѣлочамъ, на грубость и невѣжество, вы имъ пре-

---

(*) Далеко не всѣхъ! Пр. соч.

«даетесь. Вспомните войны ихъ съ Шведами, и По-
«ляками; за что произошли онѣ? За то, что найде-
«на была какая-то нескладица въ обоюдныхъ пере-
«пискахъ. — За что они безпрестанно дерутся и
«свирѣпствуютъ между собою? За какое-то различіе
«въ книгахъ и крестахъ. А ихъ жадность къ вла-
«столюбію, къ притязаніямъ? Не похитили ли они даже
«и гербъ Греческой Имперіи, который никогда имъ
«не принадлежалъ? Наконецъ и Русскій Князь Вла-
«диміръ былъ Князь Русскій, не Московскій, жилъ
«всегда въ Кіевѣ, а въ Москвѣ не бывалъ» (*).

Здѣсь Ханъ указывалъ на времена междуцарственныя, на самозванцевъ, этотъ даръ Сигизмунда, на борьбу домашнюю, на смерть Димитрія, и на выдачу Шуйскаго. «Вы будете пресмыкаться между «Москалями, какъ овцы между волками», заключилъ Магомедъ.

Гетманъ почелъ это ругательствомъ и началъ съ гнѣвомъ изчислять измѣны, предательства и вѣроломства Хановъ — предшественниковъ; изчислилъ деньги и богатства, поистиннѣ Царскія, которыми самъ онъ подкупалъ Ислама, и за которыя было такъ безстыдно ему отплачено; напомнилъ о пособіяхъ, полученныхъ въ разныя времена отъ козаковъ Крымцами, о битвахъ и гибели нашихъ воиновъ, за что насъ Ханы награждали одними Татарскими «нектаромъ и амврозіею», то есть кумысомъ и бардакомъ. Перечелъ всѣ набѣги Крымцовъ на Украйну,

(*) Истинно забавна эта діалектика Магометанъ того времени! Пр. соч.

всѣ обманы, всѣ насилія, и наконецъ сотни тысячь въ Крыму обоего пола Малороссіянъ плѣнниковъ. «О Полякахъ же» прибавилъ Хмѣльницкій «и говорить не чего; у нихъ сколько Пановъ, столько и «Королей»! Народъ Русскій не тѣмъ несчастливъ, что избралъ покровителемъ Царя единоплеменнаго и единовѣрнаго; онъ тѣмъ несчастливъ, что у него такіе сосѣди, каковы Ханъ и Король. Они-то его угнетали и оскорбляли безъ всякихъ причинъ. «А нынѣ, когда у васъ уже нѣтъ козаковъ, нынѣ, какъ «аспиды надъ головою человѣческою, вы терзаетесь «о потерѣ Малороссіи. Нашъ народъ былъ всегда «самостоятельнымъ, всегда подъ правленіемъ Князей, «потомковъ Св. Владиміра, которые повелѣвали и «Москвою; нынѣ мы предались нашимъ прежнимъ «Царямъ. Видно, судьба Божія, устрояющая дѣла «человѣческія всегда къ лучшему» — такъ заключилъ Гетманъ,— «избрала соединеніе насъ съ народомъ единоплеменнымъ и единомышленнымъ, по «доброй и обоюдной волѣ и согласію непринужденному, которыхъ я разрушить почитаю за грѣхъ «смертельный, и съ тѣмъ хочу жить и умереть».

Напрасно Ханъ уговаривалъ Хмѣльницкаго отложиться отъ царства. Ни подарки, ни обѣщанія не подѣйствовали. Тогда онъ прибѣгнулъ къ угрозамъ и сослался на силу Татаръ и на Батыя.—«Что, ты «меня думаешь, Ханъ, напугать какъ хлопца малоумнаго?» отвѣчалъ Гетманъ насмѣшливо. «Царство «Сибирское, Казанское и Астраханское уже вамъ «не помогутъ: они принадлежатъ намъ»! — Когда же напомнилъ о измѣнахъ и побѣгахъ Орды подъ Берестечкомъ и подъ Жванцемъ, Могамедъ бросилъ

на землю подарки, Хмѣльницкимъ привезенные, и, открыто злобясь и враждуя, они разстались.

Возвратясь въ Чигиринъ, Гетманъ писалъ къ Царю, благодарилъ за освобожденіе края «отъ Египетскаго «ига Польскаго», уговаривалъ отобрать отъ Поляковъ всегдашнее достояніе Россіи—Волынію, Покутье и Полѣсье, и письмо заключилъ просьбою, чтобъ «при цѣлости вольностей малая Россія въ непремѣн-«ной Монаршей милости всегда пребывала».

И устарѣвъ, и ослабѣвъ, Гетманъ не ходилъ уже самъ на войну; ученики его, наши Полковники, въ случаѣ надобности, воевали за него; а онъ занимался дѣлами политическими. Въ Чигиринъ пріѣхалъ Шведскій посланникъ. Король просилъ у Гетмана помощи противъ Польши и Германскихъ владѣтельныхъ Князей, которые воевали съ Швеціею за Лифляндію, и за притязанія Голстинскія и Поморянскія. Въ этой просьбѣ онъ упирался на всѣ прежніе трактаты съ народомъ и Гетманами Малороссійскими, на предстательства Швеціи за козаковъ предъ Королями Польскими, и на диверсіи, которыми во время войнъ козацкихъ съ рѣчью Посполитою, войска Шведскія развлекали силы Польскія. Выполняя условія предшественниковъ, Гетманъ немедленно отправилъ семь полковъ регистровыхъ, и три охочекомонныхъ, въ числѣ десяти тысячь козаковъ, подъ начальствомъ Кіевскаго полковника Антона Адамовича, котораго объявилъ на время похода Наказнымъ Гетманомъ.

А къ Царю Алексѣю Михайловичу отписано было, что высылка войскъ необходима по договорнымъ статьямъ прежнихъ Гетмановъ со Шведами, и полез-

на потому, что послужитъ во вредъ общему непріятелю.

Король Шведскій съ Наказнымъ Гетманомъ овладѣли Краковымъ; три дня продолжалось сраженіе подъ Варшавою. Сокровища Королевскія и Магнатскія, найденныя въ обоихъ городахъ, были, по словамъ лѣтописей, безчисленны, и вознаградили достаточно и Шведовъ и Козаковъ за ихъ походъ и за военныя издержки. Разстройство и совершенное изнеможеніе Польши было послѣдствіемъ взятія столицъ; они грозили Королевству совершеннымъ разрушеніемъ, и эта участь была бы неизбѣжною, еслибъ сосѣди, боявшіеся усиленія Россіи и Швеціи, не противостали противъ нихъ. Датскій Король объявилъ войну Королю Шведскому и вступилъ въ его предѣлы неожиданно. И такъ Карлъ X, оставя завоеванія въ Польшѣ, обратился къ оборонѣ отечества.

Видя борьбу гибельную, борьбу нескончаемую, Король Польскій показалъ Хмѣльницкому готовность къ примиренію, искалъ союза съ нимъ. «Могу все «обѣщать, отвѣчалъ Гетманъ, если рѣчь Посполитая «Польская, черезъ полномочныхъ своихъ коммиссаровъ, торжественно признаетъ Козаковъ навсегда «вольными, какъ, назадъ тому десять лѣтъ, Гишпанскій Король призналъ вольными Голландцевъ.»

Тогда Римскій Императоръ, съ Польскимъ Примасомъ Урбаномъ, гордо приказалъ Хмѣльницкому прекратить союзъ съ Швеціею, какъ съ противницею религіи Грекороссійской и Римскокатолической, какъ съ землею, гдѣ господствуетъ жесточайшее Лютеранство. Цезарь требовалъ отъ Гетмана непремѣннаго соединенія съ Польшею на одинакихъ съ нею правахъ и

преимуществахъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ Малороссія не вмѣшивалась ни въ какія войны съ Поляками, а держалась бы неутралитета. Въ противномъ случаѣ грозилъ онъ подвигнуть на насъ всѣ силы Европейскихъ Католиковъ, и искоренить народъ, вредный всему Римскому вѣроисповѣданію, народъ опаснѣйшій и Турковъ и Сарациновъ.

Хмѣльницкій отвѣчалъ Императору, что помощь, оказанная Карлу X, есть священная для него обязанность; что подать ее онъ былъ обязанъ по долгу, чтимому всѣми народами—въ силу трактатовъ и договоровъ всѣхъ прежнихъ Гетмановъ со Шведами; что война эта не касается вѣроисповѣданія; что союзныя условія Шведовъ съ Малороссіею были заключены тогда, когда Польское Правительство неистово терзало нашъ народъ мучительствами неслыханными, противъ которыхъ господа Римскіе Католики не только не подали ни какой намъ помощи, не только не противорѣчили, но еще подстрекали гнать и обращать Козаковъ въ Унію, выдуманную въ Римѣ, и люто вводимую на Руси. У Магометанъ никогда такъ не угнетали, говоритъ Гетманъ, Христіанъ; инквизиція Римская ничтожна въ сравненіи съ яростью тогдашнихъ Поляковъ. А Рускій народъ всегда былъ дружелюбенъ съ Императорами, и былъ уничиженъ только злобнымъ коварствомъ Поляковъ, съ которыми соединился добровольно и дружелюбно, а разстался съ враждою неугасимою и местью безпримѣрною. Наконецъ Гетманъ заключилъ слѣдующими выраженіями: «Раны зла сего неисцѣлимы, и уврачевать «ихъ не въ состояніи сила человѣческая.»

За перепискою съ Императоромъ послѣдовала дѣй-

ствительная опасность для Малороссіи. Войска Германскія собирались къ границамъ Галиціи. Турки показались на границахъ Молдавіи и въ Бессарабіи: Крымъ зашевелился. Гетманъ извѣстилъ Государя о перепискахъ и о движеніи сосѣдственныхъ Державъ; а между тѣмъ прикрылъ свои границы многими отрядами, и учредилъ для главныхъ войскъ два стана: одинъ надъ Тимликомъ, подъ начальствомъ сына своего Юрія и нѣсколькихъ старыхъ опытныхъ чиновниковъ; другой у Заславля, подъ начальствомъ Наказнаго Гетмана Дорошенка. И наши войска и непріятельскія были въ безпрерывномъ движеніи; оба ополченія оказывали готовность къ войнѣ, но до враждебныхъ дѣйствій не доходили.

Вскорѣ посланники Турецкій и Римскій опять прибыли въ Чигиринъ; тотъ и другой объявили Гетману, что безпрестанныя побѣды его довели Польшу до изнуренія; это Королевство вѣрно войдетъ въ составъ Россіи; и что стыдно будетъ державамъ сосѣдственнымъ допустить, «чтобъ изъ ничего составилось «такое исполинское Государство, которое со-вре«менемъ можетъ разрушать всѣ остальныя Европей«скія Монархіи.» А потому Императоръ и Султанъ рѣшительно положили удерживать между державами равновѣсіе, и требуютъ, чтобъ Гетманъ немедленно отсталъ отъ союза съ Швеціею и отъ соединенія съ Царемъ; и на древнихъ правахъ и вольностяхъ, на конституціи, составленной ими самими, соединился бы съ Польшею по прежнему; они же берутся заботиться о ненарушимости правъ и конституціи, и будутъ защищать ихъ; въ противномъ случаѣ, насъ

принудятъ къ тому силою оружія, и у нихъ война съ Гетманомъ будетъ неминуема.

Хмѣльницкій доказывалъ посламъ, что война съ Поляками, потери рѣчи посполитой, есть на нихъ кара Божія, оправдавшая слова нашего Священнаго Писанія: «Въ юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ.» Распутство, варварство, звѣрство Поляковъ съ Малороссіянами превосходятъ воображеніе, и извѣстны каждому. Долготерпѣніе Козаковъ окончилось; ихъ жалобы и стенанія были поруганы. Всё въ жизни нынѣшней было у нихъ отнято, Поляки коснулись наконецъ и жизни ихъ будущей. Грозя народу анаѳемою и чистилищьми, они муками обращали его въ Уніатство; не помогали миротворства, клятвы были нарушены; подлогъ, вѣроломство и предательство, гнусныя намѣренія, хищничества и смертоубійства рѣчи Посполитой, ксензовъ и сейма навсегда отвратили отъ нихъ Малороссіянъ. Побѣды наши происходятъ отъ желанія защитить права, собственность и жизнь; на эти войны Гетманъ подвигнутъ закономъ естественнымъ. Какая же справедливость, какая политика Султана и Императора, когда они обвиняютъ оборону, а злодѣйство оправдываютъ? Впрочемъ они свободны защищать и подкрѣплять Поляковъ, а приневоливать Русскихъ къ подчиненности Магнатамъ, есть странность, несовмѣстная ни съ политическими, ни съ нравственными законами; она противорѣчитъ и здравому смыслу и естеству; и если они за это начнутъ вести войну, то не избѣгнутъ мести Божіей. «Я о себѣ самомъ сужу,» заключилъ Хмѣльницкій,» что лучше впасть въ волю Божію, нежели «въ руки Магнатовъ, и по этому правилу располагаю

«моимъ поведеніемъ, безъ всякаго намѣренія разо-
«рить или поработить.»

Такъ отдѣлался Хмѣльницкій отъ требованій, столь для него непріятныхъ; но они произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ желалъ спокойствія. Столько трудовъ, столько крови употребилъ, чтобъ достигнуть цѣли, а нынѣ отечество угрожаемо совершенною гибелью, и что будетъ съ Малороссіею, если столь сильныя державы возстанутъ на нее? Принять ихъ предложенія, почиталъ онъ гнуснымъ вѣроломствомъ и сознаніемъ въ подлой трусости; не принять ихъ, полагалъ крайнею опасностію. «Снѣдаемъ «будучи горестію» говоритъ лѣтопись «и безпре-«рывною печалью, разтравившею прежніе его припад-«ки, отъ чрезмѣрныхъ воинскихъ трудовъ и всегдаш-«нихъ суетствъ и бдѣній зародившіесь, а не меньше «удручавшей его старости, впалъ онъ въ тяжкую бо-«лѣзнь, и по долгомъ въ ней страданіи, сталъ нако-«нецъ къ жизни не надеженъ.»

Видя неудачу въ переговорахъ съ Гетманомъ, Императоръ воспользовался несогласіями между Швеціею и Россіею, и примирилъ Царя съ Польшею. Государь подосадовалъ на Гетмана за помощь Карлу X, безъ его повелѣнія поданную, и, чтобъ нанесть неудовольствіе Хмѣльницкому, приказалъ ему выступить на помощь Полякамъ. Хмѣльницкій повиновался: послалъ Юрія съ вспомогательнымъ войскомъ; но тайно велѣлъ ему и Старшинамъ не спѣшить походомъ. Козаки были въ бездѣйствіи; войска Карла X и Ракочи были принуждены однакожь оставить Польшу.

Тогда Казиміръ, мстя Гетману, донесъ Царю чрезъ посланника своего, Банковскаго, что Хмѣльниц-

кій условился съ Баномъ Трансильванскимъ пригласить Шведовъ напасть и на Россію. Въ Чигиринъ пріѣхалъ Стольникъ Кикинъ для изслѣдованія доноса.

Гетманъ дѣйствительно поступалъ какъ владѣтель независимый: онъ не увѣдомилъ Государя о переговорахъ съ Султаномъ и съ Императоромъ, переписывался съ Карломъ X, не ожидая Царскаго разрѣшенія; помогъ войсками Шведамъ; наконецъ, боясь, чтобъ Царь не возвратилъ Украйны Полякамъ, заключилъ въ Чигиринѣ оборонительный договоръ съ полномоч- 1656.
ными Ракочи, Хана Крымскаго и Господарей Молдавскаго и Валахскаго; но его оправдала привычка поступать независимо; а непоколебимая вѣрность Царю давала ему по волѣ тогоже Царя полное право распоряжаться у себя свободно.

Чрезъ Кикина Гетманъ увѣдомлялъ Государя, что Беневскій предлагалъ ему вступить къ Королю въ подданство; но онъ отказалъ; что Архіепископъ Петръ Парцевикъ обѣщалъ, по волѣ Римскаго Императора, распространить права и вольности козацкія, если Малороссія соединится съ рѣчью Посполитою; наконецъ, что по словамъ Беневскаго, статьи, постановленныя въ Вильно между Польшею и Россіею, никогда не будутъ исполнены, какъ вынужденныя необходимостью.

Вскорѣ прибыли по требованію Гетмана Польскіе 1657.
Коммиссары и указали границы между Польшею и Украйною, отъ устья Днѣпра до вершинъ Днѣстра, отъ Днѣстра до вершины Горыня, и по ея теченію до Припсти; чрезъ Припеть до Быхова, и черезъ Днѣпръ по надъ Сожьемъ, до Смоленскаго уѣзда, подъ Рославль, а оттуда къ Черному морю, на Оча-

ковъ, до Днѣпровскаго лимана, чтобъ былъ свободный путь въ море для купцовъ Малороссійскихъ.

Коммисары, между прочимъ, предложили Хмѣльницкому передаться къ Польшѣ; но онъ отвѣчалъ: «Не посрамлю себя на старости клятвопреступленіемъ, «не отступлю отъ зависимости, обѣщанной Царю.»

Не смотря на этотъ отвѣтъ, Государь, узнавъ о договорѣ съ Ханомъ, Господарями и Баномъ Трансильванскимъ, былъ разгнѣванъ на Гетмана, и немедленно явились въ Чигиринъ Окольничій и Намѣстникъ Муромскій Θедоръ Васильевичъ Бутурлинъ, и Думный Дьякъ Михайловъ. Они застали нашего генія готовымъ оставить навѣки Малороссію; они, увидѣли его на пути въ нашъ общій, рано или поздно, пріютъ, и услышали рыданья всей Украйны.

Хмѣльницкій изтаявалъ отъ смертельной болѣзни; старость, труды, бѣдствія, скорби изнурили его. Подозрѣваютъ, что онъ былъ отравленъ, по желанію Варшавскаго кабинета. Лѣтописи говорятъ, что одинъ изъ знатныхъ Поляковъ пріѣхалъ въ Чигиринъ, притворно показалъ любовь къ его дочери, сватался на ней, и въ кубокъ, изъ котораго оба пили за ея здоровье, вкинулъ медленнаго яду.

Мы увидимъ далѣе, что, въ Варшавѣ, Потоцкій, Чарнецкій, Любомирскій и Сапѣга постановили отправить смѣлыхъ людей въ Украйну и Москву съ тѣмъ, чтобы они съ помощію отравы перевели тамошнихъ разумныхъ головъ. Это подтверждаетъ подозрѣніе нашихъ лѣтописцевъ.

Ихъ ненависть къ великому Хмѣльницкому была впрочемъ справедлива. Много онъ Польшѣ сдѣлалъ зла; и эта ненависть не прекратилась, не только съ смертію

Гетмана, но и въ позднія времена. Его прозвали козацкимъ Тамерланомъ. Одинъ изъ прежнихъ писателей, говоря объ немъ, какъ о знаменитомъ Полководцѣ, прибавляетъ: «а еще болѣе, онъ былъ нарушитель правъ, страшный врагъ Поляковъ и Уніатовъ, «которыхъ онъ считалъ наравнѣ съ Жидами.» Онъ же клевещетъ на Гетмана, будто бы тотъ въ 1657 году измѣнилъ Царю, удалясь въ 1656 году въ Замостье, и передался къ Королю Польскому. Какъ будто бъ исторія не сберегла для насъ подробностей кончины его, какъ будто мы не знаемъ, что онъ умеръ въ Чигиринѣ, погребенъ въ Субботовѣ, что наконецъ надъ прахомъ его Поляки мстили ему, и Чарнецкій разоривъ Субботово до основанія, вырылъ тѣло Гетмана, и сжегъ его съ монастыремъ и съ церковію. «Счастливъ» говоритъ тотъ же писатель Уніатъ, «что передъ его смертію Король и республика даровали ему прощеніе, и что онъ умеръ не какъ из-«мѣнникъ, но смертію покойною; еслибы онъ понесъ «одинакое наказаніе съ Катилиною и Вильгельмомъ «Грумбахомъ, то и того, по моему мнѣнію, было «бы мало.» — Эта ненависть къ нему не укротилась даже и въ позднѣйшія времена. Одинъ изъ Историковъ Малороссіи, котораго рукопись лежитъ передо мною, и котораго можно не называть, клевещетъ на Гетмана почти черезъ два вѣка послѣ его смерти.

Освобожденные отъ рабства, отъ звѣрскихъ казней, отъ посмѣянія и наглостей, Малороссіяне иначе отзываются о своемъ благодѣтелѣ. Онъ былъ правъ и передъ Поляками; они-то поступками своими заставили и его и Украйну отдѣлиться отъ нихъ, какъ

отъ недостойныхъ ни храбрости, ни вѣрности козацкой.

Лѣтописцы наши пишутъ о немъ:

«Мужъ, по истинѣ Гетманскаго имени достойный; «дерзко бросался онъ въ бѣдствія; ни тѣло его ка-«кими либо трудами не изнурялось, ни благоразу-«міе, какими либо противными навѣтами, не могло быть «побѣждено. Мраза и зноя терпѣніе, пищи и питія «недостатокъ, онъ все превозмогалъ; въ ночи сонъ «не одолѣвалъ его, и въ мирное время онъ не изнѣ-«живалъ себя отдохновеніемъ на мягкомъ ложѣ, но «мало отдыхалъ на постелѣ, приличной и простому «воину. Одежда его мало чѣмъ отъ другихъ отлича-«лась; конь его мало чѣмъ былъ лучше иныхъ; нерѣд-«ко отдыхалъ онъ подъ плащемъ козацкимъ, нерѣдко «самъ былъ между стражею; первый въ битву, по-«слѣдній изъ битвы исходилъ. Всѣ Старшины, все «войско, весь народъ горько плакали о немъ, «когда въ понедѣльникъ провожали его, вѣчнымъ «сномъ опочившаго, въ Субботово.»

Такъ и мы, его потомки и соотечественники, грустно приближаемся къ послѣднимъ днямъ, благодѣтельной для насъ, жизни его.

«Опечалилась, говоритъ народная дума, сѣдая го-«лова Хмѣльницкаго, что нѣтъ ни Сотниковъ, ни «Полковниковъ. Часъ смерти его приближался, а со-«вѣтоваться было не съ кѣмъ. Немедленно прика-«залъ онъ позвать войсковаго писаря Виговскаго, и «написаны были листы ко всѣмъ Старшинамъ Мало-«россіи, чтобы, оставя всѣ дѣла, явились къ нему на «совѣтъ.»

И въ то время, когда собирались они въ Чиги-

ринъ, прїѣхали туда же и Бояре Царскіе, но послѣдняя болѣзнь приковывала Гетмана къ одру. Его сынъ, съ Виговскимъ, съ Генеральнымъ Асауломъ Ковалевскимъ, и съ двумя стами козаковъ, встрѣтилъ Бояръ за пять верстъ отъ города. Въ сѣняхъ во дворцѣ, они узнали, что Хмѣльницкій лежитъ, и встрѣтить ихъ не можетъ. Помолясь образамъ, отъ имени Царскаго Бояринъ спросилъ о здоровьи Гетмана, и подалъ ему Грамоту. Старикъ поблагодарилъ за милости Царскія, но объявилъ, что самъ говорить о дѣлахъ Государственныхъ не можетъ, а поручилъ всѣ переговоры Виговскому, отъ котораго никогда ни чего не скрывалъ. На настоятельныя требованія, участвовать лично въ объясненіяхъ, онъ отвѣчалъ, что будетъ и самъ разсуждать съ Боярами, но не прежде, какъ когда ему легче станетъ. Потомъ черезъ Виговскаго просилъ ихъ отобѣдать; они хотѣли отказаться, но по вторичной просьбѣ сѣли за столъ. Жена его Анна, дочь Екатѣрина, бывшая за Даниломъ, братомъ Генеральнаго писаря, Виговскій и Ковалевскій составляли общество. Съ помощію козаковъ, Гетманъ всталъ на ноги, велѣлъ подать кубокъ Венгерскаго вина, выпилъ за здоровье Государево и объявилъ всегдашнюю готовность идти на брань за Царя противъ «иновѣрцевъ еретиковъ и самого поганина «басурмана Турскаго Салтана.» Потомъ опять былъ положенъ въ постель.

Чрезъ нѣсколько дней, хотя не вставая съ постели, онъ согласился дать Боярамъ аудіенцію. Они начали упреками за переговоры съ Баномъ, за соединеніе съ врагомъ Москвы, Карломъ Шведскимъ, и за отторженіе отъ Поляковъ многихъ городовъ въ пользу

Швеціи, вмѣсто того, чтобъ стараться о присоединеніи Польши и Литвы къ Царству Московскому.

Собственная правота, попреки Бутурлина, образъ изложенія рѣчи Бояръ, всё вмѣстѣ пробудило потухающую бодрость этой дѣятельной души. Она привыкла повелѣвать войсками и народами, привыкла побѣждать людей и силою слова и силою оружія. Хмѣльницкій оказалъ Москвѣ великія услуги: она получила изъ рукъ его Украйну, цѣлостную, отъ Днѣстра до Орели, и всю Бѣлоруссію. Нынѣ онъ чувствовалъ себя справедливымъ, и не уважая ни правоты его, ни послѣдней борьбы этой свѣтлой жизни съ неумолимою смертію, не уважая одра болѣзненнаго, Бояринъ, равный многимъ Боярамъ, а не ему, упрекаетъ его и отравляетъ послѣдніи минуты его бытія. Такъ поступать съ человѣкомъ предъ кончиною, можетъ одна только совѣсть; но тому, кто самъ смертенъ, не почтить умирающаго и тревожить его душу при переходѣ изъ жизни въ вѣчность — это значило быть неумолимѣе смерти. И конечно, Государь не этого требовалъ отъ Боярина.

Съ гнѣвомъ отвѣчалъ Бутурлину Гетманъ:

« Болѣе шести лѣтъ до вступленія въ подданство « Его Царскаго Величества, я былъ друженъ съ « Шведскимъ Королемъ, и никогда отъ него не от- « стану. Шведы люди правдивые: для нихъ священны « пріязнь и обѣщаніе. А Великій Государь, прими- « рясь съ Поляками, желалъ имъ возвратить нашу « отчизну; и для того изъ Вильны Его Царское Ве- « личество послалъ въ помощь Полякамъ противъ « меня и противъ Ракочи двадцать тысячь ратныхъ « людей. Такъ ли я поступалъ противъ Великаго Го-

«сударя? Не бывъ еще подданнымъ его, я служилъ ему, «я хотѣлъ ему добра, я Крымскаго Хана къ тому «подговаривалъ и не допускалъ воевать украйные «городы Московые. И нынѣ готовъ идти на войну «за Государя противъ бусурмановъ, хотя бы въ «моей нынѣшней болѣзни постигла меня на дорогѣ «и смерть, но для того я и гробъ возьму съ собою. «Я христіанства не разорялъ. За православіе не «только самъ не жалѣлъ, но Татаръ и Хана застав- «лялъ проливать кровь свою. Да будетъ воля Госу- «дарева! Только чудно мнѣ, Гетману, что вы, Бояре, «ничего путнаго Его Царскому Величеству не при- «совѣтуете. Еще не владѣетъ онъ короною Поль- «скою, а уже открыта новая война съ Швеціею; «не будь я друженъ съ Шведами, съ Волохами, съ «Молдаванами, съ Крымскими Татарами съ Тран- «сильваніею, Поляки съ ними же разорили бы Ук- «райну до прибытія Московскихъ вспомогательныхъ «войскъ: было ли бы это радостно для Государства «Русскаго?»

Бутурлинъ увѣрялъ Гетмана, что никогда Госу- дарь не мыслилъ возвратить Полякамъ Малороссію, доказывалъ, что война съ Швеціею справедлива, что Король нарушилъ вѣчный договоръ. «Служба твоя, «Гетманъ, извѣстна Его Царскому Величеству, и не «будетъ имъ забвенна: онъ, какъ нынѣ, такъ и «впредь, станетъ держать тебя и все войско Запо- «рожское въ своей Государской милости, въ вели- «кой чести.»

Гнѣвъ Хмѣльницкаго притихнулъ. «Дайте мнѣ «покой нынѣ, сказалъ онъ Боярамъ: помыслю обо «всемъ и сообщу вамъ отвѣтъ въ другое время;

«сегодня чувствую себя не въ силахъ: едва могу «говорить. А теперь прошу попріятельски отобѣ-«дать у меня, чѣмъ Богъ послалъ» На другой день къ нимъ пріѣхалъ Виговскій отъ Хмѣльницкаго, освѣдомился о ихъ здоровьи и просилъ, чтобъ не оскорблялись на Гетмана, если онъ отъ болѣзни и отъ запальчивости обидѣлъ ихъ.

Шестаго Августа явились въ Чигиринъ всѣ Старшины войсковые и земскіе, и знатнѣйшіе Козаки. «Зѣло болѣнъ» говоритъ одна изъ нашихъ лѣтописей «Гетманъ на уготаванное мѣсто приведенный, въ собраніи началъ такъ говорить:

«Аще бы я кому, дѣйствъ нашихъ не вѣду-«щему, началъ о повѣсти оной бесѣдовать, то «бы и словесъ пространнѣйшихъ и времени лучшаго «недоставало. А вамъ нынѣ разглагольствовати, «лишняя вещь; мнится мнѣ быти, чтобъ повѣсть о «семъ чинить, что всѣмъ вамъ, какъ и мнѣ самому, «извѣстно есть; вѣдаете бо довольно, коликими утѣ-«сненіи, гоненіями, разореніями, що дневными му-«чительствами бѣдствовало наше отечество, а болѣе «всего, коликое зло пострадала Церковь православ-«ная, которая, своихъ урядовъ лишившись, ересію «Римскою угнѣтенная, стонала, дондеже посѣтилъ «Богъ свыше милостію Своею, и подалъ, яко Израилю «въ Египтѣ, руку помощи, дабы ей къ первому »своему благочинію возвратитися; знаете такожде, «яко много трудовъ, неудобствій безчисленныхъ, «и смертей ради освобожденія Церквей, и самихъ «себя, отъ ига Лядскаго подняли: вся сія вашимъ «мужествомъ, моимъ же, Богу споспѣшествующу, «предводительствомъ, устроена суть, а нынѣ, по-

« неже тако Творцу моему изволися, что изнемога-
« ющимъ конечно силамъ моимъ близъ смерти есмь,
« того ради, не могучи уже толикого въ правленіи
« труда носити, вамъ, Господіе и други, за искреннее
« мнѣ въ войнахъ послушаніе и за вѣрность непо-
« колебимую да и за самый Урядъ Гетманскій благо-
« дарствую. »

Гетманъ произнесъ послѣднія слова и заплакалъ, все собраніе рыдало; онъ продолжалъ:

« Богъ же вѣсть, чіе несчастіе, что не далъ мнѣ
« Богъ войны, какъ подобало, окончити и вольность
« вашу на вѣки утвердити. Сынъ же мой Юрусъ мо-
« лодыхъ лѣтъ; не можетъ такъ великаго бремени
« двигати, и какъ подразумѣваю, многіе его и за
« Гетмана не похотятъ имѣти. Однако желаю нынѣ
« видѣти, кто по моей смерти Гетманомъ избранъ
« будетъ, и кому Царскаго Величества знамя, булаву
« Гетманскую, бунчукъ, печать и арматы со всѣми
« припасами имѣю поручить. »

Всѣ молчали. Тогда, говоритъ Дума народная, самъ Гетманъ предложилъ Полковниковъ: Кіевскаго Антона Волочая, Миргородскаго Григорія Костыря, Кропивянскаго Филона Чичая, или Полтавскаго Мартына Пушкаря. Прозванія сверхъ фамилій у насъ и нынѣ обыкновенны: Волочаемъ въ народѣ назывался Адамовичь, Чичаемъ Джеджелій, а Костыремъ Лѣсницкій. Лѣтописи говорятъ единогласно, что онъ указалъ на Тетерю Переяславскаго, на Пушкаря и на Виговскаго.

Горько рыдали чины и козаки; отвѣтъ ихъ былъ слѣдующій:

« За твои толь знатныя войску Запорожскому

«услуги и кровавые труды, что насъ своимъ разу-
«момъ и мужествомъ освободилъ отъ ярма Ляхскаго
«и прославивъ народъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
«устроилъ вольнымъ, намъ подобаетъ по смерти
«твоей почитать тебя. И потому сынъ твой Юрій,
«хотя и молодъ лѣтами есть, однако мы ему при-
«дадимъ стариковъ Начальниковъ, въ войсковомъ
«дѣлѣ довольно обученныхъ, которые бы совѣтомъ
«своимъ до времени его наставляли.»

Долго Гетманъ не соглащался, долго спорили съ нимъ и умоляли его Старшины; наконецъ Гетманъ сказалъ:

«Вручается онъ въ покровительство Божіе и въ
«вашу опеку, и анаѳемѣ предаю того, кто его со-
«вратитъ съ пути истины, и сотворитъ притчею во
«языцѣхъ, и въ людехъ посмѣяніемъ; предаю ана-
«ѳемѣ и самаго его, если онъ пойдетъ путемъ строп-
«тивымъ и удалится отъ правоты и чести и хри-
«стіанскихъ добродѣтелей. А завѣщаю ему на всю
«жизнь его служить усердно отечеству, блюсти его
«яко зеницу ока, и пролить за него свою кровь,
«если она ему будетъ полезна и спасительна. Болѣе
«сей жертвы ничего другаго не требую, и сіе да
«будетъ ему всегдашнимъ моимъ паролемъ и лозун-
«гомъ, а васъ прошу и заклинаю подкрѣплять его
«благими совѣтами и постояннымъ мужествомъ, ко-
«торое всему племени нашему Славянскому искони
«сродно и наслѣдственно.»

7-го Августа Гетманъ вручилъ Юрію клейноды, печать, дѣла и документы. Новый Гетманъ прикрытъ былъ шапками и при громѣ орудій провозглашенъ въ своемъ санѣ; музыка гремѣла по городу; уни-

версалы были разосланы по всей Малороссіи. Черезъ нѣсколько дней былъ созванъ совѣтъ. Гетманъ избралъ Мартина Пушкаря и Виговскаго къ сыну въ Совѣтники.

Въ день Успенія Богородицы, на разсвѣтѣ, войско и народъ окружили дворецъ своего благодѣтеля. Все было въ томительномъ ожиданіи; плачь навзрыдъ раздавался по Чигиринскимъ площадямъ и улицамъ: «кто теперь поженетъ враговъ нашихъ и защититъ «насъ отъ нихъ? Померкло солнце наше! мы оста-«лись врагамъ на расхищеніе.» 15-го Августа.

Былъ уже полдень. Вдругъ раздался выстрѣлъ изъ ломовой пушки — Хмѣльницкій умеръ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ

МАЛОРОССІИ.

Николая Маркевича.

Pulchrum est benefacere reipublicæ: etiam bene dicere haud absurdum est.

Sallust. bellum Catilinarium.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Изданіе книгопродавца О. И. Хрусталева.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Маія 7-го дня 1840 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

МАЛОРОССІЯ

отъ смерти Хмѣльницкаго до паденія Мазепы.

1657—1709.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРАГО ТОМА.

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТЪ СМЕРТИ ХМѢЛЬНИЦКАГО ДО ПАДЕНІЯ МАЗЕПЫ.
1657—1709.

ГЛАВА XXIII.

Виговскій.

Стран.

ГЛАВА XXIV.

ГЛАВА XXV.

Юрій Хмѣльницкій.

Стран.

ГЛАВА XXVIII.

ГЛАВА XXIX.

Стран.

ГЛАВА XXX.

ГЛАВА XXXI.

Въ Украйнѣ Восточной: *Брюховецкій.* — Въ Западной: *Дорошенко.*

ГЛАВА XXXII.

Въ Украйнѣ Восточной: *Междо-гетманство.* — Въ Западной: *Дорошенко.*

ГЛАВА XXXIII.

Царскій:	Королевскіе:
Многогрѣшный.	*Дорошенко.*
	Ханенко.

ГЛАВА XXXIV.

Царскій:	Королевскій:	Султанскій:
Самуйловичъ.	*Ханенко.*	*Дорошенко.*

ГЛАВА XL.

ГЛАВА XLI.

ГЛАВА XLII.

ГЛАВА XLIII.

Мазепа.

ГЛАВА XLIV.

ГЛАВА XLV.

Стран.

ГЛАВА XLVI.

ГЛАВА XLVII.

ГЛАВА L.

ГЛАВА LI.

МЕЖДО-ГЕТМАНСТВО.

Малороссійская Коллегія, и Наказный Гетманъ Полуботокъ.

Стран.

ГЛАВА LII.

Малороссійская Коллегія.

ГЛАВА LIII.

Апостолъ.

Стран.

ГЛАВА XXIII.

ВИГОВСКІЙ.

Добродушная клевета Польскихъ Историковъ. Виговскій. Характеръ его. Провозглашеніе Гетманомъ Юрія Хмѣльницкаго. Отреченіе Юрія, Виговскаго и Посача отъ урядовъ. Виговскій опекунъ. Его титулъ. Внушенія его Юрію. Покража милліона талеровъ. Гетманъ на три года. Казни Виговскаго. Пріѣздъ въ Украину Матвѣева. Оправданія Виговскаго. Послы къ Царю отъ Виговскаго. Польскіе Генералы въ Малороссіи. Преступный замыслъ Сейма Польскаго дѣйствовать отравою въ Украинѣ. Заславльскій Конгрессъ. Статьи. Ропотъ народный. Причина неудовольствій между Козаками и Москвитянами. Внушенія Виговскаго народу. Пушкарь. Гонецъ въ Москву Яковенко. Волненіе народное. Бѣгство Юрія въ Запорожье. Казни Виговскаго и его клеветы на Юрія. Хитровъ въ Украинѣ. Хитрость Хитрова. Пословица. *Вольный подданный.* Виговскій отказывается отъ уряда. Мольбы Хитрова. Коварство Сейма съ Царемъ. Доносъ Виговскаго на Поляковъ. Второй гонецъ къ Царю отъ Пушкаря. Пушкарь возстаетъ на Виговскаго Переписка его съ Діонисіемъ Митрополитомъ. Максимъ Протопопъ Нѣжинскій. Третій гонецъ отъ Пушкаря къ Царю. Послы иноземные въ Чигиринѣ. Пріѣздъ въ Украину Портомоина. Битва Виговскаго съ Пушкаремъ у Опошни и Будища. Битва ихъ на Грунѣ. Переписка Виговскаго съ Ханомъ. Донесеніе Пословъ Царскихъ изъ Варшавы. Политическое обращеніе

Царя съ Гетманомъ. Послы отъ Поляковъ къ Гетману въ станъ подъ Ольшанницею. Рѣчь Беньевскаго. Самохвальство и надутость. Новыя внушенія Виговскаго войску и народу. Гадячскіе пункты. Титулъ Гетманскій.

«Тягостно», говоритъ одинъ Польскій писатель, котораго рукопись лежитъ у меня предъ глазами,— «тягостно было Запорожскому народу владычество «Царя Московскаго; горько было сравнивать суро-«вое правленіе нынѣшнее съ прежнею неограничен-«ною свободою, которою наслаждался народъ подъ «кроткимъ правленіемъ республики; безразсудно «козаки отъ Польши освободились; теперь начали «тайно сноситься съ Поляками.»—Мы видѣли эту *свободу неограниченную* Украины; видѣли это *кроткое правленіе* Республики. Знаемъ, что при Великомъ Хмѣльницкомъ Малороссія не испытывала суровости правленія Московскаго. Теперь увидимъ: козаки-ли сносились съ Поляками? Справедлива-ли эта добродушная клевета Польскаго Историка?

Нѣтъ сомнѣнія, что народъ благородный, самолюбивый лучше желалъ видѣть себя подъ скипетромъ Царя Единаго, предъ которымъ равны всѣ его народы, нежели быть подъ стоглавнымъ правленіемъ Королевства—Республики—Анархіи. Если-бы права наши были равны съ правами Литвы и Польши, какъ то было намъ обѣщано всѣми Князьями и Королями, начиная отъ Гедимина; если-бы рыцарство Русское было равно рыцарствамъ Польскому и Литовскому, и Короли были-бы въ Польшѣ властителями; если-бы Республика не забывала, что Малороссія не завоевана ею, что она присоединилась къ Литвѣ и потомъ къ Польшѣ добровольно, на ус-

ловіяхъ; если-бы, наконецъ, Поляки помнили непреложный законъ политики, по которому, желая удержать народъ присоединенный, необходимо должно уравнять права его съ правами народа кореннаго, а Вѣру и собственность оставить неприкосновенными; — тогда-бы Малороссія, вѣроятно, не вздумала отъ Польши отторгнуться. Но Гетманамъ, Старшинамъ, Полковникамъ нашимъ видѣть себя ниже Польскихъ Воеводъ и Гетмановъ, слышать насмѣшки надъ Вѣрою нашею; носить передъ панами титулы хлопства и лайдаковъ; быть у Поляковъ тѣмъ, чѣмъ жиды у прочихъ христіянъ, — это было-бы непростительно. И Малороссіяне справедливо предпочли: «*суровое правленіе Московское кроткому правленію Республики.*»

Увидимъ, дѣйствительно-ли народъ началъ раскаяваться въ своемъ освобожденіи, замышлялъ-ли онъ о новомъ присоединеніи къ Польшѣ?

Душею преданный не Республикѣ, не Россіи, а одному золоту, родомъ не Малороссіянинъ, а Полякъ, взятый въ плѣнъ, въ началѣ Гетманства Богдана Хмѣльницкаго, Иванъ Виговскій, ловко, пронырливо вкрался въ душу побѣдителя и сталъ наконецъ Генеральнымъ писаремъ; мы читали его раболѣпные отзывы къ Царю; мы помнимъ его хвастовство предъ Государемъ, предъ Боярами; мы не забыли какъ онъ хвалился, что пользуется величайшею Гетманскою и народною довѣренностію, что безъ него въ войскѣ ничего не совершается; еще намъ памятна его статья о Генеральныхъ писаряхъ, помѣщенная въ условіяхъ съ Государемъ: въ ней не забылъ Виговскій ни себя ни золота; а между тѣмъ

уже и тогда замышлялъ онъ о Гетманствѣ и о предательствѣ.

Юрій Хмѣльницкій провозглашенъ былъ Гетманомъ. Ему было шестнадцать лѣтъ. Въ избирательномъ правленіи, люди такого возраста никогда не избираются въ главы народа; но то была преданность Малороссіянъ къ своему старому вождю, къ Великому Богдану Хмѣльницкому.

Виговскій уговорилъ Юрія созвать народъ, Старшинъ и по молодости лѣтъ отказаться отъ правленія. Юрій склонился: сложилъ клейноды предъ Старшинами, вышелъ на крыльцо, благодарилъ народъ за урядъ, которымъ его почтили. Виговскій объявилъ, что если Юрій не Гетманъ, то и онъ не хочетъ быть Генеральнымъ писаремъ; Носачъ отказывался отъ Обозничества. Изумленное нечаянностью случая, войско взволновалось, всѣхъ искателей булавы отвергнуло, хлынуло толпою въ домъ Хмѣльницкаго. Юрія вытащили на улицу, начали напоминать ему о заслугахъ отца, заставили принять клейноды и, согласясь съ нимъ что онъ еще молодъ для уряда Гетманскаго, народъ придалъ ему Виговскаго, Носача и Судью Лѣсницкаго въ опекуны и совѣтники. Положено было, въ случаѣ войны, Виговскому принимать булаву и бунчукъ изъ рукъ молодаго Гетмана и, по возвращеніи изъ похода, опять ему ихъ отдавать.

«Какой-же титулъ мнѣ ставить на письмахъ и универсалахъ, во время военное?»—спросилъ Виговскій. Долго толковала Рада и наконецъ приказала ему подписываться: *Иванъ Виговскій, на тотъ часъ Гетманъ войска Запорожскаго.*

Тутъ онъ сталъ уговаривать Юрія отложиться отъ Государя. Онъ намѣкалъ о небываломъ желаніи стараго Гетмана присоединиться къ Польшѣ. « Суевѣр-« ные старики наши, » говорилъ лукавый совѣтникъ: « предпочитая единовѣрныхъ Москвитянъ Поля-« камъ и Туркамъ, принудили покойнаго Гетмана « съ Москвою соединиться; но благоразуміе, полити-« ка противорѣчатъ такому союзу; гнѣвъ Султана и « Цесаря могутъ разорить Малороссію, и Москва не « въ силахъ защищать насъ въ борьбѣ съ двумя дер-« жавами, столь знаменитыми. Преклонясь на сторо-« ну Польши, примирясь съ Турецкимъ и Римскимъ « Императорами, Юрій будетъ утвержденъ въ зва-« ніи: *Гетмана потомственнаго*, владѣтельнаго « Князя Сарматскаго. »

Такъ, прельщая неопытнаго юношу небывалыми титулами, пугая несбыточными войнами, онъ съ согласія его взялъ милліонъ талеровъ изъ собственной казны стараго Хмѣльницкаго, а Юрія, подъ предлогомъ образованія, отправилъ въ Кіевское училище на три года, въ сопровожденіи отряда своихъ тѣлохранителей.

Послѣ того не трудно было Виговскому провоз- 1657.
гласить себя *Гетманомъ на три года*. Похищенная сумма достаточна была для подкупа голосовъ, — и Сентября 10-го отправилось посольство къ Хану, съ извѣстіемъ о избраніи вольными голосами Гетмана на мѣсто Богдана Хмѣльницкаго. Виговскій просилъ Хана подтвердить прежнія дружбу, пріязнь, любовь, и сталъ ожидать отъ него посланника, для заключенія новыхъ союзныхъ условій.

Царь ничего не вѣдалъ о томъ, что происходило въ Малороссіи; Виговскій, извѣщая Хана о всѣхъ происшествіяхъ, не заблагоразсудилъ увѣдомить объ нихъ Государя, и если-бы не Кіевскій Воевода Бутурлинъ, въ Москвѣ даже не знали-бы о смерти Хмѣльницкаго. Это понудило Алексѣя Михайловича послать, въ Сентябрѣ, Полковника, Голову Стрѣлецкаго, Артемона Сергѣевича Матвѣева и Дьяка Перфилія Оловянникова къ Виговскому и къ Войсковымъ Старшинамъ. Они привезли изъ Москвы Царскій выговоръ за неувѣдомленіе о смерти Гетмана, и указъ объ отправкѣ козацкаго посольства въ Стокгольмъ для склоненія Шведовъ къ примиренію съ Русскими.

Виговскій оправдывался, отзываясь, что въ самый день кончины Хмѣльницкаго, онъ хотѣлъ отправить трехъ старшинъ съ извѣстіемъ о ней къ Государю; но войсковое начальство начало бунтовать, начало роптать на него; начало говорить, что онъ желаетъ Гетманства, и что потому посылаетъ къ Царю людей отъ имени своего, а не отъ войска Запорожскаго. Тогда, испуганный этимъ ропотомъ, предвидя могущія отъ того произойти безпокойства и домашнее кровопролитіе, онъ рѣшился увѣдомить обо всемъ Царя не прямо, но чрезъ Андрея Васильевича Бутурлина и Князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго. Что-же касается до посольства козацкаго ко Двору Шведскому, прибавилъ самопроизвольный Гетманъ въ своемъ донесеніи, оно будетъ тотчасъ отправлено; Королю будетъ сказано, чтобъ на Запорожье не надѣялся; что если война Швеціи съ Москвою не прекратится, Малороссійскіе козаки

и все Запорожье будутъ дѣйствовать противу Швеціи.

Матвѣевъ и Оловянниковъ, удовлетворенные оправданіемъ Виговскаго, не успѣли еще выѣхать изъ Малороссіи, какъ Асаулъ Юрій Миневскій и Сотникъ Евфимъ Коробка отправились въ Москву съ новыми извѣстіями: Виговскій былъ избранъ въ Гетманы; все войско Запорожское просило Царя объ его утвержденіи.

Между тѣмъ Виговскій не оставлялъ тайныхъ злоумышленій: Заднѣпровскимъ Регистровымъ войскамъ приказалъ идти въ Заславль, подъ предлогомъ секретной эспедиціи; началъ тайные переговоры съ Поляками; вскорѣ въ Малороссіи стали появляться Польскія войска; «*Драгунія*,» какъ именуетъ лѣтописецъ эту ненавистную для Малороссіянъ стражу, снова наводнила Украину.

Въ Варшавѣ, въ то-же время, происходило злодѣйское совѣщаніе на-счетъ нашего отечества; еще въ Іюлѣ, какъ мы уже видѣли, собрались туда на совѣтъ Станиславъ Потоцкій, Юрій Любомирскій, Чернецкій и Янъ Сапѣга; они постановили слѣдующее: 1-е. Отправить отъ Короля въ Украину посла, съ обѣщаніями Гетману Удѣльнаго Княжества, Полковникамъ—старостствъ, лучшимъ козакамъ—Шляхетства и всякихъ вольностей, буде они отстанутъ отъ Царя и присоединятся къ Польшѣ; въ случаѣ ихъ согласія, черезъ годъ, черезъ два, велѣть козакамъ ворваться въ Россію, или, буде они не захотятъ войны съ Россіею, то на нихъ самихъ напасть, соединясь съ Татарами. 2-е. Стараться поссорить чернь со Старшинами; увѣрять народъ, что онъ терпитъ

Томъ I-й 378 стр. моей Истор.

болѣе отъ своего собственнаго войска—отъ своихъ козаковъ, нежели прежде, когда находился подъ владычествомъ Республики. 3-е. Употреблять всѣ усилія къ разорванію союза козацкаго съ Москвитянами; внушать имъ, что они сперва присягали своему природному Государю, Королю Польскому; что они уже не подданные Царя, ибо и передъ Нимъ измѣнили клятвенному обѣщанію, когда Хмѣльницкій, вопреки Москвѣ, вспомоществовалъ Королю Шведскому и Рагацію. 4-е. Наконецъ, дѣйствовать отравою.

Честолюбивый сребролюбецъ Виговскій, чуждый по рожденію своему для Малороссіи,—равнодушный къ выгодамъ народа, съ нимъ неединоплеменнаго, не усумнился измѣнить Украинѣ, которая его такъ облагодѣтельствовала: плѣнникъ Хмѣльницкаго, возведенный въ высокій санъ Генеральнаго писаря, опекунъ и совѣтникъ сына своего благодѣтеля, наложивъ однажды святотатственную руку на имущество Богдана, на наслѣдіе Юрія, не задумался дать клятвенное обѣщаніе Королю и Магнатамъ, въ томъ, чтобъ присоединить къ Польшѣ Малороссію. Онъ выѣхалъ въ Заславль; тамъ нашелъ Конгрессъ, составленный изъ многихъ Вельможъ Польскихъ и изъ Министровъ Султана и Императора. Ему предложили слѣдующія договорныя статьи:

«1-я. Народъ Русскій, состоящій изъ Княжествъ «или воеводствъ: Кіевскаго, Черниговскаго, Сѣвер«скаго и Владимірскаго, со всѣми въ нихъ городами, «повѣтами и селеніями, по гранямъ Зборовскимъ «трактатомъ положеннымъ, да пребудетъ вольнымъ, «отъ самихъ себя и правительства зависимымъ, и въ

«совершенномъ единствѣ съ народами Литовскимъ «и Польскимъ, какъ отъ одного племени съ ними «Сарматскаго всѣ три сіи народа происходятъ. А «прежнія между ними распри, вражды и войны да «уничтожатся и предадутся вѣчному забвенію, съ «соблюденіемъ и утвержденіемъ строжайшимъ обо«юдной арміи.

«2-я. Правительства Русскія да устроятся и пре«бываютъ на стародавнихъ правахъ своихъ и при«вилегіяхъ въ совершенномъ равенствѣ и одинакомъ «преимуществѣ съ правительствами Литовскими и «Польскими, подъ сѣнію одной короны Польской «Королевской, всѣмъ тремъ народамъ равномѣрно «державной и покровительной.

«3-я. Верховный Начальникъ народа Русскаго и «правительствъ тамошнихъ будетъ Гетманъ, избран«ный изъ самихъ себя Русскимъ рыцарствомъ; власть «его почитать наравнѣ съ Коронньмъ и Великимъ «Литовскимъ Гетманами; преимущества также; и «войскъ ему имѣть сорокъ тысячь регистровыхъ, а «охочеконнаго и Запорожскаго сколько соберется, «и сколько возможно будетъ онаго содержать.

«4-я. Стража внутреняя и оборона внѣшная въ зем«лѣ Русской зависятъ отъ власти Гетмана и отъ «силъ войска тамошняго и въ такихъ случаяхъ приз«нается онъ *самовластнымъ Княземъ Русскимъ или* «*Сарматскимъ;* а въ общей оборонѣ и въ войскѣ «всего Королевства участвуетъ земля оная по об«щему съ нею совѣту, *а паче вольна въ обѣ сто*«*роны неутраль держать.*

«5-я. Провинціальное управленіе земли Русской «подлежитъ воеводамъ, выбраннымъ изъ себя тамош-

«нимъ рыцарствомъ, и они подчинены во всемъ Гет-
«ману и непосредственно подъ его повелѣніями со-
«стоятъ; и когда снаряжаемы и выправляемы будутъ
«отъ Воеводъ земскіе послы и депутаты на Сеймъ
«Генеральный, то сіе чинится по повелѣнію Гетмана
«и съ его инструкціями и наказами.

«6-я. При всѣхъ службахъ и собраніяхъ рыцарства
«и народа Русскаго съ рыцарствомъ и народомъ
«Литовскимъ и Польскимъ признается едность и ра-
«венство съ обѣихъ сторонъ и съ уваженіемъ чести
«и могущества каждаго особо и всѣхъ вообще.

«7-я. Религія Католическая Русская или Грече-
«ская съ религіею Католическою Римскою или Поль-
«скою да пребудетъ въ совершенномъ равенствѣ и
«согласіи безъ малѣйшаго угнѣтенія правъ и выбо-
«ровъ каждой; и духовенство обѣихъ религій въ
«собраніяхъ правительственныхъ и при всѣхъ засѣ-
«даніяхъ и общеніяхъ да имутъ мѣста приличныя
«по сану своему и голоса по правамъ своимъ и пре-
«имуществамъ.»

Таковы были условія, предложенныя Магнатами Виговскому: самовластный Русскій или Сарматскій Князь, вольный держать неутралитетъ въ войнахъ Польши, начальникъ воеводъ, правитель всей страны отъ Донца до Днѣстра, предводитель 40,000 войска регистроваго и такого же числа охочеконнаго, находящійся подъ сѣнію короны Польской. Въ этихъ условіяхъ мы видимъ что нибудь изъ двухъ: или безсмысліе, или предательство. Онѣ не сходны ни съ здравымъ смысломъ, ни съ политикою; тѣмъ менѣе онѣ были сходны съ характерами двухъ народовъ, которыхъ тяжба и донынѣ не бы-

гласія чи-
что на со-
владыче-
имъ Гет-
выгнать
цесаровъ
зомъ со-

льнаго и
Пушка-
ойсками
аго Гет-
оляками,
вилъ гон- 6 Февраля 1658.
нымъ из-

изъ Заславля
ь, о расхище-
о согласія Юрія,
на подкупъ го-
волненіемъ Юрій
, все войско реги-
—все отвратилось отъ
тораго лѣтописцы не-
чею во языцѣхъ.»—Онъ
ликаго имени, но такой
огъ для юноши несчастна-
наго въ сѣти коварными со-
ь, и Запорожцы, принявъ его
покровительство. Тогда, про-
пронырливый Виговскій
извѣстіемъ о злыхъ на-

«терпѣли отъ сихъ солдатъ частыя и язвительныя «насмѣшки, по поводу бритыхъ козацкихъ головъ. «Солдаты оные, бывши еще тогда въ сѣрыхъ зипу-«чахъ и лычаныхъ лаптяхъ, не бритыми, въ боро-«дахъ, то есть во всей мужичей формѣ, имѣли, од-«нако, непонятное о себѣ высокомѣріе или какой-то «грустный обычай давать всѣмъ народамъ презри-«тельныя прозванія, какъ-то: полячишки, нѣмчурки, «татаришки и такъ далѣе; по сему странному обы-«чаю называли они козаковъ *чубами*, *хохлами*, а «иногда и *безмозглыми хохлами*; а сіи сердились «за то до омерзѣнія, и заводили частыя съ ними «ссоры и драки; а наконецъ нажили непримири-«мую вражду и дышали всегдашнимъ отвраще-«ніемъ.»

Эти недовольные были весьма малочисленны, и поддерживало ихъ нѣсколько чиновниковъ, Польскихъ переселенцевъ въ Малороссію; они-то ихъ поджигали противъ Царя ложными слухами и прокламаціями. Говорили, будто-бы перехваченъ Московскій посланецъ, отправленный къ Бутурлину въ Кіевъ съ тайнымъ повелѣніемъ схватить и отослать въ Москву Виговскаго и всѣхъ его приверженцевъ. Неудовлетворительное положеніе дѣлъ, опала Царская, въ которую могли быть включены и невинные, страхъ быть увлеченными изъ родины въ дальный и неизвѣстный край, все это испугало многихъ Старшинъ и Полковниковъ; все это было представлено въ видѣ преувеличенномъ; Поляки намѣкали, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ не собственною волею, но происками Богдана Хмѣльницкаго. И такъ нѣсколько недовольныхъ, вопреки боль-

щинству голосовъ, вопреки чести, безъ согласія чиновъ, удаленныхъ въ Чигиринъ, объявили, что на совѣтѣ постановляютъ: ревностно свергнуть владычество Государя, какъ утвержденное покойнымъ Гетманомъ безъ доклада военной Старшинѣ; выгнать изъ Кіева воеводу Бутурлина; ждать Коммиссаровъ Польскихъ для окончательнаго условія о новомъ соединеніи Руси съ Литвою и Польшею.

Это не могло укрыться отъ проницательнаго и храбраго Полтавскаго Полковника Мартына Пушкаря. Видя Малороссію снова наводненную войсками Польскими, узнавъ о похищеніи казны стараго Гетмана, слыша о толкахъ Виговскаго съ Поляками, онъ проникнулъ тайну и немедленно отправилъ гонцомъ Яковенка къ Государю съ письменнымъ извѣстіемъ о замыслахъ Виговскаго. 6 Февраля 1658.

Между тѣмъ Старшины, удалившіеся изъ Заславля въ Чигиринъ, узнали, въ свою очередь, о расхищеніи казны Богдана Хмѣльницкаго, съ согласія Юрія, и о злодѣйскомъ употребленіи оной на подкупъ голосовъ. Испуганный народнымъ волненіемъ Юрій бѣжалъ въ Запорожье; всѣ чины, все войско регистровое, Заславскій конгрессъ,—все отвратилось отъ молодаго Хмѣльницкаго, котораго лѣтописцы несправедливо назвали «притчею во языцѣхъ.»—Онъ недостоенъ былъ своего великаго имени, но такой судъ былъ слишкомъ строгъ для юноши несчастнаго, неопытнаго, запутаннаго въ сѣти коварными совѣтниками. Онъ бѣжалъ, и Запорожцы, принявъ его въ Сѣчу, обѣщали ему покровительство. Тогда, провѣдавъ о доносѣ Пушкаря, пронырливый Виговскій послалъ гонца къ Царю съ извѣстіемъ о злыхъ на-

мѣреніяхъ Юрія отклониться отъ Россіи; о его побѣгѣ въ Запорожье, о томъ, что сохранены всѣ архивы, документы и привилегіи, и что войска регистровыя отъ Юрія въ пользу Россіи отложились.

Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ Боярину Богдану Матвѣевичу Хитрово поспѣшать въ Малороссію, для изслѣдованія доноса; но судьба и Малороссіи и Россіи была претерпѣвать неоднократно несчастія по милости Бояръ, присыланныхъ изъ Москвы къ нашимъ Гетманамъ. Простота иныхъ, другихъ корыстолюбіе искажали предначертанія правительства; и не рѣдко оно сомнѣвалось въ преданности и вѣрности народа и войскъ Малороссійскихъ, тамъ, гдѣ было-бы должно казнить Боярина за подлогъ, за потворство, за клевету; или отдалить его за неблагоразуміе. Такъ случилось и во время Виговскаго съ Бояриномъ Хитровымъ, который вошелъ на Украинѣ въ пословицу: наши предки о немъ говорили, что *онъ хетеръ былъ только именемъ*.

Бояринъ, вмѣсто дѣла, началъ выговоромъ Виговскому за неприличное наименованіе себя, въ одномъ изъ донесеній къ Царю, *вольнымъ подданнымъ*: «И такъ было тебѣ къ Царскому Величеству писать не годилось!» говорилъ онъ измѣннику.—«И впредь тебѣ писаться Царскаго Величества подданнымъ, такъ-же какъ и напередъ сего Богданъ Гетманъ писался.»—Пользуясь этимъ неумѣстнымъ замѣчаніемъ, Виговскій радъ былъ обратить все вниманіе простодушнаго Хитрова на дѣло ничтожное, и отклонить оное отъ важнѣйшаго происшествія. Онъ притворился опечаленнымъ, принялъ видъ сердечнаго

раскаянія въ ошибочной подписи, началъ отказываться не только отъ Гетманства, но даже отъ опекунства; Хитровъ, полагая что онъ только за тѣмъ и присланъ, сталъ уговаривать, упрашивать, умолять Виговскаго, чтобъ отъ уряда не отрекался; и великаго труда, говоритъ Коховскій, стоило ему чтобъ успѣть въ этомъ. Тогда, не созвавъ Рады, не спросясь общаго согласія, Хитровъ объявилъ, что Юрій по молодости и неопытности отъ Гетманства отрѣшается, а по волѣ и милости Царской утвержденъ Гетманомъ Иванъ Виговскій; чины и козаки изумились: они не сомнѣвались, что не такова была воля Царская; они твердо были увѣрены въ томъ, что это самопроизвольное назначеніе первѣйшаго Сановника произошло не свыше, не по желанію Государеву. Наконецъ всѣ почли Хитрова обольщеннымъ, подкупленымъ; но совѣтъ не былъ собранъ, никто не зналъ что дѣлать, никто не противорѣчилъ Боярину. И это была пагубная съ его стороны неосмотрительность; это положило первое основаніе къ неустройствамъ и междоусобіямъ въ Малороссіи; первый шагъ къ вреднымъ перемѣнамъ; это доказывало всю крайнюю простоту Боярина, всю справедливость отзыва объ умѣ его. Затаивъ въ душѣ изумленіе при видѣ столь неожиданнаго, по ихъ мнѣнію, насилія, — до глубины души огорченные, чины и козаки разошлись.

Чтобъ еще болѣе утвердиться во мнѣніи Государя, новый Гетманъ не замедлилъ отправить къ нему донесеніе о дѣлахъ Польскихъ. Тогда правительство наше было обмануто обѣщаніями Магнатовъ избрать Царя Электоромъ короны Польской,

а по смерти Короля возвесть его на престолъ и соединить Польшу съ Россіею. Обольщаемый Сеймомъ, Государь отправилъ въ Польшу великолѣпное посольство, съ богатыми подарками. Оно было встрѣчено пышно, и провожаемо въ столицу съ торжествомъ необыкновеннымъ. Когда послы начали напоминать Магнатамъ объ электорствѣ, имъ отвѣчали, безъ зазрѣнія совѣсти, что Рѣчь Посполитая жаждетъ соединенія Царства съ Королевствомъ, и чести видѣть у себя Королемъ Царя Московскаго; что надобно только потерпѣть нѣсколько времени, пока стороннія дѣла съ Швеціею и другими державами окончатся, и пока Королевство, ставъ свободнѣе насчетъ дѣлъ иностранныхъ, будетъ въ силахъ заняться устройствомъ внутреннимъ. А между тѣмъ, говорили посламъ Царскимъ Поляки, не худо было-бы утвердить Гетманство козацкое въ особѣ одного Виговскаго, человѣка миролюбиваго, вѣрнаго, преданнаго и «*эдукованнаго*;» а «*Хмпльницчину*» съ корнемъ выдернуть изъ народа ненавидящаго миръ и тишину; изъ народа питающагося одними войнами, грабежами и разбоями: изъ народа, который, наконецъ, есть бичъ всѣхъ правительствъ и всякаго благоустройства; для чего и намѣренъ Сеймъ отправить къ Виговскому посольство съ утвержденіемъ его на Гетманствѣ, въ доказательство, что это есть обоюдное желаніе Царства и Королевства, и что скоро народы Русскій и Польскій соединятся не разрывно.

Здѣсь-то видно все коварство Виговскаго. Поляки тѣшатъ Царя Польскою короною, просятъ чтобъ утвердилъ Виговскаго на Гетманствѣ; въ то-же

время Виговскій доносить ему на Рѣчь Посполитую. «Поляки,» пишетъ онъ въ докладѣ своемъ, «по во-«лѣ Короля, не хотятъ исполнять даннаго обѣща-«нія; они не изберутъ Королемъ себѣ Государя «Московскаго; они медлятъ, обманываютъ, ждутъ «соединенія арміи, зовутъ на Ракочи и Хана Крым-«скаго, поспѣшно собираютъ войска и скоро вторг-«нутся въ Россію.» Такимъ доносомъ онъ вкрадывался въ большую милость Алексѣя Михайловича; его неизмѣнная преданность къ Престолу Царскому казалась очевидною; а между тѣмъ это Полякамъ ни въ чемъ не вредило; война дѣйствительно готовилась, созрѣвала; нужно было получить утвержденіе въ санѣ Гетманскомъ отъ Царя; тогда и Польскіе и Царскіе приверженцы въ Малороссіи принуждены будутъ слѣпо повиноваться Виговскому, и ему не трудно будетъ предаться на сторону Королевства.

Такъ думалъ Виговскій; но что удалось ему въ одномъ случаѣ, то въ другомъ не могло осуществиться. Онъ успѣлъ обмануть Бояръ, не обманулъ Полтавскаго Полковника и преданныхъ Украинѣ Сановниковъ.

Пушкарь опять подалъ Царю доносъ на Гетмана; не дожидаясь отвѣта, собралъ чины, возвратившіеся изъ Заславля и, въ числѣ 20,000 войска, выступилъ въ Чигиринъ, чтобъ осадить тамъ Виговскаго, отобрать у него дѣла и документы, задержать его и предать законамъ. Гетманъ занимался тогда переговорами съ Поляками, обѣщалъ имъ утвердить статьи, присланныя на Сеймъ отъ Хмѣльницкаго черезъ Сулиму и Нѣмерича, извѣстные подъ именемъ Гадяч-

скихъ, потому что были сочинены въ Гадячѣ; и все то дѣлалось подъ глазами у Хитрова, который ничего въ этомъ не понималъ; вдругъ пришло извѣстіе о движеніи Пушкаря. Испуганный неожиданностію, Виговскій бросился къ Боярину съ мольбою, чтобъ онъ немедленно отправился въ Лубны, гдѣ былъ тогда Пушкарь, и уговорилъ-бы его возвратиться въ Полтаву; деньги и подарки склонили Хитрова на эту поѣздку. Онъ объявилъ Пушкарю, что Виговскій признанъ отъ Царя Гетманомъ; что ему каждый въ Малороссіи должень повиноваться безпрекословно; что такова есть воля Царская. Сколько ни убѣждалъ его Пушкарь, какъ ни ясно выказывалъ ему обманы, лесть, коварство, злоумышленія Виговскаго, ничѣмъ не могъ образумить его. Бояринъ предлагалъ ему подарки, жалованья, награды, съ тѣмъ, чтобъ онъ возвратился въ Полтаву; Пушкарь не хотѣлъ и слушать его. Наконецъ Хитровъ прибѣгнулъ къ Указу Царскому, къ угрозѣ опалою. Полковникъ возвратился, но войскъ не распустилъ.

Виговскій нашелъ-было еще новое средство удержать Пушкаря въ повиновеніи: онъ сталъ угрожать ему черезъ Митрополита Кіевскаго, Діонисія, неблагословеніемъ,-удачи не было. Пушкарь отвѣчалъ Митрополиту: «А что ваша Пастырская милость хо-«тите положить на меня ваше пастырское неблаго-«словеніе, то не налагайте оное ни на кого иного, «кромѣ на того, кто пріемлетъ Царей невѣрныхъ; «а мы за Царя имѣемъ одного Царя православнаго. «Не благословляйте тѣхъ, кто Государю и войску «Запорожскому зло творитъ, по чьей милости едва-

« ли десятая доля Малороссіи и Украины доволь-
« ствомъ и спокойствіемъ пользуется. Междоусобной
« брани между народомъ Христіанскимъ и войскомъ
« Запорожскимъ не было и не будетъ; мы проли-
« ваемъ только кровь Сербовъ, Ляховъ и другихъ
« зачинщиковъ. »

Тогда отправился Максимъ, Протопопъ Нѣжинскій, въ Москву съ Гетманскою жалобою на Пушкаря; онъ извинялся, что не самъ Виговскій къ Царю пріѣхалъ: тому причиною, говорилъ онъ, домашнія смуты и «охраненіе Украины отъ нашествія Поляковъ.» Въ то-же время и Пушкарь послалъ къ Государю гонца, продолжая умолять о спасеніи Малороссіи отъ угрожающаго ига Польскаго.

Наконецъ въ Чигиринъ явились Посланники Шведскій, Польскій и Волохскій; Король и Сеймъ прислали утвержденіе Виговскаго на Гетманствѣ; отъ Пушкаря поскакалъ въ Москву третій гонецъ; то былъ Полковый Асаулъ Бурлій: онъ долженъ былъ донесть Государю о прибытіи пословъ иноземныхъ, о стараніяхъ Виговскаго возмутить козаковъ, о умыслахъ и толкахъ его съ Поляками, о желаніи преклонить народъ на сторону Польши, и о явномъ стараніи соединить съ Королевствомъ Гетманщину. Бурлій былъ перехваченъ близъ города Сумъ, бумага была у него отобрана, самого его повѣсили.

Но Царь узналъ и объ убійствѣ гонца по повелѣнію Гетмана, и о послахъ иноземныхъ въ Чигиринѣ; тогда уже не льзя было не усумниться въ вѣрности Виговскаго. 26 Іюня отправленъ былъ въ Украину Подьячій Яковъ Портомоинъ, съ двумя порученіями; съ явнымъ: подать Гетману Царскую

26 Іюня 1658.

милостивую Грамоту; съ тайнымъ: наблюдать за его поступками. Но Виговскій успѣлъ еще однажды обмануть Государя; Портомоинъ былъ имъ увѣренъ, что Пушкарь клевещетъ на него, желаетъ отъ Царя отдалить вѣрнаго Гетмана, безпрепятственно соединиться съ Польшею и пойти войною на Москву. Такимъ образомъ получилъ онъ позволеніе «добывать оружіемъ» мятежнаго Полковника.

Полки Стародубскій и Нѣжинскій, пѣхотные и конные получили Гетманское повелѣніе двинуться на Пушкаря и схватить его. Но у Опошни и Будища, въ лѣсахъ и оврагахъ засѣли отряды Полтавскаго Полковника, въ расплохъ напали на полки Гетманскіе, во время ночлега на разсвѣтѣ перехватали начальниковъ и отправили ихъ съ подробными донесеніями Государю о замыслахъ и поступкахъ Виговскаго, о междоусобіяхъ, начавшихся въ Малороссіи, о томъ, что проэктъ Царю, поданный на-счетъ наслѣдія Польши, есть ложь, есть одно желанье Сейма выиграть время, устроить войска, ополчиться, соединиться съ Виговскимъ и Баномъ Трансильванскимъ и двинуться на Москву. Полки Гетманскіе, испуганные первою неудачею, питая отвращеніе къ войнѣ съ соотечественниками, разошлись. Раздраженный ихъ неповиновеніемъ, Виговскій выдвинулъ свое наемное войско, состоявшее изъ Сербовъ и Поляковъ. Ими предводительствовали Полковникъ Винницкій Богунъ, и Господарь Гадячскій Тимошъ. Они сразились съ Пушкаремъ на рѣкѣ Грунѣ, подъ Полтавою. Измѣнники были разбиты, Тимошъ былъ закованъ и отправленъ въ Колонтаевъ подъ стражу Великороссійскую. Богунъ бѣжалъ, но былъ настигнутъ,

и на его отрядѣ окончилось истребленіе войскъ Виговскаго.

Гетманъ, видя свое безсиліе на полѣ чести, слыша ропотъ народный, озлобленный неповиновеніемъ полковъ козацкихъ и истребленіемъ наемныхъ, обратился къ оружію, въ которомъ былъ силенъ и опытенъ: къ клеветѣ и ковнямъ. Онъ послалъ къ Крымскому Хану для заключенія съ нимъ дружественнаго и оборонительнаго союза. Польскій Король изъявилъ на это согласіе, Ханъ прислалъ къ Гетману полномочнаго; а между тѣмъ Царь получилъ отъ него донесеніе, что онъ соединился съ Татарами, и что этотъ союзъ принесетъ великую пользу Москвѣ, ибо отдалитъ Крымцевъ отъ Поляковъ.

Но время Государева довѣрія къ Виговскому миновалось. Русскіе послы, ожидавшіе въ Варшавѣ окончанія дѣлъ на-счетъ Царскаго въ Польшѣ наслѣдія, получили повелѣніе провѣдать о состояніи, количествѣ Польскихъ войскъ, и о предположеніяхъ Варшавскаго кабинета. Дотолѣ усыпленные пиршествами, играми, плясками, Послы были пробуждены Царскимъ гонцомъ; они образумились, и вотъ ихъ донесеніе.

« Въ Варшавѣ Поляки часто перешептываются между собою на ухо, а насъ подсмѣхаютъ и на насъ подмаргиваютъ. А жолнерство ихъ по городу и въ корчмахъ всегда при нихъ пощолкиваетъ и саблями побрязгиваютъ, что инъ на ужасъ беретъ. А по деревнямъ у нихъ войскъ-то, говорятъ, и видимо не-видимо, и частёшенько приговариваются напилые Полячишки, что *наши южъ козаки, нашъ* Конисскій.

« *де-скать и Смоленскъ скоро будетъ.* А чести-то
« нашей Посольской и въ усъ не дмутъ; также и
« про наслѣдство твое, Государь, Польское никто
« ужь и не шевельнется, а на наши про то сказки
« и привязки отвѣчаютъ одними усмѣшками и нож-
« нымъ шарканіемъ; и мы, правду сказать, Государь,
« пресмыкаемся здѣсь столбняками и поляцкимъ на-
« смѣшищемъ. »

Получивъ изъ Польши столь непріятное донесеніе, Государь отозвалъ изъ Варшавы своихъ Пословъ. Онъ вполнѣ удостовѣрился въ обманѣ отъ Поляковъ въ коварствѣ Виговскаго, въ справедливости Пушкаря. Теперь должно было притворяться передъ Гетманомъ; но Виговскаго обмануть было не легко. Царь Алексѣй Михайловичъ писалъ къ нему, что убѣдился въ измѣнѣ и неповиновеніи Полтавскаго Полковника, посылаетъ въ Малороссію отрядъ войскъ для уничтоженія ополченій мятежническихъ, а ему Гетману повелѣваетъ, немедленно заковавъ въ желѣзы ихъ предводителя, отправить его въ Москву на судъ Государевъ; къ нему-же, Гетману, онъ Государь всегда имѣлъ и будетъ имѣть полную и неизмѣнную довѣренность. И дѣйствительно, 30,000 войска выступило въ Малоросію съ тайнымъ повелѣніемъ схватить Виговскаго и всѣхъ его единомышленниковъ и представить въ Москву; а потомъ, соединясь съ Пушкаремъ, находиться подъ его начальствомъ, до избранія новаго Гетмана, голосами вольными, по правамъ Малороссійскимъ.

Но было поздно.

Войску еще былъ только назначенъ походъ, а Польскіе коммиссары уже были въ Малороссіи. 5-го

Сентября они прибыли въ Гетманскій станъ, расположенный подъ Ольшаницею. Главою посольства были Кастелланъ Волынскій Станиславъ Беньевскій, и Кастелланъ Смоленскій Людовикъ Евлачевскій,— оба Сенаторы. Въ войскѣ Запорожскомъ первое мѣсто по Виговскомъ занималъ Полковникъ Носачъ, воинъ храбрый, человѣкъ съ глубокими свѣдѣніями въ древнихъ Запорожскихъ законахъ и обычаяхъ. За нимъ слѣдовали Зеленецкій, Брюховецкій, Ковалевскій и Лисницкій,—люди, приверженные къ Виговскому, и, какъ видно по прозваніямъ, Поляки коренные. Впрочемъ и Польскіе Историки говорятъ, что « наиболѣе поддерживали начертанный планъ тѣ « изъ войсковыхъ Старшинъ, въ которыхъ отзыва- « лась кровь Польская, хотя они уже издавна по- « селились между козаками. » 1658. Сент. 5 дня. Рукоп. Радзимин.

Итакъ мы съ удовольствіемъ видимъ, что природные Малороссіяне не участвовали въ желаніи отдать Украину Полякамъ на посрамленіе; что съ того уже времени они доказывали вѣрность клятвѣ своей, и понимали истинную пользу родины.

Главнѣйшіе изъ зачинщиковъ были дяди Гетмана: Константинъ и Ѳедоръ Виговскіе, Гуляницкій, Верещага, Мрозовицкій, и Кіевскій Подкоморій Немеричь, или, правильнѣе, Немѣржицъ.

Кастелланъ Беньевскій явился въ собраніе; Коховскій сохранилъ рѣчь его, произнесенную къ Запорожцамъ. Въ ней представлены были священный долгъ вѣрности и любви къ отечеству, знаменитыя заслуги войска Запорожскаго предъ Королемъ и Республикою, ужасныя бѣдствія, причиненныя ненавистью и враждою двухъ племенъ Славянскихъ. Ора-

торъ представлялъ тяжкое положеніе Украины, въ ее соединеніи съ Москвою, и права наши, отнятые Государемъ. »Разсмотрите», такъ говорилъ онъ, « разсмотрите, какія теперь у васъ въ краю права « и учрежденія? Нѣкогда войско Запорожское слу- « шало по доброй волѣ повелѣній Короля своего; « нынѣ принуждаютъ васъ повиноваться строгимъ « указамъ, присланнымъ изъ странъ далекихъ; нѣ- « когда вы избирали и отрѣшали Полковниковъ по « вашему произволу; нынѣ пусть кто-либо изъ « старшинъ вашихъ будетъ къ вамъ ласковъ, или « защищаетъ невинныхъ, тотчасъ боярство истребитъ « ихъ чрезъ присланныхъ изъ Москвы Царскихъ « наперстниковъ. »

Радзимин-скій.

И это было говорено при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ царствованіе того Государя, который не вѣрилъ даже и справедливымъ доносамъ на Виговскаго. И эту рѣчь войско слушало изъ устъ Польскаго Магната. Она была-бы хороша въ устахъ какого нибудь козацкаго старшины во время Сигизмунда III, въ Гетманство Косинскаго или Наливайка. Но ее слушали, скажемъ опять словами Польскаго историка, ее слушали « старшины войсковые, въ которыхъ « отзывалась кровь Польская. »

Далѣе Беньевскій «*краснорѣчиво*» представлялъ войску Запорожскому принужденія и указы, опредѣляющіе покрой одежды, и форму нарядовъ для жителей: это доказывало, до какой степени Украина унизилась, какъ глубоко въ бездну рабства упала она! « Республика отъ васъ, Запорожцы, ничего не- « требуетъ, кромѣ постоянной вѣрности и повино-

« венія; на пирахъ-же вашихъ позволяетъ вамъ со-« блюдать ваши древнія обыкновенія и одежду; Ре-« спублика не осуждаетъ ни вашей жизни щедрой, « ни вашей бережливости, и старые обычаи она за-« кономъ почитаетъ. »

Потомъ изображалъ онъ милосердіе Бога, карающаго съ умѣренностію и состраданіемъ каждаго виновнаго; представлялъ Республику, послѣ несчастій и паденія вознесенную и одѣянную славою. « Всѣмъ « извѣстно то, что наказаніе отъ Бога происходитъ, « но. Онъ тою-же десницею, которою караетъ насъ, « ею-же утѣшаетъ насъ и возноситъ; такъ! благодѣ-« тельное Божество вѣчно гнѣваться не можетъ, и » отеческою рукою возвеличиваетъ людей, которые « понесли уже справедливое наказаніе; не рѣдко, « по волѣ Божіей, изъ бѣдствій выходимъ мы съ « побѣдою. Вы имѣете доказательства сего покро-« вительства Божіяго надъ Польшею. Ракочи, жадный « къ чужому, теряетъ свое; Карлъ Шведскій умо-« ляетъ насъ о мирѣ; а давно-ли онъ опустошалъ « Польшу огнемъ и мечемъ? Нынѣ, загнанный въ « ущеліе Камбрійскаго полуострова, уплачиваетъ « опустошенія, имъ въ Польшѣ произведенныя, сво-« ею-же собственностью. Янъ-же Казиміръ, при по-« мощи Всевышняго, въ дѣлѣ правомъ, побѣждаетъ « враговъ своихъ. Часть войска Королевскаго, пред-« водительствуемая Чарнецкимъ, водружаетъ орлы « Польскіе на берегахъ Балтійскаго моря; Литовскіе « полки изгоняютъ Москвитянъ изъ предѣловъ своихъ; « Король, съ третьимъ войскомъ, осаждаетъ Тарно-« поль, четвертое готово жертвовать собою, чтобъ « васъ подкрѣпить! »

Указывать-ли на неистовство лжи, на всю закоснѣлость коварства давняго, всю наглость, неприличіе, дерзость гордаго оратора? Не очевидны-ли онѣ для каждаго читателя? Предъ кѣмъ произносилъ онъ рѣчь? — Предъ войскомъ Богдана Хмѣльницкаго; предъ нимъ превозносилъ онъ славу Республики; предъ нимъ хвалился благословеніемъ Божіимъ, лежащимъ на Янѣ Казимирѣ; ему предлагалъ въ помощь четвертое войско! Къ чему эти старыя, избитыя истины « Десницы въ одно и то-же время воз« носящей и карающей? » Не единственно-ли для того, чтобъ прельстить и обезумить народъ довѣрчивый, непонимающій ни ложныхъ, ни истинныхъ красотъ краснорѣчія? — Когда-же были эти принужденія въ національной одеждѣ нашей при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ? Точно-ли республика не требовала отъ Малороссіянъ ничего, кромѣ вѣрности и повиновенія? Впрочемъ послѣднее справедливо. Дѣйствительно Республика требовала отъ угнѣтенной и преданной пактамъ Украины повиновенія во всемъ: въ отдачѣ Магнатамъ земель, домовъ, имуществъ собственности, дѣвицъ, совѣсти и вѣры своей.

Но Виговскій не хотѣлъ этого понимать. Полковники, родомъ Поляки, съ восторгомъ воскликнули: « гарно говорыть! » — Гетману поручено было отвѣчать. Онъ благодарилъ отъ всего Запорожскаго войска Республику и Короля за попечительное и дѣятельное вниманіе ихъ къ Малороссіи; обѣщалъ вѣрность и повиновеніе, и народъ Украинскій Русскій былъ объявленъ *третею Рѣчью Посполитою.*

Недоставало поколебать умы народа, преданнаго Москвѣ и единовѣрцамъ; приверженцы Гетмана ра-

спустили слухъ, что Государь намѣренъ приступить къ важнымъ перемѣнамъ въ Малороссіи; и началомъ оныхъ будетъ убавка Регистроваго войска; большую часть козаковъ обратятъ въ драгуны. Но весьма не многіе въ народѣ и войскѣ повѣрили этой клеветѣ на Московское правительство. Къ нимъ присоединено было наемное войско Польское; Виговскій готовъ былъ выступить противъ Полтавскаго Полковника. Оставалось гласно и присягою утвердить Малороссію за Поляками.

Итакъ приступили къ подтвержденію пунктовъ Гадячскихъ, присланныхъ изъ Варшавы Гнинскимъ. Это происходило на Радѣ подъ Гадячемъ, въ войсковомъ станѣ Запорожскомъ, въ 1658 году, Сентября шастнадцатаго. Содержаніе статей было слѣдующее: 1658. Сент. 16.

1. Уніи въ Малороссіи не бывать; Поляки при своей вѣрѣ, Малороссіяне при своей останутся. Лѣтопись Фроловск.

2. Митрополитъ Кіевскій, съ четырьмя Архіереями Русскими, по Архіепископѣ Гнѣзненскомъ засѣдать будетъ въ Сенатѣ.

3. Войска Запорожскаго ни больше ни меньше будетъ шестидесяти тысячь.

4. Гетману Великаго Княженія Русскаго Украинскаго вѣчно быть первымъ Кіевскимъ Воеводою и Генераломъ.

5. Сенаторовъ въ коронѣ Польской не только изъ Поляковъ, но изъ Руси то-же избирать.

6. Церкви, монастыри и доходы ихъ должны опять принадлежать Руси.

7. Русскимъ имѣть свою Академію, метрики,

канцеляріи и типографіи, гдѣ-бы, кромѣ Польскихъ, были Русскіе учители.

8. Во время Хмѣльницкаго, войны, какія были учинены самовольства и преступленія, либо справедливо, либо притворно—должны быть прощены и преданы вѣчному забвенію; и никогда миръ да небудетъ нарушенъ.

9. Податей никакихъ до короны Польской недавать; ни обозовъ коронныхъ не принимать; и не быть обѣимъ Украинамъ ни подъ какимъ, кромѣ подъ Гетманскимъ правленіемъ.

10. Если-бы Гетманъ Украинскій захотѣлъ сдѣлать кого нибудь изъ козаковъ своихъ Шляхтичемъ, то по его свидѣтельству Король долженъ онаго козака нобилитовать, и потому Гетманъ нынѣ и всегда можетъ имѣть при себѣ сто человѣкъ чина шляхетскаго, которыхъ Король обязанъ, выдавъ имъ гербы шляхетскіе, нобилитовать немедленно.

11. Короннымъ войскамъ въ Украинѣ на Консистенціи не бывать, развѣ когда нужда ихъ привести туда укажетъ; и тогда даже Гетманъ Малороссійскій надъ ними *Региментъ* и власть имѣетъ, а козацкимъ полкамъ вездѣ по волостямъ Королевскимъ, духовнымъ и Сенаторскимъ стоять вольно.

12. Гетманъ можетъ бить свою монету, и оную употреблять на плату своему Украинскому войску.

13. Во всякихъ дѣлахъ нужнѣйшихъ короны Польской, Поляки должны козаковъ призывать на совѣтъ и стараться какъ-бы отворить Днѣпромъ путь къ Черному морю.

14. Царь Московскій, если-бы когда захотѣлъ имѣть войну съ Поляками, то козаки могутъ въ ней

держать неутралитетъ; но если-бы «Украинѣ что Москаль творити намѣрилъ,» то Поляки защищать ее должны.

15. Тѣмъ, которые сторону козаковъ противъ Поляковъ держали, которые были изъ уряду изключены, и у которыхъ были отобраны имѣнія, таковымъ имѣнія возвратить, и ихъ опять въ урядъ вписать.

16. Гетману, не искать другихъ иностранныхъ протекцій: только одному Королю Польскому быть ему вѣрнымъ; дружбу и пріязнь съ Ханомъ Крымскимъ пріять онъ можетъ; но Величества Государя Россійскаго не долженъ признавать, и козаки всѣ должны въ свои жилища возвратиться.

17. А какъ Гетманъ съ войскомъ Запорожскимъ и съ оторванными Воеводствами, какъ вольные къ вольнымъ, равные къ равнымъ, «*Зацные* къ *Зацнимъ*» возвращаются, того ради Его Королевская милость и Рѣчь Посполитая дозволяютъ того народа Русскаго Гетману суды свои и трибуналъ Гетманскій устроить и отправлять, тамъ, гдѣ захочетъ, и все-бы было коронѣ подобно.

18. Чигиринскій повѣтъ при булавѣ Гетманской по прежнему остается.

Къ этимъ восьмнадцати статьямъ были прибавлены слѣдующія второстепенныя:

Въ Воеводствѣ Кіевскомъ всѣ уряды и чины Сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ Вѣры Греческой; а въ Воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ попеременно.

Позволяется Гетману соорудить, гдѣ угодно, другую Академію, подобную Кіевской.

Училища, заведенныя въ Кіевѣ Поляками, выведутся оттуда.

Въ Русскихъ Воеводствахъ учредить Печатари, Маршалки и Подскарбіи, и уряды сіи будутъ раздаваться только Русскимъ.

Король, Примасъ, Виленскій бискупъ, четыре Гетмана, канцлеры, подканцлеры и маршалки подтвердятъ сіи пункты на будущемъ Сеймѣ присягою.

Сія Коммиссія отъ слова до слова внесется въ Конституцію.

Титулъ Гетмана будетъ слѣдующій: *Гетманъ Русскій и Первый Воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго Сенаторъ.*

ГЛАВА XXIV.

Разсужденіе о Гадячскихъ статьяхъ. Присяга. Немержицъ. Письмо къ Царю отъ Виговскаго. Войска Московскія въ Украинѣ. Юрій назначенъ вождемъ Запорожскимъ. Отказывается. Тетеря на мѣсто его. Татары, Поляки и Виговскій соединяются. Обманъ народа и войска Виговскимъ. Пушкарь усиливается. Битва его съ Виговскимъ надъ Ворсклою. Бѣгство Гетмана. Потеря булавы въ побѣгѣ. Смерть Пушкаря. Горкуша и Жученко. Разореніе городовъ. Ромодановскій вступаетъ въ Украину. Виговскій вступилъ въ открытую борьбу съ Москвою Гуляницкій. Приступъ къ Лубнамъ и къ Гадячу. Силко. Зеньковъ. Сожженіе городовъ и селъ Украинскихъ. Осада Кіева. Донесенія Царю отъ Шереметева. Отступленіе отъ Кіева и походъ Виговскаго къ Конотопу. Наказный Гетманъ Безпалый. Стычка у Глемязова. Необузданность Ромодановскаго. Онъ разоряетъ Малороссію. Козаки за это отклоняются отъ Москвы. Царское повелѣніе. Походъ на Конотопъ. Осада Конотопа. Бой подъ Сосновкою. Разбитіе Русскихъ. Пословица. Поздравленія Королю. Рѣчи похвальныя. Осада Гадяча. Отшествіе Гетмана на Запорожье. Брюховецкій на Радѣ отъ Юрія Хмѣльницкаго. Битва Поляковъ съ Москвитянами. Подвиги Цюцюри. Бѣдствія Виговскаго. Пріѣздъ и присяга Хмѣльницкаго. Казнь Старшинъ, преданныхъ Виговскому. Бѣгство его.

Изъ этихъ статей видно было, что Республика поступала по плану, предпринятому въ Варшавѣ, въ Іюльскомъ, тысяча шесть сотъ пятьдесятъ седьмаго года, совѣщаніи Потоцкаго, Чарнецкаго, Сапѣги и Любомирскаго. Если-бъ козаки не отучи-

лись вѣрить Королю и Рѣчи Посполитой, какъ не прельститься этими обѣщаніями? Но самыя-то условія, самыя-то обѣщанія были такъ несоразмѣрны съ здравымъ смысломъ, съ характеромъ Польши, съ духомъ Римскаго Католицизма, что въ нихъ-то и видны были коварства и ложь.

И чѣмъ была-бы Малороссія, въ дѣйствительности, если-бы Гадячскія статьи могли быть когда-либо выполнены? У насъ свои войска, свои Академіи, школы, типографіи, свое правительство, свои законы, своя монета, своя вѣра; Гетманъ раздаетъ награды, жалуетъ дворянствомъ, даже надъ Польскими войсками, находящимися въ Украйнѣ, имѣетъ главное начальство. Мы имѣемъ право вступать въ союзъ съ Крымомъ, *только не съ Москвою*, имѣемъ свою торговлю, свое мореплаваніе; даже вправѣ держать неутралитетъ въ войнахъ Королевства съ другими державами;—это ужь не протекція, это государство независимое, отдѣльная держава въ державѣ другой!

Бан.-Кам.-отецъ. Объ Уніи Стр. 127.

Но, подъ 1659 годомъ, одинъ изъ нашихъ историковъ говоритъ: «тѣ обѣщанія и опредѣленія, «коль скоро война приходила къ окончанію, оставались всегда безъ исполненія.»

Іюня 10 1659.

Не смотря, однакожь, на злой умыслъ клятвопреступничества, 10-го Іюня 1659 года, на Сеймѣ Варшавскомъ присяга началась съ обѣихъ сторонъ. Янъ Казимиръ, Примасъ Лещинскій, Великій Коронный Гетманъ Потоцкій, Маршалъ Посольской Палаты Глинскій, Земскіе Послы, Епископы и Сенаторы присягнули въ ненарушимости Гадячскаго условія.

Митрополитъ Балабанъ, всѣ наши Епископы, Константинъ и Ѳедоръ Виговскіе, Обозный Носачъ, Генеральный Писарь Иванъ Груша, Старшины и козаки присягнули въ вѣрности и повиновеніи Королю.

Наконецъ и Нѣмержицъ, одинъ изъ пословъ отъ войска Запорожскаго, который соединялся съ Шведами и Ракочи противъ Республики, и который принялъ Аріанизмъ, и онъ присягнулъ, принялъ Вѣру Православную, цѣловалъ крестъ и перекрестился по Русскому обычаю.

Тогда объявлено было козакамъ всепрощеніе, и многіе изъ нихъ были пожалованы Шляхетскими достоинствами, а договоръ между двумя народами внесенъ въ конституцію.

И въ то-же время, какъ въ Украинѣ происходили переговоры съ Поляками, Гетманъ писалъ къ Царю. Съѣздъ Коммиссаровъ былъ въ Сентябрѣ, дѣла были кончены въ Іюнѣ; въ этомъ промежуткѣ Государь получилъ слѣдующее письмо отъ Виговскаго.

«Уже неоднократно, а въ послѣдній разъ съ «Дьякомъ Василіемъ Михайловичемъ, мы извѣщали «Ваше Царское Величество, что ни подъ какими «предлогами мы вѣры и присяги Тебѣ Государю «не измѣнимъ; что мы совершенно на милость Ва-«шего Царскаго Величества надѣемся, и во всемъ «этомъ надежду нашу на Бога полагаемъ. А нынѣ «намъ въ руки попалась печатная грамота, именемъ «Вашего Царскаго Величества писаная; съ нема-«лою горестью мы въ ней прочли, что меня почи-«таютъ за единственнаго измѣнника, и думаютъ, «будто-бы я намѣренъ присягу нашу Тебѣ Госу-

« дарю измѣнить, и привести въ вѣру Латинскую « все войско Запорожское; того не только я ни разу не показалъ во все время моего пребыванія, « подъ рукою Вашего Царскаго Величества, но « всегда проливалъ кровь мою, и терялъ здоровье « для Тебя, Государь. Такъ и нынѣ, не дай Богъ « того, чтобъ и въ помышленіяхъ моихъ было такое « зло у меня, сына церкви Восточныя, изъ предковъ православнаго. Пусть самъ Богъ судитъ того, кто меня такъ огласилъ, Государь, передъ « Тобою; кто хотѣлъ у меня отнять Твою Царскую « милость. А что мы дважды были съ войскомъ на « Заднѣпровьѣ, то было не для какой-либо передъ « Вашимъ Царскимъ Величествомъ измѣны, но для « усмиреній домашнихъ своевольствъ, чинившихъ « обиды многимъ обывателямъ, и, усмиря ихъ, мы « немедленно съ войсками возвращались; мы не нападали ни на одинъ городъ Вашего Царскаго « Величества, ни одного изъ нихъ не задѣвали; да « и подъ Кіевомъ что сталось, то случилось безъ « моего повелѣнія, даже и безъ вѣдома; прикажи, « Государь, розыскать и наказать виновнаго; но рати не посылай, избавь города Украинскіе отъ « большаго разоренія; мы рукъ на Тебя, Государь, « подымать не мыслимъ, но вѣрою и правдою по « присягѣ нашей желаемъ служить Тебѣ, Великому « Государю, Царю и Великому Князю, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Алексію Михайловичу; здѣсь въ Чигиринѣ на мѣстѣ « Твоего указу Царскаго ожидать будемъ. А буде, « по навѣтамъ клеветниковъ, милости Твоей намъ « не явишь, и ратямъ своимъ повелишь наступить

« на насъ, то этимъ утѣшишь, Государь, всѣхъ иновѣрныхъ, и подашь поводъ другимъ державамъ « насъ отыскивать, чего ни Тебѣ, ни себѣ, Государь, « мы не желаемъ. Скорѣе пожалуй насъ своею Царскою Грамотою; слезно молю Тебя, Государь, « чтобъ меня отъ рукъ Ляхскихъ избавилъ, не « предалъ-бы насъ въ руки таковыя, но милость « намъ вѣрнымъ подданнымъ показалъ. Данъ въ Чигиринѣ, Октября 17 дня, 1658 года.» 17.Окт.1658.

Но довѣріе Царское миновалось. Князья Долгорукій и Хованскій шли въ Литву, а Трубецкій на Украину. Эта война нанесла, говоритъ Коховскій, по крайней мѣрѣ 100 тысячь человѣкъ урона обѣимъ сторонамъ. Вступивъ въ Украину, Трубецкій назначилъ вождемъ войска Запорожскаго Юрія Хмѣльницкаго; но когда, по неспособности или по какой-то скромности, этотъ отказался, то на его мѣсто назначенъ былъ Тетеря.

Между тѣмъ и Виговскій не оставался въ бездѣйствіи. Онъ собралъ сколько могъ людей вооруженныхъ; Янъ Казимиръ отправилъ къ нему на помощь Андрея Потоцкаго и Станислава Яблоновскаго съ тремя тысячами конницы, и Лонцкаго съ пѣхотою; тридцать тысячь Татаръ подъ предводительствомъ Султановъ Калги и Нурадина готовились выступить изъ Крыма; все это, при шестнадцати тысячахъ козаковъ, грозило Русскимъ полководцамъ битвами кровопролитными, войною продолжительною.

Оставалось Виговскому согласить Малороссію, всю вполнѣ, на возстаніе противъ Россіи, и на присоединеніе къ Польшѣ. Онъ представилъ всѣмъ

козакамъ и всѣмъ Посполитымъ статьи Гадячскія и утверждалъ, что онѣ ратификованы Королемъ, Султаномъ и Цесаремъ. Пораженное коварствомъ Виговскаго Посполитство и остальные отъ 16,000 войска, какъ регистровыя, такъ и охочекомонныя, ненавидя Республику, всѣ обратились къ Пушкарю и умножили его силы. Виговскій между тѣмъ успѣлъ соединиться съ Крымцами. Съ согласія Гетмана они расположились близь Борсклы въ закрытомъ мѣстѣ, съ намѣреніемъ захватить Пушкаря въ Полтавѣ. Гетманъ подошелъ къ городу, но Полковникъ встрѣтилъ его за рѣчкою Полтавкою, разбилъ на-голову, и въ числѣ трофеевъ поднялъ Гетман-
Октяб. 1658. скую булаву, которую, во время бѣгства, Виговскій уронилъ въ безпамятствѣ.

Однакожь эта битва была для храбраго Пушкаря послѣднею. «Обыкновеннымъ слѣдствіемъ всѣхъ побѣдъ» говоритъ Конисскій «есть изступленіе и разстройство побѣдителей.» Войска Пушкаря, преслѣдуя побѣжденныхъ и грабя ихъ станъ, не успѣли построиться, какъ Татары вышли изъ засадъ и напали на нихъ въ тылъ. Козаки были разбиты и разсѣяны; Пушкарь палъ на полѣ битвы; Полтава была сожжена. Филонъ Горкуша назначенъ былъ отъ Виговскаго въ преемники Пушкарю; козаки неповиновались, Виговскій рѣшился уступить, и полкомъ управлять началъ Ѳедоръ Жученко. Но злоба Гетмана еще усилилась противъ Малороссіи, когда всѣ почти козаки и весь народъ, не смотря на битву Полтавскую, объявили ему, что не примутъ протекціи отъ Короля и Республики. Началась гибель городовъ Украинскихъ. Виговскій разорялъ

тѣ, которые были ему непокорны; начальники козаковъ, преданныхъ Москвѣ, жгли и грабили отдавшіеся Виговскому. Эта участь не однажды постигала Малороссію.

Царь приказалъ-было Ромодановскому возвратиться съ полками въ Россію; но Портомоинъ успѣлъ донесть о предательствѣ Виговскаго. Доносъ былъ неоднократно подтвержденъ дѣйствіями измѣнника, который продолжалъ увѣрять Государя, что несетъ гнѣвъ безвинно; что сожженіе Полтавы было необходимо; что онъ теперь укротилъ уже междоусобія, Пушкарь убитъ, Татары распущены и войска Московскія уже не нужны. Не смотря на это увѣреніе, Ромодановскій вступилъ однако-же опять въ Малороссію; и черезъ Дьяка Михайлова получено было повелѣніе распустить козаковъ по домамъ.

Тогда Виговскій снялъ съ себя личину. Ему преданный Полковникъ Нѣжинскій Гуляницкій, взялъ приступомъ Гадячь и Лубны, предалъ смерти нѣсколько сотъ вѣрныхъ памяти Пушкаря козаковъ. Самъ Гетманъ преслѣдовалъ Наказнаго Гетмана, Силка, и настигъ его въ Зеньковѣ.

Чистый Украинецъ, Силко, заперся въ городѣ, и четыре недѣли Виговскій тщетно его осаждалъ. « Понеже, » говоритъ лѣтописецъ, « Силко былъ мужъ « отважный и въ войнѣ искусный, того ради Виговскій не яко воинъ, но яко тать и звѣроловецъ, « заприсягъ Силкови, что въ цѣлости его съ войскомъ отпустить; взялъ городъ Зеньковъ, и Силка сковалъ. » Послѣ этого безчестнаго поступка, онъ отдалъ Татарамъ на разграбленіе, и потомъ выжегъ Зеньковъ, Гадячь, Веприкъ, Рашавку, Лю- Фроловск. лѣтопись.

тенку, Сорочинцы, Ковалевку, Барановку, Обуховъ, Богачку, Устивицу, Яревки, Шишакъ, Бурковъ, Хомутецъ, Миргородъ, Безпальчикъ и множество другихъ селъ и городовъ. Наконецъ подошелъ къ Каменному городку, принадлежащему къ округу Путивльскому.

Оттуда отступя обратилъ оружіе на Кіевъ. Уже братъ его, Данило, имѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ два сраженія съ Шереметевымъ, когда самъ Гетманъ подошелъ къ городу и рѣшился взять его присту-
Октяб. 1658. помъ. Битва кровопролитная продолжалась съ разсвѣта дня до наступленія ночи. Множество козаковъ и татаръ легло подъ Кіевомъ; но городъ не былъ взятъ. Потерявъ сорокъ восемь знаменъ и болѣе двадцати пушекъ, Виговскій вступилъ въ переговоры съ Шереметевымъ. Бояринъ не вѣрилъ, переговоры остались безъ успѣха. Шереметевъ зналъ Виговскаго, когда писалъ къ Государю, что «Гетманъ « языкомъ говоритъ какъ-бы походило на дѣло, а въ « сердцѣ правды нѣтъ.» Онъ докладывалъ о битвѣ съ Гетманомъ; Гетманъ увѣрялъ Государя, что козаки сразились съ Бояриномъ безъ его повелѣнія; Ромодановскій продолжалъ вести 20,000 войска противъ него; оставаться подъ Кіевомъ было опасно и онъ принужденъ былъ, оставя осаду, направить путь къ Конотопу. Регистровые козаки, преданные Малороссіи, собрались между тѣмъ въ Переяславлѣ, выбрали въ Наказные Гетманы Полковника Ивана Безпалаго, и послѣ стычки съ войсками Виговскаго у Глемязова успѣли соединиться съ Ромодановскимъ, куда принесъ Безпалый и булаву, отнятую Пушкаремъ у Виговскаго подъ Полтавою.

Здѣсь Ромодановскій поступилъ столь не осторожно, столь необдуманно, что если-бъ можно было видѣть какую-либо для него выгоду въ потерѣ битвы съ Виговскимъ и съ Поляками, то мы-бы въ правѣ были думать, что онъ самъ того желалъ. Такъ искусно возстановилъ онъ на себя всю Малороссію, дотолѣ Виговскаго ненавидѣвшую. Онъ, можно сказать, собралъ противъ себя всѣхъ козаковъ.

Соединясь съ Безпалымъ, Асауломъ Воронькомъ и Запорожцами подъ предводительствомъ Кошеваго Барабаша, разсѣявъ отрядъ Виговскаго, Ромодановскій вступилъ въ Конотопъ.— Выпишемъ отъ слова до слова разсказъ лѣтописи. « Онъ, при встрѣчѣ отъ Конисскій.
« города съ процессіею, помолившись и покрестившись предъ ними по-Христіански, разграбилъ городъ и его обывателей по-Татарски и сказалъ, « что: *виноватаго Богъ найдетъ, а войска надо « потѣшить и наградить за труды, въ походѣ « понесенные.* » Потомъ сожжены Лубны, Пирятинъ, Чорнухи, Горошинъ; Гуляницкій осажденъ въ Варвѣ; и какъ зима принудила снять осаду, то наконецъ Ромодановскій расположился съ войсками въ Лохвицѣ, а Безпалый въ Ромнахъ.

Наступилъ новый годъ и опять начались военныя 1659 Январ.
дѣйствія; Поляки и Татары присоединились къ Виговскому; Стольникъ и Воевода Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ отразилъ его отъ Лохвицы; Гетманъ расположился между Сорочинцами, Рошавкою, Лютенкою и Гадячемъ. Недовольные сожженіемъ городовъ и грабежами Ромодановскаго, козаки переходили къ Виговскому. Ближній Бояринъ, Намѣстникъ Казанскій Князь Алексѣй Никитичъ Тру-

бецкій принялъ начальство надъ арміею, и въ тоже время получилъ отъ Государя тайный наказъ: съѣхаться съ Виговскимъ, уговорить его прекратить кровопролитіе, и стараться постановить новый договоръ съ козаками о принятіи ихъ въ Царское подданство.

Доказательствомъ миролюбиваго расположенія Царя Алексѣя Михайловича остались статьи, предложенныя Княземъ Трубецкимъ Виговскому, сбереженныя въ подлинникахъ и переданныя потомству моимъ предшественникомъ, историкомъ Малороссіи.

Г.Б.-Каменскій.

Повелѣно было:

1. Увѣрить Виговскаго въ прежней къ нему Царской милости и въ прощеніи сдѣланныхъ имъ преступленій.

2. Утвердить его на Гетманствѣ, ежели козаки того желаютъ.

3. Отдать ему Воеводство Кіевское, ежели онъ будетъ того домогаться.

4. Наградить, по его желанію, родственниковъ и друзей его.

5. Въ-случаѣ упорнаго требованія, вывести Русское войско изъ Кіева.

6. Обязать Виговскаго распустить немедленно и впредь не призывать Татаръ.

Но послѣ всѣхъ предпріятій въ пользу Королевства, Виговскій не смѣлъ уже довѣрять Боярскимъ обѣщаніямъ, не вѣрилъ Царскимъ милостямъ. Война съ Москвою сдѣлалась открытою. Онъ подступилъ къ
4 Февраля. Миргороду, три дня осаждалъ его, граждане сда-

лись; къ нему присоединился полкъ Миргородскій; и съ войскомъ, которое возрасло до тридцати тысячь козаковъ, трехъ тысячь Поляковъ и пятнадцати тысячь Татаръ, Гетманъ черезъ Полтаву прошелъ 21 Марта. въ Зеньковъ. Тогда Князь Трубецкій двинулся изъ 26 Марта. Путивля въ Малороссію, направилъ путь свой къ Константинову, что на Сулѣ, предложилъ Наказному Гетману Ивану Безпалому, стоявшему въ Ромнахъ изготовиться къ походу, и послалъ повелѣніе о томъ-же въ Лохвицу къ Князю Куракину. 29 29 Марта. Марта Трубецкій, Ромодановскій и Безпалый соединились въ Константиновѣ; оттуда пошли на Смѣлое, гдѣ былъ Гуляницкій съ полками Прилуцкимъ, Нѣжинскимъ, Черниговскимъ и съ Татарами. Подъ 12 Апрѣля. Смѣлымъ передовый отрядъ Гуляницкаго напалъ на обозъ Князя Трубецкаго; былъ отраженъ и прогнанъ за пятнадцать верстъ. Двинувшись къ Липнѣ, что въ трехъ верстахъ отъ Конотопа, Козацко-Московскіе войска стали подъ городомъ. Обозъ нашъ 19 Апрѣля. остался въ Липнѣ, полководцы расположились станомъ у Конотопскихъ укрѣпленій; это не помѣшало намъ окружить городъ; Безпалый и Трубецкій укрѣпились; Бояринъ увѣщавалъ письменно Гуляницкаго отложиться отъ Виговскаго: Гуляницкій отказалъ; началась знаменитая осада Конотопа.

Первая вылазка Виговцовъ была неудачна: ихъ отбили отъ нашихъ укрѣпленій. Плѣнные показали, что у Гуляницкаго войска не болѣе четырехъ тысячь человѣкъ. Князь Трубецкій отпѣлъ молебенъ и повелъ союзныя войска на приступъ; на разсвѣтѣ, въ пятомъ часу, Конотопъ былъ окруженъ; туда было брошено множество ядеръ и гранатъ. Начался

бой кровопролитный; осаждающіе ворвались въ городъ, были опрокинуты и отступили въ замѣшательствѣ. Долго послѣ того Трубецкій не рѣшался вступить въ бой съ Гуляницкимъ; до 29 Іюня время проходило въ ничтожныхъ стычкахъ, въ перестрѣлкахъ, да въ отдѣльныхъ битвахъ отрядовъ на-
27 Мая. шихъ подъ Борзной, и Князя Григорія Григорье-
29 Іюня. вича Ромодановскаго подъ Нѣжинымъ. 29 Іюня Гуляницкій, утомленный долговременною осадою, вышелъ изъ города и овладѣлъ союзными укрѣпленіями. Эта неудача и слухъ о приближеніи Виговскаго заставилъ Трубецкаго отступить отъ города.

Къ Виговскому присланы были на помощь Андрей Потоцкій и Яблоновскій, съ конницею, и Лонцкій съ полками пѣхотными; Сербы, Волохи и Молдаване уже соединились съ Гетманомъ и Магнатами; Ханъ Крымскій съ своими полуостровитянами, съ Бѣлогородскими и Ногайскими Татарами шли съ другой стороны; Султанъ Калга и Нурадинъ ими предводительствовали, ихъ было тридцать тысячь; козаковъ, преданныхъ Виговскому было шестнадцать тысячь. Трубецкій соединился съ тридцатью тысячами, предводимыми Княземъ Семеномъ Ивановичемъ Пожарскимъ, и съ Калмыками. Тогда въ намѣреніи отрѣзать Татаръ отъ Виговскаго, наши войска двинулись къ нему на встрѣчу всѣми силами; но прежде чѣмъ успѣлъ Трубецкій подойти къ непріятелю, Виговскій уже соединился съ своими союзниками. Здѣсь онъ узналъ, что его булава Гетманская, отбитая у него Пушкаремъ подъ Полтавою, находится у Каменскаго воеводы, и что воевода хранитъ ее какъ трофей, ему въ насмѣшку и въ

безчестіе. Тогда-то онъ, какъ будто-бы страшась до того времени измѣны своей, подъ этимъ ничтожнымъ предлогомъ объявилъ себя обиженнымъ и вступилъ въ бой съ Малороссіянами, преданными Украинѣ; правда была разгромлена неправдою, и предателю судьба потворствовала, чтобъ привесть его къ краю гибели. Бой былъ подъ селомъ Сосновкою. Первый день счастье клонилось то на ту, то на другую сторону; на-завтра перевѣсъ былъ въ пользу Виговскаго; Трубецкій два раза раненъ; воинскіе знаки, войсковая казна, сребренныя литавры и весь станъ достались побѣдителямъ; семь полковъ Московскихъ легло на полѣ битвы, множество людей и лошадей перетонуло въ Сейму. Трое сутокъ гнался непріятель за бѣгущими воеводами; Татары истребляли и жгли все, что ни попадалось имъ въ погони: ужасъ достигъ до Москвы; Князья Львовъ, Черкасскій и Пожарскій были взяты въ плѣнъ. Пожарскій назвалъ Хана вѣроломнымъ, а Гетмана предателемъ и его казнили немедленно. Кто былъ причиною столь неожиданнаго и жестокаго пораженія? Царь Θеодоръ Алексѣевичь приписывалъ его спорамъ воеводъ о преимуществѣ родовъ; иные укоряютъ въ томъ Трубецкаго, который нерѣшительно поступалъ при осадѣ Конотопа, и терялъ много времени, тогда какъ „ дѣйствуя отважно и всѣми силами, разгромилъ-бы Гуляницкаго; лѣтописцы наши приписываютъ гибель Трубецкаго холодности Малороссіянъ къ своимъ союзникамъ, которые поносили вѣрныхъ Царю козаковъ *Виговцами,* угнѣтали и озлобляли народъ ругательствами и грабительствами. Какъ-бы то ни было, но битва Конотопская остави-

[margin: 1 Іюля.]

[margin: Конисскій.]

ла по себѣ на Украинѣ пословицу: «Надулъ, какъ Виговскій Москву.»

Въ Варшавѣ по этому случаю былъ собранъ чрезвычайный Сеймъ; тамъ, по народной поговоркѣ, продавали мѣхъ, не убивъ медвѣдя. Туда явились Константинъ и Даніилъ Виговскіе, Тимоѳей Носачъ, Георгій Нѣмержицъ; Королю поднесены были поздравленія; Магнаты заключили рѣчь свою слѣдующими словами: «Радуйся Всепресвѣтлѣйшій Государь! Народъ твой возвратился на лоно отечества; радуйся пріобрѣтеніемъ столь многихъ странъ, «безъ пролитія крови; *ты возвратилъ тотъ плодоносный Египетъ, ту землю обѣтованную, текущую медомъ и млекомъ, плодородную, всѣмъ изобильную, издѣка слывущую златымъ яблокомъ*, имѣющую народъ Роксоланскій, знаменитый «храбростію на морѣ и на сушѣ. Да здравствуетъ «наияснѣйшій Король нашъ Казимиръ! Да здравствуетъ во вѣки Королевство Польское!» Сеймъ поручилъ защиту Украины отъ границъ Московскихъ Станиславу Потоцкому, Любомирскому указалъ Пруссію, Сапѣгѣ повелѣлъ охранять Литву отъ Москвы, Чарнецкаго призвалъ изъ Даніи для обезпеченія Великой Польши. Великолѣпны были такія распоряженія по случаю удачной битвы подъ Сосновкою; но разбить Трубецкаго еще не значило завоевать Малороссію.

Рукопись Радзимин-скаго.

Виговскій обдѣлывалъ дѣла свои медленно; онъ не довѣрялъ Малороссіянамъ — тѣ ненавидѣли его. Прибeрегая для себя Кіевъ, онъ устремился къ правой сторонѣ Днѣпра; Трубецкій бѣжалъ въ Путивль, и отправилъ отрядъ для сожженія Корона.

Гетманъ сталъ подъ Гадячемъ, оттуда послалъ къ Королю трофеи Конотопскіе, и началъ трехнедѣльную осаду Гадячскую. Неоднократные приступы его были отражены козацкимъ Полковникомъ Ефремовымъ; ни голодъ, ни предложенія отъ Виговскаго, не обольстили жителей; 2-го Августа Гетманъ пошелъ на Заднѣпровье. Двадцать рублей и пара соболей Полковнику, по рублю на каждаго козака, по полтинѣ на гражданина, служили Царскою наградою защитникамъ Гадяча.

Виговскій былъ впрочемъ правъ въ своей недовѣрчивости: чины и войско Малороссіи собрались въ Чигиринъ для новаго избранія Гетманскаго. Туда прибыли Имперскій и Турецкій посланники; отъ Республики явился Каштелянъ Волынскій; всѣ они полагали, что Малороссія отдѣлилась отъ Москвы не-возвратно, и, зная что Виговскій булавы за собою не удержитъ, предложили Радѣ избраніе Гетмана новаго, утвержденное и обезпеченное тремя державами.

А въ это время Юрій Хмѣльницкій отправилъ слугу своего Ивана Брюховецкаго въ Чигиринъ изъ Запорожья съ жалобами на Виговскаго. Припоминая войску заслуги отца, онъ писалъ, что и самъ всегда былъ усерденъ къ пользамъ отечества, но что его рвеніе было уничтожено обманами и подстрѣкательствами Поляковъ и соумышленника ихъ, убійцы Пушкаря, Виговскаго. «Да и самый урядъ Гет«манскій,» заключалъ Юрій, «отъ всего войска и «отца мнѣ данный, насильно неправеднымъ посту«помъ Виговскій взялъ.» Обѣ стороны Днѣпра знали уже всѣ преступленія Виговскаго противъ на-

рода; козаки Поднѣстровскіе и Забужане были противъ него озлоблены за примиреніе съ Поляками; жители лѣвой стороны Днѣпра ненавидѣли его за опустошеніе Полтавщины, Лубенщины и Миргородщины. Всѣ обвиняли его за нарушенія условій Хмѣльницкаго съ Царемъ, за кровопролитія войны междоусобной, за раззореніе городовъ Княземъ Ромодановскимъ, за дружбу съ Поляками, и наконецъ
Фролосская лѣтопись. за отдачу людей въ неволю Татарскую. «Онъ вы«губитъ Козаковъ, говорили Малороссіяне, и въ «пользу Татаръ возобновитъ Царство Астраханское.» Приговорили собраться въ Брацлавѣ и свергнуть Виговскаго.

Польша, освобожденная отъ войны съ Швеціею приближавшимся Оливскимъ миромъ, обратила войска свои противъ Россіи. Эта война была для нее удачнѣе войны съ старымъ Хмѣльницкимъ; Сапѣга и Чарнецкій пошли противъ Князя Хованскаго, вторгнувшагося въ Литву; Голштинскій легіонъ присоединился къ Чарнецкому. Хованскій былъ отбитъ Юдицкимъ отъ Замка Ляховицкаго; Поляновскій разбилъ подъ Слонимомъ одинъ изъ отрядовъ Кня-
1660 Іюня 15. жескихъ; наконецъ битва подъ Полонкою довершила пораженіе Хованскаго; но эта удачная война все-же мѣшала Полякамъ удержать на Гетманствѣ Виговскаго, и заняться внутреннимъ устройствомъ Малороссіи. И тогда это очень было-бы легко для Республики; не говоря о пораженіи козаковъ и Кн. Трубецкаго подъ Конотопомъ, Малороссія была утомлена домашними безпокойствами, междоусобіями; и въ минуту, когда всѣ согласились свергнуть Виговскаго, было два искателя Гетманской булавы: Юрій

Хмѣльницкій и Полковникъ Переяславскій Цюцюра; а третій втайнѣ строилъ ковы, обвиняя Виговскаго, возстановляя противъ него народъ и за-ранѣ подкапывая Юрія,—то былъ Иванъ Брюховецкій.

Виговскій думалъ еще бороться съ волею народною; онъ писалъ къ Гетману Конецпольскому, умолялъ его усмирить взбунтовавшихся козаковъ; но Конецпольскому было не до Малороссіи: Польское войско, озлобленное неуплатою за многіе годы жалованья, собралось къ нему, арестовало его; во Львовѣ онъ едва избѣгнулъ смерти, и городъ Львовъ былъ преданъ на разграбленіе. Виговскому оставалось надѣяться только на самого себя.

Хотя храбрость Полковника Цюцюры говорила много въ его пользу, и хотя истребленіе пяти Польскихъ полковъ въ Нѣжинѣ давало ему право надѣяться на успѣхъ въ народномъ собраніи; но воспоминанія о Великомъ Хмѣльницкомъ превозмогли въ пользу Юрія. Рада объявила Брюховецкому, чтобъ онъ вызвалъ Хмѣльницкаго изъ Запорожья; Хмѣльницкій, сопровождаемый Запорожцами и Кошевымъ Атаманомъ Сиркомъ, немедленно явился въ собраніе, благодарилъ народъ за признательность къ отцу и далъ присягу въ вѣрности войску и отечеству.

Единомышленники Виговскаго, присягнувшіе въ Варшавѣ на условіяхъ съ Республикою, возвысили голосъ въ пользу измѣнника; Виговскій съ веселымъ видомъ, предъ всѣмъ войскомъ началъ читать эти условія, и доказывать какъ велика ихъ выгода для Украины; народъ и войско взволновались, раздались укоризны, превратившіяся въ наглыя руга-

тельства, дошло дѣло до оружія; Старшины, преданные Виговскому, были умерщвлены; главные изъ нихъ, Нѣмержицъ, Сулима и Верещага пали первые въ борьбѣ противу общей воли. Верещага, говоритъ одна изъ нашихъ лѣтописей, былъ на куски разсѣченъ, а самъ Виговскій, оставя булаву и войсковые клейноды «якъ опаренный посредѣ пожара, едва «съ тысячею людей утеклъ; тако Польскія Корогвы «пошли во своя си.»

Фроловск. лѣт.

Жена и родные братья Виговскаго остались въ Малороссіи. Еще 12 Декабря, въ 1659, состоялся Указъ о ссылкѣ въ Сибирь сообщниковъ Гетмана; Полковники Василій, Юрій и Илья Виговскіе первые лишились счастья жить на родинѣ: ихъ развезли по дальнимъ городамъ. Юрій сталъ на Гетманствѣ.

ГЛАВА XXV.

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Пріѣздъ Волынскаго къ Гетману. Запросъ о его намѣреніяхъ. Гордость Трубецкаго. Условія Дорошенка. Владыкинъ ѣдетъ къ Гетману. Церемонія. Свиданіе Гетмана съ Трубецкимъ. Свита Гетманская. Условія. Изгнаніе Поляковъ съ почвы Украинской. Переселеніе народа въ полки Слободскіе. Неудача войны съ Поляками. Главнокомандующій Потоцкій. Польскіе Полководцы. Битва подъ Любартомъ. Отступленіе Шереметева къ Чуднову. Приближеніе Гетмана. Радость и похвальбы Шереметева. Вражда Гетмана къ Боярину. Причины ея. Юрій соединяется съ Поляками. Шереметевъ окруженъ Поляками. Восемь недѣль защищается. Сдается. Отведенъ въ плѣнъ. Русское войско объявлено военноплѣннымъ. Сирко бьетъ возвращающихся Крымцевъ. Поляки овладѣваютъ Украиною. Ропотъ народный. Самко объявленъ Паказнымъ.

Какъ скоро въ Варшавѣ узнали объ утвержденіи Юрія въ Гетманскомъ достоинствѣ, тотчасъ явился въ Чигиринъ Каштелянъ Волынскій, съ поднесеніемъ Королевскаго Диплома. Зная выборъ народный, Король уговаривалъ новаго Гетмана предать-

4*

ся Полякамъ по прежнему. Послы иностранные отъ него потребовали объясненія: по какимъ планамъ и положеніямъ станетъ онъ управлять Русскимъ народомъ.

Гетманъ объявилъ всѣмъ посланникамъ, а въ томъ числѣ и Каштеляну, что послѣ ужасныхъ бѣдствій и разореній, освободясь отъ Поляковъ съ пожертвованіемъ крови, народъ и онъ Гетманъ намѣрены держать неутралитетъ въ отношеніи ко всѣмъ державамъ, и хотятъ зависѣть отъ самихъ себя единственно. Союзъ-же со всѣми державами, или съ одною изъ нихъ, можно учинить не иначе, какъ согласуясь съ посужденіемъ и волею всего народа, смотря по времени и по обстоятельствамъ. Потомъ на Радѣ онъ искренно объявилъ свое мнѣніе, что лучше держаться союза съ народомъ и царствомъ Московскимъ, нежели съ Польшею, которая очевидно изнемогаетъ, и находится на краю гибели. Эти слова подтвердилъ онъ и Боярину Князю Трубецкому, который былъ присланъ отъ Царя съ поздравленіемъ его въ Гетманскомъ достоинствѣ.

Станъ Трубецкаго находился тогда въ Переяславлѣ; по правой сторонѣ Днѣпра у Ржищева, по-выше Трахтимирова, стояли полки наши козацкіе Задѣпровскіе. Еще 30 Сентября Бояринъ отправилъ
1659. Сент. 30. въ станъ къ Юрію письмо, въ которомъ описывалъ Царскія милости къ старому Хмѣльницкому, и уговаривалъ козаковъ послѣдовать примѣру Гетманскаго отца.
Октября 4. Чрезъ четыре дни, Полковники Петръ Дорошенко, Андрей Одинецъ и Иванъ Лизогубъ явились къ Боярину съ приглашеніемъ къ Гетману въ монастырь Трахтимировскій; Трубецкій отка-

залъ. Полковники настаивали, чтобъ онъ отправилъ туда хотя своихъ товарищей; но онъ и на то не согласился. Петръ Дорошенко, раздосадованный упорствомъ его, съ главою цѣлаго народа вовсе неумѣстнымъ, объявилъ статьи, на которыхъ Юрій готовъ съ Москвою снова соединиться; но тѣхъ статей Трубецкій принять не могъ. Вотъ ихъ содержаніе:

1. Все подтвержденное при старомъ Хмѣльницкомъ присягою должно быть сохраняемо Царемъ и при сынѣ его.

2. Воеводамъ не быть нигдѣ, кромѣ въ Кіевѣ; а войскамъ, присылаемымъ отъ Царя въ Малороссію, находиться подъ начальствомъ Гетмана.

3. Безъ вѣдома, безъ грамоты и безъ печатей Гетманскихъ Царь не долженъ никого изъ Малороссіянъ принимать въ особенную милость.

4. Всѣ Полковники козацкіе, обѣихъ сторонъ Днѣпра, должны признаватъ одного Гетмана и ему повиноваться.

5. Избраніе въ Гетманы изъ ратныхъ людей должно быть свободное.

6. Всѣ Полковники до того бывшіе, особенно-же Старо-Быховскій и Кіевскій, остаются при прежнихъ правахъ своихъ и при власти.

7. Имѣя право принимать пословъ иноземныхъ, Гетманъ обязанъ препровождать къ Царю не грамоты ихъ, а только копіи.

8. Всѣ войсковыя должности, и въ особенности Шляхетство, остаются на прежнихъ правахъ безъ малѣйшаго измѣненія.

9. Въ-случаѣ договоровъ Москвы съ Поляками, Татарамѝ и Шведами, Коммиссары Малороссійскіе имѣютъ голосъ.

10. Никакая власть не въ силахъ нарушить правъ ни духовенства, ни свѣтскихъ людей.

11. Какія-бъ ни были вины людей войска Запорожскаго до нынѣ,—отнынѣ должны быть онѣ преданы забвенію.

12. Кіевскій Митрополитъ и все духовенство Малороссійское не зависятъ ни отъ кого, кромѣ отъ Патріарха Константинопольскаго.

13. Только наши чины и нашъ народъ могутъ избирать въ Кіевъ Митрополита и въ города Епископовъ.

14. Училища и монастыри Гетманъ можетъ устроивать по собственной волѣ, не спрашивая ни у кого соизволенія.

Видя невозможность принять эти условія, и ошибку въ своей неумѣстной гордости, Трубецкій принужденъ былъ на другой день отправить Владыкина къ Гетману, съ Государевою грамотою, съ новымъ приглашеніемъ въ Переяславль, и съ обѣщаніемъ прислать въ монастырь Трахтимировскій Воеводу Окольничаго Андрея Васильевича Бутурлина.

Октября 6-го—Владыкинъ привезъ въ Переяславль письмо Гетманское; Юрій обѣщалъ пріѣхать. Седьмаго—Бутурлинъ поѣхалъ къ Днѣпру, съ нимъ Дорошенко, Лизогубъ и Одинецъ. Трубецкій приказалъ ему черезъ рѣку не переправляться, пока не переправится Юрій. Восьмаго—Гетманъ прислалъ сказать Бутурлину, что если этотъ не хочетъ

съ нимъ увидѣться на берегу Трахтимировскомъ, то и онъ не ѣдетъ въ Переяславль. Бутурлинъ далъ о томъ знать Трубецкому; Трубецкій подтвердилъ свое приказаніе, и позволилъ ѣхать къ Гетману только сыну Бутурлина Ивану. И съ перваго вступленія Юрія на Гетманство мы видимъ нестойкость его характера. Иванъ Бутурлинъ переплылъ за Днѣпръ утромъ Октября 9-го, а къ вечеру Гетманъ уже былъ на Андрюшовскомъ берегу съ своими Полковниками, съ Генеральными Старшинами, съ духовенствомъ. Такъ единственный въ Государствѣ сановникъ, Гетманъ Царя Русскаго, преклонилъ выю передъ простымъ, обыкновеннымъ бояриномъ.

Здѣсь были Архимандритъ Кобринскій, Игуменъ Каневскій Іовъ Заунчковскій, Обозный Тимоѳей Носачъ, Судья Иванъ Кравченко, Асаулъ Иванъ Одинецъ, Полковники: Каневскій Иванъ Лизогубъ, Корсунскій Яковъ Петренко, Кальницкій Иванъ Сирко, Прилуцкій Ѳедоръ Терещенко, Лубенскій Яковъ Засядка и Сотники всѣхъ тѣхъ полковъ.

Конечно, ихъ принялъ Трубецкій съ великою почестію. Но Бутурлинъ переѣхалъ на противоположный берегъ послѣ Гетмана, и честь главы народа была унижена. Начались переговоры, и Октября 17-го Юрій подтвердилъ статьи отцовскія, прибавя слѣдующія:

Гетманъ обязанъ отправлять полки козацкіе на Царскую службу во всякое время, и безъ Царскаго указа не долженъ никому оказывать помощи.

Не дружиться съ Поляками; возмутителей казнить смертію.

Московскимъ Воеводамъ находиться въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ и Умани; но въ права и вольности войсковыя не вмѣшиваться.

Безъ воли народной и войсковой Гетману Старшинъ не избирать.

Очистить старый Быховъ для войскъ Московскихъ.

Такъ вступилъ Юрій на Гетманство, которымъ отецъ его прославился, и которое два раза терялъ онъ, сперва по неопытности, потомъ по нерѣшительности.

Начало его правленія было ознаменовано поступкомъ благороднымъ; презирая вражду Виговскаго, извѣданную на себѣ отъ младенчества, онъ немедленно отправилъ его несчастную жену къ нему въ Польшу. А между тѣмъ писалъ къ Потоцкому, чтобы, оставя Украину, тотъ вывелъ Польское войско, которымъ, по милости Виговскаго, наводнена Малороссія. Получивъ отказъ отъ Магната, Юрій далъ повелѣніе изгнать Поляковъ мѣрами дѣйствительными; Полковникъ Цюцюра взялъ на себя весь трудъ, и вскорѣ восточная Малороссія была очищена: это началось, какъ мы видѣли, избіеніемъ пяти Польскихъ Хоругвей въ Нѣжинѣ. Все утихло на нашей сторонѣ Днѣпра; здѣсь, хотя на весьма короткое время, народъ сталъ пользоваться миромъ, но въ Уманщинѣ и въ Подоліи кипѣла война междоусобная; семейства бѣжали оттуда въ нашъ край; снова повторилось переселеніе народа пограничнаго съ Польшею, жителей прибережныхъ Днѣпра, Случи и Припяти. Предвидя войну долговременную, они явились къ Гетману, требовали защиты, или, по крайней мѣрѣ, пристанища; Гетманъ позволилъ имъ перейти

въ полки Слободскіе, старымъ Хмѣльницкимъ заведенные: въ Ахтырскій, Хальковскій, Изюмскій, Рыбинскій и Сумскій.

Чигиринъ былъ уже взятъ у Поляковъ; туда явился Полковникъ Уманскій Худорбай, оставя въ Нѣжинѣ пятнадцать знаменъ и тридцать семь пушекъ, отбитыхъ у Поляковъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, Стародубѣ и Черниговѣ. Готовилась новая война. Успѣхи республики подъ Ляховцами, Слонимомъ и Полонкою; временная потеря Русскими Астрахани —ускорили дѣйствія Поляковъ противъ Царя. Видя неудачи своихъ Воеводъ, увѣрясь въ ненависти Хмѣльницкато къ Варшавской Рѣчи Посполитой, Государь благодарилъ его черезъ Шереметева и повѣлѣлъ своему Боярину поступать въ войнѣ съ Польшею по Гетманскимъ планамъ и намѣреніямъ. Юрій собралъ совѣтъ на Койдакѣ, и рѣшились такъ: Шереметевъ, угрожая Татарамъ, съ тридцатью тысячами пойдетъ на Котельню мимо Койдака и Полтавы, Гетманъ съ сорокотысячнымъ войскомъ къ городу Львову Гончарихою, внутри Польши соединятся.

Виговскій стоялъ подъ Баромъ; Шереметевъ перешедъ Котельню, расположился подъ Любартомъ; защитясь укрѣпленіями, онъ рѣшился ожидать врага; туда поспѣшилъ Коронный Гетманъ Потоцкій съ полками, собранными надъ Днѣстромъ; Любомирскій велъ полки, которые были расположены въ Пруссіи; Султанъ Нурадинъ быстро подходилъ съ двадцатью тысячами Татаръ; Виговскій съ своими преданными козаками двинулся изъ-подъ Бара. Они пришли подъ Любартъ. Верховное начальство принялъ надъ ними

Потоцкій; Великій Коронный Маршалъ Любомирскій сталъ вторымъ. Подъ ихъ властію были: Сандомирскій Воевода Янъ Замойскій съ полками, устроенными по образцу иностранному; Князь Дмитрій Вишневецкій-Бѣльзскій; Брацлавскій Воевода Чарторійскій; Черниговскій Беневскій и Кіевскій Виговскій; Станиславъ Яблоновскій, Андрей Потоцкій и наконецъ, тогда еще только Хорунжій Коронный, въ послѣдствіи знаменитый Король, Янъ Собѣскій. Гетманъ Потоцкій былъ боленъ лихорадкою; онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ сидѣть на конѣ; но не слушая ни друзей, ни медиковъ, приказалъ себя носить на носилкахъ. Напрасно его уговаривали отдохнуть, онъ отвѣчалъ: «перестаньте требо« вать, товарищи, невозможнаго. Непріятели ради « будутъ представить вождя, удалившагося съ поля « сраженія—бѣглецомъ.»

Шереметевъ не выходилъ изъ шанцевъ; онъ обставилъ себя тройною цѣпью повозокъ. Войсковый писарь Сапѣга напалъ на нашу передовую цѣпь—она обратила тылъ; Потоцкій увидѣлъ ее бѣгство и приступилъ къ атакѣ стана цѣлымъ войскомъ; его правое крыло состояло изъ конницы Вишневецкаго и Виговскаго; лѣвое была конница Татарская; пѣхота шла въ тѣсныхъ колоннахъ серединою; войска Шереметева смялись, спустились съ валовъ и отступили въ станъ. Полковникъ иностранной пѣхоты Гротусъ взялъ у насъ три пушки. Битву прекратила ночь.

Не ожидая разсвѣта, Шереметевъ тихо поднялся съ полками, и началъ отступленіе къ Чуднову; по-

утру Поляки увидѣли опустѣлымъ весь Русскій станъ. Достигнувъ Чуднова, Бояринъ расположился подъ городомъ. Уже Хмѣльницкій къ нему приближался, уже онъ былъ у Слободища, что въ пяти миляхъ отъ Чуднова. При немъ находились наши опытные полковники, старымъ Гетманомъ къ войнѣ пріученные: Лѣсницкій, Зеленецкій, Ѳедоровичъ и Носачъ.

При извѣстіи о приближеніи Юрія, радость Шереметева была не соразмѣрна съ неудачею подъ Любартомъ. Онъ хвалился взять Краковъ, Варшаву и Короля; «Но—говоритъ Лѣтописецъ—не подо- Флоровс. лѣтоп.
« баетъ убо прежде побѣды торжествоваты.» Вожди Польскіе положили въ совѣтѣ немедленно напасть на козаковъ и въ то-же время окружить Шереметева; а противъ Шереметева Гетманъ уже враждовалъ, да и было за что враждовать: въ совѣтѣ на Кониссхій.
Кодачкѣ у нихъ положено было все, что Львовъ, Броды, Замостье, Люблинъ и Слуцкъ могли-бы доставить побѣдителямъ раздѣлить по-ровну. Вдругъ Бояринъ сталъ утверждать, что вся добыча должна достаться войскамъ Царскимъ, что сражаясь за Малороссію, они должны быть награждены на счетъ Малороссійскихъ войскъ. Гетманъ противорѣчилъ, доказывалъ, что войны козаковъ съ Поляками давно уже кончены, что Республика ищетъ не войны, а мира съ Малороссіею; что нынѣ козаки сражаются за Государя и за Царство Московское, за Смоленскъ и за завоеванную для Москвы Бѣлоруссію; наконецъ за наслѣдіе Польской короны, обѣщанное Государю самими Поляками и потомъ съ насмѣшкой отмѣненное. Переговоры кончились ссорою; чиновники Ше-

реметева, опьянѣлые въ пиру, съ безчестіемъ вытолкали Гетмана изъ Боярской ставки. Гетманъ жаловался Государю черезъ Генеральнаго Старшину Трёдьяковскаго; описывая подробно всѣ ругательства, всѣ оскорбленія, нанесенныя ему отъ Боярина и его чиновниковъ, онъ представлялъ Государю, что самое обращеніе этихъ господъ съ козаками не заключаетъ въ себѣ ничего дружественнаго ни къ Гетману ни къ народу Малороссійскому; что оно лишено даже всѣхъ видовъ политическихъ, всякаго приличія, удерживающаго народъ въ пріязни хотя притворной. Онъ представлялъ, что и въ простомъ разговорѣ каждое слово Бояръ дышетъ насмѣшкой и презрѣніемъ, что Старшины и самъ Гетманъ отъ нихъ получили имена Виговцевъ и Хохловъ. Но Государь былъ окруженъ друзьями виновныхъ; онъ былъ предупрежденъ жалобами Боярина и отвѣчалъ: «Всякая шутка или насмѣшка есть вредъ и вздоръ; «кто приходитъ не званный, тотъ и уходитъ не «провожанный; а свято мѣсто пусто не бываетъ.» Хмѣльницкій, обруганный и уничтоженный, затаилъ вражду и принесъ ее подъ Чудновъ.

Польскій Полководецъ рѣшился не допустить Гетмана къ соединенію съ Бояриномъ; но это былъ напрасный трудъ. Гетманъ не о томъ думалъ. Онъ отправилъ Полковника Дороша къ Любомирскому, съ объявленіемъ, что готовъ соединиться съ Поляками. Любомирскій не повѣрилъ, и напалъ на него: Хмѣльницкій этого не ожидалъ, и такъ началось пораженіе козаковъ; но оно прекратилось новою попыткою Хмѣльницкаго. Снова приступили къ переговорамъ, были подписаны Гадячскія условія, Гет-

манъ обязался помогать Полякамъ въ изгнанiи изъ Малороссiи Шереметева; условiя были скрѣплены Петромъ Дорошенкомъ, Кравченкомъ и Ханенкомъ.

Тогда Любомирскiй соединился съ Короннымъ Гетманомъ и съ Татарами, окружили Шереметева; осада продолжалась болѣе восьми недѣль. Напрасно Бояринъ старался отражать непрiятелей; его стѣсняли болѣе и болѣе; открылись болѣзни въ Русскомъ станѣ; голодъ заставилъ осажденное войско питаться конскимъ мясомъ; начались холода, оказался недостатокъ въ фуражѣ, въ одну ночь погибло двѣнадцать тысячь лошадей. Шереметевъ принужденъ былъ отправить къ Потоцкому Акинфьева, Князя Козловскаго и Щербатова съ предложенiемъ о сдачѣ. По неволѣ принялъ онъ всѣ условiя, предписанныя Магнатами. Московскимъ войскамъ разрѣшена была свобода выступить изъ укрѣпленiй, съ тѣмъ, чтобъ сложили оружiе у ногъ Потоцкаго. Бояринъ обязался очистить Кiевъ, Черниговъ, Нѣжинъ и Переяславль, и не вывозя изъ городовъ никакихъ воинскихъ снарядовъ и пушекъ отступить къ Путивлю. До исполненiя-же условiй, Шереметевъ съ восьмью дворянами и тремя стами рядовыми должны были оставаться у Польскихъ Гетмановъ заложниками.

Тутъ случилось происшествiе, вовсе недѣлающее славы Польскому оружiю; какъ случилось оно—это тайна историческая, которой время не могло открыть. Польскiе историки слагаютъ вину на Татаръ: «Не здѣсь,» говоритъ одинъ изъ нихъ, «конецъ «бѣдствiямъ войска Московскаго, *спасеннаго отъ* «*погибели великодушiемъ Польскихъ вождей*; Та-

« тары, прогнѣванные на Гетмана Потоцкаго, за то, « что онъ выпустилъ на волю Москвитянъ, ночью « напали на станъ ихъ, и, не смотря на сопротивле- « ніе отряда Польскихъ войскъ, даннаго имъ для « стражи и безопасности, часть истребили, осталь- « ныхъ взяли въ плѣнъ, а между ними и самого « Шереметева, который принужденъ былъ откупить- « ся двумя стами тысячь имперіаловъ; такъ погиб- « ло тридцать шесть тысячь войска Московскаго, « частью побитаго, частью полоненнаго Татарами; « и никого не осталось, кто-бы могъ подать извѣ- « стіе въ Москву о ихъ погибели.» Этотъ разсказъ много имѣетъ несообразностей. Если-бы Польскіе вожди дорожили честнымъ словомъ и боялись пре- дательства, то при многолюдствѣ собственномъ и съ помощію козацкихъ полковъ Хмѣльницкаго, ко- торые были не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, имъ было-бъ легко удержать неистовство Татаръ. Тѣмъ болѣе для Поляковъ былъ-бы этотъ благород- ный поступокъ безопаснымъ, что войско Шереме- тева, будучи обезоружено, не могло воспользовать- ся борьбою союзныхъ войскъ. Но вотъ сильнѣйшее доказательство лжи Польскихъ историковъ: Шере- метевъ не могъ заплатить двухъ сотъ тысячь импе- ріаловъ—у него столько денегъ не было; эта сумма превышала тогдашній доходъ всего Царства Мос- ковскаго; да и свободу-то онъ получилъ только чрезъ двадцать лѣтъ.

Фролovск. лѣтоп.

Наши лѣтописи говорятъ, что причиною этого предательства была невыдача Кіева. Тамъ находил- ся тогда съ войсками Князь Борятинскій; узнавъ о Чудновскихъ происшествіяхъ, онъ не только Поля-

ковъ, но и самого Шереметева въ городъ не пустилъ; разсердясь за это на Боярина, Потоцкій отдалъ Татарамъ и его и все плѣнное войско; въ свою-же пользу оставилъ для окупу только двадцать съ-лишнимъ дворянъ. Но и это не оправдываетъ Потоцкаго и Магнатовъ; имѣя триста заложниковъ, они должны были довольствоваться ими.

По принесеннымъ вопреки Польскимъ историкамъ въ Москву свѣдѣніямъ, которыя по нынѣ сбережены въ архивахъ въ подлинникахъ, мы видимъ, что на другой-же день нарушена была присяга Поляками. Войско и Полководецъ объявлены были военноплѣнными; Воевода и Окольничій Князь Иванъ Ивановичъ Щербатовъ; Стольники: Князь Григорій Козловскій и Иванъ Акинѳьевъ были товарищами Шереметева въ злосчастіи: они были отданы Крымскому Царевичу Нурадину.

Дѣлежъ добычи и грабительство, по словамъ нашей лѣтописи, сопровождались необычайнымъ варварствомъ и неслыханными оскорбленіями. Шереметевъ и все войско были раздѣты до-нага и отогнаны въ Крымъ на продажу. Козачьи полки, находившіеся при Шереметевѣ, отданы были Хмѣльницкому, и присягнули на вѣрность и повиновеніе своему Гетману. «Никто при семъ не торжество- Конисскій.
«валъ такъ, какъ Хмѣльницкій, видя обидчика сво-
«его Шереметева, влекомаго Татарами въ неволю.»

Это случилось на другой день Чудновскаго договора, двадцать четвертаго Октября въ тысяча 1660.Окт.24.
шесть сотъ шестидесятомъ году. Уже Крымцы изъ-подъ Чуднова возвращались на полуостровъ; у пороговъ напалъ на нихъ Кошевый Сирко, о смерти котораго бывало Турки молились въ мечетяхъ; онъ

отбилъ нѣсколько тысячь Москвитянъ, но Шереметева Татары увели въ рабство на двадцатъ лѣтъ.

Къ концу года Поляки овладѣли почти всею Малороссіею; тщетно сопротивлялись полки Нѣжинскій, Переяславскій и Черниговскій. Междоусобія начались и Украина вновь запылала со всѣхъ концовъ. Хмѣльницкій началъ уговаривать козаковъ регистровыхъ, чтобъ они отложились отъ Царства Московскаго; изъ находившихся при Шереметевѣ многіе были перевѣшаны; не смотря на то, козаки отказались отъ повиновенія Королю и Республикѣ. Юрій, испуганный ихъ ропотомъ, уговорилъ Охочекомонныхъ и Волонтеровъ бѣжать съ ними въ Запорожскую Сѣчь и объявилъ себя союзникомъ Поляковъ и Татаръ. Гетманщина, узнавъ о намѣреніяхъ Юрія, собрала Раду, признала мѣсто Гетманское празднымъ и приговорила избрать новаго Гетмана, а до выборовъ назначила Наказнымъ Генеральнаго Асаула Якима Самка.

ГЛАВА XXVI.

МЕЖДО-ГЕТМАНСТВО.

НАКАЗНЫЙ ГЕТМАНЪ ЯКИМЪ САМКО.

Споры за булаву. Искатели Гетманства: Виговскій, Брюховецкій, Нечай, Тетеря, Хмѣльницкій, Золотаренко. Поляки изгнаны за Днѣпръ. Грамоты Самку и Золотаренку. Совѣтъ Царю Максима Протопопа. Сцена Протасьева съ Самкомъ за вичь. Юрій осаждаетъ Чигиринъ. Соединяется съ Крымцами. Подступаетъ къ Переяславлю. Уходитъ на Задиѣпріе. Грабежи Татаръ. Сожженіе Ирклѣева. Юрій зимуетъ подъ Нѣжиномъ. Рада въ Козельцѣ. Рада въ Сѣчѣ. Самко, Золотаренко и Брюховецкій. Вторичная сдача Переяславля Юріемъ. Гибель Юріевцевъ, Донцовъ и Нѣмцевъ. Взятіе Черкасъ Приклонскимъ. Юрій разбитъ и спасается бѣгствомъ. Происки Брюховецкаго. Жалобы Золотаренка за «фортельный выборъ.» Отзывъ Бояръ о Брюховецкомъ. «Воровать исправенъ.» Брюховецкій Наказнымъ Гетманомъ.

Малороссія была въ тяжкомъ состояніи: два сильныхъ Государства спорили о владычествѣ надъ нею; кромѣ борьбы съ Польшею, ежедневно вспыхивали бунты мѣстные. Днѣпръ раздвоялъ Украину; казалось, онъ сталъ на-двое раздѣлять и умы Украинцевъ и чувства ихъ. На Востокѣ боролись еще за

Москву, на Западѣ народъ колебался уже въ пользу Поляковъ, и подобно расколамъ, вооружающимъ единовѣрцевъ другъ на друга, искатели булавы вооружали Малороссіянъ на Малороссіянъ. Виговскій, подкрѣпленный Поляками, подъ предводительствомъ Ельскаго и Хлопицкаго, старался удержать въ своей власти Украину Западную; Король далъ ему званіе Сенаторское; и безъ этого козаки были къ нему недовѣрчивы: теперь еще болѣе стали остерегаться его—кто не любилъ его какъ Гетмана, сталъ презирать какъ Сенатора. А на Запорожьѣ явился новый искатель булавы,—то былъ слуга Юрія Хмѣльницкаго, Иванъ Мартыновичъ, который потомъ въ письмахъ къ Боярамъ подписывался *Ивашкомъ*, а *Подношкомъ* въ докладахъ Царю:—Брюховецкій. Знаменитый Петръ Дорошенко полагалъ добиться Гетманства при покровительствѣ Султана Турецкаго; Иванъ Нечай въ свою очередь надѣялся на родство съ Богданомъ Хмѣльницкимъ, не смотря на то, что козаки признали его неспособнымъ носить булаву по простотѣ и по старости. Тетеря,—забросанный шапками весьма не многихъ Запорожцевъ, провозглашенный радостнымъ крикомъ толпы незначительной,—увѣрясь въ прочности своего владычества, успѣлъ отправить Шляхтича Георгія Гуляницкаго съ донесеніемъ, что онъ вѣренъ и покоренъ Республикѣ и Государю, своему законному Королю; безполезный дипломъ былъ ему наградою. Юрій Хмѣльницкій попытался преклонить Малороссіянъ, если не умомъ, не стойкостью, такъ Ханскимъ оружіемъ. Измѣнившій Украинѣ, но знаменитый храбростью, одинъ изъ героевъ, прославив-

шихся при взятіи Смоленска, Нѣжинскій Полковникъ Василій Золотаренко, отложился отъ Польши, сбросилъ съ себя Шляхетство и, отвергнувъ полученное съ этимъ шляхетствомъ отъ Казимира постыдное прозвище *Злотаревскаго,* снова назвался своимъ украинскимъ именемъ. Таково было положеніе дѣлъ Малороссіи, когда полки Нѣжинскій и Черниговскій избрали Полковника Переяславскаго, Якима Самка, Наказнымъ Гетманомъ.

Послѣ мѣлкихъ стычекъ съ Гуляницкимъ, и мѣстныхъ битвъ съ Поляками, онъ прогналъ наконецъ за Днѣпръ войска Королевскія, и вскорѣ прибыли въ Москву его послы съ увѣреніемъ, что народъ Украинскій и войско Запорожское пребываютъ въ вѣрноподданствѣ къ Государю, и что Поляковъ нѣтъ уже на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Государь отправилъ въ Малороссію Дворянина Ѳедора Протасьева съ грамотами: съ похвалою Самку, съ милостію Золотаренку, первому прислалъ соболей на двѣстѣ сорокъ рублей, второму на полтораста. Первый принялъ грамоту и подарокъ, вторый только грамоту, а соболи роздалъ при Протасьевѣ Сотникамъ, Асауламъ и Старшинамъ своего полка. «Великій Государь прислалъ мнѣ жалованье,» сказалъ Полковникъ,— «я вамъ его отдаю, чтобъ вы «служили Царю вѣрою и правдою, Полякамъ-бы не «вѣрили, и не ссылались-бы съ измѣнниками.» Такъ, поддѣлываясь въ одно и то-же время къ Протасьеву и къ своимъ подчиненнымъ, Золотаренко надѣялся получить голоса отъ народа и утвержденіе отъ Государя. Но Протопопъ Максимъ, съ которымъ Протасьевъ видѣлся въ Переяславлѣ, подалъ черезъ него 1661 Іюля 18.

слѣдующій совѣтъ Государю: «пусть Царское Ве-«личество не присылаетъ своего полномочнаго до «прекращенія волненія въ Малороссіи; и пусть не «утверждаетъ Гетманами ни Самка, ни Золотарен-«ка, потому что они не въ состояніи другъ другу «повиноваться. Между тѣмъ Юрій Хмѣльницкій «можетъ обратиться съ Заднѣпровскими козаками «подъ Высокую руку Великато Государя.» Этотъ Протопопъ слылъ человѣкомъ ученымъ, его уважали народъ, Старшины и духовенство, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ Государю въ Москву, и его совѣтъ былъ не противенъ Царю, который готовъ былъ снова призвать Юрія на Гетманство.

Бант.-Кам. II. 34. Что касается до Самка, Протасьевъ нашелъ его достойнымъ выговора; онъ спросилъ: по его-ли приказанію писарь, въ донесеніи къ Царю, написалъ имя его съ *вичемъ?* «Богданъ и Юрій Хмѣльниц-«кій этого никогда не дѣлали; Бояре-де въ отпи-«скахъ своихъ къ Великому Государю не осмѣли-«ваются именовать себя такимъ образомъ.» — Я человѣкъ неграмотный, отвѣчалъ храбрый Полковникъ, писарь у меня новый, такія дѣла и мнѣ и писарю не за обычай. Радъ служить Великому Государю, готовъ стоять противъ его непріятелей, на чемъ и крестъ цѣловалъ, только чтобъ Великій Государь пожаловалъ, не велѣлъ вѣрить ссорамъ и словамъ наноснымъ.

Между тѣмъ, какъ преданный Государю Самко передъ Протасьевымъ оправдывался, Юрій Хмѣльницкій не дремалъ. Онъ началъ добывать Гетманство Ханскимъ и Польскимъ оружіемъ въ ожиданіи помощи изъ Крыма, осадилъ Чигиринъ и внесъ

войну въ Малороссію; намѣренъ будучи основать столицу свою близъ могилъ: Богдана, народомъ избраннаго, и Тимоѳея, погибшаго за Украину, онъ, противъ воли народа, вводя враговъ въ свою родину, хотѣлъ вырвать изъ рукъ Самка булаву. Но для Чигиринскихъ козаковъ Юрій былъ ненавистенъ. Упорная защита, частыя вылазки и нападенія принудили его отступить; наскуча блокадою, онъ пошелъ къ Переяславлю; на пути соединясь съ Крымцами, къ нему подступилъ, но и здѣсь имѣлъ неудачу; тогда, посовѣтовавъ Хану отправить Татаръ на сѣверъ Украины и въ города Великороссійскіе для грабежа, самъ рѣшился перейти на Заднѣпріе; часть Крымцевъ пошла въ Стародубовщину и во Мглинъ, другая осталась въ Сотенномъ городкѣ полка Переяславскаго, въ Ирклѣевѣ; Юрій направилъ путь къ Сѣчѣ Запорожской; Самко съ полками Переяславскимъ, Нѣжинскимъ, Черниговскимъ, Лубенскимъ и Кіевскимъ и войско Московское Ромодановскаго, соединясь у Козельца, пошли внизъ по Днѣпру, переправились черезъ него въ Мишуриномъ Рогѣ, нагнали Юрія близъ Ирклѣева, его 1622 Янв. 22. разбили, и городъ, который помогалъ ему, сожгли. Будучи отрѣзанъ отъ Крыма и отъ Сѣчи, Юрій переправился опять черезъ Днѣпръ; зима приближилась, и онъ рѣшился перезимовать подъ Нѣжиномъ.

Въ это время въ Козельцѣ была Рада, въ Сѣчѣ 1622. другая; тамъ избирали въ Гетманы Самко, здѣсь Брюховецкаго; первый присягнулъ служить Украинѣ вѣрно, и отъ Москвы не отлагаться; вторый казался не опаснымъ для Полковника Нѣжинскаго Золотаренка — для Васюты, какъ прозвали его наши лѣ-

тописи; происки Брюховецкаго и жажда власти поставили Васюту противъ Самка; черезъ Мстиславскаго Епископа Меѳодія подалъ онъ доносъ Царю въ томъ, что Самко ему невѣрно служитъ. Государь и безъ того былъ предубѣжденъ противъ храбраго Полковника Переяславскаго. Протасьевъ передалъ уже ему совѣтъ Протопопа Максима, который, — какъ знать? — вѣроятно задобренъ былъ Брюховецкимъ. Впрочемъ «оказанныя Россіи услуги Наказнымъ Гетманомъ давали ему неоспоримое право начальства въ Украинѣ.» — Государь не утвердилъ вольнаго избранія, и навѣты Протасьева опять причинили много злоключеній государству. Назначена была новая Рада, но Юрій помѣшалъ ей состояться.

Бант. Кам. II. 56.

Разоривъ и разграбивъ Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Мглинъ и Согаръ, Татары соединились съ Юріемъ и подступили къ Переяславлю; къ нимъ пришли на помощь Поляки подъ начальствомъ Чарнецкаго. Городъ облегли. Тамъ былъ Самко съ немногими сотнями козаковъ. «Его Хмѣльницкій началъ добывать крѣпко,» говоритъ одна изъ нашихъ лѣтописей, «но крѣпчаѣ еще противилися ему, понеже не было имъ надежды ни на кого, только боязнь смерти предлежала.» Наконецъ уже граждане до того были доведены, что готовы были сдаться, когда Ромодановскій и Нѣжинскій полкъ явились на помощь къ Самку. Узнавъ объ ихъ приближеніи, Юрій отступилъ по Каневской дорогѣ и, не дошедши до Днѣпра, окопался. Тутъ Самко выступилъ изъ Переяславля, соединился съ Бояриномъ и погнался за Юріемъ. Въ войскѣ послѣдняго

были тысяча Донцовъ и тысяча Нѣмцовъ. Когда Самко ударилъ на него, полки Поляковъ и Татаръ были загнаны въ самый Днѣпръ; въ безпорядкѣ всеобщей свалки Донцы перетонули до послѣдняго; Нѣмцы сбились въ уголъ окопа и «Поты противилися, поки одинъ на другомъ положилыся, и тако «Хмѣльницкій погубилъ козаковъ и Поляковъ, и «ввесь обозъ оставя въ разграбленіе, самъ ледви «утекъ въ Черкасы.» 1662 Іюня 16.

Самко перешелъ за Днѣпръ, поставилъ Лизогуба Каневскимъ Полковникомъ, и возвратился въ Переяславль. Завидуя нашему Наказному, Ромодановскій отправилъ Стольника Приклонскаго съ приказомъ взять Черкасы; онъ—въ свою очередь въ этомъ городѣ поставилъ Полковникомъ Гамалѣя, и пошелъ къ Бужину; въ это время, получивъ новую помощь отъ Татаръ, Юрій бѣжалъ изъ-подъ Канева, гдѣ былъ разбитъ вторично Ромодановскимъ; въ побѣгѣ своемъ, настигнувъ Приклонскаго подъ Бужинымъ, опрокинулъ его, и вогналъ въ Днѣровскій лугъ; по счастью Приклонскаго, Днѣпръ былъ въ мелководьѣ, Москвитяне спаслись то вбродъ, то вплавь. Ромодановскій началъ пальбу по толпамъ Юрія съ лѣваго берега рѣки; опять обращенный въ бѣгство, этотъ быстро поворотилъ назадъ къ Каневу; Бояринъ пошелъ къ Лубнамъ, а Лизогубъ, засѣвъ въ оврагахъ Каневскихъ, нечаянно напалъ на бѣгущихъ, разгромилъ, разсѣялъ ихъ толпы. Юрій едва успѣлъ вскочить въ ладью и спастись на противный берегъ; потомъ пробрался кое-какъ просёлками къ другу своему, Архимандриту Амвросію Тукальскому, который нѣкогда былъ имъ

облагодѣтельствованъ. Тутъ, сдавъ Гетманство Тетерѣ, постригся въ монахи Жидичинскаго монастыря.

Тетеря былъ зять Юрія, и прежде Самка былъ Переяславскимъ Полковникомъ; старый Хмѣльницкій любилъ его, питалъ къ нему особенную довѣренность и даже передъ кончиною хотѣлъ передать ему свою власть; его образованіе было, по тогдашнему, превосходно: онъ зналъ Латинскій и Польскій языки; но, измѣнивъ Малороссіи, съ 1658 году укрывался въ Польшѣ. Наконецъ Король призналъ его въ санѣ Гетмана Чигиринскаго, и слѣдовательно Тетеря не могъ быть утвержденъ отъ Царя Всероссійскаго.

А Брюховецкій былъ снова избранъ Запорожцами; тогда, видя, что отнюдь не Самко, а Брюховецкій опаснѣе всѣхъ для искателей булавы, Золотаренко обратился къ Государю съ жалобами и доносами на послѣдняго; Меѳодій Филимоновичъ, бывшій донощикъ на Самка, принялъ передачу этого доноса; Государь отвѣчалъ: « понеже избраніе Гетмана Малороссійскаго по силѣ договорныхъ статей « зависитъ отъ чиновъ и козаковъ тамошнихъ; то « не мѣшать имъ въ томъ ни по какимъ случаямъ, « и ежели Брюховецкій выбранъ уже Гетманомъ, то « такъ тому и быть, а Васюткѣ искать благоволенія козачьего, чтобъ и его также по смерти Брюховецкаго выбрали, а до того быть ему въ прежнемъ чинѣ, спокойно и безъ шатостей. »

Васюта продолжалъ просить у Государя разсмотрѣнія и изслѣдованія жалобъ; Самко продолжалъ представлять, что выборъ Брюховецкаго есть « вы-

«боръ фортельный,»—что права и договоры Малороссійскіе нарушены; это былъ вѣрнѣйшій способъ навлечь на себя Царскую немилость. И послѣ такихъ представленій доказательства преданности къ Государю, заслуги воинскія, побѣды въ пользу Москвы—все ни къ чему не послужило. Но изъ приличія явилось для изслѣдованія и рѣшенія, по доносамъ и жалобамъ на Брюховецкаго, множество Дьяковъ и Подъячихъ; надъ ними Князь Гагинъ и Кирило Осиповичь Хлоповъ.

«Подножекъ и Ивашко»—какъ самъ себя называлъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, былъ, говоритъ лѣтопись, «изъ числа тѣхъ людей, которые «обыкновенно тамо жнутъ, идѣже не сѣютъ, и со«бираютъ, гдѣ не расточали, т. е. нарочито богатъ «и Запорожецъ. Всѣ жалобы на него и доносы были «въ глазахъ Коммиссіантовъ и ихъ думныхъ Дья«ковъ паутиною, сквозь которую шершень проби«вается, а муха вязнетъ. Жалобщики были обвине«ны. Въ рапортѣ къ Государю Гагинъ и Хлоповъ «представляли: *Иванъ Мартыновичъ есть честный «человѣкъ, и годится быть Гетманомъ, понеже «хотя неученъ, да уменъ и ужесть какъ воро«вать исправенъ. Посадя его на границахъ, можно «спать въ Москвѣ безъ торопливости.*»

Брюховецкій былъ назначенъ Наказнымъ; началась Рада объ избраніи дѣйствительнаго.

ГЛАВА XXVIII.

БРЮХОВЕЦКІЙ.

Жизнь Брюховецкаго до Гетманства. Слуга Хмѣльницкаго. Мартынецъ. Ссора Васюты съ Мартынцемъ. Ночное смертоубійство. Хоружій. Вражда Полковниковъ и Старшинъ. Атаманъ Гетманскаго куреня. Кошевой. Кровопролитія въ Украинѣ. Четыре Рады. Пятая. Драка на Радѣ. Угрозы Самка Гагину. Брюховецкій Гетманъ. Пиры въ Нѣжинѣ. Казнь Самка, Золотаренка, Силича и Засядки. Полковниками Запорожцы. Брюховецкій грабитъ Украину. Король идетъ на Украину. Утвержденіе Гетмана. Статьи. Король подъ Ржищевымъ.

Всѣ тайны наконецъ объясняются: потомство узнало кто былъ Иванъ Брюховецкій. Слуга Богдана Хмѣльницкаго, спасая жизнь господина, однажды попался онъ Татарамъ въ плѣнъ; его пытали, мучили, наконецъ за дорогой выкупъ отпустили къ Гетману. По смерти Богдана, онъ достался Юрію; молодой Панъ одѣвалъ его богато, далъ ему саблю, и на своемъ «коштѣ» для него содержалъ

коня. Онъ любилъ своего стараго слугу, слушалъ его совѣты, требовалъ отъ него мнѣній, и эти мнѣнія уважалъ. Лѣтописи говорятъ, что и слуга никогда не употреблялъ во зло господской довѣренности; полагалъ кончить жизнь при Панѣ своемъ, всегда былъ при немъ не отлучно, всѣ его чувства принималъ къ сердцу. Вѣрный слуга былъ извѣстенъ каждому Украинцу подъ именемъ Мартынца.

У Юрія было два любимца; мы уже знаемъ о ихъ подвигахъ: Василій Золотаренко, прославившійся подъ Смоленскимъ въ 1654 году, потомъ измѣнившій Украинѣ, и въ 1658 подписавшій Гадячскія статьи; козаки называли его Васютою, Поляки Злотаревскимъ. Другой былъ: «лыцарь вой-«ска Его Пресвѣтлаго Царскаго Величества Запо-«рожскаго, товарищъ статный» — Якимъ Самко, который разбилъ помощниковъ Виговскаго Сулиму и Цюцюру. Онъ называлъ себя безграмотнымъ, но въ Украинѣ славился письменностью, и зналъ нѣсколько языковъ.

На одномъ собраніи Старшинъ въ Гадячѣ, говоря объ важномъ дѣлѣ, Гетманъ спросилъ у слуги своего, что скажетъ онъ на вопросъ Самка. «Ста-«раго пса непристойно-бы мѣшать въ нашу бесѣду,» сказалъ Самко. Мартынецъ вышелъ, ни слова не вымолвивъ; но въ ту-же ночь пробужденный чьими-то шагами, Самко вспрыгнулъ съ постели и удержалъ руку Мартынца надъ собою; въ этой рукѣ былъ огромный ножъ.

Мартынца заковали и кинули въ погребъ. Черезъ четыре дня Юрій «выплакалъ» его; на пятый

день сбрили ему «чуприну.» Нѣсколько дней продержали у столба на рынкѣ, въ базарный день посадили на свинью лицомъ къ хвосту, провезли черезъ весь Гадячъ, потомъ объявили, что будетъ на колу, если затѣетъ что-либо еще разъ, и отпустили къ Юрію.

Вѣрность его къ Пану Гетману не измѣнилась; но, чего съ нимъ никогда не бывало, онъ сталъ для каждаго услужливъ, къ каждому привѣтливъ, съ каждымъ простодушенъ; пересталъ гордиться безкорыстіемъ, оставилъ презрѣніе къ наградамъ и чинамъ. Всѣ Старшины, и даже Самко, полюбили его—онъ вкрался къ нимъ въ довѣренность. Наконецъ, получивъ чинъ Хорунжаго, просился въ отпускъ, и всѣми обласканный, каждымъ обдаренный, уѣхалъ на Запорожье.

Едва онъ разстался съ Гетманщиною, открылась вражда Самка съ Золотаренкомъ; на Радахъ начались драки и поединки; Безпалый принялъ управленіе дѣлами Украины, Полковники разъѣхались по городамъ; Самко отправился на Бугъ усмирять взбунтовавшихся козаковъ; Золотаренко удалился въ Нѣжинъ; дѣла остались нерѣшенными, универсалы валялись неподписанными; открылись самоуправства, грабежи, дѣла не разслѣдованныя, злодѣйства ненаказанныя.

Явился Мартынецъ; его назначили Куреннымъ Атаманомъ Куреня Гетманскаго, Членомъ Гетманской домовой Рады, правителемъ дѣлъ. Тогда-то вражда Старшинъ стала разгараться; Куренный Атаманъ богатѣлъ, усиливался и вскорѣ изъ Мар-

тынца сдѣлался паномъ Иваномъ Мартыновичемъ Брюховецкимъ.

Начались извѣстныя намъ военныя дѣйствія съ Поляками; разбитіе Русскихъ у Слонима, побѣда надъ ними близъ Ляховичей, ихъ отступленіе къ Полоцку, взятіе Поляками Вильно, гибель Шереметева у Чуднова. Брюховецкій былъ съ Юріемъ подъ Слободищемъ; потерявъ надежду на бывшаго Пана своего, онъ снялъ личину и передался Полякамъ; его отправили къ Цюцюрѣ и къ Самку съ убѣжденіями отступиться отъ Москвы; это привело Самка въ ярость, отъ которой едва бѣгствомъ могъ спастись Совѣтникъ.

Украину наводнили Іезуиты, Поляки и Жиды. Юрій былъ назначенъ Гетманомъ Чигиринскимъ, Ивану Мартыновичу обѣщано было Гетманство Гадячское. Остались вѣрными Полковники: Черниговскій Силичъ, Переяславскій и Острянскій Самко и Нѣжинскій Стародубскій Золотаренко. Они другъ съ другомъ враждовали; но когда Поляки разбили Золотаревцевъ подъ Козельцемъ, когда они, проникнувъ до Прилукъ, разогнали козаковъ Самка, тогда Полковники рѣшились примириться. Самко просилъ прощенья у Золотаренка и Силича; писалъ: «Не время намъ считаться, время начать жить въ «братствѣ по прежнему.» Назначили Раду въ Высокомъ на Супоѣ, съѣхались, утвердили миръ между собою крестнымъ цѣлованіемъ, избрали Самка Наказнымъ Гетманомъ, пошли общими силами на Поляковъ, разбили ихъ у Лукомли и Листвицы и прогнали за Днѣпръ; съ ними бѣжалъ и Брюховецкій.

Что оставалось ему? Смятенія между Католиками и Диссидентами, Конфедераты, Королева, Іезуиты, слабость Короля заставили Республику забыть объ Украинѣ. Лишась надежды на Польскую помощь, Брюховецкій отправился на Запорожье. Тамъ дрались Сѣчь съ Сѣчью, курень съ куренемъ. Явясь въ Сѣчь Калницкую, Брюховецкій примирилъ ее съ Никитинскою и былъ избранъ въ Кошевые.

Въ это время Самко съ Золотаренкомъ спорили о булавѣ; Протасьевъ доносилъ Царю о мнѣніи Протопопа Максима; Епископъ Меѳодій ѣздилъ отъ Золотаренка съ доносами на Самка, и при Дворѣ Царскомъ ходатайствовалъ за Брюховецкаго; Юрій домогался Гетманства съ помощію Татаръ и Поляковъ. Золотаренко поражалъ Татаръ, проникнувшихъ къ Нѣжину и Стародубу, Самко билъ Юрія близъ Хотомли и Ирклѣева, Татары грабили Альтицу, Юрій бѣжалъ къ Каневу и удалился въ монастырь Жидичинскій. Тогда оставя Наказными, какими объявили себя оклеветанные Меѳодіемъ Самко и Золотаренко, Государь назначилъ Брюховецкаго Наказнымъ южной Украины по городъ Роменъ, и приказалъ созвать Раду для избранія Гетмана дѣйствительнаго. На этомъ остановились мы въ главѣ предидущей.

Рады Козелецкая и Переяславская избрали Самка; Выдубецкая и Острянская Золотаренка; за разногласіемъ Государь не утвердилъ ни того ни другаго; назначили Раду въ Нѣжинѣ.

Окольничій, Намѣстникъ Галицкій, Князь Данило Степановичъ Великаго-Гагинъ, Стольникъ Кирило

Осиповичъ Хлоповъ, Дьяки Дементій Башмаковъ и Евстратъ Фроловъ выѣхали въ Нѣжинъ. Брюховецкій поѣхалъ къ нимъ на-встрѣчу изъ Гадяча въ Батуринъ, преклонилъ ихъ на свою сторону ласкательствами и деньгами, а Запорожцевъ разослалъ по городамъ приглашать Посполитство въ Нѣжинъ «для разграбленія города.» Со всѣхъ сторонъ не только козаки, но и крестьяне собирались на мнимый грабежъ. Подъ Нѣжиномъ встрѣтилъ Гагина Самко, воздалъ ему должныя почести, поручилъ Царской милости себя, Полковниковъ и Сотниковъ. Но задаренный Брюховецкимъ, Гагинъ не взялъ стороны мужественнаго Полковника. Когда-же Самко предувѣдомилъ его, что Рада будетъ спорная, что безъ бунтовъ и дракъ не обойдется; то ставъ обозомъ и имѣя достаточное количество Московскаго войска, онъ окружилъ себя стражею, а козакамъ и черни приказалъ явиться безоружными.

Іюня восьмнадцатаго барабанный бой созвалъ народъ къ Царскому шатру; «такой Рады дотолѣ еще не бывало на Украинѣ.» Брюховецкій, стоя между Запорожцами, насмѣхался надъ Самкомъ и Золотаренкомъ. Начали читать Государеву грамоту; вдругъ народъ зашумѣлъ; Переяславцы закричали: «хотимъ Самка!» Нѣжинцы закричали: «Золотаренка!» Крикъ Запорожцевъ: «Брюховецкаго, Брюховецкаго!» все заглушилъ. Послы хотѣли заставить народъ замолчать, шумъ увеличивался, началась драка, засверкали ножи, толпа бросилась на толпу, кончилось кровопролитіемъ. Силичъ былъ раненъ, Самко побѣжалъ черезъ Царскій шатеръ, Запорожцы изломали его бунчукъ, онъ успѣлъ скрыться, но едва

1653.

не былъ убитъ кулаками. Въ Государевомъ шатрѣ и за шатромъ многіе были забиты въ смерть Запорожцами; и самого Гагина въ давкѣ чуть не задушили; козаки Самка и Золотаренка, видя невозможность противустоять Сѣчевымъ, съ ними соединились; Брюховецкаго подтвердили, поставили на столъ, прикрыли войсковою хоругвію и провозгласили Гетманомъ.

Самко угрожалъ Гагину, писалъ къ Государю жалобу: «яко Запорожцы насиліемъ у него знамена «войсковыя отнявши, Брюховецкому вручили.» Но эта угроза не подѣйствовала, Князь приказалъ принесть въ Царской шатеръ бунчукъ и булаву, и вручилъ ихъ Брюховецкому; а Самку и Золотаренку далъ отъ имени Государева повелѣніе явиться и.... неслыханное дѣло: «какъ они немедленно по указу «Царскому приспѣли, того времени оружіе и одеж«ды имъ поодбирано, и самихъ съ людьми ихъ «одобранными, за караулъ взято, а Брюховецкому, «тамъ-же на вѣрность присягнувшему, Князь самъ «вторично булаву и бунчукъ поручилъ, при кото«ромъ на Гетманство постановленіи многихъ знат«ныхъ козаковъ чернь побивши, имѣнія ихъ раз«грабила, а Самково имѣніе Запорожская голота «расхитила.» Это безчиніе, говоритъ лѣтопись, нѣсколько дней продолжалось; подстрекаемое Гетманомъ, оно до того дошло, что въ домахъ обывательскихъ ничего не осталось въ цѣлости. Оставя имущества на волю грабителей, хозяева укрывались куда и въ чемъ кто могъ; ждали только къ чему приведетъ Малороссію эта неистовая жажда крови? какой будетъ конецъ?

Фроловск. лѣт.

Въ Нѣжинѣ начались пиры; въ ставкѣ Гетманской веселились; за ставкою, въ темнотѣ и безъ пищи, томились въ кандалахъ Полковники: Самко, Золотаренко, Силичь и Засядка; вскорѣ ихъ перевезли въ Борзну. Восьмое Сентября назначено было днемъ казни. Татаринъ былъ палачемъ; съ обнаженнымъ оружіемъ Запорожцы окружали невинныхъ. Прочтенъ былъ Гетманскій универсалъ; бывшее на Радѣ смятеніе имъ было приписано,—казнь началась. Храбрые сподвижники стараго Хмѣльницкаго оканчивали жизнь одинъ за другимъ отъ руки Магометанина; послѣдній былъ «лицемъ и тѣломъ мужъ изрядный, «воинъ отважный, вызволёный кавалеръ, воли и «Указа Царскаго всеохотнѣйшій послушникъ» Увидя мужественную красоту и исполинскій ростъ его, татаринъ изумился; онъ долго отрекался поднять топоръ на него; но его принудили, и голова человѣка знаменитаго упала въ прахъ. То былъ побѣдитель Поляковъ и Татаръ, безбоязненный защитникъ Малороссіи, другъ Москвы—Самко, Полковникъ Переяславльскій.

8 Сентяб. 1663.

Таково было начало Гетманства Брюховецкаго. Услышавъ о столь неожиданномъ злодѣяніи, Малороссія взволновалась; всѣ Полковники возстали; но Брюховецкій перехваталъ ихъ и отправилъ въ Москву; ихъ сослали въ Сибирь; мѣста ихъ заняли Запорожцы. «И сіи Полковники, знавши одно распутство и своевольство, разрушили всю регулу, въ «полкахъ реестровыхъ заведенную Гетманомъ Ро-«жинскимъ и подтвержденную Гетманомъ Богда-«номъ Хмѣльницкимъ; и вмѣсто того допущено «въ нихъ Янычарское буйство, самовольство и не-

«повиновеніе.» Каждому новому полковнику Брюховецкій далъ по сту человѣкъ тѣлохранителей. Знатнымъ козакамъ приказалъ отдать съ себя жупаны и шубы пѣхотѣ Запорожской; фуражъ и провіантъ у кого хотѣли, у того и брали «безъ потребы.» Народъ говорилъ, что это не Гетманъ, но «нѣкоторый тиранъ ненасытный.»

Такъ, устроивъ дѣла въ Борзнѣ и въ Нѣжинѣ, Брюховецкій началъ заботиться о пополненіи убытковъ, понесенныхъ для достиженія Гетманства; онъ пошелъ по Малороссіи, ограбилъ многія Шляхетныя семейства; въ Переяславлѣ добылъ казну, собранную Самкомъ для скарбу Малороссійскаго, подѣлился этою народною суммою съ Запорожцами, и двинулся съ ними на Кременчугъ. Дорогою, между Кременчугомъ и Переяславлемъ, встрѣтилъ онъ разъѣзды Татарскіе: Запорожцы прогнали ихъ за Днѣпръ. Сотенный городъ тогдашняго полка Миргородскаго, нынѣшнее мѣстечко Кременчугскаго уѣзда, Потокъ сдался Брюховецкому; но Кременчугъ устоялъ; долго Гетманъ его домогался—тамошніе козаки не сдавались грабителю родины; вдругъ пришло два непріятныхъ извѣстія для Брюховецкаго: Польскій Король двинулся съ многочисленнымъ войскомъ въ восточную Малороссію; узнавъ о необузданности новаго Гетмана, Заднѣпровскіе Полковники отложились отъ Москвы и идутъ съ Королемъ.

И дѣйствительно, полагая, что злодѣю потачку Конисскій. дастъ Московское Правительство, Тетеря, Дорошенко, Богунъ и Гуляницкій соединились съ Поляками; они не знали, что всему были пружиною Гагинъ и Хлоповъ,—эти подкупленные Брюховецкимъ

клеветники преданныхъ Государю Полковниковъ и Старшинъ Малороссіи; и конечно, никого иного, кромѣ этихъ Бояръ, не должно считать предателями Россіи; они-то отторгнули Заднѣпріе отъ Государя, который былъ далеко, и по фальшивымъ донесеніямъ считалъ Брюховецкаго своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Какъ-бы то ни было, извѣстіе оказалось справедливымъ. Польша и Заднѣпровская Украйна шли вооруженные на лѣвый берегъ Днѣпра; ихъ велъ самъ Король.

Тогда Гетману нечего было думать о взятіи Кременчуга. Онъ выжегъ его предмѣстія и отправилъ къ Государю ложное донесеніе, что Кременчугъ взятъ; оно привезено было въ Москву 15 Октября Генеральнымъ Обознымъ Иваномъ Цесарскимъ и Кіевскимъ Полковникомъ Василіемъ Дворецкимъ. Вскорѣ злодѣй принужденъ былъ просить Государя о поспѣшной высылкѣ Московскаго вспомогательнаго войска.

Узнавъ о неустройствахъ въ Украйнѣ, Царь отправилъ въ Батуринъ Дьяковъ Дементія Башмакова и Евстафія Фролова, съ повелѣніемъ собрать всѣ чины и козаковъ, и согласить ихъ или на утвержденіе Гетманомъ Брюховецкаго, или на выборъ новаго. Такъ мудрыя и снисходительныя повелѣнія Государя всегда бывали искажаемы насильственными распоряженіями Московскихъ чиновниковъ. Но посланные опоздали; наличные въ Батуринѣ Старшины объявили Дьякамъ, что собраній дѣлать теперь и некому и нѣкогда, что Заднѣпріе отъ насъ отложилось, что здѣшнимъ Полковникамъ время думать не о выборахъ, а о спасеніи себя, семействъ и Украины;

наконецъ, что Король къ намъ идетъ войной. Дьяки отвѣчали: «по Соборному Уложенію дѣло съ Королями до сего не касается.» Давъ таковой отвѣтъ, они оба уѣхали въ Москву.

Кониссκій.

Брюховецкій до ихъ отъѣзда подоспѣлъ въ Батуринъ, и началъ писать новыя статьи договорныя между Москвою и Украйною. Слѣдующія пять успѣлъ онъ прибавить къ прежнимъ.

По всѣмъ городамъ Малороссійскимъ разослать универсалы о поимкѣ Россійскихъ бѣглецовъ, и объ отправленіи ихъ на прежнія жительства, съ строжайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ никто не смѣлъ въ Украйнѣ, подъ смертною казнію, принимать такихъ людей.

Составить перепись всѣмъ козакамъ, мѣщанамъ и поселянамъ съ означеніемъ ихъ угодій и домовъ.

Не продавать хлѣба Заднѣпровскимъ измѣнникамъ и Татарамъ.

Строжайше запретить Малороссіянамъ возить вино и табакъ въ Москву и въ пограничные города Россійскіе, въ отвращеніе убытка казнѣ. Въ случаѣ-же поимки продавцовъ, запрещенный товаръ отбирать безъ всякаго платежа.

Государевымъ ратнымъ [illegible]ъ, въ Малороссіи находящимся, во уваженіе бѣдности тамошнихъ жителей и понесеннаго ими отъ непріятелей разоренія, довольствоваться слѣдующимъ ежегоднымъ содержаніемъ: Воеводамъ—мельницею о двухъ колесахъ, Головамъ и Полковникамъ—пятью-десятью осьмухами ржаной муки; Подполковникамъ и Маіорамъ—двадцатью пятью; Ротмистрамъ и Капитанамъ—

двадцатью; Поручикамъ, Прапорщикамъ и Сотникамъ — десятью; рейтарамъ, драгунамъ, солдатамъ и стрѣльцамъ—четырьмя.

Болѣе ничего не успѣлъ Брюховецкій сдѣлать: Король переправился черезъ Днѣпръ подъ Ржищевымъ.

ГЛАВА XXVIII.

Походъ Короля. Его войска и Полководцы. Военный совѣтъ подъ Бѣлымъ-Камнемъ. Крымцы и Литва. Монахъ Гедеонъ. Предложеніе Юрію Митрополіи. Переправа черезъ Днѣпръ Поляковъ. Тетеря и Гулянинцкій. Завоеваніе страны. Дворецъ въ Острогѣ. Зимнія квартиры Польскихъ войскъ. Походъ на Глуховъ. Мѣстничество въ Русскомъ войскѣ. Осада Глухова. Дуня. Битва подъ Пироговкою. Самохвальство Поляковъ. Сулима и Высочинъ. Судъ надъ Виговскимъ. Казнь. Мятежъ на-Заднѣпріи. Собѣскій. Битва. Бидзинскій и Полубанскій. Тетеря въ Чигиринѣ. Крымцы. Сирко. Поѣздка Чарнецкаго въ Крымъ. Возвращеніе. Чарнецкій выкидываетъ изъ гробовъ кости Богдана Хмѣльницкаго и сына его.

Окончивъ дѣла, до Малороссіи не касающіяся, Янъ Казиміръ прибылъ въ станъ подъ Скваржово, куда оба Коронные Гетмана привели сорокъ тысячь войска, хорошо устроеннаго и вооруженнаго. Здѣлавъ смотръ, Король объявилъ походъ на Украйну, выступленіе назначилъ 11-го Августа; главное начальство принялъ на себя.

При немъ находились: Коронный Гетманъ, Воевода Краковскій Станиславъ Потоцкій; Воеводы: Князь Дмитрій Вишневецкій, Бельзскій; Янъ Замойскій, Сандомирскій; Стефанъ Чарнецкій, Рус-

скій; Иванъ Виговскій, Кіевскій; Станиславъ Яблоновскій, и Коронный Хорунжій Янъ Собѣскій. Многіе Сенаторы и чиновники явились въ станъ, окруживъ себя многочисленнымъ войскомъ надворнымъ. Татары также ожидали прибытія Королевскаго въ Украйну; они цѣлый мѣсяцъ стояли на Цецорскихъ степяхъ; Ханъ Махметъ-Гирей прислалъ къ Королю гонца, съ увѣдомленіемъ, что готовъ идти на Москву.

Августа 11-го, войско двинулось подъ Бѣлый-Камень; тамъ собранъ былъ военный совѣтъ; рѣшено было, для удобнѣйшаго пропитанія, раздѣлить армію на три части; одна, подъ начальствомъ Потоцкаго, пошла на Тарнополь; другую повелъ Чарнецкій на Дубно; съ третьею, Янъ Собѣскій началъ пробираться черезъ Волынь, и вскорѣ сталъ подъ Баромъ. Легкая кавалерія, въ числѣ трехъ тысячь конниковъ, составляла войско передовое; Король велъ арріергардъ, при немъ были гвардія и артиллерія подъ начальствомъ Фромштета и Вольфіума, и нѣсколько пѣхотныхъ полковъ подъ командою Корыцкаго и Эрнста Гротгаузена. 1663 Авг. 11.

Рѣки разлились отъ дождей; Король, ожидая убыли воды, остановился подъ Почайцами; оттуда пошелъ подъ Шароградъ, городъ, принадлежащій Замойскому; тамъ расположился лагеремъ и получилъ извѣстіе, что Литовское войско, поступивъ подъ начальство Напольнаго Гетмана Михайла Паца, двинулось, въ числѣ тридцати тысячь, на Шкловъ и на Быховъ. Въ это время сорокъ тысячь Татаръ соединились съ Собѣскимъ; ихъ Полководцы, Сефиръ-Гирей и Менгли-Гирей, объявили Королю, отъ

имени Хана, что по первому Королевскому требованію готово еще столько-же Крымцевъ. Подъ Шароградомъ былъ второй военный совѣтъ; положено: Королю остаться за Днѣпромъ, а Чарнецкому, съ своимъ отрядомъ и съ Татарами, перенести войну на лѣвый берегъ Днѣпра, и за опустошеніе Польши воздать козакамъ опустошеніемъ восточной Украйны. Ставище было избрано складочнымъ мѣстомъ припасовъ, снарядовъ и продуктовъ, гдѣ должны устроиться магазины и лазареты для раненыхъ; для охраненія всего оставлены были Полковникъ Маховскій, Ротмистръ Хлоницкій и Ельскій съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ Чарнецкаго.

Но желаніе Короля—дѣйствовать лично, измѣнило планъ; онъ рѣшился со всѣмъ войскомъ переправиться за Днѣпръ и всею силою ударить на Украйну. Для обезпеченія Заднѣпровской Украйны оставленъ былъ на той сторонѣ Днѣпра Тетеря, признанный отъ Республики и Короля Гетманомъ; къ нему было придано нѣсколько Польскихъ полковъ.

Подъ Шароградъ, въ станъ Королевскій, прибылъ Московскій Посолъ для переговоровъ о мирѣ; полагая, что онъ пріѣхалъ для развѣдыванья, Король не принялъ его. Туда-же отъ духовенства Грекороссійскаго явились искатели Кіевской Митрополіи: Яскульскій и Виницкій, а съ ними и чернецъ Гедеонъ—то былъ Юрій, сынъ Богдана Хмѣльницкаго. Двумъ первымъ Король отказалъ; жезлъ первосвященника онъ предложилъ Юрію. Но этотъ желалъ не клобука, не панагіи, а бунчука и булавы; онъ благодарилъ Короля за милость и отказался отъ Митрополіи.

На семнадцати большихъ судахъ, называемыхъ байдаками, козацкій Полковникъ Ханенко соорудилъ подъ Ржищевымъ, что по-выше Переяславля, мостъ черезъ Днѣпръ. Сперва прошли два пѣхотные полка и нѣсколько эскадроновъ для обезпеченія переправы отъ нападенія; два Днѣпровскіе острова были заняты артиллеріею; Татары на связкахъ изъ тростника и ситника пустились вплавь подъ Триполемъ и Стайками; а 13 Ноября вся Королевская армія перешла по мосту подъ Ржищевымъ. 1663 Нояб. 13.

Вскорѣ Король вызвалъ Тетерю изъ-за-Днѣпра и присоединилъ его къ Татарской колоннѣ, вмѣстѣ съ Гуляницкимъ, бывшимъ Нѣжинскимъ Полковникомъ; Богунъ съ своими козаками былъ отданъ подъ начальство Чарнецкому. Раздѣлясь на три Колонны, Польская армія пошла на Боришполь и Боришевку; Переяславль у нихъ остался вправѣ. Войска Козацко-Московскія были размѣщены по укрѣпленнымъ городамъ и замкамъ, кромѣ кавалеріи, которая, тревожа налетами Королевскій станъ, уничтожала или забирала фуражъ и провіантъ. Но слабость гарнизоновъ и ненависть народа и войска къ Брюховецкому были таковы, что городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостью сдавались Королю; рѣдко гдѣ встрѣчалъ онъ отпоръ, почти всегда безсильный; въ мѣстахъ, безъ бою сдававшихся, Поляки брали аманатовъ; жителей городовъ и селеній, одолѣваемыхъ войною, безъ разбора пола и возраста вырѣзывали; болѣе всѣхъ къ побѣдѣ способствовалъ Богунъ: его слава и храбрость увлекали Малороссіянъ; козаки толпами стекались къ нему, покидая Брюховецкаго; мѣстечки Боришполь и Боришевка сдались первыя.

Узнавъ, что Ромодановскій велѣлъ Брюховецкому тревожить Короля, и что Гетманъ выступилъ уже въ походъ съ 14,000 козаковъ, Чарнецкій пошелъ къ нему на-встрѣчу; но онъ скрылся въ глубину края, а Чарнецкій взялъ городъ Ромны, бывшее владѣніе Вишневецкихъ, гдѣ нашелъ значительное количество жизненныхъ припасовъ и другихъ потребностей. Въ то-же время мѣстечко Нѣжинскаго уѣзда Монастырище было разорено до основанія; жители умерщвлены за оказанное ими сопротивленіе; Прилуки не могли устоять противъ Тетери; городъ Сотенный Кіевскаго полка, Олишевка, сдалась; Остеръ то-же былъ взятъ войсками Королевскими. Тетеря путемъ свободнымъ на Ичень обошелъ Нѣжинъ и присоединился къ Королю.

Въ Острѣ, гдѣ располагалъ Король зимовать, былъ на-скоро построенъ дворецъ, въ укрѣпленной части города; отряды были разведены по городамъ и мѣстечкамъ: Вольфіумъ и Дебоэмъ остались при Королѣ, Потоцкій расположился въ Козельцѣ, Собѣскій въ Дубровнѣ, Чарнецкій въ Мостовцахъ. Вскорѣ планъ похода измѣнился: положено было идти всѣми соединенными силами къ Глухову. Къ начальникамъ отрядовъ посланы были повелѣнія соединиться съ Королемъ близь Новагорода-Сѣверскаго. Узнавъ о движеніи главной квартиры, Брюховецкій перерѣзалъ ей путь подъ Старынемъ; при немъ было козаковъ восьмнадцать тысячь; едва вступилъ онъ въ бой съ Поляками, какъ подошли Чарнецкій и Собѣскій, и онъ бѣжалъ, оставя четыре тысячи человѣкъ на полѣ битвы. Съ Примасомъ Пражмовскимъ стычка Сотника Нужнаго была удачнѣе.

Пражмовскій остановился для ночлега; лагерную стражу содержалъ у него Новомлинскій; поразивъ эту стражу, Нужный ворвался въ городъ и, безъ сомнѣнія, захватилъ-бы Примаса, если-бъ не подоспѣлъ Ротмистръ Воложской Хоругви Панъ Тарасовскій, и не задержалъ нашего Сотника на короткое время, покуда Пражмовскій успѣлъ скрыться изъ города въ станъ; но всѣ бумаги и снаряды достались нашимъ козакамъ.

Замерзшія рѣки облегчали переправу обозовъ и артиллеріи; присутствіе Короля поддерживало веселое расположеніе духа, оживляло ревность Польскаго войска; однакожь, не смотря на это, походъ его въ зимнее время былъ весьма тягостенъ, и трудно описать радость его, когда посланецъ Королевскій Павелъ Вольскій, возвратился изъ Крыма съ увѣдомленіемъ, что Карамъ-Бегъ ведетъ на помощь двадцать тысячъ Татаръ. Это ободрило Поляковъ, и внушило имъ новыя надежды на побѣду.

По примѣру Тетери, Король миновалъ Нѣжинъ, боясь потерять значительное количество войска подъ этимъ городомъ, который былъ сильно защищенъ, но Салтыкова Дѣвица испытала судьбу Монастырища: взятая съ бою, она была разграблена, сожжена, жители ее проданы въ рабство Татарамъ. Польскіе Историки разсказываютъ, что Король надѣялся найти въ Дѣвицѣ складку богатыхъ товаровъ; тамъ начальствовалъ Сотникъ Трокачъ; къ нему послали трубача, съ требованіемъ сдачи города—отвѣтомъ была ружейная пальба. Начался приступъ, Трокачъ былъ раненъ въ горло и палъ на окопахъ; часть жителей была вырѣзана, часть про-

дана; такъ погибло народоселеніе Дѣвицы, простиравшееся въ то время до 10,000 душъ. Отрядъ, разорившій Дѣвицу, пошелъ къ Березнѣ; но его начальникъ не рѣшился на приступъ; онъ узналъ, что тамъ засѣлъ съ сильнымъ козацкимъ гарнизономъ Полковникъ Сосницкій Яковъ Скиданъ. Самому Королю сдались безъ сопротивленія: Мена, Новые Млины и Сосница, въ которой Поляки, полагаясь на шпіоновъ, думали найти великія сокровища, и ничего не нашли; Богуну сдалась Борзна; отрядъ боковой взялъ Коропъ; передовый—Кролевецъ. Батуринъ, защищенный Брюховецкимъ, устоялъ. Беззащитная Малороссія было разорена, почти всѣ ея селы были выжжены, часть народонаселенія была уведена въ Крымъ. Брюховецкаго ненавидѣли козаки, они не защищали его; Бояре между собою ссорились; равные чинами и происхожденіемъ нехотѣли другъ другу повиноваться; вмѣсто битвъ съ Поляками занимались мѣстничествомъ и разборами дворянскихъ хартій; а въ это время враги Украйны и Москвы, опустошая страну, говорили, что это месть Брюховецкому за убытки, причиненные Польшѣ. Описывая это мщеніе, Архіепископъ Кониссій говоритъ, что оно: «было тако умно и праведно, «какъ разсудокъ цыганскій, по которому Цыганъ «бьетъ свою мать, дабы боялась его жена.» Какъ-бы то нибыло, Король подступилъ къ Глухову.

Въ городѣ заперся Генеральный Судья Павелъ Животовскій съ тремя полками реестровыми: Черниговскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ. Осада была жестокая и продолжительная. Лѣтопись Кониссаго повѣствуетъ, что въ Глуховъ было брошено

до *ста тысячь* бомбъ и гранатъ, и было сдѣлано нѣсколько приступовъ; вылазки уничтожали всѣ Королевскія намѣренія; каждый день число осаждающихъ умалялось. Между тѣмъ Татарскій отрядъ, отправившійся для грабежа на сѣверъ отъ Глухова, возвратился съ извѣстіемъ о движеніи Московскихъ войскъ. Вѣсть была справедлива: Ромодановскій вступилъ въ Малороссію и соединился въ Батуринѣ съ Брюховецкимъ. Куракинъ и Черкасскій придвинулись къ нашимъ границамъ; первый сталъ въ Путивлѣ, второй въ Брянскѣ. Они все еще продолжали споры о старшинствѣ съ Ромодановскимъ, который, однако-же, съ помощью Брюховецкаго началъ отбирать отъ Поляковъ и Татаръ города, ими занятые. Коропъ, Новые Млины, Борзна, весь полкъ Прилуцкій были очищены отъ Королевскихъ гарнизоновъ. Въ Кролевцѣ Королевская казна была захвачена Брюховецкимъ. Эти успѣхи нашихъ войскъ и въ то-же время просьба Татаръ, по неволѣ выполненная Королемъ, чтобъ позволено было имъ возвратиться въ Крымъ до весны, — принудили снять осаду, и двинуться къ Новугороду-Сѣверскому отъ Глухова, гдѣ такъ неудачно простоялъ Король пять недѣль.

Поляки въ неудачѣ подъ Глуховскимъ винятъ Дуню, Полковника козаковъ Заднѣпровскихъ, который будто-бы осужденнымъ продавалъ порохъ. Но истинною виною этой неудачи были: страхъ Ромодановскаго и Брюховецкаго, приближеніе весны, близкое разлитіе рѣкъ и недостатокъ продовольствія; онъ уже становился ощутительнымъ. Таково по-крайней мѣрѣ признаніе самихъ Польскихъ Исто-

риковъ. Однакожъ, по совѣту находившихся при Королѣ Сенаторовъ, положено было не объявлять войску о прямой цѣли отступленія. Поляки не предвидѣли, что идутъ въ обратный путь; въ станѣ, при звукѣ трубъ, обнародованъ былъ походъ въ глубину непріятельской земли: Бидзинскій и Полубинскій приняли начальство и пошли отъ Глухова. Оставленнымъ внутри Украйны начальникамъ отрядовъ: Вишневецкому, Якову Потоцкому, Незабытовскому и Гуляницкому велѣно было также предпринять обратный путь на Заднѣпровье. Поручивъ всѣ войска Чарнецкому, Король подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ хоругвій для безопасности поѣхалъ черезъ Стародубовскій повѣтъ въ Вильно.

Войско Чарнецкаго, настигнутое Ромодановскимъ у села Пироговки, было обращено въ бѣгство; арріергардъ былъ отбитъ отъ переправы, обозъ и снаряды остались въ рукахъ побѣдителей; съ крайнею опасностію одна половина войска перебѣжала черезъ Десну по хрупкому весеннему льду, другая принуждена была ретироваться лѣвымъ берегомъ, подъ командою Короннаго Гетмана: онъ жегъ и грабилъ все, что ни встрѣчалъ на дорогѣ; Брюховецкій гнался за нимъ и довершалъ истребленіе жителей и разореніе края, «измѣннически предавша-«гося Полякамъ,» какъ онъ говорилъ.

Таковы были послѣдствія Королевскаго похода въ Малороссію, «сего памятнаго похода», которымъ хвастаются Поляки, описывая всѣ подробности его. Его надлежитъ «изобразить въ подробностяхъ,» пишетъ одинъ изъ Историковъ, «чтобы передать по-«томству мужество и опытность въ искуствѣ воен-

« номъ, какъ Короля, который лично предводитель-
« ствовалъ, такъ и мужественныхъ предковъ нашихъ,
« которые со святымъ самоотверженіемъ споспѣше-
« ствовали своему Государю въ одержаніи побѣдъ;
« а вмѣстѣ съ тѣмъ сіе покажетъ могущество и силу
« народа, равно и благоразуміе мѣръ, имъ приня-
« тыхъ, дабы весть сію войну, испытавъ столь же-
« стокія нападенія многочисленныхъ непріятелей;
« сверхъ того, въ то время, когда Республика была
« обуреваема внутренними раздорами, удручена
« союзомъ взбунтовавшихся козаковъ, несогласіемъ
« аристократовъ, неимѣніемъ сильной конститу-
« ціи, безсиліемъ исполнительной власти.» Эта похвала Республикѣ не приноситъ чести ни тому, кто писалъ ее, ни Республикѣ; а о мужествѣ, опытности и послѣдствіяхъ знаменитаго похода судить предоставляемъ потомству, которое читаетъ о немъ повѣсть, взятую изъ Польскихъ архивовъ и историковъ.

На Заднѣпровской Украйнѣ смятенія увеличились. Толковникъ Дуня подстрекалъ козаковъ противъ Республики, былъ истребленъ Поляками, и Гуляницкій принялъ начальство надъ его полкомъ.

Здѣсь являются на поприще битвъ Сулима и Высогинъ. Тридцать тысячь козаковъ, подъ предводительствомъ этихъ Полковниковъ, взбунтовались противъ Короля на Заднѣпровьи: Лысянка, Ставище, Трахтимировъ пали подъ ихъ оружіемъ; въ подстрекательствахъ обвиняли Виговскаго. Король, получившій о томъ извѣстіе не далеко отъ Глухова, при отступленіи, отправилъ Тетерю для изслѣдованія

доноса; оставленный за Днѣпромъ, чтобъ удерживать тамошнихъ козаковъ въ повиновеніи, Маховскій, видя съ ними не-равный бой, принужденъ былъ отступить въ Бѣлую-Церковь и въ ней заперся. Въ это время Брюховецкій распускалъ слухи о пораженіи Короля и Чарнецкаго, увеличивалъ число своихъ войскъ, и отправилъ Кошеваго Сирка для осады Маховскаго въ Бѣлой-Церквѣ; но Сирко, услыша о приближеніи Тетери, отступилъ отъ города; какъ скоро туда явились двѣ тысячи козаковъ, преданныхъ Королю, и обезопасили Маховскаго, то, заблаговременно пойманный и посаженный въ тюрму Бѣлоцерковскую, Сулима былъ приведенъ на судъ, приговоренъ къ смерти и казненъ. Потомъ потребовали и Виговскаго *«на военный совѣтъ къ Королю въ Бѣлу-Церковь.»* Виговскій былъ въ Хвастовѣ; получивъ предписаніе, немедленно прибылъ въ Бѣлу-Церковь. Тамъ дѣла были уже приготовлены, былъ собранъ военный совѣтъ, и председателемъ назвалъ самъ себя, никѣмъ не уполномоченный, Маховскій.

Напрасно Виговскій подалъ протестъ, ссылался на то, что Гетманъ войскъ Запорожскихъ, Сенаторъ Королевства, не можетъ быть судимъ Полковникомъ; напрасно требовалъ видовъ письменныхъ, по которымъ-бы Маховскій уполномоченъ былъ отъ Короля и Сейма дѣйствовать по своему произволу; напрасно объявлялъ, что измѣна его не доказана; что для приговора однихъ подозрѣній не довольно:—Маховскій ничему не внялъ.

Десять часовъ продолжался судъ. Воевода Кіевскій, Гетманъ, Сенаторъ, побѣдитель Русскихъ подъ

Конотопомъ, защитникъ Польши, неоднократно отвращавшій гибель отъ Республики, когда еще находился при старомъ Хмѣльницкомъ, въ званіи Войсковаго писаря,—Виговскій былъ разстрѣлянъ.

Польскій Историкъ Малороссіи, котораго рукопись лежитъ предъ нами, защищая Поляковъ во всѣхъ ихъ поступкахъ, не могъ однакожь защитить этого, сколько ни старался облегчить всю мерзость его. «Виговскій», говоритъ онъ, «сдѣлался жертвою « вражды и недоброжелательства Тетери, несправед« ливости и неразсудительности Маховскаго. *Респуб« лика признала на Сеймъ невинность Виговскаго;* « потомство его, по конституціи 1666-го года, допу« щено было ко владѣнію имуществомъ, отъ него « оставшимся.» Спрашивается: легче-ли отъ этого стало Виговскому? Это-ли были средства къ обращенію Украйны на сторону Республики? И моглили Малороссіяне надѣяться на права народныя,—послѣ новаго доказательства, какъ сильны были уставы тогдашней Польши, какъ безопасны были собственность и жизнь даже первѣйшихъ нашихъ сановниковъ въ рукахъ обуялыхъ пановъ?

Конечно, Виговскій долженъ былъ кончить жизнь или на плахѣ или на висѣлицѣ: хищнически вырванная изъ рукъ Юрія булава; предательскіе совѣты своему питомцу, сыну благодѣтеля; доносы на него Царю; покража народно-войсковой казны; измѣна Украйнѣ, матери, которая назвала Батькомъ пріемыша; отдача Малороссіи ненавистной для нее Республикѣ, тогда когда онъ, какъ Гетманъ, долженъ былъ и мыслить и жить благомъ народа, его избравшаго,—

все это рано или поздно должно было привесть его не къ благородной смерти воина, а къ лобному мѣсту. Но не Полякамъ было-бъ его казнить. Малороссіяне не жалѣли объ немъ, и все-же оцѣнили поступокъ Поляковъ. Отъ Виговскаго осталось три сына: Янъ, Константинъ и Станиславъ, и дочь Маріанна, вышедшая за-мужъ за Старосту Ольховецкаго Осипа Ржевускаго.

Немедленно увидимъ мы поступокъ пановъ и съ другими нашими измѣнниками. Польша казнила людей, которые любили ее больше своей родины.

Заднѣпровская Украйна вспыхнула изъ конца въ конецъ. Узнавъ о беззаконной казни Виговскаго по клеветамъ Тетери, отдѣльные вожди народа поднялись на Поляковъ; главная Королевская армія была за Днѣпромъ; Брюховецкій готовился перейти на правый берегъ. Дѣла становились для Польши опасными. Чарнецкій провожалъ Короля въ Минскъ. Собѣскій, тогда еще Коронный Хорунжій, принялъ начальство надъ арміею, направилъ путь къ Днѣпру, издалъ прокламацію къ Малороссіянамъ, козакамъ приказывалъ положить оружіе, чернь уговаривалъ возвратиться къ хозяйственнымъ занятіямъ. « Воля и « повелѣніе Королевскія», заключилъ онъ свое воззваніе, « суть таковы, чтобъ въ какомъ нынѣ положе- « ніи находится Украйна, въ такомъ оставалась и « впредь, доставляя только войскамъ выгодныя квар- « тиры по городамъ и необходимое содержаніе; а « войско, будучи принято ласково, будетъ ласково «обходиться съ жителями». Ему отвѣтомъ была война.

Собѣскій привелъ войска въ боевой порядокъ и двинулся впередъ. Янъ Сапѣга начальствовалъ надъ

арріергардомъ. По краткомъ кровопролитномъ сраженіи, козаки были разбиты, потеряли двѣ тысячи человѣкъ убитыми и плѣнными; въ числѣ послѣднихъ находился Сотникъ Скиданъ, который былъ немедленно, по приказанію пановъ, посаженъ на колъ. Чарнецкій, препроводивъ Короля, поспѣшалъ къ Собѣскому, и началъ переправляться черезъ Днѣпръ; Сирко хотѣлъ его не пустить; Чарнецкій обманулъ: разложивъ огни на берегу Днѣпра, показалъ, будто хочетъ переправиться выше Ржищева; а въ это время войско перешло чрезъ Днѣпръ ниже, ни одно орудіе не было оставлено, всѣ военные снаряды были перевезены, Сирко былъ разбитъ, Поляки захватили полторы тысячи лошадей, которыхъ всадники спаслись пѣшкомъ.

Бидзинскій и Полубинскій, высланные въ глубину Великороссіи, проникнули туда на нѣсколько десятковъ миль, вездѣ оставляли слѣды опустошенія, счастливо били козаковъ и Царскіе отряды въ нѣсколькихъ стычкахъ; но не имѣя никакихъ свѣдѣній о Королѣ и о выступленіи Польскихъ войскъ изъ восточной Украйны, видя убыль въ людяхъ и лошадяхъ отряда своего, приняли путь ко Днѣпру. Въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ узнали о переправѣ Чарнецкаго, пошли къ Лубнамъ и тамъ раздѣлились. Бидзинскій, обеспокоиваемый козацкими наѣздами, пошелъ по слѣдамъ Чарнецкаго; Полубинскій пошелъ въ Литву за Королемъ.

Въ Красномъ переговоры съ Москвою о мирѣ шли затруднительно. Пацъ во время перемирія стоялъ на берегу Днѣпра, Хованскій былъ у него передъ

глазами, нѣсколько Поляковъ пасли лошадей между двумя лагерями, —они поссорились съ передовыми Хованскаго, были схвачены и посажены на колъ въ виду Паца; Поляки напали на лагерь, Царское войско было разбито, весь лагерь уничтоженъ; начались жалобы о нарушеніи перемирія. Король, оставя переговоры, поѣхалъ изъ Вильно въ Варшаву и предложилъ Сенату сдѣлать совѣщаніе на-счетъ уплаты войску жалованья, пополненія полковъ, улучшенія монеты, высылки Татарамъ дани, или *Донативы*, какъ эту дань изъ приличія Поляки называли; наконецъ толковали о времени для созванія Сейма и о средствахъ начать новую войну въ Украйнѣ.

На западномъ берегу Днѣпра неудовольствіе народа противъ Поляковъ усилилось, обѣ стороны давно отвыкли отъ кроткихъ средствъ. Цицеронъ Коховскій увѣряетъ, что Помпей и Цесарь истребили менѣе народа, нежели сколько его погибло въ борьбѣ Украйны съ Польшею. Король приступилъ къ средству сильному; далъ Чарнецкому неограниченную власть въ Украйнѣ; въ товарищи ему назначилъ Яна Собѣскаго. Чарнецкій, видя войско свое уменьшенное, искалъ средствъ поправить его положеніе. Войну начинать было невозможно, на Тетерю никакихъ надеждъ не было; лишенный довѣрія и значенія, погибшій въ общемъ мнѣніи, обвиняемый въ смерти Виговскаго, Тетеря былъ ненавидимъ Запорожцами; избѣгая непріятныхъ послѣдствій, онъ принужденъ былъ уходить передъ полками Серденяка и Дейнека и наконецъ запереться

въ Чигринѣ. И такъ Чарнецкому осталась одна надежда: усилиться помощью Ханскою.

Размѣстивъ войска свои для отдыха, пѣхоту поставя въ Паволочи и въ Бѣлой-Церквѣ, конницу въ окрестностяхъ Корсуня, онъ взялъ тринадцать человѣкъ людей военныхъ, рѣшительныхъ, свѣдущихъ въ пути, и съ глубочайшею тайною, поспѣшно отправился въ Крымъ для личныхъ переговоровъ съ Ханомъ. Тамъ узналъ, что Крымцы выступили по Султанскому повелѣнію въ Венгрію, и обратился къ Татарамъ Буджакскимъ, которые пасли стада въ степяхъ Бессарабскихъ за Кодымою. Удовольствіе видѣть военачальника знаменитаго, намѣстника полномочнаго Украинскаго, гордаго Магната въ своихъ степяхъ, это удовольствіе было для Татаръ необыкновенно; оно льстило ихъ самолюбію, и они положили въ совѣтѣ своемъ въ три дни выставить двадцать тысячь войска подъ предводительствомъ Сеѳеръ-Казы-Аги.

Въ Украйнѣ между тѣмъ Сирко воспользовался отсутствіемъ Чарнецкаго. Собравъ двѣ тысячи козаковъ, погнался за восьмью Хоругвями Маховскаго, и заставилъ его запереться въ Городищѣ. Только счастье могло помочь Маховскому, онъ не ускользнулъ-бы изъ рукъ козацкихъ, если-бъ не приходъ неожиданный Бидзинскаго изъ-за-Днѣпра. Сирко выжегъ всѣ предмѣстія и уже началъ сноситься съ Городищанами, когда Бидзинскій сталъ лагеремъ недалеко отъ Городища; услыша стрѣльбу, онъ догадался, что то перепалка козаковъ съ Поляками, и поспѣшно кинулся въ ту сторону; непредвидѣнное нападеніе въ тылъ разстроило коза-

ковъ , они бились , строились , опять бились , наконецъ разсѣялись и бѣжали ; самъ Сирко, бросивъ коня, спасся пѣшкомъ. Чарнецкій въ это время возвращался , изумленіе и радость его были невыразимы при видѣ Бидзинскаго, выѣхавшаго съ Маховскимъ къ нему на встрѣчу. Въ Польшѣ полагали Бидзинскаго погибшимъ. Дѣйствительно, путь его чрезъ восточную Украйну къ Днѣпру былъ сопряженъ съ опасностями, съ затрудненіями, которыя могли быть побѣждены только постоянною твердостію , мужествомъ и распорядительностью. Вездѣ козаки ему перерѣзывали путь; вездѣ онъ принужденъ былъ бороться за каждую сажень дороги , особенно же тяжелы ему были переправы черезъ рѣки ; но онъ все превозмогъ, и заслужилъ этимъ отступленіемъ почетное мѣсто на страницахъ военной Исторіи.

Прибывъ въ Украйну , Чарнецкій и его спутники составили совѣтъ на-счетъ дальнѣйшихъ предпріятій. Эти спутники были слѣдующіе : Воевода Русскій Станиславъ Яблоновскій ; Староста Львовскій Гіеронимъ Синявскій; Коронный Обозный Лещинскій ; Станиславъ Конецпольскій-Долинскій , и Староста Галицкій Петръ Потоцкій ; изъ Малороссіянъ тамъ присутствовали Полковники : Гуляницкій, Ханенко, Лѣсницкій , Савва и Гоголь. Всѣ рѣшили употребить кроткія мѣры; и Чарнецкій началъ воззваніемъ къ народу Украинскому; онъ уговаривалъ козаковъ возвратиться къ вѣрности и повиновенію , оставить мятежныя связи , заняться домашнимъ хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ. Зная власть духовенства надъ умами , пригласилъ къ себѣ Митрополита нашего Іосифа Тукальскаго и

монаха Мошнинской пустыни Гедеона, т. е. Юрія Хмѣльницкаго. Оба довѣрчиво явились въ станъ; приглашенные на совѣтъ военный и государственный, они были гости Чарнецкаго, гости защищенные честью хозяина и своимъ саномъ. Польскій военачальникъ спросилъ у нихъ совѣта для обеспеченія Украйны,--они отвѣчали, что не смиреннымъ инокамъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Чарнецкій отправилъ ихъ въ Варшаву подъ стражею, откуда, по Королевскому повелѣнію и по проискамъ Тетери, оба были отвезены въ Маріенбургъ на заточеніе. Эта участь постигла и Гуляницкаго, который то-же находился въ совѣтѣ военачальниковъ. Такъ начались кроткія мѣры Польскаго правительства! Во всей Украйнѣ раздались жалобы духовенства, ропотъ народа превратился во всеобщее и бурное волненіе.

Кошевой Запорожскій Сирко повелъ войска на Чигиринъ, въ надеждѣ захватить Тетерю; остановился въ Бужинѣ, и былъ внезапу окруженъ Чар- 1664.
нецкимъ. Въ день Христова Воскресенія, Сирко выступилъ изъ Бужина, отчаянно врѣзался въ Поляковъ, перекололъ ихъ множество, пробился сквозь ихъ массу и исчезъ въ степи. Озадаченный неожиданностью, озлобленный неудачею, Чарнецкій обратилъ гнѣвъ свой на Бужинъ и Суботово. Онъ выжегъ ихъ и, не будучи удовлетворенъ местью надъ невинными жителями, заключилъ свои кроткія мѣры святотатствомъ.

Верстахъ въ десяти отъ Чигирина и нынѣ еще находится Готическая церковь, которой стѣны, по-

чти въ сажень толщины, заслуживаютъ вниманія не однихъ Малороссіянъ. Тамъ покоились останки стараго Хмѣльницкаго, и сына его Тимоѳея, героя, котораго молодость, мужество, красота, любовь и смерть такъ трогательны и плѣнительны: Чарнецкій выбросилъ ихъ гробы изъ могилъ, сжегъ ихъ кости и надгробные камни разшибъ.

ГЛАВА XXIX.

Брюховецкій разоряетъ Украйну. Идетъ за Днѣпръ. Гетманъ беретъ Черкасы. Тетеря бѣжитъ. Осада Чигирина. Отступленіе къ Бужину. Сирко соединяется съ Гетманомъ. Чарнецкій окружаетъ ихъ подъ Каневымъ. Отступаетъ. Штрасбухъ. Казнь Нужнаго. Чарнецкій разоряетъ города. Замойскій соединяется съ Тетерею. Неудачи Поляковъ. Дашко и Булгакъ. Ставище сдается Чарнецкому. Бунтъ Любомирскаго въ Польшѣ. Ставищане бьютъ Маховскаго. Чарнецкій разоряетъ Ставище. Сдѣланъ Гетманомъ Коронныйъ. Умираетъ въ Соколовкѣ. Его конь. Похвала ему отъ Поляковъ. Судъ надъ нимъ безпристрастнаго потомства. Яблоновскій на его мѣстѣ. Подвиги Сирка. Бунтъ Польскаго войска противъ Яблоновскаго. Конфедерація. Василій Дворецкій ѣдетъ въ Москву. Жалобы Гетмана. Львовъ идетъ въ Кіевъ. Военныя дѣйствія въ окрестностяхъ Кіева. Отдѣльныя битвы. Опара. Царикъ. Децикъ. Освобожденіе Юрія и Тукальскаго. Польскія междоусобія. Возстаніе на Поляковъ западной Украйны. Маховскій взятъ въ плѣнъ и проданъ Крымцамъ. Турки объявляютъ Польшѣ войну. Собѣскій Короннымъ Гетманомъ. Готовится къ войнѣ. Переправа Турковъ черезъ Днѣстръ. Лагерь у Подгайцевъ.

Отливъ Польскихъ войскъ изъ восточной Украйны не возстановилъ въ ней спокойствія. Брюховецкій былъ мстителенъ; это качество мы въ немъ видѣли на Самкѣ, Золотаренкѣ, Силичѣ и Засядкѣ. Какъ скоро Поляки перешли за Днѣпръ, жилища Малороссіянъ были преданы огню, Старшины кончали жизнь на лобномъ мѣстѣ: казнилъ ихъ и жегъ ихъ

селы Гетманъ Брюховецкій. Вина ихъ состояла въ томъ, что не устояли противъ Поляковъ. Окончивъ расправу въ Украйнѣ восточной, Гетманъ направилъ путь на западную; и взявъ съ собою Стольниковъ и Воеводъ Петра Дмитріевича Скуратова и Василія Петровича Кикина, переправился за Днѣпръ съ отрядомъ войскъ, который названъ въ нашихъ лѣтописяхъ словами «*нѣчто и Москвы*.» Они пошли къ Черкасамъ; тамъ сидѣлъ Тетеря; узнавъ о приближеніи Гетмана, онъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Передовой отрядъ Гетмана, предводимый Лубенскимъ Полковникомъ Гамалѣею, не засталъ уже въ Черкасахъ клеветника; но жители вздумали сопротивляться, городъ былъ взятъ съ бою и обращенъ въ пепелъ. Пошли на Чигиринъ; но и оттуда Тетеря успѣлъ убѣжать; онъ увезъ съ собою всѣ скарбы войсковые, старымъ Хмѣльницкимъ и его Полковниками собранные; всѣ драгоцѣнности были имъ захвачены; Гетманъ окружилъ Чигиринъ; Горожане держались крѣпко; осада продолжалась нѣсколько недѣль. Узнавъ о тяжкомъ положеніи Чигиринцевъ, Тетеря поспѣшилъ къ нимъ на помощь изъ Брацлава, въ которомъ жилъ онъ съ семействомъ. Съ нимъ пришло пять тысячь Татаръ. Сильная стычка съ этимъ отрядомъ принудила Брюховецкаго отступить къ Бужину.

Давно недовольные Тетерею, скоро начали козаки бунтоваться противъ него; Сирко соединился съ Брюховецкимъ подъ Бужинымъ. Произошло нѣсколько маловажныхъ стычекъ; наконецъ войско Гетманское укрѣпилось въ Каневѣ.

1664. Мая 22. Двадцать втораго Мая Чарнецкій, Тетеря, Собѣскій, Маховскій, нѣсколько мурзъ и одинъ Султанъ

окружили Гетмана; укрѣпленія, горы, мѣстоположеніе и рѣшимость Брюховецкаго при видѣ опасности отстояли Каневъ. Чарнецкій отступилъ.

Все-же положеніе дѣлъ Брюховецкаго было не завидное. Оставя тринадцать орудій при отступленіи отъ Чигирина, онъ думалъ у Канева соединиться съ Штрасбухомъ. Дѣйствительно, Штрасбухъ шелъ къ нему на помощь съ четырьмя тысячами войска и съ артиллеріею. Вдругъ напалъ на него Янъ Собѣскій, разбилъ и разсѣялъ весь отрядъ, отнялъ орудія, снаряды, запасы; самъ Штрасбухъ былъ обязанъ быстротѣ коня за спасеніе. Четыре Полковника достались въ плѣнъ: въ числѣ ихъ находился Конотопскій—Нужный. Военный судъ приговорилъ плѣнника къ висѣлицѣ; но онъ какъ милости просилъ, чтобъ его посадили на колъ, *потому что и отецъ его погибъ такою смертію.* Трудно было вести войну и войну неправую съ такимъ народомъ. И такъ Брюховецкій остался безъ помощи отъ Штрасбуха.

Чарнецкій, отступя отъ Канева, пошелъ разорять города. Лисянка, Буки, Умань, Монастырище признаны были мятежными и назначены къ разграбленію. Давъ повелѣніе укрѣпить Бѣлу-Церковь и Корсунь, онъ послалъ туда Собѣскаго, послалъ другой отрядъ для взятія Буши, а самъ пошелъ къ Стеблову. Стебловъ былъ взятъ съ меча и подаренъ Татарамъ; Буша была защищена двумя тысячами козаковъ, которыхъ прислалъ туда Кошевый Сирко съ младшимъ братомъ своимъ.

Мартынъ Замойскій соединился съ Тетерею—у него было двѣнадцать хоругвій; Чарнецкій отря-

дилъ ихъ на Умань. Каневскій Староста, племянникъ Чарнецкаго, отправленъ былъ на Лысянку. Умань, хорошо укрѣпленный, несдался; Тетеря и Замойскій возвратились въ Чигиринъ, а Каневскій Староста погибъ подъ Лысянкою. Послѣ трехъ неудачныхъ покушеній дѣйствовать отрядами, Чарнецкій соединилъ всѣ силы вмѣстѣ и устремился на Ставище.

Тамъ Дашко и Булгакъ, испытанные въ бояхъ еще при старомъ Хмѣльницкомъ, заперлись съ шестнадцатью тысячами; они рѣшились защищаться до послѣдней капли крови; народъ былъ воспламененъ къ торжественному сопротивленію. Историки Польскіе говорятъ, что Янъ Собѣскій предлагалъ имъ очень выгодныя условія, и что онъ самъ себя отдавалъ въ залогъ исполненія оныхъ: граждане не приняли ни условій, ни заложника. Чарнецкій построилъ баттареи, орудія начали громить городъ; осажденные сдѣлали сильную вылазку, овладѣли одною изъ этихъ баттарей, вырыли передъ нею глубокій ровъ, поставили на насыпи рва орудія, осыпали огнемъ осаждающихъ. Чарнецкій приказалъ Татарамъ забросать ровъ фашинами, самъ сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, и повелъ отрядъ на убійственную баттарею; козаки узнали Чарнецкаго, одѣтаго въ рысью шубу и кричали съ городскихъ стѣнъ: «*ряба собака!*» Онъ прошелъ ровъ и взялъ баттарею; все поле покрыто было трупами; и въ этотъ день палъ Дашко.

Назавтра Ставищане снова отвергли предложеніе сдачи. Чарнецкій съ Собѣскимъ лично предводительствовали полками, вступали сами въ рукопашный съ козаками бой. Уже Поляки начали овла-

дѣвать валами городскими, уже знамена ихъ развѣвались на нашихъ укрѣпленіяхъ, — неосторожность Польской артиллеріи остановила ихъ успѣхъ: осаждающіе рядами повалились отъ собственныхъ своихъ выстрѣловъ; козаки были ободрены; началась битва кровопролитная; Злобицкій бросился въ толпу Малороссіянъ,—ему отсѣкли правую руку, онъ схватилъ знамя въ лѣвую, продолжалъ сражаться и погибъ. Козаки прогнали Поляковъ съ окоповъ городскихъ.

Утомленный и опечаленный, Чарнецкій не отступилъ отъ города; онъ облегъ его со всѣхъ сторонъ, пресѣкъ всѣ сообщенія, и рѣшился принудить къ сдачѣ голодомъ. Пять мѣсяцевъ боролись съ нимъ Ставищане; Чарнецкій не принималъ условій, онъ требовалъ сдачи на волю побѣдителей, козаки упорствовали, наконецъ принуждены были положить оружіе. Чарнецкій истребовалъ тринадцать Старшинъ, между ними Чепу и Подадницу: они были отданы Тетерѣ, а городъ приговоренъ къ уплатѣ Крымцамъ Польской донативы. Тогда отняли отъ церквей колокола, какъ голоса, призывающіе народъ къ бунту; потребовали уплаты за лошадей, погибшихъ во время осады, и назначили горожанамъ содержать на свой счетъ двѣ Польскія Хоругви, оставленныя вмѣсто гарнизона. Тридцать знаменъ (изъ которыхъ два съ гербами Царскими) и сорокъ пушекъ достались побѣдителямъ. Чарнецкій нашелъ необходимымъ дать войску отдыхъ и 20-го Октября развелъ его по зимнимъ квартирамъ. 20 Окт. 1665.

Немедленно Король получилъ донесеніе о взятіи Ставищъ, съ просьбою, чтобъ на слѣдующемъ Сеймѣ

были обдуманы средства къ удовлетворенію войска жалованьемъ. Но Королю было не до побѣды Ставищанской: въ Польшѣ возгорѣлся бунтъ Георгія Любомирскаго, который чуть было не ускорилъ цѣлымъ столѣтіемъ паденіе Республики.

И такъ Чарнецкій оставленъ былъ безъ помощи, войско безъ жалованья; всю зиму наѣзды козаковъ его тревожили; народъ «дышалъ ненавистью къ Польскому имени.» Это слова Польской лѣтописи. Онъ вооружался и истреблялъ разорителей Украйны. Ставище опять подняло знамена войны; Чарнецкій послалъ туда Маховскаго, его разбили,—изъ его отряда погибло двѣсти человѣкъ. Раздраженный борьбою народною, Чарнецкій собралъ полки, самъ выступилъ, подошелъ къ Ставищамъ: они были взяты съ бою; Старшинъ предали казни, собственность гражданъ разграбленію, городъ огню.

Изнеможенный трудами, угнетенный бременемъ лѣтъ, Чарнецкій въ походѣ занемогъ. Болѣзнь становилась опасною, уже не могъ онъ ѣхать не только верхомъ, но и въ повозкѣ: его несли на носилкахъ. Приближаясь къ Дубно, онъ получилъ Королевскую привилегію на булаву Польнаго Короннаго Гетмана. «Я говорилъ,» сказалъ Чарнецкій, «что меня «сдѣлаютъ Гетманомъ, когда ни сила къ войнѣ, ни «рука къ саблѣ не будутъ способны.» Близъ Дубно, въ деревнѣ Соколовкѣ, насталъ часъ его смерти. Удивительно было сочувствіе безсловеснаго животнаго,—то былъ его конь: неукротимый, быстрый до болѣзни знаменитаго своего хозяина, онъ вдругъ не сталъ ѣсть, началъ рыть копытами землю, и по смер-

ти Чарнецкаго, немедленно издохъ. И такъ Чарнецкій въ хижинѣ бѣднаго поселянина, принявъ Святыя Тайны изъ рукъ Ксендза Іезуита Домбровскаго, окончилъ дѣятельную жизнь. «Если его можно об«винить за слишкомъ поспѣшный смертный приго«воръ Виговскому,» такъ говоритъ Исторія козаковъ, написанная не-Украинцемъ и не-Русскимъ,—«если «его можно обвинить за слишкомъ жестокое обра«щеніе съ жителями Украйны, то эти вины изгла«живаются и *стократно вознаграждаются* много«численными *гражданскими* добродѣтелями и со«вершеннымъ посвященіемъ себя отечеству.» Когда, почти два вѣка спустя, пристрастіе Историка такъ велико, то что-же за два вѣка творилось дѣятелями? Мы будемъ безпристрастнѣе. Достоинства Чарнецкаго были только военныя; онъ въ этомъ ремеслѣ имѣлъ учителемъ Хмѣльницкаго. Въ битвахъ подъ Старицей и Кумейками, онъ приготовился къ битвамъ Желтоводской и Батожской; два года находясь въ плѣну въ Койдакѣ, повелъ потомъ войска на приступъ Монастырищскій; сражался съ Шведами, очистилъ Литву отъ Москвы и, закаленный въ бояхъ, въ продолженіе шестидесяти-шести-лѣтней жизни, былъ неустрашимъ, переносилъ труды на равнѣ съ простыми воинами; въ предпріятіяхъ скрытный, воздержный, осторожный, онъ былъ вполнѣ великій Полководецъ, но гражданскихъ добродѣтелей вовсе не имѣлъ. Храня права народныя, считая себя равнымъ Гетману Украинскому, не судить его безчестно и самопроизвольно; не жечь и не грабить страны, которая составляетъ часть отечества; не рѣзать народъ цѣлыми городами и селеніями; не

выкидывать изъ гробовъ рукою святотатственною труповъ; уважая славу враговъ своихъ, не жечь ихъ костей, не разбивать надгробныхъ камней; но собравъ народъ единоплеменный, возвратить ему права его, преклонить къ избранію Гетмана единаго, возвратить его общему отечеству кроткими мѣрами, и потомъ рукою вооруженною охранять его отъ буйства и насилій;—это-бы значило имѣть гражданскія добродѣтели, быть благодѣтелемъ Республики, и все это было въ его возможности. Но звѣрство не вознаграждается гражданскими добродѣтелями потому, что въ звѣрѣ такихъ добродѣтелей нѣтъ.

Чарнецкій умеръ, Собѣскій удалился по собственнымъ дѣламъ, Станиславъ Яблоновскій принялъ главное начальство надъ войскомъ, расположился на зимнихъ квартирахъ въ Бѣлой-Церквѣ, ввелъ въ Корсунь и въ Чигиринъ сильные гарнизоны; Брюховецкій зимовалъ въ Каневѣ и въ его окрестностяхъ.

Но Сирко не оставался въ бездѣйствіи: узнавъ, что козаки начали бунтоваться противъ Тетери, онъ пошелъ на Брацлавъ; Тетеря, не успѣвъ захватить богатствъ, похищенныхъ въ Чигиринѣ, бѣжалъ въ свои Польскія имѣнія, Королемъ ему подаренныя; Сирко овладѣлъ всѣми его богатствами Брацлавскими, Поляки ограбили его въ Польшѣ; и Тетеря въ нищетѣ, въ рубищѣ, почти до-нага ободранный, скрылся въ Молдавіи; властолюбіе снова привлекло его въ Польшу по-веснѣ. Скоро увидимъ мы, какъ отблагодарила ему Республика за услуги его Польшѣ и за измѣну Украйнѣ. Сирко съ имуществомъ Тетери пошелъ на Крымъ, къ нему въ товарищи

пристали Калмыки; Аккерманъ былъ взятъ приступомъ, разграбленъ и выжженъ. Буджакъ, Паланка и Каушаны не устояли противъ Кошеваго; всѣ селенія были разорены. Татары, находясь въ Польшѣ, услышали о гибели своихъ имуществъ,—они поспѣшили къ защитѣ противъ Сирка; этотъ, услыша о ихъ приближеніи, пошелъ въ Малороссію. Обремененный Татарскими и Тетериными богатствами, онъ подошелъ къ Саражину; здѣсь Маховскій съ Татарами нечаянно окружилъ и разбилъ все войско его и Калмыковъ; вся добыча досталась Полякамъ и самъ онъ едва успѣлъ спастись. Такъ кончился тысяча шесть сотъ шестьдесятъ четвертый годъ; насталъ новый; междоусобная война въ Украйнѣ непрекратилась, а въ Польшѣ началась новая, своя собственная.

Войско Яблоновскаго, неудовлетворенное жалованьемъ, узнавъ, что Сеймъ не состоялся, что деньги, назначенныя для него, обращены на другія нужды, начало роптать, составило военный союзъ, избрало себѣ предводителемъ Адама Остржицкаго. Съ немногими Хоругвями Яблоновскій вышелъ изъ Украйны; Варшава была тѣмъ болѣе встревожена этою военною конфедераціею, что съ другой стороны Любомирскій поднялъ знамя опаснаго и кровопролитнаго бунта.

Яковъ Потоцкій, братъ Гетмана Чарнецкаго Стефанъ, и Лончинскій явились къ Королю съ изъявленіемъ негодованія противъ Конфедератовъ, которые, въ числѣ трехъ тысячь пятисотъ человѣкъ, пошли на Самборъ. Войско, несоединенное съ Конфедератами, поспѣшило въ Королевскій станъ, собирав-

шійся подъ Равою; Король явился туда съ Королевою; они расположились въ Іезуитской Коллегіи. Любомирскій, его друзья, его родственники соединились съ Конфедератами; это составило семь тысячь человѣкъ; ихъ повелъ Любомирскій противу пятнадцати-тысячнаго войска Королевскаго; Епископъ Вержбовскій старался примирить обѣ стороны: его старанія были тщетны. Враждующіе соотечественники сошлись у Ченстохова; Пацъ и Полубинскій предводили полками Королевскими; Кодяновскій полками Любомирскаго; и послѣдній остался побѣдителемъ; кротость его съ плѣнными увеличила число его приверженцевъ; Любомирскій, не смотря на то, хотѣлъ мириться съ Королемъ; но ненависть Королевы разстроила мировую, междоусобная война становилась упорнѣе, неистовѣе, и протянулась почти на два года.

Брюховецкій не дремалъ подъ шумъ Польскихъ
1665. неустройствъ; въ началѣ года отправилъ Кіевскаго Полковника Василія Дворецкаго въ Москву, и просилъ присылки вспомогательнаго войска. Ему отказали по причинѣ дурнаго содержанія людей военныхъ въ Малороссіи. Гетманъ оскорбился этими толками, писалъ къ Окольничему Хитрово письмо отъ втораго Марта, доказывалъ несправедливость обвиненія, изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что за всѣ военные подвиги не удостоился отъ Государя получить ни одного милостиваго слова; жаловался на пріемы своихъ пословъ, на Ромодановскаго, который не захотѣлъ преслѣдовать съ нимъ Чарнецкаго, и тѣмъ допустилъ усилиться Полякамъ за Днѣпромъ. Дѣйствительно, Гетманскіе чиновники, пріѣзжавшіе

въ Москву съ знаменами и литаврами непріятельскими, были принимаемы отъ иныхъ Бояръ съ величайшимъ презрѣніемъ.

По предстательствамъ-ли Хитрова, по собственному-ли внушенію, Царь приказалъ Князю Львову идти въ Кіевъ съ однимъ отрядомъ, съ другимъ Воеводѣ Протасьеву къ Брюховецкому. И въ Мартѣ-же мѣсяцѣ военныя дѣйствія открылись въ окрестностяхъ Кіева.

Отдѣльныя битвы подъ Торговицею, Ольшаною и Лисянкою были удачны для насъ; 4 Апрѣля Глуховскій Полковникъ Гамалѣя овладѣлъ Корсунемъ и взялъ въ плѣнъ Тимоѳея Носача, Судью Криховецкаго, бывшаго Корсунскаго Полковника Улѣска, и Наказнаго Гетмана Тетерина; Каневъ то-же не устоялъ противъ козаковъ, но здѣсь лишились они Полковника Брацлавскаго Ивана Сербина. Наконецъ, соединясь съ тысячью Калмыками, Брюховецкій, имѣя пятнадцать тысячь козаковъ, выступилъ противъ Яблоновскаго, напалъ на него подъ Гребенками, обратилъ въ бѣгство, и захватилъ весь обозъ; Яблоновскій возвратился въ Польшу; Брюховецкій окружилъ Бѣлу-Церковь, простоялъ нѣсколько времени, и, уступивъ храброму сопротивленію гарнизона, снялъ осаду, распустилъ войска. 4 Апрѣля.

До сихъ поръ дѣла Украйны шли довольно счастливо; побѣда была болѣе на нашей сторонѣ; междоусобія были почти прекращены; но явился Дорошенко, и домашнія неустройства прибавились къ войнѣ съ врагами внѣшними; простой Чигиринскій козакъ, рядовой при старомъ Хмѣльницкомъ, Полковникъ при Юріѣ, передавшійся въ 1660 году Ко-

ролю, потомъ Войсковый Асаулъ подъ знаменами Тетери—Петръ Дорошенко, обольстилъ Татаръ подарками, Магнатовъ обѣщаніями и выступилъ на поприще жизни, исторической, славной, но наполненной злодѣяніями. Въ то-же время явились въ Малороссіи Гетманы Самозванцы: Опара, Царикъ и Децикъ. Съ помощью друга своего, Хана Крымскаго, Дорошенко схватилъ Опару и Царика и представилъ къ Королю; Король приказалъ освободить изъ Маріенбурга Митрополита Тукальскаго и Юрія Хмѣльницкаго, отравилъ туда Опару, а Царикъ былъ казненъ подъ Радомскомъ, какъ два раза пойманный въ мятежахъ и не раскаявшійся. Скоро и Опару постигла та-же участь. Но Децикъ успѣлъ пройти въ Полѣсье и причинить тамъ многія опустошенія, пока наконецъ его поймали и посадили въ Нѣжинскую тюрьму, гдѣ онъ и кончилъ жизнь. Староста Бѣлоцерковскій Стахурскій много содѣйствовалъ къ усмиренію этихъ мятежниковъ. Дорошенко черезъ посла своего Яска Кулгака отзывался о немъ съ величайшими похвалами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Короля, чтобъ самъ поспѣшилъ прибытіемъ въ Украйну для ея совершеннаго успокоенія и очищенія отъ враговъ; напоминая, чтобъ и Донатива Татарамъ была скорѣе выслана въ Каменецъ, иначе Ханъ не въ силахъ будетъ не допустить своихъ войскъ до впаденій и опустошеній границъ Королевства.

Тукальскій и Юрій, также по ходатайству Дорошенка освобожденные, возвратились на родину; Дорошенко увѣрялъ, что эта мѣра кротости и милосердія послужитъ къ успокоенію Украйны и удер-

жить ея жителей въ повиновеніи, въ доброжелательствѣ Королю и Республикѣ. Тукальскій поселился въ Кіевѣ; Король назначилъ Митрополитомъ Винницкаго. Юрій удалился въ свой Мошнинскій монастырь, питая намѣреніе замѣнить со-временемъ клобукъ Великокняжескою короною.

Въ Польшѣ продолжалась междоусобная война, произведенная Любомирскимъ; Король принужденъ былъ изъ Украйны вызвать войска для защиты собственной; Варшава была наполнена недовольными, буря политическая созрѣла вполнѣ. Сеймъ, созванный для окончанія дѣла Любомирскаго, для обсужденія средствъ успокоить Украйну и удовлетворить войско жалованьемъ, этотъ Сеймъ не состоялся, — онъ былъ уничтоженъ Павломъ Мясковскимъ; 1666. 9 Нояб. не утѣшительны надежды были для Польши; въ будущемъ ей угрожали печальныя послѣдствія необузданности Магнатовъ, тѣмъ болѣе, что срокъ перемирія съ Москвою приближался къ окончанію, и что Татары, не получивъ дани, готовились къ нападенію. Недовольные Малороссіяне не хотѣли передаться Туркамъ, но эта мысль уже зародилась въ умахъ Дорошенка и его сподвижниковъ; объ этомъ думалъ и Юрій въ своей монастырской кельѣ. Король, видя бѣду неминучую, созвалъ Сенатскую Раду; собрали все, что могли изъ чрезвычайныхъ податей и изъ остатковъ казны, и употребили на войско, чтобъ поощрить его къ понесенію предстоящихъ воинскихъ трудовъ; но все это составляло только часть слѣдуемаго жалованья.

Разстроенное здоровье Гетмана Потоцкаго не позволяло ему предводительствовать арміею; Кастелянъ

Незабитовскій отказался отъ званія главнокомандующаго; Маховскій сдѣланъ былъ Рейментаріемъ и получилъ повелѣніе вести Хоругви изъ-подъ Крупы на Украйну; тамъ всѣ города и селы, кромѣ Бѣлой-Церкви, гдѣ стоялъ Стахурскій съ гарнизономъ, возстали на Поляковъ. Маховскій хотѣлъ основать свою главную квартиру въ Ставищахъ; но видя упорство жителей, получивъ извѣстіе о впаденіи Крымцевъ съ Нурадиномъ, обошелъ Ставище и сталъ лагеремъ при Брагиловѣ, чтобъ отдохнуть и найти для войска безопасное мѣстоположеніе. Дорошенко, собравъ 20,000 козаковъ, соединился съ Крымцами, которыхъ было сорокъ тысячь. Козаки дышали злобою и местью противъ Польскаго военачальника; они его знали какъ беззаконнаго судью и убійцу Виговскаго; у него Поляковъ было только шесть тысячь, Татары начали окружать эту горсть, козаки напали въ тылъ, Маховскій почти бѣгомъ отступалъ къ Ладыжину; уже подходилъ къ Батогу, гдѣ недавно погибъ Гетманъ Калиновскій, вдругъ козаки и Татары нагнали его; мало кто изъ Поляковъ избѣгнулъ смерти или плѣна; Маховскій попался въ
1666. руки побѣдителямъ и отведенъ былъ въ Крымъ.

Надобно было Польшѣ принять мѣры дѣятельныя. Къ неготовности Москвы заключить постоянный миръ съ Польшею, ко впаденію Татаръ въ границы Республики, новое несчастье постигло Варшавскій кабинетъ: Турки объявили ему войну. Слабое здоровье и дряхлость Короля, смерть Королевы, гибель войска, находившагося подъ начальствомъ Маховскаго, приближали къ разрушенію государство. Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ Король назначилъ

Коронным Гетманомъ Собѣскаго. Новый Гетманъ началъ собирать войска подъ Скваржовымъ; кавалерію поставилъ въ полѣ; пѣхоту размѣстилъ въ ближнихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ; орудія, запасы, аммуницію свезъ въ лагерь, начерталъ планъ похода, извѣстилъ о немъ гарнизоны Корсунскій, Чигиринскій и Бѣлоцерковскій и двинулся къ намъ.

На пути узналъ онъ о переправѣ черезъ Днѣстръ восьмидесяти тысячь Татаръ; они раздѣлились на три части: одна осталась при Ягельницахъ, другая пошла Чернымъ Шляхомъ на Волынь, третья отправилась къ Снятину. По этимъ свѣдѣніямъ Собѣскій поспѣшилъ въ Каменецъ, снабдилъ его фуражемъ и провіантомъ, и усилилъ гарнизонъ пятью стами человѣкъ подъ начальствомъ Квасноборскаго; а самъ предпринялъ перерѣзать Татарамъ путь. Съ нимъ только было двѣнадцать тысячь воиновъ, когда онъ подошелъ къ Подгайцамъ и расположился лагеремъ. Пославъ кавалерійскіе отряды съ приказаніемъ добыть языка, укрѣпивъ станъ шанцами, отправивъ отрядъ Станислава Конецпольскаго въ Тарнополь, Яблоновскаго къ Злочову, Сенявскаго въ Бржезаны, Сѣльницкаго на дорогу во Львовъ, а Модржевскаго къ Полѣсью, заперся въ лагерѣ, чтобъ дожидаться Татаръ.

Таковы были происшествія и приготовленія къ войнѣ въ Украйнѣ западной; обратимъ вниманіе на происшествія въ восточной. То, которое намъ нынѣ предстоитъ, заслуживаетъ особеннаго размышленія. Оно передъ глазами каждаго читателя, нѣсколько дальновиднаго, вполнѣ развернетъ картину тогдаш-

ней Малороссіи, вполнѣ выявитъ характеръ, умъ и честь Гетмана Брюховецкаго. Упредивъ двумя годами описаніе происшествій на Западѣ, я имѣлъ въ виду не прерывать разсказа о послѣднемъ подвигѣ Брюховецкаго. Мы возвращаемся къ тысяча шесть сотъ шестдесятъ пятому году.

ГЛАВА XXX.

Успѣхи Дорошенка. Страхъ Гетмана. Онъ и Старшины ѣдутъ въ Москву. Бьютъ челомъ городами. Встрѣча Гетману. Размышленіе Коинскаго. Судъ потомства. Статьи Московскія. Гетманъ возвращается изъ Москвы. Воеводы. Слова лѣтописцевъ. Рѣчь Меѳодія. Ропотъ. Дорошенко беретъ города. Гибель Воеводъ.

Теперь въ обѣихъ Украйнахъ было четыре главныхъ дѣятеля: Брюховецкій, Юрій Хмѣльницкій, Кошевый Сирко и Петръ Дорошенко. Одинъ только изъ нихъ былъ человѣкъ благородный—Сирко; Юрій и Петръ были разорители Украйны. Что дѣлалъ Иванъ Брюховецкій и чѣмъ онъ кончилъ жизнь—увидимъ немедленно.

Его испугали успѣхи Дорошенка; ему не хотѣлось лишиться Гетманства, которое колебалось уже; а чтобъ удержаться на немъ, надлежало найти опору твердую, вѣрную; видя ее въ Царской милости, онъ испросилъ позволеніе пріѣхать въ Москву. Доселѣ война его отъ этой поѣздки удерживала. Отдаленный отъ Государя, Двора и Бояръ, онъ не со многими изъ послѣднихъ былъ лично знакомъ; и такъ не могъ пользоваться не только ихъ искреннею пріязнью, но, что хуже того, не имѣлъ Царска-

го довѣрія. Подозрѣваемый въ готовности къ разъединенію двухъ Россій, въ замыслахъ отложиться, онъ видѣлъ, что его поведеніе сравниваютъ съ поведеніемъ Виговскаго и Юрія.

Скоро получилъ онъ на-счетъ этой поѣздки разрѣшеніе; Рада была созвана, Брюховецкій уговорилъ большую часть Генеральныхъ Старшинъ и трехъ Полковниковъ *ударить челомъ Великому Государю всѣми городами Малороссійскими.* Со-
Конисскій. бравъ, какъ говоритъ наша лѣтопись, «многочислен-
«ную себѣ Кальвокату изъ Старшинъ и Полковни-
Сент. 1665. «ковъ,» Сентября первыхъ числъ Гетманъ выѣхалъ изъ Малороссіи. Генеральные были: Обозный Иванъ Цесарскій, Судья Петръ Забѣло, Писарь Захаръ Шійкевичъ, Асаулы Демьянъ и Павелъ Константиновы; да Полковники: Кіевскій—Дворецкій, Нѣжинскій—Матвѣй Кгвинтовка, Лубенскій—Григорій Гамалѣя; наконецъ Сотники тѣхъ полковъ, многіе козаки и мѣщане.

Въ Путивлѣ встрѣтилъ Брюховецкаго Стольникъ Олфимовъ и провожалъ его до Москвы; въ Москвѣ, за Землянымъ Валомъ, у воротъ Серпуховскихъ, его привѣтствовали Ясельничій Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій и Дьякъ Григорій Богдановъ. «Встрѣ-
«ча и пріемъ были для Гетмана чрезвычайные; все,
«что пышность и изобиліе внушаетъ при томъ, упо-
«треблено со избыткомъ; а послѣ первыхъ при-
«вѣтствій, начавшіяся и повторяемыя пированія изу-
«мили Гетмана и привели его въ изступленіе; и
«когда онъ, считая себя восхищеннымъ въ лучшее
«небо, чѣмъ Запорожское, вскричалъ: *Сичь маты,*
«*а Велыкій Лугъ батько!* То отъ Министерства со-

« вѣтовано ему просить, чтобы его пожаловано было
« въ Бояре Московскіе, дабы поверстаться получше
« съ Столбовыми Боярами тутошними. Гетманъ
« взялся за сіе прошеніе, какъ за верховное свое
« блаженство; и натурально ему въ томъ не сдѣла-
« ли ни малѣйшаго затрудненія, и тотчасъ пожало-
« вали Великимъ Воеводою и Думнымъ Бояриномъ;
« послѣ оженили его на Царской сродницѣ; а мно-
« гихъ Полковниковъ и Старшинъ также перežени-
« ли на Боярскихъ дочеряхъ, и все шло съ нарочи-
« тымъ успѣхомъ. Угощенія притомъ сопровожда-
« лись въ полной мѣрѣ щедротъ, ласкательствъ и
« всѣхъ возможныхъ избытковъ; но какъ сей пере-
« жененной Малороссіи сближалось время къ отъѣз-
« ду ея во свояси, то опять предложено Гетману
« Министерствомъ, что ему не добро быти въ козац-
« кой землѣ безъ помощниковъ отъ лица Царска-
« го; а понеже отъ милости Божіей и Царской онъ
« есть Великій Воевода, то должно быть при немъ
« и малымъ Воеводамъ, которые-бы ему служили и
« помогали, и такъ уговорили Гетмана испросить у
« Царя *малыхъ* Воеводъ, что тогда-же и учинено
« съ отличнымъ успѣхомъ и великою милостію.»
Такъ описываетъ пиры и переговоры Гетмана съ
Боярами краснорѣчивый Архіепископъ Бѣлорусскій.
Эти пиры продолжались отъ 14 Сентября по 11
Октября, по день, въ который утверждены Государемъ Московскія статьи.

Описывая это необычайное происшествіе, тогдашніе лѣтописцы обвиняютъ, кажется, въ измѣненіи
правъ и условій стараго Хмѣльницкаго—Бояръ и
даже мудраго Государя. Конечно, современники не

могли судить безстрастно и нелицепріятно о дѣлахъ, лично до нихъ касавшихся; дѣятели или свидѣтели дѣяній, побѣдители Магнатовъ, сподвижники Хмѣльницкаго, грустно глядѣли они на измѣненіе прадѣдовскихъ обычаевъ и древнихъ правъ; еще не почитая себя чистыми Россіянами, они видѣли пазы въ недавнемъ соединеніи двухъ одноплеменныхъ народовъ подъ одну Державу. Изъ ихъ памяти не изгладились еще власть и подвиги самостоятельнаго Хмѣльницкаго, и сподвижникамъ стараго Гетмана родина все еще казалась страною отдѣльною. Тогдашнимъ писателямъ простительно это заблужденіе, но два вѣка прошло, какъ Москва слилась съ Гетманщиною; ужъ нѣтъ ни Великороссіянъ, ни Малороссіянъ, ни Бѣлорусцевъ; нынѣ всѣ мы Русскіе, нынѣ Русь одна, не раздѣльная; одно Царство Русское—исполинское, равно и стройное, движущееся по мановенію Царя единаго. Въ наше время пристрастіе постыдно было-бы для историка, и упреки мудрому Отцу Петра Великаго мы находимъ несправедливыми. Желая блага подданнымъ, повелѣвая милліонами, кто изъ Царей предпочиталъ-бы одну часть государства другой? Ужели несправедливо уравнять права народа новопріобрѣтеннаго, съ правами народа издавна вѣрноподданнаго? Да и что касается до правилъ справедливости, до обязанностей, до взаимныхъ отношеній людей въ частномъ быту, могутъ-ли обыкновенныя правила нравственности служить мѣриломъ для повелителей царствъ. Тамъ, гдѣ Судьба поставила человѣка единымъ властелиномъ и судьею надъ пространствомъ земли, почти безграничнымъ, надъ народомъ, почти безчисленнымъ, на этой не-

измѣримой высотѣ, въ полу-божескомъ одиночествѣ, Цари должны измѣрять время не годами, а столѣтіями; ихъ удѣлъ справедливость не въ отношеніи къ одному подданному, не въ отношеніи къ дню, но въ отношеніи къ вѣкамъ и поколѣніямъ, къ нынѣшнимъ и будущимъ. Такъ, глядя на дѣянья властителей, неминуемо каждый изъ насъ оправдаетъ поступокъ Царя Алексѣя съ Украйною, скажу болѣе: онъ не былъ-бы Царемъ добродѣтельнымъ, если-бъ иначе поступилъ. Да и въ этомъ тяжкотрудномъ подвигѣ, въ сліяніи двухъ народовъ, мы видимъ кротость Царя едва постижимую. Онъ дѣйствовалъ только ласкою, милостію. И такъ заключимъ:—Отецъ Петра поступилъ какъ Царь мудрый, добродѣтельный, Онъ положилъ конецъ вѣчнымъ смутамъ, которыя всегда бываютъ въ государствѣ, гдѣ находится государство на отдѣльныхъ законахъ и правахъ; Его благость Украйна давно уже видитъ на сынахъ своихъ.—Но Брюховецкій не былъ Царь, онъ былъ главою народа, вольно избравшаго его; обязанность главная Гетмановъ состояла въ защитѣ народа, а не въ продажѣ правъ народныхъ. Смѣлаго и благороднаго защитника родины, Павла Полуботка, Петръ объятіемъ почтилъ въ послѣднія минуты жизни его; Великій просвѣтитель народа, благодушный Императоръ, глядѣлъ-бы на Брюховецкаго, какъ на предателя своей родины, и потомство, правдивое въ приговорахъ, признало, что Брюховецкій злодѣй.

Какъ-бы то ни-было, Октября одиннадцатаго утверждены были слѣдующія Московскія статьи Гетмана Брюховецкаго.

1. Подданство Государю, какъ и прежде, по статьямъ Нѣжинскимъ, на вѣки утверждается; а для усмиренія частой въ Малороссійскихъ городѣхъ шатости, которая за прошлыхъ Гетмановъ на Украйнѣ бывала, и нынѣ часто за непостоянствомъ Малороссійскихъ городовъ жителей изрывается,—и чтобъ явно было всему свѣту, что Монархъ, а не Гетманъ землею владѣетъ, то всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и поселянъ во всякомъ Малороссійскомъ городѣ и селѣ живущихъ, погодно въ казну Государеву выбирати Гетманъ желаетъ; и чтобъ по примѣру знатнѣйшихъ городовъ, по всѣмъ меншимъ городамъ Малороссійскимъ былъ сборъ съ кабаковъ винныхъ въ казну Государеву, также размѣры хлѣбные съ мельницъ, дань медовая, и доходы съ иноземныхъ купцовъ отсылать изъ всѣхъ городовъ Малороссійскихъ въ казну Государеву.

Здѣсь Гетманъ клевещетъ на соотечественниковъ, на народъ, почтившій его верховнымъ саномъ въ Малороссіи. Эта *шатость* городовъ Украинскихъ всегда была дѣломъ не Малороссіянъ, но Польскихъ уроженцовъ, добившихся булавы, каковъ былъ Виговскій; она происходила отъ интригъ людей себялюбивыхъ, мстительныхъ, искателей золота и власти, готовыхъ всегда отложиться отъ Россіи—какимъ былъ самъ Брюховецкій, который окончилъ Гетманство двумя измѣнами: въ Октябрѣ 1665 года—Украйнѣ, попозже—Царю. Но духовенство, шляхетство, войско и посполитство никогда не были причастны разъединенію Россіи; многіе изъ Старшинъ, да и самъ Брюховецкій, погибали за то

только, что осмѣливались предлагать козакамъ отложиться отъ Государя. Къ тому-же народъ, избравшій Брюховецкаго, влилъ-ли ему право располагать статьями Хмѣльницкаго, утвержденными Государемъ? Располагать ими самопроизвольно, безъ общей Рады всѣхъ чиновъ и всѣхъ сословій? Съ какимъ невыразимымъ презрѣніемъ мудрый Государь и его Бояре должны были глядѣть на предателя. Великая Екатерина говорила: «любятъ доносы, а «донощиковъ ненавидятъ.» Вѣроятно, таково было чувство Царя Алексѣя при взглядѣ на Брюховецкаго. Тѣмъ болѣе, что изъ многихъ добродѣтелей, которыми мудрый Отецъ Петра Великаго отличался, явственнѣе другихъ выявлялось необыкновенное благородство Его души и святое храненіе условій и договоровъ съ сосѣдними Государями и съ народами. Далѣе:

2. Гетману, Судьѣ, Полковникамъ, Старшинамъ судить и карать по городамъ и селамъ, и въ ихъ судъ—ни Бояринъ, ни Воевода, ни Стольникъ не должны вмѣшиваться.

Здѣсь опять Исторія видитъ властолюбіе слуги Юрія Хмѣльницкаго, палача Самка и Зототаренка. Не дорожа правами народа, ему ввѣрившагося, онъ твердо стоитъ за свое собственное право, этимъ-же народомъ ему данное. Въ этой-же статьѣ обезпечивалъ Гетманъ козаковъ отъ постоевъ; обезпечивалъ ихъ лѣса, сады, займища, сѣножати, поля, огороды, мельницы, которыхъ плотины устроены самими козаками, пасеки и прочую козацкую собственность. Дачу на Писаря городища съ мельницами, на двухъ Судей по мельницѣ; и по одной съ двумя

колесами мучными и съ третьимъ ступнымъ на каждаго Полковника, короче: онъ обезпечивалъ людей для него опасныхъ; о мирныхъ гражданахъ, о посполитствѣ молчалъ; статья Хмѣльницкаго двадцать первая говорила такъ: Государь жалуетъ жалованья на Полковника по сту ефимковъ, на Асауловъ войсковыхъ по четыреста золотыхъ, на Асауловъ полковыхъ по двѣсти, на Сотниковъ по сту, на козака по тридцати. Брюховецкій во второй статьѣ билъ челомъ, чтобы Государь умилосердился и, по изволенію, козаковъ, за Царское Величество часто на войнѣ труждающихся, платежемъ потѣшилъ: Государь написалъ: *учинить.*

3. Если Гетманъ умретъ, избирать Гетмана должны сами козаки и непремѣнно изъ козаковъ. А до окончанія выборовъ, Обозный долженъ взять булаву и знамя большое и малое, и бунчукъ и пушки, и отвесть къ Боярину и Воеводамъ въ Кіевъ или туда, гдѣ на-то время они будутъ находиться; потомъ Гетманъ долженъ ѣхать въ Москву для полученія этихъ регалій и клейнодовъ.

Т. I. стр. 340, 341 моей Исторіи.

Шестая статья Хмѣльницкаго, какъ мы видѣли, говорила такъ: въ случаѣ Гетманской смерти, Малороссіяне избираютъ Гетмана изъ среды своей и извѣщаютъ Государя, чтобъ Ему не въ кручину было, понеже тотъ давный обычай войсковый. Но какъ въ первыхъ двухъ статьяхъ, такъ и въ третьей, Брюховецкій себя не забылъ; онъ попросилъ у Государя Годячскую волость и причислилъ къ ней Котельву, Опошню, Куземинъ, Грунь, Черкасскую, Зиньковъ, Лютинку, Веприкъ, Рашевку, Камышну, Бурки и всѣ села, мельницы, поля, угодья къ этимъ городкамъ

принадлежащія. Государь *пожаловалъ Гетмана, велѣлъ ему на булаву Гадячь съ тѣми городами дать.*

4. Брюховецкій проситъ, чтобъ Государь прислалъ въ Кіевъ Митрополита изъ Москвы.

На эту статью Государь отвѣчалъ, что онъ будетъ писать о томъ къ Константинопольскому Патріарху; въ статьѣ осьмнадцатой Переяславской было сказано: Государь утверждаетъ Митрополитовъ, избранныхъ нашимъ духовенствомъ, изъ среды себя. Брюховецкому, если не ошибаюсь, необходимъ былъ Митрополитъ изъ Москвы, чтобы, въ случаѣ опасности отъ козаковъ, защитила его анаѳема.

5. Царскимъ Воеводамъ и при нихъ ратнымъ людямъ явиться въ Украинскіе города и размѣститься такъ: въ Кіевѣ пять тысячь, въ Переяславлѣ полторы тысячи, въ Каневѣ пять сотъ, въ Черниговѣ тысяча двѣсти, въ Нѣжинѣ тысяча двѣсти, въ Новѣгородѣ триста, въ Полтавѣ пять сотъ, на Запорожьи тысяча, въ Кременчугѣ триста, въ Острѣ изъ Кіева триста, въ Мотовиловкѣ оттуда-жь триста, при Гетманѣ сто человѣкъ. Всего одиннадцать тысячь шестьсотъ. Послѣдствія этой статьи мы увидимъ ниже; это были тѣлохранители, которыхъ желалъ пріобрѣсть для себя Брюховецкій.

6. Сверхъ Лохвицы состоять Ромну при войсковой арматѣ.

7. Государевымъ ратнымъ людямъ не расплачиваться съ Малороссіянами фальшивою монетою.

8. Не называть козаковъ измѣнниками.

9. Гетману съ чужеземными послами не ссылаться.

Въ статьѣ четырнадцатой Хмѣльницкаго сказано было: чужеземныхъ пословъ Гетманъ свободно принимаетъ, и только о томъ извѣщаетъ Его Величество. Но Брюховецкому необходима была помощь противъ Дорошенка; ему необходимы были пріязнь Воеводъ и тѣлохранители; — лучше было отдать часть правъ своихъ, нежели потерять булаву; онъ предался судьбѣ; расчетъ былъ умный, хотя послѣдствія этого расчета надеждъ не оправдали.

10. Такъ какъ Гетманъ отобралъ отъ Кіевскихъ мѣщанъ Королевскія привилегіи на право Магдебургское, и отдалъ ихъ въ Малороссійскій Приказъ, то Государь обѣщалъ выдать Кіевлянамъ грамоты на это право, сходныя съ привилегіями.

Таковы были Московскія статьи Брюховецкаго.

Октября 22-го Гетманъ съ Старшинами подписалъ ихъ, и былъ провозглашенъ Бояриномъ. Получивъ Боярство, онъ сталъ подписываться *холопомъ*, вмѣсто *вѣрнаго слуги и подданнаго*, какъ бывало подписывался старый Хмѣльницкій. Ближній Бояринъ и Намѣстникъ Вологодскій Салтыковъ пригласилъ его къ столу Государеву; тамъ ему прочитано было милостивое слово и объявлены подарки Царскіе: Гетманъ получилъ ѳерезею, бархатъ золотый двоемохровый, аламы, низанные жемчугомъ, каменьями, лаллами и изумрудами; Обозный, Судья, Полковники, Писаря, Асаулы по сороку соболей на человѣка; малымъ начальникамъ по двѣ пары соболей и по сукну, и на каждаго козака и посполитаго по сукну только. Здѣсь Брюховецкій ударилъ челомъ передъ Государемъ дарами: сайдакомъ, палашемъ, протазаномъ, чапракомъ, уздой въ серебрѣ, въ зо-

Бант.-Кам. Ист. II. Пр. 18.

лотѣ оправленными, украшенными яшмой, бирюзой и яхонтами, и жеребцемъ Турецкими.

За Брюховецкимъ утверждена была въ вѣчное и потомственное владѣніе сотня Шептаковская; Хоружій, Бунчужный, Судья, Обозный, Асаулы Генеральные и всѣ Полковники получили дворянское достоинство, помѣстья, жалованныя грамоты.

Несчастная жертва политическихъ расчетовъ—невѣста, съ которою обвѣнчали новаго Боярина, была дочь стараго Боярина Өедора Петровича Шереметева. Она принесла мужу своему значительное приданое.

Изъ всѣхъ Старшинъ Малороссійскихъ одинъ лишь не былъ обдаренъ, и заслужилъ иную награду. То былъ Генеральный Писарь Шійкевичъ. Этотъ Украинецъ, возставъ противъ десяти статей Московскихъ, доказывалъ Брюховецкому, что безъ Рады народной Гетманъ не имѣетъ права измѣнять положеній Переяславльскихъ; упрекалъ его въ измѣнѣ долгу своему; Брюховецкій оклеветалъ его предъ Боярами; слова и упреки Шійкевича были истолкованы неповиновеніемъ избранной власти. *Токмо Писаря*, говоритъ лѣтопись, *для нѣкотораго съ Гетманомъ заводу въ Сѣбѣръ заслано.*

« Выгодна была », говоритъ почтенный Историкъ Малороссіи, « для Брюховецкаго поѣздка въ Москву, «но въ Малороссіи ожидала его ненависть народа.» И дѣйствительно, что ожидало его на родинѣ? Бант. Кам. II. 88.

Онъ пріѣхалъ въ Малороссію, и въ первыхъ числахъ Января 1666 года, вслѣдъ за нимъ, пріѣхали Воеводы, которые прежде бывали только въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ; теперь явились они въ Гадячь, Полтаву, Миргородъ, Лубны,

Прилуки, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ и Батуринъ. Въ прочіе въ меньшіе города отъ Воеводъ были разосланы «прикащики, цѣлованщики, «присяжные сборщики, которые взымали по торгамъ и ярмалкамъ, со всякой продажной и купленной вещи, отъ козака и мужика, пошлину, «такъ прилѣжно посмотря и истязуя, что ни едина «копѣйка мимо ихъ руки не прошла; а Воевода, по «всей Украйнѣ, во свою область всѣхъ гражданъ и «все посполитство, людей и земледѣльцовъ, при«нявъ, наложилъ дань со всякаго плуга по осьми «осмачокъ жита, осыпу пять золотыхъ грошей, а «отъ коня по полкопи грошей и по осмачци жита. «Того-жь года по-веснѣ присланны были съ Москвы «во всю Украйну спищики, которые всѣхъ людей «по городахъ и селахъ, можныхъ и нищетныхъ, и «кто сколько сыновъ имѣетъ, и кто чимъ промыш«ляетъ и купчуетъ, какою землею, заводами и уго«діями владѣетъ, мельницы, ставы, винницы, бро«варѣ, солодовнѣ, пасѣки и хуторѣ, *по указу или* «*безъ указу*, переписавъ, отъ всего того дань нало«жили давать.»

Фроловск. лѣтопись.

По указу или безъ указу, говоритъ Іеремонахъ лѣтописецъ, краснорѣчивый Историкъ Руссовъ, Преосвященный Георгій Конисскій, мужъ съ глубокими познаніями въ Отечественной Исторіи, съ безграничною преданностью къ Престолу и къ Россіи, правдивый въ своихъ историческихъ показаніяхъ, возлагаетъ всю вину на исполнителей. Вотъ слова Архіепископа Бѣлорусскаго:

«Жалованные Воеводы заняли всѣ города и мѣ«стечки. Штатъ каждаго изъ нихъ довольно былъ

« многочисленный; они имѣли при себѣ разныхъ « статей подъячихъ и съ приписью подъячихъ, мѣ« ровщиковъ, вѣсовщиковъ и приставовъ и пятиде« сятскихъ съ командами. Должность ихъ предписа« на въ Думномъ Приказѣ и подписана самимъ « Думнымъ Дьякомъ Алмазовымъ; а состояла она въ « томъ, чтобы пересмотрѣть и переписать все имѣніе « жителей до послѣдняго животнаго и всякой мелочи, « и обложить все то податьми; для сего открыты « были амбары, кладовыя, сундуки и вся сокровен« ность, не исключая погребовъ, пасѣкъ, хлѣбныхъ « ямъ и самихъ хлѣвовъ и голубятенъ. По городамъ « и мѣстечкамъ проѣзжіе на базаръ дороги и улицы « заперты были и обняты караулами и приставами. « Со всего привозимаго на базары и вывозимаго съ « нихъ *была взымаема дань по росписанію Воеводъ;* « *а отъ нихъ всякая утайка и флатировка ис*« *тязуема была примѣрною жестокостію;* а « обыкновенныя въ такихъ случаяхъ прицѣпки и « придирки надсмотрщиковъ оканчивались сдирства« ми и побоями. Новость сія сколько, можетъ быть, « ни обыкновенная была въ другихъ странахъ, но « въ здѣшней она показалась жестокою, пагубною и « самою несносною. Народъ возстеналъ, изумился и « считалъ себя погибшимъ. Ропотъ на Гетмана от« зывался отъ одного конца земли до другаго. « *Смягчительныя мѣры правительства не согла*« *совались поведенію Воеводъ* и ихъ подчиненныхъ, « и возмущеніе народное стало неизбѣжно. »

Такъ говоритъ Преосвященный Георгій. Выпишемъ теперь слова Писателя, извѣстнаго человѣка, служившаго съ честью Царямъ и Россіи на Госу-

дарственномъ и литературномъ поприщахъ,—это слова моего предшественника, Бантыша-Каменскаго, которому много и много обязанъ я въ моихъ изысканіяхъ.

Том. II. стр. 90. 91. 92. «Малороссійскіе лѣтописатели умалчиваютъ о «причинѣ появленія сихъ Воеводъ, сборщиковъ и «коммиссаровъ, о сдѣланной Брюховецкимъ уступ- «кѣ, Царскими грамотами утвержденной. Они та- «кимъ образомъ слагаютъ всю вину на Государя, «имѣвшаго неоспоримое право располагать своимъ «достояніемъ. Какъ-бы то ни было, Малороссіяне, «не любившіе и до того своего предводителя, еще «болѣе возненавидѣли его при водвореніи порядка, «съ прежними постановленіями несообразнаго. «Простолюдины взирали съ неудовольствіемъ на «пожалованіе Брюховецкаго Бояриномъ. Онъ вво- «дитъ между нами новый обычай, говорили они; *у «предковъ нашихъ Бояръ не бывало, и отъ того «они не превозносились, охраняли права свои, лю- «били одну отчизну*. Епископу Меѳодію противна «была четвертая статья Московскаго договора о «Кіевскомъ Митрополитѣ. Тогда къ народной не- «нависти присовокупилась еще злоба духовенства. «Мстительный Епископъ вооружалъ всѣ сословія «противъ предводителя козаковъ.»

Бант.-Кам. II. 91.—Малорос. дѣлъ Арх. 1666. № 8. Вотъ рѣчь Меѳодія, извлеченная изъ Архива Коллежскаго, какъ издана она въ Исторіи Бантыша-Каменскаго.

«Малороссіяне! доколѣ будете повиноваться ти- «рану, посягающему на драгоцѣннѣйшее ваше на- «слѣдіе, на права ваши, кровію предковъ пріобрѣ-

«тенныя? Доколѣ будете терпѣть отъ него без-
«престанныя обиды и поруганія? отвѣтствуйте мнѣ:
«кто даровалъ ему власть назначать начальниковъ
«вашихъ и лишилъ васъ права избирать ихъ сво-
«бодными голосами? Зачѣмъ произвольно наказы-
«ваетъ онъ Старшинъ, сажаетъ ихъ въ колодки,
«отсылаетъ въ Москву? Почему, безъ войсковаго
«приговора, подвергъ сей участи Генеральнаго
«Судью Незаймая, Полковниковъ Гамалѣю, Высоги-
«на и многихъ другихъ? Малороссіяне! вы зрите
«неправды сіи и пребываете въ бездѣйствіи, —уже
«время сбросить тяжкія оковы, носимыя вами. Да
«падетъ врагъ спокойствія вашего; внемлите гласу
«несчастныхъ единоземцевъ, вопіющихъ къ вамъ изъ
«отдаленныхъ странъ льдистой Сибири. Они тре-
«буютъ мщенія. Одинакій жребій ожидаетъ васъ;
«спасая себя, спасайте отчизну!»

Если эта рѣчь произнесена была отъ внутренняго убѣжденія, а не отъ гордости; то мы находимъ въ Епископѣ Меѳодіѣ достойнаго соперника Полуботка. Впрочемъ Исторія, произнося судъ надъ дѣяніями, не вправѣ вникать въ чувства сокровенныя, одному Богу извѣстныя.

Народный ропотъ усиливался; враги Брюховецкаго становились безчисленны; будущее являлось ему съ предчувствіями ужасающими, когда въ довершеніе его страховъ явились въ Украйну Стольникъ Иванъ Телепневъ и вслѣдъ за нимъ Жилецъ Болотниковъ. 1666. Февр. Первый извѣстилъ Брюховецкаго о перемиріи и возобновленіи переговоровъ съ Польшею; второй привезъ запрещеніе нападать на Литву и на Польшу.

Во время отсутствія Гетмана, Дорошенко день ото-дня усиливался. Отклоняя полки Заднѣпрскіе отъ Россіи, онъ льстилъ Короля Польскаго подданствомъ на Гадячскихъ условіяхъ; козаки, вѣрные присягѣ, перебѣгали изъ-за Днѣпра; Гетманъ селилъ ихъ за Десною. Послѣ четырехъ-мѣсячной осады Брацлавъ палъ предъ Дорошенкомъ, и по волѣ побѣдителя Полковникъ Дрозда, защищавшій этотъ городъ, былъ казненъ въ Чигиринѣ. Украйна раздѣлилась на Западную и Восточную, и двое-гетманствіе съ той поры долго продолжалось; первое народное возстаніе на Воеводъ открылось въ Переяславлѣ. Оно началось убійствомъ въ слободѣ Богушевой Русскаго чиновника Дашкова, поставленнаго Полковникомъ отъ Брюховецкаго. Ночью козаки подъѣхали къ Переяславскому зáмку, но Малороссіяне, защищавшіе воеводу тамошняго, спасли его. Онъ заперся въ зáмкѣ и устоялъ. Переяславль былъ сожженъ, Переяславскіе козаки передались немедленно надъ начальство Дорошенка, который поспѣшилъ на Украйну Восточную. Соединясь съ Переяславцами, онъ пошелъ на Золотоношу, гдѣ квартировалъ съ войскомъ Князь Щербатовъ, выгналъ Князя изъ города, и истребилъ его со всею свитою; помощь Маховскаго была безполезна уже для Русскаго Воеводы; Дорошенко перешелъ черезъ Днѣпръ, разбилъ, схватилъ Маховскаго и, какъ мы видѣли въ главѣ предыдущей, отправилъ его въ Крымъ. Тогда началось истребленіе Воеводъ повсемѣстное. Прилука, Нѣжинъ, мѣстечки, селенія сдавались Дорошенку. Напрасно Государь, думая воспрепятствовать Дорошенку и Татарамъ, увеличи-

валъ войско въ Кіевѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ городахъ; напрасно отправилъ онъ Воеводу Косагова съ отрядомъ и повелѣніемъ удерживать Запорожье въ повиновеніи. Косаговъ едва успѣлъ явиться на Койдакъ, и Запорожцы взволновались. Воевода увѣрялъ, что онъ пришелъ туда, чтобъ защищать Сѣчу и южную часть Малороссіи отъ Крымскихъ нападеній; Запорожцы негодовали, говорили, что присутствіе Московскихъ войскъ для нихъ вредно, что имъ хотятъ запретить сношеніе съ Гетманщиною. Они подали Государю жалобу: «отдалять отъ насъ Малороссію, всегдашнее наше отечество,» писали они, «которое разорено до крайности многими затѣями Московскихъ Воеводъ, значитъ раздувать огонь; а что касается до Крымскихъ набѣговъ, то мы считаемъ это за игрушку; мы всегда противъ Татаръ сами управлялись и защищать себя сами во всякое время въ состояніи.» Наконецъ начали дѣлать такія наглости Косагову, что этотъ принужденъ былъ просить у Государя позволенія возвратиться въ Москву. Бунтъ на Дону, просьба Воеводы, неудовольствіе Запорожцевъ рѣшили сомнѣніе Государя: онъ вызвалъ Косагова изъ Запорожья, тѣмъ болѣе опаснаго, что Лодыженскій, посланный въ это время въ Крымъ, и Ханскій посолъ, возвращавшійся съ нимъ изъ Москвы, были кинуты въ Днѣпръ; эта участь готовилась, вѣроятно, и Косагову съ войскомъ.

Народъ былъ не доволенъ этими убійствами. Наша лѣтопись говоритъ, что какъ онъ ни огорченъ былъ Воеводами, но, не потерявъ разсудка, отъ худыхъ начинаній предвидѣлъ такія-же послѣдствія;

Смоленской губерніи при рѣчкѣ Гроднѣ. Уполномоченными были со стороны Москвы: Окольничій Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, Дворянинъ Богданъ Ивановъ Нащокинъ и Дьякъ Григорій Богдановъ. Съ Польской стороны: Генеральный Староста Княжества Жмудскаго Юрій Карлъ Глѣбовичъ; Маршалекъ Литовскій Хриштопъ Завиша; Референдарь и Писарь Литовскій Кипріянъ Павелъ Бростовскій; Подкоморій Кременецкій Степанъ Ледоховскій; Подкоморій Янъ Антоній Храповицкій и Стольникъ Воеводства Калишскаго Станиславъ Казиміръ Кожуховскій.

Андрусовскій договоръ состоялъ въ тридцати четырехъ статьяхъ; извлечемъ изъ нихъ все относительное къ Малороссіи:

Козаки и Украйна Восточной стороны Днѣпра остаются во власти Царя. Государь-же обѣщаетъ не вмѣшиваться въ дѣла Украйны Западной и тамошнихъ козаковъ; увольняетъ ихъ отъ данной ему присяги и признаетъ владычество надъ ними Короля и Республики. И такъ Смоленскъ, Черниговъ, Стародубъ уступлены Москвѣ; Днѣпръ назначенъ границею обоихъ Государствъ. Козакамъ Запорожскимъ назначено быть въ послушаніи обоихъ Государей и отправлять общую службу противъ Турецкихъ и Татарскихъ нападеній; всякій изъ нихъ пользуется правомъ свободнаго вѣроисповѣданія; они лишаются права строить новые города; запрещается людей изъ поселеній куда-либо выводить. Козакамъ, которые переходятъ во власть Королевскую, не мстить; и какъ, по сей сторонѣ рѣки Днѣпра отъ Кіева живущихъ, козаковъ Его Царское Ве-

личество,—такъ и по другой сторонѣ той-же рѣки отъ Переяславля имѣющихся, козаковъ-же Его Королевское Величество въ оборону свою принимать и до мѣстъ и до городовъ ихъ, въ тѣ перемирные годы, вступаться не будутъ и не велятъ. Городъ Кіевъ со всѣми къ нему принадлежностями и военнымъ снарядомъ отдастся во власть Царю на два года, и при Кіевѣ округъ не болѣе какъ на милю; черезъ два года, въ 1669 году Апрѣля 5 дня, Кіевъ и его округъ должны быть возвращены Республикѣ. Царь обязывается прислать Королю вспомогательное войско, состоящее изъ 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты для успокоенія Украйны, и противъ Турковъ, вторгнувшихся въ границы Республики, принимающихъ подъ Султанское покровительство козаковъ и помогающихъ Дорошенку. Кромѣ того Царь обѣщаетъ изъ собственной казны вознаградить Польское шляхетство, теряющее свои владѣнія на восточномъ берегу Днѣпра; съ обѣихъ сторонъ вышлются Коммиссары для установленія предѣловъ Украйны. Наконецъ по этому-же трактату Дорошенко не можетъ быть Гетманомъ ни на Восточной ни на Западной Украйнѣ.

И такъ Андрусовскій договоръ раздвоилъ Украйну, отданную Хмѣльницкимъ въ руки Царства единою. Отнынѣ на цѣлое столѣтіе Украйна стала Польскою, Русскою; была потомъ часть ее и Турецкою. Но единодушно Малороссіяне признавали ее не раздѣльною и не хотѣли знать Малороссіи иначе, какъ «пространствомъ земли отъ Словечны до «Днѣпра, отъ Клевени до Орели и отъ обѣихъ «Галицій до сѣвернаго Донца.» Этой Истор. I. 3.

При слухѣ объ этомъ договорѣ, ропотъ, волненіе, мятежъ въ Украйнѣ сдѣлались повсемѣстными. Это ужь было не предательство Брюховецкаго; это было раздробленіе отечества. Народъ не размышлялъ о политической невозможности. Онъ не зналъ тайнъ кабинета, къ нему не дошло донесеніе Нащокина, которое для потомства уцѣлѣло, и въ которомъ Бояринъ писалъ Царю: «о Кіевѣ и Запорогахъ свыше «человѣческой мысли склонились коммиссары и на «томъ знаки Божіи явные.»

А между тѣмъ Дорошенко, узнавъ, что по этому-же договору онъ ужь Гетманомъ быть не можетъ, рѣшился вести съ Поляками войну непримиримую, безпрестанную. Приверженность множества козаковъ, дружба съ Ханомъ, покровительство Султанское—ему давали всѣ средства къ этой войнѣ. По Ханскому предстательству Константинопольскій Диванъ вступился за Дорошенка. Польскій посланникъ въ Царѣградѣ, Радзіевскій, представлялъ Визирю, что козаки Польскіе подданные, что Западная Украйна принадлежитъ Республикѣ, что никакая держава не вправѣ вмѣшиваться въ домашнія дѣла Государства сосѣдняго. Визирь отвѣчалъ, что Порта и невходитъ въ разбирательство внутреннихъ смутъ и междоусобій Республики; но какъ козаки прибѣгнули къ могущественной защитѣ Турецкой, то оная будетъ имъ дарована, и Поляки должны немедленно возвратить имъ права и собственность. Радзіевскій спорилъ, его посадили въ Семибашенную крѣпость, гдѣ—отъ огорченія—онъ впалъ въ горячку; Татарамъ отправленъ фирманъ о выдачѣ восьмидесяти тысячъ вспомогательнаго войска Дорошенку.

И Дорошенко выступилъ къ Подгайцамъ съ двадцатью четырьмя тысячами козаковъ и съ осьмью-десятью тысячами Татаръ. Первая стычка при Нараевѣ, гдѣ предводительствовалъ Полковникъ Рущицъ, была удачна для Поляковъ. Вскорѣ Дорошенко появился со всею силою, окружилъ непріятельскій обозъ и съ насмѣшкой спросилъ у Поляковъ: войско-ли будетъ защищать городъ или городъ войско? Коронный Гетманъ выступилъ изъ обоза и построился въ боевый порядокъ. Александръ Поляновскій предводительствовалъ тринадцатью Хоругвями кавалеріи и сталъ на правомъ флангѣ; Владиславъ Вильчковскій велъ лѣвый флангъ; Яблоновскій предводилъ срединою войска; Собѣскій стоялъ въ резервѣ. Орудія, поставленныя въ редутѣ на холмѣ, открыли огонь по Козацко-Татарскимъ войскамъ. Вся линія пришла въ дѣйствіе. Козаки начали приступъ къ старому городу; Татары съ привычнымъ крикомъ ударили на Польскую линію; Польская кавалерія на нихъ наскакала, согнала съ поля битвы и разсѣяла; на мѣстѣ стычки легло множество труповъ; ночь прекратила бой; Поляки, ободренные удачею, возвращались въ лагерь; но ихъ было только двѣнадцать тысячь; Татары сдѣлались осторожнѣе. Дорошенко окружилъ Польскій лагерь. Сто четыре тысячи человѣкъ прекратили всѣ сообщенія, всѣ поставки фуража, провіанта; сквозь эту массу ни вспомогательному отрядку въ лагерь, ни осажденнымъ въ поле пробиться было не льзя. Прошло двѣ недѣли; дѣла Собѣскаго становились затруднительными.

Вдругъ прискакалъ гонцемъ изъ Крыма къ Дорошенку тамошній мурза, Уметъ Кочуба. Онъ при-

везъ вѣсть, что, пользуясь отсутствіемъ одной части Татаръ въ Украйну, и другой по Султанскому фирману въ Закубанскую экспедицію, Кошевый Сирко съ Запорожцами ворвался въ Крымъ, разоряетъ тамошніе города, жилища предаетъ огню и мечу, а Хана самого загналъ въ горы. Это встревожило Дорошенковыхъ союзниковъ; страхъ за женъ и дѣтей принудилъ ихъ согласиться на переговоры съ Собѣскимъ, который давно уже хотѣлъ-бы ихъ начать. Октября 9-го начали обѣ стороны договариваться. Со стороны Поляковъ прислано было четыре Депутата: Яблоновскій, Поляновскій, Вильчковскій и Куропатницкій; Татары выслали четырехъ Мурзъ и скоро условія были готовы. Ханъ обѣщалъ Полякамъ пріязнь, спокойствіе, запрещеніе набѣговъ на Польскую землю не только Татарамъ Крымскимъ, но и Ордамъ: Буджакской, Ногайской и Бѣлогородской. Всѣхъ Польскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Крыму, особенно Маховскаго, онъ обязался освободить. Собѣскій далъ увѣреніе въ своевременной высылкѣ Донативы. Султаны: Киримъ-Гирей-Калга, Омбо-Гирей-Нурадинъ, и Караша-Ага-Атталыкъ скрѣпили своими подписями эти условія.

Съ Дорошенкомъ и козаками состоялся слѣдующій договоръ: Собѣскій обязался отъ имени Короля и Республики предать забвенію все прошедшее; нарядить на будущемъ Сеймѣ Коммиссію для разобранія споровъ и приведенія въ порядокъ дѣлъ Украинскихъ; облегчить посполитство на-счетъ поставки жизненныхъ припасовъ и потребностей для войска; уменьшить гарнизонъ Бѣлоцерковскій; разсмотрѣть жалобу козаковъ на Бѣлоцерковскаго Ком-

менданта, Полковника Стахурскаго, и учинить по ней справедливое рѣшеніе; движимое и недвижимое имущество, отнятое у Паволочскаго Полковника, немедленно ему возвратить. Дорошенко обѣщалъ повиновеніе Королю, вѣрность Республикѣ, отреченіе отъ связей и покровительствъ заграничныхъ; возвращеніе имуществъ Украинскихъ, отнятыхъ у Польскаго шляхетства. Петръ Дорошенко, Обозный Иванъ Демиденко, Полковники, Асаулы съ одной стороны, съ другой Янъ Собѣскій подписали этотъ договоръ и учинена была взаимная присяга.

Октября 16 заключенъ и приведенъ былъ къ окончанію этотъ миръ козаковъ, Крымцевъ и Поляковъ, въ лагерѣ у Подгайцевъ; козаки возвратились въ Украйну, Крымцы въ Крымъ, Поляки разошлись по домамъ; остались ужасные и повсемѣстные слѣды грабежей, пожаровъ, опустошеній. Одна Ногайская Орда въ Покутьи обратила въ пепелъ болѣе трехъ сотъ городовъ и селъ, — по словамъ современнаго Писателя Коховскаго. Октября 16.

Дорошенко принялъ отъ имени Короля, изъ рукъ Собѣскаго, булаву, знамя и литавры; онъ былъ провозглашенъ Гетманомъ на мѣсто Тетери, который, соскучивъ носить только имя Гетмана, потерявъ довѣріе и любовь козаковъ, тоскуя въ бездѣйствіи, предвидя дурные для себя послѣдствія, уѣхалъ въ Варшаву и, сложивъ съ себя санъ, сдалъ Королю регаліи. Онъ думалъ мирно окончить жизнь въ столицѣ Королевской, въ сердцѣ Республики; но ошибся, какъ ошибались Наливайко, Косинскій, Павлюга, Остряница. Запорожцы подали Королю жалобу на бывшаго Гетмана. Высланные отъ нихъ Депутаты

просили удовлетворенія за похищеніе церковныхъ утварей, сокровищъ и собственности войсковой. Тетеря былъ взятъ подъ стражу; наряжена была Коммиссія. Польскіе Историки стыдятся сказать истину; мы скажемъ ее. Они говорятъ, что будто-бы Тетеря *успѣлъ оправдаться, былъ освобожденъ;* что постановлено было пушкамъ, аммуниціи и всѣмъ военнымъ снарядамъ войска Запорожскаго имѣть складку въ Бѣлой-Церкви; что Чигиринъ былъ назначенъ Гетманскою столицею, и что, наконецъ, *Тетеря удалился въ Адріанополь, гдѣ на чужой землѣ окончилъ жизнь, запятнанную измѣнническою ненавистью къ своему родственнику, военному товарищу—Виговскому.* И вотъ благодарность человѣку, всегда вѣрному Польшѣ! И это слова Польскаго Историка; — такова-то истина, которая должна быть чувствомъ священнѣйшимъ для Бытописателя. Изъ Малороссійскихъ дѣлъ, хранящихся въ Коллежскомъ Архивѣ, мы видимъ не то. Да и для чего-бы оправданный, освобожденный Тетеря удалился въ чужую землю умирать? Конечно, онъ былъ предатель и злодѣй, въ томъ его соотечественники не сомнѣваются, но предатель не Польши, злодѣй не для нее, а для враждебной Полякамъ Украйны, для собственной родины. Что-же скажетъ потомство, и что подумали современники при извѣстіи, что за всѣ заслуги предъ Республикою, Сеймъ Польскій, боясь Запорожцевъ, въ надеждѣ на прочность мира съ Дорошенкомъ, велѣлъ Тетерю—казнить смертію.

Гетманство Дорошенка было противно договору Андрусовскому. Казнь Тетери была противна чести, и пугала Дорошенка, который могъ ожидать и

себѣ подобной-же участи. Главнымъ его совѣтникомъ былъ Іосифъ Тукальскій; Поляки хотѣли казнить Тукальскаго, Юрія и Гуляницкаго. Они скрылись во внутрь Малороссіи; Тукальскій рѣшился Полякамъ мстить до гроба; Дорошенко началъ сноситься съ Портою и искать покровительства Султанскаго. Всѣ усилія Поляковъ привесть въ повиновеніе Западную Украйну остались тщетными; Республика просила Царскаго посредничества; Государь отправилъ Ротмистра Ивана Рославлева къ брату Дорошенка Григорію и къ Тукальскому; Рославлевъ предложилъ имъ отъ имени Государя, чтобъ они «отложили горделивыя мысли, держались «вѣры Христіанской, не имѣли дружбы съ Татарами, предали себя въ защищеніе обоихъ Государей.» На-единѣ онъ просилъ ихъ «отклонить «*Гетмана* отъ Христоненавистныхъ Агарянъ подъ «высокую Державу союзныхъ Монарховъ.» Петръ Дорошенко отвѣчалъ: «Государи Андрусовскимъ «договоромъ разодрали на части Украйну и согласились оную искоренить,—и такъ мой союзъ съ «Татарами долженъ оставаться во всей силѣ, тѣмъ «болѣе, что эта дружба ни въ чемъ не мѣшаетъ ни «Россіи, ни Польшѣ,—а я и безъ подданства всегда «доброжелательствую Царю.»

Между тѣмъ Рада собиралась за Радою: онѣ были мѣстныя; можно было предвидѣть общую, и ея слѣдствіемъ какой-нибудь великій переворотъ. Чтобъ отвратить это несчастіе, былъ изданъ слѣдующій Манифестъ къ Малороссіянамъ:

«Извѣстно всѣмъ вамъ какъ Мы, Великій Государь, войсками Нашими, не щадя Нашей казны,

«въ оскорбленіяхъ, вамъ наносимыхъ, васъ защища-
«ли и обороняли; ваше обѣщаніе, съ начала поддан-
«ства Гетмана Богдана Хмѣльницкаго и до Боярина
«Нашего, Гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго,
«быть у насъ въ вѣрномъ послушаніи то-же извѣст-
«но каждому. И потому Мы разставили въ Мало-
«россійскихъ городахъ войска Наши, не для того,
«чтобъ увѣриться въ вашемъ вѣрноподданствѣ, но
«чтобъ наносить страхъ врагамъ вашимъ, чтобъ при
«васъ всегда была Наша оборона. За что-же нача-
«лась въ городахъ вашихъ внутренняя война и от-
«крыла средства народамъ не-Христіанскимъ гу-
«бить и увлекать въ плѣнъ Христіанъ? Нынѣ, когда
«Господь Богъ услышалъ молитвы Наши и даро-
«валъ Намъ миръ съ короною Польскою и Княже-
«ствомъ Литовскимъ, вамъ остается, отложивъ воин-
«скіе труды, разойтись по домамъ вашимъ. Вы долж-
«ны-бы воздать Богу благодарность, не сомнѣваться
«въ прочности мира и заняться хозяйственными за-
«ботами. Мы надѣялись, что этотъ миръ вамъ на-
«иболѣе пріятенъ будетъ потому, что у васъ были
«войны кровопролитнѣйшія, подъятыя вами на защи-
«ту собственную, и вмѣсто этой радости вы явили
«несогласіе и начали кровопролитіе. Гдѣ слыхано,
«чтобы Посланниковъ побить? Хотя-бы и война ве-
«лась между народами, то и тамъ не умерщвляютъ
«Посланниковъ. А вы, безстрашные, забывъ Судъ Бо-
«жій, вы пролили свою кровь, учинили дѣло пре-
«ступное, не-Христіанское, и злую славу пустили
«въ свѣтъ. И нынѣ мы слышимъ отъ Гетмана и
«Бояръ вашихъ, что вы хотите безъ Нашего Госу-
«дарева Указа Раду чинить, а съ какимъ умысломъ,

«о томъ ни они къ Намъ не пишутъ, ни отъ васъ «извѣстія нѣтъ. Мы никакъ не надѣялись, чтобъ безъ «всякаго съ Нашей стороны оскорбленія, вы были «намъ враги и отступники; но Богъ разрушаетъ «совѣты хотящихъ брани, и посылаетъ благослове-«ніе въ единомышленный домъ. Вамъ, Полковникамъ, «рядовымъ и посполитству, имѣющимъ вѣру, надеж-«ду и любовь, слѣдовало-бъ обращать малодушныхъ «и суетныхъ на путь истины; а у васъ нѣкоторые «легкомысленные люди, презрѣвъ страхъ Божій, въ «пустотѣ любви сердецъ окаменѣлыхъ, хотятъ по-«слѣдовать въ злой путь Гетману Дорошенку. Вамъ «должно-бы Дорошенку напомнить о единовѣрствѣ, «взыскать его заблудшаго и привести въ ограду «Христовыхъ овецъ; чтобъ чувственные волки, надъ «ихъ отступною кровью разъярясь, невинныхъ, блу-«дящихъ въ горахъ противенства или несмысльства, «не поѣли, и Христовыхъ овчарень не опустошили. «О, не навлеките на себя праведнаго гнѣва Божія, «отлучитесь отъ непокорныхъ, чтобъ многія рати «обоихъ славныхъ Государствъ не обрушились на «край вашъ, и не учинилось-бы великое кровопро-«литіе. Вашему единомыслію съ Дорошенкомъ го-«товъ дивиться цѣлый свѣтъ; оказавшіе неповинове-«ніе нынѣ прощены будутъ, и пусть займутся до-«машними заботами; Мы, Великій Государь, будемъ «всегда имѣть васъ подъ Нашею великою защитою. «Кормите войска Наши безъ оскорбленія, держите «во всемъ совѣтъ съ Боярами Нашими, Гетманомъ «и Воеводами, тогда и Господь Богъ и Наше Цар-«ское милосердіе умножитъ и устроитъ благо Ваше. «Данъ 1667 года, Іюля 7 дня, въ Москвѣ.»

Декабря 15-го пріѣхалъ къ Дорошенку Дворянинъ Василій Дубенскій. Но тщетно онъ старался отклонить Западнаго Гетмана отъ Польши и отъ Крымцевъ. Дорошенко принялъ его ласково, увѣрялъ въ желаніи поступить подъ высокую руку Великаго Государя, жалѣлъ, что не льзя исполнить этого въ скоромъ времени; говорилъ онъ, что ждетъ рѣшенія Сейма, и что если не возвратятъ ему Бѣлой-Церкви, по условію съ Собѣскимъ, то станетъ войною добывать этотъ городъ. Напрасно умолялъ его Дубенскій не посылать Татаръ *въ Государевы города Заднѣпрскіе.* «Татары безъ моего вѣдома» отвѣчалъ Дорошенко, «не пойдутъ войною въ За«днѣпрскіе города. Если и выступятъ въ походъ, «то не противъ Русскихъ. Долго служилъ я Коро«лю Польскому; мы полагали головы свои за него; «а теперь Поляки вмѣсто благодарности наруша«ютъ наши преимущества; вмѣшиваются съ Нѣмца«ми въ дѣла войсковые; не только козаковъ, Пол«ковниковъ бьютъ и мучатъ; берутъ съ насъ побо«ры, обругали и пожгли многія церкви Божія; иныя «обратили въ костелы,—это не стерпимо для насъ; «я не хочу Христіанской крови, не пошлю Татаръ «на города Государевы, согласенъ быть подъ пок«ровительствомъ Царскаго Величества; но отъ Та«таръ не отстану. Къ нимъ ближе отъ насъ, тѣмъ «къ Москвѣ; Государь не успѣетъ прислать еще вой«ска, какъ Татары, если я поссорюсь съ ними, успѣ«ютъ уже опустошить Украйну; а если я въ «дружбѣ съ ними, то и Россія будетъ цѣла.» За столомъ, послѣ заздравныхъ кубковъ въ честь Государя, при громѣ пушекъ, разгоряченный виномъ

Дорошенко наконецъ сказалъ: «Государь съ Коро-«лемъ помирился, по договору Кіевъ долженъ по-«ступить Полякамъ, но я, Гетманъ, и все мое вой-«ско головы положимъ, а Кіева не отдадимъ.» — На другой день Дубенскій имѣлъ переговоры съ братомъ Дорошенка Григоріемъ и съ Тукальскимъ. Онъ полагалъ ихъ стараніями преклонить Дорошенка къ подданству Государю. Тукальскій отвѣчалъ на это къ Воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву письмомъ, въ которомъ рѣшительно и прямо объявлялъ, что не станетъ совѣтовать Гетману нарушать клятву свою передъ Королемъ, что для этого надобно быть и самому клятвопреступникомъ; «Да подастъ Господь иной совѣтъ Царскому Бант.-Кам.
«Величеству и его совѣтникамъ, *совѣтъ праведный,* II. 101.
«*истинный.* Воспоминая-же Писаніе: *врагу твоему* «*вѣры никогда не даждь,* вручаю себя любви и «благосердію милости Вашей.» 19 Декабря Дубенскій уѣхалъ изъ Чигирина, съ неутѣшительными новостями.

Только-что онъ выѣхалъ, явился Поручикъ Рейтарскаго строя Кручина-Тютеревъ съ письмомъ Василья Михайловича Тяпкина къ Григорію Дорошенку. Григорій не принялъ письма, отправилъ Тютерева въ Чигиринъ къ брату своему, который изговорился страхомъ Польши и Татаръ. Тютеревъ, такъ-же какъ и Дубенскій, безуспѣшенъ былъ въ стараніи преклонить Западнаго Гетмана къ Русскому подданству. Предстоя у обѣдни, которую совершали Тукальскій и Архимандритъ Гедеонъ, т. е. Юрій Хмѣльницкій, онъ имѣлъ неудовольствіе слушать имя Короля на эктеніи, и только при

выносѣ Святыхъ Даровъ, когда Тукальскій поминалъ Вселенскихъ Патріарховъ, Хмѣльницкій произнесъ имя Великаго Государя Всероссійскаго.

Потомъ пріѣхалъ въ Чигиринъ и самъ Стряпчій Тяпкинъ; напрасны были и его старанія. Онъ ссылался на милость Государя, возвратившаго свободу брату Гетмана Григорію, припоминалъ убѣжденія Кіевопечерскаго Архимандрита Иннокентія Гизеля. «Орды не перейдутъ за Днѣпръ,» сказалъ Дорошенко черезъ брата своего Тяпкину, —«Дружба и «братство Гетмана съ Ханомъ не вредны ни Коро«лю, ни Царю; а ясневельможный Панъ Гетманъ «войскъ Его Королевскаго Величества Запорож«скихъ, и безъ подданства Его Царскому Величе«ству, доброжелателенъ.» Здѣсь Григорій подалъ Тяпкину письмо Дорошенково: это былъ отвѣтъ на полученное Дорошенкомъ черезъ Тютерева.

«Твое письмо я получилъ;—писалъ Чигиринскій Гетманъ—«въ которомъ ты хочешь преклонить къ «тому, въ чемъ и другіе были безуспѣшны, чего и «я не могу исполнить, а почему,—Божіими-ли судь«бами или кознями людей не-добрыхъ и не-мир«ныхъ,—то разсудитъ Богъ. Кто больше крови про«лилъ, ополчаясь на враговъ Царскихъ, какъ не Бог«данъ Хмѣльницкій? Не онъ-ли всю Украйну, Бѣ«лоруссію и даже Литву съ Вильною, Львовымъ и «Люблинымъ отдалъ Государю? Кто привелъ все «войско Запорожское не въ Турецкое, но въ Хри«стіанское Московское Государство, какъ не Вигов«скій? Кто убилъ Самка и Золотаренка? Какая-же «имъ всѣмъ благодать за это? Разсмотри, *Любими-*

« *че!* Въ насмѣшку первому, въ первой Коммиссіи « подъ Вильно, Коммиссары Московскіе не дали мѣста « нашимъ Посламъ; при Польскихъ и Цесарскихъ « Послахъ они его называли недостойнымъ о себѣ « совѣтоваться. Витебскъ и Полоцкъ возвращены По- « лякамъ; тамъ ни одной православной церкви имѣть « намъ не позволяется; *приняти отъ честности « твоей совѣтующаго не можемъ.* »

Но въ тайныхъ совѣщаніяхъ Григорій и Тукальскій сказали, что если Государь выведетъ Воеводъ изъ Украйны, если уничтожитъ подати, обяжется не нарушать правъ и признаетъ Петра Дорошенка Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, то и Заднѣпріе поступитъ въ его подданство.

Такъ богатый людьми преданными и единомышленниками, Дорошенко устроивалъ свои дѣла, въ то время, какъ Брюховецкій пронырствомъ и мстительностью увеличивалъ число враговъ своихъ. Въ службѣ козацкой находился одинъ Грекъ, который служилъ шестнадцать лѣтъ въ Молдавіи, потомъ жилъ три года въ Іерусалимѣ, и наконецъ опредѣлился на службу въ Малороссіи при Богданѣ Хмѣльницкомъ: это былъ Константинъ Мигалевскій, Полковникъ. По неудовольствіямъ, Брюховецкій отправилъ его въ Москву подъ надзоромъ Коневскаго Полковника Якова Лизогуба и Канцеляриста Мокрѣевича. Вселенскіе Патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій находились въ это время въ Москвѣ по дѣлу Патріарха Никона; Мигалевскій прибѣгнулъ къ ихъ покровительству. Они постарались оправдать его предъ Царемъ. Царь пожаловалъ ему въ награду за клевету Брюховецкаго сорокъ

соболей и дворянское достоинство. Патріархи прокляли Брюховецкаго. Пораженный извѣстіемъ объ анаѳемѣ, Гетманъ отправилъ въ Москву Нѣжинскаго Полковаго Судью Ѳедора Завадскаго и Канцеляриста Касперовича; онъ черезъ Царя испрашивалъ у Святителей прощенія и разрѣшенія. « За что меня « прокляли Святѣйшіе Вселенскіе Патріархи, я того « не знаю. » Такъ писалъ онъ Государю. « Не щадя « себя за Вашу Царскую фамилію, не допуская Бу- « сурмановъ поработить Малороссію и опустошить « храмы Божіи, я надѣялся черезъ то получить душѣ « моей пользу, а не пагубу. Нынѣ величайшая скорбь « снѣдаетъ сердце мое. Какая польза человѣку, аще « міръ весь пріобрящетъ, душу-же отщетитъ?» Гетманъ заключилъ письмо свое изъявленіемъ радости о перемиріи съ Польшею, и обѣщаніемъ не дѣлать Полякамъ никакихъ обидъ и оскорбленій.

Бояре, по повелѣнію Государеву, писали къ Брюховецкому, что онъ оправданъ на-счетъ доносовъ Меѳодія; Епископъ возвратился въ Нѣжинъ изъ Москвы съ титуломъ Нѣжинскаго-Украинскаго; Царь совѣтовалъ ему примириться съ Гетманомъ. Епископъ, оставя вражду, поспѣшилъ изъ Нѣжина въ Гадячь; Гетманъ выѣхалъ къ нему на-встрѣчу за пять верстъ отъ города, угощалъ цѣлую недѣлю, женилъ своего племянника на его дочери, далъ пышный пиръ въ Нѣжинѣ, и тѣсная дружба между Гетманомъ и Епископомъ замѣнила вражду.

Въ это время Андрусовское перемиріе стало уже извѣстно по всей Малороссіи; но статей его народъ не зналъ. Воспользовавшись его невѣденіемъ, Поля-

ки начали распространять лживыя, и не менѣе того непріятныя, вѣсти на-счетъ судьбы Украйны. Когда эти вѣсти разнеслись по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и на Запорожьи, то возстаніе получило признаки весьма сильные и явные. По общему совѣту рѣшили отправить Пословъ въ Москву отъ всей Малороссіи; просить Государя о прекращеніи обидъ нестерпимыхъ отъ Воеводъ и ихъ прикащиковъ, въ большихъ и малыхъ городахъ; жаловаться на сдирства сборщиковъ по торгамъ и ярмаркамъ, и на перепись женъ и дѣтей. Но главное дѣло этихъ Пословъ было справиться о томъ, что положено на-счетъ Малороссіи въ мирныхъ трактатахъ съ Польшею. Послами были Мокріевичъ и Урвановичъ (по другимъ Рубанъ, по третьимъ Якубовичъ). Но они узнали, что Поляки и ихъ Коммиссары отлично въ Москвѣ приняты, что имъ отдаютъ большія почести, а о содержаніи трактата ничего несвѣдали. На ихъ о томъ вопросы, Бояре отвѣчали, что дѣла Государственныя до войска не касаются, что дѣло военное знать ружье и его употребленіе, а земскую расправу надлежитъ знать Воеводамъ городскимъ и провинціальнымъ, «которые если у васъ есть, то они о «томъ и знать могутъ.» И такъ Послы ни съ чѣмъ возвратились. «Тіи видѣвши, что при великомъ «Послѣ Польскомъ Беневскомъ, Воеводѣ Черниговскомъ, шляхту и гражданъ и людей посполитыхъ, «въ Литвѣ и Полщи завоеванныхъ, з'женами и дѣтьми и имѣніями, изо всея земли Великороссійской «собирая, воспять Ляхамъ отдавано, донесли Гетману, что козаки уже уничтожены, и вскорѣ Ляхамъ «яко Литовскіе и Польскіе невольники будутъ от- Фроловская лѣтопись.

«даны.» Почти въ это время пришла къ Гетману Царская грамота, съ объявленіемъ, что нѣсколько десятковъ тысячь войска расположится въ Украйнѣ на зимнихъ квартирахъ. Козаки не понимали, за чѣмъ придетъ это войско, — войны никакой съ сосѣдями у насъ не было. Народъ и Старшины смутились; разнесся слухъ, что это войско придетъ для того, чтобъ отдать Малороссію Полякамъ.

Епископъ Меѳодій увѣрялъ народъ, что Бояринъ Ордынъ-Нащокинъ приближается съ ратными людьми къ Кіеву и обратитъ въ пепелъ всѣ города Малороссійскіе. Къ Брюховецкому писалъ онъ слѣдующее письмо:

Мал. дѣл. Кол. Арх. 1668. № 5. Бант.-Кам. II. 106.

«Для Бога, не плошай! Теперь идетъ торгъ о «насъ; хотятъ, взявши за шею, выдать Ляхамъ. Окру-«жай себя болѣе Запорожцами; укрѣпляй также «своими людьми порубежные города. Утопающій «хватается за бритву для спасенія. Безбожный Ше-«реметевъ нынѣ въ тѣсной связи съ Ляхами и съ «Дорошенкомъ. Остерегайся его и Нащокина. Мила «мнѣ отчизна. Горе, если поработятъ ее Ляхи и «Москали. Лучше смерть, нежели золъ животъ. Стра-«шись имѣть одинакую участь съ Барабашемъ.»

Множество Запорожцевъ явилось, по совѣту Меѳодія, въ Украйну. Они начали заводить ссоры и драки съ людьми Московскими. Подвигнутый молвою народною и неудовлетворительными отвѣтами изъ Москвы, Брюховецкій опять отправилъ Пословъ къ Государю. Генеральный Старшина Григорій Гамалѣя и Канцеляристъ Касперовичъ подали письмо Гетманское къ Царю.

«По поводу тайныхъ съ Польшею переговоровъ, «распущенные Поляками слухи объ отдачѣ имъ въ «подданство Малороссіи возмутили войска Мало«россійскія и ея жителей; умоляю увѣдомить меня «и народъ о содержаніи тѣхъ контрактовъ; ежели «подлинно Малороссія обречена къ отдачѣ Полякамъ, «то должностію обязанъ я принять противъ нихъ «оборонительныя мѣры и избрать новые союзы и «протекціи; если-же Украйна останется по преж«нему въ протекціи Россіи, то вѣрность и при«верженность народа къ Державѣ Россійской суть «неизмѣнны и постоянны. А тайна и предательство «въ семъ случаѣ суть многогрѣшны и постыдны, и «паче между народами единовѣрными и единомыш«ленными; ибо извѣстно всему свѣту, что народъ «здѣшній, претерпѣвъ отъ Поляковъ неслыханные въ «человѣчествѣ варварства и всѣхъ родовъ гоненія, «освободился отъ нихъ собственно своею силою и «мужествомъ. А соединился съ Россіею по доброй «волѣ своей и единственно по одновѣрству. Слѣ«довательно укрѣплять ее или другому даровать «ни по-чему и никто не властенъ; и въ против«номъ случаѣ я готовъ опять защищать себя оружі«емъ до послѣдней крайности, и скорѣе соглашусь «погибнуть, нежели сносить постыдное иго отъ вра«говъ своихъ, и сіе есть истинно и непреложно. О «Царю! Если замѣшилась злоба на Воеводъ, то и «тутъ главными орудіями не народъ и Старшины, «а Бояре Россійскіе, которые прислали Воеводъ «съ инструкціями противъ правилъ и договоровъ «прямо Египетскими или Вавилонскими; и Поль«ское Правительство—подсылкою на насъ Гетмана

Архіеписк. Конискій.

«своего Дорошенка, народъ поколебавшаго. Но за «всѣмъ тѣмъ самый разсудокъ учитъ, что за десять «виновныхъ злодѣевъ не отвѣчаютъ милліоны на-«рода неповиннаго.»

Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ Гетману, что въ Малороссію прислано будетъ тысяча человѣкъ пѣшихъ стрѣльцовъ, съ недостающимъ числомъ Воеводъ, которые размѣщены будутъ по городамъ и уѣздамъ «и они учнутъ по досугу и обычью каж-«даго жаловати, а шалуновъ и неслушей карати «судомъ и расправою; писано бо есть въ книгахъ «Христіанскихъ: ему-же честь, честь; и ему-же «страхъ, страхъ! Сирѣчь на худыхъ гнѣвъ, а на «добрыхъ милость. А тебѣ Гетману и всей Старши-«нѣ козацкой смотрѣти войска и его снаряды, и «служити съ нимъ вѣрою и правдою; а о войнѣ и «мирѣ не хлопотати, и о трактатѣхъ съ Польшею не «стужати намъ; у нихъ все написано то, что ладно, «а худо никто не пойдетъ.»

Этотъ отвѣтъ изумилъ и взволновалъ не только народъ, старшинъ, войско, но и самого Брюховецкаго. Въ довершеніе всей бѣды вдругъ получаетъ онъ письмо отъ Петра Дорошенка, и какое письмо:

Фроловская лѣтопись. Конисскій.

«Такій начальныкъ въ народѣ, якъ ты, Иване! «повиненъ есть Суду Божіему и человѣчеству. На-«родъ, ввѣрившій тебѣ судьбу свою, пролилъ неи-«щетное множество крови, потерялъ безчисленныхъ «предковъ, на брани избіенныхъ, ведучи долголѣт-«ныя войны съ Поляками за вольность свою и сво-«боду правъ своихъ; но какую онъ имѣетъ воль-

« ность и свободу? По-истинѣ никакой; а одну
« злобную химеру. Годичные труды и все пріобрѣ-
« тенное ихъ пôтомъ отнимаютъ у нихъ Воеводы и
« Приставы. Судъ-же и расправа въ ихъ рукахъ. А
« что остается несчастному народу? Одна бѣдность
« и стенаніе. Вы и съ Старшинами своими обольщены
« въ Москвѣ женщинами, а за ихъ приданое народъ
« отплачиваетъ; и ты уподобляешся такому пастырю,
« который держитъ корову за рога, а другіе для
« себя ее доятъ. Когда нѣтъ уже у тебя своей силы
« и отваги, то можно поискать и сторонней; когда
« нѣтъ въ Христіанахъ правды, то можно попытать-
« ся объ оной и у иновѣрцовъ. И то не грѣхъ и не
« глупость, но крайность, вынужденная необходи-
« мостью. Я готовъ все уступить на пользу народу,
« даже и самую жизнь; но оставить его въ тяжкой
« неволѣ, и думать мнѣ несносно.»

Брюховецкій самъ призвалъ грозу, и самъ изчезъ 1668.
въ ея первомъ вихрѣ. Въ Январѣ была созвана въ Гадячь Рада изъ Генеральныхъ Старшинъ и Полковниковъ. Эти Полковники были ничто иное, какъ простые Запорожцы, въ санъ этотъ самовольно Гетманомъ возведенные; вотъ что говоритъ о томъ одна изъ нашихъ Лѣтописей: «И по таковой Дорошенковой намови, съихавшіеся, по Богоявленіи Господнемъ, Брюховецкаго Старшина Генеральная, Полковныкы зъ гультяйства Запорожскаго поставленныи, которыи зъ голоты ставши на началахъ и на Крамарскихъ дочеряхъ поженившися хитро, яко своевольци имилы всегда грабительство и съ Гетманомъ Брюховецкимъ усовитовалы, дабы отъ Царскаго Величества отступиты, и веливъ Брюховецкіи

Воеводъ, отъ Его самого добровольно въ городы принятыхъ, убываты.»

Это неистовое злодѣяніе, это предательство могло произойти только по волѣ предателя отчизны и его клевретовъ. Народъ, вездѣ и всегда добрый въ массѣ, былъ противъ этого кровопролитія, и онъ былъ дѣйствительно преданъ Государю и единовѣрной Москвѣ. Это докажутъ въ послѣдствіи его поступки, и даже по современнымъ Лѣтописцамъ мы видимъ справедливость моихъ словъ. И они, сходно съ народомъ, произнося всегда имя Царя Алексѣя Михайловича съ любовію, слагаютъ всю вину на Воеводъ и на своего свирѣпаго Гетмана.

Въ началѣ Февраля козаки возстали на Воеводъ и сборщиковъ повсемѣстно. Отъ Гетмана помчались гонцы: Старшина Гречаный въ Крымъ,—просить у Хана союза; въ Константинополь—Старшина Григорій Гамалѣя и Канцеляристъ Касперовичъ искать вѣчной протекціи. Въ Малороссіи города были въ огнѣ, жители были ограблены Запорожцами; въ четырехъ только городахъ: въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ и Нѣжинѣ могли Воеводы спастись. Въ Стародубѣ Князь Волконскій, въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ Квашнинъ были убиты; въ Глуховѣ Кологривовъ, въ Лубнахъ Бибиковъ были подарены Татарамъ; въ Миргородѣ Приклонскій, въ Батуринѣ Клокачевъ, въ Прилукахъ Загряжскій, въ Гадячѣ Огаревъ были въ Чигиринъ отправлены; въ Сосницѣ Михайловъ неизвѣстно гдѣ дѣвался.

Донскіе козаки получили также отъ Брюховецкаго приглашеніе измѣнить Государю.

Старые козаки, или такъ называемое Товарищство, преданные Вѣрѣ и Христіанскимъ обычаямъ, ужаснулись и вознегодовали на Брюховецкаго. Они немедленно дали знать Государю о избіеніи Воеводъ, о посольствахъ на Донъ, въ Крымъ и въ Константинополь; просили Ромодановскаго осадить скорѣе Котельву, гдѣ хранились всѣ запасы Брюховецкаго, и гдѣ засѣли Запорожцы. Тогда-же къ Дорошенку отправленъ былъ гонецъ съ просьбою—прибыть скорѣе въ Полтаву и принять Гетманство.

Получивъ извѣстіе отъ козаковъ, Государь немедленно велѣлъ вступить въ Украйну Князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому. Стольники: Князь Константинъ Щербатовъ и Иванъ Лихаревъ, Думный Дворянинъ Яковъ Тимоѳѣевичъ Хитровъ и Генералъ Филиппъ фонъ Буковенъ вступили къ намъ съ Ромодановскимъ; два послѣдніе отряжены были на Запорожье. 27 Февраля гонецъ изъ Москвы привезъ въ Польшу Русскимъ Посланникамъ Государевъ указъ: извѣстить Короля о всеобщемъ возстаніи Украйны, о кровопролитіи, о внушеніяхъ Брюховецкаго и Дорошенка предаться Портѣ; обѣщать, что въ будущемъ году устроится вѣчный миръ Россіи съ Польшею, посредствомъ Дворовъ Цесарскаго, Датскаго, Шведскаго и Бранденбургскаго; наконецъ просить скорѣе высылки вспомогательнаго войска.

По совѣту Товарищства, Ромодановскій пошелъ на Котельву; при наступленіи весны осадилъ городъ и прекратилъ сношенія Запорожцевъ съ Брюховецкимъ. Сирко, не теряя времени, началъ переписку съ Генеральнымъ Асауломъ Демьяномъ Многогрѣш-

нымъ о принятіи Дорошенка на Гетманство. Испуганный предчувствіями, *свирѣпый Брюховецкій сталь безчеловѣчнымь*; обиды и разоренія отъ него посполитству простерлись до невѣроятности; за ничтожную вину онъ всенародно сжегъ Гадячскую Полковницу Острую.

По вызову Старшинъ, Дорошенко, щедро одаривъ Пословъ, поспѣшилъ съ Поляками въ Опошню, и прибылъ туда почти въ одно время съ Гречанымъ, который привелъ съ собою войска вспомогательные изъ Крыма. Дорошенко подкупилъ и Татаръ и Гречанаго. Брюховецкій пріѣхалъ въ Опошню для взаимныхъ клятвенныхъ обѣтовъ съ Крымцами. Не подозрѣвая ни въ чемъ Дорошенка, онъ выступилъ къ Котельвѣ съ Татарами и Запорожцами; Чигиринскій Гетманъ перерѣзалъ ему дорогу въ пяти верстахъ отъ Опошни. Его-же козаки схватили, связали и привели его къ Дорошенку; а этотъ отдалъ его Опошнянцамъ «за непорядочное на Гет-«манствѣ правленіе, за безумный замыслъ, за не по-«стоянство и не пощадѣніе Самка и Васюты и «иныхъ,» говоритъ одна изъ нашихъ лѣтописей, — «за убійство многихъ честныхъ женъ и за Полков-«ницу Гадячскую, прозываемую Острую.» Народъ убилъ Брюховецкаго дубьемъ. Его совѣтники и часть Запорожцевъ погибли съ нимъ-же; его жена, дочь Шереметева, отослана въ Чигиринъ; Дорошенко отправилъ тѣло убитаго Гетмана въ Гадячь, тамъ похоронили его въ церкви Богоявленія. Таковъ былъ конецъ Брюховецкаго. Говоря о днѣ, въ который сталъ онъ Гетманомъ, одинъ изъ Малороссіянъ сказалъ: «Прощай Украйна.»

Начало его правленія ознаменовано неблагодарностію и мстительностію; средина—разрушеньемъ селъ и городовъ, пожарами жилищъ, гибелью жителей; конецъ—измѣной и предательствомъ предъ Царемъ и Благодѣтелемъ. А смерть—подъ дубьемъ.

ГЛАВА XXXII.

Меѳодій арестованъ и отвезенъ въ Москву. Дорошенко идетъ на Ромодановскаго. Узнаетъ о невѣрности жены. Ѣдетъ въ Чигиринъ. Переговоры Многогрѣшнаго съ Ромодановскимъ. Царская грамота къ Малороссіянамъ. Суховій. Переговоры Татаръ съ Дорошенкомъ. Неудача Дорошенка. Многогрѣшный. Компанейцы. Толки о Кіевѣ. Избраніе Гетмана. Статьи.

Въ Украйнѣ Восточной **междогетманство.**	*Въ Западной* **Дорошенко.**

1668. Во время народнаго возстанія въ Малороссіи, Епископъ Меѳодій находился въ Нѣжинѣ. Дорошенко далъ повелѣніе Многогрѣшному арестовать и отправить его съ дѣтьми въ Черниговъ; черезъ четыре недѣли, подъ крѣпкою стражею, Меѳодій былъ отвезенъ въ Седнево, что въ двадцати шести верстахъ отъ Чернигова по большой дорогѣ Петербургской; мѣсяцъ спустя, его потребовали въ станъ Дорошенковъ къ Митрополиту Тукальскому, предали суду за недоброжелательство Заднѣпрскому Гетману, лишили Епископскаго сана, разлучили съ дѣтьми и заточили въ монастырь, сперва въ Чигиринскій, потомъ въ Уманскій. Тамъ онъ не долго пробылъ,

подкупилъ монаховъ, ночью бѣжалъ, явился въ Кіевѣ; по повелѣнію Боярина и Воеводы Петра Шереметева былъ схваченъ, отправленъ въ Москву, и кончилъ жизнь подъ стражею въ монастырѣ Новоспасскомъ.

Дорошенко, какъ Гетманъ Украйны обѣихъ сторонъ Днѣпра, со всѣми силами козацкими и Татарскими выступилъ подъ Котельву противъ Ромодановскаго, освободилъ городъ отъ облежанія и погналъ къ Путивлю Боярское войско; на дорогѣ пришла къ нему изъ Чигирина вѣсть «о нѣкоторомъ жены его безчиніи;» оно такъ огорчило Гетмана, что, забывъ собственную пользу, онъ бросилъ войска и войну, оставилъ надъ ними начальникомъ человѣка, почти вовсе ему неизвѣстнаго—Наказнаго Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, повелѣлъ ему изъ всѣхъ городовъ изгонять Московскихъ Воеводъ до послѣдняго, и поскакалъ въ Чигиринъ къ женѣ.

По преданности-ли къ Государю, или въ надеждѣ получить Гетманство, Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ Ромодановскимъ; огорченные отсутствіемъ Дорошенка, Татары возвратились въ Крымъ. Граждане Нѣжина осадили въ тамошнемъ замкѣ Воеводу; къ празднику Рождества Богородицы Ромодановскій подошелъ подъ Нѣжинъ, разогналъ Нѣжинцевъ, освободилъ Воеводу и приказалъ городъ разграбить и сжечь.

Скоро пришла и Царская Грамота къ народу Малороссійскому; призывая на помощь вѣру, честь и благо, Государь грозно и краснорѣчиво укорялъ Старшинъ, Полковниковъ и Запорожское войско въ избіеніи Воеводъ и единомысліи съ воромъ и измѣн-

Кол. Арх. Мал. дѣл. № 16. Напечатано также Бант. Кам. изд. 1-е Т. II. стр. 244—248.

никомъ Ивашкомъ Брюховецкимъ: «Царское и Богу пріятное дѣло на гнѣвъ приводящимъ долго терпѣти; человѣколюбиво Мы Нашей милости не отложимъ отъ обращающихся къ доброму послушанію. Но какъ не изумиться, видя, что, забывъ страхъ Божій, не помня Страшнаго Суда, отвергнувъ святыя заповѣди, вы за Нашу милость, за заступленіе Нашихъ ратей, за безчисленное Наше жалованье отблагодарили Насъ досадою и противенствомъ. Вы прельстились вражьей прелестью; что-бо прелести сея горше, ею-же змій онъ прелукавый, мерзкій падъ діаволъ, чрезъ измѣнниковъ прельстилъ васъ и очи ваши заслѣпилъ безуміемъ? Но врагъ, ненавидяй добра, мерзкій діаволъ, змій злокозненный и злолютый въ слабыхъ и буихъ измѣнничихъ сердцахъ непотребная мнѣнія всѣялъ, и къ таковому безвинному Христіанскихъ кровей пролитію, и васъ, простодушныхъ людей, взрушилъ; его прелукавыя козни силою Животворящаго Креста да разрушатся, и замыслы его мірскіе огнемъ праведнаго гнѣва Божія да сожгутся. А мы, помня несравненное Божіе милосердіе, если отъ такого грѣха обратитесь и принесете раскаяніе, всѣ ваши вины велимъ простить и предать забвенію. *Въ знакъ Нашей милости, Мы приказали уже двѣсти пятьдесятъ плѣнныхъ козаковъ, взятыхъ въ бояхъ, изъ Москвы на родину къ вамъ съ милостивыми грамотами отпустить милосердно.»*

Такъ писалъ и поступалъ Царь Алексій. На Сеймѣ Польскомъ присудили-бъ этихъ плѣнныхъ четвертовать, колесовать, сжечь въ мѣдныхъ быкахъ, вытянуть жилы, разсажать на колья. Потомъ выслали-бъ войско свѣжее, которое было-бъ разбито; Ма-

лороссіяне искали-бъ другой Москвы въ стѣнахъ, въ мечетяхъ, въ минаретахъ Стамбула. Русскій Царь дѣлалъ иначе, и Украйна слилась съ Москвою. Это, кромѣ благодушія, показываетъ въ Царѣ мудрость и дальновидность. Укоряя народъ языкомъ, ему понятнымъ, призывая Вѣру и Христіанство, даруя не только жизнь, но свободу и отчизну плѣнникамъ, Государь привлекалъ къ себѣ сердца Малороссіянъ добрыхъ и благодарныхъ, но никогда незабывающихъ оскорбленія, всегда мужественныхъ, безбоязненныхъ. Онъ ихъ не доводилъ до войны, которой послѣдствія были-бъ опасны обоюдно и всегда висятъ на вѣсахъ судьбы. Отрядъ Ромодановскаго былъ уже разбитъ подъ Котельвою, а войска у Дорошенка было не много; Поляки сторожили поголовное возстаніе; еще одно неудовольствіе народу, еще одна неосторожная строгость,—магнаты, старосты, каштеляны, Коронные и Литовскіе Гетманы, не смотря на миръ, явились-бы съ услугами; Крымцы прислали-бъ мурзъ и чаушей, и чѣмъ-бы все это кончилось? Но на Русскомъ Престолѣ Царемъ былъ политикъ дальновидный, Государь мудрый и кроткій; Украйна слилась съ Москвою, и составилась непобѣдимая нераздѣльная Россія.

Черниговскій Архіепископъ Лазарь Барановичъ своими увѣщаніями содѣйствовалъ также къ возстановленію тишины въ Малороссіи.

Запорожцы однакожь не усмирились. Государь прислалъ имъ въ подарокъ пушки, порохъ, свинецъ, сукна и двѣ тысячи рублей жалованья. Это не помогло. Дорошенко собиралъ новыя войска въ Сокирной, когда получилъ извѣстіе, что Запорожцы

списываются съ Крымомъ, и что Ханъ совѣтуетъ имъ избрать отдѣльнаго Гетмана; тогда уже управлялъ ими Иванъ Бѣлковскій; Сирко, по Ханскому желанію, ужь не былъ Кошевымъ и скрылся у Буджакскихъ Татаръ. Суховій, будучи Писаремъ войска Запорожскаго, видѣлъ ничтожность Бѣлковскаго, самъ написалъ и самъ повезъ отъ войска посланіе къ Хану; Ханъ его принялъ милостиво, далъ ему нѣсколько Султановъ съ Ордами, и Запорожцы избрали себѣ Гетманомъ Суховія. Новый Кошевый отправилъ къ Дорошенку приказъ не называться болѣе Гетманомъ, и объявленіе, что Гетманъ Хана Крымскаго онъ, и что имъ получена печать войсковая, съ изображеніемъ лука и двухъ стрѣлъ. Недовольные Суховіемъ Запорожцы прислали къ Дорошенку просить, чтобъ истребилъ эти стрѣлы Татарскія козацкими мушкетами; Дорошенко принялъ ихъ съ честью, надарилъ имъ шубъ, шапокъ, сапоговъ сафьянныхъ, отправилъ на Запорожье, но мало успѣлъ. Въ Чигиринъ прибыли Крымскіе послы съ требованіемъ, чтобъ Гетманъ уступилъ булаву Суховію; монахъ Кіевскаго Кирилловскаго монастыря Іезекіиль, пріѣхавшій туда-же съ жалобами Игумена на козаковъ, былъ свидѣтелемъ пріема этихъ пословъ: Дорошенко наговорилъ имъ множество грубостей, началъ щелкать пальцами Татаръ по губамъ и приговаривать: «*скажите своему Шайтану чи Султану, що и ему то-жь буде.*» Потомъ Крымцы были изъ ставки вытолканы, Дорошенко выхватилъ изъ ноженъ саблю, схватилъ Іезекіиля за руку, заскрежеталъ зубами и сказалъ: «этою саблею я оберну Крымъ вверхъ ногами; мой дѣдъ

« Дорошенко, съ четырьмя только тысячами, Крымъ « ни во что обернулъ.

Не смотря на такую самонадѣянность, онъ, однакожъ, принужденъ былъ нѣсколько податься. Онъ увидѣлъ, что Орда доброжелательна къ Запорожцамъ болѣе, нежели къ нему; Чигиринскій, Уманскій и Забугскіе полки колебались преклониться къ Суховію; къ нему перешелъ и Степанъ Гречаный, извѣстный по посольству въ Крымъ. Гадячане, опасаясь Дорошенка, посадили въ телѣгу жену и мать Гречанаго, вывезли ихъ за городъ и продали Татарамъ, но были выкуплены по предстательству Суховія. Дорошенко принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Послалъ брата своего Григорія съ поздравленіемъ Суховія въ санѣ Гетманскомъ; просилъ его и все войско пребывать въ единомысліи и стараться соединенными силами оберегать отечество отъ всѣхъ стороннихъ притязаній; « а я не намѣренъ вдаваться ни въ какія протекціи, « столь разорившія народъ обманами, интригами, « всѣхъ родовъ неправдами и предательствами. »

Такъ заключилъ Дорошенко свое поздравленіе; это была маска. Григорій узналъ всѣ тайны Суховія. Онъ донесъ брату, что Запорожцы къ нему не преклонны, что они намѣрены ввести въ Украйну союзныхъ Татаръ на грабежъ. Тогда Дорошенко поспѣшилъ на всякій случай привесть правый берегъ Днѣпра въ оборонительное состояніе. А Григорій пошелъ съ Суховіемъ на встрѣчу сыну Ромодановскаго. Многогрѣшный, узнавъ о походѣ Дорошенкова брата, предложилъ молодому Князю соединиться; но, не желая ни съ кѣмъ дѣлиться славою,

съ самонадѣянностью неопытнаго юноши, думая пріобрѣсть всю честь одному себѣ, молодой человѣкъ неосторожно кинулся въ бой, былъ разбитъ при мѣстечкѣ Гайворонѣ, Слободско-Украинской губерніи, и взятъ въ плѣнъ. Старикъ отецъ его отправился въ Путивль. Многогрѣшный настигъ Татаръ и Запорожцевъ у Лохвицы, разбилъ ихъ, гнался за ними до Самары, отнялъ плѣнниковъ и награбленную добычу. Наступила зима. Крымцы возвратились домой, Суховій на Запорожье, Григорій въ Каневъ.

Многогрѣшный съ войсками расположился въ полку Черниговскомъ; онъ не скрывалъ уже приверженности къ Русскому правительству, старался пріобрѣсть любовь подчиненныхъ и прокладывалъ себѣ дорогу къ Гетманству. Полки были умножены новыми козаками, которыхъ онъ принималъ въ службу на собственное иждивеніе и назвалъ *Компанейцами*; облагодѣтельствованные своимъ предводитемъ, они уговаривали народъ провозгласить его на будущей Радѣ Гетманомъ. Онъ созвалъ Старшинъ въ Новгородъ-Сѣверскій, принялъ ихъ ласково, каждый день приглашалъ къ столу, представлялъ необходимость избрать новаго начальника, совѣтовалъ быть вѣрными Царю для спокойствія Украйны. Зная расположеніе къ нему козаковъ, Старшины ему предложили булаву, «онъ отговаривался отъ Гетманства, какъ старая дѣвка отъ хорошаго молодца, понеже самъ того требовалъ.»

1669. Наступилъ Январь, и въ Москву явились послы отъ народа Малороссійскаго. Епископъ Барановичъ прислалъ Игумена Іеремію; Демьянъ Многогрѣш-

ный Обозпаго Петра Забѣлу, Судью Ивана Домонтовича и Асаула Матвѣя Кгвинтовку. Они вручили Государю прошеніе: о принятіи Гетмана и Украйны въ подданство, о прощеніи вины и о подтвержденіи козацкихъ вольностей. Имъ поручено было стараться о выводѣ Царскихъ войскъ изъ нашихъ городовъ, кромѣ Кіева, и не отдачѣ Полякамъ *« сего первопрестольнаго града Царства Русскаго, « отъ котораго искони на всю Россію возрасла « благодать Божія, и на которомъ утверждает- « ся вся Украйна. »*

Наши полномочные были приняты съ честью. Ближній Бояринъ, Оружейничій и Намѣстникъ Ржевскій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово произнесъ рѣчь, описалъ вѣрность Гетмана Богдана Хмѣльницкаго и безпокойства народныя при Виговскомъ, Юріѣ и Брюховецкомъ; потомъ сказалъ, что Государь далъ Королю двѣсти тысячь рублей для освобожденія Малороссіянъ отъ Польскаго гоненія; что за столь отеческое объ нихъ попеченіе Государя они должны брать примѣръ съ Хмѣльницкаго, исполнять присягу, служить вѣрою и правдою Его Царскому Величеству.

Малороссіяне изъ Москвы возвратились, въ слѣдъ за ними пріѣхали въ Глуховъ Царскіе полномочные: Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и Дьякъ Григорій Богдановъ. Туда явились козацкіе полки, Старшины и Черниговскій Архіепископъ Лазарь Барановичъ; Марта 3-го открылось тамъ торжественное собраніе, извѣстное въ нашихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ Рады Глуховской. Начался выборъ Гетмана Марта 3. 1669.

вольными голосами. «Любъ намъ Демьянъ Игнатовъ,» произнесъ народъ, и надежды Дорошенковы изчезли. Многогрѣшный принялъ изъ рукъ Ромодановскаго Гетманскіе клейноды, присягнулъ въ вѣрности Государю и приступилъ къ статьямъ:

1. Гетманъ и войско просили забыть вину ихъ предъ Государемъ.

2. Права, Хмѣльницкимъ утвержденныя, подтверждаются.

3. Хотя въ статьяхъ Хмѣльницкаго и постановлено быть Царскимъ войскамъ и Воеводамъ въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, въ Черниговѣ; но, во избѣжаніе ссоръ, отмѣнить ихъ присутствіе въ городахъ Украинскихъ.

4. Утвердить Царское жалованье Старшинамъ и реестровымъ козакамъ, а именно: Гетману тысяча золотыхъ червонныхъ, Писарямъ войсковому и обозному по тысячи Польскихъ злотыхъ, на войсковыхъ Судей по триста, на Писаря судейскаго по сту, на Писаря и Хорунжаго полковыхъ по пятидесяти, на Хорунжаго сотницкаго тридцать, на Бунчужнаго Гетманскаго сто злотыхъ Польскихъ; на Полковниковъ по сту ефимковъ, на Асауловъ полковыхъ по двѣсти, на Асауловъ войсковыхъ по четыреста, на Сотниковъ по сту, на каждаго козака по тридцати злотыхъ Польскихъ.

Козаковъ реестровыхъ быть тридцать тысячь; буде-же старыхъ не будетъ доставать, то пополнять изъ дѣтей мѣщанскихъ и поселянскихъ.

Городамъ разоренным дать льготу, а именно:

Переяславлю, Нѣжину, Любечу, Воронежу и Кролевцу на десять лѣтъ.

Остру и Чернигову на семь лѣтъ.

Мѣстамъ, мѣстечкамъ и селамъ на три года.

5. Грамоты, обнадеживающія въ прочности всѣхъ статей, должны быть Государемъ во всѣ полки разосланы.

6. Кто пожалованъ дворянствомъ прежде, тотъ и нынѣ въ ономъ долженъ быть утвержденъ. Кому Гетманъ дастъ универсалъ на мельницу или деревню, Государь долженъ утвердить универсалъ грамотою.

7. Кіева Полякамъ не отдавать. « *На Сеймѣ они постановили всѣ церкви православныя отдать на костелы Римскіе, и преподобныхъ отцевъ чудотворныя мощи хотятъ развести въ Польшу въ разныя мѣста, и отъ того у насъ на Украйнѣ смута не малая.* »

8. Царскіе Послы, Посланники и гонцы не должны становиться постоемъ у козаковъ, и подводъ не могутъ брать у Сотниковъ и Атамановъ, по полямъ и по дворамъ.

11. Въ-случаѣ смерти Гетмана избранье будетъ вольными голосами.

12. Гетманы должны принимать листы свободно отъ сосѣднихъ Государей, читать ихъ, прочитавъ отсылать къ Государю, а отъ себя давать на нихъ отвѣты.

13. Въ-случаѣ похода Царскихъ войскъ, постоя не должно быть въ дворахъ козацкихъ, а только у мѣщанъ. Вольностей козацкихъ не отнимать и не называть козаковъ мужиками и измѣнниками, также не брать ихъ въ проводники.

14. Малороссіяне, взятые въ войну въ плѣнъ Русскими, остаются въ Россіи ; но если-бы кто изъ

нихъ ушелъ въ Малороссію, не учинивъ никакого злодѣянія, къ сродникамъ, то могутъ жить на мѣстѣ стараго жительства.

15. Прежде козакамъ вольно было брать за себя дочерей мѣщанскихъ; нынѣ Воеводы это запретили; не мѣшать таковой свободѣ.

16. *Полки Ромодановскаго и его товарищи, отдадутъ назадъ колокола, ризы, сосуды, книги, образа, и всякое сребро церквамъ, которымъ они принадлежали.*

17. Если случатся переговоры у Государя съ Королемъ Польскимъ или съ Крымскимъ Ханомъ, то упоминать о войскѣ Запорожскомъ; да чтобъ и козацкіе повѣренные при этихъ переговорахъ присутствовали.

18. Козаки имѣютъ право переговоры вести съ Королемъ и Ханомъ о дѣлахъ, касающихся до городовъ Малороссійскихъ.

19. Буде Гетманъ, какой будетъ, вздумалъ-бы отложиться отъ Государя, то козаки не должны ему повиноваться, а должны донести о томъ Государю.

20. Если Гетманъ учинитъ какой-либо проступокъ, кромѣ измѣны, его безъ Царскаго указа не перемѣнять, а указъ этотъ долженъ быть сходенъ съ правами народными.

21. Если какія-нибудь откроются злонамѣренія въ Малороссійскихъ городахъ отъ жителей, то Гетманъ и Старшины обязаны крѣпко за тѣмъ примѣчать, извѣщать Государя и тѣхъ людей унимать, наказывать и казнить смертію, сходно съ правами народными.

22. Какъ Государь провѣдалъ, что, по случаю междоусобій, земледѣльцы, будники, винокуры, оставляя свои занятія хозяйственныя, называютъ себя самовольно козаками, истиннымъ козакамъ дѣлаютъ безчестіе и разоряютъ страну; то избрать одного Полковника изъ Малороссіянъ, поручить ему унятіе таковыхъ своевольцевъ, и для того придать ему тысячу козаковъ регистровыхъ.

23. Подъ строгимъ наказаніемъ запретить Малороссіянамъ ввозъ вина и табаку въ города Великороссійскіе; въ порубежные-же вино могутъ они ввозить, но только по подрядамъ.

24. Имѣнія козацкія должны оставаться неприкосновенны; жены козацкія, овдовѣвъ, свободны отъ податей, постоевъ и подводъ, до втораго замужства; въ-случаѣ выхода за козака, онѣ опять свободны, въ случаѣ за-мужика--несутъ повинности.

25. Если-бы Татары или Заднѣпрскіе козаки наступили войною на восточную Малороссію, то просятъ Гетманъ и Старшины, чтобъ Государь немедленно высылалъ помощь и ни съ кѣмъ инымъ какъ съ *Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Бояриномъ и Воеводою и Намѣстникомъ Бѣлогородскимъ съ Княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ*. А пока онъ подоспѣетъ, Воеводы, находящіеся въ Малороссіи, обязаны немедленно прислать свои войска

26. Воеводы обязаны возвратить козакамъ пушки, у нихъ взятыя.

Гетманская столица и артиллерійскій паркъ будутъ въ Батуринѣ.

27. Гетманъ, Обозный, Судья, Асаулы, Писарь, вся Старшина и козаки, съ одной стороны, Князь Ромодановскій и товарищи, съ другой—единогласно приговорили: писать въ Малороссію западную, принадлежащую коронѣ Польской и Княжеству Литовскому, къ Гетману Петру Дорошенку, что Гетманъ Многогрѣшный избранъ, утвержденъ и присягнулъ въ вѣрности Государю; и такъ, чтобъ междоусобная война промежъ двумя сторонами Днѣпра отнынѣ навсегда прекратилась.

Таковы были статьи Глуховскія; но Царь не всѣ ихъ утвердилъ.

На *третью* отвѣчалъ, что Воеводы и войска Московскія необходимы въ Малороссіи для обороны отъ непріятелей; что если они начнутъ дѣлать утѣсненія обывателямъ, то ихъ станутъ казнить Воеводы, которыхъ мѣстопребываніемъ будутъ: Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ и Остеръ. На статью *двѣнадцатую* данъ былъ отказъ рѣшительный: всѣ переписки и переговоры съ державами иностранными были запрещены Малороссійскому Гетману. На *пятнадцатую* Государь отвѣчалъ, что Воеводы виновные будутъ жестоко наказаны. Эта и слѣдующія статьи показываютъ намъ однакожь, какъ нѣкоторые исполнители воли Царской готовы бывали употреблять во зло данную имъ власть. Утверждая статью *семнадцатую* о присутствіи Малороссійскихъ повѣренныхъ при переговорахъ съ Крымомъ или съ Польшею, утверждая эту статью, нынѣ уже ненужную, Государь отказалъ въ *осьмнадцатой.* Такъ статьи Хмѣльницкаго весьма измѣнились: по *четвертой* статьѣ Глуховской число козаковъ реги-

стровыхъ указано было тридцать тысячь, по *второй* Хмѣльницкаго — шестьдесять. Его *четырнадцатая* статья была вовсе уничтожена, о *двадцать второй* и упомину не было; а нынѣшнею *двадцать седьмою* статьею, наконецъ, признано было раздробленіе Украйны и Гетманство Дорошенка. Не было-ли то предчувствіемъ, что Украйна, раздробленная снова, сольется во-едино? Какъ-бы то ни было, Многогрѣшный долженъ былъ уступить невозможностямъ; сбереженіе самого себя, страхъ къ Дорошенку, и наконецъ—должно признаться—успокоеніе, по крайней мѣрѣ, лѣвой стороны Днѣпра Малороссіи того требовали; и Многогрѣшный, утвержденный Государемъ на Гетманствѣ—присягнулъ.

ГЛАВА XXXIII.

Дорошенко ищетъ Султанской протекціи. Условія съ Султаномъ. Присяга. Аманаты. Исламъ Экмекъ. Суховій идетъ на Дорошенка. Экмекъ спасаетъ его. Коренкій въ восточной Украйнѣ. Ханенко въ Умани. Сирко бьетъ Крымцевъ. Крымцы грабятъ Украйну. Жалоба Дорошенка Султану. Насмѣшка Визирская. Споры о Кіевѣ. Съѣздъ въ Андрусовѣ. Переписка Поляковъ и Бояръ съ Дорошенкомъ. Кіевъ утвержденъ за Россіею. Король Михаилъ. Къ нему послы Дорошенковы. Переписка Короля съ Ханенкомъ. Ассекурація. Острожская Коммиссія. Ханенко Гетманъ западный. Ссоры за Титулъ Королевскій. Анаѳема Многогрѣшному. Случай съ нимъ. Отпаденіе Кіевской Митрополіи отъ Цареградскаго Патріарха. Три Гетмана. Стенька Разинъ. Борьба Ханенка съ Дорошенкомъ. Жеребило. Заговоры противъ Многогрѣшнаго. Онъ схваченъ Старшинами. Отправленъ въ Москву. Отрѣшенъ. Пытанъ. Сосланъ въ Селенгинскъ. Его Семейство.

Царскій :	*Королевскіе :*
МНОГОГРѢШНЫЙ.	ДОРОШЕНКО.
	ХАНЕНКО.

Изчезли надежды Дорошенка. Царь и Король примирились; на Запорожьѣ былъ въ силѣ Суховій; на Украйнѣ восточной утвердился Многогрѣшный; на Украйну западную не могъ онъ положить надеждъ. Запорожцы отклонили отъ него полки: Кор-

сунскій, Уманскій, Бѣлоцерковскій, Брацлавскій и Паволочскій; для безопасности онъ окружилъ себя людьми наемными. Но какъ эта защита была ничтожна противъ всей Малороссіи, Польши и Россіи, то должно было искать иныхъ средствъ. И онъ нашелъ ихъ въ покровительствѣ Порты.

Заднѣпрскій Генеральный Судья Бѣлогрудъ и Асаулъ Портянка, съ двумя другими Старшинами, отправились въ Константинополь просить Султана о принятіи Дорошенка въ свою протекцію и въ вѣчное подданство со всею Малороссіею, которой онъ, Гетманъ, есть верховный начальникъ. Они просили у Султана клейнодовъ: бунчука, знамени съ полумѣсячіемъ и корпуса войскъ противъ похитителя нѣкоторыхъ провинцій, бунтовщика Многогрѣшнаго. Султанъ обласкалъ Посланниковъ, согласился принять Дорошенка съ Малороссіею въ подданство, послалъ ему клейноды: знамя съ полумѣсячіемъ и шесть тысячъ войска, подъ начальствомъ чауша Исламъ Экмека.

Бѣлогрудъ и Портянка подали въ Диванъ договорныя статьи съ Портою; онѣ состояли въ слѣдующихъ условіяхъ:

Запорожцы обязаны сражаться противъ враговъ Порты; Порта обязана вспомоществовать Запорожцамъ Крымскими, Ногайскими, Буджакскими и другими Татарами; Запорожцы свободны отъ всякихъ податей и налоговъ; Дорошенко сохраняетъ Гетманство по-смерть; вспомогательное Турецкое войско не должно разорять церквей, грабить козаковъ, брать въ плѣнъ обывателей; духовенство останется подъ управленіемъ своего Митрополита; Султанъ и

Ханъ не должны ни войны начинать, ни устроивать миру съ Королемъ и Царемъ, безъ предварительнаго сношенія съ Гетманомъ и козаками; если козаки возьмутъ какой-либо городъ, хотя-бы то было и съ помощью Турковъ, то городъ тотъ остается за Гетманомъ; наконецъ, если Султанъ на это не согласится, то Гетманъ объявлялъ, что будетъ иначе промышлять о сохраненіи своихъ и козацкихъ правъ и вольностей.

Султанъ согласился. Послы Дорошенка присягнули на условіяхъ въ Соборной Патріаршей Церкви, и Патріархъ Константинопольскій Паисій, по Султанскому повелѣнію, далъ Посламъ открытую грамоту, отлучающую отъ церкви и предающую анаѳемѣ всѣхъ непослужныхъ Гетману Дорошенку и противъ него бунтующихъ.

Дорошенко отправилъ аманатами въ Константинополь своихъ дѣтей. Чаушъ Исламъ Экмекъ, вручивъ ему клейноды, объявилъ отъ имени Султана: « чтобъ онъ страшился измѣнить блистательной Пор« тѣ; что обладатель оной не будетъ въ этомъ случаѣ « подражать ни Царю Московскому, ни Королю « Польскому; и что ни одинъ козакъ не избѣгнетъ « страшнаго его гнѣва.» Извѣстіе о подданствѣ Портѣ распространилось по Украйнѣ. Она взволновалась. Никто не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ, чтобъ христіанинъ отдался во власть непримиримаго врага и утѣснителя вѣры Христіанской. До сихъ поръ большая часть Малороссіянъ была привержена къ Дорошенку. Старые козаки желали имѣть его Гетманомъ; Многогрѣшнаго не хотѣли, не любили, называли *мужичьимъ сыномъ*; о Дорошенкѣ говори-

ли, что онъ *козакъ старый и поля знаетъ;* нынѣ всѣ предлагали его смѣнить и выгнать изъ Украйны прибывшихъ къ нему Турковъ. Между тѣмъ Крымцы съ Суховіемъ шли на него. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, и желая успокоить народное волненіе, Дорошенко увѣрялъ всѣхъ, что онъ испросилъ у Султана вспомогательное войско противъ Крымцевъ, но что никогда не хотѣлъ быть въ подданствѣ у врага православія; Митрополитъ Тукальскій писалъ воззванія къ Малороссійскому духовенству, убѣждалъ священниковъ молиться на эктеніяхъ о благочестивомъ и Богомъ данномъ Гетманѣ Петрѣ. Татары придвигались. За ними шло все Запорожье. Къ нимъ присоединялись на пути козаки регистровые.

Турецкій чаушъ избавилъ Дорошенка отъ плѣна, а можетъ быть и гибели. Ужь его окружили эти враги многочисленные въ селѣ Коновцѣ, близь Канева; чаушъ Татарамъ приказалъ отъ имени Султана удалиться въ Крымъ. Суховій этимъ обезсиленный, оставленный союзниками, опасаясь мести Гетмана Заднѣпровскаго, сдалъ Уманскому Полковнику Ханенку начальство надъ Запорожцами, и скрылся въ Крыму; козаки принуждены были повиноваться Дорошенку, но возненавидѣли его, и никогда съ тѣхъ поръ не могли забыть, что онъ получилъ булаву изъ рукъ чауша Мусульманина, и что на войсковомъ христіанскомъ знамени былъ не крестъ, а полумѣсячіе.

Подтвердивъ собственною присягою подданство Портѣ, Дорошенко обдарилъ чауша, отпустилъ его въ Константинополь, и предпринялъ отомстить

Многогрѣшному за похищеніе булавы на Востокѣ; дѣйствительно, по законамъ нравственности гражданской, это было со стороны Многогрѣшнаго вѣроломство, неблагодарность; онъ во-зло употребилъ Дорошенкову довѣренность, воспользовался минутою ревности мужа и упрочилъ за собою власть, ему врученную на-время, когда Заднѣпрскій Гетманъ поскакалъ къ женѣ въ Чигиринъ; но по законамъ нравственности политической это не могло быть иначе и доказывало умъ.

Нѣсколько полковъ съ Бѣлгородскими Татарами, подъ начальствомъ Наказнаго Гетмана Корецкаго, были отправлены Дорошенкомъ въ восточную Украйну, для защиты вѣрныхъ ему полковъ Лубенскаго и Гадячскаго и для приведенія остальныхъ въ повиновеніе; междоусобная война началась, многіе мѣстечки, селенія и городъ Лохвица были выжжены, жители, избѣгнувшіе смерти, были уведены Татарами въ Крымъ; Многогрѣшный явился на помощь къ погибающимъ съ двадцатью тысячами козаковъ и Москвитянъ; Корецкій, не достигнувъ цѣли, предположенной западнымъ Гетманомъ, отступилъ за Днѣпръ, и въ Октябрѣ Роменъ, Чернуха, Куренка и Городище снова признали власть Многогрѣшнаго.

Борьба предстояла Дорошенку и на Западѣ. Ханенко, которому Суховій сдалъ власть надъ Запорожцами, скрылся въ Умань; Дорошенко его преслѣдовалъ, Уманцы отперли ему городскія ворота и объявили, что Ханенко съ Суховіемъ перешли за Бугъ, для соединенія съ Ордами Бѣлогородскими; онъ продолжалъ походъ съ немногочисленнымъ войскомъ, когда Ханенко и Суховій,

уговоривъ Юрія Хмѣльницкаго дѣйствовать съ ними за-одно, соединились съ Ордою Крымскою и внезапно окружили его у Стеблова надъ Русью. Гибель его была неизбѣжна; вдругъ Сирко, съ остальными Татарами Бѣлогородскими, напалъ на осаждающихъ, которыхъ ненавидѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ они не допустили его быть Кошевымъ; онъ ихъ разбилъ и разогналъ во всѣ стороны. Суховій и Ханенко бѣжали въ Крымъ съ своими союзниками; Юрій Хмѣльницкій былъ схваченъ подъ Уманемъ; Бѣлгородскіе Татары, тогда повиновавшіеся не Хану, а Пашѣ Силистрійскому, отправили знаменитаго плѣнника своего въ Акерманъ; Дорошенко просилъ Пашу, чтобъ изъ Акермана препроводили его въ Константинополь; Паша исполнилъ эту просьбу, и Юрій былъ посаженъ въ Семибашенную.

Отложивъ до-весны вторичное нападеніе на Многогрѣшнаго, Дорошенко возвратился въ Бѣлоцерковщину и размѣстилъ Татаръ на зимнія квартиры. Они стояли смирно; но вдругъ ни одного изъ нихъ не стало въ Бѣлоцерковщинѣ, а съ ними не явилось и многихъ жителей обоего пола; постояльцы, захвативъ своихъ хозяевъ съ семействами, ушли въ Орду. Дорошенко пожаловался Султану; Визирь отвѣчалъ: « это хлѣбъ Татарскій, у нихъ нѣтъ никакого жа-« лованья, »

Между тѣмъ еще въ прошломъ году на Варшавскомъ Сеймѣ были толки о возвращеніи Польшѣ Кіева по Андрусовскому договору. Четвертаго Февраля прибылъ въ Москву Стефанъ Францискъ Медешко, Ковенскій Писарь, и пятаго подалъ Государю грамоту отъ Примаса, изъявлявшую надеж-

ды Рѣчи Посполитой на уступку Кіева съ воинскими снарядами и со всякою живностью. 15-го Апрѣля Государь отвѣчалъ, что Сеймъ, презирая обѣщаніе бывшаго Короля, не прислалъ во-время Пословъ для исполненія союзной статьи , и такимъ отлагательствомъ уничтожилъ всѣ прежнія совѣщанія ; что Россія, свято соблюдая договоръ Андрусовскій, всегда вспомоществовала Польшѣ и войскомъ и всѣмъ, чѣмъ могла. Общая польза требуетъ , говорилъ Государь, не нарушать союза между Польшею и Россіею въ то время, когда Турки и Крымцы ополчаются на Украйну ; что-же касается до Кіева—мятежные козаки воспользуются его отдачею , чтобъ пригласить къ себѣ Агарянъ , междоусобная война возобновится въ Украйнѣ , и какой отвѣтъ можетъ онъ, Государь, дать передъ Престоломъ Божіимъ , если не отвратитъ такой гибели отъ тамошняго народа и подвергнетъ опасности Кіевъ, который стоилъ ему издержекъ, крови подданныхъ, и который всегда былъ пренебрегаемъ Польскою Рѣчью Посполитою?

Всегда праводушный Царь Алексій, можетъ быть, и нынѣ исполнилъ-бы статью объ отдачѣ Кіева, но обстоятельства были сильнѣе желанія. Кіева Государь не могъ отдать обратно. Гетманъ Многогрѣшный , Кіевопечерскій Архимандритъ Иннокентій Гизель, Іосифъ Тукальскій и Лазарь Барановичъ настоятельно требовали , чтобъ священный городъ остался за Малороссіею. Въ седьмой статьѣ Глуховскихъ условій Многогрѣшнаго, подписанныхъ Государемъ , прямо было сказано : « Кіева Полякамъ не « отдавать. На Сеймѣ они постановили всѣ церкви

«православныя отдати на костелы, и мощи хотятъ «по Польшѣ развести.» Отдача Кіева влекла за собою рѣшительное отторженіе Малороссіи отъ Москвы, и отторженіе, по-тогдашнему, безвозвратное; этотъ поступокъ былъ-бы неисполненіемъ обѣта Царскаго; недовольные-бъ воспользовались и объявили народу, что условія, которыхъ одна статья нарушена, уничтожаются вовсе. И такъ, по необходимости, Государь не могъ возвратить Кіевъ Полякамъ. Да въ это время и настаивать о томъ было не кому: Короля въ Польшѣ не было, старый отрекся отъ престола, новаго еще не выбрали, Порта готовилась къ войнѣ, вліяніе Султана на западную Украйну дѣлалось опаснѣе часъ-отъ-часу; союзъ съ Россіею былъ необходимъ для Рѣчи Посполитой; споръ за Кіевъ могъ произвесть войну съ Сѣверомъ; при готовившейся борьбѣ съ Югомъ, при неустройствахъ внутреннихъ, это было-бы преждевременною гибелью Польши, и Кіевъ остался за Россіею.

Надлежало заключить вѣчный миръ и дать окончательныя постановленія о Кіевѣ. Для этого положено было собраться Посламъ обѣихъ Державъ въ
Андрусовѣ, въ концѣ 1669 года. Бояринъ Нащо- 1669.
кинъ, Желябужскій и Дьякъ Гороховъ—отъ Россіи; отъ Польши: Янъ Глинскій, Воевода Хелминскій; Кипріянъ Тихановецкій, Воевода Мстиславскій; Кипріянъ Павелъ Бржостовскій, Референдарій и Писарь Литовскій; Янъ Огинскій, Кравчій Литовскій; Казиміръ Александръ Запольскій, Подкоморій Сирадскій, и Станиславъ Казиміръ Ковалевскій, Ловчій Кіевскій—явились для переговоровъ. Нача-

лось ссорою между Нащокинымъ и Желябужскимъ, послѣдній былъ отозванъ въ Москву, и тогда приступили къ дѣлу. Успокоеніе Западной Малороссіи обратило вниманіе Русскихъ Пословъ, они совѣтывали отдалить ее отъ Турецкаго подданства; Нащокинъ хотѣлъ переговоры вести подъ стѣнами Кіева, чтобъ и Малороссіяне могли въ нихъ участвовать; Послы Польскіе на это не согласились и упрекали Царя въ томъ, что онъ не приказалъ отдать Кіевъ Полковнику Пиву, присыланному отъ Республики. Бояринъ отвѣчалъ, что Пиво имѣлъ при себѣ мало войскъ, и если-бы Кіевъ ему уступили, то Дорошенко, пользуясь слабостью гарнизона, отдалъ-бы Султану крѣпость важную не для одной Польши, но и для Россіи. Это было причиною замедленія; а нынѣ, говорилъ Бояринъ, не только Кіевъ, но ни одно селеніе, завоеванное Государемъ, не будетъ уступлено Польшѣ; ей достаточно и тѣхъ владѣній, которыми она владѣетъ теперь; иначе мира не будетъ съ Государемъ. Напрасно ссылались Паны на Андрусовскій договоръ. Бояринъ утверждалъ, что кромѣ Кіева ничто не можетъ вознаградить Россіи за раззоренія и грабительства, причиненныя западнымъ Гетманомъ и Татарами.

Долго длились переговоры; потомъ рѣшено было писать въ Украйну къ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ о присылкѣ повѣренныхъ, чтобы совѣтоваться съ ними о водвореніи прежняго спокойствія въ западной Малороссіи, и о примиреніи Польши съ Крымомъ и съ Портою. Октября 24 Поручикъ Рейтарскаго строя Ѳадей Крыжевскій поѣхалъ къ Дорошенку и къ его духовенству; онъ подалъ имъ гра-

моты отъ полномочныхъ Русскихъ и Польскихъ. Декабря 23 привезъ въ Андрусовъ отвѣтъ. Духовенство и мѣщане благодарили Боярина за участіе въ судьбѣ Украйны и требовали подтвержденія прежнихъ правъ. Дорошенко писалъ, что Пословъ онъ не можетъ выслать въ Андрусовъ, ибо одно посольство имъ уже отправлено въ Варшаву на Сеймъ; что причиною народнаго волненія въ Украйнѣ были сами Поляки, которые стѣсняли Православную вѣру, производили тяжкія гоненія, отнимали у Запорожцевъ права и вольности; что Малороссіяне негодуютъ на Бояръ за раздробленіе отчизны и за обѣщаніе отдать Полякамъ Кіевъ. Что Малороссія никѣмъ не была продана или куплена; добровольно соединялась она—на условіяхъ, на правахъ отдѣльныхъ и ненарушимыхъ, прежде съ Литвою, потомъ съ Польшею, наконецъ съ Москвою, а нынѣ ее погружаютъ въ кровопролитіе; и такъ пусть Бояре немедленно уймутъ Ромодановскаго и Скуратова, опустошителей Украйны, разорителей Заднѣпрскихъ городовъ. Противъ такого письма не-чего было говорить Посламъ; Нащокинъ подалъ на второмъ Андрусовскомъ съѣздѣ меморіалъ объ убыткахъ Царства, причиненныхъ Польскимъ Украинскимъ Гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ. Сорокъ восемъ городовъ и мѣстечекъ, захваченныхъ имъ на Украйнѣ восточной, избіеніе и плѣнъ Воеводъ, истребленіе Московскихъ ратныхъ людей, запасы хлѣбные, артиллерійскіе парки, всякое огнестрѣльное оружіе, порохъ, ядры, самая казна Государева, пожитки воеводъ, все это было забрано въ тѣхъ сорока восьми городахъ Дорошенкомъ. И что всего важнѣе: въ бояхъ съ нимъ

погибло Царскаго войска тысяча четыреста четырнадцать человѣкъ, да въ плѣнъ взялъ онъ сто семдесять четыре. А кто всему тому былъ главною причиною?—Польша. Она не дала ни-малѣйшей помощи Московскимъ Полководцамъ, она не удержала Дорошенка въ повиновенiи; этимъ однимъ уже нарушены договоры и Московскiй и Андрусовскiй; такъ заключалъ Бояринъ, и повторялъ, что, кромѣ Кiева, ничто не можетъ вознаградить Россiи за раззоренiя и грабительства, причиненныя западнымъ Гетманомъ и Татарами.

Кто былъ правъ, кто виноватъ? Вина была съ обѣихъ сторонъ. Составъ Польскаго правительства, нетерпимость вѣроисповѣданiя, своевольство магнатовъ, неисполненiе условiй, жестокость Сейма, наконецъ внутренiя неустройства и враги внѣшнiе—все это лишило Поляковъ средствъ удержать за собою всю Малороссiю, а потомъ и осколокъ ея. Съ другой стороны Бояре, одни, подкупленные Польскими выходцами, успѣвали интригами въ ихъ избранiи на Гетманство; другiе, не подкупленные, но обманутые, доносили Государю обо всемъ иначе какъ было, потому что сами все плохо видѣли. Виговскiй и Брюховецкiй, измѣнники и враги Малороссiи, по проискамъ Хитрова и Ромодановскаго, были въ милости; а Самко, Золотаренко, Силичъ, Засядка, Сирко и самый Дорошенко, которые могли-бы быть весьма полезны, которые были любимы войскомъ и народомъ,—одни погибали, другiе были подъ опалою, иные вовсе не замѣчены; это волновало Украйну; и она, цѣлостная, обширная, преданная Государю и православiю, раздробилась, облилась кровью, за-

пылала въ междоусобіяхъ. Ни Царь, ни Король не были причастны къ ея бѣдамъ; одного обманывали, другому не повиновались. Остался правъ въ этой борьбѣ тотъ, кто во всякой борьбѣ правымъ остается—сильный.

Кіевъ былъ утвержденъ за Россіею.

На престолѣ Польскомъ возсѣлъ сынъ Князя Іереміи Вишневецкаго и Гризельды Замойской—Князь Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій. Послѣ долгихъ споровъ и недоразумѣній, произведенныхъ кознями магнатовъ, дворянство увидѣло, что еще не скоро состоится избранье Короля. Одна партія вельможъ помогала достигнуть короны принцамъ иноземнымъ; другіе сами надѣялись быть королями; бурныя засѣданія были нескончаемы. Огорченное медлительностью, стѣсненное отдаленіемъ отъ занятій хозяйственныхъ, дворянство провозгласило Михаила. Въ то время царственный вѣнецъ Польши былъ терновый вѣнецъ, скипетръ—тяжелый крестъ. Ея народныя лѣтописи сами въ томъ сознаются. А для Михаила корона была тяжеле, чѣмъ для другихъ; ему нечѣмъ было даже содержать себя на престолѣ; война съ Украйною, ея присоединеніе къ Царству, лишили Вишневецкихъ всѣхъ богатыхъ владѣній на Украйнѣ восточной. Напрасно избранный отпрашивался, его принудили просьбами, которыя могли-бы превратиться въ угрозы и въ насиліе.

Немедленно къ нему явились послы отъ Дорошенка: Тарасенко и Петрановскій. Козаки требовали, чтобъ Сеймъ разсмотрѣлъ ихъ жалобы и утвердилъ древнія вольности и привилегіи. Послѣ совѣщанія въ Сенатской Радѣ назначена была Коммиссія

въ Острогѣ; и въ то время, какъ въ Польшѣ старались приласкать Дорошенка, въ Царѣ-градѣ Польскій Посланникъ Визовскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы противъ него вооружить Магометанъ. Дорошенко досадовалъ на Султана за шуточный отвѣтъ, на жалобы противъ Орды Бѣлогородской. Поляки пользовались этимъ случаемъ; но Гетманскій резидентъ находился въ Константинополѣ, осторожность наблюдала за коварствомъ, и Дорошенко началъ откладывать Острожскую Коммиссію, назначенную Марта 19. Онъ отъ Посполитой Рѣчи потребовалъ столько аманатовъ, сколько будетъ на съѣздѣ козацкихъ Старшинъ. Это показалось Полякамъ щекотливо; къ тому-же тутъ не льзя было уже сдѣлать съ Дорошенкомъ никакого вѣроломства; слѣдовательно и пользы отъ Коммиссіи не было. Аманатовъ не дали; Гетманъ ни самъ не поѣхалъ, ни Старшинъ не пустилъ.

Тогда Польское правительство начало искать иныхъ средствъ къ достиженію власти надъ западной Украйною. Король вступилъ въ постоянную переписку съ Ханенкомъ, которому повиновались полки Чигиринскій, Уманскій, берега Буга и Днѣстра до самой Галиціи. Наконецъ, давно ожидаемая Коммиссія Острожская собралась. Ханенко прислалъ туда Семена Богаченка, Ивана Малюка, Ивана Полтавца и Андрея Тарасенка. Со стороны Польши пріѣхали: Станиславъ Казиміръ Бѣневскій, Воевода Генералъ Черниговскій; Францискъ Любовицкій, Кастеланъ Волынскій; Янъ Пясочинскій, Кастелапъ Хелмскій; Георгій Манецкій, Стольникъ Кіевскій; и Стефанъ Пясецкій, Староста Брацлавскій.

Именемъ и властію Короля и Сейма, они написали козакамъ *ассекурацію,* то есть обезпеченіе.

Въ этой ассекураціи было обѣщано, что на близьпредстоящемъ Сеймѣ Король имъ даруетъ милость и *достаточную* конституцію. По ней будетъ утверждено свободное богослуженіе; Грекороссійскія церкви, монастыри, ихъ имущества объявлены будутъ неприкосновенными; свобода, власть, права, богатство и уваженіе, которыми должно пользоваться Малороссійское духовенство и самые козаки, будутъ утверждены на прочномъ основаніи; козацкія вдовы будутъ пользоваться свободами мужей; имѣнія, хутора ихъ не будутъ у нихъ отъемлемы. Выборъ Гетмановъ будетъ свободенъ по древнимъ правамъ и обычаямъ, и Король только будетъ давать имъ утвержденіе и *благословеніе;* Гетманъ, Полковники, Старшины дадутъ присягу въ томъ, что не станутъ притязать чуждой собственности и *угнетать козаковъ;* для всѣхъ челобитень откроется путь ко Престолу Его Королевскаго Величества. Такъ какъ козаки, сказано въ этомъ актѣ, возвращаются къ естественному своему владыкѣ, къ *отцу* своему,—къ Королю, и къ матери—къ Республикѣ, то имъ дарується всепрощеніе.

Послѣ многихъ и многихъ годовъ, когда борьба трехъ единоплеменныхъ народовъ прекратилась, когда объяснились всѣ тайны временъ былыхъ, когда мы знаемъ, что Украйна была не дочь, а нареченная сестра Польши, какъ смѣшны должны быть для потомства эти самозванцы-родители, облившіе кровью и по суставамъ разнявшіе свою дочь!

Далѣе ассекурація говоритъ, что козаки обязаны отречься отъ всѣхъ постороннихъ покровительствъ; посольствъ никакихъ не должны принимать, безъ вѣдома Короля и Коронныхъ Гетмановъ; ихъ долгъ отражать враговъ Республики и Княжества Литовскаго; являться подъ знамена Польскія по первому *повелѣнію господъ Коронныхъ Гетмановъ*, и утишать въ своей землѣ внутреннія безпокойства. Въ вознагражденіе за вѣрность, коронное войско не станетъ угнѣтать обывателей; Король пришлетъ Гетману клейноды, дворянство, духовенство и всѣ сословія будутъ пользоваться своими выгодами и преимуществами.

1670 Сент. 2. Условіе было обоюдно подписано Сентября 2 дня 1670 года, потомъ отослано въ Варшаву, утверждено Королемъ и Сеймомъ, внесено въ конституцію подъ заглавіемъ: Assekuracya Woysku Zaporozkiemu, и напечатано въ Варшавѣ Декабря двадцать восьмаго.

Не смотря на Острожскую Коммиссію, Ханенко, ссылаясь на пункты Гадячскіе, требовалъ въ Аманаты двухъ сенаторовъ. Онъ видѣлъ, что не можетъ удержаться на Гетманствѣ и началъ возобновлять дружелюбныя связи съ Портою. Султанъ прислалъ къ нему золотый кафтанъ, съ Мустафой-Агою, и Крымцатъ фирманъ быть въ дружбѣ съ Гетманомъ. Еще не совершенно надѣясь на булаву, Ханенко писалъ къ Царю черезъ Полковника Обиду съ товарищами, увѣрялъ его въ своей вѣрности, просилъ на Кошъ артиллерію; Государь прислалъ ему двѣ пушки, военные спарядьі, жалованье.

Король все зналъ; но, не смотря на это, старался, чтобъ Ханенко былъ избранъ въ Гетманы, и въ свою очередь писалъ къ Царю жалобу на Многогрѣшнаго, который остановилъ Запорожскихъ Пословъ: Богаченка, Яроменка, Малюка, Полтавца, Завишу, Билого и Олексенка, ѣхавшихъ домой съ Острожской Коммиссіи; они были, по повелѣнію Гетманскому, закованы и посажены въ тюрьму; литавры, знамена и все что было при нихъ взято въ скарбъ войсковой. Причиною такого поступка была Королевская грамота къ Многогрѣшному о свободномъ проѣздѣ тѣхъ Пословъ черезъ восточную Украйну. Въ ней Король титуловалъ себя Польскимъ, Литовскимъ, *Русскимъ,* Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жмудьскимъ, Лифляндскимъ, *Смоленскимъ*, Черниговскимъ; Гетмана Многогрѣшнаго называлъ *Наказнымъ Сѣвернымъ*; безъ согласія Царскаго назначалъ Старшинъ на Запорожьѣ, которое состояло подъ покровительствомъ Царскимъ столько-же, сколько и подъ Королевскимъ. Царь на письмо Королевское отвѣчалъ на-прямикъ: что Гетманъ Многогрѣшный правъ; что Королевская грамота есть явное нарушеніе Московскаго и Андрусовскаго договоровъ; что не онъ, а самъ Король подаетъ поводъ къ нарушенію взаимной дружбы.

Дорошенко не успокоился. Одинъ изъ его Константинопольскихъ резидентовъ, Кіяшко, возвращаясь изъ Турціи, собралъ козаковъ и началъ грабить жителей, преданныхъ Ханенку; « череды занималъ и « людей разорялъ », говоритъ лѣтопись. Самъ Гетманъ, живя въ Чигиринѣ, писалъ къ Королю Прусскому, обѣщалъ ему прислать на помощь нѣсколько тысячь Запорожцевъ для достиженія Польской ко-

роны; и въ то-же время хлопоталъ у Султана о повелѣніи Константинопольскому Патріарху предать анаѳемѣ Многогрѣшнаго за похищеніе сана Гетманскаго.

Вскорѣ Брацлавскій протопопъ Романъ Ракуша привезъ въ Батуринъ извѣстіе объ этой анаѳемѣ. Случай ничтожный повергнулъ въ крайнюю печаль Многогрѣшнаго и взволновалъ всѣхъ Старшинъ, его окружавшихъ. Не успѣлъ Гетманъ узнать о томъ, что въ Константинополѣ онъ проклятъ, какъ, выходя изъ дворца своего, упалъ и объ косякъ двери ушибся до полу-смерти. Это приписали дѣйствію анаѳемы. Архіепископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ, немедленно написалъ о томъ къ Московскому Патріарху Іоасафу; Іоасафъ просилъ Царя вступиться за Многогрѣшнаго; Царь отнесся письменно къ Патріарху Меѳодію въ Константинополь; болѣе всего подѣйствовало письмо Кіевскаго Митрополита Сильвестра. Онъ извѣщалъ Меѳодія, что его грамота и анаѳема причинили великую смуту въ народѣ Христіанскомъ, и развратъ въ самой церкви; что всѣ считаютъ ее претящею повиноваться законной власти, повелѣвающею слѣдовать «хотѣнію «злодѣя и изверга рода человѣческаго Дорошенка; «сей Дорошенко, объ ней стряпавшій, есть из- «верженный изъ своего достоинства, лишенный «прежней власти за компакты его съ народомъ «иновѣрнымъ на пагубу народа Христіанскаго, «и онъ теперь не что иное, какъ только обманщикъ «и лжецъ, злодѣйски присвоивающій себѣ санъ Гет- «мана. Народъ Русскій избралъ себѣ по правамъ «и уставамъ другаго Гетмана, повинуется съ нимъ

« Царю Россійскому, т. е. Христіанскому, едино-
« вѣрному и единомышленному, слѣдовательно вла-
« сти законной и анаѳемѣ за то отнюдь не подле-
« житъ.» Такъ писалъ Митрополитъ къ Меѳодію и тогда-же издалъ воззваніе къ народу Малороссійскому, доказывая, что грамота, предающая проклятію Многогрѣшнаго, есть вынужденная Султанскою властію, похищенная лживыми донесеніями и происками Дорошенка; что она вовсе не дѣйствительна, ничтожна, что онъ ее на-всегда «кассуетъ» и возвращаетъ назадъ Патріарху. Патріархъ снялъ проклятіе; но этотъ случай лишилъ Царьградъ всякаго вліянія на церковь Малороссійскую. Дотолѣ подчиненная Іерархіи Византійской въ Митрополитахъ Кіевскихъ она видѣла экзарховъ Константинопольскихъ; отнынѣ главой Украинскаго духовенства и Кіевской Митрополіи былъ признанъ Московскій Патріархъ.

Въ это время Король успѣлъ въ своемъ предпріятіи: Михаилъ Ханенко былъ избранъ въ Гетманы; къ нему были присланы изъ Варшавы Гетманскіе клейноды, и въ силу Гадячскихъ условій онъ принялъ власть съ титуломъ: « Его Королевскаго Величества Гетмана войскъ Запорожскихъ и всея Малороссіи по Случь.» 1671.

И такъ Украйна раздѣлилась на три партіи и на три Гетманства: въ восточной Батуринъ былъ столицею Демьяна Многогрѣшнаго, преданнаго Царю; югозападная признавала Петра Дорошенка, который изъ своей столицы, Чигирина, искалъ покровительства Султанскаго; сѣверозападная, гдѣ былъ Гетманъ Короля Польскаго—Михаилъ Ханенко,

основавшійся на-время въ Уманѣ. А въ Кальникѣ жилъ присланный изъ Стамбула Паша, который выдавалъ отъ имени Султана фирманы.

Многогрѣшный былъ занятъ отправкою полковъ противъ извѣстнаго бунтовщика Стеньки Разина; разбойничая на Волгѣ, на Каспійскомъ морѣ и на Яикѣ, этотъ Донской козакъ разбилъ Стрѣльцовъ, ограбилъ многіе суда на морскомъ пути изъ Персіи въ Астрахань, опустошилъ Персидскіе приморскіе города, побѣдилъ Гилянскаго владѣтеля, умертвилъ многихъ Воеводъ, взбунтовалъ противъ дворянства всѣхъ крестьянъ отъ Нижняго до Саратова, взялъ города Царицынъ, Астрахань, Саратовъ и Самару, обложилъ Симбирскъ и наконецъ, съ помощью нашего Генеральнаго Асаула Кгвинтовки, былъ схваченъ Донскимъ Атаманомъ Корнѣемъ Яковлевымъ, отвезенъ въ Москву и казненъ.

1671. Дорошенко и Ханенко были заняты взаимною борьбою; за нѣсколько времени передъ тѣмъ, оставя въ Уманѣ одинъ пѣхотный полкъ, Дорошенко назначилъ Полковникомъ Жеребила. Уманцы, признавъ Ханенка Гетманомъ, разбили полкъ, убили Полковника, самъ Дорошенко спасся бѣгствомъ въ Чигиринъ. Отсюда послалъ онъ къ Пашѣ Силистрійскому убѣдителельную просьбу о присылкѣ Орды на Украйну. Отъ весны до Спасова поста продолжалось раззореніе страны Татарами и братомъ Дорошенковымъ; Коронные Гетманы послали на Запорожье звать на помощь Ханенка и Сирка, которые какъ ни спѣшили, но уже не застали грабителей. Ихъ изгналъ оттуда Собѣскій. Ему покорились: Моги-

левъ, Брацлавъ, Баръ, Немировъ, Ладыжинъ и Рашковъ. Разставивъ въ нихъ горнизоны, онъ ихъ отдалъ подъ начальство Ханенка съ Рейментаремъ Вѣзицкимъ и съ Коммендантами.

Не получая отъ Султана пособія, преслѣдуемый Поляками, гонимый судьбою, упавъ духомъ, Дорошенко обратился къ Царю. Жалуясь на принужденія къ принятію Уніи, на обращеніе церквей въ костелы, описывая нарушенія козацкихъ вольностей, насилія жителямъ, Царю единовѣрнымъ, онъ предлагалъ подданство; но политика Алексѣя была дальновидная, терпѣливая; онъ сѣялъ и, какъ сѣятель, ждалъ всего отъ времени. Тихо впередъ подвигаясь, онъ зналъ, что все оставшееся позади на-всегда за нимъ останется; онъ какъ будто предчувствовалъ, что послѣ него будетъ человѣкъ, который приведетъ въ стройность великія стихіи, трудами его заготовленныя. Онъ отвѣчалъ Дорошенку: «Для блага « Украйны отстань отъ Турковъ и, по Андрусовско- « му постановленію, будь вѣрно-подданнымъ Короля « Польскаго.» Царь зналъ, что его совѣтъ не будетъ исполненъ. Въ то-же время Король представлялъ Государю, что *взаимная нужда* указываетъ имъ защищаться противъ Турецкаго могущества, что по договору Россія обязана давать Польшѣ вспомогательное войско. Царь находилъ все это справедливымъ; но не видя взаимной нужды, подъ разными предлогами уклонялся отъ присылки войска. А между тѣмъ Польша, Украйна и Турція готовились къ борьбѣ, а тамъ къ разслабленію, а тамъ и Крымъ и Польша и Украйна, такъ какъ никто изъ нихъ не могъ овладѣть достояніемъ Царей, должны-бы

сами Царямъ достаться. И потому ни Поляки, ни Дорошенко не получили отъ Царя ожидаемаго.

Противъ Многогрѣшнаго въ это время составлялся заговоръ. Къ серединѣ Великаго поста онъ созрѣлъ; почти вся Генеральная Старшина въ немъ участвовала; но главою былъ Генеральный Писарь Карпъ Мокріевичъ. За что была эта ненависть къ нему? И лѣтописи говорятъ, и дѣла доказываютъ, что Многогрѣшный на Украйнѣ восточной прекратилъ междоусобія, успокоилъ народъ, удержалъ въ своей силѣ большую часть статей Хмѣльницкаго, удалилъ Воеводъ и сборщиковъ, доставилъ многія выгоды и льготы Кіевлянамъ и жителямъ Нѣжина; все это могло-бы говорить въ его пользу. Но когда, еще любимый народомъ, Дорошенко поручилъ ему начальство надъ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ — онъ продалъ своего довѣрчиваго благодѣтеля; почти противъ воли всеобщей, выхватилъ изъ его рукъ булаву Гетманскую; многія изъ статей Богдана уничтожилъ, не видя средствъ ихъ удержать; наконецъ окружилъ себя родными и друзьями; почти всѣ полки принадлежали его родственникамъ: братъ его Василій былъ Полковникомъ Черниговскимъ; другой, по прозванью Шумка, Стародубскимъ. Посторонніе были отдалены. Это подняло противъ него всю Старшину Генеральную. Въ первыхъ чис-
1672 Мартъ. лахъ Марта, заговорщики ночью пробрались въ Батуринскій замокъ, взошли въ Гетманскую спальню, окружили его постель. Пробужденный шумомъ, увидя толпу людей, Гетманъ выхватилъ изъ-подъ подушки саблю и, раненный Мокріевичемъ въ руку изъ пистолета, уронилъ послѣднюю защиту свою;

на него кинулись, завязали ему ротъ, заковали въ цѣпи, бросили въ телѣгу, прикрыли кожею и повезли въ Москву.

Вслѣдъ за нимъ туда явились: Петръ Рославецъ, Генеральные: Обозный Петръ Забѣла, Судьи Иванъ Самуйловичъ и Иванъ Домонтовичъ и Писарь Карпъ Мокріевичъ. Донося Государю, что Гетманъ имѣлъ тайное намѣреніе поддаться Султану Турецкому и велъ злые умыслы съ Дорошенкомъ, они просили, чтобъ явился Князь Ромодановскій въ Украйну для избранія новаго Гетмана, а Многогрѣшнаго предложили «*карать въ Москвѣ смертною казнію, какъ* « *измѣнника и клятвопреступника.*»

Государь отправилъ Ромодановскаго въ Украйну, а доносу на Многогрѣшнаго, безъ сомнѣнія, не повѣрилъ. Правота Гетмана была очевидна. Но не льзя было не воспользоваться случаемъ уравнять права Малороссійскаго Гетмана съ правами остальныхъ своихъ подданныхъ. Это былъ первый шагъ и шагъ трудный. Нынѣ сами Старшины устраняли всѣ затрудненія; они углаживали для Царя Алексѣя путь къ полному владычеству; Гетмана своего дѣлали обыкновеннымъ чиновникомъ, котораго судитъ уже не народъ Украинскій, но Дума Боярская. Отказаться отъ этой власти была-бы ошибка; а Царь Малор. дѣл.
Алексѣй Михайловичъ не рожденъ былъ дѣлать Кол. Арх. 1672. № 9.
ошибки. Невинный, оклеветанный Гетманъ не былъ Б.-Кам. II 135, 136.
казненъ; то было-бы злодѣяніе; но по тогдашпр. 86.
нимъ законамъ уголовнымъ, по принятому въ то время образу дѣлать слѣдствія — Гетмана предали суду и приказали пытать.

Потомъ и онъ, и жена его, и дѣти и братья были отправлены въ Сибирь, въ Селенгинскъ. Тамъ, на ряду съ дѣтьми Боярскими, Гетманъ исправлялъ всякую городовую и уѣздную службу; въ 1688 году, съ сыномъ своимъ, Петромъ, помогалъ Головину въ усмиреніи Табунутовъ и въ разбитіи Мунгаловъ. Дочь его, Марина, вышла за-мужъ за Сибирскаго дворянина Ивана Бейтона, а внучка за священника Селенгинской Спасской церкви, за Игнатія Боршевскаго.

ГЛАВА XXXIV.

Избраніе Самуйловича. Статьи. Магометъ идетъ въ Украйну. Собѣскій собирается дать отпоръ. Сеймъ. Посполитое рушенье. Пацъ. Глиняны. Султанъ въ Каменцѣ. Капитуляція. Вшествіе Султанское. Маіоръ Польской службы. Взрывъ замка. Украйна западная завоевана Султаномъ. Опять Посполитое рушенье. Миръ съ Турками. Турки выходятъ изъ Украйны. Огорченье Дорошенка. Рѣчь Собѣскаго. Новая война Поляковъ съ Турками. Набѣгъ Крымцевъ. Месть Сирка. Битва Хотинская. Молдаванлдъ. Смерть Короля. Кафтанъ. Янъ Собѣскій Королемъ. Самуйловичъ завоевываетъ Украйну западную. Грабительства Дорошенка. Дмитрашко-Райче. Цей. Рада Переяславская. Измѣненіе статей.

Царскій: САМУЙЛОВИЧЪ.

Султанскій: ДОРОШЕНКО.

Королевскій: ХАНЕНКО.

Стольникъ Михайло Самаринъ и Подъячій Шестаковъ пріѣхали, чтобъ извѣстить Малороссіянъ о наступающихъ Гетманскихъ выборахъ и прочитать имъ Царскую увѣщательную грамоту.

Потомъ прибыли въ Конотопъ: Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, Бояринъ, Воевода, Намѣстникъ Бѣлогородскій; Иванъ Ивановичъ Ржев-

скій, Думный Дворянинъ, Намѣстникъ Медынскій, и Дьякъ Аѳанасій Ташлыковъ. По желанію Малороссіянъ Рада была назначена между Путивлемъ и Конотопомъ, въ Козацкой Дубровѣ. Тамъ присутствовали вся Старшина и Лазарь Барановичъ, Архіепископъ Черниговскій; туда, подъ начальствомъ Воеводы Хелмскаго, Яна Гнинскаго, явились и Коммиссары Польскіе, съ разувѣреніями въ ложныхъ слухахъ, будто-бы Государь положилъ отдать Полякамъ Кіевъ и восточную Малороссію, и будто-бы Поляки намѣрены вывезть въ глубь Польши — Свя-
1672 Іюля 17. тыхъ Угодниковъ. 17-го Іюля былъ объявленъ Гетманомъ, изъ Судей Генеральныхъ, Иванъ Самуйловичъ, по инымъ уроженецъ Зеньковскій, по другимъ Ходорковскій, съ праваго берега Днѣпра, священническій сынъ.

Потомъ прочли условія, на которыхъ Царь утверждалъ Гетмана. Подписались Генеральные: Обозный Петръ Забѣла, Судья Иванъ Домонтовичъ, Писарь Карпъ Мокріевичъ, всѣ Полковники, Сотники, Старшина Войсковая и, въ званіи Судьи, новый Гетманъ. Эти условія состояли въ слѣдующемъ:

Города Кіева Государь никогда Полякамъ не уступитъ; другія-же статьи мира съ Королемъ отложены до 1674 года.

Гетманъ, безъ совѣта Старшинъ и безъ суда, никого не казнитъ, какъ то бывало «отъ измѣнника «Демка», т. е. Демьяна Многогрѣшнаго.

Онъ не можетъ вести никакихъ переговоровъ съ державами иностранными, безъ Царскаго повелѣнія, а и тѣмъ болѣе не-вправѣ входить въ сношенія, письменныя или изустныя, съ Дорошенкомъ.

Онъ обязанъ уступить Польшѣ всѣ мѣста по Сожь, въ Воеводствѣ Мстиславскомъ, въ повѣтахъ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ, которыми владѣлъ Многогрѣшный.

Такъ какъ Дорошенко, соединясь съ Султаномъ, начинаетъ войну съ Королемъ Польскимъ; то новый Гетманъ обязывается ни въ чемъ не давать Дорошенку помощи.

Не принимать бѣглыхъ Московскихъ людей; а которые въ Гетманство Многогрѣшнаго были приняты, тѣхъ выслать немедленно изъ Малороссіи.

Въ статьяхъ Глуховскихъ въ пунктѣ семнадцатомъ было сказано, что при переговорахъ съ Королемъ, или съ Ханомъ долженъ быть упоминъ о Запорожцахъ, и должны присутствовать Коммиссары Малороссійскіе. На первыхъ-же переговорахъ это условіе не было выполнено; а потомъ уже потребовалъ Государь въ село Мигновичи на переговоры съ Поляками Полковника Кіевскаго Константина Солонину; но какъ Посолъ Королевскій, Гнинскій, объявилъ, что у него въ наказѣ отъ Короля нѣтъ ни слова о присутствіи Коммиссаровъ Малороссійскихъ, то Государь объявилъ, что ихъ впредь не станутъ призывать; что-же будетъ при переговорахъ упоминаться объ Украйнѣ и войскѣ Запорожскомъ, о томъ письменно извѣщать Гетмановъ и Кошевыхъ.

Полковникъ Черниговскій Василій Игнатьевичъ Многогрѣшный отнималъ воду у ратныхъ людей Московскихъ и всячески ихъ утѣснялъ; а Сотникъ тамошній Леонтій Полуботокъ занялъ на Стрижнѣ водяной проѣздъ, построилъ плотину и мельницу; все это уничтожить.

Особеный Полковникъ съ тысячью реестровыми козаками, которые учреждены въ силу двадцать второй Глуховской статьи, нынѣ, по просьбѣ народа,— отмѣняются.

Такъ Малороссія мало-по-малу привыкала къ перемѣнамъ, не замѣчая того, что она собственнымъ влеченіемъ подвигается къ жизни общей, спокойной, огражденной отъ этихъ внутреннихъ бурь и отъ враговъ внѣшнихъ волею одного властителя. Начиная отъ Виговскаго и до Самуйловича, при всякой перемѣнѣ Гетмана они просили подтвержденія статей, однимъ и тѣмъ-же Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ подписанныхъ. Къ чему это? Уже-ли съ каждымъ новымъ Гетманомъ сущность условій измѣнялась? Но Виговскій, Юрій Хмѣльницкій, Брюховецкій, Многогрѣшный, всѣ были Гетманами по проискамъ, а не по всеобщему призванію; для успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, для достиженія цѣли, они должны были искать покровительства Царскаго; а чтобы найти это покровительство, чтобы заслужить милость, должно было всегда что-нибудь уступать изъ правъ народныхъ. Такъ сливалась Украйна съ Москвою, чтобы составить потомъ цѣлое, стройное, исполинское Царство, на лонѣ котораго многія бури успокоились, которому не страшенъ отнынѣ приваръ народовъ чуждыхъ, какъ и утесу прибой волны.

Но въ то время все было неспокойно въ нашемъ отечествѣ; еще продолжалась борьба страстей; раздробленная на три части Украйна сгорала въ междоусобіяхъ и увлекала за собою двѣ страны сосѣд-

нія, которыхъ споръ былъ прекращенъ державною рукою Сѣверной Семирамиды.

Самуйловичъ присягалъ Царю; а Дорошенко, лишившійся надежды на Царское покровительство, питая вражду къ Полякамъ непреодолимую, собралъ всѣ усилія, чтобъ умолить Султана о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ. Порта счастливо окончила Кандійскій походъ, заключила миръ съ Венеціанами. Поляки, гордясь успѣхами Собѣскаго, не заботились о дружбѣ съ Турками. Вдругъ пришла въ Варшаву вѣсть, что вся Турецкая армія двинулась въ Украйну, и что ведетъ ее самъ Магометъ IV-й.

Въ то-же время Ханенко писалъ къ Собѣскому, что Крымцы идутъ на помощь къ Дорошенку; онъ обѣщалъ немедленно выступить съ своими козаками и соединиться съ Польскими войсками. Собѣскій велѣлъ полкамъ, въ Украйнѣ расположеннымъ, собираться, описалъ Подканцлеру Ольшевскому угрожающую отечеству опасность, просилъ его о высылкѣ жалованья войску, умолялъ улучшить артиллерію, упрашивалъ снабдить всѣмъ нужнымъ крѣпость Бѣлоцерковскую, необходимую для обезпеченія страны и для удержанія въ повиновеніи недоброжелательныхъ. Но казна была бѣдна, ни одна изъ просьбъ Яна Собѣскаго не была удовлетворена; оставленный на произволъ судьбы, не имѣя ни откуда помощи, Собѣскій не зналъ къ чему приступить. Король просилъ Царя о вспомогательномъ войскѣ. Царь далъ повелѣніе Кошевому Запорожскому тревожить на Черномъ морѣ Турковъ и Татаръ; Гетману Самуйловичу приказано было идти на Крымцевъ, и для

этого былъ приданъ къ нему Стольникъ Воевода Воронежскій Михайло Самаринъ. Но чтобъ отправить помощь туда, гдѣ опасность для Польши была дѣйствительная, Государь такой поступокъ считалъ вреднымъ для Россіи. Онъ ограничился посольствами къ Папѣ, Цесарю, Курфирстамъ Саксонскому и Бранденбургскому чрезъ Маіора пѣшаго строя Павла Менезіуса; во Францію, въ Испанію и въ Англію чрезъ Виніуса; въ Швецію, Данію и Голландію чрезъ Подъячаго Украинцова. Вездѣ Послы эти упрашивали, умоляли объ оказаніи скорѣйшей помощи державѣ колеблющейся, гибнущей. Но они были отправлены въ Октябрѣ, то есть когда Султанъ завоевалъ уже весь Югъ Королевства, всю Украйну Польскую. И какъ было иначе поступать съ сосѣдями, которые наводнили Россію самозванцами. Алексѣй, конечно, не далъ помощи почти никакой; Сигизмундъ поступалъ предательски. Неужели надобно было съ рыцарской честностью защищать врага потаеннаго, который, завтра-же усилясь, отплатилъ-бы благодѣтелю новымъ Лжедмитріемъ, новымъ пожа-
Энгель. ромъ Москвы? — Одинъ изъ Историковъ Украйны говоритъ, что Царь ничего не сдѣлалъ для Польши въ 1672 году. Таковъ былъ священный долгъ Царя Русскаго.

Король писалъ къ Яну Собѣскому, увѣрялъ его въ своей милости, уговаривалъ его быть вѣрнымъ сыномъ отечества, обѣщалъ прислать войско, приказалъ козакамъ идти походомъ въ Крымъ. Это собственноручное письмо Королевское привезено было Собѣскому Рачковскимъ, тогда, когда уже Султанъ перешелъ черезъ Дунай, а Крымцы стали у Четвер-

тиновки и разбили отрядъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ Кастеляна Подляскаго.

. Король собралъ Сеймъ, чтобъ обсудить мѣры къ спасенію Государства. Подстрекательства Примаса Пражмовскаго, и Короннаго Гетмана Яна Собѣскаго взволновали умы, Сеймъ былъ прерванъ и уничтоженъ. Не видя никакихъ другихъ средствъ, Король объявилъ Посполитое рушенье.

Литовскому Гетману Пацу отправлено было повелѣніе, чтобъ и онъ также у себя въ Литвѣ объявилъ народу объ опасности отечества и съ своимъ Посполитымъ рушеньемъ поспѣшилъ ко Львову соединиться съ войсками Коронными. Коронному Гетману приказано было защищать переправу черезъ Днѣстръ. Не имѣя столько войска, чтобъ противустать громаднымъ силамъ Султана, Хана, и Гетмана Западной Украйны, Собѣскій далъ двадцать тысячъ злотыхъ для покупки припасовъ и для снабженія ими Каменца, распорядился о защитѣ тамошней крѣпости, приказалъ Комменданту отбиваться до послѣдней крайности; а самъ, забравъ хоругви, выступилъ изъ-подъ Гусятина и расположился подъ Глинянами.

Втораго Августа Султанъ сталъ подъ Камен- 1672 Авг. 2.
цемъ. Жители еще не успѣли ввезти въ городъ припасовъ, закупленныхъ Короннымъ Гетманомъ. Два отдѣльныхъ штурма были отражены. Султанъ повелъ подкопъ подъ нижній за́мокъ; гарнизонъ перешелъ въ верхній. Туда направили Турки двѣсти орудій; полетѣли бомбы одна за другою—это продолжалось десять дней сряду; стѣны распадались грудами; невидя никакой возможности противустать врагу, многочисленное Каменецъ-Подольское дворян-

ство заставило Коммендаита просить капитуляціи. Началось вшествіе Магомета IV-го въ Каменецъ-Подольскій, подобное вшествію Магомета II-го въ Византію.

Неприкосновенность къ жизни и къ имуществамъ движимымъ и недвижимымъ; свобода вѣроисповѣданія и всенародное исполненіе обрядовъ Христіанскихъ; свободный переходъ жителей со всѣмъ движимымъ имуществомъ въ Польшу; воля распоряжать своимъ добромъ для остающихся; конвой каждому до мѣста безопаснаго; повозки для отправки вещей, принадлежащихъ хозяевамъ, которые хотятъ удалиться; выходъ гарнизона съ оружіемъ въ рукахъ; свобода домовъ, дворянства и духовенства отъ постоевъ; Станиславовъ—мѣсто, гдѣ конвой покидаетъ выходцевъ:—таковы были условія капитуляціи. Ихъ подписалъ Каменецкій Епископъ Лянцкоронскій; но онѣ не были выполнены. Постои были указаны вездѣ; дворянство жаловалось Великому Визирю, онъ только обѣщалъ «corrigere.» Зàмки, домы людей частныхъ указаны были на Султана; на жалобы былъ отвѣтъ, что можетъ каждый воздѣлывать поля и ихъ засѣвать; а города, селы и зàмки—собственность Султанская. Дано было сроку до выѣзда четыре недѣли—и на другой день приказано выѣхать. Церквей обѣщано было оставить по три для каждаго вѣроисповѣданія,—оставлено было двѣ: одна для Арманъ, другая, Св. Екатерины, для Римскихъ Католиковъ. «Мы вышли изъ города во вторникъ «по-полудни и плакали на-взрыдъ до Жванца.» Такъ говоритъ очевидецъ этихъ ужасовъ. «Конвоя «нашего было до четырехъ тысячь. По горамъ ле-

«жала пѣхота густо какъ сельди, ва добрыя поля
«мили тянулась по сторонамъ конница. Большія стада
«лошадей и верблюдовъ, и десять тысячъ буйволовъ
«стояли надъ дорогою; сто тысячъ Турковъ и восем-
«десять тысячъ Татаръ стояли подъ городомъ.»

И Дорошенко все это видѣлъ. Восьмнадцатаго Августа 18. Августа Султанъ повелъ войска свои улицами Каменца. Чтобы не оскверняли стопъ его усопшіе Христіане—могилы были разрыты, гробы вынуты изъ земли и увезены далеко за городъ. Иныя улицы были грязны; изъ всѣхъ церквей, кромѣ Екатерининской и Армянской, взяты были образа и устроена изъ нихъ мостовая. Потомъ всѣ храмы обращены были въ мечети. На соборной церквѣ, извѣстной подъ названіемъ Фара, Турки выстроили изъ рѣзнаго камня минаретъ выше самой церкви; оттуда мулла призывалъ правовѣрныхъ къ моленью Богу единому и Магомету—Пророку Его. Минаретъ и нынѣ существуетъ, но ликъ Пречистой Дѣвы попираетъ полулуніе; въ Доминиканскій соборъ Турки поставили амвонъ рѣзнаго камня, сдѣланный въ Константинополѣ. Предвидя эти ужасы, одинъ Маіоръ Польской артиллеріи, во время капитуляціонныхъ переговоровъ, подложилъ двѣсти боченковъ пороху подъ замокъ и взорвалъ его. И онъ и съ нимъ тысяча человѣкъ погибли въ этомъ великомъ подвигѣ; а Коммиссаръ, возвращавшійся изъ стана Турецкаго, былъ раненъ осколкомъ камня.

По взятіи Каменца, Султанъ отрядилъ Татаръ съ Дорошенкомъ и съ Визиремъ ко Львову. Жители селеній, на пути находившихся, скрывались въ лѣсахъ и въ ущельяхъ: ихъ отыскивали и тамъ; у

кого жизни не отняли, того увлекли въ вѣчное рабство. Татары, отдѣлясь отъ Визиря, разсыпались по всему Покутью и по Волыни. Начались грабежи повсемѣстные. Съ малымъ отрядомъ своимъ Собѣскій сколько могъ вредилъ грабителямъ; главная Польская армія, собранная Королемъ, уменьшалась ежедневно побѣгами нижнихъ чиновъ. Ханенко привелъ-было своихъ Запорожцевъ, но его разбилъ Дорошенко. Наказный Ханенковъ Гетманъ былъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Чигиринъ и преданъ смерти. Между тѣмъ Турки осадили Львовъ. Четырнадцать дней громили они стѣны городскія; тамошній Коммендантъ артиллерійскій Генералъ Илья Лонцкій храбро отстаивалъ городъ, но, наконецъ, увидя невозможность прогнать осаждающихъ, откупился.

Видя Государство на краю гибели, Король провозгласилъ въ третій разъ Посполитое рушенье, и далъ Собѣскому повелѣніе собирать хоругви при Рубѣшовѣ; но это не помогло. Непріятель съ многочисленными ордами грабителей проникалъ все далѣе и далѣе въ глубину страны. Города Меджибожъ, Баръ и иные сдавались одинъ за другимъ Магомету. Король прибѣгнулъ къ переговорамъ о мирѣ; выслалъ Волынскаго Кастеляна Яна Лянцкоронскаго, Черниговскаго Сильницкаго и Короннаго Подскарбія Шамовскаго; и они заключили миръ

1672 Окт. 20. Октября 20-го 1672 года въ Буджановѣ.

Условія были тягостны для Польши: Король уступилъ Султану въ вѣчное владѣніе Украйну, Подолію и Каменецъ; границы этихъ провинцій обязался указать съ помощью людей свѣдущихъ, ихъ рубежи должны были остаться такими, какъ были по день

заключенія договора; Татарамъ Липкамъ обѣщано возвращеніе въ Крымъ съ женами, дѣтьми и съ имуществомъ; за городъ Львовъ Польша обязалась выдать Портѣ единовременно восемдесять тысячь ефимковъ, и потомъ платить ежегодную дань въ двадцать двѣ тысячи червонныхъ. Козаки были отданы подъ покровительство Султанское. Магометъ одно только обѣщалъ въ возмездіе за все то, что Польша ему уступила: онъ взялъ на себя обязанность запретить Татарамъ, Туркамъ и козакамъ всякое нанесеніе вреда Королевству и обѣщалъ, что они не станутъ дѣлать наѣздовъ на Польскія границы. Обогащенный безчисленною добычею, назначивъ Турецкихъ начальниковъ въ Каменцѣ, Барѣ, Меджибожѣ и во всѣхъ городахъ завоеванныхъ, онъ выступилъ изъ Польши; Селимъ-Гирей, Ханъ Крымскій, пошелъ въ Крымъ; Дорошенко прекратилъ военныя дѣйствія. Но Собѣскій, пользуясь раздѣленіемъ непріятелей, напалъ на Крымцевъ близь Колуша за Днѣстромъ, обратилъ въ бѣгство двухъ сыновей Ханскихъ, отнялъ награбленную добычу и возвратилъ свободу плѣнникамъ Христіанскимъ. А Коммендантъ Бѣлоцерковскій, вопреки договору, не впустилъ въ замокъ своихъ побѣдителей.

Огорченный скорымъ миромъ Польши съ Турціею, видя, что главная цѣль этой войны не достигнута, что Гетманство надъ соединенною Украйною сбыться для него не можетъ, Дорошенко началъ черезъ Львовскаго Епископа Шумлянскаго предлагать подданство Королю Польскому; сталъ подсылать поджигателей на восточную Украйну; и одинъ изъ этихъ злодѣевъ былъ пойманъ въ Конотопѣ; Самуй-

ловичъ, который, во время Польско-Турецкой войны, тревожилъ Крымъ, одержавъ надъ Татарами побѣду подъ Перекопомъ, возвратился въ Украйну обремененный добычею. Ханенко въ то-же время толковалъ съ Подъячимъ Протопоповымъ о подданствѣ Царю. Царь не отвѣчалъ на его предложеніе.

1673 годъ. Такъ страдала Республика въ это смутное для Украйны время. Наступилъ тысяча шесть сотъ семдесять третій годъ. Самуйловичъ, по желанію Царя Алексія Михайловича, для большаго удостовѣренія въ вѣрноподданствѣ, отправилъ въ Москву двухъ сыновей своихъ Семена и Григорія, и Нѣжинскаго протопопа Адамовича. Государь такъ полюбилъ послѣднягѡ, что. приказалъ не только Гетману и Полковникамъ, но даже Воеводамъ совѣтоваться съ нимъ во всякомъ важномъ дѣлѣ, касательно Малороссіи.

Вдругъ сдѣлался новый разрывъ между Польшею и Турціею. Огорченный миромъ Буджановскимъ, Сеймъ колебался признать его постыдныя условія. Русскій Посолъ въ Царѣградѣ, Милославскій, чтобы отдалить войну сосѣднихъ державъ, началъ представлять Султану о правахъ Россіи на Азовъ. Все было тщетно : Султанъ объявилъ, что онъ не ослабитъ ни одной статьи, подписанной въ Буджановѣ. Собѣскій, пораженный безчестіемъ отечества, ненавидящій Короля Михаила, узнавъ объ отвѣтѣ Султанскомъ, явился на Сеймъ и произнесъ слѣдующую рѣчь :

«Знаю, и очень знаю, сколь слабы наши силы, «сколь недостаточна наша казна; но можно все «исправить. Каждый земледѣлецъ, чувствуя себя «свободнымъ, можетъ оставить нивы свои, взяться

« за оружіе, сдѣлаться добрымъ воиномъ, если у него
« искусенъ Полководецъ. Мнѣ не нужно больше
« шестидесяти тысячь человѣкъ, и я васъ освобожу
« отъ рабства. Не спрашивайте меня, гдѣ денегъ взять
« на содержаніе такого войска. Если-бы даже я со-
« вѣтовалъ вамъ перелить церковныя серебряныя
« и золотыя утвари въ деньги для воиновъ, то и на
« эту мѣру вы должны-бы согласиться. Защищая
« отечество сосудами обрядовъ религіозныхъ, мы
« вѣру защищаемъ. Но нѣтъ! Республика имѣетъ
« сокровища въ Краковѣ; не ждать-ли намъ, чтобъ
« Магометъ разграбилъ ихъ? Употребимъ ихъ на
« сокрушенье оковъ, на насъ наложенныхъ. Не ждете-
« ли вы добрыхъ послѣдствій отъ мирныхъ догово-
« ровъ? Не надѣетесь-ли на войска вспомогательныя?
« Но переговоры всегда идутъ медленно; будущ-
« ность невѣрна, настоящее не въ нашихъ рукахъ;
« а наши предки скорѣй соглашались обречь себя
« на смерть, нежели на одну минуту рабства.»

Это благородное слово, довѣріе народное, кото-рымъ пользовался безбоязненный Собѣскій, надежда на храбрость и искуство его въ военномъ ремеслѣ, все склонило умы на его сторону. Положено было продать коронныя драгоцѣнности, уничтожить Буджановскій договоръ, и постыдному миру предпочесть какую-бы ни-было войну.

И Польскія войска немедленно очистили многіе города, мѣстечки, зàмки отъ непріятеля; Сирко, котораго-было схватили въ прошломъ году и все время содержали подъ стражею въ Россіи,—его, по просьбѣ Запорожья, Государь приказалъ выпустить

«для лучшаго промысла надъ басурманами.» Не смотря на всегдашнюю непріязнь къ нему, Татары, пользуясь его отсутствіемъ изъ Сѣчи, при переходѣ черезъ земли Запорожскія, захватили множество козацкихъ табуновъ и стадъ, и, что еще хуже, увели въ плѣнъ часть *мальцовъ*, то есть малолѣтныхъ родственниковъ, которыхъ козаки набирали изъ Малороссіи и прочили въ Запорожцы. Огорченный поступкомъ сосѣдей, которыхъ считалъ всегда пріятелями, доселѣ сговорчивый съ ними, Сирко рѣшился воздать имъ съ лихвою: отправился въ Бѣлогородщину, истребилъ всѣ селы Татарскія до Аккермана, взялъ этотъ городъ, разграбилъ его, предалъ огню и мечу; потомъ собралъ суда въ Гаджибеѣ, поплылъ съ пѣхотою на полуостровъ, конницѣ приказалъ идти берегомъ; приставъ у Карасубазара, побралъ и разграбилъ всѣ города приморскіе, прошелъ по беззащитному Крыму, все истребляя, у Перекопа соединился съ конницею, и, обремененный
1673 Август. добычею, возвратился на свои неприступные Днѣпровскіе острова.

Московскія войска подъ предводительствомъ Князя Ромодановскаго выступили въ походъ на помощь Полякамъ; ихъ не ожидая, Собѣскій повелъ полки къ Хотину; по его старанію противъ Турковъ вооружились Господари: Молдавскій Стефанъ Петречейко и Волошскій Григорій Гико. Восторжествовавъ надъ происками своего завистливаго соперника, Литовскаго Гетмана Паца, онъ уже готовился одержать побѣду знаменитую, не зная самъ, что то были дни, въ которые совершалась великая перемѣна въ его отечествѣ, и въ собственной его судьбѣ.

Пространный Турецкій станъ, вмѣщая въ себѣ сорокъ тысячь Турковъ и столько-же Татаръ, былъ расположенъ надъ Днѣстромъ у Хотина. Великій Визирь Купрулли, былъ главнокомандующимъ. Оставаяся по волѣ Султанской для наблюденія за исполненіемъ мирныхъ условій Буджановскихъ, Визирь заводилъ порядокъ Турецкій въ Польскихъ провинціяхъ.

Собравъ всѣ силы Республики, Собѣскій соединился съ войсками Литовскими Паца и сталъ лагеремъ у Глинянъ. Король хотѣлъ самъ предводительствовать, но занемогъ и уѣхалъ во Львовъ, оставя главное начальство Собѣскому. Вся Польская рать состояла изъ сорока тысячь воиновъ. Она двинулась изъ Глинянъ, и Ноября девятаго стала на лѣвомъ берегу Днѣстра, въ-виду непріятеля, расположеннаго на правомъ. То было мѣсто, гдѣ за пятьдесятъ лѣтъ сражался Отецъ Собѣскаго, Яковъ, подъ знаменами Хоткѣвича, противъ войскъ Османа. Теперь ученикъ Купрулли, Сераскиръ Гуссейнъ, принялъ начальство надъ восьмью-десятью тысячами войска, прославленнаго недавнимъ взятіемъ Кандіи. Визирь далъ ему нѣсколько трехбунчужныхъ Пашей подъ команду. Въ Турецкомъ станѣ было изобиліе; нужда во всемъ угнетала Поляковъ, которые находились въ странѣ, далеко вокругъ опустошенной Турками. Ноября десятаго Собѣскій выстроился въ боевой порядокъ и уже готовъ былъ вступить въ бой, когда старый врагъ его Пацъ объявилъ, что отдѣлится отъ него и сбережетъ свое войско, могущее быть полезнымъ отечеству въ будущности. Но Собѣскій взялъ уже власть, и съ свойственною ему твердостью

отвѣчалъ Пацу, что Литовское войско будетъ въ битвѣ, вопреки своему Гетману, а самъ Пацъ можетъ лично отдѣлиться и быть свидѣтелемъ. Этотъ споръ двухъ Полководцевъ отдалилъ битву до другаго дня.

Но Запорожцевъ не льзя было удержать отъ преждевременнаго нападенія. Не ожидая повелѣній, они стремительно кинулись на Турковъ, истребили ихъ множество и сами легли съ своимъ Старшиною у окоповъ непріятельскихъ. Этотъ Старшина былъ Самуилъ Молдавилдъ. Еще давно, въ одномъ несчастномъ походѣ, на Черномъ морѣ, былъ взятъ онъ въ плѣнъ съ тремя стами товарищами. Девятнадцать лѣтъ провелъ въ цѣпяхъ на галерахъ. Отчаянье заставило его рѣшиться на вѣрную смерть: онъ взбунтовалъ своихъ товарищей, вырѣзалъ приставовъ, отнялъ галеру у Турковъ и на ней явился въ Венеціи; съ тѣхъ поръ кипѣлъ онъ неутолимою жаждою мести, и злоба къ своимъ мучителямъ привела его подъ знамены Собѣскаго.

Пальба изъ пушекъ по стану Турецкому весь день продолжалась. Не смотря на холодъ нестерпимый, войско съ оружіемъ въ рукахъ всю ночь стояло. Къ разсвѣту отъ Турковъ отдѣлились восемь Волошскихъ хоругвій, обиженныхъ Сераскиромъ и присоединились къ Собѣскому.

По-утру, на другой день, Собѣскій спѣшилъ свой собственный драгунскій полкъ и ударилъ на непріятельскіе обозы. Пѣхота пошла вслѣдъ за Полководцемъ, всползла на окопы Турецкаго лагеря, привлекла вниманіе непріятеля; Яблоновскій съ конницею нашелъ въ это время удобное мѣсто, гдѣ-бы

перейдти шанцы: это мѣсто было то, гдѣ стояли Волошскія хоругви; ночью къ Полякамъ перебѣжавшія. Здѣсь Яблоновскій врубился во внутренность лагеря. Напрасно Спаги и Янычары защищали каждую пядь земли съ отчаяннымъ мужествомъ; скоро весь лагерь былъ наводненъ Поляками; началась сѣча кровопролитная: Поляки не брали въ плѣнъ. Только Сераскиръ и Солиманъ Паша, предводитель Спаговъ, были обречены плѣну; послѣдній былъ взятъ раненный. Тогда все непріятельское войско обратилось въ бѣгство, они бросились къ Днѣстру, но Собѣскій завладѣлъ мостомъ; для Турковъ тамъ ужь не было спасенія, они кинулись въ Днѣстръ; десять тысячь погибло въ волнахъ; двадцать тысячь легло въ укрѣпленіяхъ; остальные спаслись въ стѣнахъ Каменца, гдѣ скрылся и Сераскиръ Гуссейнъ, покрытый ранами. Онъ спасся отъ смерти въ битвѣ и принялъ ее изъ рукъ Султанскихъ палачей. Весь его лагерь достался Собѣскому.

Это происходило Ноября одиннадцатаго; а десятаго, во Львовѣ, скончался Король Михаилъ, на тридцать пятомъ году жизни. 1675 Ноября 10 и 11.

То были времена ненастныя для Польши, и всѣхъ тяжеле была жизнь Королей. Смуты внутреннія и ничтожность средствъ къ отвращенію внѣшнихъ враговъ колебали престолъ и Республику. Примасъ и Собѣскій чуть было не сняли короны съ Михаила; и когда сто тысячь вооруженныхъ дворянъ, составя въ Голембѣ Конфедерацію, защитили Короля, тогда Собѣскій и Примасъ обратились къ Людовику XIV съ просьбой избавить Польшу отъ деспотизма дво-

рянъ мѣлкопомѣстныхъ и прислать Конде, Тюрена или Конти въ Короли. Это и было-бы, если-бъ сосѣднія державы не воспротивились; но Римскій Императоръ отдалъ Эрцгерцогиню Австрійскую за Михаила, и Король утвердился на престолѣ, чтобы видѣть Украйну, отторгнутую отъ Польши Магометомъ и, на-канунѣ побѣды надъ врагами, умереть. Ужь онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, когда пріѣхалъ къ нему во Львовъ Турецкій Ага за данью, и привезъ ему *кафтанъ отъ Султана*; но его приближенные не допустили къ нему Аги; они недали отравить послѣднія минуты умирающаго.

Послѣ Хотинской побѣды Поляки могли-бы отнять у Турковъ Каменецъ. Гарнизонъ былъ въ страхѣ. Свѣжія войска не могли придти на помощь изъ-за Дуная. Время было холодное, наступила зима, запасы въ крѣпости оскудѣли; но Собѣскій оставилъ войско: по собственному влеченію и по требованію Примаса, онъ поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ началось избраніе Короля.

Герцоги Нейбургскій, Лотарингскій, Баварскій, Банъ Трансильванскій и Царь Алексій Михайловичъ старались получить Польскій престолъ. Вдова Михаила, Элеонора, составляла партіи за своихъ. Споры усилились. Сподвижникъ и другъ Собѣскаго объявилъ имя спасителя отчизны—побѣдителя Хотинскаго. Русскіе и пять Малопольскихъ Воеводъ провозгласили выборъ; Пацъ хотѣлъ противиться, но сила была не равна, онъ уступилъ. Епископъ Краковскій Тржебицкій собралъ голоса, и Янъ Собѣскій вступилъ на престолъ. Онъ явился на Сеймъ, при-

нялъ корону, просилъ отсрочки коронаціи еще на нѣсколько мѣсяцевъ, сана Гетманскаго и продолженія войны.

Государь приведенъ былъ въ крайнюю досаду выборомъ Короля рѣшительнаго, дѣятельнаго, воинственнаго; Польскій скипетръ выпалъ изъ рукъ Алексѣя Михайловича. Онъ рѣшился присоединить западную Украйну къ восточной, и въ исходѣ 1673 года Ромодановскій свелъ полки свои съ козацкими у Черкасъ. Еще въ началѣ своего Гетманства Самуйловичъ посылалъ воззванье на Заднѣпріе о присоединеніи тамошней Украйны къ его булавѣ; но Дорошенко и Ханенко противились. Нынѣ времена измѣнились для Ханенка: его благодѣтель, Король Михаилъ, скончался; Янъ Собѣскій не любилъ его, и самъ онъ къ Польшѣ охладѣлъ. Дорошенко былъ безсиленъ безъ помощи Султанской, а новый Король разгромилъ Султанскія войска и жадно хотѣлъ продолжать войну съ Турками. Города Украйны западной начали, одинъ за другимъ, большая часть безъ бою, сдаваться Самуйловичу. Черкасы, Мошны, 1674 Февр.5.
Богуславъ, Медвинъ, Стебловъ, Каменный Бродъ, Ржищевъ, Стайки, Триполье, Бѣлогородка, Трахтимировъ отперли ворота передъ Гетманомъ; Февраля 1674 Февраля 10.
десятаго начальникъ гарнизона Каневскаго, Генеральный Старшина Яковъ Лизогубъ, сдалъ ключи Канева Самуйловичу. Видя успѣхи Гетманскіе, Дорошенко, говорятъ лѣтописи, рвался до неистовства и истреблялъ варварски селенія и жителей, соединившихся съ Гетманомъ. Преданные ему Полковники: Корсунскій Михайло Соловей, Горговицкій Ефремъ Уманецъ, Уманскій Григорій Бѣлогрудъ,

Григорій и Андрей Дорошенки, Остапъ Гоголь и Кальницкій Андрей Суботскій пошли, подъ предводительствомъ Генеральнаго Асаула Григорья Гамалѣи, къ Корсуню, чтобъ не дать его Самуйловичу. Самъ Дорошенко пошелъ къ Днѣстру для вызова Турковъ отъ Паши Силистрійскаго, потомъ напалъ на Рашковъ, и будучи прогнанъ отъ Рашковскихъ стѣнъ, пошелъ къ Лисянкѣ, весь край отъ Рашкова до Лисянки истребилъ огнемъ и мечемъ; туда, вмѣсто Турковъ, пришли къ нему Крымцы; на пути сказали ему, что Черкасы сдались Самуйловичу; онъ послалъ Татаръ съ братомъ своимъ Григоріемъ къ Богуславу, этотъ отрядъ былъ разбитъ; Бѣлоцерковскій Полковникъ Бутенко явился къ Гетману съ хлѣбомъ и солью отъ городовъ Бѣлой-Церкви, Насташки, Синявки, Ракитенки; Корсунь не пустилъ къ себѣ войскъ Дорошенковыхъ. На помощь Лисянкѣ Самуйловичъ отправилъ Переяславскаго Полковника Дмитрашка, туда повелъ свои полки и Дорошенко отъ Корсуня. Его Судья Войсковый, Яковъ Улѣско, измѣнилъ ему; Корсунскій Полковникъ, Михайло Соловей, также противъ него выступилъ, жители Лисянки перехватали часть его Старшинъ и самаго брата его Григорія выдали Самуйловичу; Андрей едва спасся съ горстью Татаръ. Тогда Дорошенко бѣжалъ и заперся въ Чигиринѣ. За нимъ остались только Чигиринъ да Паволочь. Андрей Цей принялъ начальство надъ Русскимъ войскомъ, Иванъ Лисенко надъ козацкимъ, а Самуйловичъ и Ромо-
20 Февраля. дановскій отправились въ Переяславль. Февраля двадцатаго Старшины западной Украйны явились въ соборную Переяславскую церковь и присягнули на

вѣрность Государю. Марта семнадцатаго прибылъ къ нимъ Ханенко; онъ приказалъ передъ собою нести Гетманскіе знаки, дарованные Польскимъ Королемъ; положивъ булаву и бунчукъ на столѣ въ соборной церкви, просилъ козаковъ забыть обиды и досады, отъ него понесенныя; Самуйловичъ привелъ его къ присягѣ, далъ ему Уманскій полкъ и позволилъ жить въ Кіевѣ. Тогда Ромодановскій предложилъ Заднѣпровскимъ Старшинамъ избрать новаго Гетмана и созвалъ Раду.

На этой Радѣ, извѣстной подъ названіемъ Переяславской, находились Генеральные: Обозный Иванъ Гулакъ, Судья Яковъ Улѣско, и Асаулъ Яковъ Лизогубъ; Полковники: *Каневскій* Иванъ Гурскій, *Корсунскій* Михайло Соловей, *Бѣлоцерковскій* Степанъ Бутенко, *Уманскій* Григорій Бѣлогрудъ, *Торговицкій* Степанъ Щербина, заступившій мѣсто Уманца, *Брацлавскій* Павелъ Лисица и *Паволочскій* Константинъ Мигалевскій. Всѣ они единогласно объявили, что нехотятъ двухъ Гетмановъ, а хотятъ одного на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Самуйловичъ отговаривался, но его схватили такъ сильно, что изорвали на немъ платье, поставили на скамью, прикрыли бунчукомъ и дали булаву.

Оставалось воспользоваться этимъ случаемъ, сдѣлать какія-нибудь измѣненія въ статьяхъ Конотопскихъ. Князь Ромодановскій воспользовался, и были написаны статьи *новыя Переяславльскія.* Ими указано было сборное мѣсто для войскъ козацкихъ, въ-случаѣ непріятельскаго нашествія, у рѣки Росавы между Каневымъ и Корсунемъ Число реестровыхъ

уменьшено до двадцати тысячь. Не приказано признавать Дорошенка никакимъ Гетманомъ.

Полковникъ Сасъ отъ Ромодановскаго, Полковники Гурскій, Бѣлогрудъ и Лубенскій Иванъ Сербскій помчались въ Москву съ радостнымъ извѣстіемъ о сліяньи обѣихъ Украйнъ во-едино подъ власть Царя.

ГЛАВА XXXV.

Появленіе Мазепы. Переговоры Дорошенка съ Самуйловичемъ. Война междоусобная. Крымцы съ Дорошенкомъ. Дмитрашко. Силы Дорошенка. Осада Чигирина. Мурашко. Султанъ снова въ Украйнѣ. Разоряетъ ее. Приходитъ въ Чигиринъ. Двѣнадцать Пашей и Дорошенко идутъ къ Уманю. Взятіе Уманя. Ласки Царскія Самуйловичу. Собѣскій отбираетъ отъ Турковъ города. Съѣздъ въ Андрусовѣ. Чигиринъ и Паволочь. Переговоры Собѣскаго съ Дорошенкомъ. Предательство. Маклошевскій. Гоголь. Турки идутъ къ Львову. Трембовль. Пани Хржановска. Разбитіе Крымцевъ. Собѣскій коронуется. Универсалы Самуйловича. Переписка его съ Дорошенкомъ. Дорошенко пишетъ къ Царю. Царь ему дѣлаетъ выговоръ. Ослобляетъ его. Кончина Царя. Просьбы къ Султану Дорошенка. Угрозы Султанскія. Полуботокъ. Дорошенко сдается Самуйловичу. Царь Ѳеодоръ. Дорошенко въ Сосницѣ.

Царскій: **САМУЙЛОВИЧЪ.**

Королевскій: **СИРКО.**

Султанскій: **ДОРОШЕНКО.**

Во время выборовъ Переяславльскихъ, мы видимъ на Радѣ лицо знаменитое, одного изъ примѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей Исторіи. Намѣреваясь пріѣхать на Раду, Дорошенко прислалъ къ Князю Ромодановскому *Ивана Мазепу*, съ требованіемъ

лись Самуйловичу. Жители Суботова, преданные Царю со временъ стараго Хмѣльницкаго, съ радостью приняли войска Гетманскія. Тогда Самуйловичъ и Ромодановскій подступили къ столицѣ Дорошенка,—къ Чигирину.

Тысяча триста козаковъ пѣшихъ съ Полковникомъ Шульгой; пять сотъ при пушкахъ изъ сотни Кременчугской; полкъ пятисотный конныхъ Запорожцевъ подъ начальствомъ Дорошенкова зятя Якова Яненченка; сто пятьдесятъ человѣкъ конницы Полковника Молчана; девяносто драгуновъ, двѣсти конныхъ Черкасъ, да двѣ тысячи вооруженнаго заранѣе Чигиринскаго Посполитства,—таковы были силы Дорошенка; запасы, провизія на годъ, довольно много селитры, ядеръ и пороха, и двѣсти пятьдесятъ пушекъ его обезпечивали. Къ тому-же онъ ожидалъ Султана и Хана Крымскаго, и такъ отвѣтъ его былъ рѣшителенъ: « живой не сдамся, а « скорѣй сяду на бочку пороховую и взорву себя.»

Осаждавшіе стояли подъ Чигириномъ, на сторонѣ Горной отъ Чуты и Суботова; сторона низменная отъ Адамовки, болота и пески Тясьминя — оставались свободными; сажденные сносились съ своими сюзниками и вскорѣ узнали о приближеніи Турецко-Татарской арміи изъ Подоліи.

Пока продолжалась осада Чигиринская, въ Ладыжинѣ погибъ Полковникъ Мурашко. Оставленный въ городѣ съ пятью тысячами козаковъ, онъ выдержалъ одиннадцать приступовъ Турецкой арміи. Султанъ и Визирь лично участвовали въ этой неровной борьбѣ. Гетманъ отправилъ Дмитрашка на помощь Ладыжинцамъ; но этотъ, узнавъ, что Тур-

ки взяли уже Баръ, Подгайцы и Меджибожъ, отступилъ къ Каневу. Мурашко остался на произволъ судьбы; еще, быть можетъ, онъ отстоялъ-бы городъ, если-бы Дорошенко не убѣдилъ изъ Чигирина Ладыженцевъ сдаться Туркамъ безъ согласія Полковника. Они сдались и были жестоко наказаны: ихъ вырѣзали до единаго, Ладыжинъ сожгли; остался только замокъ, куда вбѣжалъ Мурашко съ немногими вѣрными. Двѣ недѣли онъ оборонялся, наконецъ недостатокъ въ водѣ заставилъ его сдѣлать отчаянную вылазку; съ словами: « некупимъ живота безсла-« віемъ! » онъ врубился въ станъ враговъ, и погибъ со всѣми своими сподвижниками.

Видя стремительность, съ которою Султанъ забиралъ всѣ города, узнавъ о толкахъ, распространившихся въ нашемъ войскѣ,—будто-бы Польша вступила въ союзъ съ Портою,—Гетманъ и Ромодановскій сняли осаду съ Чигирина и отступили къ Черкасамъ горною дорогою; Дорошенко, соединясь съ Татарами, пришедшими изъ-за Тясьмины, погнался за Гетманомъ; но наши войска въ двадцать четыре часа очутились внѣ опасности, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Началось раззореніе западной Украйны.

Султанъ, желая отомстить Полякамъ за Хотинское пораженіе, выступилъ съ многочисленною арміею; условился съ жителями Хотина, что если они его пропустятъ свободно во Львовъ, то оставитъ ихъ неприкосновенными; вступилъ въ городъ, истребилъ его и хотѣлъ было идти къ Львову, гдѣ былъ тогда Собѣскій; но, по совѣту Хана Крымскаго и по письмамъ осажденнаго въ Чигиринѣ

Дорошенка, пошелъ въ Украйну. Баръ, Подгайцы, Меджибожъ, Ладыжинъ, и множество другихъ городовъ, селъ, мѣстечекъ преклонились передъ Магометомъ; даже Лисянка, многолюдная, отразившая трекратное нападеніе враговъ во время Тетери и Суховѣя, и она сдѣлалась добычею Султана, Хана и
16 Авг. 1674. Дорошенка. Августа 16-го, видя быстрый потокъ войны, грозящій достальнымъ истребленіемъ всего края, жители никѣмъ еще не гонимые, бѣжали въ разныя стороны; «страхомъ жалъ прикрывши», они бросили собственность и церковныя утвари; Ханъ съ восторгомъ увидѣлъ Лисянку опустѣлою, и сжегъ ее до основанія; эта участь постигла всѣ окрестности. Вездѣ имущества были разграбляемы; жители, противившіеся Дорошенку, уводимы въ плѣнъ съ женами и съ дѣтьми малолѣтными; ихъ домы пылали у нихъ назади; у обывателей городовъ, сдававшихся безъ бою, Магометане брали дань дочерьми; немногіе успѣли перебѣжать въ Украйну восточную, и рѣдко кто спасся въ границахъ Королевства, прося покровительства Яна Собѣскаго.

Чигиринъ, не смотря на преданность къ Дорошенку, заперся-было при видѣ приближающихся враговъ христіанства, но скоро принужденъ былъ
Архіеписк. Конисскій. уступить силѣ. «Султанъ вошелъ въ Чигиринъ торжественно, и все предъ нимъ падало и ползало по «Азіатски. Церковные колокола замолкли, самыя «церкви были заперты и запечатаны; не смѣлъ ни«кто шевелиться ни по богослуженію ни по житель«ству, несчитая себя ни живымъ ни мертвымъ. Тур«ки-же дѣлали съ мущинами и женщинами что

«только вздумали......................» *Разлакомившійся Христіанскою кровію,* Турецкій Султанъ отрядилъ изъ Чигирина двѣнадцать Пашей и Дорошенка къ Умани. Турки старались преклонить Уманцевъ къ добровольной сдачѣ, но убѣжденія были тщетны. Наученные примѣромъ Ладыженцовъ, подкрѣпленные сосѣдними селами, Уманцы не сдавались. Дорошенко повелъ Пашей на приступъ. Подкопы и пальба разрушили укрѣпленія, враги овладѣли городомъ, началась рѣзня въ улицахъ, стрѣльба изъ оконъ и дверей; сражающіеся, но не привычные къ оружію, жители, женщины, дѣти были безъ пощады избиты, трупы валялись кучами; въ мѣстахъ, гдѣ стычки были упорнѣе и сражающіеся многолюднѣе, кровь текла ручьями по отлогостямъ гористыхъ Уманскихъ улицъ; съ живыхъ городскихъ и козацкихъ Старшинъ были содраны кожи: Дорошенко велѣлъ ихъ набить соломою и отправилъ къ Султану, гдѣ эти чучелы были разставлены въ знакъ побѣды. За каждую Христіанскую голову Паши платили по червонцу и отправляли ихъ огромныя арбы къ Султану, который сталъ лагеремъ подъ Ладыжинымъ. Дѣвицы были размѣщены по сералямъ. Повсюду наставлены были Паши и Кадіи, которые старались *отуречить* Украйну. Нѣсколько тысячь мальчиковъ, денежныя суммы и награбленные пожитки были повержены Дорошенкомъ къ стопамъ Магомета IV-го, который немедленно велѣлъ обратить въ Исламизмъ и, оставя верховное начальство надъ Украйною любимцу Султанши Валиды, Визирю Кара-Мустафѣ, возвратился въ Константинополь.

Государь, милостивымъ обращеніемъ съ Самуйловичемъ, удержалъ его въ эти смутныя времена въ преданности Россіи. Воспользовавшись выступленіемъ Султана изъ Украйны, онъ прислалъ къ Гетману Стольника Князя Волконскаго съ благодарнымъ словомъ за мужественный отпоръ врагу; и даже, по его просьбѣ, отпустилъ въ Сентябрѣ для свиданія съ нимъ сыновей его: Григорія и Семена съ наставникомъ ихъ, Игуменомъ Батуринскаго монастыря Исаіемъ, и съ учителемъ Павломъ Яслиновскимъ, какъ-бы въ награду за изгнаніе Турковъ изъ Украйны, хотя Гетманъ въ этомъ дѣлѣ вовсе не участвовалъ.

Между тѣмъ Король пришелъ въ Украйну, назначилъ Сирка Гетманомъ, Старшинѣ Евстафію Голю приказалъ стеречь Днѣпровскую переправу, а самъ пошелъ въ Нѣмировъ, гдѣ Татары вымолачивали для себя хлѣбъ Малороссіянъ, и опустошали окрестности. Борьба для Дорошенка дѣлалась часъ-отъ-часу затруднительнѣе. Собѣскій былъ храбръ, великій Полководецъ; Польша, хотя истощенная, хотя потерявшая прежнее могущество, все-же, въ сравненіи съ горстью его козаковъ, была еще весьма сильна; Москва желала успѣховъ Собѣскому; Гетманъ Самуйловичъ былъ то-же противъ Дорошенковыхъ замысловъ. Только Чигиринскій край былъ за него противъ двухъ Державъ и всей почти Гетманщины. Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ обратился къ Царю; обѣщалъ привести въ подданство Ногайцевъ, озлобленныхъ противъ Крымскихъ Татаръ; обѣщалъ удержать Турковъ отъ нападенія на Россію; обѣщалъ наконецъ раззорить, опустошить

Крымъ, если Государь, признавъ его Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска Запорожскаго, усилитъ реестровыхъ козаковъ тридцатью тысячами. «Если войска Твои, Государь, не пойдутъ въ землю «Бусурманскую», писалъ Дорошенко, «то войска «Бусурманскія въ Твою пойдутъ; лучше-бы ихъ «разорять, чѣмъ себя попускать къ раззоренію. Молю «Господа Бога, чтобъ Ты мой искренній совѣтъ при-«нялъ; и если Ты меня утвердишь за собою въ «подданствѣ, если возложишь на меня Гетманство «обѣихъ сторонъ, я буду радѣть во всемъ и слу-«жить Тебѣ, какъ надлежитъ вѣрному подданному» Государь не отвѣчалъ; а Янъ Собѣскій билъ Нагайцевъ, отбиралъ города, завоеванные Турками: Баръ, Брацлавъ ему сдались; въ Нѣмировѣ онъ Татаръ уже не засталъ,—они бѣжали, услыша о его приближеніи; въ Рашковѣ Турецкій гарнизонъ былъ вырѣзанъ; Кальникъ присягнулъ на вѣрность Королю передъ Королевскими Коммиссарами. Напрасно Дорошенко, находившійся на это время въ Паволочи, подстрекалъ жителей не сдаваться и обѣщалъ имъ помощь,—эту переписку перехватили и доставили Королю. Основавъ главную квартиру свою въ Брацлавѣ, Собѣскій писалъ къ Царю, увѣдомлялъ о побѣдахъ, просилъ вспомогательнаго войска. Царь отвѣчалъ, что Россія радуется успѣхамъ Польскаго оружія, удивляется тому, что Король принуждаетъ къ подданству Заднѣпрскую Украйну, присоединенную къ Россіи, но войскъ, по случаю зимы, прислать не можетъ. Король жаловался Сенатской Радѣ на не устойку Москвы въ трактатѣ Андрусовскомъ, на не высылку войскъ. «Соединясь съ Москви-

«тянами, я могъ-бы очистить Украйну; — писалъ Король — овладѣть Течинымъ, Буджакомъ; вступить въ Валахію.» Напрасно! Царь продолжалъ медлить присылкою войскъ. Эта медлительность, эта холодность Царская была неутѣшительна. Назначенъ былъ въ Андрусовѣ третій съѣздъ.

Туда явились Бояринъ Князь Никита Одоевскій, Троцкій Воевода Марціалъ Огинскій, Литовскій Референдарь Кипріанъ Павелъ Бростовскій и товарищи. Они начали договариваться о вѣчномъ мирѣ, о городахъ, завоеванныхъ Россіею, о соединеніи силъ противъ общаго врага. Потомъ Польскіе полномочные приступили къ неотступному и настойчивому требованію Кіева; Одоевскій отвѣчалъ, что «Россія, не въ противность договоровъ, владѣетъ всею западною Украйною, и слѣдовательно Кіевомъ. Всѣ эти города и Кіевъ завоеваны Россіею не у Поляковъ, а у Турковъ. Польша не имѣла права, безъ совѣщанія съ Россіею, отдавать Султану Заднѣпрскую Украйну; но если уже она отдала ее, то не въ-правѣ имѣть къ ней никакихъ притязаній. Напротивъ того, Королю должно быть пріятнѣе, чтобъ Кіевомъ владѣла держава Христіанская, а не Магометане; впрочемъ—какъ-бы ни судили о томъ Поляки,—Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не можетъ быть возвращенъ Королевскому.» И такъ третій Андрусовскій съѣздъ кончился только перемиріемъ на тридцать лѣтъ съ половиною, отъ Января 10-го 1675; городовъ, завоеванныхъ Россіею, Польскіе Послы за нею не утвердили.

1675. Янв. 10.

Чигиринъ и Паволочь не покорялись Полякамъ; Дорошенко издалъ универсалъ, въ которомъ угова-

ривалъ народъ не сдаваться Королю; но, забравъ женъ, дѣтей и всѣ имущества, укрыться въ Корсунѣ, куда онъ придетъ къ нимъ на помощь съ многочисленной Ордой. Не видя этому конца, Собѣскій прибѣгнулъ къ сдѣлкѣ миролюбной, и выслалъ въ Чигиринъ Коммиссаровъ: Епископа Львовскаго Іосифа Шумлянскаго и Королевскаго Полковника Подстолія Хелмскаго Мортинштейна, о чемъ Русскій въ Польшѣ Резидентъ Тяпкинъ немедленно увѣдомилъ Государя. Этимъ Коммиссарамъ препоручено было объявить Дорошенку, что если онъ покорится Республикѣ, то всѣ вины козаковъ будутъ преданы забвенію и имъ возвратятъ древнія привилегіи. Для переговоровъ призывалъ Король въ Брацлавъ самаго Дорошенка. Тогда Дорошенко спросилъ дастъ-ли Король ему вспомогательное войско противъ Татаръ и Турковъ, когда Польскія войска выступятъ изъ Украйны? Будетъ-ли въ Украйнѣ свобода вѣроисповѣданія? Будетъ-ли Грекороссійскій Епископъ присутствовать въ Польскомъ Сенатѣ? При коронаціи, присягнетъ-ли Король и чины на неприкосновенность козацкихъ правъ? Король хотѣлъ уже отвѣчать утвердительно; вдругъ явились Татары; и Дорошенко началъ войну съ Поляками.

Онъ послалъ къ Хану совѣтъ напасть немедленно на Брацлавъ, гдѣ нынѣ главная квартира Королевская. Миклашевскій увѣдомилъ о томъ Короля, и былъ посланъ къ Хану для отвращенія его отъ намѣренія соединиться съ козаками. Пѣхота Дорошенкова была подкуплена и перешла на сторону

Сирка. Ожидая весны, Король продолжалъ пребываніе свое въ Брацлавѣ; Польскіе разъѣзды заходили даже въ Валахію; Сирко наблюдалъ за движеніемъ Татаръ; но болѣзни, распространившіяся въ Польскомъ войскѣ, отступленіе Паца съ Литовскимъ корпусомъ, и отозваніе вспомогательныхъ Прусскихъ войскъ, присланныхъ вассаломъ Польскимъ, Курфирстомъ Бранденбургскимъ, разстроили предположенія Королевскія. Напрасно Пацу и Литовскимъ войскамъ Король объявлялъ, что ихъ удаленіе почтетъ побѣгомъ и станетъ судить ихъ какъ дезертировъ; угрозы не дѣйствовали. Силы арміи уменьшились до того, что Королю невозможно было удерживаться въ открытой странѣ, въ обширныхъ степяхъ. Февраля 20-го писалъ онъ воззваніе къ Радѣ Сенатской и къ народу о стѣсненномъ положеніи дѣлъ. Потомъ укрѣпилъ Кальникъ, Брацлавъ, Могилевъ, Рашковъ, Бершадъ и Шаргородъ; разставилъ гарнизоны; далъ приверженнымъ козакамъ сукна и денегъ; сдѣлалъ Гоголя главнымъ предводителемъ полковъ Брацлавскаго, Кальницкаго, Уманскаго и Могилевскаго; размѣстилъ его козаковъ въ Брацлавскомъ воеводствѣ; Полковнику Квашѣ далъ начальство надъ Бершадскимъ гарнизономъ; поставилъ одинъ полкъ въ Шаргородѣ; сдѣлалъ смотръ Коронному войску подъ Хмѣльникомъ и перевелъ его въ Волынь, назначивъ въ Лабусѣ свою главную квартиру. Вскорѣ поѣхалъ въ Яворовъ, созвалъ туда Сенатскую Раду и магнатовъ, начались совѣщанія о дальнѣйшихъ средствахъ къ продолженію войны, и толкованія о мирныхъ переговорахъ съ Портою.

Султанъ Татарскій Нурадинъ явился къ Королю, чтобъ предложить себя въ посредники; Король требовалъ, чтобъ Турецкія войска были выведены изъ Украйны,—ему не отвѣчали; онъ обѣщалъ оставить Портѣ Каменецъ съ землею на милю окружности; но какъ войска непріятельскія оставались на прежнихъ мѣстахъ, то должно было сражаться. Не долго Король ожидалъ войны; въ Яворовъ пришло извѣстіе, что Сераскиръ Ибрагимъ Паша соединился съ Султаномъ Нурадиномъ и ведетъ огромное Турецко-Татарское войско ко Львову. Отмѣнивъ планъ Украинской компаніи, оставя всѣ Украинскія дѣла, Король повелъ свои полки черезъ Збаражъ и Тарнополь туда-же; а къ Ромодановскому послалъ просить, чтобъ исполнилъ статью трактата между обѣими Державами, перешелъ-бы за Днѣпръ и поспѣшилъ-бы помощію. Ромодоновскій отвѣчалъ, что начнетъ военныя дѣйствія только тогда, когда Король подойдетъ къ Днѣпру. Король отправилъ къ Царю Александра Кладницкаго; жаловался на Воеводу, предлагалъ союзъ, дружбу, отказывался навсегда отъ Смоленска, лишь-бы дали ему пособіе противъ невѣрныхъ. Пособія не было. Изнуренный гибельною войною, стѣсненный въ денежныхъ обстоятельствахъ, онъ снова обратился къ Хану Крымскому, просилъ его посредничества; Царскій Резидентъ Тяпкинъ принялъ участіе въ дѣлахъ; все было тщетно. Началась война.

Король далъ повелѣніе: гарнизонамъ въ городахъ не сдаваться; Сирку отражать отовсюду непріятеля и о своихъ движеніяхъ сообщать Польскимъ Коммендантамъ; Короннымъ Хоругвямъ, оставшимся на

Волынѣ, вести войну партизанскую, гарцовать и тревожить врага съ тылу и съ боковъ наѣздами; а самъ пошелъ на-встрѣчу къ Нурадину, который отдѣлился отъ Сераскира и дѣйствовалъ особенно, имѣя при себѣ сорокъ тысячь войска. Пока Сераскиръ занималъ города Збаражъ, Бучакъ и Завяловъ, — Станиславъ Яблоновскій разбилъ Турецкій отрядъ подъ Злочовымъ, а у Львова Король разгромилъ и разсѣялъ Татаръ. Капитанъ Хржановскій выдержалъ четырнадцати-дневную осаду Трембовли, имѣя только триста человѣкъ гарнизона; онъ былъ одушевленъ мужествомъ и рѣшимостью жены своей: она объявила ему, что пробьетъ ножемъ перваго, кто осмѣлится начать при ней разговоръ о сдачѣ.

Узнавъ о разбитіи Нурадина и о приближеніи Короля, Сераскиръ, съ потерею двухъ тысячь человѣкъ, отступилъ отъ Трембовли и пошелъ за Днѣстръ; Поляки его преслѣдовали, вторгнулись въ Валахію и сожгли Сочаву. Король изъ лагеря при Чернокозеницахъ увѣдомилъ Сирка объ изгнаніи враговъ, и приказалъ ему прислать пословъ на Сеймъ, назначенный въ Февралѣ 1676 года, гдѣ козаки должны получить подтвержденіе своихъ правъ, привилегій и вольностей; для этого Сирко долженъ былъ подать Штатамъ Республики прошеніе съ требованіями. 9 Ноября Собѣскій прибылъ въ Жолкѣвъ; Января 30 былъ его торжественный
1676. Февраля 2. въѣздъ въ Краковъ; Февраля 2 онъ короновался.

Пока война продолжалась, Гетманъ Самуйловичъ разсыпалъ универсалы противъ Дорошенка по западной Украйнѣ. Встревоженный соперникъ писалъ

объ этомъ къ Гетману отъ 3 Іюня 1675 года, изъ-подъ Корсуня. «Вельможный, милостивый господинъ, зѣло мнѣ милостивый господинъ и пріятель», такъ начиналъ свой отзывъ Дорошенко. Онъ увѣрялъ Самуйловича въ дружбѣ къ нему, въ любви къ Украйнѣ, въ вѣрѣ къ Богу и Троицѣ; увѣрялъ, что, проводя Турковъ въ Польшу, отвращаетъ ихъ оружіе отъ Украйны; называя себя пѣстуномъ славы предковъ, напоминалъ о томъ, что не онъ одинъ, но и Богданъ Хмѣльницкій приводилъ Татаръ въ Польшу; что Брюховецкій, котораго совѣтникомъ былъ Самуйловичъ, обращался къ нимъ по необходимости; удивлялся враждѣ Гетманской къ народу единокровному; уговаривалъ не разсылать подъ видомъ универсаловъ пасквилей, противныхъ добродѣтели гражданской и чести храбраго воина.

Гетманъ отвѣчалъ, что Козацкому временному Старшинѣ не должно равняться съ Богданомъ Хмѣльницкимъ; что онъ призывалъ Турковъ не въ одну Польшу, но и на родину; что если они не были въ Кіевѣ, то это по собственному ихъ разсчету, а не по его милости; что онъ универсаломъ грозилъ изъ Канева Кіеву обступить священный городъ съ Магометанами; наконецъ, совѣтовалъ не утруждать головы своей тщетными вымыслами, не безпокоить его, Гетмана, пустою перепискою, а покаяться и покориться Государю единовѣрному.

Дорошенко былъ тогда близокъ уже къ паденію.

Вслѣдъ за этой перепискою, Самуйловичъ, призвавъ на помощь Ромодановскаго, взялъ Корсунь,

и вывелъ часть жителей съ ихъ Полковникомъ на Украйну восточную. Между тѣмъ Сирко, недовольный сношеніями Поляковъ съ Крымцами, началъ уговаривать Дорошенка къ присягѣ Царю; увѣрялъ его, что Государь не мстителенъ, что имъ обоимъ не случится никакихъ непріятностей, что Чигиринъ и войско тамошнее не будутъ у него отняты, что даже клейноды при немъ останутся; въ это время подошелъ къ Чигирину отрядъ Самуйловича. Дорошенко сдался, присягнулъ и отослалъ къ
Октяб. 15. 1675. Царю Янычаръ, которыхъ имѣлъ при себѣ тѣлохранителями.

Декабря 23-го съ этимъ извѣстіемъ пріѣхали въ Москву Послы: отъ Кошеваго Евсей Шашель и отъ Дорошенка Стебловскій; Царь приближался къ смерти, присяга Сирка и Дорошенка остались безполезными; Государь назвалъ ее поступкомъ самовольнымъ, непростительнымъ, и отвѣтную грамоту наполнилъ выговорами.

1676. Янв. 29. Скоро пришло въ Малороссію извѣстіе о кончинѣ Царя.

Ободреніе въ Россіи замледѣлія, заведеніе фабрикъ, распространеніе торговли, населеніе Волжскихъ и Камскихъ степей, начало регулярнаго войска, первая проба кораблестроительства, наконецъ, подвигъ великій—Уложеніе,—все это дѣла постороннія для Историка Украйны; но мудрый и дальновидный Отецъ Петра Великаго измѣнилъ навѣки судьбу Малороссіи, онъ былъ любимъ ея жителями—и это близко намъ. «За кротость отмѣнно «любили его Малороссіяне,» говоритъ Конисскій. Θеодоръ возсѣлъ на Родительскій престолъ, и при

самомъ вступленіи обратилъ вниманіе на Дорошенка.

Озлобленный противъ покойнаго Государя за немилостивый пріемъ присяги на подданство, онъ собралъ всѣ усилія противъ Москвы; употребилъ подарки и подкупы, чтобъ привлечь къ себѣ народъ Малороссійскій и войско Запорожское, и чтобъ уговорить ихъ къ собранью новой Рады для выбора иного Гетмана; обратился къ Султану съ просьбами, подавая надежды отторгнуть отъ Ѳеодора все, чѣмъ не льзя было завладѣть при Алексіѣ. То и другое было тщетно. Султанъ, раздраженный предательствомъ съ Янычарами и присягою Октября 15, велѣлъ сказать въ отвѣтъ Дорошенку, что прикажетъ содрать съ него кожу и выставить чучелу на воротахъ Сераля. Угрожаемый отовсюду, Дорошенко принялъ мѣру отчаянную: съ горстью козаковъ заперся въ стѣнахъ Чигирина; оттуда безполезно просилъ Татаръ о помощи и ожидалъ Самуйловича, который, соединясь съ Ромодановскимъ, приближался къ городу по Царскому повелѣнію. Они остановились на лѣвомъ берегу Днѣпра, у Градижска, противъ Вороновки.

Четыре полка козацкихъ: Гадячскій, Миргородскій, Лубенскій и конный Компанейскій, подъ начальствомъ Генеральнаго Бунчужнаго Леонтія Полуботка, и пятнадцать тысячь войска Московскаго подъ начальствомъ Стольника Полковника Григорія Косагова, составляя передовой отрядъ, переправились на горный берегъ Днѣпра. Тотчасъ сдались Крыловъ и Вороновка. Потомъ Чигиринъ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ. Дорошенку не осталось

никакихъ средствъ противиться; увѣрясь, что ему
19 Сентяб. 1676. будетъ дарована жизнь, онъ вышелъ изъ города со всѣми жителями и съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи.

Передъ Полуботкомъ и Косаговымъ Дорошенко присягнулъ на вѣрность Государю, и поѣхалъ въ Градижскъ для сдачи булавы, знамени и бунчука Самуйловичу. Василій Бурковскій, съ полкомъ Черниговскимъ и тысячею двѣсти Москвитянъ, занялъ Чигиринъ. Потомъ присягнули Государю всѣ козаки Дорошенковы, и съ ними всѣ жители Субботова, Крылова, Вороновки, Жаботина и Медвѣдовки.

Сентября двадцать седьмаго Канцеляристъ Гетманскій Пантелѣй Радичъ и Стольникъ Иванъ Ржевскій пріѣхали въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Дорошенка. Государь прислалъ соболей на триста семдесять пять рублей и десять аршинъ Венеціанскаго бѣлаго атласа въ подарокъ Самуйловичу; Старшинамъ по сороку по два соболя и по разноцвѣтному атласу.

Тогда Посольскаго Приказа Подъячій Прокофій Возницынъ отправленъ былъ къ Собѣскому съ увѣдомленіемъ, что *Русскіе Воеводы* Самуйловичъ и Князь Ромодановскій посылали часть войска къ Чигирину *на Турецкаго Султана* и на Гетмана Дорошенка, что *Турки, убоясь Воеводъ, оставили Чигиринъ и Гетмана,* и что Гетманъ отдался въ вѣчное Россійское подданство. Король зналъ, что походъ Самуйловича былъ предпринятъ не противъ Султана; что Турковъ не было въ Чигиринѣ, когда пришли туда войска наши; но гроза собиралась

надъ Польшею съ Юга, призывать ее съ Сѣвера значило-бы накликать на Республику новыя бѣдствія, Собѣскій принужденъ былъ молчать.

А Дорошенку подарено было нѣсколько селеній, которыя потомъ были уволены отъ постоя, и позволено было жить въ Сосницѣ, пользуясь всѣми правами соотечественниковъ.

Такъ сошелъ съ поприща Петръ Дорошенко.

ГЛАВА XXXVI.

Турки готовятся къ новой войнѣ. Болѣзнь Короля. Выздоровленіе. Онъ окруженъ Турками. Миръ съ Турками. Условія. Каламбуры Гининскаго. Отвѣтъ Визиря. Требованія Поляковъ отъ Россіи. Царскій имъ отвѣтъ. Война Турціи съ Россіею. Юрій выпущенъ изъ эдикуля. Князь Сарматскій. Доносы на Самуйловича. Юрій ведетъ Турковъ къ Чигирину. Битвы. Аренда на горѣлку. Неустройства въ Польшѣ. Сирко обласканъ Царемъ. Новое нашествіе Юрія съ Турками. Осада Чигирина. Перепой гарнизона. Два брата. Взрывъ замка. Взятіе Чигирина. Битва Бужинская. Бѣгство Турковъ. Полевые Сердюки. Ихъ мундиръ. Поборы. Яненко. Раззореніе восточной Украйны. Царь съ Цесаремъ. Войска Царскія приближаются къ Турціи. Переговоры. Кіевъ укрѣпленъ. Мостъ черезъ Днѣпръ. Сирко раззоряетъ Крымъ. Письмо его къ Хану. Смерть Юрія Хмѣльницкаго.

Царскій: САМУЙЛОВИЧЪ. *Королевскій:* ГОГОЛЬ.

Султанскій: ЮРІЙ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Собѣскій вручилъ булаву Евстафію Гоголю; приказалъ ему, занимая городъ Дымеръ съ нѣсколькими деревнями, жить въ Полѣсьѣ и опредѣлилъ жалованье изъ казны. Малороссіяне снова увидѣли двухъ Гетмановъ Русскаго и Польскаго; не доставало Турецкаго. Султанъ незамедлилъ.

Турки готовились къ новому походу; они собирали грозное войско надъ Днѣстромъ. Польша волновалась. Татары шли къ Днѣстру въ числѣ восьмидесяти тысячь, Турки въ числѣ ста восьмидесяти, Собѣскій призвалъ на совѣтъ Паца. Рѣшили: Гетмана Польнаго Яблоновскаго послать противъ Татаръ, которые стояли между Днѣстромъ и Каменцемъ; наблюдая Днѣпровскій мостъ, облегчая Туркамъ переправу, они сберегали жизненные припасы въ Каменцѣ. Яблоновскій сжегъ мостъ, но переправѣ не могъ помѣшать, и двѣсти шестьдесятъ тысячь Магометанъ вторгнулись въ Украйну. А въ это время Король занемогъ въ своемъ вотчинномъ имѣніи, въ Яворовѣ. Больной, онъ далъ повелѣніе войскамъ собираться въ станъ подъ Львовымъ, и едва началъ выздоравливать, поспѣшилъ туда самъ. Войска у него было всего только тридцать восемь тысячь, да тысячь нѣсколько нашихъ козаковъ; но то было войско храброе, самоотверженное. Янъ подошелъ къ Журавному и расположился станомъ. Тылъ обоза защищалъ Днѣстръ, передовую линію шанцы. Вскорѣ Турки, овладѣвъ Язловцемъ, Чертковымъ и Галицкимъ замкомъ, приблизились и окружили станъ Королевскій. Пудовыя ядра летали туда ежеминутно. Одно изъ нихъ упало въ ставку Собѣскаго, но онъ не перемѣнилъ для ней мѣста и даже не укрѣпилъ ее.

Четыре недѣли стоялъ Собѣскій подъ огнемъ; въ чемъ не успѣли враги, къ тому принудили его непогода, недостатокъ въ зарядахъ и въ припасахъ съѣстныхъ. Не привычные къ холодамъ Турки страдали въ свою очередь; болѣзни начали межъ ними

распространяться. Король подкупилъ Хана; Турки склонились къ миру; онъ былъ заключенъ Октября семнадцатаго.

Сущность договора была такова: Бѣла-Церковь и Паволочь должны принадлежать Польшѣ, а Баръ и Меджиборъ Туркамъ; Запорожье поступаетъ также подъ Султанское покровительство; касательно предѣловъ Подоліи, они будутъ показаны въ Стамбулѣ. Аманаты, взятые изъ Поморянъ и во Львовѣ, будутъ освобождены; отнятые въ Святой Землѣ отъ Католиковъ и отданные Грекамъ храмы будутъ возвращены Католикамъ; дань, наложенная на Польшу трактатомъ Буджановскимъ, уничтожается; Татарамъ Липкамъ или Литовскимъ позволяется возвратиться съ женами, дѣтьми и имуществомъ въ Крымъ, но не позже, какъ въ продолженіи года; Татары и Турки обязываются давать Полякамъ вспомогательныя войска; Хану будутъ запрещены всякіе грабежи въ Польской землѣ; отъ Короля и Республики вышлется въ Стамбулъ Посолъ для окончанія переговоровъ.

Ибрагимъ, Князь Константинъ Вишневецкій и Подкоморій Владимірскій, Юрій Вьельгорскій подписали трактатъ; до подписанія Король находился въ столь стѣсненномъ положеніи, что рѣшился было пробиться сквозь непріятеля или умереть. Счастливый случай избавилъ его почти отъ вѣрной погибели: артиллерійскій Генералъ Контскій, разсматривая погреба Журавинскаго замка, нашелъ въ нихъ мортиру; онъ бросилъ изъ нее нѣсколько бомбъ; Турки замѣтили, что дотолѣ у осажденныхъ не было бомбъ; а передъ тѣмъ въ Турецкомъ ста-

нѣ распространился слухъ, что Радзивилъ приближается къ Королю съ Литовцами. Полагая, что эта помощь пришла, Сераскиръ поспѣшилъ примириться.

Въ этомъ походѣ участвовали козаки, хотя въ маломъ числѣ, подъ начальствомъ Гоголя, остальные оберегали Украинскія границы. Турки возвратили обывателямъ три тысячи возовъ награбленнаго добра, освободили пятнадцать тысячъ плѣнниковъ, и начали переправу черезъ Днѣстръ. Расположивъ войска на зимнія квартиры, Король приказалъ Яблоновскому наблюдать, чтобы, выходя изъ Государства, враги не грабили жителей, и поѣхалъ въ свои владѣнія Злочовскія, гдѣ засталъ Пословъ Англійскаго и Французскаго; оба предлагали посредничество свое между Польшею и Турціею, послѣдній привезъ Королю орденъ Святаго Духа.

Въ слѣдствіе трактара Журавинскаго отправленъ былъ въ Константинополь Великій Посолъ, Хелмскій Воевода Янъ Гнинскій, для разграниченія Подоля и Украйны. Онъ надѣялся что-нибудь выторговать и основалъ свою политику на игрѣ словъ: доказывая, что «слово Украйна значитъ край страны,» онъ требовалъ Бура и Нѣмирова, которые находятся на краю страны; также «и Подолія значитъ страна низменная.» И такъ Туркамъ принадлежитъ Каменецъ съ принизьемъ, а не то, чего они требуютъ. Но какъ Турки худо понимаютъ игру словъ, то Визирь Гнинскому на его каламбуры отвѣчалъ съ гордостію и съ презрѣніемъ: «ты пріѣхалъ сюда, чтобъ утвердить буквально трактатъ «Журавинскій. Бѣлой-Церкви и Паволочи я не хо«чу потому, что мы вамъ отдали ихъ подъ Жу-

« равною; а Баръ, Меджиборъ, Нѣмировъ, Кальникъ « и Запорожье принадлежатъ Портѣ. » Гнинскій принужденъ былъ утвердить эту статью, съ тѣмъ, чтобъ гарнизоны тѣхъ городовъ были съ своими пушками свободно пропущены; чтобъ Католикамъ въ Каменцѣ былъ предоставленъ одинъ костелъ; чтобъ плѣнники были освобождены и заложники выпущены. А Республика обѣщала не вмѣшиваться въ дѣла козаковъ, доставшихся Портѣ.

На-счетъ Турціи Польша успокоилась. Не-чѣмъ, кажется, было ей гордиться въ трактатѣ Журавинскомъ и въ Константинопольской ратификаціи; но она возгордилась, возобновила требованія и притязанія къ Царю, и вскорѣ въ Москву пріѣхалъ Резидентъ Свидерскій съ Королевскою грамотою.

1677. Января 22.

Въ ней Король хвалился подвигами, увѣнчанными миромъ безъ содѣйствія Христіанскихъ державъ; жаловался на Кіевскаго Воеводу Князя Голицына, который, пренебрегая завѣтную пяти-верстную черту отъ города, цѣлое лѣто не пропускалъ въ Бѣлую-Церковь провіанта, разными грабежами и раззореніями вытѣснялъ изъ Василькова жителей, и ссорился съ Польскими начальниками. А на Самуйловича была иная жалоба: она состояла въ томъ, что онъ именуетъ себя Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и присвояетъ себѣ города и полки Заднѣпровскіе. Прилагая Царю подлинныя письма Гетманскія, Король просилъ на этотъ счетъ скорѣйшаго удовлетворенія.

Ѳеодоръ не медлилъ; на третій день Свидерскій былъ отправленъ съ слѣдующимъ отвѣтомъ:

« Хотя, по договору Андрусовскому, положено
« Россіи владѣть землею на пять только верстъ отъ
« Кіева; но, по Бужановскому договору, Польша
« уступила Турціи западную Украйну: Россія от-
« няла эту Украйну отъ Турціи. Признанный Рос-
« сіею, Турціею и Польшею, западный Гетманъ
« Дорошенко объявилъ себя и всѣ свои города и
« земли Царскими вѣрноподданными, и такъ Поль-
« шѣ дѣла нѣтъ до Украйны. Что касается до ссо-
« ры Кіевскаго Воеводы съ Коммендантомъ Бѣлоцер-
« ковскимъ, Царь запретилъ Воеводѣ продолжать эту
« ссору; остается Королю запретить то-же Коммен-
« данту; а Самуйловичъ не виноватъ, именуя себя
« Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра: таковъ былъ
« его титулъ и при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ;
« нынѣ-же про-то знать скорѣе Туркамъ, а не По-
« лякамъ. »

Порта приготовлялась къ войнѣ съ Россіею и начала освобожденіемъ, по совѣту Константинопольскаго Патріарха, изъ Семибашенной Юрія Хмѣльницкаго. Въ Малороссіи не хотѣли вѣрить его универсаламъ: его считали давно покойникомъ; но эти универсалы были дѣйствительно имъ подписаны; онъ воскресъ; то была предсмертная судорога несчастливца. Султанъ, давъ ему титулъ *Князя Сарматскаго, Гетмана войска Запорожскаго,* приказалъ собирать войска въ восточной Украйнѣ, на пустыряхъ селить слободы на свое имя и потомъ, соединясь съ Ибрагимомъ и съ Татарами, идти къ Чигирину, а оттуда къ Кіеву. Князь Сарматскій вступилъ въ переписку съ Запорожцами, и уже успѣлъ-было преклонить Сирка на сторону Султа-

на, когда Самуйловичъ перехватилъ одно изъ писемъ его и сталъ прилежно надзирать за поступками Кошеваго; тогда-же, зная, что Дорошенко неминуемо воспользуется смутными обстоятельствами, онъ выпросилъ для бывшаго Гетмана Чигиринскаго у Государя близь МосквыЯрополческую Волость, изъ тысячи дворовъ состоящую, и нашелъ предлогъ самого его отправить въ Москву. Напрасно Дорошенко умолялъ послѣ Государя отпустить его на родину; постоянно получая отказъ, онъ рвался и не могъ броситься въ вихрь междоусобной войны, раздуваемой Юріемъ. Строжайшій надзоръ преслѣдовалъ каждый шагъ раззорителя Украйны.

Пока Юрій приближался къ Чигирину, въ восточной Украйнѣ составился заговоръ противъ Самуйловича. Полковники: Переяславскій Дмитрашко и Прилуцкій Лазарь Горленко, Петръ Рославецъ и Нѣжинскій протопопъ Адамовичъ были главами и зачинщиками. Рославецъ и Адамовичъ поѣхали въ Москву и начали доносить объ измѣнѣ Самуйловича. Потомъ просили, чтобъ Государь отдѣлилъ отъ Гетманщины Стародубскій полкъ и отдалъ-бы его въ управленіе Московскимъ Воеводамъ на правѣ Слободскихъ полковъ. Государь догадался, что Рославецъ злобится и клевещетъ; его взяли, вмѣстѣ съ его товарищемъ, и отдали въ пытку. Подъ кнутомъ назвали они заговорщиковъ, и были отправлены въ Батуринъ. Рославца и Адамовича присудили къ казни смертной, Дмитрашка и Горленка къ торговой; Гетманъ облегчилъ приговоръ: первыхъ сослали на Москву въ Сибирь, послѣднихъ посадили въ тюрьму на-время. Государь, чтобъ успокоить огорченнаго Гетмана, отпустилъ

къ нему меньшаго сына его Григорія, съ Стрѣлецкимъ Сотникомъ Васильемъ Сапоговымъ, а старшій, Семенъ, остался въ Москвѣ.

Тогда началась война съ Турками, подъ предводительствомъ Юрія Хмѣльницкаго и Сераскира Ибрагима. Ихъ шестидесяти-тысячная армія переправилася черезъ Днѣстръ Іюля тринадцатаго; Татары пришли къ нимъ въ числѣ сорока тысячь, и Августа третьяго стали у стѣнъ Чигирина; при Князѣ Сарматскомъ козаковъ было всего шестьдесятъ.

Враги подошли къ Чигирину въ Іюлѣ мѣсяцѣ, окружили городъ отовсюду и окопались, по выраженію лѣтописи, подъ самыя уши. Въ городѣ были, кромѣ всегдашняго гарнизона, одинъ козацкій полкъ и три городовыя сотни полковъ Лубенскаго и Гадячскаго, подъ начальствомъ Полковника Григорія Карповича Коровки. Этотъ гарнизонъ былъ извѣщенъ о скорой подсылкѣ помощи отъ Гетмана, и потому еще бодрѣе, упорнѣе держался въ стѣнахъ. Четыре недѣли «всѣми силами и воинскими штукачи, и приступами, и подкопами и гранатами «города доставали, но козаки крѣпко боронилися и «на выпоръ выходячи, много Турковъ побили.» Августа семнадцатаго Гетманъ и Ромодановскій прибыли къ стѣнамъ и отправили въ Чигиринъ свѣжій отрядъ: полторы тысячи козацкой пѣхоты и полкъ «Москвы», то есть тысячу драгуновъ. Этотъ немногочисленный отрядъ, не смотря на несоразмѣрное число осаждающихъ, подошелъ къ Чигирину со стороны, занимаемой Татарами, врѣзался въ ихъ толпы и пробился въ городъ. Сераскиръ, Ханъ и Юрій были поражены такою рѣшимостью. Ихъ глав-

нымъ занятіемъ было устройство шанцевъ и подкоповъ. Но когда дошло до нихъ, что козацко-Русскія войска приближаются, то рѣшились взять го-
1667. Августа 27. родъ приступомъ. Августа двадцать седьмаго подкопы были взорваны; въ то-же мгновеніе толпы Магометанъ всколебались и двинулись въ городъ: они ползли на стѣны, открывали себѣ путь новыми проломами; желая преклонить Чигиринцевъ, Юрій выставилъ знамя съ изображеніемъ Креста; — все тщетно. Козаки вступили въ рукопашный бой, битва длилась и ночью.

Въ то время, когда въ Чигиринѣ происходила кровопролитная борьба вѣрности съ предательствомъ, у Бужинской пристани было другое кровопролитіе: отдѣльный Татарскій отрядъ занялъ переправу, чтобъ не перепустить черезъ Днѣпръ Самуйловича и Ромодановскаго. Ночной порой козаки переплыли на правый берегъ, сдѣлали укрѣпленія и подъ ихъ защитою Гетманъ и Бояринъ, съ войскомъ и съ пушками, на разсвѣтѣ, явились на томъ берегу. Началась битва; Османъ-Гирей, сынъ Ханскій, восемь мурзъ и десять тысячъ Крымцевъ легли на мѣстѣ.

Еще у стѣнъ Чигирина битва продолжалась, когда пришло извѣстіе о пораженіи Татаръ. Оно всколебало Орду, подъ городомъ стоявшую. Новое извѣстіе и того болѣе озадачило Хана и Сераскира. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, который находился у Днѣпра въ мѣстечкѣ Пивахъ, двинулся къ Чигирину. Шестидесяти-тысячное войско приближалось на помощь осажденнымъ; оставя лагерь,
Августа 29. обозъ, пушки, Августа двадцать девятаго Турки

обратились въ бѣгство; при переправѣ черезъ Днѣстръ, Татары, мстя за свою потерю, начали рѣзаться съ Турками. Полковникъ Переяславскій Лисенко и Стольникъ Косаговъ гнались до Ингула за бѣгущими, но не могли догнать. Походъ Юрія подъ Чигиринъ кончился; началась за этотъ походъ расплата Султанская: Сераскиръ Ибрагимъ и всѣ начальники Турецкіе были казнены; Селимъ-Гирей, Ханъ Крымскій, скрылся на Кавказъ отъ той-же участи; нѣсколько десятковъ плѣнниковъ, взятыхъ Турками подъ стѣнами Чигирина, были торжественно казнены передъ Сералемъ. Юрій счастливо отдѣлался: ему велѣно готовиться на будущее лѣто въ новый походъ подъ Чигиринъ и подъ Кіевъ.

Первый былъ почти разрушенъ; близъ-лежащія поля и выгоны были изрыты шанцами, рвами. Гетманъ, исправя въ городѣ что было повреждено, изгладилъ укрѣпленія; въ на-ново-отстроенныя стѣны ввелъ пятнадцать тысячь козаковъ, поручилъ ихъ Полковнику Григорію Коровкѣ и Воеводѣ Ивану Ивановичу Ржевскому; прежнихъ Старшинъ тамошнихъ, къ которымъ не имѣлъ довѣрія, отправилъ въ восточную Украйну и отступилъ съ своими полками къ Кіеву. Черкасы, Жаботинъ, Мошны, Медвѣдовка, Драбовка были укрѣплены и снабжены войскомъ; Стародубскій полкъ отданъ сыну Гетманскому Семену, отпущенному изъ Москвы Государемъ; а на мѣсто Семена Гетманъ отправилъ въ Москву другаго сына своего, Якова, съ наставникомъ Іеромонахомъ Герасимомъ.

Старикъ Сирко не былъ участникомъ славы Чигиринцевъ, Онъ былъ тогда въ согласіи съ Ханомъ,

не шелъ противъ отчизны; но за-то и не преслѣдовалъ враговъ ея. Гетманъ писалъ къ нему: «Богъ «не потерпитъ тебѣ; Онъ будетъ судить тебя за то, «что, въ безславіе себѣ и на пагубу Украйнѣ, ты «бусурманскій единомышленникъ».

Но въ это время случилось въ Украйнѣ дѣло новое, обратившее негодованіе многихъ Малороссіянъ на Самуйловича: въ скарбу не было денегъ, чтобъ заплатить жалованье козакамъ Дорошенка и Гоголя, передавшимся Гетману; онъ учредилъ аренду на горѣлку. Это нововведеніе помогло удовлетворить войско; но народъ понялъ, что Гетманъ могъ-бы найти другіе пути къ обогащенію общественнаго скарба; стѣсняя промышленность, онъ не только стѣснялъ многія лица въ частности, но вообще весь край, весь народъ, отъ котораго зависитъ благосостояніе народнаго скарба. Бѣденъ-ли народъ? Бѣденъ и скарбъ народный. Самуйловичъ обогатилъ казначейство единовременно; но за-то проложилъ путь къ обѣдненію частныхъ капиталовъ, отнялъ средства къ своевременному удовлетворенію ежегодныхъ обязанностей; а многіе на-всегда лишились возможности удовлетворять ихъ.

Мурадъ-Гирей, новый Ханъ Крымскій, по повелѣнію Султана, началъ переговоры о мирѣ. Его Посолъ въ Москвѣ употребилъ всѣ усилія, чтобъ склонить Царя къ отдачѣ Чигирина Туркамъ и къ переселенію Заднѣпрскихъ жителей. Этимъ ничтожнымъ дѣломъ можно отвратить многія опасности, говорилъ онъ Боярамъ; но переговоры съ Россіею не то, что переговоры съ Варшавскою Рѣчью Посполитою.

Русскій Посолъ въ Константинополѣ объявилъ, что Царь будетъ вести войну, пока Султанъ не отречется отъ правъ на всю Украйну до Днѣстра, и пока не уступитъ Азова. Можно судить о гнѣвѣ гордаго Султана. Отпуская въ Москву Царскаго Посла, Верховный Визирь Кара-Мустафа сказалъ: « объяви Царю, что вскорѣ я выступлю противъ Него съ безчисленнымъ войскомъ, и совѣтую Ему, для владычествованія въ Украйнѣ, Чигиринѣ и Азовѣ, вывести такую армію, которая могла-бъ покрыть всю землю. »

Вотъ былъ Собѣскому часъ возвратить отчизнѣ все, ею потерянное; союзъ съ Турками, и Россія — младенецъ, можетъ быть, не устояла-бы противу двухъ взрослыхъ народовъ. Она-бъ ослабѣла на столѣтіе, на два, — явилась-бы Унія, опять толки о мѣстѣ Малороссійскаго Митрополита въ Польскомъ Сенатѣ. Жиды чертили-бы святыя хлѣбы мѣломъ и углемъ; магнаты называли-бъ Гетмановъ псами; шляхтичи Варшавскіе честили-бы шляхетство наше и козаковъ хлопствомъ, нашу вѣру—вѣрою хлопскою. Скороли-бы родился новый Богданъ Хмѣльницкій? Неизвѣстно: такіе люди не каждый вѣкъ родятся. Москва много-бы потеряла, Украйна—еще болѣе. Выиграть могла одна Польша. Недоставало Полякамъ войны за-одно съ Турками противъ Россіи. Но что могъ сдѣлать какой-бы то ни-было Король съ бурными головами тогдашнихъ магнатовъ, и съ Сеймами Варшавскими; — эти Сеймы и эти головы были вмѣстилища вихря. Я переведу слова Польскихъ Историковъ:

«Козни богатыхъ домовъ, вмѣшательства Коро-«левы въ дѣла Государственныя, слабость Собѣскаго «къ женѣ, не позволяли прекратить злоупотребле-«ній, вкравшихся въ правленіе. Сеймы начинались и «оканчивались спорами богатыхъ фамилій. По недос-«таткамъ казны войско должно было, немедленно по-«слѣ мира Журавинскаго, быть распущено. Лео-«польдъ, угрожаемый Турками, старался вовлечь «Республику въ союзъ противъ нихъ. Янъ долго «не соглашался, зная недоброжелательство Австрій-«цевъ къ Полякамъ; но Нунцій Папы Иннокентія «уговорилъ его.»

Москвѣ не-чего было бояться Варшавы; тамъ Сеймъ велъ дѣла, принявъ постоянное направленіе къ гибели Польши. Въ Москвѣ было принято другое направленіе, столь-же постоянное: триста шестдесятъ тысячь квадратныхъ миль и милліонъ войска. Россія ждала Петра, Польша Екатерины.

Начался новый годъ. Надлежало удержать Сирка и Запорожцевъ въ повиновеніи. Это дѣло возложено было на Стольника Василія Перхурова. Посмотримъ на различіе мѣръ Алексія и Өеодора съ мѣрами Сигизмунда III-го и его преемниковъ. Какъ удерживали Короли Украйну въ повиновеніи, то мы видѣли отъ 1592 года по 1646. Нынѣ въ Батуринъ прибыли Государевы: Генералъ-Маіоръ Григорій Косаговъ и Подъячій Иванъ Богдановъ; они привезли Гетману ферезь бархатную на соболяхъ, съ каменьями, въ пять сотъ рублей, и Старшинамъ, въ награду за Чигиринскій походъ, деньги и соболи. По просьбѣ Сирка, Запорожцамъ было прислано годовое жалованье, пушки, свинецъ, Царское зна-

См. этой Исторіи Т. I-й, стран. 75—145.

мя; и ничто не могло преклонить Кошеваго и Гетмана на возстаніе. Напрасно Юрій изъ Молдавіи хлопоталъ о томъ; Сирко переслалъ къ Царю переписку съ Юріемъ и присягнулъ ему въ вѣрномъ подданствѣ. Государь приказалъ отправить Полтавскій полкъ на Запорожье, по-видимому—для соединенія съ Запорожцами, по-истинѣ—для надзора надъ ними.

Съ первымъ появленіемъ весны, въ Мартѣ мѣсяцѣ, Юрій, предводительствуя Татарами, пришелъ уже въ полкъ Переяславскій и началъ раззорять берега Росавы. Мурадъ-Гирей, преемникъ Селима, желалъ показать этимъ усердіе Султану. Въ Малороссіи мѣщане, посполитство, мастеровые, ремесленники брали оружіе и становились въ ряды. Духовенство провозглашало войну съ ненавистниками вѣры Христіанской. Черниговскій Архіепископъ Лазарь Барановичъ пѣлъ молебствія о счастливомъ окончаніи войны. Касимовскій Царевичъ Василій Араслановичъ, Окольничій Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, Стольникъ Семенъ Өедоровичъ Толочановъ привели войска изъ Москвы; надъ ними приняль начальство Ромодановскій; къ нимъ присоединился Самуйловичъ и соединенныя силы наши составили сто-тысячную армію. Поджидая прибытія Донцовъ и Князя Булата съ Черкесами и Калмыками, въ первыхъ числахъ Іюля, войска наши переправились черезъ Днѣпръ ниже Бужина и заняли поле на правомъ берегу Тясьминя.

Верховный Визирь Кара-Мустафа, Крымскій Ханъ и Господари обоихъ Княжествъ расположились съ такимъ-же страшнымъ войскомъ подъ стѣ-

нами Чигирина, Іюля восьмаго. Оно состояло изъ осьмидесяти тысячь Турковъ, Молдаванъ и Волоховъ, тридцати тысячь Татаръ, и четырехъ тысячь козаковъ Юрія Хмѣльницкаго. Коровка и Ржевскій трудились надъ наружными укрѣпленіями. Турки напали нечаянно на работавшихъ, часть гарнизона вышла на подкрѣпленіе; и послѣ четырехъ часовой битвы, потерявъ до двухъ тысячь человѣкъ, Турки были отражены. Тогда Визирь отправилъ Алепскаго Пашу къ Бужину для наблюденія за Самуйловичемъ и Ромодановскимъ, а Каплану Пашѣ приказалъ занять возвышенія между городомъ и нашимъ лагеремъ. Алепскій Паша вступалъ въ отдѣльныя стычки съ козацкими и Московскими отрядами; Визирь и Ханъ кидали гранаты и бомбы въ Чигиринъ, подводили подкопы, приступали съ разныхъ сторонъ. Осажденные, не довольствуясь отраженіемъ непріятеля, дѣлали частыя, смѣлыя вылазки, врывались въ шанцы къ Янычарамъ, кололи ихъ, брали въ плѣнъ, и удивляли самихъ враговъ непреодолимымъ мужествомъ. Давно ожиданные Донцы, Черкесы и Калмыки пришли наконецъ въ Русскій станъ, въ послѣднихъ числахъ Іюля; не медля ни дня, Гетманъ, тридцать перваго, началъ битву кровопролитную съ Алепскимъ Пашею; она продолжалась цѣлый день. Отчаянно защищали Турки занятое ими мѣсто; но, уступивъ превосходнымъ силамъ Христіанъ, тронулись оттуда и присоединились къ Каплану Пашѣ на-разсвѣтѣ.

Тогда войска наши придвинулись къ городу, « подобно облаку, извергающему изъ нѣдръ своихъ « дождь и громы. Турецкая армія, расположенная

«на горѣ висѣла надъ ними.» Такъ выражается одинъ изъ Историковъ нашихъ. Въ этомъ убійственномъ огнѣ много погибло въ рядахъ Гетманскихъ и у Боярина. Ночью Черниговскій Полковникъ Василій Бурковскій началъ пробираться въ Чигиринъ. Этотъ отрядъ не успѣлъ еще подойти къ горѣ, какъ испуганный собственною рѣшимостью, не ожидая команды, далъ залпъ по спящимъ Туркамъ и разбудилъ ихъ. Битва началась съ новымъ ожесточеніемъ и продолжалась цѣлый день; наши принуждены были заночевать на мѣстѣ. Это было въ пятницу. Въ субботу рано весь строй Самуйловича и Ромодановскаго всколебался и пошелъ на гору. Козаки сбили главную Турецкую баттарею, отняли двадцать семь пушекъ съ лафетами и погнали Турковъ внизъ; они бѣжали, оглядываясь; наши гнались за ними запальчиво, съ самонадѣянностью людей, одержавшихъ начало побѣды; вдругъ Турки оборотились лицомъ къ горѣ и погнали нашихъ назадъ: они рубили козаковъ до самой подошвы горы, гдѣ одинъ изъ Полковниковъ обкидалъ свой отрядъ рогатками и остановилъ стремленіе нападавшихъ. Бѣгущіе козаки вскочили въ рогатки; остальныя силы Гетмана и Московскія присоединились къ нимъ. Турки, видя невозможность долѣе бороться, бросились къ Тясьминю; Визирь приказалъ сжечь за собою мостъ; толпа сбилась на узкомъ пространствѣ перекладинъ: приказаніе Визирское было исполнено преждевременно. Пока тѣснились Турки, скидывая другъ друга въ воду, мостъ запылалъ, обрушился, остальные бѣгущіе съ его обломками повалились въ воду. И донынѣ осталось преданіе объ этой гибели Музуль-

манъ; отъ отца къ сыну переходилю оно, и Чигиринскіе жители указываютъ то мѣсто, гдѣ паромъ соединяетъ низменную часть города съ верхнею.

Гетманъ и Князь придвинулись къ городу и стали лагеремъ подъ лѣсомъ и надъ озеромъ, въ-виду бывшаго дворца стараго Хмѣльницкаго и кладбища. Семь сутокъ они стояли, не трогаясь съ мѣста, не начиная битвы, отдыхая послѣ кровопролитій прошлой недѣли. Они довольствовались тѣмъ, что могли имѣть сношенія съ гарнизономъ, и потеряли всю выгоду побѣды. Ихъ бездѣйствіемъ успокоенный Визирь приготовился къ приступу упорнѣйшему. Гетманъ, на смѣну въ Чигиринъ, послалъ свѣжее войско и вызвалъ оттуда полкъ Гадячскій и другіе бывшіе въ гарнизонѣ. Новая ошибка. Привыкшее удерживаться въ городѣ, обстрѣлянное въ продолженіи долговременной осады, войско было замѣнено такимъ, которому показалось ново видѣть гранаты, бомбы, осколки стѣнъ. Въ пятницу взорвало часть стѣны, граната влетѣла въ проломъ; Ржевскій встрѣтилъ ее грудью: съ его смертію въ городѣ водворился величайшій безпорядокъ. Въ субботу Турки начали засыпать землею рвы. Августа десятаго, въ воскресеніе, весь гарнизонъ вышелъ въ таборъ честить день праздничный, отобѣдалъ, перепился, возвратился въ городъ и уснулъ. Пользуясь этимъ случаемъ, враги бросились сквозь проломъ и черезъ засыпанные рвы. Гарнизонъ проснулся, и вмѣсто того, чтобъ бѣжать къ пролому, какъ бывало дѣлали привычные къ приступамъ его предшественники, онъ пустился изъ города бѣгомъ, столпился на плотинѣ: люди начали падать въ воду и нѣсколько тысячь

козаковъ смѣшались на днѣ Тясьмина съ врагами, имъ поглощенными на прошлой недѣлѣ. Только пѣхота козацкая, подъ горою за церковью, и Московской отрядъ, на горѣ въ за̀мкѣ, оборонялись до ночи. Турки оставались въ городѣ и за городомъ, у Тясьминя и за Тясьминемъ, до вечера; рубили козаковъ, женщинъ, дѣтей. Визирь хотѣлъ пощадить двухъ молодыхъ козаковъ. Переводчикъ, Христіанинъ, сказалъ имъ, что если они отрекутся отъ вѣры, то Визирь имъ подаритъ жизнь. Это были два родные брата. Старшій началъ упрекать переводчика за то, что, будучи Христіаниномъ, онъ уговариваетъ единовѣрцевъ на богоотступничество; ему сняли голову. Визирь уговаривалъ младшаго, совѣтовалъ, грозилъ; козакъ сталъ на колѣни, обнялъ тѣло брата, протянулъ шею и сказалъ палачу: «отруби голову и мнѣ.»

Наступила ночь, Сердюки заняли плотину; Туркамъ былъ прегражденъ обратный путь. Остававшіяся въ за̀мкѣ войска набили пушки порохомъ, и зажгли за̀мокъ. Потомъ построились въ колонну и, сдѣлавъ по Туркамъ ружейный залпъ, уперлись въ нихъ копьями; ряды Турецкіе раздвоились; стройно и мѣрнымъ шагомъ козаки вошли въ Гетманскій станъ. Въ это время начался уже взрывъ за̀мка, двадцати набитыхъ порохомъ пушекъ, запасовъ, магазиновъ. «Арматы, въ за̀мкѣ запаленные, порохъ силою своего «духа порвавши, съ великимъ трескомъ, ввесь воз«духъ тѣмъ освѣтивши, вгору далеко подноситы, «а съ горы на обозы пущаты начали.» Уже казалось взрывъ кончился. Турки успокоились; вдругъ остальная пушка лопнула, за нею взлетѣла стѣна; груды

камней, осколки мѣди упали на Турковъ, истребили множество и стихло все.

Въ понедѣльникъ, передъ восхожденіемъ солнца, поднялся весь станъ Самуйловича и Ромодановскаго
Августа 11. и рушился на Днѣпръ къ окопамъ Бужинскимъ. Ихъ переходъ былъ медленъ. На каждомъ шагу обезпокоенные Турками, во вторникъ они остановились на старомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде станъ, и подновили укрѣпленія.

Кара-Мустафа раззорилъ Чигиринъ до основанія, и пошелъ по пятамъ Гетмана. Турки, Волохи, Татары, Молдаване и Юрій Хмѣльницкій все двинулось къ Бужину. Начался семидневный бой. День и ночь Визирь возобновлялъ нападенія на Гетманскій станъ; день и ночь былъ отражаемъ съ гибелью многихъ воиновъ своихъ и Гетманскихъ. Наконецъ Самуйловичъ рѣшился на битву кровопролитную,— на бой, «яковый *нынѣшняго вѣка въ краяхъ здѣш*-«*нихъ* не былъ видѣнный.» Гетманъ уговорилъ Ромодановскаго дѣйствовать рѣшительно. Августа девятнадцатаго противники столкнулись. «Затмилось «солнце отъ густаго дыма, изъ огнестрѣльныхъ ору-«дій тогда исходившаго; изнемогала земля подъ «тяжестью великихъ силъ воинскихъ; пускаемыя изъ «многочисленныхъ луковъ стрѣлы падали на оную, «какъ частыя капли дождевыя; повсюду сыпались «пули, въ-видѣ огненнаго града; пушечная пальба, «подобно страшнымъ громовымъ ударамъ, неумолкно «раздавалась.» Козаки, лишась одной руки, рубились другою. Послѣ огня начался бой рукопашный; подъ Визиремъ было убито два коня; лѣтописи сохранили имя Прилуцкаго Полковника Ѳедора Молчана,

какъ достойнаго сподвижника Гетманскаго; онъ былъ примѣтенъ въ многочисленныхъ рядахъ безбоязненныхъ товарищей. Наконецъ, потерявъ двѣ трети войска, Визирь бѣжалъ съ остальнымъ. Самуйловичъ и Ромодановскій не погнались за нимъ, но бросились въ покинутый лагерь, гдѣ нашли пустые шатры и однихъ верблюдовъ съ чучелами. Такъ были наказаны они за жадность и необдуманность. Одно это спасло Визиря и остатокъ его арміи отъ совершеннаго истребленія.

Повѣствуютъ, будто-бы Ханъ и Визирь грозили Ромодановскому казнію сына, бывшаго тогда въ Крыму, если онъ или Гетманъ станутъ ихъ преслѣдовать.

Визирь, возвращаясь въ Турцію, приказалъ Мимаръ-Агѣ заложить двѣ новыя крѣпости близь Очакова, чтобъ удержать козаковъ отъ появленія на Черномъ морѣ. Эту работу прикрывали шесть полковъ Янычарскихъ подъ предводительствомъ Капланъ-Паша. Но едва началась постройка, явился Сирко съ пятнадцатью тысячами Запорожцевъ и съ отрядомъ Перхурова, разогналъ Янычаръ и изрубилъ работниковъ.

Молчанъ получилъ отъ Государя похвальную грамоту. Самуйловичъ другую бархатную ферезь въ пять сотъ рублей. Сыну его, Якову, было позволено пріѣхать въ Батуринъ для свиданія съ нимъ. На мѣсто его въ Москву потребовали Григорія. Они получили по три пары соболей и по объяри. Старшины и Полковники были также награждены атласомъ и соболями; но Ромодановскимъ Государь

былъ недоволенъ за то, что онъ Визирю позволилъ спастись; и его отозвали въ Москву изъ Малороссіи.

Желая наградить войска, защищавшія Чигиринскій замокъ, Гетманъ составилъ изъ нихъ шесть полковъ полевыхъ Сердюцкихъ, то есть непремѣнныхъ пѣхотныхъ, какъ они были за Короля Баторія. Жалованья имъ было положено въ годъ по три рубля на человѣка; Старшинамъ по чинамъ и по мундиру на два года. Этотъ мундиръ состоялъ изъ куртки, съ красными рукавами, набитой шерстью и полосами выстеганою; изъ шароваръ суконныхъ голубыхъ и изъ доломана бѣлаго сукна, которое тогда называлось Габою, съ воротникомъ по-поясъ. Чтобы прикрыть эту новую издержку, наложенъ былъ новый налогъ на посполитство: по алтыну съ дыму. Такъ Самуйловичъ приготовлялъ свое собственное несчастіе, навлекая на себя народную ненависть откупами и поборами.

Выходя изъ Малороссіи, Турки не покинули надежды на овладѣніе западною Украйной. Усиливъ Черкасы, Юрій отправилъ своего Наказнаго Яненка, съ небольшимъ отрядомъ, для завоеванія городовъ. Это походило болѣе на набѣгъ шайки разбойнической, нежели на борьбу сына Гетманскаго съ согражданами, его ненавидящими. Первый, Каневъ—палъ подъ ударами отверженца; преданный огню и мечу онъ примѣромъ устрашилъ другіе города. Мошны, Корсунь, Жаботинъ, испуганные лютостію Яненка, сдались; только малое число жителей перебѣжало на лѣвый берегъ Днѣпра. Самуйловичъ выслалъ къ Каневу нѣсколько сотъ козаковъ: они пали подъ

превозмогающею силою грабителей. Пользуясь успѣхами Юрія, Поляки выступили изъ Кальника, Немирова, Линецъ и Жорнища. Юрій основалъ столицу свою въ Немировѣ, Яненко поселился въ Корсунѣ; весь Западъ былъ занятъ Татарами и сообщниками Князя Малороссійской Украйны.

Съ новымъ годомъ начались новыя кровопролитія: 1679.
Яненко возсталъ на Хмѣльницкаго; провозгласилъ себя Гетманомъ; ворвался въ Украйну восточную; соединясь съ Бѣлгородскими Татарами, раззорилъ селенія въ окрестностяхъ Козельца, Носовки, Ирклѣева, Яблонева и захватилъ въ плѣнъ жителей. Юрій съ четырьмя Крымскими Султанами выступилъ противъ него, и предпринялъ опустошеніе полка Лубенскаго. Семенъ Самуйловичъ пошелъ на Хмѣльницкаго и на Яненка. Къ-веснѣ выпали глубокіе снѣга, потомъ настала необыкновенная въ нашихъ краяхъ стужа; большая часть людей и лошадей Юріевыхъ погибла. Онъ возвратился отъ Яблонева; Яненко бѣжалъ въ Черкасы. Молодой Самуйловичъ овладѣлъ Корсунемъ, Мошнами, Драбовкой, Жаботинымъ, а наконецъ и Черкасами, откуда Яненко заблаговременно скрылся. Булатное зерцало, гладкая золоченая пищаль, десять аршинъ бархата и сорокъ соболей были Царской наградой побѣдителю.

Тогда начались переговоры съ Вѣнскимъ Кабинетомъ; Царь склонялъ Цесаря къ союзу наступательному и оборонительному, просилъ посредничества между нимъ и Польскимъ Королемъ. Съ этими предложеніями явились, Іюня двѣнадцатаго, въ Вѣнѣ Іюня 12. 1679.
великіе и полномочные Московскіе Послы: Ближній

Бояринъ, Намѣстникъ Суздальскій Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ; Окольничій, Намѣстникъ Каргопольскій Иванъ Ивановичъ Чадаевъ, и Думный Дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Цесарь обѣщалъ стараться о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею; но на-счетъ союза сказалъ, что онъ можетъ вооружить Францію противъ Римской Имперіи, ибо могъ-бы стать опаснымъ для Польши, съ которою Франція въ тѣсныхъ связяхъ.

Пока переговоры продолжались, многочисленное Царское войско придвинулось къ границамъ Турціи. Казанскій Намѣстникъ, Бояринъ, Воевода Князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій былъ главнокомандующимъ. Подъ его начальствомъ находились Воеводы: Петръ Васильевичъ Шереметевъ; Князь Өедоръ Юрьевичъ Борятинскій; Намѣстникъ Тверскій, Князь Михайла Юрьевичъ Долгорукій; Князь Григорій Аөанасьевичъ Козловскій; Иванъ Богдановичъ Милославскій и Венедиктъ Андреевичъ Змѣевъ. Кромѣ того, сильные отряды размѣстились вокругъ Кіева: одинъ Псковскій и Новгородскій подъ начальствомъ Князя Ивана Андреевича Хованскаго; другой отдѣльный, подъ начальствомъ Князей Никиты Семеновича Урусова, и Данилы Аөанасьевича Борятинскаго, да Ивана Петровича Лихарева. Полковникъ, Голова Московскихъ Стрѣльцовъ, Стольникъ Василій Перхуровъ сталъ на Запорожьѣ; а на Бѣлгородской дорогѣ Князь Яковъ Семеновичъ Борятинскій. Такъ ополчился Царь не для притязанія къ Туркамъ, но для охраненія границъ своихъ; онъ предвидѣлъ новое нападеніе Султана на Украйну, послѣ неудачной двухлѣтней войны.

Генералъ Гордонъ укрѣплялъ Кіевъ. Полковникъ Степанъ Ивановичъ Яновъ наводилъ черезъ Днѣпръ мосты на якоряхъ, дотолѣ невиданные. Гетманъ Самуйловичъ поднималъ высокій валъ вокругъ Печерской обители. Войско Гетманское соединилось съ войсками Царскими и составило громадный оплотъ противъ Магометанъ; боясь объ него разбиться, они остались въ совершенномъ бездѣйствіи.

Все-же Крымцы тревожили насъ опустошительными набѣгами; то быстро исчезали въ степяхъ Украйны, то нежданно появлялись въ селахъ ея и даже подъ Кіевомъ; одни Запорожцы могли противустать налетамъ Орды полукочевой. Мурадъ-Гирей обратилъ противъ нихъ оружіе; онъ съ Янычарами ворвался ночью въ Сѣчь. Сирко разбилъ и разсѣялъ хищниковъ; они бѣжали; Кошевой погнался съ пятнадцатью тысячами товарищей, разорилъ Татарскія селенія, взялъ въ плѣнъ четыре тысячи Крымцевъ, ограбилъ грабителей и, возвратясь съ добычею домой, написалъ къ Хану слѣдующее письмо примѣчательное, важное для потомства. Оно лучше всѣхъ характеристическихъ описаній изображаетъ нравъ отважнаго и, можно сказать, послѣдняго Кошеваго. Его преемники были призраки прежнихъ Кошевыхъ:

«Ясне Вельможный Мосце Хане Крымскій и со «многими Ордами близкій нашъ сосѣдъ!

«Не полагали мы ввесть въ непріязнь и въ войну «съ вами наше войско Низовое Запорожское; но «увидѣли въ прошлую зиму, что вы сами стали «зачинщикомъ, послушавъ шальнаго и безумнаго

«Визиря Цареградскаго. Вы приходили съ Янычарами и со многими Ордами Крымскими и, ночной «порою, вырѣзавъ нашу стражу, стоявшую за Сѣчью, «подослали къ намъ пятнадцать тысячь Янычаровъ, «съ приказомъ (это стыдно и не по-рыцарски) «всѣхъ насъ молодцовъ, сонныхъ и бѣды неждавшихъ, «перерѣзать, передушить, нашу кучку Сѣчовую «опрокинуть съ основанія и разорить; а сами съ «Ордою возлѣ Сѣчи Вы стояли, чтобъ молодцовъ, «бѣгущихъ отъ нежданной смерти, ни одного не «выпустить.»

«Но Христосъ Богъ и Спаситель нашъ премило«сerднѣйшій перемѣнилъ вашъ замыслъ намъ на «добро. Нашу гибель обратилъ на главы Янычаровъ. «О чемъ самъ Ваша Ханская милость вѣдаешь. Люди, «забавляющіеся промысломъ рыцарскимъ, люди пра«воту любящіе, мы никакъ не ожидали этого замыс«ла, этой *недышкреціи*. Мы не остерегались, не «изготовились къ отпору. Единъ Богъ былъ защит«никъ нашъ. По примѣру древнихъ предковъ и «братій нашихъ, мы рѣшились не тайно, а явно отом«стить Вашей Ханской *мосцѣ*. И Богъ сердцевѣдецъ «помогъ намъ, справедливымъ, погостить въ панствѣ «Крымскомъ, получше нежели Вамъ близь кучки «Сѣчевой.»

«Если Вамъ не понравилось наше посѣщеніе, тому «причина таковая: козаки не одной матери и нрава «не одного; одинъ изъ нихъ стрѣляетъ вправо, «другой влѣво, третій прямо; только и хорошо, что «промаху не даютъ; впрочемъ и эту нескромность «они у васъ заняли, не сами выдумали. Вы насъ «не приняли за гостей и за добрыхъ рыцарей, вы

«захватили переправу, черезъ которую должны были «мы возвращаться, и надѣялись насъ цѣликомъ про-«глотить; но и здѣсь Господь Богъ, за нашу правду, «допустилъ насъ восторжествовать надъ Вами. Если «мы обезпокоили Вашу Ханскую милость, если мы «въ чемъ нибудь были не скромны; то ты долженъ «намъ, Ваша Ханская милость, простить, (*выбачи-«ты*), во уваженіе того, что мы привыкли за *не-«дышкрецію* недышкреціею платить. Тебѣ странно, «что эта крохотная горсточка Запорожцевъ осмѣли-«лась воевать твое многолюдное и знаменитое цан-«ство? Этого и небыло-бъ, когда-бъ ты самъ не по-«далъ оказіи.

«Нейди вторично на насъ войной; не то опять «и мы къ тебѣ пойдемъ; не черезъ Сивашъ, а на «Перекопъ, прямо; и не выйдемъ изъ Крыму, пока, «съ Божіею помощію, всего неразоримъ. Самусь и «Кушка, Атаманы Кошевые, воевали по Черному «морю; по нихъ въ 1575 году Богданко вѣсь Крымъ «разорилъ; 1609-го Конашевичъ Сагайдачный взялъ «Кафу; потомъ, въ *1621-мъ, передъ Гетманствомъ*, «Богданъ Хмѣльницкій овладѣлъ вашими кораблями «и катòргами, и счастливо въ Сѣчь возвратился (*). «Въ 1629 году наша братья Запорожцы коснулись «и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, довольно «ихъ ружейнымъ дымомъ окурили, и Султану «страху задали. Въ 1633 году Сулима, въ своихъ «*моноксиллахъ*, (лодки Запорожцевъ), внизъ по

(*) Это было въ Мартѣ 1620; въ томъ-же году, Октября 7-го, онъ, на сраженіи Цецорскомъ, былъ взятъ въ плѣнъ и два года провелъ въ неволѣ.

«Днѣпру, мимо Киммерійскаго острова, Чернымъ «моремъ, въ Меотійское озеро заплылъ и чуть-было «не взялъ Азовъ. Мы брали Синопъ и Трапезонтъ; «мы разоряли берега Азіятскіе; мы Бѣлграду крылья «прижигали; Варну, Измаилъ и многія крѣпости «Дунайскія мы обращали въ ничто. Если Ваша «Ханская милость не повѣришь, такъ прикажи пи-«сарямъ твоимъ поискать въ Крымскихъ и Кон-«стантинопольскихъ лѣтописцахъ: тамъ увидишь «немерцающую славу козацкую. Наслѣдники давнихъ «Запорожцевъ, мы идемъ по ихъ слѣдамъ; не хотимъ «съ Вами ссориться; но ежели увидимъ опять Васъ «зачинщиками, то не побоимся опять къ Вамъ «придти.»

Вскорѣ Молдавскій Господарь Дука заступилъ мѣсто Юрія; Султанъ далъ ему Гетманство, и назвалъ Княземъ Малороссійской Украйны. Что-же сталось съ измѣникомъ, съ опустошителемъ родины — сыномъ великаго Хмѣльницкаго? Надъ нимъ гремѣло отцовское проклятіе, пророчески произнесенное Богданомъ въ предсмертный часъ: «Анаѳемѣ предаю «того, кто его совратитъ съ пути истины и сотво-«ритъ притчею во языцѣхъ, въ людѣхъ посмѣяніемъ. «Предаю анаѳемѣ и самого его, если онъ пойдетъ «путемъ строптивымъ и удалится отъ правоты, «чести и христіанскихъ добродѣтелей.»

Томъ I. стр. 386 моей Исторіи.

Совратителемъ съ пути истины былъ Полякъ Виговскій. Проклятіе освободителя, благодѣтеля, отца родины было не соразмѣрно съ силами низкихъ людей. Оно раздавило и искусителя и искусившагося. Ихъ палачами были Поляки: перваго разстрѣляли, втораго...

Иные, ослабляя истину или не зная о ней, говорятъ, будто-бы Запорожцы убили Юрія близъ Очакова; но въ Польскихъ дѣлахъ, хранящихся въ Коллежскомъ Архивѣ, сохранилось описаніе кончины его:

Поляки *выкололи ему глаза, повѣсили за ребро, мучили разными муками и налили олова въ ротъ.*

ГЛАВА XXXVIII.

Польское Посольство въ Россію. Засуха. Черви. Предзнаменованія. Посольство въ Крымъ. Смерть Сирка. Стягайло. Характеръ Дорошенка, Юрія и Сирка.

Царскій: **САМУЙЛОВИЧЪ.** *Королевскій:* **ГОГОЛЬ.**

Султанскій: **ДУКА.**

1679. Авгус. Въ Августѣ пріѣхали въ Москву Польскіе полномочные: Литовскій Референдарій Кипріянъ Бростовскій и Воевода Хелмскій Янъ Гнинскій. Монахъ Антоній, то есть прежній Думный Бояринъ, Оберегатель Посольскихъ дѣлъ, Нащокинъ, вступилъ съ ними въ переговоры. Послы требовали половины завоеванныхъ городовъ, сорокъ тысячь войска противъ Турковъ, и шести-сотъ тысячь рублей ежегодно на Польскую армію. Государь черезъ Украинцева потребовалъ отъ Самуйловича мнѣніе: приступить-ли къ предложеніямъ Короля, заключить-ли союзъ съ Польшею или миръ съ Турціею? Гетманъ отвѣчалъ, что гораздо выгоднѣе для Россіи миръ

съ Турками и Крымцами, нежели союзъ съ Польшею, купленный пожертвованіями, недѣлающими славы; что война съ Магометанами наскучила Малороссіянамъ; что союзъ съ Поляками не бываетъ проченъ; что въ счастьи они припишутъ всю честь себѣ, въ не счастьи выдадутъ союзника. Въ доказательство истины этихъ словъ увѣдомлялъ, что и нынѣ, во время переговоровъ съ Москвою, Король подсылаетъ Бѣлоцерковскаго Священника возмущать Запорожье. Ѳеодоръ внялъ совѣтамъ опытнаго Гетмана; Бростовскій и Гнинскій долго толковали съ Боярами и, неполучивъ ни городовъ, ни войска, ни денегъ, — уѣхали.

Тысяча семь сотъ осьмидесятый годъ наступилъ съ дурными для Украйны предзнаменованіями; начался для нее несчастіями; весною не было дождей, травы посохли; червями были съѣдены хлѣба яровые; на огородахъ была голая земля; народъ съ ужасомъ глядѣлъ на столбъ огненный, который, простираясь до-полу-неба, три ночи пылалъ.

Гетманъ, въ началѣ года, выбралъ Черниговскаго Писаря, Ивана Ильича Скоропадскаго, Посломъ въ Крымъ для мирныхъ условій съ Ханомъ. Выборъ былъ ошибоченъ, неудача была послѣдствіемъ. Въ скоромъ времени Ханъ вступилъ въ нынѣшнюю Слободско-Украинскую губернію. Война вспыхнула надъ Мерлою и въ Русскихъ слободахъ; на полтораста верстъ города были опустошены, жители захвачены въ плѣнъ. Голицынъ и Ромодановскій привели войско въ Путивль; туда на совѣтъ прибылъ и Самуйловичъ; ожидали помощи отъ Сирка, когда

къ Царю явился гонецъ Стягайлы, съ донесеніемъ
Августа 1-го 1680. о смерти Кошеваго. Скончался онъ въ Сѣчѣ Августа перваго, погребенъ втораго. Подозрѣваютъ, что ему подослалъ отраву Ханъ, который и въ прошломъ году уговорилъ какого-то мурзу зарѣзать его, когда онъ уснетъ, подгулявъ съ товарищами; Запорожецъ, ему преданный, тогда предостерегъ его. Мурзу Сирко убилъ; но не избѣгнулъ Ханской мести за свою ненависть къ Музульманамъ. Стягайло сталъ Кошевымъ.

Такъ погибъ послѣдній изъ трехъ знаменитыхъ дѣятелей тогдашняго времени. Дорошенко жилъ въ Ярополчѣ подъ Москвой; Юрій Хмѣльницкій и Сирко сошли въ могилу. Ихъ смерть ослабила междоусобія; Малороссія была приготовлена къ совершенному сліянію съ братьями своими, Великороссіянами, и къ жизни спокойной подъ Державою Царей.

Дорошенко прежде всѣхъ сошелъ съ политическаго поприща.

Мы видѣли его дѣла, — по нимъ можемъ о немъ судить. Хитрый, умный, буйный, властолюбивый, онъ не щадилъ ни родины, ни вѣры Христіанской, для корысти и власти надъ Украйной. Она его любила, какъ Полководца храбраго и дальновиднаго, и возненавидѣла, когда на знаменахъ его явилась луна. Гордость его была невѣроятна. Не льзя не вспомнить, какъ онъ Посла Музульманина трепалъ по губамъ, приговаривая, что то-же будетъ и съ *Шайтаномъ* его.

Онъ много сдѣлалъ зла Малороссіи; кромѣ кровопролитій, междоусобій, которыхъ онъ былъ началомъ,—онъ былъ опытнымъ путеводителемъ Султана Турецкаго въ землѣ родной и единовѣрной.

Въ Полтавскомъ полку двадцать городовъ и мѣстечекъ (*) извѣдали его кровожадность и мстительность. Миргородскій и Лубенскій полки не были счастливѣе. Въ первомъ тринадцать городовъ и мѣстечекъ (**), во второмъ пятнадцать (***), пало подъ его ударами. Онъ захватилъ всѣхъ Воеводъ, которые были въ Стародубѣ, Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, Лубнахъ, Миргородѣ, Сосницѣ, Батуринѣ, Глуховѣ, Прилукахъ и Гадячѣ; перебилъ и перехваталъ всѣхъ ратныхъ людей и часть изъ нихъ продалъ Татарамъ въ плѣнъ. Денегъ казенныхъ сто сорокъ тысячь рублей, сто сорокъ одна тысяча четвертей хлѣба, четыреста восемдесять три пушки, двѣсти пятдесятъ четыре пищали, двадцать восемь тысячь пудовъ пороху, тридцать двѣ тысячи ядеръ—отъ Царскихъ Воеводъ; да отъ Гетмана: сто десять

(*) Полтава, Грунь, Опошня, Зеньковъ, Кобыляки, Котельва, Куземинъ, Кишенька, Велики, Старые Сенжары, Новые Сенжары, Голтва, Омельникъ, Потокъ, Переволочна, Кропивна, Вороньки, Кременчугъ, Орель и Мужалѣевка.

(**) Миргородъ, Сорочинцы, Ковалевка, Барановка, Рашевка, Лютенка, Яресни, Шишакъ, Остапьевъ, Хоролъ, Бѣлоцерковка, Хомутецъ и Комышня.

(***) Лубны, Лохвица, Снятинъ, Сенча, Яблоновъ, Пирятинъ, Смѣлое, Глинскъ, Чернуха, Корыбутовъ, Красное, Колядино, Константиновъ, Недрыгайловъ и Гадячь.

мѣдныхъ пушекъ, пятнадцать пищалей, девять тысячь пудовъ пороха, двадцать тысячь пуль и сорокъ тысячь пудовъ свинца увезъ онъ въ свой притонъ на Заднѣпріе. Сто тысячь рублей Гетманскихъ и семдесять четыре тысячи Воеводскихъ стали его добычею; да, умилосердясь надъ двумя Воеводами, взялъ онъ съ нихъ четыре тысячи пять сотъ ефимковъ окупу. Однихъ Московскихъ воиновъ погибло съ нимъ въ бояхъ сто три тысячи, не считая мирныхъ жителей и козаковъ. Въ довершеніе всего, онъ видѣлъ своими глазами поруганіе надъ вѣрою Христовою, надъ образами, храмами, духовенствомъ и гробами усопшихъ Христіанъ; поруганіе отъ Музульманъ, которыхъ самъ привелъ на свою родину.

Съ ужасомъ и недовѣрчивостью къ такимъ злодѣяніямъ, проходятъ читатели древнихъ хартій мимо заброшенной, поросшей могилы, въ ничтожномъ селѣ; на старомъ кладбищѣ далеко отъ родины, « на Московщинѣ », которую ненавидѣлъ, онъ погребенъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ярополчѣ. По-крайней мѣрѣ этотъ злодѣй дѣйствовалъ открыто, былъ страшенъ врагамъ и друзьямъ.

Юрій Хмѣльницкій не могъ и тѣмъ похвалиться. Сынъ Великаго человѣка, измѣнившаго судьбу трехъ народовъ Славянскаго поколѣнія, — онъ еще ниже казался, по сравненію съ отцомъ.

Выпишемъ слова краснорѣчиваго Архіепископа Кониսскаго:

« Судьба Юрія Хмѣльницкаго есть странная, уди-
« вительная и превосходящая многія случайности.

« Два раза избираемъ онъ былъ Гетманомъ цѣлою
« націею и признанъ ею того достойнымъ; но два
« раза лишался сего достоинства, по интригамъ той-
« же націи. Наконецъ еще два раза возведенъ былъ
« въ то достоинство двумя Монархами; но ника-
« кимъ ихъ могуществомъ утвержденъ и удержанъ
« въ немъ не былъ. И такъ жизнь его была ничто
« иное, какъ только игралище фортуны самой коло-
« вратной. Послѣ вторичнаго лишенія его Гетман-
« ства, онъ не только презрѣлъ всѣ величія и поче-
« сти мірскія, но отрекся и отъ самаго міра и, въ
« Октябрѣ мѣсяцѣ тысяча шестьдесятъ третьяго года,
« посвятился въ монахи, въ томъ Лубенскомъ мона-
« стырѣ, который былъ послѣднимъ для него спо-
« койнымъ убѣжищемъ. Для удаленія себя отъ всего
« могущаго возмутить его въ такомъ знатномъ мо-
« настырѣ, каковъ былъ Лубенскій, сокрылся онъ
« весьма тайно въ Мошнинскую пустыню, что пони-
« же Каневскаго монастыря, въ лѣсахъ и буерагахъ;
« но и тутъ злой рокъ не переставалъ гнать его.
« Во время страшныхъ послѣ его Гетманства въ
« Малороссіи возмущеній и притязаній, взятъ онъ
« былъ силою Польскихъ Королей, и по уговору и
« разрѣшенію отъ монашества, Митрополитомъ Кіев-
« скимъ Іосифомъ Тукальскимъ провозглашенъ Гет-
« маномъ, для утишенія волнующагося народа. Но
« народъ сей, принявшій его въ то достоинство,
« требовалъ соединенія съ партіею, держащеюся сто-
« роны Россійской. Когда онъ на то присталъ и
« отзывался Министерству Россійскому; то, по до-
« носу Наказнаго Гетмана Заднѣпровскаго Тетери,
« подхваченъ опять въ Польшу и вмѣстѣ съ Митро-

«политомъ Тукальскимъ сосланъ въ ссылку въ «Остроги и лѣса Жмудскіе. Наконецъ, когда продолжающіяся въ Малороссіи несогласія и возмущенія были поджигаемы чрезъ присылку изъ «Москвы Воеводъ, и противныя тому партіи искали «протекціи у Порты Оттоманской; то Султанъ «Турецкій вытребовалъ отъ Польши Хмѣльницкаго «и, на основаніи статей Гадячскихъ, Заславскихъ, «Портою и другими Дворами гарантированныхъ, «провозгласилъ его Княземъ Сарматскимъ, Гетманомъ козацкимъ и, съ помощію Паши Силистрійскаго и Крымскаго Хана, ввелъ его въ Малороссію. Народъ и войско здѣшніе, принявъ съ охотою Хмѣльницкаго своимъ Гетманомъ, соглашали «его возстановить съ Царемъ Московскимъ договоры отца своего. Посулено ему, съ уничтоженіемъ «Воеводъ, пребыть за тѣмъ по прежнему въ соединеніи съ Россіею; Хмѣльницкій, угождая народу, «не щадя самого себя, склонился и на сіи его желанія; но Наказный Гетманъ Дорошенко, искавшій, какъ и многіе другіе, настоящаго себѣ Гетманства, схватя Хмѣльницкаго, отдалъ Хану Крымскому, который сослалъ его въ городъ Бѣлгородъ, «а оттуда въ Царьградъ, гдѣ посаженъ въ эдикуль «или Семибашенный замокъ, и содержался четырнадцать лѣтъ въ заключеніи; наконецъ сосланъ на «одинъ Греческій островъ и тамо скончался пономаремъ при Греческомъ монастырѣ. И такъ, если «признавать владычествующими счастье и несчастье «въ человѣчествѣ, то онѣ обои-же, въ высочайшей «степени, терзали бѣднаго Хмѣльницкаго чрезъ весь «горестный его вѣкъ; и, сдѣлавъ бѣднѣйшимъ отъ

« всѣхъ Ироевъ на свѣтѣ, повергли съ тѣмъ въ « бездну золъ невозвратно. »

Ошибочно объявленная здѣсь ссылка въ Архипелагъ и кончина въ пономарствѣ была, вѣроятно, взята Лѣтописцемъ правдивымъ и краснорѣчивымъ изъ народныхъ преданій, въ то время, когда не были доступны Архивы Государственные, и еще менѣе семейственные—гордыхъ магнатовъ и пановъ. Нынѣ, когда мы стряхнули съ нихъ вѣковую пыль, мы увидѣли Хмѣльницкаго и Архимандритомъ, молебствующимъ въ Чигиринѣ, и раззорителемъ Чигирина, и Княземъ Малороссійской Украйны, и опустошителемъ родины, и наконецъ мученикомъ, лишеннымъ зрѣнія, висящимъ на ребрѣ, глотающимъ расплавленное олово изъ Польскихъ рукъ.

Но Сирко былъ остатокъ прежнихъ героевъ Украйны. То былъ слѣпокъ съ колоссальныхъ образовъ Ѳедора Богдана, Подковы, Шаха, Сагайдачнаго, Трясила, Полтора-Кожуха.

Ненавистникъ враговъ Христіанства, страстно любящій родину, ужасъ невѣрныхъ, бурно врываясь въ границы хищниковъ, раззоряя ихъ притоны, освобождая изъ плѣна Христіанъ, казалось, онъ родился на Украйнѣ еще въ годахъ пятисотыхъ.

Всегда справедливый и храбрый, всегда хитрый и предпріимчивый, онъ дѣлилъ жизнь свою межъ виномъ и саблею. Увлекалъ рѣчью восторженною сердца соотечественниковъ, пугалъ умнымъ отзывомъ противниковъ, звукомъ Запорожскаго оружія приводилъ въ трепетъ Турковъ, Поляковъ и Татаръ; и вольный въ замыслахъ, быстрый въ ихъ исполне-

нія, носилъ не даромъ названіе «батька» отъ своихъ неодолимыхъ Запорожцевъ.

Вотъ слова Лѣтописцевъ объ этомъ героѣ лучшихъ временъ:

«Сирко былъ человѣкъ необыкновенный и единственный. Съ войскомъ малочисленнымъ весьма удачно воевалъ и былъ всегда побѣдителемъ. Ни съ кѣмъ не заводилъ войны несправедливой. Битву почиталъ игрушкою. Татары Крымскіе, Бѣлогородскіе, Бессарабскіе, страшилища и бичи всѣхъ сосѣдей своихъ, были у Сирка оленями, зайцами пужливыми. Онъ нѣсколько разъ проходилъ на-сквозь ихъ жилища и укрѣпленія; нѣсколько разъ загонялъ ихъ въ Каѳскія ущелья, и самые Ханы не разъ крылись въ пропастяхъ и кустарникахъ своихъ горъ. Они почитали его величайшимъ волшебникомъ; не называли иначе, какъ Русскимъ Шайтаномъ. Но въ спорныхъ дѣлахъ межъ собою, нерѣдко тѣ-же Татары прибѣгали къ его суду, и говаривали: «какъ Сирко скажетъ, такъ тому и быть.» Онъ много привозилъ добычи на Запорожье, но она не ему доставалась. Сирко не былъ корыстолюбивъ и стяжателенъ. Все, что ни грабитъ бывало у враговъ, отдаетъ своимъ сподвижникамъ, а иногда и врагамъ своимъ.

Однажды онъ угналъ весь скотъ изъ какого-то аула Татарскаго. Къ нему прибѣжала Татарка со слезами; она жаловалась, что у ней отняли корову, трудами и долговременною выслугою добытую, что эта корова была у ней одна, что ей не-чѣмъ теперь прокормить бѣдныхъ дѣтей. Пришли и малыя дѣти

несчастной Татарки; Сирко призвалъ всѣхъ жителей аула, возвратилъ имъ весь скотъ и приказалъ, чтобъ, когда не станетъ коровы у Татарки, они дѣтей ея кормили обществомъ, а съ матери взялъ клятву, что эти дѣти, когда выростутъ, не станутъ воевать съ Руснаками.

«Словомъ сказать, онъ былъ человѣкъ удивительный: при многочисленномъ войскѣ могъ-бы сдѣлаться новымъ Чингисомъ или Тамерланомъ; но въ тоже время былъ въ шуткахъ своихъ чистый Запорожецъ.» — Такъ заключаютъ наши лѣтописи.

Однажды Гетманъ Самуйловичъ написалъ къ нему выговоръ за то, что Татары кочуютъ на Запорожскихъ степяхъ. Онъ отвѣчалъ, что нынѣ у Татаръ на сѣно недородъ; что и Запорожцы, когда у нихъ не-чѣмъ бываетъ кормить табуновъ и стадъ, — кочуютъ на степяхъ Крымскихъ; что это дѣло, издавна въ обычай принятое, дѣло сосѣдское; что долгъ платежемъ красенъ; наконецъ заключилъ отвѣтъ слѣдующею, вполнѣ Запорожскою, выходкою:

«Колы-бъ и чортъ, Пане Гетмане, помогавъ лю-
«дямъ въ крайней ихъ нужди, то брезговаты тымъ
«не годыться; бо кажутъ люде: нужда и законъ
«зминяе. А когда мы, живя съ Татарами по су-
«сидски, помогаемъ одынъ другому, то тое розум-
«ному нымало не дывно. А тое намъ тылько дывно,
«що ты, Пане Гетмане, багато коло насъ хирху-
«люешь, мовъ твій покійныкъ батько на хавтурахъ
«съ парафіянамы, — *чого мы и вамъ упріймне*
«*желаемъ.*»

Но ихъ не стало, этихъ трехъ знаменитыхъ Украинцевъ. Остался одинъ Самуйловичъ, онъ гибнулъ уже; Украйна, повторяемъ, сливалась съ Москвою. Еще одной борьбы не доставало, но противной волѣ народа, тяжкой, предсмертной борьбы. На поприще славы и безславія готовы были выступить еще три Украинца: Самусь, Палій и Мазепа.

ГЛАВА XXXVIII.

Требованія Варшавскаго Кабинета. Бахчисарайскій миръ. Подсылки отъ Поляковъ. Инструкція Храпкевичу и Зарудному. Война Султана съ Цесаремъ. Собѣскій идетъ на помощь. Войска воюющихъ Державъ. Участіе козаковъ. Гоголь. Его бѣгство и смерть. Куница. Наши Полковники. Вѣна. Дальнѣйшіе подвиги козаковъ. Драгиничъ. Могила. Доброта Самуйловича. Его семейство. Начало его несчастій. Совѣты его Царю. Миръ Царя съ Королемъ. Статьи. Унія. Русскія Посольства ко Дворамъ Европейскимъ. Походъ Голицына въ Крымъ. Не-любовь народа къ Гетману. Доносъ на него. Двадцать три пункта обвинительныхъ. Гибель всего семейства. Богатство Гетманское. Невѣста Четвертинскаго. Мазепа.

Царскій:
САМУЙЛОВИЧЪ.

Королевскіе:
ГОГОЛЬ.
КУНИЦА.
ДРАГИНИЧЪ.
МОГИЛА.

Султанскій:
ДУКА.

Конецъ восьмидесятаго и восемдесятъ первый годъ проходили въ переговорахъ Царя съ Королемъ и Султаномъ. Гордыя требованія Варшавскаго Кабинета отнюдь не склоняли Русскихъ къ союзу

съ Поляками. Желанье возвратить свободу плѣнникамъ, въ томъ числѣ и Воеводѣ Василію Борисовичу Шереметеву, убѣдило Государя принять отъ Хана посредничество. Иванъ Сухотинъ былъ отправленъ въ Бахчисарай; несходство требованій Сухотина съ Ханскими желаніями его чуть не погубило; потомъ въ Бахчисарай пріѣхали Василій Михайловичъ Тяпкинъ и Никита Моисеевичъ Зотовъ. Долго они спорили о границахъ съ Турціею, наконецъ согласились. Миръ былъ заключенъ въ
1681. Бахчисараѣ на двадцать лѣтъ; постановили Днѣпру
Января 3. быть границею между Россіею и Турціею; Кіевъ, Васильковъ, Триполье и Стайки оставлены за Государемъ; отъ Кіева до Запорожья городовъ положено не строить; по Гетманскому представленію козаки получили право переходить за Днѣпръ на рыбную ловлю, за сѣномъ и за солью, съ платежемъ Портѣ пошлины; дозволено было свободное путешествіе Русскимъ въ Іерусалимъ и ко Святымъ Мѣстамъ; назначенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ; но Шереметевъ ждалъ еще свободы ровно десять мѣсяцевъ по заключеніи трактата. Томясь въ плѣну съ тысяча шесть-сотъ шестидесятаго года, онъ былъ освобожденъ въ тысяча шесть-сотъ восемдесять первомъ году, Ноября третьяго. Такова была месть Гетманская за насмѣшку Боярскую.

Бахчисарайскій миръ былъ утвержденъ въ Константинополѣ въ слѣдующемъ году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ; Государь не успѣлъ принять его: Онъ скончался, началось двоецарствіе, интриги сестры, властолюбивой противъ Великаго Брата своего, властвованіе минутное Стрѣльцовъ и Голицына.

Пользуясь Московскими смутами, Коронный Гетманъ Яблоновскій началъ преклонять Малороссіянъ къ Польскому подданству. Одинъ Путивльскій уроженецъ вооружилъ козаковъ въ пользу Стрѣльцовъ. Козаки его схватили, выдали Гетману и смертный приговоръ былъ, по ходатайству Гетманскому, замѣненъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ Августѣ Бѣлоцерковскій священникъ увѣдомилъ Гетмана о появленіи на Украйнѣ двухъ монаховъ: Ѳеодосія Храпкевича и Іоны Заруднаго. Ихъ поймали, отправили въ Москву, и по просьбѣ Самуйловича не сослали въ дальніе города, но заточили въ Троицко-Сергіевскую Лавру, съ запрещеніемъ выходить за ограду монастырскую. У нихъ нашли инструкцію въ тридцати двухъ статьяхъ отъ Польскаго правительства.

Имъ велѣно было вступить въ сношенія съ Полтавцами, какъ съ сосѣдями Запорожцевъ; внушить Малороссіянамъ, что Самуйловичъ хочетъ ихъ искоренить; что Стрѣлецкій бунтъ есть явная кара Божія на Россію; что Посполитая Рѣчь уступитъ Туркамъ Каменецъ-Подольскій, для удержанія Украйны за козаками; что Бояре и Царь не умѣли пользоваться Украйной и отдали ее бусурманамъ; что знаменитое въ Христіанствѣ Козацкое войско должно стыдиться имѣть Гетманомъ человѣка, ни къ чему негоднаго; что Король отъ младенчества любитъ, почитаетъ козаковъ и будетъ ихъ защищать; что Малороссійское духовенство сохранитъ права и обряды; что лучше Епархіямъ Украинскимъ состоять подъ вѣдомствомъ Митрополита Кіевскаго, нежели Московскаго, который, будучи моложе, безъ

всякихъ правъ именуется Патріархомъ; что Софійская церковь древнѣе Московской Успенской; что козаковъ и посполитство не будутъ обижать паны; что въ особѣ Королевской даруя козакамъ отца, просвѣщая фразумъ, отверзая очи, Самъ Богъ указуетъ имъ путь къ вольности.

Таково было оружіе Короля и Рѣчи Посполитой, которымъ хотѣли они снова поработить Малороссію, и которымъ, должно честь отдать, всегда гнушалось Русское правительство.

Подсылки, низкіе происки и фальшивыя обѣщанія продолжались; гоненія за вѣру тоже. Первоначальство Папы, толки о догматахъ религіи были все еще въ-ходу. Россія вступилась за единовѣрцевъ, страдавшихъ въ Польшѣ; магнаты требовали, чтобъ Государь «впредь за подданныхъ Королевскихъ «Грекороссійской вѣры вступаться не изволилъ.» И черезъ нѣсколько лѣтъ гоненія снова дошли-бы до варварства временъ Сигизмундовыхъ, если-бы Польша была тою, что тогда.

Султанъ поднялся на Цесаря; Ханъ требовалъ десять тысячь козаковъ на помощь противъ Австріи; Цесарь и Король заключили союзъ наступательный и оборонительный противъ Турокъ и Татаръ. Турки ставили мѣдные столпы на границахъ своей Украйны, которая простиралась по Стрый. Мурадъ прислалъ Пословъ въ Батуринъ; но они могли взволновать козаковъ, и такъ Гетманъ, изговариваясь неполученіемъ Царскаго указа, выпроводилъ ихъ; однако-жь далъ свободу одному Татарскому мурзѣ, о которомъ Ханъ ходатайствовалъ. Предводитель Венгріи — Текели, звалъ Турковъ

въ Бѣлградъ; наконецъ Верховный Визирь двинулся въ Австрію и путь направилъ къ Вѣнѣ. Собѣскій пошелъ на помощь къ Леопольду, а съ нимъ и Гетманъ Евстафій Гоголь, съ четырнадцатью тысячьми семью-стами козаками.

Магометъ собралъ къ Бѣлграду страшную армію: триста тысячь войска, пять удѣльныхъ Князей, тридцать Пашей, триста пушекъ явились на личный Султанскій смотръ. Римская Имперія могла вооружить только шестьдесятъ тысячь человѣкъ; Курфирсты: Саксонскій и Баварскій, Герцогъ Вальдекскій, и Главнокомандующій, Герцогъ Лотаринскій, не могли устрашить своими ѳеодальными именами Кара-Мустафы. Императоръ, взявъ жену и семейство, уѣхалъ въ Линцъ, а оттуда въ Пассау. Герцогъ оставилъ двѣнадцати-тысячный корпусъ подъ началвствомъ Графа Штиренберга въ Вѣнѣ, прикрылъ Императорскіе границы и сталъ наблюдать за движеніемъ Турецкихъ войскъ; пятнадцать тысячь Венгерскихъ мятежниковъ, подъ начальствомъ Текели, начали военныя дѣйствія въ Верхней Венгріи надъ Дунаемъ. Султанъ остался въ Бѣлградѣ. Ибрагимъ Паша, обезпечивая мосты на Дунаѣ, осадилъ крѣпость Раадъ; Ханъ пошелъ опустошать Силезію и Моравію; сто сорокъ тысячь Спаговъ и Янычаровъ, восьмнадцать тысячь Волоховъ, Семиградянъ и Молдаванъ пошли на Вѣну съ Визиремъ. Четырнадцатаго Іюля городъ былъ окруженъ съ 1683.
Юга и началась пальба изъ осадныхъ орудій. Долго Іюля 14.
медлилъ Собѣскій. Только Августа пятнадцатаго выѣхалъ онъ изъ Кракова, къ нему подоспѣли Любомирскій съ четырьмя тысячами человѣкъ, десять

тысячь Баварцевъ, одиннадцать Саксонцевъ, восемь Франконцевъ, десять Австрійцевъ, а всего вообще съ Королевскимъ семдесять тысячь строевыхъ. Подъ начальствомъ Гоголя были козацкіе Полковники: Ворона, Балыка, Миклашевскій и Менжанскій. Смерть Гоголя заставила козаковъ опоздать: они пришли къ Королю въ Стрыгонь; Гоголь хотѣлъ бѣжать оттуда, но былъ пойманъ подчиненными и убитъ тупыми концами пикъ; его мѣсто заступилъ Куница и заслужилъ Королевскую награду подъ Штетинымъ. Король подошелъ къ Вѣнѣ; Австрійцы, Саксонцы и Любомирскій стали на лѣвомъ боку, на правомъ былъ Герцогъ Лотарингскій, въ центрѣ Король. До двухъ часовъ по-полудни бой длился съ равнымъ счастіемъ. Тогда вѣсы его склонились на сторону Собѣскаго. Сподвижниками знаменитаго Полководца были Зержговскій, Тарло, Сѣмановскій, Андрей Потоцкій и Контскій; они дрались до поздней ночи; Турки были смяты, бросились въ станъ, защищали окопы,—на другой день Поляки ворвались туда; Великій Визирь и всѣ его Паши обратились въ бѣгство. Король вступилъ въ Вѣну Сентября тринадцатаго. Козакамъ далъ привилегію, и даже почтилъ ихъ похвалами въ семейной перепискѣ съ Королевою.

Окончa Вѣнскій походъ, Король послалъ Потоцкаго въ Валахію, и пригласилъ туда Запорожцевъ; козаки явились въ лагерь, взяли Язновецъ и Чертковъ; преслѣдовали Татаръ, раззоряли Молдавію, жгли деревни, монастыри. Солиманъ-Паша выслалъ отрядъ противъ Поляковъ; Кошевой прогналъ его за Днѣстръ; Молдаванскій Господарь, Князь Кон-

стантинъ Кантемиръ, иногда козаковъ удерживалъ и всегда поступалъ съ ними великодушно; онъ безвозмездно отправлялъ къ Королю плѣнныхъ Малороссіянъ. Султанъ вооружился, Великому Визирю Кара-Мустафѣ послалъ петлю за Вѣнскую битву; Солиманъ-Паша пошелъ на помощь къ Каменцу. Сорокъ тысячь Татаръ вступили въ Украйну. Куница и отрядъ присланный отъ Яблоновскаго сразились съ ними у Бѣлгорода, взяли городъ, полонили Али-Бея, разбили хищниковъ и пошли въ Валахію. Пока Яблоновскій строилъ крѣпость Св. Троицы при устьѣ Смотрича въ Днѣстръ, Куница сразился съ Турками надъ Прутомъ, близъ селенія Гояна; битва была неудачная, шесть тысячь козаковъ положили оружіе; Драгиничъ принялъ Гетманство.

Пользуясь раздоромъ Польши съ Портою, Самуйловичъ, съ Царскаго согласія, присоединилъ къ Стародубскому полку, отъ Гомля до Рославля, по рѣку Сожь, всѣ земли козацкія, которыя были въ Польскомъ владѣніи.

Драгиничъ умеръ отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ.

На Гетманствѣ сталъ Могила, прославившійся въ битвѣ съ Турками близъ Каменца-Подольскаго. 1685.

Самуйловичъ исходатайствовалъ у Государей прощеніе Григорію Дорошенку, содержащемуся въ Москвѣ подъ стражею за сдѣланныя ему неудовольствія. Поляки вооружали противъ него Малороссіянъ; Государи предостерегали его отъ угрожавшей ему опасности; Сеймъ Варшавскій подсылалъ къ нему убійцъ. Поддерживаемый Шереметевыми, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ на его дочери, Гет-

манъ женилъ сына своего, Якова, на дочери Русскаго Генерала Владислава Швыйковскаго, и настоялъ, съ помощію Голицына, чтобъ зятя его Шереметева сдѣлали Кіевскимъ Воеводою.

Но гроза собиралась надъ нимъ; она началась потерями невозвратными: въ Мартѣ лишился онъ дочери своей, Шереметевой; въ Іюнѣ сына, Стародубскаго Полковника, какъ подозрѣваютъ, отравленнаго. Похоронивъ обоихъ въ Кіевопечерской Лаврѣ, Гетманъ писалъ къ Петру: «Сынъ мой любимый, старшій, надежда моей старости, скончалъ « животъ свой, а съ нимъ погасъ свѣтильникъ утѣхи « моей.» Съ отвѣтомъ Государи прислали къ нему лекарствъ и доктора Фонъ-деръ Гульшта. А между тѣмъ онъ уже отогрѣвалъ змѣю за пазухою: Иванъ Мазепа былъ уже Генеральный Асаулъ.

Цесарь и Король увѣрясь, наконецъ, что, безъ пособія Царей, не могутъ ни въ чемъ успѣть противъ Турковъ, приступили къ вѣчному миру съ Россіею. Узнавъ о томъ, Гетманъ отправилъ сына своего Григорія съ Мазепою въ Москву; Цари спросили Гетманскаго мнѣнія. Онъ отвѣчалъ слѣдующее:

« Польша, при заключеніи вѣчнаго мира, на-вѣрно пожелаетъ обратить оружіе Россійское противъ Турковъ и Татаръ, для завоеванія Крыма. Тогда вся тяжесть войны обрушится на Россію, и войскà Царскія однѣ потерпятъ въ дикихъ и безводныхъ Крымскихъ степяхъ. Россія не можетъ истребить Татаръ; они найдутъ притонъ и внѣ полуострова; а во время Крымскаго похода, Турки, вѣроятно, вступятъ въ Польшу; Поляки, вѣроятно, заключатъ

съ ними миръ, и тогда война можетъ быть внесена въ Россію. Если Польша потребуетъ козаковъ для вспоможенія, то потомъ козаки западные станутъ ссориться съ восточными, а правительство Польское интригами, подговорами и подкупами, по обыкновенію своему, можетъ отдалить отъ Государя всю Малороссію; лучше, удовлетворивъ Короля деньгами, стараться объ удержаніи западной Украйны и Запорожья, защищать церковь отъ внесенія Уніи, возвратить монастырямъ и Митрополіи отторженныя Поляками маетности; въ-случаѣ потери Заднѣпрія, распространить, по-крайней мѣрѣ, область Кіевскую, снабдить Кіевъ сильнѣйшимъ гарнизономъ и, что еще лучше, *населить его военными людьми женатыми.* Наконецъ, имѣть всегда строгій надзоръ надъ Калмыками и Донцами, потому что Коронный Гетманъ хвалится ихъ пособіемъ.»

Совѣтъ былъ мудрый, дальновидный; мыслью о поселеніяхъ, онъ предупреждалъ вѣкъ свой цѣлымъ столѣтіемъ; но этимъ совѣтомъ Россія не воспользовалась. Еще Петръ не управлялъ ею самодержавно, еще онъ боролся съ Софіею, — съ ея любимцами, со Стрѣльцами, съ невѣжествомъ, и вѣчный миръ съ Поляками былъ заключенъ въ Москвѣ. Условія не совсѣмъ были сходны съ мнѣніемъ Самуйловича. 1686 Апрѣля 26.

1. Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлое, Красное, Рославль съ городами и уѣздами; Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, вся Малороссія по сю сторону Днѣпра, со всѣми городами, селами, деревнями, землями и мѣстами; за Днѣпромъ Кіевъ съ землями между Ирпенью и Стуг-

ною, Васильковъ, Триполье и Стайки, съ ихъ селеніями, остаются вѣчно за Россіею.

2. Козаки, живущіе по Заднѣпрію до устья Тясьминя, въ Сѣчи и въ Койдакѣ, остаются такъ-же вѣчно за Россіею.

3. Польшѣ возвращаются Полоцкъ, Витебскъ, Динабургъ, Невель, Себежъ, Велижъ, Люцинъ, Рѣжица и Марнаусъ, со всѣми ихъ уѣздами и съ придачею ста сорока шести тысячь рублей.

5. Монастыри и церкви Грекороссійскіе, находящіеся въ Литвѣ и Польшѣ, не будутъ измѣняемы въ Уніатскія, останутся при своихъ правахъ, и священниковъ будутъ имѣть поставленныхъ отъ Кіевскаго Митрополита.

6. *За неправды Турецкія Государи разрываютъ перемиріе съ Султаномъ и Ханомъ, и постановляютъ съ Королемъ и Республикою союзъ оборонительный и наступательный. Въ слѣдующемъ году Русскіе выступятъ противъ Крымцевъ, а Поляки противъ Турковъ и Бѣлогородцевъ; одна сторона безъ согласія другой не смирится. Король ручается, что и Цесарь, безъ согласія Царей, не помирится съ Турками.*

7. Россія обязывается стараться о склоненіи къ наступательному и оборонительному союзу Французовъ, Англичанъ, Датчанъ и Голландцевъ.

8. Торговля свободна въ Царствѣ и въ Королевствѣ. Русскіе купцы пріѣзжаютъ свободно въ Польшу; а Польскіе, кромѣ Жидовъ, въ Россію.

Этотъ союзъ былъ подписанъ съ Польской стороны: Сенаторомъ, Воеводою Познанскимъ Христофомъ Гржимультовскимъ; Канцлеромъ Литовскимъ

Марціаномъ Александромъ Княземъ Огинскимъ; Подстоліемъ Коронным Александромъ Пржзіемскимъ; Кастеляномъ Каменецкимъ Александромъ Яномъ Потоцкимъ, и Мечникомъ Литовскимъ Николаемъ Княземъ Огинскимъ. Съ Русской стороны: Княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ, Петромъ Дмитріевичемъ Скуратовымъ, Иваномъ Ивановичемъ Чаадаевымъ, Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцовымъ; Василіемъ Бобининымъ, Василіемъ Посниковымъ, Прокофіемъ Возницынымъ и Иваномъ Волковымъ.

Любопытны были пятая, шестая и седьмая статьи. Выполненіе пятой зависѣло отъ Поляковъ — она была не выполнена; выполненіе двухъ остальныхъ отъ Россіи - онѣ были выполнены. Правда, обѣ неудачно. Шестая была несвоевременна. Еще Петръ не переплавилъ Россіи въ волканѣ необъятной души своей; еще намъ рано было воевать съ Цареградомъ. Мы были уничтожены.—Седьмая статья походила болѣе на Крестовые походы, нежели на дѣло. Это хорошо было во времена Бодуина, но не въ концѣ семнадцатаго вѣка. Мы увидимъ, что отвѣчала старая Европа.

Начнемъ по порядку съ пятой статьи.

Едва успѣли обѣ стороны заключить миръ и союзъ, едва обѣщала Рѣчь Посполитая прекратить гоненія за вѣру, какъ начались слѣдующіе подвиги пановъ, магнатовъ, шляхты, ксендзовъ и Іезуитовъ: въ Могилевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Езерѣ, Виленскіе Коммиссары, подученные Іезуитами, раззорили церковь Петропавловскую, били прихожанъ мучитель-

ски, взлѣзли на куполъ, спихнули ногами крестъ, потомъ разметали весь храмъ по бревну. Главную въ Могилевѣ церковь Спаса отдали Іезуитамъ. Въ Бреславскомъ уѣздѣ Міорскій монастырь былъ обращенъ въ Унію. Бѣлорусскимъ мѣщанамъ Король объявилъ, что не будутъ они имѣть никогда Греческаго Епископа; а если хотятъ имѣть главу церкви, пусть примутъ Уніятскаго. Архимандритъ нашего монастыря Минскаго Петропавловскаго, Петръ Пашковичъ, трое сутокъ защищался оружіемъ и камнями въ оградѣ своей обители отъ Уніятскаго плебана Салгана Юревича. По просьбѣ Уніятскаго Митрополита Кипріяна Жоховскаго, Православнымъ, живущимъ въ Польшѣ и Литвѣ, объявлено недавать службы и чиновъ и не позволять строить церквей; вмѣстѣ-же съ тѣмъ Татарамъ разрѣшено строить мечети, а Жидамъ—кагалы. Въ Зиминскомъ и Нискиничскомъ монастыряхъ были обриты монахи насильно по-Римски, а монастыри обращены въ Уніатскіе. У Княжны Радзивиловой, у Княжны Збаражской, у Дульскаго въ имѣніяхъ, въ Стрыѣ, въ Могилевской Епархіи—было болѣе двухъ сотъ церквей отнято отъ Православныхъ. Прихожанъ, не принимавшихъ Уніи, тащили къ суду. Въ Луцкой Епархіи, изъ селъ: Бога, Черешинна, Жуличъ, Почапина, Бельзеца и Кварова выгнали священниковъ. Гнинскій прервалъ, въ день Благовѣщенія, литургію, начатую Греческимъ священникомъ и велѣлъ священнодѣйствовать Уніатскому; народъ разбѣжался. И когда Борисъ Петровичъ Шереметевъ началъ вступаться за православіе, пріѣхавъ съ подтвердительною грамотою на Московскій договоръ; то на

Сейму отвѣчали ему Сенаторы: «Не пристойно «никому въ дѣла чужаго Государства мѣшаться. «Довольно и того для старой Русской вѣры, ког-«да Король присягаетъ—никому никакой тяжести «для вѣры не чинить.»

Пока Русскіе могли собраться къ выполненію шестой статьи, должно было заняться седьмою.

Посланы были Послы: въ Испанію и во Францію— Князья Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій и Яковъ Еѳимовичъ Мышецкій; въ Бранденбургію, Флоренцію, Голландію и Англію — Василій Тимоѳеевичъ Посниковъ; въ Данію и Швецію—Любимъ Домникъ и Борисъ Протасьевъ. Они просили помощи и вооруженія противъ враговъ Святаго Креста и объявили о счастливомъ событіи Апрѣля двадцать шестаго—о союзѣ съ Польшею. Данія и Швеція обѣщали помощь, но были слишкомъ благоразумны, чтобы выполнить это обѣщаніе. Бранденбургія, Флоренція, Голландія, Испанія, Англія и Франція поздравили Пословъ съ счастливымъ событіемъ, и больше ничего.

Между тѣмъ было исполнено и шестое условіе.

Князь Голицынъ хотѣлъ заслужить славу побѣдителя невѣрныхъ. Любимцу Софіи этотъ походъ былъ полезенъ; а для Софіи пріятно было, чтобъ ее любимецъ прославился. И вотъ тайная причина этой раззорительной, неудачной, постыдной войны. Самолюбію и эгоизму Голицына посвящена была польза Государства и жизнь воиновъ. Завоеваніе Крыма казалось любимцу игрушкою. Напрасно Петръ, предвидя неудачу, противился,—Софія превозмогла, война была объявлена.

Самуйловичу, который не совѣтовалъ ее начинать, который вовсе непричастенъ былъ къ этому союзу съ Поляками, — прислали бархатъ, два золотыхъ изорбаѳа, шесть портищъ Китайской камки, иноходца съ Царской конюшни и двѣсти десять рублей соболями. Кромѣ того, позволено было ему выдать дочь за Князя Юрія Четвертинскаго, и только свадьба отложена была до окончанія Крымскаго похода.

Князю Голицыну пожаловано: золотая чаша въ два фунта съ половиною, атласный кафтанъ на соболяхъ въ четыреста рублей, придача къ прежнему окладу двѣсти пятдесятъ рублей и Бѣлогородская волость въ три тысячи дворовъ крестьянскихъ.

Скоро двинулось въ походъ двухъ-сотъ-тысячное войско.

Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, Агей Шепелевъ, Емельянъ Украинцовъ, и Венедиктъ Зміевъ были въ большомъ полку. Алексѣй Семеновичъ Шеинъ и Князь Данило Семеновичъ Борятинскій въ полкахъ Новгородскихъ. Князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій и Петръ Скуратовъ въ разрядѣ Рязанскомъ. Леонтій Неплюевъ въ Сѣвскихъ полкахъ. Иванъ Леонтьевъ и Василій Дмитріевъ-Мамоновъ въ полкахъ Низовыхъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ въ полкахъ Бѣлогородскихъ; и наконецъ съ своими козаками Гетманъ.

Надъ всѣми войсками главнокомандующимъ былъ, разумѣется, Князь Голицынъ.

Лѣтописи наши согласно говорятъ, что Малороссійскаго войска было шестьдесятъ тысячъ.

« Арміи сіи, двинулись одна за другою, однако « обѣ вмѣстѣ и по одной дорогѣ или степи. Удиви« тельный и невѣроятный страхъ Россіянъ отъ Та« таръ, видно вкоренившійся въ нихъ со временъ « Батыя, заставлялъ ихъ держаться вмѣстѣ, претер« пѣвая необъятные отъ того недостатки, стѣсненія « и крайныя нужды; такъ что и самая вода почи« талась иногда великою рѣдкостью и дорого поку« палась. Ею торговавшіе наживали великія суммы. « Въ таковомъ, однако, устройствѣ дошли спокойно « арміи до Конской рѣки, отдѣляющей земли Запо« рожскія отъ степей Крымскихъ; за сею рѣкою « увидѣли они степь вызженную на необозримое « пространство во всѣ стороны. Надежда пройти « сіи пожарища и найти далѣе для скота пастьбы, « а не менѣе и досада отъ неудачи похода, заста« вила Полководцевъ идти впередъ; но сколько они « ни силились преодолѣть крайность и достигнуть « цѣли, столько содѣлывали для скота и войска не« избѣжнѣе гибель. Наконецъ, дошедъ до того, что « лошади у конницы и скотъ въ обозахъ провіант« скихъ всѣ почти отъ голоду пали, и что запасы « харчевые и другіе принуждены были бросить и « жечь, убѣдились тѣмъ воротиться къ своимъ гра« ницамъ и доволоклись къ нимъ съ великою поте« рею людей и скота отъ голода и жажды. » 1687. Май.

Чтобъ утвердиться на Престолѣ братьевъ своихъ, Софія щедро наградила войско, военачальнику подарила тысячу крестьянскихъ дворовъ, и дала ему золотую медаль, осыпанную брилліантами; а за неудачи похода жертва была обречена. То былъ Гетманъ.

Вотъ слова того-же Конисскаго, у котораго заимствовали мы разсказъ о бѣдственномъ походѣ:

« Неудачу сего похода и претерпѣнное въ немъ « великое несчастіе сложили на одного Гетмана Са« муйловича. Вина его подходитъ близко къ той « баснѣ, въ которой волкъ винилъ овцу, для чего « она возмутила ему воду снизу той рѣки, изъ « которой вверху ея пилъ онъ воду. Обвиняли « Гетмана, что онъ въ пользу Татаръ велѣлъ выжечь « впередъ ту степь, по которой онъ самъ съ вой« скомъ своимъ шелъ и претерпѣлъ отъ того больше « другихъ убытки упадкомъ лошадей и потерею « запасовъ и экипажа. Въ другое время стали-бы « разсуждать, что такую обширную степь, по кото« рой проходятъ великія конныя арміи, надобно об« нять и зажигать цѣлыми сотнями людей, и надобно« бы ихъ, отыскавъ, уличить Гетмана. Стали-бы еще « судить, что ближе всѣхъ выжечь степь самимъ Та« тарамъ, чѣмъ ожидать того отъ постороннихъ; но « такихъ подробностей тогда не учинено, а доволь« но было однихъ догадокъ и голословныхъ доно« совъ, утвержденныхъ крестнымъ знаменіемъ. И зло « оное истреблено съ его корнемъ такъ, что и отго« лосковъ не осталось. Князь Голицынъ былъ тогда « въ самой силѣ при Дворѣ Царевны. Судъ и ми« лость, животъ и смерть были въ его рукахъ.»

Софіи тяжко было-бы не оправдать своего любимца. Петръ былъ еще отрокомъ; не въ силахъ будучи противустоять гибельной войнѣ, онъ тѣмъ менѣе могъ защитить невиннаго. Онъ самъ находился въ ежеминутной опасности потерять и престолъ и жизнь. Козни сестры, которая посягала на

Цареубійство и братоубійство, ежедневно возрастали; Петру нѣкогда было думать о Самуйловичѣ. Іоаннъ былъ добръ, но безвластенъ на спорномъ Престолѣ. Гетманъ погибъ.

Все на его главу разомъ обрушилось: и пользы Голицына, и не-любовь Старшинъ, и неблагодарность облагодѣтельствованнаго имъ коварнаго Мазепы.

Старшины его не любили. Духовенство ненавидѣло. Одинъ изъ лѣтописцевъ говоритъ, что Гетманъ былъ сначала ласковъ и привѣтливъ; но, разбогатѣвъ, возгордился не только противъ козаковъ, *даже и противъ духовнаго чина*. Старшины и *даже знатнѣйшее духовенство* принуждены были стоять въ его присутствіи. *Ни онъ, ни сыновья его неходили въ церкви по антидоръ, но священникъ подносилъ имъ оный. Встрѣчу съ духовными считалъ за несчастіе, не смотря на то, что самъ былъ поповичъ.* Не только за городъ, но и передъ войскомъ ѣздилъ въ каретѣ. Его сыновья приказывали называть себя не Полковниками, но господами. Сердюки, стоявшіе на-караулѣ, не пускали къ нимъ въ дворъ не только козаковъ, *но даже и священниковъ*.—Вѣроятно, лѣтописецъ былъ самъ чину духовнаго.

Какъ-бы то ни было, доносъ на Гетмана былъ написанъ и отправленъ; судъ и кара не замедлили. Все было воздвигнуто тайными козням Генеральнаго Асаула Ивана Степановича Мазепы. «Онъ, бывши съ младыхъ лѣтъ при домѣ Самуйловича учителемъ дѣтей, а потомъ фаворитомъ, посыланъ нѣсколько разъ отъ него въ Москву; и, бывъ притомъ ученый пришлецъ, или какъ-бы сказать: *между*

слѣпыми одноглазый—есть король, сыскалъ въ Москвѣ такое обширное знакомство съ придворными и вельможами, что и сами Царевичи довольно его знали и за ученость и бывалость довольно уважали. И такъ не трудно уже было ему пріобрѣсть довѣренность у министерства и особливо у верховнаго между ими Князя Голицына. Доносителей на Гетмана также подобрать было не трудно, ибо, отъ частыхъ перемѣнъ Гетмановъ и другихъ чиновниковъ, завелось въ Малороссіи столько ябедниковъ, сколько было охотниковъ подхватить что-либо въ перемѣнѣ, то есть *въ мутной водѣ рыбу ловить.* И сіи доносчики были тѣ самые Мазепины твари, коихъ послѣ онъ наградилъ отдачею имъ въ аренду разныхъ откупныхъ скарбовыхъ статей, и чинами съ прибыточными должностями. Осталось только подобрать и умножить голоса при выборахъ въ Гетманы, и сіе было такому искуснику, каковъ Мазепа, не затруднительно.»

Разсмотримъ вблизи это злодѣяніе.

«Все войско Запорожское скорбитъ отъ неудач-
«наго похода Крымскаго, на который весь свѣтъ
«Христіанскій очи обратилъ. Единственный-же тому
«виновникъ—Гетманъ.»

Такъ начинался доносъ. Потомъ слѣдуютъ его двадцать три статьи:

1. До постановленія вѣчнаго мира съ Польшею, всегда желалъ онъ, чтобъ Государи держали перемиріе съ Турками и Татарами, а съ Поляками не мирились.

Послѣдствія доказали, что Гетманъ былъ дальновиденъ, и желалъ пользы Государямъ.

2. Когда состоялся послѣдній договоръ, чрезвычайно огорчился и говорилъ Старшинамъ: *Москва за свои гроши купыла соби лыхо.*

Гетманъ былъ правъ.

3. Не велѣлъ молебствовать въ церквахъ по сему случаю.

Это дурно; но еще не большая въ то время вина; да и ничемъ не доказано.

4. Никогда не радовался побѣдамъ Христіанъ надъ невѣрными.

Что въ душѣ онъ таилъ, то людямъ не извѣстно. Но онъ билъ Турковъ и Татаръ въ западной Украйнѣ; а въ Крымскомъ походѣ не-чему было радоваться.

5. Семейство его говорило женамъ Генеральныхъ Старшинъ, что онъ *намѣревается идти по слѣдамъ Брюховецкаго.*

Это очевидная ложь. Въ тѣ времена судопроизводства, съ главою семейства гибли и члены его. Этотъ доносъ отъ кровныхъ велъ-бы ихъ самихъ къ гибели.

6. На пагубу Россійскихъ войскъ настоялъ, чтобъ ихъ вывели въ Крымъ весною, а не осенью.

Онъ былъ правъ. Осенью легче сухую траву сжечь, нежели весною когда она сочна; осенью травы были-бы скормлены. Потомъ застигла-бы войско зима, и оно погибло-бы въ степяхъ, гдѣ въ иную зиму и сами Крымцы погибали.

7. Во время похода отсовѣтовалъ Боярину посылать передовые полки для открытія непріятеля; не провѣдывалъ о мѣстномъ положеніи; и когда горѣли поля, не велѣлъ ихъ гасить.

Голицынъ виноватъ, за чемъ послушалъ совѣта, если дѣйствительно былъ такой совѣтъ. Гетману не для чего было провѣдывать о мѣстномъ положеніи,—оно каждому козаку извѣстно. А гасить огонь было не время: онъ погасъ до приходу войска.

8. Жаловался въ то время на глазную боль и говорилъ: *лучше-бы Москвѣ сидѣть въ покоѣ дома и беречь свои рубежи, нежели ненадобную войну заводить съ Крымомъ и лишать меня послѣдняго здоровья.*

Онъ былъ правъ; къ тому-же это повтореніе первыхъ двухъ пунктовъ доноса.

9. Присовѣтовалъ Боярамъ, для вѣчнаго безславія Россійскихъ и козацкихъ войскъ, возвратиться назадъ, вмѣсто того, чтобъ придумать, какимъ образомъ вредить непріятелю, хотя съ меньшими силами.

Благоразумно сдѣлалъ. До полуострова было еще далеко,—еще меньше осталось-бы войска; а потомъ, если-бъ Крымцы остальныхъ не вырѣзали, должно было-бъ всю степь обратно проходить, и, вѣроятно, ни кто-бъ невозвратился.

10. Самовольно владѣетъ Малороссіею, дѣлаетъ что хочетъ, и города Малороссійскіе не Государевыми, а своими именуетъ, приказывая козакамъ вѣрно служить ему, а не Монархамъ.

По-неволѣ, и какъ ни грустно осуждать предковъ своихъ, но потомки доносчиковъ должны признать ихъ доносъ омерзительнымъ.

11. Сынъ Гетманскій Григорій и другіе говорили многія дерзкія слова о Государяхъ при Гетманѣ, и онъ не только ихъ не удерживалъ, но и самъ то-же дѣлалъ.

Преданность Гетмана Царямъ была доказана многочисленными подвигами и совѣтами на пользу Москвы. Статья эта не была доказана.

12. Іюля четвертаго, перешедши съ своими полками черезъ мосты, построенные Россіянами на Самарѣ, Гетманъ велѣлъ ихъ сжечь, оставивши Боярину, бывшему на той сторонѣ со всѣмъ войскомъ, только два моста.

Это ни въ чемъ не повредило Московскимъ войскамъ: остатокъ ихъ перешелъ также по этимъ двумъ мостамъ, какъ и по всѣмъ-бы. Никто не остался въ Крымской степи, кромѣ перемершихъ отъ голода и жажды.

13. Когда объявили ему о множествѣ больныхъ въ Россійскомъ лагерѣ, онъ говорилъ: *хотя-бъ и всѣ пропали, то я-бы о томъ не печалился.*

Если это не клевета, —ибо клевета и доносъ, будучи дѣти злобы и подлости, идутъ всегда рядомъ,— то и тогда вина Гетмана не велика еще. Въ тотъ вѣкъ словъ не вѣсили. А Гетманъ, преданный Государямъ, боровшійся за пользы Россіи съ врагами ея до поздней старости и видя, что, не смотря на его совѣты и на волю Царя Петра, козни Софіи и ея любимца подвигнули войско на гибель неизбѣжную,— могъ быть раздосадованъ; въ гордости первѣйшаго сановника, онъ привыкъ не скрывать своихъ чувствъ, и нескромное выраженіе было оправдываемо совѣтами и подвигами для блага Россіи. Петръ Великій обнялъ того, кто разорвалъ его указъ, могущій повредитъ пользамъ Государства.

14. Одинъ Полковникъ Россійскій поссорился съ Полковникомъ Лубенскимъ Гамалѣею, который, *вѣр-*

но, надѣясь на Гетмана, сказалъ: *что ты меня укоряешь? Насъ не саблею взяли.*

Онъ былъ правъ: Хмѣльницкій безъ войны отдалъ Украйну Царю Алексію; къ тому-же, что за предположеніе на-счетъ Гетманскаго потворства?

Здѣсь начинаются пункты, относящіеся къ Управленію Малороссіею.

15. Продаетъ за дорогія деньги Полковничьи уряды.

16. Утѣсняетъ старинныхъ войсковыхъ людей, а съ мелкими обходится благосклонно.

17. Забираетъ все, что ему полюбится; чего-же не возьметъ, отбираютъ дѣти.

18. Генеральные Старшины отъ его гнѣва и похвальныхъ словъ *мертвы бываютъ* и не живутъ въ покоѣ.

19. Четыре года не опредѣляетъ никого на судейскій урядъ, требуя за оный большія деньги,—отъ чего погасло право; обидимымъ людямъ нѣтъ управы и плачутъ многіе.

20. Болѣе занимается домовыми дѣлами, нежели исправленіемъ Монаршескихъ.

21. Запретилъ, противъ указа Великихъ Государей, отпускать хлѣбные запасы въ Польшу, въ то время какъ повелѣвалъ ихъ возить въ Крымъ и Турецкіе города.

Послѣдняго не льзя было доказать, или должно было прежде жаловаться. Статьи 15, 16 и 17 не относились къ измѣнѣ Государямъ. А восьмнадцатая даже забавна признаніемъ доносщиковъ въ трусости и низости.

22. Будучи мелкаго рожденія, гнушается всѣми, и не только не почитаетъ никого себѣ равнымъ въ Малороссіи, но даже и за Великороссіянина не хотѣлъ выдавать своей дочери, для коей приманилъ изъ-за границы Князя Четвертинскаго; а все сіе дѣлаетъ, чтобъ учредить со-временемъ въ Украйнѣ Удѣльное Княжество.

Начало этой статьи противорѣчитъ шестнадцатой, гдѣ сказали донощики, что съ мелкими людьми Гетманъ обходится благосклонно. Малороссійскій Гетманъ не могъ почитать себя равнымъ никому въ Малороссіи, потому что ему равныхъ въ ней и не было. Что касается до не-желанія отдать дочь за Великороссіянина, это опровергается тѣмъ, что одна изъ его дочерей была за Шереметевымъ.

23. Что-же отъ его сыновей претерпѣваютъ Черниговскій и Стародубскій полки, того и описать не можно.

Доносъ заключается такимъ образомъ:

«По тѣмъ причинамъ и за его неспособностію, все войско Запорожское желаетъ и со слезами Господа Бога молитъ, чтобъ Великіе Государи, для лучшаго управленія Малороссіею и для утоленія многихъ слезъ, указали снять съ него Гетманскій урядъ и на оный повелѣли избрать, вольными голосами, другаго—бодрственнаго, вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго человѣка.

И о томъ проситъ все войско Запорожское, чтобъ, по снятіи съ Гетмана уряда его, не оставался онъ въ Украйнѣ, *а взятъ былъ со всѣмъ домомъ въ Москву и, какъ измѣнникъ, былъ казненъ*. Если-же на сіе прошеніе не послѣдуетъ Монаршаго соизволенія,

войско Запорожское, изъ меньшихъ чиновъ, соблюдая свою вѣрную службу, *принуждено будетъ поступить съ нимъ по своимъ правамъ и обычаямъ*, какъ съ явнымъ къ Великимъ Государямъ недоброхотомъ.»

Доносъ подписали Генеральные: Обозный Василій Борковскій, *Судья* Михайла Воехевичъ, Писарь Савва Прокоповичъ, Асаулъ Иванъ Мазепа, и Полковники: Константинъ Солонина, Яковъ Лизогубъ, *Григорій Гамалѣя*, Дмитрашко-Райче и Степанъ Забѣла.

Скрѣпилъ: Василій Кочубей.

Замѣчательно, что подписались: Генеральный Судья и Полковникъ Гамалѣя, тогда какъ въ девятнадцатой статьѣ доносщики пишутъ, что Гетманъ не ставитъ Судьи; а въ четырнадцатой, что Гамалѣя сказалъ: Насъ не саблею взяли. Коль скоро кто вникнулъ въ эти два подписа, то ему становятся очевидными злодѣйство, омерзительная подлость и всѣ не сообразности этого безчестнаго доноса; здѣсь становится ясно, что многіе изъ подписавшихся даже незнали, что подписываютъ. Гамалѣя утвердилъ самъ на себя доносъ. Но то была воля Голицына и Софіи. А Петръ былъ слабъ еще.

Конисскій говоритъ: «Доносъ на Самуйловича «есть отрыжка старыхъ враговъ его и доносителей, «кои появились еще съ первыхъ дней его Гетман-«ства. Они за ложь и фальшь осуждены отъ Царя «на смерть по законамъ, а Самуйловичемъ прощены «по Христіянству.»

И по неволѣ мы скажемъ, что если-бъ Генеральные Старшины не отъ похвальбы и гнѣва Гетман-

скаго, а отъ рукъ палача были *мертвы*, то это было-бы лучше. Въ управленіи цѣлымъ народомъ не всегда доброту можно назвать добродѣтелью.

Іюля седьмаго доносъ посланъ, двадцать втораго полученъ отвѣтъ. Голицыну повелѣно отрѣшить Самуйловича отъ Гетманства и присутствовать при избраніи другаго. Въ ночь двадцать третьяго числа, въ мѣстечкѣ Коломаку, во время всенощной схватили въ церкви Гетмана и сына его Якова, и привезли къ Голицыну. 1687. Іюль.

Съ подвязанною бѣлымъ платкомъ головою, опираясь на серебряную булаву, явился Гетманъ на судъ. Ему прочитали указъ. Онъ хотѣлъ говорить, крикъ предстоящихъ заглушилъ его слова; Дмитрашко-Райче бросился на него съ голою саблею; Голицынъ удержалъ Полковника, и.... взялъ сторону Гетмана; для прикрытія далъ воиновъ, принялъ булаву и приказалъ вывести старика изъ палатки. Его посадили въ телѣгу, повезли въ Орелъ, оттуда въ Нижній, а тамъ и въ Сибирь. Ему спутникомъ былъ Стародубскій Полковникъ Яковъ. Отецъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, сынъ въ Енисейскъ.

Скоро и отецъ и сынъ были объявлены мертвыми. Они были не нужны для Голицына: они могли быть уликою со-временемъ.

Жена Якова Анна Владиміровна Самуйловичева, урожденная Швыйковская, взятая изъ дому отца своего, была сослана въ Сибирь къ мужу; тамъ, до тысяча шесть-сотъ девяносто шестаго года, скиталась она въ Тобольскѣ, по чужимъ дворамъ, и кормилась милостынею; въ этомъ году Петръ Великій возвратилъ ей свободу и родину.

Въ то самое время какъ старикъ былъ взятъ подъ стражу, сынъ его Григорій, Полковникъ Черниговскій, одержалъ побѣду надъ Татарами у Койдака. Онъ добровольно сдался присланному за нимъ Неплюеву, и былъ сосланъ въ Сѣвскъ. Туда-же отправили и Симеона, Полковника Стародубскаго. Ихъ перевезли въ Путивль; пытали; предвидя смерть, Григорій просилъ духовника,—ему отказали и обоимъ были отрублены головы. Мазепа, прежній ихъ учитель, на-иболѣе ненавидѣлъ Григорія, какъ опаснаго соперника; ему, для большаго мученія, отрубили голову, по просьбѣ Мазепы, нѣсколькими ударами топора. Оба зарыты были безъ Христіанскаго погребенія, «*абылякъ*» говоритъ лѣтопись.

Женѣ Григорія и сестрамъ его позволено было жить въ Малороссіи и назначено: выдать имъ единовременно двѣсти рублей, и на триста платьевъ изъ отцовскаго имущества. Гетманскій племянникъ Стольникъ Михайло Самуйловичъ былъ сосланъ въ Москву.

Приступили къ конфискаціи Гетманскаго имѣнія. Все недвижимое и кромѣ того 2,458 червонныхъ, 23,725 ефимковъ, 1,145 левовъ, 1,907 рублей, пятнадцать пудовъ съ половиною серебра и золотая цѣпь поступили въ казну Московскую. Столько-же было выдано Мазепѣ и войску Запорожскому, съ прибавкою конской сбруи, рухляди, мелочей, оружій и платьевъ, всѣмъ членамъ семейства принадлежащихъ.

Невѣста Князя Четвертинскаго три года скиталась съ женихомъ своимъ въ селѣ Дунайцѣ. Преданіе указываетъ глубокій лѣсной оврагъ—Довжикъ, гдѣ

скрывались они. Влюбленный въ блестящую молодую дѣвицу, въ дочь Гетманскую, женихъ не измѣнилъ ей и тогда, когда подлогъ и козни лишили его свѣтлаго сана, богатствъ и даже приличной одежды. Онъ обвѣнчанъ былъ съ нею только въ тысача шестьсотъ девяностомъ году.

Виговскаго Поляки разстрѣляли; Юрія Хмѣльницкаго замучили; Самко былъ казненъ Брюховецкимъ; Брюховецкаго народъ убилъ дубьемъ; Многогрѣшный, по просьбѣ чиновъ, погибъ въ Селенгинскѣ; Самуйловичъ умеръ въ Сибири насильственною смертью; Мазепа не побоялся быть Гетманомъ и взялъ булаву.

ГЛАВА XXXIV.

Рада у Коломака. Бояре присутствовавшіе. Лизогубъ. Происки Мазепы. Скупость Бурковскаго. Голицынъ держитъ сторону Мазепы. Литургія. Избраніе Мазепы. Статьи. Статья о бракахъ. Истребленіе знатнѣйшихъ семействъ Украинскихъ. Ропотъ и мятежъ. Кошевой Сагайдачный. Царскія милости. Дѣла западной Украйны. Віельгорскій. Войны Польши съ Турками. Участіе козаковъ.

Царскій:	*Королевскій:*
МАЗЕПА.	**МОГИЛА.**

Мы приблизились къ послѣднему перелому въ жизни Украйны, къ отпаденію Мазепы отъ Петра. Правдивѣйшій изъ нашихъ Историковъ, Георгій Конисскій, не иначе относится объ Мазепѣ, какъ о человѣкѣ неблагодарномъ, скрытномъ, мстительномъ и властолюбивомъ; преданіе говоритъ о немъ еще хуже; въ народѣ имя его стало ругательствомъ. Разсмотримъ это дѣло, въ которомъ побѣжденный сталъ знаменитъ именемъ побѣдителя.

Еще продолжалось двое-царствіе, или, сказавъ точнѣе, колеблющееся царствованіе Софіи,—когда въ Украйнѣ собралась Рада, когда приступили къ из-

бранію Гетмана, на мѣсто погибавшаго по интригамъ и не правдамъ Царевнинымъ и Голицынскимъ.

Это было Іюня 30, въ тысяча шесть-сотъ восемдесять седьмомъ году. 1687.

Въ Полтавской губерніи, у рѣчки Коломака, собралась эта Рада, многочисленная и блестящая, какой дотолѣ никогда не бывало. Ея предсѣдателемъ былъ Ближній Бояринъ, большаго полка Дворовый Воевода, Царственныя большія печати и Государственныхъ великихъ и Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Новгородскій Намѣстникъ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Шеинъ, Долгорукій, Щербатовъ, Борятинскій, Змѣевъ, Левонтьевъ, Шепелевъ, Мышецкій, Украинцовъ съѣхались на Коломакъ.

Еще никто не зналъ кому быть Гетманомъ; говорятъ будто-бы самъ раздаватель Гетманства, Князь Голицынъ, того не зналъ. Покуда съѣхались всѣ чины, наличные, предпочитая Бунчужнаго Евфима Лизогуба, «яко особу, въ землѣ всѣми достоинствами первѣйшую», приходили къ нему всякое утро съ почтеніемъ «на добрыдень», — по словамъ лѣтописи.

Генеральный Асаулъ, Иванъ Степановичъ Мазепа, примѣтя народное предпочтеніе Лизогубу, «подвигнулъ тотчасъ всѣ пружины, имъ изобрѣтенныя, чтобы преклонить чины на свою сторону». Онъ обдарилъ Секретаря Голицынскаго, тотъ увѣрилъ своего Князя, что Мазепа назначаетъ значительную сумму въ благодарность за выборъ его въ Гетманы.

Этого было недостаточно. Какъ ни силенъ былъ любимецъ Софіи, но не могъ назначить Гетмана

самопроизвольно; надлежало соединить волю его съ волею народною. Воля народная была избрать Лизогуба. Голицынъ колебался; онъ не обратилъ вниманія на Мазепу, на Асаула бѣднаго, которому нечѣмъ было, не смотря на обѣщанія, за урядъ впередъ заплатить.

Бант.-Кам. прим. Т. 111. Преданіе сохранилось въ семействѣ Бурковскихъ, что Голицынъ предложилъ Гетманство Генеральному Обозному Василію Бурковскому за десять тысячь рублей; но Обозный былъ скупъ, и отказалъ Боярину. Долго Мазепа кланялся скупому богачу, наконецъ вымолилъ у него взаймы эту сумму, получилъ ее и отнесъ къ Голицыну.

Голицынъ, чтобъ привлечь на свою сторону голоса избирателей, исходатайствовалъ въ пользу войска половину имѣнія, отобраннаго у Самуйловичей. Въ благодарность за это, Старшины просили его *назначить* имъ новаго Гетмана.

Между тѣмъ Боярскіе подчиненные разглашали, что Цари, полюбивъ Мазепу, будутъ благоволить народу и войску, если тѣ его изберутъ. Обѣщанія высокихъ милостей подѣйствовали на умы Старшинъ. Не менѣе обѣщаній дѣйствовалъ и страхъ. «Съ перваго утра разглашенія, всѣ почти чиновники стали приходить съ своимъ *добрыднемъ* въ квартиру Мазепы, а Лизогуба уже обходили. Усовершенствовавъ свою роль, Мазепа осыпалъ посѣтителей всѣхъ родовъ льщеніями, обнадеживаніями и частными пирушками.»

Такъ колебалось счастье искателей двадцать пять дней. Но вѣсы были въ рукахъ Голицына, и подъ

тяжестью десяти тысячь рублей, занятыхъ у Бурковскаго, склонились на сторону Мазепы.

Еще слѣдовало поддержать порядокъ дѣла: Бояринъ пригласилъ къ себѣ первѣйшихъ козацкихъ сановниковъ и, 25 Іюля, отправился съ ними въ церковь, подъ прикрытіемъ отряда Стрѣльцовъ.

Восемь-сотъ козаковъ конныхъ и тысяча двѣсти пѣшихъ, преданныхъ Мазепѣ, окружили церковь. Въ ней, на столѣ, покрытомъ дорогимъ ковромъ, разложены были Гетманскіе клейноды. Началась литургія. Все это внушало избирателямъ неизъяснимый страхъ къ волѣ Голицына. Войско, окружавшее храмъ Божій; таинственность, съ которою сопровождалось церковное служеніе; пѣніе священное, которое доходило къ слуху народа, стоявшаго въ торжественномъ молчаніи на площади,—все было необыкновенно, все тревожило сердца какимъ-то смутнымъ ожиданіемъ.

Литургія была кончена; столъ съ клейнодами былъ вынесенъ на площадь; Голицынъ произнесъ рѣчь; спросилъ кого желаетъ народъ имѣть Гетманомъ? народъ молчалъ; Голицынъ повторилъ вопросъ; нѣсколько голосовъ назвали Мазепу, нѣсколько — Бурковскаго: первые были слышнѣе. Еще разъ Голицынъ спросилъ: кого желаетъ народъ имѣть Гетманомъ? Тогда повторилось, и повторилось громче, имя одного только Мазепы. Бояре подошли къ нему, окружили и поздравили съ саномъ Гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войска Запорожскаго.

Немедленно Гетманъ исполнилъ священную обязанность: заплатилъ скупому Бурковскому десять

тысячь рублей съ процентами, — изъ скарба войсковаго.

Приступили къ статьямъ договорнымъ.

1. Права и вольности народныя и козацкія, въ Переяславлѣ Хмѣльницкимъ подписанныя, подтверждаются.

2. Воеводамъ находиться въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Острѣ; но въ права, въ вольности, въ суды и въ дѣла козацкія не вмѣшиваться. Имѣть имъ надзоръ надъ войскомъ, изъ Москвы присылаемымъ; судить ратныхъ людей за обиды жителямъ; но и при таковыхъ расправахъ должны быть, для скорѣйшаго удовлетворенія и для чистой справедливости, Малороссійскіе чиновники.

3. Гетманъ получаетъ тысячу червонцевъ жалованья; Писарь и Обозный по тысячи Польскихъ злотыхъ; Судьи Войсковые по триста; Писарю Судейскому сто; Писарь и Хоружій полковые по пятидесяти; Хоружій Сотницкій тридцать; Бунчужный Гетманскій сто; Полковники по сту; полковые Асаулы по двѣсти; войсковые Асаулы по четыреста; Сотники по сту.

Реестровыхъ козаковъ должно быть тридцать тысячь, и получаютъ они по тридцати злотыхъ; переписать, сколько въ которомъ полку есть козаковъ на лицѣ и, чего недостанетъ, на мѣста принимать дѣтей мѣщанскихъ и поселянскихъ. Имѣнія монастырей и высшаго духовенства не платятъ податей, также имѣнія Старшинъ Генеральныхъ свободны отъ нихъ; а съ городовъ получать доходы по стародавнимъ правамъ.

4. Въ-случаѣ Гетманъ наградитъ кого недвижимымъ имѣніемъ, и награжденный станетъ просить Царской грамоты, въ подтвержденіе Гетманскаго универсала, Государи должны имъ дать грамоты. Когда Гетманъ и Старшины представятъ кого Царямъ къ награжденію дворянскимъ званіемъ, Государи дадутъ и на то грамоты; но этихъ грамотъ Царскихъ Гетманъ уже не въ-правѣ отнимать.

5. Послы, Посланники и гонцы Царскіе не могутъ требовать постоя въ дворахъ козацкихъ и подводъ у Сотниковъ, у Атамановъ и у товарищей войсковыхъ.

6. По смерти Гетмана избранье новаго будетъ на прежнихъ правахъ, а Государи пришлютъ ему клейноды — *изъ милосердія*.

7. Гетманъ не долженъ писать ни къ Королю Польскому, ни къ другимъ Государямъ, ни къ Крымскому Хану, и отъ нихъ не можетъ принимать никакихъ отзывовъ. Если-же къ нему придутъ какія письма, обязанъ отсылась, *не читая*, въ Москву въ Малороссійскій Приказъ. Мира съ Поляками не нарушать, довольствоваться городами, оставленными за Украйною; а какіе уступлены Королю, тѣхъ не трогать. Если-бы со стороны Польши началось нарушеніе мира, извѣщать о томъ Государей. Оберегать границы отъ Крыма; для этого посылать войско въ Сѣчь; Запорожцамъ по прежнему высылать обычное жалованье; но остерегать ихъ, чтобъ они не держали союза съ Крымцами; не вводить никакихъ запасовъ и никакой живности въ полуостровъ и не продавать туда лошадей.

8. Постоямъ не быть у козаковъ; наказывать тѣхъ, кто осмѣлится козаковъ называть измѣнниками или мужиками. Бѣглецовъ Русскихъ возвращать въ Россію.

9. Изъ Малороссіянъ, взятыхъ Москвою въ плѣнъ, во время прежнихъ войнъ, каждый можетъ жить тамъ, гдѣ онъ нынѣ, или возвратиться на родину; но только чтобъ онъ прежде возвращенія не былъ уличенъ въ какомъ-нибудь злодѣяніи.

10. Если, по примѣру Брюховецкаго, Гетманъ станетъ подговаривать Малороссіянъ къ измѣнѣ, то народъ обязанъ ему не повиноваться и донести о томъ Государямъ.

11. Буде Гетманъ иное какое преступленіе учинитъ, кромѣ измѣны, то его, безъ воли Царской, не смѣнять, а предоставить суду Царскому.

12. Буде какіе бунты будутъ въ городахъ, Гетманъ и Старшина должны крѣпко о томъ заботиться, извѣщать Государей, и виновныхъ унимать, наказывать и смертію казнить.

13. Земледѣльцы, будники, винокуры называютъ себя самовольно козаками и разбойничаютъ; для унятія таковыхъ, учредить особаго Полковника и дать ему подъ начальство тысячу козаковъ.

14. Запрещается ввозъ табаку и вина въ города Московскіе.

15. Козацкая вдова есть полная наслѣдница имѣній и правъ мужа своего. Но если во второе замужство выдетъ за мужика, тогда подлежитъ уже градскимъ повинностямъ.

16. Въ-случаѣ набѣговъ козаковъ Заднѣпрскихъ и Татаръ, Государи обязываются присылать помощь, только не въ распутицу.

17. Столица Гетманская будетъ въ Батуринѣ, и Гетману въ тѣлохранители пришлютъ Стрѣлецкій полкъ.

18. Права Нѣжинскихъ и Кіевскихъ мѣщанъ остаются въ прежней силѣ.

19. Въ Сѣвскѣ работали съ именемъ и гербомъ Царскимъ монету *чехи*, и раздавали въ жалованье воинамъ; но, по markdown козням Самуйловича, козаки и мѣщане не берутъ этихъ денегъ, потому что онъ не разослалъ по этому случаю въ города универсаловъ. Нынѣ Гетманъ обязывается, чтобъ эти чехи ходили и въ Малороссіи въ Московской цѣнѣ; а кто не будетъ принимать ихъ, того казнить смертію. *Также Гетманъ обязывается, всѣми силами, соединять въ крѣпкое и не разрывное согласіе оба Русскіе народа, всякими возможностями и въ особенности связями супружескими; чтобъ Малороссію не называли землею Гетманскою, а единственно признавали землею, находящеюся въ Царской Самодержавной Власти; и, слѣдовательно, вольный переходъ жителей изъ края въ край разрѣшается.*

20. Для удержанія Крымцевъ, козаки должны построить на лѣвомъ берегу Днѣпра шанецъ, наподобіе Койдака; а на Самарѣ, на Орели и на устьяхъ Берестовой и Орчика построить города и населить желающими.

21. Пожитки Самуйловича и дѣтей отдаются: половина въ Царскую казну, половина въ скарбъ войсковой.

22. Чтобъ арендъ не было въ Малороссіи; и чтобъ позаботиться о уменьшеніи тягостей отъ постойной и продовольственной повинностей, не умаляя числа Московскихъ войскъ, необходимыхъ для защиты Украйны подъ сіи военныя времена.

Не станемъ разсуждать о перемѣнахъ и въ этихъ условіяхъ, какъ бывало то всегда при заключеніи условій со всѣми преемниками стараго Хмѣльницкаго; но обратимъ особенное вниманіе на окончаніе статьи девятнадцатой. Какъ усомниться, что въ томъ вѣкѣ, непросвѣщенномъ и бурномъ, никто другой не могъ этого написать, кромѣ Петра Великаго? Въ чьемъ умѣ тогдашнихъ головъ могла-бы вмѣститься такая глубокая и свѣтлая мысль?

Статьи были подписаны; Гетманъ присягнулъ въ вѣрности; Государи прислали ему атласъ и сорокъ соболей, и утвердили его.

Прежде чѣмъ прочтемъ сказаніе о подвигахъ Мазепы, вспомнимъ, что онъ былъ родомъ Полякъ и ученикъ Іезуитовъ.

И такъ онъ началъ истребленіемъ семейства Самуйловича; потомъ Леонтій Артемьевичъ Полуботокъ, Иванъ Сулима, Дмитрашко-Райче, Данило Апостолъ и Григорій Гамалѣя были разжалованы и отправлены въ Москву подъ стражею. Не удовольствуясь ссылкою благодѣтеля своего, старика Самуйловича, изъ благорастворенной родины въ льдистую Сибирь, онъ настоялъ, чтобъ его и тамъ разлучили съ сыномъ.

Такое начало правленія ужаснуло Малороссіянъ; народъ началъ роптать, волноваться; взбунтовался, перебилъ многихъ владѣльцевъ и, издѣваясь надъ Гетманскими универсалами, ограбилъ сборщиковъ податей. Мазепа усмирилъ ихъ полками Московскими.

Избранный послѣ Драгинича, Заднѣпровскій Гетманъ Могила вступилъ въ сношенія съ Запорожцами; его письмо было перехвачено и отправлено къ Царямъ. Тогдашній Кошевый, Григорій Сагайдачный, собрался отомстить за это Гетману; но Мазепа укротилъ его полками Московскими.

Ненавидимый народомъ и Старшиною, онъ зналъ, что опасность угрожаетъ ему на каждомъ шагу. Но онъ далеко видѣлъ, и началъ занимать умы войною. По его повелѣнію, Полковникъ конно-охочій, Илья Новицкій, повелъ полки Лубенскій и Миргородскій къ устью Тясьминя, и разбилъ Татаръ. Другіе полки наши явились подъ Очаковымъ, выжгли посады и привели много плѣнниковъ.

Государи, въ награду за эти подвиги, прислали къ нему лекаря Романа Николаева, вызвали въ Москву его мать, Магдалину Марію, изъ Печерскаго дѣвичьяго монастыря, гдѣ она была Игуменьею, и осыпали милостями.

Въ то время, какъ здѣсь усиливался Мазепа, западная Украйна помогала Полякамъ бороться съ Турками. Еще въ Гетманство Самуйловича Коронный Гетманъ Яблоновскій перешелъ по плошкотному мосту Днѣстръ у Яцишекъ. Отъ Литовскаго Гетмана пришла къ нему помощь; но всего войска было у него только двадцать тысячь; остальнымъ 1684.

восьмнадцати приказавъ беречь Волынь и наблюдать за Каменцемъ, онъ съ этимъ небольшимъ своимъ отрядомъ прошелъ сквозь Буковинскій лѣсъ въ Валахію. Черезъ два дня, остановясь у деревни Буяновъ, послалъ Искру и Апостола провѣдать непріятеля. Тѣ привезли ему вѣсть, что Турки приближаются съ великою силою. Немедленно отправился Волынскій Кастелянъ Георгій Віельгорскій на-встрѣчу врагамъ. Яблоновскій приказалъ ему предъ силою превозмогающею отступать къ стану. Віельгорскій столкнулся съ передовымъ отрядомъ Татаръ, и послѣ удачнаго дѣла отступилъ къ своимъ укрѣпленіямъ. Вскорѣ Ибрагимъ Солиманъ привелъ сто сорокъ тысячь Турковъ и окружилъ весь станъ. Началась пальба орудій обоюдная; пятнадцать дней она продолжалась; однако-жь, видя, что весьма трудно будетъ двадцати-тысячному войску устоять предъ сто-сорока-тысячнымъ, Яблоновскій рѣшился отступить и распорядился, чтобъ это отступленіе было утаено отъ непріятеля. Мысль его была оправдана военнымъ совѣтомъ.

Сдѣлали тайно новый просѣкъ въ лѣсу Буковинскомъ, зажгли вечеромъ маяки, разложили огни на форпостахъ, привязали собакъ къ оставленнымъ возамъ; ихъ лай и вой обманывалъ непріятеля; ровно въ полночь поднялся большой фонарь на высокомъ шестѣ, и войско выступило въ обратный путь. Самъ Яблоновскій шелъ впереди; Синявскій замыкалъ отступленіе; черезъ восемь часовъ прошли они сквозь лѣсъ, и на поляхъ Чернѣевскихъ расположились тыломъ къ Пруту. Здѣсь рѣшился Яблоновскій ожидать враговъ. Въ восемь часовъ утра

Турки узнали объ отступленіи Поляковъ; Солиманъ погнался по ихъ слѣдамъ; Генералъ Контскій громилъ преслѣдователей пушками; Искра съ козаками врѣзался въ ихъ ряды и палъ. Поляки вступили въ рукопашный бой съ Янычарами. Бой длился долго, былъ упорный, и превратился въ генеральное сраженіе; конецъ дѣла былъ не въ пользу Паши. Турки отступили въ лѣсъ и пошли къ Дунаю; черезъ пять дней Яблоновскій выступилъ къ Снятину, и тамъ, расположивъ по квартирамъ войско, поѣхалъ къ Королю въ Жолкѣвъ.

Король, повинуясь во всемъ Королевѣ непріязненной къ Франціи, обманутый Австріею, огорченный тѣмъ, что обѣщанную невѣсту Королевича Іакова, Эрцъ-Герцогиню Марію, выдали за Курфирста Баварскаго, лишась средствъ возвратить отъ Турковъ Каменецъ и Подолію, потерявъ Кіевъ и Украйну,—навлекъ на себя народную ненависть; ропотъ начинался. Въ это время заключенъ былъ миръ съ Москвою, о которомъ мы упомянули уже, 1686. и предпринятъ вторый походъ Яблоновскаго въ Валахію.

Но миръ съ Россіею лишилъ Польшу помощи казацкой. «Запорожскіе козаки», говорятъ Польскіе Историки, «народъ храбрый, отъ которыхъ столько разъ Республика имѣла въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сильную опору и вспомоществованіе, навсегда были отъ нее отторгнуты; оставалось только малое число Украинскихъ козаковъ по городамъ и хуторамъ.» И дѣйствительно, гоняясь за завоеваніемъ Молдавіи и Валахіи, которыми манилъ Польшу Леопольдъ, Король потерялъ много людей, земель

и значительно ослабилъ военныя силы въ четырехъ безполезныхъ походахъ. Неосмотрительно заходя въ степи Буджакскія, продалъ Москвѣ Кіевъ и Запорожье за два милліона рублей, и эти деньги истратилъ на походъ въ Валахію. Подписывая во Львовѣ трактатъ съ Москвою, онъ заплакалъ. Въ Маѣ собралось 40,000 войска; къ нему прибылъ Король съ Королевичемъ Іаковомъ, на имя котораго должно было завоевать Молдавію и Валахію. Армія раздѣлилась на четыре отряда: первый, подъ предводительствомъ Короля, сталъ на Стрыѣ; второй, Яблоновскаго, при Станиславовѣ; третій, Потоцкаго и четвертый—Литовскій, Сапѣги, оба при Трембовли. Начались сношенія съ Господаремъ Кантемиромъ; они были удовлетворительны; Яблоновскій пошелъ прошлогоднимъ просѣкомъ чрезъ лѣсъ Буковинскій; скоро Польскіе знамена развѣялись въ Яссахъ, которые сдались безъ бою. Господари ушли къ Солиману въ Будякъ. Король рѣшился выгнать Пашу за Дунай, и потомъ идти въ Крымъ и завоевать его.

Часть войска двинулась въ Бессарабію; немногочисленные полки нашихъ Украинскихъ козаковъ пошли въ Будякъ. Лѣто было знойное, не шли дожди, рѣки изсякли, Король тянулся берегомъ Прута, боясь безводья; травы посохли, что уцѣлѣло отъ засухи, не уцѣлѣло отъ Татаръ; они зажгли и эту степь, какъ восточную, по которой столь неудачно проходилъ Самуйловичъ съ Голицынымъ. Началось отступленіе, тревожимое Турками и Татарами; истощенное жаждою и голодомъ, изнеможенное труднымъ походомъ, войско пришло въ Октябрѣ к

расположилось въ Покутьѣ подъ Снятинымъ. Такъ кончился походъ Собѣскаго, которымъ онъ полагалъ заслужить славу, покорить два Княжества и Крымъ.

Чтобъ утишить народный ропотъ, Король приказалъ Королевичу, подъ руководствомъ Коронныхъ Гетмановъ, осадить Каменецъ. И здѣсь не удачнѣе было Польское оружіе. Изъ двадцати мортиръ и тридцати пушекъ Гетманы кинули въ городъ семьсотъ пятдесятъ ядеръ, гранатъ и бомбъ четыреста орудій Турецкихъ заставили осаждавшихъ умолкнуть. Вскорѣ Королевичъ оставилъ стѣны Каменца и явился въ станѣ Королевскомъ; а Турки, подъ прикрытіемъ тридцати тысячь Татаръ, ввезли въ свой городъ четыре тысячи возовъ съ жизненными припасами и съ военными снарядами.

Польскія войска стали на зимнихъ квартирахъ, Козаки сторожили границы; неустройства и раздоры снова начались въ Польшѣ. Въ казнѣ не было денегъ для жалованья войскамъ; Король далъ собственныхъ двѣсти тысячь талеровъ для новаго вторженія въ Валахію. Дожди и холода воротили назадъ его армію, такъ какъ въ прошлый походъ засуха и зной.

Во всѣхъ этихъ войнахъ Короля съ Султаномъ остался въ выигрышѣ одинъ Императоръ.

ГЛАВА XI.

Новый Крымскій походъ. Бурдюгъ съ червонцами. Мазепа въ Москвѣ. Стрѣлецкій бунтъ. Паденіе Голицына. Дары Мазепы Голицыну возвращены ему. Самарская крѣпость. Жадность Мазепы къ золоту. Компанія надворной хоругви. Пасквили. Письмо Мазепы къ Государю. Саранча. Ломиковскій. Дѣла подъ Очаковымъ. Самусь и Палій. Угнетенія Поляками западной Украйны. Палій схваченъ Поляками и сосланъ въ Магдебургъ. Месть козаковъ. Хитрость ихъ. Палій освобожденъ. Неудачи Поляковъ съ Паліемъ. Самусь Гетманъ. Наѣзды козаковъ. Великодушія Мазепы съ Сибилевымъ. Казнь Соломона. Пытка Самуйловичу. Письмо Гетмана къ Царю. Петрикъ. Сборъ съ шинковъ. Набѣгъ Крымцевъ. Новые подвиги Палія. Битва у Молочныхъ водъ. Государь въ Воронежѣ. Первый походъ подъ Азовъ. Вторый походъ подъ Азовъ. Подарокъ Царскій козакамъ. Свиданіе Мазепы съ Петромъ въ Острогожскѣ. Плечникъ и Юрченко. Смерть Собѣскаго и Царя Іоанна.

Царскій:	*Королевскіе:*
МАЗЕПА.	**МОГИЛА.**
	САМУСЬ.

Леопольдъ побѣждалъ Турковъ; Янычаре низвергли Магомета; Солиманъ II-й принялъ правленіе; Москва была въ бездѣйствіи; Варшава стояла подъ Каменцемъ; козаки строили Самарскую крѣпость; наконецъ Голицынъ и Софія восторжествовали надъ

Петромъ: началась вторая война-съ Крымцами. 1688.
Временщикъ думалъ загладить стыдъ свой. Войска у него было семдесять пять тысячь. Оно собралось у Самарской крѣпости и раздѣлилось на двѣ части: одна шла серединою степей—ее велъ Мазепа; другая берегомъ Днѣпра—ее велъ Голицынъ. Татары насъ тревожили съ боковъ, зажигали степи, портили рѣки мертвечиною; мы ихъ отбили и преслѣдовали. Двадцатаго Мая стали у Перекопа, окружили крѣпость шанцами, изготовились къ приступу. Ханъ предложилъ миръ, выкупъ, контрибуцію. Голицынъ разсчиталъ, что есть чѣмъ поживиться. Врагъ Петра, другъ Софіи, принялъ бурдюгъ съ червонцами, изъ которыхъ половина была фальшивыхъ, и вступилъ въ мирные переговоры.

Жары, недостатокъ продовольствія, безводіе изнурили войска. Малороссіяне роптали на твореніе временщика—на своего Гетмана. Они были въ изступленіи за то, что имъ не позволяютъ взять Перекопа приступомъ. Боясь возстанія, Голицынъ нарядилъ Гетмана Посломъ къ Царямъ и къ Царевнѣ, написалъ длинную реляцію, за конвоемъ выпроводилъ его со многими полками въ Москву; а самъ пошелъ домой со всѣмъ войскомъ своимъ, разумѣется, не зная, что червонцы, которыми онъ подкупленъ, фальшивы.

Гетманъ пировалъ два мѣсяца въ Москвѣ. Вдругъ возникнулъ Стрѣлецкій мятежъ: Софія была заключена въ монастырь, Голицынъ лишенъ чиновъ, сосланъ въ Каргополь, потомъ въ острогъ Пустозерскій, потомъ на Пинежскій волокъ.

И хотя Іоаннъ оставался соправителемъ, но нашъ Великій Петръ, поистиннѣ, сталъ уже Самодержцемъ.

Мазепа подалъ ему бумагу, въ которой испросилъ, чтобъ Государь возвратилъ ему всѣ подарки, вынужденные отъ него Голицынымъ.

Самарская, или, какъ ее иначе называютъ, Богородицкая крѣпость взволновала Запорожцевъ. Увѣренія въ томъ, что они останутся при своихъ правахъ, что крѣпость будетъ имъ защитою отъ Крымцевъ, эти увѣренія—не дѣйствовали. Жалованье ихъ было увеличено: вмѣсто пяти-сотъ червонцевъ, они начали посылать ежегодно на Кошь по тысячѣ. Но это было распоряженіе Царское; Гетманъ поступалъ иначе: по жадности къ золоту началъ присвоять себѣ доходы Сѣчевые. Изъ Переволочанскаго перевозу Сѣчь получала ежегодно двѣнадцать тысячь рублей: Мазепа присвоилъ себѣ этотъ перевозъ. Государь присылалъ на Запорожье деньги и хлѣбъ; Мазепа тѣмъ и другимъ дѣлился; войско вольное, гордое, безбоязненное возстало. Лихопой, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ Кошевымъ послѣ Григорія Сагайдачнаго, былъ смѣненъ; новый Кошевой, Иванъ Гусакъ, прислалъ къ Мазепѣ родъ выговора за построеніе крѣпости Богородицкой. Гетманъ отвѣчалъ ему такимъ-же выговоромъ. Запорожцы послали Прокопа Лазука и Антона Кислаковича въ Польшу искать Королевскаго покровительства; повели переговоры съ Крымцами; Гетманъ не могъ послать войско для усмиренія бунтовавшихъ; въ Запорожьи была чума. Къ тому-же онъ устроивалъ, собственно для своей безопасности, гвардію. Ему не было времени думать о Запорожцахъ; они жили

далеко отъ Батурина; должно было оградить себя въ Москвѣ и въ Батуринѣ.

Въ Москвѣ онъ оградилъ себя отъ навѣтовъ льстивыми письмами, притворною преданностію, и Царь болѣе и болѣе ласкалъ его. Даже въ близкихъ ему людяхъ онъ тѣшилъ его: родной Гетманскій племянникъ, сынъ Александры Степановны Обидовской, 1689.
получилъ званіе Стольника и слободу въ Рыльскомъ уѣздѣ.

Въ Батуринѣ онъ ограждалъ себя оружіемъ, гвардіею, которую составили три пѣхотныхъ Сердюцкихъ полка, батальонъ Жолдатскій и полкъ Компанейцевъ, названный *Компаніею надворной хоругви*; всѣ эти войска были набраны изъ охотниковъ, изъ козаковъ Заднѣпровскихъ, изъ разнородной сволочи; они окружили дворецъ и столицу Малороссійскаго Гетмана, и содержались на его собственномъ иждивеніи.

« Они были у Мазепы его ангелами-хранителями, « духами, исполняющими самыя мановенія Гетман-« скія. И горе человѣку, впадшему въ ихъ руки. « Лучшіе изъ чиновниковъ содрогались, увидя въ « домѣ кого-либо изъ сихъ гвардейцевъ за нимъ « присланнаго. А чернію играли они какъ мячемъ, « почему и ненавидѣлъ ихъ народъ. Войска націо-« нальныя едва ихъ терпѣть могли, и при ихъ паде-« ніи и разрушеніи были они притчею въ людяхъ, « такъ что тѣ, которыя не избиты во время перемѣ-« ны, начали питаться заработками самыми низкими « и презрѣнными, какъ-то: въ народныхъ баняхъ, « винокурняхъ и поденьщиками. »

Могли-ли его любить Украинцы? и въ то время, какъ Государь награждалъ, дарилъ его, въ Малороссіи появлялись пасквиль за пасквилемъ на Ма-
1690. зепу. Одинъ былъ доставленъ Царю Кіевскимъ
1691. Воеводою, самъ Мазепа прислалъ другой.

«Тяжкая и неудобоносимая есть мнѣ печаль и «болѣзнь,» — писалъ Мазепа — «что враги мои «премного-злобными навѣтами, на главу мою козньствующими, не престаютъ отъ своего душегубнаго «намѣренія. Отецъ лжи, діаволъ, обращаетъ ихъ на «прежнія ихъ блевотины, возбуждая, дабы растлѣннымъ умомъ своимъ безумной и скверной клеветѣ своей паче на повреждение своего спасенія возрастали. И нынѣ явился пасквиль, на имя мое «безстудно написанный, сицевый, каковый былъ въ «прошломъ году 1690, въ Печерскомъ мѣстечкѣ «брошенъ.... То все лукаваго зла полное письмо, «сице и премного есть скверно и не чисто; и не «только Вамъ въ донесеніе нѣсть годно, но и всякому къ чтенію нѣсть прилично. Сердечно надеженъ есмь.... что, при моей *простодушной невинности*, и при вѣрной и радѣтельной службѣ, та «ложная и смрадная баснь вредити мнѣ не будетъ.»

Этотъ пасквиль Гетману принесла его мать, Игуменья Печерскаго монастыря; она получила его отъ Игуменьи Фроловскаго; а той его подали монахини прохожія. Митрополитъ, по просьбѣ Гетмана, сдѣлалъ розыскъ; но виновника и даже подательницъ не нашли.

Въ немъ Гетманъ былъ названъ злымъ и давнимъ губителемъ Христіанства; упрекали его въ продажѣ людей Подольскихъ, Русскихъ и Волынскихъ Тур-

камъ, называли измѣнникомъ, и участникомъ въ бунтѣ Стрѣльцовъ.

Петръ утѣшалъ Гетмана письмами и новыми милостями.

Страдая подъ тяжкой булавой, Украйна претерпѣла еще иное бѣдствіе. Архіепископъ Конисскій такъ передалъ его:

«Въ 1690 году налетѣла въ Малороссію *въ первый разъ* зловредная саранча и истребила всѣ произрастенія и засѣвы хлѣбные до ихъ корня; она взялась изъ Закубаньскихъ и Черкасскихъ степей, отъ Персіи; и, въ бывшія въ томъ году великія бури, то есть сильные восточные вѣтры, неслась чрезъ Крымскія степи и пала въ восточной и полуденной Малороссіи, а оттоль распространилась во всю сію страну. Полетъ ея представлялъ тучи страшныя, затмѣвающія солнце, такъ что и въ полдень казалась тьма ночная; и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она опускалась, съѣдала все произрастающее, даже и самые древесные листья и молодые погоны, оставляя землю черною, обнаженною, и какъ-бы сильнымъ пожаромъ опустошенною. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ недоставало корму, ѣла людскую цвѣтную одежду, то есть: зеленую, красную и что ни-было крашеное, изъ шапокъ, поясовъ и кафтановъ. Полетъ ея былъ сопровождаемъ отвратительнымъ смрадомъ, наполнявшимъ воздухъ на далекое разстояніе, а паче по вѣтру. Животныя сіи изъ самыхъ большихъ насѣкомыхъ, находящихся въ воздухѣ, и подобны они тѣмъ прузамъ, кои описываются въ Священномъ Писаніи и зараждаются въ Сиріи и около Египта, въ Абиссиніи и Эѳіопіи; *почему* многіе изъ ученыхъ здѣш-

нихъ, а паче изъ священства, замѣтили на крыльяхъ ихъ литтеры Ассирійскія, значущія гнѣвъ Божій. И такъ принялись-было за набоженство и церковныя заклинанія, и выходили многія парафіи съ процессіею церковною на-встрѣчу летящей сараны. Но когда увидѣли, что сарана садилась на церковныя хоругви и на ризы священническія и грызла ихъ крашеную матерію; то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея погубленію. Въ тѣлахъ сихъ насѣкомыхъ-же не замѣчено ничего смертоноснаго, и нѣкоторыя животныя земнородныя, каковы собаки, свиньи и птицы, пожирали ихъ съ жадностію. Правительства гражданскія изобрѣли, по времени и опытамъ, два надежныя средства къ истребленію сараны: одно—выпахать осенью ея сѣмена, которыя кладетъ она въ рыхлую землю, а другое—обводить рвами ту часть земли, въ которой водится и ползаетъ еще молодою, каковую можно загнать во рвы и тамо перережечь. »

Не смотря на скудное пропитаніе, для людей и животныхъ саранчею оставленное, Гетманъ отправилъ Генеральнаго Асаула Ломиковскаго къ Очакову и Буджаку. Продержавъ ихъ въ осадѣ нѣсколько врамени, Ломиковскій выжегъ и разграбилъ ихъ предмѣстія и окрестныя селенія, освободилъ множество плѣнныхъ Христіанъ, а съ ними захватилъ и Татаръ; скота и лошадей угналъ онъ столько, что изъ продажи выручена была огромная сумма, раздѣленная тогда-же на войско, на скарбъ народный и на Гетмана. Другой отрядъ козацкихъ войскъ, стоя у крѣпости Самарской, оберегалъ гра-

ницы и переправы на Конскихъ водахъ и на Днѣпрѣ.

Въ это время получили извѣстность Полковники: Винницкій—Самусь и Хвастовскій—Палій.

Первый ходилъ съ своимъ полкомъ, вмѣстѣ съ Ломиковскимъ, противъ Татаръ. Въ битвѣ съ ними, подъ Аккерманомъ и Киліею, онъ, захвативъ ихъ въ плѣнъ тысячами, услалъ въ Россію, Венгрію и Польшу; освободилъ множество Христіанъ; увелъ весь скотъ и истребилъ жилища. Мазепа назвалъ его своимъ Наказнымъ Гетманомъ.

«Надобно знать,—говоритъ наша лѣтопись,—что Заднѣпрскіе козаки, состоя всегда подъ верховнымъ правленіемъ Малороссійскаго Гетмана, и бывши признаны таковыми и по послѣднему Россіи съ Польшею мирному трактату, имѣли, однако, у себя особыхъ Гетмановъ, зависимыхъ отъ великаго Гетмана Малороссійскаго, исключая тѣхъ, кои въ революціи то отъ Польши, то отъ противныхъ партій, наставлены были. И сіи козаки долго удерживали свободу свою, заведенную въ самой неизвѣстной древности и употребительную во всѣхъ вольныхъ народахъ: чтобы воевать за ту изъ иностранныхъ державъ, которая согласитъ ихъ подарками, а наипаче народными выгодами; по сему-то и воевали они съ Собѣскимъ за Цесаря на Турковъ и Татаръ, а за Татаръ и Турковъ воевали на Польшу; и сія свобода видна въ самомъ стройномъ состояніи Малороссіи и во всемъ ея войскѣ, т. е. война Гетмана Вишневецкаго, когда воевалъ онъ за Царя на Турковъ и Татаръ подъ Астраханью, и война Гет-

мана Богдана Хмѣльницкаго, какъ онъ, бывши уже подъ Царскою Державою, посылалъ сильный корпусъ на Цесарцевъ и Поляковъ, въ помощь Королю Шведскому. Поводомъ свободы оной оказался въ Заднѣпріи великимъ воиномъ Семенъ Палій. Онъ былъ родомъ изъ Борзны, женился въ Хвастовѣ и, бывъ первѣе Полковникомъ Охочекомонным, потомъ произведенъ Гетманомъ Мазепою въ Полковники Регистровыхъ козаковъ Хвастовскихъ; но, сверхъ того полку, держалъ онъ при себѣ и Охочекомонныхъ козаковъ на своемъ иждивеніи или съ выдѣломъ добычи, и всегдашнее съ ними упражненіе было воевать за всѣхъ, кто-бы его ни позвалъ. Такимъ образомъ воевалъ онъ на Турковъ за Цесаря съ Собѣскимъ, воевалъ и отъ Турковъ противной партіи Собѣскаго; между тѣмъ велъ безпрестанныя войны со всѣми Татарами за отгонъ плѣнниковъ изъ державъ Христіанскихъ, которыхъ отбивалъ и возвращалъ въ прежнія жилища, и за-то обсылаемъ былъ отъ Государей подарками и почестями. Да и отъ самихъ Татаръ взималъ нѣсколько разъ разныя контрибуціи; а паче когда взялъ-было въ плѣнъ самоѓо Хана и нѣсколько Ханскихъ Вельможъ. Тутъ они нещадили и самыхъ остатковъ сокровищъ предка ихъ Чингисъ-Хана; ибо Батыевы сокровища, награбленныя въ Россіи, истощилъ уже у нихъ Запорожскій Гетманъ Кошевый Сирко, которому Палій во многомъ подобился. И онъ жилъ себѣ, какъ владѣтельный Князь, въ полной славѣ и въ изобиліи, признавая, впрочемъ, верховнымъ начальникомъ надъ собою Малороссійскаго Гетмана и исполняя всѣ его предписанія, до службы войско-

вой и устройства касающіяся. Зависть человѣческая, обыкновенная спутница счастливцевъ, непреминула гнать и Палія съ той стороны, съ которой онъ не чаялъ.»

Польскіе Историки сказываютъ, что козаки, подговариваемые Турками, въ то время начали *возмущаться* въ Украйнѣ подъ предводительствомъ Палія; что, будучи недовольны притѣсненіями отъ войска и отъ Польскихъ пановъ, обиженные самовольнымъ отнятіемъ добычи, полученной ими въ Будякѣ и въ Валахіи, они жаловались Яблоновскому; что, между прочими мерзостями Польскихъ пановъ и дворни ихъ, они представляли Коронному Гетману отнятіе имущества у Барабаша и убійство одного козака, въ Шаргородѣ, людьми Короннаго конюшаго; отнятіе коня и оружія у Полковника Самуся людьми Старосты Галицкаго; что, наконецъ, Яблоновскій доносилъ о томъ Королю, но ни Барабашъ ни Самусь не были удовлетворены. «Такъ-«то претерпѣнныя несчастія»—заключаетъ Польскій историкъ —«не пріучили поступать съ козаками «кротко, справедливо.»

Какъ-бы то ни-было, скоро Яблоновскій принужденъ былъ двинуться въ западную Украйну противъ Палія. Козаки отступили отъ Ставищъ къ Хвастову и заперлись; городъ взятъ былъ штурмомъ; козаки отступили въ за́мокъ, и ночью скрылись. Яблоновскій погнался-бы за ними, но Турки начали опустошать Волынь и Червонную Русь, грабить и раззорять имѣнія Королевскія и его собственныя, наконецъ чуть-было не схватили въ Зло-

човѣ и самого Короля. Все это понудило Яблоновскаго идти отъ Хвастова къ границамъ Республики.

Тогда Палій поѣхалъ на богомолье въ Кіевъ. На дорогѣ Поляки схватили его и завезли въ Магдебургъ на вѣчное заточеніе; тамъ просидѣлъ онъ около года; козаки нахватали Поляковъ и обѣщали продать ихъ въ Крымъ, если правительство Польское не отдастъ въ замѣнъ за нихъ Палія. Но надежда была тщетная. Царь, а болѣе Мазепа, который не любилъ Хвастовскаго Полковника, приказалъ освободить Поляковъ, не сказавъ ни слова Рѣчи Посполитой о Магдебургскомъ плѣнникѣ.

ВъГерманію шелъ изъ Малороссіи купеческій караванъ огромныхъ возовъ паро-воловыхъ съ пшеномъ, кожами, шерстью и другими продуктами. Подъ шерстью спряталось триста вооруженныхъ козаковъ; обозъ упросился ночевать въ Магдебургѣ, воловики наняли часть травы подъ городомъ и угнали туда на пастьбу скотъ. Ночью козаки вылѣзли изъ фуръ, перевязали стражу замка, вывели Палія изъ тюрьмы, вывезли четыре полевыя пушки, и изчезли, оставя въ-замѣнъ за Полковника возы, воловъ и товары. Погоня была безуспѣшна. Чтобъ вознаградить свой убытокъ, козаки, на обратномъ пути, разграбили помѣстья вельможъ, участвовавшихъ въ заключеніи Полковника.

Поляки не преминули мстить Палію и дѣлать надъ нимъ поиски. Безъ воли Королевской отправились полки гусарскіе и пѣхота Нѣмецкая съ артиллеріею къ Хвастову. Палій провѣдалъ объ ихъ приближеніи и скрылъ свои полки въ садахъ и

лѣсахъ Хвастовскихъ. Едва они приблизились къ городу, онъ напалъ на нихъ съ двухъ сторонъ, разбилъ, разогналъ и отнялъ артиллерію; Поляки, этимъ недовольствуясь, собрали отрядъ значительнѣе перваго и послали его, подъ командою Венгерца Рустича, на Палія; этотъ пригласилъ Самуся, Абазу и Искру, упредилъ зачинщиковъ, встрѣтилъ ихъ подъ Бердичевымъ, разгромилъ и остатокъ отъ избіенія вогналъ въ зàмокъ Майжелевскій. Рустичъ туда-же убѣжалъ и, ночью, спустясь со стѣны по веревкѣ, оставилъ своихъ подчиненныхъ на жертву козакамъ.

Тогда Поляки примирились съ Паліемъ, и въ скоромъ времени мы видимъ полкъ Хвастовскій, 1691.
награжденный Королемъ двумя тысячами злотыхъ.

Что касается до Самуся, его Король поставилъ 1690.
на мѣсто Могилы Заднѣпрскимъ Гетманомъ; прислалъ ему клейноды, подтвердилъ привилегіи и указалъ ему Винницу резиденціею. Новый Гетманъ собралъ Гультяевъ и Запорожцевъ, опредѣлилъ имъ Полковниковъ и занялся любимымъ Украинскимъ занятіемъ: — борьбою съ Крымцами и Турками.

Говоря о подвигахъ Палія и Самуся, Малороссійскія лѣтописи такъ описываютъ ихъ отчаянные наѣзды:

Хотя на широкихъ и пустыхъ степяхъ нѣтъ ни одной тропинки, ни слѣду, какъ на морѣ; но эти ватаги, хорошо зная пути, ѣздили какъ по большимъ дорогамъ; опасаясь преслѣдованья отъ Татаръ, мѣсяцъ-другой огня не разводили, питались разъ

въ день скудною пищею, толокномъ и толчеными сухарями, конямъ не давали ржать, крылись по камышамъ и тростникамъ, какъ дикіе звѣри; чтобъ уничтожить слѣды свои, съѣзжались и разъѣзжались; днемъ узнавали путь по кряжу земли и по солнцу, ночью—по звѣздамъ, вѣтру и ручьямъ.

Въ *думѣ* о трехъ братьяхъ, которую и нынѣ поютъ слѣпцы Украинскіе, мы видимъ признаками пути—терновыя вѣтви и куски одежды, брошенные передовыми всадниками для остальныхъ.

Таковы-то были Палій и Самусь.

Между тѣмъ Мазепа, то милостями Государя, то происками и жестокою местью надъ врагами своими, усиливался на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Ему необходимо было выставить себя хоть однажды великодушнымъ, чтобъ потомъ съ большимъ неистовствомъ преслѣдовать людей, которыхъ подозрѣвалъ онъ въ пасквильничествѣ.

Рейтарскаго строя Ротмистръ Сибилевъ, подгулявъ, пришелъ въ Глуховскую Ратушу и сказалъ, при свидѣтеляхъ, что ратные люди сойдутся, убьютъ Гетмана и изберутъ другаго; его сковали, и отвезли въ Сѣвскъ къ Воеводѣ Леонтьеву и приговорили къ смертной казни; Мазепа вымолилъ ему жизнь.

Въ то-же время продолжался розыскъ о сочинителяхъ пасквилей. Мирныя семейства и обители иноковъ не могли укрыться отъ гоненія подозрѣвающихъ. Судьба постигла чернеца Соломона; духов-
1692.

ный санъ не защитилъ его; отправленный въ Москву, онъ не вытерпѣлъ пытки и казненъ въ Батуринѣ *казнью жестокою-смертною.*

Очередь пришла Махайлѣ Самуйловичу, племяннику бывшаго Гетмана, сосланному въ Москву, въ 1687 году. Его били кнутомъ; завернувъ руки за спину, подымали его къ потолку веревкою, привязанною къ кистямъ рукъ; потомъ, связавъ обѣ ноги и вложивъ межъ-нихъ бревно, опускали съ быстротою внизъ; онъ виснулъ на воздухѣ, палачъ становился на бревнѣ и подпрыгивалъ; руки выворачивались въ плечахъ изъ суставовъ; но «Мишка «Гадячскій не сознаъ свое преступленіе»—такъ писалъ Мазепа и сослалъ изувѣченнаго пыткою Самуйловича въ Сибирь на вѣчное житье.

Леонтій Полуботокъ и сынъ его Павелъ не ушли отъ Мазепиныхъ преслѣдованій; лишенные всего имущества, они содержаны подъ стражею.

«Да будетъ вѣдомо Великимъ Государямъ,»—писалъ Гетманъ Петру,—«что мы, Гетманъ, Леонтія «Полуботка и сына его содержимъ за карауломъ.... «того ради, зная, что сынъ Полубтковъ не остерегъ *насъ, властителя своего,* какъ ему надлежало; только спомощникомъ Мишкѣ учинився, «искали головы нашей и зла всей Старшинѣ и возмущенія народа; а старой Полуботокъ, въ Переяславлѣ на Полковничеетвѣ обрѣтаяся, промышлялъ «о Гетманствѣ и желалъ намъ, Гетману, и всѣмъ «при насъ будучимъ, пагубы и нестроенія въ народѣ. Постановили есмы, съ Старшиною и съ «Полковниками, взять отъ нихъ Полубтковъ всѣ

« маетности старыя и нынѣ вновь данныя, и однѣ « привратить къ городу Чернигову, потому что « издавна тому городу надлежали, а другія обра- « тить на войсковый прожитокъ. »

Такъ угнеталъ пришлецъ красу Малороссіи — Павла Полуботка; такъ, не-признанный сердцемъ Украйны, Гетманъ осмѣливался себя называть *властителемъ народа;* старый Хмѣльницкій не рѣшился-бы противу закона и чести брать на себя такую власть; представитель народа, военачальникъ козаковъ, избранный волею общею, могущій быть свергнутымъ тою-же волею, Мазепа отнюдь не былъ властителемъ Украйны; а любилъ-ли онъ ее или себя одного, мы увидимъ по дѣламъ его.

Зная о неудовольствіи Старшинъ и войска на Гетмана « за излишнія строгости и великія издирства, » — Крымскій Ханъ предпринялъ возмутить Малороссію и вызвалъ къ себѣ сродника Искры, любимца Мазепы, войсковаго Канцеляриста Петрика. Этотъ, подъ именемъ Гетманскаго посланника, проѣхалъ черезъ Запорожье къ Хану; обнадеженный, что будетъ Гетманомъ, онъ взялъ значительный Та-
1692. тарскій отрядъ, при которомъ былъ и Ханскій сынъ, и направилъ путь въ средину Малороссіи, къ Переяславлю, чтобъ, провозгласивъ себя Гетманомъ, соединиться съ Паліемъ. Онъ прошелъ удачно Херсонскою степью до Чигиринъ-Дубровы; городовые козаки и компанейцы выжгли посады Очакова, и съ значительною добычею возвратились къ Мазепѣ. Гетманъ взялъ съ собою эти полки и пошелъ съ Гамалѣею на-встрѣчу Петрику, который разорилъ Полтавскій полкъ, подступилъ къ городамъ Орель-

скимъ, назвался побочнымъ сыномъ Мазепы, его единственнымъ наслѣдникомъ, издалъ универсалъ и уговаривалъ Украйну возстать противъ Москвы и соединиться съ Крымцами. Такой универсалъ не могъ быть успѣшенъ. Гетманъ обѣщалъ тысячу талеровъ за Петрика живаго или мертваго; послалъ въ поискъ за нимъ три отряда, одинъ съ Полковникомъ Кіевскимъ Коровкою и Переяславскимъ Мировичемъ, другой съ Черниговскимъ Яковомъ Лизогубомъ, третій съ Гадячскимъ Михайломъ Боруховичемъ и Миргородскимъ Даниломъ Апостоломъ; а самъ вступилъ въ Полтаву съ многочисленнымъ войскомъ. Петрикъ вышелъ изъ Украйны и неудачно повторилъ въ слѣдующемъ году свои покушенія.

Три года продолжалась его борьба съ Мазепою. И хотя Виніусъ привезъ Гетману извѣстіе, что Государи отложили походъ на Турковъ и на Крымцевъ, но козаки наши не были въ бездѣйствіи: Лубенскій полкъ, подъ предводительствомъ Палія, разбилъ Татаръ у Кизы-Керменя; Миргородскій разбилъ ихъ на Ингулѣ; Полтавскій захватилъ въ плѣнъ нѣсколько Крымцевъ и увелъ стадо лошадей изъ-подъ Перекопа; въ концѣ года, между Днѣпромъ и Бугомъ, при Кодимѣ, Палій и полки Переяславльскій и конноохочій Пашковскаго трое сутокъ бились съ Татарами Нагайскими и Бѣлгородскими; эти шли на Кіевъ, тѣ ихъ прогнали. 1693.

И какъ-же отблагодарилъ Гетманъ козакамъ за побѣды? Наложилъ денежный сборъ съ шинковъ, винокурень и гуртовыхъ винныхъ продажъ; донесъ Государю о поборахъ и жестокости помѣщиковъ, о излишнихъ работахъ крестьянъ, и выхлопоталъ

указъ надзирать за Малороссійскими помѣщиками, какъ будто-бы не вправѣ былъ то дѣлать и безъ указа.

Съ новымъ годомъ Петрикъ снова привелъ толпы Крымцевъ въ Украйну.

Этотъ набѣгъ былъ вовсе неожиданный, послѣ прошлогоднихъ побѣдъ надъ Крымцами. Его не льзя было предполагать. Переяславскій полкъ первый пострадалъ.

Мазепа, какъ мы уже видѣли, не любилъ Семена Палія. И прежде Палій просилъ, чтобъ его приняли въ Царское подданство; но Гетманъ сослался на миръ Россіи съ Польшею, и не только не принялъ его самого, но запретилъ своимъ полковникамъ принимать его козаковъ въ службу. Однако-жь Палій добровольно пошолъ на грабителей; въ Лысянкѣ къ нему присоединились Пашковскій и Кузменко, Полковники охочекомонные, и Мокіевскій, преемникъ Коровки, бывшаго Кіевскаго Полковника; изъ Лысянки пошли они степью къ Бабанкѣ, мимо Уманя; ни днемъ ни ночью не отдыхая, дошли до Буга и потомъ приблизились къ Очакову. На дорогѣ встрѣтили Татаръ и заставили ихъ положить оружіе. Палій и Пашковскій стали въ верстѣ отъ города, Мокіевскій и Кузменко пошли на городъ. Нивы были зажжены. Огонь, предвѣстникъ козаковъ, вызвалъ человѣкъ около пятидесяти изъ города; наши начали ихъ заманивать; вскорѣ четыреста Турковъ пѣшихъ и полтораста конныхъ, подъ начальствомъ Очаковскаго Бея, погнались за нашими; за дымомъ не видали, что къ нимъ приближается свѣжій отрядъ.

То былъ Палій. Силы наши стали превосходнѣе; козаки напали на Турковъ, гнали ихъ до крѣпостныхъ воротъ; двѣ сотни ихъ легло на мѣстѣ, взято въ плѣнъ было девяносто, отнято три бунчука, угнано двѣсти сорокъ воловъ и пятнадцать тысячь овецъ.

Окончивъ Очаковскую экспедицію, Палій соединился съ Полковниками: Черниговскимъ Яковомъ Лизогубомъ, Лубенскимъ Леонтіемъ Свѣчкою, Переяславскимъ Иваномъ Мировичемъ, Прилуцкимъ Дмитріемъ Горленкомъ, Наказнымъ Нѣжинскимъ Матвѣемъ Шендюхомъ, да съ Компанейскими: Кожуховскимъ, Ясликовскимъ и Максимовичемъ; все это составило отрядъ въ двадцать тысячь козаковъ, съ двадцатью пятью пушками. Пошли раззорять селенія Татаръ Буджакскихъ; а Кошевой Шарпило, съ семью-стами Запорожцами, явился подъ Перекопомъ, раззорилъ каланчи на Сивашѣ, отнялъ восемь пушекъ, разбилъ Крымскаго Султана Нурадина въ кровопролитной битвѣ у Молочныхъ водъ, и привелъ въ Сѣчу много плѣнниковъ.

Государь въ это время изготовился къ войнѣ съ Турками, назначилъ сборнымъ мѣстомъ Воронежъ, построилъ флотилію и весною, въ тысяча шесть-сотъ девяносто пятомъ году, двинулись двѣ Русскихъ арміи: въ одной, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева, было сто тысячь воиновъ, въ другой, подъ командою Алексѣя Семеновича Шеина, тридцать тысячь. Первая пошла къ Днѣпру, вторая къ Азову.

Шереметевъ соединился съ Мазепою, Запорожцами и Слобожанами. Они взяли многія крѣпости и въ

томъ числѣ Кизы-Кермень, Асланъ-Кермень, Нустри-Кермень; построили на Днѣпровскомъ острову крѣпость Тавань, которая потомъ, по Карловичскому миру, была раззорена, и оставили въ ней значительный гарнизонъ. Болѣе другихъ отличился въ этомъ походѣ Миргородскій Полковникъ Данило Апостолъ; но Мазепа не его послалъ къ Царю съ плѣнными, а Мировича, Мокіевскаго и Боруховича, которые возвратились изъ Москвы съ богатыми подарками.

Что касается до арміи Шеина, ея походъ не столь былъ удаченъ. Гвардейскій Капитанъ Янсенъ заклепалъ Царскія пушки и бѣжалъ къ Туркамъ. Русскіе, овладѣвъ двумя каланчами, оставили въ нихъ сильный гарнизонъ и отступили отъ Азова.

Сосѣдство съ Крымцами не давало покоя на Югѣ Малороссіянамъ; еще не открылась весна, какъ, не смотря на свои потери прошлогоднія, Орда внесла въ нашъ край опустошенья и грабежи и снова уведены были въ рабство толпы Украинцевъ. Это случилось въ Февралѣ. Крымцы ворвались въ полки Полтавскій и Миргородскій: Боруховичъ и Апостолъ встрѣтили ихъ у Соколки, разбили, загнали въ устье Ворсклы, и перетопили множество; но потеря была велика съ обѣихъ сторонъ. Смерть Охочекомоннаго Старшины Вечорки наиболѣе козаковъ огорчила. Онъ имѣлъ при себѣ партію отчаянныхъ удальцовъ и охотниковъ; всегда служилъ въ тѣхъ козацкихъ отрядахъ, которые были ближе къ непріятелю. Въ эту войну «побужденіемъ, видно, поступленныхъ «Мазепою талеровъ, напускалъ всегда въ середину

«Татаръ и искалъ Петрика.» Вскорѣ, близъ мѣстечка Кишенокъ, нашли тѣло Петрика, пробитое насквозь копьемъ и повѣшенное на крюкъ, съ надписью: бунтовщикъ и возмутитель. А потомъ отыскали и трупъ Вечорки изуродованный, съ вырваннымъ сердцемъ.

Тутъ началась осада Азова вторичная. Пятнадцатитысячный отрядъ козаковъ пошелъ къ Азову, подъ начальствомъ Полковниковъ: Якова Лизогуба, Боруховича, Горленка и Свѣчки, да Компанейскихъ Полковниковъ: Федорины и Кожуховскаго. У Коломака Мазепа съ Шереметевымъ охраняли наши границы отъ вторженія Татаръ. Лизогубъ за Азовомъ пересѣкалъ сообщенія Ордъ Кубанскихъ съ городомъ. Онѣ безпрерывно нападали на козаковъ, но всегда были отбиваемы. Во время ихъ нападеній городскіе Турки всегда дѣлали вылазки; пытаясь помогать нападающимъ; но и они столь-же мало имѣли успѣха. Одно изъ этихъ дѣлъ вовлекло Турковъ въ большую потерю: разгоряченные козаки кинулись къ городу, овладѣли однимъ укрѣпленіемъ и четырьмя въ немъ находящимися пушками, прибавили своихъ девять и начали пальбу по городу, которая продолжалась цѣлые сутки, — это было Іюля 17; а девятнадцатаго Азовъ сдался Петру.

Войску козацкому Государь подарилъ пятнадцать тысячь рублей, обѣщая прислать изъ Москвы еще прибавку къ этой суммѣ.

Лизогубъ получилъ сорокъ соболей и двѣсти рублей денегъ, Полковники по тридцати червонцевъ, всѣ Старшины по пятнадцати; о Мазепѣ-же нечего и

говорить, какъ онъ щедро одаренъ былъ Петромъ. Запорожцы также имѣли свою долю наградъ. Подъ предводительствомъ Кошеваго Чалого, они, и при нихъ Мокіевскій, съ регистровыми, захватили восемь Турецкихъ кораблей съ хлѣбомъ и десять съ товарами, шедшихъ къ Очакову; людей побили, перетопили и часть взяли въ плѣнъ. Государь подарилъ имъ всѣ товары съ десяти кораблей.

Въ Острогожскѣ случилось знаменитое свиданіе Мазепы съ Петромъ. Старый Гетманъ поднесъ молодому покорителю Азова саблю Турецкую въ золотой оправѣ съ драгоцѣнными каменьями, и щитъ съ такимъ-же украшеніемъ на золотой цѣпи; Царь посѣтилъ старика, благодарилъ его и отпустилъ въ Украйну. На Таванѣ взбунтовались козаки противъ Мокіевскаго, лишили его полковничества, поставили Полковникомъ Хорунжаго Сергѣя Солонину; Мазепа послалъ туда Генеральнаго Бунчужнаго Еѳима Лизогуба и прекратилъ мятежъ.

Платя долгъ счастью за удачи и выиграши въ походахъ, Малороссіяне лишились Плечника и Юрченка. Когда Мазепа пошелъ отъ Коломака къ Орчику, Полтавскій сотникъ Плечникъ и при немъ другой Сотникъ Юрченко были отряжены со ста семью-десятью козаками къ Молочнымъ водамъ. Встрѣтясь на дорогѣ съ Татарами, они взяли пятнадцать человѣкъ въ плѣнъ, остальные или погибли въ стычкѣ или спаслись бѣгствомъ; углубляясь далѣе въ степь, козаки наскочили на многочисленную орду. Началось отступленіе и безпрерывная перестрѣлка на нѣсколько часовъ; наконецъ эта горсть окружена

была толпой. Плечникъ и его сподвижникъ израненные были взяты въ плѣнъ.

Времена измѣнились. Янъ Собѣскій скончался, Августъ II вступилъ на престолъ; Царь Іоаннъ Алексѣевичъ также сошелъ въ могилу, оставя самодержавіе, и безъ того Самодержавному, младшему Брату своему.

ГЛАВА XLI.

Царь за границею. Апостол. Дѣла под Аслан-Керменем и Кизы-Керменем. Переписка Татар с козаками. Битвы. Отступленіе Турков и Татар. Смерть Дорошенка. Рополчь. Царь в Москвѣ. Бунт Стрѣльцов. Мазепа в Воронежѣ. Донос Забѣлы. Пытка. Великолѣпный пріем Мазепѣ в Москвѣ.

Царскій : МАЗЕПА. | *Королевскій :* САМУСЬ.

1697. Государь уѣхал в чужіе краи; Ближній Стольник Князь Яков Ѳедорович Долгорукій соединился с Мазепою; прикрывая завоеванныя земли и города, они предприняли взять Очаков. Данилѣ Апостолу вручили начальство над главным войском; переправились через Днѣпр у Койдака; оттуда пошли к Кизы-Керменю. Разбив Турецкій отряд, встрѣченный на пути, взошли в крѣпость, наполнили ее гарнизоном, Воеводою поставили Бухвостова. Хан и Секраскир Али-Паша заняли Аслан-Кермень, оставленный Запорожцами. Султан Казы-Гирей с Бѣлогородскою Ордою подошел к Кизы-Керменю. Гавань и Кизы-Кермень были окружены Магометанами. Началась осада обѣих крѣ-

постей. Козаки Мазепы и войско Долгорукаго отражали осаждающихъ, подновляли укрѣпленія; но Турки, отрѣзавъ, втораго Августа, сто человѣкъ нашей конницы, часть изрубили, другую взяли въ плѣнъ. Гетманъ и Князь, усиля гарнизонъ, отплыли въ Украйну за свѣжимъ войскомъ, и прибыли въ Томаковку, плывя щесть сутокъ противъ вѣтра. Дикія груши, яблоки, тернъ Днѣпровскихъ островъ питали войско наше во время труднаго плаванія. Мазепа послалъ изъ Томаковки въ Тавань семь-сотъ козаковъ полка Лубенскаго, а Долгорукій— Елчанинова съ Стрѣльцами. Двѣ недѣли Турки стояли у Таваня укрѣплялись, подкапывались. Охотники, сдѣлавъ изъ Таваня вылазку, были прогнаны въ городъ; пальба продолжалась изъ ломовыхъ пушекъ; бомбы летали въ городъ день и ночь. Черезъ два дня Турки съ новымъ ожесточеніемъ подступили къ Кизы-Керменю, устроили въ двухъ разоренныхъ крѣпостцахъ шанцы; Воевода Тованскій прислалъ къ осажденнымъ тысячу человѣкъ. Уже Турки подставили лѣстницы къ стѣнамъ,—крѣпостной гарнизонъ и отрядъ, присланный Бухвостовымъ, отбили ихъ; они начали устроивать подкопы. Григорій Яковенко—Кошевый Атаманъ Запорожскій, наблюдавшій враговъ у Днѣпра, разбивъ, Августа 23-го, четыре Турецкія судна, отнявъ у нихъ знамя и пушку, пошелъ на Тавань, бился съ Татарами Бѣлогородскими, переправился черезъ Днѣпръ Сентября 9-го и вступилъ въ крѣпость. Обрадованные козаки еще съ бóльшимъ упорствомъ удерживались въ стѣнахъ своихъ. Турки съ удвоеннымъ ожесточеніемъ силились туда вступить. Шанцы были подве-

6 Сентября. 8 Сентября. 9 Сентября.

дены къ самой крѣпости, непріятель съ двухъ сторонъ вошелъ въ ровъ, подкопалъ три бастіона. Наши насыпали новые валы, вырыли новые рвы внутри крѣпости. У Кизы-Керменя то-же были воз-
Сентября 14. обновляемы безполезныя покушенія: Турки хотѣли ворваться въ городъ чрезъ проломъ,—козаки ихъ прогнали. Приступили къ переговорамъ.

Сентября 23. На Татарской стрѣлѣ было прислано въ Тавань письмо:

«Въ семъ городѣ находящимся Сотникамъ Черкасскимъ и козакамъ поздравленіе! Мы съ вами изстари друзья; для чего-же сражаетесь за сей нашъ городъ и умираете за Москву, вамъ недоброжелательную? Оставьте лучше сопротивленіе и сдайте крѣпость. Если согласны, пришлите когонибудь къ Желтому знамени. Несогласны?—Воля ваша; грѣхи ваши на вашихъ главахъ.»

На другой день прилетѣла другая стрѣла съ письмомъ:

«Отъ всего Турецкаго войска и Хана Крымскаго слово: да будетъ вамъ извѣстно, что всѣми землями обладаетъ Султанъ, и Тавань его городъ. Если вамъ милы здоровье и свобода, сдайте намъ городъ безъ поврежденія; а не то—намъ помогутъ единъ Богъ и Пророкъ Его Магометъ, мы возьмемъ Тавань и всѣхъ васъ вырубимъ.»

Въ припискѣ Паша увѣрялъ козаковъ, что они умышленно покинуты Гетманомъ на гибель, съ цѣлью, чтобъ ихъ смерть схоронила тайну его, чтобъ не выявилось предъ Царемъ, что и онъ, Гетманъ, бралъ значительные подарки за уступку Таваня и Казы-Керменя. Паша обѣщалъ тысячи начальникамъ гарни-

зона, и по шести левовъ на козака, въ-случаѣ добровольной сдачи; увѣрялъ, что самъ отвезетъ ихъ въ Украйну съ тяжестями и съ аммуниціею. Преданные «*Царю Восточному-Православному*,» козаки отказали Пашѣ, отвѣчая съ презрѣніемъ, что имѣютъ честь и совѣсть, и хотя-бы всѣ Паши и всѣ Гетманы были лишены той и другой, они никогда не разстанутся съ этими добродѣтелями. Вотъ ихъ письменный отвѣтъ:

«Мы, Старшины войска Запорожскаго и Москов-
«скаго, городовыхъ и охотныхъ полковъ, читали Сентября 25.
«ваше письмо, въ которомъ стращаете вы насъ Про-
«рокомъ и саблями. Мы на васъ бусурманиновъ не
«походимъ, ложнымъ пророкамъ невѣримъ; надеж-
«ду возлагаемъ на Бога и Его Матерь Пресвятую.
«И наши сабли еще не заржавѣли; и наши руки
«еще не ослабли; хлѣба и воинскихъ припасовъ у
«насъ довольно; вы города не возьмете, но погиб-
«нете; удержитесь отъ лжи и угрозъ. Мы не сда-
«димъ города; мы ждемъ помощи; да и безъ помо-
«щи готовы идти на васъ бусурманъ за вѣру Хри-
«стіанскую и за Царя Восточнаго: надѣемся на по-
«бѣду съ нашей стороны и на поношеніе съ вашей.»

Получивъ отвѣтъ, по-утру, Турки не откладывали до другаго дня; въ первомъ часу по-полудни взлетѣлъ подкопъ, подведенный подъ валъ и подъ бастіоны, устроенные внутри. Этотъ взрывъ перебилъ множество осаждающихъ, врывавшихся въ проломы, взбѣгавшихъ на валы; Турецкій флотъ громилъ крѣпость пальбою съ противоположной стороны. Битва длилась пять часовъ. Враги отступили.

Насыпая высокій валъ вокругъ крѣпости, они заглядывали съ него туда. Пальба не умолкала; снявъ осаду съ Кизы-Керменя, тамошній отрядъ по-
Сентября 2°. дошелъ на помощь къ обложившимъ Тавань. Тридцать тысячь Турковъ, десять тысячь Татаръ Бѣлгородскихъ и Крымцы приготовились къ вторичному, рѣшительному приступу. Вдругъ пришло извѣстіе, что Полковникъ Полтавскій, Искра, идетъ къ осажденнымъ. Испуганный его приближеніемъ, Али-Паша сѣлъ съ войскомъ на суда и уплылъ.

Эти двѣ осады стоили Магометанамъ подъ Кизы-Керменемъ пять сотъ человѣкъ, подъ Таваномъ три тысячи убитыми и три тысячи раненными. Наша потеря была то-же значительна, хотя въ меньшей степени; въ четырехъ полкахъ: въ пѣшемъ Сердюцкомъ, Черниговскомъ, Лубенскомъ и Стародубскомъ убито двѣсти пять, ранено триста сорокъ семь козаковъ; да Запорожцевъ убито сорокъ восемь, ранено семдесять восемь, несчитая Московскихъ полковъ Стрѣкалова и Анненкова, въ которыхъ потеря
1698. неизвѣстна. Весною Мазепа и Долгорукій исправили завоеванныя крѣпости и усилили въ нихъ гарнизоны. Наѣзды Татарскіе, мѣлкія стычки, продолжаясь постоянно до глубокой осени, окончились взятіемъ у Татаръ семи-сотъ пятнадцати плѣнныхъ, девяти пушекъ, одиннадцати знаменъ, множества скота и лошадей. Съ этою добычею козаки возвратились въ Украйну. Мазепа не забылъ, однако-же, учредить при пограничной Самарской крѣпости стражу конную и многочисленную, которая держала разъѣзды до Кизы-Керменя, и навѣдывались о состояніи завоеванныхъ крѣпостей.

Въ часы удачь военныхъ, въ то время, когда милости Великаго Петра сыпались богатою мѣрою на Гетмана Малороссіи, умиралъ,—забытый уже своими современниками, нѣкогда страшный для Поляковъ, для Русскихъ и для своихъ соотечественниковъ, другъ Музульманъ, раззоритель городовъ Украинскихъ, изгнанный изъ родины, храбрый Полководецъ, хитрый Гетманъ Чигиринскій, — Петръ Дорошенко. Давно уже онъ сошелъ съ поприща дѣятельной, наполненной славою и безславіемъ, счастьемъ и бѣдствіями жизни. Тоскуя далеко отъ Украйны, которой большая часть страдала, когда-то, подъ его булавой, онъ долго рвался на родину; властолюбивый, гордый, онъ молилъ Царей отпустить его на Югъ, по-ближе къ Крымцамъ, къ Туркамъ, въ Чигиринъ, въ Сосницу; мольбы оставались тщетными. Бездѣйственный зритель борьбы роднаго народа съ иновѣрцами, измѣненій уставовъ и правъ отчизны своей, онъ годы влачилъ, и безполезно и безвредно, недалеко отъ Москвы, въ Волоколамскомъ округѣ, въ имѣніи своемъ, въ селѣ Ярополчѣ. Наконецъ скончался на семдесять первомъ году жизни, Ноября девятаго. Бѣлый камень на берегу Ламы указываетъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ человѣка, нѣкогда неукротимаго. Кирпичная уже разрушающаяся палатка, съ кровлей деревянною, охраняетъ прахъ его и, ежегодно, Ноября девятаго, священникъ того села молитъ Бога о успокоеніи души нѣкогда столь честолюбивой, столь бурной, столь мало сострадательной. Во времена, когда онъ жилъ еще, на мѣстѣ могилы его стояла церковь Святыя мученицы Параскевіи; нынѣ отъ ней нѣтъ и слѣдовъ.

Ярополчь досталось въ наслѣдство дочери Дорошенковой, вышедшей за-мужъ за Загряжскаго.

Между тѣмъ возвратился въ Москву и Царь ученымъ мужемъ, даровитымъ художникомъ, неутомимымъ строителемъ, искуснымъ ремесленникомъ; съ опытностью въ наукѣ Государственной, съ новыми свѣтлыми, свѣжими помыслами о будущемъ просвѣщеніи, о благѣ, о силѣ, о славѣ своего Отечества; съ возмужалымъ геніемъ явился онъ среди народа Своего; укротилъ мятежныхъ Стрѣльцовъ; стеръ ихъ съ-лица земли; грознымъ, праведнымъ дѣломъ отвѣтствовалъ коварной и злобной сестрѣ Своей на ея злодѣйскія покушенія, и отправился въ Воронежъ, куда манилъ его побѣдительный флотъ, созданіе рукъ его, предъ которымъ палъ Азовъ. Война съ Турціею прекратилась Карловичскимъ перемиріемъ. Отечество успокоилось. Государь пригласилъ къ себѣ въ Воронежъ одного изъ своихъ любимыхъ сподвижниковъ, первѣйшаго въ Государствѣ Сановника, къ которому довѣренность была безгранична и непоколебима,—Мазепу. Награды, милости, дружественныя ласки снова и щедро полились на него.

1699. Не смотря на эту Царскую довѣренность, не смотря на казнь чернеца Соломона, явился въ Москву новый донощикъ на Гетмана: Данило Васильевичъ Забѣла, товарищъ бунчуковый. Обнадеженный Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, онъ рѣшился довести до свѣдѣнія Государя, что Гетманъ готовъ отъ него отложиться, сносится съ Ханомъ, съ умысломъ отправилъ Петрика въ Крымъ; доказательствъ у Заᅳ
Іюля 29. бѣлы не было. Его прислали на Украйну. Въ Генеральномъ Судѣ, въ Батуринѣ, начали допросъ. «Безъ

« разума и безъ памяти, не имѣя никакихъ наставни-
« ковъ, я пьяный говорилъ въ Москвѣ о Гетманской
« измѣнѣ. » Таковъ былъ отвѣтъ его. « Меня погуби-
« ла надежда на Шереметева » — прибавилъ онъ, когда вели его къ пыткѣ. Велѣли его взять на встряску, «на которой, съ полчаса будучи повѣшенъ, то-же говорилъ, что и передъ встряскою; потомъ опущенъ былъ на землю на четверть часа, снова поднятъ и держанъ нѣсколько времени, гдѣ *вопіл крикомъ великимъ* тѣ-же поновлялъ рѣчи.» Сынъ Генеральнаго Хорунжаго Василія, внукъ Генеральнаго Обознаго Петра—Забѣла, былъ лишенъ званія, приговоренъ къ смерти, освобожденъ отъ нее Мазепою и отданъ подъ строгій караулъ. Неизвѣстно по какой причинѣ позабыли объ немъ въ то время, когда замыслы Гетмана обнаружились; но его не освободили и тогда; двадцать шесть лѣтъ томился онъ въ неволѣ. Имѣніе у него было отобрано, и можетъ быть оно-то и было причиною этой неволи. Оно досталось Анастасіи Марковнѣ Маркевичевой; Гетману Скоропадскому, который былъ на ней женатъ, невыгодно было освободить Забѣлу, оправдать его и въ его пользу отобрать селы у своей жены.

Мазепа продолжалъ снискивать болѣе и болѣе милости Государевы. То запрещалъ торговать табакомъ и виномъ въ городахъ Украинскихъ, сосѣдственныхъ Рыльску; то посылалъ въ Москву, гдѣ не умѣли варить селитру, Малороссіянъ-селитроваровъ; наконецъ былъ вызванъ Государемъ въ столицу и удостоенъ величайшими почестями. 1700.

Воеводы Болховскій и Калужскій изготовили подъ проѣздъ Гетманскій по триста пяти-десяти

подводъ; всей свитѣ его, трубачу и конюхамъ отпускали меды, вино и пиво Царскіе. Коней его угощала щедро рангуша на Посольскомъ дворѣ. Самъ Государь приказалъ Стряпчему Текутьеву, чтобъ *всѣхъ чиновъ люди Гетманскіе были во всякомъ удовольствіи, и челобитья о томъ Ему, Великому Государю, не было.* По его просьбѣ жаловалъ Царь всѣхъ и каждаго, и въ томъ числѣ Генеральнаго Судью Василія Леонтьевича Кочубея пожаловалъ Стольникомъ. Гетманъ прибылъ въ Москву Января двадцать втораго; прогостилъ у Царя мѣсяцъ и три
Февраля 8. дни; получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, и Венгерскій бархатный зеленый кафтанъ на соболяхъ, съ алмазными запонками. Самъ Царь поставилъ себя шестымъ кавалеромъ Андреевскимъ, а Мазепу вторымъ, *за многія его въ воинскихъ трудахъ занятія и усерднорадѣтельныя вѣрныя службы и храбрыя чрезъ тринадцать лѣтъ побѣды.* И какъ онъ возвращался на Украйну, то на дорогу Царь прислалъ ему и запасовъ съѣстныхъ, и вина на весь дальній путь; два Капитана, съ двадцатью четырьмя Стрѣльцами, провожали его до границы Украинской.

Такъ Петръ Мазепу чтилъ.

ГЛАВА XLIII.

Война Шведская. Нарва. Козаки идутъ въ походъ. Переписка Головина съ Мазепою. Буджакскіе Послы. Дьякъ Михайловъ въ Батуринѣ. Совѣты Мазепы Царю. Досады Мазепы за бездѣйствіе. Эрестьеръ. Мазепа идетъ къ Быхову. Возвращается. Миклашевскій. Взятіе Быхова. Гоненіе за вѣру въ западной Украйнѣ. Ссора Мазепы съ Нарышкинымъ за карлицу. Письмо Канцлера къ Мазепѣ. Бунтъ Запорожцевъ. Гетманъ клевещетъ на Искру и на Миклашевскаго. Ссылка въ Сибирь Палія. Самусь оставляетъ Гетманство.

Царскій:	*Королевскій:*
МАЗЕПА.	**САМУСЬ.**

Началась война Шведская. Первый урокъ былъ тяжелъ, но полезенъ для Русскаго войска. То была битва Нарвская, въ которой козаки наши не участвовали. Только въ Августѣ получили они повелѣніе выступить изъ Украйны. Полтавскій Полковникъ Искра повелъ къ Ригѣ на Смоленскъ три тысячи. 1700.

Потомъ собрались полки: Кіевскій, Черниговскій, Стародубскій, Миргородскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и Охотничьи, подъ начальствомъ Нѣжинскаго Полковника Обидовскаго; всѣ они, въ числѣ пятнад-

цати тысячь, пошли къ Нову-городу. Зимовали во Псковѣ, Гдовѣ и въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, тревожили набѣгами Ливонію, уводили оттуда людей. Мазепа желалъ то-же участвовать въ походѣ, но воля Царя удержала его въ Украйнѣ, и онъ только наблюдалъ за сосѣдами. Это огорчало самолюбиваго Гетмана. Онъ писалъ къ Канцлеру Головину, еще до войны, въ Маѣ мѣсяцѣ, что долго ждать нужно столь удобнаго часа для открытія военныхъ дѣйствій съ Шведами и для возврата отъ нихъ своей собственности; что нерѣшительность и сомнѣнія надобно удалить отъ себя, ибо Шведы у своихъ сосѣдовъ отняли города и провинціи болѣе хитростью и коварствомъ, нежели войной. — И война по его совѣту началась, а онъ, противъ воли, оставался только зрителемъ.

Опасаясь, чтобъ ложные или преувеличенные слухи о Нарвской битвѣ не взволновали Украйны, Головинъ просилъ Мазепу невѣрить этимъ слухамъ, но прислать человѣка умнаго и надежнаго для узнанія истины. Мазепа благодарилъ его за предостереженіе. «Я самъ знаю — писалъ онъ, — что люди говорятъ съ прибавкою о морѣ и о войнѣ. Припишите Нарвскую битву волѣ Божіей и непостоянству счастья. Оно во всѣхъ дѣлахъ перемѣняется годами, мѣсяцами, днями, а въ войнѣ иногда мгновенно. Янъ Казиміръ велъ войну съ Шведами подъ стѣнами Варшавы, принужденъ былъ бѣжать въ Силезію, и вдругъ, выгнавъ Шведовъ изъ Польши, снова возсѣлъ на престолъ.» Такъ писалъ Гетманъ къ Канцлеру; а между тѣмъ, угощалъ присланныхъ изъ Москвы Инженеровъ: Ламотъ де Шампія и Де-

ривера; осматривалъ, дѣлалъ чертежи и исправлялъ укрѣпленія Кіева, Чернигова, Переяславля и Нѣжина.

Новый годъ встрѣтилъ Мазепа потерею любимаго племянника своего Наказнаго Гетмана, Нѣжинскаго Полковника, Стольника, Павла Ивановича Обидовскаго, женатаго на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей. Два сына Иванъ и Михайло остались сиротами; Государь принялъ къ сердцу скорбь стараго Гетмана; краснорѣчивымъ письмомъ утѣшалъ его, и за сиротами утвердилъ въ Нѣжинскомъ полку селы: Крупичполь, Вишневку и Сваричевку; въ Лубенскомъ — Коровай, въ Прилуцкомъ — Переводъ. 1701. Янв. 31.

Но уже двуличность Гетманская стала оказываться; и первымъ дѣломъ его противъ блага Россіи была отсылка Буджакскихъ Пословъ безъ удовлетворенія. Недовольная Крымцами, эта Орда прислала къ нему четырехъ мурзъ, съ просьбою принять ее въ Русское подданство, отвесть мѣсто для кочевья, и обѣщать оборону отъ Хана. Гетманъ отказалъ имъ по случаю мира съ Турками. Они просили, чтобъ, по древнему козацкому обычаю, ихъ принялъ къ себѣ самъ Гетманъ. Гетманъ и въ томъ имъ отказалъ. Мурзы уѣхали изъ Батурина, и не скоро уже поддались Россіи: черезъ семдесятъ лѣтъ.

Такъ, не давъ знать Государю о готовности цѣлаго народа поступить подъ его державу, Мазепа Апрѣля 8. то лестью, то совѣтомъ, то дарами и жертвами продолжалъ усиливаться въ Царскомъ мнѣніи. Немедленно послѣ выѣзда Буджакскихъ мурзъ, пріѣхалъ въ Батуринъ Дьякъ Михайловъ, для переговоровъ о тайныхъ дѣлахъ. «Благодарю Господа «Бога, Пречистую Его Матерь и Его Царское Ве-

«личество, что изволилъ призрѣть на меня поддан-
«наго своего, по премощной своей милости, и о «такихъ Государственныхъ секретныхъ дѣлахъ увѣ-«домилъ.» Такъ отвѣчалъ Мазепа Дьяку, когда тотъ прочиталъ ему послѣдній трактатъ Россіи съ Польшею; онъ взялъ къ себѣ статьи, чтобъ прежде разсмотрѣть ихъ прилежнѣе, и потомъ подать мнѣніе.

Поляки соглашались уговорить Сеймъ къ войнѣ съ Шведами; но за то требовали Трахтимирова, Стаекъ и Триполья; требовали отъ Государя согласія, чтобъ Республика населила Чигиринъ и мѣста опустѣлыя на правомъ берегу Днѣпра, и уступки нѣсколькихъ селъ полка Стародубскаго. Михайловъ спрашивалъ, не противно-ли будетъ это Малороссіянамъ. Гетманъ отвѣчалъ, что Трахтимировъ, Стайки и Триполье можно будетъ уступить: но Чигирина, Канева, Черкасъ, Крылова отдавать Полякамъ не слѣдуетъ, иначе одинъ Кіевъ останется только за Россіею, и никогда не будетъ спокойствія и тишины ни въ Запорожьи, ни въ западной Украйнѣ. «А о полку Стародубскомъ, отдѣлен-«номъ Сожью отъ Польши, напрасно толкуютъ По-«ляки; Сожь—естественная граница, которой уни-«чтожать не слѣдуетъ. Впрочемъ,» заключилъ Гетманъ «да будетъ воля Великаго Государя, Его Цар-«скаго Величества. Господня есть и Его Государева «земля и исполненіе ея; какъ Онъ, Великій Госу-«дарь, Помазанникъ Божій, соизволитъ, *такъ и я* «*учинить готовъ.*»

Во вторичное посѣщеніе Михайловымъ Гетмана, этотъ повторилъ прежнія слова свои на-счетъ Трактимирова, Стаекъ и Триполья; но съ тѣмъ, чтобъ

вся Рѣчь Посполитая утвердила миръ и внесла-бы его въ Конституцію. Эти дѣла, говорилъ онъ, слишкомъ важны для того, чтобъ толковать о нихъ съ Подканцлеромъ Щукою, на многихъ Сеймахъ опороченномъ; о нихъ должно вести переговоры съ Гнѣзненскимъ Архіепископомъ, съ Короннымъ Гетманомъ, съ Любомирскими; у нихъ есть имѣнія въ мѣстахъ, назначенныхъ къ уступкѣ; къ тому-же они управляютъ Рѣчью Посполитою. Михайловъ, уѣзжая, сказалъ Гетману отъ имени Государя, что и нынѣ и впредь Государь ничего не учинитъ безъ совѣта своего вѣрнаго подданнаго Гетмана и Кавалера.

И дѣйствительно, миръ былъ заключенъ собразно съ мнѣніями Мазепы.

Все-же онъ не могъ перенесть мысли о бездѣйствіи своемъ въ Шведской войнѣ; прославляя милосердіе Петра съ Запорожцами, не могъ удержаться, чтобъ не сказать Царскому посланцу: «жаль, что Великій Государь не употребилъ меня въ послѣднемъ походѣ. Съ Божіею помощію, на-вѣрно отвратилъ-бы я случившуюся неудачу.» Это милосердіе Петра было дѣйствительно велико. Запорожцы, возвращаясь изъ Лифляндіи, раззорили нѣсколько Русскихъ селъ и деревень, истребили крестьянъ, и Государь ограничился однимъ выговоромъ.

Карлъ XII-й пошелъ въ Курляндію, разбилъ Поляковъ и Саксонцевъ и, черезъ Литву, вступилъ въ Польшу. Два отряда Малороссіянъ выступили изъ Украйны: одинъ, съ Миргородскимъ Полковникомъ Даниломъ Апостоломъ, для прикрытія границъ; въ немъ было двадцат тысячь козаковъ; другой, семи-тысячной, подъ командою Полковника

Гадячскаго Боруховича, соединился съ Княземъ Рѣпнинымъ. При Боруховичѣ было двѣ тысячи Запорожцевъ. Мазепа выступилъ и самъ съ десятью тысячами, но изъ Могилева возвратился, чтобъ утишить безпокойства, происшедшія отъ Самуся и Палія.
1702. Перваго Января Апостолъ прославился подъ Эрестферомъ; онъ имѣлъ при себѣ полки Полтавскій, Лубенскій и Переяславльскій, сжегъ нѣсколько селъ, взялъ въ плѣнъ болѣе двухъ тысячь Шведовъ. Тутъ погибъ нашъ Компанейскій Полковникъ Пашковскій. На пятый день послѣ Эрестферскаго сраженія Апостолъ выступилъ въ Украйну.

Мазепа терзался съ досады, что не даютъ ему случая заслужить безсмертіе. Онъ ненавидѣлъ Шереметева, и долженъ былъ видѣть, какъ, по днямъ, по часамъ, растетъ слава его. Не смотря однако-жь на эту вражду, радость Мазепы о побѣдѣ Шереметева и Апостола подъ Эрестферомъ надъ Шлипенбахомъ, превзошла всѣ мѣры вѣроятія; сколько скорбѣлъ онъ при слухѣ о битвѣ Нарвской, столько ликовалъ теперь и, не отлагая, поѣхалъ въ Москву. Царь обрадовался, увидя стараго Гетмана; позволилъ ему выступить къ Быхову съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ; но вдругъ у границъ Литвы Гетманъ получилъ новое повелѣніе — возвратиться въ Батуринъ, для обереженія Малороссіи отъ внезапнаго нашествія непріятельскаго. Оставляя войска свои, Гетманъ поручилъ ихъ не опытнымъ вождямъ, не храбрымъ и заслуженнымъ Полковникамъ, не Боруховичу, не Горленку, которые здѣсь-же находились, а Полковнику Стародубскому, Михайлѣ Миклашевскому, несвѣдущему, не имѣющему ника-

кой опытности, никакого довѣрія козаковъ. И это было сдѣлано съ умысломъ, чтобъ отомстить Петру гибелью соотечественниковъ.

Халецкій, староста Мозырскій, уже осаждалъ Быховъ; Бельциневичъ, преданный Карлу, защищалъ городъ; подошелъ Миклашевскій, загналъ Поляковъ въ Быховъ, повелъ своихъ на приступъ, вступилъ въ крѣпость, отнялъ пушки, взялъ въ плѣнъ Бельциневича, отправилъ его въ Батуринъ и выступилъ изъ города, чтобъ дѣлать поиски въ Литвѣ надъ непріятелями. Октября 5.

Храбрость Миклашевскаго, быстрота, съ которою онъ дѣйствовалъ, не удивительны; это былъ Украинскій козакъ; но на этой осадѣ, въ этомъ дѣлѣ поражаютъ насъ два поступка необдуманныхъ, ясно обличающихъ неопытность предводителя: онъ прежде загналъ въ Быховъ Бильциневича, а потомъ уже пошёлъ на приступъ; можно понять, что онъ усилилъ этимъ гарнизонъ, и приступъ сталъ несравненно губительнѣе. Болѣе двухъ сотъ козаковъ и два Сотника легли въ укрѣпленіяхъ. Другой поступокъ былъ еще необыкновеннѣе: взявъ городъ, вмѣсто того, чтобъ отдать его Государю, вмѣсто того, чтобъ ввести туда свой гарнизонъ, онъ обрадовался похваламъ отъ Халецкаго, такъ увѣрился въ его честности, что впустилъ туда Поляковъ и, оставя имъ пушки и укрѣпленія, выступилъ изъ города. Халецкій, не теряя времени, привелъ ихъ къ присягѣ Королю и Рѣчи Посполитой. Гетманъ жаловался Государю на него, «легкомысленно впустившаго «Поляковъ въ Быховъ и не занявшаго крѣпости «козаками.» Петръ понялъ дѣло, и не отвѣчалъ.—

Запорожцы, между тѣмъ, вмѣсто участія въ войнѣ, грабили Литовскія села; знатный Войсковый товарищъ, Тимоѳей Радичъ, не могъ ихъ укротить угрозами; Халецкій думалъ подѣйствовать просьбами; дарилъ имъ деньги, моля усмириться;—ни что не помогло. Наконецъ, Государь принужденъ былъ обратиться къ Мазепѣ; этотъ приказалъ ихъ судить по правамъ войсковымъ; зачинщики были казнены, остальные, въ числѣ тысячи, отправлены въ Смоленскъ на вѣчное жительство «чтобъ никогда не «возвращались въ города Малороссійскіе для сму-«щенія добрыхъ людей.»

Въ западной Польской Украйнѣ, въ Княжествѣ Литовскомъ продолжались гоненія за вѣру. Князь Радзивилъ отнималъ монастыри у Православныхъ; отдавалъ ихъ Уніатамъ; недопускали хоронить людей Грекороссійскаго исповѣданія по Христіанскому обычаю. Государь писалъ къ Королю, требовалъ удовлетворенія; Король ничего не могъ сдѣлать противъ воли Республики. Самусь, раздраженный Поляками, занялъ Богуславъ, Корсунь, Немировъ, Бердичевъ; Палій взялъ Бѣлу-Церковь; крестьяне вооружились на Поляковъ, имъ обѣщана была сво-
1703 Январ. бода; Жиды и шляхта были вырѣзаны. Августъ 11-й жаловался Петру. Государь приказалъ Самусю и Палію положить оружіе и возвратить крѣпости и
Февраля 25. города, ими у Польши отнятые; но, ожесточенные Поляками, они не повиновались въ этомъ случаѣ «Царю Христіанскому Восточному-Православному,» которому были и до того и послѣ того покорны и сердцемъ преданы. Занятый Шведами, Государь не могъ обратить на это особеннаго вниманія; Король

принужденъ былъ ходатайствовать у Мазепы, послалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, и въ письмѣ къ нему называлъ себя *вѣрнымъ его другомъ*.

Тогда случилось происшествіе, по-видимому, ничтожное, но которое могло измѣнить судьбу Гетмана, и даже отнять у него всѣ средства къ будущимъ подвигамъ: это ссора его съ роднымъ дядею Государя, со Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ. У Нарышкина была карлица, Малороссіянка; она бѣжала на Украйну; Бояринъ вообразилъ, что ее переманилъ Гетманъ, и послалъ Ляпунова развѣдать о ней въ Батуринѣ. Между тѣмъ до Мазепы дошелъ слухъ, что Нарышкинъ станетъ ему мстить и употребитъ всѣ усилія, чтобъ лишить его Гетманства; тотчасъ Мазепа обратился къ Головину: «избавь «меня отъ его милости Льва Кириловича, *который «всячески поноситъ бѣдную честь мою Гетман«скую, за упрямицу карлицу*.» Клялся, что боится ропоту народнаго, и потому не можетъ отобрать ее отъ родственниковъ; увѣрялъ, что она въ родствѣ съ многими знатными козаками въ Конотопской сотнѣ; но просилъ прислать людей, взять ее отъ имени Нарышкина, и обѣщалъ не посылать за нею погони. Карлицу возвратили Боярину; Канцлеръ примирилъ его съ Гетманомъ.

И онъ снова обратился къ Государю съ просьбами, чтобъ позволено было участвовать и ему въ войнѣ; чтобъ ненавистный для него Шереметевъ не одинъ пожиралъ лавры, и потомъ не хвастался-бы передъ нимъ. Государь въ отвѣтъ подарилъ ему четыре села и пять деревень, въ которыхъ было четыреста девяносто пять дворовъ и тысяча восемь-сотъ семде-

сять душъ, что составляло въ Сѣвскомъ уѣздѣ Крупецкую волость. А Головинъ къ нему писалъ: «о желаніи твоемъ, *моего благодѣтеля*, рушиться въ походъ *своею особою*, извѣстно уже Государю; онъ велѣлъ сказать тебѣ, что для твоей особы довольно и Украинскаго дѣла. Поручивъ тебѣ оберегать эту страну, Государь доказалъ, какъ онъ полагается на твою вѣрность и усердіе.» Слухъ, что Шереметевъ беретъ городъ за городомъ, что уже завоевалъ онъ всю Лифляндію, былъ нестерпимъ для Гетмана. Съ какою цѣлью Петръ удерживалъ его въ Малороссіи? По какой причинѣ онъ не хотѣлъ видѣть его на полѣ битвы главнымъ предводителемъ всѣхъ козацкихъ полковъ? Нѣтъ сомнѣнія, что Государь, всегда откровенный, отнюдь неподозрительный, искренно свои причины объявлялъ; что онъ дѣйствительно боялся или впаденья враговъ въ Малороссію, или внутреннихъ волненій въ народѣ, въ которомъ еще не увѣрился, и на котораго отъ времени до времени ему самъ Гетманъ клеветалъ. Но чтобы могло быть, если-бъ властолюбивый, пылкій въ старости, родство, дружбу, отчизну презирающій, платящій местью за благодѣянія, Гетманъ прославился на полѣ брани? Что, если-бы привлекъ онъ сердца козаковъ, которые его ненавидѣли? Вѣроятно, онъ на Гетманствѣ не остановился-бъ. И тогда сколько измѣненій въ судьбахъ Поляковъ, Шведовъ, Россіянъ! Но не выиграла-бы и Украйна....

1704. Бунтъ Запорожцевъ призвалъ Гетмана къ тридцати-тысячному Украинскому войску, расположенному въ окрестностяхъ Кіева. Полторы тысячи Запорожцевъ, взявъ войсковые клейноды и нѣсколько

пушекъ, переплыли Днѣпръ у Койдака, раззорили селитренные заводы у Орели и Самары, не послушали увѣщаній Кошеваго, принудили его быть и впредь Кошевымъ, и наконецъ собрались ворваться въ города Малороссійскіе; но, узнавъ о приближеніи Гетмана, отправились на соляные промыслы.

Въ надеждѣ на особенную Царскую благодарность за сохраненіе спокойствія въ Малороссіи, Мазепа уже отдыхалъ. У него было въ-виду счастье идти на войну. И дѣйствительно онъ получилъ повелѣніе выступить въ Апрѣлѣ; но какъ горько ошибся онъ: ему указано быть подъ начальствомъ Короля Польскаго. Мы сказали выше, что, отъ времени до времени, Гетманъ клеветалъ на Малороссіянъ. Нынѣ, чтобъ не быть вторымъ, чтобъ не унизиться до повиновенія Августу, онъ прибѣгнулъ къ клеветѣ на соотчичей. Увѣрялъ Петра, что не только въ Сѣчи Запорожской, въ полкахъ Городовыхъ и Компанейскихъ, но даже и въ самыхъ близкихъ къ нему людяхъ, не находитъ ни вѣрности, ни сердечнаго желанія быть Царскими подданными; что шаткость ихъ ясно видитъ и точно знаетъ; и потому-то не смѣетъ быть съ ними строгимъ и взыскательнымъ, но обходится ласково и снисходительно; навлекая особенное подозрѣніе на Искру и Миклашевскаго, онъ спрашивалъ, какъ быть ему съ Самусемъ и съ Паліемъ? ласкать-ли ихъ? переписываться-ли съ ними? или прекратить всѣ сношенія, какъ съ врагами Августа.?

Царь не повѣрилъ навѣтамъ на Искру; а Миклашевскій, еще въ прошломъ году, оправдался отъ клеветы, которую написалъ на него Мазепа къ Петру;

Гетманъ увѣрялъ тогда Царя, будто-бы Миклашевскій ведетъ злонамѣренную переписку съ Поляками, и наиболѣе съ Литовскимъ Гетманомъ. И тотъ и другой остались въ своихъ званіяхъ, и при своихъ мѣстахъ. Полтавскому Наказному было повелѣно наблюдать у Переволочной за Запорожцами; Апостолу идти съ трехтысячнымъ отрядомъ къ Любомирскому; Мировичу съ десятью тысячами къ Королю; Мазепѣ къ Полонному. Августа втораго, въ Бердичевѣ, получилъ Гетманъ отъ Петра Толстаго, Русскаго Посла въ Константинополѣ, извѣстіе съ совѣтомъ остерегаться Татаръ и смотрѣть на Крымъ прилежнымъ окомъ. Мазепа обрадовался и пошелъ медленно въ глубь Польши; писалъ къ Государю; ожидалъ новаго повелѣнія идти-ли впередъ, возвратиться-ли въ Украйну. Король требовалъ его въ старую Галицію къ Соколу; въ половинѣ Сентября онъ находился только подъ Любаремъ; Шведы взяли Львовъ; подъ Любаремъ, въ отвѣтъ на донесеніе о Крымцахъ, Мазепа получилъ повелѣніе оставить въ Польшѣ только Полковниковъ Миргородскаго и Переяславскаго, и немедленно возвратиться въ Батуринъ. «Жалѣю сердечно,—писалъ онъ къ Головину, что, будучи полгода на Монаршеской службѣ, не могъ оказать Государю никакой знатной прислуги, состоя подъ начальствомъ Короля Польскаго, цѣлое лѣто меня въ бездѣйствіи державшаго. Если-бъ онъ повелѣлъ мнѣ идти въ глубь Польши, то Львовъ не потерпѣлъ-бы такого раззоренія, и я-бы могъ быть ему полезенъ болѣе, нежели Миргородскій и Переяславскій Полковники.» А между тѣмъ это письмо противорѣчило тому, которое писалъ онъ въ Авгус-

тѣ, и въ которомъ говорилъ, что, по вѣрнымъ извѣстіямъ, дошедшимъ до него отъ Господарей Молдавскаго и Валахскаго, Турки не прежде будущаго лѣта хотятъ начать войну съ Россіею.

Еще одно дѣло не было кончено; оно тяготило Мазепину грудь; еще не погубилъ онъ человѣка, который не сдѣлалъ ему никакого зла, котораго онъ ненавидѣлъ за силу и богатство, за любовь подчиненныхъ, за знаменитость въ битвахъ, за славу, ничѣмъ незапятнанную. То былъ Семенъ Палій. Онъ владѣлъ тогда Бѣлой-Церковью, Немировымъ и въ Волынской губерніи Трояновкою. Потоцкій и Яблоновскій писали объ немъ къ Мазепѣ: «Палій свилъ «себѣ разбойническою рукою покойное гнѣздо въ «Бѣлой-Церкви и въ Немировѣ, и въ Польшѣ ѣстъ «хлѣбъ, не ему принадлежащій.» Народъ и по нынѣ удержалъ въ памяти предательство Мазепы. Гетманъ вызвалъ благороднаго и довѣрчиваго Хвастовскаго Полковника изъ Бѣлой-Церкви въ Бердичевъ, на пиръ и на совѣтъ; тотъ у него въ гостяхъ пилъ вино и беспечно уснулъ; тогда Сердюки его заковали и кинули въ тюрьму; истомленный голодомъ и жаждою, оклеветанный передъ Петромъ въ посягательствѣ на Гетманство и въ сношеніяхъ съ Шведами, Палій отправленъ былъ въ Москву. Не вѣря клеветѣ, но помня неповиновеніе на-счетъ отдачи городовъ, отнятыхъ отъ Польши, Государь сослалъ Палія въ Енисейскъ.

Оставалось въ Бѣлой-Церкви главное, чего хотѣлось Мазепѣ: богатство Хвастовскаго Полковника; тамошніе козаки объявили, что всѣ умрутъ и не поддадутся «*колы нема нашого батька.*» Но уг-

розы и обѣты поколебали мѣщанъ, они принудили козаковъ положить оружіе, и богатства Паліевы Мазепа взялъ.

Самусь не могъ одинъ противиться Гетману; по требованію къ отвѣту прибылъ немедленно, клялся что невиненъ, сложилъ съ себя Гетманство, сдалъ клейноды, и съ Гетманскаго разрѣшенія принялъ званіе Богуславскаго Полковника.

Мазепа сталъ Гетманомъ всей земли Украинской; но Украинцы его пуще прежняго возненавидѣли.

ГЛАВА XLIII.

МАЗЕПА.

Апостолъ. Козаки въ Курляндіи. Гетманъ выступилъ въ походъ. Заносцъ. Сдача его. Украинцовъ. Письма Мазепы. Посылка въ Гродно Скоропадскаго. Трощинскій. Вольскій. Письма Мазепы къ Государю. Инструкція Вольскому. Начало измѣны. Гибель Мировича и Миклашевскаго.

Война съ Швеціею продолжалась, и Малороссіяне не переставали въ ней участвовать; Апостолъ служилъ подъ командою Бранта, съ которымъ, какъ писалъ онъ къ Мазепѣ, *мило и жить и умирать.* Разсѣялъ семь-сотъ шестьдесятъ Шведовъ подъ Варшавою, взялъ въ плѣнъ триста, способствовалъ въ отобраніи Варшавы отъ Генерала Горна. Потомъ перешелъ вмѣстѣ съ Мировичемъ подъ команду Паткуля. Обращеніе послѣдняго съ козаками заставило ихъ самовольно возвратиться въ Украйну. Оправдывая свой поступокъ, Мировичъ писалъ къ Гетману, что, кромѣ голода и холода, его понудилъ самъ Паткуль домой идти. Сперва началъ онъ отбирать лошадей у Товарищества, потомъ сталъ учить ихъ пѣшему строю по-Нѣмецки, билъ палками непонят-

ливыхъ, и даже нѣкоторымъ угрожалъ смертною казнію; но Мазепа не внялъ оправданію, и мы увидимъ какъ отомстилъ Мировичу.

Въ слѣдующемъ году полки Прилуцкій и Кіевскій участвовали въ изгнаніи Шведовъ изъ Курляндіи; при нихъ былъ родной племянникъ Мазепы—
1705. Войнаровскій. Наконецъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, Мазепа переправился за Случь.

Обозъ состоялъ изъ одиннадцати тысячь возовъ; провіанта было на полгода; лошадей полтораста тысячь; посѣвы изчезали на пути ополченія; Польское шляхетство несло убытки неизчислимые; оно роптало, жаловалось и, наконецъ, начало грозить Посполитымъ рушеньемъ. Мазепа писалъ къ Головину: «я уже доказывалъ Шляхетству, что *столь великое войско* не можетъ, безъ ущербу для обывателей, пройти страну; но Поляки грозятъ и, не имѣя ни откуда помощи, я нахожусь въ крайней опасности, *какъ агнецъ среди волковъ*».... Агнецъ съ великимъ войскомъ, и волки невооруженные, обиженные. Пусть судятъ читатели.

Дѣло состояло въ томъ, что къ неизбѣжному раззоренію края при переходѣ союзнаго войска, Мазепа прибавилъ, собственно отъ себя, раззореніе вельможъ партіи Станислава, и наложилъ дань на жителей Збаража и Бродъ. И все это въ свою пользу. Воеводство Волынское прислало къ нему увѣренія въ преданности Августу. Нашъ Посолъ Долгорукій и Коронный Подканцлеръ просили его не вступать въ Волынію; онъ обошелъ болота и рѣки, сталъ въ Русскомъ воеводствѣ, и чтобъ отдалить отъ себя подозрѣнія въ хищничествѣ, писалъ къ Головину,

что онъ агнецъ межъ волками. Изъ-подъ Зборова выступилъ къ Львову. Въ концѣ мѣсяца былъ въ Воеводствѣ Бѣльскомъ; въ половинѣ Сентября вступилъ въ Любельское, и началъ неотступно вымаливать у Государя позволеніе открыть военныя дѣйствія занятіемъ Замосца. У Мазепы было тридцать тысячь войска и семдесять пушекъ, да при немъ находился, въ его повелѣніи, Сѣвскій Воевода Семенъ Неплюевъ, съ тремя полками пѣхотными Сѣвскими, и съ двумя Стрѣлецкими, всего пять тысячь человѣкъ и двадцать орудій. Томасъ Замойскій былъ Коммендантомъ въ крѣпости. Августа 14.

Гетманъ потребовалъ сдачи. Замойскій отвѣчалъ: «если насъ будутъ добывать, мы станемъ обороняться.» Гетманъ изготовился на приступъ: Замойскій немедленно сдался. У Мазепы было тридцать пять тысячь войска и девяносто пушекъ. Кто предписалъ условіе сдачи?—Замойскій.

Они состояли въ слѣдующихъ статьяхъ: крѣпости состоять подъ главнымъ начальствомъ Господина Ордината Замойскаго; караулу быть общему; во всякомъ случаѣ ссылаться не съ Коммендантомъ, а съ Господиномъ Ординатомъ; гарнизону, въ безопасное время отъ непріятеля, находиться въ полномъ и единственномъ распоряженіи Ордината; при поступленіи въ крѣпость, Гетманъ обязывается имъ выдать на мѣсяцъ деньги для продовольствія; потомъ сему гарнизону довольствоваться изъ собственныхъ доходовъ Ордината, почему всѣ имѣнія Замойскихъ освобождаются отъ провіантовъ для арміи, войсковыхъ переходовъ и всякихъ податей; въ-случаѣ непріятельскаго нападенія на крѣпость и на владѣнія Гос-

подина Ордината, ему оказано будетъ пособіе; если имѣнія его потерпятъ какое раззореніе, Гетманъ обязанъ ему исходатайствовать у Государя пристойное награжденіе; наконецъ, Гетманъ употребитъ ходатайство, чтобъ Господинъ Ординатъ получилъ осьмнадцать тысячь ефимковъ, издержанныхъ имъ на содержаніе крѣпости.

Обвиняютъ Мазепу, что, умѣя давать совѣты, полезные государству и странѣ, имъ управляемой, будучи искуснымъ министромъ, онъ не былъ воинъ. Говорятъ, что когда онъ вступилъ въ Замосцъ съ боемъ барабаннымъ, то, окруженный трофеями, не покоился на лаврахъ, не привѣтствовалъ козаковъ-побѣдителей, не разъѣзжалъ, подобно Хмѣльницкому, на гордомъ конѣ, въ-виду рядовъ непріятельскихъ; но сидѣлъ въ палаткѣ одинъ, погруженный въ думу, и мысли его изливались въ письмахъ, и потому-то заключилъ такія невыгодныяус ловія, — *нѣтъ!* — Мазепа былъ уменъ; онъ понималъ, что съ многочисленнымъ войскомъ можетъ предписать уставы врагу малочисленному, побѣжденному. Какъ ему не понимать этого, когда и мы это всѣ знаемъ. Но къ нему въ сердце заронилась уже мысль, и заронилась не теперь, давно. То была тайна, сохраненная въ глубинѣ скрытной души Іезуитскаго воспитанника, а здѣсь ему нужна была на будущее время дружба Замойскаго.

Между тѣмъ совѣты его всѣ были благи для Россіи.

Каргопольскій Намѣстникъ Емельянъ Украинцовъ пріѣхалъ заняться съ Турецкими Коммиссарами опредѣленіемъ границъ; Запорожцы не соглашались до-

пустить Украинцова до размежеванія; Гетманъ ихъ усмирилъ. Головинъ спрашивалъ его мнѣнія. Гетманъ написалъ къ Украинцову: «хотя въ порученномъ вашей милости дѣлѣ и не нуженъ мой совѣтъ, ибо, по дарованному вамъ отъ Бога благоразумію, вы въ ономъ совершенно искусны и знаете всѣ хитрости бусурманскія, къ тому-же имѣете Монаршій указъ; но совсѣмъ тѣмъ, по должности моей, предлагаю Вашей Вельможности стараться, прежде всего, получить отъ Турковъ письменное обнадеживаніе въ нижеслѣдующемъ: чтобъ они впредь ничего незатѣвали противнаго мирнымъ договорамъ; содержали-бы въ тайнѣ совершившееся по ихъ желанію межевое дѣло; и, во время настоящей съ Шведами войны, удерживались, хоть на два года, отъ постройки крѣпостей на земляхъ Кизикерменской и Таванской. Впрочемъ все сіе предаю Божіей и Его Помазанника волѣ, а вашей милости благоразумному и попечительному старанію.»

Сколько ума, сколько ловкости, сколько любви къ Россіи и подобострастія къ Петру!

Головинъ просилъ мнѣнія на-счетъ уступки Полякамъ западной Украйны.

«Изволили вы желать, чтобъ я сообщилъ вамъ мое мнѣніе объ уступкѣ Полякамъ сей стороны Украйны?» Писалъ къ нему Мазепа. «Я во всѣхъ случаяхъ, какъ и въ нынѣшнемъ, полагаюсь на премудрую волю Великаго Государя, однако-жь предлагаю, что много есть препонъ и трудностей въ исполненіи сего. О чемъ подробно вамъ донесетъ Генеральный мой Асаулъ Иванъ Скоропадскій, ко-

тораго нарочно посылаю къ Двору Монаршескому; главное-же неудобство: близкое въ такомъ случаѣ сосѣдство Поляковъ съ Запорожцами и Крымомъ. Вы навѣрно памятуете, что, въ договорахъ вѣчнаго мира Россіи съ Польшею, опредѣлено выслать обоюдныхъ Коммиссаровъ, для окончательнаго размежеванія на сей сторонѣ Днѣпра городовъ: Канева, Черкасъ, Корсуня, Чигирина, Крылова и другихъ съ принадлежащими имъ землями. Города сіи непремѣнно должны оставаться за Великимъ Государемъ, ибо если они отойдутъ во владѣніе Поляковъ, то, кромѣ многихъ другихъ затрудненій, всѣ Малороссіяне перейдутъ на сію сторону Днѣпра, избѣгая повинностей, особливо изъ порубежныхъ полковъ Переяславскаго, Лубенскаго и Миргородскаго, которыхъ жители имѣютъ многіе старинные грунты и угодья на сей сторонѣ, о чемъ тому-же Асаулу приказалъ я словесно вамъ донести.»

Петръ, Августъ и Головинъ были въ Гродно, когда Скоропадскій туда прибылъ и донесъ послѣднему на словахъ, что козаки могутъ оборонять крѣпости, защищать обозы, но не годятся въ открытомъ полѣ, въ скорыхъ и легкихъ подъѣздахъ, будучи не строевыми и дурныхъ имѣя лошадей; что одиннадцать козацкихъ подъѣздовъ послано подъ Варшаву безъ успѣха, благодаря непостоянству Поляковъ; наконецъ, по повелѣнію Гетмана, просилъ онъ, чтобъ Малороссійскія войска дѣйствовали впредь вмѣстѣ съ Московскими, или чтобъ къ козакамъ придали тысячу драгуновъ и тысячу Саксонцевъ, вмѣсто несвѣдущихъ и неопытныхъ полковъ Неплюева. Тогда-же Гетманъ писалъ объ условіяхъ

съ Замойскимъ, что не могъ съ нимъ заключить желанной капитуляціи, « онъ упорствовалъ и я принужденъ былъ согласиться на предложенныя имъ статьи, чтобъ только скорѣе ввести гарнизонъ въ крѣпость, ибо и такъ, ожидая отъ него рѣшенія, много воспріяли мы голода и холода, стоя подъ однимъ небомъ. »

Скоропадскій, возвратясь, нашелъ Мазепу въ Дубно. При немъ было шесть тысячь козаковъ. Главное семнадцати-тысячное войско было на зимнихъ квартирахъ въ землѣ Хелмской и въ Бѣльзскомъ Воеводствѣ. Жалуясь на недостатокъ въ сѣнѣ, соломѣ и хлѣбѣ, Мазепа писалъ: « Богъ судитъ тѣхъ Королевскихъ Министровъ, которые доносили Государю, а мнѣ предлагали, чтобъ моему войску зимовать въ землѣ Хелмской и въ Воеводствѣ Бѣльзскомъ. » Лизогубъ, Боруховичъ и Танскій пошли въ Воеводство Спиское; они убили Воеводу, преданнаго Лещинскому, и отрядъ его разсѣяли. Въ Дубно получилъ Мазепа черезъ Скоропадскаго позволеніе, оставя козаковъ въ Польшѣ, возвратиться въ Батуринъ, если здоровье мѣшаетъ ему быть въ походахъ. Такого позволенія вовсе не желая, онъ отвѣчалъ, что хотя-бы по слабости здоровья и по дѣламъ Украинскимъ, весьма важнымъ, ему и слѣдовало возвратиться въ Малороссію, но ничто не отторгнетъ его отъ службы Государевой.

Туда-же пріѣхалъ къ нему изъ Крыма и родной племянникъ его, Гадячскій Полковый Обозный Степанъ Трощинскій, посыланный въ 1704 году къ Хану Хазы-Гирею. Гетманъ съ Ханомъ были въ несогласіи: Трощинскій ихъ примирилъ; съ нимъ

прибылъ Крымскій Ага, который привезъ Гетману Ханскую грамоту, наполненную дружескими обнадеживаніями.

Но всего достойнѣе замѣчанія было письмо Мазепы къ Царю изъ-подъ Замостья, отъ тринадцатаго
1705. Октября, и инструкція Вольскому.

«Пресвѣтлѣйшій, Самодержавнѣйшій Царь, Государь мой Премилостивѣйшій.»

«Уже то на Гетманскомъ урядѣ моемъ четвертое «на меня искушеніе, не такъ отъ діавола, какъ отъ «враждебныхъ недоброхотовъ, ненавидящихъ Вашему Величеству добра, покушающихся своими зло-«хитрыми прелестьми искусити, а наипаче премѣ-«нити мою, никогда-же премѣненную къ Вашему «Величеству, подданскую вѣрность и отторгнути «меня съ войскомъ Запорожскимъ отъ Высокодер-«жавной Вашего Величества Руки. Первое: отъ «покойнаго Короля Польскаго Яна III Собѣскаго, «который нѣкакого шляхтича, именуемаго Домо-«рицкаго, присылалъ ко мнѣ съ прелестными сво-«ими письмами, котораго я того-жь времени и «письма тѣ отослалъ въ Приказъ Малыя Россіи. «Второе: отъ Хана Крымскаго, который, въ тотъ «часъ, какъ я изъ Перекопа возвращался съ Княземъ «Васильемъ Голицынымъ и уже переправился чрезъ «Конскія воды, прислалъ ко мнѣ одного плѣнника «козака полку Полтавскаго, съ коварственнымъ «письмомъ, возбуждая къ тому, дабы я: или соеди-«нясь съ нимъ, за десять только верстъ отъ обо-«зовъ нашихъ обрѣтающимся, способствовалъ ему «на рати Вашего Величества союзнымъ оружіемъ

« ополчиться и устремиться, или отъ войскъ Вашихъ « отступилъ и отлучился, не дая имъ ни единой « помощи, чтобъ онъ тѣмъ образомъ свободнѣе могъ « тѣ Вашего Величества рати преодолѣти и въ на« мѣреніи своемъ поганскомъ совершенство получи« ти. Да и прочія безумныя слова въ томъ-же сво« емъ письмѣ предложилъ мнѣ, которое я тогда-жь « вручилъ помянутому Князю Голицыну. Третіе: « отъ Донцовъ раскольщиковъ, имянуемыхъ Капи« тоновъ, отъ которыхъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Бату« ринъ Асаулъ тамошній Донской, преклоняя къ « своему враждебному замыслу, дабы я съ нимъ, « утвердя междоусобный союзъ, ополчился на Вашу « Державу Великороссійскую, обѣщая и обнадежи« вая прелестно: что Ханъ Крымскій со всѣми Ор« дами предстанетъ въ помощь способственную, « котораго Донскаго Асаула отослалъ я тогда-же « для допросу къ Москвѣ, что все имѣетъ быти въ « Приказѣ Малыя Россіи записано. А нынѣ уже сіе « четвертое отъ Короля Шведскаго и отъ Короля « Польскаго, беззаконно нынѣ въ Варшавѣ короно« ваннаго, Лещинскаго, устремилося на мою душу « и не преоборимую подданскую вѣрность искуше« ніе; которые, искушая меня своими факціями и « злоковарными прелестьми, къ себѣ преклонити « прислали изъ Варшавы, въ сихъ числѣхъ, въ обозѣ « ко мнѣ нѣкакого шляхтича, именуемаго Вольскаго, « котораго я приказалъ распросити съ пыткою; по« сылаю его рапросныя рѣчи ко Двору Вашего Ве« личества, изъ которыхъ совершеннѣе будетъ Ваше « Величество извѣстенъ, въ чемъ онъ Вольскій и « отъ кого посланъ, и что ему, къ прельщенію моей

«непреодолимой подданской къ Вамъ вѣрности, «повѣрено въ тайнѣ мнѣ предложити; а его само«го, Вольскаго, для того не посылаю, что нынѣ «тѣмъ путемъ трудный и не безопасный проѣздъ, «опасаясь, дабы его кто съ противной стороны «у посланныхъ моихъ нечаянно не отбилъ. И я, «Гетманъ и вѣрный Вашего Царскаго Величества «подданный, по должности моей и обѣщанію мо«ему......, Отцу Вашему...., и Брату Вашему....., «чрезъ весь вѣкъ прежняго житія моего, вѣрно и «ни въ чемъ не преткновенно, служилъ; также и «нынѣ Вамъ...., по должной моей Гетманской вѣр«ности, истинно работаю и яко до сихъ временъ «во всѣхъ тѣхъ искушеніяхъ и вражіихъ преле«стяхъ, аки столбъ *непоколебимый и аки ада«мантъ несокрушимый*, пребылъ я, такъ и сію «мою малую службишку и подданску вѣрность, въ «которой меня и нынѣ зломыслящихъ Вашего Цар«скаго Величества враговъ коварство и злокознен«ная прелесть не могла умягчити, сокрушити, пре«клонити и преодолѣти, съ собою самимъ повергаю «Пресвѣтлѣйшаго Вашего Царскаго Величества мае«стату подъ Монаршескія стопы, подъ которыхъ «сѣнію обрѣтши себѣ доброе пристанище до послѣд«няго издыханія непремѣнно пребываю и пр.»

Бант.-Кам. Изд. 2-е, т. III, пр. 84. Вольскому Станиславъ далъ слѣдующія порученія: 1. Вразумить *Господина* Мазепу, что защищать Августа, значитъ—приготовлять гибель правъ и вольностей Рѣчи Посполитой; чего, вѣроятно, Мазепа не сдѣлаетъ, потому что и Королю даже извѣстно *какую любовь имѣлъ онъ всегда къ своей отчизнѣ*.

2. Для переговоровъ съ Господиномъ Мазепою дана полная власть Бурковскому, но какъ это былобы долго, то присланъ Вольскій утвердить условія Гетмана съ Королемъ Шведскимъ, для того, чтобъ этотъ не пошелъ войною на козаковъ.

3. Тотъ-же Вольскій объявитъ безсмертную славу, которую Господинъ Мазепа приметъ отъ успокоенія отчизны своей; обѣщаетъ всѣ вольности, которыя дастъ ему Величество и Рѣчь Посполитая за освобожденіе изъ-подъ владѣнія Русскаго и награду, какую онъ самъ пожелаетъ.

4. Что Вольскій сдѣлаетъ, то будетъ внесено первой статьею при первомъ мирномъ договорѣ съ Москвою.

5. Онъ долженъ донесть сколько нужно войска въ Украйну и сколько Господинъ Мазепа его потребуетъ.

6. Этакъ, кажется, скорѣе можно дѣло привести къ успѣшному окончанію, нежели съ помощью народнаго возстанія, что весьма опасно. А тайными сношеніями самъ Господинъ Мазепа подастъ способы къ пользамъ Короля, Рѣчи Посполитой и къ выгодамъ своимъ собственнымъ.

7. Просить разрѣшенія на каждый пунктъ сколь возможно скорѣе.

Эти пункты, которые переслалъ Мазепа Государю и которые хранятся донынѣ въ Коллежскомъ Архивѣ, ничего рѣшительно не доказываютъ; объ условіяхъ въ нихъ ничего не сказано; но очевидно, что пріѣздъ Вольскаго былъ прежде еще одобренъ Мазепою. Для чего онъ немедленно объявилъ о томъ

Государю? Для чего пыткою допрашивалъ Вольскаго? И это легко понять: послалъ онъ статьи инструкціи въ Москву, боясь доноса со стороны; но послалъ только такія, изъ которыхъ Государь ничего узнать не могъ. Что касается до пытки, ее не было; это ложь, въ которой, однако-жь, никто не могъ уличить Гетмана, потому что пытка производилась тайно. А яснымъ доказательствомъ лжи служитъ неприсылка Вольскаго въ Москву, гдѣ-бъ дѣйствительно его передали въ застѣнокъ, и гдѣ-бъ допросили о тайнѣ, которая скоро сама обнаружится. Къ тому-же какъ ничтожна изговорка Мазепы, по которой онъ не прислалъ Вольскаго: «путь нынѣ трудный, небезопасный, непріятели могутъ отбить его.» Сравнивая себя съ столбомъ неодолимымъ, съ адамантомъ несокрушимымъ, онъ уже былъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, врагомъ Петра; преданіе говоритъ, что и самая вражда его съ Паліемъ началась за несогласіе знаменитаго Хвастовскаго Полковника возстать противъ Государя. «Палій, Палій, — говоритъ Гетманъ, — не измѣнишь-ли ты мнѣ.»?« За что-жь я тебѣ, Гетманъ Мазепа, стану измѣнять, когда ты будешь благое творить?» — «Я думаю, Палій, Москву уничтожить и *самъ хочу въ Столицѣ Царемъ царствовать.*» — «Скорѣй ты будешь, Гетманъ Мазепа, у столба стоять, нежели царствовать.» — Такъ описываетъ этотъ разговоръ *дума* народная, разсказъ того времени; она разливаетъ странный свѣтъ на это полупонятное происшествіе. И чего не могло зародиться въ душѣ властолюбца, добившагося неблагодарностью, коварствомъ, злодѣяніями до сана Гетманскаго? Отъ са-

мовластнаго Гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра до вѣнца царственнаго, можетъ быть, ему казался шагъ не великъ.

Его поступки доказываютъ, что это была у него давняя мысль. Палій былъ опасенъ; онъ не согласился-бы на борьбу съ единовѣрцами;—онъ былъ усланъ въ Москву. Благородный воинъ не былъ доносчикомъ; если, быть можетъ, онъ и сказалъ въ Москвѣ о Гетманскихъ намѣреніяхъ, ему не повѣрили; мы видѣли, какъ прямодушный, вѣрный слову своему Петръ полагался во всемъ на Гетмана. Мы видѣли и еще увидимъ, какъ опасно было подавать въ то время доносы на Мазепу. Онъ былъ не увѣренъ въ Миклашевскомъ и Мировичѣ; какая участь постигла ихъ?

Мировичъ былъ отправленъ съ полкомъ Переяславскимъ въ Ляховичи. Тамъ, Марта тридцатаго, 1706.
шесть тысячъ Шведовъ и восемь тысячъ Волоховъ его окружили. Онъ сдѣлалъ вылазку, положилъ тридцать Апрѣля 15.
цать Шведовъ на мѣстѣ, взялъ нѣсколькихъ въ плѣнъ, пятдесятъ ранилъ. Начался голодъ въ крѣпости, освободитель не являлся; козаки положили оружіе; Мировичъ кончилъ жизнь въ Стокгольмѣ, въ цѣпяхъ.

Миклашевскій былъ отправленъ въ Несвижъ только съ четырьмя-стами козаками; Шведы ночью окружили Несвижъ; двѣсти человѣкъ спаслись въ Бернардинскомъ монастырѣ и не сдались Шведамъ: сто человѣкъ было взято въ плѣнъ, сто легло на мѣстѣ, а съ ними и Миклашевскій.

Почему Мазепа не отправилъ къ нимъ подкрѣпленія? По причинѣ разлитія водъ. Наконецъ, однако-жъ, онъ выслалъ къ нимъ пяти-тысячный отрядъ съ Апостоломъ и Неплюевымъ, но выслалъ Апрѣля

девятнадцатаго, то есть тогда, когда воды бываютъ у насъ въ полномъ разлитіи, и когда одинъ былъ въ плѣну, а другой въ гробу. А между тѣмъ Шведы разбили подъ Клецкомъ и Апостола и Неплюева.

Здѣсь начались непрерывныя, но все еще тайныя сношенія Мазепы съ врагами Петра.

ГЛАВА XLIV.

МАЗЕПА.

Причины возстанія Мазепы на Петра. Справедливость Государя въ отношеніи къ Украйнѣ. Благодѣянія его Мазепѣ. Усы. Нѣмецкій кафтанъ Мазепы. Пощечина. Разсказы Прокоповича, Нордберга, Конисскаго и Вольтера. Дульская. Сношенія съ Зиленскимъ. Быховъ. Гетманъ въ Батуринѣ. Государь въ Черниговѣ и въ Кіевѣ. Кіевопечерская крѣпость. Вопросы Мазепы Царю и Царскія рѣшенія. Бунтъ Запорожцевъ. Галаганъ. Кость. Жолкіевъ. Тысяча лошадей. Войнаровскій идетъ на Люблинъ. Грамота Царская Малороссіянамъ. Подтвержденіе ихъ правъ. Кичкаровскій. Бунтъ Башкировъ и Калмыковъ. Докладъ Мазепы на-счетъ крѣпости. Смерть Мазепиной матери. Первый доносъ Кочубея. Никаноръ и Трифилій. Василій Кочубей и жена его Любовь. Второй пріѣздъ Никанора. Открытіе тайны. Мысли Государя на-счетъ доноса. Отъѣздъ его въ Польшу.

Что понудило старца шестидесяти-лѣтняго, въ часы предсмертные, возстать противъ Царя и Благодѣтеля?

Дотолѣ Петръ не нарушилъ ни единаго условія, которыя самъ Гетманъ скрѣпилъ, облекаясь въ Гетманскій санъ. Всѣ вольности, всѣ права козацкія были неприкосновенными. Никто изъ козаковъ, никто изъ Старшинъ не имѣлъ повода на Государя роп-

тать. Многіе изъ Малороссіянъ, вопреки обычаю, были судимы въ Москвѣ и въ Сибирь сосланы. Но это была воля Мазепы. Правительство всегда отдавало виновныхъ или имъ оклеветанныхъ Украинцевъ ему-же въ руки. Выборы на уряды, статутъ, города, находящіеся на правахъ Магдебургскихъ, власть, присвоенная здѣшними уставами каждому урядннику, винокуреніе, табакъ, статьи доходныя, все оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ слѣдовало быть по обоюднымъ условіямъ. Ни войско не лишено было жалованья, ни шляхетство не было унижено. При Петрѣ, покуда Мазепа не возсталъ противъ него, было для Украйны лучше, нежели при Софіи и Голицынѣ, нежели при Θеодорѣ, и даже при Алексіѣ. Если были откупы, никто другой не учреждалъ ихъ какъ Гетманы. Воеводы не вмѣшивались ни въ суды ни въ расправы; постоевъ у козаковъ и шляхетства не было.

Что-же касается до Мазепы лично, Петръ былъ его благодѣтель, другъ.

Не говоря о селахъ, которыхъ столько ему надавалъ Государь, о дорогихъ подаркахъ, которыми осыпалъ его безпрестанно, почести, которыми онъ окружилъ его, были вполнѣ достойны сана Гетманскаго. Вспомнимъ поѣздку его въ Москву, Царскій пріемъ, ему сдѣланный, это требованіе совѣтовъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, даже и не до Малороссіи касающихся, эту твердую непоколебимую довѣренность и уваженіе. Все, что Мазепа ни сдѣлалъ, ни сказалъ, казалось Государю достойно хвалы и чести. Въ болѣзняхъ присылалъ къ нему медиковъ, въ печаляхъ принималъ участіе, въ потеряхъ утѣшалъ.

Гетманъ Малороссіи не нуждался въ титулѣ Князя Римской Имперіи; но Государь зналъ, что это польститъ его самолюбію и Мазепа сталъ кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Княземъ Римской Имперіи; даже въ-лицѣ его родственниковъ Петръ Великій льстилъ его самолюбію, то возвышая, то обогащая ихъ.

И послѣ клятвъ, увѣреній, ласкательствъ, отвратительныхъ воздыханій и похвалъ своей вѣрности, возстать на благодѣтеля своего! Неужели умъ Мазепы не могъ постигнуть, сколь несообразна была борьба эта съ его силами; не могъ понять хоть части Величія Того, Кто боролся съ цѣлымъ народомъ, съ предразсудками, съ невѣжествомъ, со Стрѣльцами, съ Польшею, съ Карломъ XII, и отовсюду выходилъ съ побѣдою? Неужели умъ Мазепы состоялъ только въ раболѣпныхъ хитростяхъ? неужели это былъ умъ, ползущій во мракѣ тайны, опытный только въ томъ, какъ ниже и ниже кланяться Боярамъ, какъ умолять Нарышкина, чтобъ тотъ не гнѣвался за увозъ карлицы; умъ свѣдущій не въ битвахъ, но въ томъ, какъ пыткой допросить Кочубея о его сокровищахъ, какъ развратить невинность дѣвицы неопытной, какъ отплатить Сибирью Самуйловичу и бѣдному его семейству за всѣ блага, которыя семейство его излило на него; умъ свѣдущій въ томъ, какъ благороднаго Палія зазвать на пиръ и соннаго забить въ кандалы; какъ мучительски казнить Соломона по подозрѣнію; какъ клеветать на народъ свой Царю, и самому строить противъ Царя ковы? Но это низкой умъ!

Прямо, благородно дѣйствовать—иное дѣло: не было-бъ удачи; не было-бъ и безславія.

Люди, не имѣющіе несчастій, коль скоро они жалуются безпрестанно на свои горести, потупляютъ глаза предъ Властителемъ, вздыхаютъ изъ глубины сердца, и, замышляя не-доброе, строятъ ежегодно, или посѣщаютъ ежеминутно храмы Божіи,—эти люди опасны: имъ не должно довѣрять. Это Мазепа съ Петромъ.

Преданіе говоритъ, что причиной ненависти Мазепы къ Петру былъ одинъ случай на пиру у Меньшикова: Государь, за обѣдомъ сказалъ, что онъ хочетъ преобразовать козаковъ въ войско регулярное. Мазепа, сидя съ нимъ объ-руку, началъ говорить, что еще не-время тревожить Малороссіянъ. Петръ схватилъ его за усы, назвалъ измѣнникомъ и закричалъ: *нѣтъ! пора уже мнѣ за васъ приняться.* Озлобленный Мазепа отплатилъ Петру возстаніемъ.

Но это не вполнѣ справедливо. Ѳеофанъ Прокоповичъ, знавшій Государя лично, говоритъ, что онъ вовсе ненамѣренъ былъ заводить регулярное войско въ Малороссіи. А Нордбергъ разсказываетъ, что, желая угодить Государю, Мазепа самъ предложилъ ему принудить козаковъ къ фрунту; но Петръ не согласился. Таковъ былъ защитникъ Украйны, Гетманъ, козаками изъ среды себя избранный. Извѣстно однако-же, что онъ въ Москвѣ надѣвалъ иногда, вмѣсто Гетманскаго облаченія,—Нѣмецкій кафтанъ.

Вотъ слова Архіепископа Конисскаго на-счетъ происшествія у Меншикова за обѣдомъ.

«Гнусный умыселъ сей породила въ немъ адская «злоба его за личную обиду свою. *Преданіе, взя-«тое отъ приближенныхъ къ Мазепѣ особъ*, повѣ-«ствуетъ, что, въ недавнемъ отъ того времени, «былъ Мазепа на одномъ пиру съ Государемъ у «Князя Меньшикова и, за противорѣчіе въ разгово-«рахъ, ударилъ Государь Мазепу по щекѣ; и хотя «за то скоро и помирился съ нимъ, но Мазепа, «скрывъ наружно злобу свою, запечатлѣлъ ее въ «сердцѣ своемъ; *а также злобные бояре, недоб-«рожелательствовавшіе Государю за перемѣны «государственныя, а больше за погибшихъ въ бун-«тѣ своихъ родственниковъ, сочли случай оный «божественнымъ даромъ и утвердили Мазепу въ «его отважномъ намѣреніи обѣщаніями своими о «ихъ помощи.*»

Слова Конисскаго оправданы и рѣчью самого Мазепы къ войску въ мѣстечкѣ Семеновкѣ.

Вольтеръ говоритъ, что Петръ обѣщалъ его на колъ посадить; а Симоновскій прибавляетъ, что Мазепа немедленно выѣхалъ изъ Москвы безъ позволенія Государева.

Какъ-бы то ни-было, кто далъ ему право, не спросясь воли народной, отторгнуться отъ Петра за обиду личную? Мы видимъ, что это было противно Малороссіянамъ. Да и кто-бы согласился быть подвластнымъ не Петру, а Мазепѣ?

Преданный родинѣ, правдивый Конисскій такъ продолжаетъ: «Мазепа имѣлъ умыслъ толь вредный «побужденіемъ собственной его злобы и мщенія; а «отнюдь не ради національныхъ интересовъ, кото-«рые, натурально, должны-бы въ такомъ случаѣ до-

«стигнуть народъ къ ихъ одержанію; но вмѣсто «того народъ всемѣрно истреблялъ Шведовъ, яко «враговъ своихъ.»

А Мазепа истреблялъ цѣлые отряды козацкіе; посылалъ на явную, очевидную смерть Полковниковъ, чтобъ избавиться отъ людей, которые не готовы были ему содѣйствовать, или которые казались для него подозрительными; ему содѣйствовали одни только его родственники, да ничтожная горсть людей преданныхъ, какіе всегда найдутся у человѣка сильнаго. Одинъ Римлянинъ плакалъ по Неронѣ.

Описываютъ еще, что, будучи въ походѣ противъ Шведовъ, онъ познакомился въ Польшѣ съ родственницею Лещинскаго, матерью Вишневецкихъ, Княгинею Дульскою; потомъ влюбился въ нее, вздумалъ въ шестдесятъ лѣтъ жениться на ней и, для успѣха въ этомъ дѣлѣ, рѣшился присоединить Малороссію въ Польшѣ. Какъ будто-бъ ему легко было сдѣлать то, что противно было Богдану Хмѣльницкому. Условія съ Поляками были у него слѣдующія: онъ останется Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожья, и будетъ владѣтельнымъ, ни откого независимымъ, Княземъ Сѣверскимъ, съ прибавкою къ этому Княженію многихъ смежныхъ земель, вѣроятно отъ Россіи.

Дорого поплатилась за это Украйна.

Войско козацкое въ Минскѣ примѣтно уменьшилось, Лубенскій полкъ и пять-сотъ человѣкъ Стародубскаго пошли къ Бресту-Литовскому. Пять тысячъ козаковъ, присоединясь къ Меньшикову, пошли въ Гродно. Самому Гетману Государь поручилъ взять Быховъ; Коммендантъ Синицкій упорно защищалъ

крѣпость, тайно Гетманъ сносился съ Лещинскимъ черезъ Іезуита Заленскаго и, наконецъ, возвратился въ Батуринъ, изговариваясь подагрою и горячкою, которыя, не только не позволяютъ ему дѣлами управлять, но даже и говорить. «Въ прилежномъ «моемъ радѣніи взятъ Быховъ—постыженъ»—писалъ онъ къ Головину.

Въ Іюлѣ Малороссіяне увидѣли у себя гостя неожиданнаго. Карлъ намѣренъ былъ вторгнутся въ Украйну, Петръ пріѣхалъ ее обозрѣть. Іюля перваго онъ ночевалъ въ Черниговѣ, четвертаго прибылъ въ Кіевъ. «Доношу Вашей Вельможности, писалъ Гетманъ Головину, что Его Величество изволилъ прибыть счастливо въ Кіевъ; хотя я и хотѣлъ на границахъ полка Черниговскаго почтить встрѣчею толь Великаго и никогда еще въ Малороссіи, въ препочтеннѣйшемъ Царскомъ лицѣ, небывалаго гостя; однако предварилъ мое желаніе полномочный Его-же Монаршескій указъ, дабы я, не идучи къ Чернигову, спѣшилъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ къ Кіеву.» Іюля 1.1706.

Въ первый день пріѣзда, Государь, встрѣченный пушечной пальбою, проѣхалъ прямо въ Софійскій Соборъ, осмотрѣлъ всѣ его рѣдкости, посѣтилъ Митрополита Варлаама, въ тотъ-же день былъ въ пещерахъ ближнихъ и дальнихъ. На-завтра пришло извѣстіе, что Карлъ XII поспѣшаетъ въ Кіевъ и уже находится въ сорока миляхъ. Тогда потребовалъ онъ Мазепу къ себѣ; не упуская ничего изъ виду, отправилъ въ Петербургъ нѣсколько Запорожцевъ, для обученія приведенныхъ туда воловъ ходить въ ярмахъ; между тѣмъ вызвалъ Меньшико-

ва, Шафирова, Шереметева и Головкина. Къ Мазепѣ писалъ повторительно, чтобъ, оставя пять или шесть тысячь войска въ командѣ Меньшикова, прибылъ съ остальнымъ въ Кіевъ. Гетманъ явился къ Петру. Вдругъ Карлъ вступилъ въ Саксонію, и войско, собранное въ Кіевѣ, было распущено. Замѣтя, что крѣпость Кіевская устроена на мѣстѣ неудобномъ и расположена ошибочно, Петръ избралъ Печерскій монастырь, самъ размѣрялъ землю и пятнадцатаго
15 Августа. Августа заложилъ крѣпость своими руками.

Девятнадцатаго—Мазепа подалъ Ему семь вопросовъ на разрѣшеніе: 1. Долго-ли ему быть въ Кіевѣ по отъѣздѣ Государя, что дѣлать, ѣхать-ли въ Батуринъ и кому надзоръ поручить надъ крѣпостною работою? 2. Какія войска Великороссійскія будутъ при немъ для охраненія Украйны? 3. Къ кому относиться о важныхъ дѣлахъ? 4. Посылать-ли Запорожцамъ жалованье и деньги, собираемые съ Переволочанскаго перевоза? 5. Посланца Ханскаго отправить-ли изъ Батурина? 6. Будетъ-ли требованье Запорожцевъ на службу? 7. Позволить-ли Красинскому жениться въ Малороссіи? -- Государь приказалъ Гетману: во первыхъ, распорядиться на-счетъ крѣпости, и потомъ, если захочетъ, съѣздить въ Батуринъ на короткое время. Полки Великороссійскіе оставилъ при Гетманѣ прежніе. По третьему и шестому вопросамъ указалъ на Головкина. Посланца Ханскаго велѣлъ отпустить. Запорожцевъ удовлетворилъ жалованьемъ и Переволочанскимъ сборомъ. Дѣло Красинскаго оставилъ на усмотрѣніе Гетманское, и, проживъ полтора мѣсяца въ Кіевѣ, двадцатаго выѣхалъ въ Петербургъ.

Козаки занялись Печерскою крѣпостью. Это дѣло справедливое, ихъ не гнали укрѣплять Москву, они укрѣпляли свой родной городъ; кто-же бы работалъ, какъ не они? Но Мазепа старался уже поднимать въ народѣ ропотъ на Петра. Октября двадцатаго онъ вовсе оставилъ Кіевъ, и какъ другъ его Головинъ въ это время скончался, то, оправдывая свой отъѣздъ, писалъ онъ къ Головкину, что уѣхалъ изъ сострраданія къ козакамъ, которые въ одеждѣ, даже въ пищѣ претерпѣваютъ недостатокъ и начали роптать.

Наступилъ новый годъ, Запорожцы начали его грабежомъ и убійствами. Еще въ прошломъ году, чтобъ прекратить эти безпорядки, Государь приказалъ Кошевому Лукьяну Тимофѣеву отправить нѣсколько тысячь Запорожцевъ въ Польшу, для присоединенія къ арміи Графа Шереметева. Мазепа назначилъ имъ въ начальники знатнаго товарища Игнатія Галагана. Нынѣ снова начались безпорядки: Полтавскій Полковникъ Иванъ Левенецъ захватилъ 1707. Апрѣл.
Запорожца Лебедина, который, разбойничая за Самарою, обобралъ Греческій караванъ; Кошевый Кость грабилъ берега Буга и звѣрствомъ ужасалъ обывателей; два полка Компанейскіе ходили за нимъ въ поиски, но безуспѣшно.

Благодушный Петръ продолжалъ ласкать Гетмана. Не смотря на выѣздъ, вопреки Государеву желанію, изъ Кіева, онъ былъ приглашенъ въ Жолкіевъ на военный совѣтъ, проводилъ Свѣтлый праздникъ съ Государемъ, и потомъ прислалъ ему въ даръ тысячу лошадей, говоря въ письмѣ, что изъ казны чинятся многіе расходы.

Въ слѣдствіе именнаго повелѣнія, даннаго въ Кіевѣ, Войнаровскій выступилъ съ пяти-тысячнымъ отрядомъ въ Люблинъ подъ начальство Меньшикова; Боуръ, имѣя при себѣ Стародубскій полкъ, взялъ послѣ четырехъ-недѣльной осады Быховъ, въ которомъ заперся Польскій Генералъ Синицкій, передавшійся Шведамъ.

Между тѣмъ Мазепа нашелъ, что пора ему примириться съ народомъ, его ненавидящимъ. Онъ просилъ Головкина исходатайствовать грамоту, которою Государь удостовѣрилъ-бы Малороссіянъ въ своемъ къ нимъ расположеніи и обѣщалъ-бы вознаградить, по окончаніи войны, всѣ ихъ убытки и раззоренія. Просьба была выполнена. Государь сверхъ того подтвердилъ права и привилегіи.

Здѣсь въ-первые наши козаки совершили далекій и трудный походъ на Сѣверъ: Полковый Лубенскій Судья Кичкаровскій съ тремя тысячами Регистровыхъ пошелъ усмирять Башкировъ и Калмыковъ въ Пензѣ и Казани. Это былъ случай въ такое смутное время весьма опасный для Россіи и вовсе неожиданный.

Архіепископъ Конисскій.

На одну изъ степныхъ ярмарокъ за Волгою, куда собирались Русскіе торговать съ народами кочующими, привезены были на продажу образа Христіанскіе и кумиры языческіе, тѣ и другіе работы Русской. Земская полиція была столь неосторожна, что тѣ и другіе были выставлены рядомъ. Башкиры, Калмыки и Русскіе стали сравнивать; посыпались насмѣшки, ругательства, началась драка, дошло до кровопролитія. Русскіе были многочисленнѣе, разогнали кочевыхъ, заплевали, выбросили въ грязь и

начали топтать кумиры; со всей ярмарки сбѣжались язычники, и пустили стрѣлами въ зачинщиковъ,—тѣ разбѣжались, но многіе изъ нихъ были ранены, а иные легли на мѣстѣ; начальство захватило многихъ Башкировъ, осудило и перевѣшало; тогда возникъ повсемѣстный бунтъ, который былъ укрощенъ не столько строгостію, сколько кротостію и благоразуміемъ присланныхъ для того военачальниковъ.

Строеніе Кіевопечерской крѣпости продолжалось; Гетманъ жаловался Государю на разныя обиды козакамъ; писалъ къ Головкину, что Малороссійское войско, за весну, лѣто и осень изнурилось, изнемогло на работѣ, не годится уже ни на какую службу, впало въ тяжкія болѣзни, кормится по монастырямъ и по дворамъ подаяніемъ, а лошади отощали отъ возки дерна, лѣсу, кирпича и извести.

Государь немедленно приказалъ распустить козаковъ по домамъ.

Гетманъ по болѣзни остался въ Кіевѣ до двадцать втораго Ноября, или не хотѣлъ-ли онъ проститься съ матерью, которой лишился въ томъ-же мѣсяцѣ. Пришелъ къ нему съ отрядомъ Войнаровскій; другой нашъ отрядъ былъ надъ Случью близъ Полоннаго. Тотъ и другой были Мазепою признаны неспособными къ новымъ походамъ; Государь приказалъ имъ, стоя на мѣстахъ, охранять границы отъ непріятеля. Карлъ собирался вступить въ Малороссію. Всѣ войска, кромѣ трехъ тысячъ въ Полонномъ и въ Кіевѣ, стояли въ бездѣйствіи.

А въ Москвѣ между тѣмъ разсматривали первый доносъ Кочубея на Мазепу и допрашивали въ При-

казахъ Монастырскомъ и Преображенскомъ чернеца Никанора, привезшаго этотъ доносъ.

1707. Іеромонахъ Спасскаго Сѣвскаго монастыря Никаноръ и чернецъ Трифилій проходили, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, изъ Кіева черезъ Батуринъ; Мазепа былъ въ отлучкѣ; они сѣли отдохнуть за городомъ у Землянаго валу; къ нимъ подошелъ какой-то козакъ, разспросилъ кто они, куда идутъ, откуда, сталъ выхвалять странноприимство Кочубея и пригласилъ къ нему; чернецы пошли, были введены слугою Иваномъ Ивановымъ. Хозяинъ потолковалъ обо всемъ до нихъ касающемся, велѣлъ накормить и отвесть особую избу для ночлега. По-утру на другой день они слушали обѣдню въ домовой церкви Кочубея. Жена его, Любовь, подарила имъ по холсту и по два полотенца; самъ онъ далъ въ монастырь два рубля на поминовеніе и ефимокъ собственно Никанору; чернецы хотѣли уже пуститься въ путь; но Кочубей упросилъ ихъ еще ночь перебыть. Назавтра позвали въ садъ Никанора, безъ товарища, и ввели въ палатку; здѣсь хозяинъ снова сталъ распытывать о его родѣ, и потомъ передъ образомъ Богородицы спросилъ: можно-ли ему повѣрить тайну? Никаноръ поклялся, что не выдастъ; тогда Кочубей и жена его стали бранить Гетмана Мазепу, называли блудникомъ, бездѣльникомъ, беззаконникомъ. Монахъ спросилъ, за что они его такъ не любятъ. Они отвѣчали: за то, что, будучи крестнымъ отцомъ ихъ дочери, онъ хотѣлъ жениться на ней, получилъ отъ нихъ отказъ, зазвалъ ее къ себѣ и изнасиловалъ. Тутъ Кочубеева взяла его за руку пошла съ нимъ по саду и сказала:

« Мазепа такой злодѣй, что хотѣлъ и насъ погу-
« бить. Однажды, бывъ на имянинахъ у мужа моего,
« онъ пѣнялъ намъ за-чѣмъ мы не выдали за него
« дочери. Я отвѣчала ему: полно тебѣ коварничать,
« не довольно тебѣ, что изнасиловалъ и развратилъ
« ее, ты еще и съ насъ хочешь снять головы. Ты взво-
« дилъ на меня съ мужемъ, что мы въ перепискѣ съ
« Крымомъ. Намъ покойный твой Писарь пересказалъ,
« что ты, отъ имени моего мужа, писалъ въ Крымъ.
« Гетманъ запирался и говорилъ мнѣ: полно вамъ врать
« и взводить лжи на мертваго. Но если-бъ Государь
« ѣхалъ черезъ Батуринъ, я-бы все пересказала Ему. »

Чернецы стали собираться въ путь; Кочубей приказалъ Никанору пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ Архимандритомъ, и обѣщалъ дать богатый вкладъ въ монастырь, лишь-бы не замедлили пріѣздомъ.

Въ Сѣвскѣ Никаноръ сказалъ Архимандриту о Кочубеевомъ обѣщаніи; но, будучи удержанъ дѣлами въ монастырѣ, Архимандритъ пріѣхалъ не самъ, а прислалъ къ Кочубею съ письмомъ, съ хлѣбами и съ просфорами, изъ которыхъ были выняты частицы во здравіе семейства Кочубеевъ. Никаноръ прибылъ въ Батуринъ двадцать шестаго Августа. Мазепа все еще былъ въ Кіевѣ. На другой день пришла изъ двора Кочубейскаго козачка и сказала Никанору, что Наказный Гетманъ приказалъ ему являться безъ доклада, однако-жь только тогда, когда узнаетъ, что нѣтъ гостей, и чтобъ каждый разъ, когда придетъ, запиралъ за собою двери.

Монаха подстрекнуло любопытство; онъ на-завтра не откладывалъ, явился въ тотъ-же день послѣ обѣда. Кочубей спросилъ его, не было-ли кого-нибудь на

крыльцѣ, когда онъ входилъ, и заперъ-ли онъ двери за собою? Монахъ отвѣчалъ утвердительно. Кочубей началъ подробно распрашивать о его родѣ, племени, чинѣ, прежней жизни; не увѣрясь, что ихъ не подслушиваютъ, самъ обошелъ всѣ комнаты, и оглядѣлъ всѣ двери. Наконецъ спросилъ: «можно-ли мнѣ повѣрить тебѣ тайну?» Никаноръ обѣщалъ ее хранить, хозяинъ далъ ему поцѣловать о томъ крестъ. Въ эту минуту вошла и хозяйка съ крестомъ, написаннымъ на деревѣ. Она плакала и сказала: «какъ Богъ страдалъ на Крестѣ за насъ, такъ «надобно умереть и намъ за Великаго Государя.» Всѣ трое присягнули въ храненіи тайны; тогда Кочубей объявилъ Никанору, что Гетманъ Мазепа хочетъ отложиться отъ Государя къ Ляхамъ, учинить пакость великую Московскому Государству, плѣнить Украйну и города Государевы побрать. — Какіе города? спросилъ Никаноръ. «То я послѣ скажу,» отвѣчалъ Кочубей и велѣлъ ему ѣхать въ Москву и, не мѣшкая ни минуты, сказать о томъ Ивану Алексѣевичу Мусиму-Пушкину, чтобъ успѣли захватить Мазепу въ Кіевѣ, и защитить его Кочубея отъ Мазепы, который можетъ его убить. Тутъ далъ онъ Никанору семь червонцевъ и на наемъ подводъ двѣнадцать ефимковъ. Скоро монахъ былъ уже въ Москвѣ, его взяли подъ допросъ; и все, что я здѣсь описалъ, есть слово въ слово его показаніе.

Месть ослѣпляла стараго Кочубея. Какъ онъ могъ поручить столь важное дѣло, пришлецу, человѣку неизвѣстному, съ которымъ видѣлся два раза? Это непонятная легкомысленность. Къ тому-же тайный доносъ!....

Чтὸ, если-бы, по правамъ Украинскимъ, Кочубей, имѣя вѣрные доказательства, письма и свидѣтелей, какъ Наказный Гетманъ, созвалъ Раду въ Батуринѣ, объявилъ о дѣлѣ, захватилъ Мазепу въ Кіевѣ, на Радѣ всенародно сдѣлалъ-бы слѣдствіе, и потомъ, по единогласному суду всѣхъ чиновъ, свергнулъ съ Гетманства единомышленника Лещинскаго, врага Петра и Украйны? Чтὸ, если-бы онъ тогда, какъ первый сановникъ въ краю, отправилъ Мазепу въ Москву подъ стражею, со всѣми доводами, съ изъявленіемъ преданности Государю и съ объявленіемъ, что чины и народъ нынѣ приступаютъ къ избранію новаго Гетмана? Что было-бы тогда? Нѣтъ сомнѣнія, что Бояре не рѣшились-бы Кочубея брать въ пытку; самъ Головкинъ признавался, что это было дерзновеніе. Если-бы въ Москвѣ и хотѣли защитить Мазепу его Московскіе клевреты, Петръ не согласился-бы наступить безъ причинъ на права народныя. Онъ былъ благодушенъ.

А тайный доносъ, не говоря уже о низости, ведетъ почти всегда доносчика къ постыдной погибели.

И по всему видно, что его принудила къ этому подвигу жена; онъ извѣдалъ участь, которую испытываетъ почти каждый мужъ, когда жена его не въ домѣ и семьѣ, а въ дѣлахъ хозяйственныхъ и государственныхъ хочетъ распоряжаться.

Государь, получивъ доносъ, тотчасъ-же со словъ Никанора заключилъ, что Кочубея подвигнула личная злоба за дочь; что Кочубей клеветникъ мстительный и легкомысленный; что онъ подученъ врагами Россіи, которые подсылали зажигателей, и раз-

брасывали возмутительныя письма, печатанныя въ Данцигѣ на Русскомъ языкѣ; что они вѣроятно уговорили нынѣ и Кочубея на доносъ, котораго слѣдствіемъ будутъ раздоры, возмущенія и междоусобія. Всего болѣе поразило Государя то, что Кочубей не могъ найти для доставленія доноса своего никого вѣрнаго и преданнаго ему, ни родственника, ни пріятеля, ни подчиненнаго, ни слуги, и принужденъ былъ избрать прохожаго монаха.

Это было въ Декабрѣ, по возвращеніи Государя въ Москву изъ Данцига. Его занимала война, онъ отложилъ до времени разслѣдованіе *ложнаго доноса*, и. поѣхалъ въ Польшу.

ГЛАВА XLV.

Любовь Мазепы къ женщинамъ. Родъ Кочубея. Прежняя его жизнь и подвиги. Добрыя связи Кочубея съ Мазепою. Сватовство Мазепы на своей крестницѣ. Свойство съ нею Мазепы. Отказъ. Любовь. Переписка. Безчестіе дочери. Отчаяніе родителей. Возвращеніе дочери въ отцовскій домъ. Продолженіе переписки. Катувка. Слова дѣвушки. Письма эти возвращены Головкинымъ Мазепѣ. Письмо Кочубея къ Мазепѣ. Отвѣтъ Мазепы. Искра, Ковалько и Святайло. Яценко въ Москвѣ. Второй доносъ Кочубея. Осиповъ. Свиданіе съ нимъ Искры. Головинъ и Шафировъ Предсѣдатели слѣдствія. Скоропадскій въ Москвѣ. Письмо Мазепы отъ Февраля 24-го къ Петру. Письмо къ нему Петра отъ Февраля 1-го. Мѣры для приманки въ Витебскъ доносчиковъ. Яценко отпущенъ въ Малороссію. Письма къ Мазепѣ отъ Головкина и отъ Царя. Отвѣтъ Мазепы. Старается заманить доносчиковъ къ себѣ. Посылаетъ за ними отрядъ. Не застаетъ ихъ дома. Они выѣхали въ Витебскъ. Ихъ общество. Пріѣздъ въ Витебскъ.

Много вреда сдѣлала Мазепѣ страсть его къ женщинамъ. Причиной измѣны Петру иные полагаютъ любовь его къ Княгинѣ Дульской. Вражда Кочубея произошла за обезчещенную дочь. Искра возненавидѣлъ Гетмана, какъ говоритъ народное преданіе, за интригу съ женой. Каждому извѣстенъ выѣздъ его изъ Заднѣпрія, гдѣ онъ обольстилъ дочь или жену одного Польскаго Магната.

Разскажемъ о его преступленіи съ Матроной Кочубеевой.

Василій Леонтьевичъ Кочубей, былъ сынъ знатнаго Войсковаго Товарища, Леонтія Андреевича, внукъ одного изъ Крымскихъ Князей, выѣхавшихъ въ Украйну въ шестнадцатомъ вѣкѣ, нареченнаго во Святомъ Крещеніи Андреемъ.

Самъ онъ служилъ при Дорошенкѣ; ѣздилъ отъ него въ Адріанополь; за походъ подъ Азовъ, былъ произведенъ въ Генеральные Писари; *за труды при слѣдствіи о Гетманѣ Самуйловичѣ* награжденъ многими деревнями, и въ 1694 поставленъ Генеральнымъ Судьею. «Я былъ»,—говоритъ онъ о себѣ въ запискахъ своихъ,—«я былъ въ битвахъ подъ «Чудновымъ и въ другихъ, гдѣ случалось и кровью «помазатися. Я видѣлъ лиманъ Днѣпровскій, Оча«ковъ, Дунай и Адріанополь. Взглядъ мой измѣ«рилъ Валахію и обозы Турецкихъ войскъ.» Кромѣ того онъ былъ Стольникъ.

Все это хорошо; но деревни, полученныя за труды при слѣдствіи о Гетманѣ Самуйловичѣ, не пошли ему въ-прокъ (*): *выкупается кровью пролитая кровь.* Онъ скрѣпилъ своимъ подписомъ доносъ на Самуйловича, получилъ за слѣдствіе деревни и

(*) Авторъ этой Исторіи есть прямой потомокъ Кочубея. Родной дѣдъ его, Ив. Андр. Маркевичъ, былъ женатъ на Елисаветѣ Васильевнѣ Кочубей, родной правнукѣ Василья Леонтьевича; онъ чтитъ память своего благороднаго прадѣда, уважаетъ заслуги своихъ родныхъ и ихъ пріязнь къ нему; но Исторія требуетъ правды.

чины. Слезы страдальцевъ, вопли семейства изгнанниковъ, клятвы, присланныя изъ Сибири,—убили его. И награжденный за неправду, за правду онъ погибъ. Поруганный злодѣемъ, обезчещенный въ лицѣ своей прекрасной дочери, онъ защищалъ Государя отъ предателя, и послѣ тяжкихъ истязаній сложилъ посѣдѣвшую голову отъ руки палача.

Мазепа былъ прежде съ нимъ въ добрыхъ связяхъ. Его родной племянникъ Обидовскій былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубеевой. Матрону Васильевну Гетманъ крестилъ.

И не смотря на то, что Матрона была его крестная дочь, что родной дядя съ племянникомъ не могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, Мазепа вздумалъ свататься на ней. Отецъ и мать, Христіане благочестивые, съ ужасомъ отвергли предложеніе. Мазепа, черезъ слугу своего Демьяна, предложилъ дѣвушкѣ три тысячи червонныхъ; она отказала. Онъ предложилъ ей десять тысячъ. Дочь богатыхъ родителей не плѣнилась и десятью тысячами Мазепа началъ вздыхать.

Эта переписка дряхлаго старика съ молоденькою красавицею вполнѣ отвратительна.

«Сердце мое, мой розовый цвѣтокъ! какъ мнѣ больно, что ты хоть не далеко ѣдешь отъ меня, но я не могу съ тобою проститься! Цѣлую съ любовію всю тебя.»

Такъ писалъ къ ней однажды сѣдой нечестивецъ, и сталъ умолять то объ лентѣ, то объ локонѣ, кралъ вещицы у ней, покупалъ у служанокъ изношенное платье, вымаливалъ звено ожерелья.

И наконецъ достигъ.

Быть женою Гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, Царскаго наперсника, чьей власти мало предѣловъ; носить имя того, кто свергнулъ Самуйловича, кто сослалъ въ Сибирь знаменитаго Палія; быть другомъ того, кого трепещетъ вся Украйна.... Это значило тигра укротить, быть раздавательницею благъ. Быть первою. Мысль, которая рѣдкую женщину не совратитъ съ пути истины. Мазепа дѣйствительно очародѣйствовалъ несчастную, какъ выражались тогда на ее счетъ. Богатство—къ нему она отъ младенчества привыкла; знаменитость отца была велика; но что все это значило предъ словомъ: быть Гетманьшею.—При этой мысли ни вѣра, ни любовь къ родителямъ, ни самолюбіе, ничто не могло удержать дѣвицу, которая дотолѣ была гордою, неприступною—дочь Кочубея стала любовницею Мазепы. Отъ отца и матери она ушла.

Отчаяніе несчастныхъ родителей было невыразимо. Молва разнеслась о необыкновенномъ происшествіи. Испуганный, пристыженный на старости лѣтъ, обольститель отправилъ несчастную въ домъ родительскій. Ее уговаривали, она плакала; ей угрожали, она бранилась; ее наказывали, она плевала на отца и мать. Мазепа сравнивалъ ея положеніе съ положеніемъ Варвары, уходящей отъ смертельнаго страха въ овчарни и въ ущелія горъ. Дѣвушка объявляла, что умретъ въ объятіяхъ Мазепы,—старикъ страдалъ. Та сердилась на любовника за то, что возвратилъ ее къ отцу и матери, гдѣ ее мучатъ; тотъ къ ней писалъ:

«Опечалилъ меня гнѣвъ твой за то, что я ото-
«слалъ тебя домой; но посуди сама, чтобы было,

«если-бъ я иначе сдѣлалъ. Родные твои повсюду «разгласили, что я дочь у нихъ взялъ ночью насиль-«но и держу при себѣ любовницею; къ тому-же «могло-бы придти отъ церкви на насъ проклятіе и «запрещеніе намъ вмѣстѣ жить; гдѣ-бъ тогда я дѣлъ «тебя, и какъ-бы ты сама на меня плакалась?»

Сколько пылкости было въ любовныхъ выраженіяхъ старца,— старца—коварнаго, злобнаго, умѣющаго мстить и ненавидѣть!

«Повидайся со мной, чтобъ на словахъ потолко-«вать; ты меня любить обѣщала и подала свою бѣ-«лую руку. Ты меня изсушила прекраснымъ своимъ «личикомъ. Обнимая ноги твои, молю не откладывай «обѣщанія. Ты сама знаешь, какъ безумно я люблю «тебя; еще никого въ мірѣ я такъ не любилъ; все «мое блаженство, вся радость моя была-бы въ томъ, «чтобъ быть намъ вмѣстѣ; но твои родители такъ «злы, такъ въѣдливы.»

Въ одномъ письмѣ онъ спрашиваетъ: перестали-ль ее мучить и все-ли продолжаютъ ее безжалостно сѣчь (*катоваты*); при этомъ, черезъ какого-то слугу, Карла, посылаетъ ей подарокъ; въ другомъ— совѣтуетъ идти въ монастырь, потому что ее чуждаются *проклятыя* родныя; обѣщая впрочемъ взять потомъ на этотъ счетъ ему извѣстныя мѣры. То печалится о ея положеніи, то говоритъ, что зналъ-бы какъ врагамъ отомстить, но она сама ему связала руки.

«Тяжко затосковался я, узнавъ, что эта палачка «(*катувка*) не перестаетъ тебя мучить, какъ и вче-«ра она съ тобою учинила. Я самъ не знаю, что съ «этою *гадиною* дѣлать.»

И дочь вельможи, дочь благочестивыхъ родителей, принимала письма, гдѣ извергъ поносилъ ее мать змѣею, отца называлъ нечестивцемъ; мать, которая весьма справедливо ее наказываетъ; отца, который погибъ за нее.

«Же хоть сякъ, хоть такъ буде, а любовь межи «нами не одминыться,» —говорила дѣвушка.—«Нехай «Богъ неправдываго карае; а я хочь любишь, хочь «не любишь мене, до смерти тебе, подлугъ слова «свого, любыты и сердечне кохаты не перестану, «*на злость моимъ ворогамъ.*»

Это было неестественно. Это были сѣдины въ розовомъ вѣнкѣ.

И письма эти сохранились, но не подлинныя. Графъ Головкинъ, по окончанiи пытки надъ несчастнымъ Кочубеемъ, писалъ къ Мазепѣ: «разбирая взятыя у Кочубея письма, нашли мы, между прочими, нѣкоторыя письма и *цидулы*, Вашего-ль Сiятельства рукою или чьею иною писанныя, къ дочери его Кочубеевой, которыя, подлинныя, *не переписывая и никому оныхъ не показывая*, къ Вашему Сiятельству за печатью при семъ посылаемъ.»

А между тѣмъ списалъ, и эти списки прочло потомство.

Но горьче всего для обиженнаго отца былъ отзывъ стараго злодѣя. Кочубей писалъ къ нему:

«Зная мудрое слово, что лучше смерть, нежели жизнь горькая, я радъ былъ-бы умереть, не дождавшись такого злаго поношенiя, послѣ котораго я хуже пса издохшаго. Горько тоскуетъ и болитъ сердце мое быть въ числѣ тѣхъ, которые дочь продали за

корысть, и достойны за это посрамленія, изгнанія и смертной казни. Горе мнѣ несчастливому! Надѣялся-ли я, при моихъ немалыхъ заслугахъ въ войскѣ, при моемъ святомъ благочестіи, понесть на себѣ такую укоризну? Того-ли я дослуживался? Кому другому случилось это изъ служащихъ при мнѣ людей чиновныхъ и нечиновныхъ? О горе мнѣ несчастному, ото всѣхъ заплеванному, къ такому злому концу приведенному! Мое будущее утѣшеніе въ дочери измѣнилося въ смуту, радость въ плачъ, веселость въ сѣтованіе. Я одинъ изъ тѣхъ, кому сладко о смерти вспоминать. Желалъ-бы я спросить тѣхъ, которые въ гробахъ уже лежатъ, которые были въ жизни несчастливцами, были-ли у нихъ горести, какова горесть сердца моего? Омрачился свѣтъ очей моихъ! окружилъ меня стыдъ! не могу прямо глядѣть на лицы людскія; срамъ и поношеніе покрыли меня! Я плачу день и ночь съ моею бѣдною женой.»

Лучше-бы было послать не доносъ, а списокъ съ этого письма къ Петру. Но что-же отвѣчалъ Мазепа?

«Пане Кочубей!

«Ты о какой-то сердечной скорби намъ доно-«сишь? Лучше-бы тебѣ было построже быть съ твоею «гордою, велерѣчивою женою, съ которою, какъ вижу, «ты совладѣть не можешь; которой не можешь до-«казать, что на коня и на кобылу одинаковый мунд-«штукъ кладутъ. Она, а не кто другой печали твоей «причиною. Святая Варвара Великомученица ухо-«дила отъ отца своего Діоскора не въ Гетманскій «домъ, а въ овчарни, въ каменныя разсѣлины, отъ «страха смертнаго. Ты не можешь быть безъ печа-

«лей; ты слишкомъ здоровъ, ты слишкомъ напитал-«ся бунтовщицкаго духу; этотъ духъ не такъ тебѣ «самому естественъ, какъ происходитъ отъ подго-«воровъ женскихъ; а если онъ въ тебѣ зародился «отъ презрѣнія къ Богу, тогда ты самъ устроилъ «свою пагубу. Не плачься ни на кого; не имѣй на-«реканій ни на кого, кромѣ на свою и на женскую «заносчивость, гордость и высокоуміе. Лѣтъ шест-«надцать сряду тебѣ проходило многое, что смерти «достойно было; но я вижу, что ни терпѣніе мое, ни «доброхотливость моя не могли тебя исправить. А «что въ пасквильномъ письмѣ твоемъ говоришь о «какомъ-то развратѣ, я того не знаю и не понимаю; «развѣ самъ ты развратъ творишь, по совѣтамъ «жены твоей; потому-то и говоритъ народъ: Gdzie «ogon rzgdzi, tam pewnie głowa błondzi. (Гдѣ «хвостъ правитъ, тамъ голова бредитъ.)»

Таковъ былъ человѣкъ, который возсталъ противъ Петра!

Огорченный, осмѣянный, поруганный Кочубей, можетъ быть, мстилъ-бы иначе. Но мы видѣли, что жена подвигнула его къ доносу. Первая попытка была не удачна; изъ Москвы отвѣта не было; Кочубей приступилъ ко второй.

Онъ открылъ предпріятіе своему свояку, бывшему Полтавскому Полковнику Искрѣ, того-же полка Сотнику Кованьку, и родственнику Искры Полтавскому Священнику церкви Спасовской Святайлу. Послѣдній посовѣтовалъ ему отправить въ Москву Полтавскаго жителя перекреста Петра Яценка съ словеснымъ извѣстіемъ объ измѣнѣ. Яценко явился къ Царскому духовнику Благовѣщенскому Протопопу.

Этотъ представилъ его Царевичу Алексѣю Петровичу; то было первое несчастіе. Царевичъ приказалъ собственноручно написать все то, о чемъ Кочубей приказалъ сказать ему; Яценко написалъ слѣдующую записку.

1. Гетманъ Мазепа имѣетъ согласіе съ Королемъ Лещинскимъ и намѣренъ поддаться ему со всею Малороссіею; переговоры о томъ ведетъ съ Іезуитомъ Заленскимъ, котораго держитъ тайно въ замкѣ своемъ въ Бохмачѣ, въ двухъ миляхъ отъ Батурина, и котораго каждую ночь привозитъ къ нему Писарь его Орликъ.

2. Когда ѣхалъ отъ Государя въ Батуринъ Александръ Васильевичъ Кикинъ, то Гетманъ, услыша, будто самъ Государь ѣдетъ въ-слѣдъ за Кикинымъ, поставилъ вокругъ дворца своего триста Сердюковъ съ заряженными ружьями, велѣлъ быть въ готовности, и по всѣмъ входящимъ въ дворъ стрѣлять, не щадя ни кого. Но увидя, что Кикинъ пріѣхалъ одинъ съ Царскимъ милостивымъ словомъ, приказалъ Сердюкамъ по домамъ разойтись.

3. Онъ тайно послалъ одного писаря Кіевскаго на Запорожье, и велѣлъ ему внушить козакамъ, что Государь рѣшился Сѣчь раззорить, а ихъ всѣхъ истребить.

4. Однажды онъ сказалъ, что хорошо дружиться съ Поляками; что можетъ быть намъ будетъ подъ ними лучше. Остальное-же все разскажетъ обстоятельнѣе самъ Кочубей, когда увидитъ Царскія очи.

И Яценка и Протопопа Царевичъ отправилъ съ этой запиской къ Государю. Государь приказалъ

разсмотрѣть доносъ съ точностію. Это было въ
1708. Январѣ.

Восьмаго Февраля Искра послалъ Святайла къ Ахтырскому Полковнику Осипову, съ увѣдомленіемъ, что самъ онъ присланъ къ нему отъ Кочубея, и имѣетъ открыть ему весьма важную тайну; но что имъ нужно съѣхаться такъ, чтобъ никто не зналъ объ ихъ свиданіи.

Февраля 13-го, на хуторѣ у Осипова, Искра сказалъ ему, что онъ и Кочубей удостовѣрились въ измѣнѣ Мазепы, въ его переговорахъ съ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ, и въ его намѣреніи предать Государя въ руки враговъ или убить. При этомъ повторилъ доносъ о приказѣ Сердюкамъ во время пріѣзда Кикина, съ тою впрочемъ перемѣною, что Гетманъ велѣлъ имъ дать залпъ по Государю. Потомъ открылъ слѣдующія обстоятельства заговора, ни въ первомъ доносѣ, ни черезъ Яценка не поясненныя:

Въ минувшій Филиповъ постъ Мазепа имѣлъ намѣреніе напасть на города Великороссійскіе; но Днѣпръ эту зиму вовсе не становился, и это ему помѣшало. Нынѣ онъ пошелъ со всѣми полками своими и Сердюцкими въ Прилуку, куда велѣлъ прибыть городовымъ козакамъ, и хочетъ оттуда идти къ Днѣпру, а потомъ въ Бѣлу-Церковь; тамъ соединится съ Лещинскимъ и Вишневецкимъ и откроетъ войну съ Государемъ. Войска Заднѣпрскія ему преданы; теперь онъ передастъ туда всѣ пожитки свои, а остальное богатство возитъ съ собою. Чтобъ противуставить войско и народъ противъ Государя, онъ наложилъ на все народонаселеніе тягостнѣйшія

подати: съ каждаго козака и мѣщанина беретъ отъ коня по талеру, отъ вола по полуталеру; клевещетъ на Государя, будто-бы онъ велѣлъ взыскать эти поборы, а самъ этими деньгами задобриваетъ полки Сердюцкіе, выдавъ имъ жалованье впередъ на три мѣсяца. А чтобъ еще болѣе смутить народъ, разгласилъ, что Государь хочетъ козаковъ обратить въ строевые, за что войско до невѣроятія озлобилось, и ждетъ только, чтобъ Мазепа поднялъ знамя возстанія. Запорожцамъ-же внушаетъ о скоромъ истребленіи Запорожья. Вся Старшина и всѣ Полковники вѣдаютъ о его намѣреніяхъ; но одни, изъ преданности, другіе, изъ страха къ нему, а иные, зная Царскую къ нему довѣренность, — молчатъ. Болѣе всѣхъ знаетъ всѣ тайны заговора Мазепинъ писарь Орликъ, потому что чрезъ его руки идетъ вся Гетманская переписка.

Осиповъ списалъ этотъ доносъ и отправилъ въ Кіевъ къ Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну. «Совѣтуютъ Царскому Величеству, — писалъ онъ, — Кочубей и Искра, чтобъ Ваша Вельможность себя и Кіевъ отъ Мазепы остерегали, и когда онъ будетъ въ Кіевѣ, то задержали-бъ его, не допуская до Бѣлой-Церкви. Если-же онъ и полки его въ Бѣлу-Церковь выступятъ, тогда ничего съ нимъ не льзя будетъ сдѣлать, и должно ждать отъ него всякой бѣды, потому что съ нимъ будутъ силы великія; но должно это все скрывать до времени тщательно, *потому что кто-то изъ ближнихъ Государевыхъ Секретарей и Князя Александра Даниловича ему о всемъ Царственномъ поведеніи доноситъ, и если о семъ увѣдаютъ, тотчасъ дадутъ ему знать.*»

Занятый Шведами, Петръ поручилъ слѣдствіе друзьямъ Мазепы: Головкину и Шафирову; а Мазепѣ приказалъ выступить изъ Батурина съ войсками. Въ началѣ Февраля Гетманъ сталъ надъ Днѣпромъ противъ Трахтимирова; въ исходѣ былъ уже въ Хвастовѣ. Тамъ узналъ онъ о доносахъ Никанора и Яценка и немедленно отправилъ къ Государю письмо черезъ Ивана Ильича Скоропадскаго, который былъ въ это время Стародубскимъ Полковникомъ.

Въ выборѣ посла Мазепа не ошибся; этотъ ничего не зналъ; а если-бъ и зналъ, ничего не могъ-бы разсказать.

Вотъ письмо Мазепы къ Петру:

«Божіею милостію, Пресвѣтлѣйшему и проч. и проч.

Иванъ Мазепа и проч.

«Хотя мнѣ, ради глубокой старости, болѣзней и «печалей, приближающемуся къ вратамъ смерти, «не слѣдовало-бы такъ ревностно желать оправда«нія моей чести, и обезпокоивать Васъ, моего Госу«даря, отягощеннаго народными, Государственными «и военными дѣлами; но всѣми силами умственными «и тѣлесными стараясь не о временныхъ благахъ, а «о томъ, чтобъ и по смерти моей не оставалась въ «устахъ народа память обо мнѣ, какъ объ измѣн«никѣ, чтобъ и по смерти моей, для моихъ преем«никовъ Гетмановъ служилъ я примѣромъ непоко«лебимой вѣрности къ Вашему Величеству, нынѣ «дерзаю приступить къ престолу благодати, на «истиннѣ и правотѣ утвержденному; предъ нимъ съ «горькими слезами, покорностію, до-земнымъ по-

«клоненіемъ до стопъ Вашихъ, болѣзненную главу «мою преклоняя, много-печальнымъ сердцемъ жа-«луюсь Вамъ на мое крайнее несчастіе: отъ начала «труднаго уряда моего Гетманскаго и донынѣ пле-«велосѣятельная злоба враждебныхъ моихъ ненавист-«никовъ не прекращается, не исчезаетъ, но возра-«стаетъ и обновляется. Я получилъ изъ Полтавы «вѣрное извѣстіе, что житель тамошній, низкаго «происхожденія, изъ Жидовъ перекрестъ, Петръ «Яценко, имѣющій въ Полтавѣ домъ, жену и дѣтей, «и занимающійся въ полку Ахтырскомъ, по-Жидов-«скому обыкновенію, арендами, не самъ отъ себя, «но отъ кого-то изъ моихъ подчиненныхъ наученный, «и въ Москву съ новыми лжами и клеветами от-«правленный, подалъ на мой счетъ своеручную, всѣ «лжи превосходящую, какую-то сказку: будто-бы «я Вашему Величеству невѣренъ.»

Это была непостижимая борьба коварства съ пря-модушіемъ.

«Не достаточно было для моихъ ненавистниковъ «одного плевелосѣятеля и лжетворца, они и другаго «какого-то чернеца, не законника, но беззаконни-«ка, туда-же въ Москву, еще прежде перекреста, «послали. И этотъ чернецъ прежде говорилъ слова «неистовыя о моей чести, желая славу мою по-«вергнуть въ прахъ; а потомъ, видя, что всѣ надъ «нимъ насмѣхаются, подалъ на меня доносъ, болѣе «смѣху, нежели вѣроятія достойный; я, который «Отцу Вашему и брату и Вашему Величеству не-«порочную и непреткновенную подданническую вѣр-«ность соблюдая, никогда не былъ колеблемъ мно-«гими льстивыми обѣтами, но какъ Помазанникамъ

«Божіимъ вправду работалъ, служилъ и нынѣ служу
«вѣрно и радѣтельно, и до кончины моей, пока при-
«метъ меня смертная сѣнь долженъ служить. Но
«чтобъ не умножились эти плевелы, достойныя ис-
«торженія и повреждающія вѣрныхъ слугъ Вашихъ,
«какъ доброе сѣмя, для обличенія лжи зломыслен-
«ныхъ клеветниковъ, для доказательства моей пра-
«воты и вѣрной службы, въ которой, не щадя жизни,
«здоровья, и желая умереть безпорочно, тридцать
«восемь лѣтъ пребываю; для того посылаю къ Вашему
«Величеству Полковника Стародубовскаго Ивана
«Скоропадскаго, Судью полковаго Стародубов-
«скаго-жъ Ивана Романовскаго, Судью полковаго
«Переяславскаго Ивана Бырла, Канцеляриста вой-
«сковаго Данила Болбота и ищу себѣ у Вашихъ
«премилосердныхъ стопъ надъ тѣми моими лже-
«клеветниками, Яценкомъ и какимъ-то чернецомъ,
«управы; и со слезами прошу Ваше Величество,
«чтобъ Вы велѣли объ этихъ клеветахъ и доносахъ
«на меня Воеводѣ Вашему въ Кіевѣ, Князю Дмит-
«рію Михайловичу Голицыну, или кому иному,
«розыскать и къ этому розыску тѣхъ клеветниковъ,
«какъ и прежде меня вѣрнаго Вашего подданнаго
«пожаловали, прислали въ Батуринъ на судъ чернеца
«Соломона. Не для чего инаго прошу о розыскѣ,
«судѣ и святой справедливости надъ Яценкомъ и
«чернецомъ, какъ потому, что здѣсь, въ странѣ мною
«управляемой, должны крыться враждующіе на меня
«люди, которые, завидуя Вашего Величества ко мнѣ
«премилосердной милости, и желая удовлетворить
«своему властолюбію, на ту ихъ ложь и клевету
«подучили, наставили и въ Царственный великій

«градъ Москву послали. О такой благопризрѣтель-
«ной милости многократно съ до-земнымъ поклоне-
«ніемъ и съ горькими въ скорби моей слезами умо-
«ляя, лобызаю Высокодержавную десницу, правосу-
«діе содержащую и управляющую. Въ Хвастовѣ,
«Февраля 24 дня, 1708 года (*).»

Посланцы Мазепы разъѣхались съ Царскимъ къ нему курьеромъ. Петръ предупредилъ мстительнаго лицемѣра,—онъ отъ 1-го Марта къ нему писалъ:

«Господинъ Гетманъ! предъ пріѣздомъ моимъ въ «Москву явился чернецъ съ такимъ-же зломъ, какъ «и бывшій Соломонъ, и я хотѣлъ крѣпко розыскать «отъ кого это происходитъ, но мой отъѣздъ въ «Польшу тому помѣшалъ, и я дѣло отложилъ до «свободнаго времени. Но какъ зло никогда не мо«жетъ лежать тихо, то нынѣ опять, и ужъ не чрезъ «чернеца, а чрезъ особыхъ посланныхъ, себя выя«вили, не скрываясь, Кочубей и Искра. Я полагаю «ихъ участникомъ и Апостоленка. Видя это, уже я «опасаюсь отлагать на-далѣе; и потому, какъ чело«вѣку вѣрному, Вамъ объявляю, какимъ образомъ «этихъ злодѣевъ поймать; а въ этомъ дѣлѣ, я по«лагаю, кроется великое злодѣяніе и враждебный

(*) Въ подлинникѣ это письмо испещрено устарѣлыми и не-Русскими словами и не имѣетъ теперь той силы, которую тогда имѣло; я его помѣщаю въ переводѣ. Поставить эту переписку въ выноскахъ, а не въ текстѣ, значило-бъ лишить Исторію важнѣйшаго достоинства:—характеристики тогдашнихъ людей, скрыть духъ времени, отнять прелесть и заманчивость; для любопытныхъ, подлинники приложены въ третьемъ и четвертомъ томахъ.

« заговоръ. Къ поимкѣ ихъ скажу Вамъ мое мнѣніе: « мы отпустимъ ихъ присланныхъ, какъ будто-бы « имъ вѣримъ, чтобъ Кочубей и прочіе, для лучшаго « объясненія дѣла, пріѣхали къ намъ сами. Если-бы « явно послать за ними, они конечно ушли-бы; но « этимъ *подлогомъ* надѣемся приманить двухъ трехъ, « и Апостоленка прибрать такимъ-же образомъ. По- « сылаю съ симъ-же посланнымъ явное къ Вамъ пись- « мо, въ которомъ написано: чтобъ Вы отъ себя « послали съ нимъ къ Быхову нѣсколько козаковъ « при добромъ командирѣ; а этимъ командиромъ « назначьте Апостоленка, и тогда мы въ руки по- « лучимъ всѣхъ троихъ. Если вы и другимъ спо- « собомъ можете ихъ поймать, то, не упуская вре- « мени, закуйте ихъ и доставьте къ намъ; но если « боитесь, что уйдутъ, то лучше сдѣлайте какъ я пи- « шу; а пока они попадутся, молчите о дѣлѣ, будто « ничего не знаете. Два полка, задержанные въ Смо- « ленскѣ, нынѣ къ Вамъ посылаемъ. При томъ про- « симъ Васъ: не имѣйте на этотъ счетъ ни одной « печали, никакого сумнѣнія.»

Удивляются многіе, какъ Мазепа могъ мудраго, дальновиднаго Петра такъ очаровать и обмануть. Но кто изъ насъ не обманулся-бы въ человѣкѣ, нами облагодѣтельствованномъ? Довѣрчивость и прямодушіе—свойства душъ благородныхъ. Хитрость имъ не дана.

Но какъ Гетманъ былъ обрадованъ этимъ собственноручнымъ письмомъ Царя!

Отъ 9 го Марта. «Душею и сердцемъ въ печали моей обрадовахся, « получивъ Вашего Величества грамоту; за Ваше « премилосердное на меня призрѣніе повергаюсь

«къ стопамъ Вашимъ; любызаю; съ покорностію бла-«годарю; обѣщаю предъ Евангеліемъ непоколебимую «подданническую къ Вамъ вѣрность, которую, не «поврежденную сохраню до конца жизни моей, «хотя уже и краткой.»

Такъ омерзительны бываютъ иногда подвиги людей историческихъ! Исторія, какъ присяжный медикъ, который раскрываетъ трупы людей отравленныхъ, обязана разоблачать такія тайны, къ которымъ имѣетъ непреодолимое отвращеніе.

Оставалось заманить несчастныхъ, которые впрочемъ и сами-бъ явились. Пятаго Марта Государь получилъ въ Бѣшенковичахъ донесеніе отъ Голицына, приказалъ Головкину благодарить письменно Полковника Осипова и Искру за вѣрность и усердіе, пригласить ихъ чрезъ Капитана Дубянскаго, чтобъ явились къ Государю съ словеснымъ объясненіемъ и обнадежить въ Царской милости и въ награжденіи. Головкинъ между тѣмъ написалъ въ Кіевъ къ Голицыну, чтобъ онъ, по требованію Дубянскаго, далъ ему команду для надзора за доносчиками подъ видомъ охраненія ихъ. Все это приказано Голицыну содержать въ-тайнѣ.

Яценка Государь щедро одарилъ, и его отправили съ Дубянскимъ въ Полтаву. Головкинъ утѣшалъ Мазепу; этотъ благодарилъ его за великодушное и дружеское заступничество. «Толь великихъ благо-«дѣяній въ напастяхъ моихъ я никогда не забуду.»— На-счетъ явнаго захваченія и отсылки Искры и Кочубея писалъ онъ, что и самъ находитъ это опаснымъ, чтобъ не возмутились Козаки и Полковники. «*Ибо едва-ли не всѣ Полковники во всемъ имъ*

«*подобны и нарицаютъ меня уже давно Москов-*
«*скимъ духомъ.*»

Возвратясь въ Малороссію, Яценко подалъ Кочу-
Марта 11. бею слѣдующее письмо отъ Головкина:

«Присланный отъ Васъ по вѣрности Вашей къ
«Его Величеству явился здѣсь. Его Величество далъ
«ему секретно аудіенцію, выслушалъ дѣла, принялъ
«очень милостиво Ваше донесеніе. Вашъ посланецъ
«требовалъ, чтобъ Государь изволилъ послать кого-
«нибудь вѣрнаго для свиданія съ Вами; но столь
«важныхъ дѣлъ никому, кромѣ важнѣйшимъ особамъ,
«повѣрить не возможно; а посылка человѣка знат-
«наго не можетъ быть тайною и подастъ поводъ къ
«подозрѣніямъ; это разсудя, Государь указалъ мнѣ
«писать къ Вашей милости, чтобъ Ваша милость
«какъ можно поспѣшили въ ближнія мѣста къ Смо-
«ленску, гдѣ-бы я могъ съ Вами повидаться, пого-
«ворить и посовѣтываться о томъ, какъ упредить
«это злое начинаніе и кого избрать на мѣсто особы
«подозрительной. Потому что если-бы готовой особы
«на его мѣсто, притомъ-какъ смѣнять его, не было,
«то могло-бы произойти краю Малороссійскому
«раззореніе и пролитіе невинной крови, что весьма
«при такихъ перемѣнахъ обыкновенно. Государь
«имѣетъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ не отъ однихъ
«Васъ, но и отъ другихъ особъ, подобно Вамъ вѣр-
«ныхъ и знатныхъ. Посылаемый офицеръ гвардіи
«отправленъ къ Вамъ по прошенію Вашего послан-
«ца, чтобъ изустно обнадежить Васъ, что Ваше до-
«несеніе милостиво принято, и чтобъ препроводилъ
«Вашу милость безопасно; для этого ему данъ видъ,
«и нарядили его въ Польское платье, и онъ не бу-

«детъ ни для кого подозрителенъ. Но тайны онъ не «знаетъ, и Ваша милость съ нимъ на этотъ счетъ «не извольте говорить; Его Величество никому, «кромѣ меня, объ этомъ дѣлѣ не объявлялъ; оно «содержится въ высшемъ секретѣ.»

Отъ того-же числа Государь писалъ къ Мазепѣ, «къ вѣрному своему подданному Гетману и кавалеру Ивану Степановичу.»—Онъ повторялъ обѣщаніе, что никакая вѣра клеветникамъ не дастся, что они воспріимутъ достойную казнь; что милость его Царская никогда къ нему не измѣнится. Эту грамоту повезъ къ Гетману Скоропадскій. Того-же дня Государь выѣхалъ изъ Бѣшенковичей въ Петербургъ. Шафировъ и Головкинъ успокоивали Гетмана въ свою очередь. Извѣщая, что за Искрой посланъ одинъ офицеръ, за Кочубеемъ другой, Головкинъ писалъ: «Если этотъ способъ удастся и если пріѣдутъ они, то будутъ арестованы, и съ помощію Божіею мы исторгнемъ изъ Украйны злый корень возмущенія и отомстимъ за Васъ Вашимъ клеветникамъ. Если-же надѣетесь Ваше Сіятельство ихъ просто переловить, дѣлайте какъ заблагоразсудите, только скорѣе; Государь сомнѣвается, нѣтъ-ли здѣсь какого враждебнаго замысла; слухъ о томъ давно прошелъ. Изъ Вашего письма я вижу, что Вы скорбите, сокрушаетесь; чистымъ пріятельскимъ сердцемъ прошу Васъ: не печальтесь! Государь въ вѣрности Вашей никакого не имѣетъ сомнѣнія; онъ даже слушать объ этомъ не хочетъ. Вы должны сами разсудить, что у клеветниковъ обычай на добрыхъ и вѣрныхъ клеветать. Это болѣзнь ихъ, которая на ихъ-же главы падаетъ.»

Это письмо привело въ восторгъ старика.

« Ваша Вельможность отчасти сняли съ души моей печаль горькую и несносную, отъ которой, Богомъ живымъ свидѣтельствуюсь, едва я обрѣтаюсь въ живыхъ. Нестерпимая скорбь умножила мои болѣзни и немощи и они меня ко гробу приблизили. Клеветы я не боюсь: она не опорочитъ моей вѣрности. *Я боюсь, чтобъ на бѣлыхъ листахъ, которые давалъ я Кочубею за моею подписью и за печатью войсковою, не написалъ онъ чего-нибудь противнаго моей вѣрности. Также, если-бъ Искра, древній лживецъ, имѣлъ какое письмо отъ Писаря или Кошеваго, тому не должно вѣрить: ему оттуда напишутъ все, что онъ захочетъ. Писарь Кошеваго есть искренно преданный ему человѣкъ, имъ-же въ Писаря туда поставленный.* Я знаю, что совѣсть моя, незазорная въ своей непреткновенной вѣрности, не можетъ быть посрамлена ложью пепельною; но грустно мнѣ, что передъ кончиною моею клевета на мой счетъ разнеслась не только въ Россіи, но и въ Литвѣ и въ Польшѣ. »

Между тѣмъ онъ ихъ заманивалъ къ себѣ, то въ гости, то по дѣлу; они не дались ему въ обманъ. Онъ послалъ сильный отрядъ, чтобъ ихъ схватить; они уже уѣхали. Вторичное письмо Головкина, отъ 4-го Апрѣля, ускорило ихъ отъѣздъ. Въ дорогѣ они пользовались свободою; отъ Бѣлгорода ихъ провожалъ сильный отрядъ. Ихъ неразлучными спутниками были Левашовъ и Дубянскій.

Общество ихъ было слѣдующее: Кочубей, Искра, Осиповъ, Святайло, Яценко, Сотникъ Кованько,

племянникъ Искры, Колчицкій и Глуховецъ—оба писаря Кочубейскіе, и восемь слугъ.

Трудно было бороться заранѣ-обреченной на гибель правотѣ противъ коварства и предубѣжденія.

Апрѣля 18-го несчастливцы пріѣхали черезъ Смоленскъ въ Витебскъ и остановились въ загородномъ домѣ какого-то помѣщика.

ГЛАВА XLVI.

Рѣчь Кочубея. Подробности доноса. Статьи. Лицепріятіе Судей. Допросъ. Второй допросъ. Показанія. Противорѣчіе ничтожное губитъ доносчиковъ. Пытка Искрѣ. Пытка Кочубею. Пребываніе доносчиковъ въ Витебскѣ. Поѣздка ихъ въ Смоленскъ. Докладъ Государю. Приговоръ. Утвержденъ Государемъ. Возвращеніе доносчиковъ въ Витебскъ. Чарнышъ и Апостолъ. Различныя мнѣнія объ этомъ дѣлѣ. Слова Головкова. Пріѣздъ доносчиковъ къ Мазепѣ. Новая пытка. Казнь.

Въ Витебскѣ была главная квартира Государева, но Его самого уже тамъ не было. Головкинъ и Шафировъ, предсѣдатели слѣдствія и суда, пріѣхали на другой день къ доносителямъ, допросили сперва Осипова, и когда онъ утвердилъ въ точности все, что писалъ къ Кіевскому Губернатору, тогда они призвали Кочубея и Искру, обнадеживали ихъ Царскою милостію и наконецъ потребовали точнѣйшаго и подробнѣйшаго показанія.

Кочубей полагая, что самъ Государь выслушаетъ его, заготовилъ къ нему рѣчь еще въ Украйнѣ; онъ произнесъ ее передъ Министрами, безъ всякой перемѣны.

«Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь!

«Въ Богохранимое царствованіе отца Твоего «была измѣна Брюховецкаго, которому для вѣрности «дана была и жена Великороссіянка изъ знатной «фамиліи, который былъ и бояриномъ; въ ту измѣну «во многихъ Малороссійскихъ городахъ Воеводы и «люди ратные были схвачены, разорены, содержаны «въ тѣсной неволѣ, а которые не сдались доброволь-«но тѣхъ и умертвили при немаломъ кровопроли-«тіи. И когда по столь великомъ смятеніи, крово-«пролитіи и мятежахъ, Малороссійскій край остал-«ся подъ Высокодержавною рукою Государя, Его «Величество уличалъ и подвергъ опалѣ Генераль-«ныхъ особъ Петра Забѣлу, Судью и прочихъ за то, «что, будучи всегда при Гетманѣ, имѣя возможность «прислушаться къ его зловреднымъ намѣреніямъ, «заблаговременно о томъ Государя не увѣдомили. «Нынѣ мы, — узнавъ изъ поступковъ нашего правителя «злый умыслъ на жизнь Твою, Государь, и на от-«торженіе отъ державы Твоей края Малороссій-«скаго, ибо онъ самъ своими устами говорилъ намъ, «что мы конечно будемъ во власти у Поляковъ, — «по долгу вѣрности и присяги объявляемъ, дабы о «томъ вѣдомо было Вашему Величеству, прежде «нежели начнется зло и смятеніе. Уповаемъ, что за «истину и правоту нашу мы не постраждемъ; что «за то не погибнутъ ни жены, ни дѣти, ни домы «наши. За донесеніе наше мы не ищемъ себѣ наг-«радъ, только отъ вѣрныхъ сердецъ нашихъ желаемъ «Твоимъ многочисленнымъ народамъ, Твоей дер-«жавѣ Христіанской православной — цѣлости и спо-«койствія, а храмамъ Божіимъ непоколебимаго «благосостоянія.»

скаго, говорилъ имъ, что и Царь уже знаетъ о томъ, что Синицкій побилъ его людей, и смѣясь этому, въ знакъ радости началъ пить вино и подносить его имъ обоимъ за здоровье свое, ихъ и Княгини Дульской.

Министры не потребовали Скоропадскаго.

6. Сказывалъ Кочубею, что Король Шведскій изъ Саксоніи пойдетъ прямо въ Москву черезъ Польшу съ непремѣннымъ намѣреніемъ низложить Царя и на мѣсто его возвести другаго, какъ и сдѣлалъ въ Польшѣ. А Лещинскій съ Рейншильдомъ подступятъ подъ Кіевъ. «И какъ я вѣдаючи сіе, говорилъ Мазепа, просилъ у Царя войска на помощь, то Царь отвѣчалъ мнѣ, что у насъ довольно войскъ и Козацкихъ и Московскихъ въ Кіевѣ; и такъ придется намъ соединиться съ войсками Короля Станислава.»

7. Когда Кочубей помолвилъ дочь свою за Чуйкевича, и пришелъ просить у Гетмана на этотъ бракъ соизволенія, то хотя Гетманъ въ этомъ и не отказалъ ему, но приказалъ отсрочить свадьбу, говоря: «когда будемъ за Поляками, тогда найдется дочери твоей лучшій женихъ изъ Шляхтичей Польскихъ; хотя по доброй волѣ мы и не поддались-бы, но они насъ завоюютъ и мы конечно будемъ имъ принадлежать.» Кочубей вышелъ, объявилъ о томъ женѣ, а на-завтра разсказалъ и свату своему Чуйкевичу; потомъ, предупреждая зло, по общему согласію, сочетали своихъ дѣтей.

8. *Мая 28-го Епископъ Сербскій Руфинъ, бывъ у Гетмана, слышалъ его жалобы на Государя, который требованіемъ отъ народа лошадей же-*

стоко отягощаетъ край ; пришедши отъ Гетмана, Руфинъ разсказалъ о томъ Кочубею.

Министры съ нимъ не списались.

9. Мая 29-го Мазепа съ дочерью Кочубея крестилъ дѣвку Жидовку , удержалъ дочь отобѣдать и говорилъ ей : « Ой Москва ! Она въ когти свои прибираетъ сильно всю Малороссійскую Украйну. »

10. Сватъ Кочубея , Чуйкевичъ , получилъ изъ обозу отъ Кіева, двадцатаго Сентября, отъ вѣрнаго Канцеляриста *Лисицы* слѣдующую записку : « Въ Кіевѣ при Гетманѣ находится *Ксендзъ Іезуитъ Заленскій, Ректоръ Винницкій,* который говорилъ *предъ многими особами*, въ Печерской крѣпости , чтобъ козаки не боялись взгляда Шведскаго , ибо Шведы идутъ войной не на нихъ , а на Москву. Въ другое время онъ-же говорилъ: « никто не вѣдаетъ, гдѣ огонь. кроется и тлѣетъ, но скоро вспыхнетъ онъ. » А во второй запискѣ онъ пишетъ , отъ 4-го Октября , *что одна госпожа слышала сама какъ Гетманъ ругалъ Порту за то, что она возбраняетъ Татарамъ быть съ нимъ въ согласіи.*

Министры не спросили кто эта госпожа, кто эти особы, и не вытребовали ихъ вмѣстѣ съ Лисицею.

11. Получивъ отъ Октября 8-го *какія-то письма изъ Минска*, Мазепа до поздняго вечера, при музыкѣ, веселился съ *Полковниками Прилуцкимъ и Миргородскимъ*; а на другой день послалъ къ Заленскому отвѣтъ

Горленко и Апостолъ не были призваны.

12. Октября 10-го къ Гетману приходилъ по дѣламъ *Полтавскій Писарь, но слуга Гетманскій, Дмитро,* не допустилъ его къ Гетману , сказавъ,

Окончивъ рѣчь, Кочубей подалъ доносъ.

Онъ былъ безхитростенъ и, какъ послѣ самъ Государь узналъ на тяжкомъ опытѣ, былъ справедливъ. Его не умѣли написать. Все, что бездоказательно, въ доносѣ не годится; оно вредитъ тому, что можно доказать. Пристрастный Судья обратилъ вниманіе на то, въ чемъ можетъ оправдаться обвиняемый, и—промолчитъ объ остальномъ.

Бант.-Кам. Изд. 2-е, Т. I стр.78,79. «Но Министры,—говоритъ мой правдивый предшественникъ,—негодовали на Кочубея за предостерегательныя слова о нѣкоторыхъ ближнихъ Государевыхъ Секретаряхъ, обо всемъ Мазепу извѣщающихъ; они воспользовались разнорѣчіемъ доносителей насчетъ одной статьи, и оставили безъ разслѣдованія другія.» Онъ ихъ называетъ мстительными и ослѣпленными. Никто не станетъ опровергать. Но разсмотримъ, какъ должно было повести это дѣло? Какъ оно поведено? Какъ эта несправедливость ускользнула отъ мудраго, и всегда старавшагося быть справедливымъ Петра? И мы назовемъ тогда истязателей Кочубея — подкупленными рабами измѣнника.

Были статьи, которыхъ не льзя было доказать, напримѣръ: на вторую Кочубей не указалъ свидѣтелей; на третью Мазепа былъ въ-правѣ отвѣчать, что чувства его не могли быть извѣстны Кочубею; на четвертую, что онъ не любитъ говорить о томъ, что ему непріятно; въ шестой, седьмой, девятой, пятнадцатой—Кочубей ссылался на дочь и на сына, которые въ свидѣтели нигдѣ не могутъ быть приняты. Двадцать вторая даже не могла служить доносомъ. Двадцать шестая то-же ни къ чему не вела; Руса-

новичъ и магнаты были внѣ допросовъ; этихъ статей не должно было включать въ доносъ. Но разсмотримъ его вполнѣ.

1. Въ тысяча семь-сотъ шестомъ году, будучи въ Минскѣ, Гетманъ говорилъ ему на-единѣ, что мать Вишневецкихъ, Княгиня Дульская, обѣщала ему доставить, съ помощію Лещинскаго, который ей родственникъ, Княжество Черниговское съ титуломъ Князя, а Малороссійскому войку всѣ вольности и выгоды. Это случилось между ними въ домѣ Княгининомъ, въ селѣ Бѣло-Криницѣ, когда онъ съ нею крестилъ сына Князя Януша Вишневецкаго; у Гетмана съ Княгинею дружба великая. *Она, между многими подарками, прислала ему кровать и музыкантовъ, которые и теперь при немъ находятся.*

Министры къ допросу не потребовали музыкантовъ.

2. Мазепа поносилъ Польскаго Гетмана Огинскаго за то, что онъ одинъ придерживается къ Царю, когда отъ Царя всѣ уже отстали.

3. Онъ радовался извѣстію, что Король Августъ уѣхалъ въ Саксонію и изъявилъ преданность Карлу XII.

4. Когда, въ 1707 году, Кочубей былъ присланъ къ нему съ извѣстіемъ о раззореніяхъ, произведенныхъ Синицкимъ около Пропойска, то Гетманъ былъ такъ къ этому равнодушенъ, что цѣлый день ни-разу о томъ не вспоминалъ.

5. Когда, одиннадцатаго Мая, пріѣхалъ къ нему Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и потомъ уѣхалъ послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора, то онъ, призвалъ Кочубея *и Скоропад-*

вы укажете кого достойнѣйшаго, кто-бы могъ вамъ возвратить свободу. Но если вы на меня Гетманство возлагаете, то должны уже во всемъ мнѣ повиноваться и примѣру моему слѣдовать. Я - было уговорилъ къ тому прежняго Хана Крымскаго, но онъ смѣненъ; а нынѣшній сначала былъ со мною согласенъ, а потомъ противнымъ оказался. Всѣ мои посылки къ нему и къ Пашѣ Силистрійскому были тщетны. И такъ намъ должно, согласясь съ Королемъ Станиславомъ, приняться за сабли.» *И нынѣ Гетманъ не перестаетъ сноситься съ Ханомъ и съ Пашею.*

Объ этомъ должно было въ Крыму тайно развѣдать.

19. На эти посылки онъ употребляетъ слугъ своихъ—Поляковъ, *которыхъ у него множество.*

Можно было ихъ перехватать.

20. Вопреки запрещенію отъ Государя, онъ переводитъ на западный берегъ Днѣпра людей. Его мать, Игуменья Кіевопечерскаго монастыря, здѣшними людьми населила тамъ многія слободы. *А отъ разныхъ его угнѣтеній и оставшіеся здѣсь хотятъ туда переселяться.*

21. *Запрещаетъ входить въ супружескія и во всякія иныя дружескія связи Малороссіянамъ съ Великороссіянами, и даже угощать ихъ хлѣбомъ и солью.*

Въ этихъ обѣихъ статьяхъ дѣло шло о цѣломъ народѣ; не трудно было развѣдать объ ихъ справедливости.

22. Нимало не старается укрѣпить города Малороссійскіе, для того чтобъ они не имѣли защиты

отъ неяріятеля. А свой загородный домъ, Гончаровку, сильно укрѣпилъ.

24. *Внушаетъ Запорожцамъ, что Государь ихъ хочетъ истребить* и озлобляетъ ихъ противъ Государя.

Если-бъ Головкинъ не продалъ Мазепѣ Царя, то какъ-бы не спросить Запорожцевъ.

24. Когда пришло извѣстіе, что, соединясь съ Татарами, Запорожцы хотятъ вторгнуться въ полки Слободскіе, то Мазепа *въ одной бесѣдѣ* сказалъ: « пусть-бы они, коли дѣлать, дѣлали; а то по пустому разглашаютъ и будто-бы дразнятъ. »

25. *Одинъ приближенный* къ Мазепѣ, недавно угощая *многихъ особъ*, по случаю зашедшаго разговора о прежнихъ войнахъ съ Татарами, сказалъ: «оставьте эту рѣчь: Татары намъ скоро пригодятся.»

26. Въ 1707 году, Сентября седьмаго, Львовскій мѣщанинъ Русановичъ, будучи въ Батуринѣ, говорилъ, что привезъ къ Гетману листы отъ Сенявскаго, Тарла, Хмѣльницкаго, Потоцкаго и отъ иныхъ вельможъ; что чуть-было не попался Москалямъ на дорогѣ, и по этому просилъ Гетмана отвѣты послать съ кѣмъ-нибудь другимъ; что Сенявскій поручилъ ему узнать о дѣлахъ Украйны и преданы-ли Полякамъ козаки; что, по его-же приказанію, онъ долженъ доказать Гетману невозможность Царя устоять противу Шведовъ, и единственное средство ко благу Украйны: — согласіе съ Поляками. Тогда Гетманъ поклялся, что онъ и сердцемъ и душею Полякамъ преданъ.

27. Другой Львовскій житель, хитрый и богатый партизанъ Шведскій, пріѣзжалъ въ Кіевъ,

будто-бы для размѣна ста тысячь рублей на чехи; и Мазепа, принявъ его ласково, *приказалъ размѣнять для него двадцать тысячь изъ скарбу войсковаго.*

Весьма легко было допросить мѣнялъ и Скарбоваго Казначея. Не очевидно-ли, что оба Министра заплатили Великому Царю своему безпримѣрнымъ злодѣяніемъ за Его милости; что это были враги Петра и Россіи; враги злобные, мстительные, подкупленные нечестивцемъ и пуще его нечестивые.

Здѣсь Кочубей донесъ о неправедно-присвояемыхъ Мазепою доходахъ, о его богатствѣ, и наконецъ приложилъ пѣсню, будто-бы Гетманомъ сочиненную, въ которой ясны его чувства измѣнническія. Пѣсня или дума эта примѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: въ историческомъ и литтературномъ. Въ ней Гетманъ поэтически доказывалъ, что всѣ желаютъ покоя, но нѣтъ между ними единства, что послѣ Желтоводской битвы нѣтъ ни любви, ни счастья, что сами себя Украинцы завоевали: «Братья—говорилъ онъ,—пора вамъ знать, что не каждому быть Гетманомъ, не каждому все вѣдать. Взгляните на корабль: тамъ много людей, одинъ корщикъ имъ правитъ. Пчелы имѣютъ одну матку, и всѣ ей повинуются. Сжалься, Боже, надъ Украйною, которой сыны не вмѣстѣ живутъ. Одинъ живетъ съ поганинами, другой Ляхамъ за деньги служитъ. О старая мать моя! Какъ ты ослабѣла! Тебя разтаскали; по Днѣпръ отдали Туркамъ. А иные ужъ Москвѣ угождаютъ и ей вѣрно служатъ; лучше было-бъ не родиться, нежели жить въ бѣдѣ такой.» — и проч.

Бант. Кам. Изд. I, т. III, приложени стр. 196.

Министры презрѣли и доносъ и пѣсню.

Разсмотримъ поступокъ Шафирова и Головкина. Они спросили: былъ-ли кто другой, когда Гетманъ произносилъ рѣчи, показанныя въ статьяхъ первой, шестой и седьмой? «Никого, кромѣ меня.» Отвѣчалъ Кочубей.—«Мнѣ дочь моя это пересказала.» Отвѣчалъ онъ, когда спросили его о пунктѣ девятомъ.—«Андрей Певный и Апостолъ мнѣ о томъ пересказали.» Таковъ былъ отвѣтъ на вопросъ о пунктѣ тринадцатомъ. На-счетъ четырнадцатаго «Лисицѣ сказалъ слуга Войнаровскаго, а женѣ моей жена Орлика.» На пятнадцатый, что эти рѣчи говорены Мазепою года два тому назадъ; и, въ добавокъ, что Мазепа хулилъ Брюховецкаго за слабое обхожденіе съ Многогрѣшнымъ; эти хулы слышалъ и Ломиковскій и еще кто-то третій, котораго имени онъ не припомнитъ. Что-же касается до пункта семнадцатаго—Мазепа говорилъ слова, тамъ показанныя, въ полголоса, но и другіе могли-бы ихъ слышать, если-бъ вслушивались. Записку, полученную отъ Чуйкевича на-счетъ Кіевскихъ разговоровъ, онъ считалъ опасною и разорвалъ; на-счетъ Запорожья, все, что сказано въ статьѣ двадцать третей, слышалъ онъ отъ Запорожцевъ, но отъ кого именно, не помнитъ. О рѣчахъ, показанныхъ въ статьѣ двадцать пятой, говорилъ Полтавскому Полковнику Орликъ; а кто ему, Кочубею, ихъ передалъ, того онъ не помнитъ. Все, что описано въ пунктѣ двадцать шестомъ, имѣетъ онъ отъ самого Русановича. А пѣсню подарилъ ему Архимандритъ Никонъ, жившій въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ; онъ-то и утверждалъ, что ее сочинилъ Мазепа.

Таковъ былъ первый допросъ Кочубею, Апрѣля 19-го. Въ тотъ-же день привели къ допросу Искру. Онъ объявилъ, что посылалъ Святайла къ Полковнику Осипову съ согласія Кочубея, потомъ самъ съ нимъ видѣлся и все, что ни писалъ Осиповъ къ Голицыну, написано съ его словъ. «Изъ Полтавы я удалился, прибавилъ Искра, потому что Полтавскій Судья Красноперичъ и Обозный Дорошъ предложили мнѣ участвовать въ измѣнѣ Мазепы; я имъ отвѣчалъ, что отецъ мой былъ вѣренъ Государю, такъ и мнѣ должно быть вѣрнымъ. Они написали объ моемъ отвѣтѣ къ Гетману. Гетманъ прежде думалъ заманить и меня и Кочубея, но мы къ нему не поѣхали; тогда Апостолъ предостерегъ меня, чтобъ я уѣхалъ; и дѣйствительно, Мазепа посылалъ за нами команду, которая, насъ не заставъ, мой домъ разорила. «О согласіи Мазепы съ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ Искра сказалъ, что слышалъ обо всемъ отъ одного Кочубея; всѣ прочія показанія его были сходны съ Кочубеевыми, съ прибавкой того, что про невѣрность Гетмана знаетъ Чарнышъ, который охотно поѣхалъ-бы къ Государю, если-бы зналъ объ ихъ отъѣздѣ. Здѣсь мы видимъ имена Красноперича и Дороша, съ которыми очная ставка Искры и Кочубея была необходима.

Апрѣля 21 были призваны къ допросу: Святайло, Яценко, Колчицкій, Глуховецъ и, вторично, Кочубей.

Святайло показалъ, что знакомство у него съ Кочубеемъ началось при Самуйловичѣ; что Искра ему родственникъ; что, будучи у обоихъ духовнымъ отцомъ, онъ въ 1707 году, въ недѣлю Всѣхъ

Святыхъ, былъ въ Рѣтикѣ у Кочубея; служилъ молебенъ о выздоровленіи больной дочери его; и потомъ жена Кочубея со слезами сказала ему: «мы «плачемъ объ измѣнѣ Гетмана, предающаго Полякамъ «нашу родину, а церкви Божіи—Уніи.» Кочубей-же говорилъ, что боится гнѣва Божія, если не донесетъ объ измѣнѣ; но что незнаетъ, какъ и черезъ кого послать доносъ. «Тогда,—продолжалъ Святайло,—я посовѣтовалъ ему послать по этому дѣлу свояка моего Петра Яценка къ Благовѣщенскому Протопопу. Кочубей принялъ мой совѣтъ, просилъ меня съѣздить къ Искрѣ и сказать ему, чтобъ онъ примѣчалъ за поступками Гетмана, и что дѣлается въ войскѣ. Я исполнилъ это порученіе, но Искра мнѣ сказалъ, что онъ ничего измѣнническаго за Гетманомъ не замѣтилъ. По возвращеніи-же моемъ въ Полтаву, Яценко поѣхалъ въ Москву, а я съ Искрою въ Ахтырку къ Осипову, и оттуда возвратясь, жилъ въ Полтавѣ, покуда присланные отъ Мазепы люди не разорили домовъ Искры и Кочубея.

Яценко подтвердилъ все это своимъ показаніемъ, прибавя, что въ доносѣ онъ только то писалъ, что Кочубей ему приказывалъ; но весьма важное и совершенно новое было открытіе, на которое Министры не захотѣли обратить вниманія: Яценко ни отъ кого объ измѣнѣ Гетманской не слыхалъ, кромѣ отъ пріѣзжавшаго изъ войска сына Григорія Герцика, который сказалъ: «у насъ въ войскѣ все благополучно, только скоро всѣмъ намъ быть за Ляхами.» Да отъ Чарныша пріѣзжалъ слуга его къ Полтавскому Протопопу Тимоѳею; при письмѣ была записка, въ которой сказано: что̀ присланный

станетъ объявлять, тому долженъ Протопопъ вѣрить, и о томъ донесть куда надлежитъ, и что Царскій указъ крайне поруганъ и осмѣянъ Гетманомъ.

Колчицкій и Глуховецъ показали, что они жили у Кочубея въ услуженіи и поѣхали съ нимъ въ Смоленскъ по его приказу; на дорогѣ переписывали съ его руки то, что имъ было приказано; но о содержаніи этихъ бумагъ впередъ ни отъ кого прежде не знали.

Кочубей при второмъ допросѣ показалъ, что Заленскій, въ домѣ Полтавскаго Полковника Левенца, за обѣдомъ сказалъ: «никто не вѣдаетъ, гдѣ кроет-« ся и тлѣетъ огонь, но скоро онъ вспыхнетъ.» Что эти слова слышалъ и Сотникъ Кованько, который пересказывалъ ему, какъ одинъ какой-то проповѣдникъ выхвалялъ въ Печерскомъ монастырѣ, при Мазепѣ, благость Королей Польскихъ, покровителей того монастыря, и осуждалъ правленіе Государя, который угнетаетъ обитель. Гетманъ хвалилъ проповѣдника и поцѣловалъ его въ голову.

Кованько подтвердилъ это показаніе; но Министры не обратили вниманія ни на проповѣдь, ни на всенародную благодарность Мазепы проповѣднику. Они придрались къ противорѣчіямъ по поводу пріѣзда Государя и Кикина въ Батуринъ; къ противорѣчіямъ пустымъ, ничтожнымъ, къ однимъ, къ которымъ можно было придраться, чтобъ погубить людей вѣрныхъ Царю, и оправдать того, кто Царя ненавидѣлъ. Поступокъ Мазепы простительнѣе, нежели поступокъ этихъ господъ; онъ дѣйствовалъ въ свою пользу; онъ могъ стать удѣльнымъ Княземъ; губя Кочубея и Искру, онъ покрайней мѣрѣ

могъ сказать, что онъ, праведно-ли, не праведно-ли, погубитъ каждаго, кто вздумаетъ ему дорогу заслонить. Головкинъ и Шафировъ были въ этой тяжбѣ людьми второстепенными; по мелочной злобѣ на Кочубея, они-то были измѣнники своему Государю, предатели Россіи, злодѣи своего Благодѣтеля, просвѣтителя, наставника. Мазепа, покрайней мѣрѣ, боролся съ Петромъ, боролся коварно, унизительно, — но боролся; они-же — рабски стерегли пользы Мазепы за крохи, упавшія отъ стола ихъ господина.

Ничтожное противорѣчіе Батуринское было слѣдующее, какъ мы уже видѣли: одинъ говорилъ, что Мазепа приказалъ стрѣлять, не щадя ни кого; другой, что онъ приказалъ дать залпъ по Государю. Шафировъ и Головкинъ свели доносчиковъ на очную ставку. «При этомъ, —говоритъ Исторія, —должно думать, были употреблены угрозы.» Кочубей испугался и сказалъ, что онъ никогда не говорилъ Искрѣ о намѣреніи Гетмана убить Государя въ Батуринѣ. Искра сказалъ, что жена Кочубея была свидѣтельницею ихъ разговора. Кочубей отрекался. Ихъ повели къ пыткѣ.

Бант.-Кам. III, 79.

Начали съ Искры. Спросили его: «по чьему наущенію доноситъ онъ на Гетмана? Не по факціямъ-ли, или по подсылкѣ о томъ какой отъ непріятеля, на низверженіе его Гетманское, такое зло возвели на него?»

Искра отвѣчалъ, что никакой подсылки къ нему отъ непріятеля не было; а года два ужь есть, какъ Кочубей его подучалъ къ доносу, увѣряя, что это дѣлаетъ изъ преданности къ Государю. Самъ-же

онъ ничего никогда не слыхалъ объ измѣнѣ Гетмана, и когда посовѣтовалъ Кочубею отстать отъ доноса, то этотъ отвѣчалъ, что согласенъ погибнуть, лишь-бы обличить.

Десять ударовъ кнута..... Искра продолжалъ, что Кочубей совѣтовался на-счетъ доноса съ Апостоломъ, съ сватомъ своимъ Судьею Чуйкевичемъ, и еще съ однимъ Судьею, и что у нихъ было положено, по низверженіи Мазепы, избрать въ Гетманы Апостола; что Кочубей читалъ ему записку, въ которой сказано: «за Днѣпромъ огонь загарается; сохрани Боже, чтобъ и у насъ не загорѣлся.» Очередь пришла Кочубею.

Не извѣстно сколько ударовъ кнута онъ получилъ. Онъ былъ слабъ и старъ, много не выдержалъ-бы. Потомь онъ показалъ, что дѣйствительно Искра долго не соглашался принимать участіе въ доносѣ; но когда онъ присталъ къ нему, то этотъ охотно поѣхалъ къ Осипову; что Апостолъ и Чуйкевичъ къ нему, кромѣ вѣдомостей, ничего не писали; что убійство Государя, замышляемое *будто-бы* Гетманомъ, онъ взвелъ на Гетмана единственно по злобѣ, не зная за нимъ никакой измѣны; что всѣ пункты его доноса ложны; что онъ клеветалъ на Апостола, будто-бы тотъ ему говорилъ о случаѣ Батуринскомъ во время пріѣзда Кикина; что онъ все затѣялъ, чтобъ низвергнуть Гетмана; наконецъ что никакихъ подсылокъ и совѣщаній съ непріятелемъ о низверженіи Гетмана не имѣлъ.

Снова взяли Искру къ допросу. Спросили: говорилъ-ли ему Кочубей о намѣреніи Мазепы лишить жизни Государя? «Все слышанное мною отъ

Кочубея,— отвѣчалъ Искра, — я передалъ Осипову; Кочубей признался, что онъ изъ мести подаетъ на Гетмана ложный доносъ; я его отговаривалъ отъ этого; совѣтовалъ жаловаться о своей обидѣ Государю, а потомъ принуженъ былъ принять участіе по дружбѣ и по свойству. «Чтобъ не даромъ допрашивать Искру, Министры, когда ужь онъ отвѣчалъ, не входя въ распросы о дальнѣйшемъ, дали ему — восемь ударовъ кнута, и того — осьмнадцать.

Взяли опять Кочубея. «Ко мнѣ не было подсылокъ отъ непріятеля» — возопилъ несчастный старецъ, предъ которымъ лилась кровь его родственника, котораго дочь была обольщена, который, какъ вѣрный подданный, доносилъ истину Царю своему, который видѣлъ за правду свою гибель собственную и всего своего семейства. «Я не вѣдаю за Гетманомъ никакой невѣрности; ни съ кѣмъ, кромѣ Искры, не совѣтовался; Апостолъ меня предупредилъ только объ угрожавшей мнѣ отъ Гетмана опасности; и онъ и Чуйкевичъ въ доносѣ не участвовали. Я составилъ доносъ единственно по злобѣ на Гетмана.» Ревнители о благѣ Россіи, въ заключеніе допроса, дали Кочубею — пять ударовъ кнута.

Такъ прошло двадцатъ первое Апрѣля.

Двадцать четвертаго Головкинъ и Шафировъ снова занялись изысканіемъ истины. Призвали Сотника Securитable Ковалька, и спросили его, какъ выражается подлинникъ — *съ пристрастіемъ*, то-есть съ пристрашкою. Ковалько всю вину сложилъ на Кочубея. Впрочемъ объявилъ, что Іезуитъ Заленскій, обѣдая у Левенца, сказалъ: «теперь Король Шведскій «притаился, а какъ выбухнетъ, то не скоро зату- Бант.-Кам. III, 82.

«шишь огонь.» Увѣрялъ онъ тутъ-же, что Король идетъ не на козаковъ. Все-же лишнее писать подучилъ его Кочубей. А что касается до проповѣди въ Печерскомъ монастырѣ, — проповѣдникъ жаловался на Государя за раззореніе кое-какихъ построекъ монастырскихъ, подошедшихъ подъ планъ крѣпости, но заключилъ величайшею похвалою Государю. За первое Гетманъ выговаривалъ ему съ гнѣвомъ, за второе благодарилъ. «А измѣны за Гетманомъ,— заключилъ Кованько,—никакой я не знаю.»

Апрѣля 29 разсматривали бумаги и письма доносителей; тамъ нашли и переписку сѣдаго Мазепы съ молоденькою Кочубеевою, переписку, которую такъ благородно отправилъ Головкинъ къ тому, кто ее писалъ. «Для чего ты вычернивалъ въ доносѣ иныя слова и писалъ надъ ними другія?»—спросилъ Головкинъ Кочубея.—«Для лучшаго прикрытія ложнаго доноса,»—отвѣчалъ Кочубей.

Многія изъ бумагъ были писаны рукою Святайла. Кочубей увѣрялъ, что старый духовникъ его писалъ ихъ по его приказанію; что онъ зналъ о доносѣ, какъ отецъ духовный; но въ заговорѣ противъ Гетмана не участвовалъ. Не смотря на это, призвали Священника. Онъ отвѣчалъ, что все найденное въ бумагахъ его руки, писано имъ по просьбѣ Искры; что онъ ему говорилъ и о перепискахъ Гетмана съ Ханомъ, и о содержаніи у себя знатныхъ Поляковъ, вмѣсто слугъ, и о подговорахъ Запорожцевъ противъ Государя; самъ-же онъ, Святайло, за Гетманомъ измѣны не зналъ и не знаетъ.

Искра подтвердилъ это показаніе, и прибавилъ, что къ этимъ лжамъ и сплетнямъ подвелъ его Кочубей.

Апрѣля тридцатаго привели снова Кочубея. Его спрашивали: признавался-ли онъ въ фальшивости доноса духовному отцу своему Святайлу? «Въ Великій постъ на первой недѣлѣ», отвѣчалъ Кочубей, «я говорилъ, что жалѣю, за-чѣмъ на-старости принялъ на себя такое трудное дѣло, какъ доносъ на Гетмана.» Священникъ мнѣ отвѣчалъ: молись Богу.— Другихъ разговоровъ между нами не было.

Святайло подтвердилъ его слова: «Богъ васъ вѣдаетъ, что вы будете дѣлать,» сказалъ онъ, исповѣдуя Кочубея. Этотъ отвѣчалъ: или успѣю, или погибну.

Пытка возобновлялась ежедневно до 28-го Мая. Мазепа въ это время, не давая отдыха ни Государю, ни Головкину, умолялъ о присылкѣ клеветниковъ въ Малороссію для окончанія надъ ними дѣла розыскнаго.

Вотъ извлеченіе изъ его писемъ къ Петру и къ Головкину:

«Ваше Величество отяготили, обременили меня неизреченною Вашею милостію, превосходящею силы моего тѣла болѣзненнаго, облегчающею и услаждающею мое многопечальное сердце. Сперва тайно собственноручною грамотою, потомъ чрезъ посланнаго моего Скоропадскаго, потомъ чрезъ Маслова, Вы, Великій Государь, обнадеживаете и утверждаете меня вѣрнаго Вашего подданнаго въ благосердномъ Вашемъ призрѣніи, въ непреоборимомъ клеветами враждебными покровительствѣ. Вы не преклонили Вашего Богохранимаго сердца ко лжамъ злобныхъ давнихъ враговъ моихъ—Кочубея и Искры. Они старались повергнуть въ прахъ мою честь,

помрачить мою непорочную вѣрность. Отягощенный неизглаголанною и неописанною милостію, паду къ стопамъ Вашимъ побѣдительнымъ, попирающимъ враговъ, ходящимъ по стезямъ Божественныя правды. Благодарю Вашему Царскому Величеству и до конца жизни моей благодарить не перестану. Защитя премилосердно невинность мою, Вы не попустили о мнѣ возрадоваться моимъ врагамъ. Розыскъ надъ врагами моими явственно доказалъ ихъ клевету. Разстилали сѣть для меня и ею-же уловлены во лжи и въ злобѣ своей. Нынѣ съ земнымъ поклоненіемъ умоляю, чтобы лжеклеветниковъ моихъ всемощно повелѣли Вы ко мнѣ прислать, для окончанія дѣла розыскнаго, и чтобъ казнь надъ ними всенародно въ войскѣ совершилася; да не дерзаютъ, видя оную, прочіе клеветать на меня; если столь беззаконные мятежники дерзнутъ опять раздувать пламень мятежа въ народѣ и утруждать Величіе Ваше, Государь, поборая и помрачая мою непоколебимую къ Вамъ вѣрность, то для службы Вамъ, для исполненія возложенныхъ на меня обязанностей, для управленія внутренняго не станетъ, Государь, у меня силъ въ изнеможенной старости и въ болѣзняхъ непрестанныхъ.»

Графъ Головкинъ получилъ письмо не хуже написанное:

«Всегда имѣлъ я твердую надежду на Бога моего, единаго въ напастяхъ Заступника, Царскій Престолъ на истинѣ утверждающаго. Я зналъ, что навѣты враговъ моихъ, Кочубея и Искры, предъ праведною и непорочною моею вѣрностію, какъ па-

утина, разрушатся; что клеветники мои сами упадутъ въ сѣть, мнѣ уготованную; но послѣ Бога и Государя я несомнѣнно надѣялся на Ваше заступленіе и покровительство, на Васъ, моего благодѣтеля. И надежда моя не постыдила меня; мои враги о мнѣ не возрадовались. Преисполнили Вы мѣру благодѣяній своихъ! Изслѣдывая благоразумно неправду и беззаконные вымыслы враговъ моихъ, Вы не попустили, чтобъ слава моей вѣрной службы омрачилась. Вы меня обязали вѣчною къ Вамъ благодарностію, которая и по кончинѣ моей въ безсмертной душѣ моей жить будетъ. Благодарю, что взялись быть ревностнымъ моей невинности заступникомъ и покровителемъ. *Пока живу и движуся, буду отслуживать и награждать.* Одно только мнѣ еще необходимо: чтобъ Государь указалъ моихъ клеветниковъ, главныхъ враговъ моихъ, прислать сюда ко мнѣ въ войско; чтобъ ложь, клевета и неправда изобличены были на позоръ всенародный; чтобъ всенародно воспріяли они достойную казнь. Тогда другіе не станутъ утруждать клеветами Государя; помрачать и поборать мою вѣрность непоколебимую и неизмѣнную.

«Правда, что я обрадованъ грамотою Всемилостивѣйшею моего Государя; *но меня снѣдаетъ горесть о томъ, что тѣ враги мои, всенародные возмутители, легко были допрашиваны. Надлежало-бы ихъ истязать съ большею жестокостію,* чтобъ узнать корень злодѣянія, чтобъ увѣдать, какія надежды имѣли они въ клеветахъ на меня. Они-бы выявили, что когда-бы Государь, повѣря имъ, велѣлъ меня взять, тогда, воздвигнувъ въ Украйнѣ возмущеніе,

они поставили-бы Гетмана по своему желанію. Они-бъ и въ Смоленскъ не поѣхали, если-бы не отрядъ, мною за ними посланный. И потому-то ихъ необходимо здѣсь допросить, кого и какъ они, злодѣи, хотѣли сдѣлать Гетманомъ.»

Почти слово въ слово злобный старикъ писалъ такое-же письмо къ Шафирову; съ тѣми-же обѣтами отслуживать и *награждать*.

Въ-слѣдъ за этимъ письмомъ, онъ отправилъ другое, общее къ обоимъ Министрамъ. «Изъ скитальца нищаго, подлаго отродія, сына мужицкаго Кочубея, — пишетъ онъ въ этомъ письмѣ, — я сдѣлалъ его Генеральнымъ Писаремъ, потомъ Генеральнымъ Судьею, обогатилъ селами, деньгами, честью и славою. Изъ горшечника сдѣлалъ Искру Полковникомъ. И вотъ чѣмъ они отблагодарили мнѣ, изверги! Они хотѣли у благодѣтеля своего похитить честь и славу. Не только здѣсь и въ Россіи, но и внѣ государства разнесли слухъ о моей невѣрности. Между тѣмъ друзья ихъ разглашаютъ, что они привезены съ честью въ Смоленскъ, встрѣчены тамошнимъ Воеводою, остановились въ его домѣ, разъѣзжаютъ свободно, и для большей чести сопровождаемы офицерами.»

Головкинъ отвѣчалъ ему письмомъ замѣчательнымъ: «Зная, что Ваше Сіятельство должны досадовать на насъ за привезеніе сюда Кочубея и Искры мимо Кіева, поспѣшаемъ оправдать себя. Ихъ не льзя было привезть въ Кіевъ, потому что они отправились въ Смоленскъ добровольно и за ними послано было только два офицера. *Если-бъ въ другомъ мѣстѣ и не нами былъ чиненъ сей розыскъ, никто-бъ такъ*

дерзновенно и отважно не поступилъ. Мы приложили неусыпные труды изслѣдовать то зло безъ дальнихъ околичностей; другіе-же сего чинить не смѣли и не могли. Ибо и то къ Вашей славѣ, что сіе вершилось безъ присылки и требованія отъ Васъ кого къ тому розыску.»

Не было-ли это письмо въ числѣ тѣхъ, которыхъ подлинники, какъ мы увидимъ послѣ, были сожжены умирающимъ Мазепою? Не подтверждаетъ-ли это словъ моихъ на-счетъ подкупа, которымъ преклонилъ Мазепа Шафирова и Головкина?

Тогда написали слѣдующій приговоръ:

Ахтырскому Полковнику Ѳедору Осипову, за оказанную вѣрность, выдать похвальную грамоту, которую обнародовать во всей Украйнѣ и въ Слободскихъ полкахъ. Его Писаря, содержащагося въ Москвѣ подъ стражею, освободить и отправить въ полкъ Ахтырскій.

Яценка освободить, но съ тѣмъ, чтобъ онъ не возвращался никогда въ Малороссію.

Святайла, сына его и чернеца Никанора сослать въ Соловецкій монастырь, никуда оттуда не выпускать, и буде пожелаетъ Святайло принять монашество, постричь его.

Кованька, Колчицкаго, Глуховца и слугъ Искры и Кочубея отправить въ Архангельскъ и поверстать въ солдаты, или куда окажутся годными, по разсмотрѣнію тамошняго Губернатора, Князя Петра Васильевича Голицына.

Апостола и Чарныша, замѣшанныхъ въ доносѣ, выдать Гетману, и наказаніе обоихъ ему предоставить.

Кочубея и Искру казнить смертію въ войскѣ Запорожскомъ.

Этотъ приговоръ прочли обвиненнымъ и кинули ихъ въ тюрьму, гдѣ они валялись на полу, покрытые рогожами. Здѣсь-то произнесъ несчастный Кованько свою забавную выходку къ Святайлу, выходку, доказывающую веселый и безпечный нравъ добраго Украинца. «Отче Иване, яка-жь Московска пужка «солодка! Купымъ еи жинкамъ до дому на гостынець.»

Стольникъ Вельяминовъ-Зерновъ долженъ былъ отвезть къ Мазепѣ двухъ осужденныхъ, и передъ казнію прочесть народу опредѣленіе о казни и вину преступниковъ.

Мая перваго былъ посланъ приговоръ къ Государю на утвержденіе. Обвиненныхъ заковали въ желѣзы и послали подъ прикрытіемъ сильнаго отряда въ Смоленскъ. Двадцать восьмаго привезены они обратно въ Витебскъ, и въ тотъ-же день былъ имъ послѣдній допросъ. Спрашивали у всѣхъ: не было-ль отъ Шведовъ, Поляковъ, Крымцевъ или Запорожцевъ подсылки на-счетъ этого доноса къ нимъ или къ другимъ чинамъ, мимо Гетмана?—Они отвѣчали, что не было никакихъ. Кочубей сказалъ, что онъ все затѣялъ по злобѣ на Гетмана; что Искра все сплелъ по наущенію Кочубея; Святайло и Кованько то-же на Кочубея сложили вину. Потребовали описи имѣній каждаго — они подали. Подъ своею Кочубей подписалъ: окаянный простунця и згубця дому и дитей, В. Кочубей.—У него оказалось четыре тысячи червонцевъ и двѣ тысячи талеровъ, зарытыхъ въ землѣ въ Диканькѣ, «а гдѣ именно, о томъ знаетъ жена.»

Приступили къ кнуту: Кочубею дали три, Искрѣ шесть, Кованькѣ четырнадцать, Святайлу двадцать. Неизвѣстно какъ: на встряскѣ, иль на дыбѣ.

Приговоръ былъ исполненъ во всей силѣ. Кочубей и Искра были отправлены водою по Днѣпру въ Кіевъ. Мазепа, благодаря за присылку, Головкина сравнилъ съ Пророкомъ Даніиломъ, а себя *съ Сусанною*, неповинно оклеветанною беззаконными старцами и праведнымъ судомъ освобожденною.

Онъ Чарныша простилъ, а Апостола оправдалъ передъ Государемъ. «Апостолъ породы Волошской,» писалъ онъ къ Петру, «человѣкъ изъ отца заслуженный въ войскѣ, воинъ добрый, изо всѣхъ Полковниковъ давнѣйшій, старѣйшій, знатный, заслуживший честь и любовь отъ всѣхъ полковъ. Генеральный Обозный Ломиковскій, Судья Генеральный Чуйкевичъ и Прилуцкій Полковникъ сваты его; Полковникъ Лубенскій дядя ему; Полковникъ Нѣжинскій—шуринъ. Всѣ прочіе Полковники и знатные люди сопряжены съ нимъ близкимъ свойствомъ и любовію.»

Какъ случилось это ужасное произшествіе? Какъ обманули Великаго Петра? Напрасно иные полагаютъ, что это была политика необходимая въ то время, когда Россія боролась съ Шведами, Поляками и съ врагами внутренними; что опасно, и даже невозможно было схватить Мазепу, котораго вина была явная, но который былъ хитеръ и могучъ. Не извѣстно, кто съ нимъ былъ единомышленникъ; можно полагать — всю Малороссію; тогда попытка схватить его взволновала-бъ весь край и уси-

Голикова Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго. Изд. 1795. т. XV. стр. 1.—253.

лила-бы враговъ Россіи. Но какъ должно-же было кого-нибудь обвинить, или доносчиковъ или Гетмана, то невозможность обвинить послѣдняго предала на жертву первыхъ. Къ тому-же измѣна Мазепы должна была со-временемъ обратиться въ пользу для цѣлостнаго Государства. Эта измѣна подала поводъ и право Петру уничтожить условія Хмѣльницкаго и слить въ одну массу двѣ стихіи Имперіи, два народа единовѣрные и единоплеменные.

Но мы полагаемъ, вмѣстѣ съ Голиковымъ, который всю почти жизнь свою посвятилъ на изысканія о боготворимомъ отъ него Великомъ Петрѣ, мы полагаемъ, что этотъ судъ надъ вѣрными Украинцами, Тамъ-же 132 эта казнь страдальцевъ благочестивыхъ произошла единственно отъ невозможности въ то время самому Государю разсмотрѣть доносъ, отъ его предубѣжденія въ вѣрности Гетмана; кромѣ того, скажемъ отъ себя, она исполнена мстительностью Министровъ за слова Кочубея на-счетъ Секретарей Государевыхъ и Меньшиковыхъ, и предательствомъ ихъ—вскорѣ одинъ изъ нихъ за продажность и подлогъ былъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь.

«Съ одной стороны,—говоритъ Голиковъ,—представляется Гетманъ Малороссійскихъ войскъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Гетманъ облагодѣтельствованный Монархомъ, возвышенный на первыя степени чести и богатства, Гетманъ разума тонкаго и проницательнаго, котораго совѣтами во всѣхъ важныхъ дѣлахъ пользовался, и почти всегда онымъ слѣдовалъ; Гетманъ, къ которому долговременная привычка привязала Его Величество, состарѣвшійся въ службѣ безъ видимаго порока и подо-

зрѣнія, и который казался, особливо въ сіе время, весьма нужнымъ. Съ другой—сборище доносителей, связанныхъ родствомъ, свойствомъ, дружбою, общимъ интересомъ и руководимое человѣкомъ обиженнымъ, дышущимъ местію.» — И дѣйствительно, трудно было устоять довѣрчивому и доброму Петру противъ предубѣжденія.

Пока несчастныхъ привезли къ Мазепѣ, онъ отобралъ отъ ихъ семействъ всѣ имѣнія; а женъ и дѣтей осудилъ на вѣчное тюремное заключеніе. Когда прислалъ онъ своего племянника Трощинскаго взять Любовь Кочубееву, она укрылась въ церкви, желая «лучше умереть близъ олтаря, подобно Пророку «Захарію.»—Ее уговорили выдти оттуда, она спросила Трощинскаго: «за тѣмъ-ли прислалъ тебя «Мазепа съ такимъ войскомъ, чтобъ раззорить имѣ«ніе человѣка, вѣрно служившаго войску Запорож«скому?» — Всѣ они содержались въ темницѣ, до взятія Батурина Шереметевымъ.

Іюля 14-го обоихъ страдальцевъ привезли въ мѣстечко Борщаговку, что подъ Васильковымъ и Бѣлою-Церковью. Мазепа пыталъ ихъ; Вельяминовъ-Зерновъ, Ломиковскій и Гамалѣя находились при пыткѣ. Дѣло шло о деньгахъ, зарытыхъ въ Диканькѣ.

Того-же дня, въ присутствіи всего войска, Старшинъ и многочисленнаго народа, ихъ головы скатились на одну плаху. Потомъ ихъ тѣла были отвезены въ Кіевъ и погребены, Іюля 17-го, въ Лаврѣ.

ГЛАВА XLVIII.

Письмо Мазепы къ Царю. Довѣренность къ нему Царская. Заготовленія въ городахъ Малороссійскихъ. Монеты Ассирійскія. Письма Царя къ Мазепѣ. Ссоритъ Поляковъ съ Государемъ. Письмо къ Головкину. Ссоритъ Порту съ Россіею. Возмущаетъ Малороссію, Запорожцевъ и Донцовъ. Клевещетъ Царю на соотечественниковъ и на Костю Гордѣенка. Батуринъ—складочное мѣсто запасовъ и аммуниціи. Смерть Булавина. Участіе Мазепы въ бунтѣ Булавинскомъ. Приближеніе Шведовъ къ Украйнѣ. Война съ ними. Радость Мазепы о побѣдахъ Царскихъ, изъявленная въ письмахъ его къ Царю. Условія его съ Карломъ XII и съ Лещинскимъ. Доносы на него Царю. Онъ освобожденъ отъ всякаго подозрѣнія. Письмо Царское. Универсалы Мазепы. Болѣзнь его. Докторъ Козоа. Бѣгство Быстрицкаго. Улишинъ. Снова Мазепа оправдывается. Уменьшеніе Мазепиныхъ силъ. Жестокая болѣзнь Мазепы. Онъ при-смерти. Его соборуютъ масломъ. Онъ переходитъ за Десну. Выѣзжаетъ къ войску. Семеновка. Рѣчь его къ полкамъ. Почти всѣ козаки оставляютъ его. Свиданіе его съ Карломъ. Петръ узнаетъ объ измѣнѣ. Письма его на этотъ счетъ къ своимъ приближеннымъ. Царскія грамоты и манифесты. Маркевичъ и Голицынъ. Приступъ къ Батурину. Взятіе и гибель Батурина. Новгородъ-Сѣверскъ. Худорбай. Добродѣтель Шереметева. Манифестъ Карла XII. Слухъ о безбожіи Мазепы. Избраніе Скоропадскаго. Лебединъ. Проклятіе Мазепы.

Приступимъ къ развязкѣ.

Окончa пытку и казнь своихъ враговъ, Мазепа благодарилъ Государя за присылку ихъ въ войско. « Понуждаемъ я былъ милосердіемъ христіанскимъ, —

писалъ онъ къ Царю,— до-земнымъ челобитьемъ вымолить имъ, моимъ лжеклеветникамъ и всенароднымъ возмутителямъ, Ваше Царское милосердіе, чтобъ они отъ казни были спасены; но когда разсудилъ, что они осмѣлились о Вашемъ здравіи и о чести Вашего Величества б.... словить, я тогда отвергнулъ сострадательность.»

На Мазепу подали доносъ,—Государь поручилъ ему усмиреніе мятежа Булавинскаго; онъ бунтовалъ умы Запорожцевъ,— Государь поручилъ ему наблюденіе за ихъ непостоянствомъ; онъ колебалъ Малороссію,— Государь просилъ его стараться о сохраненіи въ ней спокойствія. Онъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Турками, Татарами, Лещинскимъ и Шведами,— Государь поручалъ ему вывѣдывать ихъ скрытныя намѣренія. Учрежденіе почты чрезъ Молдавію въ другія государства; отправленіе писемъ и разныхъ посылокъ къ Министрамъ своимъ при тамошнихъ дворахъ; заготовленіе для войскъ фуража и провіанта; укрѣпленіе мѣстъ,— все это отдавалъ Петръ на руки Мазепы; присылалъ военные планы на его одобреніе; желалъ знать его мнѣнія на-счетъ политическихъ обстоятельствъ, на-счетъ предстоящей борьбы съ Карломъ. Писалъ къ нему: «обнадеживаю тебя, вѣрнаго моего подданнаго, что Я какъ прежде, такъ и нынѣ, за непоколебимую твою вѣрность ко мнѣ, никогда никакимъ клеветамъ, которыя дерзнули-бы на тебя что-нибудь противное доносить, неимѣю вѣры.»

Мазепа еще въ прошломъ году заготовилъ близъ Кіева фуражъ на пятьдесятъ три тысячи лошадей, и для провіанта пятьдесятъ девять тысячь пять-сотъ Въ 1707.

пудовъ ржи; нынѣ устроилъ магазины въ Черниговѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Но зная, что мелочнымъ удовольствіемъ можно иногда болѣе угодить, болѣе привязать къ себѣ, нежели пользою онъ не терялъ изъ-вида ни малѣйшаго случая плѣнять Петра искательностію, готовностію во всемъ тѣшить Его. Петръ все велъ къ одной цѣли — къ просвѣщенію Россіи, а съ просвѣщеніемъ связано благоденствіе. Дамскіе наряды и фейерверки; книгопечатаніе и флотъ; устройство государственныхъ зданій и регулярное войско; цвѣты, сады, Сенатъ и Синодъ; балы, вечеринки, каналы и благоустройство частныхъ имуществъ — все это онъ тѣсно связалъ; онъ зналъ, что польза ведетъ къ удовольствіямъ, и что нѣтъ безъ удовольствій пользы. Каждая вещь, ничтожная для взора другихъ людей, заслуживала особеннаго его вниманія. Это были волокна пеньки почти непримѣтныя, изъ которыхъ сплетенъ корабельный канатъ. Таковъ былъ Петръ, и это зналъ Мазепа. Сегодня онъ дарилъ Ему тысячу лошадей, завтра находилъ, при
1707 Апр. 26. разрытіи Кіевопечерской крѣпости, монеты Ассирійскія и отправлялъ ихъ въ даръ Петру. И этотъ даръ былъ пріятнѣе перваго: тотъ стоилъ чего-нибудь народу; этотъ—земля отдала. И Государь былъ въ восторгѣ отъ своего Гетмана.

«Господинъ Гетманъ,—писалъ Онъ, — пріѣзжайте къ намъ въ Москву, на совѣтъ военный; вы не-долго будете здѣсь мѣшкать: вы скоро уѣдете отсюда, но вы мнѣ необходимы.»

А Мазепа, стеная и до-земно кланяясь, болѣя и сердцемъ и тѣломъ, готовилъ Петру ударъ, который,

по счастью, былъ не мѣтокъ; Украйну прочилъ для магнатовъ, Жидовъ и Іезуитовъ, за что народъ растерзалъ-бы его; а себѣ добывалъ удѣльное независимое княжество, забывъ, что время ѳеодализма и система удѣловъ были въ восемнадцатомъ вѣкѣ анахронизмомъ.

Магнаты требовали отъ Государя всѣхъ Заднѣпровскихъ городовъ, взятыхъ у Поляковъ и отданныхъ Царю Алексію Хмѣльницкимъ; на этомъ только условіи, они соглашались признать Августа Королемъ. Государь приказалъ Мазепѣ вывесть оттуда козацкіе гарнизоны. Гетманъ не только не спѣшилъ ихъ вывесть, но отклонилъ Государя отъ этой уступки; Государь, однако-жь, чтобъ не огорчить вполнѣ Поляковъ, велѣлъ Мазепѣ отдать имъ Бѣлу-Церковь, съ уѣздомъ. Пока пришло повелѣніе, Гетманъ успѣлъ уже доказать Синявскому, что Польшѣ безчестно будетъ согласиться на такое условіе. Синявскій написалъ весьма грубый отвѣтъ Государю,—все остановилось; между тѣмъ Мазепа началъ уже перевозить богатства свои въ Бѣлу-Церковь. Государь, имѣя на плечахъ заботы о дѣлахъ внутреннихъ, обезпокоенный настойчивостью Поляковъ, опять приказалъ отдать имъ всѣ города. Мазепа заблаговременно просилъ *указа отъ Графа Головкина:* какъ ему поступить съ Ляхами, когда они приведутъ войско на западную Украйну, и что ему дѣлать, если они потребуютъ Канева, Черкасъ, Чигирина?

«Вамъ извѣстно, что, по вѣчному миру между Государемъ и Королемъ, граница западной Украйны не показана. Ибо, начиная отъ того мѣста, гдѣ

выше Кіева Ирпень въ Днѣпръ впадаетъ, идучи Стугною до Триполя, отъ Триполя-же степью на пять миль отъ Днѣпра до Стаекъ все отмежовано на сторону Россіи. А внизъ Днѣпра нѣтъ никакого еще опредѣленія, и если та земля, и города на ней построенные, съ селами пойдутъ Ляхамъ, то это разоритъ обывателей восточной Украйны, въ особенности Переяславльскихъ, Лубенскихъ и другихъ побережныхъ. Они на западномъ берегу Днѣпра имѣютъ грунты, пасѣки, угодья, —не захотятъ ихъ
1708. лишиться, и сами перейдутъ туда.» А на-счетъ Бѣлой-Церкви писалъ отъ 8 Іюня, что всѣ Заднѣпровскіе Полковники негодуютъ за отдачу этого города Ляхамъ; говорятъ, что скорѣй погибнутъ, нежели отдадутся подъ иго Польское; и если Бѣлу-Церковь Ляхи пріобрѣтутъ отъ Государя, то будутъ вырѣзаны козаками, которые станутъ искать инаго покровительства. Онъ доказывалъ, что отдача Бѣлой-Церкви прекратитъ сообщеніе съ союзниками; говорилъ, что тамошній полкъ теперь находится на службѣ Царской; а жены и дѣти, ненавидя прежнее тиранство магнатовъ и Республики, оставятъ домы и разбѣгутся изъ города; Поляки начнутъ снова мучить народъ православный; вспыхнетъ мятежъ на западѣ Днѣпра; отзовется на востокѣ, и тогда не миновать возстанія всеобщаго. Этими доводами отклонилъ Царя отъ отдачи Полякамъ Заднѣпрской Украйны и удержалъ ее за собой.

Оставалось убѣдить Порту къ войнѣ съ Россіею. Онъ внушилъ Верховному Визирю и Капланъ-Гирею, что, по властолюбію безпредѣльному, предпріимчивости, жаждѣ къ завоеваніямъ и по личной

храбрости, Петръ, побѣдивъ Карла, обратитъ оружіе противъ правовѣрныхъ; что миръ, по которому отданъ Ему Азовъ, войны не остановитъ; что ужь и нынѣ, для этой цѣли, въ Россіи строятъ крѣпости и вооружаютъ флотъ. Подкрѣпляя подарками увѣренія, обѣщая Татарамъ и Туркамъ—за освобожденіе Украйны отъ тиранства Русскаго—платить великую дань, Мазепа понудилъ Султана къ войнѣ. Изъ Константинополя были разосланы тайныя повелѣнія войскамъ быть въ готовности. Ханъ писалъ къ Мазепѣ, что уже собрано для него пятьдесятъ тысячъ Татарскаго вспомогательнаго войска. Государь въ то-же время получилъ отъ него донесеніе и совѣтъ взять предосторожности противъ Порты, которая готовится разрушить съ Россіею миръ. «Удивляюсь,—писалъ онъ къ Головкину,—какъ Стольникъ Кантакузинъ, Посланникъ нашъ въ Царьградъ Толстой и Господарь Молдаванскій пишутъ, что Порта не дѣлаетъ никакихъ пріуготовленій къ войнѣ, когда въ то-же время я получилъ изъ Яссъ, отъ Згуры, вѣрнѣйшее извѣстіе, что Посолъ Турецкій заключилъ союзъ съ Карломъ и съ Лещинскимъ для наступательной войны противъ Россіи. Я выговаривалъ Пашѣ Силистрійскому за посольство къ врагамъ Государевымъ; онъ отвѣчалъ, что имъ не для-чего ссориться съ Польшею и Швеціею, но что они отнюдь не намѣрены разрушить миръ съ Россіею; и въ то-же время пьяные Татары и Турки проговариваютъ близкій разрывъ между Султаномъ и Царемъ.»

Поселяя безпокойство въ Государствѣ, ссоря Россію съ сосѣдними державами, онъ не упускалъ изъ—

виду Украйны, употреблялъ всевозможныя старанія, чтобъ возстановить Малороссіянъ, Запорожцевъ и Донцовъ противъ Петра; внушалъ въ нихъ ненависть, недовѣріе къ правительству; угнеталъ ихъ именемъ Царскимъ; возбуждалъ на месть; уговаривалъ поднять оружіе и отложиться.

Малороссіяне его не любили; было за что ненавидѣть. Не говоря о губительствѣ его надъ лучшими изъ Украинцевъ, онъ ставилъ народъ противъ народа. Вотъ отрывокъ изъ его письма къ Головкину: «прошу Вашу милость, какъ любезнаго моего пріятеля, донести Государю, по любви ко мнѣ, чтобъ мнѣ не впасть въ страшный гнѣвъ Монаршій. Указъ Его Величества о устройствѣ Компаніи изъ городоваго товарищества не можетъ быть исполненъ, *за смятеніемъ непостояннаго здѣшняго народа, который никогда въ глупомъ своемъ разумѣ не утвердится и не разсудитъ, какой конецъ будетъ его злымъ начинаніямъ и мятежамъ*; онъ думаетъ о томъ только, какъ-бы сдѣлать по-своему. Я даже полагаю, что нѣкоторымъ Полковникамъ весьма непріятенъ.»

Тайными сношеніями раздувалъ мятежъ и увѣрялъ Петра, что народъ взволнованъ подсылками отъ Шведовъ и Поляковъ. Не исполняя Царскихъ указовъ, чтобъ раздражить Государя, жаловался на невозможность ихъ исполнять съ тою точностію, съ какою ему-бы хотѣлось для пользы Государевой; жаловался на бунты; описывалъ съ подробностію непослушаніе, ропотъ, друки, грабительства, убійства. Всю вину медленности походовъ своихъ слагалъ на неповиновеніе войска, на возстаніе козаковъ

противу Старшинъ, увѣряя Государя, что принужденъ то останавливаться, то назадъ возвращаться. Предлагалъ различные способы утишить разгоряченные умы. Гордѣенка, который былъ вполнѣ его клевретъ, описывалъ черными красками; «и я не «могу ихъ усмирить моими козаками,—такъ заклю«чалъ Мазепа свое донесеніе,—ибо *воронъ ворону* «*глазъ не выклюетъ.*»

Окруженный многими преданными людьми, но не любимый войскомъ и посполитствомъ, онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ Запорожцевъ. Эти ограбили Греческихъ купцовъ, Порта требовала удовлетворенія: ей было выдано изъ казны сто тысячь ефимковъ. Мазепа умолялъ Государя истребить Запорожье, притонъ бунта, гнѣздо смятеній. Петръ ограничился выговоромъ. Мазепа сталъ увѣрять Запорожцевъ, что спасеньемъ обязаны ему, что онъ былъ ихъ предстателемъ, что онъ за нихъ ходатайствовалъ, наконецъ, что Государь хочетъ послѣ войны съ Шведами ихъ истребить. Приверженцы его распространяли слухъ, что пріѣдутъ Воеводы для уничтоженія статей Переяславскихъ Хмѣльницкаго, для отнятія отъ Малороссіянъ преимуществъ, для обращенія козаковъ въ войско регулярное и для отдачи Украйны Польшѣ. Умы волновались. Царь зналъ объ ихъ волненіи; но не зналъ причины, и полагалъ, что присудствіе Мазепы въ Украйнѣ необходимо; что ему невозможно отдалятся отъ Батурина, гдѣ уже собрана артиллерія, запасы хлѣбные и вооруженіе. Трудно было Гетману скрыть печаль при извѣстіи, что Булавинъ убитъ. Нынѣ нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнія, что Мазепа его поддерживалъ. Булавину

помогали Запорожцы подъ Азовомъ; онъ былъ однажды на Запорожьи и тогда, по первому требованію Мазепы, Кость Гордѣенко выдалъ-бы его; но его выпустили. Переписка Булавина съ Гордѣенкомъ и донесеніе Сотника Гадячскаго Гетману изъ Запорожья ясно доказываютъ, что Гордѣенко держалъ сторону Булавина; а между тѣмъ этотъ Гордѣенко во всемъ слѣпо угождалъ и повиновался Гетману. И въ то-же время Государь наградилъ Мазепу за участіе въ усмиреніи бунта Булавинскаго. Дѣйствительно козаки участвовали въ походѣ противъ бунтовщика; ихъ водили на Донъ Полковники: Полтавскій—Левенецъ и Компанейскій—Кожуховскій. Но Мазепа не былъ причастенъ къ этому усмиренію.

Шведы приблизились къ нашимъ границамъ, и
Іюнь. 1708. подъ Головчинымъ разбили Шереметева; Карлъ пошелъ къ Могилеву; нѣсколько времени оставался въ бездѣйствіи; поджидалъ Левенгаупта, который велъ къ нему шестнадцать тысячь войска и, недождавшись, въ Августѣ, оставилъ Днѣпръ за собою. Русскіе отдвинулись къ Мстиславлю; надъ Черной Напой, у мѣстечка Добраго, Голицынъ разбилъ правый флангъ Шведовъ и отступилъ. Король, казалось, шелъ къ Смоленску; но быстро поворотя къ Украйнѣ, переправился за Сожь; Шереметевъ погнался за нимъ; Государь пошелъ на-встрѣчу Левенгаупту. Подъ Лѣснымъ произошла битва, въ которой восемь тысячъ Шведовъ легло на мѣстѣ, тысяча взято было въ плѣнъ, и которую Петръ назвалъ *матерью битвы Полтавской.* Либекеръ хотѣлъ овладѣть Петербургомъ, Апраксинъ его прогналъ.

А между тѣмъ Мазепа заключилъ уже съ Карломъ договоръ.

Онъ обѣщалъ впустить Короля въ полкъ Стародубскій и сдать ему всѣ тамошнія крѣпости. Король обязался въ нихъ зимовать, чтобы козакамъ Бѣлгородскимъ и Донскимъ, недовольнымъ Россіею, дать время сблизиться съ Малороссійскими. Когда они сойдутся, Мазепа просоединитъ къ своимъ войскамъ Орду Хана Калмыцкаго Аюки; Карлъ пойдетъ въ Москву; Украйна станетъ продовольствовать Шведовъ.

То-же было сказано въ договорѣ съ Лещинскимъ, которому обѣщалъ Гетманъ возвратить Смоленскъ и *всю Малороссію;* а Короли должны были сдѣлать его *владѣтельнымъ Княземъ Полоцкимъ и Витебскимъ*, на правахъ Герцога Курляндскаго. Эти статьи были извѣстны только Болгарскому Епископу, одному Польскому Сенатору, Графу Пиперу, Мазепѣ и обоимъ Королямъ. И въ то-же время Гетманъ писалъ къ Царю: «я получилъ отъ Графа Головкина радостное извѣстіе, что сильный и крѣпкій въ бранѣхъ Господь, въ Тройцѣ славимый, благословляя непобѣдимое Ваше оружіе, благословилъ оное тройственною побѣдою. Возрадовахся сердцемъ и душею и, во знаменіе той радости, благопривѣтствую Вашему Величеству, желая вѣрноподданнымъ сердцемъ, дабы тотъ-же Господь силъ, вездѣсый и вся исполняяй, не токмо тречисленными сими побѣдами, но и на морѣ, и на сушѣ, и на всякомъ мѣстѣ, противъ всякаго врага, а наиболѣе противъ Шведа, оружіе Ваше укрѣплялъ, благословляя благосло-

влялъ, желанія Ваши исполнялъ и до конца всю вражью силу разрушилъ и сокрушилъ. При лицеземномъ поклоненіи Высокодержавную Вашу десницу лобызаю.»

Доносы на Гетмана возобновились — имъ не вѣрилъ Царь; неизвѣстно вѣрилъ-ли Головкинъ, но показывалъ, что не вѣритъ, и утѣшалъ Гетмана. Быстрицкій, управитель Мазепинъ, — Шептаковской волости, — получилъ письма на имя Гетмана отъ Короннаго Маршала и отъ Литовскаго Стражника Тарла; они уговаривали Мазепу скорѣй соединиться. Мазепа отправилъ письма къ Петру съ жалобою, что эти подсылки его безпокоютъ. Головкинъ именемъ Государя писалъ, чтобъ Мазепа отвѣчалъ Тарлу, что заблагоразсудитъ, безъ всякаго опасенія. Старый Гетманъ радовался побѣдамъ молодаго Царя своего. Царь своеручно отозвался къ нему;

10 Юля. «Господинъ Гетманъ! Непріятель идетъ внизъ; и по тому и по другому видамъ, онъ намѣренъ идти на Украйну и потому предлагаемъ Вамъ: 1-е, чтобъ вы, по своей вѣрности, смотрѣли нѣтъ-ли какихъ подсылокъ непріятельскихъ въ Малороссію; не раздаютъ-ли обольстительныхъ листовъ, для чего, вѣроятно, непріятель завелъ въ Данцигѣ и типографію Словенскую; предостерегайте и пресѣкайте ему всѣ къ этому возможности; *давайте Намъ извѣстіе и совѣтъ.* 2-е. Непріятель ускоряетъ походъ и быстро приближается, — Мы находимъ необходимостью, чтобы вы какъ можно поспѣшили съ вашимъ войскомъ въ Кіевъ; тамъ вы оставьте гарнизонъ, условьтесь съ Голицынымъ и выступите со всѣми тяжестьми, которыя были въ Кіевѣ, въ удобное мѣсто за Днѣпръ; а кон-

ницу съ добрымъ Старшиною изготовьте въ походъ на-легкѣ. Когда непріятель станетъ приближаться къ Великороссійскимъ или Малороссійскимъ границамъ, то Мы будемъ впереди съ нашими; Вашаже конница будетъ бить непріятеля сзади, и должна разорять обозы его. Это сдѣлаетъ великую диверсію. Мы-бы очень желали, чтобъ вы сами были при этой конницѣ; но вы больны; Мы васъ не уговариваемъ, а отдаемъ это на вашъ судъ; только немедленно рѣшайтесь. То-же предлагаемъ на-счетъ осторожности въ городахъ. Непріятель, когда ворвется, начнетъ разсылать универсалы о хлѣбѣ: надобно за-ранѣ предостеречь народъ, чтобъ ихъ не слушали. Впрочемъ ведите со Мною переписку почаще, чтобъ намъ обоимъ знать, гдѣ что дѣлается.»

Получивъ этотъ отзывъ, Гетманъ почуствовалъ сильную хирагрическую и подагрическую боль. Самъ не выступилъ съ конницею, но разослалъ универсалы. Въ нихъ устрашалъ народъ скорымъ появленіемъ сильныхъ враговъ; совѣтывалъ зарывать въ землю хлѣбъ, деньги, церковное и частное имущества; велѣлъ пѣть молебны объ изгнаніи врага Россіи и православія; и, не смѣя открыто не повиноваться Государю, увѣрилъ народъ, что Шведы враги Украйны. Ему казалось, что не трудно будетъ и разувѣрить; но вышло не такъ. Универсалы дошли до свѣдѣнія Карла XII, онъ усомнился въ Гетманѣ, замедлилъ вступленіемъ въ Украйну: эта медленность погубила и Гетмана и Короля.

Государь, узнавъ о болѣзненныхъ припадкахъ Мазепы, прислалъ къ нему медика Француза Петра Козоа. Гетманъ боялся лишнихъ глазъ и ушей,

благодарилъ Государя за вниманіе и не принялъ медика. «Я докторами держу только Нѣмцевъ,—писалъ онъ къ Петру;—я не знаю языковъ Французскаго и Итальянскаго, а Козоа не знаетъ Нѣмецкаго, Русскаго и Латинскаго, и по этому онъ безполезенъ мнѣ.»

Въ это время было два случая такихъ, которые, казалось, должны были открыть истину; но Мазепа уцѣлѣлъ. Шептаковскій управитель, котораго мы уже назвали выше, Быстрицкій, родомъ Полякъ, родня Гетману по своей женѣ, управляя восьмнадцать лѣтъ имѣніемъ Гетманскимъ, перебѣжалъ къ Шведамъ.

Генералъ Инфлантъ поймалъ Шведскаго шпіона Улишина, нашелъ у него письмо къ Мазепѣ отъ Понятовскаго и отправилъ его вмѣстѣ съ подателемъ въ главную квартиру. Тамъ Понятовскій просилъ, чтобъ Мазепа выпустилъ изъ плѣну его брата Станислава, взятаго козаками. Улишина начали пытать у огня и на висѣлицѣ. Повторяли пытку три раза; по показанію открылось, что при Мазепѣ служитъ двоюродный братъ Улишина, Виговскій; что это подало поводъ выбрать его въ подсыльные, и что ему велѣно было, извѣстивъ Мазепу о приближеніи Шведовъ, просить и его приблизиться; а объ этомъ обоюдномъ сближеніи Понятовскій донесетъ Королямъ. Наконецъ Улишинъ выдалъ слова Понятовскаго, что есть надежда увидѣть Мазепу и козаковъ съ Лещинскимъ и Карломъ за-одно.

Головкинъ не понялъ или не захотѣлъ понять поступковъ Быстрицкаго и Улишина; онъ просилъ Гетмана поймать перваго и прислать въ главную

квартиру. Мазепа отвѣчалъ: «Быстрицкій пріѣзжалъ ко мнѣ; жаловался на неповиновеніе крестьянъ и неотдачу ими его пожитковъ; жилъ три недѣли въ Батуринѣ; выпросилъ приказъ Скоропадскому, чтобъ ему помогъ усмирить неповинующихся, и съ этимъ приказомъ поѣхалъ въ Стародубъ; а какъ попался къ Шведамъ—не знаю. И того не понимаю, съ какою цѣлью позволяютъ ему между ними свободно расхаживать. Жену его, если она въ Батуринѣ, возьму съ дѣтьми подъ караулъ, да и сына его, который при мнѣ служитъ.»

На-счетъ Улишина Головкинъ написалъ Мазепѣ, Октяб. 9-го. что посылаетъ ему письмо резидента при Шведскомъ Королѣ, Понятовскаго, который проситъ объ освобожденіи брата своего; приложилъ и разыскныя рѣчи шпіона, сказанныя изъ-подъ пытки; наконецъ, совѣтуя предостерегать Малороссіянъ отъ обольщеній, обѣщалъ и впредь увѣдомлять о подобныхъ подсылкахъ.

«Да постыдятся о семъ нечестивіи,—отвѣчалъ Мазепа;—никакія прелести не могутъ меня, никогда, отъ Высокодержавной Его Величества руки отторгнуть и неподвижимой вѣрности моей поколебать. На таковыя-же и тѣмъ подобныя прелести имѣю я доброе око и всюду вѣрныхъ своихъ держу, коимъ повелѣлъ всякія письма прелестныя и самихъ прельстителей ловить и ко мнѣ присылать. Улишинъ сказывалъ, что братъ его Виговскій служитъ при мнѣ,—онъ солгалъ: при мнѣ нѣтъ и не бывало никакого Виговскаго; да и о ратѣ Понятовскаго я не слыхалъ, взятъ-ли онъ въ плѣнъ или нѣтъ; по крайней мѣрѣ козаки его ко мнѣ не приводили.»

А Государь между тѣмъ приказалъ Меньшикову увидѣться съ Мазепою и утѣшить его въ оскорбленіяхъ, наносимыхъ отъ подсыльщиковъ.

Польскіе Историки признаются, что, любимый и щедро обогащенный Царемъ, Мазепа не могъ имѣть никакихъ причинъ къ измѣнѣ «столь милостивому для него» Монарху; но «какъ Полякъ» не захотѣлъ быть подданнымъ Петра. Теперь онъ ужь началъ готовиться къ пріему Карла. Ромны и Гадячь были укрѣплены; Батуринъ порученъ Сердюкамъ; арсеналъ, тяжелая артиллерія и аммуниція готовы для Шведовъ; магазейны полны пшеницы и ржи; собственныя богатства Гетманскія свезены въ Бѣлу-Церковь и въ монастырь Кіевопечерскій, укрѣпленный по волѣ Государя. Мазепа, откладывая походъ за Десну, писалъ къ Головкину, что боится нападенія Шведовъ на Украйну, и медлитъ по-случаю смертельной болѣзни своей. Все это не вполнѣ однако-жь привело его къ цѣли: Малороссійское войско неожиданно уменьшилось. Синявскій, приверженецъ Августа, потребовалъ десять тысячь козаковъ; увѣряя Головкина, что Синявскій присталъ къ Лещинскому, Мазепа туда послалъ только три тысячи съ Бѣлоцерковскимъ и Кіевскимъ Полковниками. Три тысячи Переяславльцевъ и Нѣжинцовъ были въ главной квартирѣ Петра; три тысячи Гадячанъ пошли съ Трощинскимъ въ Польшу; нѣсколько тысячь находились при Шереметевѣ. Чтобъ возвратить эти полки, Мазепа вздумалъ возмутить народъ и извѣстилъ Петра, что боится всенароднаго гнѣва за удаленіе козаковъ изъ Украйны предъ вступленіемъ враговъ. Генеральный Писарь, кото-

рымъ въ это время былъ уже Орликъ, старался наиболѣе угодить въ этомъ случаѣ Гетману.

А между тѣмъ, посылая двѣ тысячи червонныхъ въ даръ Государю, «потому что Ему деньги нужны,» онъ извѣщалъ о покупкѣ земель въ Великой Россіи, у трехъ своихъ сосѣдей, и испрашивалъ позволенія заселить ихъ собственными людьми;—и такъ Мазепа сталъ Великороссійскимъ помѣщикомъ. Какое-же можно было имѣть сомнѣніе въ его вѣрности?

Уже Шведы были близъ границъ полка Стародубскаго; Государь Мазепѣ велѣлъ поспѣшать; Мазепа шелъ медленно, оправдывался малочисленностью войска, обращалъ вниманіе на небывалые мятежи Украинскіе.«Со всѣмъ тѣмъ,—писалъ къ Государю,—я переправлюсь за Десну и буду поспѣшать сколько есть силъ, чтобъ съ главнымъ Вашимъ войскомъ соединиться; если впрочемъ въ этомъ походѣ душа моя не разлучится съ тѣломъ отъ тяжкой болѣзни моей подагрической и хирагрической.» Шереметевъ и Министры посовѣтовались на-счетъ описанныхъ Гетманомъ смятеній, и рѣшились послать указъ Кіевскому Воеводѣ Голицыну, чтобъ, оставя въ Печерской крѣпости гарнизонъ, самъ съ остальными полками и ратниками разрядовъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго расположился внутри Украйны; а къ Мазепѣ написали, чтобъ, отдавъ нѣсколько полковъ козацкихъ подъ начальство Голицыну, поспѣшилъ къ Новгороду-Сѣверскому, въ главную квартиру, на военный совѣтъ.

Наказный Полковникъ Миргородскій повелъ свой полкъ къ Чернигову. Мазепа слегъ, и никогда еще не постигала его такая болѣзнь: слуги перевора-

чивали его съ боку на бокъ на кровати; Митрополитъ Кіевскій Іоасафъ Кроковскій, ѣдучи черезъ Борзну, письменно изъявилъ ему желаніе соборовать его масломъ; не извѣстно, соборовалъ-ли, но письмо Митрополита было доставлено Государю.

«Поразили мнѣ жалемъ несноснымъ сердце слова, въ Вашемъ листѣ изображенныя,—писалъ онъ изъ Борзны къ Головкину,—а именно тыи: если Ваше Сіятельство самъ не изволишь идти къ Новгородку-Сѣверскому, то пошли отъ себя туда полкъ Стрѣлецкій. Чи, еще-жь и Ваша Вельможность, истинный мой пріятель и благодѣтель, крайней моей немощи не вѣришь? И чи я-бъ то жалѣлъ себе, и не и шолъ самъ къ Новгородку, по вѣрности моей къ Царскому Величеству, если-бы мнѣ въ томъ настоящая болѣзнь препятствій не чинила, въ которой не только ѣхать, но и на лыжку *(постели)* самъ собою подняться и перевернуться не могу, развѣ мене служащіи поднявъ перевернутъ на другую сторону.» Головкинъ началъ оправдываться и доказывать, что писалъ съ другими мыслями, отнюдь не предвидя несчастія огорчить своего благодѣтеля, увѣрялъ, доказывалъ, ссылался на свидѣтелей о горести, которая удручила всѣхъ, при извѣстіи на-счетъ тяжкой Гетманской немощи.

Мазепа благодарилъ за пріязнь и участіе. «Токмо устрашиваютъ мя псаломническія словеса: *всякаго брашна возгнушася душа ихъ и приближася до вратъ смертныхъ,* понеже большъ десяти день, якъ ничого не ѣмъ, ниже сплю, и Богъ вѣсть, если тые псаломническія словеса не исполнятся на мнѣ. Развѣ молитвами новаго Архіепастыря нашего, Преосвя-

щеннѣйшаго Архіепископа Митрополита Кіевскаго Іосафа Кроковскаго, который, возвращаясь зъ Царствующаго великаго града Москвы, засталъ меня тутъ въ болѣзни и отправилъ надо мною елеосвященіе.»

Это было писано Октября двадцать перваго. Вдругъ, испуганный недовѣрчивостью Карла и присутствіемъ Меньшикова, онъ выздоровѣлъ, двинулся съ войскомъ, перешелъ Десну, сталъ лагеремъ между Новгородомъ-Сѣверскимъ и Стародубомъ у мѣстечка Семеновки и черезъ пять дней, Октября двадцать шестаго, произнесъ къ чинамъ и козакамъ слѣдующую рѣчь:

«Мы стоимъ теперь, братія, при двухъ пропастяхъ, «готовыхъ насъ пожрать, ежели не изберемъ пути «для себя надежнаго ихъ обойти. Воюющіе между «собою Монархи, приблизившіе теперь театръ вой«ны къ границамъ нашимъ, столь ожесточены одинъ «на другаго, что подвластные имъ народы терпятъ «уже и еще претерпятъ бездну золъ неизмѣримую; «и мы между ними есть точка или цѣль всего зло«счастія и претыканія. И потому побѣжденный изъ «нихъ и надшій разрушитъ съ собою и державу «свою и приведетъ ее въ ничтожество. Жребій дер«жавъ сихъ предопредѣленъ судьбою, рѣшится въ «нашемъ отечествѣ, въ глазахъ нашихъ; и намъ, «видѣвши грозу сію, собравшуюся надъ главами «нашими, какъ не помыслить и не подумать о са«михъ себѣ? Сужденіе, чуждое всѣхъ пристрастій «и душевредныхъ поползновеній, есть таково: когда «Король Шведскій, всегда побѣдоносный и коего «вся Европа трепещетъ, побѣдитъ Царя Россійскаго

Бан.— Кам. III. 400.

«и разрушитъ Царство, то мы неминуемо будемъ «причислены къ Польшѣ и преданы въ рабство Поля-«камъ, по волѣ побѣдителя и въ волю его творенія «и любимца Короля Лещинскаго; и уже тутъ нѣтъ «и не будетъ мѣста договорамъ о нашихъ правахъ «и преимуществахъ; да и прежніе на то договоры «и трактаты сами собой уничтожатся, ибо мы, на-«турально, будемъ сочтены завоеванными, слѣдствен-«но будемъ рабы неключимые, и судьба наша по-«слѣдняя будетъ горше первой, которую испытали «предки наши отъ Поляковъ съ толикою горестію, «что и самое воспоминаніе объ ней въ ужасъ при-«водитъ. А ежели допустить Царя Россійскаго по-«бѣдителемъ, то уже грозящія бѣдствія изготовлены «намъ отъ самого Царя сего.—И кто-же тутъ не при-«знаетъ, что тиранъ, обругавшій столь позорно особу, «представляющую націю, почитаетъ, конечно, членовъ «ея скотомъ несмысленнымъ и собственнымъ поме-«томъ; да и дѣйствительно таковыми ихъ почитаетъ, «когда посланнаго къ нему депутата народнаго «Войнаровскаго,—съ жалобами о наглостяхъ и озлоб-«леніяхъ, чинимыхъ народу безпрестанно отъ войскъ «Московскихъ и съ прошеніемъ подтвержденія на-«родныхъ договорныхъ статей, при отдачѣ Хмѣль-«ницкимъ заключенныхъ, *коихъ еще онъ и не под-«твердилъ, а долженъ по тѣмъ-же договорамъ под-«твердить* (*);—онъ принялъ сего депутата поще-«чиною и тюрьмою, отправить хотѣлъ на шибеницу, «отъ которой сей спасся однимъ побѣгомъ. И такъ «остается намъ изъ видимыхъ золъ, насъ обышед-

(*) Это ложь. Петръ ихъ подтвердилъ, какъ мы видѣли.

« шихъ, избрать меньшее, чтобы потомство наше, по-
« вергнутое въ рабство нашею неключимостію, жа-
« лобами и проклятіями, насъ необременило.

«Я онаго не имѣю и имѣть, конечно, не могу; слѣ-
« довательно безпричастенъ есмь въ интересахъ на-
« слѣдія; и ничего не ищу, кромѣ благоденствія всему
« народу, который почтилъ меня настоящимъ до-
« стоинствомъ и съ нимъ ввѣрилъ мнѣ судьбу свою.
« Окаяненъ былъ-бы я и крайне безсовѣстенъ, когда-
« бы воздалъ вамъ злое за благое и предалъ васъ за
« свои интересы. Но время открыть вамъ, что я из-
« бралъ для народа сего и самихъ васъ. Долголѣт-
« нее искуство мое въ дѣлахъ политическихъ и въ
« званіи интересовъ народныхъ открыло мнѣ глаза
« о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ министерскихъ, и
« сколько они приближены стали къ нашему отече-
« ству. Первымъ искуствомъ почитается, въ таковыхъ
« случаяхъ, тайна, не проницаемая ни отъ кого до
« самаго событія; я ее ввѣрилъ одному себѣ и она
« меня предъ вами извиняетъ собственною своею
« важностію; видѣлся я съ обоими воюющими Коро-
« лями: Шведскимъ и Польскимъ, и все искуство
« употребилъ предъ ними, чтобъ убѣдить перваго о
« покровительствѣ и пощадѣ нашего отечества отъ
« воинскихъ поисковъ и раззореній въ будущее на
« нее нашествіе; а въ-разсужденіи Великороссіи,
« намъ единовѣрной и единоплеменной, испросилъ
« для того неутралитетъ, то есть—не должны мы
« воевать ни съ Шведами, ни съ Поляками, ни съ
« Великороссіянами; а должны, собравшись съ силами,
« въ приличныхъ мѣстахъ, защищать собственное
« отечество свое, отражая того, кто нападетъ на него

« войною, о чемъ немедленно мы должны объявить « Государю; *а Бояре его, не зараженные еще Нѣмецчиною и помнящіе невинно пролитую кровь « ихъ родственниковъ обо всемъ томъ извѣстны и « со мною согласны.* Для всѣхъ-же воюющихъ войскъ « выставлять мы повинны за плату провіантъ и фуражъ, число возможное безъ собственнаго оскудѣнія нашего; а при будущемъ общемъ мирѣ всѣхъ « воюющихъ державъ, положено поставить страну « нашу въ то состояніе, въ какомъ она была прежде « владѣнія Польскаго при своихъ природныхъ Князьяхъ и при всѣхъ прежнихъ правахъ и преимуществахъ, вольную націю значущихъ. Споручительствовать за-то взялись первѣйшія въ Европіи націи: « Франція и Германія; и сія послѣдняя сильнымъ « образомъ настаивала о таковомъ положеніи нашемъ « еще во дни Гетмана Зиновія Хмѣльницкаго при « Императорѣ ея Фердинандѣ III; но не собылось « оно по междоусобію и необдуманности предковъ « нашихъ. Договоры наши о вышесказанномъ заключены мною съ Королемъ Шведскимъ письменнымъ « актомъ, подписаннымъ съ обѣихъ сторонъ и объявленнымъ въ означенныя державы. И мы теперь « почитать должны Шведовъ своими пріятелями, союзниками, благодѣтелями, какъ-бы отъ Бога ниспосланными для освобожденія насъ отъ рабства и « презрѣнія, для возстановленія въ первую степень « свободы и самодержавства. Ибо извѣстно, что прежде были мы то, что теперь Московцы: правительство, первенство и самое названіе Руси отъ насъ « къ нимъ перешли; но мы теперь у нихъ, какъ « притча во языцѣхъ. Договоры сіи съ Швеціею не

« суть новые и первые еще съ нею, но суть они
« подтвердительные или возобновительные прежнихъ
« договоровъ и союзовъ, предками нашими съ Ко-
« ролями Шведскими заключенныхъ. Ибо извѣстно,
« что дѣдъ и отецъ нынѣшняго Короля Шведскаго
« имѣли важныя услуги отъ войскъ нашихъ, въ вой-
« нѣ ихъ съ Ливонцами, Германцами и Даніею; га-
« рантировали страну нашу и часто за нее вступа-
« лись противъ Поляковъ, потому и отъ Гетмана
« Хмѣльницкаго, за соединеніемъ уже съ Россіею,
« посланъ былъ сильный корпусъ козацкій, при На-
« казномъ Гетманѣ Адамовичѣ, въ помощь Королю
« Шведскому и содѣйствовалъ ему при взятіи обѣ-
« ихъ столицъ Польскихъ—Варшавы и Кракова. И
« такъ нынѣшніе договоры наши со Швеціею суть толь-
« ко продолженіе прежнихъ, во всѣхъ народахъ
« употребительныхъ. Да что за народъ, когда о
« своей пользѣ не радитъ и видимой опасности
« не упреждаетъ? Такой народъ неключимостію
« своею уподобляется по-истинѣ безчувственнымъ
« тварямъ, отъ всѣхъ народовъ презираемымъ.

Такова была рѣчь Гетмана, сбереженная для насъ Архіепископомъ Конисскимъ, рѣчь, не имѣющая ни достоинства коварныхъ писемъ къ Петру и къ его Министрамъ, ни прелести универсала Бѣлоцерковскаго,—рѣчь, исполненная лжи и дерзости.

Когда Хмѣльницкій читалъ рѣчь къ народу, при началѣ возстанія на Поляковъ, и когда онъ издалъ свой знаменитый универсалъ,—тогда, прямодушно, не скрывая передъ народомъ истины, не льстя, но, какъ герой, говорилъ онъ съ Украйною. Когда предложилъ онъ Малороссіянамъ поступить въ по-

кровительство Царя Алексія, и попъ Гурскій шутовскимъ уподобленіемъ отклонилъ народъ отъ этого покровительства,—Хмѣльницкій не прекословилъ народу, его избравшему. Онъ зналъ, что, не будучи Гетманомъ «*Божіею милостію*», обязанъ онъ повиноваться общей волѣ войска, штяхетства и посполитства. Онъ признавалъ высшую силу надъ собою — власть народа.

Здѣсь все было на-изворотъ. Кто далъ право Мазепѣ, не спрося воли войска и народа, привести полки подъ пули Шведскія и здѣсь, въ-виду штыковъ, объявлять, что онъ отлагается отъ Россіи? Горсть храбрыхъ козаковъ не могла вступить въ борьбу съ многочисленными врагами; поставленная подъ огонь, она, волею, неволею, должна была согласиться съ Гетманомъ; въ противномъ случаѣ ему не трудно было употребить мѣры насильственныя. Мы уже не говоримъ о томъ, что онъ и на Гетманство вступилъ не по народному призванію, а по интригамъ Софіи и Голицына, съ помощію неблагодарности, козней, клеветы. Тварь Голицына, подкупитель Шафирова и Головкина, лицемѣръ передъ Петромъ, ханжа передъ Богомъ, развратитель невинности, завистникъ Палія, губитель Самуйловича, убійца Искры и Кочубея, нынѣ онъ сталъ предателемъ Украйны и лжецомъ предъ отчизною.

Я далъ замѣтить читателямъ поступокъ его съ войскомъ, приведеннымъ подъ Шведскіе выстрѣлы; теперь разсмотримъ его рѣчь.

Онъ говоритъ о побѣдоносности Карла тогда, когда Лифляндія уже завоевана Петромъ, когда битвы при Напѣ и у Лѣсной уже увѣнчали побѣдами

Русскихъ. Грозитъ, что Карлъ, побѣдивъ Петра, отдастъ Полякамъ Украйну, а самъ-же имъ отдаетъ ее за удѣльное Княжество Полоцкое и Витебское. Жалуется, что Петръ караетъ народъ по произволенію, когда никто изъ Малороссіянъ не былъ казненъ иначе, какъ по волѣ Гетманской и по клеветамъ его. Говоритъ, что Петръ не подтвердилъ правъ народныхъ, когда онъ безъ его просьбы давно уже ихъ подтвердилъ. Увѣряетъ, что скрылъ подъ завѣсою непроницаемою свои намѣренія, тогда, когда Кочубей и Искра были судимы за доносъ, когда вся Малороссія знала его мысли, когда онъ только довѣрчивости и благородству Петра обязанъ былъ въ томъ, что его не подозрѣвали въ посягательствѣ на жизнь Царскую, и когда отъ улики его избавили рабы, измѣнившіе Петру, Судьи подкупленные: Шафировъ и Головкинъ. Онъ говоритъ о неутралитетѣ, а неутралитетъ не существовалъ: Украйна должна была по условіямъ съ Карломъ продовольствовать Шведовъ. Онъ говоритъ о поручительствѣ Франціи и Германіи, съ которыми не видимъ мы, чтобъ онъ былъ въ сношеніяхъ. Короче, вся эта рѣчь, лишенная силы и краткости, есть сборъ коварства и лжи. И потому-то она не подѣйствовала на войско. « По выслушаніи оной, — говоритъ лѣтопись, — иные заключили яко ко благу есть, другіе якò ко вреду.... А҆ чтобы отстать отъ Царя и царства Христіанскаго.... о томъ и слышать не хотѣли. И наконецъ, собравшись всѣ чины и козаки по своимъ полкамъ, поднялись одного утра до-разсвѣта изъ лагеря своего, оставивъ въ немъ Гетмана, съ двумя полками Компанейскими,

и Старшинъ Генеральныхъ, со многими чиновниками, къ полкамъ не принадлежащими, кои какъ-бы были подъ стражею Компанейцевъ. Намѣреніе сихъ чиновъ и козаковъ состояло въ томъ, чтобъ соединиться имъ съ войсками Великороссійскими и донесть Государю о произходившемъ съ Гетманомъ, и что они въ замыслахъ его не участвуютъ и весьма онымъ противятся.»

Мазепа привелъ Карлу отъ четырехъ до пяти тысячь козаковъ,—только полторы тысячи съ нимъ согласились. До двадцать девятаго Октября продолжались переговоры о свиданіи его съ Королемъ; въ это время онъ заставилъ Старшинъ присягнуть въ вѣрности; а двадцать девятаго явился къ Королю съ Генеральными: Обознымъ, Судьей, Писаремъ, Асаулами и нѣсколькими Полковниками. Передъ нимъ несли бунчукъ и булаву. Онъ произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ, просилъ Короля принять козаковъ подъ защиту и благодарилъ Бога за рѣшимость Короля освободить Украйну отъ ига Московскаго. Поцѣловавъ руку Короля, онъ сѣлъ, страдая подагрою. Король стоялъ и продолжалъ разговаривать Умъ и искуство рѣчей его были плѣнительны; до полудня толковали они, при Графѣ Пиперѣ, о важныхъ дѣлахъ и потомъ, при знатнѣйшихъ козакахъ, о дѣлахъ постороннихъ. Мазепа, Карлъ и Старшина Генеральная обѣдали за однимъ столомъ; за двумя другими обѣдали урядники; простыхъ козаковъ угощали Пиперъ и Рейншильдъ. Послѣ стола Король ушелъ въ свою комнату. Гетманъ принесъ туда бунчукъ, показалъ его Королю, положилъ къ его ногамъ, и уѣхалъ къ себѣ на квар-

тиру; когда онъ сѣлъ на коня, заиграли на трубахъ и его свита проводила его до мѣста. Такъ описываетъ очевидецъ произшествія, Адлерфельдъ.

Вечеромъ двадцать седьмаго числа Меньшиковъ увѣдомилъ Петра о поступкѣ Гетмана; Государь узналъ о немъ въ Погребкахъ. Его Министры получили немедленно отъ него самого всѣ свѣдѣнія; манифесты и прокламаціи загремѣли по Украйнѣ.

« Хотя противно совѣсти моей, чтобъ на добрыя Отъ Окт. 30.
отъ васъ вѣсти отвѣчать вамъ не добрыми, но необходимость меня заставляетъ,—писалъ Государь къ Апраксину,—объявить, что учинилъ новой Іуда Мазепа. Двадцать одинъ годъ бывъ вѣрнымъ Мнѣ, нынѣ, при гробѣ, сталъ онъ измѣнникомъ и предателемъ своего народа. Однако-жъ Богъ правосуденъ, Который такимъ злодѣямъ никогда не допускаетъ исполнить намѣренія. Онъ перебѣжалъ къ Шведамъ, сказавъ Старшинѣ и Козакамъ, которыхъ только двѣ тысячи, что мой указъ идти за Десну; такимъ образомъ завелъ ихъ за Десну, пришелъ къ Шведамъ, сталъ фрунтомъ къ бою. Когда-же Шведы подошли, онъ, обратясь къ козакамъ объявилъ имъ, что не для битвы, а подъ протекцію ихъ привелъ; тогда Шведы окружили козаковъ и взяли ихъ подъ честной караулъ. Здѣшній народъ, услышавъ о томъ, жалуется и неописанно противъ него злобствуетъ; тѣмъ болѣе, что жизнь его, какъ мы слышимъ, была безбожническая. И такъ надѣюсь на Бога, что зло падетъ болѣе на него, нежели на того, кому онъ его готовилъ, *чему пособитъ и кровь Самуйловича,*» — и проч.

Подобное этому письму получилъ и Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

А между тѣмъ Украйна читала грамоту, писанную отъ двадцать восьмаго; въ ней Петръ объявлялъ народу, что Гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, перебѣжалъ къ Королю Шведскому; постановилъ въ договорѣ съ Лещинскимъ отдать народъ подъ власть Польскую и церкви православныя въ Унію; а потому, чтобъ немедленно вся Старшина съѣзжалась въ Глуховъ для избранія, по правамъ своимъ, вольными голосами, новаго Гетмана. — « При семъ-же объявляемъ, — заключилъ Государь свой Манифестъ, — извѣстно Намъ учинилось, что бывшій Гетманъ, хитростію, аренды и многіе другіе поборы наложилъ на народъ Малороссійскій, будто на плату войску, а въ самомъ дѣлѣ для своего обогащенія. Эти тягости повелѣваемъ Мы нынѣ сложить съ народа Малороссійскаго.» Описывая подробности предательства съ тѣмъ-же повелѣніемъ на-счетъ съѣзда на Раду въ Глуховъ и на-счетъ избранія новаго Гетмана, Государь издалъ Грамоты: одну на Кошъ, Костю Гордѣенку; другую Старшинамъ и посполитству города Почепа; Меньшикову приказано было взять Батуринъ.

Петръ не былъ медлителенъ. Ноября 2-го, изъ Глуховскаго Воронежа, писалъ онъ къ Григорію Ѳедоровичу Долгорукову, что Батуринъ приступомъ взятъ, что Аридрихъ и Чечель приведены живы « *и сказываютъ, что и Войнаровскій тутъ.*» Отъ седьмаго увѣдомляетъ уже Князя Василія Владиміровича Долгорукаго, Толстаго и Апраксина объ избраніи въ Гетманы Ивана Ильича Скоропадскаго.

Разскажемъ подробности этихъ произшествій со словъ лѣтописей.

Въ Батуринъ, какъ мы видѣли, свезены были снаряды, артиллерія, фуражъ и провіантъ. Городъ былъ укрѣпленъ, и былъ-бы укрѣпленъ еще сильнѣе, еслибъ всегда, когда Мазепа принимался за это дѣло, Царскіе полномочные не отклоняли его, увѣряя, что Государь силенъ оборонить городъ и безъ укрѣпленій. Полковникъ Чечель и Прусскій уроженецъ, Асаулъ Кенигсекъ были надъ гарнизономъ и въ городѣ начальниками. Они поджидали Шведовъ, Меньшиковъ убѣждалъ ихъ къ сдачѣ. Они объявили, что станутъ защищаться. Маркевичъ и Голицынъ поѣхали для переговоровъ и чуть не были убиты Сердюками. Начался приступъ. Осаждающіе нѣсколько разъ были отбиваемы отъ городскихъ валовъ. Рвы наполнились трупами; битва продолжалась повсемѣстная. Темная ночь развела враговъ; Меньшиковъ отступилъ отъ города и перешелъ за Семь, для похода обратнаго. Но въ городѣ были многіе несогласны съ Мазепою, въ томъ числѣ и Полковникъ Прилуцкій Носъ. Хотя онъ былъ подъ надзоромъ Сердюковъ, однако-жь нашелъ средство одного изъ Старшинъ своихъ, Соломаху, послать къ Меньшикову. Соломаха сказалъ Князю, что должно напасть на городъ, предъ разсвѣтомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ закованный Полковникъ будетъ на пушкѣ сидѣть, и гдѣ козаки, преданные Петру, лягутъ на валы ницъ. Сердюки, отбившіеся наканунѣ, праздновали всю ночь побѣду свою, перепились и переснули. На разсвѣтѣ Меньшиковъ былъ уже въ городѣ; Сердюки были частью вырѣзаны, частью

связаны въ одну толпу веревками. Мстя за вчерашнее, Меньшиковъ поручилъ палачамъ казнить ихъ разнообразными казнями; войско, вездѣ и всегда готовое къ грабежу, разсѣялось по домамъ обывательскимъ, и, не разбирая невинныхъ отъ виновныхъ, истребило мирныхъ гражданъ, не пощадило ни женъ, ни дѣтей. «Самая обыкновенная смерть «была живыхъ четвертовать, колесовать и на колъ «сажать; а дальше выдумываны были новые роды «мученій, самое воображеніе въ ужасъ приводящіе.» Такъ объясняется нашъ лѣтописецъ; кончилось тѣмъ, что весь городъ, всѣ публичныя зданія, храмы, присудственныя мѣста, архивы, арсеналы, магазины были зажжены со всѣхъ сторонъ; тѣла избіенныхъ были брошены по площадямъ и по улицамъ; спѣша отступленіемъ, Меньшиковъ покинулъ ихъ для псовъ и для птицъ,— «и не бѣ погребаяй.» Обремененный безчисленными богатствами, сокровищами народными и городскими, взявъ въ Батуринѣ триста пятнадцать пушекъ, Полководецъ выступилъ изъ развалинъ. Вездѣ на пути онъ обращалъ селы въ пустыни и «Малороссія долго курилась послѣ пожиравшаго ее «пламени.» Петръ не могъ ускромить свои войска; онъ даже не зналъ о происходящемъ. А народъ увѣренъ былъ, что то постигла его кара Божія за продажу не-христямъ молока и мяса по середамъ и по пятницамъ.

Мазепа приготовилъ Новгородъ - Сѣверскій къ пріему Карла XII. Городъ былъ сильно укрѣпленъ; въ замкѣ были богатые магазейны. Тамъ стояли: одинъ Сердюцкій полкъ и двѣ сотни Регистровыхъ: Новгородская и Топальская, подъ командою

Сотника Лукьяна Жоравки. Регистровые всегда ненавидѣли Сердюковъ. Царь приближался; ужь онъ стоялъ надъ Десной, въ Погребкахъ, въ домѣ козака Малчича; Жоравка, согласясь съ Новгородскимъ протопопомъ Лисовскимъ и съ козацкими Старшинами, послалъ къ Государю Хоружаго Худорбая, съ извѣстіемъ, что можетъ сдать городъ, если будутъ присланы войска съ Луговой стороны ночью. Государь отправилъ значительный отрядъ, Жоравка провелъ его и вступилъ въ Водныя ворота, что между Кляшторомъ и зàмкомъ. Сердюки были истреблены, городъ занятъ. Посѣтивъ городъ черезъ двадцать четыре часа и помѣстясь въ домѣ Жоравки, Государь, на страхъ другимъ, предалъ суду нѣсколько десятковъ гражданъ за пріемъ Сердюковъ. Но Шереметевъ отвратилъ отъ нихъ гибель, и вотъ слова его къ Царю:

«Когда, зная болѣе Мазепу, чѣмъ сей народъ зналъ его, Ваше Величество могли въ немъ обмануться, дѣлая ему довѣренность почти неограниченную, то какъ-же въ немъ не обмануться было народу, удаленному отъ всѣхъ дѣлъ политическихъ и министерскихъ. Притомъ-же Мазепа былъ верховный ихъ глава, не отдававшій имъ отчета въ своемъ поведеніи.»

Всегда готовый слушать истину и приверженный къ добру, Петръ внялъ боярской рѣчи. Сотникъ Жоравка пожалованъ Полковникомъ Стародубскимъ; а протопопъ Лисовскій Сотникомъ Новогородскимъ; и новый Сотникъ «по воскресеньямъ служилъ въ «церкви, въ епатрахилѣ; а въ будни засѣдалъ въ «Сотенномъ правленіи, при саблѣ, съ бородой, судя

«и благословляя тяжущихся.» Случай мелочной, но народъ, видя Протоіерея Сотникомъ, говорилъ: то за вѣрность Царю! И дивился величію и власти Государя. Все это сильно дѣйствовало на умы тогдашніе.

Карлъ XII-й строго запретилъ войскамъ своимъ не только грабежъ, насиліе, но даже требованія безденежныя. Шведы проходили селенія, какъ путешественники. Они не говорили: «я солдатъ Короля, «я служу Королю,—куры и гуси, молодцы и кра-«савицы, все мое по волѣ Короля и по приказу «Капитанскому!» Это слова лѣтописи. Каждый Шведъ волею или неволею произносилъ по-Русски: *мы ваши, а вы наши.* Но народъ былъ преданъ Петру; устрашенный католичествомъ Поляковъ и бусурманствомъ Шведовъ, онъ истреблялъ ихъ вездѣ, гдѣ могъ, и представлялъ Боярамъ плѣнниковъ, сперва за рубли, потомъ за чарку водки и за привѣтъ: «спасибо хахлёнокъ!»

Карлъ издалъ манифестъ.

«Преслѣдуя злобнаго врага моего, воздвигнувшаго на Швецію войну со всѣхъ сторонъ, безъ всякихъ причинъ, а по одной только злобѣ и по тщеславію, я пришелъ въ землю козацкую, не ради завоеванія ее или корысти, но единственно для возстановленія правъ ихъ и свободъ, за которые и предки мои, Короли Шведскіе, противъ Польши всегда вступались и къ тому обязаны были важными ихъ заслугами козацкими и союзными съ ними договорами и трактатами. Ибо мнѣ извѣстно, по сосѣднимъ слухамъ и протесту Гетмана Мазепы, что Царь Московскій, бывши врагъ непримиримый

всѣхъ народовъ на свѣтѣ, и жадничая покорять ихъ своему игу (*), повергши и сихъ козаковъ въ свое рабство, презирая, отнимая и кассуя всѣ ихъ права и свободы договорами и трактатами утвержденныя, забывъ притомъ и безстыдно презрѣвъ самую благодарность, всѣми народами за святость чтимую, которою одолжена симъ козакамъ и сему народу Русскому сія Московія, доведенная междоусобіями и самозванцами до ничтожества и почти до небытія, но симъ народомъ удержана и усилена. Ибо извѣстно всему свѣту, что народъ Русскій, съ своими козаками, бывъ сначала народъ самостоятельный, отъ самого себя зависѣвшій, подъ правленіемъ Князей своихъ соединился съ Литвою и Польшею, для сопротивленія противъ Татаръ, ихъ разорявшихъ; но послѣ, за насиліе и неистовство Поляковъ, освободившись отъ нихъ собственною своею силою и храбростію, соединился съ Московіею добровольно, по единому единовѣрству, и сдѣлалъ ее такою, какова она теперь есть. Но отъ нее попираемъ и озлобляемъ нынѣ безстыдно и безсовѣстно. И такъ я обѣщаю и предъ цѣлымъ свѣтомъ торжественно клянусь моею честію Королевскою, по низложеніи непріятеля моего, возстановить землю козацкую или Русскую въ первобытное ее состояніе самостоятельное, ни отъ кого въ свѣтѣ не зависящее; о чемъ я

(*) И это слова человѣка, который прислалъ въ свой Сенатъ сапогъ вмѣсто Сенатора, который порвалъ платье Визирю шпорою, и объ комъ? О томъ, кто извѣстно за чѣмъ странствовалъ по Европѣ, и кто говорилъ: «жаль мнѣ брата моего Карла, но я ему не Дарій!»

съ Гетманомъ Мазепою письменными актами обязался и утвердилъ, а гарантировали наши уловія первыя въ свѣтѣ державы.»

Это ясно, что Мазепа говорилъ устами Королевскими; но въ то-же время раздавалось въ Украйнѣ слово Петра и участь Мазепы была рѣшена. Вдругъ, къ его неудачамъ, пронесся слухъ, что онъ ругается надъ образами, вмѣстѣ съ Шведами топчетъ чудотворный образъ Богородицы въ селѣ Дегтяревкѣ, что этотъ образъ испускаетъ жалобный стонъ, а онъ, стоя на немъ, отрекается отъ православія и присягаетъ на вѣру Шведскую. Начали спорить: иные, что это случилось съ иконою Каплуновскою, другіе, что съ Балыкинскою, никто не спорилъ только о томъ, было-ли это или не было; но Шведы стали изчезать.

А между тѣмъ Рада собралась въ Глуховѣ. Ноября третьяго прибылъ туда съ Бѣлозерскимъ Драгунскимъ полкомъ Ближній Стольникъ, Намѣстникъ Ростовскій, Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій; потомъ явились Полковники: Стародубскій Иванъ Ильичъ Скоропадскій, Черниговскій Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ, Переяславльскій Степанъ Томара и Наказный Нѣжинскій Лукьянъ Яковлевичъ Жураковскій. Шестаго Ноября пріѣхалъ въ Глуховъ самъ Государь и велѣлъ приступить къ избранію. Литургія совершалась въ Троицкомъ Соборѣ; молебенъ пѣли въ присутствіи Полковниковъ, Старшинъ и козаковъ. Потомъ Долгорукій произнесъ къ народу рѣчь на площади; Посольскаго приказа Дьякъ Михайло Родостановъ, сталъ на столъ и прочиталъ Государеву грамоту, подтверждающую

права народныя. «А Мы, Великій Государь,»—такъ сказано было въ Манифестѣ, данномъ Ноября 1-го изъ обоза при Деснѣ, — «Мы обѣщаемъ вамъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Гетману, Полковникамъ, Асауламъ, Сотникамъ, Генеральной и Полковой Старшинѣ и всему войску всѣ вольности, права и привилегіи, которыя вы имѣли за отца Нашего, — свято, ненарушимо и цѣло содержать.» Грамота, прочитанная Родостановымъ, была слѣдствіемъ Манифеста.

Тогда, по древнимъ обычаямъ, приступили къ избранію. Государь сказалъ о Полуботкѣ, что онъ слишкомъ хитеръ и можетъ сравниться съ Мазепою; зная Царскія слова, чины и народъ назвали Ивана Ильича Скоропадскаго. Скоропадскій отказывался и совѣтывалъ Полуботка; нѣсколько голосовъ назвали послѣдняго; но принуждены были уступить большинству тѣхъ, которые вторично провозгласили Скоропадскаго. По обычаю, этотъ назвалъ себя «недостойнымъ уряда,» — потому-же обычаю избиратели трижды провозглашали его достойнымъ; Долгорукій подалъ ему клейноды и поѣхалъ въ домъ Меньшикова; новый Гетманъ былъ представленъ Царю. Отъ Долгорукаго было прислано къ Скоропадскому: бочка рейнскаго вина, пять бочекъ меду, десять пива; Гетманъ далъ обѣдъ, и пальба изъ орудій весь день не умолкала.

Данило Апостолъ, Иванъ Сулима, Дмитрій Горленко, Иванъ Максимовичъ, Михайло Ломиковскій, Гамалѣя, Кандыба, Бутовичъ и Антоновичъ явились къ Государю съ изъявленіемъ вѣрности. Жители Новагорода-Сѣверскаго, Миргородскіе, Прилуцкіе,

Варвинскіе, Сребрянскіе, Лубенскіе, Лохвицкіе прислали письменное увѣреніе въ послушаніи и подданствѣ. Но такой переворотъ не могъ быть безъ несчастій. Меньшиковъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ гибели многихъ вѣрныхъ Украинцевъ.

Подозрѣваемые въ усердіи къ Мазепѣ, всѣ неявившіеся на Глуховскую Раду были истребованы въ Лебединъ—пытка и казнь была ихъ участью. Вотъ описаніе произшествія, заимствованное отъ слова до слова у Архіепископа Конисскаго:

Бант.-Кам. III прим. 142. «Казнь сія была обыкновенная Меньшикова ремесла: колесовать, на колъ сажать; а самая легчайшая, почитавшаяся за игрушку, вѣшать и головы рубить. Вины ихъ изыскивались отъ признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило препохвальное тогда таинство — пытка, которой догматъ и понынѣ извѣстенъ изъ сей пословицы Русской: кнутъ не ангелъ, души не выиетъ, а правду скажетъ; и которая производима была со всею аккуратностію и по указанію Соборнаго Уложенія, сирѣчь: степенями и по порядку — батожьемъ, кнутомъ и шиною, то есть разженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостію и медленностію по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, сваривались и воздымались. Прошедшій одно испытаніе, поступалъ во второе; а кто всѣхъ ихъ не выдержалъ, таковый почитался, за вѣрное, виновнымъ и веденъ на казнь. Пострадало такимъ образомъ, не превозмогшихъ пытки, до девяти-сотъ человѣкъ; число сіе, быть можетъ, увеличено; но, судя по кладбищу, отлученному отъ Христіанскаго и извѣстному подъ названіемъ *Гетманцовъ*,

« должно заключать, что зарыто ихъ здѣсь очень не
« мало. И ежели въ человѣчествѣ славится тотъ вели-
« кодушіемъ, кто презираетъ ужасы и опасности, то
« уже нѣтъ для тѣхъ и титуловъ, кои были орудіями
« и участниками Лебединскихъ звѣрскихъ лютостей,
« ужасающихъ самое воображеніе человѣческое. Остает-
« ся теперь размыслить и посудить, что если, по сло-
« вамъ Самого Спасителя, въ Евангеліи описаннымъ, —
« которыя суть непреложны и не мимо идутъ, — еже-
« ли всякая кровь, проливаемая на землѣ, взыщется
« отъ рода сего, — то какое взысканіе предлежитъ
« за кровь народа Русскаго, пролитую отъ крови
« Гетмана Наливайка, и пролитую потоками за то
« единственно, что онъ искалъ лучшей жизни въ
« собственной землѣ своей и имѣлъ о томъ замыслы,
« всему человѣчеству свойственные. »

Кровь эта взыскана была не на поколѣніи Меньшикова, но на немъ самомъ. Слова Спасителя непреложны и не мимо идутъ. Человѣкъ составленъ изъ двухъ началъ — изъ тѣла и души. Скорби его бываютъ тѣлесныя и душевныя. И Богъ знаетъ, какія нестерпимѣе. По крайней мѣрѣ послѣднія продолжительнѣе. И что ужаснѣе могло быть, какъ Свѣтлѣйшему Князю Римской Имперіи, Князю Ижерскому, нареченному тестю Императора, всемогущему Меньшикову лишиться силы, богатства, быть изгнанникомъ, видѣть жену ослѣпшую отъ слезъ, рыть для нее собственными руками могилу въ Сибирскихъ тундрахъ, увидѣть одну дочь свою ключницей, другую прачкою, себя плотникомъ, — и окончить жизнь подъ-шесть-десятъ третьимъ градусомъ сѣверной широты, на пустынныхъ берегахъ

Сосвы? Богъ знаетъ, кто страдалъ болѣе, — страдальцы-ли Лебединскіе, мученики одного дня, или Березовскій ссыльный, скорбными годами искупившій свое Лебединское злодѣяніе. Но кровь за кровь была взыскана!

Ноября шестаго прибылъ въ Глуховъ Черниговскій Архіепископъ Максимовичъ и привелъ къ присягѣ Полковниковъ, Старшинъ и козаковъ. Одиннадцатаго пріѣхали туда-же Епископъ Переяславльскій Захарій Корниловичъ и Кіевскій Митрополитъ Іосафатъ Кроковскій. На другой день Государь со свитою былъ у обѣдни, въ соборѣ Троицкомъ. И въ тотъ-же день въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ и во всей Россіи загремѣла надъ старымъ Гетманомъ анаѳема.

По этому случаю вездѣ собиралось первѣйшее духовенство. Митрополитъ Стефанъ Рязанскій и Муромскій, окруженный Митрополитами: Крутицкимъ, Суздальскимъ, Нижегородскимъ, Архіепископами: Коломенскимъ и Тверскимъ, прочиталъ гражданамъ Москвы всю повѣсть измѣны; «Мы, собран-«ныи во имя Господа Іисуса Христа»—такъ заключилъ онъ эту рѣчь,—«и имѣющіе, подобно Святымъ «Апостоламъ, отъ Самаго Бога власть вязати и рѣ-«шити,—аще кого свяжемъ на земли, связанъ будетъ «и на небеси,—возгласимъ: измѣнникъ Мазепа, «за клятвопреступленіе и за измѣну къ Великому «Государю, буди анаѳема!»

То-же совершалось и въ Глуховѣ. Вотъ слова лѣтописей:

Бант.-Кам. III, пр. 131.— Конисскій. «По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія Гетманскаго открылось тамъ-же въ

Глуховѣ новое явленіе, дотолѣ въ Малороссіи не бывалое, явленіе страшное, названое *сопутницею Мазепѣ во адъ*. Многочисленное духовенство Малороссійское и, ближайшее къ границамъ, Великороссійское, нарочито собранное въ Глуховъ подъ начальствомъ и инспекторствомъ извѣстнаго Ѳеофана Прокоповича, составило изъ себя, Ноября девятаго, соборъ, и положило предать Мазепу проклятію.»

Чучела Мазепы висѣла до того времени на висѣлицѣ, во всѣхъ орденахъ и въ полномъ Гетманскомъ облаченіи; палачъ стянулъ ее и на веревкѣ втащилъ въ Соборъ. На площадяхъ казнили, дѣйствительно, Чечеля и другихъ единомышленниковъ Мазепы, взятыхъ въ Батуринѣ. Въ Соборѣ читали чучелѣ приговоръ. Меньшиковъ и Головкинъ разодрали жалованныя Мазепѣ грамоты, сорвали съ чучелы Андреевскій орденъ, кинули ее палачу и велѣли топтать зрителямъ.

Духовенство и клирики, въ черномъ облаченіи, со свѣчами изъ чернаго воску, читали надъ нею псалмы, и, провозглашая проклятіе, обращали на нее горящія свѣчи; каждый разъ клирики повторяли проклятіе и стряхивали нагорѣвшій воскъ. Ѳеофанъ жезломъ Архіепископскимъ ударивъ ее въ грудь, возопилъ: «анаѳема!»—И палачъ потащилъ ее по площадямъ и по улицамъ къ висѣлицѣ.

За палачемъ шли клирики и пѣли стихъ церковный: «Днесь Іуда оставляетъ Учителя.»—А подъ висѣлицею чучелу сожгли.

ГЛАВА XLVIII.

Родъ и мѣсто рожденія Мазепы. Мнѣнія Историковъ. Предокъ его. Вѣра его. Мать. Сестра. Годъ рожденія. Дѣтство. Воспитаніе. Молодость. Таланты. Первая Любовь. Пріѣздъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Служба при Дорошенкѣ. Жена его и дѣти. Въ Посольствахъ. Въ плѣну. Спасенъ Самуйловичемъ. Учителемъ дѣтей Гетманскихъ. Повышеніе въ чинахъ. Поѣздки въ Москву. Знакомства тамошнія. Гибель Самуйловича. Голицынъ. Взятки. Гетманство его. Злодѣянія и добрыя дѣла. Милости Царскія. Доходы, богатства и капиталы Мазепы. Подарки отъ Петра. Провизія. Почести. Измѣна. Характеръ и умъ. Мнѣніе объ немъ Өеофана. Мазепа поэтъ. Неудача его. Не-любовь къ нему народная. Оставленъ Старшинами и войскомъ. Галаганъ. Палій. Сокровища Мазепы взяты Козаками и Русскими. Трощинскій. Чарнышъ. Воззванія Карла и Петра. Ожесточеніе противъ Шведовъ. Бунтъ Запорожья. Битвы частныя. Битва Полтавская. Награды Малороссіянамъ. Гибель Мазепиныхъ друзей. Бѣгство Карла и Мазепы. Смерть его. Варница. Погребеніе. Предсмертныя слова.

Взглянемъ теперь на родство и молодость, на богатство, нравъ и наружность этого человѣка, подвиги котораго на поприщѣ политическомъ мы только-что видѣли. Будемъ слѣдить его въ жизни домашней; изъ села Мазепинецъ, отъ колыбели, проведемъ его въ Бендеры, до могилы. И тогда намъ только останется сказать, какъ тихо и мирно Гетманщина отдала булаву въ руки, привыкшія къ

скипетру; какъ она съ Царствомъ составила Имперію.

Мазепа родился въ селѣ Мазепинцахъ, округа Бѣлоцерковскаго. Вольтеръ, Леклеркъ, Голиковъ, Лесюръ и Симоновскій считаютъ его Полякомъ, родомъ изъ Литвы; Ѳеофанъ Прокоповичъ и Гордонъ—Малороссіяниномъ. Мы признаемъ предковъ его Малороссіянами, его—Полякомъ. Фамилія—издревле Малороссійская, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; Полковый Судья Ѳедоръ Мазепа, можетъ быть предокъ его, былъ сподвижникомъ Наливайка, мученикомъ за Православіе, сожженнымъ въ мѣдномъ быкѣ. А онъ могъ отложиться отъ вѣры отцовъ, какъ не многіе тогдашніе наши соотечественники въ Украйнѣ западной. Воспитанникъ Іезуитовъ, слуга Яна Казиміра, Польскій шляхтичъ, трудно повѣрить, чтобъ онъ не принялъ папизма. Если его матѣ Марія была игуменьей Грекороссійскаго монастыря, то это еще не доказываетъ, чтобъ онъ ее былъ единовѣрецъ; родная сестра его носила имъ Янели; такого имени у Русскихъ нѣтъ; она жила въ Польшѣ; онъ вызвалъ се и выдалъ за Мировича.

Мазепа родился въ 1644 году. Янъ Казиміръ принялъ его въ Пажи; ребенокъ успѣвалъ въ наукахъ, языкахъ, танцованьи, фехтованьи, верховой ѣздѣ. Іезуиты довершили начатое. Король и магнаты примѣтили въ молодомъ человѣкѣ глубокія свѣдѣнія въ языкѣ Латинскомъ, увлекательный даръ слова и необыкновенное искуство владѣть перомъ.

Время дѣтства едва миновалось—и онъ влюбился въ жену или дочь какого-то магната. Большинство голосовъ говоритъ, что въ дочь. Онъ вкрался въ ми-

лость отца, увезъ дѣвицу, былъ пойманъ и брошенъ въ погребъ. Старикъ придумалъ казнь: обольстителя раздѣли до-нага, высѣкли, облили дегтемъ, обсыпали пухомъ, привязали на спину дикому коню и пустили въ степь; это, вѣроятно, было надъ Днѣпромъ, или недалеко. Украинскій конь принесъ его на восточный берегъ, упалъ и издохъ.

Козаки нашли Мазепу полумертваго, избитаго, окровавленнаго; отвязали отъ коня, привели въ чувство и вылѣчили. «Онъ столь искусно притворился исповѣдующимъ вѣру ихъ, то есть православную Грековосточную, что почтенъ ими за ревностнаго послѣдователя и защитника оныя, а сіе пріобрѣло ему дружбу козаковъ.» Это было въ шестьдесятъ девятомъ или въ семидесятомъ году; Мазепѣ было около двадцати пяти лѣтъ.

Тогда онъ началъ службу въ Малороссіи, женился, имѣлъ дѣтей, вскорѣ лишился ихъ и жены, и послѣ семьдесять четвертаго года уже нигдѣ о нихъ не упоминается.

Сперва онъ былъ при Дорошенкѣ. Чигиринскій Гетманъ его полюбилъ, давалъ важныя порученія. Мы видѣли его въ Переяславлѣ, Посломъ къ Самуйловичу и къ Ромодановскому. Потомъ онъ былъ отправленъ въ Крымъ и въ Константинополь, и велъ въ подарокъ Хану отъ Дорошенка десять Татаръ и пятнадцать козаковъ Самуйловича.

Онъ везъ тогда нѣсколько важныхъ бумагъ; одну къ Хану Селимъ-Гирею, съ жалобой на двухъ Крымскихъ Султановъ, которые, во время приближенія къ Жаботину козацко-Русскихъ войскъ, отступили отъ Дорошенка; и съ просьбой о присылкѣ десяти-

тысячнаго отряда вспомогательнаго. Вторая бумага къ Визирю Турецкому содержала ту-же жалобу, ложное извѣстіе о разбитіи четырнадцати Полковниковъ Самуйловичевыхъ и двухъ тысячь Москалей, и просьбу о вспомогательномъ Турецкомъ войскѣ, «безъ котораго не только десять, но и двадцать «тысячь Татаръ ничего добраго не могутъ сдѣлать.» Въ третьей бумагѣ, адресованной къ Дорошенкову при Султанѣ Резиденту, Гаврилѣ Лисовскому, было повелѣніе ходатайствовать о скорѣйшемъ отъ Порты пособіи. Мазепа былъ уполномоченъ словесно переговорить о всѣхъ дѣлахъ съ Ханомъ, Визиремъ и Резидентомъ.

Но эта поѣздка была неудачна; ею кончилась служба Мазепы при Дорошенкѣ. Его схватилъ съ бумагами Кошевой Сирко и представилъ къ Самуйловичу; а Самуйловичъ отослалъ въ Москву. 1674. Іюня 11.
«И самого посланца Дорошенкова,—писалъ Гетманъ,— «къ Вашему Царскому Пресвѣтлому Величеству «посылаю, дабы онъ, какъ прежде бывшій надежный «его человѣкъ, донесъ, какимъ образомъ Король «Польскій, вмѣстѣ съ Султаномъ Турецкимъ и Крымскимъ Ханомъ, хотятъ возстать противъ Вашего «Царскаго Пресвѣтлаго Величества, которому по«сланцу изволь во всемъ дать вѣру, не полагаясь «совершенно на пріятство Ляцкое.»

Здѣсь Мазепа могъ-бы погибнуть, но убѣдительная просьба Самуйловича—не ссылать его ни въ какую ссылку и отпустить въ Украйну, избавила его отъ Сибири, а можетъ быть отъ пытки и смерти. Ему позволено было жить по лѣвой сторонѣ Днѣпра съ женою и дѣтьми.

Кромѣ Латинскаго и Малороссійскаго языковъ Мазепа зналъ Польскій и Нѣмецкій. Это былъ рѣдкій въ то время человѣкъ: даромъ слова, заманчивостью обращенія, искуствомъ понравиться и втереться въ довѣренность, всѣми Іезуитскими добродѣтелями онъ очаровалъ Самуйловича и сталъ учителемъ его дѣтей.

Онъ лучшій былъ писецъ своего времени; ему поручалъ Гетманъ переписывать важнѣйшія бумаги. Самуйловичъ былъ набоженъ, Мазепа былъ ревностный исполнитель обрядовъ закона Грекороссійскаго. Неутомимость въ исполненіи возлагаемыхъ на него должностей, старательность, вѣжливость, уклончивость пріобрѣли ему всеобщее уваженіе; сперва сталъ онъ Гетманскимъ писаремъ; потомъ Сотникомъ; въ 1681 году былъ уже знатнымъ Войсковымъ товарищемъ. Тогда Гетманъ лосылалъ его въ Москву съ представленіями о Бахчисарайскомъ мирѣ; на другой годъ онъ ѣздилъ поздравлять Государя съ бракосочетаніемъ. Тутъ говорилъ о мирѣ съ Турками; всѣ его представленія были уважены; и онъ пріобрѣлъ не милость, а пріязнь сильнѣйшаго тогдашняго вельможи—Василья Васильевича Голицына. Возвратясь изъ Москвы, онъ получилъ чинъ Генеральнаго Асаула.

Въ 1686 году опять онъ ѣздилъ въ Москву съ сыномъ Гетмана, Григоріемъ, для представленій о томъ, чего не должно уступать Полякамъ изъ Малороссіи; въ слѣдующемъ году лично явился туда-же, съ донесеніемъ, что Кіевская Епархія приписана къ Патріаршеству Московскому и что универсалы о томъ разосланы по всей Малороссіи. Тутъ толковалъ

онъ съ Царями и Боярами о соединеніи Московскихъ войскъ съ козацкими, въ наступающемъ походѣ Крымскомъ; о нападеніи на Турецкіе Приднѣпровскіе города; о высылкѣ Польскаго вспомогательнаго войска; о вспоможеніи христіанамъ Греческаго закона, находящимся въ Польшѣ и въ Литвѣ; о запрещеніи вывоза хлѣба въ Крымъ; о выдачѣ особеннаго знамени Гетману.

Какъ не познакомиться было ему со всѣми Боярами въ столь частыхъ съ ними свиданіяхъ? И онъ началъ тогда-же замышлять о Гетманствѣ; во вторую поѣздку, его испугала возможность Самуйловича сблизиться узами родства съ Голицынымъ: Гетманъ чуть-было не выдалъ дочери за сына Боярскаго; и это-бы сбылось, если-бъ не Мазепа былъ посланъ въ Москву. Но сватовство помѣшало-бъ ему свергнуть Самуйловича, и оно разстроилось.

Крымскій походъ могъ потрясть могущество Голицына. Софія поддержала любимца своего: «Самуй-«ловичъ лишенъ Гетманства *за проэктомъ Мазепи-«нымъ*»—говоритъ лѣтопись. Тогда деньги, занятыя у Бурковскаго, проложили ему путь къ булавѣ.

Напрасно нѣкоторые Историки отвергаютъ, что Голицынъ былъ подкупленъ Мазепою; они-же сомнѣваются и въ томъ, что Голицынъ взялъ, во второмъ походѣ Крымскомъ, отъ Селима бурдюгъ съ фальшивыми червонцами. Они говорятъ: «могъ-ли гордый Голицынъ продать за деньги свою честь? Любимецъ правительницы, располагавшій по своему произволенію казною Царскою, прельстился-ли-бы червонцами Ханскими?» Но вопросы—не опроверженія.

Бант.-Кам. III, пр. 25. Вотъ роспись вещамъ, полученнымъ отъ Мазепы Голицынымъ, кромѣ суммы занятой у Бурковскаго: червонцами и ефимками одиннадцать тысячь рублей; серебряной посуды три пуда, двѣнадцать фунтовъ; серги алмазныя въ тысячу двѣсти рублей; зарукавье алмазное въ тысячу четыреста рублей; другое закуравье въ четыреста; алмазный перстень въ двѣсти; яхонтовый въ пятьдесятъ; ковшъ золотой, вѣсомъ во сто червонцевъ; золотая ложка и пара ножей, съ яхонтами, во сто двадцать рублей; три Турецкія сабли, изъ коихъ двѣ съ изумрудами, а одна съ яхонтами, въ девять-сотъ рублей; два занавѣса къ постели въ четыреста рублей; шатеръ Турецкій въ триста; три Турецкія лошади, съ збруею, въ тысячу. «То все дано», писалъ къ Петру Мазепа, «болѣе неволею, нежели волею, съ подученія и безпрестанныхъ угрозъ Леонтія Неплюева; «а выше упомянутыя вещи иныя изъ пожитковъ «бывшаго Гетмана, другія *изъ моего имѣньишка*, «*которое, по милости Божіей и Монаршеской, на*«*жилъ на Гетманскомъ урядѣ.*» Кто все это принялъ, тотъ приметъ и бурдюгъ съ червонцами.

Мазепа получилъ Гетманскій санъ, будучи сорока трехъ лѣтъ. Теперь сочтемъ его злыя дѣла, сочтемъ и добрыя; пусть потомство ихъ сличитъ и свѣситъ.

За избавленіе отъ Сибири, за милости, благодѣянія и довѣренность, онъ заплатилъ клеветою и кознями Самуйловичу; преслѣдовалъ его семейство; уговорилъ бояръ, чтобъ пытали его воспитанника, мужественнаго, любимаго въ войскѣ, Григорія; заставилъ палача отрубить ему голову, для большаго мученія, нѣсколькими ударами топора; не пере-

ставалъ гнать стараго Гетмана и въ Сибири, и тамъ разлучилъ его съ сыномъ. Отецъ знаменитаго Полуботка, Сулима, племянникъ Гетмана Михайло Самуйловичъ, Дмитрашко-Райче, Апостолъ, Гамалѣя были разжалованы и сосланы. Козаки взбунтовались; онъ привелъ на родину Великороссійское войско. Ропотъ утихъ.

Въ Москвѣ случился переворотъ. Благодѣтель Мазепы, хотя благодѣтель за деньги, Голицынъ палъ; едва узналъ объ его ссылкѣ, вступилъ въ доносъ, подалъ прошеніе, чтобъ ему возвратили подарки, которые Голицынъ взялъ съ него насиліемъ за Гетманство. По мѣрѣ того какъ богатѣлъ, алчность къ деньгамъ стала въ немъ усиливаться; недовольный тѣмъ, что безъ всякаго права взялъ, или, чтобъ искреннѣе выразиться, укралъ изъ войсковаго скарба деньги и отдалъ ихъ Бурковскому, за взятые взаймы, на подкупъ Голицына,—этимъ недовольный, началъ отнимать у Запорожцевъ доходы Переволочанскаго перевоза, удерживать ихъ жалованье, дѣлиться съ ними насильственно ихъ запасами хлѣбными.

Явились пасквили; подозрѣвая каждаго, безъ всякихъ доказательствъ, отправилъ онъ чернеца Соломона въ Москву на пытку и въ Батуринъ на жестокую казнь. Потомъ отнялъ все имущество у Полуботковъ, развезъ ихъ по темницамъ, и Михайла Самуйловича сослалъ въ Сибирь.

Учреждая откупы, денежные сборы съ шинковъ и винокурень, уничтожая этимъ коренныя народныя права, клеветалъ на Украинскихъ помѣщиковъ, описывалъ ихъ жестокими,—когда его дѣло было ихъ

укрощать, если дѣйствительно они были, а не доводить о томъ до свѣдѣнія Москвы.

Былъ у насъ знаменитый воинъ, прямодушный, любимецъ народа, сильный въ Украйнѣ человѣкъ; съ завистью глядѣлъ Мазепа на его славу, власть и богатство. То былъ Хвастовскій Полковникъ Семенъ Палій; Гетманъ призвалъ его къ себѣ въ гости, напоилъ пьянымъ, заковалъ въ кандалы, истомилъ голодомъ и жаждою и сослалъ въ Сибирь. Всѣ богатства его себѣ заграбилъ.

За Случью раззорялъ владѣльцевъ; отягощалъ города данью тяжкою; и, не въ скарбъ войсковый, не въ казну Царскую вносилъ добычу кровавую, а набивалъ ею свои сундуки.

Злобясь на Царя за бездѣйствіе въ войнѣ со Шведами, въ своемъ противъ него безсиліи, посылалъ на вѣрную смерть преданныхъ отчизнѣ Украинцевъ. Такъ погибли Полковники Миклашевскій и свойственникъ его-же самого Мировичь, въ Несвижѣ и въ Ляховичахъ.

Въ шесть-десятъ два года влюбился, въ насмѣшку надъ своими собственными сѣдинами, въ Польку Дульскую; и за несообразный съ здравымъ разсудкомъ бракъ готовъ былъ продать Полякамъ Украйну.

Развращая жену Искры, будучи крестнымъ отцомъ Кочубеевой, имѣя роднаго племянника женатымъ на сестрѣ этой Кочубеевой, обольстилъ, на зло чести и вѣрѣ Христіанской, свою свойственницу и крестницу; этого мало: ставилъ дочь противъ родителей, безчестя и понося ихъ въ ядовитыхъ письмахъ къ ней; научалъ идти въ монастырь и потомъ измѣнить обѣту предъ Богомъ.

осажденныхъ погрозилась сразиться съ нимъ и предписала ему условія сдачи. Подъ Полтавой онъ въ обозѣ былъ; былъ онъ и въ Крымскихъ походахъ, съ Голицынымъ, и въ походахъ къ Азову, съ Петромъ; но нигдѣ не видѣли мы самого его въ открытомъ полѣ, передъ рядами враговъ, рядомъ съ смертію.

Алчность къ золоту, коварство, скрытность, себялюбіе, властолюбіе, мстительность — эти качества можно въ немъ признать безошибочно. Даже въ дальновидности потомство можетъ ему отказать: кто не понялъ Петра, имѣя съ нимъ дѣло, идучи съ нимъ объ руку; кто не могъ постигнуть Его, стоя предъ нимъ лицомъ къ лицу,—тотъ не дальновиденъ. Петра дитя могло понять. Должно признаться: это было, говоря словами великаго человѣка, солнце, котораго не видятъ только слѣпые. Вотъ еще случай, который показываетъ его сребролюбіе и неблагодарность: знаменитый Полуботокъ объявилъ Апостолу, что Михайло Самуйловичъ при немъ говорилъ дерзко о Гетманѣ. Апостолъ донесъ Мазепѣ. Мазепа конфисковалъ все имущество Полуботка; а его разжаловалъ *за то, что не самимъ Павломъ былъ предостереженъ*. Ходатайство Старшинъ скоро заставило его дать Полуботку чинъ Черниговскаго Полковника; но имѣніе Мазепа не возвратилъ.

Много есть описаній его характера, лучшее, безспорно, принадлежитъ Ѳеофану Прокоповичу, который видѣлъ его, былъ съ нимъ знакомъ, съ нимъ разговаривалъ. Прочтемъ:

«Мазепа былъ преданъ Полякамъ и Русскихъ «ненавидѣлъ; но никто не могъ этого чувства

Таковъ былъ тотъ, кому хотѣлось стать властелиномъ независимымъ; кто хотѣлъ, чтобъ ему вѣрила судьбу свою Украйна!

Разсмотримъ теперь благодѣянія, излитыя на него Петромъ; сочтемъ часть богатствъ его, полученныхъ изъ рукъ народа и Петра, а большею частью добытыхъ неправдою.

Его доходы были: съ *индуктнаго* сбора пятьдесятъ тысячь злотыхъ; съ *аренднаго*, который-бы долженъ поступать въ казну, но который бралъ онъ себѣ,—сто тысячь злотыхъ; съ *порукавичнаго*, установленнаго имъ за неотдачу арендъ на перекупъ, отъ полковъ восточной Украйны—шесть-тысячъ триста червонныхъ и шесть-сотъ ефимковъ; отъ западныхъ—двадцать тысячь злотыхъ; съ Гадячскаго полка—пятнадцать тысячь злотыхъ. Для него собирали со всѣхъ полковъ: разный скотъ, мясо, муку, крупу, пшено, овесъ; все это называлось—*сборъ статейный*. Жалованье его состояло изъ тысячи червонныхъ. Ему принадлежали волости: Шептаковская, Почеткая, Самбурская, Ропская и Быковская; въ одной послѣдней нынѣ считается за десять тысячь душъ. Сверхъ того у него были вотчины и въ Великой Россіи.

Кромѣ загородныхъ дворцовъ, каковы были подъ Бахмачемъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ имѣлъ въ Батуринѣ прекрасный дворецъ, по Польскому обычаю украшенный, и тридцать мѣльницъ. — Все это было раззорено до основанія Княземъ Меньшиковымъ.

Наличность у него была неоцѣненная. Въ одной Бѣлой-Церкви было до двухъ милліоновъ рублей; вѣроятно, въ Кіевопечерской Лаврѣ и того болѣе.

Не говоря о добытомъ со стороны, о вещахъ, которыя отобралъ онъ назадъ отъ Голицына, и которыхъ было на восьмнадцать тысячь рублей; не говоря о подаркахъ отъ Короля Польскаго и Хановъ Крымскихъ; не упоминая о богатствахъ Палія, Самуйловичей и другихъ опальныхъ Старшихъ, которыхъ онъ ограбилъ,—одни Царскіе подарки составляютъ значительное состояніе.

Петръ не жалѣлъ ничего для своего стараго Гетмана. Сегодня присылалъ онъ ему золотой кафтанъ, на соболяхъ, въ тысячу рублей; завтра другой такой-же, съ снурками алмазными, въ тысячу триста; или аксамитный, съ алмазами и яхонтами, въ восемь-сотъ рублей; сегодня онъ принималъ изъ Царскихъ рукъ золотую саблю, съ драгоцѣнными каменьями; а завтра какой-нибудь хрустальной сосудъ, въ рубинахъ и изумрудахъ. Въ Архивахъ дѣлъ Малороссійскихъ мы насчитали одного бархата 96 аршинъ, пять изорбафовъ, восьмнадцать партищъ байбарековъ, камокъ лаудановъ тридцать четыре косяка, атласовъ двадцать два партища, множество объяри золотой и серебряной, исподовъ лисьихъ, мѣховъ песцовыхъ и однихъ соболей восьмнадцать сороковъ, на четыре тысячи съ-лишнимъ рублей.

Этого не довольно: Государь ежегодно тѣшилъ его провизіею. Онъ какъ-бы подрядился кормить и поить Гетмана. Бочка рейнскаго вина, а съ 1698 года, по двѣ; десять вѣдеръ орѣховаго масла; бочка уксусу Новгородскаго; бѣлуга большая одна; десятокъ сёмгъ; пять-сотъ лимоновъ, и сто стерлядей являлись ежегодно отъ Царя къ столу Гетманскому.

«сильный дѣйствуетъ оружіемъ инымъ. Мы надѣ-«емся, что Богъ поможетъ Намъ изгнать врага изъ «отечества. Тогда Малороссіяне станутъ отдыхать «въ тишинѣ, на прежнихъ правахъ и вольностяхъ; «они получатъ награду за усердіе.»

Малороссіяне ожесточались противъ Шведовъ. Самъ Государь писалъ къ Апраксину: «Здѣшній народъ со слезами жалуется на измѣнника и неописанно злобствуетъ.... Малороссійскій народъ такъ твердо съ Божіею помощію стоитъ, какъ больше не льзя отъ нихъ требовать.... Король посылаетъ къ сему народу письма, но онъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрности; письма Королевскія приноситъ, гнушаясь даже именемъ Мазепы.»

Пять батальоновъ, подъ предводительствомъ Царскаго Полковника Келина, заняли Полтаву. Государь поѣхалъ въ Веприкъ, гдѣ находилось гарнизона полторы тысячи; осмотрѣлъ войска Рена; съѣздилъ къ Гадячу, гдѣ стояли четыре полка непріятельскіе и возвратился въ Лебединъ. Тогда часть войска отправилась къ Гадячу; Аллартъ къ Ромну;
1709. Карлъ пошелъ защищать Гадячъ; Аллартъ взялъ Роменъ.

Жилища были раззорены Аллартомъ; скотъ отогнанъ и розданъ арміи; все приведено было въ запустѣніе; народъ бѣжалъ въ Великороссійскія губерніи, и селился на пустопорожнихъ мѣстахъ, гдѣ явились тогда огромныя слободы Юнаковка, Михайловка, извѣстныя подъ названіемъ Вольныхъ Черкасъ. Шведы въ свою очередь жгли и грабили Малороссію и уже не говорили: мы ваши, а вы наши,— «а дана имъ такая,—по словамъ лѣтописи,—воля отъ

«Короля, какъ чорту на Іова, то есть: души толь-«ко не коснись.»

Вскорѣ Король подступилъ къ Веприку, гдѣ стоялъ Ферморъ, и взялъ его послѣ трехъ приступовъ. Зима была жестокая, но война не прекращалась; въ кровопролитной битвѣ при Красномъ-Кутѣ Король едва спасся отъ плѣну, отступилъ къ Опошнѣ, сжегъ Куземинъ, Алешню, Городню, Мурафу, Коломакъ и Рублевку. Наступила весна, рѣки разлились, и онъ остановился у Опошни. Февраль.

Февраля 15-го Русскіе разбили полкъ Албедиля у Рашевки. Государь поѣхалъ въ Воронежъ, оттуда Дономъ въ Азовъ, и усилилъ флотъ новыми кораблями.

Онъ занимался его устройствомъ, когда пришло къ нему отъ Запорожцевъ требованіе, чтобъ Каменный Затонъ и Самарскіе городки были раззорены немедленно. Государь отказалъ. Гордѣенко, съ Марта 28 восьмью тысячами Запорожцевъ, явился къ Королю въ Будище и произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Потомъ пришелъ къ Мазепѣ въ палатку, гдѣ на столѣ лежали Гетманскіе клейноды; Кошевый преклонилъ предъ Мазепою свою булаву и ею привѣтствовалъ. Мазепа отвѣчалъ: «Запорожцы обязаны «служить вѣрно мнѣ, старику, вдовцу бездѣтному, «за то, что на закатѣ жизни жертвую для отчизны «спокойствіемъ и не допустилъ Царя истребить «васъ.» За обѣдомъ у Гетмана они разгорячились, клялись служить Карлу, клялись сражаться подъ знаменами Мазепы, и ограбили столовое серебро. Управитель началъ ихъ увѣщавать—они пришли въ ярость, потребовали отъ хозяина удовлетворенія, и

этотъ *выдалъ имъ несчастнаго.* Сперва кидали его, играя имъ какъ мячикомъ изъ рукъ въ руки по воздуху, потомъ зарѣзали.

Подъ Царичeнкою Гордѣенко сразился съ полками Петра, и совѣтовалъ Королю идти къ Полтавѣ. Графъ Пиперъ противорѣчилъ, но его не послушали, и въ Маѣ осада Полтавы началась. Она продолжалась полтора мѣсяца. Галаганъ и Яковлевъ, пользуясь отсутствіемъ Гордѣенка, раззорили Сѣчь Запорожскую до основанія; истребили множество оставшихся на Чертомлыкѣ, и взяли болѣе ста пушекъ.

Іюня четвертаго Государь прибылъ къ войску; четырнадцатаго Русскіе отняли у Шведовъ старые Сенжары; семнадцатаго Карлъ осматривалъ городскія укрѣпленія, и подъѣхавъ къ городу весьма близко, на мѣстѣ, извѣстномъ донынѣ подъ названіемъ Воротъ Королевскихъ, былъ тяжело раненъ въ ногу; двадцатаго наша армія перешла по мосту черезъ Ворсклу, при деревнѣ Петровкѣ, и стала въ верстѣ отъ непріятеля; двадцать седьмаго была знаменитая Полтавская битва.

Когда раненаго Короля носили въ носилкахъ передъ войскомъ; когда у Петра была прострѣлена шляпа; когда, конь за конемъ, подъ Меньшиковымъ упало три коня, а у Шереметева пролетѣла пуля сквозь рубашку;—тогда Мазепа былъ въ обозѣ, далеко отъ поля битвы; Максимовичъ, Зеленскій, Покотыло, Гамалѣя, Григорьевъ и Чуйкевичъ находились при немъ. Палій сражался въ рядахъ Петра.

Шведы бѣжали къ Рѣшетиловкѣ, и подъ Переволочною положили оружіе, Карлъ и Мазепа пере-

правились через Днѣпръ. Изъ двухъ боченковъ золота Король занялъ у Гетмана двѣсти сорокъ тысячь Нѣмецкихъ талеровъ, которые обѣщалъ уплатить Войнаровскому. Оба скрылись въ Султанскіе владѣнія. Скоропадскій получилъ Государевъ портретъ, осыпанный бриллiантами; Старшины золотыя медали; козаки двѣсти тысячь рублей изъ отнятой отъ Шведовъ казны. Государь угощалъ ихъ обѣдомъ, и при громѣ пушекъ за ихъ здоровье пилъ.

Иная участь постигла преданныхъ Мазепѣ. Генеральные: Судья Василій Чуйкевичъ и Асаулъ Дмитрій Максимовичъ; Полковники: Лубенскій-Зеленскій; Компанейскіе: Кожуховскій и Андреяшъ; Сердюцкіе: Яковъ Покотыло и Антонъ Гамалѣя; Чигиринскій — Василій Невенчанинъ; Войсковый Товарищъ Семенъ Лизогубъ, и Канцеляристъ Григорій Григорьевъ—были сосланы въ Сибирь и въ Архангельскъ. Чуйкевичъ постригся въ монахи въ Сибири, жена его въ монахини въ Малороссіи.

Мазепа былъ въ Бендерахъ съ Королемъ. Петръ настоятельно, двумя письмами, требовалъ отъ Султана его выдачи; Русскій Посолъ, Толстой, предлагалъ Муфтію триста тысячь ефимковъ за содѣйствіе. Но Сентября 22-го Мазепа скончался; 24-го похоронили его; впереди музыканты играли маршъ погребальный; за ними штабъ-офицеръ несъ Гетманскую булаву; шесть бѣлыхъ коней везли на дровняхъ гробъ, окруженный козаками, съ обнажеными саблями; за гробомъ шли козачки, заглушая музыку рыданьями; рядовые, съ опущенными знаменами, съ опрокинутыми ружьями, шли позади.

Онъ лежитъ въ Варницѣ, близъ Бендеръ.

Иные говорятъ, что онъ умеръ отъ старости, другіе — отъ печали. Русскіе лазутчики доносили Государю изъ Турціи, что онъ отравилъ себя.

Почувствовавъ приближеніе смерти, Мазепа потребовалъ свой ларчикъ, вынулъ оттуда бумаги, сжегъ ихъ и думая, быть можетъ, о Головкинѣ, о Шафировѣ, промолвилъ: « Не хай одынъ я буду без- « таланнымъ, а не многіи, о якихъ вороги мои ма « буть и не мыслыли, або й мыслыть не смилы: злая « доля усе переиначила для невидомого конця!»

ПЕРІОДЪ ШЕСТЫЙ.

ОТЪ ПАДЕНІЯ МАЗЕПЫ

ДО ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ МАЛОРОССІИ.

1709 — 1793.

ГЛАВА XLIX.

СКОРОПАДСКІЙ.

Радость Государя при избраніи Скоропадскаго. *Изрядное дѣло.* Статьи. Отвѣты на нихъ. Начинается уничтоженіе Гетманства. Измайловъ. Его должность. Недовѣрчивость къ Гетману. Меньшиковъ и Шафировъ помѣщики Малороссійскіе. Права Нѣжинскихъ Грековъ. Гордѣенко предается Карлу XII. Письмо Карла XII къ Запорожцамъ. Орликъ. Его договоръ съ Запорожцами. Статьи весьма важныя. Слова Ковнескаго. Доносъ Голицына на Скоропадскаго. Письма Головкина. Моровая язва. Краснорѣчивыя слова современника. Саранча. Орликъ, Мировичъ, Гардѣенко стараются прервать Прутскій міръ. Ссылка друзей и родственниковъ Мазепы. Переселеніе козаковъ изъ Заднѣпрія. Слабость Гетманской власти. Танскій. Насмѣшки Зыбина надъ Скоропадскимъ. Зыбинъ отданъ Скоропадскому головою. Консистенты. Постои и налоги. Нѣчто въ родѣ контрибуціи. Коммиссары. Пріемщики фуража и провіанта. Разсказъ очевидцевъ. Козаки распущены.

Когда Скоропадскій былъ избранъ въ Гетманы; то его избраніе казалось столь важнымъ, что Государь и въ Глуховѣ и въ Москвѣ велѣлъ отпѣть благодарственные молебны; онъ поздравлялъ своихъ любимцевъ съ «симъ изряднымъ дѣломъ.» И дѣйствительно, было чему радоваться; стойкій въ намѣреніяхъ, никогда не совращаясь съ ближайшаго пути къ цѣли, Петръ Великій уви-

дѣлъ опасность имѣть часть государства подъ управленіемъ пожизненнаго и почти самовластнаго сановника; увидѣлъ крамолы и неустройства, отъ смерти Богдана Хмѣльницкаго до конца Гетманства Мазепы; и, желая блага Россіи, которую любилъ онъ больше себя, рѣшился, во что-бы ни стало, стереть съ лица земли Гетманщину; твердо сталъ на томъ, чтобы уравнять права Украйны съ правами Москвы. Онъ пренебрегъ обвиненія современниковъ и ропотъ народа, незнавшаго къ чему ведутъ его; — пренебрегъ ихъ для блага въ будущемъ и для славы въ вѣкахъ. Съ каждымъ инымъ Гетманомъ это дѣло могло-бы вовлечь государство въ междоусобія; гроза войны еще не стихла надъ Россіею; Карлъ еще былъ живъ; еще готовилась знаменитая битва надъ Прутомъ; споръ съ Гетманомъ и съ его козаками могъ быть опасенъ обоюдно. Скоропадскій принялъ булаву, и всѣ препятствія изгладились; то былъ не Гетманъ, а призракъ прежнихъ Гетмановъ. Трудно было въ то время народу Украйнскому,—много перенесъ онъ горестей; объ нихъ помнитъ Исторія, и мы передадимъ ихъ со всею справедливостію и отчетливостію; но скажемъ такъ: за то нынѣ Украйна благоденствуетъ подъ скипетромъ Величайшаго изъ Государей Самодержавныхъ; за то братья наши соединились съ нами неразрывно; мы составили семейство одно, одну Россію необъятную, непобѣдимую. И творецъ нашего общаго блага есть—Петръ.

Нынѣ нелицепріятно мы можемъ сказать, какъ тяжко было слить двѣ стихіи. И кто былъ такого подвига свершителемъ, тотъ былъ Великъ.

По давнему обычаю новый Гетманъ началъ свой урядъ заботой объ утвержденіи правъ. Представимъ читателямъ статьи, поданныя Петру, Іюля 17-го, въ Рѣшетиловкѣ, съ Царскими на нихъ рѣшеніями.

1. По превеликой милости своей, Ваше Царское Величество обѣщали утвердить и сберечь всѣ наши права, вольности и порядки войсковые; теперь просимъ о милостивомъ пожалованьи тѣхъ статей.— « Права, вольности и порядки прежніе, а особливо тѣ, на которыхъ приступилъ Богданъ Хмѣльницкій съ народомъ подъ Высокодержавную руку Царя Алексія Михайловича, при наставленіи господина Гетмана въ Глуховѣ на Гетманскій урядъ, Государь въ грамотѣ, имъ подписанной, подтвердилъ уже *генерально*, и нынѣ ненарушимо содержать ихъ, *по милости своей*, обѣщаетъ. А статьи обстоятельныя дадутся Гетману послѣ; нынѣ-же это не возможно по неимѣнію времени и по случаю похода Государева въ Польшу. »

2. Въ-случаѣ не-генеральнаго похода, а выступленія части Малороссійскаго войска на службу, кто будетъ надъ этой частію войска Наказнымъ Гетманомъ, тотъ да будетъ, по Вашей Царской милости и повелѣнію, независимъ отъ Генераловъ и Офицеровъ, чтобъ они не возили впредь козаками дровъ, сѣна и не заставляли-бы ихъ пасти рогатый скотъ и коней, какъ то бывало прежде. — «Чтобъ Наказнымъ не быть подъ командою Великороссійскихъ Генераловъ, того сбыться не можетъ; но Генераламъ будетъ приказано строго не употреблять козаковъ никуда, кромѣ дѣла войсковаго; буде

они, въ противность приказа, еще станутъ такъ поступать, то Наказные обязаны доносить о томъ Государю, и преступники подвергнутся жестокому гнѣву Царскому.»

3. Просимъ Ваше Величество войсковую артиллерію, взятую по измѣнѣ Мазепиной изъ Батурина и нынѣ находящуюся въ Сѣвскѣ, войску нашему возвратить. — «Часть ея возвращена прежде, по Гетманскому прошенію; а остальныя, употребленныя противъ Государя измѣнниками, въ память Батуринской измѣны, будутъ отвезены въ Московскій цейхгаузъ, по обычаю всего свѣта; вездѣ признается добычею все, что ни было въ рукахъ непріятельскихъ, хотя двадцать четыре часа.»

4. Просимъ, чтобъ тѣмъ-же указомъ повелѣли Ваше Величество возвратить намъ пушки, взятыя изъ разныхъ сотенъ полка Гадячскаго и въ Харьковъ увезенныя. То-же чтобъ Котельва, всегда принадлежавшая къ полку Гадячскому, нынѣ опять была къ нему причислена. — «Его Величество прикажетъ отдать взятыя изъ некрѣпкихъ мѣстъ пушки, но взятыя изъ мѣстъ приличенныхъ въ измѣнѣ Государя не будутъ отданы. А Котельва, которой жители сами просили быть причисленными, по близости и по удобству, къ Ахтырскому полку, не можетъ быть причислена къ Гадячу. На то былъ Государевъ указъ, и этого указа отмѣнить уже невозможно.»

5. Чтобъ господа Воеводы, гдѣ они на прежнихъ мѣстахъ останутся, ни въ какіе распорядки и дѣла

градскія и полковыя не вмѣшивались, чтобъ только присматривали за зàмками; да Малороссіянъ разсвирѣпѣвшихъ и законной власти непокорныхъ къ себѣ на службу не принимали-бъ; не обижали-бъ обывателей, и расправы, безъ нашей Старшины, сами себѣ не чинили. Также гарнизоны, въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссійскихъ вновь помѣщенные,-нынѣ, когда непріятель побѣжденъ и въ отчизнѣ нашей уже не обрѣтается, были-бъ изъ тѣхъ городовъ милостивымъ Вашего Царскаго Величества повелѣніемъ выведены. — «Воеводамъ будетъ дано повелѣніе, чтобъ они, *безъ указу*, до Малороссіянъ притязаній не имѣли, вольностей ихъ не нарушали, въ суды и расправы не вмѣшивались; а если будетъ какое важное дѣло къ Малороссіянину, то розыскъ и справедливость чинили-бы съ согласія Полковниковъ или Старшинъ, не включая въ это постановленіе государственныхъ дѣлъ, измѣны и тому подобнаго. Что касается до гарнизоновъ,—они выведены, кромѣ изъ Полтавы, откуда гарнизонъ не можетъ быть выведенъ, потому что большая часть городовъ Полтавскаго полка были вмѣшаны въ бунтъ Запорожскій.»

6. Чтобъ на козацкихъ дворахъ никто изъ Великороссіянъ не становился самовольно, если-же и остановится Посланникъ, то чтобъ квартиру указали ему Старшина городовая или сельская. *Бо чрезъ тое вольность козацкая, за которую едино тылько служать, нарушается.* — «Это будетъ строго запрещено. Въ противномъ случаѣ жаловаться будущему при Гетманѣ Ближнему Стольнику Андрею Петровичу Измайлову; а въ Кіевѣ и

вблизи онаго Воеводѣ Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну.»

7. Чтобъ не брали самовольно подводъ; чтобъ лошадей, взятыхъ въ подводу, не уводили, *какъ это случалось нѣсколько тысячь разъ:* ихъ уводили и хоязевамъ не отдавали. Чтобъ не вымышляли допросовъ на Ратушахъ, *бьючи* и *мордуючи* людей; и чтобъ Великороссійскія войска, при переходахъ, не обижали обывателей. — «Государь дастъ повелѣніе, чтобъ постою *безъ крайней нужды* у козаковъ не было. *А что въ шестой статьѣ къ лицу Государя выражено, что козаки служатъ за одну козацкую вольность, того писать не надлежало. Весь народъ довольно имѣлъ Царскихъ милостей, онъ пользуется и нынѣ привилегіями и вольностями, къ тому-жъ Государь освободилъ его отъ Шведовъ, отъ Мазепы и отъ тиранства, погибели и разореній Польскихъ, Турецкихъ и Татарскихъ.*»

8. Нашествіемъ Шведовъ, измѣной проклятаго Мазепы, походами козаковъ, обыватели крайне разорены: просимъ на нѣсколько лѣтъ отъ военной службы, пока поусилится народъ, увольненія.—«Государь, милосердуя къ народу увольнилъ на *нынѣшнее лѣто* козаковъ отъ походу; кромѣ крайней нужды и нѣкотораго числа, по требованію случая.»

9. То хорошо, что проклятые Запорожцы чрезъ измѣну утратили Сѣчь; но Малороссіяне пользовались оттуда солью и рыбою и звѣрями; и такъ просимъ, чтобъ позволено было намъ ѣздить туда

за таковою добычею, и чтобъ ни Каменно-Затонскій Воевода, ни гарнизонъ не чинили промышленникамъ обидъ и препятствій. — «На этотъ счетъ дастся распоряженіе послѣ, а теперь не льзя, чтобъ подъ этимъ предлогомъ бунтовщики Запорожцы не возгнѣздились на прежнихъ мѣстахъ и не учинили собраній бунтовщицкихъ.»

10. Одинъ проклятый Мазепа съ малымъ числомъ единомышленниковъ измѣнилъ Вашему Величеству, а на всѣхъ насъ непоколебимыхъ въ вѣрности лежитъ досада и порокъ: насъ называютъ измѣнниками. — «О томъ уже было запрещеніе, и нынѣ оно строго подтвердится.»

11. Войска охочія, которыя вѣрно служили и служатъ Вашему Величеству, какъ то: Компанѣи Хведькова, Ковбасына и Чучына, такъ-же Сердюцкій полкъ Бурляевъ, по причинѣ разоренія мѣстъ, въ которыхъ они прежде стояли, невозможности дать имъ жалованье и по причинѣ увозу Мазепинаго скарба, — просимъ Ваше Величество принять въ милостивое призрѣніе. — «Эти полки поставить въ тѣхъ мѣстахъ, которыя менѣе разорены; а для удовлетворенія ихъ жалованьемъ, необходимо, чтобъ господинъ Гетманъ немедлено прислалъ Государю извѣстіе: какіе при прежнихъ Гетманахъ и при измѣнникѣ Мазепѣ были наложены на Малороссіянъ налоги и подати съ чего; какіе приходили въ войсковый скарбъ и на другія издержки доходы. Тогда Государь учинитъ опредѣленіе безъ отягощенія народнаго.»

12. Въ Черниговѣ и за городомъ постройки на тридцать сажень отъ крѣпости передъ непріятель-

скимъ нашествіемъ поломаны. Нынѣ просимъ позволенія хозяевамъ тѣхъ мѣстъ ихъ снова застроивать, ибо онѣ куплены дорогою цѣною. — «Эти домы сломаны для безопасности и крѣпости Черниговскихъ укрѣпленій, и потому вновь строиться на тѣхъ мѣстахъ не возможно; а отвѣсть иныя мѣста бывшимъ хозяевамъ.»

13. Бьемъ челомъ, чтобъ указы *не отъ многихъ* въ Малороссію были посылаемы, и не въ полки; а единственно *отъ Васъ* Великаго и всенадежно милостиваго Государя и къ одному только Гетману; онъ-же будетъ ихъ разсылать куда слѣдуетъ. — «Указы будутъ посылаться въ Малороссію прямо на имя одного Гетмана и не отъ кого иного, какъ изъ *Приказа Малыя Россіи и отъ Министровъ Его Величества.*»

14. Просимъ опредѣленія о томъ, за чьимъ подписомъ быть подорожнымъ на взыманіе подводъ въ Малороссіи. — «Изъ Москвы, за подписомъ Судей Малороссійскаго и Ямскаго Приказовъ; изъ похода, за подписомъ Фельдмаршаловъ, Министровъ Посольскихъ дѣлъ и Корпусныхъ Генераловъ; изъ городовъ, за подписомъ Коммендантовъ и Воеводъ.

Бант.-Кам. Т. III, стр. 128—130. Рѣшенія эти подписалъ не Государь, а Графъ Головкинъ. Первый примѣръ, что Гетманъ войска Его Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра Малороссіи — имѣлъ дѣло уже не съ Царемъ, а съ Министрами; сталъ ниже ихъ; отданъ былъ въ ихъ зависимость. Статьи Малороссіянамъ ужь не были даны: они были подтверждены только *генерально;* Государь обѣщалъ ихъ не нарушать, но то по милости своей; наша артилле-

рія почти вся исчезла; Воеводы могли, по указу, вмѣшиваться во всѣ дѣла Малороссіянъ, даже въ домашнія; постои у козаковъ, въ случаѣ нужды, были назначаемы; о самовольномъ взятіи подводъ, уводѣ коней, и ихъ задержаніи даже и упомина не сдѣлано; Гетманъ получилъ выговоръ за то, что вспомнилъ о козацкой вольности: ему отвѣчалъ Головкинъ, что Русскіе освободили Козаковъ отъ Шведовъ, Мазепы, Турковъ, Татаръ и Поляковъ; Скоропадскій просилъ, чтобъ одинъ Царь ему повелѣвалъ: ему сказано, что Министры будутъ давать ему повелѣнія; Генералы, Комменданты, Воеводы могли замучить одними подводами того, кто осмѣлился-бы, въ чемъ-либо, имъ не повиноваться. Наконецъ пріѣхалъ Измайловъ.

«Опредѣленіемъ его—говоритъ Бантышъ-Каменскій—Государь положилъ начало уничтоженія Гетманской власти.»

Андрей Петровичъ Измайловъ, Ближній Стольникъ и Намѣстникъ Суздальскій, вступилъ въ отправленіе новой должности Іюля 30-го. Его обязанности состояли въ стараньи о сохраненіи тишины и благоустройства въ Малороссіи, посредствомъ поимки всѣхъ возмутителей. Онъ долженъ былъ вооруженною рукою препятствовать Запорожцамъ селиться въ Сѣчѣ, или гдѣ-бы то ни-было; принимать вмѣстѣ съ Гетманомъ иностранныхъ посланцовъ, доставлять къ Государю привозимыя ими письма и безъ Высочайшаго соизволенія не отвѣтствовать, равно и козацкихъ посольствъ никуда не отправлять; не позволять Гетману безъ Царскаго указа отставлять Старшинъ и Полковниковъ; избирать ихъ вновь не

иначе, какъ съ общаго совѣта и съ Царскаго утвержденія; не допускать пріема Поляковъ и другихъ иностранцевъ въ службу Малороссійскую; наблюдать, чтобъ безъ воли Государя Гетманъ никого не казнилъ; описать всѣ имущества измѣнническія; прислать объ нихъ вѣдомость; не позволять Гетману давать и отбирать земли и маетности безъ воли Государевой; назначать, съ общаго согласія, Генеральныхъ Старшинъ и потомъ представлять о нихъ Государю; не допускать Гетману имѣть мѣстопребываніе гдѣ-либо, кромѣ Глухова; взыскать съ городовъ Полтавскаго полка, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепиной, по два ефимка со двора и, буде не могутъ дать, раззорить ихъ до основанія, подобно Батурину; истребовать отъ Гетмана и Полковниковъ подробную вѣдомость о войсковыхъ доходахъ.

Таковы были порученія Измайлову явныя; они противорѣчили договору Хмѣльницкаго; но кто изъ властителей поступилъ-бы иначе, того не льзя было-бы назвать любящимъ свое отечество и свой народъ — Царемъ. Переворотъ былъ крутъ и нежданъ; но другихъ средствъ не было и не будетъ въ подобныхъ случаяхъ; здѣсь полу-мѣры негодятся. Петръ не унизилъ Украинцевъ: Онъ ихъ сравнялъ съ другими своими народами: и странно было-бы видѣть Москву ниже Глухова; къ тому-же Петръ имѣлъ всѣ причины, всю справедливость не ввѣряться Гетманамъ, послѣ урока, полученнаго отъ Мазепы.

Это недовѣріе заставило Государя дать Измайлову еще особенныя порученія — тайныя; товарищъ Гетмана, онъ обязанъ былъ имѣть неослабный надзоръ за поступками его, Старшинъ и Полковни-

ковъ; препятствовать имъ въ сношеніяхъ съ Турками, Татарами, Поляками, Шведами и Козаками противной партіи; въ-случаѣ чьей-либо измѣны или народнаго возмущенія, требовать пособія отъ Воеводъ Кіевскаго и другихъ ближайшихъ; даже, для скорѣйшаго прекращенія безпорядковъ, употреблять пѣхотные Великороссійскіе полки, находившіеся при Мазепѣ; провѣдывать тайно, сколько собиралось прежде и сколько нынѣ собирается доходовъ для Гетмана, Старшинъ, Полковниковъ и урядниковъ; узнавать изъ разговоровъ и обхожденія кто изъ Старшинъ и козаковъ приверженъ болѣе къ Государю и какого уряда достоинъ.

Скоропадскій, если самъ не видѣлъ, то ему показали, что Гетманщина близится къ концу, что ему должно искать милости уже не Царской, но любимцевъ Государевыхъ. Онъ рѣшился задарить на свой собственный счетъ Меньшикова и Шафирова. Въ статьяхъ явныхъ Измайлова мы видѣли, что Гетманъ лишенъ былъ права дарить и отнимать маетности народныя. Прежде, не только Гетманы, но и Полковники раздавали деревни своимъ подчиненнымъ. Нынѣ онъ могъ распоряжать владѣніями лишь своими наслѣдными, нажитыми, ранговыми. Эти ранговыя были при Петрѣ весьма незначительны: прежде принадлежало Гетманамъ староство Чигиринское, потомъ вмѣсто Чигирина они стали пользоваться Гадячемъ; да и оттуда была Государемъ отнята Котельва и причислена къ полку Ахтырскому. Генеральный Обозный имѣлъ четыреста дворовъ, Генеральные Судьи и Подскарбій по триста, Генеральные Писарь, Асаулъ, Хоружій и Бунчужный по двѣсти;

изъ этого весьма ограниченнаго состоянія трудно было удѣлять другимъ. Но Скоропадскому упали въ удѣлъ нѣкоторыя владѣнія Мазепы и его товарищей, и онъ рѣшился частью изъ нихъ пожертвовать въ пользу вельможъ Московскихъ. Если цѣль его была добро Украйны,—самоотверженность велика и достойна, чтобъ потомство почтило ее памятью сердца, благодарностію; если цѣль его была усилиться, втереться въ милость, то это жаль: онъ жестоко ошибся! Онъ, впрочемъ, ни одной изъ сихъ цѣлей не достигъ и потомъ крѣпко раскаявался въ необдуманной щедрости. До того времени Малороссіяне имѣли помѣстья въ Великой Россіи; но это былъ первый примѣръ Великороссіянъ съ помѣстьями въ Малороссіи. Украинцы, подъ властью своихъ Пановъ, считали себя свободнѣе, нежели подъ властью Баръ. Скоропадскій далъ Меньшикову Почепщину и Ямполь съ четырьмя мельницами, исключая тамъ находившіяся козацкія земли; при этомъ Меньшиковъ получилъ универсалъ, въ которомъ сказано, что это дается ему, во уваженіе понесенныхъ имъ трудовъ въ бытность непріятеля въ Малороссіи и знаменитыхъ его побѣдъ. А Шафирову, за оказанное имъ многотрудное сохраненіе цѣлости Малороссійскаго народа; подарилъ онъ мѣстечко Понорницу, село Вербы и сельцо Козолуповку, принадлежавшія прежде Ломиковскому. Это было по-Гетмански: надѣлять всемогущаго Князя Меньшикова, только могли Царь, да Гетманъ; но мы увидимъ чѣмъ Князь отблагодарилъ Гетмана.

Марта 11. 1710. Въ началѣ Новаго года Государь скрѣпилъ подтвердительный Гетманскій универсалъ на преиму-

щества, Богданомъ Хмѣльницкимъ дарованныя Нѣжинскимъ Грекамъ. Церковь ихъ и духовенство подчинены были единственно Митрополиту Кіевскому; пріѣздъ и отъѣздъ былъ для нихъ во всякое время разрѣшенъ; дома ихъ увольнены отъ постоевъ; они были освобождены отъ подводъ; и разбирательство всякихъ дѣлъ между ними, кромѣ уголовныхъ, было имъ самимъ предоставлено.

Всѣ Украинцы безропотно повиновались Великому человѣку; одни Запорожцы остались непреклонными. Гордѣенко съ горстью ему преданныхъ Сѣчевиковъ пошелъ въ Бендеры за Карломъ XII. Другіе, уцѣлѣвшіе при истребленіи Сѣчи, селились у Днѣпра, близъ устья Каменки, подъ покровительствомъ Крымскаго Хана. Государь старался ихъ приласкать, обѣщалъ ихъ простить, если они смѣнятъ Гордѣенка; ничто не дѣйствовало. Карлъ пристрастилъ ихъ къ себѣ; десятаго Мая онъ прислалъ къ ихъ Наказному Кошевому Якиму Богушу грамоту изъ Бендеръ:

« Нижайшее ваше письмо, отъ 12-го Августа, получено чрезъ братьевъ вашихъ Лукьяна и Кондрата. По немъ узнали мы, что вы, господа, донынѣ не имѣете никакого объ насъ извѣстія, желаете знать о нашемъ здоровьи и о послѣдствіяхъ войны съ Москалями. Намъ нравится, что вы оскорблены за насъ, и что хотите мстить Москалю, врагу нашему и вашему; и потому мы не хочемъ отъ васъ, господа, таить, что рана наша уже исцѣлена; мы всѣ единодушно вступимъ въ битву съ Москалемъ съ наибольшею нашею арміею и на этотъ счетъ нечего опасаться. Высочайшій Богъ благословитъ праведное

наше оружіе и всѣхъ тѣхъ, кто за насъ сражается; мы преклонимъ выи нашихъ враговъ; наша кавалерія, безъ сомнѣнія, отъ несчастнаго бою исцѣлена будетъ; лишь-бы вы, *господа высокородные*, отъ нашей протекціи не отступили.»

Давъ эту грамоту шарлатанскую, Карлъ того-же числа и мѣсяца утвердилъ Филиппа Орлика Гетманомъ Малороссіи. Минутный Гетманъ Короля полуплѣннаго постановилъ съ войскомъ Запорожскимъ договоръ, заслуживающій вниманія. Мы его представимъ вполнѣ; онъ писанъ къ Запорожью, съ Гордѣенкомъ.

«*Во имя Отца и сына* и пр.

«*Нехай станеться на викопомную войска Запорожскаго и всего народа Малороссійскаго славу и памятку!*

«Дивный и непостижимый въ судьбахъ своихъ Богъ, милосердный въ долготерпѣніи, праведный въ казни, отъ начала міра, на праведномъ мѣрилѣ своего правосудія, одни Царства и народы возвышаетъ, другіе за грѣхи и беззаконія смиряетъ; одни возноситъ, другіе низвергаетъ. Такъ и народъ, знатный, древній, козацкій, прежде нарицаемый Козарскимъ, былъ сперва превознесенъ славою безсмертною, обширными владѣніями и отвагами рыцарскими. Онъ былъ страшенъ не только окрестнымъ народамъ, но и самому Восточному Царству на морѣ и на сушѣ, такъ далеко, что Цесарь Восточный, желая съ нимъ на-вѣки примириться, женилъ сына своего на дочери Кагана, то есть Князя Козарскаго. Потомъ славимый въ вышнихъ, тотъ-же праведный Судія Богъ, за

умножившіяся неправды и беззаконія, многими казнями наказавши народъ козацкій, понизилъ, смирилъ, едва не на вѣчное разрушеніе низвергнулъ и оружіемъ Болеслава храбраго и Стефана Баторія державѣ Польской поработилъ. Непостижимый въ правосудіи Богъ наказалъ предковъ нашихъ безчисленными бѣдствіями; но, не до конца прогнѣванный, не вѣчно враждующій, положивъ изъ тяжкаго рабства Польскаго народъ козацкій въ прежнюю свободу вывести, онъ воздвигнулъ ревностнаго защитника и оборонителя Святаго православія, правъ отчизны и вольности войсковой, знаменитаго Гетмана достойной памяти Богдана Хмѣльницкаго. Волею Божіею, *съ пособіемъ Наияснѣйшаго Короля, его милости Шведскаго*, съ помощію Крымскаго Хана и войска Запорожскаго, своими стараніями, отвагами и дальновидностью, онъ освободилъ войско Запорожское и порабощенный, утѣсненный народъ Малороссійскій отъ подданства Польскаго и добровольно поддался подъ Самодержавную руку Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей, повелителей Россійскихъ. Онъ надѣялся, что, обязавшись договорами и статьями, присягою подтвержденными, единовѣрное съ нами Государство Московское тѣ права и вольности сбережетъ ненарушимо. Но по смерти достойной памяти Гетмана Богдана Хмѣльницкаго, когда Московское Государство начало изобрѣтать многіе способы къ поврежденію и разрушенію правъ, и къ наложенію ярма невольническаго на вольный народъ козацкій, тогда сколько разъ войско Запорожское насилія терпѣло, столько разъ принуждено было кровію и отвагою оборонять

свои права и вольности, чему способствовалъ самъ мститель Богъ. Напослѣдокъ, когда за Гетманство славной памяти Ясне-вельможнаго Іоанна Мазепы, Государство Московское пожелало исполнить свое злое намѣреніе, воздавало злымъ за благое, вмѣсто благодарности и почтенія за столь многія вѣрныя службы, начало гнать, доводить до нищеты козаковъ, хотѣло ихъ измѣнить въ войско регулярное, города отобрать въ свою власть, права и вольности войсковыя уничтожить, войско Запорожское искоренить и имя ихъ изъ памяти изгладить; тогда Іоаннъ Мазепа, подвигнутый праведною ревностію къ цѣлости отчизны, желая видѣть при себѣ и по смерти своей оставить эту отчизну, нашу милую мать, цвѣтущую и изобильную, отдался его милости Шведскому Королю Карлу XII-му въ покровительство, слѣдуя примѣру своего предшественника Хмѣльницкаго, который былъ въ союзѣ съ соименитымъ дѣдомъ Короля, съ Карломъ X-мъ; но неизслѣдованныя судьбы Божіи не исполнили намѣреній Гетмана, и самому ему здѣсь въ Бендерахъ ниспослали смерть. Осиротѣлое съ кончиною верховнаго своего правителя войско Запорожское, не отчаяваясь въ желаемой себѣ свободѣ, полагаясь на помощь Божію, находясь въ покровительствѣ Короля Шведскаго, и въ праведной расправѣ привыкшее быть всегда побѣдительнымъ, постановило съ Генеральною Старшиною и согласуясь съ волею Королевскою, избрать себѣ новаго Гетмана; на таковое избраніе назначенъ былъ срокъ; и въ выборномъ мѣстѣ Бендерахъ всѣ собрались съ предводителемъ своимъ Кошевымъ Атаманомъ Паномъ Константиномъ Гордѣенкомъ на

Раду. Тогда всѣ единогласно съ Генеральною Старшиною и съ Послами отъ Войска Запорожскаго, оставшагося на Днѣпрѣ, по давнимъ обычаямъ и правамъ войсковымъ, вольными голосами, избрали въ Гетманы его милость Пана Филиппа Орлика, достойнаго Гетманской чести, могущаго, при Божіей помощи и при покровительствѣ Короля, высокимъ своимъ разумомъ и искуствомъ, въ такое трудное время, урядомъ Гетманскимъ двигать, управлять и о благѣ Малороссіи стараться и радѣть. А какъ прежніе Гетманы, подъ властью Московскихъ Самодержцевъ находясь *и себѣ дерзнули пріобрѣтать власть Самодержавную*, *что повредило давній порядокъ, права и вольности*, то мы, Генеральная Старшина, и мы, Атаманъ Кошевый, въ предосторожность отъ такого самоуправія, въ этотъ приличный часъ договорились и постановили съ Гетманомъ Филиппомъ Орликомъ, чтобъ не только его Вельможность, въ счастливое свое Гетманское владѣніе, содержалъ не нарушимо нижеприписанныя постановленія, но чтобы и будущіе Гетманы войска Запорожскаго свято сохраняли ихъ.»

Такъ Гордѣенко, приверженецъ Мазепы, находясь въ согласіи съ ученикомъ его и его правою рукою, съ Орликомъ, съ этимъ палачемъ Кочубея и другомъ Іезуита Заленскаго, писалъ къ Запорожцамъ, призывая имя Божіе всуе, искажая исторію предковъ своихъ, увѣряя, что Хмѣльницкій освободился отъ Поляковъ пособіемъ Карла десятаго, и между тѣмъ обвиняя Гетмановъ за ихъ противузаконное самовластіе. Слѣдовали послѣ такого воззванія статьи. Но эти статьи весьма важны; нигдѣ лучше не были

описаны права всѣхъ Украинскихъ Старшинъ и Урядниковъ. Это полный домашній составъ Украйны, до Хмѣльницкаго; составъ, который потомъ Его преемниками, и наиболѣе Мазепою, былъ во всемъ нарушенъ.

Б.-Кам. Изд. 4-е, т. IV. 210. 1. Между тремя богословскими добродѣтелями Вѣра первенствуетъ; и такъ въ первомъ семъ пунктѣ надлежитъ дѣло начать о Вѣрѣ Святой Восточной Православной. Ею просвѣщенъ былъ знаменитый козацкій народъ изъ Царяграда, еще во времена Кагановъ Козарскихъ; всегда пребывалъ въ ней неизмѣнно, и никакимъ иновѣріемъ никогда не былъ колеблемъ. Во-первыхъ Богданъ Хмѣльницкій воздвигся на Рѣчь Посполитую Польскую не за что иное, какъ за насильственное преклоненіе къ Уніи и къ костеламъ Римскимъ; и какъ онъ Москвѣ предался только за ея съ нами единовѣріе, то новый Гетманъ обязанъ стараться, чтобъ ни тайно, ни явно, никто не вносилъ въ Малороссію никакого иновѣрія; и буде оно появится, всею властію долженъ его искоренять, въ особенности-же зловѣріе Жидовское. И тако, по освобожденіи отъ ига Московскаго, Гетманъ обязанъ испросить у Патріарха Константинопольскаго для престола Митрополичьяго Кіевскаго, по прежнему, Экзаршескую власть.

2. Всякаго Государства цѣлость познается по ненарушимости границъ. И такъ отчизна наша, Малороссія, по всѣмъ пактамъ Польшею, Портою и Москвою подтвержденнымъ, должна быть какъ при Хмѣльницкомъ по Случь; Гетманъ обязанъ стараться, чтобъ это не было нарушено, и чтобъ защитникъ нашъ и покровитель, Шведскій Король, не только не до-

пускалъ никого нарушать наши права и вольности, но и границы наши охранялъ. По окончаніи войны, онъ долженъ просить Короля, чтобъ и онъ и его наслѣдники титуловались Протекторами Украйны, и чтобъ онъ истребовалъ отъ Царя и самъ возвратилъ изъ Швецiи, какихъ тамъ и тамъ найдетъ Малороссіянъ плѣнниковъ.

3. Такъ какъ намъ всегда потребна сосѣдская пріязнь Ханства Крымскаго, которое не однажды насъ защищало, то Гетманъ обязанъ возобновить съ нимъ братство, военный союзъ и вѣчную пріязнь, на которыя глядя, сосѣднія Государства не дерзалибы думать о насиліяхъ и порабощеніи Украйны. И когда Богъ сподобитъ Гетману, послѣ войны водвориться въ своей столицѣ, онъ долженъ остерегаться, чтобъ своевольцы легкомысленные съ нашей стороны не разрушали этого братства и союза.

4. Войско Запорожское, на морѣ и на сушѣ, заслужило безсмертную славу отвагою; оно было богато промыслами и пожитками; но когда Государство Московское, всякими способами его угнетая и обижая, построило на собственныхъ войсковыхъ земляхъ то города Самарскіе, то крѣпости по Днѣпру; когда оно стѣснило ловли, звѣриную и рыбную; когда оно учинило нестерпимое преступленіе противъ правъ и военнымъ наступленіемъ раззорило Сѣчь,—то Гетманъ обязанъ, чрезъ Короля, стараться, чтобъ Днѣпръ былъ очищенъ отъ Московскихъ городковъ и крѣпостей, чтобъ мѣста войсковыя были возвращены войску, чтобъ никто и никогда тамъ не смѣлъ ни основывать городковъ, ни слободъ насе-

лять, ни опустошать угодій; и Гетманъ обязанъ въ противномъ случаѣ давать Запорожскому войску всякую оборону.

5. Какъ городъ Терехтемировъ издавна принадлежалъ войску Запорожскому и назывался его больницею, то и теперь этотъ городъ съ его переправою будетъ войску возвращенъ; и коштомъ войсковымъ въ немъ устроится Гошпиталь для старыхъ и израненныхъ Запорожцевъ; Днѣпръ съ верху отъ Переволочной, самая Переволочная съ перевозомъ, городъ Кереберда и Ворскла съ мельницами, находящимися въ полку Полтавскомъ, все должно быть предоставлено во владѣніе Сѣчи и нигдѣ, по самый Очаковъ, въ тѣхъ мѣстахъ да не осмѣлится никто ни язовъ забивать, ни плотинъ строить, ни становъ и рыбныхъ ловель заводить.

6. Если въ Государствахъ Самодержавныхъ сберегается похвальный и общеполезный обычай, по которому, и въ мирное и въ военное время, для посужденій объ народномъ благѣ, собираются на совѣтъ Государи, Министры и Совѣтники—почему-же не быть въ народѣ вольномъ такому обыкновенію? Оно прежде было сохраняемо; но когда нѣкоторые Гетманы неправедію завладѣли властію Самодержавною и начали говорить: «такъ хочу, такъ повелѣваю»; тогда въ отчизнѣ и въ войскѣ Запорожскомъ, чрезъ столь неприличное самовластіе, явились многія неустройства, раззореніе правъ и вольностей, народное отягощеніе, насильственныя и подкупныя раздачи урядовъ, неуваженіе къ Генеральной Старшинѣ, къ Полковникамъ и къ знат-

нымъ товарищамъ (*). И такъ мы, Генеральная Старшина, Атаманъ Кошевый и все Запорожское войско приговорили съ Гетманомъ, что отъ сего времени навсегда первенствующими Совѣтниками будутъ: Генеральная Старшина, по нихъ Полковники городовые; изъ каждаго полку по одному человѣку знатному, старому, благоразумному и заслуженному будетъ избрано въ Генеральные Совѣтники. Съ ними всѣми Гетманъ будетъ о добрѣ народномъ и о всякихъ дѣлахъ общественныхъ совѣтоваться, и безъ нихъ не въ-правѣ собственною властію ничего начинать, постановлять и къ концу приводить. Для этого назначается три ежегодныя Рады: объ Рождествѣ Христовомъ одна, о Воскресеніи Христовомъ другая, о Покровѣ Пресвятой Богородицы третья. На этихъ Радахъ не только Паны Полковники съ Старшиною и съ Сотниками, не только Генеральные Совѣтники, но и отъ войска Запорожскаго повинны являться немедленно, по приказанію Гетмана, и не уклоняясь отъ сроку. Тамъ, что будетъ предложено Гетманомъ, о томъ будутъ совѣтоваться съ добросовѣстностію, безъ чувствъ пристрастныхъ, безъ душегубной вражды и зависти съ охраненіемъ чести Гетманской, во избѣжаніе тягостей, раззоренія и, не дай Богъ, гибели отчизны. Дѣла неожиданныя, какія придется окончить не дожидаясь тѣхъ

(*) Вотъ и причина, по которой вся Малороссія единогласно признала, что лучше принадлежать Самодержавному Великому Петру, нежели самодержавному Мазепѣ, купившему Гетманство у Голицына.

трехъ Радъ, Гетманъ обязанъ вершить съ совѣтомъ Генеральной Старшины. Если къ Гетману будутъ присланы письма отъ иныхъ Государствъ, онъ долженъ ихъ объявить Генеральной Старшинѣ и, не утаевая отъ ней отвѣтовъ своихъ, безъ вреда посполитству, скорѣе отписываться. А чтобъ окончательное было у Гетмана съ Генеральными Старшинами, Совѣтниками и Полковниками единство, каждый, при вступленіи на урядъ, обязанъ дать присягу, которой рота будетъ обнародована. И если-бы въ Гетманскихъ дѣлахъ оказалось что-либо противное благу, правамъ и вольностямъ войсковымъ, то, собравшись и положившись вольными голосами, всѣ тѣ урядники должны немедленно, на Радѣ, дать выговоръ его Вельможности, не повреждая однако-же его чести; и Гетманъ не долженъ мстить за тѣ выговоры, но долженъ стараться о своемъ исправленіи. Всѣ Старшины, Совѣтники, Полковники обязаны повиноваться Гетману и его чтить; онъ-же съ своей стороны обязанъ ихъ любить, не почитать ихъ слугами, не полагать ихъ рабами, не принуждать ихъ неприлично стоять предъ собою.

7. Если-бы кто изъ Старшинъ, Полковниковъ, Совѣтниковъ, знатнаго товарищества и иныхъ урядниковъ посягнулъ на честь Гетманскую или въ чемъ другомъ провинился, то Гетманъ не можетъ его своею властію карать; но обязанъ предать на судъ Войсковый Генеральный, и какой приговоръ тотъ судъ нелицепріятно и нелицемѣрно учинитъ, такому взысканію каждый преступникъ подвергнется.

8. Гетману доносить и отъ него отбирать деклараціи, по всѣмъ расправамъ войсковымъ, обязаны особы Генеральныя, а не слуги домашніе.

9. Такъ какъ предъ симъ въ войскѣ Запорожскомъ всегда бывали Генеральные Подскарбіи, которые войсковою казною, мельницами, всякими принадлежащими до войсковыхъ имуществъ приходами и расходами завѣдывали и завѣдомомъ Гетманскимъ ихъ измѣняли,—то и нынѣ таковый порядокъ установляется: чтобъ Подскарбій Генеральный былъ человѣкъ *знатный, заслуженный, богатый и добросовѣстный,* чтобы, завѣдывая войсковымъ имуществомъ, употреблялъ его на пользу общественную войсковую, а не на свою частную. Гетманъ до скарбу войсковаго до приходовъ его не касается, и не можетъ употреблять ничего оттуда на свой личный прожитокъ, а довольствуется своими оброками и приходами, булавѣ и ему принадлежащими, индуктою, полкомъ Гадячкимъ, добрами Почепскими и Оболонскими, и другими издавна отданными на Гетманскій урядъ. Больше того Гетманъ не долженъ самовластно завладѣвать добрами войсковыми, раздавать ихъ людямъ въ войскѣ заслуженномъ, и тѣмъ менѣе чернецамъ, попамъ, вдовамъ бездѣтнымъ, урядникамъ, посполитымъ и войсковымъ мѣлкимъ слугамъ. Не только при Гетманѣ, въ его резиденціи, Генеральный Подскарбій для надзору за войсковыми имуществами будетъ избираться, но и въ каждомъ полку два Подскарбія, люди знатные и богатые, должны быть избраны; они должны вѣдать о полковыхъ и городовыхъ приходахъ и о поборахъ съ посполитства; относиться съ докладами обязаны

къ Генеральному Подскарбію. А Полковники до полковыхъ казначействъ дѣла не имѣютъ, и должны довольствоваться приходами и имуществами, принадлежащими уряду Полковничьему.

10. Гетманъ долженъ оберегать во всемъ и вездѣ ненарушимость устроеннаго порядка; но наиболѣе повиненъ обращать прилежное и неусыпное вниманіе на то, чтобъ людямъ войсковымъ и посполитымъ не чинились отягощенья, налоги, здирства, отъ которыхъ они, бывало, покидая жилища свои, искали въ чужихъ земляхъ жизни легчайшей и спокойнѣйшей. И потому Сотники, Атаманы и всякіе войсковые и посполитые урядники да не осмѣливаются исполнять работъ частныхъ и Панскихъ козаками и посполитыми, къ уряду ихъ не принадлежащими, или въ ихъ собственномъ владѣніи не находящимися, какъ то: ни сѣна косить, ни жать и убирать хлѣбъ съ полей, ни гатить плотинъ таковыми людьми имъ не позволяется, а и того болѣе отымать насильственно мѣста селитьбенныя, или у ремесленниковъ рухлядь и движимость. Все это Гетманъ обязанъ воспрещать всею своею властію, а для примѣра да остерегается и самъ чинить что-либо подобное. А какъ таковыя тягости, угнетенія и здирства налагаются на народъ почти всегда властолюбивыми закупщиками урядовъ, которые не заслугами, но подкупами, жадные къ обогащенію на урядахъ, прельщаютъ Гетмановъ и по ихъ волѣ, а не по вольному избранію втискиваются на мѣста Полковническія и другія; то постановляется закономъ неизмѣннымъ, изъ опасенія, чтобъ Гетманы не соблазнялись взятками и лицепріятіемъ, никого не поставлять ни на

какой урядъ своевольно; а всѣ , и войсковые и посполитые урядники, въ особенности-же Полковники, будутъ избираемы голосами вольными и только подтверждаемы Гетманомъ. Эти выборы должны быть отправляемы съ волею Гетманскою; въ полкахъ урядниковъ и сотниковъ должны избирать сотни , и таковыхъ урядниковъ никто, кромѣ вольныхъ голосовъ, отставлять права не имѣетъ.

11. Вдовы козацкія , ихъ осиротѣлыя дѣти , и жены козаковъ, находящихся на службахъ войсковыхъ или въ походахъ, въ ихъ отсутствіи освобождаются отъ всѣхъ посполитыхъ повинностей.

12. Города Украинскіе еще и тѣмъ отяготились, что часть посполитыхъ, которые отбывали повинности народныя , поступили во власть людей духовныхъ и свѣтскихъ ; а остальные все тѣ-же повинности несутъ , не смотря на малолюдство приключившееся отторженіемъ селъ. И такъ , по окончаніи военнаго мятежа отчизны , устроится Генеральная Рада, на которой разсудится и постановится кому слѣдуетъ владѣть войсковыми добрами и имуществами и кому не слѣдуетъ. Такъ-же и отъ того тягость убогимъ посполитымъ увеличилась, что козаки, взявъ къ себѣ богатыхъ посполитыхъ въ подсусѣди, охраняютъ ихъ отъ общественныхъ повинностей, и зажиточные купцы, обязанные подавать также помощь , уклоняются отъ оной , то покровительствомъ Полковниковъ и Сотниковъ , то универсалами Гетманскими; таковыя злоупотребленія Ясневельможный Гетманъ обязанъ прекратить.

13. Столичный городъ Кіевъ (*) и другіе Украинскіе города съ своими Магистратами остаются при всѣхъ правахъ и привилегіяхъ, которыя имъ были издавна пожалованы.

14. Посполитство наѣздами и подводами, а козаки проводничествомъ наиболѣе были отягощаемы и даже обѣдняемы до нищенства. Отнынѣ навсегда уничтожаются повинности подводная и проводническая; никто не имѣетъ права требовать кормовъ, водопоевъ и взятокъ; развѣ кто будетъ ѣхать по дѣлу народному, да и тогда онъ долженъ имѣть подорожную отъ самого Ясневельможнаго Гетмана и да не осмѣливается брать подводъ свыше числа въ ней указаннаго. Особенно-же, чтобъ Старшины, ихъ слуги и слуги Гетманскіе не смѣли, ѣдучи по собственнымъ надобностямъ, ничего того требовать. Это разоряетъ народъ, люди бѣдные нищаютъ, а Вельможа, или слуга его ѣдутъ по дѣламъ отнюдь невойсковымъ и безъ подорожной. Отнынѣ таковые должны ѣздить по городамъ и селамъ за свои деньги, а не насильственными средствами.

15. Аренды, учрежденныя для годоваго жалованья Компанейцамъ и Сердюкамъ и на иные расходы войсковые, и постои Компанейскіе и Сердюцкіе—суть мѣры беззаконныя и отяготительныя. И такъ то и другое уничтожается. А какъ содержать

(*) Забавно читать здѣсь распоряженія Орлика на-счетъ Кіева и другихъ городовъ, бывшихъ законнымъ образомъ во власти Государя! Это похоже на дѣлежъ шкуры не убитаго медвѣдя!

Компанейцевъ, — о томъ будетъ на Радѣ постановленіе.

16. Стократно бѣдные люди вопили и жаловались, что индуктари, факторы и ярмарочные объѣзчики причиняютъ имъ необыкновенныя и неисчислимыя здирства, такъ что человѣку убогому невозможно было появиться на ярмаркахъ, не льзя было ни продать, ни купить ничего; а избави Боже попасться въ какую-нибудь ничтожную вину, то объѣздчики съ ногъ до головы бывало оберутъ. И потому отнынѣ индуктари и ихъ факторы, ничего лишняго не вымогая отъ купцовъ и бѣдныхъ людей, обязаны будутъ отбирать пошлину въ казну Войсковаго Казначейства; и только тѣ екзаціи, евекты и индукты, которые указаны въ условіяхъ.

Орликъ, который присягнулъ на вѣрность службы народу въ санѣ Гетманскомъ, Апрѣля 5-го, былъ утвержденъ Королемъ, присягнулъ на статьяхъ, и получилъ грамоту въ Бендерахъ Мая 10-го. По нимъ ясно, до какой степени Украйна угнетена была Гетманами, Старшинами и Урядниками послѣ Хмѣльницкато. Во времена Орлика онѣ были уже несвоевременны.

« По смерти Мазепы,—такъ говоритъ Конисскій,—провозглашенъ въ Бендерахъ, отъ стороны Порты и Короля Шведскаго, Гетманомъ Мазепинъ писарь Орликъ. Онъ универсалами своими разсѣявалъ плевелы въ полкахъ Заднѣпрскихъ и во всей Малороссіи, приглашая народъ и войско къ повиновенію ему; продолжалъ сіе до половины 1711 года, и тогда исчезъ со всѣмъ своимъ скопищемъ, и очутился послѣ на жительствѣ во Франціи, откуда писалъ однажды

въ Малороссію, чтобы отъ ней подарено ему было двадцать тысячь рублей; а онъ за-то обѣщалъ выдать въ Малороссію всѣ ея древнія привилегіи и другіе важные національные документы, при смерти Мазепиной имъ къ себѣ захваченные. *Войска и народъ, отъ временъ Виговскаго до Мазепы видѣвши у себя столько обманщиковъ, сколько видѣли Великороссіяне Самозванцевъ*, весьма презирали сумасбродства Орликовы, ни мало не внимали его льщеніямъ и затѣямъ, и были привержены непоколебимо къ законному своему начальству. И только одни Запорожцы, бывъ отъ многихъ лѣтъ становищемъ своимъ или Сѣчью въ серединѣ почти степей Татарскихъ, въ Устьи Днѣпра и Буга, не знали кому достаются они и пристали къ Орлику; а съ нимъ и Татарами Крымскими и Бессарабскими дѣлали многіе набѣги и разоренія въ Малороссіи, а паче въ Заднѣпріи, отомщевая народу за его къ нимъ недоброжелательство и сопротивленіе.»

При таковыхъ чувствахъ народа къ прокламаціямъ Карла и къ универсаламъ Орлика, Петру не трудно было быстро приблизиться къ цѣли. Въ Сентябрѣ Измайлова отозвали въ Москву; его мѣсто при Гетманѣ заступили Думный Дьякъ Виніусъ и Стольникъ Ѳедоръ Протасьевъ; обоимъ опредѣлено было на содержаніе двѣсти дворовъ изъ имѣній Мазепиныхъ приверженцевъ. Скоропадскій страдалъ; на него и на Малороссію обрушились всѣ возможныя бѣдствія: моръ, саранча, набѣги Запорожцевъ, доносы и немилость Царская. Кіевскій Воевода Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ увѣдомилъ, въ Октябрѣ, Графа Головкина, что Нѣжинскаго пол-

ка, Коропскій Сотникъ, Иванъ Логиновъ донесъ ему, будто-бы Скоропадскій переписывается съ Орликомъ.

Доносъ былъ безразсуденъ: Орликъ искалъ Гетманства, Скоропадскій былъ Гетманъ, — между ними неминуема была вражда. Головкинъ писалъ къ встревоженному Гетману: «Какъ мы видимъ, у Вашей Вельможности съ Кіевскимъ Воеводою несогласно; однако-жъ Царское Величество на вашу вѣрность есть благонадеженъ и безосновательнымъ никакимъ доносамъ повѣрено не будетъ; въ чемъ извольте Ваша Вельможность быть надеженъ.» — Эта опасность пронеслась мимо; но Царь призналъ за благо сдѣлать измѣненія въ управленіи Малороссіею, и измѣненія эти быстро слѣдовали одно за другимъ. Между тѣмъ Запорожцы тревожили ее набѣгами, захватывали мирныхъ жителей, продавали Туркамъ въ плѣнъ. Въ Ноябрѣ многіе козаки городовые лишены были ими свободы или имущества.

Къ этимъ неустройствамъ и горестямъ Небо наслало на Украйну два тяжкихъ бѣдствія: моръ и саранчу. Лѣтописцы приписываютъ начало мора войнѣ Шведской. Многія тѣла убитыхъ, говорятъ они, худо зарытыя, были вытащены звѣрями на поверхность земли, и разнесены птицами; ядовитыя испаренія наполнили воздухъ; язва началась въ Полтавщинѣ и протянулась въ Польшу и въ Галицію. Тогда множество людей погибло наиболѣе въ Кіевѣ и въ лучшихъ городахъ, въ которые обыкновенно стекается многочисленный народъ послѣ всеобщаго разоренія селеній; онъ-то принесъ изъ-подъ развалинъ отеческихъ жилищъ бѣдность, отчаяніе, болѣз-

ни и смерть. «Въ это время,—говоритъ очевидецъ,— «пустъ городъ Кіевъ остался, яко выгнонно всѣхъ «обывателей и съ Кіева, и странствовали отъ града «во градъ, еденъ другаго чуждаючися: отецъ дѣтей, «дѣти отца; и многихъ трупы поядали звѣріе, пти-«цы, псы и свиніи. Церкви Божественныя опусто-«шѣли, тако-жъ и монастыри; и не было ни жертвы, «ни приношенія; и такое было время, что ни ку-«пити, ни продати, ибо городы были позапиранны, «домы позабиваны, жители изгнанны, и все, кто «что имѣлъ, оставлялъ и бѣгалъ по пустыняхъ и по-«ляхъ; и тогда было тое, что двѣ мельницы въ жер-«новахъ: едина поемлется, другая оставляется: ви-«дѣлъ другъ друга смерть ходячи; ибо и сидячіи «вмирали нечаянно, и живыи чуждалися мертвихъ «своихъ.»

Когда-же саранча снова налетѣла на поля Украин-скія, когда она до корня съѣла всѣ посѣвы и всѣ травы,—народъ, пораженный двумя бичами небес-ными, — «думалъ, что пришла уже кончина міра, «упражнялся въ моленіяхъ, пріуготовлялся къ смер-«ти и мало заботился о своей нестерпимой жизни. «Но голодъ и постояльцы, пришедшіе на зимовлю, «разогнали мракъ отчаянія и принудили его пе-«щись о пропитаніи себя и сихъ гостей, и сбывать «на то послѣднее свое имущество. Правительство «народное невластно тогда было облегчить состоя-«ніе своихъ подчиненныхъ, ибо все то отняли у «нихъ постояльцы и ихъ начальники, и они сами «представляли одинъ нуль, ничего не значущій.» Эта моровая язва, поглотившая въ одномъ Черниговскомъ полку одиннадцать тысячъ восемь-сотъ трид-

цать человѣкъ обоего полу, стала уменьшаться только въ 1712 году, да и тогда еще продолжалась въ Сосницѣ.

Въ одиннадцатомъ году Скоропадскій, съ Генераломъ Бутурлинымъ и съ восьмью полками Великороссійскими, стоялъ у Каменнаго Затона, охранялъ границы, и разорилъ Сѣчь у рѣчки Каменки. Запорожцы поселились на лѣвомъ берегу Днѣпра при урочищѣ Алешкахъ. Между тѣмъ война Петра съ Турками окончилась знаменитымъ миромъ при Прутѣ; Скоропадскій возвратился въ Гадячъ, распустилъ козаковъ; Бутурлинъ размѣстилъ свою дивизію въ Полтавскомъ полку. 1711 года. 12 Іюля.

Орликъ, Ломиковскій, Горленко, Мировичъ, Гордѣенко старались разорвать Прутскій миръ; начали сноситься съ своими родственниками; возстановляли ихъ противъ Государя, противъ тогдашняго образа правленія. Гетманъ принялъ дѣйствительныя мѣры: жена Дмитрія Горленка, сынъ Ломиковскаго, жена, братья и мать Мировича; мать и братья Бутовича, который былъ зятемъ Горленка; Семенъ Забѣла, котораго жена жила съ Орликомъ, шурины Орлика—были отправлены всѣ въ Москву. Этимъ не прекратилось переселеніе Украинцевъ изъ родины: то были времена, въ которыя и семейство, и даже дальніе родственники преступника терпѣли казни, изгнанье, нищету, поруганіе. Не станемъ обвинять Россіи; во всей Европѣ было такъ! Въ Россіи первой уничтожены пытки и забыта опала на все семейство, за члена, ему принадлежащаго. Вѣка, въ томъ и другомъ случаѣ, не заставятъ забыть великаго имени Екатерины Второй. Но въ тѣ, 1712. Апрѣл.

говорю я, времена было иначе. И вскорѣ послѣ отсылки въ Москву названныхъ мною опальныхъ Украинцевъ, сосланы были въ Соловецкій монастырь:

Сентябрь. Батуринскаго Николаевскаго монастыря Архимандритъ Гедеонъ Одорскій, Лохвицкій Протоіерей Рогачевскій, и челядникъ Архимандричій, родомъ изъ Черкасъ, Видковскій. На Бѣлое озеро въ Горицкій монастырь племянница Мазепы, Глуховскаго Успенскаго монастыря намѣстница, Мароа, съ своими келейницею Магдалиною и служанкой Екатериной.

Переселенія козаковъ и простолюдиновъ изъ Заднѣпрія начались еще съ 1710 года; въ 1712-мъ Государь приказалъ Гетману обнародовать универсалъ къ жителямъ Нѣмирова, Брацлава, Уманя, Чигирина, Канева, Богуслова, Бѣлой-Церкви и Хвастова, съ повелѣніемъ переселяться въ города восточной Украйны немедленно. Гетманъ угрожалъ Старшинамъ и народу, также людямъ духовнаго и посполитаго чина, въ-случаѣ непослушанія и медленности, выгнать ихъ войсками Великороссійскими, и жилища ихъ предать огню. Государь предвидѣлъ скорую отдачу тѣхъ полковъ Полякамъ. При всѣхъ быстрыхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ въ Украйнѣ, власть Гетманская до того ослабѣла, что насчетъ чиновъ онъ не только не-вправѣ былъ располагать, но даже представленія его потеряли силу. По случаю смерти Кіевскаго Полковника Вольскаго, Гетманъ представилъ на его мѣсто Генеральнаго Хоружаго. Государь перевелъ туда Бѣло-Церковскаго Полковника Танскаго, въ награду за скорый переходъ козаковъ его изъ Заднѣпрія: но Гетманъ

продолжалъ пользоваться наружнымъ почтеніемъ къ его сану.

Константинъ Генваревскій ѣхалъ чрезъ Калугу и былъ у тамошняго Воеводы Зыбина; этотъ, изъ хвастовства и важничанья чиномъ своимъ, видя власть Гетманскую почти вовсе уничтоженною, началъ насмѣхаться и неприлично говорить о Скоропадскомъ. Генваревскій донесъ о томъ Государю, жалуясь, что сверхъ того Воевода не далъ ему подводъ. Зыбинъ лишился имѣнія и былъ отправленъ головою въ Глуховъ къ Гетману. Сообщники Мазепы и люди ему близкіе несли тяжкія за него гоненія; эти горести, нищета, изгнаніе постигали даже и невинныхъ, подозрѣваемыхъ; уже три года продолжалось ихъ преслѣдованіе, а участники доноса и бѣдствій Кочубея были все еще позабыты и все еще томились вдали отъ родины. Наконецъ Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій началъ за нихъ ходатайствовать, и въ этомъ году Священникъ Полтав- 1712.
скій Иванъ Святайло и слуги Искры и Кочубея были возвращены изъ ссылки.

Къ концу года пришло на зимовлю шесть драгунскихъ полковъ. Правительство намѣрено было покупать для нихъ провіантъ и фуражъ. То и другое Гетманъ, по простотѣ, подарилъ. На будущіе годы это обратилось въ обязанность; полки оставлены были въ Украйнѣ подъ названіемъ *Консистентовъ*. Со-временемъ вошли въ города знатнѣйшія другія Великороссійскія войска и составили непремѣнные гарнизоны въ Глуховѣ, Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, въ Лубнахъ и въ Полтавѣ. Продовольствіе всѣхъ тѣхъ войскъ и ихъ ло-

шадей возложено было на обывателей, необходя никого, даже служителей козаковъ регистровыхъ; а поставка провіанта и фуража назначена безъ заплаты и въ натурѣ, то есть: мукою, крупою, овсомъ и сѣномъ; всѣ селенія обложены порціонами и раціонами; для сбору ихъ и подряда въ команды, учреждены въ каждомъ городѣ и сотнѣ Коммиссары, выбранные изъ грамотныхъ и имущественныхъ козаковъ. Такія поставки въ войска не только продовольствовали людей и лошадей, но были очень полезны для полковыхъ и отрядныхъ командировъ: « когда въ удобное время поставляютъ Коммиссары « провіантъ и фуражъ въ команды, то Командиры « его непринимаютъ, и говорятъ, что онъ, завременно приготовленный, протухнетъ или выдхнется и « отъ того интересъ Государевъ постраждетъ; когда-же наступятъ Мартъ и Ноябрь, съ крайнимъ « бездорожьемъ, тогда они и потребуютъ сихъ выстаченій вдругъ съ экзекуціями и побоями. Коммиссары, зная невозможность поставить натурою, « а паче изъ отдаленнаго разстоянія, прибѣгаютъ « къ Командирамъ, ползаютъ предъ ними, вытерпливаютъ всѣ ужасы придирокъ и самыхъ пощочинъ; и наконецъ умилостивляютъ ихъ и « платятъ имъ всякую порцію и рацію деньгами « вдесятеро больше, чего они стоятъ. Отважные-же « Коммиссары, поставившіе тогда участки свои, « натурою должны выдерживать странное испытаніе фуража на самихъ себѣ; и всѣ начальники, « даже и рядовые, порютъ Коммиссара въ носъ « и губы сѣномъ и овсомъ, говоря, что онъ крупенъ, либо мелокъ, либо худаго урожая, и что

« много отъ того претерпитъ интересъ Государя; « а за тѣмъ все кончится приношеніемъ или по- « жертвованіемъ. Но Коммиссаръ, возвращающій- « ся отъ отдачи натурою, всегда уже примѣтенъ « по разбитымъ губамъ и по огромному носу; и « отъ сего многіе козаки потеряли имѣніе свое, « откупляясь отъ Коммиссарства. » Таковъ разсказъ очевидцевъ!

Война съ Турками кончилась; Прутскій миръ былъ подтвержденъ въ Адріанополѣ; козаки, собранные въ Украйнѣ, были распущены. Ее оберегать остались одни постояльцы.

ГЛАВА L.

Возвращеніе приверженцевъ Мазепы въ Россію. Ограниченіе Полковнической власти. Запорожцы селятся въ Украйнѣ. Ихъ несчастное положеніе. Малороссіяне на земляныхъ работахъ. Письмо Царя къ Гетману. Замужство Гетманской дочери. Поѣздка Гетмана въ Москву. Милости Царскія къ нему и къ Маркевичамъ. Благородное и безбоязненное слово Гетмана Царю на-счетъ суда надъ Царевичемъ. Митрополитъ Кроковскій. Гибель его. Моровая язва. Неблагодарность Меньшикова. Его наглость и гордость. Дѣла Почепскія. Жалобы на него. Озлобляется на Скоропадскаго. Мститъ всѣмъ Малороссіянамъ. Столбы съ пятью спицами. Новая жалоба Царю отъ Скоропадскаго. Малороссіяне роютъ каналы. Описныя Государевы слободы. Ихъ Контора. Бѣдствія Украинскихъ помѣщиковъ. Безпорядки въ Гетманской Канцеляріи. Войсковая Канцелярія. Доносъ. Протасьевъ. Ладожскій каналъ. Гибель Украинцевъ на Ладогѣ. Орликъ, Герцикъ и Нахимовичъ. Жизнь Войнаровскаго. Скорняковъ-Писаревъ. Судебная Канцелярія. Нейштадскій миръ. Гетманъ въ Москвѣ. Бригадиръ и шесть Штабъ-Офицеровъ при Гетманѣ. Малороссійская Коллегія. Кончина Скоропадскаго. Отзывъ о немъ Историковъ. Несчастія народныя во время его Гетманства. Характеръ его. Пословицы. Анекдоты.

Послы Царскіе въ Константинополѣ, Толстой и Шафировъ, уговаривали приверженцевъ Орлика и Мазепы возвратиться въ Украйну; удостовѣряли скитальцевъ въ томъ, что Государь ихъ проститъ; почти цѣлой годъ тѣ колебались, наконецъ рѣши-

лись пріѣхать въ Глуховъ; они туда прибыли въ Апрѣлѣ 1715 года. То были Дмитрій Горленко, 1715.
прежній Полковникъ Прилуцкій; зять его Бутовичъ; Иванъ Максимовичъ, Орликовъ Писарь; Михайло Ломиковскій и Канцеляристъ Антоновичъ; ихъ отвезли въ Москву, тамъ жили они на свободѣ, получая: три первые по десяти копѣекъ, остальные по пяти въ день; Гетманъ высылалъ въ то-же почти время бѣглыхъ Великороссійскихъ солдатъ и кре- 1714. 1715.
стьянъ, поселившихся во множествѣ въ Украйнѣ. Государь отпустилъ на родину Мазепинаго Канцеля- 1715.
риста Андрея Кандибу, бывшаго Полковника Лубенскаго Григорія Гамалѣю, и Лисовскаго, который изъ Гадячскаго Протопопа сталъ Сотникомъ.

Но, незлобивый съ каждымъ, отдѣльно взятымъ изъ своихъ подданныхъ, Государь видѣлъ необходимость уничтожать права Гетманщины, съ большею и большею дѣятельностію; и такъ власть Гетмана была ограничена; наступило время къ ограниченію власти Полковниковъ. Они лишились права назначать по своему выбору полковыхъ Старшинъ, это дѣло было предоставлено Гетману съ приведеніемъ новоизбранныхъ къ присягѣ, въ присутствіи Протасьева. Въ статьяхъ договорныхъ Орлика съ Гордѣенкомъ мы видѣли, какъ покупались не только эти уряды, даже и Полковничьи; и такъ потери никакой для народа въ этомъ постановленіи не было; но то было нововведеніе и старики впадали въ печаль.

Запорожцы мало по-малу появились въ Украйну; ихъ селили здѣсь и тамъ; ихъ употребляли въ работы домашнія. Гордѣенко былъ убитъ; его замѣ-

нилъ Милашевичъ; новый Кошевый умолялъ Государя, черезъ Гетмана и черезъ Апостола, о позволеніи селиться на старомъ Кошѣ; Государь отвергнулъ его прошеніе. Ханъ Крымскій ихъ обижалъ; въ Сѣчѣ не было ни одной пушки; они то строили линію Перекопскую, то бились съ Черкесами, то служили Татарамъ безъ денегъ, за кусокъ хлѣба.

Но что было совершенно ново и нестерпимо для Малороссіянъ, это «первый примѣръ занятія, внѣ родины, земляною работою!»—говоритъ правдолю-
Бант.-Кам. III, 141. бивый Бантышъ-Каменскій; нѣсколько тысячь коза-
1716. ковъ, съ Генеральнымъ Хоружимъ Сулимою, пошли на Волгу и Донъ рыть каналъ между этими рѣками, и потомъ проводить линію противъ Кубанской Орды.

Въ 1717 году Малороссіяне получили надежду отдохнуть отъ тягостей, наложенныхъ на нихъ Цар-
1717. скимъ гнѣвомъ; Петръ Великій писалъ къ Гетману изъ Амстердама, что, по возвращеніи войскъ изъ Польши, уменьшитъ число постояльцовъ на зимнее время; въ доказательство, что Малороссіяне неотягощены, онъ напоминалъ Гетману объ увольненіи народа отъ податей, о долговременномъ бездѣйствіи козаковъ, и обѣщалъ содержать ихъ, когда окончится война съ Шведами, въ милости, при правахъ и вольностяхъ, «безъ умаленія.»

Въ это время Скоропадскому вздумалось выдать свою пятнадцатилѣтнюю дочь, за кого-нибудь на Украйнѣ, чтобъ при старости глубокой и здоровьи ослабѣломъ, прежде кончины своей, быть свидѣтелемъ ея благополучія. Онъ просилъ разрѣшенія Государева. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Въ ознаменова-

ніе вѣрности, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, Гетманъ долженъ сговорить и выдать дочь за одного изъ чиновниковъ Великороссійскихъ.» Сынъ Царскаго любимца, Петръ Петровъ Толстой, сталъ зятемъ Скоропадскаго, и черезъ два года получилъ полкъ Нѣжинскій, на мѣсто умершаго Полковника Лукьяна Жураховскаго, «во уваженіе вѣрной и усердно-радѣтельной службы тестя.» 1719. Марта 8.

Государь возвратился изъ чужихъ краевъ. Скоропадскій поѣхалъ въ Москву поздравить Его съ пріѣздомъ; Генеральный Писарь Семенъ Савичъ и 1718. Бунчужный Яковъ Лизогубъ; Полковники: Черниговскій, давно уже извѣстный Государю, со временемъ знаменитый, Павелъ Полуботокъ; Гадячскій, возстановитель Черноморцевъ противъ Турковъ, храбрый и благородный Сербъ, Михайло Милорадовичъ; Лубенскій Андрей Маркевичъ и племянникъ Гетмана, Михайло Скоропадскій, съ двумя стами козаковъ,—поѣхали съ Гетмановъ. Въ Москвѣ имъ отвели домъ Графа Рагузинскаго; Государь принялъ Гетмана милостиво; цѣлая рота была въ караулѣ при немъ; наконецъ Государь одарилъ его щедро (*),—«за его вѣрныя и усердныя службы, ревность и прилежаніе во всѣхъ принадлежащихъ

(*) Онъ получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Коропъ, Краснополье, Рожествено, Городище, Поросячно, Сасиновку, Линовицу; волости: Ропскую и Быковскую, со всѣми селами и приселками; Кочуровку, Сопичь, Вихвастовъ, Буровку, Дроздовицу, Полуботки, Пѣвцы, Ваганичи, Бѣлоусъ, Владимировку; дворецъ въ Черниговѣ, загородный домъ на Бобровицѣ.

къ интересу Нашему случаяхъ, и особливо за непоколебимую, показанную къ Намъ, Великому Государю, вѣрность.» Этого казалось для Государя недовольно: награждая Гетмана и въ лицѣ его родныхъ, онъ утвердилъ за Маркевичами ихъ огромныя помѣстья и далъ имъ новыя (*). Такъ тѣшилъ Государь простодушнаго старика, все менѣе и менѣе ему оставляя изъ прежней Гетманской власти. Но если не льзя дать Скоропадскому ума и дальновидности, за-то не льзя въ немъ не признать благородства и благодушія.

Въ столицѣ онъ былъ свидѣтелемъ произшествія, душу волнующаго, дѣла страшнаго, необыкновеннаго—суда отцовскаго надъ сыномъ; суда надъ Царевичемъ Алексіемъ Петровичемъ. Не здѣсь размышлять о причинахъ, побудившихъ Петра къ этому подвигу; не здѣсь удивляться стойкости Самодержавнаго Брута, самоотверженности Русскаго Царя на пользу Россіи. То не касается Историка Малороссіи. Но какъ всѣ верховные Чины, духовные и свѣтскіе, судили Царевича, то Государь предложилъ Гетману и Старшинамъ участвовать въ судѣ и подписать приговоръ. Скоропадскій отвѣчалъ: *не имѣю власти судить сына съ Отцемъ и Государемъ своимъ; въ подобномъ дѣлѣ не льзя быть безпристрастнымъ.* — Слабый, немощный Гетманъ изъяснился-бы иначе,—говоритъ ученый и трудолюбивый Бантышъ-Каменскій,—если-бъ
III. 144. не находился при немъ Мужъ твердый и словомъ

(*) Изъ которыхъ значительнѣйшія Козловъ, Рудовка, Пасковщина, Переволочна, Гурбинцы, Туровка и многія другія.

и дѣломъ. — Онъ полагаетъ, что тѣ слова внушилъ Скоропадскому его спутникъ въ столицу, Полуботокъ. Но для Исторіи это тайна; Исторія не въ правѣ догадываться, кто кому внушилъ слово благородное; и честь отвѣта вполнѣ принадлежитъ одному Скоропадскому. Всѣ Старшины предъ Царемъ повторили его слова. Тогда-же Государь потребовалъ Кіевскаго Митрополита, Іоасафа Кроковскаго, для выслушанія Духовнаго Регламента и для подписки согласія. Митрополитъ, получивъ повелѣніе, собралъ духовный совѣтъ; слухъ пронесся, что Государь намѣренъ отобрать у духовенства недвижимость, и что оно останется частью на жалованьи, частью на доброхотномъ подаяніи. На совѣтѣ приговорили не соглашаться и не подписывать. Чернецъ Свинскаго монастыря Ириней донесъ о соборѣ. Митрополитъ и Епископы были схвачены въ Твери, на дорогѣ въ Петербургъ; сосланный въ Тверскій монастырь, Іоасафъ скоро скончался, а первенство надъ Духовенствомъ получилъ Кириллъ Шумлянскій, который подписалъ все, что ему было приказано.

« Воротившееся изъ Санктпетербурга духовенство, —говоритъ лѣтопись, —а паче первенствующій между Архимандритами, Архимандритъ Кіевопечерскій Іоакимъ Сенютовичъ, поражены были страшнымъ приключеніемъ, сочтеннымъ отъ нихъ за вѣрный прогностикъ на перемѣну въ монашествѣ. То былъ необыкновенный пожаръ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, случившійся отъ недосмотра Намѣстника и приведшій почти весь монастырь въ пепелъ и развалины; при другихъ драгоцѣнностяхъ церковныхъ и

монастырскихъ, цѣлыми вѣками собранныхъ, неоцѣненною потерею считалась самая первая въ Россіи, многочисленная и древнѣйшая Библіотека, собранная еще Великимъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ и сбереженная въ пещерахъ отъ всѣхъ прежде бывшихъ нашествій непріятельскихъ и разореній; но нынѣ, къ стыду содержателей ея и къ крайнему сожалѣнію соотечественниковъ, среди тишины, пламенемъ поглощенная. Въ ней содержались великія тысячи книгъ рукописныхъ, драгоцѣнныхъ, на разныхъ языкахъ, и многія между ними на такихъ, которые и ученымъ тогдашнимъ мужамъ свѣдомы не были, а особливо всѣ записки и документы до Исторіи правленія Славянскихъ племенъ и Царствъ и до ихъ законовъ и устройствъ касающіеся. Государь, при печальномъ извѣщеніи о такой важной потерѣ, не могъ удержаться отъ слезъ.»

Въ первыхъ числахъ Августа, Гетманъ возвратился въ Малороссію; скоро постигло ее прежнихъ годовъ несчастіе—моръ. Сообщеніе съ Заднѣпріемъ было прервано; старанія и дѣятельность Миргородскаго Полковника остановили язву въ началѣ; черезъ мѣсяцъ она утихла. Сжалясь надъ жителями, вмѣсто шести драгунскихъ полковъ Генералъ-Маіора Яковлева, Государь, во уваженіе просьбъ Гетмана и несчастій, самою природою ниспосланныхъ на Украйну, велѣлъ вступить на зимовлю одному только драгунскому полку.

Наступило время благодарности Князя Меньшикова Скоропадскому. Онъ пріѣхалъ осмотрѣть Почепщину.

Вотъ какъ описываетъ Кониссkій это произшествіе: « Меньшиковъ, получа отъ Гетмана Почепъ, 1719.
увеличилъ собственною своею властію вдесятеро; подъ видомъ древняго уѣзда Почепскаго присоединилъ къ Почепской волости сотни: Мглинскую, Бакланьскую, часть Стародубской и Погарской, и занялъ все то своимъ ограниченіемъ и проведенною притомъ чрезъ иностранцевъ всемогущею Астролябіею, которой дотолѣ во всей Руси не бывало, и предъ которою все было безмолвно, почитая направленіе ея и дѣйствіе магнита — Божественнымъ или магическимъ произведеніемъ. Вошедшіе въ то ограниченіе владѣльцы, чиновники и козаки съ ихъ крестьянами или посполитыми причислены къ Почепу и обложены всѣми повинностями посполитства тамошняго, считая всю Почепщину удѣльнымъ Княжествомъ Меньшиковскимъ; а разставленные во многихъ мѣстахъ гербы Княжескіе съ титулами его, оканчивавшимися сими словами: *и прочая*, заставляли всѣхъ думать, что древнія дѣленія Руси на Княжества опять возникли. Между тѣмъ попавшіеся въ сіе химерическое Княжество владѣльцы и чиновники были пожалованы по волости Бургомистрами городскими и Войтами сельскими, и долго сносили иго сіе, какъ оглушенные или обвороженные.»

Скоропадскій увидѣлъ, что значитъ хищнику дать поводъ къ притязаніямъ. Зная справедливость Государя, видя въ немъ судію нелицепріятнаго, не имѣя никого другаго, передъ кѣмъ можно было-бы тогда тягаться съ Меньшиковымъ, обратился къ Петру. Дьяка Лосева, который межевалъ Почепщину,

удалили; Государь далъ Сенату Указъ: тому, что Гетманъ послѣ Полтавской баталіи отдалъ Князю Меньшикову и что жалованною Грамотою утверждено, — быть за нимъ; а что сверхъ того примежевано и взято, возвратить Гетману и послать нарочнаго, чтобъ то размежеванье вправду учинить; а которые ту лишнюю и неправую межу дерзнули учинить безъ Указу, тѣмъ выговоръ учинить, яко нарушителямъ Указа.

Озлобленный на Скоропадскаго Меньшиковъ просилъ у Государя помилованія; но поклялся мстить всей Малороссіи.

«Первымъ сигналомъ мщенія Меньшикова,—продолжаетъ Архіепископъ Кониссkій,—было посѣщеніе Почепщины, а оттоль Гетманской резиденціи, города Глухова, гдѣ хотя дѣланы ему отъ Гетмана возможныя встрѣчи, торжества и угощенія, однако велѣлъ онъ при себѣ поставить каменный столбъ и на немъ воткнуть пять желѣзныхъ спицъ, по числу головъ: Гетманской и Генеральной Старшины. Гетманъ не преминулъ опять жаловаться Государю за такую тяжкую ему обиду и самое презрительное поношеніе; и Государь, говорятъ, опять штрафовалъ за то Меньшикова, но тѣмъ болѣе умножалъ его злобу и поиски надъ Малороссіею.»

Съ этого дня всѣ возможныя отягощенія, непріятности, бѣдствія посыпались на народъ и на Гетмана, котораго и ко гробу привели! «Черта постыдная,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—въ исторіи непобѣдимаго Полководца, не дѣлающая чести душѣ его.»

Бант.-Кам. III, 145.

« Всеобщее мщенiе произведено Малороссiянамъ отъ Меньшикова посылкою многочисленныхъ войскъ ихъ, при толикомъ-же числѣ чиновниковъ, на каналы и линiи, около Ладоги, Сулака и Астрахани, гдѣ отъ тяжелыхъ работъ каторжныхъ, а паче отъ жестокости климатовъ тамошнихъ и крайне худаго содержанiя великiя ихъ тысячи согнили и перемерли. А при повторенiи сихъ посылокъ и работъ чрезъ нѣсколько лѣтъ переведены всѣ ихъ устроенныя войска; поступившiе-же на ихъ мѣста молодые козаки оставлены безъ всякаго устройства и повержены въ презрѣнiе и таковое-же употребленiе, удаленное почти отъ должностей воинскихъ. Владѣльцы Малороссiйскiе или знатные помѣщики тамошнiе воспрiяли участокъ мщенiя Меньшикова отборомъ многихъ у нихъ деревень и другихъ недвижимыхъ имѣнiй; предлогомъ тому было жительство въ ихъ деревняхъ и на ихъ земляхъ Великороссiйскихъ бѣглыхъ крестьянъ, помѣщичьихъ и коронныхъ, которые переселились еще за Польское владѣнiе въ Малороссiю; а бѣгали они съ прежнихъ жительствъ, яко-бы по причинѣ на ихъ гоненiя за вѣру нѣкую старую Христiянскую, о которой въ Малороссiи и слуху не было. А только извѣстно въ ней, что, въ началѣ XII-го вѣка, одинъ бродяга Армянской ереси, Мартинъ Мнихъ, разсѣвалъ бредни свои, подъ видомъ Греческаго Iеромонаха, въ сѣверной и восточной части Великороссiи, и многихъ тамо заразилъ своимъ заблужденiемъ; но когда приволокся онъ съ такимъ умысломъ на границу Малороссiйскую, то въ селѣ Рублевкѣ, въ окрестности города Опошни, взятъ подъ арестъ и отправленъ въ Кiевъ,

гдѣ сужденъ отъ Митрополита и всѣмъ духовнымъ соборомъ тамошнимъ; и по приговору его, апробованному и утвержденному Константинопольскимъ Патріархомъ, которому тогда Малороссійское духовенство подчинено было, сожженъ публично, со всѣми сочиненіями своими, наполненными самыхъ вздорныхъ бредней. Отобранныя у помѣщиковъ деревни названы *описными Государевыми слободами*, и изъяты отъ подчиненности Малороссійскимъ правительствамъ; а подчинены особенной волостной Конторѣ, учрежденной въ слободѣ Климовой, подъ начальствомъ отставныхъ Офицеровъ; и назвалась она *Конторою описныхъ Малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ*. Названіе раскольниковъ было приписываемо всему крестьянству, въ вѣдомствѣ той Конторы бывшему; а названы они раскольниками, потому что многочисленные акты ихъ или разнообразные толки не подходятъ ни къ какой сектѣ христіянской и ниже къ деистической, а суть они бредъ мужичій, взятый изъ самаго глубокаго язычества и умноженный безумнымъ суевѣріемъ. Онъ состоитъ въ выборѣ ручныхъ перстовъ, которыми-бъ сильнѣе креститься, и въ разборѣ образовъ Угодничьихъ и крестовъ Христовыхъ. И который образъ отъ другихъ богатѣе, старѣе и безобразнѣе, тотъ у нихъ и достойнѣе къ почитанію; а крестъ, имѣющій больше концовъ, есть предпочтительнѣй того, который о четырехъ концахъ; а сихъ иные считаютъ печатью Антихристовою; равно и о книгахъ христіянскихъ то-же бредятъ, что которая изъ нихъ старѣе, та и священнѣе; и въ такихъ разборахъ весь ихъ догматъ состоитъ; о существѣ-жъ

самой религіи и законѣ Христіанскомъ и понятія они не имѣютъ; а готовы спорить за все съ наилучшими богословами до бѣшенства; и скорѣй пойдутъ на всѣ мученія, чѣмъ признаться въ томъ, что ничего не понимаютъ. Раскольники сіи размножались въ Россіи и разбѣгались изъ нее по мѣрѣ ихъ преслѣдованія. Они наполняли Польшу, Пруссію, Молдавію и Бессарабію; но пострадали за нихъ одни помѣщики Малороссійскіе, да и то мірскіе. А монастыри, ублажившіе Меньшикова, удержали ихъ навсегда въ своемъ крестьянствѣ, и лишились ихъ уже при общей своей руинѣ.»

Таковы слова правдолюбиваго Архіепископа Конисскаго, краснорѣчиваго проповѣдника, гражданина, преданнаго престолу и отечеству, столба и защитника Вѣры Православной!

Вслѣдъ за гоненьями Меньшикова на помѣщиковъ Украинскихѣ, отправлено было пять тысячь козаковъ для постройки Кіевской крѣпости. Меньшиковъ не терялъ случая гнѣвить Государя противъ Скоропадскаго: въ Гетманской канцеляріи, во время хирагры Гетмана, произошли безпорядки,—врагъ его выхлопоталъ ему строгій Царскій выговоръ, который былъ препровожденъ Головкинымъ. Тамъ было сказано, что онъ поручаетъ печать Канцеляристамъ, которыхъ принимаетъ безъ всякаго разбору. Дѣйствительно, при немъ, въ этой должности, нашелся Григорій Михайловъ, служившій прежде при Орликѣ. Михайлова сослали въ Казань и учредили въ Малороссіи *Войсковую Канцелярію,* подъ предсѣдательствомъ Генеральнаго Писаря. Ему поручено было наблюдать, чтобъ въ записныя книги были включаемы

1720.

17 Ноября.

по порядку всѣ письма и универсалы Гетманскіе, а также и бумаги, подписываемыя имъ самимъ въ случаѣ болѣзней Гетманскихъ. Этимъ Меньшиковъ не ограничился. Протасьевъ донесъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, что Гетманъ не сообщаетъ ему писемъ, получаемыхъ отъ Коронныхъ Гетмановъ и другихъ знатныхъ особъ изъ Польши; раздаетъ измѣнничьи имѣнія и отнимаетъ земли у владѣльцевъ, безъ Царскаго разрѣшенія; не доставляетъ вѣдомостей о войсковыхъ доходахъ. «Въ Малороссіи,—писалъ онъ,—самые послѣдніе чиновники добываютъ себѣ богатство налогами, грабежемъ и винною продажею; ежели кого опредѣлитъ Гетманъ Сотникомъ, хотя изъ самыхъ бѣднѣйшихъ людей или слугъ своихъ, то, черезъ годъ или черезъ два, явятся у него дворъ, шинки, грунты, мельницы, всякія стада и домовые пожитки.»—Немедленно, въ отвѣтъ на доносъ, пришелъ Указъ Протасьеву явиться въ Петербургъ и забрать съ собою всѣ права войсковыя; а Декабря 17-го пришло къ Гетману повелѣніе отправить на работу Ладожскаго канала двѣнадцать тысячь козаковъ съ тремя Полковниками.

Ихъ отправили въ Февралѣ 1721 года; начальниками были Наказный Гетманъ, Черниговскій Полковникъ Павелъ Полуботокъ, Лубенскій Полковникъ Андрей Маркевичъ и Генеральный Хоружій Иванъ Сулима. Послѣдній умеръ на дорогѣ; тѣло его было привезено въ Переяславль и погребено въ селѣ Суб.-Кам. III. пр. 189. лиминцахъ. Въ этотъ походъ козаки были призваны изо всѣхъ полковъ; изъ нихъ перемерло на работѣ двѣ тысячи четыреста шестьдесятъ одинъ человѣкъ и осталось въ больницахъ надъ Ладогою двѣсти со-

рокъ четыре, не считая умершихъ и больныхъ козаковъ Миргородскихъ и Стародубскихъ, о которыхъ вѣдомость не была доставлена. Такъ тяготѣла месть временщика надъ Малороссіянами!

Орликъ продолжалъ переписываться съ Запорожцами черезъ Мировича, Герцика и Нахимовича. Карлъ XII уѣхалъ въ Стокгольмъ; онъ за нимъ туда-же. Король скончался; онъ пробылъ нѣсколько времени при Ульрикѣ Элеонорѣ и при Фридрихѣ I-мъ, который письменно удостовѣрялъ Запорожцевъ въ своемъ покровительствѣ. Орликъ получалъ отъ Шведскаго двора ежегоднаго жалованья по пяти-сотъ талеровъ; желая возстановить Поляковъ и Крымцевъ противъ Россіи, онъ отправилъ Нахимовича къ Хану, а Герцика въ Польшу. Ханъ отвѣчалъ, что безъ воли Султана не будетъ воевать съ Москвою; а Герцикъ имѣлъ еще менѣе удачи. 1720.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій схватилъ его и отправилъ въ Петербургъ, за крѣпкимъ карауломъ; до 1728 года онъ содержался прежде въ крѣпости, потомъ въ Адмиралтействѣ, наконецъ съ женою и дѣтьми былъ отосланъ въ Москву; тамъ дошелъ до столь крайней бѣдности, что, въ 1732 году, ему не-чѣмъ было похоронить своей жены. Вскорѣ Орликъ пріѣхалъ въ Брацлавъ съ грамотами 1720. Ноября 8. Фридриха къ Королямъ Англійскому и Польскому, къ Цесарю, къ Султану и къ Хану Крымскому. Но миръ Нейштадскій прекратилъ всѣ замыслы его вовлечь Порту въ войну съ Петромъ. Тогда Орликъ уѣхалъ во Францію; выдалъ дочь за Гамбургскаго Коммейданта, Французскаго Генерала Штенфлихта; по-временамъ безпокоилъ и оттуда, какъ мы уже

видѣли, Малороссію безразсудными требованіями, и кончилъ жизнь, забытый соотечественниками.

Такъ исчезали одинъ за другимъ клевреты Мазепы, навлекшіе на Малороссію бѣдствія безчисленныя! Такъ погибъ и Войнаровскій, почти около тогоже времени!

«Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы; но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ; знаемъ только, что бездѣтный Гетманъ , провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей ; въ 1705 году Войнаровскій былъ посланъ на службу Царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству Графа Головина; а въ 1707 году мы уже встрѣчаемъ его Атаманомъ пяти-тысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ подкрѣпленіе Меньшикова; откуда и возвратился онъ осенью, того-же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту вnaденія Карла XII въ Украйну, отправился къ Меньшикову, чтобы извинить медленность Гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньшиковъ былъ уже разочарованъ. Сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превратились въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности. Разсказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника и, чтобы удалить отъ себя тягостнаго на-

зидателя, Полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меньшикова прощеніе Войнаровскому, за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ Гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе чети козацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно; и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ службою сего славнаго измѣнника и булавоноснаго Рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ Хану Крымскому и Турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго Коронным Воеводою Королевства Польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ Полковника Шведскихъ войскъ и по смерти Мазепы назначилъ Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однако-жь, Войнаровскій потерялъ блестящую и вѣрную надежду быть Гетманомъ всей Малороссіи; ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего достоинства; отклонилъ отъ себя безземельное Гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы и, даже, откупился отъ онаго, придавъ Орлику три тысячи червонныхъ къ имени Гетмана, и заплативъ Кошевому двѣсти червонныхъ за склоненіе козаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность доставила ему знакомство, кажется, весьма двусмысленное, съ славною Графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его Короля Августа, матерью Графа Морица-де-Саксъ. Между

тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны: намѣреваясь отправиться въ Швецію, для полученія съ Короля занятыхъ имъ у Мазепы двухъ сотъ сорока тысячъ талеровъ, онъ пріѣхалъ, въ 1716 году, въ Гамбургъ, гдѣ былъ схваченъ на улицѣ Магистратомъ, по требованію Россійскаго Резидента Беттахера. Однако-жь, въ слѣдствіе протестаціи Вѣнскаго двора, по правамъ неутралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго — отдаться милости Петра I-го, предала его во власть Русскихъ. Онъ представился Государю въ день имянинъ Императрицы, и ее заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ, неизвѣстно. Миллеръ въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранныя языки и свѣтское обхожденіе.

« Такова была жизнь Войнаровскаго и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ-бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меньшиковымъ; наконецъ, ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло-бы его въ Вѣнѣ Графомъ, если-бъ онъ не имѣлъ тонкости свѣтской. Однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ

немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ.»

Мы не имѣемъ ничего прибавить къ этому жизнеописанію.

Наступилъ 1721 годъ, Малороссіянамъ часъ отъ часу не легче становилось. Предъ Новымъ годомъ Декабря 20. явился въ Полтаву и Переволочну Коммендантомъ Капитанъ гвардіи Богданъ Скорняковъ-Писаревъ, съ повелѣніемъ препятствовать Малороссіянамъ сноситься съ Запорожцами. Потомъ учреждена *Судебная Канцелярія* подъ предсѣдательствомъ Генеральнаго Судьи Чарныша. А между тѣмъ, какъ Войсковая Канцелярія не была, не смотря на Царскій Указъ, открыта,—то Генеральному Писарю объявлено, что будетъ наказанъ примѣрнымъ образомъ, если она не откроется черезъ мѣсяцъ. Ноября 12.

Нейштадскій миръ и поздравленія Государю снова призвали въ Москву Скоропадскаго. Онъ прибылъ туда Января 18-го, съ женою, съ семействомъ, съ зятемъ своимъ Толстымъ, съ Генеральнымъ Писаремъ Савичемъ и Генеральнымъ Бунчужнымъ Лизогубомъ. Ему отведенъ былъ домъ Князя Прозоровскаго и рота опять стояла при немъ въ караулѣ. На другой день ихъ прибытія, Гетмана посѣтили Меньшиковъ, Ягужинскій и многіе другіе Царскіе приближенные. 21-го Гетманъ представлялся Государю и поздравилъ его съ титуломъ Императорскимъ. 22-го вмѣстѣ былъ съ Гетманше у Императрицы. Государыня пожаловала Гетманшу портретомъ. Карета Скоропадскаго всегда подъѣзжала къ самому Государеву крыльцу; на встрѣчу выходилъ одинъ изъ придворныхъ; Гетманшу встрѣчала придворная 1722.

дама; въ Сенатѣ примали Гетмана Оберъ-Прокуроръ и Экзекуторъ; въ присутствіи онъ сидѣлъ между Генералъ-Адмираломъ и Великимъ Канцлеромъ; во Дворцѣ за столомъ подлѣ Императора. По жалобамъ на Меньшикова былъ удовлетворенъ.

Вдругъ состоялся Указъ: быть при Гетманѣ Бригадиру и шести Штабъ-Офицерамъ, *на основаніи*
Апрѣля 29. *договоровъ, постановленныхъ съ прежними Гетманами*, для прекращенія безпорядковъ въ войскахъ и въ судахъ. Въ тотъ-же день Государь далъ рѣшенія на статьи, представленныя Скоропадскимъ. Въ нихъ былъ отказъ вывесть полки изъ Украйны, и ни слова въ отвѣтъ на мольбы оставить Малороссіянъ на прежнихъ правахъ и вольностяхъ. Еще однажды Гетманъ попытался напомнить Государю о договорахъ Хмѣльницкаго съ отцомъ его, имъ самимъ и братомъ его подтвержденныхъ. Государь отвѣчалъ собственноручно: — «Пункты ваши подпи-
2 Мая. саны, также и указы о сочиненіи для суда Коллегіи при васъ; вмѣсто того какъ постановлено Хмѣльницкимъ, чтобъ верхней аппеляціи быть у Воеводъ Великороссійскихъ, оная учреждена, и тако ничего нарушенія постановленнымъ пунктамъ съ Хмѣльницкимъ не мнѣть, но будетъ сіе исполнено по онымъ.»

Мая третьяго самъ Императоръ пожаловалъ къ Гетману отобѣдать. Съ нимъ были: Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ, братъ его Петръ Матвѣевичъ, племянникъ Александръ Петровичъ, Ягужинскій, Графъ Петръ Андреевичъ Толстой, Чернышевъ, Ушаковъ, Головинъ, Скорняковъ-Писаревъ и два молодые Нарышкина. Государь разговаривалъ

о посторонних предметах и после обеда поцеловал Гетмана два раза въ голову.

А черезъ тринадцать дней учреждена была Малороссійская Коллегія; Маія 16 былъ изданъ о ней Манифестъ. Обязанности ея были слѣдующія:

«Надзирать за скорымъ и безпристрастнымъ производствомъ дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и обиженнымъ оказывать законное удовлетвореніе.»

«Имѣть вѣрную вѣдомость о денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ сборахъ и принимать оныя отъ Малороссійскихъ Урядниковъ и Войтовъ.»

«Производить изъ сихъ денегъ жалованья съ Гетманскаго совѣта Сердюкамъ и Компанейцамъ. Имѣть приходныя и расходныя книги, и ежегодно представлять ихъ Прокурору въ Сенатъ.»

«Препятствовать, съ Гетманскаго совѣта, Генеральнымъ Старшинамъ и Полковникамъ работами изнурять козаковъ и людей посполитыхъ.»

«Смотрѣть, чтобъ драгунамъ отводимы были квартиры, безъ всякаго исключенія, даже въ Гетманскихъ помѣстьяхъ, кромѣ двора, гдѣ онъ имѣетъ жительство и дворовъ Старшинъ, Священниковъ и церковнослужителей.»

«Разсматривать вмѣстѣ съ полковыми Командирами имѣющія поступать жалобы отъ нижнихъ чиновъ и Малороссіянъ.»

«Наблюдать, чтобъ присылаемые къ Гетману Указы отъ Государя и Сената были записываемы въ Генеральной Канцеляріи, и въ свое время доставлять рапорты. Также препятствовать Писарямъ Гетман-

скимъ подписывать, вмѣсто его, универсалы и отправлять оные изъ Коллегіи.»

Гетманство и Гетманщина стали пустыми звуками.

Манифестъ и наставленіе были написаны 16 Мая, тогда, какъ Гетмана въ Москвѣ уже не было. 13-го онъ ѣздилъ въ Преображенскъ прощаться съ Государемъ; но его не засталъ: Государь уѣхалъ въ Коломну. «Ясневельможный, лишившись пожекгнанья Государеваго, тощно зъ Преображенска возвратылся на квартеру»—и уѣхалъ не простясь.

Не успѣлъ Гетманъ пріѣхать въ Малороссію, какъ его поразили три несчастія: извѣстіе о Малороссійской Коллегіи; требованіе другихъ десяти тысячъ козаковъ на Ладожскій каналъ, куда отправленъ былъ немедленно Полтавскій Полковникъ Чернякъ; и указъ о выступленіи такого-же отряда съ Апостоломъ въ Персію. Горесть убила старика. Онъ скончался Іюля третьяго; а пятаго погребенъ въ Гамалѣевскомъ Глуховскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, построенномъ женою его, Анастасьею Марковною, въ селѣ Гамалѣевкѣ. Гетманша и Ульяна Ивановна Толстая не надолго пережили Гетмана: первая скончалась въ 1729, вторая въ 1733.

«О Скоропадскомъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, мало жалѣли въ Украйнѣ, хотя онъ по добротѣ сердца многимъ благодѣтельствовалъ.»

Грустно сказать о столь добромъ человѣкѣ непріятную истину; но истина, какая-бъ она ни была, священна для каждой науки, и тѣмъ болѣе для Исторіи:—о Скоропадскомъ нечего было въ Украйнѣ

жалѣть. Уничтоженіе статей Хмѣльницкаго; присудствіе Измайлова, Виніуса и Протасьева; Шафировъ и Меньшиковъ помѣщики въ Украйнѣ; переселеніе насильственное козаковъ изъ Заднѣпрія; набѣги Запорожцевъ; три года моровой язвы; саранча; постои; походы козаковъ на Ладогу, на Сулакъ, на Донъ и на Волгу; описныя слободы; Войсковая и Судебная Канцеляріи; наконецъ Вельяминовъ и Малороссійская Коллегія,—все это случилось при Скоропадскомъ. Мазепа-ли прогнѣвилъ Бога и Государя и навлекъ все это на Украйну, мстительность-ли корыстолюбиваго Меньшикова была тому причиною,—для народа все равно онъ всегда обвиняетъ своего предводителя....

Скоропадскій много дѣлалъ добра въ частномъ быту. Самый даръ Почепа Меньшикову доказываетъ его самоотверженность и любовь къ родинѣ. Отказъ Царю судить Царевича былъ порывъ благородной души и хотя однажды онъ показалъ тогда честную безбоязненность. Но вся жизнь его—смѣсь недоразумѣній и недальновидности. Народъ вездѣ народъ; его заключенія вѣрны и отчетисты; онъ лучше всѣхъ описаній характеристическихъ представляетъ людей, нравъ и умъ ихъ; и часто быстрымъ очеркомъ, двумя словами, одною пословицею. О Мазепѣ онъ сказалъ: *отъ Богдана до Ивана не було Гетмана*. И дѣйствительно, Мазепа беззаконнымъ самовластительствомъ, уваженіемъ отъ Царя и Вельможъ, дружбою съ Королями и съ Ханомъ былъ Гетманъ,—злой Гетманъ, но Гетманъ.—О Скоропадскомъ, который давалъ универсалы подписывать Канцеляристамъ, позволялъ всѣ возможныя неустройства въ Малороссіи

и былъ подвластенъ женѣ,—народъ сказалъ: *Иванъ плахту, Настя булаву носыть.*

Изъ характеристическихъ о нравѣ и умѣ его анекдотовъ мы представимъ два весьма достовѣрные: одинъ Полковникъ велѣлъ зарыть въ землю живую женщину за мужеубійство, и о томъ докладывая, въ припискѣ, дарилъ Гетмана затравленною лисицею. Гетманъ отвѣчалъ: «собаци собача смерть, а за лыса благодарствуемъ.» Подлинникъ въ Черниговскомъ Архивѣ. Въ другой разъ монахи Кіевопечерской Лавры, раздосадованные на владѣльцевъ Днѣпровскихъ пловучихъ мельницъ и на подрывъ, жаловались Гетману, что мельники колдуютъ, а святая обитель плачетъ. Гетманъ написалъ къ мельникамъ: «вы, мельныкы, колдуете, а святая обытель плачеть; якъ ухоплю васъ за шіяку, да потягну васъ якъ собаку, да дамъ вамъ кіяку,»—и такъ далѣе, продолжая рифмы сколько могъ ихъ найти. Подлинникъ долго хранился въ рукахъ одного изъ моихъ однофамильцевъ и взятъ былъ имъ изъ Архива Лавры Кіевопечерской.

По Скоропадскомъ прямаго потомства не осталось.

Великъ былъ Петръ въ своихъ помыслахъ, великъ былъ и въ средствахъ достигать цѣли своей! Но еще одинъ тяжкій подвигъ предстоялъ благодушному Царю: Ему должно было, для блага отечества и для общаго двухъ народовъ успокоенія, замкнуть правдивыя уста знаменитаго Украинца:—предъ Нимъ стоялъ Полуботокъ.

ГЛАВА LI.

МЕЖДОГЕТМАНСТВО.

МАЛОРОССІЙСКАЯ КОЛЛЕГІЯ,

И

НАКАЗНЫЙ ГЕТМАНЪ ПОЛУБОТОКЪ.

Челобитная Царю отъ народа. Вельяминовъ. Его товарищи. Характеръ его. Наказный Гетманъ Полуботокъ. Ссора его съ Вельяминовымъ. Сужденья Историковъ. Бѣдствія Малороссіянъ. Ходатайство Императрицы только на малое время имъ помогаетъ. Маркевичъ укрѣпляетъ границы Персіи и Крыма. Налоги отяготительные. Ссора Меньшикова съ Шафировымъ. Ландмилицкій корпусъ. Полуботокъ и Вельяминовъ другъ на друга жалуются. Государь требуетъ въ Петербургъ Полуботка и Старшинъ. Разговоръ Государя съ Полуботкомъ. Жизнь его въ столицѣ. Рѣчь его Петру. Слова Петра. Полуботокъ въ крѣпости. Боленъ. Государь присылаетъ медика. Полуботокъ не принимаетъ пособій. Государь пріѣзжаетъ къ нему. Послѣднія слова Полуботка.

Знатные войсковые товарищи, Семенъ Рубецъ и 1722.
Василій Быковскій, повезли отъ народа въ Москву челобитную о дозволеніи избрать новаго Гетмана. Государь былъ тогда въ Персіи. Сенатъ далъ указъ Посланцамъ ѣхать въ Астрахань, а тамошнему Губернатору задержать ихъ до Государева прибытія.

Черезъ семнадцать дней по смерти Скоропадскаго пріѣхалъ Степанъ Лукичъ Вельяминовъ въ Глуховъ, и сталъ собирать хлѣбные и денежные сборы. Сенатъ назначилъ Павла Леонтьевича Полуботка Наказнымъ Гетманомъ, повелѣвая ему и Генеральнымъ Старшинамъ сноситься во всѣхъ дѣлахъ, въ разсылкѣ универсаловъ и въ совѣтахъ объ Малороссіи съ Бригадиромъ Вельяминовымъ. Трубецкому и Вейсбаху велѣно усилить караулы отъ Крыма и Запорожья.

Съ Вельяминовымъ въ Коллегіи засѣдали Полковники: Кошелевъ и Ушаковъ; Подполковники: Щепотьевъ и Ждановъ; Маіоры: Молчановъ и Лихаревъ; и Генеральные Старшины: Судья Иванъ Чарнышъ, Писарь Семенъ Савичъ, Асаулъ Василій Жураховскій, и Бунчужный Яковъ Лизогубъ.

Полуботокъ не ужился съ Вельяминовымъ; этотъ былъ дѣятеленъ, но грубъ; не любилъ дѣлиться властью; не шелъ къ цѣли постепенно; не привѣтливо, не ласково встрѣчалъ Украинцевъ; не смягчалъ нововведеній; хотѣлъ все побороть силою; думалъ самъ управляться въ Малороссіи. — Наказный Гетманъ былъ преданъ престолу; уважалъ начальство; вѣренъ былъ присягѣ; но правду говорилъ каждому; любилъ ее болѣе жизни, а родину какъ мать. Во всякое другое время онъ былъ-бы полезенъ, былъ-бы благодѣтелемъ народа, ему ввѣряющагося.

Изданіе 1-е, Т. IV, 79. Изд. 2-е, Т. III, 165. Правдолюбивый Бантышъ-Каменскій такъ произнесъ: «Всѣ дѣянія Петра Великаго имѣли цѣлію «благоденствіе народовъ. Какъ человѣкъ, Онъ былъ «подверженъ слабостямъ; но сколько разъ побѣждалъ

«самыя страсти свои! Не льзя приписывать Ему въ «вину несоблюденіе договора, постановленнаго Царемъ Алексіемъ съ Хмѣльницкимъ и Имъ самимъ «неоднократно подтвержденнаго: безпрестанная измѣна Гетмановъ, оказываемыя полковыми и даже сотенными Начальниками злоупотребленія, безпорядки «въ судебныхъ мѣстахъ, бунты Запорожцевъ, — заставили сего Государя даровать Малороссіи новое «образованіе. Петръ совершилъ то, что исполнили-бы «Его Преемники: *одно только жестокое обхожденіе Его съ Представителями Малороссіянъ и съ «Козаками, коихъ Онъ изнурялъ тяжкими работами, заслуживаетъ нѣкоторую укоризну.*»

Полуботокъ просилъ ходатайства Императрицы, и ссылался на договоръ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Сенатъ, въ отлучкѣ Государя, отмѣнилъ пошлины съ пчелъ и табаку, обуздалъ самоуправство Вельяминова. Въ первыхъ числахъ Декабря Государь отвѣчалъ Старшинамъ, черезъ Рубца и Быковскаго, что избраніе Гетмана откладываетъ до возвращенія изъ дальняго отсутствія. Старшины благодарили за милостивое обѣщаніе. Полковники: Апостолъ, Танскій и Галаганъ привели домой двѣнадцать тысячъ козаковъ изъ Астрахани и отъ границъ Персіи, «изсохшими и близкими къ Египетскимъ муміямъ.»

Съ Новымъ годомъ Полковникъ Андрей Маркевичъ повелъ двѣнадцать тысячъ козаковъ укрѣплять границы отъ Крыма и Персіи, а Милорадовичъ пять тысячъ — на Ладогу. Вельяминовъ выхлопоталъ по одному отставному унтеръ-офицеру въ каждый Малороссійскій полкъ, для надзора за сборщиками; Госу- 1723.

дарь велѣлъ возобновить отмѣненные Сенатомъ сборы съ мельницъ, пчельниковъ, табаку, съ Гетманскихъ помѣстьевъ, съ продажи вина, не исключая ни Старшинъ, ни знатныхъ козаковъ, ни войсковыхъ товарищей, ни владѣній церковныхъ и монастырскихъ. Полуботокъ повторилъ просьбу о скорѣйшемъ избраніи Гетмана вольными голосами. Сенатъ не отвѣчалъ.

Случай необыкновенный привлекъ вниманіе Петра и всего Двора Петербургскаго: два человѣка поссорились между собою. Одинъ—подкупленный судья Кочубея, другой—ненавистникъ Украйны:—Шафировъ и Меньшиковъ. Ихъ ссора была исполнена неприличій; я-бы не хотѣлъ и упоминать объ этомъ въ моей Исторіи, если-бъ Украйна не была невольною участницею въ этомъ уродливомъ дѣлѣ. Меньшиковъ называлъ Шафирова иноземцемъ, Жидовской породы, боярскимъ холопомъ, сыномъ шаюшки, дуракомъ; говорилъ, что и нынче родственникъ его, Жидъ, живетъ въ Оршѣ. Шафировъ жаловался, что Скорняковъ-Писаревъ билъ его по наущенію Меньшикова; что Скорняковъ-Писаревъ происходитъ отъ площаднаго писаря и отъ скорняка; что отецъ его, не имѣя крестьянъ, самъ пахалъ и сына только тому и научилъ; что дядя его родной за воровство повѣшенъ. Писаревъ представилъ грамоты за триста лѣтъ существованія фамиліи, доказывая, что никто изъ его родныхъ никогда не былъ повѣшенъ; требовалъ, чтобъ Шафирова судили. Шафировъ началъ доносы на Меньшикова за дѣло Почепское; Меньшиковъ сказалъ ему: пожалуй не убей меня; тотъ отвѣчалъ. ты можешь и всѣхъ побить; а я за тебя, какъ Князья

Гагаринъ и Волконскій, петли на шею не положу. Потомъ началъ ругать его. Меньшиковъ жаловался и просилъ, чтобъ какъ «онъ, Баронъ Шафировъ, чрезъ непристойныя слова учинилъ его чести великій афронтъ, то изволили-бъ ему учинить законную сатисфакцію противъ его характера, яко Генерала-Фельдмаршала и Россійскаго Князя.» Соблазнительная ссора повела къ обоюднымъ доносамъ; дѣло Почепское явилось изъ-подъ краснаго сукна.

По смерти Скоропадскаго, Меньшиковъ, не видя никого, кто-бы смѣлъ съ нимъ спорить, просилъ Государя, чтобъ ему возвратили ратушныя села и деревни, данныя козакамъ сотни Почепской, вмѣстѣ съ поселившимися тамъ козаками. Государь не удовлетворилъ его: наглость любимца дошла до того, что онъ написалъ Государю слѣдующее письмо: «Всенижайше у Вашего Императорскаго Величества прошу милости для нынѣшней всенародной о состояніи съ короною Шведскаго вѣчнаго мира радости и на воспоминаніе Полтавской баталіи и Батуринскаго взятія, *пожаловать мнѣ во владѣніе городъ Батуринъ*, съ предмѣстьемъ его и съ уѣздомъ, что къ оному прежде сего принадлежало и съ хуторами, и съ мельницами, и съ землями, и съ жителями, кои на той земли поселяся, живутъ. Я Ваше Величество не хотѣлъ-было симъ прошеніемъ утруждать. Но сего ради, что Ваше Величество изволилъ повелѣть по взятьи оный городъ разорить, дабы никто въ немъ не жилъ; а нынѣ въ предмѣстьи и въ уѣздѣ онаго живутъ поселясь всякаго чина люди; а именно Чечеля, который во время Гетманства Мазепы былъ Наказнымъ Гетманомъ, жена и дѣти,

и который хотѣлъ съ меня съ живаго кожу содрать.»

1723. Государь отказалъ ему въ этой дерзской и безумной просьбѣ. Тутъ вспыхнуло дѣло о его притязаніяхъ чужой собственности. Января 16-го, въ слѣдствіе доносовъ Шафирова, Государь потребовалъ изъ Глухова Оберъ-Прокурорскаго брата Полковника Скорнякова-Писарева, а изъ Почепа Полковника Давыдова и Дьяка Лосева. Ихъ допросили и потребовали письмо Лосева къ Меньшикову, писанное отъ 24 Сентября 1719; оно было въ Петербургѣ; за нимъ былъ посланъ курьеръ. При собственныхъ показаніяхъ Лосева оно открыло, что, межуя земли Почепскія, Лосевъ поступалъ несправедливо, изъ угожденья его Свѣтлости. Писаревъ то-же показалъ. Государь приказалъ допросить самого Меньшикова: по какимъ межамъ онъ съ 1709 года владѣлъ Почепомъ? Для чего онъ просилъ снова межеванья по межѣ Пушкинской тогда, когда Скоропадскій далъ ему Почепъ, такъ какъ самъ владѣлъ, и слѣдовательно когда межеванье было вовсе не нужно, къ тому-же когда и межа Пушкинская не есть указъ частнымъ владѣльцамъ, ибо Пушкинъ межевалъ не частныя владѣнія, а границы Россіи съ Польшею? Для чего бралъ онъ инструкцію Иностранной Коллегіи отъ Лосева? Какъ смѣлъ онъ, въ противность пунктамъ Гетмана Хмѣльницкаго, не только отнимать вольность и права у козаковъ, но даже вступаться въ ихъ суды? Для чего, прося межевщиковъ, онъ указалъ именно Щербанева и Лосева? — Меньшиковъ, видя невозможность изговориться, прибѣгнулъ къ Царскому милосердію; писалъ

къ Нему письма, принужденъ былъ подать реестръ всѣхъ подарковъ, «до послѣдней курицы,» полученныхъ имъ отъ Гетмана, Старшинъ, Полковниковъ, помѣщиковъ, ратушъ и духовенства. Все это приказалъ Государь возвратить, и кромѣ того взыскать съ Меньшикова штрафу 231,571 рубль.

Вскорѣ къ Голицыну пришелъ указъ учредить въ Украйнѣ *Ландмилицкій корпусъ* войскъ и «въ оный корпусъ собрать столько людей, сколько на сборныхъ четырегривенныхъ деньгахъ содержать будетъ можно; и быть имъ двумъ третьямъ не регулярнымъ, и имѣть изъ оныхъ одной трети фузеи съ погонами, да пищали; другой съ коньями; и у каждаго быть по парѣ пистолетовъ; а третьей быть регулярной. Офицеровъ опредѣлить изъ Волоховъ и Сербовъ, а въ добавокъ къ нимъ изъ Русскихъ.» Немедленно было собрано шесть тысячъ восемь-сотъ шестнадцать человѣкъ. Полуботокъ страдалъ; гроза росла уже надъ нимъ и надъ его товарищами. И Апрѣля.

Однажды Вельяминовъ, въ засѣданіи, съ гнѣвомъ сказалъ Наказному Гетману: «что̀ твоя служба противъ моей? Вѣдь ты вѣдаешь, что я Бригадиръ и «Президентъ! А ты предо мной ничто.» Потомъ обратился къ Старшинамъ: «согну я васъ такъ, что «и другіе треснутъ. Ужь ваши давнины перемѣнить велѣно; а поступать съ вами по новому.» Полуботокъ замѣтилъ ему неприличіе такого поведенія, при чтеніи указа. «Я вамъ указъ,» закричалъ Вельяминовъ. Старшины замолчали; но немедленно послана была жалоба Государю на Вельяминова, за-то, что онъ хочетъ непремѣнно на каждомъ универсалѣ подписываться, и за-то, что онъ вздумалъ

перемѣнять слогъ въ письмѣ Малороссійскомъ, къ которому народъ и урядники привыкли давно.

Вельяминовъ жаловался, что Полуботокъ обнародываетъ универсалы, не совѣтуясь съ нимъ, и недоставляетъ списковъ о козакахъ.

Государь приказалъ Полуботку, Чарнышу и Савичу явиться въ Петербургъ. А Малороссійской Коллегіи предоставить право избрать на ихъ мѣста другихъ чиновниковъ. Еще не выѣзжая изъ Глухо-
Мая 13. ва, Полуботокъ обратился къ Государынѣ съ третьею просьбою объ избраніи Гетмана и съ разными представленіями въ Сенатъ и къ Государю. Съ этими порученіями поѣхали Наказные Полковники: Стародубскій—Петръ Корецкій, и Переяславскій—Иванъ Даниловичъ, Бунчуковый товарищъ Дмитрій Володьковскій, Судья Григорій Грабьянка и войсковый Канцеляристъ Ханенко.

Государь говорилъ, что въ договорѣ Хмѣльницкаго предоставлено Россійскому Воеводѣ чинить расправу въ Малороссійскихъ городахъ, когда недовольные козацкимъ судомъ пожелаютъ перенесть къ нему свои дѣла. Полуботокъ отвѣчалъ письменно, что такой статьи нѣтъ въ договорѣ Хмѣльницкаго, что объ этомъ былъ только словесный разговоръ съ Боярами, что Хмѣльницкій во-первыхъ сказалъ такъ: « Въ началѣ изволь Твое Царское Вели« чество подтвердить права и вольности наши вой« сковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запо« рожскомъ, что своими правами суживалися и воль« ности свои имѣли въ доходахъ и судахъ, чтобы « ни Воевода, ни Бояринъ, ни Стольникъ въ суды « войсковые не вступалися, но отъ Старѣйшинъ

« своихъ, чтобъ товарищство сужены были: гдѣ три « человѣка козака, тамъ два третьяго должны су« дить. Не только родитель Твой» — писалъ Полуботокъ — « но и Ты, Государь, собственноручно утвер« дилъ сію статью, при избраніи покойнаго Гетма« на Скоропадскаго, обѣщая цѣло, свято и ненару« шимо содержать постановленный съ Хмѣльницкимъ « договоръ. »

Государь отвѣчалъ:

« Какъ всѣмъ извѣстно, что, со временъ Богдана Хмѣльницкаго даже до Скоропадскаго, всѣ Гетманы явились измѣнниками, и какое бѣдствіе отъ того терпѣло наше Государство, особливо Малая Россія; то и надлежитъ пріискать въ Гетманы весьма вѣрнаго и извѣстнаго человѣка, о чемъ имѣемъ мы непрестанное стараніе; а пока оный найдется, для пользы вашего края опредѣлено правительство, которому велѣно дѣйствовать по данной инструкціи. И такъ до Гетманскаго избранія не будетъ остановки въ дѣлахъ, почему о семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ. » Іюня 23.

Августа 3-го Полуботокъ, Чарнышъ и Савичъ пріѣхали въ Петербургъ, остановились у Троицкой пристани, подлѣ кофейнаго дому; крѣпкая стража обняла ихъ домъ. Потомъ явились они къ Государю, и, бросясь предъ Нимъ на колѣни, молили о пощадѣ Украйны, угнетенной Вельяминовымъ. Меньшиковъ присутствовалъ, — онъ раздражилъ Петра. Петръ прогналъ ихъ, назвалъ измѣнниками и вѣроломцами. Они переѣхали въ домъ Батурлина.

Августа 4-го они были у Великаго Канцлера.

Августа 5-го были въ Сенатѣ; было предоставлено Малороссіянамъ доставлять постояльцамъ своимъ провіантъ мѣрою или вѣсомъ, какъ имъ выгоднѣе; козаки, находившіеся при постройкѣ крѣпости Св. Креста, были увольнены отъ постоя; прощены были штрафныя деньги за передержательство бѣглыхъ Русскихъ людей.

Августа 6-го они являлись къ Государю на островѣ Котлинѣ. Возвратясь, были на похоронахъ Князя Григорія Өедоровича Долгорукова, Петра Ивановича Бутурлина и Царицы Параскевіи Өеодоровны.

Августа 26-го подали донесеніе въ Сенатъ.

Августа 27-го челобитную на Вельяминова.

Августа 28-го просьбу къ Головкину о ненарушимости правъ и вольностей Малороссіи.

Августа 29-го были приглашены въ Сенатъ.

Сентября 2-го Полуботка призывали въ крѣпость, въ Тайную Канцелярію.

Сентября 15-го Государь былъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ему подали они челобитную.

Сентября 18-го Государь уѣхалъ на Котлинъ.

Сентября 22-го они поднесли челобитную Императрицѣ.

Октября 1-го видѣлись съ Государемъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Октября 14-го просили о своихъ дѣлахъ Князя Василія Лукича Долгорукаго.

Октября 18-го праздновали у Меньшикова день Калишской побѣды.

Съ тѣхъ поръ посѣщали Головкина, Меньшикова, Апраксина, Долгорукаго, Ягужинскаго, Толстаго и

Дивіера. Вездѣ искали ходатайства, нигдѣ не находили его. Дѣло длилось, разрѣшенія не было. Полуботокъ усталъ, явился къ Государю и произнесъ слѣдующую рѣчь (*).

«Вижу, Государь, и понимаю изъ какого источни-«ка Ты почерпнулъ злость тую, которая не сродна «сердцу Твоему и не прилична характеру Помазан-«ника Божія. Правота и кротость, судъ и милость — «суть единственное достоинство всѣхъ Монарховъ «міра сего. И законы, управляющіе всѣмъ вообще «человѣчествомъ и охраняющіе его отъ золъ, суть «точное зерцало Царямъ и Владыкамъ на ихъ «должность; и они первые блюстители и хранители «ихъ должны быть. Откуда-же происходитъ, о Го-«сударь, что Ты терзаешь насъ единою властію сво-«ею и повергаешь въ вѣчное заключеніе, присвоивъ «въ казну имѣніе наше? Вина, на насъ возводимая, «есть одна должность наша и должность священная, «во всѣхъ народахъ такою чтимая; а отнюдь не за-«копреступная и осужденію повинная. Мы проси-«ли и просимъ отъ лица народа своего о пощадѣ «отечества нашего, неправедно гонимаго и безъ жа-«лости разоряемаго; просимъ о возстановленіи Конисскій. Шерёръ. Бан.-Кам.Т. III, 160, 164.

(*) Я употреблялъ всѣ усилія достать эту рѣчь на языкѣ Малороссійскомъ; но тщетно. Если-бы она была у Тарновскихъ, по указанію Г. Бантыша-Каменскаго, то, близкій имъ по родству, я могъ-бы имѣть ее. Нынѣ любителей отечественныхъ древностей прошу покорнѣйше прислать копію этой рѣчи на Малороссійскомъ языкѣ, буде гдѣ она найдется; и я издамъ ее въ такомъ количествѣ, въ какомъ отпечатана будетъ Исторія.

« правъ нашихъ и преимуществъ, торжественными « договорами утвержденныхъ, которые и Ты, Госу- « дарь, нѣсколько разъ подтвердилъ; народъ нашъ, « бывши единоплемененъ и единовѣренъ Твоему, « усилилъ и возвеличилъ Царство Твое доброволь- « нымъ соединеніемъ съ нимъ, въ такое время, когда « въ немъ еще все младенчествовало и выходило « изъ хаоса смутныхъ временъ и почти изъ самаго « ничтожества. И за сіе одно не довлѣло-бы ему « потерять у Васъ мзду свою; но мы съ народомъ « своимъ не переставали, сверхъ того, знатно помо- « гать Вамъ во всѣхъ воинскихъ ополченіяхъ и прі- « обрѣтеніяхъ Вашихъ. И, не говоря о Смоленщи- « нѣ, одна Шведская война доказываетъ безпримѣр- « ное усердіе наше къ Тебѣ и къ Россіи. Ибо « всѣмъ извѣстно, что мы одни цѣлую половину « арміи Шведской погубили, въ землѣ своей и въ « жилищахъ нашихъ, не вдаваясь ни въ какія льще- « нія и искушенія, и сдѣлавъ Тебя могущимъ пере- « силить удивительное мужество и отчаянную храб- « рость Шведовъ. Но за-то пріобрѣли себѣ одно « поношеніе и озлобленіе; а вмѣсто благодарности « и воздаянія, повержены въ самое неключимое раб- « ство; платимъ дань поносную и несносную и за- « ставлены рыть линіи и каналы, и осушать непро- « ходимыя болота, утучняя все то тѣлами нашихъ « мертвецовъ, падшихъ тысячами подъ тяжестію го- « лода и климатовъ. Всѣ оныя бѣды и скорби наши « усовершенствованы наконецъ нынѣшнимъ правле- « ніемъ нашимъ. Владычествующіе надъ нами чинов- « ники Московскіе, не знающіе правъ и обычаевъ и « почти безграмотные, знаютъ только одно то, что

« они властны дѣлать намъ все, не касаясь душъ
« нашихъ. И такъ, бывши мы окружены со всѣхъ
« сторонъ гоненіями и напастями, къ кому иному
« прибѣгать должны съ воплями своими, какъ не къ
« Тебѣ, Августѣйшій Монархъ? Ты покровитель
« нашъ и поручитель за благоденствіе наше; но зло-
« ба врага нашего и мстителя совратила Тебя съ
« пути истины и чернитъ царствованіе Твое. Госу-
« дарь-Христіанинъ долженъ быть отцомъ народовъ.
« Знаю, что насъ ожидаютъ оковы; но, пока живъ,
« говорю Тебѣ истину, о Государь! Ты отдашь от-
« четъ предъ Царемъ всѣхъ Царей, предъ Богомъ
« Всемогущимъ за погибель нашу и цѣлаго народа.»

Иные говорятъ, что когда Полуботокъ произнесъ слова: *знаю, что насъ ожидаютъ оковы*, — Государь прервалъ его и сказалъ: « не одни оковы, а смерть ожидаетъ тебя! » Полуботокъ, не смутясь, продолжалъ: *но пока живъ, говорю Тебѣ истину*. Конисскій говоритъ, что Государь выслушалъ Полуботка терпѣливо, и, не отвѣчая ему ни слова, приказалъ отправить его и всѣхъ бывшихъ при немъ Украинцевъ въ новопостроенную Петропавловскую крѣпость; ихъ перековали и разсадили по тюрьмамъ; имѣніе при нихъ бывшее, до послѣдней вещицы, было отобрано и раздарено тюремщикамъ и крѣпостнымъ чиновникамъ; вещи цѣнныя были переведены на деньги въ казну; недвижимыя имѣнія и жилые домы описаны Коллегіею на Государя. Семейства узниковъ, изгнанныя изъ домовъ, скитались въ чужихъ дворахъ и подъ окнами, питаясь чужимъ хлѣбомъ или подаяніемъ.

Бант.-Кам. III. пр. 207.

Id., III. 161.

Чарнышъ, Савичъ, Корецкій, Жураховскій и Яковъ Лизогубъ были уже въ крѣпости, когда привезли туда Апостола и Милорадовича. Эти оба были подъ Коломакомъ и охраняли съ двѣнадцатью тысячами козаковъ границы отъ Татаръ и отъ Запорожцевъ. Ихъ схватили по возвращеніи изъ похода.

Полуботокъ говорилъ рѣчь и былъ заключенъ Ноября десятаго; начались допросы, при которыхъ находился самъ Государь; но изъ нихъ ничего не было вывѣдано; да и нечего было вывѣдывать: народъ былъ вѣренъ и покоронъ Петру; никто изъ предстоящихъ не былъ участникомъ Мазепы; и съ 1709 года не было никого, желавшаго отложиться
Бант.-Кам. III, пр. 208. отъ Петра. «Знаешь-ли ты о зломъ умыслѣ твоихъ товарищей?» — спросилъ Государь однажды у Савича. — «Не скажу Вашеци!» — отвѣчалъ Савичъ. Петръ принялъ эти слова за грубый отказъ признаться въ истинѣ и сильно прогнѣвался на Савича. По счастью, Володьковскій растолковалъ, что «не скажу Вашеци» значитъ: *не знаю*; но что это выраженіе вѣжливѣе, что это слово въ слово: «не могу доложить.» Савичъ избавился отъ всякихъ послѣдствій; нарочный чиновникъ поскакалъ въ Малороссію, чтобъ узнать справедливо-ли толкованіе Володьковскаго.

Всѣ Малороссіяне, правившіе полками и сотнями, привезены были въ Глуховъ и посажены въ тюрьму при Коллегіи. Иные между прочимъ за то, что овцы и бараны, купленные въ Силезіи и розданные на содержаніе въ Малороссіи, по недосмотру передохли.

Малороссіяне сидѣли въ крѣпости болѣе года; Карпѣка, Савичъ и Володьковскій скончались въ оковахъ; другіе отъ сырости нажили цынгу и перекалѣчились. Когда-же пришла смерть и къ Полуботку и, почувствовавъ ея приближеніе, великій человѣкъ потребовалъ священника, Государь, узнавъ о томъ, послалъ къ нему доктора. «На что мнѣ «жизнь, когда не могу быть полезнымъ отчизнѣ!» сказалъ Полуботокъ и не принялъ лекарствъ; услышавъ о такомъ отвѣтѣ, Государь предался чувствамъ, обычнымъ для него: — раскаянью и состраданью. Онъ поспѣшилъ самъ къ умирающему; уговаривалъ его прибѣгнуть къ пособію врача, умолялъ забыть прошедшее. Полуботокъ пророчески отвѣчалъ: Бан.-Кам. т. III, стр. 162. Изд. 2-е.
«Нѣтъ, Государь, Ты не въ силахъ уже мнѣ возвра-«тить угасающей жизни! Что я къ Тебѣ не питалъ «вражды и не питаю, въ томъ увѣряю Тебя, какъ «Христіанинъ. *Но вскорѣ* Петръ и Павелъ пред-«станутъ на одной доскѣ предъ Праведнымъ Мздо-«воздаятелемъ: Онъ разсудитъ ихъ.»

Полуботокъ умеръ. И такъ Петръ не видѣлъ уже ни Стрѣльцовъ, ни Патріарховъ, ни Гетмановъ.

ГЛАВА LII.

МЕЖДОГЕТМАНСТВО.

МАЛОРОССІЙСКАЯ КОЛЛЕГІЯ.

Причины, по которымъ Малороссія не могла ни съ какою другою державою соединиться, кромѣ съ Россіею. Русскіе Полковники въ Малороссіи. Необычайные постои. Число регистровыхъ козаковъ. Налоги. Счетъ доходовъ изъ Малороссіи. Смерть Петра. Многіе изъ Малороссіянъ освобождены. Гилянскій походъ. Перемѣна Членовъ Малороссійской Коллегіи. Откупательство отъ похода. Лже-Алексій, Таңскій. Мировичъ. Смерть Екатерины І-й. Угнетенія Меньшиковскія, Притязаніе волостей. Паденіе Меньшикова. Ссылка.

Есть много важныхъ причинъ, по которымъ Малороссія должна была вступить въ составъ Имперіи Всероссійской. Свобода чувствъ, свобода вѣрованія первая изъ нихъ. Не только спокойствіе совѣсти, но и самолюбіе, эта сильная пружина, эта чувствительная струна каждаго, бываютъ задѣты въ народѣ, котораго принуждаютъ не вѣрить вѣрѣ предковъ. Наши Цари славились издавна вѣротерпи-

мостью. Гоненья, сродныя Папизму, у Нихъ никогда не существовали. Подъ Ихъ державою легко жить и Лютеранину, и Римскому-Католику, и Музульманину и Язычнику; у Нихъ одно правило, вполнѣ Римское: служи Царю и Отечеству, не обижай и не рѣжь сосѣда и вѣрь во-что хочешь. Тѣмъ болѣе должно было быть хорошо Малороссіянамъ, старшимъ братьямъ Великороссіянъ и ихъ единовѣрцамъ. Вотъ ужь причина, по которой Хмѣльницкій, благодѣтель своей родины, а съ нимъ и всѣ Украинцы, должны были предпочесть соединеніе не съ Римско-Католическою Польшею, не съ Магометаниномъ Султаномъ, и не съ иновѣрцами Шведами. Другая причина: мы видѣли угнетенія Грекамъ отъ Султана; знаемъ, что Христіянъ Магометане зовутъ собаками; мы были въ рукахъ у Поляковъ, гдѣ не Король, а много головъ владѣли Рѣчью Посполитою, и, недавая, не умѣя давать законовъ ни себѣ, ни другому, угнетали Малороссіянъ на вѣрѣ, на имуществѣ, на женахъ, на дочеряхъ, на личности. Мы были довольно разсудительны, чтобъ протекцію далекихъ отъ насъ Шведовъ и милость ихъ Сѣвернаго Донъ-Кихота считать полезною. Между тѣмъ мы видѣли себя окруженными Варшавой, Царьградомъ и Москвой. Границы наши не укрѣплены ни какими естественными укрѣпленіями; ни золота для денегъ, ни мѣди для пушекъ, ни желѣза для оружія и збруи, ни даже соли для хлѣба у насъ нѣтъ. Гладкая степь, на которой много хлѣба и сѣна, и чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ денегъ менѣе. Мы должны были или жить пастушески, если наложатъ сосѣди запрещеніе на вывозъ хлѣба нашего; или жить раз-

бойнически, чего-бы не допустили сосѣди наши. При такомъ положеніи, къ чему было приступить? Къ тому, къ чему приступилъ великій Хмѣльницкій. Разъ присоединясь къ Москвѣ, мы должны были ожидать, что намъ не дадутъ воли, бывалой за Гетманщину; но была-ли эта воля у Поляковъ, при Наливайкѣ, при Косинскомъ при Полтора-Кожухѣ? Была-ли эта воля Грекамъ у Турковъ, пока Россія освободила ихъ? Положимъ, что мы составили-бы особое Государство.—Мазепа былъ-бы царемъ.... Чтò-бы мы выиграли въ этой перемѣнѣ династіи? Рисковали-бъ видѣть на своихъ дочеряхъ участь Кочубѣевой; быть въ бѣдности настарость, потому что наше богатство полюбилось-бы Гетману, какъ богатство Полуботка. Наконецъ, предположимъ Гетмана добраго. Польша щекотала-бъ Малороссію отъ запада, Москва отъ востока и сѣвера, Турція и Крымъ съ юга. Не было-бъ ни одного дня покойнаго въ нашей отдѣльной жизни. Взглянемъ теперь, что мы потеряли съ потерею нашихъ Гетманскихъ правъ? Надежду быть Гетманами, и ничего болѣе. Посполитству было хуже, нежели нынѣ; дворянству мѣлкому хуже. Нынѣ Великороссійскій дворянинъ не выше другихъ дворянъ Имперіи, и никакой изъ нихъ богачъ не можетъ хвалиться передъ послѣднимъ Украинскимъ или Остзейскимъ своею властію, какъ бывало хвалились Потоцкіе, Радзивилы, которые щитали Хмѣльницкаго рабомъ. Царь одинъ для всѣхъ, у всѣхъ права равны; и если Москвичъ станетъ издѣваться надъ вѣрою Симферопольца, если вздумаетъ притязать его собственность, отнимать у него дочь или жену,—онъ подвергнется участи весьма незавидной.

А между тѣмъ мы ограждены общими нашими силами, и едва-ли, послѣ послѣдней попытки, осмѣлится обезпокоить насъ какъ-нибудь иноплеменникъ въ границахъ нашихъ.

Братья Великоросіянъ,—мы должны были, для собственной пользы нашей, съ ними соединиться. Соединяясь, мы стали новыми подданными Царей, давно и надолго утратившихъ Олегову Русь. Тогда странно было-бы допустить старыхъ подданныхъ, быть хуже новыхъ, и наши права Петръ уравнялъ. Полуботокъ былъ правъ, вступаясь за родину; Петръ былъ правъ, налагая руку на вольности козацкія. Какъ Царь, желавшій блага Великой и Малой Россіи, Онъ обязанъ былъ, повторяю, такъ поступать. Можно было совершить это мягче, но дѣло кончено. Послѣдствія хороши. Средства могли-бы быть легче; цѣль и успѣхъ заслуживаютъ благодарности и славы. Человѣкъ, который, не щадя своихъ царственныхъ рукъ, былъ и кузнецомъ и плотникомъ, и все для блага отечества, не могъ щадить и другихъ

Съ смертію Полуботка Малороссійская Коллегія усилилась еще болѣе. Вельяминовъ вполнѣ овладѣлъ новыми Старшинами: Иваномъ Левенцемъ, Иваномъ Мануйловичемъ и Өедоромъ Гречанымъ. Почти всѣ старые Полковники и Сотники были съ ихъ помощью свергнуты. Почти вездѣ появились Полковники Русскіе. Первые были: Кокошкинъ и Богдановъ. Одинъ сталъ Стародубскимъ, другой Черниговскимъ. Корпусъ Князя Михайлы Голицына расположился въ Малороссіи.

Въ Лубенскомъ полку поставили семь ротъ Ингерманландскаго драгунскаго и одну, Кропотова,

гренадерскую. Въ Прилуцкомъ: шесть ротъ гренадерскаго, Роппа, и три Ингерманландскаго драгунскаго. Въ Нѣжинскомъ: четыре гренадерскаго, Роппа, и пять Тверскаго драгунскаго. Въ Черниговскомъ: двѣ роты Тверскаго драгунскаго и семь ротъ гренадерскаго, Хлопова. Въ Стародубскомъ: три роты Хлопова и полки корпуса Мекленбургскаго. Въ Переяславскомъ: семь ротъ гренадерскаго, Кропотова. Въ Миргородскомъ: цѣлый Сибирскій полкъ. Въ Кіевскомъ: двѣ роты гренадерскаго, Кропотова, и три Тверскаго драгунскаго. Въ Гадячскомъ: цѣлый Псковскій. Въ Полтавскомъ: Бригадиръ Ветераній съ Пермскимъ полкомъ.

Козаковъ было регистровыхъ сто тридцать одна сотня; въ нихъ считалось тридцать восемь тысячъ девять-сотъ одинъ конный и пѣшихъ шестнадцать тысячъ пять-сотъ сорокъ; въ Компанейскихъ полкахъ Чеснока, Тонконога и Ковбасы шестьдесять пять Старшинъ и шесть-сотъ четыре рядовыхъ; да въ охочекомонномъ Бурлая тридцать семь Старшинъ и двѣсти сорокъ четыре рядовыхъ; и того всѣхъ наличныхъ козаковъ въ это время было пятьдесятъ пять тысячъ двѣсти восемдесятъ девять,—число, болѣе нежели равносильное постояльцамъ, но немощное противъ нихъ. Здѣсь было разногласіе, тамъ повиновеніе одному. Къ тому-же и эти наши козаки были разсѣяны по лицу Имперіи.

Двѣнадцать тысячъ было подъ Коломакомъ; десять тысячъ Андрея Маркевича на Сулакѣ и въ крѣпости Св. Креста; остальные не смѣли собираться.

Налоги были отяготительны; Коллегія ихъ до того довела, что наконецъ сама была принуждена уменьшить. Вотъ ихъ счетъ за послѣдніе годы:

Въ 1722-мъ году было доходу изъ Малороссіи 45,563 рубля 19 копѣекъ и разнаго хлѣба 16,785 четвертей.

Въ 1723-мъ году денегъ 85,926 рублей 49 копѣекъ и хлѣба 57,524 четверти.

Въ 1724-мъ году 141,421 рубль 89 копѣекъ и 40,693 четверти хлѣба.

Въ 1725-мъ году денегъ 118,552 рубля 91 копѣйка и хлѣба 36,774 четверти.

Къ концу 1724-го года явились въ Малороссіи Комменданты, до выбора Полковниковъ: въ Полтаву и Переволочную Чичеринъ; въ Кіевъ Парсуковъ; въ Стародубъ, на мѣсто Кокошкина, Пашковъ; въ Переяславль Яковлевъ; въ Нѣжинъ Толбухинъ; въ Черниговѣ остался Богдановъ; въ Миргородскомъ былъ Полковникомъ Апостолъ; въ Гадячскомъ Милорадовичъ; но обоимъ приказано было жить въ Петербургѣ. Только въ Лубенскомъ и Прилуцкомъ Полковники, удержавъ свои званія, остались на мѣстахъ; въ первомъ былъ Маркевичъ, во второмъ Галаганъ.

Таково было положеніе Малороссіи, когда пришло 1725.
извѣстіе о кончинѣ Императора.

Чудны были дѣла Его и слава всего, что Его окружало. Виговскій былъ измѣнникъ, Мазепа то-же; но Виговскаго забыли, а Мазепа безсмертенъ. Пушкарь доносилъ на Виговскаго, Кочубей на Мазепу; но о Пушкарѣ помнитъ Исторія, о Кочубеѣ помнитъ

народъ. Всѣ Гетманы были умнѣе Скоропадскаго; но имя его никогда не умретъ; его помнятъ, какъ будто-бъ онъ былъ равенъ Мазепѣ или Хмѣльницкому. Какая-же причина этому? одна: они имѣли дѣло съ Петромъ.

Черезъ недѣлю послѣ кончины Петра, Императрица возвратила свободу и имѣніе Ивану Чарнышу, Семену Савичу, Василію Жураховскому и Якову Лизогубу. Имъ приказано построить домы въ Петербургѣ, и никогда изъ города не выѣзжать. Савичъ умеръ тогда-же и погребенъ въ монастырѣ Александро-Невскомъ. Милорадовичъ и Апостолъ возвратились въ Малороссію и приняли полки.

Весною двѣ тысячи козаковъ пошли въ Гилянскій походъ. Бунчуковые Товарищи: Семенъ Лизогубъ и Андрей Горленко и Прилуцкаго полка Обозный Михайло Огроновичъ ими предводительствовали. По ложному доносу какого-то чернеца Змѣевскаго, въ Петербургъ истребовали Горленка и Лизогуба; будучи оправданы, они уѣхали въ Персію, гдѣ, подъ начальствомъ бывшаго Корсунскаго Полковника Кандыбы, прослужили около пяти лѣтъ.

8 Іюня 1726. Въ Малороссійскую Коллегію были назначены безсмѣнными членами Аѳанасій Арсеньевъ, Петръ Кошелевъ и Андрей Колычевъ. Вельяминовъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, и желанья Меньшикова исполнились: Батуринъ, Гадячскій замокъ, всѣ села и мѣстечки, принадлежавшія Гетманской булавѣ, всего четыре тысячи семь дворовъ, отданы были ему въ вѣчное и потомственное владѣніе, по-счастью, не надолго. И вотъ причина угнетеній и преслѣдованій цѣлому народу.

Вскорѣ пришелъ Сенатскій указъ: не высылать козаковъ въ Сулацкій походъ. Это было странное распоряженіе: въ указѣ было сказано, что десять тысячъ козаковъ, которымъ слѣдуетъ идти на Сулакъ, могутъ *откупиться* отъ похода. Старшины съѣхались на Раду и положили: иные съ человѣка по два рубля; другіе по три. Козаки подали протестъ, что если имъ слѣдуетъ идти въ походъ, то они считаютъ за стыдъ откупаться. Не зная что дѣлать, Старшины отнеслись въ Сенатъ. «Не высылать «въ походъ, отвѣчали оттуда, а взыскать по три «рубля.»

Въ томъ-же году случилось необыкновенное происшествіе: солдатъ Александръ Семиковъ выдалъ себя за Царевича Алексія Петровича, и бродилъ по Почепщинѣ. Андрей Барановскій подалъ о томъ доносъ. Государыня наградила доносителя восьмнадцатью дворами въ селѣ Высокомъ, сотни Мглинской; Семикову сняли голову, и прислали ее въ Почепъ на выставку на каменный столбъ съ желѣзною спицою и съ надписью внизу на жестяномъ листѣ. Нѣсколько большаго роста Малороссіянъ было отправлено Королю Прусскому; домы и семьи ихъ за это были увольнены отъ постоевъ и податей; награда, можетъ быть, тяжелая отцу за сына, за мужа женѣ; но должно было ее принять. Танскій Василій былъ пожалованъ въ Полковники Переяславльскіе за двадцатилѣтнюю службу. Ѳедора Мировича перестали преслѣдовать; будучи Бунчужнымъ при Мазепѣ, и Генеральнымъ Асауломъ при Орликѣ, онъ жилъ въ Стокгольмѣ до 1720 года и потомъ у Князя Вишневецкаго, въ Варшавѣ; оттуда онъ умолялъ Импе-

ратрицу о возвращеніи изъ Сибяри матери и братьевъ своихъ, а себѣ о позволеніи жить въ Польшѣ; предстательство Ягужинскаго, Бестужева и Вишневецкаго было уважено; одинъ братъ его, Петръ, былъ послѣ Секретаремъ Цесаревны Елисаветы Петровны и въ 1732 отпущенъ въ Малороссію; другой, Яковъ, поселился въ Москвѣ.

Государыня скончалась, Меньшиковъ еще болѣе усилился; онъ чуть-было не сталъ тестемъ Императора Петра II-го. Не здѣсь мѣсто описывать низверженіе многихъ Вельможъ, удаленіе изъ Россіи Герцога Голстинскаго съ супругою, и многія другія дѣла, напримѣръ: наказаніе кнутомъ Графа Дивіера и Скорнякова-Писарева; заключеніе въ Соловецкій монастырь Графа Петра Андреевича Толстаго, свата Гетманскаго; разжалованье Ивана Ивановича Бутурлина и Александра Львовича Нарышкина, — все это постороннее для насъ. Но Малороссія почувствовала, въ свою очередь, минутнаго властителя; онъ взялъ себѣ Коропъ и Шептаки съ ихъ волостями; Малороссію отдалъ въ вѣдомство Иностранной Коллегіи; Толстаго, зятя Скоропадскаго, сослалъ изъ Нѣжина въ отцовскія деревни; Хрущова сдѣлалъ Нѣжинскимъ Полковникомъ, и вдругъ самъ очутился за тысячу двадцать верстъ на Сѣверъ отъ Тобольска, въ Березовѣ.

Малороссія стала отдыхать.

ГЛАВА LIII.

АПОСТОЛЪ.

Родъ Апостола. Отецъ его. Его первоначальная служба. Молодость. Подвиги. Причины улучшенія судьбы Малороссіи. Коллегія уничтожена. Арсеньевъ. Наумовъ. Чинъ избранья въ Гетманы. Докладъ Наумова. Павелъ Апостолъ. Депутаты. Коронація. Гетманъ въ Москвѣ. Государь въ гостяхъ у Гетмана. Статьи. Производство въ чины. Смерть Петра II-го. Анна Іоанновна. Варлаамъ Ванатовичъ въ ссылкѣ. Описаніе этого происшествія Конисскимъ. Разсказъ о томъ-же Евгенія Болховитинова. Апостолъ въ Москвѣ. Получаетъ орденъ Александра Невскаго. Радищевъ и Пассекъ. Украинская линія. Шаховскій. Нарышкинъ. Походъ на Поляковъ. Подвигъ Галагана. Запорожцы получаютъ клейноды. Сѣчь возобновляется. Смерть Апостола.

Апостолъ родился въ 1658-мъ году, Декабря 4, отъ фамиліи Апостоловъ и Катаржи, «иже вои бяху» въ Молдавіи. Отецъ его, Павелъ, перешелъ въ Украйну и былъ Полковникомъ; онъ умеръ въ 1668-мъ году, и оставилъ Полковничество десятилѣтнему сыну своему, избранному единогласно; нѣсколько времени, по его молодости, полкомъ занимался Дубяга; но когда Даніилъ вступилъ въ управленіе, тогда всѣ увидѣли, что единогласный выборъ не былъ ошибо-

ченъ. Въ 1689-мъ онъ предводилъ десятитысячнымъ отрядомъ противъ Татаръ, и тогда-же все войско хотѣло избрать его въ Гетманы; но онъ не принялъ булавы. Потомъ онъ сражался подъ Кизы-Керменемъ и съ Шведами, въ Лифляндіи. Однажды онъ самъ привелъ пятдесять Шведскихъ плѣнниковъ къ Королю Августу; однако-жь Петръ ему недовѣрялъ, подозрѣвая въ возстаньи на Мазепу; боялся-ли Мазепа любви къ нему народной, или по какимъ другимъ причинамъ, но самъ оправдалъ его передъ Государемъ. Когда-же отложился Мазепа отъ Петра, тогда Апостолъ былъ призванъ въ Лебединъ; «дарами почтенный отъ Монарха истинна, отъ Петра велика», онъ получилъ обѣщаніе, что будетъ Гетманомъ, если подоспѣетъ во-время на Глуховскую Раду. Разумѣется, Государь зналъ, что онъ не подоспѣетъ, да и не желалъ этого. Апостолъ пріѣхалъ и засталъ, что уже выбранъ Скоропадскій. Тогда Государь далъ ему начальство надъ частью нашихъ и частью Донскихъ козаковъ противъ Шведовъ. Съ ними Апостолъ сражался подъ Голтвой и подъ Полтавой; находясь въ дѣлѣ надъ Прутомъ, и потомъ въ Андреевой деревнѣ, за Астраханью, былъ надъ Низовымъ корпусомъ Наказнымъ Гетманомъ и получилъ въ награду портретъ Государя. Наконецъ, продолжалъ службу по прежнему въ званіи Миргородскаго Полковника, до ссылки Меньшикова. Полуботка другаго въ Украйнѣ не было; и такъ, съ разрѣшеніемъ избрать Гетмана, взоры всего народа обратились на него.

Эта счастливая и неожиданная перемѣна въ судьбѣ Малороссіи была необыкновенна. Причины ея

неизвѣстны ; неизвѣстно даже, кто былъ предстателемъ у молодаго Царя за угнетенный и вѣрный народъ.

Можно полагать причиною паденье Меньшикова и удовольствіе измѣнить всѣ его планы и предначертанія,—удовольствіе, весьма свойственное каждому, при паденіи врага или опекуна нестерпимаго; врагъ Царскаго отца и опекунъ самовластительный самого Царя, таковъ былъ Меньшиковъ; и едва вся чаша гнѣва Царскаго вылилась на него до дна, едва получилъ онъ полную награду за притязаніе Царской воли и чуждой собственности, — какъ Малороссійская Коллегія была уничтожена, и рѣшено было, чтобъ въ Малороссіи были снова Гетманы. Эта мѣра противорѣчила пользамъ Имперіи, она была во все неблагоразумная, но Петръ былъ дитя.

Вмѣсто Коллегіи приказано присутствовать въ войсковомъ Генеральномъ судѣ Бригадиру Арсеньеву и Подполковнику Колычеву съ правомъ, въ-случаѣ неудовольствія подсудимыхъ, переносить жалобу къ Гетману, который будетъ рѣшать дѣла съ Наумовымъ.

Тайный Совѣтникъ Ѳедоръ Васильевичъ Наумовъ прибылъ въ Сентябрѣ. Въ первый день по-утру данъ былъ сигналъ изъ сорока одной пушки, на городскихъ баттареяхъ разставленныхъ, и начался сборъ чиновъ и войска въ Соборную церковь, при которой былъ устроенъ обширный амфитеатръ. Отъ стороны правительства, сопровождаемые многочисленными коннымъ и пѣхотнымъ отрядами, были несены клейноды и разложены на амфитеатрѣ, на приготовленныхъ для того столахъ. Императорскій

Министръ, предшествуя клейнодамъ, несъ Императорскую грамоту и положилъ ее на амфитеатръ при Сенаторѣ. Въ церкви началась литургія, отправленная соборомъ всего Духовенства; потомъ отпѣтъ молебенъ и данъ залпъ изъ сорока одной пушки. Тогда всѣ чины и козаки приступили къ амфитеатру; Генеральный Писарь прочиталъ имъ грамоту, ей салютовали отъ войска бѣглымъ огнемъ и изъ городскихъ баттарей пушечными залпами. Начались пиры: первый былъ данъ Министромъ отъ Императора; народомъ вторый; туда были приглашены чины и знатное Духовенство; а на войско отпускалось достаточно напитковъ и разныхъ жареныхъ кушаньевъ.

Октября 1-го. Наумовъ поѣхалъ въ каретѣ шестью лошадьми къ церкви Николаевской, на большую площадь, гдѣ покрытый краснымъ сукномъ помостъ былъ окруженъ солдатами и народомъ; двадцать четыре всадника ѣхали впереди; четыре Оберъ-Офицера везли булаву, бунчукъ, знамя и печать; Секретарь Наумова взошелъ на помостъ и прочиталъ Императорскую грамоту, гдѣ было объявлено, что, соглашаясь на Гетманское избраніе, Государь надѣется, что выборъ падетъ на человѣка, достойнаго управлять столь важною должностью. Старшины и народъ единогласно назвали Даніила Апостола. Старику было шестьдесятъ девять лѣтъ; жалуясь на преклонныя лѣта, онъ отказывался; его убѣдили. Наумовъ спросилъ: добровольно-ли народъ избираетъ Апостола и устоитъ-ли въ выборѣ? Народъ повторилъ желаніе; при общихъ восклицаніяхъ и

при пушечныхъ выстрѣлахъ, Апостолъ присягнулъ Государю въ тотъ-же день. 1727 Окт. 1.

На-завтра Наумовъ написалъ докладъ: «по Указу Вашего Величества, прибывъ въ Глуховъ, я собралъ Полковниковъ, Сотниковъ, бунчуковыхъ и значковыхъ Товарищей съ козаками, *кто ѣхать похотѣлъ;* потомъ пригласилъ Архіерея Черниговскаго и Архимандрита Печерскаго съ прочими Архимандритами и Игуменами; потомъ каждому, прежде самъ на-самъ, а послѣ всѣмъ вмѣстѣ, объявилъ милость Вашего Величества, что вы соизволили быть въ Малороссіи Гетману по прежнему, и что сборы, наложенные Малороссійскою Коллегіею, отмѣняются; потомъ спросилъ я прежде у каждаго, а потомъ у всѣхъ: кого хотятъ они избрать въ Гетманы? Всѣ единогласно назвали Миргородскаго Полковника, *о которомъ и Вашего Величества Указъ имѣю.* Я назначилъ срокомъ выборовъ 1-е Октября. Въ этотъ день собрались всѣ на мѣсто; Архіереи и Архимандриты присутствовали; грамота была читана всенародно; я объявилъ о Высочайшей Монаршеской милости. Всѣ били челомъ за нечаянное и милостивое Вашего Величества призрѣніе; и, согласно, избрали Миргородскаго полка Полковника въ Гетманы, который присягнулъ при всемъ народѣ въ вѣрности къ Вашему Величеству; клейноды, булава, знамя, печать и литавры ему отданы, и я внушилъ ему, чтобъ онъ, со всею Старшиною, прислалъ Вашему Величеству благодарительный листъ.»

Старшій сынъ Гетмана Павелъ получилъ полкъ Миргородскій; младшій Петръ отправленъ былъ въ Петербургъ аманатомъ; Бунчуковый Товарищъ Ва-

силій Кочубей, сынъ Василія Леонтьевича, женатый на дочери Апостола, получилъ Полтавскій полкъ. Наумовъ остался при Гетманѣ, въ званіи Министра Императорскаго, для совѣтовъ. Ему Гетманъ далъ Середину-Буду въ полку Стародубскомъ; жалованья двѣ тысячи двѣсти семнадцать рублей и тридцать копѣекъ въ годъ назначено было для него изъ Малороссійскихъ сборовъ. Кромѣ того опредѣлены были на его содержаніе деревни и мельницы, которыми владѣлъ Вельяминовъ; ему-же было ввѣрено управленіе конфискованными имѣніями Меньшикова.

Депутатами отъ Гетмана и народа, съ благодареньемъ къ Государю, были: Нѣжинскій полковый Судья Михайло Забѣла, Прилуцкій Сотникъ Григорій Стороженко, Переяславскій полковый Асаулъ Лука Васильевъ и Гадячскій полковый Судья Мартынъ Штишевскій. Съ ними возвратились на Украйну, жившіе прежде въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ: Иванъ Чарнышъ, Василій Жураховскій и Яковъ Лизогубъ.

Наступило время Государевой коронаціи. Апо-
1728. столъ, Наумовъ и нѣсколько Старшинъ поѣхали въ
Москву съ поздравленіями. Государь принималъ
Апрѣля 7. Гетмана съ милостію и уваженіемъ и даже былъ у
него въ гостяхъ.

Было воскресенье; въ обѣденную пору, послѣ литургіи, въ домѣ у Гетмана разставили столы; прежде къ нему явились дворцовые музыканты съ литаврами; потомъ Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Князь Василій Лукичъ Долгорукій, Фельдмаршалъ Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ и многочисленный

Генералитетъ. Наконецъ, черезъ часъ, показалось четыре кареты съ придворными кавалерами, въ шесть лошадей запряженныя; за ними, попарно верьхомъ, двѣнадцать бомбардировъ; за бомбардирами скороходы, за скороходами карета, съ золотою короною и съ золотыми орлами на бокахъ; въ ней сидѣлъ Государь; передъ нимъ Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій; на козлахъ Пажъ, по бокамъ гайдуки, назади тридцать кавалергардовъ; за каретою вели трехъ иноходцевъ и одного коня Турецкаго Государевыхъ. Когда Государь въѣхалъ во дворъ, Гетманъ сошелъ съ крыльца, Государь вышелъ изъ кареты, поцѣловалъ Гетмана въ голову и, при звукѣ литавровъ и марша, вступилъ въ палаты. Тутъ выпили по чаркѣ водки и сѣли за столъ. Государь отъ стѣны; съ правой руки у него Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, съ лѣвой Графъ Головкинъ, потомъ всѣ по чинамъ, а въ концѣ стола, напротивъ Государя, самъ Гетманъ. Музыка гремѣла безъ умолку въ ближней комнатѣ, гдѣ обѣдали кавалергарды и придворные. Послѣ обѣда Государь сталъ въ окно глядѣть на травлю медвѣдей бульдогами. Позабавившись, пошелъ въ спальню Гетманскую, взялъ въ руки и пристально разсматривалъ бунчукъ и булаву, которые висѣли на стѣнѣ; произвелъ Петра Апостола въ Лубенскіе Полковники, и уѣхалъ во время вечеренъ; черезъ нѣсколько времени разъѣхались Министры. Музыку Гетманъ удержалъ; Малороссіяне пировали съ нимъ до-поздна и, *не смогучи болѣе пить, ибо и по прибытію Его Величества довольно пилъ, Ясне-*

вельможный пойшель на-покой, и такъ всѣ, будучи веселы, разойшлись и разъѣхались.

Гетманъ въ Октябрѣ прибылъ въ Малороссію съ статьями, утвержденными Государемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

1. Его Величество соизволяетъ имѣть въ Малороссіи Гетмана. Судъ и расправа будетъ по прежнимъ обычаямъ, какъ то изображена въ статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго. Судьямъ быть изъ ихъ народа. На Сотенные суды подавать жалобы въ Глуховъ въ судъ Генеральный; но какъ на оный судъ бывали многія жалобы, то Государь учреждаетъ въ ономъ присутствующими трехъ Великороссіянъ и трехъ Малороссіянъ, которые будутъ рѣшать всѣ дѣла по правамъ Малороссійскимъ. Гетманъ будетъ Президентомъ того суда. Если окажется въ Судьяхъ лицепріятіе или взяточничество, то, по разсмотрѣнію Гетманскому, виновныхъ наказывать денежными пенями и взысканіемъ съ нихъ вознаграждать обиженныхъ; не жалуясь нижнимъ судамъ, не подавать жалобъ Генеральному; а кто не доволенъ рѣшеніемъ суда Генеральнаго, тотъ можетъ жаловаться Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и Государю.

2. Избраніе Гетмана будетъ производиться голосами вольными, по прежнимъ правамъ, съ воли и согласія Государя. Но безъ Императорскаго указа Гетмановъ не избирать и не отставлять. Кого изберутъ, тотъ долженъ являться къ Государю для полученія подтвердительной грамоты и клейнодовъ.

3. Какъ прежде бывало въ Малороссіи, такъ и нынѣ Его Величество соизволяетъ, чтобъ, безъ совѣта Старшинъ и воли посполитства, Гетманъ не

избиралъ никого въ Генеральную и въ Полковую Старшину въ Полковники и въ Сотники; въ Старшины Генеральные и въ Полковники выбирать по два или по три кандидата, и потомъ писать къ Его Величеству и требовать указа. Кого-же тѣмъ указомъ Государь утвердитъ, того безъ Рады и не донеся Государю смѣнить не льзя. А и того болѣе Гетману не казнить смертію ни одного Старшины, Полковника или Урядника, не снесясь предварительно съ Его Величествомъ. Полковники должны выбирать Полковую Старшину съ совѣта знатныхъ козаковъ и Старшинъ своего полка; а Сотниковъ съ согласія сотни; и о всемъ томъ Гетманъ долженъ давать знать Государю, а потомъ объявлять народу универсалами, *въ которыхъ въ началѣ должно писать титулъ Императорскій.* Кромѣ православныхъ никто не можетъ быть Старшиною; иноземцевъ-же и новокрещенныхъ не принимать. Если кто будетъ виновенъ изъ полковыхъ Старшинъ и Сотниковъ, то Гетманъ можетъ ихъ наказывать; а за тяжкія вины и отъ чиновъ отрѣшать; но немедля давать знать о томъ Его Величеству.

4. Если прежде принадлежалъ городъ Коропъ къ содержанію Артиллеріи, то отдать его на Артиллерію, чтобъ она всегда была въ добромъ порядкѣ, и вѣдомости о ея состояніи присылать ежегодно въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ.

5. Великороссійскіе полки въ Малороссіи квартируютъ для охраненія границъ; на нихъ провіантъ дается согласно пунктамъ съ прежними Гетманами; расположеніе квартиръ должно быть учиняемо Главнокомандующимъ тѣхъ войскъ, Гетма-

номъ и его Старшиною, не обходя никого, ни Малороссійскихъ, ни Великороссійскихъ владѣльцевъ.

6. Полковъ Охочекомонныхъ и Охочепѣхотныхъ Государь, милосердствуя къ народу, для уменьшенія сборовъ, указалъ имѣть только три: въ каждомъ по пяти-сотъ человѣкъ.

7. Сборы, опредѣленные бывшею Коллегіею, прекратить; а только тѣ собирать, которые собираны были по пунктамъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, и сдавать ихъ въ войсковый скарбъ; но какъ свѣдѣній не имѣется о томъ, сколько бывало въ скарбу въ прошлые годы; такъ какъ отъ году ничего въ немъ не оставалось; какъ не извѣстно на какія потребности расхôдованы были суммы скарбовыя, и какъ этотъ сборъ бывалъ всегда на рукахъ у Гетманскихъ слугъ, отъ чего народъ несъ нестерпимую тягость и роопталъ;—то, милосердуя къ своему народу, во избѣжаніе безпорядковъ и тягостей, Государь повелѣваетъ учредить двухъ Подскарбіевъ—одного изъ Малороссіянъ, другаго изъ Великороссіянъ, которые будутъ собирать по полкамъ доходы, выбравъ для себя помощниковъ изъ ратушныхъ урядниковъ и иныхъ сборщиковъ. Они-же будутъ привозить въ казну всѣ сборы, и держать письменный счетъ расходамъ, чтобъ Государь могъ вѣдать о нихъ.

По этому пункту указаны были сборы: покуховный и скатный, съ вина шинковаго и отвозимаго въ города Великороссійскіе; съ дегтю; покуховный и скатный съ винокуровъ-козаковъ; съ пчелъ и табаку десятину, исключая козаковъ; съ продажныхъ товаровъ и съ мѣрки хлѣба, привозимыхъ на рынки

и на ярмарки; съ мостовъ; съ перевозовъ; съ гребель; съ проѣзжающихъ по онымъ людей; съ откупныхъ статей и съ ратушныхъ селъ; и со всего онаго дѣлать сборъ, не обходя никого, ниже владѣній монастырскихъ. Избраны были въ Подскарбіи: отъ народа—Маркевичъ, отъ правительства—Мякининъ.

8. Всѣ имѣнія козацкія, данныя за войсковую службу или купленныя, по смерти владѣльцевъ своихъ, достаются вдовамъ ихъ, до выхода въ замужство и дѣтямъ мужеска пола. Ежели Гетманъ вздумаетъ кого наградить за знатныя услуги, то долженъ дать знать Государю и о заслугѣ и о наградѣ.

9. Прежде на булаву Гетманскую принадлежало староство Чигиринское, а потомъ Гадячскій ключъ, съ прибавкою многихъ родовъ и мѣстъ. Государь и нынѣ утверждаетъ на булаву Гадячскій ключъ, въ томъ видѣ, въ какомъ прежніе Гетманы имъ владѣли; если-же какія мѣста, на булаву принадлежащія, Гетманъ Скоропадскій взялъ себѣ и утвердилъ въ собственное владѣніе или женѣ и дѣтямъ, или на монастыри,—то ихъ освидѣтельствовать и возвратить булавѣ.

10. Владѣнія, принадлежавшія урядамъ Генеральной и Полковой Старшины, Полковницкимъ и Сотницкимъ, также и Ратушамъ, и розданныя Гетманскими универсалами тѣмъ Старшинамъ въ потомственное владѣніе,—отобрать у тѣхъ Старшинъ, женъ ихъ и дѣтей, отдать на уряды и извѣстить о томъ реэстрами Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. То-же разумѣется и о маетностяхъ Войсковой Судовой Канцеляріи.

11. Гетманъ желаетъ перенесть свою резиденцію изъ Глухова; и такъ, по возвращеніи изъ Москвы, изберетъ иное мѣсто, и представитъ Государю куда именно хочетъ онъ перенесть свою резиденцію; тогда о томъ состоится указъ.

12. По пунктамъ Хмѣльницкаго запрещено принимать бѣглыхъ Великороссіянъ, подъ смертной казнею; но Его Величество указалъ на этотъ счетъ сообразоваться съ указами 1718 и 1723 годовъ.

По этимъ указамъ, первый изъ нихъ Февраля 25, вторый Августа 5, велѣно взыскивать съ виновныхъ всѣ убытки, понесенные отъ того истинными владѣльцами бѣглецовъ; а за драгуновъ и солдатовъ втрое противъ положеннаго ежегодно на ихъ содержаніе.

13. Индуктѣ быть, какъ и нынѣ, на откупу и откупныя деньги вносить въ Императорскую казну; какъ индукта взымается со всѣхъ товаровъ привозныхъ изъ-за границы, съ Малороссіянъ, Великороссіянъ и иноземцевъ, то это не можетъ отяготить народа. Откупщикамъ индукту брать по прежнему обыкновенію, но освидѣтельствовать, чтобъ они лишняго не требовали отъ народа.

14. Малороссійскимъ купцамъ, въ мирное время, въ пограничные города, съ незаповѣдными товарами и въ Малороссію изъ-за границы выѣзжать не запрещается. Евреи то-же могутъ пріѣзжать въ Малороссію на ярмарки; но они должны торговать оптомъ, а не на локти и на фунты. За проданные ими товары денегъ, серебра и золота, они отнюдь не должны вывозить за границу; жить постоянно въ Малороссіи имъ на-крѣпко запрещается.

15. Въ указѣ 1727 года сказано, чтобъ Великороссіяне не покупали въ Малороссіи грунтовъ, хуторовъ, мельницъ и недвижимыхъ имѣній; а кто купилъ, чтобъ взялъ свои деньги и возвратилъ имѣніе; но нынѣ Государь разрѣшаетъ Великороссіянамъ въ Малороссіи, а Малороссіянамъ въ Великороссіи имѣнія всякія недвижимыя свободно покупать съ тѣмъ, однако-жь, чтобъ Великороссіяне, имѣющія маетности въ Малороссіи, отправляли и несли всѣ повинности на-равнѣ съ Малороссіянами, и были-бы подъ начальствомъ Судовъ Полковыхъ и Генеральнаго. Великороссійскихъ крестьянъ въ Малороссіи и Малороссійскихъ въ Великороссіи селить, подъ страхомъ жестокаго наказанія, запрещается.

16. Раскольниковъ, поселившихся въ полкахъ Черниговскомъ и Стародубскомъ, по просьбѣ Гетмана, вывесть изъ Малороссіи не льзя. Завѣдывать ими тому, кто будетъ при Гетманѣ. Онъ-же, вмѣстѣ съ Гетманомъ, будетъ судить ихъ за всякую обиду Малороссіянамъ; но если они станутъ вовлекать кого-либо изъ Малороссіянъ или Великороссіянъ въ расколы, то казнить ихъ смертію.

17. О городѣ Котельвѣ, прежде принадлежавшемъ къ Гадячу, будетъ справка и рѣшеніе; а владѣльцамъ Слободскихъ полковъ, купившимъ недвижимости въ полкахъ Гадячскомъ и Полтавскомъ, руководствоваться статьею пятнадцатою.

18. Козаки и всякаго рода мірскаго чина люди не должны продавать земель, грунтовъ и угодій монастырямъ, попамъ или иному духовенству, ни закладывать ихъ, ни дарить и укрѣплять никакими сдѣлками; а кто, не внимая сему указу, купитъ, у

того отбирать безденежно и отдавать наслѣдникамъ. Такой указъ существуетъ и въ Великой Россіи. А кто захочетъ дѣлать вклады въ монастыри и въ церкви, можетъ ихъ дѣлать деньгами.

19. Къ постороннимъ Монархамъ Гетманъ не можетъ писать ни о чемъ, и ни на какой счетъ не долженъ съ ними обсылаться. Если пріѣдутъ откуда нибудь Посланцы къ Гетману, то письма, ими привезенныя, сообщить тому, кто будетъ при Гетманѣ; онъ прикажетъ ихъ перевесть и отошлетъ къ Государю. Посланцовъ-же удерживать въ Глуховѣ, и продовольствовать. Если-же Крымцы или Поляки будутъ говорить объ спорахъ за земли, объ отгонѣ скота и лошадей, о томъ можетъ отвѣчать и самъ Гетманъ, въ присутствіи того, кто при немъ будетъ, и съ общаго совѣта отвѣты и расправы чинить, а потомъ извѣщать Коллегію Иностранныхъ дѣлъ.

20. Малороссійскій народъ судится правами Магдебургскими и Саксонскими,—статутами, которые другъ другу противорѣчатъ. Перевесть всѣ эти уставы на языкъ Великороссійскій, и опредѣлить сколько нужно особъ изъ Малороссіянъ, для своду тѣхъ правъ и Литовскаго Статута во-едино, и потомъ для аппробаціи прислать къ Государю.

Данъ въ Москвѣ, 1728 года, Августа 22 дня.

Въ этихъ статьяхъ мы видимъ милостивый Манифестъ, а не подтвержденіе правъ. О шестидесяти тысячахъ козаковъ регистровыхъ даже не упомянуто; Петръ соизволилъ имѣть Гетмана, а въ Переславскихъ статьяхъ сказано: избравъ Гетмана, Малороссіяне только извѣщаютъ о выборѣ, чтобъ Царю Алексію Михайловичу не въ кручину было. Нынѣ

запрещено принимать Пословъ, а тогда они были свободно принимаемы. Короче: все уничтожено. Но, угнетенные преемниками Хмѣльницкаго, утомленные междоусобіями и внутренними безпорядками, испуганные могуществомъ Петра Великаго, Малороссіяне обрадовались тому, что снова имѣютъ Гетмана, не смѣли и не желали оспоривать другихъ правъ. Они благословляли Царя-Юношу, которому не суждено было окончить двадцатой статьи, данной Малороссіянамъ, статьи благодѣтельной.

Петръ II, подписавъ грамоту Апостолу на урядъ, отпустилъ его въ Октябрѣ.

Возвратясь въ Малороссію, Гетманъ отправилъ къ Государю Депутатовъ съ прошеніемъ объ учрежденіи Генеральныхъ Старшинъ, уничтоженныхъ при Петрѣ Великомъ; съ представленіемъ, кого именно и на какое мѣсто онъ назначаетъ; и съ изъявленіемъ благодарности отъ всего народа Малороссійскаго. Государь утвердилъ представленіе Гетманское; производство было замѣчательно.

Генеральный Бунчужный Яковъ Лизогубъ назначенъ Генеральнымъ Обознымъ. Ему опредѣлено четыреста дворовъ на содержаніе. 1729.

Изъ Лубенскихъ Полковниковъ Андрей Маркевичъ сталъ Генеральнымъ Подскарбіемъ.

Изъ Корсунскихъ Полковниковъ Андрей Кандыба и изъ Борзенскихъ Сотниковъ Михайло Забѣла стали Генеральными Судьями. Имъ и Подскарбію было опредѣлено каждому по триста дворовъ.

Турковскій, Господарь Гадячскій, былъ сдѣланъ Генеральнымъ Писаремъ.

Сотникъ Глуховскій Иванъ Мануйловичъ и Сотникъ Березанскій Ѳедоръ Лысенко стали Генеральными Асаулами.

Бунчуковый Товарищъ Якимъ Горленко—Генеральнымъ Хоружимъ.

Иванъ Борозднa—Генеральнымъ Бунчужнымъ. Этимъ пяти опредѣлено было по двѣсти дворовъ.

Гаврило Милорадовичъ былъ изъ Гадячскихъ Полковниковъ отрѣшенъ за взятки; на мѣсто его былъ поставленъ Григорій Гребенка.

Стародубскій Полковникъ Илья Пашковъ, то-же приличенный во взяткахъ, сдалъ мѣсто Александру Дурову, который вскорѣ былъ отданъ подъ судъ за угнетеніе народа.

Мѣсто Наумова при Гетманѣ заступилъ Князь Алексѣй Шаховскій.

Индуктный сборъ, съ ежегоднымъ платежемъ въ казну восьмнадцати тысячъ шести-сотъ девяноста семи рублей шести-десяти двухъ копѣекъ, которымъ пользовался Графъ Савва Владиславичъ, поступилъ его племяннику Графу Гаврилѣ Владиславичу на двадцать лѣтъ.

Февраля 7-го пріѣхалъ третій членъ Генеральнаго Суда Дмитрій Потемкинъ.

Къ концу года Гетманъ поѣхалъ въ Москву и
1730. Янв. 18. былъ свидѣтелемъ кончины Государя.

«Блаженство Малороссіи не долго длилось»—говоритъ лѣтопись.—«После долголѣтнихъ гоненій, ее угнетавшихъ, просіявшій лучъ утѣшенія и надеждъ скоро затмился и померкъ. Благодѣтельствовавшій народу юный Государь, Императоръ Петръ II-й, скончался отъ осны и произвелъ въ народѣ скорбь

и сѣтованіе чрезвычайныя Молва всенародная, принесшая общее несчастіе, раздалась отъ предѣловъ Россіи до концовъ ея и наполнила обиталища томнымъ уныніемъ.»

Анна Іоанновна вступила на престолъ; первые дни ея царствованія были благодѣтельны для Малороссіи: пошлина съ пчелъ и табаку, сборъ съ мостовъ, плотинъ и перевозовъ,—что приносило казнѣ двадцать шесть тысячь шесть сотъ двадцать четыре рубля ежегодно,—были отмѣнены. Шестьнадцать лѣтъ томившійся въ Москвѣ, Дмитрій Горленко былъ отпущенъ въ Малороссію. Гадячь былъ отданъ въ вѣчность Апостолу; но на урядъ было назначено четыре тысячи сто шестьдесятъ семь дворовъ, въ томъ числѣ волости Ропская, Быковская и Шептаковская.

Гетманскій сынъ Петръ, который хорошо говорилъ и писалъ по-Латыни, по-Итальянски, по-Французски, по-Нѣмецки, по-Польски и по-Русски и былъ свѣдущъ въ наукахъ точныхъ, отпущенъ былъ на родину и получилъ Лубенскій полкъ.

Произшествіе неожиданное, горестное, непонятное, омрачило эти ясные дни: Варлаамъ Ванатовичъ, Августа 2 го 1730.
Архіепископъ Кіевскій и Галицкій по Имянному повелѣнію былъ истребованъ въ Москву, со всѣми Консисторскими членами и съ Каѳедральнымъ писаремъ. Консисторіи члены, Игумены: Никольскій, Михайловскій, Выдубицкій, Кирилловскій, Софійскій Намѣстникъ, Архидіаконъ, каѳедральный писарь и эксаменаторъ отрѣшены *на время впредь до указа*; Архіепископъ преданъ суду въ Тайной Канцеляріи, лишенъ Архіерейства и Священства,

отправленъ простымъ монахомъ въ Кирилловскій Бѣлоезерскій монастырь; имѣніе его описано на Государыню; на мѣсто его поступилъ Рафаилъ Заборовскій; никто не вѣдалъ причины несчастія; въ указѣ, отъ 30-го Ноября, было только сказано, что Варлаамъ лишенъ сана и сосланъ *за вину его, о которой явно по дѣлу, которое слѣдовалось о немъ.* Эту вину двояко описываютъ.

По словамъ Архіепископа Конисскаго, всему причиною былъ возвращавшійся черезъ Кіевъ изъ Св. Земли Іеремонахъ Сухановъ. Его приняли съ почестями. Проживъ нѣсколько времени въ монастыряхъ Печерскомъ и Софійскомъ, и возвратясь въ Москву, онъ началъ порицать излишество обрядовъ въ Палестинѣ и Греціи, и неблагочестіе въ обителяхъ тамошнихъ; а на Малороссійское Духовенство донесъ Сѵноду, что оно исказило старую Русскую вѣру и заразилось проклятою Латинщиною; что оно безъ угрызенія совѣсти креститъ младенцевъ, не погружая, а обливая и не оплевывая всѣмъ клиромъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его; что въ церквахъ Украинскихъ, во время Великаго посту, отправляются пять разъ по пятницамъ страсти Христовы съ полнымъ трезвономъ и Евангельскимъ чтеніемъ, напѣвая по нотамъ Римскимъ или Итальянскимъ съ приступкою, какъ-бы на игрищѣ; и что, наконецъ, всѣ Архіереи и Архимандриты и самъ Митрополитъ имѣютъ на митрахъ кресты, подобные какъ на коронахъ Русскихъ Царей, и къ нимъ онидѣ подбираются безъ ужаса и содроганія. Сѵнодъ потребовалъ отвѣта. Ванатовичъ отвѣчалъ, что доносъ Суханова есть мужицкій бредъ, недостойный

преній Богословскихъ; что это порожденіе безтолковаго Мартына мниха Армянскаго, посѣявшаго въ Россіи расколы и сожженнаго въ Кіевѣ; что обряды Грекороссійской вѣры въ Малороссіи неповреждены; что отсюда вѣра Христова разлилась на востокъ и на сѣверъ; что здѣсь были Св. Апостолъ Андрей Первозванный, Святая Ольга и Святый Владиміръ Равноапостольный; что съ ними, наконецъ, доднесь согласны всѣ Архипастыри, кромѣ Сухановскихъ послѣдователей, *кои не вѣдятъ, что творятъ.* Отвѣтъ былъ представленъ Аннѣ Іоанновнѣ и Ванатовичъ погибъ.

Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ разсказываетъ иначе: Городовый Кіевскій Войтъ Дмитрій Полоцкій питалъ издавна непримиримую вражду ко всему Кіевскому Духовенству; отягощалъ Архіерейскихъ и монастырскихъ людей поборами, подводами, отнималъ у нихъ поля, лѣса и угодья, взыскивавъ мостовые и поромные за Днѣпръ даже съ самого Архіепископа. Варлаамъ жаловался Гетману и Иностранной Коллегіи; въ 1728 году Октября 31-го Гетманъ получилъ предписаніе изслѣдовать дѣло. Войтъ поддѣлалъ грамоты, будто-бы данныя Скоропадскимъ Кіеву, на отнятыя имъ отъ монастырей угодья; препроводилъ копіи этихъ грамотъ къ Гетману, и уѣхалъ въ Москву. Варлаамъ доказывалъ, что грамоты подложны. Дѣло перешло въ Иностранную Коллегію. Когда-же Анна Іоанновна вступила на престолъ, Войтъ, который все время жилъ въ Москвѣ, донесъ, что Варлаамъ не присутствовалъ однажды на молебнѣ въ день Высокоторжественный. Сдѣлали справку, дѣйствительно онъ 1729.

пропустилъ одинъ Высокоторжественный день. Онъ оправдывался тѣмъ, что указъ о присутствіи Архіепископовъ въ такіе дни при отправахъ выданъ только 17 Марта въ 1730 году, и потому не успѣли сдѣлать на этотъ счетъ распоряженія; но оправданію не вняли и онъ томился въ ссылкѣ до 1741 года; Императрица Елисавета Петровна возвратила ему свободу и санъ.

Этотъ случай поразилъ Малороссіянъ; они увидѣли впереди времена Меньшиковскія и не ошиблись: наступили Бироновскія.

1731. Анна Іоанновна обласкала Апостола; вызванный въ Москву, онъ получилъ Орденъ Александра Невскаго; по его ходатайству постои были уменьшены: только шесть драгунскихъ полковъ остались въ Украйнѣ. Члены Генеральнаго суда: Арсеньевъ и Потемкинъ были отозваны въ Москву; ихъ замѣстили Аѳанасій Радищевъ и Богданъ Пассекъ.

И въ то-же время двадцать тысячъ козаковъ и десять тысячъ Малороссійскихъ крестьянъ, по предложенію Миниха, были отправлены съ Полковникомъ Танскимъ насыпать земляной валъ съ башнями отъ Днѣпра до Донца, для защиты южныхъ провинцій отъ Крымскихъ Татаръ. «Линія работана многіе годы», говоритъ лѣтопись; «посылано туда ежегодно по двадцати тысячъ козаковъ и по десяти тысячъ посполитыхъ. Ими погодно начальствовали Полковники: Прилуцкій Игнатій Галаганъ, Лубенскій Петръ Апостолъ и Кіевскій Антонъ Танскій; работа сія опять положила многія тысячи народа, безвременно погибшаго отъ тяжестей, зноя и климата; но судя о неизмѣримомъ пространствѣ работъ

оныхъ, судя о ширинѣ и глубинѣ рвовъ и каналовъ и о ихъ валахъ и насыпяхъ, премногими наугольниками, баттареями и разныхъ родовъ крѣпостями, названными по именамъ Царской Фамиліи и по городамъ Великороссійскимъ; и наконецъ, судя, что, развернувши всѣ сіи изгибы въ прямую линію, составятъ они около тысячи верстъ, надобно заключить, что такая работа, въ иныхъ странахъ, была-бъ почтена чудомъ произведенія человѣческаго и нимало не уступала-бъ Меридову озеру и насыпямъ Египетскимъ; но здѣсь только что считается Украинскою линіею; и отобраны къ ней многія Малороссійскія земли, заселенныя однодворцами и помѣщичьими крестьянами Великороссійскими. Малороссійскіе-же поселенцы, отъ прежнихъ и нынѣшнихъ тяжестей и гоненій удалившіесь многими тысячами изъ жилищъ своихъ, зазваны и оселены на земляхъ Орловскихъ, Курскихъ, Тамбовскихъ и Воронежскихъ, гдѣ даны имъ нарочитыя льготы съ увольненіемъ отъ рекрутства и другихъ Государственныхъ повинностей. Напротивъ того, за пріемъ Великороссійскихъ крестьянъ, разорены премногія Малороссійскія фамиліи платежемъ помѣщикамъ тѣмъ штрафовыхъ денегъ, вдесятеро больше, чѣмъ извѣстная цѣна, положенная отъ сыновъ Израилевыхъ. И поводомъ сего было то, что помѣщики оные завели-было промыслъ и, нарочито, подсылали крестьянъ своихъ въ Малороссію; которые, походивъ въ селеніяхъ здѣшнихъ, подъ видомъ заработковъ, и сдѣлавъ нѣсколько ночлеговъ и поденьщины у зажиточныхъ хозяевъ, возвращались послѣ того къ своимъ помѣщикамъ и разсказывали имъ о сво-

ихъ похожденіяхъ; а сіи представляли ихъ въ войсковыя канцеляріи къ допросамъ, брали отъ Воеводъ сыщиковъ съ инструкціями, наполненными множествомъ указовъ, неизвѣстныхъ въ Малороссіи, и взыскивали контрибуцію деньгами, скотомъ, движимостью, отправляя неимущихъ въ тюрьмы.»

1735. Вмѣсто Князя Шаховскаго, при Гетманѣ былъ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, когда пришло повелѣніе отправить часть козаковъ въ Польшу подъ начальство Генерала Ласси. Смерть Короля; избраніе вторичное, противъ желанія двора нашего, въ Короли Лещинскаго, призвали Русскія войска въ Польшу для усмиренія конфедератовъ. Наказный Гетманъ Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ и Полковникъ Игнатій Ивановичъ Галаганъ повели козаковъ своихъ. Ихъ было двадцать тысячь. Храбрость и предпріимчивость Галагана удивляли всѣхъ. Между многими дѣлами его, современники описываютъ одно примѣчательное, около Слуцка: отрядъ непріятельскій разсыпалъ передъ козаками по полю множество острыхъ гвоздей съ тяжелыми головками, которые оборачивались концами въ верьхъ, при паденьи на землю. Галаганъ замѣтилъ это; оставилъ часть козаковъ передъ непріятелемъ; съ остальными зашелъ въ тылъ, и погналъ его на гвозди; занозивъ ноги лошадямъ, Поляки немогли спастись отъ преслѣдовавшихъ, и были разбиты на-голову.

Тогда-же измѣнилась и судьба Запорожцевъ; по просьбѣ Апостола и Графа Вейсбаха, Анна Іоанновна ихъ простила, отправила къ нимъ булаву, бунчукъ, пернач, большую хоругвь, прапоры, литавры и трости; велѣла имъ присягнуть въ Бѣлой-

Церкви; подарила имъ около пяти тысячъ рублей и утвердила Кошевымъ Ивана Бѣлицкаго. Напрасно Крымскій Ханъ и Султанъ старались ихъ удержать за собою: они поселились въ Старомъ и Новомъ Койдакахъ и на Самарѣ, въ двадцати пяти верстахъ отъ ея устья.

Въ преклонной старости, извѣдавъ много превратности въ жизни, видя Украйну и въ отдѣльности и въ слiянiи съ Россiею, современникъ двухъ Царей, двоецарствiя, двухъ Императоровъ и двухъ 1734. Янв.
Императрицъ, — Апостолъ, доживъ вѣкъ свой въ са- 17.
дахъ Сорочинскихъ, любимый и почитаемый народомъ, войскомъ и Царями, скончался семидесяти шести лѣтъ, отъ паралича. Его недвижимое имѣнiе Государыня утвердила за наслѣдниками. Гетманьшѣ назначила три тысячи пенсiи. Онъ лежитъ въ Сорочинцахъ, въ церкви, имъ-же построенной.

ГЛАВА LIV.

МЕЖДОГЕТМАНСТВО.

ШЕСТИГЛАВОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Члены правленія. Министерская Канцелярія. Пытки. Орелъ на кахляхъ. Войны съ Крымцами. Галецкій. Гибель его. Ненависть Миниха къ Малороссіянамъ. Постой цѣлой арміи. Капнистъ. Подвигъ Малороссіянъ на Сивашѣ. Благодарность. Наборъ скота. Пословица. Моровая язва. Румянцевъ. Украинскій Статгальтеръ. Кейтъ. Отзывы объ немъ Манштейна и Рубана. Неплюевъ. Минихъ желаетъ быть Герцогомъ Украинскимъ. Отвѣтъ Императрицы. Неистовства Бирона и брата его. Смерть Анны. Правительница. Елисавета Петровна. Бутурлинъ. Депутаты. Бибиковъ. Кіевъ облагодѣтельствованъ Государынею. Посѣщеніе Императрицею Малороссіи. Пышности пріема. Фаетонъ божественный и пегасы. Депутаты въ Москву. Насмѣшки. Отвѣтъ Гудовича. Письмо Елисаветы къ Горленку. Подвиги Запорожцевъ. Польша дѣйствуетъ подкупами и поджигательствами. Саранча. Пріѣздъ Графа Разумовскаго изъ-за границы.

Избраніе новаго Гетмана было отложено; Малороссія отдана въ управленіе шести Членамъ: Князю Алексѣю Ивановичу Шаховскому, Якову Ефимовичу Лизогубу , Князю Андрею Трофимовичу Борятин-

скому, Василію Гурьеву, Михайлѣ Тарасьевичу Забѣлѣ и Андрею Марковичу Маркевичу.

При нихъ Асауломъ былъ Ѳедоръ Ивановичъ Лысенко; въ случаѣ отсутствія Борятинскаго засѣдалъ Иванъ Акимовичъ Сенявинъ.

Указано поступать на основаніи рѣшительныхъ статей, данныхъ Апостолу; Членамъ соблюдать между собою равенство: Великороссійскимъ сидѣть на право; Малороссійскимъ на лѣво; на Членовъ приносить жалобы Сенату; Подскарбіямъ надзирать за доходами.

«Командованіе оныхъ Старшинъ»—говоритъ Архіепископъ Кониссkій (*)—«хотя по личнымъ оныхъ добротамъ и благороднымъ характерамъ было кроткое, справедливое и для Малороссіянъ утѣшительное; нó бывшая изъ Членовъ ихъ отдѣльная Министерская Канцелярія, или, такъ называемая, тайная Экспедиція заставляла Малороссіянъ трепетать въ ихъ самыхъ отдаленнѣйшихъ жилищахъ. Она была точная отрасль великой оной Санктпетербургской Канцеляріи и не переставала, отъ времени до времени, распрашивать, мучить людей. Дѣла ея и подвиги значатся въ нынѣшнее время—бредъ горячки или помѣшанныхъ умовъ; а тогда они были самыя важныя, таинственныя и прибыточныя. Въ ней истязывались и мучились люди, какъ-бы въ Римскомъ чистилищѣ, единственно по доносамъ и всѣхъ родовъ прицѣпкамъ и придиркамъ перехожихъ и квартировавшихъ солдатъ; а паче изъ бѣглецовъ и

(*) Бантышъ-Каменскій то-же повторилъ.

другихъ бродягъ; а доносы состояли о словѣ и дѣлѣ Государевѣ. И сіе слово и дѣло для злодѣевъ и бездѣльниковъ было какъ-бы сигналъ или лозунгъ, либо талисманъ на злобу и мщеніе; и состояло оно изъ трехъ пунктовъ касательныхъ до жизни, чести и благосостоянія Государыни, и ея Фамиліи. Каждый обыватель, хотя-бы онъ былъ наичестнѣйшій человѣкъ и дознаннаго поведенія, подвергался мучительствамъ по доносу самаго дознаннаго злодѣя и бездѣльника; когда не обдарилъ его, или, по неосторожности, озлоблялъ чѣмъ такого, то горе уже человѣку тому. Бродяга тотчасъ идетъ къ городскому или сельскому Начальнику и кричитъ передъ нимъ, что имѣетъ на такого-то слово и дѣло Государево, — «*куй его и меня!*» Начальство, не имѣя власти ничего выпытывать; оцѣпенѣвало отъ одного слова доносителева; закуетъ, бывало, въ цѣпи оговореннаго вмѣстѣ съ донощикомъ, отошлетъ подъ крѣпчайшею стражею, и съ видомъ самаго ужаснаго секрета, въ Министерскую Канцелярію; а тамо, — не входя въ изслѣдованіе о состояніи доносителя и оговореннаго и о причинахъ самаго доноса, и можетъ-ли онъ быть справедливъ; не входя даже въ разсужденіе: могъ-ли оговоренный, по разстоянію жительства, и по способамъ сдѣлать какое зло Государынѣ и ея Фамиліи, которыхъ онъ никогда не видалъ и видѣть не можетъ, но, повинуясь слѣпо своей инструкціи, — опредѣляютъ доносителя въ пытку и когда онъ въ три разныя ея пріема выдержитъ и утвердитъ доносъ свой, то уже оговоренный безотвѣтенъ и его мучатъ непремѣнно и умерщвляютъ. Преданіе общее, и достовѣрное повѣствуетъ

о томъ мѣстѣ, гдѣ была Министерская Канцелярія: «что, ежели-бы, перстомъ руки Божеской, изрыть «частицу земли на мѣстѣ ономъ, то ударила-бъ изъ «нее фонтаномъ кровь человѣческая.» Извѣстно, что во всякомъ родѣ добра и зла есть свои тонкости, вѣтьви и расширенія ихъ. Таковыя имѣло и таинственное слово и дѣло Государево. Сверхъ трехъ его пунктовъ, довольно угнетавшихъ человѣчество и бывшихъ великимъ для него бичемъ, прибавлены еще къ нимъ поиски за честь и достоинство клейнодовъ и регалій Государственныхъ; и не говоря о многихъ подробностяхъ на-счетъ жертвъ таковыхъ изысканій, довольно сего доказательства истины, что одинъ знатный владѣлецъ или помѣщикъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великія пакости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатяхъ употребляемаго. Перехожій черезъ мѣстечко оное армейскій Офицеръ, по имени Іакинѳъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его, на одной печкѣ, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымалеваннаго мастеромъ орла. Тотчасъ арестовалъ его командою своею и отослалъ въ Министерскую Канцелярію, съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ Гербъ Государственный, не вѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская Канцелярія, сочтя доносъ тотъ *полу-словомъ* и *полу-дѣломъ* Государственнымъ, допрашивала помѣщика: съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей Гербъ Государственный и для чего его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что онъ купилъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ Городнѣ у гончара

тамошняго Семена Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ и печныхъ украшеній, были лица человѣческія и, между животными и птицами, орлы; но чтобы то было священное или заповѣдное ему, о томъ и въ умъ не приходило, а купилъ онъ всѣ печи, а между ими и ту зазорную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы. Однако, не смотря на всѣ извиненія, орлы стоили помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ.»

Если-бы это писалъ не современникъ, не знаменитый человѣкъ, это было-бы невѣроятно въ наше благословенное время.

Войны съ Крымцами продолжались. Изрѣдка случалось козакамъ сражаться и съ кочевыми народами востока. Сотникъ Василій Капнистъ, родомъ Грекъ, который началъ службу при Петрѣ Великомъ въ Прутскомъ походѣ, и который не однократно разбивалъ Ногайцевъ и Крымцевъ, нынѣ отразилъ отъ
1734. Изюмскихъ предѣловъ Калмыцкаго Князя Дундука-Омбо. Когда-же возгорѣлась война съ Турціею,
1735. Малороссіяне участвовали въ неудачномъ походѣ Леонтьева. Съ нимъ было шесть тысячъ козаковъ
1736. регистровыхъ и двѣ тысячи Запорожцевъ. Графъ Минихъ принялъ начальство надъ войсками; открылась вторая кампанія; пришло туда и нашихъ четыре тысячи, кромѣ трехъ тысячъ Запорожцевъ, приведенныхъ Кошевымъ Иваномъ Милашевичемъ. Бѣлицкій былъ уже смѣненъ. Перекопъ, Козловъ, Бахчисарай и Кинбурнъ сдались знаменитому Военачальнику, и козаки весьма много участвовали въ удачахъ его оружія. Они перехватывали Турецкихъ

курьеровъ, отбивали стада, брали редуты и укрѣпленія, посредствомъ которыхъ армія сохраняла соединеніе съ Украйною. Капнистъ отличался болѣе и болѣе. Онъ былъ пожалованъ въ Полковники Миргородскіе; но примѣчательнѣе другихъ Малороссіянъ неустрашимостью въ этомъ походѣ былъ Генеральный Бунчужный Семенъ Яковлевичъ Галецкій.

Честолюбивый и рѣшительный, онъ себѣ пролагалъ дорогу въ Гетманы; желая заслужить благорасположеніе Фельдмаршала, старался прославиться неустрашимостью и обратить на себя особенное вниманіе Миниха. Получено было свѣдѣніе, что Татары выступили изъ Крыма и заняли Черную долину, извѣстную подъ названіями Серкешъ и Гайманъ; эта долина имѣетъ источники, что весьма рѣдко посреди безводныхъ степей; черезъ нее должна была пройти наша армія. Минихъ нарядилъ противъ Татаръ значительный отрядъ съ артиллеріею; но Галецкій увѣрилъ его, что это не стоитъ такихъ заботъ, что это ничтожная передовая толпа, которая намѣрена перепортить копани, и которую весьма не трудно легкимъ отрядомъ истребить. Дѣло взялъ онъ на себя. Минихъ согласился, и далъ ему два полка драгунскіе. Тогда Галецкій взялъ съ собою полки Гадячскій, Нѣжинскій, Стародубскій и Черниговскій, да полевую артиллерію. Днемъ отдыхали; ночами шли и на зарѣ достигли Черной долины. Галецкій изумился: вся необозримая степь надъ долиною была покрыта спящими Татарами. Отважный, онъ не испугался; рѣшительный,—не медлилъ и не далъ своему войску понять опасность; напалъ на Татаръ, прошелъ на-сквозь все пространство

стана, избилъ ихъ тысячами; вскочивъ со сна, оторопѣвъ, остальные разсыпались по степи. Совершивъ подвигъ, Галецкій возвратился въ долину, единственное пристанище. Татары опомнились, собрались и окружили его; онъ спѣшился, сталъ въ каре, по угламъ поставилъ пушки, началъ битву, накидалъ вокругъ себя валъ изъ мертвецовъ. Цѣлый день Малороссіяне упорно защищались; къ-вечеру Татаре спѣшились и кинулись въ каре. Гибель была неизбѣжна. При Галецкомъ былъ сынъ его Петръ, который сталъ потомъ Гадячскимъ Полковникомъ; тогда онъ еще былъ только Погарскимъ Сотникомъ. Отецъ приказалъ ему спасаться и, сказавъ — *тутъ могила моя,* бросился на смерть. Три тысячи двѣсти семьдесять козаковъ и драгуновъ легли въ Черной долинѣ. Галецкій былъ изрубленъ въ куски.

Съ тѣхъ поръ самолюбивый Минихъ возненавидѣлъ Малороссіянъ. Извѣстіе о пораженіи достигло до столицы; Фельдмаршалъ получилъ строгій выговоръ; другіе чиновники тяжелыя взысканія. Минихъ чернилъ Малороссіянъ, называлъ ихъ упрямыми своевольцами, не преданными Государынѣ.

Наступила зима, Миниховы войска всѣ расположились въ Украйнѣ; козакамъ дано было повелѣніе охранять границы отъ набѣговъ Татаръ. Можно судить какъ тягостенъ былъ этотъ необыкновенный постой цѣлой арміи. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинскій былъ тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи; онъ былъ добръ, но не могъ народу пособить.

1737. Съ Новымъ годомъ опять началась война; Капнистъ водилъ нашихъ Донскихъ и Чугуевскихъ

козаковъ къ Очакову. Запорожцы разъѣзжали на малыхъ судахъ по Черному морю, распространяли ужасъ до самыхъ Бендеръ и возвратились въ Сѣчь съ значительною добычею. Такъ продолжались и два послѣдующіе года. Всегда лѣто проходило въ битвахъ, зима отягощала бѣдную Украйну нестерпимыми постоями. Восьмнадцать тысячь двѣсти восемьдесять козаковъ были подъ знаменами Анны Іоанновны, въ 1738-мъ году. Тринадцать тысячь въ
слѣдующемъ составляли арріергардъ. Капнистъ разо- 1738. 1739.
рилъ въ Молдавіи Сороку, набралъ множество плѣнниковъ, сжегъ непріятельскіе магазины, былъ въ битвѣ подъ Хотиномъ, получилъ въ награду нѣсколько деревень.

И какъ Минихъ мстилъ за Галецкаго всѣмъ Малороссіянамъ, то они всегда были посыланы въ самыя опасныя мѣста. Однажды имъ было приказано перейти заливъ Гнилаго моря, Сивашъ, и напасть на линейскую страфу. Въ козацкомъ войскѣ были многіе люди опытные, живалые въ Крыму, знавшіе по Сивашу отмѣли и броды. Ночью они перешли заливъ; злобно ударили на Татаръ; загнали въ уголъ, который имѣетъ видъ полумѣсяца и находится между крѣпостью и Сивашемъ, вырѣзали Турковъ и Татаръ на баттареяхъ, заметали трупами рвы линіи, и по нимъ, безъ лѣсницъ и фашинника, перешли какъ по плотинѣ. — «За сію чрезвычайную услугу «хотя войска Малороссійскія были достойны бла«годарности, но имъ сказано сквозь зубы и «прибавлено къ тому, что они уподобляются «упрямой лошади, которая какъ схочетъ, то

«и на гору везетъ; а не схочетъ, то и съ горы «нейдетъ.»

Взятіе линіи облегчило переходъ арміи въ Крымъ. За это въ награду велѣно набирать въ Малороссіи погибшій въ походахъ скотъ. Малороссіяне полонили рѣки Днѣпръ и Самарь, чтобъ Татары по льду не переправились; другая цѣлая армія людей выходила для этого дѣла; не имѣя гдѣ согрѣться въ степяхъ, она погибла отъ морозовъ. Такъ стѣснядъ Минихъ Украйну и гостепріимный, по Славянскому обычаю, народъ принужденъ былъ наконецъ сложить пословицу: «Москалыки, соколы-«ки! поилы вы наши волыкы; а якъ вернетесь здо-«ровы, поисте й коровы.»

Кромѣ войны и несоразмѣрныхъ съ силами народа постоевъ, Украйну посѣтила опять моровая язва; изъ Яссъ и Букареста пробралась она черезъ Каменецъ-Подольскъ, Баръ, Днѣпровскій Могилевъ и другіе города на восточный берегъ Днѣпра; но должно отдать справедливость Графу Миниху. Онъ остановилъ ее. «Къ сожалѣнію народа, исполненна-«го признанія къ благодѣтельному и кроткому упра-
1738 «вленію въ такое особенно время, когда край сей, «по продолжавшейся Турецкой войнѣ, чрезмѣр-«нымъ подверженъ былъ тягостямъ» — Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинскій скончался. Александръ Ивановичъ Румянцевъ занялъ его мѣсто; а въ случаѣ его отсутствія управлялъ Украйною Иванъ Аѳанасьевичъ Шиповъ. Въ довершеніе всенародныхъ бѣдствій, постигло неожиданное, частное,—одну деревню: какой-то крестьянскій сынъ

въ ней выдалъ себя за Царевича Алексія Петровича. Три солдата изъ часовыхъ при маякахъ приняли его сторону; это случилось на Украинской линіи; все село поклонилось мнимому Царевичу; попъ отправилъ за него молебенъ съ трезвономъ. Тамошній Сотникъ далъ знать о томъ Румянцеву; и Лже-Царевича и его шайку перехватали, отправили въ Петербургъ, допросили въ Тайной Канцеляріи и препроводили къ Шипову съ повелѣніемъ казнить.

Долговременная война съ Турціею окончилась. 1740 Май. Румянцевъ, произведенный въ *Украинскіе Статгальтеры*, былъ отправленъ въ Царьградъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ Посломъ; на мѣсто его явился Генералъ Кейтъ. Это былъ любимецъ Украйны; добрый и умный человѣкъ. Мы представимъ объ немъ слово-въ-слово отзывы двухъ его современниковъ: одного—Иностранца, другаго—Малороссіянина: Манштейна и Рубана.

«Румянцова надлежало замѣнить человѣкомъ честнымъ и безкорыстнымъ. Эта провинція чрезвычайно страдала въ продолженіе всей войны; въ ней четыре зимы зимовала армія, и одна она поставляла подводы и погонщиковъ. Это ее привело въ плачевное состояніе, не говоря уже о вопіющихъ притѣсненіяхъ отъ Губернаторовъ и армейскихъ чиновниковъ. Дворъ, желая прекратить эти притѣсненія и избавить отъ совершеннаго разоренія одну изъ прекраснѣйшихъ странъ Имперіи, избралъ Губернаторомъ Кейта, который возвратился въ это время изъ Франціи, гдѣ лечился отъ ранъ. Ему было приказано ѣхать Губернаторомъ въ Глуховъ. Онъ про-

былъ тамъ только годъ; но въ это короткое время сдѣлалъ дѣла болѣе, нежели его предшественники въ десять лѣтъ. Украйна очень чувствовала кротость его правленія, и порядокъ въ дѣлахъ имъ учрежденный. Онъ даже началъ вводить между козаками родъ дисциплины, о которой они дотолѣ не вѣдали; но онъ не имѣлъ времени окончить начатое; война съ Швеціею отозвала его. Когда онъ выѣзжалъ изъ Глухова, всѣ эти люди очень грустили по немъ. Они говорили, что лучше было-бъ не давать имъ Губернатора, съ которымъ такъ несходны всѣ его предмѣстники, или, однажды его назначивъ, не должно-бъ его смѣнять.»

Такъ пишетъ Манштейнъ; вотъ слова Рубана: «Въ Кейтѣ Малороссіяне находили не меньше мудраго и кроткаго, какъ и благотворительнаго вождя. Онъ торжествовалъ всякимъ случаемъ, который только могъ предстать ему на оказаніе добра всякому отъ мала и до велика. Въ разборѣ судныхъ и особливо уголовныхъ дѣлъ старался онъ наблюдать, чтобы наказаніе опредѣлялось прямо соразмѣрное преступленію и пріучалъ всѣхъ сосѣдателей своихъ не рѣшать легко такихъ дѣлъ, гдѣ идетъ о судьбинѣ, имѣніи, жизни или чести малѣйшаго въ обществѣ человѣка; но обнимать всю обширность околичностей. Былъ непріятель пыткамъ и распросамъ и отвращалъ ихъ, поколику дозволяла ему грубость тогдашняго времени. Уже при Румянцовѣ воспріято начало и далеко распространилось вѣжливое, свободное и благонравное обхожденіе; но при Кейтѣ и далѣе оное утвердилось. Въ 1741 году начата была война съ Шведами. Кейтъ, какъ искусный

Генералъ, взятъ туда къ командѣ. Сожалѣніе о потерѣ двухъ первыхъ Начальниковъ (Борятинскаго и Румянцова) облегчено было пріобрѣтеніемъ сего; но лишившись его, не были награждены подобными въ послѣдующихъ.»

Мѣсто его занялъ, по-счастію не надолго, угрюмый и сварливый солдатъ, неудачный Полководецъ, Кіевскій Генералъ-Губернаторъ Михайло Леонтьевъ, который нарушилъ равенство между Малороссійскими членами Генеральной Канцеляріи, и котораго смѣнили Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ. Его народъ полюбилъ: но онъ не долго пробылъ.

Такъ Малороссія привыкала къ жизни общей съ Имперіею; такъ при Аннѣ Іоанновнѣ она уже видѣла у себя Генералъ-Губернаторовъ. Но это было лихорадочное состояніе; добрые Начальники смѣнялись злыми, Гетманы Губернаторами, не было ничего постояннаго. Было время, когда Меньшиковъ хотѣлъ быть властителемъ Украйны; нынѣ Минихъ просилъ Царицу, чтобъ назвала его Герцогомъ Украинскимъ. Страна богатая, плодоносная, многолюдная, она, какъ Сусанна, была искусительницею судей; а люди тогдашнихъ временъ были простодушны и не умѣли скрывать страстей; безъ дальнихъ околичностей одинъ просилъ Батурина, другой Украйны; первому Петръ ничего не отвѣчалъ; второму Анна сказала черезъ Бирона: «Фельдмаршалъ слишкомъ скроменъ; пусть лучше попроситъ Великаго Княжества Московскаго.»

Не мало страдала Украйна и отъ Бирона; но отъ него страдала и вся Имперія. «Всякъ, вѣруяй во Бирона»—говорятъ лѣтописи—«спасенъ и прослав-

ленъ.» Отъ неистовствъ брата его Украйна приходила въ содроганіе. « Онъ былъ совершенный ко-« лѣка, имѣлъ однако на себѣ чинъ полнаго Генера-« ла и, квартируя съ войскомъ нѣсколько лѣтъ око-« ло Стародуба, уподоблялся пышностію гордому « Султану Азіятскому. »

Но Анна Іоанновна скончалась. Добрая Правительница разсыпала Бироновъ по лицу Россіи и сама погибла въ омутѣ политической жизни. Дочь Петра Великаго, Елисавета, провозглашена Императрицею. Россіи стало легче.

1741 Ноября 26.

Разумовскій и Лестокъ болѣе другихъ содѣйствовали ея возшествію на престолъ.

Александръ Бутурлинъ получилъ въ управленіе Малороссію; но вскорѣ его потребовали и поручили прежнюю должность Генералъ-Кригсъ-Коммиссарскую; при немъ поѣхали съ поздравленіями къ Государынѣ Депутаты отъ всего народа Малороссійскаго: Петръ Апостолъ, Григорій Лизогубъ, Андрей Горленко и Яковъ Маркевичъ.

Иванъ Ивановичъ Бибиковъ заступилъ мѣсто Бутурлина; въ Войсковой Канцеляріи присутствовали: Иванъ Кондратьичъ Ильинъ, Андрей Тимоѳеевичъ Тютчевъ, Генеральный Судья Ѳедоръ Ивановичъ Лысенко и Генеральный Подскарбій Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій. Разумовскій исходатайствовалъ для нихъ право равенства съ Великороссійскими членами, которое Леонтьевъ, вопреки указу 1734 года, похитилъ въ свою пользу.

Войтъ Кіевскій Павелъ Войничъ, Бурмистры, Райцы, Лавники и всѣ мѣщане города Кіева били челомъ Государынѣ о подтвержденіи городскихъ

привилегій, данныхъ Петромъ Великимъ. Она исполнила ихъ прошеніе: права, сборы, доходы и недвижимость мѣщанъ были утверждены; разрѣшена была вольная торговля и владѣніе угодьями, сѣножатями, выгонами, рыболовлями; допущенъ былъ невозбранный въѣздъ въ строевые и дровяные лѣса Кіевскіе; дана была гражданамъ свобода торговать въ Кіевѣ разными товарами, припасами съѣстными, виномъ, пивомъ, медомъ; укрѣплено право имѣть воскобойню, пивоварню, гостиный дворъ и свои вѣсы; повелѣно собирать и отправлять въ Ратушу сборъ съ Днѣпровскаго перевоза; и за всѣ эти преимущества приказано съ города взыскивать ежегодно въ казну по шести сотъ рублей. 1743. Окт. 24.

Облагодѣтельствованный Кіевъ увидѣлъ вскорѣ въ стѣнахъ своихъ свою Благотворительницу; она здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы; украшала гробницы Угодниковъ, алтари; раздавала дары Священству и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска Малороссійскія, десять полковъ регистровыхъ, два Компанейскихъ и нѣсколько отрядовъ надворной Гетманской хоругви. Ее приняли на границѣ Великоросійской, за Глуховомъ, въ Толстодубовѣ. Они были построены въ одну линію, въ два ряда; первый полкъ, отсалютовавъ Царицѣ знаменами и саблями, обскакавъ весь фрунтъ и другій полкъ, останавливался за послѣднимъ; вторый дѣлалъ то-же, и такимъ образомъ Государыня видѣла неразрывную цѣпь полковъ до Глухова. Войска были одѣты на-ново въ синихъ черкескахъ съ вылетами и въ широкихъ шалварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. 1744.

Изъ Кіевской Академіи были выписаны вертепы; пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ-видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названной *«Фаетонъ божественный,»* на двухъ коняхъ крылатыхъ, которыхъ студенты назвали пегасами, и которые были ничто иное какъ пара студентовъ. Этотъ старикъ представлялъ Кіевскаго Князя Владиміра Великаго; на концѣ моста встрѣтилъ онъ Государыню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя Княземъ Кіевскимъ, ее своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь Русскій народъ во власть ея и въ милостивое покровительство. Довольная пріемами, Она, однажды, произнесла всенародно: «возлюби меня, Боже, въ Цар-«ствіи небесномъ Твоемъ, такъ какъ я люблю на-«родъ сей благонравный и незлобивый.»

Здѣсь чины и войско подали ей прошеніе объ избраніи новаго Гетмана. Она его приняла и приказала явиться Депутатамъ въ Петербургъ, ко дню торжественнаго бракосочетанія Петра Феодоровича съ Принцессою Ангальтъ-Цербстскою, то есть съ Екатериною II, съ этимъ благомъ и украшеніемъ Царства Русскаго. Депутатами были назначены: Генеральный Обозный Лизогубъ, Хоружій Ханенко и Бунчуковый товарищъ Василій Андреевичъ Гудовичъ. Сенатъ опредѣлилъ имъ на содержаніе въ мѣсяцъ по десяти рублей; но Государыня, узнавъ о томъ, написала въ Сенатъ: «Мы увѣдомились, что Малороссійскимъ чиновникамъ назначено на наемъ квар-

тиры, съ покупкою дровъ и свѣчъ, по десяти рублей въ мѣсяцъ, по примѣру выдачи, производившейся имъ въ 1727 году, въ Москвѣ; но какъ они пріѣхали поздравить Насъ съ бракосочетаніемъ возлюбленнаго Нашего Племянника, то повелѣваемъ дать имъ квартиру отъ казны и по сту рублей въ мѣсяцъ.»

Малороссіяне отдохнули. Не льзя однако-жь было, чтобъ Великороссійскіе чиновники ихъ не подсмѣивали и даже иногда весьма неприлично. Въ то время еще не могло быть взаимнаго довѣрія между Великороссіянами и братьями ихъ Малороссами. Они другъ друга обоюдно подозрѣвали. Однажды съ видомъ насмѣшливымъ кто-то изъ Баръ спросилъ Депутатовъ: что за причина, что ваши Гетманы, если не всѣ, то многіе, были коварны и не усердны для Россіи, и искали ей вреда?

Гудовичъ отвѣчалъ: «что касается до усердія къ « Россіи, то никто изъ вольныхъ народовъ не былъ « къ ней приверженъ такъ, какъ Малороссіяне; и это « доказывается тѣмъ самымъ, что, свободными, отбив« шись отъ Польши, предпочли Россію всѣмъ дру« гимъ народамъ, въ свою протекцію ихъ зазывав« шимъ; а избрали ее одну только по родству и « единовѣрству; въ чемъ они навсегда устояли и « никогда не колебались, отринувъ и презрѣвъ мно« гія сосѣднія льщенія и страхи сильныхъ Державъ « и даже недавнія предложенія Шведовъ, къ иску« шенію самыя удобныя. А что касается до нѣкото« рыхъ Гетмановъ, то къ нимъ можетъ быть примѣ« нена пословица: *якихъ стварили есцѣ, такихъ и « майцѣ*; ибо то не оспоримо, что къ Россіи были « неусердны только тѣ Гетманы, которые избраны

«были по настоянію Русскаго правительства. И при-
«чины тому три: первая—Министры хуже знали кого
«слѣдовало выбирать въ Гетманы, нежели какъ чины
«и народъ Малороссійскіе; вторая—Старшины Ма-
«лороссійскіе искали паденья тѣмъ, которыхъ из-
«брали по неволѣ и потому попускали имъ со-
«вращаться съ пути истины; третья—отъ Минист-
«ровъ было къ нимъ (потому, что то были ихъ
«твари), болѣе довѣренности, нежели къ народу, а
«можетъ быть еще болѣе потому, что тутъ были за-
«мѣшаны и личные интересы Министровъ,—интересы,
«нестерпимые для Гетмановъ, и невмѣстимые въ
«благоустроенныхъ правительствахъ. Къ тому-же
«можно сказать по-Христіянски, что прочно только
«справедливое; ибо тутъ Самъ Богъ споручникъ и
«защитникъ.»

Таковъ былъ отвѣтъ умнаго Депутата; въ то время болѣе сказать было-бы опасно. Нынѣ можно-бы прибавить слѣдующее: на каждаго Гетмана, избраннаго противъ воли народной, въ Москвѣ было по Самозванцу; и народъ принималъ ихъ съ разверстыми объятіями; что-же касается до мятежей Стрѣлецкихъ, до заговоровъ и посягательствъ на жизнь Великаго Петра, до Разина, до Пугачева, неужели можно съ этимъ всѣмъ сравнить Гордѣенка и его Запорожцевъ? Русь всегда предана Божіимъ Помазанникамъ, жаждетъ Имъ служить вѣрою и правдою, не однажды доказывала это на дѣлѣ; а Кіевъ, Черниговъ, Переяславль—гнѣздо Руси, начало городовъ ея, начало всѣхъ ея Княженій, три точки яркія, разлившія на Сѣверъ и Востокъ свѣтъ Христіянства. Нынѣ споръ единоплеменниковъ прекратился. «Вы

«всѣ мнѣ дѣти и всѣ для меня равны», сказалъ одинъ изъ Величайшихъ Царей Русскихъ.

Во время торжества Депутаты занимали вездѣ почетныя мѣста. Впрочемъ, Государыня всегда, и еще до возшествія на престолъ, до того была къ Малороссіянамъ благосклонна, что даже въ письмахъ къ Старшинамъ не первостепеннымъ показывала имъ какое-то особенно милостивое уваженіе. Тому доказательствомъ можетъ служить слѣдующее письмо къ Горленку (*): «Благородный Господинъ Анд-«рей Андреевичъ! посланъ отъ Насъ въ Малороссію, «за Нашими нуждами, Каморъ-динеръ Нашъ Игна-«тей Полтавцовъ; и ежели онъ о чемъ у васъ о сво-«ихъ нуждахъ просить будетъ, *прошу, по вашей* «*къ Намъ благосклонности*, въ томъ его не оста-«вить. Въ чемъ на васъ и не безнадежна остаюсь «вамъ доброжелательная Елисаветъ. Іюля 11 дня, «1737 года.»

Государыня обѣщала грамотою, что Малороссіянамъ позволитъ избрать Гетмана. Но это избраніе отложила до пріѣзда изъ-за границы того, кого хотѣла она почтить булавой. Тогда причинъ отлагательства не знали и ожидали съ нетерпѣніемъ. Обласкавъ Депутатовъ, Она пожаловала имъ собольи шубы, бриллiантовые перстни и на дорогу по тысячи рублей.

Бибиковъ умеръ. Украйной управляли члены Генеральной Войсковой Канцеляріи: Ильинъ, Изволь- 1745.

(*) Подлинникъ его и нынѣ хранится у меня. Собственноручная подпись Государыни и перстневая печать Двуглаваго Орла доказываютъ, что она неподложна.

скій и Челищевъ; Лысенко, Скоропадскій и Асаулъ Петръ Васильевичъ Валькевичъ. Капнистъ съ Боскетомъ занялся составленіемъ карты Заднѣпрія и окончилъ ее въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Запорожцы тревожили Крымцевъ, Турковъ и Поляковъ; раззорили деревни
1746. Саксонскаго Генерала Вейсенбаха близъ Богуслава и Канева. Кошевымъ былъ у нихъ Григорьевъ; жили
1747. они на Султанскихъ земляхъ, близъ Затона и Очакова; безпрестанно смѣняли Кошевыхъ, и при Яковлевѣ вооруженной рукою ловили рыбу и звѣрей въ
1748. Турецкихъ владѣніяхъ.

Польша прибѣгнула къ прежнему образу дѣйствовать противъ обѣихъ Россій. Радзивилъ и Потоцкіе подкупили до двухъ сотъ человѣкъ Поляковъ, Жидовъ и бѣглецовъ Русскихъ; наслали ихъ зажигать города и узнавать о количествѣ и расположеніи войскъ въ Малороссіи. Они разсѣялись по всей Имперіи. Москва, Воронежъ, Ярославль, Орелъ, Калуга, Тула сильно пострадали; Глуховъ горѣлъ трое сутокъ. Подлое и безполезное злодѣяніе уже безсильныхъ! Клевретовъ ихъ переловили и истребили. Подъ-часъ пожаровъ саранча съѣла хлѣбъ на поляхъ; голодъ былъ повсемѣстный. Государыня приказала вывесть Великороссійскіе полки, разрѣшила ввозъ хлѣба изъ Польши, ограничила на-время винокуреніе и подарила на бѣдныхъ восемьдесятъ четыре тысячи рублей.

Въ это время Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій возвратился изъ-за границы.

ГЛАВА LV.

ГРАФЪ КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ.

Послѣдній Гетманъ. Слова Разумовскаго. Сонъ Гетманской матери. Родъ Разумовскихъ. Мѣсто рожденія. Служба. Возвышеніе Кириллы Григорьевича. Козачинскій. Гендриковъ. Пышность избранія въ Гетманы. Милости Царицы къ Гетману. Крѣпость Св. Елисаветы. Новосербія. Гетманъ объѣзжаетъ Малороссію. Андреевская лента. Совѣтъ матери. Запорожцы прикрываютъ крѣпость Елисаветы. Козаки въ Пруссіи. Ономнясь и намѣдни. Егерсдорфъ. Капнистъ. Гетманъ въ Петербургѣ. Смерть Генеральныхъ Старшинъ. Галаганъ. Измѣненія въ правленіи. Угнетенія торговли. Гетманъ снова въ Петербургѣ. Смерть Елисаветы. Петръ III. Андрей Гудовичъ. Перемѣны въ управленія. Пикинеры. Вербунки. Павлоголовко. Просьба Гетманская. Предательство Теплова. Гетманъ увольняется.

Наконецъ достигли мы послѣдняго Гетманства; такъ, покрайней мѣрѣ, стоитъ оно на страницахъ Исторіи; хотя самъ Разумовскій не называлъ никого, кромѣ Мазепы, послѣднимъ Гетманомъ (*).

(*) Во время сговора отца моего съ моею матерью, урожденною Графинею Гудовичевою, Экс-Гетманъ, у котораго въ домѣ это происходило, сказалъ отцу моему: эту церковь построилъ я, по разрѣшенію Государыни, на мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ послѣдняго Гетмана.—Слова эти мнѣ передалъ самъ мой отецъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію его подвиговъ, разскажемъ нѣсколько подробностей о его происхожденіи, котораго онъ не только не скрывалъ, но которымъ гордился.

Если позволительно Титу-Ливію, Тациту говорить въ своихъ глубокомысленныхъ и краснорѣчивыхъ Бытописаніяхъ о сверхъ-естественныхъ произшествіяхъ, то почему-же намъ пропускать то, что хотя невѣроятно, но разсказано было самими дѣятелями и подтверждено свидѣтелями неоднократно?

Мать Гетмана, привезенная въ Петербургъ съ величайшими почестями, нашла, и весьма справедливо нашла, что великолѣпный дворецъ Императрицы Елисаветы не по ней; она на старости не могла, или не хотѣла забыть своихъ деревенскихъ привычекъ, которыя не совмѣстны были съ пышностью этикета придворнаго, и казались смѣшными въ столицѣ, подъ лучами Русскаго Солнца; она оставила Петербургъ; вскорѣ Кириллъ Григорьевичъ сталъ Графомъ и Гетманомъ; онъ сыскалъ свою мать, которая въ Гетманскомъ дворцѣ придерживалась прежней одежды и за обѣдомъ имѣла всегда привычныя кушанья. Гетманъ, какъ сынъ и какъ умный человѣкъ, чтилъ ту, которая носила его подъ-сердцемъ. Но ей тяжелъ былъ и Батуринскій дворъ. Это былъ отблескъ двора Царственнаго Петербургскаго; скоро она и оттуда удалилась. У тѣхъ, кто бывалъ въ гостяхъ у Гетмана, остались, однако-жъ, въ памяти многіе разсказы умной Малороссіянки. Одинъ изъ нихъ сверхъ-естественъ и занимателенъ.

Бѣдная женщина, жена регистроваго козака Григорія Розума, она имѣла сыновей Алексѣя и Ки-

рилла. Первый былъ въ селѣ пастухомъ общественныхъ стадъ. Никакихъ видовъ дальнѣйшихъ, никакихъ надеждъ ей не представляло будущее. Однажды ей приснилось, что въ избѣ у ней, на потолкѣ, свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды—все вмѣстѣ. Она пересказала сонъ сосѣдямъ—они смѣялись; но на третій, на четвертый день послѣ видѣнія проѣзжалъ черезъ село Полковникъ Вишневскій, услышалъ голосъ звонкій и пріятный мальчика красивой наружности, взялъ его съ собою. Это былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, Рейсъ-Графъ, Генералъ-Фельдмаршалъ, Оберъ-Егермейстеръ, Лейбъ-Компаніи Капитанъ-Поручикъ. Скоро послѣ того Кириллъ Григорьевичъ сталъ Графомъ и Гетманомъ; всѣ родные Розума стали Генералами, Каммергерами, владѣльцами тысячей душъ. Б.-Кам. III. 191. Министъ. 1771. 111.

Разумовскій родился, Черниговской губерніи, Козелецкаго уѣзда, въ селѣ Лемешахъ (*). Когда Елисавета, будучи еще Великою Княжною, увидѣла его, онъ ей понравился и она выпросила его у Графа Левенвольда. Прежде ввѣрила ему управленіе однимъ помѣстьемъ; потомъ, ставъ Императрицею, пожаловала Каммергеромъ, потомъ Кавалеромъ Св. Анны, Оберъ-Егермейстеромъ; въ 1742 году онъ былъ уже Кавалеръ Орденовъ Александра Невскаго

(*) Избушку, въ которой онъ родился, и нынѣ можно видѣть, въ томъ самомъ видѣ, какова она тогда была. Эта избушка и все мѣсто принадлежитъ моему двоюродному брату Григорію Павловичу Галагану, и поддерживаема тщательно его экономіею Козелецкою.

и Андрея Первозваннаго; въ 1744 Графомъ Римской Имперіи и Генералъ-Фельдмаршаломъ.

Вслѣдъ за возвышеніемъ Алексѣя, братъ его Кириллъ былъ истребованъ въ Петербургъ и отправленъ въ чужіе краи для образованія; въ надзиратели ему данъ былъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, бывшій потомъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ. Графъ Кириллъ Григорьеевичъ родился 18 Марта въ 1728 году, — пожалованъ былъ пятнадцати лѣтъ Камеръ-Юнкеромъ; въ шестнадцать былъ Графомъ; Дѣйствительнымъ Каммергеромъ въ семнадцать; Президентомъ Академіи Наукъ въ восьмнадцать; женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной въ томъ-же году; въ двадцать лѣтъ былъ Подполковникомъ Измайловскаго полка; въ двадцать-два года сталъ Малороссійскимъ Гетманомъ. Кіевская Академія, желая угодить его брату, поручила какому-то Козачинскому написать доводы о происхожденіи Разумовскихъ отъ Гетмана Богдана Рожинскаго и отъ знаменитаго Гедимина. Козачинскій началъ доводы словами: «Славенъ, чу-«денъ, неоскуденъ въ мудрости, о Боже! — Твою «славу и державу кто изрещи може?» — Все это было написано на языкахъ Польскомъ, Латинскомъ и Украйно-Русскомъ; на послѣднемъ составлялось Акростишіе: «Сіятельнѣйшему Рейсграфу, Оберъ-Егер-«мейстеру, Ея Величества Дѣйствительному Кам-«мергеру, Лейбъ-Компаніи Поручику, разныхъ Орде-«новъ Кавалеру, Алексѣю Григорьевичу Разумов-«скому многая лета желаемъ.» И все это было напечатано въ 1745 году Марта 17 дня. Гетманъ смѣялся подлости и глупости, и продолжалъ вести

свою фамилію отъ Лемешевскаго козака—громогласно.

Вступленіе на урядъ Гетманскій Разумовскаго ни въ чемъ не было сходно съ древними обычаями. Ханенко и Гендриковъ съѣздили въ Москву и возвратились съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ Гетмана. Старшины, Полковники и посполитство собрались въ Глуховъ. Графъ Гендриковъ пріѣхалъ Февраля 16 на-разсвѣтѣ; Февраля двадцать втораго данъ былъ первый сигналъ изъ трехъ пушекъ; Генеральный Асаулъ Якубовичъ повелъ козацкіе полки на площадь, между церквей Троицкой и Николаевской; тамъ было построено возвышеніе о трехъ ступеняхъ, покрытое гаруснымъ штофомъ и обведенное перилами, обложенными краснымъ сукномъ. Въ восемь часовъ данъ былъ второй сигналъ; Генеральные и Войсковые Старшины, Бунчуковые товарищи и Малороссійское шляхетство явились къ Гендрикову. Митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, три Епископа и Ахимандритъ Печерскій Іосифъ Оранскій явились въ церковь Николаевскую. Въ десять часовъ началась продолжительная пушечная пальба. Со двора Гендрикова выѣхало шестнадцать Компанейцевъ; за ними Гетманскіе войсковые музыканты; за ними Секретарь Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Степанъ Писаревъ, въ каретѣ, шестью лошадьми; онъ везъ на серебряномъ блюдѣ Царскую Грамоту; передъ нею играла музыка и полки преклоняли знамена; вокругъ шло двѣнадцать гренадеровъ; потомъ несли клейноды три Бунчуковыхъ товарища, въ томъ числѣ Гамалѣя: бѣлое знамя съ Двуглавымъ Орломъ, пожалованное Апостолу Пет-

16 Дек. 1749.

1750

ромъ II; за нимъ шелъ Генеральный Хоружій съ двѣнадцатью Бунчуковыми товарищами; Гетманскую булаву, на красной бархатной подушкѣ, обложенной золотымъ позументомъ и съ золотыми кистями по угламъ, несли Бунчуковые товарищи: Яковъ Маркевичъ и Ѳедоръ Ширяй; за ними шли Генеральные: Подскарбій Михайло Скоропадскій, Судья Якимъ Горленко и Писарь Андрей Безбородко; за ними шло двадцать четыре Бунчуковыхъ товарища; Петръ и Григорій Горленки несли печать на бархатной подушкѣ; за ними шли: Писарь Генеральнаго Суда Иванъ Пиковецъ и два Бунчуковыхъ товарища: Иванъ Жоравка и Илья Журманъ, съ Канцеляристами Генеральной Войсковой Канцеляріи и Генеральнаго Суда. Войсковый прапоръ несъ Бунчуковый товарищъ Павелъ Мокріевичъ, въ сопровожденіи всѣхъ Войсковыхъ товарищей; за нимъ ѣхалъ въ богатой каретѣ, шестеркою, Графъ Иванъ Семеновичъ Гендриковъ, окруженный гренадерами и придворными лакеями. Позади всѣхъ шло шестнадцать пѣшихъ Компанейцевъ.

Полномочный приблизился къ возвышенному мѣсту; грамоту и клейноды положили на два стола, покрытые красной камкою; Гамалѣя съ двумя товарищами держалъ знамя. Митрополитъ съ духовенствомъ вступилъ на возвышеніе; за нимъ Гендриковъ съ Генеральными Старшинами; шляхетство, войско и народъ стояли внизу. Гендриковъ объявилъ имъ милость Государыни и право, которое Она имъ предоставляетъ—избрать Гетмана *вольными голосами*. Писаревъ спросилъ три раза: кого желаютъ имѣть Гетманомъ? *имя Разумовскаго раз-*

далось отовсюду; Гендриковъ поздравилъ его. Сто одинъ пушечный выстрѣлъ прогрѣмѣлъ, бѣглый огонь былъ пущенъ во всѣхъ полкахъ. Грамоту и клейноды отнесли въ церковь Николая, откуда, послѣ литургіи и многолѣтія, при безпрерывной пальбѣ изъ ружей и пушекъ, перенесли въ квартиру Гендрикова. Полки были распущены.

Козакамъ выкатили болѣе двухъ-сотъ ведръ водки; Гендрикову поднесли десять тысячь рублей, его свитѣ три тысячи.

Какъ показалось Украинцамъ это торжество? Что говорилъ объ немъ народъ? Оно было дотолѣ не виданное. Прежде забрасывали шапками новаго Гетмана; говорили: «любъ намъ такой-то!» И такой-то бралъ булаву въ руки; и потомъ въ Варшаву или въ Москву посылали извѣстіе, что была Рада, и что есть новый Гетманъ. Нѣсколько бочекъ вина оканчивали пиръ. Нынѣ все было иначе: пиршества, великолѣпіе, церемоніальное шествіе и, чего никогда не бывало — двадцати двухъ-лѣтній Гетманъ, избранный не за заслуги отца, подобно Юрію Хмѣльницкому, а за свои собственныя. Очевидно, что это былъ послѣдній Гетманъ; но онъ былъ дѣйствительно необходимъ. Онъ былъ примиритель народа Малороссійскаго съ Дворомъ Великороссійскимъ.

Демьянъ Васильевичъ Оболонскій, Семенъ Ва- 1751.
сильевичъ Кочубей и Илья Васильевичъ Журманъ поѣхали въ Петербургъ; Государыня приняла ихъ Апрѣля 24. Каммергеръ Графъ Бестужевъ-Рюминъ 1751.
объявилъ имъ, что Государыня подтверждаетъ избраніе; Гетману предоставлено имѣть въ торжест-

вахъ мѣсто съ Генералъ-Фельдмаршалами, считаясь по старшинству производства; Запорожская Сѣчь ему подчинена; Батуринъ назначенъ Гетманскою резиденціею; Комиссіи: счетная, экономическая и объ обидахъ—закрыты; Великороссійскіе чиновники высланы изъ Украйны; Министерская Канцелярія уничтожена.

Гетману подарены всѣ доходы, собранные съ 1734 года, то есть за шестнадцать лѣтъ. Онъ получилъ: Ямполь и Батуринъ съ уѣздами; за́мокъ Гадячскій съ волостями Чеховскою и Быковскою; Почепъ съ уѣздомъ; волость Шептаковскую; дворецъ Бокланскій; село Литвиновичи; хуторъ Будійскій; перевозъ Переволочанскій; Кучеровку, Сопичь, Потаповку, Поповку, Машевъ и Жадовъ. Малороссіи стало хорошо, Гетману еще лучше. Принявъ клейноды и грамоту, онъ торжественно въѣ-
Іюня 29. халъ въ Глуховъ.

Іюля 14-го было въ Глуховѣ празднество. По первому трехъ-пушечному залпу Глуховскій гарнизонъ выстроился у церкви Николая Чудотворца. Полки стали по улицамъ отъ дворца Гетманскаго; по второму—всѣ чины отправились во дворецъ; по третьему—въ девять часовъ утра, двинулись музыканты, играя маршъ; за ними шестьдесятъ Компанейцевъ и сорокъ Запорожцевъ; за ними два конюха вели коня, на которомъ были повѣшаны серебряныя литавры; по сторонамъ шесть Бунчуковыхъ товарищей. За ними Оболонскій, съ Гетманскимъ бунчукомъ и двѣнадцать Бунчуковыхъ товарищей; за ними Ханенко съ знаменемъ, съ двумя пѣшими Бунчуковыми товарищами и съ двѣнадцатью чинов-

никами. А тамъ Генеральный Писарь Безбородко, въ каретѣ; въ рукахъ у него Войсковая печать на бархатной подушкѣ, и кругомъ шесть Бунчуковыхъ товарищей, шесть лакеевъ въ богатой ливреѣ и Михайло Скоропадскій, въ открытой коляскѣ, съ булавою на бархатной подушкѣ, съ шестью Бунчуковыми товарищами и съ шестью лакеями. А тамъ, въ каретѣ, шестеркою, Коллежскій Совѣтникъ Григорій Николаевичъ Тепловъ съ Высочайшею Грамотою на подушкѣ; впереди его два скорохода, по сторонамъ два гайдука, позади четыре лакея; кругомъ двѣнадцать Бунчуковыхъ товарищей на коняхъ. А тамъ, то есть, наконецъ, ѣхалъ въ великолѣпной каретѣ самъ Гетманъ; передъ нимъ его конюшій Арапинъ, съ четырьмя скороходами и восемью лакеями въ богатой ливреѣ; по сторонамъ четыре гайдука, два сержанта Измайловскаго полка, подлѣ самой кареты Генеральный Асаулъ Якубовичъ съ двѣнадцатью Бучуковыми товарищами; шествіе замыкали Запорожцевъ сорокъ и Компанейцевъ шестьдесятъ.

Потомъ въ церкви Николаевской, на столѣ, покрытомъ Персидскимъ ковромъ, положили грамоту; по сторонамъ стали: Оболонскій съ бунчукомъ и Ханенко съ знаменемъ. Отпѣли литургію и Тепловъ прочиталъ въ-слухъ грамоту. Духовенство принесло благодареніе Богу за милость Его посредствомъ Своей Помазанницы. Пальба пушечная неумолкала. Грамоту повезли въ Гетманскій дворъ. Гетманъ угостилъ Старшинъ обѣдомъ, городъ освѣтилъ разноцвѣтными огнями. Вскорѣ пріѣхалъ Капитанъ-Поручикъ, Лейбъ-Компаніи *Вице-Капралъ*

Василій Суворовъ и вручилъ Гетману Андреевскую ленту и звѣзду.

Вступивъ въ управленіе, Гетманъ получилъ приказаніе отправить въ нынѣшнюю Херсонскую Губернію двѣ тысячи козаковъ, для постройки крѣпости Св. Елисаветы, что нынѣ Елисаветградъ. Но какъ Инженеры долго искали мѣста, удобнаго для постройски, то Гетманъ выслалъ козаковъ только въ Маѣ 1754-го, и то всего шесть-сотъ одиннадцать человѣкъ. Тамъ уже поселились выходцы изъ-за границы: Сербы, Арнауты и Черногорцы; Генералъ-Маіорамъ Глѣбову и Хорвату поручила Государыня наблюдать за ихъ поселеніемъ; къ нимъ присоединилась часть козаковъ Заднѣпровскихъ, которые не успѣли перейти въ восточную Украйну во время послѣднихъ переходовъ, и у которыхъ своевольные магнаты отобрали себѣ землю. Все это Государыня велѣла назвать *Новосербіею*. Она простиралась по Тясьминю, Большой Выси, Синюхѣ и по вершинамъ Ингула и Ингульца. Эта сторона имѣетъ небольшія возвышенія, отрасли Карпатскихъ горъ. Сѣверъ ея покрытъ дремучими лѣсами; къ югу примыкаетъ нескончаемая степь.

Изъ Батурина Гетманъ поѣхалъ осматривать Малороссійскіе города и мѣстечки; вездѣ встрѣчали его съ радостію; вездѣ устроены были пышные пріемы ему и многочисленной свитѣ его; вся Малороссія ликовала; два мѣсяца его пути слились въ одинъ блистательный и отъ души веселый пиръ. Одинъ только случай смутилъ торжество; случай обыкновенный, но истолкованный народомъ по-своему. Гетманъ въ Черниговѣ объѣзжалъ верхомъ го-

родскія укрѣпленія; за нимъ ѣхали вся свита его и всѣ чины полка Черниговскаго; онъ подъѣхалъ къ главному бастіону у церкви Св. Екатерины; вдругъ налетѣлъ вихрь и сорвалъ съ него Андреевскую ленту. Тепловъ ее подхватилъ и хотѣлъ на него снова надѣть; онъ взялъ ее, своротилъ и спряталъ въ карманъ; ропотъ въ народѣ и нелѣпые толки дошли до того, что о произшествіи узнала Гетманская мать; умная, но неученая старуха прежняго вѣка, уговаривала сына отдалить Теплова, предсказывала ему неизбѣжныя несчастія, если будетъ повиноваться совѣтамъ любимца своего; покорный во всемъ своей матери, Гетманъ непослушалъ ее въ этомъ случаѣ, и послѣ раскаявался. Между тѣмъ въ Глуховѣ дворецъ былъ достроенъ; Батуринъ приходилъ въ первобытное состояніе; все ожило въ Малороссіи; тутъ Государыня призвала Гетмана и удержала его около году. Онъ возвратился съ новыми Царскими милостями и для себя и для Украйны.

Родственникъ его Петръ Ивановичъ Разумовскій 1753.
сдѣланъ былъ Нѣжинскимъ Полковникомъ; Гетманская мать, Наталья Демьяновна, была пожалована въ Штатсъ-дамы. Сенатъ хотѣлъ отобрать отъ Гетмана индуктный сборъ,—Государыня оставила этотъ до- 1754.
ходъ за нимъ. Малороссіяне были освобождены отъ Мая 13.
внутреннихъ пошлинъ: Самуйловичъ и Мазепа завели самовольно сборы покуховный, поковшовный и скатный; на границахъ Малороссіи съ Великороссіею стояли Таможни; Государыня уничтожила сборы и объявила свободу торговли Малороссіянъ съ Великороссіянами.

Въ Августѣ двѣсти Запорожцевъ подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Глѣбова прикрывали крѣпость Св. Елисаветы; потомъ, по случаю кончины
1755. Султана, войска козацкія были усилены на границѣ; Посланникъ Турецкій проѣзжалъ чрезъ Малороссію, его встрѣчали въ каждомъ городѣ сто козаковъ, и вездѣ выдавали ему по сту двадцати подводъ.

Государыня начала тогда знаменитую войну съ Пруссіею. Двѣ сильныхъ Императрицы семь лѣтъ бились съ горстью Прусаковъ, которыми предводительствовалъ знаменитый Король-Философъ, Политикъ, Историкъ и Полководецъ. Туда пошли и наши козаки въ числѣ пяти тысячь подъ начальствомъ Генеральнаго Асаула Якова Демьяновича Якубовича, Полковника Прилуцкаго Галагана, Обозныхъ полковыхъ: Стародубскаго — Скаруна и Кіевскаго — Солонины. Этотъ отрядъ былъ раздѣленъ на четыре отдѣленія: первыя два пригнали въ армію десять тысячь воловъ; послѣднія до шести тысячь лошадей, собранныхъ въ Малороссіи; кромѣ того отправлено было въ Пруссію восемь тысячь погонцевъ, набранныхъ изъ мѣщанъ и посполитыхъ; они служили фурманами, деньщиками, а иные и рядовыми въ Великороссійскихъ полкахъ. Большая часть изъ нихъ погибла « не отъ воздуха, который въ Германіи и « въ Пруссіи нарочито здоровый, но по худому « содержанію отъ начальниковъ, кои вгоняли ихъ въ « чахотку и въ иппохондрію за одно нарѣчіе, и за- « то, что они не скоро пріучались выговаривать « преизъящныя рѣченія: *оно́мнясь* и *намѣдни* и при- « датки: *де, дескать, ужь, какъ-бишь.*»

Полки наши участвовали въ Эгерсдорфской битвѣ, гдѣ былъ убитъ извѣстный уже намъ Капнистъ; это былъ отецъ одного изъ примѣчательнѣйшихъ въ прошломъ вѣкѣ писателей. Старикъ то-же имѣлъ свою долю горестей: въ 1750-мъ году онъ былъ арестованъ, отрѣшенъ отъ должности, отданъ подъ судъ, закованъ въ цѣпи и посаженъ въ тюрьму. Войсковый товарищъ, Звенигородскій, отправилъ въ Кіевскую Губернскую Канцелярію, при донесеніи отъ убитаго въ Польшѣ гайдамака Якова Нещадима, письмо къ Чигиринскому Старостѣ, съ Греческою подписью Капниста; по этому письму увидѣли намѣреніе Капниста убить Гетмана и открыли переговоры съ Татарами въ Кіевѣ. Учреждена была Секретная Коммиссія подъ предсѣдательствомъ Леонтьева. Капнистъ не только оправдался, но еще открылъ мошенниковъ: Звенигородскій, злобясь издавна на него, поручилъ Кіевскому маляру Васильеву выгравировать на мѣди Греческую подпись Капниста и отбить ее въ-низу на четырехъ бѣлыхъ листахъ. Маляръ взялъ за это четыре аршина зеленаго сукна. Еремѣевскій Священникъ Антонъ Васильевъ переписалъ на тѣхъ листахъ письмо, сочиненное Звенигородскимъ. Попъ и Звенигородскій приговорены были къ кнуту и каторгѣ, а маляръ къ плетямъ и ссылкѣ въ Оренбургъ. 1757.

Поручивъ правленіе Кочубею, Скоропадскому, Безбородку, Валькевичу и Ханенку, Гетманъ, въ концѣ года, поѣхалъ въ Петербургъ.

Вскорѣ, въ одинъ и тотъ-же годъ, скончались: 1758
Скоропадскій, Валькевичъ, Оболонскій и Якубовичъ. Журманъ былъ избранъ Генеральнымъ Судь-

ей, Василій Андреевичъ Гудовичъ Подскарбіемъ, Жоравка Асауломъ; они разсматривали проэктъ
1759. Малороссійскихъ правъ, сочиненный особенною Коммиссіею, но ничего по немъ не сдѣлали. Отправлено въ армію восемь тысячь воловъ. Почепъ, Батуринъ, Шептаки и Бакланъ подарены Гетману, который возвратился въ Мартѣ 1760 года.

Двѣ тысячи козаковъ съ Григоріемъ Галаганомъ пошли въ армію. Въ Судѣ Генеральномъ сдѣлалась значительная перемѣна; Генеральный Хоружій Ханенко умеръ. Генеральный Судъ, — прежде главное въ Малороссіи судилище, гдѣ Засѣдатели всѣ Старшины, и гдѣ съ 1728 года Гетманъ считался Предсѣдателемъ, — при Разумовскомъ состоялъ изъ одного только Генеральнаго Судьи и подверженъ былъ аппелляціи въ Генеральную Канцелярію. И такъ инстанцій было пять: Сотенный Судъ, Полковникъ, Генеральный Судъ, Генеральная Войсковая Канцелярія и Гетманъ. Желая прекратить проволочку дѣлъ по мытарствамъ и возвысить Судъ, Разумовскій велѣлъ въ Генеральномъ Судѣ присутствовать двумъ Генеральнымъ Судьямъ и десяти Депутатамъ отъ полковъ; рѣшеніе-же ихъ шло не въ Генеральную Канцелярію, а прямо къ нему на утвержденіе. Каждый изъ Депутатовъ, когда дѣло шло о его полку, выходилъ изъ присутствія. Тѣмъ-же правиломъ руководствовались и Судьи. Мѣра, которая всегда мнѣ казалась странною. Судъ всенародный, не покрытый завѣсою тайны, не рѣдко бываетъ справедливѣе; а лицо, до котораго дѣло касается, и по здравому разсудку и по человѣколюбію, обязано быть допущеннымъ туда, гдѣ дѣло

касается до его судьбы; иначе оно защищать ни добра своего, ни чести, ни жизни не можетъ. Депутатъ-же есть лицо собирательное.

Но что поразило Малороссіянъ и поразило чувствомъ страннымъ, непонятнымъ, это: извѣстіе объ отдачѣ ранговыхъ волостей Гетману въ потомственное владѣніе. Одни говорили, что Гетмана уже впредь не будетъ; что Гетманщина кончится на Разумовскомъ; другіе утверждали, что Гетманство будетъ родовитое, въ фамиліи Разумовскихъ; третіе доказывали, что, вмѣсто избирательнаго Гетмана, будетъ наслѣдное Герцогство Малороссійское, по примѣру древняго Великаго Княженія Кіевскаго. Это послѣднее мнѣніе, вовсе не въ духѣ Императрицъ Елисаветы и Екатерины, со-временемъ очень повредило Разумовскому; что-же касается до перваго, истина его была очевидна; къ тому велъ насъ Петръ Великій; а все, что началъ Онъ, старалась оканчивать Екатерина.

Вскорѣ Гетманъ обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что Малороссіяне, пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ, вдаются въ непомѣрное винокуреніе, истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ избъ; покупаютъ дорого хлѣбъ и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и козаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса. Полковникамъ, подъ угрозой лишенья мѣстъ, приказалъ надзирать за 1761.

точнымъ исполненіемъ распоряженія; Великороссіянамъ, купцамъ и крестьянамъ не позволилъ имѣть винокурень; запретилъ Полковникамъ и Полковымъ Старшинамъ нанимать бѣдныхъ козаковъ для произведенія подъ ихъ именами винокуренія и шинкованія; и предоставилъ производить то и другое только на своихъ земляхъ и изъ своего имущества.

Поводомъ къ этому послужилъ упадокъ вина въ цѣнѣ; она дошла тогда до пятнадцати копѣекъ за ведро; но Гетманъ долженъ былъ знать, что въ Украйнѣ нѣтъ рѣкъ, по которымъ можно-бы въ неплодородныя губерніи возить хлѣбъ на продажу; что земледѣліе и скотоводство у насъ процвѣтаютъ, и весьма обширны, почему ни хлѣбъ, ни шерсть, ни скотъ, ни лошади у насъ не имѣютъ цѣнности; что не льзя жить однимъ хлѣбомъ и скотомъ, что нужны еще и деньги; что курятъ вино не только лѣсомъ, но и соломою; что кто куритъ вино, тотъ его мало пьетъ, а пьетъ тотъ, кто не куритъ; что дороговизна вина, не уменьшая пьянства, уменьшаетъ богатство народное; наконецъ, что винокуреніе въ Малороссіи есть единственная статья, которая даетъ средства хотя какъ-нибудь уплачивать подати.

Въ послѣднихъ числахъ Октября онъ снова былъ отозванъ въ Петербургъ; дѣла поручилъ Кочубею, Гудовичу, Жоравкѣ и Безбородку. Около того-же времени Кіевъ былъ взятъ изъ Гетманскаго вѣдомства и подчиненъ Сенату.

Это было больно для Гетмана; но прїѣздъ его въ Петербургъ былъ несравненно горестнѣе: въ день Рождества Христова скончалась его Благодѣтельница, Уничтожительница пытокъ и смертной казни, Христолюбивая Елисавета Петровна. Петръ III вступилъ на престолъ. Петръ Кирилловичъ Нарышкинъ прїѣхалъ въ Украйну, привелъ къ присягѣ полки, получилъ отъ Полковниковъ въ подарокъ двадцать тысячь рублей и отъ Гетмана перстень въ три тысячи; всѣ-же подарки оцѣнены въ двѣсти тысячь; «но они были сдѣланы доброхотно, прїемъ ихъ веселилъ народъ.»

По докладу Гетманскому Императоръ уволилъ въ отставку съ повышенїемъ въ чинахъ: Генеральнаго Бунчужнаго Осипа Лукьяновича Закревскаго Генеральнымъ Обознымъ; Генеральнаго Писаря Андрея Яковлевича Безбородка Генеральнымъ Судьею; Черниговскаго Полковника Ивана Пантелеймоновича Божича Бригадиромъ. 1762.

На убылыя мѣста были избраны въ Генеральные: въ Судьи Александръ Ивановичъ Дублянскїй; въ Писари Василїй Григорьевичъ Туманскїй; въ Асаулы Иванъ Михайловичъ Скоропадскїй; въ Хоружїе Данило Петровичъ Апостолъ; въ Бунчужные Яковъ Степановичъ Тарновскїй. Безъ выборовъ пожалованы были въ Полковники: Стародубскимъ, съ чиномъ Бригадира, Голстинскїй Генералъ-Маїоръ Карновичъ; Гадячскимъ Голстинскїй Бригадиръ Крыжановскїй; Черниговскимъ, прежде Гофъ-Фурьеръ, потомъ армейскїй Полковникъ Петръ Степановичъ Милорадовичъ. — Василїй Андреевичъ Гудовичъ произ-

веденъ въ Тайные Совѣтники и получилъ Орденъ Св. Анны I степени; Андрей Васильевичъ, сынъ его, былъ сдѣланъ Генералъ-Адьютантомъ и посыланъ для переговоровъ съ Фридрихомъ Великимъ.

Такъ Малороссіяне начали уже являться въ службѣ Имперской, въ толпѣ Царедворцевъ, въ чинахъ Государственныхъ, приближенными къ Царямъ и любимцами ихъ.

Кіевъ былъ возвращенъ въ Гетманское вѣдомство; война съ Пруссіею кончена; неожиданное произшествіе измѣнило судьбу Украйны, Россіи, Европы и всего просвѣщеннаго міра: Принцесса Ангальтъ-Цербстская стала Царицею, Самодержицею Русскою, но какою Русскою! Матерью, Благодѣтельницею Россіи! Въ Украйнѣ не стало Гетмановъ, въ Польшѣ Королей, въ Крыму Хановъ; добрая, просвѣщенная, боготворимая своими подданными и потомками ихъ, Великая все это взяла къ Великой Державѣ Своей.

Тотчасъ вся Россія испытала благость Ея, и Малороссія имѣла удѣлъ Ея милостенъ: былъ разрѣшенъ безпошлинный ввозъ лѣса изъ Польши, запрещено оттуда въ Новосербію и на Запорожье впускать горячее вино; уничтожены табачный и другіе откупа.

1763. Февр. 1. Гетманъ снова сдѣлалъ перемѣны въ судопроизводствѣ: Генеральной Канцеляріи велѣлъ сноситься съ Генеральнымъ Судомъ сообщеніями; возстановилъ Суды *Земскіе*, *Градскіе* и *Подкоморскіе*, уничтоженные старымъ Хмѣльницкимъ. Малороссію раздѣлилъ на двадцать повѣтовъ (*); въ каждомъ былъ

(*) 1. Козелецкій. 2. Остерскій. 3. Менскій. 4. Черниговскій. 5. Стародубскій. 6. Погарскій. 7. Глуховскій. 8. Батуринскій.

Земскій Судъ, въ которыхъ собирались три раза въ годъ: отъ Богоявленія до Пасхи; отъ Троицына дня до Іюля; отъ Октября до Рождества Христова. Судья, Подсудокъ и Земскій писарь выбирались вольными голосами изъ шляхетства того повѣта и были безсмѣнными. Изъ этой привилегіи не исключалась и шляхта Польская,—«хотя сія шляхта почти ежедневно умножалась новыми выходцами изъ музыкантовъ, мастеровыхъ и служителей Панскихъ, которыхъ здѣсь неразбирали, а кто бывало покажется изъ Польши, то уже и шляхта, какъ будто онъ избраннаго рода Левитскаго отъ древнихъ Іудеевъ.» Для уголовныхъ дѣлъ установленъ былъ въ каждомъ полку Гродскій Судъ. Полковникъ былъ Предсѣдателемъ; Судья не назывался уже Полковымъ, но Гродскимъ; Писарь такъ-же. Полковыя и Сотенныя Канцеляріи производили дѣла военныя и полицейскія своего вѣдомства. *Гетманъ* и *Старшины* просили уравненія чиновъ Малороссійскихъ съ Великороссійскими. Государыня уравняла ихъ.

Около этого времени появились въ Малороссіи Пикинерія и Вербунки. Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать; явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до-нельзя, поила козаковъ и народъ;

---

9. Нѣжинскій. 10. Переяславскій. 11. Золотоношскій. 12. Прилуцкій. 13. Иваницкій. 14. Лубенскій. 15. Роменскій. 16. Гадячскій. 17. Зенковскій. 18. Миргородскій. 19. Остановскій. 20. Полтавскій.

потомъ пьянымъ предлагала записаться въ службу въ пикинеры, объявляя, что козаки и пикинеры все равно, что пикинеры, даже лучше, потому что пикинеръ начальства не боится и шапки ни передъ кѣмъ не снимаетъ; бѣднѣйшіе и «*великіе опіяки*» записывались съ радостью; грамотные шинкари и церковники становились Ротмистрами и Поручиками. Потомъ цѣлыя селенія превратились въ пикинеровъ, и были раздѣлены на четыре полка: Елисаветградскій, Днѣпровокій, Полтавскій и Донецкій. Начались жалобы отъ народа къ Гетману; онъ писалъ къ Двору; отвѣта не было. Пикинеровъ уволили отъ податей; Мельгуновъ увѣрялъ, что они лучше Малороссіянъ; на шапки имъ нашили бѣлые банты; и снимая шапки только внутри церкви, они кричали каждому встрѣчному: «вороты съ дороги, «Гетьманецъ! бо я за тебе лучшій» Ихъ спрашивали: чемъ они лучше? «Незнаю, а лыбонь за тымъ, що маемъ корону на шапкахъ; а Ротмыстры наши уси письменны, бо изъ прасолывъ, шинкаривъ, а деяки и изъ поповичовъ жалованы.» Эти бѣдняки забыли и права свои и привилегіи; чванились своимъ величіемъ; но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по Запорожскимъ куренямъ, по хуторамъ Новосербскимъ. Павлоголовко и другіе старики села Нехворощи осмѣлились толковать о договорахъ Хмѣльницкаго; их начали обвинять въ передержательствѣ пикинеровъ; ропотъ превратился въ мятежъ; ихъ приговорили къ кнуту; перекрестъ изъ Турковъ, Пикинерскій Полковникъ Адобашъ, съ восторгомъ исполнилъ приговоръ.

Подъ этотъ непріятный случай, бросившій какую-то тѣнь на Малороссію, въ Генеральномъ Судѣ сочинили просьбу къ Императрицѣ. Облагодѣтельствованный Гетманомъ, Тепловъ самъ старался о томъ, чтобъ эта просьба была написана, и самъ-же, будучи въ это время при Государынѣ докладчикомъ, подалъ на нее тайный доносъ. Просьба была написана отъ лица всей Малороссіи; въ ней было изъявлено народное желаніе, чтобъ Гетманство было наслѣдственное въ потомствѣ Разумовскаго, причины для этого показаны были оскорбительныя для всей Малороссіи; всѣ Гетманы и Старшины—живые и мертвые—обруганы и озлословлены. Это былъ доносъ на народъ, а не народная просьба; и это было сочиненіе—Теплова. «Другая рука,—говоритъКонисскій,—а паче рука гражданина природнаго, конечно, «задрожала-бы отъ первыхъ почерковъ столь хульныхъ и злобныхъ на Малороссію; но сей питомецъ «ея исполнилъ Пророческія и Царскія слова во всей «точности: иже яда хлѣбы моя возвеличиша на мя «запинанія.» 1764.

Шляхетство и чины были созваны въ Глуховъ; но просьбы ни одинъ не подписалъ. Ни Царское великолѣпіе пріемовъ Гетманскихъ, ни ласки, ни искательства, ни обнадеживанія, ничто ихъ не преклонило. Они разъѣхались,—«*инымъ путемъ идяше въ* «*страну свою.*» Въ-слѣдъ за ними поскакали посланцы по полкамъ, по повѣтамъ, по сотнямъ, съ просьбою подписаться. Чины и козаки, не обинуясь, объявили, что просьба эта противна разсудку, чести, правамъ народнымъ и есть нелѣпость сумасбродная. Гетманъ разсердился и послалъ къ Государынѣ дру-

гую просьбу, которую можно-бы скорѣе назвать пасквилемъ на Малороссіянъ, нежели просьбой.

Государыня потребовала Гетмана въ Петербургъ. Приказавъ Асаулу, Хоружимъ и Бунчужнымъ сохранять единообразіе въ оружіи и въ мундирахъ козацкихъ, онъ поручилъ управленіе краемъ Кочубею, Туманскому и Апостолу, и явился въ столицу. Тепловъ встрѣтилъ его объятіями. Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, стоя въ дверяхъ этой комнаты, громко сказалъ: «*и лобза его-же предаде.*» Вскорѣ объявленъ былъ Гетману Монаршій гнѣвъ, и не приказано являться во дворецъ, пока не подастъ прошенія объ увольненіи.

Онъ явился съ прошеніемъ; былъ уволенъ; ему дали шестьдесятъ тысячь пенсіи, Быковскую волость, Гадячскій ключъ и Батуринскій домъ, гдѣ онъ и умеръ, въ 1803 году Января девятаго.

Полки превращены въ Намѣстничества; Старшины получили чины Великороссійскіе; Гетманщина кончилась.

Но Запорожье еще имѣло Кошевыхъ. Западная Малороссія была въ рукахъ у магнатовъ.

ГЛАВА LVI.

Гоненія за вѣру на За-днѣпріи. При Петрѣ I. При Петрѣ II. При Аннѣ. При Елисаветѣ. При Екатеринѣ II. Рѣчь Конисскаго. Сотникъ Харько. Новыя гоненія. Значко-Яворскій. Желѣзнякъ. Гонта. Усачъ. Золотая грамота. Гибель Жаботина, Лысянка, Умани, и другихъ городовъ Страшная рѣзня. Жиды и Шляхта. Шило. Кречетниковъ. Казнь Гонты. Стемпковскій. Палінвщина и Колінвщина. Запорожцы волнуются. Текелли. Окончательное разрушеніе. Раздробленіе Польши. Сліянье обѣихъ Украйнъ и Сѣчи съ Имперією.

Когда Заднѣпріе отошло къ Польшѣ, и магнаты, своевольно овладѣвъ тамошнею Украйною, разорвали ее на части, такъ что одному Потоцкому достались всѣ люди и вся земля «отъ Днѣпра до Днѣстра» по его собственнымъ словамъ,—тогда многіе козаки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра; многіе превратились въ помѣщичьихъ крестьянъ; и Унія снова, то слегка, то съ прежнимъ неистовствомъ, начала угнетать народъ. Уніяты до того простерли свою необъятную дерзость, что, въ 1705 году, въ бытность Петра Великаго въ Полоцкѣ, они лично Его оскорбили. Желая видѣть ихъ обряды, Государь вошелъ со свитою въ церковь; но едва вздумалъ пройти въ олтарь, подстрекаемые Іезуитами и Па-

пистами, Уніяты объявили Ему, что, какъ противникъ вѣры, Онъ недостоинъ туда вступать. Онъ промолчалъ и вышелъ изъ олтаря. Замѣтя одинъ образъ, богаче прочихъ украшенный, Онъ спросилъ: чей это образь?—« Священномученика Іосафата, ко- « тораго ваши единовѣрцы, еретики, богоотступники, « мучители, *какъ и вы*, убили!» Таковъ былъ отвѣтъ нечестивцевъ. Государь вспыхнулъ, велѣлъ ихъ перехватать и вышелъ. Мятежники защищались, ихъ начали рубить, перевязали, допросили и зачинщика повѣсили. Можно послѣ этого судить, чего ожидать могли отъ нихъ Малороссіяне. У Епископа Луцка-
1712 го Кирилла Шумлянскаго отняли весь хлѣбъ, грозили ему заточеніемъ; Король приказалъ его не признавать въ санѣ; напрасно Петръ Великій вступался за него; удовлетворенія не было. Сдѣлано
1716. было постановленіе Тарногродскими конфедератами, чтобъ церкви Грекороссійскія были въ Польской Украйнѣ уничтожены, чтобы не было въ нихъ публичныхъ собраній, чтобъ не пѣли *духовныхъ вредныхъ пѣсней*; нарушителей-же того постановленія наказывать: въ первый разъ—денежными пенями, во второй—тюремнымъ заключеніемъ; въ третій—изгнаніемъ. Потомъ двадцать девять Православныхъ монастырей подали жалобу Петру о намѣреніи Поляковъ истребить совершенно Православіе, объ отнятіи монастырей на Унію, о насильственномъ бритьѣ бородъ и головъ, побояхъ безпощадныхъ и смерти Іеромонаха Варлаама. Тщетны были старанія и заступничество Государя. Побои, наѣзды, грабежи продолжались. Онъ черезъ Пословъ требовалъ удовлетворенія, — гоненіе удвоивалось.

Канцлеръ Вишневецкій выдавалъ за-мужъ двухъ дочерей своихъ. Къ нему съѣхалось множество магнатовъ и Сенаторовъ. Хозяинъ, два Замойскихъ, Потоцкій и Яблоновскій взяли полкъ Замойскаго, напали на Грекороссійскіе монастыри, ругались надъ церковными утварями, били монаховъ и священниковъ, предавались всѣмъ возможнымъ неистовствамъ. Государь, давъ знать о томъ Кардиналу Спинолѣ, въ Римъ, послалъ подробную опись всѣхъ злодѣяній Католиковъ и Уніятовъ; описывалъ какъ шляхтичъ Свяцкій далъ попу Русскому нѣсколько сотъ ударовъ кіями; какъ шляхтичъ Шафранскій, назвавъ другаго священника схизматикомъ, отрубилъ ему три пальца; какъ шляхтичъ Шнилевскій привязалъ къ четыремъ кольямъ третьяго священника и, обнаживъ его, билъ, принуждая къ Уніѣ; какъ шляхтичъ Голынскій мучилъ четвертаго, продѣвъ ему шестъ между рукъ и ногъ; какъ одного продержали въ тюрьмѣ девять мѣсяцовъ, а другаго, прицѣпя за шею веревкою къ лошади, гнали три мили; какъ Іезуиты, набѣжавъ на одинъ дѣвичій монастырь, стрѣляли, ругались и чуть не сожгли монахинь; какъ они-же съ своими студентами напали на похоронное шествіе, прибили священника до полусмерти, крестъ изрубили, народъ разсѣяли, свѣчи поломали, хоругви отняли и унесли въ свой монастырь. Ни Спинола, ни Папа Царю не дали удовлетворенія. Игуменъ Гедеонъ Шишка писалъ къ Коммиссару Рудаковскому, что ксендзъ Любенецкій, ограбивъ нашего священника, поносилъ нашу вѣру и Государя, говоря: «Царь вашъ Москаль; напрасно «ты на него надѣешься! И Коммиссаръ мнѣ бездѣлица;

1722.

Напеч. въ кн. Бант.-Кам. Объ Уніи. 237.

« я ихъ не боюсь; а тебя, схизматика, свяжу какъ ба-« рана и къ Папѣ отошлю.» Залускій приковалъ мѣщанъ Греческой вѣры къ стѣнамъ, крутилъ ихъ члены веревками, доводилъ до самоубійства. Сколинскій рубилъ и стрѣлялъ по нимъ, скидывалъ съ чернецовъ камилавки, Совѣтника Голошовскаго билъ до смерти палками; жены и дѣти несчастныхъ скитались безъ пропитанія и безъ пристанища.

Смерть Петра Великаго лишила несчастный край всякаго покровительства. Петръ II и Анна Іоанновна, послѣ Петра, Полякамъ не страшны были. Болѣе всего нападали они на церковныя процессіи, на похоронныя шествія, отнимали и трощили свѣчи и кресты, обдирали образа и Евангелія, грабили чаши, потиры, дискосы, раздирали ризы, выбрасывали изъ гробовъ тѣла покойниковъ въ болото и об-
1726—1739. ломки крестовъ на кровли Жидовскихъ избъ.

Елисавета Христолюбивая и набожная не болѣе была счастлива, стараясь объ улучшеніи судьбы Православныхъ, въ этомъ безалаберномъ правительствѣ.

Вотъ ихъ подвиги въ царствованіе Елисаветы: двѣсти Іезуитскихъ студентовъ напали на одинъ монастырь и чуть-было не умертвили всѣхъ монаховъ; одной дамѣ разбили камнемъ голову, — она умерла; одну мѣщанку высѣкли нещадно; могилу, въ которой былъ погребенъ православный, били дубьемъ, приговаривая: «Мы тебя достанемъ Жидзе, Кальвине, схизматикъ!»—Людямъ забивали подъ ногти и зажигали сѣрныя спички; отнимали скотъ, хлѣбъ и деньги; одинъ Гребницкій, подвязавъ священника подъ лошадь ногами, вышибъ у него глазъ, далъ ему полтораста плѣтей, а сыну его шестьдесятъ; на дру-

гой день снова его высѣкъ и, положивъ передъ нимъ комъ сѣна и ведро воды, приказывалъ ѣсть и пить; на третій день далъ ему еще четыреста плѣтей и отнялъ сто четырнадцать ефимковъ. Іезуиты зажигали ракетами храмы; помѣщицы то-же неистовствовали, съ отвратительнымъ въ ихъ полѣ безчеловѣчіемъ. Все это производилось ежедневно, съ ругательствами и разными приговорками.

А между тѣмъ уже гроза росла надъ ними; она шла съ юга отъ Новосербіи. Тамошній простодушный, добронравный народъ и нынѣ помнитъ эти времена. Уже готовилась страшная месть, кровавый подвигъ нашихъ отчаянныхъ наѣздниковъ. Уже они столплялись въ Новосербскомъ Черномъ лѣсу и въ Чигиринской Чутѣ.

Вступила на престолъ Екатерина Великая. Утом- 1762.
ленная длиннымъ рядомъ злодѣяній, Царица, 1764.
черезъ Кейзерлинга и Рѣпнина, потребовала немедленнаго прекращенія безумства и кровопролитій. Архіепископъ Бѣлорусскій, знаменитый Георгій Конисскій, загремѣлъ рѣчью передъ Королемъ. Сотникъ Харько заговорилъ иначе; онъ собралъ
семь-сотъ козаковъ и произвелъ сильное кровопро- 1765.
литіе за утѣсненіе вѣры. Король объявилъ свободу вѣроисповѣданія; конфедерація Барская возстала противъ Короля; Харька поймали въ Жаботинѣ;
въ конюшнѣ ему отрубили голову. 1766

Въ Смѣломъ, въ вотчинахъ Князя Любомирскаго, священники были иные закованы, иные истиранены, иные умерщвлены, домы ихъ раззорены и разграблены. Подъ Ольшаною Данило Кожевскій былъ обвернутъ пенькою, облитъ смолой и зажженъ; въ Мош-

нахъ, въ Корсунѣ священство было замучено; въ Таганчѣ православныхъ били нещадно, давая розгами по шести-сотъ и по восьми-сотъ ударовъ. Женщины, дѣвицы, дѣти были истерзаны. Польки участвовали въ мучительствахъ не менѣе мужей. Маршалекъ Пулавскій взялъ насильно въ Лысянкѣ, у Рейментаря Воронича, полкъ кавалеріи, навербовалъ шляхты, и явился въ староство Чигиринское склонять народъ къ Уніи рукою вооруженною. Полковникъ Чигиринскихъ козаковъ Квасневскій спѣшилъ унять Пулавскаго. Уніяты вышли изъ Староства; но мѣра терпѣнія народнаго преисполнилась.

Духовенство взволновалось и спѣшило въ Чигиринскій монастырь къ Архимандриту Мельхиседеку Значко-Яворскому. Этотъ поборникъ вѣры ужь былъ однажды въ рукахъ Уніятовъ; за отклоненіе народа отъ Уніи, его схватили въ Радомыслѣ и посадили въ Дерманѣ въ тюрьму, по повелѣнію Уніятскаго Митрополита Феліціана Володковича; онъ спасся бѣгствомъ. Епископъ Переяславльскій Гервасій благословилъ на возстаніе. Въ монастырѣ составили совѣтъ, послали духовное посольство на Запорожье просить помощи; питомецъ Сѣчи, монастырскій послушникъ, уроженецъ Чигиринскій, Максимъ Желѣзнякъ рѣшился защищать православіе; собралъ охотниковъ, соединился съ Запорожцами, которые гуляли въ Мотренинскомъ лѣсу и расположился въ двухъ верстахъ отъ лѣса, у оврага Холоднаго, надъ ключемъ, гдѣ шла дорога отъ мѣльницы къ монастырю черезъ лѣсъ. Они нарубили дубовъ, надѣлали рогатокъ; на другой день Желѣзнякъ явился къ Мельхиседеку, получилъ отъ него благосло-

веніе, помолился объ успѣшномъ окончаніи добраго дѣла, возвратился въ таборъ, и нашелъ тамъ разные запасы и коней. Посовѣтовавшись, рѣшились поладить съ козаками, составлявшими надворное войско Князя Яблоновскаго; у нихъ была надежда, что Квасневскій возьметъ ихъ сторону, и увѣренность въ согласіи съ ними прочихъ козацкихъ Старшинъ. Разослали гонцовъ ко всѣмъ окрестнымъ Чинамъ и Сотникамъ; Желѣзнякъ съ нѣсколькими Запорожцами поѣхалъ въ Медвѣдовку къ Квасневскому; хозяина не было дома; Полковница испугалась; Желѣзнякъ ее успокоилъ и объявилъ въ чемъ дѣло. Квасневскій, боясь и Желѣзняка и своего правительства, бѣжалъ. Желѣзнякъ занялъ мѣсто Чигиринскаго Полковника; здѣсь присоединился къ нему уроженецъ Медвѣдовскій Иванъ Усачъ. Козаки сходились; несли отовсюду запасы, оружіе, порохъ, вели лошадей. Изъ лѣсовъ Мошнинскихъ, Каневскихъ, Трахтимировскихъ, Чигиринскихъ являлись толпы гайдамаковъ. Мельхиседекъ далъ Желѣзняку универсалъ, золотыми буквами написанный, и прозванный *Золотою Грамотою*. Громада провозгласила Желѣзняка Полковникомъ. Вся ватага пришла въ монастырь въ Троицынъ день, въ храмовый праздникъ; отслужили молебенъ и пошли по дорогѣ Жаботинской. Расправа началась.

Жиды и Поляки смутились. Желѣзнякъ пришелъ въ Жаботинъ; согналъ тѣхъ и другихъ на площадь; управителя отдалъ въ руки тамошнему Сотнику Мартыну Бѣлугѣ. Этотъ водилъ его и спрашивалъ: « а що, пане Губернаторе, не одного теперъ Ляха

« голова заляже?» Жителей вырѣзали,—то была первая поминка по Харьку; она повторялась вездѣ по дорогѣ, по которой шелъ Желѣзнякъ; народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ и съ подобострастіемъ слушалъ Золотую Грамоту. Сподвижники прибавлялись ежедневно. Съ лѣваго берега Днѣпра козаки толпами спѣшили къ Желѣзняку. Иванъ Усачъ пришелъ въ Смѣлу, разорилъ за́мокъ; всѣмъ крещенымъ, то-есть не-Полякамъ и не-Жидамъ, велѣлъ выбраться изъ города, и зажегъ его со всѣхъ концовъ. Гайдамаки, ставъ кругомъ, бросали бѣгущихъ обратно въ пламень. « Три ночи зарево отражалось « на синихъ лѣсахъ; три дня солнце восходило и « заходило, въ-видѣ кроваваго круга, безъ лучей; « трое сутокъ дымъ и чадъ клубились до Днѣпра и « до Тясьминя.» Къ Усачу присталъ Смѣлянскій Сотникъ Шило; они пошли въ Богуславъ; тамъ всѣ шанцы завалили Жидами и направили путь на Звѣнигородку.

На кровавый слѣдъ Желѣзняка сбирались толпы народа; ходили по окрестнымъ селамъ и хуторамъ, опустошали, грабили, рѣзали пановъ и поссессоровъ; болѣе другихъ отличился одинъ Неживый, горшечникъ села Мельниковъ,—мѣста, гдѣ родился Желѣзнякъ.

Король не могъ защищать Жидовъ и шляхты; его занимала Барская конфедерація; было одно спасеніе для пановъ: скрываться отъ Желѣзняка въ укрѣпленныхъ городахъ; они сбѣжались въ Лисянку, въ Бѣлу-Церковь, а наиболѣе въ пространный и богатый Умань. Это Желѣзняка радовало; онъ увѣренъ былъ тремя замахами истребить все пле-

мя гонителей. Умань былъ силенъ, могъ дать отпоръ, но силу его составляли козаки; Желѣзнякъ надѣялся, что паны погибнутъ отъ собственнаго оружія. Уманскій козакъ Дзюма перебѣжалъ къ Желѣзняку и объявилъ, что «изъ Уманя не втече навитѣ и духъ Ляцкій.» Желѣзнякъ готовился туда идти; а на Лисянку и на Бѣлу-Церковь отправилъ два отряда, съ повелѣніемъ рѣзать Поляковъ и Жидовъ, но беречь Православныхъ.

Лисянка принадлежала Яблоновскому; въ ней и нынѣ находится каменный четвероугольный за́мокъ на крутомъ возвышеніи надъ Гнилымъ Такичемъ; въ то время по угламъ за́мка были башни, вооруженныя гаковницами или висячими пушками; онъ былъ обведенъ высокимъ палисадомъ; въ немъ гарнизонъ былъ значителенъ и военнаго припасу много. Въ ту пору главноуправляющій Князя, Кучевскій, пріѣхалъ осмотрѣть волость Лисянскую,—тогда въ ней было до тридцати тысячь душъ. Шляхта и Жиды бросились къ нему подъ защиту. Золотая Грамота заставила гарнизонъ отпереть ворота. Шляхту и Жидовъ перерѣзали; на Кучевскомъ ѣздили верхомъ и потомъ подняли его на копья; разграбили Княжескую казну, и въ подвалы влѣзши, цѣлую ночь пили меды и вины. Наконецъ повѣсили на костелѣ: Жида, ксендза и собаку—рядомъ.

Бѣлая-Церковь спаслась. Ея за́мокъ былъ сильно укрѣпленъ; стоя надъ Росью и будучи выше прочихъ домовъ, онъ встрѣтилъ отрядъ сильною пальбою; ядра, еще за городомъ, повалили нѣсколько козаковъ. Сберегая себя для Уманя, они отступили,

Средоточіе Украинскихъ владѣній Графа Потоцкаго, Уманьская волость простиралась на сто пятьдесятъ верстъ; городъ былъ одинъ изъ лучшихъ городовъ западной Украйны. Греки, Армяне, Жиды въ немъ вели богатую торговлю; шестьдесятъ поссессоровъ имѣли волость на откупу и жили почти всегда въ городѣ. Базиліяне основали, на Графскій счетъ, училище, гдѣ было до четырехъ-сотъ учениковъ. Коммиссаръ, то есть начальникъ города, жилъ въ экономическомъ домѣ, съ башнями, съ частоколомъ, съ бастіонами; вокругъ города былъ высокій дубовый палисадъ; двѣ башни съ пушками стояли по бокамъ воротъ; ихъ охраняла Графская пѣхота. Подъ Уманемъ была особая слобода Уманьскихъ козаковъ; увольненные отъ податей, имѣя значительныя угодья, получая отъ Графа одежду и оружіе, они любили своего Пана; ихъ было двѣ тысячи шесть-сотъ; триста изъ нихъ ходили поочередно въ Кристинополь, гдѣ жилъ тогда Графъ; цѣлый полкъ собирался, кромѣ военнаго времени, одинъ разъ въ годъ, на Троицынъ день, для смотра. Желтый жупанъ, голубые шалвары и кунтушъ, желтая шапка съ чорнымъ смушковымъ околышемъ,—таковъ былъ ихъ мундиръ. Вооружась по-козацки, они выѣзжали на коняхъ къ Грекову лѣсу, становились по сотнямъ; при церковномъ молебствіи, при звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавровъ, выносили изъ города знамена, бунчуки и прапоры. Окончивъ смотръ, Графскій коммиссаръ давалъ имъ пиръ. Подъ ихъ-то защиту собрались Жиды и шляхта; ихъ натолпилось столько, что не могли помѣститься въ городѣ; стали таборомъ у Грекова и отдали

свои пожитки Коммиссару Младановичу и Ректору Базиліянъ Ираклію Костецкому подъ сохраненіе.

Младановичъ собралъ полкъ, и, лаская козаковъ новыми Графскими милостями, приказалъ идти къ Желѣзняку на-встрѣчу; въ церкви Св. Николая козаки присягнули, и пошли по Звенигородской дорогѣ; ихъ Полковникъ, шляхтичъ Обухъ, въ полку ничего не значилъ; главнымъ лицемъ былъ, изъ крестьянскихъ дѣтей, храбрый, умный, красивый и краснорѣчивый Сотникъ Иванъ Гонта, уроженецъ деревни Росошки, которую потомъ Графъ далъ ему во владѣніе, вмѣстѣ съ другою деревнею Орадовкою. Графъ Гонту любилъ; и Гонта былъ ему преданъ. Перейдя за предѣлы Уманьщины, Гонта сталъ таборомъ въ степи, и рѣшился ждать Желѣзняка. Къ концу третьей недѣли пріѣхали Смѣлянцы уговаривать его стать *одностайне* за вѣру и Украйну; онъ отвѣчалъ, что не подниметъ рукъ на своего Пана-батька.

Вдругъ въ Уманѣ заговорили, что Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Кто обнародовалъ клевету, неизвѣстно; но самоуправство шляхты въ магнатскихъ владѣніяхъ было, въ небольшомъ размѣрѣ, то-же что самоуправство магнатовъ въ Королевствѣ. Поссессоры упросили Младановича вызвать Гонту и отрубить ему голову, съ помощію Магдебургіи. Младановичъ послалъ гонца съ требованіемъ, чтобъ Сотники явились для совѣщаній; всѣ три Сотника и Атаманы прискакали въ Умань. Тогда Коммиссаръ, сопровождаемый ксендзами и панами, вышелъ на площадь и всенародно сказалъ: Пане Гонта! доносятъ мнѣ, что ты ведешь переговоры съ Желѣзня-

комъ; я не хочу этому вѣрить, и проч. Гонта до слезъ былъ огорченъ, тѣмъ болѣе что громогласно произнесенныя эти слова опозоривали его честь. Ксендзы привели его къ новой присягѣ; онъ выѣхалъ изъ Уманя. На дорогѣ онъ узналъ, что паны покушались на его жизнь, что есть письмо къ нему отъ Графа, и что оно утаено Младановичемъ; онъ разсвирѣпѣлъ и рѣшился, во чтобы ни стало, отомстить. Пріѣзжаетъ въ таборъ—ему подаютъ письмо отъ Желѣзняка, который, указывая на готовность пановъ къ предательству, умоляетъ его стать за вѣру и родину и сулитъ Уманское Княжество. Узнавъ, что паны хотѣли казнить Сотника, козаки рѣшили, что весь полкъ оскорбленъ и объявили Гонтѣ, что не пойдутъ съ нимъ никуда, кромѣ на Умань. Гонта сказалъ, что исполнитъ волю товарищей, принялъ чинъ Уманьскаго Полковника, Обуху далъ средство бѣжать за границу, и отправилъ къ Желѣзняку обѣщаніе быть съ нимъ за-одно и ждать его подъ Уманемъ.

Паны были въ тревогѣ. Извѣстій въ Умань изъ полка не было. Одни совѣтовали отправить въ Таращу женъ и дѣтей; другіе противорѣчили. Страхъ овладѣлъ умами. Землемѣръ Шафранскій, нѣкогда служившій подъ знаменами Фридриха Великаго, взялся укрѣпить городъ и таборъ. Въ таборѣ было до шести тысячь душъ; это число съ каждымъ днемъ увеличивалось; гарнизонъ былъ не великъ: всего шестьдесятъ человѣкъ. Для защиты стѣны нарядили Жидовъ. Шафранскій взлѣзъ на башню и наблюдалъ окрестности. Черезъ три дни появился Уманской полкъ; рѣшили, что Желѣзнякъ разбитъ, и что Гонта

возвращается. Но Гонта подошелъ къ Грекову и сталъ готовиться къ битвѣ. Надежда еще разъ обманула пановъ: они думали, что Гонта готовится къ битвѣ съ Желѣзнякомъ. Вскорѣ пыль поднялась на пространствѣ необозримомъ по Звѣнигородской дорогѣ; открылась страшная пестрая громада народа коннаго и пѣшаго. Передовый конецъ поравнялся съ Грековымъ и остановился. Изъ толпы выѣхалъ всадникъ; изъ полка выѣхалъ Гонта; они съѣхались; другъ другу подали руку.

Костецкій зазвонилъ во всѣ колокола, и пошелъ крестнымъ ходомъ по городу. Въ костелахъ и въ синагогахъ молились; Шафранскій строилъ въ боевой порядокъ гарнизонъ. Жиды становились по стѣнамъ городскимъ. Вдругъ пятьдесятъ арестантовъ вырвалось изъ тюрьмы, перескочили черезъ частоколы и ушли къ Гонтѣ, а съ ними и козаки служившіе при экономіи.

Толпа Желѣзняка и полкъ Гонты двинулись къ табору, положили его на мѣстѣ и облегли городъ. Козаки приступили къ воротамъ. Гайдамаки рубили и подкапывали палисадникъ. Ихъ отражали картечью. Жиды стрѣляли безпрестанно; козаки отстрѣливались. Костецкій нѣсколько разъ обошелъ городъ съ процессіей. Осада длилась. Въ Уманѣ не стало воды. Осажденные пили медъ, вина и наливку. Послѣ тридцати-часовой пальбы не стало и пороху. Желѣзнякъ и Гонта вступили въ городъ. По домамъ и по улицамъ полилась кровь. Гонтѣ подали письмо Потоцкаго. Онъ прочиталъ, подъѣхалъ къ костелу. и сказалъ: «берите Коммиссара и всю его родню.»—Рятуй насъ, Пане Яремо!—закричалъ

Младановичъ одному Сотнику.— Нехай васъ Богъ рятуе, а я васъ теперь не обороню,—жалобно отвѣчалъ Ярема.—«Измѣнникъ! предатель, ты виною этой крови! за чѣмъ ты мнѣ этого письма не отдалъ? Что тебѣ отъ этого прибыло?»—сказалъ Гонта Младановичу и разрубилъ ему саблею голову. Шафранскаго убили въ башнѣ. Костецкаго вытащили изъ Базиліянской церкви и подняли на копья. Его учениками завалили колодезь, надъ которымъ послѣ поставлена была Ратуша. Въ Жидовской школѣ вырѣзали три тысячи Жидовъ. Всѣхъ Жидовъ и шляхты было истреблено въ одинъ день до восьмнадцати тысячь. Этотъ день извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ *Уманьская рѣзня* (Rzeź Humańska); только тотъ и уцѣлѣлъ, кто рѣшился принять Грекороссійскую вѣру. Крестилъ старый Священникъ церкви Св. Михаила; воспріемниками были козаки. Гонта былъ крестнымъ отцомъ дѣтей Младановича. Множество Жидовокъ и шляхтянокъ вышли за-мужъ за козаковъ.

Желѣзнякъ сталъ обозомъ подъ Уманемъ, и здѣсь назначилъ свою главную квартиру. Съ утра до ночи раздавались пированія, козацкія пѣсни, громъ пушекъ, ружейная пальба. Желѣзнякъ объявленъ Гетманомъ Украинскимъ, Княземъ Смѣлянскимъ, Батькомъ Козацкимъ;—Гонта Полковникомъ и Княземъ Уманскимъ;—Сотникъ Пантелеймонъ Власенко Правителемъ и Казначеемъ Уманьщины. Но Гонта грустилъ: «Наварылы мы доброи варенои, Паны братья, да якъ-то вона выпьется!» — Желѣзнякъ разсылалъ отряды, къ которымъ на каждомъ шагу прибывалъ народъ. Грановo, Монастырище, Теплинъ, Дашево, Тульчинъ, Гайсинъ, Басовка, Жидячинъ, Ладыжинъ

были разграблены; фольварки, корчмы, панскіе домы были выжжены. Жиды гибли болѣе другихъ. Козаки умѣли ихъ вездѣ отыскать. Однажды, идучи лѣсомъ, отрядъ Гайдамацкій увидѣлъ монаховъ, сидящихъ подъ деревомъ. Гайдамаки поклонились и спросили: куда Богъ несетъ? «Изъ Поцаева до Кіева,» отвѣчали чернецы. — Что-жь вы тутъ дѣлаете?—«*Сидаемъ*, да за Хмильныцького Бога *прохаемъ*.» Отъ яки-жь вы добры ченьци!—сказали гайдамаки: идить-же Бога прохать за Пана Желѣзняка, а мы вамъ и дорогу покажемъ на той свитъ.—И всѣхъ на одномъ деревѣ перевѣшали.

Даже за границею не всегда Жиды и шляхта находили спасеніе. Сотникъ Шило пришелъ въ Балту и увидѣлъ, что нѣкоторые прятались въ Турецкой части города. Онъ потребовалъ ихъ выдачи. Турки отказали; тогда онъ пошелъ силою, вырѣзалъ бѣглецовъ, а вмѣстѣ съ ними и частицу Турковъ.

Дѣтей однако-жь козаки миловали: во время взятія Смѣлаго, одинъ куренный спасъ дочь управителя Вильнера. Послѣ Поляки хотѣли его казнить. Дѣти Младановича Вероника и Павелъ были также спасены старикомъ осадничимъ села Оситной.

Въ это время, какъ я сказалъ уже, усмиряли Барскую конфедерацію; отрядить значительнаго войска противъ Желѣзняка было невозможно; отправили, съ весьма небольшимъ отрядомъ, Рейментаря Іосифа Стемпковскаго и Субалтерна его Якова Комаровскаго. Императрица прислала къ нимъ на помощь Полковника Кречетникова съ большимъ полкомъ конницы и съ тысячью Донцовъ.

Кречетниковъ пошелъ къ Уманю; и засталъ, что козаки, въ таборѣ, разбираютъ серебряную и мѣдную монету и сыплютъ по сортамъ въ пустыя горѣлочныя бочки; груды денегъ и всякаго добра валялись вокругъ. Ясно было, что одному полку съ ними не совладать. Онъ объявилъ, что идетъ въ Бердичевъ противъ конфедератовъ и сталъ ждать Донцовъ. Черезъ двѣнадцать дней ночью схватили Гонту съ двумя тысячами товарищей; остальная часть табора разбѣжалась. Стемпковскій хотѣлъ-было немедленно казнить Гонту; но у него было только четыреста человѣкъ въ отрядѣ; опасно было оставаться лишній день; и такъ онъ пошелъ къ Могилеву на Днѣстрѣ, а Кречетниковъ къ Бердичеву.

Казни начались. Стемпковскій остановился недалеко отъ Могилева, въ селѣ Сербовѣ. Перваго казнили Гонту. Палачъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сдиралъ полосами съ него кожу до пояса; отрубливалъ то руку, то ногу; наконецъ облупилъ ему голову, натеръ кожу солью и снова на черепъ натянулъ. Его товарищей развозили по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, до самаго Львова. Вѣшали, рубили головы, отрубливали на-крестъ руку и ногу, залѣчивали и пускали на страхъ народу. Инымъ увязывали руки вверхъ, обматывали соломою въ смолѣ, зажигали и водили по улицамъ. Въ Лисянкѣ Стемпковскій безъ розыска повѣсилъ шесть-сотъ человѣкъ; на память чего у Лисянскихъ дѣвицъ вошло въ обычай вплетать въ косы черную ленту между разноцвѣтными. Такія казни и мучительства у Поляковъ не были новы. Украинцы упрямо и равнодушно смотрѣли на нихъ и надѣялись запла-

тить сторицею. Въ Луцкѣ одного козака подвели къ висѣлицѣ.—«Постойте! Передъ смертію я вамъ открою важное дѣло!» Палачу приказали снять веревку;—ну, что ты скажешь?—«А вотъ что: не «велите меня очень высоко вѣшать; такъ вамъ-же «легче будетъ меня цѣловать....»—Полковникъ Чорба поймалъ Неживаго возлѣ Галагановки, близъ Чигирина. Бондаренкова ватага была переловлена Сотникомъ Проскуринскимъ въ Макаровѣ. Мотренинская обитель была опустошена и разграблена. Нѣсколько монаховъ убито. Изъ иныхъ деревень брали десятаго; виновныхъ и подозрѣваемыхъ привозили въ Житомиръ въ Судную Коммиссію. Лабецкій, Виверскій, Почентовскій, Дубравскій были Судьями. Осужденныхъ прежде мучили земляною работою, потомъ привозили въ мѣстечко Кодню; клали ихъ на колоду надъ глубокою ямою, рубили имъ головы; когда-же яма наполнялась, остальные осужденные засыпáли и рыли новую для себя. На трехъ висѣлицахъ было повѣшено около двухъсотъ козаковъ. На западномъ углу Кодни, въ пятидесяти шагахъ отъ крѣпостнаго вала, засыпано сто 1769. Сент. 11 и 12.
четырнадцать обезглавленныхъ. Смерть Желѣзняка не извѣстна. Иванъ Усачъ совѣтывалъ не идти противъ войскъ Бѣлой Царицы. Ватага его не послушала; онъ найденъ былъ мертвымъ въ лодкѣ, плывшей по Тясмину.

Но частная рѣзня не скоро унялась. Запорожцы каждое лѣто отправлялись въ Чигиринскіе лѣса, въ Уманщину, истребляли людей и скотъ; заѣзжали въ Новосербскія деревни щеголять удальствомъ передъ дѣвушками; потомъ возвращались въ Сѣчь и про-

гуливали все награбленное. Чернь думала, что у Жидовъ родятся дѣти слѣпые, какъ щенки; что они крадутъ дѣтей Христіанскихъ, качаютъ ихъ въ бочкахъ, набитыхъ гвоздями, и добытою кровью мажутъ глаза своимъ Жиденятамъ. Это повѣрье еще болѣе губило ихъ. Лѣса освѣщались Полячками и Жидовками, обмотанными осмоленною соломою; музыка гремѣла; Поляки танцовали мазурку въ сапогахъ, набитыхъ гвоздями; на пикахъ взлетали младенцы въ тактъ. «Теперь въ Черномъ лѣсу все «мертво и только виднѣются кой-гдѣ разбросанные «черепы замученныхъ Жидовъ, наполненные много«численными роями шмелей и осъ.» Эти времена назывались Коліивщиною и Паливщиною, судя по роду казней. Первое названіе принадлежало мечу, второе—огню. И въ тѣхъ мѣстахъ не только сохранились преданія, украшенныя суевѣріями, но есть еще и теперь живые свидѣтели тѣхъ ужасовъ.

Въ это время Запорожцы потребовали отъ Императрицы всѣхъ земель, даже занятыхъ селеніями въ Новороссійской губерніи.

Начали присвоивать земли, пріобрѣтенныя Государынею отъ Порты.

Стали противиться обмежеванію границъ Государства.

Завели рукою вооруженною зимовники въ Новороссійской губерніи.

Увели изъ полковъ поселенныхъ—Гусарскаго и Пикинерскаго—до восьми тысячь душъ.

На нѣсколько сотъ тысячь ограбили въ разныя времена жителей Новороссійскихъ.

Государыня приказала имъ прислать Депутатовъ, для представленія о своихъ правахъ; они не отвѣчали.

Овладѣли новопріобрѣтенною землею между Днѣпромъ и Бугомъ.

Подчинили себѣ вооруженною рукою жителей Молдавскаго гусарскаго полка.

Приманили до пятидесяти тысячь обоего пола душъ, чтобъ завесть у себя хлѣбопашество.

Эти поступки, вмѣстѣ съ разбоями въ странахъ окрестныхъ, были нестерпимы въ Государствѣ благоустроенномъ; Императрица прислала Генералъ-Поручика Текелли, который занялъ Сѣчь, Іюня 4, 1775.
безъ бою и безъ сопротивленія. Августа 3-го данъ былъ Манифестъ объ истребленіи Запорожской Сѣчи. Козакамъ отдали Тамань и назвали ихъ Черноморцами.

Наступилъ 1793 годъ, и въ концѣ его вторый раздѣлъ Польши; Россія пріобрѣла 4,553 квадратныхъ мили, 410 городовъ и мѣстечекъ, 10,081 село и 3,011,688 жителей. Вся Подольская область, половина Волыни и десять уѣздовъ Кіевскихъ достались на нашъ удѣлъ. Обѣ Украйны и Сѣча Запорожская опять слились во-едино, но уже не подъ скипетромъ Сигизмунда. Такъ кончилась отдѣльная жизнь Малороссіи.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.